

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ
СТРАТЕГИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

The Ministry of Education and Science of Russian Federation
Saratov State University

OUTLOOK-FORMING AND BEHAVIORAL STRATEGIES FOR THE SOCIALIZATION OF YOUTH IN GLOBALIZED WORLD

The collection of materials
of the international scientifically and practical conference

Saratov, October, 4th – October, 15th, 2010

Edited by professor *V.N. Belov*

Saratov
Saratov University Press
2010

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное учреждение высшего профессионального образования
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Сборник трудов
Международной научно-практической конференции

Саратов, 4–15 октября 2010 г.

Под редакцией профессора *В.Н. Белова*

Саратов
Издательство Саратовского университета
2010

УДК [1:316.346.32] (100) (082)
ББК 87.6 (О)я43
М64

Редакционная коллегия:

В.Н. Белов (председатель), д-р филос. наук, *М.О. Орлов* (сопредседатель), д-р филос. наук,
В.П. Рожков, д-р филос. наук, *О.Ф. Филимонова*, д-р филос. наук, *Е.И. Беляев*, д-р филос. наук,
Е.В. Листвина, д-р филос. наук, *С.А. Данилов*, канд. филос. наук, *А.В. Иванов*, канд. филос. наук,
Д.А. Аникин, канд. филос. наук, *Е.Н. Медведева*, канд. филос. наук

Мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации молодежи в глобальном мире:
М64 Сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. проф. В.Н. Белова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та,
2010. – 400 с.: ил.
ISBN 978-5-292-04011-8

Сборник трудов Международной научно-практической конференции «Мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации молодежи в глобальном мире» представляет научные работы ученых и практиков из различных регионов России, а также Беларуси, Украины, Казахстана, Узбекистана, Румынии, Словакии. Конференция приурочена к празднованию Международного года молодежи, объявленного Генеральной ассамблеей ООН в 2010 году.

Публикации сборника посвящены актуальным проблемам молодежи в новом тысячелетии: стратегиям ценностного самоопределения и моделям жизненного пути современного поколения, вопросам организации труда и занятости молодежи, исследованию коммуникативных практик, межкультурного диалога и молодежных субкультур, вопросам молодой семьи и межпоколенных взаимодействий в современном мире, актуальным проблемам педагогики и социальной работы с молодежью, проблемам молодежной девиантологии, государственной молодежной политики и участию молодежи в политических процессах современности.

Вопросы социализации молодежи рассматриваются в тесной взаимосвязи с проблематикой диалога и взаимопонимания поколений, которую ООН обозначила в качестве приоритетного направления молодежных исследований в условиях глобального социума XXI века.

Proceedings of the International scientific-practical conference "Outlook-forming and Behavioral Strategies for the Socialization of Youth in Globalized World " (Saratov, October, 4th - October, 15th , 2010) brings together the scientific work of scientists and practitioners from different regions of Russia and Belarus, Ukraine, Kazakhstan, Uzbekistan, Romania and Slovakia. The conference is timed to celebrate the International Youth Year, announced by the UN General Assembly in 2010.

Publications of a collection devoted to urgent problems of youth in the new millennium: the strategies of value self-determination and models of the life way of the current generation, the questions of organization of labor and youth employment, the study of communicative practices, the intercultural dialogue and youth subcultures, the questions of a young family and intergenerational interaction in the modern world, current issues of pedagogy and social work with young people, the issues of youth deviantology, state youth policy and youth participation in political processes of modernity. Issues of socialization of young people are considered in close connection with the themes of dialogue and understanding of generations that the UN has identified as a priority for youth research in a global society of the XXI century.

*Издание осуществлено в рамках проекта
«Конструктивные и деструктивные формы социализации молодежи»
Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592)*

УДК [1:316.346.32] (100) (082)
ББК 87.6 (О)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
I. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	
<i>Машихина Т.П.</i> Современная молодежь России как особая группа в обществе	13
<i>Золотухин С.А.</i> Студенческая молодежь как вероятная группа риска современного меняющегося общества	15
<i>Абалтусова Л.А.</i> Социальные функции высшей профессиональной школы и их роли в социальной дифференциации студентов	17
<i>Шклярник В.Г.</i> Неопределенность и социальное развитие молодежи	19
<i>Железнякова С.И.</i> Особенности социального портрета молодежи индустриального города	21
II. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ	
<i>Филимонова О.Ф.</i> Молодежь, образование, интеллектуализация труда	27
<i>Палховская Е.Б.</i> Образование как фактор развития личностного и профессионального потенциала молодежи	32
<i>Дагаева Е.А.</i> Культура делового общения как фактор формирования имиджа выпускника вуза на рынке труда	34
<i>Дудина И.А.</i> Организационная коммуникация как среда социализации молодежи	37
<i>Пескова Д.Р.</i> Молодежь на рынке труда как фактор нарушения коммерческой тайны	41
<i>Крумлик С.Ю.</i> Здоровье работника как определяющий фактор его способности к труду	44
<i>Гришечкина Н.В.</i> Молодежь и интернет-медицина: перспективы и риски взаимодействия	47
<i>Курочкина Е.Н.</i> Особенности формирования этико-правовой культуры студентов-медиков	49
<i>Кулакова М.В., Власова Е.Н.</i> Динамика адаптации военных срочной службы в зависимости от их личностных характеристик	51
<i>Антонова Т.А.</i> Проблемы социальной адаптации научной молодежи Беларуси в современных условиях	53
<i>Гаранина Ж.Г.</i> Проблема профессионального и личностного самоопределения студенческой молодежи	55
III. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И МОДЕЛИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ СОВРЕМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ	
<i>Черкасова Ю.Ю.</i> Ценности современной молодежи	58
<i>Константинова Е.В.</i> Жизненные стратегии современных студентов: опыт эмпирического исследования	59
<i>Михайличенко Д.Г.</i> Противодействие молодежи репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой	63
<i>Чечулина С.Н.</i> Проблематика исследования социального становления личности	66
<i>Полежаев Д.В.</i> Ментальные установки личности: молодежный контекст становления	69
<i>Цымбалюк И.Н.</i> Переменная реальность и сложности социальной личностной самоидентификации	73
<i>Лашук И.В.</i> Социокультурные характеристики современной белорусской молодежи	77
<i>Шушунцова Т.Н.</i> Основные тенденции формирования самосохранительного поведения белорусского студенчества	81
<i>Гилевская Л.П.</i> Социологический анализ социальных настроений молодежи Беларуси: гендерные, региональные, возрастные, территориальные, статусные особенности	85
<i>Кузьменко Т.В.</i> Социальное самочувствие сельской молодежи: социологический анализ	89
<i>Ефимович Е.В.</i> Проблемы ценностной ориентации молодежи и ее роль в формировании социальных институтов	91
<i>Фахрутдинова Э.Р.</i> Конфуцианство как модель жизненного пути современного молодого поколения в глобальном мире	94
IV. ТОЛЕРАНТНОСТЬ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ	
<i>Папченко Е.В.</i> Формирование толерантности как необходимый фактор становления молодежи в глобальном мире	97
<i>Непочатых Е.П.</i> Этническая социализация и межкультурная адаптация в молодежной среде (на примере г. Курска)	98
<i>Серикив А.В.</i> Тенденции идентичности молодежи Ростовской области: анализ результатов социологического исследования	101

<i>Кузнецова Р.Х.</i> Основные тенденции и проблемы становления молодежи в глобальном мире: формирование этнокультурной мобильной личности	105
<i>Охотина Н.М.</i> Роль традиционной культуры в социализации молодежи в полиэтническом регионе	108
<i>Батарчук Д.С.</i> Формирование толерантных установок учащейся молодежи в условиях этнической диверсификации общества	111
<i>Зарайченко В.Е.</i> Культура межнационального общения как фактор социализации студенческой молодежи	115
<i>Павлова С.В.</i> Влияние информационной культуры на социализацию молодежи в современной России	118
<i>Кутырева И.В.</i> Коммуникативные практики и межкультурный диалог как среда, социализации в современном обществе	121
<i>Семенов Д.В.</i> Межкультурный диалог в информационно-сетевом пространстве (на примере реализации совместного курса дистанционного обучения между студентами РНУ (ФРГ) и НГЛУ (Россия))	124
<i>Соколова Д.М.</i> Интернет как альтернативная социальность: проблемы сетевой социализации молодежи	126
<i>Халиуллина М.С.</i> Молодежные самостоятельные СМИ в интернет-пространстве	128
<i>Хуыз И.П.</i> Социализация в условиях глобализации: феномен светской беседы	130
<i>Яковлев Л.С.</i> Универсализация культурной социализации и виртуальные идентичности	133
<i>Аникин Д.А.</i> Религиозная социализация молодежи в современной России: историческая память и новые тенденции	138
<i>Пучков А.С.</i> Религиозная идентичность как фактор социализации молодежи	142
<i>Махнин А.Н.</i> Российская гражданская идентичность как фактор социализации молодежи в современном мире	145

V. МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА ДЛЯ МОЛОДЫХ

<i>Левикова С.И.</i> О молодежи, ее социализации и неформальной молодежной субкультуре	148
<i>Баева Л.В.</i> Молодежные движения как фактор динамики общества	152
<i>Ковинова И.В.</i> Стратегии преодоления проблем социализации молодежи субкультурами	155
<i>Яковлева И.П., Миронец Е.В.</i> Особенности и проблемы организации досуга студенческой молодежи (на примере студентов вузов г. Краснодара)	158
<i>Кобцева М.А.</i> Система ценностей молодежи и ее влияние на предпочтения в сфере досуга	160
<i>Плотникова Е.В.</i> Способы быть молодым	162

VI. МОЛОДЕЖЬ, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Morcan O.A., Van E.</i> Negative effects on children in case of divorce in Romanian system Le DiVorce	166
<i>Сажина Л.В.</i> Динамика семейных ценностей современной российской студенческой молодежи	170
<i>Ростова А.В.</i> Семья глазами тольяттинских студентов	172
<i>Попова Л.В.</i> Влияние социальной среды на представления молодежи о полоролевой дифференциации в семье	174
<i>Демидова А.В.</i> Молодая семья: особенности функционирования и развития	178
<i>Фролова С.М.</i> Изменение взглядов на повседневность семейных отношений в молодежной среде	179
<i>Толстокурова А.В., Риндик А.М.</i> Молодежь транснациональных семей Украины: ценностные ориентации и выбор моделей жизненного пути	181
<i>Горбачева Н.Б.</i> Влияние межпоколенной коммуникации на перспективы молодежи создания своей семьи	185
<i>Грицай Л.А.</i> Родительские установки современной российской молодежи	189
<i>Мантимова А.В.</i> Особенности семейной системы молодежи в зависимости от степени удовлетворенности браком	193
<i>Гайдукова Е. А.</i> Субъективная оценка притязаний в брачных отношениях современных молодых женщин	198
<i>Киселева Е.Ю.</i> Влияние эмоционального контакта родителей на индивидуально-психологические особенности личности подростка	201
<i>Снегирёва М.В.</i> Социально-исторический диалог поколений: проблема слышимости	203

VII. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

<i>Капустина З.Я.</i> К проблеме ценностного самоопределения молодежи	207
<i>Веселова В.С.</i> Образованность человека XXI века	210
<i>Орлов М.И.</i> Образование и социализация молодежи в обществе знаний	214
<i>Гончарова О.А., Лисина А.С.</i> Особенности процесса социализации студентов в современной высшей школе	217
<i>Темникова И.С.</i> Адаптация студентов как одно из условий успешной социализации личности в вузе	220
<i>Исанбаева С.Д.</i> Взаимосвязь иррациональности в институте образования и социализации молодежи	222
<i>Вучева В.В., Левченко Е.С.</i> Применение игровых технологий в процессе социальной адаптации студентов в вузе	224
<i>Тимченко Н.С., Харченко Е.В.</i> Социально-педагогические особенности профессиональной социализации нового поколения врачей	226
<i>Ермолаева Е.В.</i> Этико-социальные детерминанты профессиональной идентичности студента-медика	229
<i>Деревянко О.И.</i> Социально-психологическое становление современной студенческой молодежи	232
<i>Каминская О.В.</i> Влияние самооценки на адаптацию студенческой молодежи в малой группе	234
<i>Горбунова М.Ю.</i> Социализация эмоций современной молодежи: постановка проблемы	237
<i>Сапегин К.В.</i> Системные проблемы социализации обучающегося	241
<i>Бугров А.С.</i> Социально-культурные проблемы формирования нравственно-экологического сознания школьников	244
<i>Почтарева Е.Ю.</i> Социокультурная компетентность педагога как фактор развития личности детей школьного возраста	247
<i>Гуцица Т.Н.</i> Становление субъектности старшеклассника в условиях интеграции дополнительного и основного общего образования: модельное представление	250

<i>Хазанов И.Я.</i> Ценностное самоопределение будущих педагогов в учреждении профессионального образования	254
<i>Герасимова И.Л., Новоселова Л.А., Полякова О.В.</i> Инновационная технология социализации молодежи	257
<i>Шелемехова М.С., Шерстнева Т.К.</i> Научно-образовательный центр как механизм социализации молодежи в педагогическом сообществе	261

VIII. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

<i>Шевчук Н.Ф.</i> Международный опыт внедрения стандартов качества социальных услуг для молодежи, как объекта социальной работы	265
<i>Вандышева Л.В.</i> Образы молодежи в представлениях будущих специалистов социальной работы: визуальный анализ	268
<i>Михеева Н.Н.</i> Благотворительность в процессе социализации молодежи	271
<i>Науменко Н.В.</i> Информационное обеспечение социально-правовой защиты молодых семей в Санкт-Петербурге	274
<i>Соловьева С. В.</i> Психолого-педагогические аспекты гендерной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья	277
<i>Степанова О.А.</i> Условия социализации молодежи с ограниченными возможностями здоровья на этапе профессиональной подготовки	280
<i>Рогачева Ю.Б.</i> Социальная реклама как способ ценностного самоопределения молодежи в профессиональной подготовке социальных педагогов	284
<i>Дрожжина Е. Е.</i> Социально значимая деятельность студентов как стратегический вектор социализации молодежи	286
<i>Филипова А.Г.</i> Функция социальной защиты в деятельности детских и молодежных общественных организаций (на примере Хабаровского края)	290
<i>Вартамян К.О., Миронова Е.А.</i> Формирование культуры здоровья в современном обществе	294
<i>Петров В.Е.</i> Экзистенциальные горизонты современного молодежного туризма	296

IX. ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

<i>Morcan O.A., Van E.</i> Causes and effects regarding the juvenile delinquency. Intervention project Arad. Delinquency Service	300
<i>Абдрахманов Д.М.</i> Духовный кризис и социальные отклонения в современном обществе	305
<i>Карпицкий Н.Н., Долотова А.А.</i> Побег из общества молодого человека: социальные и культурные причины	307
<i>Берегова И.Л.</i> Исследование проблемы употребления алкоголя подростками	310
<i>Куконков П.И.</i> Конфликтогенность социализации студенческой молодежи: динамика, тенденции, факторы	313
<i>Тарасов В.С.</i> Проблемы предупреждения и борьбы с девиантным поведением и другими антиобщественными явлениями среди молодежи в Беларуси	318
<i>Иванов А.В.</i> Феноменология делинквентной социализации молодежи и криминальная субкультура	322
<i>Бессчетнова О. В.</i> Вступление в экстремистские группы как фактор нарушения процесса социализации молодежи	328
<i>Яковлев А.Ю.</i> Проблемы роста религиозного радикализма в молодежной среде (на примере Джамму и Кашмира)	331
<i>Лукашова О.Г.</i> Ценностно-нормативные деформации сознания белорусской молодежи как детерминанты девиантного поведения	333
<i>Рыбчак С.В.</i> Социальная интеграция молодежи в современном белорусском обществе	336
<i>Хатулев В.В.</i> Социологический анализ эффективности «комендантского часа» для молодежи	339
<i>Трафимчик Ж.И.</i> Структурно-содержательные характеристики Я-концепции молодых людей на этапе юношеского возраста в фокусе современного компьютеризированного общества	342

X. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Štefančík R.</i> Die Rolle der politischen Jugendverbände im Prozess der politischen Sozialisation	347
<i>Грошева И.А., Грошев И.Л., Грошева Л.И.</i> Дилемма государственной молодежной политики в России	350
<i>Глухова М.Ф.</i> Молодежная политика в сравнительной перспективе: концептуальные особенности и условия развития	353
<i>Данилов С.А.</i> Риски политической социализации молодежи	357
<i>Козина Е.С.</i> Современные реалии и перспективы государственной молодежной политики в России	360
<i>Бабосова Е.С.</i> Особенности политической адаптации молодежи	364
<i>Хамутовская С.В.</i> Законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь о сущности и принципах государственной молодежной политики: сравнительный анализ	367
<i>Мухамедова З.М.</i> Концептуальные особенности и принципы формирования государственной молодежной политики в Республике Узбекистан	370
<i>Фадеев Д.В.</i> Политическая социализация современной молодежи: виды, направления, тенденции	372
<i>Орлов М.О.</i> Дискурсивное управление как стратегия конструктивной социализации	374
<i>Штраус В.А., Хребтан Л.В.</i> Молодежное правительво г. Владимира как форма политической социализации молодежи	380
<i>Кострикин А.В.</i> Повышение социальной активности молодежи и деятельность молодежных общественных объединений	382
<i>Шагова К.И., Поливаева Н.П.</i> Добровольческие организации в России: состояние и перспективы развития	384
<i>Гайкин В.А.</i> Корейские студенты в Японии и Первоапрельское движение 1919 г. в Корею	387
<i>Толмачева М.С.</i> «Абсурд» в политике и его восприятие молодежью	391
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	394

CONTENTS

Introduction	11
I. MAIN TRENDS AND PROBLEMS OF BECOMING OF YOUTH IN GLOBAL WORLD	
<i>Maschihina T.P.</i> Modern youth of Russia as special group in a society	13
<i>Zolotukhin S.A.</i> Student youth as probable group of risk of contemporary, changing society	15
<i>Abaltusova L. A.</i> Social functions of higher professional school and their role in social differentiation of students.....	17
<i>Shkliaryk V. G.</i> Uncertainty and social development of youth.....	19
<i>Zheleznyakova S. I.</i> Peculiarities of the social portrait of industrial city youth.....	21
II. PROFESSIONAL SOCIALIZATION. SOCIAL QUESTIONS OF LABOUR AND EMPLOYMENT OF YOUTH	
<i>Philimonova O.F.</i> Young people, education, labour intellectualization	27
<i>Palkhouskaya E.B.</i> Education as factor of development of personal and professional potential of youth.....	32
<i>Dagaeva E.A.</i> The culture of business association as the factor of formation of image of the graduate of high school on a labor market	34
<i>Dudina I.A.</i> Organizational communication as a socialization environment for young staff.....	37
<i>Peskova D.R.</i> Young people in the labour market as a commercial secret break factor	41
<i>Krumlikova S.Yu.</i> Health of worker as determining factor of his ability to work.....	44
<i>Grishechkina N.V.</i> Youth and Internet medicine: prospects and risks of the interaction	47
<i>Kurochkina E.N.</i> Particularities of the forming of the ethics-legal culture student-physician	49
<i>Kulakova M. V., Vlasova E.N.</i> Dynamics of adaptation of the military men for a fixed period according to their personal characteristics	51
<i>Antonova T.A.</i> Problems of social adaptation of scientific youth in Belarus in modern conditions.....	53
<i>Garanina G.G.</i> The problem of professional and personal self-determination of students youth.....	55
III. PROBLEM OF VALUED SELF-FORMING AND MODELS OF LIFE WAY OF RECENT GENERATION	
<i>Cherkasova Y.Y.</i> Values of modern young people.....	58
<i>Konstantinova E.V.</i> Life strategy of modern students: the experience of an empirical study.....	59
<i>Chechulina S.N., Mikhaylichenko D.G.</i> Youth as the subject of resistance to repressive influence of technologies of mass manipulation by mentality	63
<i>Chechulina S.N.</i> Problems of social studies of the formation of personality	66
<i>Polejaev D.V.</i> Mental attitudes of personality: youth context of development.....	69
<i>Tsybalyuk I.N.</i> Changing reality and complexities of social and personal identification.....	73
<i>Lashuk I.V.</i> Sociocultural features of modern Belarusian youth.....	77
<i>Schuschunova T.N.</i> The basic trends of formation self-preservation behavior of the Belarus students	81
<i>Gilevskaya L.P.</i> Sociological analysis of social minded youth Belarus: gender, regional, age, rural, status features	85
<i>Kusmenko T.V.</i> Social feeling of rural youth: a sociological analysis.....	89
<i>Efimovich E.V.</i> Problems of valuable orientation of youth and a role in its formation of social institution	91
<i>Fakhrudinova E.R.</i> Confucianism as a model way of life of the current generation in a global world	94
IV. TOLERANCE, COMMUNICATIVE PRACTICES AND INTERCULTURAL DIALOG IN THE CONTEXT OF SOCIALIZATION OF YOUTH	
<i>Papchenko E.V.</i> The forming of tolerance as the necessary factor of becoming of youth in global world.....	97
<i>Nepochatykh E.P.</i> Ethnic socialization and intercultural adaptation in the youth environment of modern region.....	98
<i>Serikov A. V.</i> Rostov region's youth identity tendencies: analyses of the results of a sociological research	101
<i>Kuznetsova P.H.</i> The basic tendencies and problems of formation of youth in the global world: formation of the ethnocultural mobile person	105
<i>Okhotina N.M.</i> The role of traditional culture in the process of socialization of young people in poliethnic region	108
<i>Batarchuk D.S.</i> Forming of tolerance attitudes of learning youth in the conditions of society's ethnical diversification	111
<i>Zaraychenko V.E.</i> Culture of international dialogue as the factor of socialization of student youth.....	115
<i>Pavlova C. V.</i> Influence of informational culture upon the socialization of youth in modern Russia	118

<i>Kutyryova I.V.</i> Communicative practices and intercultural dialogue as a medium of socialization in modern society	121
<i>Semenov D.W.</i> Intercultural dialogue in the Internet as it is realized in the course of distance education between the students of PHW (Germany) and NGLU (Russia).....	124
<i>Sokolova D.M.</i> Internet as alternative social reality: problems of cyber-socialization of youth	126
<i>Khaliullina M.S.</i> The youth amateur mass media in the Internet.....	128
<i>Khoutyz I.P.</i> Socializing in times of globalization: the phenomenon of small talk	130
<i>Jakovlev L.S.</i> Universalization of cultural socialization and virtual identities	133
<i>Anikin D.A.</i> Religious socialization of youth in modern Russia: historical memory and new tendencies	138
<i>Puchkov A.S.</i> Religious identity as factor of socialization of youth	142
<i>Mahinin A.N.</i> Russian civil identity as factor of socialization of youth in modern world	145

V. YOUTH SUBCULTURE AND CULTURE FOR YOUTH

<i>Levikova S.I.</i> About youth, its socialization and informal youth subculture.....	148
<i>Baeva L.V.</i> Youth movements as factor of dynamics of society	152
<i>Kovshova I.V.</i> Strategies of overcoming of problems through youth subcultures	155
<i>Jakovleva I. P., Mironets E. V.</i> The peculiarity and problem of organization of students youth's leisure-time (on an example of students of universities in Krasnodar).....	158
<i>Kobtseva M.A.</i> Youth value system and its impact on the youth entertainment preferences.....	160
<i>Plotnikova E. V.</i> The ways of being youth	162

VI. YOUTH, FAMILY RELATIONS AND INTERGENERATIONAL INTERACTIONS IN RECENT WORLD

<i>Morcan O.A.</i> Negative effects on children in case of divorce in Romanian system.....	166
<i>Sazhina L.V.</i> Dynamics of family values of modern Russian students youth	170
<i>Rostova A.V.</i> Family through the eyes of the Tolyatti students	172
<i>Popova L.V.</i> The influence of the social environment on the youth relation to sex role differentiations in the family.....	174
<i>Demidova A.V.</i> Young family: special features of its functioning and development	178
<i>Frolova S.M.</i> Changing views on daily family relationships in youth environment	179
<i>Tolstokorova A.W., Ryndyk A.M.</i> Youth of Ukrainian transnational families- value orientations and choice of models of ways of life.....	181
<i>Gorbacheva N.B.</i> Influence intergenerational communication on prospects for youth creating your family	185
<i>Gritsai L.A.</i> Parental installations of modern russian youth	189
<i>Mantikova A.V.</i> Features of family system of youth depending on satisfaction marriage	193
<i>Gaidukova E.A.</i> Subjective estimation of pretensions in marriage relations of modern young women.....	198
<i>Kiseleva E.U.</i> Influence of emotional contact of parents on the individual characteristics of adolescent.....	201
<i>Snegireva M.V.</i> Social-historic dialog of generations: an audibility problem.....	203

VII. PSYCHOLOGO-PEDAGOGICAL SPECIFICITIES OF SOCIALIZATION OF YOUTH

<i>Kapustina Z.J.</i> To the problem of valuable self-determination of youth.....	207
<i>Veselova V.S.</i> "Educatedness" of the Person in the XXI Century	210
<i>Orlov M.I.</i> Education and socialization of youth in the society of knowledge.....	214
<i>Goncharova O.A.</i> Specificity of the process of students' socialization in modern high school	217
<i>Temnikova I.S.</i> The process of adaptation of students to tuition conditions at a higher educational institution.....	220
<i>Isanbaeva S.D.</i> The interconnection of irrationality in institution of education and socialization.....	222
<i>Vucheva V.V., Levchenko E.S.</i> Application game-technologies in the process of social adaptation of students in high school	224
<i>Timchenko N.S., Harchenko E.V.</i> Socio-pedagogical characteristics of professional socialization of the new generation of physicians.....	226
<i>Ermolaeva E.V.</i> Ethic-social determinants of professional identity of student-medician.....	229
<i>Derevyanko O.I.</i> Social and psychological formation of modern students.....	232
<i>Kaminskaja O.V.</i> Influence of self-referring on the adaptation of students in small group	234
<i>Gorbunova M.U.</i> Socialization of emotions of modern youth: introduction to the problem.....	237
<i>Sapegin K.V.</i> The system problems of socialization of students	241
<i>Bugrov A.S.</i> Social-cultural problems of forming of moral-ecological consciousness of schoolchildren	244
<i>Pochtareva E.A.</i> Social and cultural competence of the teacher as a factor in personality development of children of school age.....	247
<i>Gushchina T.N.</i> A model approach to the senior pupil's subjective development in the terms of integration of general and additional education.....	250
<i>Khazanov I.Y.</i> Valuable self-determination of the future teachers in an professional educational institution	254
<i>Gerasimova L.L., Novoselova L.A., Polyakova O.V.</i> Innovative technology of socialization of youth.....	257
<i>Shelemekhova M.S., Sherstneva T.K.</i> Scientific and educational center as a mechanism for the socialization of young people in a pedagogical community.....	261

VIII. SOCIAL LABOUR AS A WAY OF SOCIALIZATION OF YOUTH GENERATION'S PERSON

<i>Shevchuk N.F.</i> International experience of introduction of standards quality of social services for youth as object of social work.....	265
<i>Vandysheva L.V.</i> Pictures of youth in representation of future specialists of social labour: visual analysis.....	268

<i>Mikheeva N.I.</i> Charity in process socialization of young people.....	271
<i>Naumenko N.V.</i> Information support of socially-legal protection young families in St.-Petersburg.....	274
<i>Solovyeva S.V.</i> Psychological-pedagogical aspects of gender socialization of physically challenged people's	277
<i>Stepanova O.A.</i> Conditions of socialization of youth with the limited possibilities of health at a vocational training stage	280
<i>Rogacheva J.B.</i> Social advertising as the way of value self-determination of youth in professional making of social teachers...	284
<i>Drozhina E.E.</i> Socially important activities of students as strategic vector of the youth socializing	286
<i>Filipova A.G.</i> The function of social protection in the activity of children and youth public bodies (on the example of Khabarovsk region).....	290
<i>Vartanyan K.O., Mironova E.A.</i> Development of a culture of health in modern society.....	294
<i>Petrov V. E.</i> Existential horizons of modern youth tourism.....	296

IX. DESTRUCTIVE PROCESSES OF YOUTH SOCIALIZATION

<i>Morcan O.A., Ban E.</i> Causes and effects regarding the juvenile delinquency. Intervention project Arad. Delinquency Service....	300
<i>Abdrakhmanov D.M.</i> Mental crisis and social deflections in modern society	305
<i>Karpitsky N.N., Dolotova A.A.</i> Escape from a society of the young person: social and cultural reasons	307
<i>Beregova I.L.</i> The research of the teenagers' of problem connected with alcohol abuse	310
<i>Kukonkov P.I.</i> Conflictogenity of socialization of student youth: dynamics, tendencies, factors.....	313
<i>Tarasov V. S.</i> Problems of Prevention and Fight Against Deviant Behavior and Antisocial Phenomena of the Youth in Belarus.....	318
<i>Ivanov A. V.</i> Phenomenology of delinquent socialization of youth and criminal subculture	322
<i>Besschetnova O.V.</i> The entry to the extremism groups as a factor of disruption of the youth' socialization process	328
<i>Jakovlev A. Y.</i> Problems of growth of religious radicalism in youth's environment (case of Jammu and Kashmir)	331
<i>Lukaschova O.G.</i> Value-normative deformations of consciousness of Belarusian youth as determinants of deviant behavior	333
<i>Rybhak S. V.</i> Social integration of young people in modern Belarusian society	336
<i>Khatulev V.V.</i> Sociological analysis of effectivity of so-called curfew implemented to young people in Russia	339
<i>Trafimchyk Z.I.</i> Structural and meaningful characteristics of a self-conception of young people during adolescence in the focus of a modern computerized society.....	342

X. POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH AND STATE YOUTH POLITICS

<i>Stefancik R.</i> Die Rolle der politischen Jugendverbände im Prozess der politischen Sozialisation	347
<i>Groscheva I.A., Groschev I.L., Groscheva L.I.</i> The dilemma of state youth policy in Russia	350
<i>Glukhova M.F.</i> The youth policy in comparative prospect: conceptual features and development conditions.....	353
<i>Danilov S.A.</i> Risks of political socialization of youth.	357
<i>Kozina E.S.</i> Modern realities and prospects of the state youth policy in Russia	360
<i>Babosova E.S.</i> Features of political adaptation of youth	364
<i>Khamutovskaya S.V.</i> The legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus about essence and principles of the state youth policy: the comparative analysis.....	367
<i>Mukhamedova Z. M.</i> Conceptual specifics and principles in shaping a youth policy in Uzbekistan	370
<i>Fadeev D.V.</i> Political socialization of the youth of today: types, trends.....	372
<i>Orlov M.O.</i> Discursive management as strategy of constructive socialization.	374
<i>Shtraus V.A., Khrebtan L.V.</i> Youth government of town Vladimir as form of political socialization of youth.	380
<i>Kostrikin A.V.</i> Development of social activity of youth and youth associations	382
<i>Schagova K.I., Polivaeva N.P.</i> The voluntary organizations in Russia: a condition and development prospects	384
<i>Gaikin V.A.</i> Korean students in Japan and the first march movement 1919 in Korea.....	387
<i>Tolmacheva M.S.</i> «Absurdity» in the politics and its perception by youth.....	391
Information about the authors.....	394

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 4 по 15 октября 2010 года в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского в рамках Межрегиональных Пименовских чтений проходила Международная научно-практическая конференция «Мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации молодежи в глобальном мире». Проведение столь значимого мероприятия ознаменовало собой начало празднования Международного года молодежи, провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН. По замыслу инициаторов данное событие ориентировано на полномасштабное и эффективное участие молодежи во всех сферах жизни общества, которое призвано стимулировать диалог между поколениями и содействовать утверждению идеалов мира, свободы, солидарности и преданности целям и задачам прогрессивного развития. Цель празднования Года молодежи заключается также в повышении уровня осведомленности о вкладе молодых людей в жизнь общества, оказании им помощи в решении проблем, с которыми они сталкиваются, и в побуждении их к участию в инициативах по развитию, начиная с общинного и кончая глобальным уровнем.

Организаторами конференции выступили гуманитарные факультеты СГУ, Саратовское епархиальное управление при содействии Фонда Архиепископа Пимена (Хмелевского) и Центра религиозной антропологии и православной культуры. Руководство и координацию проекта осуществляла рабочая группа исполнителей научно-исследовательских работ по теме: «Конструктивные и деструктивные формы социализации молодежи в современной России», реализуемых в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Данная конференция явилась одним из этапов Межрегиональных Пименовских чтений. По традиции Чтения приурочены памяти выдающегося религиозного и общественного деятеля – Архиепископа Саратовского и Вольского Пимена (Хмелевского), сумевшего объединить усилия творческой интеллигенции России второй половины XX века. Его сподвижниками в деле сохранения и преумножения духовно-культурных ценностей России были А.И. Солженицын, М.Л. Ростропович, Г.П. Вишневская, О.П. Табаков, В.Т. Спиваков.

Конференция объединила усилия представителей духовной и светской интеллигенции в деле сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и была посвящена обсуждению актуальных проблем молодежи в XXI столетии: стратегиям ценностного самоопределения и моделям жизненного пути современного поколения, вопросам организации труда и занятости молодежи, исследованию коммуникативных практик, межкультурного диалога и молодежных субкультур, вопросам молодой семьи и межпоколенных взаимодействий в современном мире, актуальным проблемам педагогики и социальной работы с молодежью, проблемам молодежной девиантологии, государственной молодежной политики и участию молодежи в политических процессах современности.

На пленарном заседании была сделана попытка комплексно рассмотреть проблему социального становления молодежи в российских условиях, продолжить дискуссию, начатую на аналогичной конференции в 2009 году. Поэтому в 2010 году на пленарном заседании прозвучали доклады, которые познакомили участников с теоретико-методологическими, правовыми, социокультурными и организационно-управленческими аспектами молодежной проблематики.

В рамках конференции состоялась работа следующих секций:

– основные тенденции и проблемы становления молодежи в глобальном мире (руководитель – д-р филос. наук, доц. кафедры религиоведения и философской антропологии СГУ М.О. Орлов);

– профессиональная социализация, социальные вопросы труда и занятости молодежи (руководитель – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Саратовского государственного технического университета О.Ф. Филимонова);

– проблема ценностного самоопределения и модели жизненного пути современного поколения (руководитель – д-р филос. наук, проф. кафедры философии культуры и культурологии СГУ В.Н. Белов);

– толерантность, коммуникативные практики и межкультурный диалог в контексте молодежной социализации (руководитель – д-р филос. наук, проф. кафедры религиоведения и философской антропологии СГУ В.П. Рожков);

– молодежная субкультура и культура для молодых (руководитель – д-р филос. наук, проф. философии культуры и культурологии СГУ Е.В. Листвина);

- молодежь, семейные отношения и межпоколенные взаимодействия в современном мире (руководитель – д-р филос. наук, проф. кафедры теоретической и социальной философии СГУ Е.И.Беляев);
- психолого-педагогические особенности социализации молодежи (руководитель – канд. филос. наук, доц. кафедры религиоведения и философской антропологии СГУ Е.Н. Медведева);
- социальная работа как средство социализации личности молодого поколения (руководитель – канд. филос. наук, доц. кафедры теоретической и социальной философии СГУ Д.А. Аникин);
- деструктивные процессы молодежной социализации (руководитель – канд. филос. наук, доц. кафедры философии культуры и культурологии СГУ В.А. Ручин);
- политическая социализация молодежи и государственная молодежная политика (руководитель – канд. филос. наук, доц. кафедры теоретической и социальной философии СГУ С.А. Данилов).

В работе конференции приняли участие более 200 ученых и практиков из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Международный статус конференции придало участие коллег из Трнавского университета им. Св. Кирилла и Мифодия (Словакия), Западного университета им. Василе Голдиш г. Арад (Румыния), Института социологии Национальной академии наук Республики Беларусь, Ровенского государственного гуманитарного университета, высших учебных заведений Украины, Казахстана и Узбекистана.

В числе участников конференции (заочное участие) были ученые и практики из Москвы, Санкт-Петербурга, Н. Новгорода, Тулы, Твери, Владимира, Вологды, Ярославля, Воронежа, Рязани, Курска, Липецка, Тамбова, Нижнего Новгорода, Шуи, Астрахани, Казани, Уфы, Таганрога, Ростова-на-Дону, Краснодар, Ставрополя, Сочи, Абакана, Ульяновска, Волгограда, Самары, Тольятти, Оренбурга, Кургана, Перми, Саранска, Йошкар-Олы Екатеринбург, Омска, Новосибирска, Томска, Кемерово, Косомольска-на-Амуре, Тюмени, Нижнего Тагила, Иркутска, Владивостока. В работе конференции приняли участие представители исполнительных и законодательных органов власти, лидеры политических партий и общественно-политических движений Саратовской области. Активное участие в работе конференции приняли студенты и аспиранты философского, юридического, социологического факультетов Саратовского государственного университета, а также различных вузов г. Саратова.

В результате проведения программных мероприятий был решен целый комплекс задач в области осмысления и концептуализации конструктивных стратегий социализации молодежи; проведено содержательное обсуждение традиционных и инновационных способов социализации молодежи; рассмотрены деструктивные формы социализации, угрожающие национальной безопасности и являющиеся источниками рискованных ситуаций в современной России.

Оргкомитет конференции

I. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Т.П. Машихина

Волгоградский институт бизнеса, Россия

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ РОССИИ КАК ОСОБАЯ ГРУППА В ОБЩЕСТВЕ

Молодежь XXI века в подавляющем большинстве проявляет готовность к социальной адаптации и интеграции. Ценностно-рациональная модель поведения юношей и девушек России дает возможность сохранять или улучшать выбранную позицию молодежи в системе новых социальных отношений, складывающихся в типовые стратегии поведения. Гармоничное развитие молодежи через новые ценностные ориентиры – ценности «производства», а не «потребления», идеологическая работа с молодежью, направленность на духовность – должны стать основным вектором развития России.

Ключевые слова: молодежь, гендерное поведение, жизненные ценности.

The XXI century youth in overwhelming majority shows readiness for social adaptation and integration. The tsennostno-rational model of behavior of young men and girls of Russia, gives the chance to keep or improve the chosen position in system of the new social relations developing in typical strategy of behavior. Harmonious development of youth through new valuable reference points – values of «manufacture», instead of «consumption», ideological work with youth, an orientation on spirituality – should become the basic vector of development of Russia.

Key words: youth, gender behavior, vital values.

Молодежь – главная движущая сила развития российского общества. Она не только быстро воспринимает все перемены, происходящие в стране, но и является в какой-то степени их источником и генератором. В условиях социально-экономических и политических изменений, происходящих в обществе, особенно трудно приходится молодежи, с еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей. До середины XX века мировоззрение молодых не имело столь активного и явного влияния на масштабные социальные и культурные процессы. Идеологический и психологический переворот в отношениях между молодежью и взрослым сообществом в России произошел в конце 80-х гг. XX столетия.

Отрицание официальных идеологий, культурных и религиозных канонов приняло масштабные размеры. Это произвело существенный сдвиг в самосознании и самой молодежи. К середине 90-х гг. поток страстей несколько утих и приобрел формы молодежной моды и попкультуры. В конце 90-х у молодых людей наблюдалась апатия, безразличие к себе и другим, вызванные крушением идеалов, обострением естественного юношеского нигилизма. Однако за годы реформ выросло новое поколение, чьи взгляды, интересы и потребности формировались в условиях современного, динамично развивающегося российского общества. Трансформации подверглись и ценностные установки, и сами условия жизни.

Сегодня молодежь иначе думает, по-другому выражает свои мысли, отличаются и способы коммуникации и поведения, связано это, прежде всего, с изменением статуса понятия «молодежь». Молодежь XXI века в подавляющем большинстве проявляет готовность к социальной адаптации и интеграции. Молодежь – это социальная группа в возрасте от 15 до 30 лет. Как правило, этот период описывается как подростково-юношеский. Возникновение подростково-юношеского возраста как особого периода объяснялось не только психологами, но и исследователями, разрабатывавшими смежные области науки о человеке: в первую очередь, этнографами и культурантропологами. В современных условиях достаточно сильно изменилась функция подростково-юношеского периода. Недавно это был период подготовки к жизни, однако 11 лет обязательного образования в школе плюс институт (университет, академия, колледж и т.д.) изменило, и довольно радикально, функцию подростково-юношеского периода: момент социальной зрелости отодвинулся и его продолжительность имеет предрасположенность к росту. Как правило, подростковый и юношеский периоды все чаще объединяют в социально-демографическую группу «молодежь».

Молодежь – социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Данный возрастной период является временем высокого динамичного изменения и развития человека по ряду направлений. Вступая в этот возраст подростком и становясь взрослым человеком, имеющим систему формальных и неформальных социальных отношений, работу, а иногда и семью, молодые люди проходят через существенные и необратимые психологические и социальные преобразования. Богатое содержание данного периода жизни связано с особым отношением к молодым в современном обществе. Многие престижные виды человеческой деятель-

ности несут на себе существенные возрастные ограничения и неразрывно связаны в общественном сознании с молодостью. В молодости человек наиболее способен к творческой деятельности, к формулировке эвристических идей, максимально работоспособен, поэтому с молодежью во многом связаны представления о прогрессе современной науки и технологии.

Для молодежи, ее психического развития и личной судьбы, помимо социальной ситуации, в ее узком понимании, – семья, друзья, школа, институт – существенное значение имеют особенности исторического времени, в котором проходит их жизнь – его идеологического (в широком смысле этого понятия) содержания. Неопределенность, размытость, диффузность этого содержания создают условия для специфических невротических особенностей собственной ненужности или проживания не своей жизни. Этот период социализации имеет свое своеобразие и определяющее значение для всей последующей жизни (Ж.Ж. Руссо), период «бури и натиска» (С. Холл), для которого характерны конфликты с окружающим миром, чувственность, нестабильность. В возрастной психологии подростковый и юношеский возраст характеризуется как период формирования устойчивой системы ценностей, становления самосознания и формирования личности. В поведении молодежи удивительно сочетаются противоречивые черты и качества – стремление к идентификации и обособление, конформизм и негативизм, подражание и отрицание общепринятых норм, стремление к общению и отрешенность от внешнего мира. Неустойчивость и противоречивость этих качеств определяют характер поведения и деятельности. Вот этот период нестабильности в гендерном поведении и «проигрывании» новых гендерных ролей часто приводит в современных условиях к делинквентному гендерному поведению со стороны молодежи. В этот период у молодых людей совершенствуются представления о социальных ожиданиях по отношению к поведению лиц женского и мужского пола. Они с большей готовностью, чем маленькие дети, соглашаются с тем, что человек может сочетать формы поведения, которые считаются типичными для юношей и девушек, и уже способны отклоняться от гендерных предписаний.

В молодости, как правило, эти изменения связаны с прогрессом в познавательной сфере, в частности, со способностью использовать более чем одно основание для классификации людей и объектов. На этапе юности также остро встает проблема межличностных отношений. Взаимоотношения с однополовыми сверстниками играют важную роль в жизни юношей и девушек в ходе гендерной социализации. Юноша или девушка считает себя уникальной индивидуальностью, находит себе пример для подражания среди сверстников; подражание связано с манерами гендерного поведения, одеждой, развлечениями; копируется форма, ритуал взаимоотношений с лицами противоположного пола: свидания, ухаживания, дискотеки и др., главное, чтобы гендерное поведение одобрялось сверстниками одного пола. Озабоченность отсутствием коммуникативных умений иногда отодвигает на задний план собственные чувства, переживания друг друга, уступая место сомнениям по поводу вопросов: «правильно ли они ведут себя с точки зрения норм своей половозрастной группы». Обсуждение различных тем со сверстниками не только помогает юноше и девушке получить информацию, в которой ему отказывают педагоги или родители, но и осознать естественность своих переживаний, разрядить их напряженность, преодолеть застенчивость в поведении.

Пример. Значимость тех или иных проблем для юношей и девушек отличается друг от друга, соответственно меняется и их поведение. Девушек больше чем юношей беспокоят проблемы преступности и наркомании, а также состояние культуры, морали, нравственности. Юноши в большей степени, чем девушки, озабочены проблемой коррупции в органах власти. Например, проблема собственного материального благополучия в большей степени беспокоит юношей. Жилищная проблема, напротив, волнует в большей степени девушек.

Серьезное значение на вид и значимость тех или иных проблем оказывает фактор наличия детей у молодых людей. Так, девушки, имеющие детей, прежде всего занимаются их воспитанием, что сказывается на снижении их экономической активности и отсутствия желания получения хорошего образования. В качестве главного добытчика в семье в таких семьях на первый план выходит юноша и именно он в большей степени, чем девушка, озабочен вопросами материального обеспечения семьи, проблемой жилья. Проблема получения хорошего образования беспокоит в большей степени тех, у кого меньше экономическая активность или возможности самореализации в профессиональной сфере. Девушки без детей более активны, мобильны и их в большей степени, чем мужчин, волнуют проблемы жилья и профессионального роста. Юноши на фоне этой деловой активности в большей степени, чем девушки, заинтересованы в получении хорошего образования.

Результаты социологических исследований показывают, что для молодежи различных возрастных групп, действительно важны разные проблемы.

Для 14–16-летних более важно, чем для других возрастных групп молодежи, любить самому и быть любимым. Они придают большее значение свободной жизни, независимости, веселому времяпрепровождению в кругу друзей. Для них более значимо уважение в коллективе. Они в большей мере нацелены на то, чтобы принести пользу людям и заниматься бизнесом.

Молодые люди в возрасте 17–26 лет занимают промежуточное положение между младшей и старшей возрастными группами молодежи. В общем, по жизненным ценностям и ориентирам эта группа является достаточно однородной. Однако для 17–21-летних меньше, чем для других возрастных категорий молодежи, имеют значение вопросы здоровья, размеренная жизнь, а для молодежи 22–26 лет большей ценностью является наличие интересной и престижной работы.

Для 25–30-летних главными жизненными приоритетами являются семейное счастье, высокая материальная обеспеченность и хорошее здоровье. Эти ценности для этой категории молодежи оказались гораздо важнее, чем для молодых людей других возрастных групп.

При анализе результатов исследования можно выявить некоторые закономерности, которые характеризуют значимость тех или иных ценностей для разных возрастных групп молодежи.

1. Чем старше респонденты (особенно девушки), тем большее значение они придают таким ценностям, как «семейное счастье», «высокая материальная обеспеченность».

2. И наоборот, с возрастом снижается привлекательность таких ценностей для молодежи, как «уважение в коллективе», «свободная жизнь», стремление «быть полезным людям», «веселое времяпрепровождение в кругу друзей», «любить и быть любимым», а также стремление «заниматься бизнесом».

3. Практически в равной степени значимости для молодежи в целом остаются такие ценности, как «высокая материальная обеспеченность» и «независимость».

Выводы. Столь серьезная корректировка жизненных ценностей для молодежи с течением возраста, которая становится закономерностью, происходит, по нашему мнению, под воздействием группы факторов, влияющих на формирование среды, где и происходит процесс социализации. Иными словами, сама жизнь, ее реалии формируют основополагающие жизненные ценности молодежи. И если на младшие возрастные группы еще оказывает влияние действующая в стране система образования и воспитания как один из основных агентов социализации, то с течением времени жизнь вносит свои коррективы и большее значение оказывает окружающая среда, те «правила игры», которые устанавливаются государством в сфере общественных отношений. По сути дела, молодые люди замыкаются в узких рамках своей семьи, и самыми главными жизненными ценностями для них становятся достижение материального благополучия и наличие хорошего здоровья. В условиях развивающегося экономического кризиса, когда многие молодые люди лишаются источников своих доходов и самостоятельно не могут преодолеть возникающие трудности и решать проблемы, у них возникает депрессивное состояние, которое крайне негативно сказывается и на состоянии здоровья.

У нашего соотечественника на рефлексивном уровне была заложена ценностно-рациональная модель поведения в отличие от предлагаемой обществу западной целерациональной модели.

Согласно ценностно-рациональной модели поведения средства достижения целей должны нести ценностную окраску и не должны быть оторваны от них. Сами цели, пути к ним выступают в виде ценностей.

В этой модели заложен социальный архетип русского человека. Действия людей, дающие возможность сохранять или улучшать свою позицию в системе новых социальных отношений, складываются в типовые стратегии поведения.

Следование таким стратегиям обеспечивает ту степень успешности существования в данных социальных условиях, которая принимается ими в качестве нормы.

Отсутствие стабильности за последние 20 лет четкого и грамотного вектора экономического и политического развития, ангажированных и незавершенных реформ привело к неверию у молодых людей в социально-ориентированное государство, к росту темпов депопуляции, снижению качества жизни и здоровья молодых граждан, ухудшению условий получения полноценного образования, обеспечению занятости, изменению ценностно-нормативных ориентаций, увеличению числа наркозависимых лиц, широкому распространению форм делинквентного гендерного поведения, отклоняющегося поведения. В сложившейся ситуации необходимо остановить негативные тенденции в молодежной среде, принять радикальные меры по качественному улучшению положения молодежи, новых ценностных ориентиров – формирование ценностей «производства», а не «потребления», проводить идеологическую работу с молодежью, направленную на духовное возрождение.

С.А. Золотухин

Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова, Алматы

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК ВЕРОЯТНАЯ ГРУППА РИСКА СОВРЕМЕННОГО МЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена изучению феномена функционирования групп риска в современном, меняющемся обществе, а также оценке студенческой молодежи как социально-учебной группы и ее вероятной принадлежности к группам риска.

Ключевые слова: риск современной жизни, группы риска, менталитет представителей групп риска, студенческая молодежь и ее вероятная принадлежность к группам риска.

This article dedicates to study phenomenon of functioning groups of risk into contemporary, changing society. As well as estimation the student's youth as a social and studying group, and it's belonging to risk groups.

Key words: risk of modern life, groups of risk, mentality of representatives of groups of risk, students groups and it possible belonging to risk groups.

Современная социальная жизнь обременена нарастающей чередой больших и малых рисков; опасность, рискозависимость становятся нормами повседневной жизни, обществом овладевает апатия (астенический синдром): привыкание к жизни. В экстремальных условиях чрезвычайно высок уровень социально-приемлемого риска. Ответом на этот вызов может выступить усиление силовых структур, призванных обеспечить безопасность общества и государства. Поэтому не развитие, а безопасность все более становится ориентиром деятельности социальных акторов и социальных институтов [1].

Кто они – представители групп риска? Какова их общая численность? Сегодня в условиях продолжающегося трансферного к рынку общества, а также всемирного кризиса, можно привести значительно более расширенный состав таких групп.

Это могут быть (нумерация их представителей выставлена по порядку без какого-либо рейтингового смысла): (1) лица, находящиеся в заключении (в Казахстане – около 60 тыс. чел.), (2) находящиеся в розыске, (3) члены преступных группировок, (4) лица, занятые контрабандой и преступным бизнесом, (5) проститутки, (6) алкоголики, (7) наркоманы, (8) ВИЧ-инфицированные, (9) носители стресс-синдромов («афганцы», «таджики» и др.), (10) иммигранты-нелегалы, (11) бомжи, (12) пропавшие без вести, (13) беженцы, (14) вынужденные переселенцы, (15) живущие в районах экологического бедствия, (16) живущие в экстремальных природно-климатических зонах, (17) пострадавшие от войн или стихийных бедствий, (18) живущие за чертой бедности (их почти четверть населения страны), (19) беспризорники (дети и подростки), (20) неполноценные дети, (21) хроники, (22) психически больные, (23) инвалиды детства, (24) инвалиды войны, (25) инвалиды производства, (26) жители заброшенных деревень и рабочих поселков, (27) одинокие престарелые люди, (28) все категории безработных, (29) жертвы дедовщины, (30) жертвы жестокости в семье, (31) демобилизованные, пока не устроенные на работу, (32) работники частных охранных предприятий, (33) занятые на опасных и вредных производствах, (34) члены религиозных и других сект, (35) активисты радикальных политических группировок, (36) жертвы техногенных аварий и катастроф, (37) жертвы автокатастроф, (38) жертвы бытовых аварий (взрывов бытового газа и др.), (39) жертвы пожаров, (40) гастарбайтеры-нелегалы, (41) работники теневых производств, (42) работники подпольных производств, (43) спасатели, (44) работники скорой помощи, (45) лица, выезжающие на работу за рубеж, в основном нелегально или под видом туристов, визита к родственникам и т.п., (46) потребители лекарственных фальсификатов [1], (47) богатые, (48) состоятельные люди среднего класса, (49) некоторые этнические группы, представители которых «засветились» во внутривнутриреспубликанских межнациональных конфликтах (уйгуры, чечены в Казахстане), (50) туристы, попавшие в переделку (например, тайландские политические события, блокирование местными митингующими международного аэропорта страны). Список этот можно было бы продолжить.

Особенностью менталитета представленных социальных групп, этносов является их нестабильное положение в современном обществе, способствующее целому спектру проблем здоровой адаптации в кризисное общество, рискогенности вопросов проживания, выживания, получение удовлетворения от жизни в современном обществе. В целом перечень входящих в него групп будет определяться следствием либо их криминального настоящего, позволяющего незаконным путем получать достаточные средства для нормального существования, либо плохого состояния здоровья (болезней, травм). Эти составляющие препятствуют возможности участвовать в трудовой деятельности и получать хоть какой-то доход. Для кого-то это проблема ограничения (лишение свободы), сложности после выхода из пенитенциарных заведений (устройство на работу, обретение жилья). Среди представителей – иностранные работники-гастарбайтеры (невозможность обретения нормальной работы на родине). Многие просто не успели еще получить работу, другие же потеряли ее без шансов найти сходную по статусу, образованию, профилю, опыту. Некоторые оказались в затяжной стрессовой ситуации и долгое время не могут адаптироваться в сложившейся ситуации. Наличие значительных финансовых средств, материальных благ, имущества не позволяет им в условиях высокой криминогенной напряженности чувствовать себя счастливыми.

Социальная среда активно участвует в процессах стратификационной селекции. Под ее воздействием постепенно меняется качественный состав населения: уходят (эмигрируют, дисквалифицируются, болеют, умирают) лучшие и остаются жить и плодиться «худшие» (в профессиональной сфере они себя еще не проявили). П.А. Сорокин подчеркивал, что «элементы морально чистые» не могут отказаться от выполнения своего долга, что «усиливает риск гибели таких людей» [2, 424].

Студенчество – специфический отряд молодежи как социально-возрастной группы социальной структуры общества. Это юноши и девушки, которые системно, последовательно изучают ту или иную дисциплину, сферу знания по государственной программе в учебных заведениях с целью получения информативного багажа, соответствующего сертификата (диплома), дающего им возможность претендовать на различные должностные, в том числе и управленческие позиции. Молодежь также отличает высокий интеллектуальный уровень, мировоззренческая подготовка, профессиональные знания, умения, навыки теоретического или практического мышления. Все это позволяет считать ее элитным отрядом, социально-демографической группой в социальной структуре общества. Современному студенту, в отличие от советского, повезло в том, что, фактически, ушла в небытие идеологическая зашоренность, односторонность прежних моделей преподавания общественных наук, зубрежка определенных дефиниций и положений (типа «бытие определяет сознание» и проч.), появилась буквально лавина источников по самому широкому спектру концептуальности подходов к изучению разнообразных тем и дисциплин; возможности выехать за границу и конкретно приобщиться к наработанным информативным базам данных и т.д.

Но исчезли бесплатные библиотеки, дешевые книги, сложнее стало учиться где-либо, не подрабатывая как-то. Это несомненные рискогенные факторы. Пропали ленинские зачеты, когда устраивали по комсомольской линии дополнительную «промывку» мозгов по поводу слабой учебы. А они отчасти стимулировали успеваемость, по крайней мере, по весне в преддверии летней сессии. И нет сегодня практической гарантии на распределение после окончания вуза и т.д. [3, 67–74].

С нашей точки зрения всех студентов в группу риска занести нельзя. Криминальная статистика также не показывает преобладание в ней выходцев из вузовских аудиторий. В группу риска входят отстающие студенты, находящиеся под угрозой отчисления (для юношей – уход затем в совсем даже не престижную сегодня армию), семейные, иногородние, из неполных семей. В сессию их число может временно заметно пополниться.

Спрос на системные, фундаментальные знания на нынешнем этапе развития нашего общества все больше начинает становиться определяющим. Это обусловлено и некоторой стабилизацией социально-экономических отношений, возрождением некоторых отраслей производства, активизацией предпринимательства, которое по-прежнему остается на пространстве стран СНГ определяющим видом деятельности и требует от бизнесмена основательных знаний по технологии и практике своего дела, гибкости мышления, умения разумно рисковать, принимать нестандартные решения. Не следует забывать и о совместных предприятиях (например, «Тенгизшевройл» на территории Казахстана), на которых 50% персонала составляют иностранцы. Выработка этих и других качеств и свойств будущего специалиста во многом должно способствовать и время учебы в вузе: обретение и совершенствование знаний, умений и навыков оперативной деятельности по усвоению учебной информации, способов овладения ею [4].

Суммируя сказанное, можно заключить, что современное общество в условиях перемен, кризиса постепенно в целом трансформируется в общество «всеобщего риска». Этот процесс приобретает всеохватывающий и экстерриториальный характер, охватывая в равной мере индустриальную систему, социальные институты, повседневную жизнь практически всех социальных групп нынешнего общества, включая и студенчество.

Список литературы

1. Рискология. [Электронный ресурс]. URL: www.yandex.ru/рискология.
2. Золотухин С.А. Группы риска в современной структуре казахстанского общества // Сиб. социол. вестн. Барнаул, 2008. № 1–2.
3. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 424.
4. Золотухин С.А., Шахгулари В.В. Современный студент, интернет-технологии, совершенствование переходного общества / Университет международного бизнеса. Алматы, 2004.

Л.А. Абалтусова

Армавирский филиал Кубанского государственного университета, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ВЫСШЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И ИХ РОЛИ В СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются вопросы реализации социальных функций высшего профессионального образования; власти образовательной системы и ее дифференцирующей роли; социальной селекции молодежи в сфере высшего образования.

Ключевые слова: стратификация, образование, неравенство, молодежь, функционализм, доступность, дифференциация.

The report deals with the points of realization of higher professional education social functions; the points of the educational system power and differentiating role; social selection in the higher education field.

Key words: stratification, education, inequality, youth, functionalism, availability, differentiation.

В современной отечественной социологии образования все большее место занимают вопросы социального неравенства [1, 115; 2, 3; 3, 160]. Они в частности, раскрываются через анализ динамики ценностных ориентаций молодежи и возможностей их реализации на практике, проблем доступности и качества высшего профессионального образования для представителей разных социальных групп и целый ряд других направлений. В условиях реформ возникает проблема бедности, социального и экономического неравенства и поляризации групп населения в структуре общества не только по уровню доходов и материальной обеспеченности, но и по ориентациям на различные стратегии жизнеобеспечения. Мы согласны с В.В. Радаевым и О.С. Шкаратаном, что структуру современного российского общества следует оценивать с позиций мультипарадигмального анализа, выделяя разнообразные формы социальной стратификации: физико-генетическую, кастовую, сословную, этакратическую, классовую, культурно-нормативную, социально-профессиональную, культурно-символическую [4, 84]. При этом роль высшего профессионального образования в преодолении и воспроизводстве социального неравенства представляется нам весьма важной.

Материалы и методы

Говоря о роли системы образования в обществе, следует обратить внимание на функциональность и дисфункциональность профессионального образования как социальной системы. Если о функциональности высшей школы в России существует довольно много работ, то о дисфункциях данной образовательной системы пишут лишь некоторые отечественные социологи [5, 68]. Обсуждение функциональности данной системы базируется на постулате о ее социальной значимости в обществе.

Довузовское образование определяется в этом случае как система допрофессиональной подготовки учащихся, обеспечивающая качественное полное среднее образование, достаточное для поступления в вуз, и расширяющая доступность высшей школы для той категории абитуриентов, которые являются выпускниками соответствующих учреждений довузовской подготовки. Развитие института довузовского образования и бурный рост услуг высшего профессионального образования в России обусловлены тем, что сегодня в российском обществе актуализировалась социальная потребность в таком типе деятельности. При этом созрели

соответствующие социально-экономические и управленческие условия; сформировалась необходимая организационная структура, выработаны соответствующие социальные нормы и регулятивы поведения; индивиды интериоризировали новые социальные нормы и выбрали для себя новые социальные ориентиры. Кроме того, сформировалась система потребностей в непрерывном обмене опытом и повышении квалификации кадров, занятых в сфере образования.

В качестве становящегося социального института высшая профессиональная школа представляет собой относительно устойчивый тип и форму социальной практики, посредством которой обеспечивается устойчивость социальной структуры общества, в частности, стабилизируется положение высших учебных заведений, которые черпают свой контингент во многом благодаря конкуренции на рынке труда.

Декларируемые цели и явные функции представляют главную причину формирования и сохранения рассматриваемого института. Целями высшего профессионального образования выступают подготовка конкурентоспособного специалиста, формирование не только профессиональной, но и коммуникативной, информационной, гуманитарной культуры с целью быстрой адаптации будущих специалистов к условиям рыночной экономики.

Этим целям соответствуют следующие явные функции: повышение доступности высшего образования, предоставление специализированных образовательных программ и расширение возможностей самоосуществления для молодежи. Согласимся с У. Беком, что «образование – в зависимости от его сроков и содержания – содействует хотя бы минимальному процессу самоосмысления и самоосуществления» [6, 118].

Высшее профессиональное образование как социальный институт и одновременно как подсистема в системе образования выполняет и ряд латентных функций. К ним относятся формирование представлений о социально приемлемых идеалах студенчества, правилах и нормах социального поведения, социальная дифференциация молодежи, расширение рынка образовательных услуг, освоение учебной и научной литературы, направленное на повышение общего культурного уровня молодежи. Высшая школа, реализуя свои задачи в подготовке контингента специалистов, способствует социальной мобильности. Вместе с тем имеет смысл говорить не столько о трансформации, сколько о воспроизводстве существующей социальной структуры. В самом деле, «образование связано с селекцией и потому требует индивидуальной карьерной ориентации, которая сохраняет свою действенность даже там, где «продвижение благодаря образованию» всего лишь иллюзия, а высшее профессиональное образование обесценивается и превращается в необходимое средство против падения уровня жизни» [6, 118].

В качестве декларируемых функций высшей школы выступают достижение определенных стандартов качества обучения, конструирование позитивной идентичности выпускника-специалиста, привлечение высококвалифицированных преподавателей.

Результаты

Реализация социальных функций высшего профессионального образования осуществляется по принципам непрерывности, демократизации, гуманизации и опережения с учетом основных противоречий и современных тенденций реформирования системы образования. В свою очередь, на функционировании высшего профессионального образования остро ощущается влияние дисфункции системы образования в целом, когда отсутствует баланс интересов учебных заведений и ведомства. Так, например, если развитие довузовского образования, осуществляемое вузами, рассматривать в контексте оптимизации организационной структуры высшей школы, то следует признать институализацию данного вида образования и осуществить его формальную легитимацию.

Функционалистские объяснения социального неравенства, представленные, например, К. Дэвисом и У. Муром, рассматривают стратификацию общества как институциональную форму, посредством которой происходит гарантированное распределение наиболее квалифицированных кадров на наиболее важные позиции. Эти позиции соответственно требуют лучшего обучения или способностей, приносят наибольший доход и имеют высший статус [7, 53]. Однако, хотя функционалисты игнорируют фактор власти в процессах достижения статуса и получения вознаграждений, рассматривают власть как фактор социальной интеграции.

Обсуждение результатов

Власть как институционализированное и легитимированное могущество, по мнению Т. Парсонса, следует изучать в аспекте влияния посредством санкций, причем понятие власти связано не только с высокими рангами стратификации институционализированного могущества. Применение могущества, включающего принудительные санкции, если следовать структурному функционализму, – часть более широкой системы механизмов социального контроля, каждый из которых может включать в себя наряду с другими элементами также и элемент власти. Т. Парсонс в этой связи приводит пример структур религиозного ритуала, которые посредством вмешательства в распределение благ и коммуникации могут осуществлять такого рода функции социального контроля. В нашем случае яркой иллюстрацией данной теории могут быть такие проявления власти образовательной системы, как дополнительное (второе) образование, универсальность знаний, которые при их кажущейся идеологии равенства на деле служат дифференцирующим фактором. Бедные семьи не могут позволить себе оплату дополнительных образовательных услуг, а студент из бедной семьи, не имеющий условий для занятий, оказывается неуспевающим, если не получит дополнительных консультаций или индивидуализированного задания.

Выводы

Современные теории социальной стратификации учитывают множественные структурные ограничения, препятствующие получению образования и достижению социальных целей [8, 398]. Так называемая скрининг-теория объясняет корреляцию между образовательным потенциалом субъекта и доходами не прямой экономической отдачей от образования, а практиками конкурсного отбора кандидатов по их документам. В таком конкурсе определяющую роль играет то, из какого учебного заведения вышел претендент, сравнению подлежит престиж вуза, а не реальный уровень знаний их выпускников. Тем самым происходит самовоспроизводство социально-профессиональных групп, обеспечивается устойчивость социальной структуры. Данное объяснение имеет прямое отношение к концепции культурного капитала (П. Бурдьё) как богатства в форме знания или идей, которое легитимирует статусы и власть. В этой традиции считается, что система образования путем выдачи дипломов и присуждения ученых степеней поддерживает установленный социальный порядок, существующую в обществе иерархию.

По словам Д.Л. Константиновского, «мы наблюдаем и в России динамику определенных функций образования, подобную той, какая отмечается, например, в Великобритании: от социальной селекции, осуществлявшейся до XX века закрепление тогдашней стратификации, к меритократической идеологии равных возможностей в сфере образования (имевшие некоторые успехи в распространении общего среднего образования, но оставлявшие дифференциацию в приобретении высшего), и ныне – к “парентократической” (от англ. parents – родители) модели, в которой «образование ребенка во всевозрастающей степени зависит от благосостояния и желаний родителей, нежели от его собственных способностей и усилий» [9, 163; 10, 234].

Таким образом, обычная для развитых западных стран цепочка образование – профессия – доход в России все больше приобретает вид доход – образование – профессия, в которой образование утрачивает роль фактора восходящей мобильности.

Список литературы

1. Балабанов С.С. Социальные типы и социальная стратификация // Социол. журн. 1995. № 2.
2. Руткевич М.Н. Социальная поляризация // Социс. 1992. № 9. С. 3.
3. Ярошенко С. Бедные в социальной стратификации постсоветской России // Рубеж. 1998. № 12.
4. Радаев В.В., Шкаратан О.С. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Черденченко Г.А. Дифференциация как механизм и образование: Сб. науч. ст. / Сарат. гос. техн. ун-т. Саратов, 2001. С. 67–79.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 1999.
7. Davis K., Moore W.E. Some principles of stratification // Bendi [R., Lipset S.M. Class], Status and Power. N.Y., 1966. P. 53–55.
8. Giddens A. Sociology: Polity press, 1993.
9. Браун Ф. Социальные изменения и образование в России // Молодежь России на рубеже 90-х годов: В 2 кн. Кн. 2 / Ред. М.М. Малышева. М.: ИС РАН, 1992.
10. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства // Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / Под ред. В.Н. Шубкина. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

В.Г. Шклярник

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ

В статье раскрывается проблема социального развития молодежи в условиях социальной неопределенности. Осуществляется обзор фактора неопределенности как сущностной характеристики молодежи. Анализируется ряд трудностей, с которыми сталкивается молодежь в процессе построения эффективной жизненной стратегии.

Ключевые слова: жизненная стратегия, молодежь, неопределенность, опыт, ценность.

The article deals with the problem of social development of youth in conditions of social uncertainty. The review of the factor of uncertainty as intrinsic characteristic of youth is carried out. A number of difficulties which the youth in the course of construction of effective vital strategy faces are analyzed.

Key words: experience, life strategy, uncertainty, value, youth.

Трансформации, проходящие в современном белорусском обществе, порождают ряд проблем, которые с неизбежностью возникают при переходе к новым основам системного мировоззрения. Естественным порождением мировоззренческого и ценностного «вакуума», спорадически возникающего на каждом новом витке общественных преобразований, является социальная неопределенность. Неопределенность, представляя собой многовариантность, а зачастую и сочетание противоположных возможностей, характеризуется отсутствием четко определяемой связи между феноменами и их последствиями [1, 51]. Социальная неопределенность, ставшая неотъемлемой чертой нашего времени, влияет на все сферы жизнедеятельности людей и является катализатором преобразований как на макроуровне, так и на уровне повседневности. Неопределенность новой реальности – это проблема, подвергающая непрерывному давлению практически всех членов нашего обще-

ства. И наиболее уязвимыми являются слабо защищенные слои населения, к которым по праву можно отнести молодежь.

Состояние неопределенности является едва ли не существенной характеристикой молодежи, поскольку именно на этом жизненном этапе происходит активное включение индивида в общий социальный поток, что ведет к оживленному поиску собственного места в жизни. Будучи выброшенным в жизненный мир, молодой человек пытается обрести максимально независимые основания, которые послужат базисом для построения собственной жизни. Однако опыт молодежи характеризуется такими свойствами, как неустойчивость, несистематизированность, неупорядоченность и объективное ограничение. Следствием выступает крайне противоречивое сознание молодежи. Кроме того, с формирования именно этой формы мышления начинается приобщение молодого поколения к культуре, усвоение идей и ценностей [1, 12]. В результате происходящей в этот период объективной переоценки ценностей, определения собственных целей и задач молодой человек получает больше вопросов, чем ответов. При этом социум с целью облегчения прохождения молодежью этого непростого этапа жизненного пути предлагает, а зачастую и навязывает собственные сценарии и варианты включения индивида в общие социальные процессы. Непосредственные интересы молодежи нередко игнорируются как незначительные с точки зрения общества в целом и рассматриваются как нечто, чем можно пренебречь в пользу более важных общественных интересов. Данное обстоятельство, как известно, чаще порождает бунт в молодежной среде, чем безоговорочное принятие предложений. Тем самым вместо снижения неопределенности, даже в стабильных социальных условиях, вызывается ее усиление. А когда в обществе идет процесс перехода к новым ценностям, целям и ориентирам ситуация с молодежью существенно усугубляется.

По результатам ряда исследований практически вся учащаяся молодежь не испытывает уверенности в завтрашнем дне. Преимущественно это связано с туманными перспективами трудоустройства и невысоким уровнем оплаты труда молодых специалистов. Особенно это относится к сферам подготовки специалистов узкого профиля для работы в бюджетных организациях, которые не в состоянии использовать свои знания за рубежом по причине их локализованности (территориальный характер полученных знаний) и невостребованности (отсутствие за рубежом необходимости в специалистах данного профиля). Молодежь переходит от стратегического планирования к ситуативному принятию решений. Активно используются и «избегающие» стратегии, или стратегии отложенной реализации. Высшее образование перестает быть полем профессиональной ориентации, не обеспечивает надежного и безусловного будущего. Все эти факты говорят о том, что нынешнее состояние молодежи близко к кризисному, если уже не является таковым.

Предшествующими поколениями эффективно использовались модели жизненных стратегий, сформированные в консервативной, устойчивой и, что наиболее важно, прогнозируемой социальной среде.

Однако в условиях социальной неопределенности данные опыта предшествующих поколений теряют свою актуальность. Поэтому на сегодняшний день устаревшие модели становятся неприемлемыми в силу своей низкой эффективности, вследствие чего у молодого поколения возникает существенная необходимость в ревизии существующих схем поведения, их преобразовании и формировании успешных жизненных стратегий в современном мире.

Безусловно, молодежь обладает рядом существенных преимуществ перед прочими социальными слоями, и в первую очередь перед старшим поколением, в деле преодоления неопределенности в силу своей активности, мобильности и осведомленности в вопросах непосредственного использования технических достижений. Хотя, несмотря на то что есть преимущества, есть и сложности, лежащие в основе эффективного использования собственного потенциала. Построение жизненной стратегии и последующая ее реализация в новых и изменяющихся условиях необходимо предполагают предварительную верификацию и анализ индивидом поступающей информации с целью последующего ее преобразования в знаниевые формы, которые в дальнейшем используются в качестве базиса для принятия решений, моделирования и реализации алгоритмов поведения. Поэтому в условиях социальной неопределенности для построения эффективных моделей и сценариев собственной жизни недостаточно иметь доступ к информационным массивам – необходимо учиться трансформировать информацию в знаниевые формы, вырабатывать навыки нового знания. В противном случае молодого человека ожидает лишь не имеющая альтернативы включенность в инстант-культуру, которая провоцирует непрерывное производство сиюминутных образцов жизнедеятельности. Безусловно, данным образцам можно приписать положительное значение в определенных условиях, но без навыков абстрагирования и построения не только аналитических, но и синтетических суждений [2, 44], не сформируется целостная личность, способная осознанно и целеустремленно действовать в условиях неопределенности.

Тем не менее, несмотря на многочисленные трудности, с которыми вынуждены сталкиваться в условиях неопределенности молодые люди, данная ситуация обладает и существенно положительным значением. Неопределенность, будучи имманентно присущей современной социальной системе как сложному трансформирующемуся формированию, стимулирует тенденции развития как системы в целом, вынуждая ее к формированию устойчивых объективных связей, стремящихся перевести систему в состояние порядка и определенности, так и развитие всех ее элементов. В этой ситуации молодежь поставлена перед необходимостью интенсивного развития собственных интеллектуальных способностей и инфосоциальных качеств, способствующих повышению социальной адаптации с целью компетентного, взвешенного построения сценария собственной жизни и последующей эффективной его реализации. Таким образом, переход к неопределенности можно оценивать позитивно, поскольку он открывает глаза индивидам на объективный ход процессов и явлений. Более того, неопределенность, будучи *осознанной и принятой*, может рассматриваться как фактор, вызывающий эволюционирование, стимулирующий развитие человека и общества [3–6].

Список литературы

1. Яковук Т.И. Неопределенность как регулятор духовной жизни молодежи. Брест, 2005.
2. Кант И. Критика чистого разума. Сер. Выдающиеся мыслители. Ростов н/Д, 1999.
3. Бабосов Е.М., Бабосов С.Е., Бубнов Ю.М. и др. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе. Минск, 2001.
4. Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М., 1998.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ.; Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М., 1986.
6. Чупров В.И. Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие. М., 1992.

С.И. Железнякова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Россия

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА МОЛОДЕЖИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

В статье проанализированы результаты социологического исследования. Определен ряд проблем и противоречий современного этапа социализации молодежи в нестабильных условиях.

Ключевые слова: молодежь, моногород, ценностные ориентиры, экономические ориентиры, семейные ориентиры.

The article analyzes the results of a sociological report. It defines problems and contradictions of the present day level of socialization of young people in unstable conditions.

Key words: youth, monocity, values, economic priorities, family values.

Условия социализации молодого поколения зависят не только от переживаемого страной периода исторического развития. Они задаются контекстом текущей социальной ситуации. И если основное содержание переживаемого периода задано в начале девяностых годов XX века, общество определяется как «пореформенное», «переходное», «трансформирующееся», направленность и долгосрочность перспектив развития очевидна (демократия, рынок, плюрализм всех сторон жизни, социальная активность и творчество личности), то конкретная социальная ситуация гораздо более изменчива и зачастую слабо предсказуема. Между тем конкретные условия жизни в муниципальном образовании во многом определяют стиль и успешность адаптации молодого поколения к постоянно меняющимся условиям жизни.

В современных условиях молодой человек находится в наиболее сложной ситуации. Ведь именно в этот важнейший в жизни период от 14 до 29 лет происходит не только физическое и психологическое взросление, но и формирование социальной зрелости. В то же время роль и значимость традиционных институтов социализации меняется, часто в сторону уменьшения влияния. Резко возрастает роль ситуативных факторов, отдельных событий.

Молодежь как социальная группа очень неоднородна, демонстрирует весь разброс стилей и типов адаптации к общественным изменениям. И здесь немалую роль играют региональная дифференциация, специфика экономической и культурной ситуации в конкретном муниципальном образовании, даже в рамках одной области. Поэтому одной из задач исследования, некоторые результаты которого представлены в данной статье, является анализ ценностей и ориентиров молодых жителей уральского индустриального города.

Материалы и методы

Социологическое исследование «Молодежь уральского города – 2010: особенности социального портрета» осуществлено в 2010 году по инициативе управления по делам молодежи администрации города Нижний Тагил.

Актуальность исследования обусловлена следующим. Молодежные проблемы приходится решать в постоянно меняющихся экономических и социокультурных условиях, что особенно отчетливо проявилось после экономического кризиса 2008 года. Нижний Тагил включен в федеральную программу развития моногородов, что особым образом характеризует складывающуюся ситуацию, условия для самореализации молодежи в городе.

Целью исследования явилось составление социального портрета молодежи Нижнего Тагила, анализ динамики основных ориентиров сознания молодежи.

Объект исследования: учащаяся и работающая молодежь от 14 до 29 лет. Исследование по типу выборочное, прикладное, по ряду разделов имеет мониторинговый характер.

Объем квотной репрезентативной выборки – 478 респондентов. Состав выборки: работающая молодежь – 228 респондентов; студенческая молодежь вузов, средних специальных учебных заведений, профессионально-технических училищ – 155; учащиеся 10–11 классов школ – 95. Характеристика половозрастного состава выборки следующая. Мужчины – 46%, женщины – 54%. Распределение по возрасту: 27% – респонденты от 14 до 16 лет; 41% – респонденты от 17 до 23 лет; 32% – респонденты от 24 до 29 лет.

Метод сбора социологической информации – анкетный опрос. Разработано три вида анкет: «Анкета ученика», «Анкета студента», «Анкета молодого работника».

Результаты и их обсуждение

Описание **ценностных ориентиров** молодого поколения является важнейшей задачей для социологов, изучающих современную российскую молодежь. Именно те ценности, которые доминируют в сознании социальной группы, определяют ее поведение, степень активности и творчества и, в конечном итоге, социальную роль.

Процессы социализации молодого поколения протекают сегодня в условиях повышенной неопределенности; базовые, общепринятые ценности общества не артикулируются столь же четко и однозначно, как это было в предшествующий период нашей истории. В то же время на формирование норм и ценностей, определяющих адаптационное поведение личности, в современных условиях гораздо сильнее влияет конкретная социальная ситуация, в ряде случаев даже отдельные события. А эта ситуация, хотя и меняется достаточно быстро, в целом характеризуется усилением неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне.

Поэтому анализ представлений, которые существуют в сознании молодежи и касаются понимания основных проблем общества, собственных жизненных задач и способов их решения, является принципиально важным. Ответы респондентов на вопрос: **«Пожалуйста, выберите и отметьте наиболее значимые лично для Вас ценности в жизни»** – позволяют выявить иерархию ведущих ценностей. Ниже приведены варианты ответов, сумма ответов больше 100%.

- 1) здоровье; хорошая семья, дети – по 83%;
- 2) деньги, материальные блага – 51%;
- 3) дело по душе, интересная работа – 50%;
- 4) общение с друзьями – 40%;
- 5) образованность, профессионализм – 30%;
- 6) возможность поехать, повидать мир – 23%;
- 7) творчество, реализация своих способностей; независимость, свобода – по 21%;
- 8) душевное равновесие, спокойная жизнь – 18%;
- 9) личная безопасность; удовлетворенность в интимной жизни – по 13%;
- 10) наличие своего дела, бизнеса – 12%;
- 11) получение удовольствий – 7%;
- 12) престиж, известность, слава; власть, возможность управлять – по 5%;
- 13) наличие идеалов, веры – 4%.

Сопоставление данных за длительный период наблюдений позволяет сделать вывод о высокой степени устойчивости ценностных приоритетов. Так, в 1993 году ряд приоритетов был следующим: семья – деньги – друзья – работа. С 2000 года мы добавили переменную «здоровье», которая с тех пор занимает первое – второе места; ценности семьи, денег, друзей и работы также по-прежнему являются наиболее значимыми.

Семья расценивается как практически единственная ниша стабильности, среда для воссоздания и поддержания социально-психологической устойчивости. Причем современная семья в представлении молодого человека отнюдь не связана с социально одобряемыми традиционными формальными рамками (имеется в виду зарегистрированный брак). Так называемый гражданский брак несет сегодня ту же смысловую нагрузку, что и традиционная семья, в то же время, являясь более уязвимой, нестабильной формой организации брачно-семейных отношений.

Тенденция к организации семейной жизни в рамках «гражданского брака» среди молодежи является, по-видимому, долгосрочной. Так, в наших опросах 2004 года общее количество позитивно относящихся к гражданскому браку молодых респондентов составляло 68%. В 2010 году – практически столько же, а именно 66%. Одновременно с этим общее количество негативно оценивающих эту форму семейной жизни в 2004 году – 14%, однако сегодня почти вдвое больше – 27%.

Таким образом, на семью как элемент стабильной социальной конструкции возлагаются сегодня даже *большие надежды*, чем раньше. Во многом это связано со снижением значимости такого традиционного института социализации, как система образования. Учебный процесс все больше утрачивает черты воспитательного, что раньше было нераздельным. Преподавание становится более технологичным, отстраненным (отчужденным) от личности как преподавателя, так и ученика. Не случайно от педагогов можно иногда услышать: «Школа учит, а воспитывает пусть семья».

Рассматривая репродуктивные ориентиры молодых тагильчан, отметим, что они также отличаются определенностью. За пять лет наблюдений модель детности семьи почти не изменилась. Вопрос 2010 года: **«По вашему мнению, сколько детей в идеале должно быть в семье?»** В скобках указан процент ответов в 2005 году.

1. Двое детей – 64% (60%).
2. Трое детей – 18% (11%).
3. Вполне достаточно одного ребенка – 13% (23%).
4. Больше трех детей – 3% (4%).

Двухдетная семья является идеальной моделью для всех категорий респондентов, независимо от пола, возраста, реального количества детей в семьях. Однако несколько возросло количество респондентов, ориентированных на трехдетную модель. Одновременно уменьшилось количество тех, кто ориентирован на однодетную семью. Таким образом, представления о детности изменились в сторону увеличения количества детей в семье, пусть пока не очень отчетливо. Поведенческая активность человека, связанная с реализацией, воплощением своих ценностных приоритетов в жизни, происходит во вполне конкретных условиях социума.

Оценка респондентами наиболее волнующих проблем общества как раз и отражает тот эмоциональный фон, на котором происходит повседневная жизнь, задаются многие решения, принимаемые человеком относительно своего будущего. Приведем ответы респондентов на вопрос: «**Какие проблемы нашего общества вы считаете наиболее важными сегодня?**» Сумма ответов более 100%.

- 1) преступность – 47%;
- 2) распространение наркомании среди молодежи – 40%;
- 3) проблемы экономики; рост цен – по 37%;
- 4) безработица, сложности в трудоустройстве – 35%;
- 5) бедность, трудности жизни обычных людей – 33%;
- 6) состояние окружающей среды – 29%;
- 7) духовно-нравственный кризис, утрата идеалов, расшатывание моральных норм – 26%;
- 8) ухудшение здоровья населения, сложности в здравоохранении – 24%;
- 9) расслоение общества на бедных и богатых – 23%;
- 10) угроза терроризма – 22%;
- 11) сложности в жилищно-коммунальной сфере – 21%;
- 12) проблемы образования – 19%;
- 13) неуважение людей к законам; отсутствие жизненной перспективы у многих людей – по 16%;
- 14) проблемы политической жизни – 15%;
- 15) приток мигрантов в страну – 14%;
- 16) кризис семьи, спад рождаемости – 12%;
- 17) угроза чрезвычайных ситуаций – техногенных и природных – 5%;
- 18) межнациональные отношения в обществе – 4%;
- 19) сложности реформирования армии, проблема призыва – 3%.

Показательно, что динамика общественного мнения отражает реально складывающуюся социальную ситуацию. В начале пореформенного периода опасность наркотизации молодежи не осознавалась и не присутствовала в массовом сознании так отчетливо, как в последующий период. В нашем опросе 1993 года эта проблема, по мнению респондентов, была лишь на десятом месте, сегодня – на втором. Много сказано о том, что риски реформ не просчитывались, однако сегодня налицо конкретное следствие фрустрирования целой социальной группы, с более затратными по сравнению с другими социальными группами усилиями приспособляющейся к жизни в нестабильном обществе.

Поэтому тезис о более легкой, почти автоматической приспособляемости молодежи к нынешним условиям, коль скоро она появилась уже внутри этого периода (дети 1993 года рождения сегодня – студенты-первокурсники, а 1986 года рождения включены в общественное производство), оказывается несостоятельным. Общество в лице властей должно предоставить компенсаторные механизмы для молодежи, позволяющие более адекватно вписаться в экономические реалии. С другой стороны, решение социальных проблем всего общества, вынесенных на повестку дня, одновременно является способом социальной защиты молодежи.

Наиболее близки человеку те проблемы жизни, которые сопровождают его повседневно, с которыми он вынужден сосуществовать каждый день. Ответы на вопрос анкеты: «**Какие проблемы в жизни нашего города вы считаете наиболее беспокоящими, первоочередными для решения?**» – позволили выстроить иерархию этих проблем. Ниже приведен перечень, сумма ответов более 100%.

1. Трудоустройство, решение проблем безработицы – 54%;
2. Решение жилищной проблемы для молодых семей; поддержание в нормальном состоянии городских дорог – по 42%;
3. Оздоровление экологической обстановки – 40%;
4. Обеспечение стабильной работы градообразующих предприятий – 39%;
5. Ситуация с преступностью, обеспечение правопорядка – 32%;
6. Обеспечение местами в детсадах – 28%;
7. Поддержание чистоты улиц, дворов, подъездов – 27%;
8. Строительство жилья – 20%;
9. Развитие среднего и малого бизнеса, создание новых предприятий – 19%;
10. Возможности получения высшего образования; обеспечение современными услугами здравоохранения; возможности занятий спортом и физической культурой – по 17%;
11. Обеспечение детскими площадками, зелеными прогулочными зонами – 15%;
12. Создание условий для современного досуга, обеспечения культурных запросов горожан – 13%;
13. Работа городского транспорта – 7%;
14. Межнациональные отношения; обеспечение современными торгово-развлекательными комплексами – по 5%.

Таким образом, наиболее проблемной является тройка вопросов «жилье – работа – состояние дорог». Если сравним наиболее волнующие проблемы города и проблемы всего общества, станет ясно, что сложности в трудоустройстве действительно сегодня на первом плане, поскольку респонденты выделяют именно эту проблему в обществе, и в конкретных условиях жизни в городе.

Наш вывод подтверждается указанием респондентов на первоочередные личные проблемы (вопрос: «Какие личные проблемы надо для Вас решить в ближайшее время?»). Вопрос поиска хорошей работы и обеспечения жильем также является первоочередным, эти варианты ответа выбрали 48% опрошенных.

Трудоустройство для молодого человека, действительно, является проблемой – не новость для рыночного общества. В предыдущих наших исследованиях эта проблема в 1993 году заняла пятое место в иерархии (19%); в 2000 году – седьмое место (20%); в 2004 году – пятое место (25%). Однако налицо усиление актуальности проблемы, что связано с реалиями экономического кризиса 2008 года для моногорода, каким является Нижний Тагил.

Изучение **миграционных устремлений** молодежи помогает более точно оценить степень удовлетворенности существующими условиями жизни в городе. Отвечая на вопрос: **«При наличии такой возможности, хотели бы вы сменить место жительства?»** – 48% респондентов указали вариант ответа «да, насовсем»; 16% выбрали вариант ответа «да, временно»; чуть более трети респондентов (35%) не хотели бы менять место жительства.

Ответ на гипотетический вопрос о возможных причинах (мотивах) переезда позволяет заострить внимание на проблемах жизни в городе, как наиболее тревожащих молодых респондентов. Это трудоустройство, профессиональный рост, уровень жизни. Эти параметры отмечают почти треть опрошенных. Приведем ответы респондентов о возможных причинах переезда: поиск более привлекательной работы – 29%; более высокий уровень жизни населения; более динамичная, насыщенная жизнь, больше перспектив – по 28%; возможности обучения – 27%; больше возможностей профессионального роста – 26%; меньше экологических проблем – 23%; возможность открыть свое дело, организовать бизнес; возможность решить жилищную проблему – по 11%; возможность найти любимого человека, спутника жизни – 10%; возможности более разнообразного досуга – 8%.

Уточняет ситуацию ответ на вопрос: **«Хотели бы Вы, чтобы ваши дети жили в Нижнем Тагиле?»**. Отрицательный ответ дает более чем половина респондентов («нет» – 25%, «скорее нет» – 30%), положительный – чуть более четверти («да» – 14%, «скорее, да» – 13%). Почти пятая часть (18%) затруднилась сформулировать мнение определенно.

Таким образом, в нынешней ситуации для молодого жителя Нижнего Тагила проблема трудоустройства стала одной из наиболее актуальных, несколько отодвинув другие, традиционные для периода взросления. Это, очевидно, прямое последствие кризиса 2008 года для типичного уральского промышленного города с двумя градообразующими предприятиями и недостаточно развитой сферой малого и среднего бизнеса.

Несмотря на многочисленные и очень сложные проблемы, которые стоят перед молодыми людьми, именно эта социальная группа характеризуется таким качеством, как «поколенческий оптимизм». Это сущностная черта молодого возраста. Как проявляется это качество в условиях нестабильности? Сравнение ответов респондентов на вопросы: «Какое из высказываний точнее характеризует ваше отношение к нынешней жизни?», а также «Как бы вы оценили перспективы вашей жизни примерно через пять лет?» – сегодня и пять лет назад позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, количество респондентов, оценивающих собственную адаптацию как успешную, увеличилось. Во-вторых, количество относительно неадаптированных довольно стабильно. Приведем данные.

Оценка пятилетней перспективы – вопрос: **«Как бы Вы оценили перспективы вашей жизни примерно через 5 лет?»**.

1. «Моя жизнь будет значительно лучше, чем сейчас» – 55% (2005 г. – 45%; 2004 г. – 37%).
2. «Моя жизнь будет примерно такой же, как сейчас» – 11% (2005 г. – 18%; 2004 г. – 17%).
3. «Моя жизнь может и ухудшиться» – 4% (2005 г. – 10%; 2004 г. – 11%).
4. «Затрудняюсь ответить» – 29% (2005 г. – 27%; 2004 г. – 39%).

Очевидно, что вопросы материального обеспечения, создания экономической базы для полноценной социальной реализации являются одними из наиболее актуальных для молодых людей. Показательно, что, выдвигая на первый план решение таких *лично* важных вопросов, как зарабатывание денег, обеспечение желаемого уровня материальных благ, решение жилищного вопроса, респонденты описывают социальные условия решения этих задач в таких признаках, как экономическая нестабильность, расслоение населения по признаку доходов, рост цен и сложности в трудоустройстве.

Как «уживается» в сознании молодого человека это противоречие между насущной потребностью в обретении самостоятельного экономического статуса и представлением о существующих для этого возможностях? Отчасти здесь играет свою роль присущий молодежи поколенческий оптимизм, позволяющий оценить свое будущее в пятилетней перспективе как значительно отличающееся от сегодняшнего в лучшую сторону.

Группировки респондентов по самооценкам успешности адаптации к нынешней жизни позволяют более адекватно представить себе реальное положение дел. В течение пятилетнего периода наблюдений произошла определенная кристаллизация групп респондентов. Это группа с наиболее проблемной адаптацией (примерно 7–8% от массива); группа с активным типом вынужденной адаптации – примерно треть (27–29% от всего массива).

Вопрос: **«Какое из высказываний точнее характеризует Ваше отношение к нынешней жизни?»**.

- мне очень сложно приспособиться к нынешней жизни – 7% (2005 г. – 8%);
- живу, как и раньше, ничего особенно не изменилось – 43% (2005 г. – 20%);
- мне приходится «вертеться», использовать любые возможности для заработка – 29% (2005 г. – 27%);
- мне удалось использовать новые возможности, немало добиться – 21% (2005 г. – 8%).

Можно заключить, что поколенческий оптимизм в условиях нестабильного общества не размывается и слабо подвержен влиянию конкретной ситуации.

Экономическое поведение человека определяется не только полученной профессией, уровнем личной мобильности, ситуацией на рынке труда. Важное значение имеет общая направленность личности «чело-

века экономического», выражающаяся в том, ориентирован он больше на стабильность и устойчивость с меньшим уровнем дохода, либо на большие доходы с большим риском неуспеха. Важны также и ведущие мотивы труда – что важнее всего в работе, каково соотношение материальных и социальных факторов труда. Ответы на вопрос: «**В каком секторе экономики Вы хотели бы работать в идеале?**» – позволяют распределить респондентов по типам ориентации на сектор экономики. Одна треть ориентирована на государственный сектор (государственные предприятия, государственная служба, служба в армии, органах МВД); почти половина опрошенных ориентируется на институты свободного рынка, однако здесь есть два вида ориентаций. Часть таких респондентов (19%) ориентирована на негосударственный сектор экономики (акционерные предприятия, фирмы), позиционируя себя в качестве наемных работников этого сектора; другая часть опрошенных (30%), выбирая вариант ответа «свое дело», очевидно, позиционирует себя собственниками своего предприятия, скорее всего, малого и среднего бизнеса. Пятая часть респондентов, затруднившихся ответить на данный вопрос, пополняет две вышеописанные группы в зависимости от ситуативных факторов.

Общий вывод: количество ориентированных на негосударственный сектор экономики постепенно увеличивается, и этот процесс не связан с ситуацией экономического кризиса. Так, в 2005 году ориентированных на госсектор было 40%, на негосударственные предприятия – 29%, на свое дело – 35%.

Достаточно молодых людей ориентированно на негосударственный сектор экономики, что является особенно важным в условиях такого города, как Нижний Тагил. Город является типичным крупным индустриальным центром Урала («моногородом»), где трудоспособное население привыкло ориентироваться на два основных градообразующих предприятия, а город в целом полностью зависит от положения дел на этих предприятиях. В таких городах малый и средний бизнес не играл существенной роли ни в экономическом, ни в социальном аспектах.

Однако сегодня развитие именно этих форм хозяйствования дает возможность для развития экономики города, улучшения социальной ситуации. Реальность такова, что развитие малого и среднего бизнеса идет не просто, доля в экономике города незначительна, поэтому в планах развития города ставится задача увеличения этой доли.

Поскольку «дух предпринимательства» – категория в первую очередь ментальная, подразумевающая наличие интереса к сфере бизнеса, воли к его организации, готовности к предпринимательскому риску, ориентация на себя, полученные данные позволяют сказать, что сознание молодых жителей города является в целом рыночным. Это одна из предпосылок для решения поставленной задачи по развитию предпринимательства в городе. Немаловажно и то, что респонденты считают предпринимательскую деятельность престижной (фактор престижа при выборе занятий существенно воздействует на молодого человека), о чем свидетельствует рейтинг профессий – 2010.

Выводы

Изучение **ценностных ориентиров** молодого поколения Нижнего Тагила позволяет сделать вывод о стабильности основных жизненных приоритетов. На первом плане в сознании молодежи находятся ценности семьи и детей, здоровья, ценности материальные, профессиональные и ценности дружбы. Это атрибутивные характеристики молодого поколения. Реализация жизненных стратегий по отношению к этим ценностям определяет и приоритетность основных личных проблем, которые являются наиболее актуальными на этом этапе жизни – это обретение желаемого материального статуса, трудоустройство и самореализация в профессии, семейное самоопределение.

Семья рассматривается подавляющим большинством респондентов в качестве ведущей жизненной ценности. С другой стороны, основной способ семейной организации для молодых людей – это незарегистрированный «гражданский брак», особенностью которого является незавершенность, «недоговоренность» брачного статуса. Налицо противоречие: повышенная потребность в семье как ценности – и сниженный уровень требований к форме организации семейных отношений.

Двухдетная семья является идеальной моделью для всех категорий респондентов, независимо от пола, возраста, реального количества детей в семьях. Представления о количестве детей в семье изменились в сторону увеличения, пусть пока не очень отчетливо.

Перечень основных **проблем в жизни общества** также устойчив. Основными угрозами нашему обществу молодые респонденты считают преступность, распространение наркомании среди молодежи, рост цен и проблемы экономики, сложности в трудоустройстве.

Характерная черта молодежного сознания – поколенческий оптимизм, который демонстрирует тенденции к повышению уровня, несмотря на посткризисную экономическую ситуацию.

Самооценки **адаптации** к меняющимся условиям жизни демонстрируют тенденцию к увеличению доли успешно адаптировавшихся. В то же время процент молодых людей, оценивающих собственную адаптацию как неуспешную, воспроизводится в тех же пропорциях и составляет около 7%.

Изучение **миграционных настроений** среди молодежи города позволяет сделать вывод о примерно трети условно ориентированных, при соответствующих условиях, на переезд. Основной мотив – экономический, связан с решением проблемы трудоустройства.

Миграционные намерения во многом детерминируются оценками условий жизни в городе. Среди наиболее беспокоящих **проблем городской жизни** респонденты выделяют проблемы трудоустройства, жилищную проблему, состояние городских дорог и экологию. Вторая группа проблем касается обеспечения правопорядка

в городе, возможностей для развития малого и среднего бизнеса, обеспеченности местами в детских садах, поддержания чистоты улиц, дворов и подъездов.

Изучение **экономических ориентиров** молодежи Нижнего Тагила позволяет сделать вывод о развитии рыночного мышления молодежи, отходе от патерналистских установок. Во-первых, становятся более отчетливыми тенденции ориентироваться на негосударственный сектор экономики. Во-вторых, представления о предпринимательских занятиях как достаточно престижных. В-третьих, наряду с высказанными надеждами в решении проблем трудоустройства молодежи на местные власти, реально почти все опрошенные находят рабочее место самостоятельно, из них половина с помощью личных контактов и связей.

Заключая, можно сказать следующее. Молодость – это время приобретения социальной компетентности, утверждения идентичности, которые, в конечном итоге, обеспечивают интеграцию в социум. Современное общество находится в неравновесном состоянии, описывается в терминах нестабильности, неопределенности, динамической неустойчивости. В то же время процессы социализации молодого поколения определяются системой норм и ценностей, исповедуемых личностью, в сфере морали, экономики, политики, культуры. Поэтому, наряду с традиционным качественно-количественным описанием портрета социальной группы, необходимо и практически полезно исследовать способы включения молодого поколения в постоянно меняющийся нестабильный социум [1–4].

Автор выражает благодарность администрации города Нижний Тагил, начальнику Управления по делам молодежи Д.В. Язовских, главному специалисту Т.П. Панковой за возможность реализации исследовательского проекта.

Список литературы

1. Железнякова С.И. Динамика молодежного сознания: тенденции и противоречия (ориентиры молодых тагильчан – 2005): Сб. материалов социологического исследования в Нижнем Тагиле / Комитет по делам молодежи администрации МО «город Нижний Тагил». Нижний Тагил, 2005.
2. Железнякова С.И. Молодежь индустриального города – 2004: Аналитический отчет по материалам социологического исследования в Нижнем Тагиле / Комитет по делам молодежи администрации МО «город Нижний Тагил». Нижний Тагил, 2004.
3. Молодой россиянин на пороге XXI века: социокультурное измерение: Сб. науч. тр. / Нижнетагильский государственный педагогический институт. Нижний Тагил, 1996.
4. Социокультурный портрет молодого тагильчанина (семь лет спустя) / А.П. Багирова, Ю.Р. Вишневский / Отв. ред. С.Ю. Вишневский, С.И. Железнякова, А.В. Лавров, Л.А. Марголин, Т.П. Панкова, В.Т. Шапко; Комитет по делам молодежи администрации Н. Тагила; Нижнетагильский государственный педагогический институт, Уральский государственный технический университет. Нижний Тагил, 2000.

II. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ

О.Ф. Филимонова

Саратовский государственный технический университет, Россия

МОЛОДЕЖЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДА

Статья посвящена анализу проблемы интеграции молодежи в экономические процессы. Внимание фокусируется на тенденции интеллектуализации труда и новых требованиях, предъявляемых к общему рынку людей. Запрос современной экономики на интеллектуальный ресурс вывел на первый план критерии образования, профессиональной компетенции, творческого потенциала.

Ключевые слова: социализация, молодежь, образование, интеллектуализация труда, творческая активность, инновация.

This article covers the analysis of the problem of the youth integration into the economical processes. Attention is focused on the labour intellectualization trend and new requirements presented by the people common market. The needs of the modern economy in the intellectual resources brought to forefront the criteria of the education, professional competence, creative potential.

Key words: socialization, young people, education, labour intellectualization, creative activity, innovation.

Время экономических реформ, которое длительно переживает Россия, вывело на первый план вопросы профессиональной готовности к труду молодого поколения. Роль такого рода рабочего ресурса стала исключительно значима в силу ряда обстоятельств. Прежде всего, высокотехнологический характер рыночной цивилизации неизбежно оказывается связанным с образованием и научными исследованиями. Эта связь взаимозависима и взаимодополняема: если образовательные институты стимулируют экономическое развитие посредством подготовки кадров, исследований и новых разработок, то экономика, в свою очередь, обеспечивает рост их материальной основы. Поэтому обслуживание целей современной экономики, решение ее производственных и коммерческих проблем нуждается, в первую очередь, в квалифицированных, мобильных и способных к новаторству специалистах.

Особая роль человеческого фактора в процессах социально-экономического развития сегодня осознается с безусловностью. Однако такое понимание, как мы можем видеть, не исключает признания того факта, что принципы и способы деятельности человека определяются единством его индивидуальных устремлений и теми условиями хозяйственной жизни, в которых эта деятельность реализуется. Условия могут благоприятствовать осуществлению индивидуальных целей и, наоборот, способны ставить препятствия их достижению. Современная практика экономической жизни демонстрирует серьезные противоречия между целями и интересами молодежи и институциональными порядками и нормами. С одной стороны, спектр побудительных мотивов к деятельной самореализации обогащается благодаря социальному и правовому самосознанию, информированности, с другой – угасание стимулов к труду и деформация его ценностной основы отягощаются пассивностью, нежеланием и неспособностью трудиться инициативно. Все это позволяет считать, что в причинах и истоках возникшего положения дел кроются определенные тенденции изменений. По крайней мере, три таких тенденции пронизывают пути современной рыночной цивилизации и с многообразными вариациями в зависимости от конкретной страны или культуры воздействуют на степень интегрированности молодежи в трудовую жизнь.

Первая из них – распространение и преобладание идей и институциональных форм рациональности, которая в широком смысле формирует мировоззрение западного типа (по М. Веберу) и составляет ядро капиталистического духа современного индустриализма (по В. Зомбарту). Ценностно-нормативные ориентации и поведенческие модели, в которых доминирует экономическая рациональность, выступают ведущими силами современного производства и рыночного обмена. Они вдохновляют конкурентоспособную хозяйственную политику, «обмирщенную религию» предпринимательства и этику ответственности. Именно потому, что, являясь производными определенной культуры, специфичной как в историческом, так и пространственном отношении, они стоят в центре проблемы модернизации «незападных» обществ и общего рынка людей, принадлежащих к разным поколениям и социальным структурам.

Вторая тенденция, которую мы хотели бы выделить, – это интеллектуализация труда. Основной тезис состоит в том, что под воздействием экономических изменений высокообразованный индивид становится центральной фигурой производительных сил и главной особенностью социального развития. В мире труда на передний план выходят критерии качества образования, компетенции, инициативы, творческого, иннова-

ционного потенциала. Однако тенденция чревата напряженностью. Постоянная готовность концентрировать собственные ресурсы (знания, интересы, способности, время и т.д.) на определенную цель, выбранную по рациональным экономическим критериям, действует конструктивно. При этом не исключаются побочные эффекты – карьеризм, дилетантизм, отсутствие ответственности за практические дела, потеря статуса, а также ослабление уверенности в приобретенных знаниях, образовании, профессиональных навыках. Тем не менее представление о полезности образования не утрачивает своей значимости, и тогда запрос на высокий интеллектуальный ресурс возымел новый смысл.

Наконец, третья тенденция – социальное отторжение. Образование, интериоризация норм и ценностей рынка оказываются недостаточными для успешной интеграции в трудовую деятельность. Глубокие противоречия между профессиональными устремлениями молодежи, с одной стороны, и невозможностью их реализации в силу структурных факторов, с другой, в настоящее время склонны к усилению и далеки от разрешения.

В данной статье мы сфокусируем внимание на процессе интеллектуализации труда и тех изменениях, которые повлияли на трудовую занятость молодежи. Попытаемся коротко их обозначить. Прежде всего, экспансия образования – явление, которое нашло свое идеологическое оформление в новом взгляде на образование как универсальный «институт первостепенной важности по всему миру» [1, 195]. В сущности, здесь идет речь о совершенно новой перспективе – непрерывном (индивидуальном) образовании или движении от частично-ограниченного образования к образованию интегрированному и продолжительному. В реальности это требует трансформации всей системы обучения, расширения ее в пространстве, времени и обществе. Школа, работа, отдых, окружение, семья, общество, международные отношения – все эти жизненные сферы должны быть охвачены непрерывным образованием, которое, действительно, сегодня предстает одним из самых разветвленных социальных институтов в виде развивающейся иерархии учебных заведений с определенными специализированными функциями.

Проблема непрерывного образования возникла в связи с техническим прогрессом, постоянным ростом научной информации и обновлением знания. Человек вынужден периодически пополнять запас знаний и потому не может говорить о завершении своего обучения в любой его форме [2, 262]. В этих обстоятельствах меняется и задача высшей школы: университет должен давать не сумму знаний, а развивать способность к постоянному самообновлению. Однако, согласно существующему мнению, именно этого современная система высшего образования предоставить не в силах [3]. Отсюда следует, что непрерывное образование призвано сформировать личность, стремящуюся через самосовершенствование реализовать свои интеллектуальные, эмоциональные и творческие возможности и таким образом предоставить каждому шанс на социальный успех.

Надо сказать, что основания подобного рода демократических предположений коренятся в более фундаментальных идеологических построениях, в частности, идее о природе «совершенного общества» и роли высшего образования (знания) в нем. Достаточно сослаться на замысел Дж. Хаксли о создании фонда научных знаний в рамках его проекта международного правительства и концепцию холистического образования Э. Ласло [4, 102], чтобы почувствовать в целях его массовизации интенции унифицирующего свойства и элитарные, нежели демократические интересы. Реальность такова, что рост возможностей получения образования сопровождается, скорее, усилением структурных диспаритетов, чем уменьшением. Соответственно образование и неравенство остаются не взаимоисключающими, а сосуществующими явлениями.

Другой существенный аспект интеллектуализации труда связан с *доминацией экономической функции образования*. Здесь просматривается связь университетов и институтов высшего образования с экономикой через рынок профессиональной рабочей силы, через исследования прикладных наук и через расширяющееся потребление «высокой культуры». Иначе говоря, традиционные функции высшего образования – знание ради знания, воспроизводство культурной и правящей элиты – дополнились экономической функцией. Этот процесс находит выражение в создании университетов, которые представляют собой особые формы предпринимательства. Они функционируют в качестве научно-исследовательских центров с целью технологического новаторства по принципу «исследования по заданию» и в полной зависимости от финансов и интересов заказчика. Последствием такой практики явилось расширение взаимовыгодного обмена новейшей информацией между исследовательскими центрами фирм, высшей школой и промышленными предприятиями. Например, в США, ФРГ и Франции в подобных сетях взаимодействий участвуют до 30% инженеров, преподавателей колледжей, университетов и научных сотрудников исследовательских промышленных центров [5, 10].

В России неостребованность научного потенциала сказывается не только на его неэффективной растрате (эмиграция молодых ученых и исследователей, безработица, низкая мотивация и т.п.), но и на новых наборах университетов и колледжей, особенно на научно-технические факультеты, для выпускников которых трудовой рынок существенно сократился. Использовать специалистов подобного рода препятствует, несомненно, экономический спад и отсутствие спроса на научно-технические изобретения со стороны реального сектора экономики, но, главное, нежелание создавать, то есть вкладывать инвестиции в научные исследования и изобретения, в современную школу подготовки отечественных ученых и технически образованного персонала. Поэтому риск прямых материальных потерь для страны (производство, национальный доход, прибыли и т.п.) очевиден.

Интеграция высшей школы с экономикой влечет за собой определенные побочные эффекты. Проблема для университетов заключается, во-первых, в сложности оптимального совмещения учебной и исследовательской деятельности. Согласно мнению западных исследователей, работники преподавательского «дела» делятся на две обособленные группы: небольшая часть концентрируется на исследовательской работе в элитных школах, университетах, научных центрах, остальное большинство, которых У. Метцгер назвал «люмпен

-профессориадом» [6, 154], осядет во второсортных учебных заведениях. Во-вторых, проблема заключается в ограничении академической свободы, то есть деформации традиционно независимого и бескорыстного творческого поиска новых научных знаний. Иначе говоря, серьезному испытанию подвергаются рациональность и основополагающие принципы, на которые опирается наука и которые дают направление процессам и организации научных изысканий. Если в системе капиталистического хозяйствования трудно предугадать ход экономического развития, то тем более невозможно планировать научные результаты.

Наконец, *субъективный фактор*, усиление роли которого является наиболее значимой тенденцией интеллектуализации деятельности. Без учета личностных характеристик трудно выявить способности и потенциал экономических субъектов. Если знания связаны с уровнем специальной подготовки, а навыки – со степенью практического освоения данного вида работы, то пригодность и готовность к конкретному труду – с личностными качествами. В этом случае речь идет не только об образовании, но об общей культуре специалиста, то есть не только о профессиональных, но и надпрофессиональных требованиях к квалификации [7, 127]. Коротко рассмотрим некоторые составляющие субтитутутов, востребованные на общем рынке интеллектуального труда.

Самопродвижение или мобильность, которая основывается не только на изменениях в образовании и структуре занятости, но влечет за собой и повышенные требования к личностным ресурсам. Семья, то есть среда происхождения, является тем сегментом общественной структуры, где они кумулируются. Материальный потенциал (бюджет), социальные ресурсы (формы жизни и социальные сети) семьи как совокупный культурный капитал влияют на использование имеющихся резервов действия и неравенств разного рода. Как показал П. Бурдьё, семья обеспечивает не только статусные ресурсы, но посредством социализации передает образцы габитуса и стратегии, при помощи которых можно достичь определенных социальных позиций. Тот факт, что небольшая успешная группа молодых российских бизнесменов поддерживается и защищается влиятельными родителями, занимающими административное или правительственное положение, говорит о том, что профессиональная мобильность молодежи детерминирована в большей степени структурными факторами, нежели образовательными [8, 63]. Семьи с незначительными ресурсами не могут оказать такую поддержку. Иначе говоря, в процессе социальной мобильности существует огромная инерция и фильтр классового отбора. Те, кто благодаря унаследованным капиталам имел лучшие шансы в молодости, имеет явные преимущества и в более зрелом возрасте.

Значение образования как биографического факта трудно переоценить, поскольку оно обуславливает жизненные возможности, непосредственно связанные с доходом, условиями труда, размером пенсии, выбором партнера, здоровьем. Однако сегодня оно больше не готовит человека к трудоустройству, а создает лишь видимость дополнительных возможностей для социальной мобильности, в силу чего прямая зависимость между квалификацией, карьерой и доходом просматривается довольно слабо. Вместе с тем сохраняются установки, привитые опытом родителей, что образование есть путь к карьере и материальному благополучию. По результатам исследований российских социологов, молодые люди убеждены, что накопление образовательных ресурсов предопределяет не только объективное социальное положение, но существенно сказывается на их самоощущении. При оценке реальной возможности достижения материального благополучия в процессе жизни молодежь проявляет достаточно высокий уровень социального оптимизма [9, 105]. Возможно, это указывает на потенциальную значимость родительского мнения и совета. Сохраняя базовые ценности семьи, она адаптирует их к новым условиям, в силу чего имеют место такие приоритеты, как самоопределение и самореализация. Однако мысль склоняется к тому обстоятельству, что фактор опасности в молодости осознается довольно слабо. На самом деле ситуация небезопасна: более 2/3 молодых людей с профессиональным образованием не работают по своей специальности, около 60% из них занимаются неквалифицированным или низкоквалифицированным трудом [10, 60]. Поэтому идеалистические притязания здесь далеки от взвешенного рационализма. В реальности российская молодежь испытывает понижение профессиональной и социальной мобильности.

Самосовершенствование связано с надпрофессиональными требованиями к квалификации, что требует не только функциональной образованности, но и высокого уровня общей культуры. Большое значение придается дисциплине, ответственности, добросовестности, велика цена абсолютной корректности в манерах, внешности и одежде, ценятся также представления в области искусства, знание иностранных языков, увлечение спортом. Таким образом, комплекс личных заслуг интегрирует профессионализм, этические, эстетические и физические качества, что отвечает теории «человеческого капитала».

Подобные критерии предъявляются не только к административным кадрам, занятым в экономике, но и работникам свободных профессий в основном за счет изменяющихся общих условий в сфере труда и связей со смежными профессиями. По этой причине в трудовой деятельности утверждаются принципы, в основе которых лежит постоянное обновление знаний, освоение новых (смежных) специальностей и поддержание физического тонуса. Все это укладывается в представление о полностью индивидуализированном профессионале на рынке труда, который постоянно совершенствует квалификацию, готов к работе в любой момент и всегда может адаптироваться к новым условиям.

В этих обстоятельствах идея самосовершенствования устанавливает понимание того, что в дальнейшем структура занятости будет требовать на конкурентных началах значительно более высокого уровня технической компетенции, чем существует сегодня. Данное предположение принадлежит теории «пролетаризации интеллигенции» [11, 118]. Согласно прогнозам, более 1,2 млрд высококвалифицированных специалистов во всем мире теснят друг друга на рынке труда, а в наступившем веке потребуются всего лишь 1/5 всех имею-

щихся трудовых ресурсов. Настроение остального трудоспособного населения придется поддерживать путем *tittytianment*, то есть сочетанием развлечения и «подкармливания» [12], и экономика готова субсидировать эту операцию. Однако существуют указания из наблюдений и прикладных исследований на то, что значительное число молодых образованных людей, занявших такую социальную нишу, либо лишаются перспективы на будущее и профессиональные планы, либо бывают заняты в маргинальные профессии, ведя образ жизни, противоречащий интеллигентному. Все шире круг тех, кто отбраковывается как «экономически неактивные» (У. Бек). Пока универсального решения данной проблемы не предвидится, складывается ситуация, которую социологи идентифицируют как модель «исключения».

Явление «избыточной квалификации» породило структурную безработицу и дифференциацию в интеллектуальном секторе. Действительно, культурная модель современного научно-технического общества требует, с одной стороны, постоянного роста численности работников с высшим образованием (интеллигенции), с другой – радикально сокращает спрос на неквалифицированный труд, что ведет к вытеснению с рынка труда функционально неподготовленных людей. В их число рискуют попасть не только взрослые, не обладающие профессиональными навыками и знаниями, необходимыми для новых технологий, но и молодые люди, ищущие свою первую работу. Проблема для них заключается в том, что наличие свидетельств о квалификации, диплома о высшем образовании или ученой степени не может в условиях капитализма обеспечить гарантированной работы. Если в период подъема экономики уровень образования еще играет определенную роль в получении другой или лучшей, более высокооплачиваемой работы, то в обстановке растущих экономических трудностей диплом резко обесценивается. Поэтому все те, кто будет не в состоянии повысить квалификацию, пройти профессиональную переподготовку и стажировку, либо получить дополнительное образование, неизбежно присоединятся к числу безработных или перейдут в разряд граждан, фактически, имеющих мало шансов получить достойную работу когда-либо в будущем.

В результате требований экономики к профессиональному профилю интеллигенции появилась элита, которую составляют те, чьи полезные знания и/или более редкие способности прошли жесткий отбор на соответствие интеллектуализированному труду. От работодателей (экспансия административной рациональности) зависит расширение и в то же время увеличение разрыва (в зарплате, роли, уважении, статусе) относительно тех, чей труд не будет подобным образом стандартизирован. Поэтому, чтобы не «сойти с дистанции», образованные индивиды должны обеспечивать свой социальный рост за счет личных достижений и самопрезентации большего объема культурного капитала. Однако такие процессы «роста компетенции» по принципу «я таков, каким вы хотите меня видеть», по оценке Р. Хойслинга, на деле оказываются новой формой отчуждения [13, 96].

Творческая активность образует некое движение между тем, что уже дано, и тем, что можно создать самим, и предполагает все то, что связано с инициативой, критическим мышлением и независимым поиском. Это идеи, образы, методы, способы для познания, анализа, убеждения и действия в условиях сложной реальности. Творческая активность есть специфический фактор, который ориентирован на экспансию, изменение и создание нового в любой сфере деятельности.

При инновационном характере современной науки, техники и экономики соотношение труда и творчества приобрело ключевое значение. Центральным мотивом творческого активизма является уникальная потребность в поиске, в постоянном стремлении к изменению, которое выступает как бы движущей силой саморазвития индивида [14, 32]. Действительно, творчество есть идеальное сочетание инициативы и положительных эмоций. В этом смысле нравственные и интеллектуальные свойства личности непосредственно проецируются на инновации. Показательно, что М. Хальбвакс относил стремление трудиться одновременно к области эстетики и морали [15, 18].

Наиболее социально влиятельными сферами инноваций сегодня предстают техника, наука, искусство и СМИ. Как правило, новое в этих областях достижимо лишь в комплексном сотрудничестве, поэтому творческие процессы отчасти смещаются от индивидуализированных достижений к интерактивному полю коллективной работы. Вместе с тем они открыты для индивидуальных траекторий. Существующее разнообразие условий, контекстов и потенциалов для создания нового, с одной стороны, обусловило плюрализацию творческих решений, с другой, повысило случайный характер каждой новинки. Поэтому неопределенность является сопутствующей чертой многих проектов и нововведений. Такая неустранимая неопределенность и субъективные моменты творческой инициативы связаны с известной долей риска, а также приводят к несоответствию «нравственных» деловых стремлений с их «безнравственной» практической реализацией, на что обращал внимание Р. Мертон [16, 105]. Отсюда риск, связанный с незаконной деятельностью и деятельностью вне рамок культурного приличия. Особенно явно такая тенденция находит проявление в искусстве и СМИ. Если наука и техника стремятся к точным и максимально вероятным результатам, то искусство и масс-медиа (с их аналитическими и познавательными структурами) могут рассчитывать лишь на результаты, последствия которых непредсказуемы. Известно, что в фазе нестабильности достаточно одной мысли, чтобы система стала развиваться в другом направлении.

В этом смысле значимость интеллектуальной деятельности, аутентичную творческую силу которой оригинально описал Й. Шумпетер [17, 201–214], неизмеримо возросла и расширилась. Центральный тезис, проступающий из описаний австрийского экономиста, состоит в том, что находящаяся под знаком свободы и демократии стратегия творчества располагается на уровне определенных культурных сил – интеллектуалов, чье искусное владение словом, установка на критику, а также отсутствие практических знаний и прямой ответственности за практические дела способны значительно воздействовать на социальные институты. В этом

контексте идеологическая семантика деятельности интеллектуалов отсылает нас к ценностям буржуазного оттенка.

Искусство и СМИ являются экспериментальными площадками для творческого активизма молодых. Здесь устанавливаются новые критерии и достижима любая траектория, по крайней мере, в воображении. Эта ситуация с точки зрения «конфликта поколений» имеет две особенности. Во-первых, аутентичность, стремление к экспрессивному самовыражению и непохожести на «взрослое» общество воодушевляет на преодоление границ конкретной системы социальных и культурных норм, во-вторых, возможные пути к этой цели в значительной степени сводятся к отклоняющемуся поведению. Импровизация, необычная образность, двойственность, ассоциативность понятий и слов, типичные для молодежных форм выражения, обнаруживают, с одной стороны, явный порыв к славе (как возможность быть услышанным/увиденным публикой), а с другой – желание перемен, попытка все подвергнуть испытанию, поставить под вопрос жесткость традиционных ограничений. То, что несет в себе «новая» заниженная эстетика (жанр «благг», инвектив в качестве оскорбительной ценности и т.п.), может служить яркой иллюстрацией расшатывания и дестабилизации фундаментальных убеждений.

Однако креативность молодых является не столько движением в сторону зрелости, сколько рефлексивным сдвигом, неким перетолковыванием, в результате которого звучит ответ и провокационный вызов «взрослым» посредством иного типа видения. При этом радикальность творческих решений лишена всякого метафизического проекта (что типично для значительной части сегодняшней российской молодежной культуры). Семантика их открыта: исключительная приземленность, сильный упор на зарабатывание денег, карьеру и успех (экономическая рациональность как принцип жизни) уводят от всего того, что связано с духом, с чисто человеческими идеалами. Сегодня настоятельно растет потребность в образцах обязывающих ценностей, тем не менее любое намерение контролировать ценностный кодекс интеллектуалов неизменно «наталкивается на частные бастионы буржуазного бизнеса», если воспользоваться для заключительного вывода выразительной репликой Й. Шумпетера.

Список литературы

1. «На много лет, простирающихся от детства через юность до ранней зрелости, образовательная система становится наиболее важным институтом, с которым индивиду предстоит иметь дело. Но даже и после ее юрисдикции (какой бы ступени образовательной лестницы он ни достиг в конце) это не означает, что он завершил свое образование как таковое. Тем или иным образом образовательная организация и образовательная деятельность будет преследовать его и во взрослой жизни». Цит. по: Бергер П.Л., Бергер Б.Л. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 22.
2. Впервые принципы непрерывного образования начали разрабатываться в СССР в 60-е годы, однако методологические и экспериментальные начинания оказались свернутыми. Основные тенденции непрерывного образования на Западе: увеличение продолжительности обязательного образования и всеобщность охвата средним образованием; интеграция общеобразовательной и профессиональной подготовки; расширение роли вузов в области переподготовки кадров всех уровней; рост роли вневузовского (внутрифирменного) образования; образование взрослых. См.: Сидоров В.А. Образование и подготовка кадров в условиях новой технической реконструкции. М., 1990.
3. См.: Кризис высшего образования в капиталистических странах. М., 1976.
4. «Мир в конце XX столетия нуждается в учебных заведениях нового типа, в которых люди могли бы окинуть единым взглядом проблемы, над решением которых бьется их век. Эти заведения также должны достигать высочайшего уровня образования, но основное внимание в них должно быть сосредоточено не на специализации, а на интеграции знания и развитии холистического видения... Глобальное видение, столь необходимое в нашу решающую эпоху, лучше всего приобретает вне университетских аудиторий и не на формальных лекциях... Обучение происходит в рамках неформальных семинаров, обсуждений, дискуссионных групп, индивидуальных занятий под руководством преподавателей, а также практики, проводимой на уровне ординатуры. Холистическое образование – это результат одновременной выработки интуиции, знания и практических навыков. Юношам и девушкам, не намеревающимся работать в какой-либо специальной области, нет нужды переселяться в тенистые университетские городки...» Целостный взгляд или глобальное видение призваны формировать специальные учреждения и сводные группы «специалистов по обобщению». Одно из таких созданных учреждений – частный университет – Венская международная академия, ректором которой является Э. Ласло (см.: Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7).
5. Бушмарин И. Трудовые ресурсы творческого типа. М., 2002.
6. См.: Кризис высшего образования в капиталистических странах. М., 1976.
7. Сущность понятия «требование» весьма удачно представлено в интерпретации немецкой исследовательницы А. Дидингер: «Под этим я понимаю, во-первых, фактические требования, например, такие, которые кто-то должен выполнить, чтобы иметь возможность начать профессиональную карьеру в соответствии с образовательными предпосылками, критериями отбора предприятий, принимающих на работу и т.д. С ними связаны также и нормы, т.е. эксплицитные или имплицитные представления о том, как что-либо должно быть сделано, чему должен отдаваться приоритет, если приходится комбинировать требования различных институтов. Степень обязательности требований может резко отличаться в различных подсистемах. Лишь при изучении таких требований становится ясно, возникают ли для индивидов новые свободные пространства или более сильное принуждение к адаптации». См.: Pumtner M. Гендер и социальная структура: значение приватной сферы в исследованиях социального неравенства // Социально неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. СПб., 2008.
8. См.: Чупров В., Зубок Ю. Интеграция или исключение: молодежь и рынок труда в России // Междунар. журн. социальных наук. 2000. № 31.

9. Пасовец Ю.М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социс. 2010. № 3.
10. В 1990–2000 гг. пропорция молодых людей с высоким профессиональным статусом сократилась, а с низким – удвоилась. См.: Чупров В., Зубок Ю. Указ. соч.
11. См.: Будон Р. Место беспорядка. Критика теории социального изменения. М., 1998.
12. См.: Штайльман К. Глобальная конкурентоспособность, задачи трансформации и социально-психологические аспекты управления // Политика. 1998. № 1.
13. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологическое эссе по основным аспектам сетевой теории. М., 2003.
14. Предпосылки такой потребности с точки зрения психофизического подхода заложены генетически, однако их реализация в большой степени зависит от условий и особенностей социализации. См.: Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984.
15. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2000.
16. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 1.
17. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1998.

Е.Б. Палховская

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ

В статье на основе материалов республиканского социологического мониторинга изучается роль образования как фактора развития личностного и профессионального потенциала молодежи. Анализируется материальное благосостояние, мотивационное поле, инновационная восприимчивость, трудовое и экономическое поведение работников до 29 лет.

Ключевые слова: образование, молодежь, экономическое поведение, трудовая мотивация, профессиональное обучение, инновационная восприимчивость.

In the article the role of education as a factor of development the personal and professional potential of youth is studied on the basis of sociological monitoring. The economic conditions, motivation, innovative perceptiveness, labour and economic behaviour of young workers are analyzed.

Key words: education, youth, economic behaviour, labour motivation, occupational training, innovative perceptiveness.

В процессе функционирования и развития общества традиционно важную роль играет система образования. Наличие образования, тем более высшего, становится одним из важнейших факторов формирования нового качества рабочей силы, мощной движущей силой экономического роста, повышения эффективности и конкурентоспособности субъекта.

Показатели системы образования включаются в раздел показателей уровня жизни населения при расчете индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). По данным «Доклада о развитии человека (2009 г.)», показатель охвата обучением в Беларуси составил 90,4% (в «Докладе» приводятся данные за 2007 г.) [1]. В 2008 г. образовательная емкость ВВП равнялась 5,2%. Численность студентов вузов в 2009/2010 учебном году составила 430,4 тыс. человек (в 2008/2009 учебном году – 420,7 тыс. человек) или 443 студента на 10 тыс. населения, что соответствует показателям развитых европейских государств. Если в 1990 г. доля студентов вузов в общем числе студентов составляла 7,2%, в 2000 г. – 11,2%, то в 2008 г. – 19,8% [2]. Таким образом, в Беларуси система образования остается той сферой, в которой страна может конкурировать с экономически развитыми странами.

В новых условиях возникает необходимость в исследовании значения образования как механизма развития личностного и профессионального потенциала молодежи, в изучении его роли в обеспечении конкурентоспособности работника. Образование является одним из основных факторов развития личности, позволяющих человеку ориентироваться в изменяющейся социально-экономической ситуации. Качество образования может влиять на успешность людей – нередко люди, имеющие высокий уровень образования, способны в большей мере пользоваться социально-экономическими возможностями, достигая более высокого социального статуса и уровня жизни.

Социальная эффективность образования заключается в том, что оно может определять степень успешности людей в реализации своего интеллектуального и профессионального потенциала. Изучение образования как фактора развития личностного и профессионального потенциала молодежи основано на анализе материалов Республиканского социологического мониторинга 2009 г., ежегодно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси. Объем выборочной совокупности – 1480 человек; тип выборки – маршрутная, с проверкой квот по полу, возрасту, образованию; ошибка выборки составляет менее 2%. Работники до 29 лет составили 30% опрошенных, или 444 человека, из них базовое образование имеют 14,4%; среднее общее – 30,7%; профессионально-техническое – 7,2%; среднее специальное – 31,2%; высшее – 16,5%. Дальнейший анализ основан на изучении материального благосостояния, мотивационного поля, трудового и экономического поведения работников до 29 лет.

Анализ стратификационной картины белорусского общества показывает, что каждый слой (от нижнего до верхнего) представлен работниками с различным уровнем образования. По уровню материального достатка

большинство респондентов с высшим образованием относят себя к людям среднего достатка (58,2%). Почти 1/3 респондентов с высшим образованием говорят, что их достаток ниже среднего. К бедным людям себя относят 4,5% респондентов с высшим образованием, что почти в 3 раза меньше, чем у респондентов с базовым образованием (11,1%), в 2,5 раза меньше, чем у респондентов с профессионально-техническим образованием (10,3%), почти в 2 раза меньше, чем у респондентов со средним специальным образованием (8,3%). Это может быть связано, прежде всего, с профессиональной деятельностью респондентов, более высоким социальным статусом и уровнем образования, которые, являясь компонентами человеческого капитала, позволяют в большей мере, чем для людей без высшего образования, поддерживать достигнутый уровень жизни.

Вместе с тем чем выше у группы образовательный уровень, тем большая доля респондентов этой группы может позволить себе приобретение различных товаров и услуг и ориентируется на более высокий уровень потребления. По сравнению с респондентами, не имеющими высшего образования, респонденты с высшим образованием чаще отмечают, что не испытывают затруднений с оплатой коммунальных услуг (86,5%), покупкой товаров текущего пользования (70%), содержанием детей в дошкольных и учебных кружках и секциях (54%) и др.

Наличие высшего образования влияет на инновационную восприимчивость работников. Почти 3/4 респондентов во всех образовательных группах (кроме респондентов с базовым образованием) положительно относятся к нововведениям. Среди респондентов с базовым образованием, тех, кто положительно относится к нововведениям, лишь 46,2%. А если принять во внимание, что почти 1/3 респондентов с базовым образованием говорит о существовании возможности потерять работу в связи с внедрением нововведений, можно говорить о низкой конкурентоспособности данной группы респондентов. Среди респондентов с высшим образованием лишь 7,5% занятых полагают, что могут потерять работу в связи с внедрением нововведений.

У респондентов с высшим образованием чаще, чем у респондентов других образовательных групп, в связи с внедрением нововведений повышается должность (39,4%), что позволяет рассматривать высшее образование как основной механизм карьерного роста. О высокой конкурентоспособности респондентов с высшим образованием говорит их оценка своих возможностей устройства на постоянную работу по специальности. Так 32,3% респондентов полагают, что для них не составит труда устроиться на работу по специальности. Это в 2,5 раза больше, чем респондентов с базовым образованием, и в 1,5 раза больше, чем у респондентов со средним общим образованием.

Если говорить о трудовой мотивации респондентов, можно отметить, что первая пятерка стимулов трудовой деятельности у всех категорий респондентов (кроме респондентов с высшим образованием) выглядит следующим образом: зарабатывать хорошие деньги (86,7%), иметь хорошие условия труда (66,8%), работать в хорошем коллективе (61,1%), работать без перегрузок (30,1%), быть относительно независимым (27,6%). У респондентов с высшим образованием иерархия стимулов трудовой деятельности выглядит следующим образом: зарабатывать хорошие деньги (82,5%), иметь хорошие условия труда и работать в хорошем коллективе (62,7%), быть относительно независимым (39,5%), полно использовать свои знания, опыт, квалификацию (34,9%). Что говорит о гораздо большей ориентации респондентов с высшим образованием на содержательный, творческий, инициативный труд, на продвижение по служебной лестнице.

Мировой тенденцией является увеличение объемов и частоты прохождения работниками, занятыми профессиональной переподготовкой, переобучения. Обращаясь к данным социологического мониторинга, можно отметить, что около 1/4 респондентов за последние 2 года проходили переподготовку, повышение квалификации. В группах ИТР и служащих (в том числе и служащих непродуцированной сферы) таких респондентов приблизительно по 30%, среди рабочих (в том числе и рабочих сельского хозяйства) – существенно меньше, в среднем 17%.

Если анализировать мотивы прохождения переподготовки, повышения квалификации, можно отметить, что на первом месте стоит желание получать более высокую заработную плату, на втором – желание повысить квалификацию, на третьем – повышение уверенности в сохранении места работы. Однако если рассматривать мотивацию к прохождению обучения в контексте мотивационно-гигиенической концепции Ф. Херцберга [3, 123], можно отметить, что работники с высшим и средним специальным образованием при прохождении обучения в большей степени, нежели другие категории работников, ориентируются на мотивационные факторы, повышающие производительность труда, такие как повышение своей квалификации, продвижение по службе. Работники с базовым, общим или профессионально-техническим образованием, прежде всего, нацелены на гигиенические факторы труда, препятствующие возникновению неудовлетворенности работой: повышение заработной платы, получение лучшего места работы, работа на новом оборудовании.

Желание прохождения обучения или отказа от него зависит от удовлетворенности уровнем своей профессиональной подготовки, востребованности профессии. Наиболее других удовлетворены уровнем своего образования работники с высшим образованием (90,9%), наименее – с базовым (43,2%). Удовлетворенность востребованностью своей профессии наиболее высока у работников с профессионально-техническим образованием (71,1%). Лишь 67,1% работников с высшим образованием удовлетворены востребованностью своей профессии, что подтверждает ориентацию белорусского рынка труда на рабочие профессии.

Наличие или отсутствие высшего образования отражается и на типе экономического поведения работника. Так, респонденты с высшим образованием реже снижают уровень своих запросов и потребностей при решении материальных проблем (18,5%). Данный вариант выбрали почти 1/3 респондентов с базовым и профессионально-техническим образованием. Респонденты с высшим образованием чаще, чем респонденты с профессионально-техническим или средним специальным образованием, стараются повысить свой доход все-

ми возможными способами (32,8%), то есть демонстрируют активный тип экономического поведения. То же происходит и с отношением респондентов с высшим образованием к риску. Почти половина респондентов с высшим образованием (48,6%) готова рисковать ради повышения своего материального благосостояния. Среди респондентов других образовательных групп таких чуть больше 1/3.

Если сравнивать экономическое поведение респондентов разных возрастных групп, можно отметить, что молодежь в 2 раза чаще проявляет активное экономическое поведение, чем респонденты средней и старшей возрастных групп. С увеличением возраста респондентов уменьшается количество тех, кто предпочитает жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой, и увеличивается количество тех, кто выбирает гарантированный доход и жизнь без риска. Так, более 50% молодежи выбрали первую позицию, в то время как в старшей возрастной группе (50 и старше) рисковать готовы лишь 1/5 часть респондентов.

Таким образом, в результате проделанного анализа можно отметить, что закономерность – чем выше уровень образования, тем выше уровень благосостояния – не всегда очевидна. Однако данная зависимость отражается на уровне потребления и качестве жизни респондентов. С одной стороны, в Беларуси высокие количественные показатели образованности населения, а с другой – далеко не у всех респондентов наличие высшего образования способствует достижению более высокого благосостояния. Высшее образование можно с уверенностью рассматривать как важнейший ресурс, необходимый молодым работникам для профессиональной и социальной мобильности, для реализации своего творческого и интеллектуального потенциала.

Список литературы

1. Стратегии и институты, необходимые для улучшения показателей развития человека // Доклад о развитии человека 2009. М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/> (дата обращения: 28.07.2010).
2. Уровень жизни / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальная статистика. Годовые данные. Минск, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/uroven.php> (дата обращения: 07.08.2010).
3. Херцберг Ф. Побуждение к труду и производственная мотивация // Социс. 1990. № 1.

Е.А. Дагаева

Таганрогский институт управления и экономики, Россия

КУЛЬТУРА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ВЫПУСКНИКА ВУЗА НА РЫНКЕ ТРУДА

Культура делового общения рассматривается автором как один из факторов конструирования положительного имиджа выпускника высшего учебного заведения на рынке труда. В статье рассмотрены понятие и составляющие культуры делового общения, а также представлен опыт развития культуры делового общения в рамках преподавания дисциплины «Деловое общение».

Ключевые слова: имидж, выпускник вуза, культура делового общения.

In the article the culture of business association is considered as one of the ways of construct of positive image of the graduate of a higher educational establishment. The author analyses the concept and the maintenance of culture of business association are considered, and also experience of development of culture of business association within the limits of discipline teaching «Business association» is presented.

Key words: image, graduate of high school, culture of business association.

В последние годы в российской высшей школе стали уделять серьезное внимание проблеме формирования положительной деловой репутации, имиджа высшего учебного заведения. Применительно к Болонскому процессу, стимулирующему мобильность и свободу студентов в выборе места обучения, проблема формирования имиджа высшего учебного заведения приобретает особое значение. Как справедливо отмечают В.Ф. Пеньков и М.А. Курьянов, «выбор в пользу того или иного вуза будет во многом базироваться, в том числе и на имиджевых компонентах университета, на их позитивной рефлексии в общественном мнении» [1, 156].

Все большее число руководителей высшей школы приходят к осознанию того, что одной из наиболее эффективных стратегий достижения данной цели может выступать целенаправленное построение позитивного имиджа вуза, одним из важнейших компонентов которого выступает имидж выпускника [2, 27].

Имидж вуза и имидж выпускника тесно связаны между собой, особенно ярко эта взаимосвязь проявляется применительно к проблемам трудоустройства. Чем престижнее вуз, тем выше рейтинг его выпускников на рынке труда, тем проще им устроиться на работу по специальности. Однако есть и обратная связь – положительный имидж выпускников вуза, особенно в глазах работодателей, усиливает его позиции на рынке образовательных услуг, формируется позитивное мнение об alma mater, где данный студент в свое время прошел подготовку.

В существующих на данный момент работах, посвященных имиджу высших учебных заведений [3–5], уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание способам конструирования положительного имиджа выпускника вуза. В рамках данной публикации мы ставим перед собой задачу восполнить данный пробел: рассмотреть культуру делового общения выпускника вуза как важный фактор конструирования его имиджа, ее составляющие, а также способы ее формирования.

Уровень культуры делового общения как критерий качества образования. Как отмечает ряд исследователей, общество и работодатели, в частности, о качестве услуг вуза судят не только по уровню профессиональных знаний, умений и навыков будущих выпускников, но и по уровню их культуры делового общения [6, 7]. Культура делового общения юношей и девушек, покидающих стены своей «alma mater», – это своеобразный символический капитал образовательного учреждения, закладывающий основы его деловой репутации и престижа.

Н.Н. Павелко определяет культуру делового общения как «совокупность нравственных норм и представлений, регулирующих поведение и отношения людей в процессе их производственной деятельности» [8, 20]. Соглашаясь в целом с этим определением, в рамках данной публикации под культурой делового общения мы будем понимать *совокупность установок, знаний, умений и навыков*, позволяющих субъекту быть эффективным в контексте делового взаимодействия, а значит, конкурентоспособным.

С нашей точки зрения, уровень культуры делового общения – наиболее важный критерий качества высшего образования. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что в формировании высокого уровня культуры делового общения специалиста (бакалавра, магистра) заинтересован не только вуз, но и общество в целом. Существуют веские доказательства правомерности данного утверждения.

Доказательство первое: заинтересованность работодателя. Одним из критериев отбора, предъявляемых процветающими компаниями к претендентам на вакантную должность (наряду с компьютерной грамотностью, владением несколькими иностранными языками), является знание основ психологии, умение общаться, вести деловые переговоры. Специфика современной кадровой политики такова, что работодатель заинтересован в минимизации затрат на обучение привлекаемого персонала, поэтому становится очевидным предпочтение компетентного в данном отношении претендента по сравнению с тем, которого еще только предстоит обучать навыкам самопрезентации, ведения переговоров, разрешения конфликтов и многому другому.

Доказательство второе: заинтересованность выпускника. Совершенно очевидно, что в условиях постоянно растущей конкуренции для устройства на престижную высокооплачиваемую работу одного диплома по специальности уже недостаточно. Само поведение претендента на собеседовании, его умение целенаправленно формировать нужное впечатление о себе, умение слушать, аргументированно излагать свою точку зрения и нейтрализовать эмоциональное напряжение, нередко возникающее в данной ситуации, – все это является неоспоримым доказательством высокого уровня его культуры делового общения. И чем выше данный уровень у конкретного специалиста, тем большим конкурентным преимуществом он обладает, предлагая свои услуги на рынке труда.

О том, что сами студенты признают существование данной взаимосвязи, свидетельствуют результаты проведенного нами в апреле 2005 года опроса студентов 4-го курса, получающих образование по специальности «Психология» и «Бухгалтерский анализ, учет и аудит». Результаты опроса наглядно продемонстрировали заинтересованность студентов в развитии навыков коммуникативной компетентности и абсолютное единодушие в ответе на следующий вопрос анкеты: «Как вы считаете, должен ли вуз принимать непосредственное участие в формировании культуры делового общения обучающихся в нем студентов?» – 94% опрошенных студентов ответили утвердительно.

Доказательство третье: заинтересованность вуза. Главным критерием для определения рейтинга вуза на Западе являются сроки трудоустройства его выпускников. Поэтому вуз напрямую заинтересован в усилении такого конкурентного преимущества своих выпускников, как культура их делового общения.

Доказательство четвертое: заинтересованность общества. Понятие образования восходит к значению «образ», что значит «лик, величина человека, форма его общественного бытия». И в контексте рассматриваемой проблемы обучение в вузе – это не только освоение профессиональных знаний, умений и навыков, но и формирование личности студента. Поэтому социализация студентов в вузе должна включать в себя освоение норм деловой культуры и этики, психологических основ делового общения.

Культура делового общения: ее составляющие и способы формирования. Итак, как мы уже отмечали выше, под культурой делового общения мы будем понимать совокупность установок, знаний, умений и навыков, позволяющих субъекту быть эффективным в контексте делового взаимодействия. Какова же структура культуры делового общения специалиста?

Одним из значимых компонентов культуры делового общения является *речевая культура* специалиста: умение грамотно, ясно и логически последовательно излагать собственные мысли, учитывая при этом социальные, профессиональные и индивидуально-психологические особенности партнера по общению.

На формирование данного компонента культуры делового общения, как правило, ориентированы усилия преподавателей словесности, занятия по риторике. Однако наиболее целесообразным представляется введение спецкурса, посвященного усвоению норм речевой культуры специалиста и их реализации в контексте делового общения. Так, в ходе практических занятий по дисциплине «Деловое общение» студентам предлагается выполнить задания, ориентированные на развитие навыков презентации коммерческого предложения, публичного выступления, аргументации и контраргументации.

Следует отметить, что студенты при осознанном стремлении к совершенствованию данных навыков сами отмечают низкий уровень их сформированности. Среди причин, препятствующих развитию данных навыков, студенты в числе прочих называют отсутствие соответствующей практики, а также низкую степень уверенности в себе. Тот интерес, который у студентов вызывает знакомство с речевыми стандартами, помогающими провести деловую беседу, приводит к выводу, что у большинства из них присутствует искренняя заинтересованность в развитии собственной речевой культуры. А затруднения, которые испытывают студенты при использовании данных формулировок, говорят о серьезных пробелах в данной области.

Внешний облик и поведение специалиста также является неотъемлемой частью его деловой культуры. Как известно, первое и, как правило, самое сильное впечатление о человеке складывается на основании оценки его внешнего облика, манеры держаться, поэтому соблюдение деловым человеком норм делового этикета в отношении своей внешности и поведения в офисе, за столом переговоров, в ресторане значительно повышает его эффективность в ситуациях делового взаимодействия. В идеале пробел в данной области могли бы восполнить занятия со специалистами – стилистами, имиджмейкерами.

Учитывая интерес студентов к данной проблеме, в отдельных вузах страны в учебный план введены факультативы, направленные на формирование имиджа: «Имидж делового человека», «Имидж бизнес-леди». Думается, что данная тенденция в ближайшие годы будет расти и укрепляться. С нашей стороны в рамках преподавания дисциплины «Деловое общение» мы считаем необходимым ознакомить студентов с нормами и правилами международного делового этикета, сформировать представление о принципах соблюдения дресс-кода, а также предоставить отдельные сведения о светском этикете.

Хочется особо отметить, что получение студентами в ходе практических и тренинговых занятий обратной связи относительно особенностей невербальных аспектов их поведения – мимики, жестов, интонации, темпа речи, ее выразительности – способствует, с одной стороны, росту понимания значимости данного компонента в деловом взаимодействии, с другой, – корректировке их образа делового человека (деловой женщины).

Не менее важным компонентом культуры делового общения, на наш взгляд, является *коммуникативная компетентность* специалиста, в состав которой входят следующие навыки:

- 1) умение вступать в контакт;
- 2) умение задавать вопросы;
- 3) умение вести «малый разговор»;
- 4) умение стимулировать партнера к прояснению его позиции, предложений;
- 5) умение услышать и понять интенции партнера;
- 6) умение воспринять и понять то, что партнер не в состоянии выразить;
- 7) умение передать партнеру, что его услышали и поняли;
- 8) умение выравнивать эмоциональное напряжение в беседе и др.

Коммуникативная компетентность – это целый комплекс знаний, навыков, умений, и развивается она, как правило, путем целенаправленных практических занятий, например, участия в соответствующем тренинге.

Эффективность тренинга как метода обучения в том и заключается, что обучаемый активно участвует в процессе выработки необходимых навыков; методы, которые используются в тренингах, ролевые игры, кейс-стади, метод групповых дискуссий и многие другие обеспечивают максимальную вовлеченность в процесс обучения, а следовательно, и высокую запоминаемость приобретаемых знаний.

На наш взгляд, для студентов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит», а также «Бухгалтерский анализ, учет и аудит», наиболее перспективны тренинги, направленные на совершенствование навыков активного слушания, тайм-менеджмента, эффективного взаимодействия с коллегами и руководством, умения предотвращать и конструктивно разрешать конфликты. Применение тренинговых методов позволяет активизировать учебный процесс, формирует у студентов практические навыки и умения поведения в различных профессиональных ситуациях, способствует развитию самопознания у обучаемых и нацеливает их на самосовершенствование, дает им возможность работать над собой не только в учебной аудитории, но и самостоятельно.

С нашей точки зрения, напрямую содействовать формированию такого компонента культуры делового общения специалиста, как коммуникативная компетентность, можно в ходе систематически проводимых со студентами практических занятий в рамках определенного спецкурса или факультатива.

Выделяя *установки* как стержневой компонент культуры делового общения специалиста, мы имеем в виду установки на партнерство, сотрудничество, взаимодействие и социальную ответственность, без чего, на наш взгляд, невозможно конструктивное достижение деловым человеком поставленных целей и формирование его деловой репутации.

Значимость формирования партнерского стиля общения и социальной ответственности делового человека становится особенно актуальной в свете суммарного вреда, нанесенного нашему обществу неэтичным, безнравственным поведением большого числа российских фирм. Важность данного компонента культуры делового общения специалиста возрастает на фоне проблемы становления цивилизованного бизнеса в современной России.

Содействием решению данной проблемы можно считать ознакомление студентов в рамках дисциплины «Деловое общение» с «Принципами международного бизнеса» – всемирным этическим кодексом; знакомство с миссиями ведущих коммерческих организаций, базирующихся на социальной ответственности перед обществом; обсуждение проблем формирования современной российской деловой культуры.

Исходя из собственного опыта, отметим, что в рамках тренинга делового общения, адресованного студентам экономических специальностей, могут быть сформированы следующие умения и навыки.

1. Навыки самопрезентации.
2. Навыки презентации коммерческого предложения.
3. Навыки командного взаимодействия.
4. Умение работать с возражениями.
5. Умение убеждать.
6. Умение вести переговоры.
7. Умение регулировать эмоциональное напряжение, возникающее в ходе беседы.

Список далеко не полный, но даже после поверхностного анализа данного перечня навыков становится ясно, от скольких трудностей будет избавлен подготовленный в данном отношении выпускник вуза, пытающийся реализовать на рабочем месте поставленные перед ним профессиональные задачи.

Таковы реализуемые нами на практике принципы содействия повышению уровня деловой культуры общения специалистов в рамках преподавания дисциплины «Деловое общение».

Вывод

В рамках данной публикации мы предприняли попытку обосновать значимость культуры делового общения выпускников вуза как фактора формирования их позитивного имиджа на рынке труда, рассмотрели структуру культуры делового общения, а также наметили пути ее формирования у студентов в процессе обучения.

Необходимо отметить, что формированию культуры делового общения студентов следует уделять внимание на протяжении всего периода обучения в вузе. Однако в данной публикации мы акцентируем внимание на выпускниках по той причине, что именно они представляют собой конечный «продукт» социализации – периода обучения в вузе. Качество выпускаемого вузом «продукта», в том числе и его культурный уровень, определяет отношение к нему как работодателя, так и общества в целом.

Список литературы

1. Пеньков В.Ф., Курьянов М.А. Имидж университета: образ и реальность // PR в России: образование, тенденции, международный опыт: Тез. докл. и выступлений II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2005.
2. Дагаева Е.А. Управление имиджем вуза // Управление персоналом. 2005. № 3.
3. Пантюшина О.Н. Имидж высшего учебного заведения в сознании студентов государственных и негосударственных вузов // Имиджелогия–2005: Материалы третьего Междунар. симп. по имиджелогии. М., 2005.
4. Пантюшина О.Н. Имидж высшего учебного заведения в сознании школьников // Имиджелогия–2006: Материалы четвертого Междунар. симп. по имиджелогии. М., 2006.
5. Щербakov А.В. Имидж образовательного учреждения // Справочник руководителя образовательного учреждения. 2008. № 9.
6. Карпов Е.Б. Трудоустройство выпускников и имидж высшего учебного заведения // Имиджелогия–2006: Материалы четвертого Междунар. симп. по имиджелогии. М., 2006.
7. Пименова Е.В., Семина И.С. Имидж выпускника вуза как фактор его конкурентоспособности // Профессиональная карьера и имидж современного специалиста. Ставрополь, 2009.
8. Павелко Н.Н. Культура делового общения: содержание и социальные функции: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 1998.

И.А. Дудина

Волгоградский государственный университет, Россия

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДА СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье дается характеристика кругового процесса организационной коммуникации, который усложняется по мере развития структуры организации и может способствовать или затруднять адаптацию молодых сотрудников. Показано, как понимание норм и правил организационной коммуникации начинающими карьеру сотрудниками способствует их социализации.

Ключевые слова: организационная коммуникация, коммуникативная практика, социализация, организационная культура, организационная структура, жизненный цикл организации, сетевое взаимодействие.

The paper reads about the cyclic process of organizational communication which becomes more sophisticated as organizations confront change and structural complexity and may facilitate or hinder the young staff adaptation. The author describes how understanding of organizational communication norms and rules addresses the problem of new organizational members' socialization.

Key words: organizational communication, communicative practice, organizational culture, organizational structure, organizational life cycle, networking.

Управление с общесистемных позиций рассматривается как цикл определенных действий, включающий анализ ситуации, определение целей, принятие решений, планирование действий, руководство мероприятиями, мониторинг и контроль выполнения принятых решений и реализации планов. Все эти действия требуют от сотрудников организации коммуникативных компетенций по сбору, передаче и обработке информации в режиме субъект-субъектной связи.

Круговой процесс организационной коммуникации, охватывающий отправленные и полученные сообщения внутри формальных и неформальных групп в организации, а также их интерпретацию получателями и обратную связь, усложняется по мере развития и усложнения структуры организации. Он включает в себя разнообразные виды коммуникативной практики: отдачу приказов и директив, консультации рабочих, собеседование с новыми сотрудниками, оценку работы персонала, повышение мотивации сотрудников, анализ проблем, разрешение конфликтов, создание рабочих групп и руководство ими.

Организационная коммуникация распространяется на все сферы деятельности организаций, каждая из которых имеет свою внутреннюю культуру и структуру. Однако ее вклад в организационную эффективность,

а значит и в повышение стоимости компании, имеет и ряд ограничений. Одной из актуальных проблем компаний, ограничивающих оперативность передачи коммуникаций, являются признаки деградации базовых параметров у молодых сотрудников, худшими проявлениями которых называют невротичность и желание диктовать условия работодателю и клиентам [1, 46]. Поэтому повышение коммуникативной компетентности молодых сотрудников становится приоритетным направлением как вузовской подготовки, так и корпоративных программ повышения квалификации.

Цель данной статьи – показать пути и способы социализации молодых сотрудников в организации с помощью навыков организационной коммуникации.

Материалы и методы исследования сущности организационной коммуникации

Для нашего исследования сущности организационной коммуникации мы использовали культурологический и структурный подходы, а также концепцию жизненного цикла организации.

Разделяя взгляды К. Камерона и Р. Куинна на культурную обусловленность внутренней и внешней организационной коммуникации [2, 19–24], мы сочли целесообразным дополнить их гибкой рамочной конструкцией М. Алвессона, позволяющей интерпретировать организационную культуру как уникальную или унифицированную, синергию субкультур подразделений или неясную конфигурацию [3, 115].

Предполагая, что внутренняя культура каждой организации уникальна, мы исключаем ее повторы в других организациях. В противоположность этому подходу унификация организационных культур подразумевает, что они не существуют обособленно и являются макросоциальными феноменами, а значит, могут воспроизводиться в однотипных организациях. Субкультуры подразделений действительно могут давать синергию культурного контекста. Например, динамичные проектные группы специально создаются для решения определенной задачи и могут распускаться, как только выполнен проект. Такие адхократические блоки могут возникать в организациях и с другими типами культуры.

Понимание организационной культуры как неясной или неопределенной предполагает множественность ее источников, уникальных и простых, макросоциальных, сложных и хаотичных. Такой либеральный четырехсторонний подход заставляет сотрудников постоянно анализировать различные источники и проявления организационной культуры и воспринимать ее как динамично меняющуюся среду внутренних ценностей и правил, а не как данность, к которой можно приспособиться и не волноваться об изменениях.

Поскольку организация является формой устойчивого объединения людей, преследующих и некие групповые и индивидуальные цели, то интересы и потребности, связанные с коллективным существованием, должны обеспечиваться определенным уровнем упорядоченности как в структурном построении и разделении функций, так и в согласованности действий субъектов сообщества. Если культура организации выполняет функцию «клея», гарантируя согласованное понимание индивидуумами ценностей, ведущих организацию к единой цели, то ее структура отражает механизмы и способы достижения этой цели.

Для молодого сотрудника, начинающего свою адаптацию в организации, ее система управления представляется целостной совокупностью относительно самостоятельных структурных элементов, реализующих закрепленные за ними функции управления. Эти элементы наделены необходимой компетенцией и находятся в формально установленных и неформальных связях для обеспечения целей управления. Если понимание состава и соподчиненности различных элементов, звеньев и ступеней управления, образующих организационную структуру, осваивается молодым сотрудником достаточно быстро, то культурные аспекты, накопленные за все время жизни организации, особенно ее неформальные институты, требуют немалых усилий по восприятию и осмыслению.

Как объект управления организация меняет структуру и культуру в течение своих жизненных циклов [4, 75]. Во время зарождения организации, формируется ее первоначальная структура в ситуации риска, опытных образцов и исследования спроса на производимый товар (услугу). Рост организации вызывает перестройку структуры, дифференциацию функций управления, повышения эффективности деятельности, укрепления рыночных позиций, выработки конкурентной стратегии. Выделяется роль маркетинга и происходит перестройка управления, связанная с количественными изменениями.

Зрелое состояние организации характеризуется ее устойчивым положением на рынке, высокой конкурентоспособностью, массовым выпуском продукции и обретением стабильности. Однако этот «могучий слон» может постепенно превратиться в «неповоротливого бегемота», если не происходит избавления от избыточных производств и снижения издержек в сохраняемых предприятиях.

В период упадка и старения наиболее значимые параметры жизнедеятельности организации ухудшаются, а развитие заходит в тупик. Структура имеет тенденцию к упрощению, свертыванию, а конкуренты опережают и занимают жизненное пространство. Деструктуризация организации может происходить в двух направлениях: распада в связи с невозможностью эффективного функционирования или диверсификации с полным изменением профиля деятельности, заменой прежних технологических процессов, а также сменой персонала.

Культурные, структурные и исторические компоненты делового контекста определяют сложившиеся в организации модели организационной коммуникации, значение которой в управлении человеческими ресурсами и общей организационной эффективности возрастает в период перемен.

Уровни, каналы и направления организационной коммуникации

Влияние организационной культуры и структуры, этапа развития организации на внутренние и внешние процессы коммуникации достаточно хорошо освещалось в ряде работ зарубежных исследователей [5]. Все

они подчеркивали роль партисипативных обязательств сотрудников в их социализации, которая невозможна без эффективной уровневой передачи сообщений через все многообразие коммуникационных каналов и мониторинга обратной связи.

Если формальная часть организационной коммуникации, одобренная ее руководством и вызванная ее потребностями, связана с производством и производительностью, то неформальная характеризуется социальными потребностями сотрудников и ориентирована не на организацию в целом, а на отдельных ее членов.

Формальная коммуникация является основным уровнем организационного общения с четко определенными каналами, по которым поступает вся информация, имеющая отношение к деятельности организации.

В неформальной коммуникации нет четких каналов или моделей. Ее можно рассматривать очень узко, например, как сообщения, направляемые одним членом организации другому по тому или иному каналу связи. Но в более широком смысле это составная часть самой организации: она определяет и формирует ее подразделения и функции, тесно коррелируясь с организационной культурой.

На каждом уровне коммуникации в организации предпочтение отдается разным формам. Так, в формальной коммуникации в большей степени используются официальные формы письменного общения, чем личные встречи. При этом во многих компаниях действует жесткое правило: копии официальных писем или служебных записок отправляются непосредственно руководителям как отправителя, так и получателя.

В организации задействованы различные коммуникативные каналы, по которым передаются сообщения. Вертикальные каналы организационной коммуникации могут быть направлены иерархически «сверху вниз» или демократически «снизу вверх». Они обычно формализованы рутинной передачей распорядительной и отчетной информации, и их число растет с ростом организации.

Горизонтальные каналы организационной коммуникации более социально ориентированы и исключают иерархические отношения участников. С другой стороны, если речь идет о разных функциональных подразделениях, отсутствии иерархии в отношениях преподавателей и сотрудников в большинстве случаев не предотвращает организационную дисфункциональность. Это происходит по ряду причин, которыми могут быть узкая специализация сотрудников, неясное представление о коммуникации как о процессе, энтропические явления. Коммуникативные трудности участников в определенной мере может снизить матричная или командная организация деятельности проектных групп, но и здесь остаются проблемы, например, нежелание делиться информацией и успешным опытом или учиться друг у друга.

Диагональные каналы организационной коммуникации представляют основную трудность общения между подразделениями, что объясняется как функциональными различиями участников, так и их представлениями о своих статусах, ролях и вкладах в развитие организации [6, 129–130]. Тем не менее формирование в современных информационных организациях сетевых структур, навыков диагональной коммуникации, в том числе и компьютерно-опосредованной, приобретает все большее значение. При этом внутренняя компьютерная сеть организации может быть построена в виде круга или цепочки, в форме буквы X или звезды, либо в виде многоканальной схемы.

Проблемы организационной коммуникации

В 2009–2010 гг. для определения основных проблем разнонаправленных каналов организационной коммуникации на 23 крупных и средних частных предприятиях г. Волгограда мы провели опрос 89 менеджеров в возрасте 23–27 лет. Все они были участниками президентской программы подготовки управленческих кадров в Волгоградском государственном университете. Вопросы, на которые ответили участники эксперимента, были сгруппированы по двум блокам «дистанция власти» и «помехи коммуникации».

К самым распространенным проблемам нисходящей вертикальной коммуникации 74,5% участников опроса отнесли терминологически обусловленное непонимание и затруднения, касающиеся правильно дозированной нисходящей передачи.

В качестве основных специфических ограничений эффективности восходящей коммуникации представляется целесообразным отметить следующее:

- 83,2% респондентов отметили, что исполнители часто не посылают «наверх» негативные замечания из боязни быть наказанными или уволенными;
- 67% указали, что направленные замечания остаются без ответа из-за занятости руководителя, и у сотрудника создается ощущение бесполезности этого вида коммуникации;
- 41,7% написали, что отправленная снизу критика не достигает своего адресата, поскольку перехватывается непосредственным начальником;
- 87% участников за разъяснением каких-то проблем предпочитают обращаться к равным по положению сотрудникам, а не к руководителям.

Опрос выявил, что в зависимости от типа культуры организации у нее есть несколько способов разрешения перечисленных проблем. В 23% организаций существуют специальные почтовые ящики для анонимных предложений и замечаний; разрабатываются системы поощрений наиболее инициативных сотрудников. В 11% организациях вводится прямая система коммуникации без промежуточных барьеров от низшего уровня к высшему, а в 92% предприятий существует порядок обязательной регистрации всех сообщений с контролем принятых ответных мер.

Основными проблемами горизонтальной коммуникации участники эксперимента назвали производственный жаргон, присущий каждому отделу и часто непонятный представителям других отделов, выступающим в роли получателей информации. По мере того как с развитием сложных технологий профессиональные зна-

ния и задачи становятся более узкоспециальными, взаимопонимание между различными отделами компании затрудняется (67%); к тому же обнаруживается распространенная тенденция считать свой участок работы самым важным (85,4%).

В качестве одного из методов преодоления этих проблем в первом случае рекомендуется упрощать и объяснять сообщаемую информацию, отдавая отчет в том, что узкоспециальный жаргон может представлять трудность для собеседника, а значит, препятствовать пониманию. Во втором случае рекомендуется развивать в себе способность представлять всю картину деятельности организации и понимать важность для общего дела всех ее отделов и подразделений.

Проблемами диагональной коммуникации были названы статусные и ролевые взаимодействия сотрудников разных функциональных и уровневых подразделений организации. Все участники опроса отметили, что если такое взаимодействие не регламентируется формальными и неформальными договоренностями о его правилах, возникают конфликты интересов, статусов и ролей.

Управление такими конфликтами и их разрешение требуют специальных навыков урегулирования деловых противоречий, основным из которых является навык посреднических действий.

«Виноградная лоза» и создание круга знакомств как эффективные резервы социализации молодых сотрудников

В настоящее время для решения задач коммуникации в рамках новых организационных форм, таких как матричные и проектные организации, диагональная коммуникация дополняется сетевыми взаимодействиями. С развитием сетевых внутренних и внешних сетей в организации коммуникационные потоки приобретают характеристики сетевой коммуникации, овладение навыками которой, как показал наш опрос, представляет наибольшую трудность для молодых сотрудников.

Очень часто сотрудники и служащие в организации узнают о предстоящих изменениях в ее политике, кадровых или процедурных перестановках задолго до их обнародования в официальных документах или на собраниях. Такую утечку информации по неофициальным каналам практически невозможно пресечь. Однако этот вид коммуникации может целенаправленно использоваться для подготовки сотрудников к предстоящим неприятным переменам в их карьере или даже для оказания давления на неудобных сотрудников. По мнению исследователя в области теории организации К. Дейвиса, такая форма сетевой коммуникации, как «виноградная лоза» или «мельница слухов», наиболее активно используется в период серьезных перемен, когда поступает совершенно новая информация, и никому уже не интересна старая и хорошо известная. Если в организации созданы условия для личного общения, сотрудники группируются по интересам или по отношению к обсуждаемой проблеме.

«Виноградная лоза» начинает функционировать до или после происшедших событий, особенно если новости касаются близких друзей и сотрудников. Этот вид неформальной коммуникации наиболее активен там, где организационная культура нестабильна и не совпадает с интересами работающих; неясность ситуации, перемены и секретность усиливают эффект восприятия слухов. Очевидно, что одной из проблем этого вида коммуникации является то, что источник информации, передаваемой по «виноградной лозе», отыскать практически невозможно, равно как и невозможно быть абсолютно уверенным в правдивости передаваемого сообщения. По мере продвижения по неформальным каналам общения слухи часто дополняются и видоизменяются. «Виноградная лоза» может стать причиной этических проблем в организации и сложностей с поддержанием на необходимом уровне трудовой отдачи (например, слухи о предстоящем сокращении штатов или понижении заработной платы). Кроме того, значение «виноградной лозы» в деятельности организаций еще недостаточно изучено.

Для молодого сотрудника знание о существовании неформальных каналов общения в организации важно, но недостаточно. Необходимо учиться сотрудничать с ними и даже использовать в интересах дела. Как отметил К. Дейвис, «полнокровная “виноградная лоза” отражает глубокую психологическую потребность людей говорить о работе и своей компании, так как это является одним из основных интересов их жизни». Если не будет этих разговоров, организация, фактически, перестанет действовать, ведь именно межличностное общение скрепляет рабочий коллектив. И руководителям, и сотрудникам необходимо прислушиваться к тому, о чем «шумит виноградная лоза», и жить проблемами ее участников.

Важным инструментом социализации для новичка в организации является создание круга знакомств (*networking*). Этот термин буквально переводится как «сетевая коммуникация». Применяется он, когда говорят об установлении профессиональных отношений с целью получения и предоставления информации, советов, поддержки. *Networking* – это тактика налаживания связей, знакомства с людьми и последующее использование этих знакомств как внутри организации, так и вне ее: мы завязываем разговор, обмениваемся визитками, узнаем друг друга в нерабочей обстановке в дороге, аэропорту, ресторане, перед началом деловых заседаний и т.д.

В осуществлении сетевой коммуникации есть определенные правила, поэтому в качестве рекомендаций молодым сотрудникам, создающим круг деловых знакомств, следует отметить:

- активное использование имен своих новых знакомых;
- умение конкретизировать сферу своей деятельности и привлекать к ней внимание собеседника (не просто «я занимаюсь компьютерами», а «я занимаюсь компьютерной безопасностью, то есть отвечаю за защиту информации от внешнего проникновения и вмешательства»);
- навык получения информации о случайных людях, используя открытые вопросы (никогда не знаешь, как скоро и в какой связи они могут пригодиться);

- умение напоминать о себе, назначая встречу лично или по телефону;
- привычка создавать круг знакомств тогда, когда потребность в нем наименее выражена;
- вступление в профессиональные ассоциации и некоммерческие организации;
- встречи с людьми из других отделов, посещение общественных мероприятий, на которых присутствуют люди из другого круга.

Если сеть деловых коммуникаций с ключевыми для молодого сотрудника аудиториями спроектирована и сплетена заранее, взаимодействие с нужными людьми для решения проблем будет более структурированным и целенаправленным.

Выводы

Для успешной социализации в любой организации молодым сотрудникам необходимо не только иметь представление о сущности и важности организационной коммуникации, ее структурной и культурной основах в организации, но и разбираться в ее уровневых проблемах и ограничениях. Формальные и неформальные нормы и правила организационной коммуникации формируются в течение всей жизни организаций, зависят от их структуры и культуры. Наиболее сложными для восприятия являются неформальные институты организационной коммуникации, устанавливаемые самими сотрудниками. Поэтому для социализации «новичка» необходимы планируемые усилия по созданию круга знакомств.

Поскольку процесс организационной коммуникации обусловлен целями и задачами, стоящими перед организацией, он проходит независимо от личных взаимоотношений сотрудников одной организации или представителей разных организаций. Основным отличием организационной коммуникации от других видов коммуникации является ее «неизбежность» и даже «вынужденность», что обуславливает непреходящую актуальность овладения ее нормами и правилами для карьерного роста молодых сотрудников.

Список литературы

1. Ульянова Н. Большой провал // Волгоградский бизнес-журн. 2010. № 7–8(55).
2. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2001.
3. Alvesson M. Cultural perspectives on organizations. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
4. Мильнер Б.З. Теория организации. М., 2004.
5. Key Issues in Organizational Communication / Ed. by D. Tourish, J. Hargie. N.Y.: Routledge, 2004.
6. Wilson R.O. Diagonal Communication Links within Organizations // The J. of Business Communication. 1992. № 29.

Д.Р. Пескова

Башкирская академия государственной службы и управления, Уфа, Башкортостан, Россия

МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Молодые кадры на рынке труда испытывают двойное отношение к себе со стороны работодателей. С одной стороны, молодежь обладает свежими знаниями и новыми взглядами, с другой стороны, молодые люди обладают рядом особенностей, характеризующих их как фактор утраты коммерческой тайны в большей мере, чем предыдущее поколение работников.

Ключевые слова: коммерческая тайна, теория справедливости, теория рабочей обстановки, теория общественных изменений.

The employers' attitude towards young workers in the job market is binary. On one hand, young generation possesses a fresh knowledge and new looks, on the other hand they sometimes can be the factor of commercial secret loss.

Key words: commercial secret, equity theory, work climate theory, societal change theory.

Новая политическая система и изменения в модели экономических отношений в нашей стране конца XX в. оказали существенное влияние на формирование типа работника нового поколения. В первую очередь это определило поведенческую модель молодых людей на рынке труда. Работники нового поколения в узком смысле – это кадры, вступившие на рынок труда после середины 90-х годов, в широком же смысле – это все современные занятые.

Молодежи присущи некоторые черты, отличающие её от предыдущего поколения (рисунок).

Как отмечают исследователи, новое поколение работников характеризуется большей трудовой мобильностью. Смена работодателя в поисках более высокого заработка считается нормой, рациональным поведением.

Молодежь отличает приоритет личных интересов над общественными, что связано с развитием рыночных основ хозяйствования, с одной стороны, и, к сожалению, с неэффективной государственной политикой, в том числе и в области нравственного воспитания граждан. Это выражается в снижении уважения к чужой собственности – материальной, интеллектуальной, к коммерческим секретам. Третьей отличительной чертой работника нового поколения можно назвать ожидание быстрого заработка. СМИ, пропагандирующие мифические возможности легкого обогащения, нестабильность и потому нежелание связывать себя долгосрочными обещаниями, и предпочтение быстрым деньгам. При этом большинство людей догадываются о вероятности теневого происхождения средств. Одним из основных каналов утечки конфиденциальной информации, как

показали проведенные эмпирические исследования, является компьютер и Интернет. Неудивительно, что повышение компьютерной грамотности, уровня образования в сфере ИТ также относится к факторам утери коммерческой тайны фирмы.

Коммерческая тайна – это информация, обладающая коммерческой ценностью вследствие неизвестности ее третьим лицам. Гарантия сохранности коммерческой информации в секрете, обеспечиваемая государством (но, фактически, исполняемая самим владельцем коммерческой тайны), создает стимулы для генерирования таких тайн, т.е. проведение научно-технических, управленческих, маркетинговых и др. работ с целью совершенствования деятельности (в любой сфере) и получения повышенной прибыли. Значимость коммерческой тайны для предпринимателей закономерно возрастает. Это обусловлено материальной выгодой от содержания коммерчески ценных сведений в секрете. Однако нарушение прав собственников коммерческой тайны – отнюдь не редкое преступление.

Отличительные черты работника нового поколения как фактора утери коммерческой тайны

Анализ оперативных сведений органов МВД [1] о преступлениях в сфере предпринимательства позволяет прийти к выводу, что доминирующее количество преступлений было тщательно спланировано, преступники были детально осведомлены о состоянии бизнеса конкретной предпринимательской структуры. Одна из основных задач при организации преступления в сфере коммерческой тайны – это сбор и обработка сведений о предприятии и его руководстве. Используются все возможные способы нарушения тайны: шпионаж (внедрение агентов, внешнее слежение), хищения документов из офисных помещений и оргтехники, перехват информации на каналах внутренней и внешней связи фирмы и т.д. В настоящее время признано, что эффективным средством является использование наемных работников фирмы как источника закрытой информации. В этом плане «полезными» могут быть сотрудники любого ранга: от простых исполнителей до руководства, но, конечно, наибольшей ценностью обладают создатели коммерческой тайны или лица, имеющие к ней доступ. В этой связи разработка мер противодействия нарушению и утечки коммерческой тайны через работников фирмы особенно важна.

Для объяснения причин, побуждающих работников инициировать утрату коммерческой тайны, мы проанализировали общие концепции, раскрывающие мотивы преступного поведения сотрудников. Из всего массива научного материала укажем следующие (таблица).

Теории, объясняющие причины нарушения коммерческой тайны со стороны наемных работников

Название теории	Основное содержание
Теория справедливости	Кража коммерческой тайны – компенсация неоплаченных усилий работника
Теория рабочей обстановки	Кража коммерческой тайны – общепринятая норма
Теория общественных изменений	Кража коммерческой тайны – средство достижения своих целей

1. *Теория справедливости* предполагает, что работники готовы пойти на кражу конфиденциальной информации своего работодателя, если они неудовлетворены своим положением в фирме [2, 102], например, по их мнению, выполняемая ими работа должна оплачиваться более высоко или же в силу своего опыта, знаний, умений они достойны более высокой должности, уважения и т.п. Вероятность преступления повышается, если работник не имеет доступа к иной (легальной) возможности «восстановления справедливости». В теории справедливости нарушение коммерческой тайны определяется как «компенсационная кража». Основной мотив – неопределенность усилий.

2. *Теория рабочей обстановки* гласит, что принятые в компании установки, а также поведение коллег и руководства, могут создавать впечатление, что нарушение коммерческой тайны – не преступление, так как «почти все это делают». Желание влиться в коллектив, стать частью команды, а также неосознание противозаконности действий являются основными движущими мотивами работника, идущего на кражу коммерческого секрета.

3. *Теория общественных изменений* [3] объясняет, что нравственные нормы общества усваиваются человеком в семье, равно как и моральные аспекты такого преступления, как нарушение коммерческой тайны. Деградация семейной структуры вкупе с общим снижением морально-нравственных ценностей может стать причиной, толкающей работника на кражу конфиденциальной информации, да и на большинство преступлений вообще. Одной из тенденций социальных изменений среди нового поколения работников, как отмечают эксперты, является видение мира сквозь призму собственного интереса, эгоизм [4]. Личные потребности, как правило, превыше прав и интересов других субъектов, что, скорее, является следствием социально-экономических изменений: в семье, в современном обществе, недостаточного внимания к детям и их проблемам. Таким образом, работник рассматривает кражу коммерческого секрета как средство достижения своих целей, например, продвижение по карьерной лестнице или обогащение.

Направления противодействия правонарушениям в сфере коммерческой тайны

Можно предложить ряд мер, направленных на противодействие нарушениям коммерческой тайны со стороны наемных работников.

1) Воспитание корпоративной культуры, поощряющей честность и уважение к результатам интеллектуальной деятельности. Ознакомление работника с возможностями продвижения по службе. Создание системы материального и нематериального стимулирования работников за хорошие результаты в работе и лояльное поведение.

2) Усиление внутреннего контроля за поведением работников, их контактами с конкурентами и доступом к коммерчески ценной информации. Повышение контроля особо уязвимых каналов утечки коммерческой тайны – средств коммуникации, компьютеров, средств копирования.

3) Ужесточение санкций за кражу коммерческой тайны.

4) Разработка и применение более совершенных методик подбора персонала на предмет лояльности к работодателю.

Выводы

Коммерческая тайна – это относительно новый для сознания граждан нашей страны экономико-правовой институт. Молодежь, с одной стороны, обладает рядом характеристик, которые при отсутствии сдерживающего морального ограничения могут стать фактором утраты коммерческой тайны предпринимателя. С другой стороны, молодежь свободна от предрассудков и убеждений предыдущего поколения, воспитанного в годы командно-административной системы, когда единственной реально защищаемой была государственная тайна. Молодежь легче адаптируется к новым реалиям окружающей действительности, в том числе и к требованиям уважения к своей и чужой интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/stats/>.
2. Appelbaum S., Cottin J. Employee Theft: From Behavioral Causation and Prevention to Managerial Detection and Remedies, 9 // J. of American Academy of Business. Cambridge Press, 2006. 175 p.
3. Greenberg J. The Steal Motive, in Antisocial Behavior in Organizations / Robert A. Giacalone & Jerald Greenberg eds. N.Y., 1997. 96 p.
4. Gogoi P. Welcome to the Gen Y Workplace. Business Week. 2005. May 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.businessweek.com/bwdaily/dnflash/may2005/nf2005054_4640_db_083.htm.

ЗДОРОВЬЕ РАБОТНИКА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ЕГО СПОСОБНОСТИ К ТРУДУ

Проблема отсутствия потребности в здоровье на сегодняшний день является очень актуальной. Этот факт подтверждается статистическими данными. Необходимо проводить пропаганду здорового образа жизни среди молодежи для создания перспектив будущего общества.

Ключевые слова: здоровье, прогресс, образ жизни, потребность в здоровье.

The problem of absence of requirement in health for today is very actual. This fact proves to be true the statistical data. It is necessary to spend propagation of a healthy way of life among youth for creation of prospects of the future society.

Key words: health, progress, way of life, requirement in health.

В современном деловом мире достаточно много внимания уделяется вопросам текучести и обновления трудовых кадров. При этом предприятия и организации стараются активно привлекать для сотрудничества молодых людей. Значимыми при приеме на работу являются вопросы квалификации и уровня образования работника, его навыки, способность к обучению, а также состояние здоровья. Однако, как показывает практика, люди молодого возраста зачастую игнорируют вопрос здоровья как фактор конкурентоспособности.

До середины XVIII века главной характеристикой способности работника к труду были физическая выносливость, неприхотливость к условиям труда и способность в короткие сроки восстанавливать затраченные силы. Изобретенные и внедренные в 1769 году Ричардом Аркрайтом гидравлический станок и паровая машина Джеймса Уатта [1, 210], были призваны полностью заменить человеческий труд на трудоемких стадиях производства, а также произвести переворот в отношении между физическим трудом и благосостоянием, улучшить условия труда рабочих. Внедрение станков и машин в производство позволило значительно увеличить объемы производства различной продукции. В докладе 1817 года, представленном Робертом Оуэном для Комитета Ассоциации для облегчения промышленных и сельскохозяйственных рабочих, было отмечено, что в Шотландии одно предприятие, численность рабочих на котором составляло около 2,5 тыс. рабочих, имеет возможность производить количество продукции, аналогичное объемам производства за последние 50 лет всеми трудовыми силами страны [1, 210]. Однако резкий скачок производства в результате внедрения станков и оборудования дал двоякий экономический эффект. Теперь к работе стали привлекать женщин и детей, была увеличена продолжительность рабочей смены, сокращены внутрисменные перерывы. Способность к тяжелому труду перестала быть определяющим качеством работника.

В XXI веке среда обитания человека определяется степенью внедрения в нее продуктов научно-технического прогресса – транспорта, средств связи и коммуникаций, высотного жилья и т.д. Изменились показатели производительности труда. Наиболее важным теперь считается не количество, а качество произведенной продукции, достигаемое не только за счет совершенствования средств производства, но также за счет роста профессионализма работников, способности их адаптации к новым условиям труда. Творческая активность человека становится его главной характеристикой как производительной силы.

При этом значительно выросла нагрузка на психику. Г.И. Царегородцев и Е. Апостолов отмечали, что «психологическое загрязнение – не менее острая проблема, чем физическое» [2, 16]. В отличие от физических нагрузок, к воздействию которых человеческий организм способен приспосабливаться, утомление от монотонного выполнения однообразных производственных операций имеет свойство накапливаться в человеческом организме, приводя к невосполнимым нарушениям психики.

Однако ошибочно полагать, что только условия и характер труда оказывают воздействие на состояние здоровья человека. Как научная проблема здоровье охватывает комплекс медико-биологических, психологических, физкультурно-оздоровительных, социальных наук и имеет длительную историю. Оно формируется в результате взаимодействия экзогенных (природных и социальных) и эндогенных (наследственность, конституция, пол, возраст) факторов. Следовательно, принято выделять здоровье физическое или биологическое, психическое и социальное.

Понятие физического или биологического здоровья заключается в нормальном функционировании всех систем организма, способности их адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Понятие здоровья на психическом уровне связано с личностными характеристиками, с развитием самосознания, отношения к здоровью как личному достоянию. Здоровье социальное (общественное) связано с поиском места в окружающем обществе. Оно складывается в процессе взаимоотношений индивида с родителями, друзьями, любимыми, в школе, на работе, с соседями по дому [3, 63].

Еще в древности люди обратили внимание на то, что характер труда, обычаи, привычки, верования оказывают значительное влияние на здоровье. Гиппократ говорил, что большинство болезней возникает под влиянием этих условий [4, 158]. Индийский врач Сушрута, автор «Аюрведы», для правильного определения диагноза внимательно наблюдал за заболевшим, пытаясь определить, как он себя ведет, чем питается, каков его характер. Таким образом, в основу определения причины болезни было положено изучение образа жизни индивида с точки зрения объективных и субъективных оценок.

Под образом жизни следует понимать научную категорию, структурную компоненту качества жизни, а именно совокупность устойчивых поведенческих, психологических характеристик человека, обусловленных индивидуальными потребностями, качеством их удовлетворения, а также уровнем и состоянием обществен-

ного развития, определяющих его отношение к основным социально значимым аспектам жизнедеятельности (здоровье, семья, трудовая и общественная деятельность).

В основе образа жизни лежат как биологические, так и социальные принципы. К биологическим относятся:

- образ жизни должен быть возрастным;
- образ жизни должен быть обеспечен энергетически;
- образ жизни должен быть укрепляющим, ритмичным и аскетичным.

К социальным принципам образа жизни относят следующие:

- образ жизни должен быть эстетичным;
- образ жизни должен быть нравственным;
- образ жизни должен быть волевым и самоограничительным [3, 70].

Из этого следует, что образ жизни обладает многоплановым характером: стремление к физическому совершенству, достижение душевной и психической гармонии в окружающей среде, полноценное питание, исключение аспектов саморазрушающего поведения. При этом речь не идет об абсолютных ограничениях с целью сохранения уровня здоровья, заложенного природой в индивида при рождении. Человечество опытным путем доказало, что неумеренность в еде, злоупотребление алкоголем, малоподвижный образ жизни снижают ресурсы здоровья, в то время как занятия спортом, рациональное питание закаляют его. В связи с этим можно сказать, что необходим поиск оптимального сочетания факторов ведения образа жизни, который позволит сохранить природный уровень здоровья и даже повысить его. Такой образ жизни можно признать здоровым.

По словам Н.М. Амосова, современная цивилизация предлагает человеку для здоровой и долгой жизни гораздо больше возможностей, чем ограничений, нужно только уметь ими пользоваться.

Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1663-р утверждены основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2012 года, в которых задачи укрепления здоровья, создания условий для роста численности населения, увеличение продолжительности жизни остаются по-прежнему приоритетными. Первым из основных направлений государственной политики в сфере здоровья, демографии и экологии названо создание условий и мотиваций для ведения здорового образа жизни.

Однако следует отметить, что, как показывает опрос социального мнения населения России, факторы, оказывающие влияние на состояние здоровья, соблюдение принципов здорового образа жизни, стоят далеко не на первом месте.

Так, в 2006, 2008 годах и декабре 2009 года был проведен опрос среди россиян. Предлагалось ответить на вопрос: «Как бы вы оценили, в чем основная причина болезней у вас и ваших родственников?» [5]. Результаты ответов представлены в таблице (в процентах).

Причины заболевания	2006	2008	2009
1. Вероятно, болезни достались по наследству	15	17	16
2. Не хватает средств на предупреждение болезней, лечение, лекарства	29	26	22
3. Плохое питание	13	16	11
4. Неблагоприятные климатические условия	14	13	17
5. Работа на вредном месте, жизнь рядом с ним	10	9	11
6. Приходится слишком много работать, нет времени на лечение и отдых	26	19	20
7. В нынешней жизни слишком много тревог и беспокойств	34	34	33
8. Плохая окружающая среда, испорченная природа	27	30	30
9. Много лет не удается нормально отдохнуть, подлечиться	19	12	12
10. Возраст, старение	17	23	23
11. Не занимаемся физкультурой и спортом	6	6	9
12. Чрезмерное употребление алкоголя	2	3	3
13. Чрезмерное курение	3	2	2
14. Другое	3	2	2
15. Затруднились ответить	4	5	5

Анализ данных опроса показывает, что наиболее значимыми население считает объективные факторы, влияющие на здоровье (стрессы и плохую экологию – 33 и 30% соответственно), а субъективным факторам (употребление алкоголя, курение – 3 и 2% соответственно) отводится только второстепенная роль.

Такое нерациональное отношение к вредным привычкам имеет свое наглядное подтверждение среди подростков, проживающих на территории Кемеровской области.

По данным Департамента охраны здоровья населения области [6], за 2005–2007 годы количество подростков, впервые взятых на учет с диагнозом алкоголизм, снизилось на 7% (в крупных городах области: в г. Кемерово – на 13%, а в г. Новокузнецке, наоборот, выросло на 12%). Аналогичная динамика просматрива-

ется и по общему количеству подростков по области, состоящих на учете как злоупотребляющие алкоголем (минус 16%).

С диагнозом наркомания впервые на учет среди подростков в 2009 году попали на 30% меньше, чем в 2005 году (в г. Кемерово – на 6% больше за аналогичный период, в г. Новокузнецк – на 29% меньше). При этом значительно снизилось общее количество подростков, состоящих на учете по наркомании за 5 лет: на 55% в целом по области, на 52% по г. Кемерово, на 82% по г. Новокузнецку (несмотря на увеличение впервые поставленных на учет в этом городе).

Несмотря на снижение численности страдающих социально-опасными заболеваниями, в настоящее время основной проблемой является недостаточное развитие у человечества потребности в здоровье. Часто современный человек недостаточно внимательно относится к состоянию своего здоровья. Как справедливо замечает Лире (Lerishe), «Болезнь – это драма в двух актах, из которых первый разыгрывается в угрюмой тишине наших тканей, при погашенных огнях. Когда появляется боль и другие неприятные явления, это уже почти всегда второй акт» [7, 161]. А следовательно, недостаточное внимание человека к состоянию своего здоровья является фактором риска снижения эффективности его труда.

По одной из существующих классификаций, в основу которой положен способ воздействия на человека, потребности делятся на 2 группы [8, 11]:

1) полезные, способствующие развитию и самосовершенствованию человека; 2) вредные, негативно влияющие на здоровье и развитие личности.

О.Б. Шевелева справедливо отмечает, что вредные потребности могут становиться преобладающими в системе потребностей индивида вследствие невозможности различных объективных и субъективных предпосылок удовлетворения полезных потребностей. А степень распространения вредных потребностей отражает уровень социального развития общества.

Однако чаще всего потребности рассматриваются как нужда или недостаток какого-либо блага и главной их характеристикой, по мнению Т.Ф. Матвеевой, является предметность [8, 23]. Аналогичной точки зрения придерживается В.И. Сигов, утверждая, что потребности человека «получают определенность» [9, 97] только во внешнем предмете, являясь связующим звеном между производством и потреблением. Однако данные подходы не точны в отношении потребности в здоровье, которое следует рассматривать как комплекс физиологических и психологических характеристик человека и которое не имеет общепределенного предметного выражения.

О.В. Глушакова и другие ученые предлагают определять потребности как «имманентное свойство неудовлетворенности индивидов» [10, 56], которое выражается как ожидание роста условий жизнедеятельности в экономическом, биологическом, психологическом, технико-технологическом аспектах. Однако здоровье человека, хотя и является предпосылкой к росту условий жизнедеятельности, не характеризуется имманентным состоянием. В реальности потребность в здоровье серьезно конкурирует не только с вредными потребностями, но и «самыми дорогими благами (личный транспорт, бытовая техника и т.п.)» [3, 106]. В.П. Симонов и П.М. Ершов описывают конкуренцию потребностей на примере потребности в никотине: «Разумеется, инстинкт самосохранения у человека сильнее потребности в никотине. Но вероятность смертельного заболевания, с точки зрения субъекта, во-первых, мала, во-вторых, отнесена к какому-то неопределенному будущему» [11, 49]. Далее авторы ссылаются на информационную теорию эмоций, согласно которой потребность курить вызывает сильные отрицательные эмоции. Следовательно, человек стремится удовлетворить более сильные эмоции, то есть выкурить сигарету, не задумываясь о ее вреде для состояния здоровья.

Р.Л. Дафт определяет потребности как «скрытый список вещей, которые индивид желал бы получить» [12, 503]. При этом потребность в здоровье зачастую даже в скрытом списке индивидом не определяется как первостепенная. А для стабильного развития каждого человека и всего общества в целом необходимо, чтобы здоровье рассматривать как «осознанную потребность» [3, 107]. Осознание значимости такой потребности будет служить стимулом для корректировки жизненной позиции индивида в направлении соблюдения принципов ведения здорового образа жизни.

Система потребностей отдельного индивида формируется, в первую очередь, под влиянием половозрастных, профессиональных, психологических и эмоциональных особенностей его личности, зависит от уровня и качества жизни, от личных стремлений, осознания значимости индивидуального труда для общественного развития. То есть система потребностей носит индивидуальный характер и должна рассматриваться как фактор развития личности и общества. Одни потребности исчезают, другие появляются, третьи обновляются. Как справедливо отмечает О.В. Глушакова, главное свойство системы потребностей – это «создание условий для устойчивого и поступательного развития» [10, 45]. Однако при этом индивидуальная система потребностей не всегда совпадает с научно-обоснованной системой потребностей, что «деформирует направленность и оптимальность развития человека» [10, 45].

Б.М. Генкин в своих исследованиях говорит о том, что, кроме видов потребностей, необходимо выделять еще уровни их удовлетворения [13, 49]:

1) минимальный уровень, обеспечивающий выживание человека;
2) базовый уровень, на котором формируются потребности, соответствующие основным целям жизнедеятельности человека.

Анализируя предложенное разделение, необходимо отметить, что потребность человека в здоровье присутствует как на первом уровне удовлетворения в качестве единственно существенного условия для выживания, так и на втором уровне как необходимый фактор развития [3, 106]. Потребность в здоровье должна быть

первоочередной и определяющей в системе потребностей индивида на различных стадиях воспроизводства вне зависимости от социально-экономического положения индивида.

Вывод. Наиболее развитым инстинктом у животных является инстинкт самосохранения, он позволяет им выживать в окружающей среде. Человек является существом не только биологическим, но и социальным. В ходе эволюции инстинкт самосохранения у человека был преобразован в потребность в здоровье. Однако роль этого определяющего инстинкта должна оставаться у человека приоритетной, чтобы обеспечить самосохранение. Ф. Перлз говорит о том, что «здоровье человека проявляется в его способности к осознанию собственных потребностей, конструктивному поведению, здоровой адаптивности и умению принимать ответственность за самого себя» [14]. Так же следует добавить, что состояние здоровья находит свое прямое отражение в способности человека к созидательному, активному труду. Таким образом, потребность в здоровье в системе потребностей должна быть отнесена к высшему уровню.

Список литературы

1. Ванда В.Ф., Вавилов В.А. Психология труда в условиях НТР // *Общественные науки и здравоохранение*. М., 1987.
2. Царегородцев Г.И., Апостолов Е. Условия жизни и здоровья населения. М., 1975.
3. Качан Л.Г. Научно-методические подходы к формированию современных знаний о здоровье и здоровом образе жизни: Науч.-метод. пособие: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 2005.
4. Лисицын Ю.П. Социальная гигиена и организация здравоохранения: Проблемные лекции: Учеб. пособие. М., 1992.
5. Национальный диагноз – 2009 // *Мониторинг общественного мнения*. 2009. № 6 (94), ноябрь–декабрь.
6. Заболеваемость и болезненность алкоголизмом и наркоманиями в Кемеровской области (2005–2009 годы). Кемерово, 2010.
7. Римашевская Н.М., Копнина В.Г. Здоровье и благосостояние // *Общественные науки и здравоохранение*. М., 1987.
8. Матвеева Т.Ф., Михайлов В.В. Системное повышение качества жизни как фактор устойчивого развития социально-экономического развития региона. Кемерово, 2004.
9. Политика доходов и качество жизни населения. СПб., 2003.
10. Глушакова О.В. Управление воспроизводством качества жизни населения: теоретико-прикладные аспекты (на примере Кемеровской области). Кемерово, 2006.
11. Симонов В.П., Еришов П.М. Темперамент, характер, личность. М., 1984.
12. Дафт Р.Л. Менеджмент. СПб., 2000.
13. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М., 2001.
14. Здоровый образ жизни и психология. [Электронный ресурс]. URL: http://www.erudition.ru/referat/ref/id.34943_1.html.

Н.В. Гришечкина

Саратовский государственный медицинский университет, Россия

МОЛОДЕЖЬ И ИНТЕРНЕТ-МЕДИЦИНА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается проблема влияния интернет-медицины на современную молодежь. Выявляются основные перспективы и риски их взаимодействия.

Ключевые слова: молодежь, электронное здравоохранение, интернет-медицина, модель взаимодействия врача и пациента.

The main problem of this article is influence internet-medicine on modern youth. Main prospects and risks of their interaction are revealed in article.

Key words: youth, ehealth, internet-medicine, model of doctor-patient relationship.

Развитие и внедрение информационных технологий в настоящее время является одним из приоритетных направлений в медицине для решения задач сохранения и улучшения здоровья, увеличения продолжительности жизни граждан, повышения рождаемости и снижения смертности. Новые технологии в медицине способны не только количественно, но и качественно улучшить процесс предоставления медицинских услуг, создать принципиально новые возможности для медицины. Их внедрение в практику здравоохранения стремительно изменяет как способы диагностики и лечения, так и саму методику взаимодействия врача с пациентом и друг с другом, организацию лечения и восстановления здоровья.

Применение современных информационных технологий в пространстве медицины приводит к возникновению новых социальных институтов, моделей коммуникации, пересмотру традиционной системы ценностей, улучшению качества жизни человека. На данный момент можно говорить о системных изменениях в сфере медицины, детерминированных внедрением новых информационных технологий. Несмотря на то, что эти изменения требуют значительных финансовых, трудовых и временных затрат, они жизненно необходимы.

В последнее время для обозначения вышеуказанных изменений все чаще употребляется термин «электронное здравоохранение». ВОЗ отмечает, что «укрепление здравоохранения с помощью системы электронного здравоохранения может способствовать осуществлению основных прав человека в результате повышения уровня справедливости, солидарности, качества жизни и качества медико-санитарной помощи» [1, 101]. Большинство исследователей единодушны в том, что электронное здравоохранение открывает уникальную возможность для развития общественного здравоохранения.

Четкого определения данного термина еще нет. Некоторые исследователи подразумевают под электронным здравоохранением все, что связано с использованием информационных технологий в медицине. В широком смысле мы можем определить электронное здравоохранение как систему социальных связей и отношений, возникающих в связи с использованием новых информационно-коммуникационных технологий в пространстве медицины. В результате формируется совершенно новое информационно-коммуникационное пространство, взаимодействия в котором осуществляются по трем основным направлениям [2, 2400]:

- 1) медицинское учреждение (медицинский работник) – пациент;
- 2) медицинское учреждение (медицинский работник) – медицинское учреждение (медицинский работник);
- 3) пациент – пациент.

Происходящие изменения, осуществляясь как на государственном, так и на общественном уровне, затрагивают, прежде всего, молодежь, так как именно эта социальная группа обладает наибольшим потенциалом освоения формирующегося пространства. Учитывая, что здоровье современной молодежи является наиболее ценным ресурсом системы общественного здоровья, необходимо анализировать не только преимущества указанных трансформаций, но и риски, которые они в себе несут.

Молодежь интенсивно вовлекается в формирование новых социальных связей и отношений, которые в отличие от традиционных обладают совершенно новыми свойствами, связанными со спецификой используемых информационных технологий. Можно выделить некоторые характерные черты формирующейся системы электронного здравоохранения [3, 74]:

- эффективность (электронное здравоохранение повышает эффективность медицинского обслуживания, снижая временные и денежные затраты);
- качество (рост эффективности медицинского обслуживания в системе электронного здравоохранения связан с повышением качества медицинской помощи);
- система электронного здравоохранения предоставляет пациенту большую свободу выбора, позволяя на основе полученной информации принимать ответственные решения;
- в новых условиях формируется и новая модель взаимоотношений врача и пациента, основанная на принципах партнерства, коллегиальности;
- прозрачность (создание в рамках системы электронного здравоохранения единого информационного и коммуникационного пространства позволяет сделать работу медицинских учреждений более согласованной и более прозрачной для внешнего и внутреннего контроля);
- расширение пространства медицины как в географическом, так и в концептуальном смысле (благодаря развитию интернет-медицины территориальные границы системы здравоохранения становятся все более размытыми, и само жизненное пространство человека постепенно становится частью пространства медицины);
- в связи с вышеперечисленным возникают новые проблемы морально-нравственного характера, поэтому эффективность функционирования системы электронного здравоохранения во многом зависит от ее этического измерения.

Несмотря на то, что система электронного здравоохранения только начинает свое становление в нашей стране, и для многих людей является лишь замысловатым словосочетанием, интернет-медицина, в свою очередь, является вполне привычным явлением для большей части молодых людей. Как показывает интернет-статистика большинство запросов в поисковых системах Интернета – это запросы по поводу здоровья. Все больше молодежь активно ищет информацию о здоровом образе жизни и своих заболеваниях, используя интернет-ресурсы, в частности медицинские сайты, он-лайн консультации врачей и т.д. Возникает вопрос о влиянии интернет-медицины на современную молодежь.

Развитие интернет-медицины предоставляет уникальные технологические ресурсы для улучшения качества взаимодействия врачей и пациентов. Растущей популярностью в последнее время пользуются социальные сети (чаты) для врачей и пациентов, в которых они в реальном времени могут обмениваться информацией. Молодые люди могут обсудить свои проблемы, касающиеся здоровья, получить необходимую поддержку и даже консультацию ведущего специалиста, а также получить оперативную информацию по поводу того или иного заболевания и т.д. Интернет-медицина – это возможность для молодых людей избежать психологического барьера при общении с врачом, который в отдельных случаях может стать причиной необращения за медицинской помощью в обычную поликлинику. Это залог сохранения анонимности в процессе поиска информации о своем здоровье, а также получении социальной поддержки у пользователей Интернета с аналогичными проблемами.

Развитие интернет-медицины несет в себе не только расширение возможностей для молодежи в пространстве медицины, но и различные риски. Так, например, ситуация «правовой туманности» в вопросах информатизации системы электронного здравоохранения и развития интернет-медицины приводит к подмене основных целей и задач медицины коммерческими интересами. Многочисленные медицинские интернет-сайты создаются не только с целью информирования и осуществления консультаций пациентов, но и с целью рекламы, продвижения фармацевтической продукции. Молодым людям зачастую трудно разобраться с каким вариантом интернет-сайта они столкнулись, а поэтому легко стать инструментом в реализации чьих-то далеких от медицины интересов. Летом 2009 года закончился тендер Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации «на право заключения государственного контракта на выполнение работ по разработке и реализации мультимедийного интернет-портала в рамках коммуникационной программы по формированию здорового образа жизни «Здоровая Россия на 2009 год». Победила компания с ценой контракта

39.194.681.48 RUB. В декабре 2009 года этот интернет-портал начал свою работу takzdorovo.ru. Несмотря на неоднозначную оценку соотношения цены и качества данного портала, его появление гарантирует молодежи получение достоверной информации о здоровье и болезнях.

Пятьдесят лет назад медицинская информация была исключительно «интеллектуальной собственностью» представителей медицинской профессии. Во время консультации врач предоставлял незначительный объем информации, чтобы пациент не поставил под сомнение его решение. Врач был той инстанцией, которая определяла, в чем же состоит благо для пациента. То есть медицина развивалась в рамках патерналистической модели взаимодействия врача и пациента. Развитие Интернета совершило революцию в составлении, оценке и распространении информации, касающейся здоровья и болезней. Это является причиной трансформации традиционных взаимоотношений врача и пациента, основанных на принципах патернализма в различных аспектах. Коммуникативная ситуация становится качественно другой, она позволяет снизить психологический дискомфорт, стимулировать интерес обеих сторон к достижению цели, сформировать положительный имидж врача. Современная молодежь, получая доступ к медицинской информации, а также возможность делать выбор в решении вопросов, касающихся своего здоровья, учится брать на себя ответственность за состояние своего здоровья. Простота установления контакта между врачом и пациентом, а также повышает уровень их доверия к медицинским работникам и институту медицины в целом. Многие молодые люди сегодня обращаются к Интернету перед непосредственным посещением врача и приходят на консультацию уже вооруженные информацией о предполагаемом диагнозе. Кроме того, они обращаются к поиску информации об уже известном диагнозе или предписанных врачами лекарственных средствах.

Возможность оперативного получения информации касающейся здоровья человека, особенно в ситуации болезни, может иметь негативные последствия, прежде всего для молодежи. Специфика данной информации требует наличия необходимых ресурсов для адекватной рефлексии полученной информации, в противном случае она может служить источником возникновения, например, различных ятрогений. Кроме того, открытость Интернета создает опасность нарушения конфиденциальности и злоупотребления информацией, связанной со сферой здоровья человека.

Молодежь является той основной целевой аудиторией интернет-медицины, которая включается в новые модели взаимодействия врача и пациента в современном обществе. Формирующаяся в нашей стране система электронного здравоохранения ориентирована, прежде всего, на пациентов включенных в новое информационное пространство медицины и способных к автономным действиям в нем. Таким образом, старая парадигма медицины индустриального общества, в которой медицинские работники рассматривались в качестве основного и единственного источника медицинских знаний и профессиональных навыков, постепенно уступает место новому мировоззрению информационного общества, в котором пациенты, а также их законные представители становятся полноправными участниками терапевтического процесса, наделенными правом принятия решений относительно своего здоровья.

Список литературы

1. Свінціцький А.С., Богомаз В.М. Оцінка використання Інтернету для медичних потреб // Сімейна медицина. Київ, 2006.
2. Baker L., Wagner T.H., Singer S., Bundorf M.K. Use of the Internet and E-mail for Health Care Information. Results from a National Survey // *Jama*. 2003. Vol. 289(18). P. 2400–2406.
3. Powell J.A., Darvell M., Gray J.A. The doctor, the patient and the world-wide web: how the internet is changing health-care // *J. R. Soc. Med.* 2003. № 96. P. 74–76.

Е.Н. Курочкина

Саратовский государственный медицинский университет, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

На фоне роста общей правовой культуры общества произошло пересечение интересов и прав пациентов и медицинских работников. Изучение вопросов медицинского права актуально в рамках формирования этико-правовой культуры врача.

Ключевые слова: медицинское право, биоэтика, этико-правовая культура, медицинский работник.

On background of the growing of the general legal culture society has occurred intersection an interest and rights of the patients and medical workman. The knowledge of the medical right necessary for forming of the ethics-legal culture of the physician.

Key words: medical right, bioethics, ethics-legal culture, medical workman.

Важнейшей ценностью, определяющей профессиональную деятельность современного врача, должна стать человеческая жизнь, сохранение которой возможно только при соблюдении им основных правил и принципов современной биомедицинской этики. В настоящее время биомедицинская этика неразрывно связана с областью медицинского права, которое закрепляет основополагающие права пациента и медицинского работника в рамках оказания медицинской помощи.

Медицинское право охватывает широкий круг вопросов современной медицины: проблема добровольного информированного согласия пациента, участие пациента в медицинских экспериментах, конфиденциальность медицинской деятельности, ненадлежащее оказание услуг пациенту и ответственность медицинских работников, правовые проблемы аборт и современных репродуктивных технологий, клонирование и генная инженерия, трансплантация органов и тканей человека, фетальная терапия. В последнее время обсуждаются вопросы, связанные с биотерроризмом, фиксацией медицинской информации и защитой частной жизни пациента, вакцинацией, продажей лекарств по Интернету, рекламой лекарственных препаратов, оказанием медицинской помощи гражданам, находящимся в местах лишения свободы. Медицинское право имеет и прикладную область – практическое обеспечение выполнения теоретических положений [1, 35].

Медицинское право можно определить как совокупность нормативных актов, определяющих организационные, структурные, общеправовые отношения при оказании лечебно-профилактической помощи людям, проведении санитарно-эпидемических мероприятий и иных действий, связанных с деятельностью по охране здоровья граждан. Предмет медицинского права включает в себя правоотношения при осуществлении лечебно-профилактической, санитарно-гигиенической деятельности и акты, определяющие правовой статус этих отношений. Система медицинского права включает в себя лечебно-профилактические, санитарно-гигиенические нормы, правовые акты, регулирующие деятельность в сфере здравоохранения [2, 33–34].

Пример

Изучение вопросов медицинского права при профессиональной подготовке современного врача осуществляется в рамках курса биоэтики. Биоэтика преподается в медицинских вузах России сравнительно недавно, с 2001 года. В Саратовском медицинском университете биоэтика преподается для студентов практически всех специальностей: лечебного, педиатрического, фармацевтического, стоматологического, медико-профилактического. Также курс биоэтики предусмотрен программой Института сестринского образования, занимающегося подготовкой менеджеров здравоохранения. Изучение основных вопросов медицинского права осуществляется в рамках темы «Пациент и его самореализация, права и свободы». Теоретический материал затрагивает рассмотрение проблемы представления о ценности здоровья, его общественной и персональной значимости. Обозначаются права человека и права пациента, обсуждаются вопросы, связанные с реализацией на практике прав пациента. Немаловажное значение имеет изучение проблемы врачебных ошибок (ятрогений), на семинаре разбираются объективные и субъективные причины ятрогенного влияния на пациента, причины врачебной халатности. В ходе обсуждения предлагаются пути профилактики врачебных ошибок, особое внимание уделяется вопросам этики отмены необоснованных назначений. В логической последовательности далее рассматриваются вопросы этико-правовых аспектов лечебного взаимодействия: модели взаимоотношения медицинского работника и пациента (патерналистская, инженерная, контрактная, коллегиальная), искусство врачевания, равенство и его реализация в отношениях врача и пациента, закон и обычай в регуляции отношений врача и пациента. Теоретический материал используется далее при обсуждении ситуационных задач, предложенных студентам. Как правило, это реальные случаи из практики опытных врачей, которые зачастую на первый взгляд не имеют однозначного ответа. В ходе обсуждения ситуации студенты учатся основам клинического мышления, при этом происходит осознание факта, что лечебное взаимодействие представляет собой не только грамотное обследование пациента и постановка правильного диагноза, но и профессиональная реализация основных прав пациента при оказании медицинской помощи, установление максимально приемлемого межличностного контакта с пациентом. Психологический комфорт в общении с врачом зачастую для пациента наиболее важен, нежели профессиональные регалии врача. Все это приводит к доверительному, партнерскому взаимодействию врача и пациента, соответственно пациент лучше адаптируется к процессу лечения.

В рамках темы «Конфиденциальность и сообщение информации» студенты знакомятся с важнейшим правом пациента – правом на информацию. Информирование пациента рассматривается как важнейший этический принцип. Врачевание на современном этапе развития общества не представляется без соблюдения ключевых принципов биоэтики: «автономии личности», «не навреди», «благодеяния», «справедливости». Кроме основных принципов необходимо выполнение и так называемых правил (требований): «правдивости», «приватности», «конфиденциальности», «верности», «информированного согласия». Право на информированное добровольное согласие в современной клинической практике считается основополагающим, но реализация его зачастую вызывает множество вопросов у студентов. В основном это связано с неоднозначным отношением врачей к практическому применению этого права в той или иной спорной ситуации. Чаще всего дискуссии возникают при обсуждении вопроса «информировать – не информировать» в зависимости от характера и степени тяжести патологии. Многие студенты говорят о преимуществе применения в таких ситуациях патерналистской модели взаимодействия с пациентом. Некоторые отстаивают принцип «автономии личности пациента»: пациент сам решает, как использовать полученную информацию.

Вывод

На фоне роста общей правовой культуры общества постоянно происходит столкновение интересов и прав пациентов и медицинских работников. Знание правовых основ профессиональной деятельности медицинских работников, изучение важнейших принципов биоэтического знания, сравнительный анализ современных условий врачевания и исторических моделей медицинской этики, постепенно формирует этико-правовую культуру врача. Врач-профессионал в современном понимании пациентов – это человек с

высоким уровнем правосознания, специалист, который не ограничен только рамками медицинских вопросов, это человек высоких морально-этических принципов. К сожалению, в последнее время у пациентов нередко отмечается отрицательная психологическая установка по отношению к медицинским работникам. Этому способствует, как правило, большой объем отрицательной информации в СМИ, зачастую не самой корректной и адекватной. Грамотное формирование этико-правовой культуры медицинских работников смогло бы переломить сложившийся в обществе негатив и, следовательно, улучшить качество оказания медицинской помощи в целом.

Список литературы

1. *Шамов И.А.* Биомедицинская этика. Махачкала, 2005.
2. *Шевченко Ю.Л.* Правовые основы здравоохранения в России. М., 2000.

М.В. Кулакова, Е.Н. Власова

Хакасский государственный университет, Абакан, Россия

ДИНАМИКА АДАПТАЦИИ ВОЕННЫХ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

В работе рассматривается процесс социально-психологической адаптации военных краткосрочной службы в сравнительном плане и в динамике. Выявляется взаимосвязь личностных характеристик и уровней адаптации.

Ключевые слова: адаптация социальная, адаптация физиологическая, адаптивность, адаптированность, динамика адаптации, нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность, формы агрессии, воинская служба, военные срочной службы.

Dynamics of adaptation of the military men for a fixed period according to their personal characteristics. This article is about a process of a social – psychic adaptation of military men for a fixed period in studied and dynamics. Interconnection between the personalities and adaptation's levels is also shown.

Key words: social adaptation, physiological adaptation, adaptability, adaptavation, dynamics of adaptation, nervous – psychic stability, moral standard, communicative competence, aggression's forms, military service, military men for a fixed period.

Среда и условия воинской деятельности предъявляют достаточно жесткие требования к личности молодого человека, призванного на военную службу. Многоэтапный и разносторонний процесс адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву, к армейской среде и условиям службы требует пристального внимания и изучения. В основе этого процесса лежат адаптационные способности личности, во многом детерминирующие его успешность.

Проблема развития личности вооруженного защитника Отечества, в первую очередь, предполагает создание условий для успешной адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву, непосредственно к армейской среде [2, 193].

Актуальность данной проблемы подтверждают исследования военных психологов Н.Ф. Феденко, А.В. Барбанщиков, Л.Ф. Железняк и др.

Объектом нашего исследования является социально-психологическая адаптация.

Предмет исследования – динамика адаптации военных срочной службы в зависимости от их личностных характеристик.

Цель исследования – выявить динамику адаптации военных срочной службы в зависимости от их личностных характеристик.

Мы предположили, что военнослужащие, склонные к проявлению агрессивных тенденций, а также негативных установок в общении, имеют низкий уровень адаптации, а военные с высокой поведенческой регуляцией, адекватной самооценкой и реальным восприятием действительности высоко адаптированы. К тому же уровень адаптации к срочной службе в армии может меняться.

Задачи исследования

1. Проанализировать психолого-медицинскую научную литературу по проблеме социально-психологической адаптации.

2. Выявить и сравнить особенности адаптации военных срочной службы на начальном и завершающем этапах службы.

3. Выявить и сравнить особенности проявлений агрессивных тенденций военных срочной службы на начальном и завершающем этапах службы.

4. Выявить и сравнить особенности и установки межличностных отношений военных срочной службы на начальном и завершающем этапах службы.

5. Выявить и проанализировать взаимосвязь уровня адаптации с личностными характеристиками военнослужащих.

Методологическая основа: теория общего адаптационного синдрома Г. Селье.

Материалы и методы

В проведении исследования использовались три группы методов.

1. Теоретический анализ литературы.

2. Психодиагностические методы: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО – АМ) разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным; методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки; методика определения деструктивных установок в межличностных отношениях В.В. Бойко; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири.

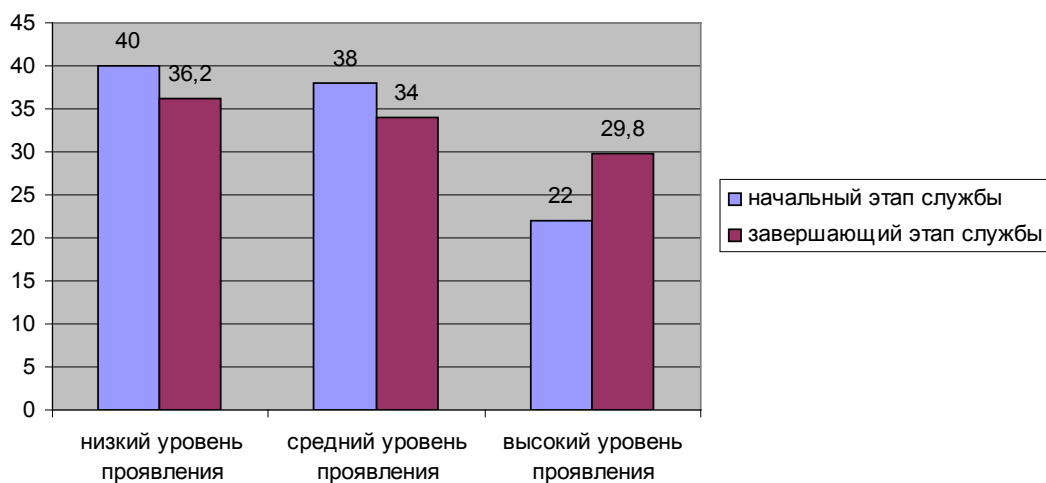
3. Методы математической статистики: (SPSS 10.0 for Windows) U-критерий Манна–Уитни; критерий Спирмена.

Исследование проводилось на базе войсковой части города Абакан в два этапа. В нем приняли участие военные, находящиеся на срочной службе, средний возраст 21 год.

Результаты

На первом этапе исследования военнослужащие диагностировались на 4-м, 5-м месяце службы, в количестве 50 человек. На втором этапе – на 11-м, 12-м месяце службы, в количестве 47 человек. 3 человека выбыли из исследования в связи с переводом в другую войсковую часть.

Мы сравнили особенности и уровни адаптации военнослужащих на разных этапах службы. Были выявлены некоторые показатели динамики адаптационного потенциала, которые представлены на рисунке.

Уровни адаптации военнослужащих на разных этапах службы, %

При сравнении личностных характеристик военнослужащих, находящихся на начальном и завершающем этапах службы, выявлены следующие статистически значимые изменения.

Например, у военнослужащих с низким уровнем адаптации возрастают параметры «открытая жестокость» ($p \leq 0,00$); «физическая агрессия» ($p \leq 0,01$); «подозрительность» ($p \leq 0,02$) и «вербальная агрессия» ($p \leq 0,00$). Военнослужащие со средним адаптационным потенциалом демонстрируют увеличение параметра «открытая жестокость» ($p \leq 0,00$). Представители высокоадаптированной группы отличаются повышением параметра «моральная нормативность» ($p \leq 0,00$).

Обсуждение результатов

Данное направление работы по изучению динамики социально-психологической адаптации включает в себя определение уровня нервно-психической устойчивости, коммуникативных способностей; изучение морально-нравственных особенностей, проявлений агрессии и деструктивных установок в межличностных отношениях военных срочной службы.

Исследование этих компонентов является перспективным направлением дальнейшей работы по созданию стройной и эффективной системы психологического обеспечения адаптации военнослужащих к воинской деятельности в целом.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

– у военнослужащих с низким адаптационным потенциалом к завершающему этапу службы значительно повышается уровень открытой жестокости, физической и вербальной агрессии, а также подозрительности. Они становятся более резкими в своих выводах и высказываниях по поводу окружающих, наиболее часто применяют физическую силу против другого лица, более склонны к выражению своих негативных чувств через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы), а также чаще проявляют недоверие и осторожность по отношению к окружающим людям. Но в то же время становятся более выраженными такие типы отношения

к окружающим, как дружелюбный и альтруистический, следовательно. В данной группе испытуемых становятся более явными такие характеристики, как ориентация на принятие и социальное одобрение, стремление удовлетворить требования всех и «быть хорошим» без учета ситуации;

– группа испытуемых со средними адаптационными возможностями на завершающем этапе службы характеризуется значительным повышением уровня открытой жестокости; они становятся более резкими в своих выводах и высказываниях по поводу окружающих и эти выводы не стараются скрыть или смягчить;

– у лиц с высоким уровнем адаптации к завершению службы повышается моральная нормативность, а также становятся более явными авторитарный и эгоистичный типы отношения к окружающим; они становятся более ориентированными на соблюдение общепринятых норм поведения, на принятие и социальное одобрение; более склонны к проявлению властности, самовлюбленности и расчетливости;

– с повышением уровня адаптации к условиям службы в армии у военнослужащего становится выше его поведенческая регуляция, самооценка, уровень контроля эмоций; он более адекватно воспринимает действительность, реальнее оценивает свою роль в коллективе и более ориентирован на соблюдение общепринятых групповых норм; повышается его способность устанавливать контакты с сослуживцами и окружающими.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза, в которой говорилось о том, что военнослужащие, склонные к проявлению агрессивных тенденций, а также негативных установок в общении, имеют низкий уровень адаптации, а военные с высокой поведенческой регуляцией, адекватной самооценкой и реальным восприятием действительности высоко адаптированы, и что уровень адаптации к срочной службе в армии может меняться, подтвердилась частично [3].

Список литературы

1. *Караяни А.Г., Сыромятникова И.В.* Прикладная военная психология. СПб., 2006.
2. *Маклаков А.Г.* Военная психология. СПб., 2003.
3. *Селье Г.* Стресс без дистресса. М., 1992.

Т.А. Антонова

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НАУЧНОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье анализируются данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси среди аспирантов-очников. Особое внимание уделено изучению характера удовлетворенности аспирантов различными сторонами своей жизни, а именно материальным положением, жилищными условиями, а также влиянием дополнительной занятости на степень удовлетворенности жизнью. Основной вывод, который был сделан в результате исследования, заключается в том, что дополнительная трудовая занятость, лежащая в сфере основной профессиональной деятельности, не только влияет на уровень удовлетворенности жизнью аспирантов Института социологии НАН Беларуси, но и является залогом эффективности используемых ими в своей трудовой практике адаптационных стратегий.

Ключевые слова: молодежь, адаптация, аспиранты, занятость, удовлетворенность жизнью, материальное положение, доходы

The article entitled analyzes the data of a sociological research conducted by the Institute of Sociology of the Academy of Sciences of Belarus among full-time post-graduate students. Special attention is given to studying the character of satisfaction of post-graduate students with various aspects of their lives, notably, financial position, living conditions as well as the influence of additional employment on the degree of their satisfaction with life. A basic conclusion which has been made as a result of the research, is that additional labour employment lying in sphere of their primary professional work, not only influences the level of life satisfaction of post-graduate students of the Academy of Sciences of Belarus, but is also an essential condition for the efficiency of adaptive strategies as used by them in their working practice.

Key words: youth, adaptation, post-graduate students, employment, life satisfaction, financial position, incomes.

Экономические и политические преобразования в постсоветской Беларуси актуализировали вопросы, связанные с адаптивными возможностями и стратегиями современного общества, и особенно ее молодого поколения, поскольку новые механизмы адаптации к совершенно иным условиям функционирования экономической и социальной сфер еще не стали стандартными и общепринятыми, а старые, эффективно действовавшие в условиях советской системы, уже не отвечают нынешним реалиям и утратили свой потенциал эффективности.

Процесс социализации и выработки адаптационных стратегий молодежи Беларуси, занятой в сфере науки, носит во многом стихийный характер, что обусловлено как изменением социально-экономической и политической реальности, так и влиянием процессов глобализации, которые усиливают адаптивную нагрузку на молодежь. При этом скорость социальных изменений, с одной стороны, расширяет адаптивные возможности в процессе реализации жизненных планов, а с другой – увеличивает риск отстать от этих изменений и не успеть за ходом социальных преобразований. Под влиянием глобализационных сил меняется социальный облик современных обществ, вовлеченных в процесс глобализации, и именно молодежь является наиболее мобильным и активным субъектом этих отношений как на мировом, так и на внутригосударственном уровне.

Современная молодежь оказалась в сложном положении, характеризующемся тем, что далеко не всем представителям молодого поколения страны удастся реализовать свой адаптивный потенциал из-за резкого ограничения возможностей социальной мобильности в сегодняшних социально-экономических условиях. Жизнь молодого человека во многом определяется набором адаптационных стратегий, выбором тех или иных из них в различных ситуациях, однако сами адаптационные стратегии формируются под влиянием факторов микро-, мезо- и макросреды, к которым относятся условия формирования личности молодого человека в процессе социализации в семье, школе, специфика мезосреды, а также характер общественного развития государства, его экономических, политических и других институтов.

В 2008 г. Институтом социологии НАН Беларуси было проведено исследование, посвященное изучению проблем деятельности очной аспирантуры НАН Беларуси, в рамках которого было опрошено 328 человек, или 73,9% общей численности аспирантов, обучающихся в аспирантуре НАН Беларуси с отрывом от производства на момент опроса. В выборке были пропорционально представлены аспиранты, ведущие исследования в различных областях наук, а именно биологических и медицинских, физико-технических, общественных и гуманитарных, сельскохозяйственных, физико-математических, химических и наук о Земле. Основными задачами исследования были: изучить социально-экономическое положение, удовлетворенность различными сторонами жизни аспирантов НАН Беларуси, обучающихся с отрывом от производства, а также попытаться выделить группы респондентов, различающиеся между собой характером адаптационных стратегий.

Анализ материалов по теме исследования позволил сделать следующие выводы. Большинство аспирантов НАН Беларуси – 46,6% – в той или иной степени не довольны своей жизнью; каждый пятый – полностью удовлетворен ею; каждый седьмой – удовлетворен лишь частично; 17,4% – не смогли ответить на вопрос анкеты: «Удовлетворены ли Вы своей жизнью в настоящее время?». Удовлетворенность жизнью большинства респондентов напрямую зависит от удовлетворенности жилищными условиями и характера основных социально-бытовых проблем, удовлетворенность жизнью тем выше, чем меньше беспокоят респондентов проблемы материального достатка и жилья, полноценного питания и медицинского обслуживания, обеспеченности детскими яслями и садами. Так, проблемы полноценного питания актуальны для подавляющего большинства (72,6%) тех, кто не доволен жизнью, для удовлетворенных жизнью это является проблемой лишь для каждого пятого аспиранта (22,2%); общее число неудовлетворенных жизнью, обеспокоенных проблемами с жильем, превышает численность аспирантов, удовлетворенных жизнью, в 1,6 раза.

Как показало исследование, размеры доходов не оказывают прямого влияния на характер удовлетворенности жизнью большинства аспирантов НАН Беларуси. Как среди удовлетворенных, так и не удовлетворенных жизнью, примерно одинаково представлены респонденты с разным уровнем доходов. Так, большинство как в самой успешной с точки зрения социального самочувствия группе, так и в остальных, составили аспиранты, чей среднемесячный доход не превышает размера ежемесячной аспирантской стипендии. Кроме того, число респондентов с высоким уровнем доходов среди тех, кто не удовлетворен своей жизнью, превышает численность аспирантов, имеющих такие же доходы, среди удовлетворенных жизнью, на 25,6%. Объяснений такого парадокса может быть несколько: от снижения планки притязаний части аспирантов, готовности их довольствоваться малым в современных экономических условиях, до традиционных для белорусской ментальности ориентаций на нематериальные ценности. Кроме того, учитывая возраст, семейное положение аспирантов, а так же то, что более трети из них проживают вместе с родителями (в том числе и достаточно состоятельными), многие из них избавлены от необходимости самостоятельно вести хозяйство и не испытывают прямой зависимости качества своей жизни от уровня личных доходов. Можно также выдвинуть предположение, построенное по схеме обратной причинной связи. Материальный достаток или размер доходов в условиях невозможности его достижения для многих перестает восприниматься в качестве основополагающего фактора удовлетворенности жизнью и заменяется другими своеобразными социальными компенсаторами – любовью, хорошей семьей, дружеским общением, честным образом жизни и т.д. Отсюда – удовлетворенность жизнью на фоне сравнительно невысокого материального достатка.

В целом аспиранты НАН Беларуси отличаются довольно высоким уровнем профессиональной подготовки, творческой и трудовой активности как до поступления в аспирантуру, так и во время учебы в ней. Что касается гендерных, возрастных, а также особенностей семейного положения, то большинство среди удовлетворенных и не удовлетворенных жизнью составляют аспиранты мужского пола в возрасте 24–26 лет, не состоящие в браке и не имеющие детей. В то же время исследование выявило некоторые особенности. Так, высокий уровень полученного в вузе образования не является залогом удовлетворенности жизнью в период учебы в аспирантуре для значительного числа опрошенных – 57,1% среди тех, кто не доволен жизнью, получили в вузе дипломы с отличием, у 71,4% из них сданы все кандидатские экзамены, при этом большинство из них не только не удовлетворены жизнью в целом в настоящее время, но и отдельными сторонами своей профессиональной деятельности (например, выбором темы кандидатской диссертации). Сфера дополнительной занятости большинства из них лежит в областях, не связанных с их профессиональной деятельностью.

Среди довольных жизнью преобладают аспиранты, состоящие в браке и имеющие детей (соответственно 55,5 и 28,0%), среди недовольных их значительно меньше – 35,6 и 16,8%. Это позволяет сделать вывод о том, что устроенное семейное положение, а также наличие детей являются для большинства аспирантов фактором позитивного отношения к жизни и стимулом активных действий в сфере социальной и трудовой адаптации.

Уровень социальной адаптации аспирантов в значительной степени определяется их поведенческими установками, в частности выбранными стратегиями в обеспечении своего материального положения. Основные способы, которыми пользуются для этого аспиранты НАН Беларуси, лежат в сфере дополнительной тру-

довой занятости. Исследование показало, что для удовлетворенных жизнью аспирантов наиболее характерна дополнительная занятость, полностью или частично лежащая в сфере их основной профессиональной деятельности. Что касается дополнительной занятости, не связанной с профессиональной деятельностью аспирантов, то она больше характерна для не удовлетворенных жизнью аспирантов. Отсюда следует, что дополнительная трудовая занятость, лежащая в сфере основной профессиональной деятельности, не только влияет на уровень удовлетворенности жизнью аспирантов НАН Беларуси, но и является залогом эффективности используемых ими в своей трудовой практике адаптационных стратегий.

Ж.Г. Гаранина

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются особенности профессионального и личностного самоопределения молодежи. Анализируются гендерные различия профессиональных и личностных ценностных ориентаций студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, профессиональное самоопределение, личностное самоопределение, ценностные ориентации, гендерные различия.

The problem of professional and personal self-determination of students youth. In article analyze peculiarities of professional and personal self-determination and valuable orientation of students youth.

Key words: students youth, professional self-determination, personal self-determination, valuable orientation, gender difference.

Введение

Проблема личностного и профессионального самоопределения является особенно актуальной в условиях трансформации ценностных ориентаций и жизненных установок, характерных для современного российского общества. Новые социально-экономические изменения предъявляют все более высокие требования к профессионализму специалистов, в частности их конкурентоспособности, мобильности, быстрому приспособлению к новым условиям труда. Все это требует серьезного внимания к личностному и профессиональному становлению молодежи.

Поиск смысла, своего места в жизни и в профессиональной деятельности для современного молодого человека является одной из наиболее сложных проблем. Успешность профессионального самоопределения достигается совпадением системы личностных смыслов с выбором адекватной смыслу деятельности. В этом случае субъективные ценности индивида гармонично сочетаются с приоритетами профессиональной деятельности, образуя ценностно-смысловое единство.

С точки зрения психологического подхода самоопределение – это сложный, многоступенчатый процесс развития человека, его структурными элементами являются разные виды самоопределения: личностное, социальное, профессиональное и др. Эти виды самоопределения постоянно взаимодействуют. В одних случаях они предшествуют одно другому, например, личностное самоопределение может предшествовать и способствовать профессиональному, чаще всего они происходят одновременно, меняясь местами, как причина и следствие.

В основе самоопределения в юношеском возрасте лежит личностное самоопределение, имеющее ценностно-смысловую природу, активное определение своей позиции относительно общественно выработанной системы ценностей, определение на той основе смысла своего собственного существования. М.Р. Гинзбург полагает, что в юношеском возрасте личностное самоопределение является генетически исходным, определяющим развитие всех других видов самоопределения [1, 24].

Профессиональное самоопределение, по мнению Н.С. Пряжниковой, – это «самостоятельное, осознанное и добровольное построение, корректировка и реализация профессиональных перспектив, предполагающие выбор профессии, получение профессионального образования и совершенствование себя в данной профессиональной деятельности» [2, 58]. Процесс профессионального самоопределения, в свою очередь, включает развитие самосознания, формирование системы ценностных ориентации, моделирование своего будущего, построение эталонов в виде идеального образа профессионала.

Таким образом, во-первых, профессиональное самоопределение является составной частью личностного самоопределения, во-вторых, профессиональное и личностное самоопределение неразрывно связаны и взаимодействуют друг с другом.

Материалы и методы

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей личностного и профессионального самоопределения студентов.

Исследование проводилось с двумя группами испытуемых. Первая состояла из 20 девушек – студенток 3-го курса Электромеханического колледжа г. Саранска в возрасте 19–20 лет специальности «Менеджмент», вторая – из 20 юношей, студентов 4-го курса того же колледжа и специальности в возрасте 19–20 лет.

Были использованы следующие методики.

1. Опросник «За и против» для выявления предпочтительных профессиональных ценностей [2, 252];
2. Методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубнова [3, 73];

Опросник «За и против», разработанный Пряжниковым, предназначен для выявления предпочтительных профессиональных ценностей. Диагностика была проведена в группе юношей, затем в группе девушек, которые должны были оценить, насколько они согласны с утверждениями по шкале от 0 до 5 баллов. Далее полученные результаты были соотнесены с нормами отдельно для юношей и девушек. В итоге: по каким-то группам ценностей результаты положительные (интерес имеется), по каким-то – нулевые (интерес не выраженный), а где-то – отрицательные (интерес отсутствует).

Для исследования личностного самоопределения студентов была использована методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубнова. Она направлена на изучение реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности. Степень выраженности каждой из полиструктурных ценностных ориентаций личности определялась для каждого испытуемого по шкале от 0 до 6 баллов.

Результаты

В ходе исследования профессиональных ценностей студентов с помощью методики Н.С. Пряжникова были получены следующие результаты.

Для 35% юношей наиболее важными и привлекательными профессиональными ценностями являются власть и влияние, а также азарт жизни, интересные события. Для 20% испытуемых – деньги, богатство, комфорт; духовный поиск; общение. Для 15% – престиж, известность. Для 10% – здоровье. И лишь 5% юношей отдают предпочтение такой профессиональной ценности, как чувство полезности людям.

В группе девушек только 10% испытуемых выделяет в качестве наиболее важных и привлекательных профессиональных ценностей такие как чувство полезности людям, а также деньги, богатство, комфорт, а для 5% испытуемых значимыми являются такие ценности, как духовный поиск; власть, влияние; престиж, известность.

В процессе исследования было также выявлено, что для 90% испытуемых общение не является значимой профессиональной ценностью, для 70% девушек незначимы такие ценности, как азарт жизни, интересные события, для 40% – власть и влияние; престиж, известность, для 30% – деньги, богатство, комфорт, для 25% – здоровье; чувство полезности людям, для 20% – духовный поиск.

В ходе исследования ценностных ориентаций, влияющих на личностное самоопределение студентов, проведенного с помощью методики С.С. Бубнова, были получены следующие результаты.

Для 30% юношей наиболее важной ценностью является признание и уважение людей, влияние на окружающих; для 25% испытуемых – высокое материальное благосостояние, а также помощь и милосердие к другим людям, любовь; для 20% – приятное времяпрепровождение, отдых; для 10% – высокий социальный статус и управление людьми; для 5% – поиск и наслаждение прекрасным; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе, общение, здоровье.

Такая ценность, как познание нового в мире, природе, человеке, является для юношей незначимой и особого интереса не вызывает.

В ходе исследования личностных ценностей в группе девушек были получены следующие результаты.

Для 75% испытуемых наиболее важной личностной ценностью является признание и уважение людей, а также влияние на окружающих, для 65% испытуемых – это помощь и милосердие к другим людям, для 60% – приятное времяпрепровождение, отдых, для 50% – любовь, для 40% – высокое материальное благосостояние, для 30% – поиск и наслаждение прекрасным, для 25% – высокий социальный статус и управление людьми, для 5% – познание нового в мире, природе, человеке; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе.

Сравнение значимых профессиональных ценностей в группах юношей и девушек с помощью критерия χ^2 показало, что существуют статистически значимые различия между данными группами по таким ценностям, как деньги, комфорт ($\chi^2 = 10$, при $p < 0,001$), власть ($\chi^2 = 18$, при $p < 0,001$), духовный поиск ($\chi^2 = 15$, при $p < 0,001$), престиж, известность ($\chi^2 = 20$, при $p < 0,001$).

Были выявлены также статистически значимые различия в группах юношей и девушек между такими личностными ценностями, как приятное времяпрепровождение, отдых ($\chi^2 = 26,7$; при $p < 0,001$), поиск и наслаждение прекрасным ($\chi^2 = 20,8$; при $p < 0,001$), помощь и милосердие к другим людям ($\chi^2 = 24,6$; при $p < 0,001$), любовь ($\chi^2 = 12,5$; при $p < 0,001$), высокий социальный статус и управление людьми ($\chi^2 = 9$, при $p < 0,01$), признание и уважение людей, влияние на окружающих ($\chi^2 = 27$, при $p < 0,001$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты говорят о том, что у большинства юношей профессиональное самоопределение связано с реализацией таких ценностей, как власть и влияние, азарт жизни, интересные события, деньги, комфорт; духовный поиск; общение, престиж, известность. В группе девушек процесс профессионального самоопределения еще не завершился, поскольку большая часть профессиональных ценностей не является значимой для них и отвергается. Это может быть связано с недостаточным осознанием важности профессии и ее привлекательных сторон в структуре ценностно-смысловой сферы девушек.

Сравнение профессиональных и личностных ценностей в группе юношей показало, что такие предпочитаемые профессиональные ценности, как здоровье, деньги, социальный статус, влияние на окружающих,

соответствуют значимым для них личностным ценностям. Юноши рассматривают данные ценности с точки зрения их возможной реализации в профессиональной сфере.

Проведенный сравнительный анализ личностных и профессиональных ценностей в группе девушек показал, что такие личностные ценности, как здоровье, азарт жизни, интересные события, социальная активность, общение, не сопоставляются ими с профессиональными. Данные ценности девушки рассматривают независимо от своих профессиональных предпочтений и не связывают их с возможностью реализации в профессиональной деятельности.

Выводы

Ценностно-смысловые ориентации являются значимым фактором осознанности профессионального и жизненного выбора и оказывают влияние на профессиональное и личностное самоопределение студенческой молодежи.

Процесс профессионального и личностного самоопределения имеет существенные гендерные различия. Сделанный большинством юношей профессиональный выбор соответствует их профессиональным склонностям и интересам. Значительная часть юношей связывает свои личностные ценности и предпочтения с возможностью реализации их в профессиональной сфере, что позволяет сделать вывод о личностной самореализации юношей посредством профессиональной деятельности. Видение себя как будущего профессионала означает проецирование определенной социальной позиции, поэтому выбор профессии у юношей существенным образом характеризует смысловое будущее.

У большей части девушек существуют значительные расхождения между личностными и профессиональными ценностями, что создает противоречия между их личностным и профессиональным самоопределением. Это может быть связано с тем, что девушки данной группы соотносят свое самоопределение не с профессиональной деятельностью, а с другими сферами жизни, а также с тем, что процесс профессионального и личностного самоопределения девушек еще не завершен.

Таким образом, процесс профессионального и личностного самоопределения во многом зависит от гендерных особенностей студенческой молодежи и существенно влияет на выбор их жизненного и профессионального пути.

Список литературы

1. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // *Вопр. психол.* 1988. № 2. С. 19–27.
2. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Academia, 2001. 478 с.
3. Батаршев А.В., Алексеева И.Ю., Майорова Е.В. Диагностика профессионально важных качеств. СПб.: Питер, 2009. 192 с.

III. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И МОДЕЛИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ СОВРЕМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ю.Ю. Черкасова

Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог, Россия

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Формирование ценностных отношений в молодежной среде представляет собой сложный и противоречивый процесс. Система ценностей человека является «фундаментом» его отношения к миру. От того, каковы ценности сегодняшней молодежи, зависит не только ее будущее, но и будущее общества в целом, поэтому актуальность этой темы не ставится под сомнение.

Ключевые слова: ценности, иерархия ценностей современной молодежи, молодежная политика.

Values of modern young people. Formation of value relations in the youth environment is a complex and contradictory process. Value system of man is basis his attitude to world. It's very important what values modern young people have because the future of these young people and future of society in whole depend on it. Therefore it is not cast doubt on the urgency of this topic.

Key words: values, hierarchy of modern young's people values, youth policy.

Молодое поколение – это особая социальная общность, находящаяся в стадии становления, формирования структуры ценностной системы, выбора профессионального и жизненного пути, не имеющая реального положения на социальной лестнице, поскольку либо «наследует» социальный статус семьи, либо характеризуется «будущим» социальным статусом. В настоящее время все чаще звучат вопросы: Куда идет российская молодежь? С какими ценностями и установками молодые люди вступают в жизнь? Каковы предпочтения и приоритеты нынешнего молодого поколения? Эти вопросы являются одними из главных, потому что в России уже давно назрел «кризис» ценностной системы. Это проявляется в подмене ценностей высокой культуры усредненными образцами потребительской культуры, в размытом характере ценностных ориентаций, переориентации молодежи от коллективистских духовных ценностей к корыстно-индивидуальным ценностям.

Ценности – это относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ. «Ценности, – писал В.П. Тугаринов, – это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [1, 271]. Ценностями в нашем понимании являются любые материальные или идеальные явления, ради которых индивид, социальная группа, общество предпринимают усилия, чтобы их получить, сохранить и обладать ими.

Говоря о ценностях современной молодежи, необходимо отметить, что в настоящее время в ряду жизненно важных ценностей наиболее популярными являются высокий социальный статус, материальный достаток, независимость. В отдельную группу можно выделить потребности в самореализации, поиске себя. Кроме этого большое значение в жизни молодежи имеют: общение со сверстниками, потребность в привлекательности, одобрении, дружбе, любви.

Материальное благополучие – некий стимул для жизненной активности молодежи. Такие жизненные принципы, как «лучше быть честным, но бедным», «чистая совесть важнее благополучия», уходят в прошлое, а остаются – «ты – мне, я – тебе», «успех – любой ценой». Работа в представлении молодых людей связана в основном с результатом карьеры, а не процессом получения профессионального опыта. Осознается необходимость образования для достижения желаемого статуса, но многие относятся к образованию формально, важно получить диплом, а не знания. То есть образование как ценность воспринимается через призму социальной востребованности специалистов с высшим образованием [2, 57]. В обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями его существования, соответствующим образом формируется культура и ценностные ориентации молодых людей. В социокультурных ценностях современной молодежи преобладают потребительские ориентации [3, 26]. Культ моды и потребления постепенно и поэтапно овладевает сознанием молодежи, приобретая универсальный характер. Начинает превалировать тенденция к усилению процессов стандартизации культурного потребления и досугового поведения, утвержденного пассивно-потребительским отношением к культуре.

Для современной молодежи в целом характерно изменение направленности жизненных ориентаций от социальной (коллективистской) составляющей к индивидуальной [4, 38]. Материальное благосостояние стало цениться гораздо выше свободы, ценность оплаты труда стала превалировать над ценностью интересной

работы. Среди общественных проблем, более всего тревожащих молодых людей в настоящее время, – рост преступности, цен, инфляция, возросший уровень коррумпированности властных структур, усиление неравенства доходов и социального неравенства, разделение на богатых и бедных, проблемы экологии, пассивность граждан: их безразличное отношение к происходящему. Из личных проблем, испытываемых молодыми людьми, на передний план выходят проблемы материальной обеспеченности и здоровья, хотя ориентация на здоровый образ жизни формируется недостаточно активно.

Характеризуя молодежное сознание и систему ценностей современной молодежи, социологи выделяют:

- возросший уровень образованности и недостаточную согласованность социального и личностного смысла образования;
- признание молодежи социальной значимости участия в общественной жизни и стремление самоутвердиться в непроизводственной сфере, главным образом в сфере досуга;
- приоритет потребительских ориентаций над творческими, созидательными;
- вытеснение ценностей национальной культуры западными образцами поведения и символами;
- слабую индивидуализированность и избирательность культуры, связанную с диктатом групповых стереотипов [5, 80].

Доминирование потребительских ценностных ориентаций неизбежно отражается на жизненной стратегии молодых людей. Обращает на себя внимание довольно высокая степень равнодушия молодежи к таким традиционно отрицательным явлениям, как приспособленчество, равнодушие, беспринципность, потребительство и их положительная оценка.

Итак, все вышеперечисленные проблемные особенности современной молодежной социокультурной среды однозначным образом свидетельствуют о тревожной тенденции глубокой и системной социальной деградации значительной части современной молодежи. В молодежной среде, как и в современном обществе в целом, отсутствует единая устоявшаяся система и иерархия ценностей. Одновременно можно наблюдать сосуществование двух процессов как преемственности традиционных ценностей, исторически присущих нашему обществу, так и становление, массовое распространение потребительских интересов. Оздоровление молодежной среды может быть, на наш взгляд, осуществлено только посредством совершенствования системы, форм, методов молодежной политики.

Список литературы

1. *Тугаринов В.П.* Избранные философские труды. Л., 1998.
2. *Клипенштейн Т.* Проблема молодежной занятости в современных условиях. М., 2000.
3. *Карпухин О.И.* Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социс. 2003. № 3.
4. *Караваева В.А.* Социальный портрет учащейся молодежи. М., 2001.
5. *Манько Ю.В., Оганян К.М.* Социология молодежи. СПб.: ИД «Петрополис», 2008.

Е.В. Константинова

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург, Россия

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлена авторская концепция построения и реализации жизненного пути личности на примере современных студентов. Выделены три жизненные стратегии: стратегия развития, вынужденная жизненная стратегия и ситуативная стратегия. Показано как дифференцируется выбор той или иной стратегии в зависимости от наличия или отсутствия у студентов вторичной трудовой занятости.

Ключевые слова: жизненный путь, жизненные стратегии, студенты, вторичная трудовая занятость, стратегия развития, вынужденная стратегия, ситуативная стратегия.

In the article provides the author's concept of designing and implementing life course of personality on the example of today's students. Three life strategies: strategy development, forced strategy and situational strategy. Shown as a differentiated choice of a strategy depends on whether or not the students of secondary employment.

Key words: life course of personality, life strategies, students, secondary employment, strategy development, forced strategy, situational strategy

Молодость – это особый этап в жизни каждого человека. Стартовые позиции, достигнутые в самом начале жизненного пути, являются предпосылкой для дальнейшей самореализации молодых людей. Долгое время советская молодежь находилась в уникальном положении, когда общество гарантировало постоянность социальной жизни и обязательное исполнение поставленных жизненных целей в том случае, если они соответствуют заданным обществом программам. Этому способствовали: экстенсивное развитие экономики, постоянная потребность рынка труда в рабочей силе, возможность получения образования выходцами из различных социальных слоев общества, система распределения выпускников высших учебных заведений и многое другое [1].

90-е гг. XX в. внесли существенные коррективы в процесс жизненного проектирования молодежи. Смена государственной идеологии привела к серьезной трансформации общества. Рыночная экономика, пришедшая

взамен советской командно-административной системе, кардинально изменила социально-статусную иерархию, которая долгое время строилась по принципам классовой принадлежности и близости к государственно-партийной элите, повысив роль профессии и образования [2].

Благодаря развитию системы негосударственного и внебюджетного профессионального образования у молодых людей расширились возможности выбора вида, формы его получения. Как свидетельствует статистика, в настоящее время большая часть выпускников школ получают будущую профессию в стенах высшей школы. При этом для значительной части студентов процесс обучения стоит немалых денег, что зачастую вынуждает их прибегать к поиску дополнительной работы [3].

Расширение свобод выбора в образовательной сфере и увеличение контингента обучающихся в вузах наталкивается на реалии рынка труда, где количество свободных рабочих мест для специалистов с высшим профессиональным образованием ограничено, а требования к претендентам достаточно высоки. Большинство фирм и учреждений предпочитают получать «готовых» специалистов с опытом работы если не по специальности, то в близкой области или с навыками профессиональной деятельности, свидетельствующими о способности человека быстро осваивать знания и профессиональные требования.

Новые реалии требуют научного осмысления и специального исследования в силу нестандартности самого пути перехода России к обществу рыночного типа и определяемой этим спецификой социальных процессов.

Успешность разрешения данного объективного противоречия между расширением возможностей удовлетворения профессионально-образовательных потребностей молодежи и сокращением вероятности трудоустройства в соответствии с полученным дипломом, по нашему мнению, в значительной степени определяется жизненной стратегией.

Под жизненной стратегией мы понимаем выбор личностью способа жизненного самоопределения и самореализации [4].

Жизненное самоопределение, по своей сути, есть система взаимодействия человека и общества в ходе жизнедеятельности, которая функционирует в следующих формах:

- 1) общество полностью задает функционирование человека, который будет формировать жизненный путь на основе традиций, передаваемых из поколения в поколение;
- 2) человек сам формирует общество, противореча той общности, в которой он существует;
- 3) полное самоопределение (когда человек выстраивает грамотную систему взаимодействия с обществом).

Результатом самоопределения является ориентация на достижение определенного социального статуса в общественной структуре общества. Выбор социального статуса осуществляется посредством механизмов социального сравнения и социального обмена. В дальнейшем в рамках выбранного статуса молодые люди реализуют свой внутренний потенциал [5].

Жизненная самореализация заключается в планомерной деятельности по реализации жизненных целей. Чем больше намеченные жизненные цели соразмерны реальному способу жизнедеятельности (данные цели формулируются в процессе жизненного самоопределения), тем выше вероятность достижения желаемого результата и тем больше степень самореализации личности. Исходя из потенциала и накопленного социального опыта, молодежь вправе выбирать и корректировать свои жизненные цели. Сложность самореализации определяется интегральностью жизненных целей, множественностью форм связи между ними. В каждый конкретный момент жизнедеятельности одни цели становятся ведущими, другие теряют свою жизненную актуальность; одни мирно сосуществуют в сознании, между другими постоянно возникают противоречия; одни цели дополняют, другие взаимно исключают друг друга. Поэтому в структуре жизненных целей обязательно должны присутствовать отношения субординации, иерархии и координации.

На пересечении различных типов жизненного самоопределения и самореализации были выделены три типа жизненных стратегий, которые конкретизируются различными жизненными тактиками (таблица).

Типология жизненных тактик современной молодежи

Типы жизненного самоопределения	Типы жизненной самореализации		
	Размытая	Преждевременная	Зрелая
Внутренняя неадекватность	Жизненное легкомыслие	Рецептивная тактика	Неадекватная внутренним потребностям
Самоопределение без учета социальных факторов	Эгоистическая тактика	Ритуализм	Инновационная тактика
Несамостоятельный выбор	Тактика выживания	Тактика подражания	Ориентация на статус
Адекватное самоопределение	Аморфная тактика	Тактика адаптации	Гармоничная (адекватная)

Жизненные поведенческие тактики отличаются друг от друга не только содержанием, но и динамикой развития и возможностями совершенствования. Они в свою очередь образуют три типа жизненных стратегий, которые являются наиболее типичными для современной российской молодежи [6].

Совокупность жизненных тактик на основе размытой/нечеткой самореализации образует ситуативную жизненную стратегию, для которой характерно отсутствие движения к долгосрочной перспективе. В данном случае имеется набор жизненных тактик, которые адекватны только для конкретных жизненных ситуаций.

Вынужденная жизненная стратегия конкретизируется жизненными тактиками на основе досрочной/преждевременной самореализации. Преждевременная реализация жизненных целей выступает причиной того, что молодые люди вынуждены приспосабливаться к социальному окружению, что отражается в названии жизненных тактик, которые входят в стратегию: адаптации, подражания и т.п. [7].

Жизненные тактики на основе зрелой самореализации образуют стратегию развития, которая характеризуется активными действиями по реализации жизненных целей на перспективу.

На основе разработанной методологии анализа процесса жизненного проектирования в рамках эмпирического исследования был проведен типологический анализ жизненных стратегий и жизненных тактик работающей и не работающей студенческой молодежи. Исследование включало в себя два этапа:

– биографическое интервью и анализ письменных биографий студентов, обучающихся в вузах г. Екатеринбурга (10 устных и 43 письменные биографии);

– количественный опрос студентов вузов г. Екатеринбурга (578 студентов).

Исследование показало, что среди работающих студентов наиболее часто встречаются инновационная жизненная тактика и тактика адаптации. Соответственно данная группа молодежи конструирует свой жизненный путь либо на основе адекватного самоопределения, либо на основе зрелой самореализации [8].

Тактика адаптации характеризуется тем, что работающие студенты практикуют досрочную реализацию своих притязаний (в первую очередь в профессиональной сфере). Жизненное самоопределение в данном случае адекватно способностям студентов: присутствует и семейная ориентация, и адекватные властные, материальные устремления. Однако при принятии важных решений такие группы студентов предпочитают использовать те решения, которые уже положительно зарекомендовали себя в предыдущих ситуациях либо прислушиваются к мнению окружения, так как собственных эффективных механизмов самореализации ими еще не выработано. Отсюда присутствует определенная доля неуверенности в осуществлении своих жизненных целей и достижении желаемого жизненного успеха. Такой стратегии придерживаются около 35% работающих студентов.

Инновационная жизненная тактика формируется на основе самореализации без учета социальных факторов и предполагает целенаправленную реализацию поставленных жизненных целей и планов посредством следующих индивидуальных характеристик: предприимчивость, уверенность в себе, высокий уровень квалификации (профессионализма), умение достигать цели. Представители данной группы принимают решение самостоятельно, тщательно все взвесив, но не отвергая возможность консультации с окружающими, компетентными людьми и использования методов, противоречащих нормам и правилам социальной жизни. Наиболее ярких представителей можно назвать «набобами». Это люди, пробивающиеся своими силами к богатству, почестям и значимому социальному статусу. Зачастую они пробиваются к успеху, преодолевая объективные социальные условия. Такую жизненную тактику мы можем наблюдать у 40% работающих студентов [9].

Кроме того, в равном количестве присутствуют отдельные черты тактики подражания и аморфной жизненной тактики (10% в том и другом случае). И только у статистически малозначимой доли работающих студентов (5%) идентифицирована гармоничная жизненная тактика. Данные молодые люди адекватно оценили свои способности (пришли к выводу, что они достаточны для поставленных жизненных задач), возможности (в том числе и здоровье), оценили свои социальные контакты (наличие полезных связей, доступ к власти, потенциал семьи и т.д.). При реализации своих притязаний обычно тщательно обдумывают каждый шаг и приходят к решению тщательно все взвесив, соответственно практически всегда реализуют поставленные перед собой жизненные цели и уверены в достижении желаемого жизненного успеха.

У работающих студентов замечено более богатое разнообразие жизненных тактик. Данная категория молодых людей также склонна, в первую очередь, выбирать стратегию адаптации и инновационную стратегию, правда, их соотношение уже другое. Не работающие студенты в 1,5 раза чаще практикуют тактику адаптации в ходе реализации своих жизненных притязаний, чем инновационную тактику (40 и 26% соответственно).

«...Пыталась поступать в сельхозакадемию, так как больше прельщает работа с животными, а не с людьми, но, пройдя по конкурсу в УрГУ, оставила эту затею, потому что я не очень целеустремленный человек и ищу легких путей в жизни, особенно, что касается образования и карьеры. Я воспитана консервативно, поэтому в мои планы всегда входило замужество, спокойная, благополучная жизнь...» (24 года, студентка УрГУ).

«...В 16 лет я хотела быть парикмахером, делать прически, стрижки. Очень хорошо это помню. Пришла к родителям и сказала: “Я буду парикмахером”. Они мне ответили, чтобы я сначала закончила школу, получила диплом о высшем образовании, а затем делала то, что хочу. А поскольку я была воспитанной девушкой, то поверила родителям и поступила так, как они хотели...» (Елена, 30 лет, сотрудник радиостанции).

Третье место занимает тактика подражания (20%). Данные студенты формируют разнообразные социально одобряемые притязания, наиболее признаваемые в современном обществе, такие как хорошее образование, высокая квалификация, предприимчивость, умение достигать цели, уверенность в себе, полезные связи, и делают выбор в пользу социально одобряемых в обществе решений. Тактика считается не самой успешной, отмечается неуверенность студентов в реализации поставленных жизненных целей. Таких студентов можно отнести к категории «семьянины», для которых характерна зависимость от референтных групп, таких как семья, дети, друзья и т.п. Свобода и независимость не входят в модель их жизненного успеха.

Результатом процесса самоопределения данной группы, в конечном итоге, является выбор себе жизненного идеала, выбор идеального будущего, который можно рассматривать как наиболее предпочтительную цель жизни. В качестве идеала для таких студентов чаще всего выступают категории знаменитых людей.

1. Звезды кино и шоу-бизнеса.
2. Спортсмены.
3. Общественно-политическая и бизнес-элита.
4. Поэты, писатели и их литературные герои.
5. Родители и остальные члены семьи.

Примером могут выступать судьбы как иностранных звезд, так и отечественных. Иностранцы – это в первую очередь именитые спортсмены и звезды кино и эстрады. У нас в стране данные категории еще не столь популярны, востребованы и менее обеспечены. Из отечественных представителей студенты в первую очередь берут пример с писателей и поэтов.

Что же касается общественно-политической элиты и лидеров бизнеса, то среди них в равной доле встречаются как отечественные, так зарубежные представители. Чаще всего это президенты, руководители стран как современные, так и исторические деятели.

Аргументы выбора того или иного человека в качестве идеала, к которому можно стремиться в своей профессиональной деятельности различаются в зависимости от того, какие цели ставит перед собой тот или иной человек. Таким образом, описав основные мотивы выбора какого-то известного человека в качестве жизненного идеала и примера, мы можем реконструировать жизненные цели и специфику самореализации современных студентов.

В первую очередь в качестве идеалов выбираются люди, пробивающиеся своими силами к богатству и почестям, достигшие значимого социального статуса (для обозначения такого типа людей вполне уместно воспользоваться понятием «набобы»). Сюда студенты относят судьбы таких людей, как Мадонна, М. Ломоносов, Б.Н. Ельцин, Дж. Лопес.

На втором месте судьбы тех людей, которые занимаются любимым делом и преуспевают в нем. Здесь присутствуют как известные западные спортсмены, актеры и общественные деятели, так и отечественные поэты и писатели.

На третьем месте у студентов среди показателей успешности жизненного пути находится самореализация в различных сферах жизнедеятельности. В качестве примера можно привести Мадонну, которая известна не только как успешная певица, она позиционирует себя и как актриса, и писательница. То же самое можно сказать о Джениффер Лопес (певица, актриса, дизайнер одежды) и Максиме Галкине (артист разговорного жанра, пародист, певец, телеведущий).

И наконец, в качестве идеала выступают судьбы тех людей, которые демонстрируют всему миру пример достойного переживания трудностей, с которыми они сталкиваются, проявляя сильные волевые качества, сохраняя в любой ситуации позитивный взгляд на окружающую действительность.

Результат типологизации жизненного идеала данной группы студенческой молодежи в целом не противоречит результатам анализа таких категорий, как жизненные планы, цели и критерии жизненного успеха. И можно предположить, что формирование идеала в данном случае является одним из компонентов процесса жизненного самоопределения, а соответственно и условием выбора жизненной стратегии.

Тактика жизненного легкомыслия (которой придерживается около 7% неработающих студентов) характеризуется необоснованной уверенностью в жизненном успехе.

«...Лейтмотивом через всю мою жизнь проходит нежелание соответствовать общей массе, постоянно доказывать людям, что ты не такой как все. Я это осознал на протяжении уже нескольких лет, но не учусь на своих ошибках... Постоянное желание доказывать и другим, и себе, что я могу жить не так как все – это следствие того, что мне по большому счету очень скучно жить...» (Иван, 22 года, студент УГТУ–УПИ).

Способы достижения успеха у данной группы студенческой молодежи никак не регламентируются, отсюда используются разнообразные варианты принятия решения. В основе такой стратегии, лежит неадекватная оценка собственных возможностей и способностей, что приводит к несистематизированному жизненному проектированию. Студентов, придерживающихся данной стратегии, можно условно назвать «летунами». Это люди, часто меняющие сферу своих интересов. Для них основное требование к жизненному пути – это не гарантированное будущее и возможность достижения солидного положения, ответственной должности, а удовлетворенность самим процессом жизнедеятельности. *В Советском Союзе таких людей осуждали, им не доверяли, считали плохими работниками.*

Аморфная жизненная тактика отличается невыраженными способами жизненной самореализации. Представителям данной группы, которых столько же, сколько и в предыдущей тактике, свойственна устойчивая система рыночных ценностей, однако практическая деятельность по конструированию жизненного пути не структурирована и не проработана. Это выражается в использовании противоречащих друг другу способов реализации.

Таким образом, в повседневной жизнедеятельности современных студентов идентифицированы не все типы жизненных тактик, разработанных нами в теоретической модели. Тем не менее можно сделать следующие выводы.

Во-первых, типологии жизненных стратегий работающей и неработающей студенческой молодежи различаются как количественной, так качественной составляющей. Трудовая деятельность во время учебы в вузе сокращает возможные варианты жизненного проектирования. Наиболее успешными тактиками в этом случае выступают инновационная и адаптационная. Они отличаются более серьезной проработанностью, чем те же у неработающих студентов. Представители остальных столь незначительны, что говорить о них мы можем лишь с некоторыми ограничениями.

Соответственно данная группа молодежи конструирует свой жизненный путь либо на основе адекватного самоопределения, либо на основе зрелой самореализации. Кроме того, можно заметить у работающих студентов отдельные черты адекватной жизненной тактики, однако по сравнению с предыдущими категориями количество их сторонников незначительно. Данный факт позволяет нам сделать вывод о том, что студенческая занятость конкретизирует жизненные тактики в рамках активной стратегии развития.

В свою очередь, неработающие студенты при конструировании своего жизненного пути используют более широкий набор тактик, девиантных с точки зрения концепции аномии Р. Мертона [10].

Таким образом, хотелось бы отметить, что вторичная занятость как фактор воздействует на жизненную стратегию современного студента на этапе жизненного старта, что проявляется:

– во-первых, как стремление в кратчайшие сроки достичь конкурентоспособного уровня собственных социальных ресурсов. Поскольку наличие высшего образования сегодня не гарантирует успешного старта на рынке труда и не обеспечивает само по себе стабильного и устойчивого положения в нем.

– во-вторых, как желание удовлетворить материальные запросы, которые соответствуют тому социальному статусу, достигнуть которого стремится молодой человек в начале своего жизненного пути.

Список литературы

1. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной» адаптации // Социс. 1999. № 4. С. 46–57.
2. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наук. думка, 1988. 144 с.
3. Дидковская Я.В. Профессиональное самоопределение молодежи: социологический анализ. Екатеринбург, 2004. 72 с.
4. Жизненный путь личности (вопросы теории и методологии социально-психологического исследования) / Отв. ред. Л.В. Сохань. Киев: Наук. думка, 1987. 279 с.
5. Иванченко Г.В. Самоопределение личности как открытый проект // Человек. 2005. № 3. С. 5–17.
6. Резник Т.Е. Методология комплексного изучения жизненных стратегий личности // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II, вып. 2(3). С. 40–59.
7. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа) / Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества. М., 2002. 260 с.
8. Чупров В.И. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 253 с.
9. Резник С.Д., Резник Г.А. Школьники и студенты в рыночной среде // Эко. 1998. № 9. С. 150.
10. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 2. С. 118–124; № 3. С. 104–114; № 4. С. 91–96.

Д.Г. Михайличенко

Столичная финансово-гуманитарная академия (филиал), Уфа, Россия

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОЛОДЕЖИ РЕПРЕССИВНОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ ТЕХНОЛОГИЙ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ ПСИХИКОЙ

В статье анализируется возможность обретения молодежью статуса субъекта противодействия репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой. Особенности социального бытия молодого поколения требуют интенсификации форм противодействия репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой.

Ключевые слова: молодой человек, резистентность, репрессивность, современное общество, технологии массовой манипуляции психикой.

Youth as the subject of resistance to repressive influence of technologies of mass manipulation by mentality. The possibilities of finding the status of the resistance subject to repressive influence of technologies of mass manipulation by mentality. Social life features of the young generation require the intensification of forms of resistance to repressive influence of technologies of mass manipulation by mentality are analysed in the article.

Key words: young man, resistance, repressiveness, a modern society, technologies of mass manipulation with mentality.

В любом обществе существуют устойчивые практики, стремящиеся к нивелированию индивидуальности и субъектности человека, а также ограничению его свободы. Именно они образуют репрессивность (от лат. «repressio» – подавляю, обуздываю) общества. Репрессивность, имея своим источником властные отношения, реализуется посредством таких практик, как агрессия, дискриминация, донос, колдовство, надзор, насилие, манипуляция, суггестия, принуждение, унижение, угроза, фальсификация, шантаж, эксплуатация и др.

Феномен, производным которого является репрессивность, в нашем отечестве часто ассоциируется со сталинизмом, в социальной философии обрел права гражданства, прежде всего благодаря работам Г. Маркузе и Х. Арендт. Семантика репрессивности имеет более широкий спектр, нежели понятие наказания или кары. Репрессивность обозначает весь набор потенциальных и реальных технологий и процедур, а также социальных условий, которые угрожают развитию человека, его индивидуальности, субъектности и свободе. Репрессивность в социальном контексте всегда потенциальна, тогда как насилие – это определенный, фиксируемый акт, предполагающий физическое воздействие субъекта на его объект. Репрессивность включает в себя конкретные институты, практики и технологии обуздания и подавления участников социального процесса, а также же угрозы и последствия воздействия этих технологий на социальный процесс и его участников.

В теоретико-методологическом плане трактовки репрессивности с позиций антропоцентризма и социоцентризма недостаточны. Генерация репрессивности осуществляется не только институтами, процессами, практиками, технологиями и структурами: репрессивность есть результат взаимодействия, с одной стороны, социокультурных и техногенных условий функционирования общества, а с другой, экзистенциальных и индивидуальных аспектов социальности человека.

Основные тенденции развития современного общества свидетельствуют о том, что на уровне магистральных институтов и практик осуществляется переход от доминировавших ранее открытых физических форм насилия, к скрытым, завуалированным, информационно-психологическим. Это, в свою очередь, делает трудным идентификацию всего спектра властных отношений. Как замечает П. Бурдьё, необходимо уметь обнаруживать власть там, где она менее всего заметна [1, 88]. Поэтому, учитывая неразрывную структурную связь между властью и насилием, для характеристики этих феноменов применительно к современному обществу целесообразно использовать понятия «символическая власть» и «символическое насилие».

Символическая власть, крайней формой проявления которой является символическое насилие, есть преобразованная и легитимированная форма власти. Символическая власть конструирует социальную реальность через высказывание и текст, побуждает видеть, верить, утверждать определенное видение мира. Она не заключена лишь в символических системах, но встроена в социальный контекст. Иными словами, в ансамбле властных отношений символическая власть занимает специфическое место: она не может существовать автономно, но лишь синергично, сосуществуя с другими формами власти, выступает мощным источником власти.

Одной из особенностей развития современного общества является то, что модернистская репрессивность, концептуализированная «паноптиконом» М. Фуко, аннигилировавшая принцип прав человека (Беломорканал, Освенцим, фордизм, Холокост и др.) дополняется иной информационно-психологической репрессивностью, использующей в большей степени символическое насилие, которое генерируется главным образом посредством различных технологий массовой манипуляции психикой.

Технологии массовой манипуляции психикой – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей посредством формирования у них представлений, вкусов и потребностей, оказывающих репрессивное воздействие на объект.

Технологии массовой манипуляции психикой являются социальными в том смысле, что их появление вызвано ходом развития общества, а не только уровнем развития техники. Функционирование данных технологий на уровне важнейших социальных институтов и практик предполагает манипулирование не только психикой человека, но и информацией. Основными способами такой манипуляции являются конструирование, умолчание информации в СМИ (в том числе и последствий изменений, вызванных каким-либо событием, фактом, процессом), искажение, селекция, передергивание, переворачивание. Тем самым вызывается желаемая для субъектов технологий массовой манипуляции психикой реакция объекта.

Результатом конструирования технологий массовой манипуляции психикой может являться все социальное: от представлений одного человека до имиджа государства. Впрочем, подчас трудно разделить репрессивный и конструктивный потенциал технологий массовой манипуляции психикой. С одной стороны, можно сказать, что технологии массовой манипуляции психикой конструируют индивидуальность молодого поколения, что проявляется, например, в феномене моды. С другой стороны, такое конструирование индивидуальности осуществляется по заранее заданному «типичному» образцу. «Авторитетные» журналы и телеведущие беспелляционно вещают о «новейших тенденциях» в современной моде, заявляя, какие именно цвета или модели будут «актуальны» в том или ином сезоне. Следующий данным тенденциям молодой человек конструируется в соответствии с заранее предложенными образцами. Очевидно, что в этом случае речь идет о процессе управления вкусами, желаниями и предпочтениями потребителя, а креативный потенциал, воображение и фантазии молодого человека оказываются не востребованными и стагнируют.

Технологии массовой манипуляции психикой являют собой структурно организованный набор эффективных средств, с помощью которых в обществе формируется конформное поведение его членов по отношению к ролевым требованиям и ожиданиям со стороны властных структур. Иными словами, технологии массовой манипуляции психикой являются важнейшим инструментом социального контроля. Социальный контроль через технологии массовой манипуляции психикой – это один из наиболее эффективных видов социального контроля, возможности которого далеко не исчерпаны и продолжают наращивать свой потенциал. Он представляет собой набор изоциренных методов информационно-психологического управления человеком и социальными группами, которое осуществляется с помощью средств массовой коммуникации. Без манипулирования символами невозможна современная политика, такие объемы продаж, ибо именно психологический эффект от принятия политического решения и покупки любого товара является важнейшей составной частью этих действий, что дает прекрасные возможности субъектам манипуляции для широкого применения своих технологий.

В этой связи неминуемо встает вопрос о том, что можно противопоставить технологиям массовой манипуляции психикой, как им можно противодействовать? Речь идет о резистентности (от лат. *resistentia* – сопротивление, противодействие) человека репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой.

Резистентность, являясь неотъемлемым атрибутом любой формы жизни, выступает структурирующим социальными отношениями элементом и присутствует в нескольких формах, таких как борьба, война,

защита, нейтрализация, неповиновение, противостояние, конфронтация, месть, конфликт, саботаж, сопротивление и др.

Резистентность – это целенаправленный процесс защиты, нейтрализации, сопротивления, противодействия тем или иным социальным действиям, институтам, технологиям или процессам. При этом резистентность – это не просто «негативное» сопротивление или противодействие, а структурированные действия, направленные на субъективацию и «самостояние» человека. Применительно к социальному бытию молодого поколения такие практики, как противостояние, противодействие, сопротивление, неразрывно связаны с процессом его становления, изменения, субъективации, что и фиксирует категория «резистентность».

Характерно, что сами технологии массовой манипуляции психикой преобразуют формы резистентности современного общества. Классические формы социальной борьбы устарели и приобрели романтический вид. Пространство репрессивного в современном обществе трансформируется, делая неминуемым изменение форм резистентности: вызов во многом определяет, каким будет ответ. Так, насильственные и запретительные меры в отношении технологий массовой манипуляции психикой выявляют свою апористичность. Чем больше запретов, тем более изощреннее становятся сами технологии. Иными словами, запретительные меры косвенно стимулируют развитие технологий массовой манипуляции психикой.

Поскольку технологии массовой манипуляции психикой – феномен, прежде всего, информационно-психологический, то зачастую невозможно объективно оценить ущерб от его репрессивного воздействия. Если, например, число жертв Холокоста или сталинских репрессий поддается подсчетам, хотя сами эти подсчеты нередко являются объектом политических и иного рода манипуляций, то оценить ущерб репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции психикой гораздо труднее.

В связи с тем, что репрессивность технологий массовой манипуляции психикой в современном обществе осознается далеко не всеми участниками социального процесса, приходится констатировать, что резистентность становится личным делом каждого молодого человека, вопросом его экзистенции.

Представляется, что современному молодому поколению в качестве инструмента резистентности репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой, используемых, главным образом, крупными производителями и политическими деятелями, необходимо задействовать принципы субъективации, которые М. Фуко обозначил как «техники себя». Эти техники позволяют проделывать определенные операции над собой. М. Фуко постулировал такой тип техник, существующих в каждом обществе, которые позволяют самим людям осуществлять определенное число операций на своем теле, душе, мыслях и поведении, производя при этом некоторую трансформацию себя и достигая определенного состояния совершенства, счастья, чистоты [2, 356]. Эти техники актуализируют деятельность, позволяющую молодому поколению проделывать определенные, прежде всего интеллектуальные, операции над собой, что позволит молодому поколению активно развивать свое воображение и более четко представлять причинно-следственную связь явлений. Такая деятельность будет содействовать развитию воображения современного человека и более четко представлять причинно-следственную связь явлений. Например, реклама табака, на которой изображен уверенный в себе курящий молодой человек, позволит поразмышлять о том, что станет с ним после 25–30 лет интенсивного курения рекламируемого продукта; фильм, прославляющий «крутую» жизнь ночных гонщиков по городу на спортивных автомобилях даст повод для размышления о других, опасных для жизни молодого поколения сторонах такого этоса, а именно собственной безопасности и безопасности окружающих; политические слоганы, предлагающие голосовать «сердцем» (а не разумом), красивые буклеты и яркие выступления звезд шоу-бизнеса в агитационных турах крупных политиков дадут пищу для размышления о причинах подмены реальной политики театрализованной с множеством ярких образов, оборотная сторона которых остается скрытой; эстетическое восхищение статуэткой из слоновой кости или дорогостоящей шубой позволит современному человеку представить горы «человечно» (а не зверски!) убиенных слонов и детенышей беззащитных морских котиков, на уничтожение которых такими государствами, как Канада, вновь и вновь выдаются лицензии во имя «прогресса и благополучия», прежде всего, welfare state (*общества всеобщего благоденствия* – англ.). Все это позволит молодым людям преобразовать себя и стать размышляющим потребителем и субъектным участником политики.

Правильное использование потенциала техник себя применительно к репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой позволит более взвешенно и рационально формулировать и отстаивать собственную, субъектную позицию, структурируя таким образом ценностные ориентации и пластично оформляя свой этос. Молодой человек должен сам управлять собой, иначе будет *скрыто*, а значит и более изощренно, управлять им самим.

С одной стороны, молодежь как самая динамичная, более восприимчивая к изменяющимся условиям, социально-демографическая группа легче адаптируется к качественно новым обстоятельствам [3, 88], но с другой, наиболее чутко реагирует на различные проявления репрессивности. При этом становление молодежи в качестве социального субъекта является не только ее сущностной характеристикой как социальной группы, но и необходимым условием взаимодействия с обществом. Общественное развитие последних столетий свидетельствует, что в условиях, когда возможность свободного и самостоятельного социального действия для большинства по тем или иным причинам закрыта, именно молодежь выступает важнейшим субъектом резистентных процессов, таких как революции, освободительные движения, движения протеста (альтерглобалистские, студенческие, феминистические, экологические и др.). Поэтому у современной молодежи есть основания наряду с интеллектуалами всех возрастных категорий стать важнейшими субъектами резистентности

технологий массовой манипуляции психикой, репрессивный характер воздействия которых на социальное бытие молодого человека становится все более очевидным.

Итак, противодействие репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой есть вопрос индивидуального выбора каждого молодого человека. Современные реалии таковы, что именно от противодействия технологиям массовой манипуляции психикой во многом зависит духовное развитие молодежи и формирование ее гражданской позиции.

Основным двигателем противодействия являются собственные потенции молодежи, сопряженные с техниками себя, которые позволяют проделывать определенные, прежде всего интеллектуальные, операции над собой (развитие собственного воображения, логики четкого понимания причинно-следственной связи явлений). Грамотное использование таких операций способно привести к нивелированию значительной доли репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции психикой. Тем не менее представляется, что техники себя, несмотря на свой конструктивный потенциал, не могут кардинально изменить репрессивный фон современного общества. Эффективность применения техник себя требует серьезных интеллектуальных, физических, психологических и др. рода усилий.

Список литературы

1. Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства / Институт экспериментальной социологии. М.; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–97.
2. Фуко М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 335–360.
3. Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация // Социс. 2002. № 10. С. 88–94.

С.Н. Чечулина

Институт развития образования, Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Личность рассматривается с социологических позиций с учетом социальных реалий, связанных, прежде всего, с изменившимися социально-культурными условиями. «Социальные формы реализации личности» фиксируют вариативность способов социального становления личности.

Ключевые слова: личность, социальное становление, социальные формы реализации личности.

Personality is considered a sociological position, taking into account social realities, related primarily to the changing socio-cultural conditions. «Social forms of realization of the personality» captures the variability of ways the social formation of personality.

Key words: personality, social formation, social forms of realization of the individual.

В современных условиях возрастающей социально-культурной динамики, неоднородности социальных влияний формирование целостности личности является, действительно, важной проблемой, но в то же время это социальное качество личности, определяющее способность человека справляться с разнообразными жизненными трудностями. Процесс освоения социального опыта в настоящих условиях усложняется. Этот процесс на этапе первичной социализации не заканчивается, человек вынужден меняться, так как меняется окружающий его мир, результативность этого процесса – в значительной степени зависит от самого человека. Определение личности должно отразить изменившиеся условия и особенности современного процесса социального становления личности. Качественные изменения в социальном процессе приводят к необходимости пересмотра классической теории социализации, интерпретации основных категорий в связи с новыми условиями формирования личности.

Относительно стабильное общество формирует запрос в отношении результатов социального становления личности. Социальная норма закрепляется в реальной практике, находит отражение в системе ценностей и норм, ожиданий и санкций. Соответственно и социальное измерение – это мера того, насколько человек «овладел», «освоил», «вписался»... Нормативное определение социальности личности является в данном случае ведущим.

Ориентиры в развитии общества и образования определяют новый запрос в отношении человеческого потенциала, а с другой стороны, формируется качественно новая социальность.

Динамичное, поликультурное, информационно и технологически насыщенное общество не может иметь однозначного определения социального ориентира. Новизна индивидуального опыта существенно опережает имеющийся культурный опыт, а тот, который предлагается к освоению, может быть неадекватным изменившимся условиям. Опыт предыдущих поколений, их способы деятельности и ресурсы, которые накоплены культурой, в новых условиях неприменимы к практике молодого поколения. Из-за уникальности человеческого опыта этот процесс не может быть в полной мере рационально продуман и подведен к единому основанию. В условиях, когда изменения в социально-культурном пространстве опережает адаптационные возможности человека, опыт одного поколения мало значим для подрастающего поколения, в одном обществе сосуществу-

ют различные пласты культуры, процесс личностного становления усложняется. Ограниченность жизненного пространства человека способствует тому, что определенные ситуации выбора необратимы и способы, и элементы выбора неизбежно накладывают отпечаток. На этот процесс оказывают влияние не только рациональный выбор и осознанные намерения индивида, но и ряд детерминант, которые человек учесть не в состоянии.

Материалы и методы

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научные принципы и выводы, содержащиеся в позитивистской классической теории социализации личности, в трудах социологов и психологов, представляющих постпозитивистскую методологию анализа текущего социального процесса, в работах отечественных и зарубежных исследователей, осмысливающих актуальное содержание и структуру социального взаимодействия.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы, полученные в ходе целевого рассмотрения тенденций изменения процесса конструирования образов сознания и поведения молодых людей, находящихся на маргинальных этапах социального становления. Эмпирическая информация была получена в ходе опроса 232 учащихся школ, средних профессиональных учебных заведений. Анализ ориентирован на выявление тенденций и стратегий социального проектирования при сравнении с результатами аналогичных исследований в 1996–1999 гг.

Результаты

Анализ социального становления личности показывает, что способы социального становления личности меняются. Разнообразие возможных способов социального становления в нашем исследовании раскрывается через призму способов, которые выбирает личность для освоения социальной действительности и которые в итоге закрепляются в определенные социальные «личностные формы». Социальные формы реализации личности – это способ построения жизнедеятельности, который определяет меру освоения/преобразования социального опыта.

Репродуктивная форма реализации: личность реализуется через отношение к макрообразцам. Социальные образцы (через нормы и ценности) выступают для личности основой самоопределения, обеспечивают способы достижения успеха в статусной иерархии через взаимодействие, деятельность. В ситуации неопределенности подобный способ самопонимания реализуется как устойчивая жизненная ценность, определяющая все проявления личности.

Нормативная форма ориентирована на воспроизводство норм межличностного взаимодействия. Реализация норм предполагает наличие представлений об иерархии престижных видов деятельности; этот опыт передается институтами социализации. Взаимодействие индивида и общества выстроено не полностью, «Я-концепция» выходит за рамки образцов, индивидуальная деятельность привносит новое понимание в определение социальных перспектив.

Активная форма реализуется при условии отсутствия представлений о какой бы то ни было сложившейся статусной иерархии, предполагает разрушение доверия к способам, которые предлагают институты социализации (семья, школа, вуз). Во взаимодействии индивида и общества обнаруживается рассогласование в представлениях о социальной иерархии, социальных перспективах. «Я-концепция» выходит за границы норм взаимодействия и социальной иерархии, строится на основе индивидуального опыта. При этом сохраняются способы социальных достижений (инструментальный потенциал), а выстраиваемое пространство и цель не находят аналога в социальных образцах.

Ситуативная форма вырабатывается индивидами в условиях, когда ни одно взаимодействие не принимается в качестве значимого. В этом случае детерминация отношения к ситуации и адаптации заключается в индивидуальном отношении личности и конкретной ситуации. Ситуативное отношение к ситуации приводит к неопределенности социальных перспектив личности, которые реализуются на основе индивидуального понимания и не предполагают реализацию в устойчивых социальных представлениях. Взаимодействие индивида и общества не определено, оно не находит полного развития в личностном потенциале, построение «Я-концепции» определяется на основании ситуативно понимаемых личностных перспектив. Противоречивые требования приводят к тому, что человек вынужден осваивать социальный опыт поверхностно, так как требования, которые предъявляются в конкретной сфере жизнедеятельности, неприменимы в другой.

Какой будет личность, отказавшаяся от социального опыта? С одной стороны, «непривязанность» к устойчивым социальным меркам обеспечивает личности гибкость, мобильность, но с другой – опыт осваивается поверхностно и фрагментарно, «Я-концепция» перестает быть целостной и неизменной на протяжении длительного времени, во многом зависит от обстоятельств и актуальных требований среды, ситуации.

В чем же состоит основной интерес личности молодого человека, стремящегося представить собственное будущее? Основной интерес сосредоточен в обыденной повседневности. Практически все молодые люди включили в описание сегодняшнего дня деятельность, связанную с удовлетворением первичных потребностей, тогда как далеко не все в принципе даже упомянули занятия связанные с обучением в школе, активные формы занятий! Повседневные аспекты присутствуют почти у каждого учащегося (98,39% ответивших на вопрос). В структуре планируемой повседневности наиболее часто описываются обычные, пассивные виды деятельности, вплоть до личной гигиены, душа, принятия пищи: жить, есть, спать (95,7%), отдых, развлечения (69,35%), дорога, передвижение (60,22%), домашние дела (10,75%). Активные индивидуальные виды деятельности: интересы, увлечения (23,66%), потребление, магазины (4,3%), активные повседневные виды деятель-

ности (прогулка с собакой, зарядка – 6,45%). В обращении к социальным видам деятельности присутствуют следующие: учеба (45,7%), работа (42,47%), дружба (16,13%), семья (5,91%), личная жизнь, любовь (5,91%), дети (1,61%), учеба в вузе (1,61%).

Подтверждается значимость приоритета повседневной индивидуальной деятельности. Это именно та сфера, которая на данный момент является приоритетом в жизненных сферах учащихся, что и нашло отражение в определении жизненных целей. Повседневная деятельность «второго плана» представляется личностно значимым аспектом, именно здесь задействован интерес и активность молодых людей. Для большинства молодых людей свободное время заполнено интересными делами (свыше 80%). Сосредоточенность на ближайших событиях во многом является способом уйти от важных смысло-жизненных задач. Большинство опрошенных старшеклассников не уверены, что ответ о цели и смысле жизни решаем для них на данный момент. Поэтому они заняты «конструированием» в большей степени той сферы, которая близка им и понятна, – это создание собственного стиля и образа жизни – повседневности.

Выводы

Становление новых социальных форм реализации личности фиксируют значимые изменения, которые произошли в определении социального пространства и времени. То, что ранее считалось социальным безвременьем, обыденностью, «жить, есть, спать», сейчас становится центральным в жизнеопределении человека на этапе социального становления. Социальные ориентиры все больше обретают отвлеченный характер. Увлеченность обыденным, телесным, различные формы зависимости предстают все больше как *способ социального раскрытия личности*. Различные формы зависимости – это еще и «способы контроля личности над отдельными частями повседневной жизни, а также самости» [1, 95]. Каждое из пагубных пристрастий являет собою защитную реакцию, уход от действительности, осознание недостатка автономии, бросающее тень на компетенцию самости [1, 97]. Это личностный выбор определенного стиля жизни, который происходит из потребности реализовывать собственную индивидуальность, поиск личностной опоры. Зависимость становится смыслообразующей для личности, возникает как отсутствие возможности влиять на более принципиальные аспекты жизнедеятельности, как следствие страха в условиях неопределенного и с устрашающей силой меняющегося мира.

Социальные ориентиры, обогащающие личность, подменяются ситуативным конформизмом. Наибольшая опасность (и уже выраженная тенденция), как предвидел Питирим Сорокин, заключается в формировании фрагментарного мышления, ситуативной личности. «Чувственные ценности будут становиться все более относительными и атомарными. Лишенные какого-то ни было признания и действенной силы, они, наконец, «покроются» слоем пыли. Граница между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным, между положительными и отрицательными ценностями начнет неуклонно стираться, пока не наступит царство умственной, моральной, эстетической и социальной анархии...» [2, 881–882].

Человек в настоящее время не просто выбирает направление осуществления жизнедеятельности, но и моделирует свою позицию как в будущем, так и настоящем. Основа ориентаций не определяется макропорядком: практика значительно *опережает* формирование традиционных способов ее выражения. Задача понимания личности в социально-культурных условиях должна учитывать сложившиеся тенденции. Вместо оценки личности с позиции нормативного соответствия критериям (а однозначных в настоящее время не может быть) актуальным становится представление о личности как о социально-культурном конструкте – понимании того, что накопленные культурой ценности служат не ориентиром, а «строительным» материалом социального пространства личности, ориентированной на различные способы включения в общество. Становление личности означает тем самым решение традиционного вопроса: «Кем я буду?» через решение задач социального становления личности, вопроса адаптации: «Как я буду жить?» [1, 203]. Если социальное становление личности во многом зависит от самого человека, то главный риск заключается в том, что социальное становление может так и не осуществиться. Мы имеем дело с новыми типами личности, которые строят собственную жизнедеятельность вне социального контекста. Это те индивиды, которые, отказываясь от поиска самого себя в социальном плане, выстраивают «Я-концепцию», опираясь на доступные якоря повседневности (собственное тело, разнообразные удовольствия). Но также это те, кто пытается найти все ответы в отвлеченных истинах, в прошлом. В условиях изменчивости условий «...единственный нормальный тип – это тип прошлого. Он обладает лишь кажущейся нормальностью: всеобщее распространение его есть только обманчивый ярлык...» [3, 119].

Потеря открытости по отношению к социальному контексту означает потерю системообразующей основы личности, способности через освоение и преобразование социального опыта проектировать собственную личность, устанавливать взаимообогащающее взаимодействие с макро- и микросоциальным окружением и проектировать свое будущее. Итог не приемлем не только для общества, так как означает глубинную социальную дезадаптацию, «необработанная» социально человеческая природа становится разрушительной силой как для общества, так и для самого человека.

Список литературы

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ.: Вступ. ст. и комментарии В.В. Сапова. М., 2006.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. 3-е изд., доп. и испр. М., 2008.

Д.В. Полежаев

Волгоградская государственная академия повышения квалификации
и переподготовки работников образования, Россия

МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ: МОЛОДЕЖНЫЙ КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ

В статье рассматривается феномен менталитета в индивидуально-личностном измерении. Выделяются глубинно-психические и социально-культурные ментальные установки, значимые в социальном плане. Обозначаются возможные направления философского осмысления ментальных установок личности в контексте становления современной российской молодежи.

Ключевые слова: личность, ментальность, молодежь, потребности человека, самосознание, социальная философия, становление, установка.

The article discusses the phenomenon of mentality in the individual and personal levels. There are highlighted the deep-psychological and socio-cultural mental attitude, meaningful in social terms. There are also indicated some possible directions of philosophical understanding of personal mental attitudes in the context of the Russian young people's formation.

Key words: personality, mentality, youth, human needs, self-consciousness, social philosophy, formation, attitude.

Введение. Перспективы развития современного Российского государства и общества напрямую зависят от особенностей становления и развития наиболее общих ментальных установок новой генерации граждан России, их ценностных ориентаций и компетенций – возможности реализации потребностей, устремлений и приоритетов. Для подтверждения данного утверждения в качестве цели настоящей работы предполагается решить ряд задач, в числе которых наиболее существенными здесь можно назвать следующие: 1) научное определение понятия «менталитет / ментальность» для более убедительного совмещения данного феномена с феноменом современной молодежи; 2) выделение функциональных составляющих менталитета, способствующих социальной детерминации молодежного характера; 3) совмещение выделенных в качестве ведущих социально-культурных установок менталитета с глубинно-психическими установками молодого поколения для необходимого определения молодежного характера в целом и ментальности личности молодого человека в частности.

Материалы и методы. Методологической базой логики социально-философского исследования ментальных установок личности в контексте проблемы становления молодежного самосознания выступает системный подход, в соответствии с которым рассматриваемый предмет определяется как целостный феномен с соответствующими уровнями организации и динамикой. При социально-философском исследовании феномена русского менталитета используются также методы сравнительно-исторического, структурно-функционального анализа и принципы диалектического мышления. Теоретическими основаниями и источниками исследования являются труды отечественных и зарубежных философов, рассматривающих различные аспекты проблем менталитета общества и ментальности личности. Исторически сложившиеся ментальные традиции и ценности жизни, отражающие глубинные «пласты» психологии и сознания, тем не менее носят открытый и незавершенный характер в связи с изменениями культуры и социальной действительности.

Результаты. Проблема исследования ментальных феноменов остается актуальной и многозначной в современном отечественном социально-гуманитарном знании. Видение особенностей ее понимания и разрешения различными специалистами контекстуально: оно зависит как от сферы исследовательских интересов, конкретного научного пространства деятельности, так и от профессиональных исследовательских задач, направлений реализуемых проектов и др.

Категориально-понятийный научный анализ ментального пространства предполагает особое обозначение двух основных задач, решение которых представляется следующим. Во-первых, категориально-понятийная детерминация. Проблема менталитета / ментальности общества привлекает внимание исследователей различных областей науки: психологов, политологов, социологов, культурологов, педагогов – и на чисто эмпирическом, и теоретическом уровне [1, 496–501]; это заставляет выделить наиболее общие составляющие, убедительно «работающие» во всех отраслях социально-гуманитарного знания.

Проблема исследования ментальных феноменов оказывается и в центре внимания философского дискурса: необходимо отделение закономерного и сущностного от случайного и «урезанного» понимания феноменов. В методологическом отношении социально-философский подход имеет принципиальное значение, ибо он позволяет вычленив базисные основания и особенности менталитета и тем самым придать дефинициям и возможным пояснениям соответствующую теоретическую нагрузку. Во-вторых, вычленение установочных позиций (сфер реализации) для современной российской молодежи, особенности их осуществления в пространстве бытия наличной культуры.

Молодежный контекст исследования ментальных феноменов заставляет нас особо обозначить проблему самоопределения человека в ценностном пространстве наличной культуры. Именно в конкретно-исторических условиях человеческого бытия развертывается личностное становление индивида и социальная активность в реализации целей, потребностей, установок. Вопрос о том, каковы основные потребности человека и в какой форме наличествуют они у молодежного поколения современной России, нуждается в отдельном обозначении.

А.А. Мигولاتев выделяет в качестве системы основных потребностей человека целый ряд составляющих частей или элементов: потребность в *естественных* условиях жизни, включающую не только наличие воздуха, воды, тепла и других природных ресурсов, но и особенности организации жизненного пространства,

в том числе и особенности городской цивилизации для их удовлетворения. С приведенными потребностями связаны потребности в *труде* – как для реализации продуктивной компетенции с целью достижения высокого качества жизни, так и для творчески-личностной самореализации.

Потребность в *теоретико-познавательной* деятельности, отражающая особенности социально-индивидуальной реализации процесса познания в учебно-научном пространстве человеческой цивилизации; неизбывность данного процесса означает, что истинно человеческая потребность в познании осуществляется молодым поколением с использованием нарастающих возможностей глобальной информационной цивилизации, отражая окружающую действительность.

Потребность в *социализации* реализуется молодым поколением в изменяющихся условиях свободной самореализации, с учетом необходимых и достаточных условий становления гражданского общества в современной России. С ней связана потребность в *информации* международного, национально-государственного и регионального характера в различных социально-культурных пространствах человеческого бытия: в политике, экономике, культуре, науке и технике, военном деле и медицине и др.

Важной для человека является потребность в *любви*. Она понимается в современном молодежном обществе не только в активно пропагандируемом в последние десятилетия отечественными СМИ чисто функциональном, примитивно генитальном смысле, но и как высокое духовное чувство, отражающее его отношение к другому человеку (в том числе и к родителям, родным и близким), Родине, труду, искусству, самому себе.

Потребность в *гуманитарной* деятельности является также необходимой современному молодому человеку, поскольку она характеризует его здоровое личностное развитие: образование, просвещение, воспитание, общение и обмен опытом, культурный рост, усвоение и передача традиций, обычаев, помощь слабым и больным, детям, престарелым, жертвам стихийных бедствий и террора. Эти феномены, пронизывающие человеческую жизнь, не могут не затрагивать как современного молодежного сознания, так и вырабатываемых каждым индивидом поведенческих моделей, социальных стереотипов и проектов, отражающих отношение к окружающей действительности.

Потребность в *пространстве и времени*, контекстуально выстраиваемая каждым, осознается в зависимости от конкретных ситуаций жизненной самореализации. Вместе с тем, функционируя как единый феномен, значимые пространственные ориентиры и временные приоритеты предопределяют как общую жизненную протяженность, задавая некоторые пределы, так и обосновывают жизненную активность (и материальную, и духовную) молодого человека, фиксируя глубинно-психические социально-культурные установки ментальности [2, 48–51].

Ментальность личности мы рассматриваем как устойчивую во временном протяжении систему внутренних глубинно-психических социокультурных установок индивида, формирующуюся и изменяющуюся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития; функционирование ее осуществляется на уровне внесознательного. В основу работы «ментальных механизмов» положены три основные функциональные установки, которые представляют собой своеобразную глубинно-психическую «вертикаль». Установка *восприятия* (представляющая собой когнитивный элемент) относится к числу наиболее общих социально-психологических механизмов, незначительно изменяющихся даже при направленном внешнем воздействии. Установка *оценки* (аффект), которая влияет на процесс отбора («фильтрации») внешней информации, тесно связана с господствующими в обществе ценностями, ориентациями, нормами и принципами социально приемлемого поведения. Установка *поведения* (деятельностный аспект социальной установки) зависит от результатов формирования установки оценки. У Р.Б. Бернса просматривается подобное же видение ментальных конструкторов [3, 32–39]. На поведенческом этапе различия в менталитетах оказываются наиболее заметными и существенными. Феномен ментальности личности выходит за пределы сознания, но вместе с тем не отождествляется и с бессознательным, в том числе и коллективным – в духе теоретических построений З. Фрейда, А. Адлера и К. Юнга.

Социальная установка функционирует наряду с интересом, целью, потребностью. Установка «формируется на основе единства определенных внутренних и внешних факторов и, в свою очередь, кладется в основу конкретного социального поведения» [4, 103]. Для полноценного социального поведения человека требуется взаимосвязь его индивидуальных психических особенностей со сложившимися нормами жизнедеятельности социальных групп.

Социально-культурные установки представляют собой ценностный ряд, недостаточно фиксированный в плане финишной детерминации, но устойчивый в пространстве самореализации наличной культуры. В числе социально-культурных установок ментальности могут быть выделены: языковая, трудовая (хозяйственная, экономическая), правовая, государственная, нравственная, национальная, религиозная, семейная, природная, патриотическая, эстетическая и др. Набор их зависит как от индивидуального саморазвития личности и задаваемых им социальных приоритетов, так и от особенностей наличной культуры, организующих и определяющих социальное бытие индивида.

С.В. Кондратьев подчеркивает, что «сознание человека есть продукт социализации, то есть оно возникает и развивается в условиях общественного бытия человека. Последнее же имеет земное происхождение, детерминировано человеческой природой и во многом зависит от среды существования» [5, 29]. Ментально-ценностный набор установок современной молодежи включает в себя указанные выше с дополнением новых, что справедливо, на наш взгляд, связывается с постепенной реализацией некоторых тенденций современной развивающейся глобальной информационной цивилизации. Изменяется общество, культура наполняется обновленными элементами, которые фиксируют новые ментальные установки.

Молодежная языковая ментальность как способ восприятия мира вообще и способ артикулировать свое отношение к действительности и формировать собственную картину мира включает в себя традиционные особенности, характерные для любого человеческого сообщества [6, 50–55]. В ярко молодежном контексте к ней могут быть отнесены и различные современные молодежные феномены: сленг, сокращенные слова и выражения, sms-стиль, замена значений, иностранные заимствования, в том числе и американизмы. Эту особенность подчеркивают как актуальную для подростковой и молодежной среды многие педагоги-практики [7, 267–271; 8, 295–300; 9, 336–340]. Вместе с тем диалектическое осмысление социальных феноменов в целом предполагает допущение иных сторон проявления языковой ментальности современной молодежи. Грамотная, упорядоченная, логично развернутая речь, в противовес навязываемому, в том числе и средствами массовой информации, псевдо-молодежному стилю общения, – также достаточно часто встречающееся явление. Оно не означает своего рода протестной закрытости или «некритического возврата к традиционности» в использовании языка частью молодежного сообщества. Это личностное самоопределение, основанное на праве выбора. Вообще, любое действие молодого человека может и должно восприниматься как своеобразное «оглядывание» и «ощупывание» социального окружения с целью поиска тех или иных убедительных моделей поведения, определяющих выбор профессиональных проектов, гендерных отношений и других социально-личностных пространств, определяющих «самость» индивида.

Особенности трудовой, профессиональной самореализации, рассмотренные через призму ментального подхода, позволяют говорить о трудовой установке молодежной ментальности. Экономическое самосознание молодежи имеет свое особое воплощение в пространстве наличной культуры. Приоритеты трудовой ориентации молодежи в значительной степени определяются внешним направленным воздействием – со стороны ближайшего социального окружения, задающего и предлагающего определенные контекстные ситуации; со стороны большого социального окружения, преимущественно посредством СМИ. Однако не следует упускать из виду и возможность идеологического государственного воздействия, механизмы которого с развитием глобального информационного мира предстают как все более изощренные и точно направленные. Это может служить определяющим фактором личностного выбора молодого человека.

Трудовая установка занимает важное место в ментальном пространстве русской культуры, определяя социальную направленность деятельности индивида и сообщества. Социальное значение трудовой активности индивида и сообщества проявляется в различных аспектах. Например, профессиональное самоопределение человека означает возможность его последовательной и успешной социализации в социальном окружении национального сообщества и глобального мира [10, 65–75]. Поиску своего места занятости в пространстве трудовых отношений предшествует ориентация в мире профессий и сферах занятости.

Профессиональная ориентация как система направленных педагогических действий прежде всего дополняется индивидуальной трудовой *потребностью* субъекта, личностным *целесолаганием*, основанным на интересе. Социальная направленность трудовых интересов индивида формируется под воздействием социальных условий, ближайшего социального окружения (прежде всего семьи), педагогических техник и технологий образования и др. субъектов. Такое взаимодействие порождает внутреннюю активность, принимаемую в качестве собственной осознанной внутренней позиции.

Представление о труде в социальном протяжении позволяет говорить о том, что в его процессе индивид осваивает окружающий его предметно-вещный мир и развивает собственные внутренние свойства и качества. Потребность в труде реализуется человеком в условиях развития соперничества, конкуренции субъектов трудовой деятельности наряду с обменом наработанным опытом между ними, взаимным обогащением знаниями, навыками, приемами труда и компетенциями.

Важным трудовым аспектом социализации человека признается сегодня – в рамках известного культурного сближения российской и европейской систем образования – направленное развитие продуктивной компетентности человека. Под продуктивной компетентностью понимается: способность индивида производить конкретный продукт, получая некоторый результат деятельности (измеряемый с позиций тех или иных критериев), который могут использовать другие; ответственность индивида за планирование, ход и результаты труда, что придает осознанный характер конкретным действиям; способность материально обеспечивать себя и близких средствами к существованию, «умение работать и зарабатывать» [11, 15; 12, 10–12]. Это понимание в значительной степени развертывает содержание трудовой установки менталитета в рамках наличной культуры современного российского социума.

Важно помнить, что социально-экономическое многообразие как системный фактор способствует гиперразнообразию личностных позиций политико-правового, социально-экономического, научного и культурного характера. Трудовая ориентация молодого человека и закрепление его в пространстве социально-трудовых отношений означает не только последующую социально-бытовую его устроенность, но и устойчивость глубинно-психического, ментального плана. Осознанное отношение к трудовой активности человека, уважение к результатам своего собственного и общественного труда, вообще труда как ценностного феномена формирует общий фон трудовой ориентации в социуме, фиксируя значимый в содержательном отношении вектор трудовой установки в системе установок менталитета.

То или иное социальное проявление имеют и другие ментальные установки, составляющие социально-культурный, аксиологический ряд в нашей концепции русского менталитета. Они требуют, по всей видимости, отдельного и углубленного осмысления. Это может быть справедливо отнесено к перспективам ментальных исследований.

Обсуждение результатов. Обсуждение некоторых обозначенных нами идей и проблемных узлов, связанных с поиском форм социального проявления ментальных установок личности современного молодого

человека, осуществлялось в рамках апробации общей темы нашего исследования «Социально-философское осмысление феномена русского менталитета»:

– в ходе выступлений на ряде научных конференций, симпозиумах и конгрессах. В частности, на I Международном научном конгрессе «Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия» (Волгоград, 1998); II Российском философском конгрессе «XXI век: будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, 1999); Всероссийской научной конференции «Реализация государственной молодежной политики как условие социализации молодежи» (Волгоград, 2000); XV Международном философском конгрессе «Die geistige Einheit Europas in ihrer Kulturellen Vielfalt» (Бонн, 2000); XIV и XV научно-практических конференциях ИФ РАН «Философское осмысление судеб цивилизации» (Москва, 2001, 2002); областной научно-практической конференции «Краеведение – основа патриотического воспитания молодежи» (Волгоград, 2004); Всероссийской научной конференции «Проблемы жизненного выбора подростков и молодежи в условиях социальных перемен» (Волгоград, 2004); IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005); I–III Всероссийских научно-практических конференциях «Молодежь и формирование гражданского общества в России» (Волгоград, 2005–2007); Международной научной конференции «Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества» (Минск, 2008); Международной научной конференции «Старшее поколение в современной семье» (Нижний Новгород, 2008); Международной научной конференции «Человек в условиях мировых природных и социальных катаклизмов» (Санкт-Петербург, 2010) и др.;

– в научных публикациях, в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для представления результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора / кандидата наук: «Известия Волгоградского государственного педагогического университета» (Волгоград), «Личность. Культура. Общество» (Москва), «Научные проблемы гуманитарных исследований» (Пятигорск), «Философия хозяйства» (Москва), «Человек и труд» (Москва) и др.

Выводы. Можно утвердительно говорить об актуальности исследования проблемы менталитета современного российского общества, ментальности личности молодого человека и молодежной ментальности в целом. Эта актуальность обусловлена целой совокупностью причин, важнейшей среди которых является потребность понять специфику истории Российского государства, особенности современного российского общества, перспективы его динамики. Сложные социальные, этнополитические процессы, происходящие сегодня в России, привлекают общественное внимание и внимание ученых к сложным проблемам, связанным с самосознанием русского народа. Поэтому проблема единства и многообразия человеческого в человеке продолжает вызывать как теоретический, так и практический интерес.

Социально-философское осмысление комплекса проблем современного российского общества (социально-экономических и политических достижений, неудач и перспектив развития) предполагает глубокое исследование проблемы менталитета народов России, русского народа, ментальностей социальных (в том числе и возрастных), профессиональных и этнокультурных групп. Необходимость этого определяется и потребностями самой философии. Деятельность людей детерминирована социально-экономическими и культурными связями, особенностями психического склада и другими факторами, в основе которых лежат ментальные феномены.

Без четкого знания структуры и особенностей ментальных феноменов направленная модернизация общества и государства не представляется возможной, поскольку кардинальные реформы – это всегда фундаментальные изменения основ жизни народа, связанные с его ценностными ориентациями, сложившимися убеждениями и стереотипами. Ментальные особенности, проявляясь в индивидуальной психике и поведении людей как некие «константы», формируют базу идентичности молодого человека в условиях определенного времени, фиксируя векторы дальнейшего исторического развития страны.

Список литературы

1. *Полежаев Д.В.* Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки // *Личность. Культура. Общество*. М.: Изд-во ИФ РАН, 2009. Т. XI, вып. 2(48–49). С. 496–501.
2. *Мигولاتов А.А.* О человеческих потребностях // *Социально-политический журн.* 1998. № 6. С. 45–56.
3. *Бернс Р.Б.* Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ.; *Общ. ред. В.Я. Пилиповского*. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
4. *Петривная И.В.* Инновация в подготовке учителя. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1990. 140 с.
5. *Кондратьев С.В.* Психология становления социальной сущности человека: вопросы теории. Волгоград: НКФ «ВОГС», 1999. 168 с.
6. *Полежаев Д.В.* Проблема формирования картины мира личности // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2009. № 8(42). С. 50–55.
7. *Никофорова Н.С.* Русская речь сегодня // *Духовно-нравственное воспитание в пространстве современного образования: Материалы регион. науч.-практ. конф. (26 апр. 2007 г.) / Сост. Д.В. Полежаев; Под общ. ред. Л.И. Гриценко*. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. С. 267–271.
8. *Реут О.М.* Духовные основы русского языка // *Духовно-нравственное воспитание в пространстве...* С. 295–300.
9. *Тарасенко М.Г.* «Чистота языка» как важный аспект духовно-нравственной культуры // *Духовно-нравственное воспитание в пространстве...* С. 336–340.
10. *Герциунский Б.С.* Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. 608 с.

11. Лиферов А.П., Воронова О.Е. Новая российская ментальность как инновационный ресурс модернизации образования // Педагогика. 2007. № 2. С. 12–22.

12. Российское образование и тенденции мирового развития // Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2002. С. 10–12.

И.Н. Цымбалюк

Ровенский государственный гуманитарный университет, Украина

ПЕРЕМЕНЧИВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И СЛОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье изложены результаты исследования проблемы социальной личностной трансформации и самоидентификации в современных условиях.

Ключевые слова: адаптация, установка, трансформация, личность.

In the article the results of theoretical part of research of problem of social personality transformation are expounded in modern terms.

Key words: adaptation, self-regulation, attitude, transformation, personality.

Хотя объективно мы живем в общем пространстве кризисного общества, в нем сосуществуют совсем разные миры – бедных и богатых, левых и правых и т.п. Люди, которые идентифицируют себя с различными социальными группами, по-разному видят то, что происходит в обществе, их миры строятся на разных принципах категоризации, имеют отличные причинно-следственные предпосылки, насыщенные другим содержанием и ценностями.

Социально-психологический угол зрения на построение личностной картины мира, в отличие от личностно-психологического, сфокусирован именно на тех обобщающих конструктах, которые субъект использует в процессе построения личностной картины мира. Такой подход был основан Т. Адорно, который отмечал, что возможна «интеграция социологических критериев в психологические конструкты. Такие социологические критерии могут касаться членства в группе или идентификаций... субъектов такой же мерой, как и социальных целей, установок и образцов поведения» [1]. Если, например, человек отождествляет себя с теми, кто исповедует коммунистические взгляды, он принципиально не воспринимает сегодняшнюю жизнь как позитив. Его оценки строятся на этом базовом конструкте, и он оценивает любые объективные реалии под этим углом зрения.

Именно поэтому, по нашему мнению, важнейшим компонентом социально-психологического исследования адаптации людей к общественным изменениям является изучение субъективной картины жизненного мира личности. Отметим, что такой взгляд на проблему находим еще у М. Вебера, который писал: «Не интересы (материальные и идеальные), не идеи непосредственно господствуют над поведением человека, но: «картины мира», которые создавались «идеями». Они как стрелочники очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигалась дальше» [2]. Наиболее важным, на наш взгляд, есть поиск тех узловых точек в картине мира, в которых вмонтированы эти базовые категориальные представления, которые являются функцией групповой идентификации личности. Именно они направляют адаптивное поведение человека, определяют то, в какой мере в картине жизненного мира отражается действительность, что в конечном итоге и обуславливает адекватность восприятия человеком новых требований, которые ставит перед ним общество, которое трансформируется.

В связи с этим было бы недостаточным сконцентрировать исследование лишь на внутренних перестроенных процессах, замыкающихся только в пределах личностного подхода. К тому же новый «строительный материал» для изменений в картине мира человек получает по большей части извне, исходя из господствующих социальных представлений. Существующие исследования проблем образования и функционирования социальных представлений показывают их тесную взаимосвязь с динамикой межличностных отношений, с проблемами социальной идентификации субъектов. С социально-психологической стороны содержание социальных представлений с необходимостью соотносится с самоопределением индивида в системе социальных отношений, ролей, статусов и т.п. Социальные представления «структурируются и развиваются в рамках «случайностей» повседневного опыта, выполняя двойную социокогнитивную функцию: с одной стороны, построения понятного образа социального пространства, а с другой – выработки структуры социальной и персональной идентичности, совместимой с социально и исторически детерминированной системой норм и ценностей» [3].

Проблема осложняется тем, что субъект и реальность, которая трансформируется, находятся в достаточно опосредствованных отношениях. Имеется в виду, что люди непосредственно видят далеко не все разнообразные реалии новой жизни, а чувствуя негативное влияние, не могут осознать его причины. Жизненные оценки и надежды базируются на перекрестке личностного опыта и сведений, какие они получают через средства массовой информации, через общение с другими людьми. Незаурядную роль при этом играют и слухи, которые сегодня достаточно успешно конкурируют с официальными источниками информации. Это естественно в нестабильном обществе, где ежедневно происходят непредвиденные изменения. Из личностного опыта люди уже знают, что сегодня практически нет такого слуха, который бы не мог быть правдой.

Таким образом, среди сведений, на которых строится новое представление о жизненном мире, рядом с достоверной информацией есть и то, что исследователи квалифицируют как неправду, ложь или обман [4]. Речь идет об информации, которая сознательно подается так, что провоцирует человека на порочные выводы из недостоверных фактов. Соответственно человек создает свое представление о мире, опираясь не только на правдивую информацию, но и порочную, что, безусловно, осложняет процесс формирования адекватных представлений о мире. Но ситуация не такая уж и драматичная, поскольку население имеет определенный «иммунитет», что позволяет увереннее ориентироваться в «калейдоскопических» изменениях жизни. Американский психолог Пол Экман писал по этому поводу: «За многие десятилетия советские люди усвоили, что добиться чего-то они могут, лишь обходя установленные распоряжения. Хитрости и обман в этой стране стали нормой. Каждый знал, что законы несправедливы, система порочна и выжить можно лишь перехитрив систему» [4].

Рядом с внешними осложнениями существуют и внутренние. Человек находится под воздействием личностных установок и стереотипов, которые обуславливают его взгляд на ситуацию. Можно сказать, что человек создает личностную картину жизненного мира, будто конкурируя с «автором», которым является жизнь. Незаурядную роль при этом играет гибкость прогнозной установки. Эта установка возникает в результате разных вариантов прогнозов развития ситуации, их постоянного пересмотра и устранения ошибочных. Если же варианты прогноза отсутствуют, человек будто совершает сопротивление всей информации, которая не согласовывается с принятым прогнозом, потому «картина мира» приобретает значительные несоответствия реалиям жизни, осложняя процессы личностной адаптации.

С точки зрения психологических механизмов речь идет о нарушении в процессе психической саморегуляции активности человека. Центральным исходным моментом, который обеспечивает эффективную деятельность личности, является последовательное осуществление человеком ряда взаимоувязанных между собой информационных неопределенностей и по содержанию информации, и по субъективному значению и личностной значимости. Теоретически можно было допустить, что люди, для которых порог такой информационной неопределенности высок, намного хуже адаптируются к кризисным условиям жизни. Наши последующие исследования полностью это подтвердили.

Следует также заметить, что люди не просто живут, а в то же время «переживают» все, что с ними происходит. Переживания, которые связаны с успехами в делах, с надеждами на улучшение жизни, есть для человека значимо ценными. Те же, которые возникают в результате недостижения желаемого (реакции на неблагоприятные условия существования), называют значимо тревожными. В нестабильных социальных условиях растут негативные эмоции и возникает дефицит позитивных переживаний [5]. Для компенсации такого ухудшения психологического состояния люди также прибегают к разным средствам, которые обеспечивают личностную адаптацию к различным проблемным ситуациям.

Проблема поддержки целостности «Я-концепции» и является одной из ключевых в современной ситуации нестабильности. Подструктуры «Я-концепции» по-разному подвергаются негативному влиянию фрустрирующих факторов. Заторкнутыми могут оказаться такие базовые подструктуры, как «актуальное Я» (то, которым субъект видит себя в теперешнем свете), «потенциальное Я» (такие образования, какие Л. Анциферова предложила обозначить как «личности в потенции», то есть те «личности», которые должны иметь способность актуализироваться в случае существенных изменений жизненного мира [6]; «динамическое Я» (тот тип личности, которым субъект хотел бы стать, идентификация с идеалами, представление о желаемых статусах и ролях); «идеальное Я» (тип личности, каким индивид должен был бы стать, исходя из социально одобренных норм, которые мотивируют тенденции развития и самого осуществления личности). Последняя подструктура теснее всего связана с нормативной системой кризисного общества и потому испытывает наиболее интенсивное влияние. Люди массово попадают в ситуацию, которая была описана еще Р. Мертоном [6]. Это состояние фрустрирующих ожиданий, когда цели, что декларирует общество, влекут определенные ожидания, а общество не в состоянии предоставить средства для их достижения.

По нашему мнению, дезадаптивная стратегия связана с попыткой личности сохранить в неприкосновенности «идеальное Я» за счет модификации «динамического Я» и «актуального Я». Можно также допустить, что эта поведенческая стратегия достаточно распространена сегодня в обществе, и происходит это не случайно. Следует иметь в виду, что современному периоду общественного кризиса предшествовала, в сущности, хронически фрустрирующая ситуация, которая воспроизводилась в обществе в течение десятилетий. Население, которое прошло через годы войн, репрессий, отсутствия свобод, господства догматизма и безграничный дефицит, постоянно чувствовало на себе влияние стрессогенных факторов. Известно, что в таких случаях людям угрожает снижение уровня самоуважения, повышено ощущение личностной некомпетентности, моральная регрессия. В значительной мере эти негативные тенденции компенсировались благодаря идентификации с общественно заданными идеалами, которые укоренялись извне в «Я-концепцию» личности. Как христианство позволило в свое время рабам оценить их страдание подобно пути к вечному блаженству, так и люди советской эпохи нередко воспринимали свой жизненный путь как единственно верный в направлении к идеальному завтра. Ввиду этого можно допустить, что большинство населения вряд ли смогло бы избежать кризисов идентичности.

Важную роль при этом играет состояние массового сознания общества. Среди его характерных черт современные исследователи отмечают антагонизацию, стремление жесткого деления на «хорошее» и «плохое». Скажем, у Д.В. Ольшанского находим такую характеристику посттоталитарного сознания: «Наше сознание в целом все еще, безусловно, тоталитарно. Однако, как это ни парадоксально, с некоторыми признаками отращения относительно тоталитаризма. Мы почти ненавидим сами себя. Одни – свое прошлое, вторые – тепе-

решнее, третьи – будущее, которое уже просвечивается. За годы перестроечных попыток детоталитаризации нашего общества все мы потеряли аутоидентичность, мы не тождественны сами себе, потеряли связь между своим прошлым, теперешним и будущим» [5].

Однако массовое сознание демонстрирует и определенную способность противостоять ситуации общественной аномии, потере заданных ориентиров. Как свидетельствуют исследования, ценностная система не разрушена полностью. Главным образом она продуцируется людьми «из себя», из своих личных реакций на несовершенство прошлой и современной жизни. Основным при выборе ценностных ориентиров выступает принцип «от противоположного». Люди знают, как «не нужно» делать, но не знают, «как надо», потому в исследованиях зафиксирован «двойной стандарт», когда высокий рейтинг имеют ценности, которые должны быть в обществе (например, «законность»), и в то же время низкий рейтинг имеют их личностные соответствия (например, «законопослушность») [2]. Следовательно, имеем наглядное подтверждение того, что в массовом сознании существует размыкание общественное и личностное, которое очевидно не является лишь порождением современного момента, а воспроизводит остатки той внутренней дистанционированности от общественных идеологем, которая не фиксировалась эмпирически, однако, безусловно, имелась, и которая сегодня помогает людям возобновить потерянные социальные идентификации за счет сохранения ощущения целостности своего «Я», его отделенности от социума, который разрушается на их глазах.

Идентификация предусматривает отождествление субъектом себя с внешними образцами, в результате чего субъект интернализирует ценности объекта. Последствиями идентификации является также выборочная внушаемость и конформность и соответственно выборочное невосприятие других влияний. Идентификация неразрывно связана с интроэкцией, то есть включением в личностную картину мира значимых для личности элементов внешней реальности. С помощью этих процессов (принцип В. Хесле «отрицательная идентичность») личность пытается возобновить свою внутреннюю идентичность, противопоставляя ее той системе ценностей, которую она принципиально не воспринимает. Однако такая позиция не является конструктивной, потому что существует полная зависимость индивида от того, что он так энергично отрицает, и мешает построению системы позитивных жизненных ориентиров.

Конструктивным выходом из кризисной ситуации, по нашему мнению, может стать коррекция «Я-концепции», которая позволит изменить имеющиеся подструктуры, чтобы открыть новые пути саморазвития личности, не нарушая целостности. Поиск закономерностей этого процесса нуждается не только в теоретическом рассмотрении проблемы. Чтобы исследовать сложные реалии современных адаптивных процессов в индивидуальном и массовом сознании, мы обратились к эмпирической части исследования.

Чтобы проанализировать социально-психологические механизмы приспособления человека к сложностям современной жизни в условиях общественной трансформации, необходимо прежде всего определить составляющие жизненного мира личности, которые обуславливают осуществление личностной адаптации, направляют поведение человека таким или иным образом. К этой цели можно двигаться различными путями: изучая научную литературу, проводя опрос и тестирование, в конце концов, просто наблюдая за теми реалиями, что дает нам именно жизнь. Мы избрали путь сочетания теоретического осмысления и практического исследования.

Для изучения процесса адаптации было избрано полустандартизированное интервью, которое позволило зафиксировать фрагменты реальной картины нашей жизни глазами разных людей, которые не просто «проживают», а «переживают» все, что происходит вокруг. Этот материал рассматривался не со стороны выявления статистических закономерностей, а как своеобразная база для последующего эвристического поиска. Мы стремились проверить жизненность тех выводов и предположений, которые были сделаны, исходя из предыдущего теоретического анализа проблемы.

Целью было раскрытие внутренней картины жизненного мира личности относительно восприятия ею процессов превращения общества и своего личностного самочувствия в условиях прошлого и современной жизни. Респонденты должны были вспомнить свою жизнь времен «застоя» и определить личное самочувствие в тот период. Потом выяснялось их отношение к началу превращений и, наконец, к современным условиям жизни. Моменты дискомфорта, что фиксировались в интервью, обсуждались отдельно, чтобы определить компенсирующие и адаптирующие механизмы.

Всего было опрошено 17 чел. Интервью не ограничивалось во времени, длилось от 30 до 60 мин и полностью записывалось на диктофон. Респонденты подбирались, учитывая следующие основные обстоятельства: стартовый личностный уровень на период начала превращений, возможность прибегать к глубокой рефлексии, сознательно анализировать личностные ощущения и поступки, давать развернутую аргументацию субъективным оценкам. Исходя из этого, были опрошены 16 научных работников (9 кандидатов и 6 докторов наук), некоторые из них частично или полностью стали заниматься бизнесом, а также актер ведущего киевского театра. Все научные работники стали кандидатами наук еще в доперестроечный период.

Преимущество было предоставлено именно научным работникам в первую очередь потому, что уровень рефлексии, который демонстрирует эта категория респондентов, позволяет им анализировать жизненный мир и свое «Я» в разных измерениях. Это подтверждают и данные других исследований, где было зафиксировано, что «социальное пространство в их представлении конструируется, в основном не социальными и экономическими или политическими характеристиками, а более сложными – социально-культурными признаками» [6].

В то же время мы осознавали и то, что речь идет о представителях специфической социальной группы, интеллигенции. Социальные катаклизмы последнего времени, сокращение государственной поддержки на-

уки, образования и культуры – все это повлекло снижение престижа и социального статуса интеллигенции, которая вначале стремилась в большинстве изменить политическую и экономическую систему.

Анализ интервью свидетельствует: люди воспринимают действительность по-разному, исходя, прежде всего, из личной картины жизненного мира. В этой картине существует несколько узловых точек, на перекрестке которых складываются факторы, которые обуславливают процессы личностной адаптации.

Исходя из сугубо теоретических рассуждений, можно было допустить, что существуют разные социально-психологические факторы, которые обуславливают формирование жизненной позиции личности относительно деструктивных изменений в жизненном мире. Речь идет в первую очередь об анализе таких образований:

- психологическая ответственность личности за все, что происходит в ее жизни, то есть превалирование интернальности над экстернальностью или наоборот;
- адекватность личностной самооценки, которая обуславливает веру в свои силы;
- роль сверхмотивационных образований, которые дают возможность личности получать психологическую поддержку из разных, иногда неожиданных источников;
- способность к преодолению стереотипов прошлого.

Незаурядную роль будут играть и особенности процесса выбора, который должен сделать сам субъект [7]. Очевидно, речь идет не о простом выборе, какой субъект применяет при сопоставлении нескольких альтернатив по известным критериям. В современной ситуации критерии для сопоставления альтернатив по большей части не заданы личности извне, а должны производиться ею самостоятельно. То есть субъект должен определить для себя содержание каждой из альтернатив, локализовать ее в своем жизненном мире и сделать выбор по содержанию. Эти процессы превалируют на этапе коррекции личностной картины мира. В то же время незаурядную роль будет играть и выбор личностный, когда субъекту не даны не только критерии для выбора альтернатив, но и сами альтернативы. Субъект должен сам определить возможные варианты своего поведения в случае того или другого выбора. Этот выбор обуславливает разные личностные стратегии адаптивного поведения.

Анализ интервью подтвердил, что действуют как отмеченные, так и некоторые другие факторы. Среди последних выделяется, в частности, мера взаимопроникновения личностного и общественного в жизненном мире человека. Другой важной составляющей, которая определяет процесс адаптации, является согласованность системы личностных убеждений и общественных идеалов. Наконец, существенным фактором, который влияет на приспособление человека к действительности, которая трансформируется, выступает то, какую позицию она занимает – «наблюдателя» или «деятеля». «Центрованность» субъекта в какой-то из этих точек жизненного мира определяет характер адаптации.

Такую «центрованность» можно рассматривать с разных сторон. Близкими являются, например, исследования базовых метафор, то есть специфических социокультурных обусловленных средств восприятия социального и жизненного мира. Базовые метафоры, как их выделяют авторы, «я сделал себя самого», «жизнь – это труд», «я – профессионал», «я – посторонний», «я все могу» и т.п., является, по нашему мнению, узловыми точками центрации.

Подобный подход имеем и в других исследованиях, где авторы пытаются связать разные социально-психологические феномены со смыслообразующими компонентами внутренней картины мира. В одном из них, при изучении ценностных ориентаций студенчества, респондентам предварительно предлагали определить свое сущностное начало, пользуясь модификациями известного высказывания Р. Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую». В результате 37% респондентов избрали классическую формулу, 25% отдали предпочтение позиции «я чувствую, следовательно, я существую», еще 25% – позиции «я действую, следовательно, я существую» и только 5% не смогли определиться [2].

Таким образом, поиск внутренних детерминант, которые направляют все мировосприятие и определяют поведение субъекта, являются неотложной потребностью не только для социально-психологических, но и для социологических исследований. Не случайно в проведенном нами республиканском опросе населения зафиксированы существенные отличия в общей оценке жизни между людьми разной социально-психологической ориентации и значительно меньшее влияние на эту оценку со стороны традиционных социально-демографических показателей.

Следует отметить, что все социально-психологические факторы взаимодействуют в процессе трансформации жизненной картины мира. Это взаимодействие можно рассматривать под разными углами зрения в зависимости от направленности исследования. Общая картина трансформаций может быть как одномерной, когда исследователь концентрируется на изучении того или другого конкретного социально-психологического феномена, так и многомерной, когда идет речь об исследовании влияния разных психологических факторов. Наш анализ осуществлялся в специфической плоскости, где на одной из координат фиксировалось согласование субъективной картины объективного мира с концепцией личностной жизни, а на другой – личностная активность человека в самом превращении, который определялся общей направленностью самого осуществления. На пересечении этих координат формируется стартовая позиция, которая обуславливает индивидуальные особенности личностной адаптации. Она есть, по нашему мнению, специфическим «сверхобразованием», которое интегрирует разные социально-психологические факторы, определяет, в каком направлении и с какой мерой успеваемости будет происходить приспособление человека к ситуации общественных трансформаций. Исходя из этих рассуждений, можно было допустить, что на пересечении избранных нами координат определяются несколько основных стартовых позиций, которые обуславливают процессы адаптации. Анализ эмпирического материала подтвердил нашу гипотезу.

Список литературы

1. Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход // Социс. 1993. № 3. С. 80.
2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1980. С. 750.
3. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М., 1993. Вып. 1.
4. Эжман П. Почему дети лгут? М., 1993. С. 10.
5. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев, 1994. 199 с.
6. Социальная идентификация личности / Отв. редактор В.А. Ядов. М., 1994. Вып. 2. Кн. 1–2
7. Дуаз В. Явление анкеровки в исследованиях социальных представлений // Психологический журн. 1993. Т. 15. № 1. С. 23.

И.В. Лашук

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье представлен анализ особенностей современной белорусской молодежи. В данном случае под *культурой* мы понимаем «архив» норм, ценностей, идей, представлений и т.п. *Социальное же* в этом смысле – сфера реализации этих норм, ценностей, представлений.

Ключевые слова: молодежь, ценность, идентичность, поведенческая стратегия.

Analysis of peculiarities of modern youth is represented in the article. Since culture is «archive» of regulations, values, ideas, representations and others, and social is the field of realization of this regulations, values, representations, so values and identities fixed in practices.

Key words: youth, value, identity, behavioral strategy.

Введение

Молодежная проблематика является актуальной во все времена, поскольку поколение молодых – это один из ресурсов, имеющихся в каждом обществе. В так называемых нормальных условиях (стабильное общество) этот резерв является скрытым, в случае же внезапного кризиса или при необходимости перестройки основных позиций выживание общества зависит от способности быстрой и правильной мобилизации этих латентных ресурсов. Статичные общества, которые развиваются постепенно при медленном темпе изменений, опираются главным образом на опыт старших поколений. Они сопротивляются реализации скрытых возможностей молодежи. Такое общество сознательно пренебрегает жизненными духовными резервами молодежи, поскольку не намерено нарушать существующие традиции.

В противоположность таким статичным, медленно изменяющимся обществам динамические общества, стремящиеся к новым стартовым возможностям, независимо от господствующей в них социальной или политической философии, опираются главным образом на сотрудничество с молодежью. Они организуют и используют свои жизненные ресурсы, нарушая установившийся ход социального развития. В этом отношении разница существует только между обществами, добивающимися изменений с помощью реформ или революций. В том и в другом случае это должна делать молодежь. Пожилое и среднее поколение может только предсказать характер грядущих изменений, творческое воображение этих поколений можно использовать для формирования новой политики, однако новой жизнью будет жить только молодое поколение. Оно будет воплощать в жизнь те ценности, которые старшее поколение признает лишь теоретически. Особая функция молодежи состоит в том, что она оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам.

В отечественном обществоведении долгое время молодежь не рассматривалась как самостоятельная социально-демографическая группа: выделение такой группы не укладывалось в существовавшие представления о классовой структуре общества и противоречило официальной идеологической доктрине. Однако сегодня молодежь является предметом изучения многих социальных наук. Для социологии молодежи как специальной социологической теории важнейшим определителем того, что следует включить в предмет ее исследования, становится выяснение места и роли молодежи в динамике социальной структуры общества в качестве специфической и большой социальной группы, находящейся в процессе формирования, становления и реализации своих социальных качеств. Основными группообразующими признаками молодежи в современной социологии признаются возрастные характеристики, преломление их через особенности социального положения, а также обусловленные этим взаимодействием (возраст, социальный статус) социально-психологические свойства. Ее возрастные границы находятся в пределах 16–30 лет. Приоритетное место в современном социологическом изучении молодежи занимает выявление особенностей и путей вхождения молодежи в те или иные социально-стратификационные слои общества – рабочие, предприниматели, менеджеры, фермеры, служащие и т.п., обретение юношами и девушками определенного социального статуса и выполнение определенной социальной роли.

Исходные принципы такого ориентирования изучения молодежи заложены в работах Э. Дюркгейма, развиты в трудах американских (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Смелзер и др.), российских (В.Т. Лисовский, Н.М. Блинов и др.), эстонских (М.Х. Титма), белорусских (Е.М. Бабосов, Г.Н. Соколова, В.И. Русецкая, Е.А. Борковская)

социологов. В работах этих и других ученых установлено, что именно социальные структуры – экономическая, стратификационная, политическая, социокультурная, демографическая, социально-территориальная – и процесс их изменений, играет важную роль в становлении и развитии молодежи как специфической социальной общности [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Однако эти и другие особенности характеризуют молодежь в основном как социально-демографическую группу, что в современных условиях глобализации и информатизации является, на наш взгляд, не соответствующим реальной действительности. Современная эпоха требует несколько иной терминологии.

Методологические основания

Основной методологической посылкой данной статьи является предположение, согласно которому социальная реальность может рассматриваться как социокультурное пространство. При таком подходе все процессы, происходящие в обществе, культурно опосредованы и тогда одной из центральных исследовательских задач является характеристика субъектов социокультурного пространства, а также выявление различий между ними.

Мы рассматриваем молодежь, прежде всего, как один из наиболее важных субъектов социокультурного пространства, обусловленного особенностями ценностных приоритетов, закрепляемых в образцах поведения. Именно этими характеристиками, а не возрастными особенностями, как это традиционно рассматривается в современной науке, определяется, в первую очередь, специфика данной социальной группы.

При таком подходе в качестве социокультурных характеристик выступают ценности и идентичности, закреплённые в практиках социальных групп, в нашем случае представителей молодежной когорты.

Многогранность проблемы изучения ценностей и ценностных ориентаций определила существование множества подходов, теоретических и эмпирических оснований к их систематизации, операционализации, классификации и т.д.

В зависимости от критерия, положенного в основание, выделяют абсолютные и относительные, объективные и субъективные, идеальные и реальные, индивидуальные и социальные, внутренние и внешние ценности. Достаточно распространенным является деление ценностей в соответствии со сферами жизнедеятельности человека на витальные (жизнь, здоровье, безопасность, благосостояние, качество жизни и т.д.), социальные (социальное положение, трудолюбие, богатство, профессия, семья, патриотизм, терпимость, равенство, способность к достижениям, личная независимость и т.д.), политические (гражданские свободы, государственность, законность, порядок, конституция, гражданский мир и др.), моральные (добро, любовь, дружба, долг, честь, верность, взаимопомощь, справедливость, уважение к старшим и любовь к детям и др.), религиозные (Бог, божественный закон, вера, спасение и т.д.), эстетические (красота, идеал, гармония, следование традиции или новизна и т.д.).

В представляемом в данной статье исследовательском проекте (социологическое исследование проводилось Институтом социологии НАН Беларуси по общенациональной выборке весной 2010 г.) изучались базовые ценности, которые представляют собой ядро личности, являются основным мотивом ее социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности, и инструментальные, понимаемые как социально-значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

При исследовании инструментальных ценностей мы исходили из того, что «закрепление» ценностей в социальной практике происходит в различных жизненных ситуациях. Выбор в качестве единицы анализа понятия «жизненная ситуация» конкретного человека объясняется тем, что именно она (ситуация) оказывает непосредственное или опосредованное влияние на его (человека) мировосприятие и поведение в каждый конкретный период жизненного цикла. Из этих жизненных ситуаций вытекают социокультурные, а затем и конкретно-исторические ситуации.

Различают «устоявшиеся» и «проблемные» жизненные ситуации. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения.

Эмпирические результаты

Для определения базовых ценностей респондентам предлагалось выбрать ценности, которые отражали бы их смысложизненные ориентации (ответить на вопрос: «Ради чего Вы живете?»).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что ценностное «ядро» в сознании и поведении белорусской молодежи составляют витальные ценности (в порядке убывания): семья; любовь; дети; здоровье; материально обеспеченная жизнь. Ценностями-аутсайдерами оказались: власть; общественное признание, известность, репутация; долг перед Родиной (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия смысложизненных ценностей белорусской молодежи

Базовые ценности	%	Ранг
Семья	67,9	1
Любовь	58,2	2
Дети	52,3	3
Здоровье	45,7	4
Материально обеспеченная жизнь	42,3	5
Знания, познание мира, людей, образование	34,9	6
Дружба	34,1	7
Интересная работа, профессия	34,1	7
Самореализация	29,4	8
Душевный покой, комфорт	25,5	9
Карьера, высокое положение в обществе	23,2	10
Возможность получать любые удовольствия, развлекаться	18,4	11
Вера	14,1	12
Богатство, большие деньги	14,0	13
Секс	13,4	14
Помощь людям	12,9	15
Свобода как независимость поступков, суждений	12,7	16
Самоуважение	12,5	17
Творчество	8,3	18
Долг перед Родиной	8,0	19
Общественное признание, известность, репутация	5,3	20
Власть	4,0	21

Так, по результатам проведенного исследования наиболее востребованными оказались следующие ценности-средства: семья; деньги; друзья; жизненный опыт; деловые качества. Соответственно наименее «включенными» оказались ценности, связанные с политикой и профессионально-должностными возможностями (табл. 2).

Таблица 2

Иерархия инструментальных ценностей

Инструментальные ценности	Порядковый индекс	Ранг
Семья	3,12	1
Деньги	2,74	2
Друзья	2,61	3
Жизненный опыт	2,23	4
Деловые качества	2,02	5
Наличие нужных связей, знакомств	2,01	6
Профессиональные знания, умения	1,95	7
Нравственные качества	1,90	8
Информированность	1,84	9
Хорошее образование	1,67	10
Вера в Бога	1,64	11
Личный авторитет, известность, репутация	1,58	12
Наличие собственности	1,34	13
Обращение к закону	1,32	14
Занимаемая должность	1,25	15
Престиж профессии	1,19	16
Участие в политической жизни	0,73	17

Итак, представленные данные свидетельствуют о наличии достаточно устойчивого «ядра» в ценностной структуре белорусской молодежи: семья, любовь, дети, здоровье. Однако структура смысложизненных приоритетов значимо различается от инструментов, предназначенных для достижения поставленных целей. При этом если базовые (предельные) ориентиры относительно стабильны в молодежной когорте и в этом смысле

группа относительно гомогенна, то набор и степень включенности инструментальных ценностей является дифференцирующим фактором внутри молодежной группы.

Так, статистический анализ данных проведенного исследования (с использованием кластерного анализа) позволил обнаружить в молодежной среде, по крайней мере, три направления использования различных способов решения жизненных проблем. Так, первая группа (кластер) отличается наиболее высокой «включенностью» всех средств, третья же наоборот – наименьшей (табл. 3)

Таблица 3

Характер и степень использования инструментальных ценностей в решении жизненных проблем

Инструментальные ценности	Порядковый индекс			Коэффициент корреляции Спирмена
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	
Семья	3,5	3,2	2,6	0,07
Друзья	3,3	2,8	1,7	0,13
Деньги	3,2	2,8	1,7	0,08
Жизненный опыт	3,2	2,3	0,7	0,17
Деловые качества	3,1	2,1	0,8	0,25
Нравственные качества	3,1	1,9	0,6	0,25
Информированность	3,1	1,8	0,4	0,26
Наличие нужных связей, знакомств	3,0	2,0	0,8	0,26
Профессиональные знания, умения	3,0	1,9	0,7	0,26
Личный авторитет, известность, репутация	2,9	1,5	0,3	0,31
Хорошее образование	2,8	1,7	0,5	0,23
Наличие собственности	2,5	1,2	0,5	0,31
Вера в Бога	2,3	1,7	0,9	0,12
Обращение к закону	2,3	1,3	0,5	0,24
Занимаемая должность	2,3	1,1	0,5	0,28
Престиж профессии	2,3	1,0	0,4	0,28
Участие в политической жизни	1,3	0,7	0,3	0,12

Данные, представленные в табл. 3, свидетельствуют о том, что во всех группах лидирующее положение занимают такие ценности, как семья, друзья, деньги, однако степень и характер их использования различен. Рассчитанный коэффициент корреляции Спирмена свидетельствует о том, что инструментальные ценности различаются между собой и по способности дифференцировать молодежную когорту. Так, наибольшим уровнем обладают социально-сетевые, связанные с личной репутацией, наличием нужных связей, а также профессиональные: занимаемая должность, престиж профессии. Подгруппы в молодежной среде различаются также по «включенности» такого средства, как наличие собственности.

Характер и степень «включенности» инструментальных ценностей оказывает значимое влияние на выбор экономической стратегии поведения или стратегии решения материальных проблем. Это особенно важно, поскольку наиболее волнующими белорусскую молодежь сегодня являются именно материальные и, связанные с ними, жилищные проблемы. Так, по результатам проведенного исследования, выделенные группы респондентов в рамках молодежной когорты статистически значимо различаются в зависимости от выбора стратегии экономического поведения. Первая группа придерживается в большей степени активистской стратегии, проявляющейся в стремлении повысить свой доход всеми возможными способами (табл. 4)

Таблица 4

Выбор различными группами молодых белорусов экономической стратегии поведения, %

Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Повышаю свой доход всеми возможными способами	45,4	27,4	22,9
Стараюсь жить по средствам	44,1	47,3	51,4
Снижаю уровень своих запросов и потребностей	9,2	18,6	17,1
Ничего не предпринимаю (пытаюсь забыть, отвлечься от проблем)	1,3	6,8	8,6
Итого	100	100	100

Группа с наименьшей степенью включенности инструментальных ценностей (3 кластер) ориентирована в большей степени на адаптационную стратегию (стараются жить по средствам). Отметим также, что эта группа по сравнению с остальными в большей степени склонна к эскапизму (уход от проблем).

Итак, анализ данных показал, что различная комбинация и степень включенности имеющихся в распоряжении молодого человека ресурсов (инструментов) отражается на выбранной поведенческой стратегии, что

в результате скажется, естественно, на продвижении по статусной лестнице. Таким образом, мы приходим к выводу, что именно социокультурные характеристики молодого человека определяют его дальнейшую жизнь и успешность в ней [7].

Выводы

Таким образом, ценностное «ядро» в сознании и поведении белорусской молодежи составляют витальные ценности. Наиболее востребованными среди инструментальных ценностей оказались: семья; деньги; друзья; жизненный опыт; деловые качества. В результате анализа эмпирических данных обнаружено, что структура смысложизненных приоритетов значимо различается от инструментов, предназначенных для достижения поставленных целей. Базовые (предельные) ориентиры относительно стабильны в молодежной когорте. Набор и степень включенности инструментальных ценностей является дифференцирующим фактором внутри молодежной группы.

Характер и степень «включенности» инструментальных ценностей оказывает значимое влияние на выбор экономической стратегии поведения или стратегии решения материальных проблем: чем выше включенность различных ценностей-средств, тем активнее поведенческая стратегия молодого человека.

Список литературы

1. *Бабосов Е.М.* Социология молодежи // Прикладная социология. Минск: Тетра-системс, 2000. С. 230–247.
2. *Борковская Е.А., Тихонов В.Н.* Шестнадцатилетние: штрихи к социальному портрету // Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси: социологический анализ: Сб. науч. тр. Вып. 2. Минск: Право и экономика, 2000. С. 236–240.
3. *Лисовский В.Т.* Социология молодежи. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 457 с.
4. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. Междунар. ун-т бизнеса и управления. М., 1996. С. 527–606.
5. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
6. *Русецкая В.И.* Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: Сб. науч. тр. Вып. 4. Минск: ООО «ФУАинформ», 2003. С. 228–231.
7. *Соколова Г.Н.* Социология труда. Минск: Право и экономика, 2000. 243 с.

Т.Н. Шушунова

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

В статье представлены результаты двух авторских социологических исследований по изучению самосохранительного поведения студенческой молодежи г. Минска. Определены основные тенденции его формирования и развития, даны рекомендации по оптимизации самосохранительного поведения студенческой молодежи с учетом полученных результатов.

Ключевые слова: самосохранение, самосохранительное поведение, студенческая молодежь, социотипы, структурные элементы самосохранительного поведения, факторы социальной среды, модель самосохранительного поведения.

In article results of two author's sociological researches on studying self-preservation behavior of student's youth of Minsk are presented. The basic tendencies of its formation and development are defined; recommendations about optimization self-preservation behavior of student's youth taking into account the received results are given.

Key words: self-preservation, self-preservation behavior, students, youth, socio types, structural elements of self-preservation behavior, factors of social environment, model of self-preservation behavior.

С целью решения стратегически важных для Республики Беларусь задач по улучшению демографической ситуации и формированию здоровой, благополучной нации в последние годы в стране модернизированы существующие и созданы новые высокотехнологичные учреждения здравоохранения, введено современное диагностическое оборудование, освоены новейшие технологии лечения. Все это позволило обеспечить положительную динамику медико-демографических процессов, которая характеризуется ростом рождаемости и сокращением естественной убыли населения. Но успешное достижение поставленной цели зависит не только от качества системы здравоохранения. Существенную роль здесь играет здоровый образ жизни, в том числе занятия физкультурой и спортом. Государственные органы власти уделяют большое внимание вопросам сохранения и укрепления здоровья граждан, а также созданию условий для их полноценной жизнедеятельности. Однако сделать свою жизнь наполненной, полезной и достойной может только сам человек. Это первоначально предполагает формирование, в первую очередь, у молодежи образа мышления, в котором гармонично представлены позитивные ориентации на самосохранение в биологическом, психологическом и социальном отношении.

Самосохранительное поведение представляет собой форму социального поведения, которая включает сознательные действия индивида по сохранению своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношении. Базовыми структурными элементами, определяющими самосохранительное поведение,

являются потребности, мотивы, установки индивида, направленные на самосохранение. Основными факторами внешней социальной среды, влияющими на формирование самосохранительного поведения, выступают качество жизни, общепринятые стандарты здорового образа жизни, сложившееся в общественном сознании отношение к самоубийству, социально опосредованные представления о желаемой продолжительности жизни. Воздействии факторов социальной среды на элементы структуры обуславливает выстраивание конкретного вида самосохранительного поведения [1, 16].

Особое внимание следует уделить студенческой молодежи, поскольку, согласно опросу экспертов, выполненному Институтом социологии НАН Беларуси и Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья, именно у этой социально-демографической группы наиболее ярко выражен феномен вынужденного отказа от самосохранительного поведения, проявляющийся в ситуации выбора между здоровьем и успехами в учебе. Эксперты также признали, что период учебы в высшем учебном заведении является одним из этапов жизни людей, на котором происходит максимальная потеря здоровья [2].

В этот период существуют устойчивые неблагоприятные тенденции в состоянии здоровья всех социально-демографических групп населения, особенно подростков и молодежи.

Материалы и методы

В работе использовались результаты двух авторских социологических исследований по изучению самосохранительного поведения студенческой молодежи минских вузов (в 2006 г. объем выборочной совокупности составил 1200 респондентов, а в 2008 г. – 400); В качестве теоретико-методологических оснований использовалась концепция диспозиционной регуляции социального поведения российского социолога А.И. Антонова и его последователей И.В. Журавлевой, В.Я. Шклярчук и т.д.; теория иерархии потребностей А. Маслоу; а также лингвистическая методика конструктивного анализа в практике социологических исследований белорусского ученого А.И. Шабловского.

Результаты

Исследование 2006 г. выявило, что такие характеристики, как половая принадлежность и специфика профиля образования, обуславливающие распределение студентов, не являются социальными детерминантами на пути формирования самосохранительного поведения [3]. Это связано с тем, что студенчество как специфическая социально-демографическая группа выражает себя как единое целое. Подтверждением служит сходство поведенческих образцов в отношении к своему здоровью (невнимание к медицинским предписаниям), в установках на продолжительность жизни (абстрактное желание дожить до 100 лет), в отношении к самоубийству и т.д. Следует отметить, что все вышеперечисленные ориентиры включены в общий процесс социализации студенческой молодежи, которая проходит с учетом преимущественно внешних факторов. Нежелание себя ограничивать, искоренять вредные привычки (разделяется большей частью респондентов) можно рассмотреть как результат влияния молодежных стереотипов поведения, специфического социокультурного окружения, негласных норм и недекларируемых ценностей в молодежной среде.

Главная отличительная черта самосохранительного поведения студенческой молодежи г. Минска – это его существование в режиме ожидания. Принимая во внимание тот факт, что многие черты позитивного самосохранительного поведения (отказ от курения, от употребления спиртных напитков, соблюдение режима питания и т.д.) препятствуют успешной социализации в молодежной среде, молодой человек вынужден выстраивать свою жизнь с помощью актуальных моделей поведения (не самосохранительных). Однако представленная логика ценностных ориентаций студенческой молодежи, знания о возможности и правилах ведения здорового образа жизни, потребность в определенных жизненных качествах говорит о том, что формирующийся позитивный тип отложенного самосохранительного поведения выстроен как идеальная модель, которая ждет своей реализации.

Результаты исследования показали, что реальное отношение студенческой молодежи к своему здоровью имеет противоречивый характер. Абсолютизация какого-нибудь компонента позитивного самосохранительного поведения влечет за собой игнорирование остальных. Например, регулярные физические упражнения сосуществуют с употреблением алкогольных напитков, стремление питаться правильно – с несоблюдением рекомендаций врачей. Это говорит о том, что компонент выбирается не для того, чтобы сохранить себя, свое здоровье, а для других целей, направленных на успешную социализацию в молодежной среде. Например, заниматься физическими упражнениями, питаться правильно, чтобы иметь красивое тело и нравиться другим. Стремление к подобным целям приводит к тому, что выбранный компонент здорового образа жизни может быть интровертирован в направлении к негативному самосохранительному поведению. Стремление иметь красивое тело ведет к ограничению употребления еды или зависимости от медицинских препаратов, снижающих аппетит.

Для того чтобы вывести формирующийся тип самосохранительного поведения из режима ожидания, минуя неизбежные трудности процесса молодежной социализации, нужна выработка сильной мотивационной установки на сознательный выбор позитивного самосохранительного поведения.

Дальнейшее изучение самосохранительного поведения студенческой молодежи осуществлялось с акцентом на его биологическую (Б), психологическую (П) и социальную (С) ориентации. Самосохранительное поведение в рамках выделенных ориентаций может проявляться как в позитивных, так и негативных действиях. Комбинаторное сочетание действий в рамках названных ориентаций позволяет сконструировать модель формирования самосохранительного поведения в русле ономашиологического подхода, в основе которого лежит теоретическая типология, представленная восемью социотипами [1, 78].

Позитивист Б+П+С+ (характерное и подчеркнутое внимание к самосохранению, выраженное на всех трех ориентациях), *реалист Б+П+С-* (ориентирован на личную безопасность и психологический комфорт в ближайшем окружении, ради этого готов жертвовать общественно значимыми целями), *карьерист Б+П-С+* (стремится к сохранению здоровья ради успешного социального продвижения, готов жертвовать интересами ближайшего окружения), *общественник Б-П+С+* (ориентирован на успешное встраивание в социальную структуру на всех уровнях даже за счет ущемления первичных потребностей), *конформист Б-П+С-* (стремится наилучшим образом найти и реализовать себя в малой группе), *моралист Б-П-С+* (уделяет повышенное внимание общественным целям, нормам, приоритетам), *потребитель Б+П-С-* (ориентирован на безусловное удовлетворение первичных потребностей), *негативист Б-П-С-* (противоречивый тип, не уделяет должного внимания самосохранению ни в одном из отношений).

С целью эмпирической апробации теоретической типологии на целевой аудитории (студенческой молодежи) было проведено социологическое исследование студенческой молодежи города Минска (2008 г.), которое выявило следующее распределение социотипов (таблица).

Распределение социотипов по результатам исследования

Социотип	%
<i>Позитивист Б+П+С+</i>	5,3
<i>Реалист Б+П+С-</i>	10,8
<i>Карьерист Б+П-С+</i>	16,0
<i>Общественник Б-П+С+</i>	4,5
<i>Конформист Б-П+С-</i>	7,5
<i>Моралист Б-П-С+</i>	13,8
<i>Потребитель Б+П-С-</i>	21,5
<i>Негативист Б-П-С-</i>	20,4
Всего	100,0

Результаты исследования дают основание утверждать, что, говоря о студентах как о социально-демографической группе, можно сделать такой же вывод, как и в первом авторском исследовании 2006 г.: самосохранительное поведение студенческой молодежи находится в состоянии выживания, проявляя себя лишь в некоторых позициях, которые актуализировались в последнее время в социуме, что можно рассмотреть как следствие моды на здоровый образ жизни. Например, в вопросах о рациональном питании, самоидентификации своего здоровья. Но анализ только компонентов самосохранительного поведения не дает нам информации о личностных противоречиях, в которые погружена определенная часть молодых людей. Именно поэтому при сходных цифровых соотношениях, полученных в классической социологической традиции и подтверждающих вывод об однородности данной социально-демографической группы, мы можем отмечать, что реальное поведение молодых людей в отношении своего здоровья достаточно разнообразно (пример восьми видов самосохранительного поведения). Это определено различными интерпретациями понятий со стороны студентов, которые образуют категорию самосохранительного поведения.

Актуальное социальное противоречие состоит в том, что, с одной стороны, расширенное воспроизводство позитивных социотипов самосохранительного поведения студенческой молодежи выступает необходимым условием повышения качества человеческого ресурса белорусского общества, а с другой стороны, эмпирически выявленная доля представителей негативных социотипов составляет почти 2/3 среди учащихся минских вузов, соответственно доля носителей позитивных социотипов – чуть более 1/3. Доминирующими социотипами являются *потребитель* и *негативист*. Доля представителей каждого из названных социотипов превышает 1/5. Это студенты, у которых не выработаны устойчивые ориентации на реализацию самосохранительных видов поведения или эти ориентации выражены только в биологическом отношении. Выявленные значительные доли студентов, которые реализуют негативные типы самосохранительного поведения, обуславливают необходимость активизации работы со студенческой молодежью в направлении корректировки их поведения за счет усиления позитивных ориентаций на самосохранение.

Использование методики исследования самосохранительного поведения развернула представление о поведении молодых людей в отношении своего здоровья в иную плоскость. Она сумела вскрыть внешнюю часть, оболочку казалось бы сформированных представлений молодых людей относительно принципов своей жизни, и выявила то, что находится внутри, что по большому счету не осознается, не анализируется ими и что порождает такое многовекторное самосохранительное поведение, разделяемое на 8 социотипов. А именно наличие серьезных противоречий по основным вопросам построения своей жизни. Это ведет к непредсказуемости, спонтанности своего самосохранительного поведения, на которое, в зависимости от ситуации, может оказать влияние семья, друзья, общественность и т.д., но в редких случаях сама личность, поскольку она поддается влиянию.

Полнота самосохранительного поведения рождается в органичной совокупности 3-х уровней самосохранения (биологического, психологического и социального) и всегда нацелена на продолжительность жизни, что

и позволяет говорить о сформированном поведении. Но исследование выявило, что такой сформированностью поведения не обладает большая часть опрошенных молодых людей, которые испытывают неосознаваемые ими проблемы при выборе позитивных форм самосохранительного поведения. Проблемами мы характеризуем наличие колебаний, отсутствие постоянства при выборе поведения. Выделенные социотипы по своему определению и по соотношению плюсов к минусам дают возможность исследователю строить работу дальше, уже на базе имеющегося, путем разработки рекомендаций для устранения выявленных противоречий на тех или иных уровнях. И работу подобного плана вести необходимо, если учесть, что цель страны – построить здоровую нацию. Известно, что предыдущее поколение, поколение родителей этих молодых людей унаследовало образцы поведения советской эпохи, а это означает невнимание к своему здоровью, непонимание того, что без удовлетворения данной потребности все остальные утрачивают смысл. По данным пилотажного исследования, где опрашивались люди с высшим образованием в различных возрастных границах, большинство которых входило в групповой интервал 45–55 лет, с применением новой методики изучения самосохранительного поведения также выявлено 8 социотипов с практически сходным процентным распределением [4]. И это наталкивает на мысль, что если все оставить, так как есть и по-прежнему рассматривать самосохранительное поведения как нечто, что постичь, замерить и изучить нельзя, в силу его субъективной направленности новое поколение молодых людей в своем отношении к здоровью практически ничем не будет отличаться от отношения к здоровью своих родителей.

Выводы

Общая картина такова, что, несмотря на то, что формирование культуры здоровьесберегающего поведения является целью социальной политики Беларуси, состояние здоровья населения ухудшается. Следовательно, нельзя оставить все как есть и доверить здоровье граждан только системе здравоохранения. Решение данной задачи только медикам не под силу, поскольку требует организованных действий со стороны целого ряда институтов [5]. Конечно, изменения будут происходить, поскольку сама социальная система претерпевает временные изменения, однако этот процесс будет подчиняться объективным факторам развития. В то время как тщательно продуманная работа по направлению формирования позитивных форм самосохранительного поведения у молодых людей могла бы ускорить данный процесс и сделать его более эффективным.

При выработке рекомендаций применительно к студенческой молодежи следует отталкиваться от выявленных в ходе анализа особенностей влияния факторов самосохранительного поведения на конкретные виды самосохранительного поведения. Активизация таких факторов, как «качество жизни» и «общепринятые стандарты здорового образа жизни» способна создать предпосылки для минимизации негативно ориентированных социотипов в общей массе. Реализация этих предпосылок возможна за счет целенаправленных действий в рамках каждой из ориентаций [6].

В качестве способа воздействия на поведение молодых людей биологически ориентированных социотипов следует использовать качественную социальную рекламу, транслируемую по телевидению и на рекламных щитах (плакатах) в общественных местах. Такая реклама должна ярко иллюстрировать основные моменты позитивного отношения к своему здоровью, либо, действуя от противного, показывать последствия распространенных ошибок в поведении.

Акцентируя внимание на студенческой молодежи с психологической ориентацией, отметим, что работа с этой группой в направлении популяризации позитивных видов самосохранительного поведения должна проводиться в рамках молодежных организаций (объединений, клубов) [7].

Социальная ориентация самосохранительного поведения предполагает работу в рамках государственных мероприятий по формированию социальной сплоченности, в рамках национальных традиций, с привязкой к патриотическим идеям [8–10].

Все вышеперечисленные направления, в рамках которых возможна дальнейшая работа по эффективному внедрению позитивных типов самосохранительного поведения, конечно, должны осуществляться комплексно. Поскольку большинство выделенных социотипов выражают себя не однонаправлено, а имеют несколько векторов, следовательно, только кооперация усилий и на уровне СМИ, и на уровне молодежных организаций и в рамках государственных мероприятий даст возможность со временем добиться поставленной цели.

Список литературы

1. *Шуцунова Т.Н.* Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов) / БГПУ им. М. Танка. Минск, 2010.
2. *Шухатович В.Р.* Здоровый образ жизни: обоснование концептуальной модели исследования // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: Сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск, 2003.
3. *Шуцунова Т.Н.* Самосохранительное поведение как осознанное отношение к своему здоровью (на примере столичного студенчества) // Социальный облик современной белорусской молодежи: Сб. ст. / Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Минск, 2008.
4. *Шуцунова Т.Н.* Опыт пилотажного социологического исследования в изучении самосохранительного поведения // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества: Сб. науч. тр. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. Минск, 2009.
5. *Сурмач М.Ю.* Здоровьесберегающее поведение: установки и возможности реализации // Ломоносов–2008: Материалы Пятнадцатой междунар. конф., Москва 8–11 апреля 2008 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2008.
6. *Антонов А.И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учеб. пособие для вузов. М., 1998.

7. Журавлева И.В. Самоохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социс. 2000. № 5.
8. Зенченко В.А., Зенченко В.А., Павлова Н.В., Степанов Г.Н. Социализация студенческой молодежи в условиях системной трансформации белорусского общества: Пособие / Общ. ред. В.А. Зенченко. Минск, 2003.
9. Шабловский А.И. и др. Конструктивное информационное поле: инновационная модель. Минск, 2005.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2007.

Л.П. Гилевская
Институт социологии НАН Беларуси, Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ: ГЕНДЕРНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ, СТАТУСНЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

В статье проводится социологический анализ эмотивного компонента социального самочувствия молодежи – социальных настроений. Представлен эмпирический анализ настроения молодежи с точки зрения гендерных, региональных, возрастных, территориальных и статусных характеристик данной группы.

Ключевые слова: молодежь, настроение, социальное настроение, самооценки, напряженность, страх.

The article presents a sociological analysis of the emotive component of social well-being of young people – social minded. Conducted an empirical analysis of attitudes of young people in terms of gender, regional, age, territorial status and characteristics of this group.

Key words: youth, mood, social minded, self-esteem, tension and fear.

Эмпирический анализ эмоционального компонента в социальном самочувствии молодежи Беларуси предполагает в данном исследовании прежде всего описание самооценок настроения названной возрастной группы. Итак, оценивая собственное настроение, которое испытывают в последнее время молодые респонденты, большинство опрошенных прибегают к позитивным характеристикам. Как показывают социологические данные, 22,1% из всей молодежи оценили свое настроение как прекрасное; 38,2% указали на нормальное и ровное состояние (рис. 1) [1].

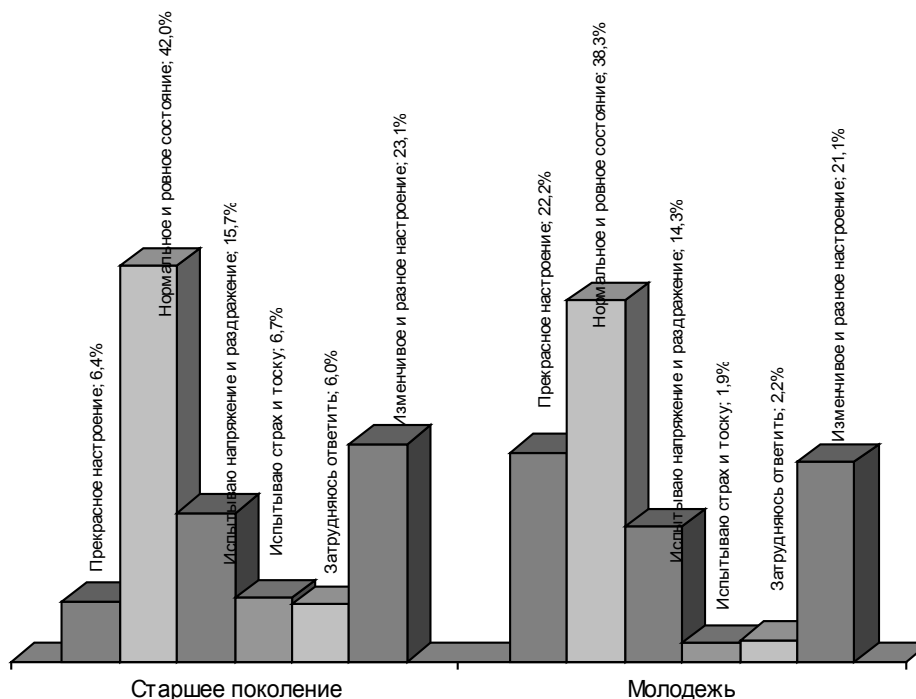

Рис. 1. Диаграмма «Самооценки настроения молодежи и старшего поколения»

Таким образом, преобладающее большинство опрошенных обладает позитивным настроением, таких в общей сложности оказалось 60%. Однако существует группа, которая не смогла точно определить свое настроение, так как назвала его разным и изменчивым. Данная оценка указывает на то обстоятельство, что настроение, будучи по своей природе явлением неустойчивым и динамичным, способно принимать различные

* Материалы подготовлены на основании научно-исследовательского проекта «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов СЗФО РФ и Беларуси» (Г09Р-031 от 15.04.2009 г.).

формы, в зависимости от разнообразных жизненных событий, от того, что в целом происходит в жизни индивида. Подчеркивая изменчивость и спонтанность данного явления, о чем, кстати, говорили Рубинштейн, Парыгин, Левитов и другие, настроение поддается влиянию социальных, погодных условий, зависит от состояния здоровья и пр. Если говорить о цифрах, то у пятой части молодежи настроение обычно бывает разным и изменчивым. Что касается негативных его форм, а именно напряжения, раздражения, тоски, страха, то такую самооценку дали 16,2%. Причем в этой группе больше тех, кто ощущает напряжение и раздражение – 14,3%, и почти у 2% молодежи доминирует в настроении негатив: тоска и страх. Если сравнивать самооценки настроения молодежи и старшего поколения, то позитивное настроение отметили 48,4% респондентов в возрасте после 31 года, что на 12% меньше, чем среди молодежи; 22,4% опрошенных среднего и старшего возраста испытывают негативное настроение, которому свойственно раздражение, напряжение, опасения и тоска. Таким образом, у молодежи субъективные оценки собственного настроения являются более позитивными, чем у старшего поколения. Однакостораживает факт наличия довольно значительной части так называемых «напряженных» среди обеих групп населения – это шестая часть среди опрошенной молодежи и пятая часть среди старшего поколения (см. рис. 1).

Настроение как один из индикаторов социального самочувствия заметно дифференцирует молодежь, так как его самооценки отличаются у разных категорий изучаемой части населения. Нужно отметить, что, анализируя влияние гендерной принадлежности на настроение, у женщин оно более неопределенное, чем у противоположного пола, у 15% которого оно разное и изменчивое, что на 13 пунктов меньше, по сравнению с женщинами. С другой стороны, мужчины обладают более положительным настроением, так как 25,9% мужчин и 18,1% женщин назвали его прекрасным, 41,2% мужчин и 35,2% женщин охарактеризовали свое настроение как нормальное и ровное. 15,6% мужчин и 13% женщин испытывают напряжение и раздражение. Группа молодежи, для которой свойственны страх и тоска, пополнивается в основном за счет молодых респондентов – 3,4% (рис. 2).

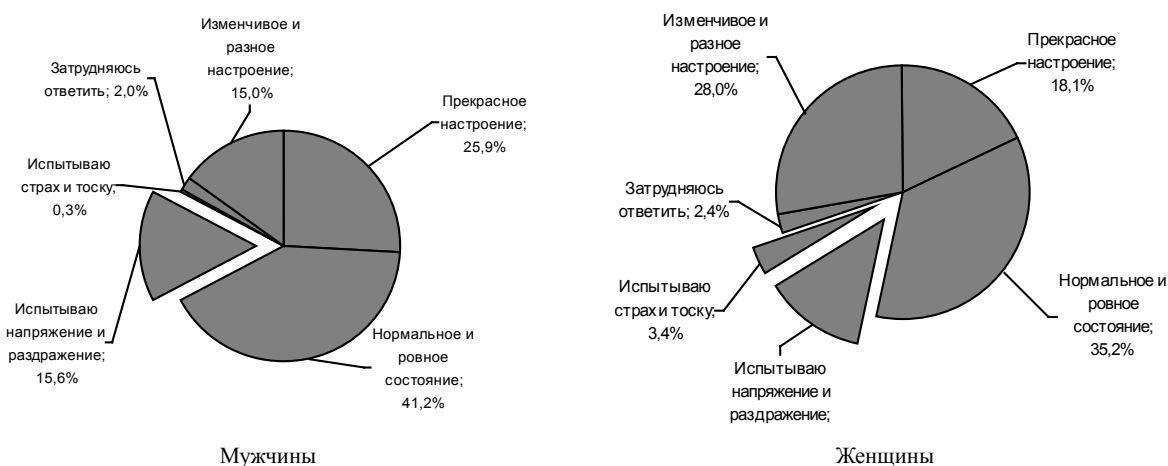

Рис. 2. Круговая диаграмма «Самооценки настроения молодых мужчин и женщин»

Описывая влияние типа населенного пункта – города и села – на настроение, добавим, что в самооценках настроения городской и сельской молодежи различия наблюдаются, однако не существенные (таблица). Одинаковое количество среди сельчан и горожан – 22,2% – обладает прекрасным настроением; 37,4% городских и 41,5% сельских молодых жителей оценили настроение как нормальное и ровное, так данный позитив с перевесом на 4 пункта в сторону сельской молодежи; 15,2% и 11,1% городской и сельской молодежи, соответственно, указали на то обстоятельство, что они напряжены и раздражены; 21,5% и 20,0% одних и других не обладают каким-либо определенным настроением в силу его изменчивости; страх и тоска характерна для 2,2% и 1,7% сельской и городской молодежи, соответственно. Последние данные не большие, однако, преобладание сельских над городскими по данной позиции можно объяснить отсутствием доступности в силу не достаточной развитости сельской инфраструктуры кинотеатров, театров, библиотек, музеев, ночных клубов и других досуговых институтов, позволяющих разнообразить оставшееся после трудной физической работы свободное время сельской молодежи, что действительно, с одной стороны, является предпосылкой для упадка в настроении. Однако, возможна и обратная ситуация. Пресыщенность, так называемое сверхпотребление услуг, предоставляемых названными учреждениями, не только не доставляют удовольствие, а могут способствовать развитию тоски и скуки в настроении молодежи. С другой стороны, наличие доступности, более того, знание и даже осознание самого факта доступности многочисленных театров, музеев, клубов, развлекательных комплексов, уменьшает желание ими пользоваться, становится как бы ненужным, а следовательно, не всегда способствует поднятию настроения, особенно, когда «развлечения ради развлечений» не сопровождается и не

дополняется чем-то полезным для развития и совершенствования индивида и не позволяет пополнить знания в какой-либо области, получить моральное удовлетворение от общения с близкими и друзьями, совершенствовать свою физическую форму и пр.

Самооценки настроения молодежи в зависимости от типа населенного пункта, региона проживания и социального положения (в % к числу опрошенных)

Тип населенного пункта / Регион проживания / Социальное положение	Прекрасное настроение	Нормальное и ровное состояние	Испытываю напряжение и раздражение	Испыты- ваю страх и тоску	Затруд- няюсь ответить	Изменчивое и разное на- строение
Город	22,2	37,4	15,2	1,7	2,0	21,5
Село	22,2	41,5	11,1	2,2	3,0	20,0
Область:						
Брестская	35,4	28,0	11,0	2,4	7,3	15,9
Витебская	18,1	38,9	13,9	–	–	29,2
Гомельская	22,0	37,4	14,3	5,5	1,1	19,8
Гродненская	12,1	28,8	24,2	1,5	3,0	30,3
Минск	24,8	35,2	11,2	–	2,4	26,4
Минская	19,5	49,4	14,9	1,1	2,3	12,6
Могилевская	20,0	49,3	13,3	2,7	–	14,7
Социальное положение:						
Служащие производственной сферы	13,9	41,7	13,9	–	–	30,6
Служащие непроизводственной сферы	18,0	46,0	14,0	4,0	2,0	16,0
Рабочие	17,6	41,2	16,6	0,8	1,7	21,8
Безработный	25,8	29,0	12,9	–	3,2	29,0
Домохозяйка	16,1	41,9	19,4	–	3,2	19,4
Учащийся, студент	33,3	35,7	8,8	1,8	2,3	18,1

Влияние социального положения на настроение позволяет говорить о том, что в прекрасном, ровном, нормальном состоянии находятся 69% среди опрошенных учащихся и студентов, 64% – среди служащих, специалистов непроизводственной сферы, 58,8% – среди общего числа рабочих промышленности, транспорта, строительства, 58% – среди занимающихся домашним хозяйством, 55,6% – среди служащих, специалистов производственной сферы, 54,8% – среди безработных (см. таблицу). Что показалось весьма любопытным, так это то, что как при публичной профессии, так и при абсолютно противоположном занятии домашним хозяйством, предполагающем концентрацию внимания и усилий при ограниченном и постоянном круге людей, опрошенная молодежь испытывает раздражение, напряжение и тоску; видимо, в первом случае это происходит от постоянного общения со множеством людей абсолютно различной психологии, с различными проблемами, а во втором – от однообразия, вытекающего из специфики организации домашнего труда и, возможно, от недостатка круга общения и отсутствия сферы профессиональной реализации. Итак, 19,4% опрошенной молодежи, занимающейся сугубо домашними делами, 18% опрошенных служащих непроизводственной сферы, 17,6% опрошенных рабочих, 13,9% специалистов производственной сферы, 12,9% опрошенной безработной молодежи находятся в раздражительном и напряженном состоянии. Как оказалось, даже отсутствие работы не сильно отразилось на настроении, хотя предполагает потерю и сферы реализации, источника дохода, определенного круга общения, взаимодействия с людьми, что, казалось бы, наоборот, вызывало бы опасения за собственное будущее и будущее родных людей. Несмотря на то что отсутствие работы не сильно отразилось на настроении, все же среди безработной молодежи оказалось больше тех, кто не удовлетворен собственной жизнью (36,6%), и соответственно тех, кто меньше всех удовлетворен (40%). Но вот что касается домохозяек, эта категория населения, независимо от того, что испытывает тоску и раздражение, удовлетворена жизнью, таких среди них 81,3%; 77,1% учащихся и студентов; 66,4% рабочих; 64,7% специалистов непроизводственной сферы; 60% служащих производственной сферы; 40% безработных. Жизненная удовлетворенность различных категорий молодежи будет нами рассмотрена далее.

Возраст также оказывает свое действие на настроение молодых респондентов (рис. 3).

Так, оказалось, что с увеличением возраста, увеличивается число респондентов, которые испытывают страх и тоску, так как 6,8% среди опрошенных в возрасте после 30 лет выбрали данную позицию, и уменьшается число тех, кто находится в прекрасном настроении, 6,4% в названной группе именно так охарактеризовали свое настроение (см. рис. 1). 23,1% опрошенных после 30 лет отмечают изменчивость своего настроения, 42% обладают ровным и нормальным настроением [2]. Причем среди старшего поколения, как и среди молодежи, мужчины отличаются более положительными значениями в настроении, а вот среди жителей села на 7 пунктов больше опрошенных с уравновешенным состоянием (46,9% против 39,4%) и на 7% меньше раздраженных и напряженных людей по сравнению с горожанами (11,3% против 18,0%). Следует отметить, что внутри самой группы молодежи возраст является дифференцирующим признаком, отражающимся на самооценках настроения. При сравнении трех «внутри молодежных» возрастных групп – «от 16 до 20», «от 21 до 25» и «от 26 до 30» – отметим, что наиболее позитивными значениями отличаются самые молодые респонденты. Так, если в первой группе (16–20 лет) прекрасным настроением обладает 30,9%, то в группе от

21 до 25 лет таких опрошенных оказалось 23,0%, т.е. уменьшилось на 7,9%; а в старшей молодежной группе (25–30 лет) прекрасное настроение испытывают только 11,9%. В нормальном и ровном состоянии находятся 35,7% из опрошенных в возрасте от 16 до 20; 39,0% и 40,3% из опрошенных в двух других группах молодежи. Что вызывает наибольшую обеспокоенность, так это то, что четверть респондентов среди «старшей молодежи» испытывает напряжение, раздражение, страх и тоску; с уменьшением возраста снижается и уровень раздражительности и опасений – среди самых молодых (16–20) такое состояние характерно для 11,5%, что в два раза меньше, чем среди «старшей молодежи»; и почти для такого же количества среди опрошенных в группе средней молодежи (11,2%).

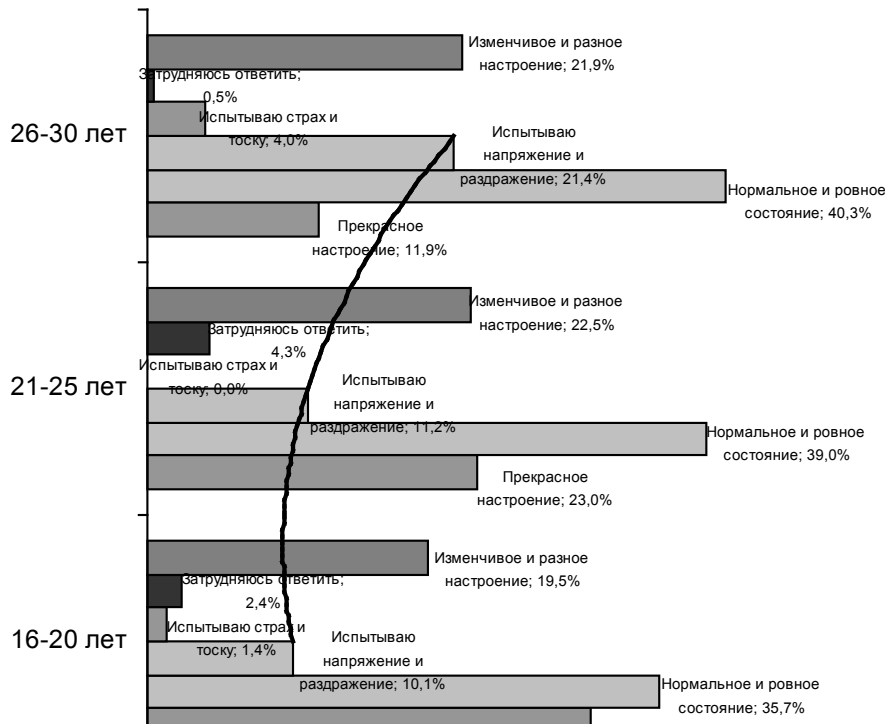

Рис. 3. Диаграмма «Самооценки настроения различных возрастных групп молодежи»

Анализируя оценки настроения молодежи на региональном уровне, выделяются два неблагоприятных региона, где имеется многочисленная группа молодых респондентов, для которых в большей степени по сравнению с другими областями характерны напряжение, раздражение и страх – Гродненская и Гомельская области (см. таблицу). Среди молодых жителей 25,7 и 19,8% соответственно преобладает негативная форма настроения. Далее идет Минская область, в которой 16% опрошенных испытывают напряжение, раздражение и страх; такое же количество молодежи испытывает напряжение в Могилевской области; на пятом месте, по убыванию, находящихся в состоянии раздражения, стоит Витебская область (13,9% респондентов); за ней следует Брестская область (13,4% опрошенных); последнюю позицию занимают жители столицы, среди которых только 11,2% молодых респондентов назвали свое настроение напряженным и раздраженным.

Остановимся на позитивных формах настроения. Так в прекрасном либо нормальном и ровном состоянии пребывает 69,3% жителей Могилевской области, 68,9% – Минской, 63,4% – Брестской, в которой, кстати, больше молодежи, чем во всех других регионах, испытывающей прекрасное настроение (35,4%); 60% – г. Минска, 59,4% – Гомельского региона, 57% – Витебского; завершает семерку областей по позитивному настроению Гродненская область, где меньше половины респондентов – 40,9% – охарактеризовали свое настроение как нормальное либо прекрасное. Напомним, что Гродненский регион лидирует по наибольшей численности молодых жителей, испытывающих напряжение и опасение.

Список литературы

1. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи // Социс. 1992. № 2. С. 104–115.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология. М., 1998. № 10. С. 47–71.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассмотрены методологические особенности исследования социального самочувствия сельской молодежи, проанализированы его основные показатели: оценка различных аспектов собственной жизни, здоровье, тревожность, ценности, включенность в социальные сети, прогноз относительно своего будущего, оптимизм.

Ключевые слова: молодежь, социальное самочувствие, ценности, социальный оптимизм.

Methodological peculiarities of social feeling of rural youth are considered. Principal indicators of villagers' social feeling such as evaluation of various life aspects, health, anxieties, values, participation in social networks, prognosis about future and optimism are analyzed in the article.

Key words: youth, social feeling, values, social optimism.

Введение

Понять общий характер происходящих в обществе процессов, объяснить формы и причины поведения населения довольно трудно без изучения его социального самочувствия. Ведь любые социальные преобразования, так или иначе, преломляются в личной судьбе каждого, определяя социальное жизнеощущение, социальное самочувствие людей. Именно через характеристики социального самочувствия принято рассматривать адаптацию населения к социальным изменениям: чем успешнее прошел процесс включения человека в новые условия, тем лучше будет его социальное самочувствие. Являясь следствием социальных преобразований, социальное самочувствие выступает одновременно и фактором, оказывающим важное, а порой решающее воздействие, на процессы социальной трансформации. Поэтому социальное самочувствие населения может выступать в качестве одного из показателей, отражающих и определяющих ход и содержание происходящих в обществе изменений. Особое значение при оценке результатов и хода осуществляемых реформ приобретает изучение социального самочувствия молодежи как наиболее динамичной, активной и противоречивой части общества, поскольку от успешности ее адаптации зависит дальнейшая траектория развития общества.

Теоретическая и методологическая база для определения понятия «социальное самочувствие» накоплена в различных отраслях науки. Идеи социального самочувствия берут начало в психологии, где данная категория рассматривается через призму человеческого сознания и подсознания. Философы и политологи делают акцент на изучении социального самочувствия как феномена общественного сознания, как составной части образа жизни, как нравственного состояния общества. Специфика социологического подхода к изучению социального самочувствия состоит в учете как внешних воздействий социальной среды, так и оценок внутреннего состояния переживающих эти воздействия субъектов, исходя из их собственных критериев, основанных на субъективных ощущениях и личностных интерпретациях происходящих событий. Однако несмотря на широкий спектр работ, представляющих различные теоретико-методологические направления исследования социального самочувствия, проблемы общепринятого определения самого понятия, а также поиска эмпирических индикаторов социального самочувствия остаются открытыми.

В наиболее общем представлении социальное самочувствие понимается как интегральная субъективная характеристика восприятия субъектом (индивидом, социальной или демографической группой) собственного положения в обществе. В таком значении данная категория включает все аспекты взаимосвязи человека с окружающей средой. В более узком понимании под социальным самочувствием подразумевается статусная идентификация личности, а также оценка человеком (социальной или демографической группой) стабильности собственного существования и удовлетворенности социально-экономической ситуацией. Социальное самочувствие выступает интегральной характеристикой удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим социальным положением.

Сложная структура, двойственный характер и динамичность обуславливают необходимость исследования социального самочувствия на принципах комплексности, взаимозависимости различных факторов, социальной детерминированности и актуализируют проблему поиска адекватных эмпирических индикаторов для его измерения. Одна из сложностей заключается в том, что социальное самочувствие, являясь целостным социальным явлением, обладает сложной структурой, что вынуждает исследователей изучать его по отдельным составляющим, описывая каждую из них определенной системой показателей, не входящих в какой-то один общий показатель.

Материалы и методы

Изучение социального самочувствия сельской молодежи осуществлялось в ходе республиканского социологического опроса сельского населения Республики Беларусь, проводимого сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси в 2009 г. В рамках данного исследования было опрошено 250 жителей села в возрасте 18–30 лет (всего опрошено 1000 жителей села), выборка целевая, квотная. Опрос проводился по стандартизированной анкете.

В основу поиска «измерителей» социального самочувствия сельской молодежи были положены показатели, отражающие оценку респондентом своей жизни, его внутреннее состояние (здоровье, настроение, испытываемые чувства страха, тревоги), а также прогноз относительно изменения своей жизни в будущем.

Результаты и их обсуждение

Одним из наиболее «красноречивых» индикаторов социального самочувствия является субъективная оценка произошедших в жизни изменений, а также социального жизнеощущения населения. Согласно результатам опроса, большинство молодых людей (63,8%) отмечает, что за последние годы в их жизни произошли изменения, причем более половины из них (67,4%) положительные и, скорее, положительно оценивают произошедшие изменения. Следует отметить, что молодые люди с более высоким уровнем образования и профессиональным статусом склонны более позитивно оценивать изменения в собственной жизни и жизни своей семьи.

Чтобы лучше понять, чем обусловлено субъективное восприятие жизненной ситуации, респондентам было предложено описать прошедший год в терминах, позволяющих отделить сугубо личные события и детерминанты социального самочувствия от социальных. Ведущими факторами, определившими для молодых людей образ минувшего года, были следующие: упорный труд (18,9% респондентов дали такой ответ), материальные затруднения (20,7%), и семейное счастье (11,5%), любовь (11,0%). Для значительной части сельской молодежи (39,6%) это был обычный год. Таким образом, субъективное восприятие сельчанами своей жизненной ситуации определяются в основном факторами личностного плана. К тому же детерминанты жизненного самоощущения имеют нейтральную окраску.

Интерес к работе, другим сферам жизнедеятельности, возможности реализации жизненных программ, социальные настроения и социальное самочувствие во многом зависят от состояния физического и психологического здоровья. Здоровые люди активнее настроены на решение возникающих проблем, на преодоление трудностей. Люди, страдающие теми или иными заболеваниями, более пассивны, у них ниже самооценка, сильнее ощущение своей неконкурентоспособности, меньше решительности и оптимизма, умения сохранять и восстанавливать свои физические и психические силы. Несмотря на то что молодежь – наиболее благополучная возрастная категория в оценках состояния своего здоровья, менее половины молодых людей (44,2%), по данным опроса, могут охарактеризовать свое здоровье как хорошее или, скорее, хорошее, несколько меньшее число (41,6%) – как удовлетворительное, а 7,3% считают, что у них плохое или скорее плохое здоровье. В основе ухудшения состояния здоровья современной сельской молодежи лежат в основном субъективные факторы. Наиболее значимыми причинами ухудшения своего здоровья сельская молодежь считает недостаток времени для отдыха (45,5%), тяжелый труд (22,2%), курение (19,2%), отсутствие привычки следить за своим здоровьем (14,1%), несбалансированное питание (10,1%), употребление спиртных напитков (5,1%). Эти явления в совокупности с отсутствием здорового образа жизни пагубно сказываются на качестве человеческого капитала и существенно ухудшают социальное самочувствие.

Помимо физического здоровья важным фактором социального самочувствия является состояние психоэмоциональной сферы: испытываемые страхи, тревоги. В ходе опроса респондентам предлагалось ответить, по поводу каких обстоятельств они испытывают постоянное напряжение или некоторое опасение, а по поводу каких не испытывают чувства страха и тревоги. С целью выявления причин и источников психологического дискомфорта нами был построен индекс тревожности, рассчитываемый как отношение разности суммарного значения ответов «постоянное напряжение» и «некоторое опасение» и значения по признаку «не испытываю напряжения» к их сумме. Значения индекса варьируются в пределах от –1 до 1; результаты, близкие к 1, свидетельствуют о высокой значимости проблемы, при приближении полученных значений индекса к –1 значимость показателя снижается. Индекс тревожности позволил проранжировать те проблемы, которые более всего беспокоят и пугают сельскую молодежь.

Наибольшую тревожность у молодых людей на селе вызывает возможность снижения доходов: более половины опрошенных (60,1%) высказывают некоторое опасение, а 26,3% испытывают постоянное напряжение в связи с этим (значение индекса тревожности по данному показателю оказалось равным 0,73). Состояние психологического дискомфорта вызывают возможность болезни и смерти близких (значение индекса 0,51). Возможность неполучения или задержки зарплаты также беспокоит значительную часть молодых жителей села: 45,7% заявили, что испытывают по этому поводу некоторое опасение, а 23,0% – постоянное напряжение (значение индекса 0,38). Среди других источников беспокойства молодых людей, проживающих в сельской местности, отток молодежи, запустение села (значение индекса 0,14), угроза преступности (0,14).

Полученное распределение факторов тревожности является своего рода отражением системы ценностей. Ведь человек боится потерять именно то, что больше всего ценит. Анализ ответов на вопрос: «Что для Вас является самым важным в жизни?» – позволил выделить три основные ценностные группы. Ядро ценностной структуры сельской молодежи составили традиционные ценности: здоровье (78,3%), достаток в доме (68,1%) и дети (61,3%). Далее по степени значимости для молодых людей следуют дружба (40,9%), любовь (32,8%), душевный покой, комфорт (26,4%), интересная работа (24,7%), вера в Бога (22,1%), благосостояние страны (19,6%). Результаты исследований дают основания полагать, что центральное место в ценностной системе современной сельской молодежи занимают традиционные, «вечные» ценности – семья, дружба, любовь.

Результирующим показателем социального самочувствия служит уровень социального оптимизма, основным индикатором которого выступает субъективная уверенность индивида в своем будущем. Опираясь на результаты исследования, можно говорить, что молодежь более оптимистично смотрит на мир: 27,0% респондентов убеждены, что в ближайшем будущем их жизнь улучшится, тогда как в старших возрастных категориях этот показатель значительно меньше; 17,2% не предвидят никаких существенных изменений и лишь 1,7% предполагают ухудшение своей жизненной ситуации. В то же время половина молодых людей, проживающих в агрогородках и селах (54,1%), испытывают неопределенность относительно своего ближайшего будущего,

что связано, прежде всего, с особенностями данной возрастной категории, переживающей сложный этап профессионального и личного самоопределения и становления.

Выводы

В целом же результаты исследования позволяют судить о довольно высоком и стабильном состоянии основных характеристик социального самочувствия сельской молодежи. Большинство молодых людей, проживающих в сельской местности, положительно оценивают происходящие в их жизни изменения, отличаются позитивным настроем, более высокими показателями физического и психологического здоровья, привержены традиционным ценностям и жизненным ориентирам.

В то же время нельзя игнорировать такие явления, как высокий уровень опасений, обусловленных возможностью снижения материального благосостояния, а также неопределенность относительно своего будущего. Эти явления, очевидно, обусловлены спецификой жизнедеятельности данной возрастной категории, сложностью и противоречивостью процессов личного и профессионального становления, социализации и адаптации к самостоятельной жизни в современном мире. Вместе с тем своевременное выявление признаков ухудшения социального самочувствия молодежи: рост уровня тревожности, негативное восприятие собственной жизни, деформация ценностной структуры, ухудшение физического и психологического здоровья, снижение уровня социального оптимизма позволит избежать катастрофических последствий в будущем.

Е.В. Ефимович

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск

ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Статья посвящена изменению отношений социальной деятельности молодежи. Проанализированы изменения ценностей советской и современной молодежи. Предложены методы исследований ценностного подхода молодежи.

Ключевые слова: флуктуация, социальные институты, социальные установки, биографический метод, ценностное поведение, инструментальные ценности, терминальные ценности, ценностный тип личности, личность с «гуманистической совестью», личности с «авторитарной совестью».

Article is devoted to variation of attitudes of social activity of youth. Variations of values of the soviet and modern youth are analysed. Methods of researches of the valuable approach of youth are offered.

Key words: fluctuation, social colleges, social installations, biographic method, valuable behaviour, instrumental values, terminal values, valuable type of the person, person with «humanistic conscience», person with «authoritative conscience».

Вся история человеческого общества – это история институционализации отношений социальной деятельности. Понятно, что в процессе исторической эволюции социума любое институциональное нововведение фундаментального уровня решает задачу самосохранения социальной системы, формируя сознание фактора «мы – общество». А лишённая этого сознания, то есть безценностная, человеческая общность, не будет себя оберегать, планировать свое выживание и действовать соответствующим образом, словом, обречет себя на исчезновение. Это заставляет нас говорить о важнейшей роли социальных институтов как генераторов ценностей, с одной стороны, и о менее важной роли социальных ценностей в самосохранении общественной системы, с другой.

Социальные институты и социальные ценности как важнейшие элементы жизнеобеспечения общественной системы являются единым целым. Вспомним, что один из самых авторитетных социологов XX в. П. Сорокин сформулировал методологию социологического исследования, основанную на представлении о «флуктуационном», циклическом характере крупных социальных явлений, связав эти социальные флуктуации как раз с изменениями или кризисами (например, в случаях реформ или войн) системы социальных ценностей, которую он, в свою очередь, рассматривал как систему социальных институтов – «устоявшуюся систему отношений», в его терминологии [1, 620].

Формирование социального облика молодежи – результат непрерывной деятельности людей на протяжении многих исторических эпох. И обществу далеко не безразлично, какое место займут общечеловеческие ценности во внутреннем мире молодых людей. В трансформирующемся обществе происходят изменения и в содержании ценностных ориентаций. Крах тоталитарной системы повлек за собой ликвидацию духовных, нравственных и культурных ценностей общества, объединяющих внутренний мир людей, которых именовали «советским народом». Поскольку новые ценности не сразу наполнились конкретным, реальным, практическим смыслом, то возник кризис ценностей.

Целостность мира послужила основой становления современного человечества и формирования общечеловеческих ценностей. Общечеловеческие ценности существуют в обществе потому, что «есть вечные, неизменные начала человеческой жизни, вытекающие из самого существа человека и общества. Они порождаются общими для всех эпох формами человеческого общежития» [2]. Что же это за ценности? *Гуманизм, труд и уважение к труду, материнство и детство, культура, наука, образование, веротерпимость, верность, порядочность, дружба, любовь и др.* Конечно каждая эпоха порождает свой приоритет ценностей.

Так, в советском обществе приоритетными были общественные ценности. Если советскому молодому человеку предложили бы выбрать самую важную для него ценность из следующих: *интересная работа, счастливая семья, высокая культура, трудолюбие, честность, порядочность, образованность, патриотизм*, то скорее всего на первое место вышли бы *патриотизм, трудолюбие, образованность*. И это хорошо, ведь для общечеловеческого блага можно было пожертвовать личным. Этому учили нас и классические фильмы той эпохи: например, «А завтра была война». Как показывает практика современных социологических опросов, *трудолюбие и образованность* опустились в середину списка, а *патриотизм* – вообще в конец списка. Плохо это или хорошо? Наверное, в этом случае стоит узнать, что вышло на первое место. А оказалась на нем *счастливая семья*. Некоторые исследователи бьют тревогу, что наступил кризис патриотизма. Однако *счастливая семья* – личностная ценность, являющаяся основой для здорового общества, где общественные ценности будут оставаться те, что были и 20–30 лет назад.

На взгляд некоторых социологов, здесь встает проблема методов и точности исследования.

В социологической науке не случайно социальные институты прочно связываются с социальными ценностями. И, следовательно, улавливая динамику конкретных групп в сфере ценностей, можно социологически зафиксировать состояние ценностных ориентаций конкретных контингентов как функцию состояния социальных институтов.

Институты – объективные образования. Но они таковы, когда уже функционируют. Устанавливаются же институты не кем-нибудь, а людьми. И люди, регламентируя свои социальные взаимоотношения в тех или иных институтах, придают им субъективный характер. Человеческая же субъективность – это, как известно, рефлексивный разум, в отличие от сознания, предположительно у животной особи, которое просто «отражает», проявляясь в реактивном поведении – по схеме «стимул-ответ». Человек, как замечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, существо относящееся, то есть «пропускающее через себя» все стимулы и сигналы и, таким образом, формирующее собственные убеждения, собственную позицию относительно всего и вся.

Иными словами, человек не просто изо дня в день живет и действует, но он непрерывно оценивает свою жизнедеятельность в категориях «правильно – неправильно», «хорошо – плохо», «надо – не надо» и т.д. Для такой оценки человеку нужны критерии, которые опять же формирует сам человек. Разница между постоянным оцениванием и критериями оценивания – это и есть разница между категориями «ценности» («ценностные ориентации») и «мораль». Человек не может не фиксировать свои достаточно крупные, имеющие всеобщее значение социальные изобретения – те же институты – как ценность, то есть как то, что «правильно», «хорошо», «должно». Например, в Библии дано точнейшее определение ценностей и морали в первых же словах текста: «Бог создал...» и «сказал Бог: это хорошо». «Создание» превращается в ценность посредством оценки «это хорошо», а критерии оценки-ценности – сам Бог-мораль.

Социальное творчество человечества реализуется в формировании и исторической эволюции институтов общества, таких фундаментальных, как семья, рынок, демократия, право, а также традиционных (школа, церковь) и новых (наука, спорт, СМИ), дает выход в объективных социальных ценностях – общезначимых и освященных моралью. Вместе с тем любой человек – как существо относящееся, оценивающее – вправе иметь индивидуальные ценности. Индивидуальные ценности – ценностные ориентации бывают двух видов:

1) индивидуальные ценности (индивидуальные ценностные ориентации), которые сформированы как объективные социальные ценности по критериям морали;

2) индивидуальные ценности (индивидуальные ценностные ориентации), которые противоречат морали, являются ценностями девиантной личности, то есть объективно антиценностями.

К тому же важнейшая роль фундаментальных институтов, прежде всего семьи, образования, права и т.д., в формировании у подрастающего поколения правильных (моральных) ценностных ориентаций. Общество, его фундаментальные институты, аккумулирующие освященные моралью объективные социальные ценности, способны воспитывать подрастающее поколение, сообщая ему социально позитивные (социально конструктивные) ценностные установки?

Между тем существует специальная литература междисциплинарного характера – философская, социологическая, психологическая, педагогическая – по проблемам ценностей и ценностных ориентаций. Аналитический обзор позиций исследователей данного предмета показывает, что среди специалистов в этой области, в том числе и таких именитых, как Э. Фромм и З. Фрейд, сложился консенсус в отношении общего понимания, что такое ценностные ориентации. И это понимание достаточно интересно. А именно среди специалистов есть готовность рассматривать ценностные ориентации как некий высший уровень в иерархии человеческих побуждений, потребностей интересов. Это значит, что человек в своей жизнедеятельности опирается на различные установки, высшими из которых являются ценности или ценностные ориентации.

Наглядную схему перехода у человека от низших установок к высшим (ценностным ориентациям) дает, например, В.А. Ядов, который полагает, что у человека существует иерархия потребностей, соответствующая иерархии ситуации, закрепляющая (при встречах данной потребности со «своей» ситуацией) иерархию потребностей в иерархии соответствующих установок, а те, в свою очередь, вливаются в иерархию соответствующего поведения [3]. Так, уровень низших (витальных) потребностей вырабатывает в простых предметных ситуациях установки и поведенческие акты, которые трудно назвать социальными. Более высокий уровень потребности общаться с себе подобными заставляет человека руководствоваться различными групповыми установками, и это уже уровень, хотя и примитивный, социальных установок и поведения. Следующий, выделяемый В.А. Ядовым, уровень потребностей – потребность участвовать в определенной деятельности в сфере – вырабатывает базовые социальные установки. И только высший уровень потребностей, связанных у

человека с сознанием себя, принадлежащим не группе и не определенной деятельностной сфере, а в целом обществу, культуре, человечеству, формирует у индивида вершину установочной иерархии – ценностные ориентации – и соответствующее (ценностное) поведение.

Характерно, что В.А. Ядов, называя высшие установки ценностными ориентациями, терминологически и, значит, качественно отделяет эти высшие установки от всех прочих установочных уровней, а сама градация выглядит так: от фиксированных установок (витальных и групповых) через базовые социальные установки – к ценностным ориентациям. Термин «фиксированные установки» многое проясняет: иерархия В.А. Ядова – это переход от «фиксированных» к «нефиксированным» установкам, и если степень «фиксированности» установки понимать как степень приближения ее к норме (когда установка индивиду в большей или меньшей степени навязывается, а не свободно, ответственно им принимается), то В.А. Ядов определенно рассматривает ценностные ориентации как установку индивидов на оспаривание, критику «фиксированных установок», то есть на свободный, ответственный выбор более широких, более включительных, интегративных, чем любые «фиксированные» и даже базовые социальные установки, ориентиров и идеалов.

И эта логика схемы В.А. Ядова подсказывает, что в отличие от фиксированных установок базовые социальные установки реально вырабатываются далеко не у каждого, не говоря уже о ценностных ориентациях. Ценностные ориентации – это то, что должно быть у человека в идеале, однако реально для всех людей существуют лишь фиксированные установки, в то время как ценностные ориентации являются хотя и родовой человеческой чертой, но такой, которая носит статистический характер. Обоснование данной позиции мы находим у Э. Фромма, который полагал, что отклоняющееся поведение связано не с неправильным ценностным выбором индивида, а отсутствием (или слабой выраженностью) способности к выбору, то есть низким уровнем у данного индивида вообще способности к рефлексии, оценке, сопоставлению, выбору и, значит, в принципе формированию ценностных ориентаций.

Так, Э. Фромм противопоставлял личность с ценностными ориентациями, наделенную «гуманистической совестью», – личности, в которой отсутствуют ценностные ориентации, личности с «авторитарной совестью». Согласно Э. Фромму, люди с «авторитарной совестью» – если вернуться к идеям В.А. Ядова, – это те, у кого почему-либо не выработался высший для человека мотивационный уровень (именно ценностных ориентаций), это люди, у которых деструктивное начало преобладает над конструктивным, социально позитивным началом. Это люди, которые, таким образом, разрушают себя и пополняют в обществе асоциальный контингент.

Поэтому проблема ценностных ориентаций – прежде всего психолого-педагогическая. Неактуально определить у человека наличие фиксированных установок, поскольку они складываются помимо сознательного выбора личности, помимо направленного педагогического влияния. Но актуальна сама статистика лиц, именно молодежи, у которых выражены ценностные ориентации, поскольку, мы уже знаем, способность к ценностному выбору носит статистический характер, не возникает спонтанно, но только в результате правильного воспитания ребенка, когда он обретает принципиальную способность осознавать себя частицей в целом общества, культуры, человечества, способность в принципе опираться на идеалы.

Вследствие этого так актуальна психолого-педагогическая задача определения критериев и показателей, по которым было бы возможно выявить наличие или отсутствие у подростка в принципе способности формировать ценностные ориентации. Тем более что данная психолого-педагогическая задача имеет бесспорно прикладное значение, так как речь идет о социологических исследованиях и социальной статистике в отношении молодежных контингентов.

Общая концепция ценностных ориентаций, на наш взгляд, заключается в том, что ценностные ориентации – это высший уровень человеческой рефлексии, который, однако, не достигается индивидом спонтанно, но воспитывается, когда результат не предопределен и, таким образом, в социологическом измерении оказывается величиной статистической. Между тем анализ известных методик изучения ценностных ориентаций показывает, что та или иная методика «теоретически нагружена» – обслуживает «свою» теорию ценностных ориентаций.

В этой связи можно констатировать, что существенный недостаток имеет весьма популярная методика определения ценностных ориентаций, предложенная М. Рокичем, которая полагает, что ценностные ориентации – не что иное, как приверженность людей вполне конкретным ценностям. Среди них, по мнению М. Рокича, следует различать ценности терминальные (ценности-цели) и ценности инструментальные (ценности-средства) [4]. Вследствие этого М. Рокич предлагает два конкретных списка ценностей (терминальных и инструментальных), призывая опрашиваемых ранжировать каждую ценность из обоих списков, что и должно определить ценностные ориентации респондентов. Однако в этом случае определенная теория ценностных ориентаций побуждает исследователя диагностировать у респондентов, в сущности, не их ценностные ориентации, а только их отношение к предлагаемым спискам ценностей. Что же стоит у респондента за этим отношением – не рассматривается, то есть не рассматриваются его ориентации в глубоком смысле мотивов личностного поведения.

Собственно, такой упрек можно адресовать многим существующим методикам измерения ценностных ориентаций – по той причине, что заложенное в них понимание ценностных ориентаций заранее указывает на определенные ценностные объекты, относительно которых респонденту и предлагается проявить себя. В результате респондент ангажирован исследователем, скажем, как в методике кумулятивного шкалирования Л. Гутмана, где испытуемый должен «угадать» некую характеристику в различных ее, более «слабых» и более «сильных», проявлениях, подтвердив, тем самым, определенную свою ориентированность [5]. Таков же и метод социальной дистанции Э. Богардуса, где применяется приблизительно та же технология, что и у Л. Гутмана.

Между тем наша критика указанных методик имеет в виду лишь одно. На наш взгляд, не удовлетворительна заложенная в них концепция ценностных ориентаций, согласно которой ценностные ориентации – это отношение людей к указанным им экспертами тем или иным ценностным объектам. Такая концепция, прежде всего, удобна – она позволяет использовать точные, количественные методы измерения: разумеется, ценностные ориентации легче «вычислить» не сами по себе, а относительно вполне осязаемого их коррелята в виде выбранных исследователем каких-либо конкретных ценностных объектов. Нам же представляется, что подобная редукция ценностных ориентаций хотя и дает безусловный выигрыш в точности их измерения, но фактически подменяет их, ангажирует респондентов, подсказывает им, чего именно от них ждут. Поэтому, скорее, более предпочтителен «устаревший» биографический метод фиксации ценностных ориентаций, применявшийся в социологии начала XX в. У. Томасом и Ф. Знанецким (Чикагская социологическая школа), позже развитый А. Маслоу, В. Франклом, К. Роджерсом и др. и заключающийся в косвенном выяснении (для получения минимально искаженной картины) личных ценностей респондентов через изучение их переписки, дневников, автобиографий.

Главное же то, что принципы аксиобиографической методики представляются нам перспективными из-за теории ценностных ориентаций, которая лежит в основе этой методики и рассматривает ценностные ориентации примерно так, как это подразумевается у В.А. Ядова. Об этом прямо утверждает Э. Фромм:

– «фиксированные установки» (В.А. Ядов), то есть «авторитарная совесть» (Э. Фромм) – обязательная принадлежность каждого индивида;

– «ценностные ориентации» (В.А. Ядов), то есть «гуманистическая совесть» (Э. Фромм), выступая личностным психологическим пластом высшего уровня, вырабатываются только у тех индивидов, у которых воспитана способность мыслить самыми широкими категориями: Я – социальное существо, человек, хотя и завишу повседневно от очень конкретных обстоятельств и групповых норм.

Таким образом, согласно этой теории, для измерения ценностных ориентаций (особенно молодежи) необходимо применить такую методику, которая бы фиксировала, прежде всего, не их конкретное содержание, а само их наличие и степень их выраженности. Иными словами, необходимо выяснить у респондентов, представляют ли они в принципе и насколько ценностный тип личности, в жизнедеятельности которого верховную мотивирующую роль играют не «фиксированные установки», а идеалы, способные формироваться только свободным, самостоятельным, «широким», «выбирающим» сознанием.

Список литературы

1. Соркин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
2. Франк С.Л. Духовные основы общества. Реальность и человек. (Мыслители XX века). М.: Республика, 1992. 512с.
3. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.
4. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. Психодиагностическая сер. М.: Смысл, 1992. 17 с.
5. Гуттман Л. Основные компоненты шкального анализа // Математические методы в современной буржуазной социологии. М.: Прогресс, 1966. С. 288–343.

Э.Р. Фахрудинова

Саратовский государственный университет, Россия

КОНФУЦИАНСТВО КАК МОДЕЛЬ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В данной статье рассматривается возможность интерпретирования конфуцианства как модели жизненного пути современного поколения в глобальном мире. Обосновывается, что духовное наследие конфуцианства может стать хорошим теоретическим материалом для конструирования новых этических установок в условиях глобализации, когда старые уже не способны найти адекватные решения на возникающие проблемы.

Ключевые слова: Конфуций, конфуцианство, глобализация, глобальный мир, поведенческая стратегия, современное поколение.

This article explores the interpretation of Confucianism as a possible model way of life of the current generation in a global world. The article considers the spiritual legacy of Confucianism as good theoretical material for making new ethical systems in the context of globalization, when the old one is not able to find adequate solutions to problems.

Key words: Confucius, confucianism, globalization, global world, behavioral strategy, current generation.

Сегодня современное поколение живет в условиях глобального мира. Э. Гидденс пишет по этому поводу: «Мир стал воистину единой социальной системой в результате усиления отношений взаимозависимости, затронувших сегодня практически каждого человека» [1, 483]. Однако, очевидно, что глобализация сопряжена с рядом весьма серьезных проблем. Глобальные проблемы касаются практически всех сфер социальной действительности – политики, экономики, культуры, экологии и т.д.

Современное общество переживает духовно-интеллектуальный кризис, основу которого составил кризис культуры, являющийся результатом истощенности возможностей ее развития в традиционных формах [2, 124]. Культура постепенно становится составной структурой современного общества. Происходящие в современной реальности социокультурные изменения связаны с усилением неопределенности. Из-за невозможности полного постижения действительности снижается возможность прогнозирования не только отдаленного, но и самого ближайшего будущего, что, безусловно, привносит неопределенность в повседневную жизнь людей.

Последствия экологических катастроф, бесконтрольного использования современных технологий, социально-экономических кризисов, террористических актов и ошибочных решений в управлении касаются каждого из нас. При этом в особенно сложном положении находится молодежь, которая подвергается рискам в большей степени, чем другие социальные группы. Это объясняется тем, что на рынке труда – безработица, в образовании – неравенство возможностей его приобретения, в бизнесе – низкая конкурентоспособность начинающих предпринимателей.

В условиях неопределенности жизненного пути современного поколения разрушается механизм воспроизводства ценностей [2, 129]. Одной из причин социальной дезорганизации и утраты жизненных ориентиров у молодежи является отсутствие целостности в отношении единой системы ценностей в обществе. Социальная неопределенность принуждает молодежь к автономному поиску новых эффективных моделей и способов действия, что способствует усилению индивидуализации. При этом формирование ценностей происходит весьма противоречиво. Это особенно актуально, когда мы говорим о том, что человек в процессе глобализации полностью «растворяется» в мире и таким образом теряет свою идентичность. Сохранить индивидуальность и привнести в глобальный мир истинные моральные ценности современному поколению поможет эффективная поведенческая стратегия, отвечающая требованиям нового времени, теоретическая основа новой глобальной этики – конфуцианство.

Главной угрозой проблем, сопряженных с процессом глобализации, является то, что они приобретают глобальный – мировой масштаб. Минимизировать появление катастрофических опасностей для человечества поможет только грамотное управление процессами глобализации. Кроме грамотного управления в современных условиях необходимо также модернизировать поведенческую стратегию каждого представителя современного поколения таким образом, чтобы она отвечала новым условиям и правилам жизни.

Эгоистическая и индивидуалистическая установка поведения, господствовавшая до недавнего момента в социальном пространстве, сегодня не отвечает вызовам времени и является даже опасной для дальнейшего существования человечества. Поэтому необходимо привести теоретические установки нового типа этики, морали и социального поведения молодежи, которые при этом будут опираться на незыблемые нормативно-правовые основы.

В настоящее время исследователи в области социальной философии не без оснований обращаются к восточным социально-этическим доктринам, в частности к этико-философским воззрениям Конфуция, в которых главным образом постулируются принципы взаимной ответственности за принятые решения и четкое следование установленным моральным правилам без ущемления при этом свободы личности. В условиях современного глобального общества это звучит как нельзя актуально. Этико-философская система Конфуция может с успехом стать теоретической основой новой глобальной этики.

Способность примиряться с бедностью, находить радость, следуя своим принципам, в современном мире зачастую встречает отторжение. В условиях жесточайшей конкуренции каждый человек стремится развивать свое дело, а критерием успеха стали уровень дохода и положение в обществе. Однако чем яростнее соперничество, тем более очевидна потребность в душевном покое и выравнивании отношений с окружающими.

Так как же нам следует поступать, живя в современном обществе? Ответ на столь актуальный вопрос способен дать конфуцианство, квинтэссенцией которого является понятие «человечность» («жэнь»). Учитель сказал: «Человечность – это любовь к людям», а «Знание – это знание людей» [3, 80]. По словам В.А. Васильева, «Жэнь» – это некий идеал, совокупность высших морально-этических ценностей, которыми обладали только древние предки и к которым необходимо стремиться современному человеку [4, 132–146]. Человечность – это нравственная основа, опираясь на которую возможно укрепить как семью, так и государство. Она является главнейшей духовной основой общества в целом.

В этико-философской системе Конфуция человек должен быть бескорыстным борцом за справедливость, постоянно духовно совершенствоваться, быть готовым всем пожертвовать во имя своих идеалов. Кроме этого большую роль в обществе, с точки зрения Конфуция, играет принцип всеобщей ответственности. У китайского философа она приобретает черты семейных отношений, где старшие несут ответственность за младших, младшие им подчиняются. Развитие личности должно идти по пути, который принесет наибольшую пользу обществу.

Конфуций много писал о необходимости духовного развития, о бескорыстном служении своему народу, своему делу. Каждый член общества должен всей своей жизнью, своим посильным трудом способствовать процветанию общества. Достижение обществом гармоничного состояния – вот высшая цель каждого разумного и уважаемого гражданина. Личность и общество взаимосвязаны и взаимодополняемы, духовный рост каждого индивида способствует улучшению жизни общества в целом. Общество и личность связаны важным и обязательным принципом ответственности друг за друга.

Сегодня, когда общество стоит на пороге глобальных свершений, когда реальной становится угроза гибели человеческой цивилизации, как никогда важным становится принцип ответственности каждого человека за свои действия. Взаимную ответственность также предполагает и принятие совместных решений. Применимы

также в контексте современности и установки Конфуция на духовное совершенствование личности. Действительно, в условиях глобализации особую значимость приобретают установки индивида на самосовершенствование и гармонию с окружающей природой. В условиях переходного общества, когда процесс глобализации грозит выйти из-под контроля, при конструировании социального поведения индивида стоит обратить внимание на идеал совершенного человека, по Конфуцию.

Согласно китайскому философу, и это вполне применимо в контексте глобализации, совершенный человек должен обладать двумя основными достоинствами – гуманностью и чувством долга.

Понятие «гуманность» является в системе социально-философских взглядов Конфуция довольно широким. Гуманность здесь предполагает наличие у человека таких качеств, как сдержанность, скромность, ум, доброта, беспристрастие, чувство справедливости. Она основывается, прежде всего, на любви к людям. Гуманный человек должен быть лишен эгоистических помыслов и все свои силы и способности отдавать во имя блага других. Именно установка на преодоление эгоистических ценностей является особенно значимой в условиях глобализации, где каждый несет ответственность за другого ради всеобщего выживания.

Совершенный человек, по Конфуцию, наряду с гуманностью, должен обладать и чувством долга. Долг в его учении – это, прежде всего, моральное обязательство, которое человек в силу своих добродетелей и совершенств сам накладывает на себя. Долг должен быть продиктован внутренней убежденностью в том, что следует поступать именно так, а не иначе. Долг резко противостоит низменной материальной выгоде. При всем многообразии трактовок чувства долга основным все же является то, что человек долга должен быть верным и преданным; он всегда обязан стремиться к совершенствованию. Всю свою жизнь он должен учиться и не останавливаться на достигнутом.

Этическая ориентация на должностное поведение также весьма актуальна для индивида, существующего в контексте глобализации. Каждый человек должен хорошо осознавать существующие проблемы и пытаться их решить на основе рациональных установок, а не эмоциональных.

Гуманность и долг, как их представляет Конфуций, при условии их совместного применения к моделированию поведенческой установки современного человека позволяет преодолеть ряд трудностей и проблем, прежде всего в пространстве отношений индивида и окружающей среды.

Таким образом, духовное наследие конфуцианства может стать хорошим теоретическим материалом для конструирования новых этических установок в условиях глобализации, когда старые установки уже не способны найти адекватных решений на возникающие проблемы.

Обобщая ценный жизненный опыт, проникая в суть происходящих глубоких изменений, конфуцианство вплоть до сегодняшнего дня продолжает одухотворять своей мудростью, представляя собой один из универсальных вариантов осмысления новых этических ориентиров в эпоху глобализации.

Подводя итоги, следует сказать, что конфуцианство с его этической доминантой возможно рассматривать как модель жизненного пути современного поколения в глобальном мире, ведь «только создав внутреннюю систему ценностей, можно превратить давление внешнего мира в жизнеутверждающую силу» [5, 246].

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
2. Малкина С.М. Социокультурные измерения рисков в контексте молодежных проблем // Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. Саратов, 2006. 289 с.
3. Конфуций. Луньей / Пер. И.И. Семенов // Уроки мудрости: Соч. М., 2000. 958 с.
4. Васильев В.А. Конфуций о добродетели // Социально-гуманитарные знания. М., 2006. № 6. С. 132–146.
5. Юй Дань. Конфуций: от сердца к сердцу. Уроки «Луньей» / Пер. с кит. В.И. Кузнецова. М., 2010. 252 с.

IV. ТОЛЕРАНТНОСТЬ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Е.В. Папченко

Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Современный многомерный, полиэтничный и многоконфессиональный мир реализует свои материальные и духовные потребности через многочисленные каналы, в том числе и через институт образования. В многонациональных студенческих коллективах возникают благоприятные условия осуществления межкультурного диалога, ведущего не только к взаимопониманию, взаимообогащению культур, но и к формированию толерантности

Ключевые слова: толерантность, полиэтничность, многоконфессиональность, глобализация, межкультурный диалог.

Multidimensional, polyethnic and multiconfessional world implement its material (physical) and spiritual needs in different ways including education. Favorable conditions for realization of intercultural dialogue appear in multinational students groups. It leads not only to mutual understanding, to mutual cultures enrichment but also to the formation of tolerance.

Key words: tolerance, polyethnicity, multiconfessionalism, globalization, intercultural dialogue.

Возникновение феномена глобализации, понятой как процесс становления единого взаимозависимого мира, сегодня мало кем оспаривается и ставится под сомнение, его по-разному интерпретируют, сформированы целые направления и междисциплинарные центры по его изучению. Оценивается происходящий процесс неоднозначно: и как безусловный прогресс, и как неизбежное зло, требующее противодействия.

Многомерный, полиэтничный и многоконфессиональный мир реализует свои материальные и духовные потребности через многочисленные каналы, в том числе и через институт образования, который самым активным образом реагирует на глобализацию, радикально изменяющую образовательные процессы в мире. Многие представители молодого поколения стремятся получить не только высшее образование, но и реализовать свой творческий потенциал, утвердиться в своем индивидуальном проявлении, способствовать научно-техническому прогрессу и разработке новых технологий. Однако образование никогда не было односторонне интеллектуальным, исключительно инструментальным. Без адекватного мировоззренческого наполнения, без соответствующей ценностной ориентации образование может превратиться в деструктивную силу на разьединение, а не на глобальную интеграцию мира [1, 105]. Вопросы мультикультурализма, диалога, толерантности, коммуникативной компетентности выходят в этой связи на первый план.

Особенность современного этапа развития общества состоит в том, что развитая техника и информационные технологии делают народы схожими, в то время как культуры несут в себе их различия. Национальные различия и особенности людей обладают известной консервативностью, их изменение происходит не сразу, а сравнительно медленно. Интеграция культур желательна, но трудновыполнима, поскольку требует взаимопонимания людей, воспитанных в условиях разных культур [2, 77]. Целый ряд культурных и социально-психических свойств определенного этноса характеризуется повышенной устойчивостью, что способствует сохранению национальных различий людей. Многонациональные коллективы способствуют созданию условий для осуществления межкультурного диалога, ведущего к взаимопониманию людей, а также к взаимообогащению культур, формированию толерантного отношения к представителям иных народностей, рас и конфессий. Межкультурный диалог способствует сближению этнических групп и лиц различных национальностей, вероисповеданий, выходу за рамки национальной и религиозной принадлежности, формированию общих, межкультурных традиций, образа жизни, преодолению проявлений национальной ограниченности, эгоизма и местничества.

Народы различны по месту расселения, языку, оригинальным чертам хозяйственной и культурной жизни, обрядам, традициям и обычаям. Национальные различия – не надсоциальная категория, их возникновение и модернизация обусловлены историческими условиями, характером хозяйственной жизни, состоянием межгрупповых взаимоотношений, влиянием природных условий, вероисповеданием, особенностями взаимоотношений с окружающими народами. Как указывает М. Кожанова, без этнической системы воспитания народ как историческая личность не может быть суверенным, в процессе воспитания и обучения национальные, народные корни должны давать живительную силу для формирования личности нового типа, обладающей широким кругозором, нравственной и эстетической культурой [3, 105].

Национальные и религиозные различия проявляются в общественной жизни, экономике, образовании, языке, сфере бытовых отношений, а также в сознании. Рост национального самосознания у представителей разных этнических общностей, уважение к собственным национальным особенностям, гордость за национальные достижения, как показывает социальная действительность, не всегда сопровождаются только позитивными явлениями. Идентификация и причастность к определенной этнической общности может порой привести к ложному представлению о собственной национальной исключительности, предпочтению культурных особенностей народа над другими, что в свою очередь формирует такие негативные качества, как национализм, шовинизм, русофобию, расизм и другие. Подобные явления можно встретить в студенческой среде. Тенденция к межнациональному сплочению учащейся молодежи и тенденция к их разобщенности на этнической почве образуют две противоположные стороны процесса социального развития студенческого коллектива. При этом если первая тенденция выражает поступательность и динамизм цивилизованного общества, то вторая обусловлена консервативностью негативных национальных чувств, которые порой могут умышленно разжигаться определенными группами людей, заинтересованных в нестабильности социальной ситуации. В этой связи становится актуальным вопрос о роли маргинальной личности в иной культурной среде, о способах ее аккультурации и участия в учебном процессе. Поэтому потребность формирования толерантности на основе ведения межкультурного диалога у студенческой молодежи выступает как важная и актуальная задача современной высшей школы.

Известным способом сближения представителей разных этнических групп в студенческом коллективе является их межнациональное общение. Проблема межнационального общения – одна из ключевых проблем теории и практики многонационального студенческого коллектива. От ее научной разработки зависит трактовка многих вопросов укрепления межнациональной сплоченности коллектива, организации эффективной воспитательной работы в нем. Проблемность общения в студенческом коллективе определяется тем, что процесс коммуникации выступает здесь как конкретное выражение внутриколлективных отношений, будучи обусловлено общими и специфическими для коллектива условиями личных и групповых контактов. К общим условиям можно отнести процессы социализации и инкультурации индивида, в ходе которых он овладевает историческим опытом народа, социальной группы, коллектива, духовно-идеологическими и нравственными ценностями, образом жизни, языком и др.

Специфические для студенческого коллектива условия личных и групповых контактов обуславливают желание получать знания многочисленных наук, изучаемых студентами, освоение ими их понятийного аппарата, социальных ценностей, этики и психологии будущей специальности. Особенность межкультурного диалога состоит в том, что в процессе коммуникации взаимодействуют молодые люди, обладающие помимо индивидуальных особенностей, также национальными особенностями. Данная тенденция носит амбивалентный характер. С одной стороны, студенты-иностранцы, обучающиеся в Российской Федерации, овладевают не только русским языком, терминологией будущей специальности, но также получают общегуманитарную подготовку, способствующую знакомству с культурными традициями русского народа, его историей, особенностями менталитета. С другой стороны перед российскими студентами открывается возможность ближе познакомиться и узнать национальные особенности представителей иных народов и континентов, их образ жизни, специфику мифологического и религиозного мировоззрения, особенности художественного творчества и т. д. Такой подход дает возможность создать целостную картину всего воспитательного процесса и в то же время позволяет определить стратегическую линию совершенствования учебной деятельности в целом, эффект воздействия проводимой работы на развитие мировоззренческих и личностных качеств студентов.

Список литературы

1. *Гречко П.* Глобализация: образовательные горизонты // Высшее образование в России. 2005. № 11. С. 102–107.
2. *Кессиди Ф.Х.* Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 76–82.
3. *Кожанова М.* Регионально-этническая направленность воспитания // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 104 – 107.

Е.П. Непочатых

*Курский институт социального образования,
(филиал) Российского государственного социального университета*

ЭТНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (на примере г. Курска)

В статье анализируются процессы этнической социализации и межкультурной адаптации молодежи, обусловленные современной социокультурной ситуацией развития личности; рассматриваются особенности этноконтактной среды города Курска, оказывающие влияние на успешность этнической социализации и межкультурной адаптации молодежи.

Ключевые слова: этническая социализация, межкультурная адаптация, этноконтактная среда, межкультурная компетентность, этническая толерантность.

Ethnic socialization and intercultural adaptation in the youth environment of modern region. In article processes of ethnic socialization and intercultural adaptation of the youth, caused modern социокультурной a situation of development of the person are analyzed; features of the ethnocontact environment the cities of Kursk influencing success of ethnic socialization and intercultural adaptation of youth are considered.

Key words: ethnic socialization, intercultural adaptation, ethnocontact environment, intercultural competence, ethnic tolerance.

В последние тридцать лет проблемы межэтнического и межкультурного взаимодействия являются предметом исследования разных отраслей отечественной психологической науки. Этому способствует ряд обстоятельств, определяемых, прежде всего, новой социальной ситуацией, сложившейся в обществе. С одной стороны, процессы глобализации, связанные с развитием телекоммуникаций, средств массовой информации, появление новых услуг связи, создали предпосылки для большого количества прямых (туризм, студенческие обмены) и опосредованных (Интернет, СМИ) контактов между людьми [1]. Культурные системы стали более проницаемыми друг для друга. В связи с этим процессы глобализации сформировали новую культурную среду и предпосылки для развития позитивных межэтнических контактов, межкультурного диалога [2].

С другой стороны, радикальные социальные изменения, произошедшие в различных сферах нашего общества, в том числе и в сфере межэтнических отношений, способствовали тому, что во многих городах России с традиционным преобладанием русского населения произошли существенные изменения этносоциальной ситуации: повысилось число иностранных граждан, приезжающих на работу или учебу, увеличился приток трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, появилась такая категория граждан, как «вынужденные переселенцы». Отсутствие достаточной практики межкультурных и межэтнических контактов у населения, а также определенная идеологическая деятельность СМИ способствуют формированию негативных этнических стереотипов, предубежденности, что, зачастую, приводит к распространению вербальной агрессивности, жестокости, насилия по отношению к тем или иным этническим группам.

В настоящее время появились работы социальных психологов методологического плана, в которых предпринимаются попытки психологического осмысления происходящих социальных процессов в нашем обществе, прежде всего связанных с ситуацией социальной нестабильности, а также их влияния на процессы социализации, на формирование социальной (этнической) идентичности (Г.М. Андреева; П.Н. Шихирев; Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко). По мнению исследователей, в нашей стране современная социокультурная ситуация развития личности характеризуется целым рядом специфических особенностей процесса социализации вообще и этнической социализации и межкультурной адаптации в частности.

Во-первых, «на социально-психологическом уровне процесс социализации протекает сегодня в ситуации ... социальной вариативности – неопределенных социальных ситуаций, многообразия принципов организации социальных общностей, видов деятельности, социальных ролей и групповых норм» [3, 25]. При этом исследователи подчеркивают, что социальная вариативность как «необходимый атрибут развитого гражданского общества» в современных российских условиях представляет собой фактор социального кризиса [3, 25].

Во-вторых, резкое обострение социальной стратификации – разделение различных социальных слоев по двум основным критериям – этнической принадлежности и материальной обеспеченности субъективно переживается как кризис целого ряда социальных ценностей и идеалов [3].

В-третьих, в ситуации социальной нестабильности «трансформируется процесс социального познания, т.е. процесс конструирования образа социального мира» [4, 316], что осложняет проблему формирования социальной идентичности (в том числе и этнической) личности, в рамках которой строится образ «Я» [4]. Особенно велико «значение проблематики образа как психологического регулятора социальных отношений» [5, 62] для социальной психологии, где одним из главных референтов выступает социальная (этническая) идентичность, а также процессы социализации и адаптации молодежи к новой культурной среде.

Этнопсихологами этническая социализация (инкультурация) понимается как процесс освоения индивидом присущих данной культуре миропонимания и поведения, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от других членов [1]. Вместе с тем исследователями высказывается мысль о том, что в современных условиях все большее значение приобретает проблема межкультурной адаптации (аккультурации) молодежи, в широком смысле понимаемая как сложный процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой [1].

По результатам исследований, проведенных отечественными этнопсихологами, была выявлена прочная устойчивая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью. Этнические группы с позитивной этнической идентичностью склонны выбирать стратегию сохранения своей культуры и принятия «чужих». Позитивность и четкость этнической идентичности, согласно данным исследования, сочетается с позитивным восприятием низкостатусных групп, уменьшением социальной дистанции с другими этническими группами, отсутствием установки на разделение людей по этническому и религиозному признакам, общей этнической толерантностью [6, 282].

Существенным фактором, влияющим на формирование этнической идентичности, являются, по мнению психологов, особенности этноконтактной среды, прежде всего ее полиэтничность / моноэтничность [1]. Особенности этноконтактной среды (полиэтничность/моноэтничность) оказывают влияние на этническую социализацию и межкультурную адаптацию молодежи. Ситуация моноэтничности создает предпосылки для замкнутости, отчужденности, формирования предубеждений по отношению к «чужим». Полиэтничность создает условия для межкультурного взаимодействия, способствует развитию межэтнического понимания и коммуникативных навыков, а следовательно, влияет на процессы этнической социализации и межкультурной адаптации молодежи в новой культурной среде. Рассмотрим этот фактор на примере Курского региона.

Несмотря на то, что г. Курск традиционно считается моноэтническим городом (около 97% его жителей составляют русские), по материалам переписей населения, здесь проживают представители более 59 национальностей: украинцы, евреи, поляки, белорусы, немцы, латыши, цыгане и др. [7; 8].

Наиболее характерной особенностью Курского региона является территориальная близость с Украиной. Исторически в нашем регионе на протяжении длительного времени взаимодействуют два народа – русские и украинцы. Между этими народами издавна существовали дружественными связи самого различного рода – экономические, культурные, родственные. С.В. Бережная в своей кандидатской диссертации, посвященной анализу народной культуры русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII–XIX века, отмечает, что в результате взаимопроникновения и взаимовлияния традиционных культур русских и украинцев в Курском регионе сложилось «этнокультурное мозаичное поле», которое можно охарактеризовать как «симбиоз двух культур» [9]. В настоящее время в Курском регионе проживает 22 тыс. этнических украинцев. В г. Курске – около 10 тыс. человек. В городе создана украинская община «Товарищество Украина – “Сейм”». При общине образована воскресная школа, где украинские дети изучают свой язык, свою культуру, традиции [10].

В последнее время одним из важнейших факторов, влияющих на изменение полиэтнической среды в регионе, является миграция. Под влиянием социально-экономических и политических перемен за последние десять лет произошли серьезные изменения миграционных процессов в Курской области, характеризующиеся, прежде всего, усилением миграционных потоков из стран ближнего и дальнего зарубежья.

По данным Управления по делам миграций УВД Курской области, наибольшее количество мигрантов прибыло в период 1990-х – начала 2000-х гг. Так, с июля 1992 г. по 1 января 2003 г. статус «вынужденных переселенцев» получили 10 942 человека, которые прибыли из бывших республик СССР. Наибольшее количество граждан приехало из республик СНГ: Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, а также кавказских республик, Чечни, Молдовы. В основном это русские мигранты.

Кроме того, по сведениям Управления по делам миграции УВД Курской области увеличился также поток трудовых мигрантов. Основными «экспортерами» трудовых мигрантов в Курскую область являются такие страны, как Украина, Молдова, Вьетнам, Турция.

Специалисты отмечают, что важным фактором, влияющим на изменение полиэтнической ситуации в городах, традиционно считавшихся моноэтническими, является интенсификация межэтнических и межкультурных контактов (студенческие обмены, межкультурное сотрудничество, частные поездки за рубеж и др.).

Как отмечают сотрудники Управления по делам миграций УВД Курской области, за последние годы резко увеличилось количество иностранных граждан, обратившихся с ходатайством об постоянном месте жительства и оформлении вида на жительство.

Кроме этого, как отмечают специалисты из Управления по делам семьи и молодежной политике города Курска, растет число межкультурных контактов в образовательной среде города: налаживается международное сотрудничество образовательных учреждений, средних специальных учебных заведений и вузов с представителями дальнего и ближнего зарубежья, организуются международные конференции, семинары, встречи, выставки. Ученики из г. Курска обучаются в школах других стран, отдыхают вместе со своими зарубежными сверстниками. Учащиеся осуществляют поездки за рубеж с концертами, участвуют в различных международных соревнованиях, олимпиадах.

В этой связи обратимся к результатам этнопсихологического исследования, направленного на изучение толерантных установок школьников-подростков. Так, потребность в глубоком изучении культуры, традиций, обычаев своего народа и других этносов высказали 25% опрошенных подростков. А готовность к межкультурному сотрудничеству, расширению круга общения, дружеских отношений с представителями разных национальностей высказали 62,04% респондентов.

Исследователи отмечают, что ведущая роль «спланированного воздействия на процесс формирования жизненных ориентиров молодежи и соответственно на будущее тех народов, к которым эта молодежь принадлежит» [11, 4] принадлежит институтам образования, которые являются поликультурным пространством, «местом встречи» различных этносов [11].

Исследователи подчеркивают, что эффективность в данном направлении возможна, во-первых, с учетом современной ситуации развития общества: новых условий существования этноса, к которому принадлежат обучаемые, условий многоязычная информационного пространства, обстановки пересечения многих культурных каналов, в которые включена молодежь через СМИ и которые не всегда регулируются родителями, школой, обществом, в условиях контактов с разноязычными сверстниками и т.д. Во-вторых, с учетом новых темпов взросления детей и выраженное их стремление к самоутверждению. При этом «этнический компонент становится наиболее действенным средством такого самоутверждения, с одной стороны, а с другой – четко проявляется потребность в приобщении к большому новому пространству, миру, где существует огромное количество притягательных объектов» [12]. В-третьих, «чрезвычайно важной является оценка детей в контексте изменения позиций этноса, когда воспитание толерантного сознания предлагает усиление субъектной представленности этноса и поэтому большую этническую идентификацию индивидов как субъектов этноса» [12].

Новые подходы должны основываться «не только на информативной и информативно-коммуникативной формах передачи знаний об этносе, характеристиках общения, нормах общения и т.д., но и на реальном практическом действии и взаимодействии воспитуемых ...необходимы принципиально новые приемы и средства, обеспечивающие сочетание малых “доверительных” коллективов с широким выходом детей за их пределы» [12].

Следует отметить, что в городе успешно функционируют организации и учреждения, деятельность которых отражает межкультурное, межэтническое сотрудничество с представителями этнических групп, проживающих в Курском регионе, других городах России, а также ближнего и дальнего зарубежья: клуб «Глобус», созданный на базе областной научной библиотеки им. Н.Н. Асеева; *Детский центр мира*, активно сотрудничающий с молодежью других стран, организующий вечера, «международные гостиные» с целью знакомства учащихся с традициями, обычаями, культурой других народов; *областной краеведческий музей*, исследующий наследие русской и украинской культуры; созданный на базе медицинского университета студенческий клуб *иностраннных студентов*, объединяющий студенческую молодежь из разных стран; *армянская воскресная школа*, организованная на базе МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11 города Курска», учащиеся которой изучают армянскую историю, культуру, традиции, быт своих предков. Совместными усилиями этих организаций, а также представителей науки и государственных служб города проводятся различные семинары, конференции по данной проблематике. В частности, в городе проводятся научно-практические конференции, посвященные проблемам межкультурного взаимодействия в российских регионах. В работе конференций принимают участие ученые из Москвы, Курска, Воронежа, Белгорода, а также представители власти и общественности. К обсуждаемым проблемам проявляют интерес преподаватели вузов, педагоги, практические психологи, представители молодежных центров, студенты. Выступающие на конференциях подчеркивают актуальность данной проблемы в современных условиях развития российского общества в целом и в Курском регионе в частности, необходимость формирования установок толерантного сознания среди молодежи.

Таким образом, в современных условиях развития общества процессы этнической социализации (инкультурации) и межкультурной адаптации (аккультурации) носят взаимообусловленный характер и протекают в условиях социальных изменений, что обуславливает свои особенности их протекания. Вхождение индивида в свою культуру, осложняющийся современными реалиями развития нашего общества, включает в себя: осознание себя ее членом, чувство принадлежности к ней, оценку качеств собственной группы, отношение к членству в ней, принятие норм, ценностей, традиций своего народа, а также проявление себя членом определенного этноса, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Адаптация индивида к культурному многообразию связана с проявлением таких интегративных качеств, как психологическая устойчивость, толерантность, межкультурная компетентность. И чем позитивнее будут идти эти процессы, тем плодотворнее будут отношения с представителями других этнических групп. «Самым важным становится, помня о “своем”, зная его и продолжая углублять эти знания и творить новые духовные ценности, понять «другого», оценить его, научиться жить вместе, обмениваться “своим” и «чужим», связывать то и другое органически и естественно» [13, 64].

Список литературы

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2003.
2. «Белая книга» по межкультурному диалогу: жить вместе в равном достоинстве / Пер. с англ.; Министерство иностранных дел РФ. М., 2009.
3. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.; Воронеж, 2000.
4. Андреева Г.М. Конструирование образа социального мира в условиях социальной нестабильности // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общ. ред. А.Л. Свенцицкого. СПб., 2000.
5. Шихирев П.Н. Контуры будущей парадигмы // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общ. ред. А.Л. Свенцицкого. СПб., 2000.
6. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2002.
7. Население городов Курской губернии по переписям 1920 и 1923 гг. Курск, 1927. Вып. 3.
8. Население Курской области. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1989 г. Курск, 1989.
9. Бережная С.В. Народная культура русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII–XIX веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000.
10. Палева Р. Украинцы на самом деле любят галушки и сало // Хорошие новости. 2002. 22 мая.
11. Асмолов А.Г. Толерантность как культура XXI века // Век толерантности. 2000. № 7.
12. Бондырева С.К. Феномен толерантности в системе межэтнических отношений // Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства: Избр. тр. М.; Воронеж, 2003.
13. Солдатова Г.У. Практическая психология толерантности, или Как сделать так, чтобы зазвучали лучшие струны человеческой души? // Век толерантности: Науч.-публ. вестн. 2003. Вып. 6.

А.В. Сериков

Южнороссийский филиал Института социологии РАН, Ростов-на-Дону

ТЕНДЕНЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлены тенденции идентичности молодежи Ростовской области, статья базируется на материалах количественного социологического исследования. В ней рассмотрены условия формирования региональной идентичности, сравниваются идентификационные статусы представителей различных идентификационных групп, определяется место среди них общегражданской идентичности. В работе исследуется процесс адаптации мигрантов как механизм конструирования собственной идентичности.

Ключевые слова: молодежь, региональная идентичность, мигранты, адаптация, диаспоры, толерантность.

Rostov region's youth identity tendencies: sociological research result analyses. The article examines Rostov region's youth identity tendencies and based on materials of quantitative social research. Conditions of forming of regional identity are also considered. The author compares representatives of various identification groups and determines the place of civil society identity among them. The process of adaptation of migrants as the mechanism of construction of their own identity is also examines by the author.

Key words: youth, regional identity, migrants, adaptation, diasporas, tolerance.

Введение. Исчезновение Советского Союза стало крушением всей предшествующей истории, всего наследия, которое досталось современной России. Оно ввергло в состояние аномии большую часть населения огромной страны, вместе с этим произошел кризис идентичности, внезапно индивиды, целые группы и этносы лишились собственной гражданской и государственной принадлежности. В сущности, в одно мгновение исчезли целые группы идентификаторов, устанавливающих качественные связи между субъектом и его принадлежностью, что привело к состоянию социального диссонанса. Подобный идентификационный кризис и есть выражение ощущения утраты не какой-то отдельной, пускай и важной части культурно-цивилизационной системы, а всей системы вообще. Идентификационные поиски до сих пор ведутся в разных направлениях, общество расколото, а многие индивиды предпочитают автономную самоидентификацию. В этой ситуации необходимо работать над новой идеологией, формулировать национальную идею, без которых невозможно осуществлять осознанный цивилизационный выбор.

Ростовская область – регион Юга России, значительная часть которого состоит из жителей Северо-Кавказских республик. Доминирование в этих республиках мусульманской религии определяет консервативность сознания, приверженность традициям. Традиционно сильные позиции в Краснодарском и Ставропольском краях, особенно в Ростовской области, занимает казачество, также в основном ориентирующееся на традиционные ценности. Прозападный курс российского руководства 90-х гг. прошлого века, когда либеральные ценности западной цивилизации без какой-либо осмысленной подготовки «прививались» российскому обществу, не вызвал и не мог вызвать существенной поддержки со стороны населения региона. В настоящее время Юг России – наиболее традиционалистский регион Российской Федерации [1, 50–54].

Одна из проблем формирования «российской идентичности» заключается в неясности ее религиозной основы. Очевидно, что конструировать ее на базе православия нельзя, учитывая многоконфессиональный состав России. Кроме этого необходимо принимать во внимание огромные размеры России и наличие существенных различий между регионами, не говоря уже об этнических и религиозных различиях.

Исследования в различных регионах России показывают ярко выраженное преобладание региональной идентичности над общероссийской. При этом региональные идентичности строятся, как правило, на контрасте с другими, на противопоставлении им, приобретая, таким образом, конфронтационный потенциал. «Российская идентичность» в своем нынешнем виде очень похожа на пропагандистский штамп, используемый для создания видимости всенародного единства в России, где наиболее устойчивыми являются традиционные этнические, культурные, религиозные, региональные идентичности при слаборазвитом национальном сознании собственно русских.

Необходимым условием формирования региональной идентичности является соотнесение индивида с определенной общностью, локализованной в границах конкретного региона. Причины появления этих границ могут быть разными, однако определяющим поводом соотнесения индивида к данной территориальной общности становится относительная устойчивая социокультурная гомогенность идентификационных признаков региона. Целью данной работы является рассмотрение идентичности молодежи, проживающей в Ростовской области.

Материалы и методы. В марте 2010 г. Центром системных и региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ совместно с южно-российским филиалом Института социологии РАН было проведено социологическое исследование в Ростовской области, Кабардино-Балкарской Республике и Чеченской Республике. Объектом данного исследования была выбрана молодежь как особая социально-демографическая группа. С одной стороны, молодежь отличается по целому ряду социально-статусных, морально-психологических и культурных параметров от всех прочих социальных групп. С другой стороны, молодые люди разных возрастных групп находятся на различных стадиях процесса социализации, что обуславливает внутреннее разнообразие молодежи как социальной группы.

Предметом данного исследования была выбрана идентичность молодежи, в социологической науке различные типы идентичностей обычно подразделяют на две больших группы – естественные (примордиальные) и конструируемые. К естественным относятся половозрастные, этногенетические, кровнородственные, географические и антропометрические параметры индивида. К конструируемым причисляют этносоциокультурную, конфессиональную, политическую, государственно-гражданскую, региональную и различные виды проективных идентичностей. Формирование общегражданской идентичности признается в современной науке и политике весьма актуальной проблемой. На Юге России, в том числе и в Ростовской области, она осознается особенно остро в силу чрезвычайной поликонфессиональности и поликультурности населения. В целом по стране, с начала 2000-х гг. отмечается рост общероссийской идентичности. В литературе отмечается, что примерно с 2003 г. большая часть населения ощущает себя именно россиянами [2, 12–13].

Результаты. В опросную анкету, которая использовалась в настоящем исследовании для установления иерархии идентичностей и места общегражданской идентичности, был включен ряд вопросов. Прежде всего, респондентам предлагалось расположить 8 идентификационных статусов в порядке их важности, личной приоритетности. В список предлагаемых вариантов были включены общегражданская идентичность, этническая

принадлежность, микрорегиональная идентичность (горожанин), половая идентичность, профессиональная, семейно-родственная, конфессиональная и макрорегиональная (южанин). Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Рейтинг идентификационных статусов молодежи Ростовской области

Сын (дочь), брат (сестра), отец (мать)...	1
Россиянин, гражданин РФ	2
Мужчина / женщина	3
Студент, работник, сотрудник учреждения	4
Балкарец, кабардинец, русский, чеченец...	5
Мусульманин, христианин, атеист...	6
Грозненец, нальчанин, ростовчанин...	7
Кавказец, южанин	8

Представленный рейтинг был получен методом сведения рангов отдельных вариантов ответа. Отметим, что на первое место (37,5%) опрошенные поставили семейно-родственную идентичность, 27,1% – гражданскую, 20,8% идентифицируют себя, прежде всего, как мужчину или женщину. Приоритетность этнической идентичности признают 5,2%, а конфессиональной – 3,4%. Таким образом, мы можем видеть наличие двух основополагающих трендов: а) ограниченность для большей части молодежи референтной базы самоидентификации – либо первичные малые группы (семья, родственники), либо гендерные роли; б) постепенное укрепление в молодежной среде общегражданской идентичности. При кажущейся разнонаправленности эти тенденции при ближайшем рассмотрении оказываются взаимодополняющими. В период коренной ломки социальных отношений и полной деконструкции такого конструктивного статуса, как «советский человек», на первый план вышла идентичность, опирающаяся на наиболее устойчивые социально-ролевые комплексы. По мере завершения процессов трансформации российского общества ассоциирование с первичными социальными группами (идентификация с которыми поддерживается повседневным опытом каждого из нас), будет замещаться конструктивной идентификацией, отождествлением с абстрактной общностью – Российским народом, Российским государством.

Российская идентичность представляет собой форму гражданской идентичности и способствует интеграции общества на базе общих ценностей, символов. Однако на практике российская идентичность существует как многослойный конструкт – он дифференцирован на несколько компонентов: общегосударственный – общегражданский, локально-региональный и этнонациональный. Поэтому необходимо иметь в виду, что в сфере функционирования гражданской идентичности присутствует вопрос о соотношении понятий «российская идентичность» и «русская идентичность». В этой связи ряд исследователей отмечают имеющую место подмену понятий – частое использование безличной аббревиатуры «РФ» вместо слова «Россия». Речь идет даже о становлении «РФ-идентичности» [3, 373].

Результаты исследования показывают, что в восприятии молодежи такой термин, как «нация», не ассоциируется с общегражданской идентичностью, но устойчиво соотносится с этнокультурным компонентом (табл. 2). Так, большинство опрошенных полагает, что «в условиях России единая нация возникнуть не может».

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли вы с тем, что граждане Российской Федерации – это российская нация?» (в % к числу опрошенных)

1	Да	16,7
2	Чтобы так было, потребуется еще несколько лет	6,4
3	Для этого потребуются десятилетия	8,1
4	В условиях России единая нация возникнуть не может	54,2
5	Затрудняюсь ответить	14,6

Специальный корреляционный анализ показал, что подобная оценка наиболее распространена именно среди этнически русских. Представители иных этносов не столь категоричны: значительная их часть согласна, что Российская Федерация – это нация, некоторые отмечают, что для формирования единой нации потребуется некоторое время.

Распределение ответов на вопрос: «Могли бы вы сказать о себе: “Моя национальность – россиянин?”» – на первый взгляд противоречит данным табл. 2. На самом деле кажущееся противоречие ответов заключается в том, что большинство этнически русской молодежи готово называть себя россиянами, но не готово признать таковыми представителей других этносов и культур (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Могли бы вы также сказать о себе: «Моя национальность – россиянин?»» (в % к числу опрошенных)

1	Да	64,6
2	Да, если нахожусь в другой стране	15,0
3	Нет	14,2
4	Затрудняюсь ответить	6,2

Таким образом, можно заключить, что взаимосвязь, соотношение общегражданской и этнокультурной (цивилизационной) идентичности имеют более сложный и неустойчивый характер. Для русской молодежи более важными, чем для представителей других этносов, являются такие основания отождествления с российской идентичностью, как чувство гордости за достижения и победы российского народа, ощущение сопричастности к исторической судьбе страны и чувство включенности в единое культурное пространство. Для представителей народов Кавказа и других этносов более значимым представляется наличие российского гражданства, проживание на территории России и чувство единства многих народов под крылом единого государства. В этом отношении интересными являются ответы на открытый вопрос о наиболее авторитетных представителях того или иного народа, людьми которыми можно по праву гордиться. Среди русской молодежи наибольшим уважением вполне предсказуемо пользуется А.С. Пушкин. Причем имя его является как бы соборным символом – поскольку олицетворяет и других выдающихся деятелей культуры. Популярными являются В.В. Путин, А.П. Чехов и Дмитрий Донской. Были названы также имена Ахматовой, Жукова, Карамзина, Ленина, Лермонтова, Ломоносова, Петра I и др. Молодые представители украинского народа отметили таких деятелей, как гетман Хмельницкий, Н.В. Гоголь, а также казаков в целом. Среди армянской молодежи уважением пользуются царь Митридат III, Шарль Азнавур, Андре Агасси, Арам Хачатурян, Дживан Гаспарян и Гарик Мартиросян. Молодежь из греческой диаспоры назвала Аристотеля и Сократа, Аристотеля Онасиса и Ивана Савиди. Представители народов Дагестана назвали среди прочих Расула Гамзатова, чеченская молодежь – имама Шамиля, Ахмада Кадырова и Байсангура Биноевского.

Между тем необходимым условием формирования позитивной идентичности с регионом является относительная комфортность взаимодействия различных групп его населения. Ростов-на-Дону в силу историко-культурных традиций своего развития всегда отличался достаточно высоким уровнем толерантного отношения к представителям иноэтничных групп. Адаптация диаспор предполагает двойственную природу, т.е. процесс адаптации означает не только приспособление диаспор к иноэтническому окружению, но также определенную реакцию самого большинства (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы осведомлены о существовании и деятельности национально-культурных диаспор, землячеств в вашем регионе?» (в % к числу опрошенных)

1	Ничего не знаю о диаспорах	12,4
2	Что-то слышал	37,5
3	Я осведомлен о существовании некоторых диаспор	39,6
4	Я хорошо информирован о деятельности некоторых диаспор	8,3
5	Я являюсь (являлся) членом одной из диаспор	2,2

Внутри диаспор также может отмечаться определенное социальное напряжение, оно носит характер внутриэтнической конкуренции. Армянская и греческая диаспоры являются традиционными (существуют более 200 лет) и составляют немалую часть населения Ростовской области. Кроме того, демонстрируют известную степень успешности в адаптации и интеграции в региональное сообщество. В немалой степени успешная адаптация греков и армян определяется такими факторами, как а) близостью ценностных систем и менталитета, основанного на восточном христианстве греческого и славянского населения; б) длительность совместного проживания; в) активная роль греков и диаспоры в целом в решении местных территориальных проблем; г) отказ диаспоры от самостоятельной политической субъектности.

Исследуя процесс адаптации мигрантов, как механизм конструирования собственной идентичности путей миграции, причин выбора данного места поселения мы можем выявить внутреннюю структуру адаптирующейся группы, основные типы взаимоотношений и взаимодействий внутри общины, позволяющие адаптироваться к новым экономическим условиям и «новой» территории. Так, например, греческим языком владеет 42% опрошенных, 28% умеют читать и писать по-гречески, 8% используют разговорный язык в повседневной жизни, 6% понимают язык, но не пользуются им. Как показывает опрос, греческий язык в повседневной жизни используется лишь 8% опрошенных из 42% знающих его. Таким образом, у представителей греческой диаспоры сложилась двойная (или даже тройная) языковая идентичность.

Армянским языком владеет 97% опрошенных традиционной армянской диаспоры и 98% респондентов новой армянской диаспоры. В армянской диаспоре высок удельный вес лиц, использующих родной разговорный язык в повседневной жизни как представителей традиционной армянской диаспоры, так и представителей новой

диаспоры. Однако это еще не может свидетельствовать о том, что они владеют им в совершенстве. Так 51,7% респондентов – представителей традиционной армянской диаспоры – «используют разговорный язык в повседневной жизни» и только 38,3% «умеют читать и писать по-армянски». В целом же для армянского населения характерно двуязычие (двойная языковая идентичность), что вполне естественно в условиях полиэтничной среды.

Корейская диаспора является новой (возникла на рубеже 40–50-х гг. XX века) и культурно дистанцирована от коренного населения, является более закрытой, чем армянская и греческая. Корейский язык в повседневной жизни используется 30,6% опрошенных из 81,6%, знающих его. Это объясняется тем, что в языке сосредоточен и представлен весь исторический опыт народа: состояние языка свидетельствует о состоянии сообщества, его культуры, его менталитета. Следовательно, корейцы успешно интегрированы в славянское языковое пространство, но также уверенно обмениваются мыслями и словами на своем родном корейском языке. В целом же у представителей корейской диаспоры сложилась двойная языковая идентичность: 32,6% опрошенных, говорящих дома только на русском, свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторую закрытость корейской диаспоры, корейцы частично ассимилировались с русским населением.

Выводы. Модель культурного плюрализма, особенно актуальная в полиэтничных регионах, предполагает одновременное сосуществование гражданского, этнокультурного (включая конфессиональный элемент) и регионального компонентов идентификации. Создание Северо-Кавказского федерального округа формирует условия для актуализации кавказской (региональной) идентичности, что способно в потенциале придать конфликтный потенциал ее взаимодействию с другими идентичностями. Данная опасность требует специального внимания и постоянного мониторинга всех этих сфер и выявления факторов, обеспечивающих устойчивость идентификационных компонентов объединяющего, общегражданского типа.

Список литературы

1. Реальность этноса // Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2006.
2. Дробизева Л.М. Уже 90% жителей России ощущают себя россиянами // Известия. 2004. 3 апр.
3. Носков В.В. «Российская идентичность» против «русской идеи» // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2005.

Р.Х. Кузнецова

Астраханский государственный университет, Россия

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ МОБИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Для успешного функционирования глобализационной системы важно формирование *этнокультурной мобильной личности*. Этнокультурная мобильная личность – индивид, ориентированный через свою культуру на другие.

Ключевые слова: этнокультурная мобильная личность, глобализация, молодежь, интеграция, толерантность, этнокультурное образование мультикультурное образовательное пространство, культура.

For successful functioning of globalization system important formation of the ethnocultural mobile person. The ethnocultural mobile person – the individual focused through the culture by others.

Key words: ethnocultural mobile person, globalization, youth, integration, tolerance, ethnocultural formation multicultural educational space, culture.

Введение

Переход к политике «открытых дверей», включение России в процесс глобализации реальны и для других государств с множественной культурой и этнически разнообразным населением. Российское государство, в этом случае представляющее культуру большинства, с одной стороны, и культурные меньшинства – с другой, принимает на себя определенные обязательства и достигает соглашения. Для успешного функционирования глобализационной системы важно формирование *этнокультурной мобильной личности*. Только в этом случае глобализация сможет способствовать развитию и закреплению общенациональной идеи, которая, по сути, будет многонациональна.

Теоретические основы проблемы исследования

Включение России в общемировые процессы интернационализации и глобализации обусловили коренное изменение образовательной стратегии и привело к появлению новых дидактических, воспитательных и методических концепций, ориентированных на подготовку специалистов, способных эффективно включиться в межнациональное и межкультурное взаимодействие.

В то же время в условиях социально-экономических и политических реформ в стране формируется новая образовательная ситуация, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, что при определенных условиях чревато развитием идей изоляционизма, этнокультурной обособленностью и добровольным культурным затворничеством.

Сегодня в мировом образовательном процессе возникает и широко обсуждается новая система ценностей и целей образования, возрождается концепция личности, основанная на идеях природосообразности, культуросообразности и индивидуально-личностного развития. Появляются новые парадигмы образования, в которых педагогическая действительность отражается с помощью нового языка науки.

В настоящее время проблема межкультурного обучения приобрела особую актуальность для российского образования и высшей школы в частности. Ориентировав вузовское образование на формирование у студентов этнокультурной мобильности, можно способствовать включению национальной культуры в глобальную культурную среду без нивелирования, обезличивания этнокультурной самобытности.

Предпосылкой исследования явилось понимание того, что сохранение и развитие этнокультурного многообразия в России, обеспечение равноправных условий для развития членов этнической диаспоры требуют серьезной корректировки задач профессионального образования, новых подходов к организации образовательного процесса в педагогических вузах по подготовке высококвалифицированных специалистов этнокультурных объединений.

В настоящее время подготовка молодых специалистов более чем на две трети не соответствует существующему перспективному спросу на рынке труда (В.П. Борисенков, Л.А. Вербицкая, А.М. Новиков и др.). Проведенный анализ показывает, что актуальной проблемой вузов является осуществление этнокультурной деятельности, соответствующее темпам изменения этнической картины регионов, труднопрогнозируемой в условиях рыночной экономики. Этот фактор будет негативно влиять на качество подготовки выпускника до тех пор, пока не сократится разрыв между наукой и практикой [1, 120–123].

В развивающемся новом направлении наиболее востребованными оказались труды: Р.Г. Абдулатипова, Т.Г. Богатыревой, В.И. Василенко, П.С. Гуревича, А.Ф. Дашдамирова, Ф.Д. Демидова, Л.М. Дробизевой, В.К. Егорова, В.В. Савельева, А.В. Соловьева, К.Э. Разлогова, Ю.В. Яковца и др., освещающие проблемы глобализации и сохранения культурной идентичности народов; А.И. Доронченко, М.И. Куличенко, Э.А. Баграмова, М.С. Джунусова, В.Е. Давидовича, Л.М. Дробизевой, С.А. Арутюнова, М.Б. Мустафаева и др. об основных тенденциях развития национальных культур на основе их взаимовлияния и взаимообогащения; Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, Г.М. Бирженюка, А.Д. Жаркова, А.С. Каргина, А.П. Маркова, В.Е. Триодина, Е.И. Григорьевой, А.А. Сукало, В.Е. Новаторова, Н.Н. Ярошенко и др. о месте социально-культурных институтов в реализации государственной культурной политики.

Педагогике следует тщательно учитывать индивидуальные субъекты воспитания в многоэтническом обществе. Каждый воспитанник, находясь в многонациональной среде, подобен электрону, движущемуся по разным орбитам в пределах атома [2, 172]. В результате изменений когнитивного, аффективного и поведенческого плана формируется индивидуальная субъектность, приобретаются объективные знания, вырабатываются эмоциональные оценки и собственные представления о своей и иных этнокультурах, их различиях, выстраивается система отношений с представителями других национальных групп. Неотъемлемая черта индивидуальной субъектности выбор идентичности. Этот процесс самоидентификации и этнокультурной мобильности начинается в раннем возрасте и в дальнейшем качественно нарастает. На него существенно влияют многие факторы, в их числе – возрастные, гендерные, этнические различия, воспитание в смешанных национальных семьях и т.д. В многоэтнической педагогической среде возможны разные пути самоидентификации и этнокультурной мобильности личности: либо демонстративная поддержка групповой идентичности и уклонение от диалога с представителями других культурно-этнических групп; либо маргинальная беспомощность, когда личность не овладевает ни одной из культур и испытывает внутренний психологический дискомфорт; либо овладение богатствами иных культур без ущерба для собственной культуры. Последний случай означает формирование личности с определенным вектором осознания феномена «иного», когда происходит перенос приоритета с другого-чужого на другого-иного, но подобного. Такой процесс означает переживание личностью с кем-либо своих различий как положительных, взаимодополняющих [2, 173].

Отсюда следует, что реализация содержания технологических модулей этнокультурного образования требует разработки и одновременного внедрения в учебный процесс следующих компонентов:

- углубленного изучения и освоения дисциплин этнологического профиля;
- ориентации на достаточно глубокую этнокультурную и этнопедагогическую подготовку специалистов для работы в современной социокультурной среде;
- ориентации на приобретение студентами необходимого социального опыта, знаний, умений, навыков для повседневной практической деятельности среди различных национально-этнических общностей.

В силу многоаспектности феномена культуры существуют различные концептуальные подходы к ее исследованию. Теория культуры определяет сущность культуры, ее структуру и функции ее подсистем. В этом плане нам важно, опираясь на фундаментальные положения теории культуры, понять: какое место занимает культура по отношению к этносу?; в каком взаимоотношении находятся культура и этническая педагогика между собой? И на этой основе выявить роль культуры в обосновании функции этнического воспитания, роль этнической функции культуры в обосновании содержания этнокультурных образовательных технологий.

Также важно и с точки зрения теории культуры выяснить состояние этнической культуры. В аспекте данного подхода теория культуры – методологическая основа этнокультурного образования, тогда как этническая культура может выполнять в соответствии с ее функциями роль средства или содержания этнического воспитания.

В настоящее время одной из актуальных проблем для ученых и практиков является становление и научное обоснование системы этнокультурного образования, соединение его традиций и опыта с методологическими положениями культурологии и педагогики в решении задач, поставленных обществом.

Особую актуальность приобретают вопросы, связанные с выявлением статуса и структурно-компонентного состава этнокультурных образовательных технологий подготовки специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях.

Только в этом случае модернизация российского образования в современных условиях сможет способствовать развитию и закреплению общенациональной идеи образования, которая по сути своей будет многонациональна.

Мы живем в эпоху строительства глобального общества – общества, в котором нет «господствующей культуры» и индивидам предоставлена свобода выбора того, какие культурные образцы являются их «собственными». В соответствии с этим повышение этнокультурной мобильности населения и внешней, и внутренней является одной из стратегических целей современной государственной политики.

Распространение практики глобализации рассматривается некоторыми исследователями как исключительно разрушительная идея, грозящая расколом единому культурному пространству страны на мозаичные, не связанные друг с другом фрагменты, после чего не будет никакого смысла в попытках создания и привития гражданам России «великой национальной идеи». Глобализация провозглашается его противниками «привальной» политикой, ярко проявившей свои негативные стороны и последствия (в большей или меньшей степени) во всех странах, где она практикуется на государственном уровне, – в США, Австралии, Канаде. Среди наиболее опасных последствий глобализации отмечаются этническая фрагментация общества, сознательный отказ от малейших проявлений ассимиляции основной господствующей культурой (даже в среде вновь прибывших иммигрантов) и, как результат, нарастание напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Противники мультикультурализма, в частности антиглобалисты, подчеркивают, что он приводит к выпадению из статуса определенного класса этнических общин, так как сознательно формирует «фольклорный» образ представителей различных этнокультур, способствуя не диалогу культур, а их конфликту. Абсолютизация и обособление национальных различий особенно тревожат критиков глобализации применительно к России, исторически сложившегося многонационального государства с такой многонациональной культурой, для которой западная идея, родившаяся в «иммигрантских» государствах, будет опасным шагом назад. Следуя русской поговорке, плохо быть Иваном, не помнящим своего родства, сосредоточиваться только и исключительно на этом самом родстве тоже не стоит.

Проблема межкультурных взаимодействий – неизменная тема теоретико-гуманитарной мысли русских исследователей. Россия – изначально полиэтническая страна, несущая в себе традиции не только русской культуры. Культурное различие есть конститутивный момент демократического общества. Поэтому вопрос не в том, поощрять или не поощрять культурное разнообразие, а в формах этого поощрения.

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что этнокультурная мобильность – это не только и не столько этническая подвижность. Это подвижность жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию.

Именно *этнокультурная мобильная личность* причастна к исторической и культурной традиции. Она ощущает принадлежность к определенной общности и народу, у нее сформированы культурные потребности: стремление к нравственности, осмысленной деятельности, красоте, высшим духовным началам.

Основное требование в мультикультурном образовательном пространстве – понимание и принятие иной культуры. Лишь при взаимодействии, диалоге культур проявляются принципы и особенности каждой отдельной культуры.

Этнокультурное образование – это образование, направленное на формирование *этнокультурной мобильной личности* путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры.

Этнокультурная мобильная личность – индивид, ориентированный через свою культуру на другие. Глубокое знание собственной культуры для него – фундамент заинтересованного отношения к другим, а знакомство со многими – основание для духовного обогащения и развития.

Важно и другое: есть ли у конкретного индивида потребность в своей национальной культуре и языке: есть ли у него стремление овладеть ими и желание идентифицировать себя со своим народом. Высшие школы должны предусмотреть конкретные пути формирования каждого из этих трех факторов, оказывать всестороннюю помощь и создать стимулы к овладению родным языком и культурой. Однако решающее значение имеет позиция личности [1, 120–123].

Этнокультурная мобильная личность должна обладать прежде всего целостным мировоззрением. Это означает, что знания и умения у такого индивида сформированы в систему, позволяющую отразить сложный, взаимообусловленный характер связей и отношений в мире, социуме, культуре. Целостность – параметр выскоразвитого и рационально организованного мировоззрения.

Этнокультурная мобильная личность – индивид с развитым лингвистическим сознанием. Знание родного и государственного языков, изучение иностранного языка расширяют кругозор личности, содействуют ее многогранному развитию, способствуют формированию установки на толерантность и объемное видение мира.

Этнокультурная мобильная личность – индивид с рельефным историческим сознанием. Именно историческое сознание есть основа и этнического, и общегосударственного сознания. Национальный менталитет,

складывающиеся у этноса за тысячелетнюю историю мифы, символы, образы, стереотипы могут быть познаны только через знание истории народа.

Российское законодательство защищает культурные интересы каждой личности, этноса, локальной этнической или этноконфессиональной группы, в том числе потребности автохтонных народов, не имеющих собственных национально-государственных институтов, и всех диаспор.

Этнокультурная мобильная личность в поликультурном образовательном пространстве направлен на:

- привлечение внимания учащихся и развитие у них устойчивых интересов к этнокультурным знаниям;
- формирование у них потребности в этнокультурных знаниях;
- формирование гуманистической открытости, способности и склонности к межличностным и межкультурным контактам;
- формирование у учащихся активного, самостоятельного и творческого отношения к явлениям окружающей действительности. Личность, способная к самореализации и творчеству, должна быть свободна от нравственной ущербности эгоизма, от нетерпимости к иному мнению, от неприятия другого, непохожего, инновационного;
- формирование гражданской ответственности.

Таким образом, воспроизводя формы социальной и культурной жизни многонационального народа России, мультикультурное образовательное пространство позволяет *этнокультурной мобильной личности* не только участвовать в межкультурном диалоге, но и лучше понять собственную культуру в тесной взаимосвязи с другими культурами России и мира.

Мультикультурное образовательное пространство предполагает формирование модели поведения, способной обеспечить нормальную адаптацию и комфортное существование *этнокультурной мобильной личности* в современном информационном обществе, равноправное участие носителя собственной этнокультурной и национальной традиции в глобальных цивилизационных процессах.

Гуманистическая открытость, способность и склонность к межличностным и межкультурным контактам – необходимые качества современного человека, живущего и работающего в многоэтническом и поликультурном мире [3, 135]. Поэтому воспитание в духе толерантности, коммуникабельности, доверия и миролюбия, собственных многонациональной отечественной культуре, являются базовыми элементами поликультурного образовательного пространства в формировании *этнокультурной мобильной личности* в условиях глобализации [4].

Список литературы

1. Солодухин В.И. Профессиональные компетенции руководителя этнокультурного центра как основа конкурентоспособности // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. Ч. 1. М., 2006. № 3(15). С. 120–123.
2. Джуринский А.Н. Поликультурное воспитание в современном мире. М., 2002.
3. Римский В.П. Проблемы этнокультурной идентичности личности в контексте глобализационных сценариев // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира: Материалы Междунар. научн. конф. Москва, 25–27 окт. М., 2004.
4. Супрунова Л.Л. Поликультурное образование в современной России // Magister. 2000. № 3. С. 79–81.

Н.М. Охотина

Марийский государственный технический университет, Йошкар-Ола, Россия

РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Статья посвящена проблеме социализации молодежи в полиэтническом регионе. На основе социологического исследования изучается роль традиционной культуры в этом процессе.

Ключевые слова: социализация, молодежь, традиционная культура, полиэтничный регион.

The article is devoted to the problem of socialization of young people in multinational region. The role of traditional culture in this process is studied on the basis of the sociological research.

Key words: socialization, young people, traditional culture, multinational region.

Введение

Одна из актуальных отраслей современной социологии – социология молодежи. В современном обществе процесс социализации как передачи молодому поколению норм и традиций, выработанных предшествующими поколениями, нарушился. Большинство традиционных институтов социализации, таких как институты семьи, системы образования и воспитания, труда и трудовой деятельности, армия, СМИ, общественные объединения, находятся в кризисном состоянии. В то же время для современной России характерны процессы возрождения национальных культур, оживления традиций и духовных основ жизни народов. В этой ситуации особенно остро встает проблема воспитания личности, способной ориентироваться на духовно значимые нормы и ценности (гуманность, патриотизм, гражданственность, благочестие и др.), обладающей опытом этнокультурной ориентации, самоопределения в поликультурной среде, проявляющей толерантное отношение к представителям других культур.

Материалы и методы

Цель исследования – выявление роли традиционной культуры в процессе социализации молодежи на примере Республики Марий Эл.

Республика Марий Эл является регионом с полиэтническим населением. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Марий Эл насчитывается 728,0 тыс. чел. В общей численности населения республики явное большинство составляют мари (42,9%) и русские (47,5%) [1]. Это обстоятельство обуславливает актуальность выяснения некоторых позиций молодежи к обычаям, традициям, а также истории и культуре своего народа.

Источником для написания статьи служит социологическое исследование, проведенное в Республике Марий Эл по инициативе Министерства культуры, печати и по делам национальностей в 2006 г. «Культурная интеграция населения Республики Марий Эл» [2, 135; 3, 356]. В анкетах исследования были представлены вопросы, касающиеся таких позиций, как традиции, обычаи, нравы народов.

Одной из удивительно ярких, самобытно выраженных составляющих современной цивилизации является традиционная культура народа мари, во многом определяющая его современное самосознание [4, 15].

Преобладающее большинство молодых респондентов ответили, что в их доме нет предметов одежды, украшения своего народа. Они не носят национальную одежду. Только незначительное число ответили, что носят ее по праздникам. Тем не менее респонденты выразили свое мнение о том, что нужно иметь национальную одежду (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Есть ли у Вас предметы одежды, украшения своего народа?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Есть достаточно много	4,6	5,8	4,8
Есть отдельные предметы	23,2	18,8	23,7
Нет	69,2	73,9	70,3

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Носите ли Вы свою национальную одежду?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Нет, не ношу	92,5	92,8	84,4
Ношу только в праздники	4,5	5,3	11,1
Ношу в будни и по праздникам	1,3	0,8	0,8
Другое	1,7	1,1	2,8

Таблица 3

Ответы на вопрос: «А нужно ли иметь и носить национальную одежду, украшения?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Да, это важно	15,5	18,3	25,7
Да, для разнообразия, оригинальности	38,3	38,2	38,9
Нет	43,7	42,3	33,3

Об интересе к музыкальной культуре, марийской песне свидетельствует тот факт, что, по мнению молодых респондентов, очень важно знать песни своего народа. К тому же, чем старше становятся респонденты, тем больше они оценивают значимость сохранения песенных традиций (табл. 4, 5).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Знаете ли Вы песни своего народа?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Знаю и часто пою	11,3	11,9	19,5
Знаю, но пою редко	22,7	31,5	32,6
Знаю, но не пою	36,9	34,0	28,1
Знал (а), но не забыл (а)	7,8	8,0	7,8
Никогда не знал	21,4	13,7	11,6

Таблица 5

Ответы на вопрос: «А нужно ли знать и петь песни своего народа?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Да, это важно	45,0	44,2	57,4
Да, для разнообразия, оригинальности	38,0	36,5	29,8
Нет	15,8	17,4	12,0

Около трети респондентов ответили, что обязательно отмечают традиционные праздники своего народа, чуть более половины опрошенных отмечают их иногда, более половины респондентов ответили, что праздники своего народа нужно обязательно праздновать, это важно. Традиционные обряды своего народа исполняют не все, некоторые отмечают и их около 60% (табл. 6, 7, 8).

Таблица 6

Ответы на вопрос: «Отмечаете ли вы национальные и традиционные праздники своего народа?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Да, обязательно	30,0	28,5	33,1
Да, иногда	52,2	55,0	51,7
Нет	17,8	16,1	15,2

Таблица 7

Ответы на вопрос: «Соблюдаете ли вы традиционные обряды своего народа в семье?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Да, постоянно	11,3	16,1	13,8
Да, только по определенным событиям	57,6	57,2	61,0
Нет	31,1	26,3	24,7

Таблица 8

Ответы на вопрос: «А нужно ли отмечать свои национальные праздники?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Да, это важно	52,6	52,2	64,4
Да, для разнообразия, оригинальности	36,3	39,5	27,8
Нет	9,8	6,4	7,0

Исследователи поставили вопрос о том, интересуются ли молодые респонденты историей и культурой своего народа и народов, живущих на территории республики.

В 2006 г. большинство респондентов ответило, что они интересуются историей и культурой своего народа, но не проявляют большого интереса к истории и культуре других народов, населяющих нашу республику (табл. 9, 10).

Таблица 9

Ответы на вопрос: «Интересуетесь ли вы историей и культурой своего народа?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Очень интересуюсь	7,1	7,2	6,6
Интересуюсь	47,8	44,1	54,2
Не очень интересуюсь	39,6	40,1	29,4
Совсем не интересуюсь	5,5	8,5	9,9

Ответы на вопрос: «Интересуетесь ли вы историей и культурой других народов, живущих в нашей республике?»
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	18–19	20–24	25–29
Очень интересуюсь	3,0	2,8	0,8
Интересуюсь	27,5	27,7	29,0
Не очень интересуюсь	47,4	44,1	49,9
Совсем не интересуюсь	22,1	25,5	20,2

Результаты. В традиционном обществе социализация протекала «непреднамеренно», естественно. Во многом это происходило благодаря тому, что люди жили в одной, достаточно замкнутой в силу общинного образа жизни, этнокультурной среде, которую они воспроизводили в процессе межличностного общения. Поэтому ребенок, родившийся в крестьянском социуме, и культуру воспроизводил крестьянскую, соответственно традиционную. Этническая культура внутри социума перенималась непринужденно, при активном участии самого индивида, когда объект-субъект социализации был практически невидим, размыт.

В современном обществе ценностная сфера российской молодежи имеет особенности, зависящие от политического устройства, экономического благосостояния общества и уровня жизни населения, социально-демографического состава населения, развитости социально-культурных коммуникаций, историко-культурных особенностей, сложившейся инфраструктуры социальных институтов, учреждений культуры, образования, просвещения, уровня финансирования, материально-технического обеспечения, а также эффективности государственного управления социально-культурной сферы. Результаты социологического исследования показали, что современная молодежь, проживающая на территории Республики Марий Эл, продемонстрировала достаточно поверхностный интерес и слабые знания традиций, культуры и истории страны и республики. Традиционная культура играет не столь важную роль, как могла бы, в процессе социализации современной молодежи, проживающей на территории республики Марий Эл.

Выводы. В этой связи представляется необходимым:

- внести существенные коррективы в преподавание истории и культуры народов республики, в воспитание личности, обладающей опытом этнокультурной ориентации, самоопределения в поликультурной среде.
- усилить роль и ответственность в обеспечении этих задач всех социальных институтов, в первую очередь семьи, образовательных учреждений, средств массовой информации, детских и молодежных общественных объединений.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения России – 2002. URL: www.perepis2002.ru.
2. Орлова О.В. Государственная молодежная политика и теоретико-методологические аспекты изучения молодежи // Молодежь Республики Марий Эл (Реализация государственной молодежной политики в республике Марий Эл): Сб. ст. Йошкар-Ола, 2009. Вып. 4. 160 с.
3. Шабьков В.И. Этническая самоидентификация молодежи Республики Марий Эл (на материале социологических исследований 1994–2006 гг.) // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества. Бирск; Йошкар-Ола, 2007. Т. 2. С. 355–362.
4. Шкалина Г. Язычество народа Мари – феномен европейской культуры // Этносфера, 2000. № 6. С. 10–16.

Д.С. Батарчук

Астраханский государственный университет, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНЫХ УСТАНОВОК УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье отражаются проблемы формирования толерантных установок учащейся молодежи. Этническая диверсификация общества выступает важным условием взаимодействия молодежи. Толерантные установки являются показателем стабильности и безопасности многонационального государства.

Ключевые слова: толерантные установки, молодежь, общество, этническая диверсификация.

The article reflects the problem of formation of tolerant plants to young students. Ethnic diversification of society is an important condition for the interaction of young people. Tolerant plants are indicator of stability and security of the multinational state. Tolerance setting for students in the ethnic diversification of society

Key words: tolerant setting, young people, society, ethnic diversification.

В условиях, когда в Российской Федерации проявляются глубинные противоречия, порожденные историческим шлейфом нерешенных проблем, «толерантность», нейтрализующая межличностные коллизии, становится логически оптимальной основой рефлексии, помогающей не только понять и воспринять прошлое без излишней эмоциональной напряженности, но и найти смысл в настоящем, в каждом происходящем событии.

Толерантность как цель создает необходимые предпосылки для каждого государства в создании и укреплении единого образовательного пространства. Становясь формирующей основой духовно-нравственного воспитания, толерантность способствует формированию исходных мировоззренческих установок учащейся молодежи, определяя тем самым ее отношение к непосредственным конкретным действиям и поступкам.

Толерантность становится в едином образовательном пространстве мощнейшим средством воспитания учащейся молодежи, стремящейся находить совместно с другими пути выбора оптимального для всех решения.

Толерантность как высшая ценность отношений раскрывает пути принятия совместных решений, организации совместной деятельности, учитывая интересы и желания каждого. Структурные компоненты психики личности характеризуются взаимодействием мотивационных, познавательных, аффективных и коммуникативных процессов.

Психологическими образованиями как продуктами взаимодействия этих процессов являются социальные установки. Через них обычно и изучаются межэтнические установки. Как известно, термин «установка» введен грузинским психологом Узнадзе. Но в его концепции установка касается простейших физиологических потребностей и связывается со «склонностью», «готовностью» реагировать на основе бессознательного. В таком понимании установки не отражают сложных форм деятельности людей и не могут быть использованы для их понимания. Поэтому в социальной психологии всегда подчеркивается, что для выявления «особых состояний личности», предшествующих ее реальному поведению, используется понятие «социальной установки» или аттитюд.

Понятие «социальная установка» рассматривается социальными психологами как «психологическое переживание индивидом ценности, значимости, смысла социального объекта» (У. Томас, Ф. Знанецкий).

Установки имеют сложную структуру:

- 1) когнитивный компонент (осознание объекта, знания о нем);
- 2) эмоциональный компонент (оценка, чувства по отношению к объекту);
- 3) поведенческий (конативный, регулятивный) компонент.

Установки трактуются как социально обусловленное отношение к какому-то объекту и явлению, как осознание, оценка, готовность действовать.

Этнические установки – это установки, которые имеют место тогда, когда человек, действуя в любой сфере, – профессиональной, политической, культурной и другой – осознает, оценивает и поступает как личность, включенная в этническую группу. Межэтнические установки – это установки на взаимодействие (отрицательные или положительные со всеми негативами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде – от личностного общения с людьми другой национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-политического развития или еще шире – иных цивилизованных форм.

Социальные установки определяют, направляют деятельность человека. Они выполняют компенсирующую функцию в познавательном процессе. Установки преобразуют знания в потребности и направляют действия.

Групповые установки обладают устойчивостью, но еще большей устойчивостью обладают стереотипы. Психологи обычно считают, что этнические стереотипы занимают ключевые места среди этнических установок. Кроме того, они выделяют предрассудки и предубеждения как виды установок. В этносоциологии этнические стереотипы рассматриваются самостоятельно: различаются установки на объект и ситуацию.

Таким образом, этнические и межэтнические установки могут быть направлены и на объект, и ситуацию, а этнические стереотипы только на объект.

Этнические установки фиксируют отношение к явлению (например, традициям), объекту (языку, литературе и т.д.) или к виду общения (деловому, семейному, дружескому, соседскому).

Но если нужно выяснить тип отношения к народу в целом, т.е. к его культуре, истории, людям и т.д., то предметом изучения становится система установок или ориентация. Поэтому различают ориентацию на этнонациональную культуру того или иного народа и ориентацию на общение в целом.

Формирование установок и ориентаций происходит в процессе социализации.

Как установка, толерантность должна носить характер добровольного, индивидуального выбора; она не навязывается, а приобретается через воспитание, информационный личный жизненный опыт.

Как действие, толерантность – это активная позиция самоограничения и намеренного невмешательства, это добровольное согласие на взаимную терпимость разных и противостоящих в несогласии субъектов.

Толерантность установки и толерантность действия могут не совпадать в своих представлениях на уровне личности и общества и даже на уровне отдельной личности, но в разных ситуациях специфика «толерантности» заключается в том, что она исходит из внутреннего побуждения человека, моральное чувство которого формируется на ответственности за мир в этнической сфере.

Критерием толерантного принятия мировоззренческих различий учащейся молодежи служит ориентация на моральные принципы и нормы человеческого существования, обеспечивающие мирные взаимоотношения этнически диверсифицированного общества.

При этом, как отмечает Ю.М. Политова, выработка взаимной терпимости не исключает взаимной критики, аргументации и дискуссий, не предполагает отказа от собственных суждений. Следовательно, диалог культур предполагает, прежде всего, культуру диалога.

Необходимо, чтобы срабатывало «золотое правило» нравственности, в той или иной форме присутствующее во всех этнических культурах: следует относиться к другим так же, как и себе. Очевидно, что человек с нормальной психикой будет относиться к себе и положительно, и требовательно. Но следует помнить, что толерантность как позитивное явление существует пока не нарушится мера, что может привести к так называемой «преступной толерантности».

Формирование толерантных установок учащейся молодежи в условиях этнической диверсификации общества должно строиться на общечеловеческих ценностях.

Условиями эффективности формирования этнотолерантных установок являются:

- развитие в молодежи гордости за ту культуру, которую они унаследовали (традиции, язык, сказания, песни, литературу);
- включение полиэтнического материала во все аспекты обучения и воспитания;
- развитие способности принятия и уважения этнических различий;
- создание атмосферы, в которой молодые люди не боялись бы рассказать о своих проблемах, расистском отношении, о своих переживаниях и оскорбленных чувствах;
- признание равноправия взаимодействующих;
- признание общих, значимых для всех взаимодействующих целей;
- признание общечеловеческих ценностей;
- стремление к снижению межэтнической напряженности к мирному разрешению межэтнических конфликтов;
- проведение идеи равенства во всех этнических группах России, не выделяя особо ни один этнос.

Процесс формирования толерантных установок учащейся молодежи в условиях этнической диверсификации общества включает 3 этапа, в каждом из которых есть свои цели, средства и ожидаемые результаты, так как это необходимо для системного процесса любой деятельности.

1 этап – мотивационный. Цель его – создание положительного эмоционального настроя на такие общечеловеческие ценности, как терпимость, обычаи и традиции разных народов, вероисповедание, атеизм, права человека и т.п.

Эффективным средством на этом этапе является диагностирование учащейся молодежи по вопросам межнациональных отношений. Это поможет создать определенный настрой и скорректировать работу в соответствии с особенностями аудитории, что составит результат этого этапа.

2 этап – познавательный. Цель этого этапа определяется следующими направлениями и задачами:

- знакомить молодежь с общечеловеческими ценностями;
- критически подходить к анализу материалов из СМИ, показывающему реальные этнические процессы и рассматривающему возможные пути их решения с точки зрения общечеловеческих ценностей;
- развивать способность ценить исторический опыт;
- направлять молодежь на выработку у себя качеств, необходимых для положительного взаимодействия с лицами различных национальностей.

Средствами достижения этих целей будут общечеловеческие ценности, включенные в учебный и воспитательный процессы.

В результате у молодежи должно быть сформировано осознанное отношение к данной проблеме, уважительное отношение к различным этносам и религиям, умение общаться с людьми различных национальных вероисповеданий.

3 этап – заключительный. Цель его – обобщение полученных результатов и программирование дальнейших действий.

Успешное осуществление данного процесса оказывает эффективное влияние на формирование компонентов толерантных установок учащейся молодежи: *когнитивно-ценностный* выполняет миссию содействия формированию личности – значимой системы, ценностных ориентаций, характеризует качество мировосприятия и мироотношения; *интегративный* компонент обеспечивает признание значимости и самооценности как группы, так и индивида; *мотивационно-потребностный* компонент состоит из формирования нравственного критерия толерантности с целью социальной адаптации.

Российская Федерация – многонациональное государство, в котором живет более 160 народов. Развитие их отношений между собой и другими народами мира обуславливает цели и содержание воспитания культуры межнационального общения. Эта задача четко определена в концепции государственной национальной политики Российского государства, ООН, ЮНЕСКО и др. Международные организации в своих основополагающих документах рассматривают воспитание людей в духе мира и дружбы между народами как важнейшую цель системы воспитания и образования. Во Всеобщей декларации прав человека ООН сказано: «Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбы между всеми народами, расовыми и религиозными группами и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержке мира».

Определение общей цели воспитания в основных международных документах и в правовой системе многонационального федеративного государства (воспитание населения в духе дружбы народов, формирование у

него культуры межнационального общения) само по себе имеет огромное значение. Правовая система через механизмы власти обеспечивает соблюдение прав и свобод личности без каких бы то ни было различий в отношении расы, религии, языка и национальности.

Уровни межнациональных отношений в совокупности представляют собой единство общечеловеческого и национального. Национальное и общечеловеческое соотносятся между собой как общее и особенное. Национальное входит в общечеловеческое (общее) как особенное (его составляющее). Как отмечал Н.А. Бердяев, человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный, а не отвлеченный человек...» [1]. «Говоря, о национальности, – писал Ф.М. Достоевский, – «мы не разумеем под него ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем ту истинную национальность, которая всегда действует в интересах всех народов» [2, 19].

Категория «толерантность» в современном понимании имеет широкий спектр трактовок и интерпретаций. В русском языке наиболее близким к этому понятию является термин «терпимость», что в обыденном употреблении означает способность, умение терпеть, мириться с чужим мнением, быть снисходительным к поступкам других людей. В таком понимании толерантность не является синонимом терпению или терпеливости, так как «если терпение выражает чаще всего чувство или действие со стороны испытывающего боль... терпимость заключает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования или насилия» [3].

В научной литературе толерантность рассматривается как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения этого многообразия к единообразию и преобладанию какой-либо точки зрения. В такой интерпретации толерантность предполагает признание прав другого человека, восприятие этого другого как равного себе, претендующего на понимание и сочувствие, готовность принять представителей других народов и культур такими, какие они есть, взаимодействовать с ними на основе согласия и уважения.

Исходя из сказанного, можно рассматривать толерантность как чувство терпимости и уважительности в отношении к культуре и мнениям других людей, не совпадающих с собственными.

Толерантность допускает право представителей любой культуры на свободное выражение своих взглядов и реальное поведение в практической жизни при одновременном благожелательном отношении к культуре, поведению и мнениям других людей.

Толерантность является результатом межкультурного общения учащейся молодежи, в котором воспитывается чувство уважения к другим народам, их традициям, ценностям и достижениям, осознание непохожести и принятие всего этнического и культурного многообразия мира.

Толерантность основывается на сосуществовании различных в человеческих сообществах и уважении этих различий. Поскольку различия бывают разные, культура толерантности предполагает безусловное признание и уважение большей части этих различий. Однако при этом культура толерантности не предполагает безусловной терпимости к социальному неравенству в его крайних проявлениях.

Выработке толерантного отношения к чужой культуре могут способствовать практические рекомендации разработанные американскими исследователями К. Ситаримом и Р. Когделлом:

- признавать, что представитель какой-либо культуры не устанавливает мировых стандартов;
- относиться к культуре аудитории с тем же уважением, с каким бы относился к своей собственной;
- не судить о ценностях, убеждениях и обычаях других культур на основе собственных ценностей;
- всегда помнить о необходимости понимать культурную основу чужих ценностей;
- никогда не исходить из превосходства своей религии над религией другого;
- общаясь с представителями другой религии, пытаться понимать и уважать эту религию;
- стремиться понять обычаи приготовления и принятия пищи других народов, сложившиеся под влиянием их специфических потребностей и ресурсов;
- уважать способы одеваться, принятые в других культурах;
- не демонстрировать отвращения к непривычным запахам, если те могут восприниматься как приятные людьми других культур;
- не исходить из цвета кожи как «естественной» основы взаимоотношений с тем или иным человеком;
- не смотреть свысока на человека, если его акцент отличается от твоего;
- понимать, что каждая культура, какой бы малой она не была, имеет, что предложить миру, но нет таких культур, которые бы имели монополию на все аспекты;
- не пытаться, использовать свой высокий статус в иерархии культуры для воздействия на поведение других представителей другой культуры в ходе межкультурных контактов;
- всегда помнить, что никакие научные данные не подтверждают превосходства одной этнической группы над другой.

В формировании толерантных установок в условиях этнической диверсификации общества важно, чтобы учащаяся молодежь понимала необходимость как сохранения этнической и культурной идентичности, без которой невозможно нормальное психологическое самочувствие человека, так и развитие многонационального общества. Обе эти тенденции должны разумно сочетаться друг с другом.

Только человек, обладающий позитивной этнокультурной направленностью, способен к этнической и культурной толерантности.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1990.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 20.
3. Глебов А.А. Воспитание патриотизма, толерантности и культуры межнационального общения: Учеб. пособие. Волгоград, 2004.

В.Е. Зарайченко

Северо-Кавказская академия государственной службы, Ростов-на-Дону, Россия

КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье раскрывается актуальность проблемы формирования культуры межэтнического общения студентов как фактора социализации молодежи, обосновываются принципы воспитания добрососедства и взаимоуважения в молодежной полиэтнической среде. В работе представлен опыт разработки и реализации программы работы со студентами в данном направлении.

Ключевые слова: этнос, этнокультура, межэтнические отношения, толерантность, полиэтническая среда, культура межнационального общения.

In article the urgency of a problem of formation of culture of interethnic dialogue of students as factor of socialization of youth reveals, principles of education of good neighbourhood and friendship between the people in the youth polyethnic environment are proved. In the center of attention of the author – experience of working out and realization of the program of work with students in the given direction.

Key words: ethnos, ethnoculture, interethnic relations, tolerance, polyethnic environment, culture of international dialogue.

Точка зрения

Воспитание культуры межэтнического общения молодежи в регионе Северного Кавказа имеет свою специфику, обусловленную особенностями социально-политического, экономического и духовного развития в условиях сложных процессов, происходящих здесь и привлекающих пристальное внимание государственных органов и всего российского общества. Не случайно в Послании Президента РФ Федеральному Собранию России тема Северного Кавказа выделена специальным разделом.

Особенную тревогу вызывают негативные настроения, все больше охватывающие молодежную часть Северо-Кавказского региона. Молодые люди, чье личностное становление пришлось на годы межнациональных войн и конфликтов, террористических актов и многочисленных примеров жестоких расправ с представителями инонациональных культур, нередко оказываются по разные стороны ценностно-культурных ориентиров, идентифицируют себя только со своей этнической группой, а не с общероссийской гражданской компонентой, противопоставляют свои национальные интересы, традиции культурным ценностям общенационального характера. Для характеристики данного явления наиболее емким и точным можно считать предложенное Е.В. Бондаревской понятие кризиса гуманитарности [1, 8]. Действительно, с поля межличностных отношений субъектов различной этнической принадлежности ушли такие памятные людям среднего и старшего поколения понятия, как дружелюбие, добрососедство, взаимное доверие, взаимопомощь, взаимный интерес к национальным культурам.

В этом все более убеждаются многие, кто занимается исследованием проблемы разрешения конфликтных ситуаций на Северном Кавказе. Социокультурный контекст, в котором развиваются конфликты, касается таких сторон культуры, как традиции, обычаи, верования, образ жизни, менталитет, язык, ценностные ориентации, национальное самосознание.

В данном контексте особенно своевременно звучит предложение Е.В. Бондаревской о разработке антикризисных программ духовно-нравственного воспитания детей и молодежи на муниципальном, региональном и федеральном уровнях [1, 9].

Реализация системы этнокультурного воспитания если не невозможна, то существенно затруднена в условиях, когда она (система) не опирается на сложившуюся социальную платформу, представляющую собой регулируемую управленческую структуру. Следовательно, эффективность воспитания у студентов культуры межэтнического общения в определенной мере зависит от того, насколько продуманно воспитательные усилия педагогического коллектива вуза включены в единое воспитательное пространство и подкрепляются целенаправленной деятельностью институтов социального менеджмента, среди которых в современных условиях особую роль играют органы государственного и муниципального управления. Цель, задачи, основные принципы и ведущие направления деятельности органов государственного и муниципального управления по реализации этнокультурных аспектов своей деятельности освещены нами в ряде монографий [2] и многочисленных статьях и выступлениях [3].

Проблема воспитания культуры межнационального и межэтнического общения воспитанников и учащихся образовательных учреждений является предметом пристального внимания и интереса многих исследователей, особенно в последние годы. Среди многочисленных публикаций на эту тему отметим работы, посвященные роли дошкольного учреждения [4], а также системе работы общеобразовательной школы [5]. Особый интерес представляют книги и статьи о гармонизации межэтнического общения студентов вуза [6].

Однако прежде необходимо остановиться на освещении такого важнейшего, на наш взгляд, и имеющего основополагающее методологическое значение понятия, как «толерантность», которое активно употребляют политики, к ней (толерантности) призывают общественные деятели, средства массовой информации культивируют толерантность как желаемую аксиологическую модель построения полиэтнического социума, семантическое наполнение данного понятия анализируют психологи, социологи, этики, этнологи, педагоги. Вместе с тем анализ смыслового наполнения данного понятия позволяет говорить о том, что его широкое употребление для обозначения универсального принципа, применяемого в сфере межэтнических коммуникаций, не только не корректно с научной точки зрения, но и (а это, на наш взгляд, наиболее опасно в современной ситуации, характеризующейся острейшими конфликтами на межконфессиональной и межнациональной почве) способно если не разрушить, то расшатать то хрупкое межнациональное равновесие, которое пока что сохраняется и в нашей стране, и в многополярном мире в целом.

Понятие «толерантность» в переводе с латинского *tolerantia* означает «терпение» и пришло в социально-политический лексикон из биологической и медицинской терминологии, где оно употребляется в значении «полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т.е. потеря (или снижение) организмом животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение». Медико-биологический смысл толерантности заключается еще и в «способности организма переносить неблагоприятное воздействие какого-либо вещества или яда» [7, 610].

Из биологии и медицины понятие толерантности перешло в сферу социальных отношений и употребляется в значении «терпимость, снисходительность к кому-либо, к чему-либо». Насколько же удачно его использование для целей формирования культуры межнациональных отношений?

Простейший семантический анализ приводит к цепочке следующих умозаключений: как человеческий организм способен до определенного предела вытерпеть пагубное воздействие какого-либо вредного вещества или яда и даже не проявить никакой аллергической реакции, так и нравственное сознание и чувство личности,отягощенное психологическим дискомфортом, вызванным соседством с неприятными ей персонами, отличающимися языком, традициями, обычаями, привычками, менталитетом, должно терпеливо переносить неизбежность межличностных контактов с теми, кто этой личности неприятен. Иными словами: «Ты мне несимпатичен, неприятен, чужд, я, может быть, даже ненавижу тебя, но вынужден тебя терпеть из каких-то “высших” соображений».

А теперь зададимся вопросом: следует ли на таком принципе строить межнациональные отношения? На наш взгляд, толерантность как политический постулат применим в нашей стране по отношению к временным мигрантам, прибывающим в Россию для решения каких-либо взаимовыгодных экономических вопросов, но строить на этом принципе отношения между гражданами нашей страны, относящимися к различным этническим и профессиональным группам, как нам думается, методологически ошибочная позиция.

Более приемлемой является точка зрения Бетти Э. Ризрдон, которая считает воспитание толерантности «лишь началом, первой ступенью в более длительном процессе формирования культуры мира, минимальным требованием к общественным отношениям не допускать насилия и принуждения, уважать права других, какие они есть; не допускать причинения им вреда, поскольку причинение вреда другому означает причинение вреда всем, в том числе и себе самому» [8, 32].

Еще более глубоко продуманной и научно обоснованной является позиция В.А. Казначеева, который полагает, что «в условиях повышенной конфликтности необходимо воспитывать толерантность. Но толерантность не может быть панацеей, лекарством от всех социальных бедствий, своего рода “конечным результатом”, к которому должно стремиться российское общество» [9, 84].

Автор называет толерантность промежуточным этапом в движении от конфликта к уважению и взаимопониманию, миру, к социально-экономической и политической интеграции в регионе, а также поддерживает мнение А.В. Перцова, считающего толерантность «позицией неустойчивого равновесия, поскольку такое состояние возникает в конфликтных ситуациях. Толерантность не разрешает конфликта, не устраняет причин, не снимает противоречия между конфликтующими сторонами, а переводит конфликт в относительно мирное, ненасильственное русло. Конфликт, даже если он переходит из «горячей» стадии в «холодную», сохраняется до тех пор, пока существует образ врага» [9, 84].

Мы же должны стремиться к возрождению и воспитанию в нашем обществе, считает академик В.В. Казначеев, способности и потребности принимать точку зрения оппонента. Необходимо научиться уважать друг друга [9, 85].

Вместо толерантности уместно было бы использовать, культивировать, внедрять в общественное сознание такие понятия, как добрососедство, взаимоуважение и даже почти забытое слово «братство». Именно как добрые соседи, у каждого из которых свой «дом», свой «цветник», свой «надел в поле», должны жить граждане одной страны, проявляя интерес к тому, как сосед «обустроил дом», «вырастил роскошные цветы», «получил добрый урожай», разделяя радость, пришедшую в дом соседа, и утешая его в случае горя, помогая, если в дом соседа постучалась беда.

На культивировании братства и добрососедства строилась система национальной политики в советские времена и она давала определенные плоды. По крайней мере, социологические опросы тех лет не выделяли проблему межэтнических конфликтов среди важнейших, тревожащих общество.

Таким образом, в основе культуры межнациональных отношений должны находиться такие этико-культурологические компоненты, как межкультурный диалог, добрососедство, братство, взаимоуважение. Впервые в последние годы такое наполнение содержания национальной политики России было обозначено в Послании

Президента РФ Федеральному Собранию РФ в ноябре 2008 г. Понятие «толерантность» упоминалось Президентом только в связке со словом «взаимоуважение» [10].

В Послании от 12 ноября 2009 года Президент России подчеркнул важность работы «по формированию добрых межнациональных отношений и зрелого гражданского общества. Это особенно важно для воспитания подрастающего поколения» [10]. Разностороннюю работу со студентами в данном направлении осуществляют педагогические коллективы таких вузов Ростова-на-Дону, как РГУПС, ДГТУ, ЮФУ.

Пример

Особую значимость имеет этнокультурная подготовка будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления. Этой цели служит преподаваемая в Северо-Кавказской академии государственной службы и ее филиалах в Майкопе, Пятигорске, Краснодаре, Ставрополе, Махачкале дисциплина «Региональная этнокультура и управление», программа и методическое обеспечение которой разработаны кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры философии и методологии науки В.Е. Зарайченко [11].

Студенты изучают понятие этнокультуры, знакомятся с особенностями национальных культур народов Северного Кавказа, их традициями, обычаями и обрядами; процессами взаимовлияния этнокультур кавказских народов; с религиозными конфессиями и их влиянием на культурное развитие кавказских народов; осваивают сущность, структуру и содержание культуры межнационального общения. Особый интерес представляют такие темы, как «Русская культура в исторической судьбе кавказских народов», «Проблема межнациональных отношений в произведениях отечественной литературы» и др. Практическая направленность проводимых занятий осуществляется путем вовлечения студентов в активное обсуждение острых проблем межнациональных отношений, организации встреч с руководителями национально-культурных объединений, с лидерами этноконфессиональных групп, сотрудниками региональных и муниципальных органов власти, ведающих вопросами межэтнических отношений. Студенты знакомятся с произведениями национальных культур в музеях, театрах, кинотеатрах, читают рекомендуемые художественные произведения, посвященные этнокультурным проблемам. Учебные занятия по данной дисциплине осуществляются с многосторонней внеаудиторной воспитательной работой. В феврале 2010 г. в СКАГС состоялась 1-я межвузовская научно-практическая конференция студентов и аспирантов на тему: «Северный Кавказ: история, политика, экономика, право, культура». В планах академии – проведение ежегодных праздников национальных культур народов Северного Кавказа, создание вместе с другими учебными заведениями Ростова и области межвузовского интернет-форума межнационального общения студентов и др.

Вывод

Несомненно, роль образовательных учреждений необычайно велика в воспитании юношей и девушек, которые проходят сложный путь формирования гармонии между собственной национальной идентичностью и осознанием себя неотделимой частью общероссийского сообщества, в котором гражданские и патриотические чувства занимают важное место в духовном мире людей. В связи с этим проблема воспитания культуры межнациональных и межэтнических отношений детей и молодежи приобретает особо актуальное значение и требует серьезных усилий по ее решению в современных сложных условиях.

Список литературы

1. *Бондаревская Е.В.* Концепция и стратегии воспитания студентов в культурно-образовательном пространстве Педагогического института ЮФУ / Под ред. В.И. Мареева. Ростов н/Д, 2007.
2. *Зарайченко В.Е.* Региональная этнокультура и управление: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 2005. С. 209–232; *Зарайченко В.Е.* Культура и государственная служба: Учеб.-справ. пособие для студентов. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2003 (глава «Этнокультура и управление»).
3. *Зарайченко В.Е.* Этнокультурные аспекты формирования дееспособного гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2007. № 2; Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов в муниципальном образовании // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вып. Второй / Отв.ред. А.В. Понеделков. Ростов н/Д, 2008; Этнокультурная подготовка резерва управленческих кадров // Государственная политика по формированию резерва управленческих кадров на региональном уровне: опыт, проблемы, пути решения: Сб. докл. и тез. Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2009 и др.
4. *Алексеева О.Л.* Подготовка студентов педагогического колледжа к формированию культуры межнационального общения у детей дошкольного возраста: Дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2002; *Алирзаев М.Ч.* Формирование культуры межнационального общения школьников в системе нравственно-патриотического и интернационального воспитания на уроках истории и внеклассной работе (На примере шк. Дагестана): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1996; *Бабунова Е.С.* Педагогическая стратегия становления этнокультурной образованности детей дошкольного возраста: Дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2009; *Берсенева Л.С.* Этнопедагогическая подготовка студентов педагогического колледжа к работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста: Дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2002; *Касимова А.С.* Педагогические условия воспитания культуры межнационального общения детей старшего дошкольного возраста: Дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2006 и др.
5. *Абэлян В.Х.* Социально-педагогические аспекты становления культуры межнациональных отношений субъектов образовательного процесса: Дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 1998; *Алямкина Ж.Г.* Формирование культуры межнационального общения младших школьников средствами музыки: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2002; *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М.; Воронеж, 2000; *Гасанов З.Т.* Педагогика межнационального общения.

М., 1999; *Дамаданова Х.Д.* Воспитание культуры межнационального общения у старшеклассников средствами телевидения. На примере общеобразовательных школ Республики Дагестан: Дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2002; *Даракчян Г.О.* Формирование культуры межнационального общения в школе // *Личность в образовательных системах*. Краснодар, 2001; *Кадиева Р.И.* Формирование культуры межнационального общения в школах со смешанным национальным составом: Дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 1999; *Комаров В.П.* Теоретические основы воспитания культуры межнационального общения учащихся средней профессиональной школы: Дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 1996; *Кочетова Е.А.* Воспитание культуры межнационального общения у младших школьников: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2006 и др.

6. *Абдуразакова Д.М.* Теоретико-методологические основы деятельности учреждений культуры и образования в развитии толерантного сознания молодежи многонационального региона: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009; *Абидоков Ш.М.-Г.* Формирование культуры межнационального общения молодежи Карачаево-Черкесии: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1993; *Алдошина М.И.* Формирование этноэстетической культуры будущих преподавателей в образовательном процессе университета: Дис. ... д-ра пед. наук. Курск, 2007; *Ахроров Ю.А.* Педагогические основы подготовки будущих учителей к формированию культуры межнационального общения учащихся: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ташкент, 1993; *Гасанов З.Т.* Воспитание культуры межнационального общения: методология, теория, практика: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000; *Глухова И.В.* Формирование культуры межнационального общения у будущих регионоведов: Дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2008; *Даракчян Г.О.* Формирование межнациональной культуры общения как составная часть этнополитической культуры студенческой молодежи (на материалах Краснодарского края): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2008; *Дворникова Е.И.* Формирование культурной идентичности и толерантности будущих учителей в процессе изучения русской литературы: Дис. ... д-ра пед. наук. Майкоп, 2007 и др.

7. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.

8. *Ризрдон Б.Э.* Толерантность – дорога к миру. М., 2001.

9. *Казначеев В.А.* Кавказская идентичность – через толерантность к взаимоуважению и взаимопониманию // Проблемы укрепления мира, межэтнического и этноконфессионального согласия на Северном Кавказе: Материалы V Международного конгр. «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8–12 окт. 2007 г. Пятигорск, 2007.

10. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml, а также URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979/print> <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979/print>.

11. *Зарайченко В.Е.* Региональная этнокультура и управление: Учеб.-метод. комплекс. Ростов н/Д, 2005.

С.В. Павлова

Тульский государственный университет, Россия

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются особенности влияния информационной культуры на социализацию молодежи в современной России. Особое внимание уделяется анализу формирования социокультурных ориентиров тульских студентов.

Ключевые слова: информационная культура, социализация, социокультурные ориентиры, «значимый» другой, «авторитетный» другой, модели и образцы поведения, дегероизация, кризис идентичности.

The article discusses the features of the impact of information culture on the socialization of youth in modern Russia. Particular attention is paid to the analysis of the formation of social and cultural landmarks Tula's students.

Key words: information culture, socialization, socio-cultural orientation, «Significant» other, «Authoritative» other, models and patterns of behavior, degeroizatsiya, identity crisis.

Введение

Современный период развития цивилизации квалифицируется многими исследователями как начальный этап становления глобального информационного общества. Средства информатики, новые информационные и компьютерные технологии все более широко проникают сегодня практически во все сферы жизнедеятельности сотен миллионов людей, изменяют условия их труда и быта, становятся атрибутами новой информационной культуры общества.

Информационная культура ставит человека в совершенно иные связи с внешним миром, в частности, традиционные механизмы социализации личности утрачивают свою эффективность. Молодежь становится более разрозненной, происходит резкое падение ценности любых авторитетов, сужается круг доверия и количество референтных групп. Информационная культура выступает в качестве социокультурного ориентира, способствующего эффективной адаптации молодежи в трансформирующемся обществе.

Наряду со СМИ, информационная культура является мощным средством социализации молодого поколения, поскольку масс-медиа создают и распространяют знание об обществе, принципах его организации и функционирования, изобретают и воспроизводят нормативные образы и модели поведения, тем самым активно участвуют в процессе формирования социальной реальности. Таким образом, важная роль СМИ в современном обществе определяется их способностью к быстрому реагированию на происходящие актуальные события и процессы, созданию и трансляции в обществе идей, ценностей, представлений. Надо иметь в виду, что средства массовой коммуникации как социальный институт (печать, радио, кино, телевидение) влияют на социализацию человека не только с помощью трансляции различной информации, но и через представление определенных образцов поведения героев книг, кинофильмов, телепередач. Люди в

соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями склонны идентифицировать себя с теми или иными героями, воспринимая при этом свойственные им стиль поведения, образ жизни и т. д. Однако в настоящее время СМИ навязывают определенные идеалы, которые не в полной мере соответствуют современным условиям развития российского общества. В связи с этим наблюдается процесс дегероизации, т.е. герои современности не отвечают целям развития общества, дезориентируют, не нацеливают молодежь на решение существующих проблем. А ведь самоопределение молодого человека осуществляется во многом через сравнение, отождествление себя с неким идеалом. Процесс дегероизации приводит к утрате социокультурных ориентиров и кризису идентификации, когда человек теряет осознание своего предназначения в обществе.

Все изложенное определяет теоретическую и практическую важность изучения влияния информационной культуры на социализацию молодежи.

Материалы и методы

В рамках изучения темы нами было проведено исследование «Социокультурные ориентиры тульской студенческой молодежи в 2008–2010 гг.». Социокультурные ориентиры представлены в виде «значимых» и «авторитетных» других для тульских студентов. Цель исследования: изучить особенности влияния информационной культуры на формирование социокультурных ориентиров для выявления моделей поведения тульской молодежи. Для реализации поставленной цели были выдвинуты следующие задачи.

1. Выявить, кто является для тульских студентов «значимым другим».
2. Определить «авторитетного другого» для студентов г. Тулы.
3. Охарактеризовать модели поведения тульской молодежи.

Также были выдвинуты гипотезы:

– В последние десятилетия в современной России появились принципиально новые механизмы социализации, одно из решающих значений играет СМИ, и все чаще героями молодых людей становятся знаменитые люди (кумиры шоу-бизнеса, спорта, политики и пр.).

– Социализация российской молодежи претерпевает определенные трудности, поскольку недостаточно героев в современной России, на которых молодые люди могли бы ориентироваться.

– Тенденция уменьшения социокультурных ориентиров будет продолжаться до тех пор, пока у российской молодежи не будут удовлетворены потребности в героях.

Исследование базируется на теории «зеркального Я» Ч.Х. Кули, теории «обобщенного и значимого другого» Дж. Г. Миды.

Социокультурные модели социализации формируются под влиянием «значимого» и «авторитетного» другого в процессе формирования личности. «Авторитетный другой» – это человек, известность которого по своей части так прочна, что она служит ручательством истины и непреложности высказанного мнения [1, 15]. Поэтому говорится также о вере в авторитет, которая бывает основана на доверии к мнению или знанию другого лица. Хотя «авторитетный другой» находится от личности на определенной дистанции, мы с ним непосредственно не общаемся, он все равно оказывает определенное влияние на поведение индивида, согласно теории «зеркального Я». «Значимый другой» – это определенный человек, с которым мы непосредственно общаемся, чье мнение высоко ценится личностью; своего рода референтная личность (т.е. человек особенно значимый и ценный для другого человека как образец для подражания, выступает как источник основных ценностей, норм и правил поведения, суждений и поступков для другого человека) [2, 97]. Часто можно столкнуться с тем фактором, что целенаправленный воспитательный процесс не совпадает с характером воздействия значимого другого. В таком случае человеку приходится выбирать ценностные ориентиры и, в конечном счете, самому отвечать за свой выбор, за свои действия.

Методы, используемые при проведении данного исследования, следующие: методы сбора информации: документальные источники (контент-анализ автобиографических сочинений) – контент-анализ документов в отличие от простого ознакомления с ними или прочтения для приобретения нового знания – это метод, который предусматривает выдвижение гипотез, тщательное изучение сущности анализируемого материала, помогает перевести материал в количественные показатели с последующей обработкой [3, 397].

Методика проведения социологического исследования – опрашиваемые (респонденты) – студенты Тульского государственного университета 2-го – 5-го курсов различных факультетов (факультета экономики и права, горно-строительного, механико-технологического, факультета систем автоматического управления, механико-математического и гуманитарного). Количество опрашиваемых составило 223 человека. Период анализа: 2008/09; 2009/10 учебные годы. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 3%.

Результаты

Респондентам было предложено написать автобиографическое сочинение на тему: «Значимый и авторитетный другой в моей жизни».

В результате были получены следующие данные: 98,7% опрошенных выделяют для себя «значимых» других, 90,4% определили для себя «авторитетных» других, а остальные 1,3% и 9,6% «значимых» и «авторитетных» других соответственно для себя не выделили.

Что касается разделения мнений по поводу того, кто же является для студентов «авторитетным» и «значимым» другим, мнения разделились следующим образом.

Большинство опрошенных считают «значимым» другом своих родителей – 97% опрошенных. Если смотреть градиацию по гендерным различиям, то родителей как «значимых» других выбрали 55,6% опрошенных девушек и 41,4% опрошенных юношей. «Значимым другом для меня являются мои родители, – пишет Н. Холина, – потому что они меня воспитывали и прививали мне жизненные принципы и ценности. Папа воспитывал во мне честность, смелость, чувство юмора, а мама – доброту, женственность, вкус...». С. Никишов объясняет свой выбор тем, что говорит: «Значимыми людьми являются родители, которые влияли и влияют на становление моей личности, поучают меня, объясняют и помогают решать какие-либо вопросы, советуют как себя вести в какой-либо ситуации. Они играли и играют большую роль в моем воспитании, что влияет и на мой характер, и на манеры поведения...». «Значимыми другими для меня являются, конечно же, мои родители, – пишет О. Комарова, – Я опираюсь на их опыт, могу полностью довериться им, их мнение очень важно для меня. На маму я стараюсь быть похожей. Ее советы мне очень помогают».

Если рассматривать «авторитетных других», то их можно классифицировать по следующим социокультурным моделям поведения, которые формируются под воздействием информационной культуры:

К первой социокультурной модели поведения относятся *знаменитости*. Треть опрошенных считают «авторитетом» именно их. Каждая четвертая девушка и каждый шестой юноша отметили этот вариант. «Для меня авторитетом служит Президент Российской Федерации – Д.А. Медведев – человек, достигнувший высшей должности...», – пишет И. Никитин, отвечая на данный вопрос. К. Корнилова свой выбор объяснила таким образом: «Дженнифер Лопез является для меня авторитетным другом, потому что она – воплощение всех качеств и уровня, достигнутого в жизни, к которому я стремлюсь. Эта женщина обладает харизматической внешностью и великолепным голосом, успешно снимается в кино, занимается благотворительностью. Родившись в бедной семье, она смогла добиться звания «самой высокооплачиваемой актрисы Южной Америки»... именно к такому «авторитету» я стремлюсь, пытаюсь перенять все ее качества...». М. Уваров объясняет выбор авторитетного другого так: «Для меня “авторитетом” в жизни выступает Джон Леннон – один из великих музыкантов группы Beatles. Именно благодаря этому человеку я увлекся музыкой, стал играть на гитаре. Творчество Леннона – волшебное и очаровывающее, всегда было со мной пока я рос. Когда мне плохо на душе, музыка Джона возвращает мне радость жизни. И даже сейчас, когда я увлекаюсь творчеством многих групп, Джон Леннон всегда остается для меня первым».

Вторая модель поведения включает в себя *друзей*. Это можно объяснить тем, что малые социальные группы, к которым относятся друзья, очень сильно влияют на поведение индивида и формирование его как личности. Четверть опрошенных выделяют друзей как «авторитетных» других: так считают 16,8% девушек и 8,5% опрошенных юношей. Ю. Чеклинеева пишет: «Авторитетом для меня выступают мои друзья, особенно те, которые старше меня, которые уже чего-то добились в жизни...» А Н. Чабров говорит о своем выборе следующим образом: «Авторитетным другом для меня является мой друг – Денис. Мы очень много времени проводим вместе. Мне нравятся его личностные качества, такие как ответственность, серьезное отношение к жизни, умение легко переносить неприятности и преданность своим принципам».

В третью группу «авторитетов» вошли *персонажи книги / фильма* (11,1% опрошенных). Исторически сложилось, что личность воспитывается на идеалах, образцах поведения, на героическом. Сознательно или нет, но с героизмом соотносят себя миллионы людей. Характерными приметами героического поступка считают максимальное напряжение нравственных и физических сил, мужества, стойкости. Респонденты объясняют свой выбор следующим образом: «Что касается авторитетного другого, то этим “другим” для меня является героиня романа “Джейн Эйр”. Я была восхищена поведением, качествами, мужеством девушки, – пишет К. Горечева, – И мне очень захотелось во многом быть похожей на нее...»; А. Нифтолиев пишет, что для него «авторитетным другом» стал герой детективов Б. Акунина – Э.П. Фандорин: «Это тот образ, тот тип человека, который стал для меня ориентиром в жизни...» М. Мешкова выбирает для себя авторитетного другого героиню романа «Унесенные ветром» – Скарлет О’Хара и объясняет свой выбор таким образом: «... Она [Скарлет О’Хара] непредсказуемая, милая, добрая девушка. В каких-то эпизодах романа на нее хотят быть похожи не только женщины, но и мужчины, окружающие ее. Скарлет прекрасна не только внешне, но и внутренне...»

Четвертая социокультурная модель поведения включает *учителей и педагогов*. Они являются агентами социализации, относятся к институту образования, тем самым оказывая влияние на индивида. Каждый седьмой опрошенный определяет учителей / педагогов как «значимых» и «авторитетных» в своей жизни. Например, И. Шестопалов так объясняет свой выбор: «Для меня “авторитетным другом” является мой классный руководитель, учитель математики, меня привлекает его умение выходить из конфликтных ситуаций...»

В пятой группе – *супергерои* – 2,6% голосов было отдано за них. «Новыми героями» становятся герои комиксов, компьютерных игр, видеоклипов: люди-машины. Такие искусственные герои – это, скорее, олицетворение какой-то функции, идеи, чем воплощение человеческой индивидуальности. Тем не менее героический поступок, который совершают данные супергерои оценивается как наиболее совершенное поведение личности и вызывает в людях чувство преклонения и поклонение. Опрашиваемые выбравшие данный вариант говорят следующее: «Авторитетным другом для меня является супермен, – пишет А. Суслов, – Он является символом добра и порядка. Супермен спасает людей, помогает слабым, обладает смелостью, доблестью, силой...»

На последнем месте, т.е. в шестой группе, «авторитетом» выступает категория *одноклассники / одноклассники*. Всего 2% голосов было отдано этому варианту.

Что же касается гендерных различий, то по перечисленным вариантам голоса распределились следующим образом: на третьем месте у девушек среди авторитетов персонажи книги / фильма (7,2% опрошенных), а среди ребят – учителя / педагоги – 6,5% опрошенных юношей; на четвертом месте юноши отмечают персона-

жей из книги или фильма – 3,9%, а девушки – учителей и педагогов – 6,4% опрошенных девушек, одинаковое количество голосов среди «авторитетных» других получили супергерои – 1,3% как у юношей, так и у девушек. Однако 2% опрошенных юношей выделили как «авторитетных» для себя людей одноклассников / одноклассников, а девушки этот вариант вообще не указывали.

Молодые люди помимо перечисленных вариантов указывали и другие. Так для 1,3% юношей и 0,6% девушек «значимым» и «авторитетным» другим является их начальник.

Выводы

Подводя итог проведенного исследования, стоит отметить, что степень влияния «значимого» и «авторитетного» другого на формирование информационной культуры тульских студентов, безусловно, велика: именно на этих «других» человек ориентирует и координирует свои действия, тем самым воспитывая и преобразовывая себя. В современной молодежной среде СМИ, а не институту образования принадлежит лидерство в формировании сознания и мировоззрения, жизненных ценностей, образцов для подражания. И такое явление, как падение авторитета школы и учителя в оценках и отношении молодежи, иллюстрирует поверхностную картину серьезных утрат в духовной сфере [4, 134].

Тем самым, можно сказать, что существует ряд механизмов воздействия информационной культуры на ценностные ориентации современной молодежи, такие как демократизация России, фетишизация рынка, дегероизация молодого поколения [5–11]. В современном меняющемся обществе основным объектом человеческой деятельности становится обмен информацией. Свободная циркуляция информации в обществе позволяет ей стать важнейшим фактором экономического, национального и личностного развития. Уровень информационной культуры ощутимо оказывает влияние на успешность жизнедеятельности личности и расширяет свободу действий человека. Поэтому данная проблема как никогда актуальна сегодня.

Список литературы

1. Николаева О. Новый герой // Современная культура и православие. 2004. № 10. С. 13–17.
2. Мид Дж. От жеста к символу. Интернализированные другие и самость. Азия. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1999. 496 с.
3. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.
4. Пронина Е.И. Роль агентов социализации в формировании ценностей молодежи и подростков современной России. М.: ЦСП, 2003. 432 с.
5. Гайдарева И.Н. Социокультурная среда как фактор формирования информационной культуры личности. Майкоп: Аякс, 2002. 47 с.
6. Гендина Н.И., Колкова Н.И., Стародубова Г.А. Информационная культура личности: диагностика, технология формирования. Ч. 1. СПб.: Профессия, 2006. 512 с.
7. Гревцов В.Е. Информационная культура как критерий формирования информационного общества // Вестн. Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2010. № 1. С. 48–53.
8. Орлова В.В. Социализация молодежи: потенциал регионального социума // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 25–31.
9. Самсонова Е.А., Абросимова О.В. Информационные потребности тульской молодежи (по результатам конкретно-социологического исследования) // Информационная культура молодежи: региональный аспект: Материалы регион. науч.-практ. конф. (17–19 сентября 2009 г.) / Сост. С.М. Потапенко. Северодвинск (Архангельская область): Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, северодв. филиал, 2009. С. 187–191.
10. Теряева О.А. Дегероизация современности // Материалы покровских чтений. 2007. Вып. 1. С. 123–131.
11. Тычкова Т.В. Информационная культура как условие социализации личности в современном российском обществе: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2009. 172 с.

И.В. Кутырева

Саратовский государственный медицинский университет, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДА СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Процесс социализации теснейшим образом связан с вопросом о языке, так как без языковой системы социализация невозможна в принципе. В статье рассматривается проблема языка с точки зрения различных подходов, которые позволяют посмотреть на проблемы коммуникации на глубоком уровне.

Ключевые слова: язык, коммуникация, интерпретация, семиосфера.

The process of socialization is closely connected with the question of language as a linguistic system without socializing is not possible in principle. The article addresses the problem of language in terms of different approaches, which allow to look at the problems of communication at a deep level.

Key words: language, communication, interpretation, semiosphera.

В современном обществе все чаще поднимается вопрос о коммуникации и межкультурном диалоге. Это связано с тем, что именно в процессе общения человек приобщается к ценностям, социализируется. Говоря о проблемах коммуникации, необходимо отметить, что актуальность темы обусловлена трансформационными процессами языка, происходящими в современном обществе.

В связи с этим, говоря о коммуникативных практиках, необходимо подробно остановиться на исследовании языка как такового.

Тема языка является интересной во все эпохи, но на сегодняшний день, когда в обществе происходят глубинные перемены, данная тема проявляет себя наиболее остро. В сфере социального взаимодействия язык выступает в качестве проводника, посредника, средства, позволяющего придавать культурное значение индивидуальному опыту, транслировать социально-значимые представления, придавать таким представлениям общезначимый смысл. Кроме того, язык выступает как средство воздействия на мировоззрение.

На сегодняшний день это поле, где не утихают споры между представителями различных позиций: философских, культурологических, лингвистических, психологических. Безусловно, этот факт ведет к расширению подходов, исследующих данную проблему. Мы попытаемся объединить все существующие подходы для более полного осмысления данной проблемы. Тем не менее особый акцент в связи с заявленным названием статьи все же следует делать на подходе к языку с точки зрения герменевтики, так как именно она занимается проблемами интерпретации, переводимости смыслов как с одного языка на другой, так и в рамках одного языка, а также семиотики, которая рассматривает язык как систему знаков и текстов. Кроме того, интересным, на наш взгляд, является рассмотрение проблем межкультурного диалога применительно к современной эпохе, так именно современная эпоха демонстрирует разрыв с предшествующими традициями и пытается ввести качественно новое понимание абсолютно всего, и языковой проблематики в том числе.

Если обратиться к истории вопроса, то следует отметить, что классическая философия тематизировала проблематику языка в двух направлениях. Во-первых, она пыталась объяснить генезис языка и, во-вторых, она пыталась объяснить взаимосвязь языка и мышления. Но при всех воззрениях на язык он, тем не менее, рассматривался просто лишь как средство выражения мысли. Позже В. Гумбольдт задает принципиально новую перспективу исследования языка, а именно язык как созидательный процесс, как деятельность. Язык у Гумбольдта образует тот мир, который лежит между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Но несмотря на оригинальность лингвистической концепции Гумбольдта, она все-таки не оказала существенного влияния на философское представление о языке. В начале XX века ситуация начинает плавно меняться. В частности, в языкознании возникают концепции, которые вносят иное, расширенное, понимание языка. А именно последователь Гумбольдта Г.Г. Шпет сделал попытку раскрыть языковое понимание как миропонимание, обращаясь к внутренней форме языка, рассмотреть образование форм духа благодаря языку и в языке.

Воззрения на язык меняются, в том числе и из-за того, что представления об одном и том же предмете – языке – начинают рассматриваться на пересечении различных отраслей знания: философии, лингвистики, психологии, логики.

Одна из характерных черт науки о языке XX века состоит в соединении, например, структурализма и семиотики. Так, основатель структурализма Фердинанд де Соссюр одним из первых провел параллель между языком как структурой возможных и реальных норм и речью как совокупностью актов.

Обращаясь к семиотическому анализу языка и структурной лингвистике на рубеже XX века, необходимо отметить, что в семиотике как таковой целесообразно будет различить семиотику знака и семиотику языка как знаковой системы. Первая восходит к Ч.С. Пирсу и Ч.У. Моррису, вторая – к Фердинанду де Соссюру. Соответственно можно различать две тенденции в семиотике, которые могут быть определены как логическая и лингвистическая.

Отметим, что для лингвистической традиции любой язык представляет в своей совокупности обширную, строго когерентную систему, состоящую из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое. И если различные системы в составе языка стремятся к индивидуализации в нем, то они также стремятся к сохранению между собой связи постоянного характера, которая позволяет почти незаметно переходить от одной к другой. Антиномия языкового построения состоит в том, что язык предполагает подчинение противоположным целям. Например, чтобы фраза получила смысл, надо, чтобы различались слова, и в то же время, чтобы на какой-то короткий момент их различимость стиралась.

В своей внутренней структуре все языки стремятся к распределению интегрирующей системы, которую они представляют, между многочисленными интегрируемыми системами, каждая из которых образует некоторое целое; но одновременно в своем построении они подчиняются противоположной движущей силе, состоящей в возможно меньшем разделении интегрируемых систем. Эти две противоречивые тенденции – тенденция к разделению систем и их идентификации как целого и противоположная тенденция к сохранению тесной и почти непрерывной связи между ними – находятся в постоянном поиске равновесия.

В каждый момент язык объединяет в себе одновременно наследие и преобразование – наследие, полученное от прошлого, и преобразование, организацию полученного наследия. Именно благодаря существующей системе человек социализируется. Ведь нельзя отрицать, что социальная система не может существовать без традиции.

Как метко отметил М. Хайдеггер, дар речи отличает человека, только и делая его человеком. «Этой чертой очерчено его существо. Человек не был бы человеком, если бы ему было бы отказано в том, чтобы говорить – непрерывно, всеохватно, обо всем, в многообразных разновидностях и большей частью в невысказанном

«это есть то»» [1, 259]. А так как все подобное обеспечивает язык, то, следовательно, сущность человека «покоится» в языке. Отношение указывания к указываемому превращается с течением времени в договорно-устанавливаемое отношение между знаком и его обозначаемым. Таким образом, речь становится информацией.

М. Хайдеггер обращает внимание на то, что человек постепенно утрачивает естественный язык, составляя себе другой – формализованный. И в XX веке эта тенденция усиливается. Нет никакого естественного языка такого рода, чтобы он был языком неисторической, естественным образом наличной человеческой природы. Всякий язык историчен. Но в подобной историчности и преемственности кроется проблема «правильной» интерпретации.

П. Рикер, разрабатывая проблему «конфликта интерпретаций», довольно тесно связывает развитие современной культуры с психоанализом.

Психоанализ вписывается в современную культуру в качестве ее герменевтики, то есть психоанализ сам есть момент развития культуры, поскольку интерпретация, которую он дает человеку, является непосредственным и весьма существенным вкладом в культуру как целое; «благодаря психоанализу интерпретация становится моментом культуры; интерпретируя мир, психоанализ меняет его» [2, 27].

Психоанализ, по Рикеру, есть интерпретация культуры в ее совокупности, но он не является исчерпывающим объяснением культуры. Психоанализ является своего рода целостной интерпретацией, именно в этом смысле он и является фактом нашей культуры.

Рикер считает изначальным условием человеческого опыта его языковой характер. Отсюда следует, что культурное творчество всегда символично. Под символом Рикер понимает любую «структуру значений, где один смысл – прямой, первичный, буквальный – означает одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный – который может быть понят только через первый» [3, 18]. Этот круг выражений с двойственным смыслом и составляет, собственно, герменевтическое поле.

Язык, по Рикеру, изначально обладает символической функцией. Особенность символа состоит в том, что он сообщает смысл при помощи другого смысла: изначальный, буквальный смысл в нем отсылает к смыслу иносказательному, духовному.

Осмысливая проблему символа, П. Рикер применяет к нему «более подходящий инструментарий», которым считает метафору. Метафора, перемещающая анализ из сферы слова в сферу фразы, подводит Рикера к проблеме инновации, на которую направлен его анализ: значение метафоры не заключено ни в одном из отдельно взятых слов, оно рождается в конфликте, в той напряженности, которая возникает в результате соединения слов во фразе. Метафора наглядно демонстрирует символическую функцию языка: буквальное значение отступает перед метафорическим смыслом, соотносительность слова с реальностью и творчески эвристическая деятельность субъекта усиливаются.

Стремясь понять столкновение как преимущественный способ включения индивида в целостный контекст истории и культуры, как одну из существенных основ его деятельности в культуре, Рикер задачу герменевтического постижения видит в том, чтобы основать роль человека как субъекта культурно-исторического творчества, в котором и благодаря которому осуществляется связь времен и которое основывается на активной деятельности индивида. И в данном случае работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел – преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить их на один уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель. Интерпретацию Рикер определяет как «работу мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [2, 18].

Символ и интерпретация становятся соотносительными понятиями: интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов. Всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл – «из чуждого он хочет сделать его своим, собственным; расширение самопонимания он намеревается достичь через понимание другого» [2, 18].

Таким образом, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого.

Всякая традиция живет благодаря интерпретации и «именно этой ценой она продлевается, то есть остается живой традицией» [3, 38].

Интерпретация вписывается во время традиции, а традиция живет лишь посредством и внутри интерпретации.

По Рикеру, герменевтика – это выявление смысла, скрытого в символе. Размышлять же о языке – значит размышлять о единстве того, что разделил в свое время Ф. де Соссюр, – о единстве языка и речи. Вспомним, что у Соссюра история является вторичной и выступает в качестве искажения системы. По Рикеру же, язык является совокупностью уже находящихся текстов. Иерархия языковых уровней представляет собой еще и нечто иное, нежели продолжение взаимосвязанных систем – фонологических, лексических, синтаксических. Таким образом, мы действительно меняем уровень, когда переходим от языковых единиц к новой единице, представляющей собой фразу или высказывание. Эта единица принадлежит не к области языка, а к области речи или дискурса. Меняя единицу, мы меняем и функцию или, скорее, мы переходим от структуры к функции. И только при этом условии мы получаем шанс понять язык как речь.

Вспомним Ю.М. Лотмана, который определял культурное освоение мира как перевод явлений из мира фактов в мир знаков. Семиотическое пространство предстает как многослойное пересечение различных текстов, складывающихся в определенный пласт.

Семиосфера не существует без языка и коммуникации. Семиосфера, по Ю.М. Лотману, неоднородна: в любом ее срезе присутствуют разные языки. Ю.М. Лотман вводит «закон внутренней организации семиосферы» [4, 17], деление на ядро и периферию. В ядре располагаются доминирующие семиотические системы. Периферийные же семиотические образования могут быть представлены не замкнутыми структурами (языками), а их фрагментами или отдельными текстами. Выступая в качестве «чужих» для данной системы, эти тексты выполняют в целостном механизме семиосферы функцию катализатора. С одной стороны, граница с чужим текстом всегда является областью усиленного смыслообразования. С другой, отдельный текст всегда будет сохранять «механизмы реконструкции всей системы» [4, 17].

По мнению Ю.М. Лотмана, разрушение этой целостности вызывает процесс реконструкции семиотического целого. Эта реконструкция утраченного уже языка, в системе которого данный текст приобрел бы осмысленность, всегда оказывается созданием нового языка, а не воссозданием старого.

Постоянное наличие в культуре определенного запаса текстов с утраченными кодами приводит к тому, что процесс создания новых кодов часто воспринимается как реконструкция.

Семиосфере присуща структурная неравномерность. Это проявляется в том, что будучи гетерогенной по природе она развивается с различной скоростью в различных своих участках.

Разные языки имеют различное время и различную величину циклов. Так, естественные языки развиваются значительно медленнее, чем ментальные структуры.

Семиосфера многократно пересекается внутренними границами. Информационная трансляция через эти границы, «игра между различными структурами и подструктурами, направленные непрерывные семиотические «вторжения» той или иной структуры на «чужую территорию» образуют порождения смысла, возникновение новой информации» [4, 17].

И несмотря на то, что семиосфера внутренне неоднородна, это как раз подразумевает ее целостность. Существенной особенностью является то, что каждая часть семиосферы сама представляет собой целое, «замкнутое в своей структурной самостоятельности». Важнейшим условием возникновения диалогической системы является наличие двух сходных и одновременно различных партнеров коммуникации, так как диалог сам по себе включает в себя взаимность и обоюдность в обмене информацией. Но диалог должен обладать еще одним свойством: поскольку транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать единый текст, а при этом каждый из них не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке, транслируемый текст должен содержать в себе элементы перехода на чужой язык. Иначе диалог невозможен. Кстати, такая же система отношений наблюдается и в других разнообразных диалогах, например, центра и периферии культуры, «ее верха и низа».

Таким образом, культура пребывает в постоянном диалоге с внешним пространством, структурируя его по своему образу и подобию. Но этот же диалог имеет значение для самой культуры, так как в ходе диалога она приобретает и развивает свою «самость». Ведь чем больше внешних связей, чем они разнообразнее, интереснее, тем богаче культура.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Искусство, 1995. 412 с.
3. Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. 270 с.
4. Лотман Ю.М. Семиотика культуры // Избр. ст.: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. 479 с.

Д.В. Семенов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере реализации совместного курса дистанционного обучения между студентами РНУ (ФРГ) и НГЛУ (Россия))

Статья посвящена аспектам культурного обмена по средствам Интернета. Перспективы последнего в области образования рассматриваются как существенные и предлагаются средства для их достижения.

Ключевые слова: межкультурный диалог, дистанционное обучение и общение, Интернет, современные технологии.

The article is covering the aspect of cultural exchange through the Internet. The latter's prospects in the field of education are considered substantial and the means of its fostering are offered.

Key words: intercultural dialogue, distance education and dialogue, Internet, modern technologies.

Бурное развитие современного информационного общества предъявляет особые требования к специалисту. Идея «образования на протяжении всей жизни» реализуется не только в процессе поиска новых методов передачи знаний и технологий обучения. Использование интернет-технологий и дистанционного обучения, открывая новые возможности для непрерывного образования, делает и более доступными контакты с круп-

нейшими учебными центрами мира, обучение по наиболее эффективным технологиям у наиболее квалифицированных преподавателей. В свою очередь, это способствует развитию культурного диалога между обучающейся молодежью разных стран, лучшему пониманию общечеловеческих ценностей и созданию единого гуманитарного пространства.

В контексте современных процессов, связанных с модернизацией российской высшей школы и вхождением нашей страны в Болонский процесс, особое значение имеет интеграция отечественных вузов в единое мировое образовательное пространство. Особую актуальность приобретает такой аспект данной деятельности, как сотрудничество университетов России с западными научно-исследовательскими центрами (университетами). В рамках партнерских отношений между Нижегородским государственным лингвистическим университетом им. Н.А. Добролюбова и Педагогическим университетом г. Вайнгартен (ФРГ) была подготовлена совместная пилотная программа дистанционного обучения российских и немецких студентов, будущих специалистов в области социальной коммуникации и социологии средств массовой информации.

Авторы проекта: профессор РНУ Х. Михаэль и профессор НГЛУ Е.П. Савруцкая. В рамках партнерских отношений между вузами России и Германии были определены основные цели проекта, которые заключаются в следующем:

- привести программы дистанционного обучения обоих университетов к единому стандарту и требованиям;
- усовершенствовать с помощью новейших электронных технологий процесс обучения, включив в него такие формы, как непосредственный диалог студентов с преподавателем и экспертами, видеоконференции на основе Интернета;
- использовать возможности современных технологий для вовлечения студентов в межкультурную коммуникацию на базе виртуальных ресурсов;
- наладить непосредственное общение в ходе сетевых сеансов связи на базе межвузовской информационной сети и наличия выделенных высокоскоростных каналов связи;
- сформировать навыки работы с современными информационными технологиями у преподавателей и студентов.

Итогом совместной работы с немецкими коллегами стало решение вопроса об организации программы дистанционного обучения студентов НГЛУ и РНУ. Краткая характеристика структурных элементов данной программы заключается в следующем:

- демонстрация летом 2009 г. материалов программы дистанционного (сетевое, интернетного) образования (e-learning, blended), презентации, интервью, копии учебников на АЯ, фотографий с занятий;
- подготовка и чтение на английском языке 14 лекций и интервью с экспертами по курсу «СМИ в России и в Германии»;
- тестирование необходимого программного обеспечения (Adobe Connect) для установления 20-минутной коммуникационной сессии между НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и Педагогическим университетом г. Вайнгартен во время проведения лекций.
- использование всех виртуальных ресурсов (медиа-ресурсы, ссылки, сайты, страницы, адреса);
- непосредственное общение в ходе сетевых сеансов связи, переписка посредством созданного в Интернете учебного портала и размещение на данной виртуальной платформе результатов интернет-общения.

Безусловно, разработка и организация курса дистанционного обучения «СМИ в России и в Германии» может рассматриваться как серьезное и перспективное достижение вуза. Реализация данного проекта открывает перспективы для дальнейшего укрепления партнерства и взаимодействия между НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и вузами Германии и Европы. Виртуальная реальность, главной особенностью которой является эффект присутствия и возможность управления, максимально приближена к объективной реальности. Она дает возможность получать огромное эмоциональное наслаждение от общения и обладает широкими возможностями для развития личности современного студента. В свою очередь, это востребует от человека такие качества, как творческое мышление, импровизация, стремление достичь определенной цели.

Исторический опыт человечества позволяет поверить в то, что ресурсы самоорганизации общества остаются значительными и что сознательная деятельность человека способна их увеличивать. Это относится к функциональным возможностям головного мозга и организма в целом, к экологическим системам и земной социальной самоорганизации. Но для этого необходимо серьезное обучение студентов собственно теоретическому мышлению, классическим образцам исследовательской деятельности. Как показывает образовательная практика, это по-прежнему один из самых надежных способов защиты сознания человека от неконтролируемых способов воздействия на него. Иными словами, человечество должно научиться использовать технологические достижения цивилизации в созидающем, а не разрушающем человека режиме.

В любом телекоммуникационном проекте, особенно в международном, необходима более глубокая интеграция знаний, предполагающая не только изучение собственно предмета исследуемой проблемы, но и знакомство с особенностями национальной культуры партнеров, системой их ценностей. В условиях, когда в средствах массовой информации, в дискуссиях широкой педагогической общественности, подчас раздаются призывы к механическому переносу западных образовательных моделей в российский социокультурный контекст, необходимо учитывать специфику русской культуры и общественного сознания, что способно уберечь нас от ненужных ошибок и искажений.

ИНТЕРНЕТ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СЕТЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема влияния Интернета на процесс социализации молодежи. Особое внимание уделяется рискам, связанным с виртуализацией общества. В последнее время Интернет начинает восприниматься не как база данных, а как новое коммуникационное пространство. Анонимность как важнейшая черта интернет-коммуникаций создает возможность для конструирования идентичности, отличной от реальной. Иными словами, рождается виртуальная личность.

Ключевые слова: социализация, молодежь, виртуальная реальность, виртуальные личности, социальные сети.

The author of the article considers the problem of the influence of Internet on the youth's socialization. Particular attention is paid to the risks associated with the virtualization of society. Lately the Internet begins to be perceived as not database, but as a new communication space. Anonymity as a major feature of internet-communication creates possibility for constructing of identity, different from the real, by other words, creates conditions for creation of virtual personality.

Key words: socialization, youth, virtual reality, virtual personalities, social networks.

В настоящее время человечество «обживает» новое пространство, которое может стать полем для создания альтернативной социальности. Речь идет об Интернете [1]. В виртуальном пространстве находят воплощение идеалы, к которым издавна стремился человек: свобода выражается здесь в возможности беспрепятственно высказывать свое мнение, равенство – в равном доступе к информационным и развлекательным ресурсам, братство – в отсутствии вертикальной социальной иерархии и разделения на классы и страты.

В интернет-среде находят воплощения те идеалы современного общества, которые в реальности навсегда остались бы в состоянии «недовоплощенности». Постмодернистское общество и соответственно порождаемый им человек характеризуются фрагментарностью, непостоянством, стремлением меняться и воплощать одновременно несколько способов и форм бытия, разрушать иерархические структуры. П.К. Гречко отмечает по этому поводу, что современный человек из индивида как «неделимого» превращается в свою противоположность – «дивида»: «Постмодерный... “дивид” не раздваивается и даже не удваивается – он просто переходит от одного жизненного проекта к другому, делая это как под давлением жизненных обстоятельств, так и из эстетического наслаждения игрой своих физических и интеллектуальных сил» [2; 346]. При этом наиболее благоприятные условия для такой игры предоставляет виртуальный мир почти неограниченных возможностей. Но этот мир не для всех. Для того чтобы войти в него, необходимо пройти своеобразную «инициацию».

Современное общество предъявляет особые требования своим индивидам, среди которых овладение новыми навыками и видами деятельности. Выделение группы людей, активно применяющих новейшие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), позволяет ряду исследователей говорить о формировании особой неоднородной субкультуры пользователей ИКТ, среди которых есть «продвинутые пользователи», «любители» и «чайники». Ее базовые характеристики хорошо подмечены Т.В. Тычковой в монографии «Информационная культура и личность»: «информационная субкультура» окрашивает в позитивные тона любое разрушение стандартных рамок, универсалий, масштабных моделей, постоянно изобретая собственные краткосрочные модели миропонимания, которые могут быть отброшены в любой момент, если не будут соответствовать требованиям утилитарности и полезности» [3; 55]. В этом плане информационная субкультура близка контркультуре, но в информационном обществе, как утверждает Т.В. Тычкова, «меняются или теряются сами значения понятий “культура”, “субкультура” и “контркультура”» [3; 55]. Информационная субкультура, являющаяся по своей сути контркультурой, становится общепризнанной культурой, а традиционная культура, фактически, все более и более приближается к субкультуре. Вполне естественно, что в формирующуюся информационную субкультуру входят в основном люди молодые, для которых компьютер, доступ к Интернету и мобильная связь представляются чем-то необходимым и естественным и которые знают, что без всего этого человеческая цивилизация обходилась веками, но с трудом представляют как.

Сегодня виртуальность все больше и больше расширяет свои границы. Примечательно, что этот процесс протекает сразу в нескольких направлениях, главными из которых являются:

- 1) увеличение времяпрепровождения в Сети с колоссальным количеством пользователей;
- 2) параллельное существование пользователя в двух мирах, когда человек по мере возможностей совмещает свои повседневные дела с пребыванием во Всемирной Паутине,
- 3) стремление ограничить техническими средствами восприятие реального мира.

Интернет уже давно перестал быть информационной базой, это скорее зона, где можно отдохнуть, пообщаться и просто хорошо провести время. Блоги, социальные сети, чаты предоставляют возможности не только для поддержания отношений со знакомыми и родными, но и для поиска новых друзей, единомышленников и даже спутников жизни.

В Сети не играют никакой роли те факторы, которые обычно оказывают существенное влияние на характер общения с другими людьми. Здесь не важны пол, возраст, рост, вес, внешность или цвет волос и значение имеет только воображение, помогающее сконструировать виртуальную личность, в которой отображаются черты как присущие реальной личности, послужившей прототипом, так и желаемые, но не достижимые в действительности.

Общение в Сети носит доверительный характер, так как с большинством виртуальных собеседников мы никогда не встретимся в реальной жизни. Никто не боится проявить свою экспрессивность и индивидуальность – контакты, возникающие в Сети, эфемерны и непостоянны, и прекратить беседу, принявшую неожиданный оборот, можно одним кликом без каких-либо последствий для каждой из сторон. Человека привлекает простота, с которой можнознакомиться и общаться в Сети. «В Интернете человек не несет никакой ответственности ни за себя, ни за других, он никому не подчиняется и рискует только степенью удовольствия» – отмечает С.В. Тихонова [4; 59].

Помимо этого виртуальная реальность представляет уникальную возможность создать несколько образов, одновременно быть и добрым, и злым, и мудрым, и наивным, и красивым, и уродливым. Она позволяет почувствовать себя «другим», «другими» и тем самым понять свое «Я», опробовать различные стратегии поведения и выбрать самые эффективные. Зачастую опыт сетевого общения – помогать преодолеть застенчивость и скромность, препятствующие успешной социализации индивида в реальной жизни.

В большинстве своем самые активные пользователи Сети, как уже отмечалось ранее, – это молодые люди: школьники и студенты, для которых процесс вхождения в общественную жизнь еще только начинается. Если пару десятков лет назад к основным институтам социализации причисляли школу, армию, вуз, то сегодня следует признать, что современная молодежь в первую очередь принимает те ценности и модели поведения, которые пропагандируются виртуальной средой, а значит: Сеть становится институтом социализации. Однако остаются открытыми вопросы о том, способны ли сетевые коммуникации заменить привычное человеческое общение, и насколько опыт, приобретенный в виртуальной среде, адаптируем к реальной жизни, в которой предстоит реализовываться каждому человеку.

В данном контексте важно отметить, что Интернет способствует необычайно плодотворной трансляции не разделяемых традиционной культурой ценностей тех или иных субкультур и увеличению числа их приверженцев, с одной стороны, и появлению новых форм культурной идентичности, которые не были бы возможны вне виртуального пространства, с другой. И причина этих явлений не только в том, что виртуальная реальность заманчивее, ярче и притягательнее действительности (психологический аспект), не только в том, что она существенно расширяет ограниченные возможности человека (технический аспект), но и в особенностях современного общества.

Информация, распространяемая в Сети, носит хаотичный и неструктурированный характер. Она может быть недостоверной, умышленно ложной и даже провокационной. Никто не несет ответственности за ее истинность, ведь виртуальное пространство – это пространство свободы, а неограниченная свобода всегда находится на грани анархии. Для того чтобы иметь возможность давать оценку этой информации, нужно иметь прочные ценностные основания, знания и жизненный опыт. Молодежь же оказывается беззащитной перед всеразрушающим потоком разноплановой информации.

Особую угрозу вызывает стремление молодых людей не представлять свою реальную личность, а создавать виртуальную, зачастую не имеющую ничего общего со своим создателем. К примеру, в социальных сетях активно развивается сообщество виртуалов, прообразами для которых служат исторические личности, литературные персонажи, общественные деятели современности, популярные актеры, певцы и даже неантропоморфные сущности, как-то: «Разум в банке» или «Абсолютный Дух». Они общаются между собой каждый на языке представляемой им эпохи, и единственный смысл такого общения – игра и уход от гнетущей реальности в мир чистой фантазии.

Рост числа виртуальных личностей не может не вызывать серьезных опасений. Люди, пренебрегающие своим реальным «Я» ради созданной ими виртуальной личности, готовы ссориться с родными, протестующими против подобного решения, пренебрегать личным временем, своим внешним видом, питанием и сном; отрываясь от виртуального мира, они продолжают переживать произошедшие там события и говорят о них, наделяя их равной значимостью с произошедшими в действительности, а зачастую и большей. Стремление к уходу в виртуальную реальность сегодня становится ужасающей тенденцией. Этот процесс тем опаснее, чем глубже он укореняется в самой культуре. Как отмечает О.Б. Скородумова: «Усвоение ценностей массовой культуры, опирающихся на культ потребления и развлечения, пропагандирующих новизну впечатлений как самоценность, смену ролей как способ существования в быстро меняющемся мире, что в конечном итоге повышает реальность распада реальной личности и приводит к полному погружению ее в “жизненное пространство” виртуальных миров» [5; 85].

Однако построение альтернативной социальности в Сети является не чем иным, как очередной утопией. Общественный порядок не преломляется виртуальной реальностью, а переносится в нее: свобода ограничивается тотальным контролем, который в Интернете приобретает большие масштабы, чем в повседневной жизни, а неравенство не преодолевается, а приобретает новые формы.

Список литературы

1. Трахтенберг А. Интернет как пространство утопии // Свободная мысль. 2007. № 6.
2. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.
3. Тычкова Т.В. Информационная культура и личность. Саратов, 2008.
4. Тихонова С.В. Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть // Полис. 2007. № 3.
5. Скородумова О.Б. Виртуальная личность и свобода (к проблеме социокультурных истоков понимания свободы в Интернете) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2004. № 2.

МОЛОДЕЖНЫЕ САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ СМИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье приводятся данные о деятельности молодежных самодетельных средствах массовой информации – эффективном средстве социализации молодежи, показателе культурного развития общества. Представлена саморегулирующая природа Интернета, которая усиливает возможности самодетельной журналистики.

Ключевые слова: молодежные самодетельные СМИ, интернет-издание, каналы масс-медиа, социализация, Оренбургская область.

The article is about the youth amateur press. An youth amateur Mass Media is effective means of young people socialization and indicator of culture society. The self-regulating character of Internet intensifies possibilities of amateur journalism.

Key words: youth amateur Mass Media, Internet-newspaper, channels of mass media, socialization, Orenburg region.

Молодежные самодетельные средства массовой информации являются эффективным средством социализации молодежи, показателем культурного развития общества. Историческая ситуация, характер общественных отношений обуславливают поведенческую модель поколения: ценностные ориентации, мировоззрение, интересы и стереотипы восприятия, схемы и принципы жизнедеятельности молодежи. Участие молодых людей в создании газет, теле- или радиопрограмм позволяет им преодолеть информационно-коммуникационный вакуум, самоопределиваться в этом мире, познать самих себя, выработать активную гражданскую позицию. Данные СМИ обеспечивают устойчивость функционирования, преемственность развития социума, обслуживание общественных интересов и потребителей информации [1].

Термин «самодетельность» неслучаен. Под ним мы понимаем способность индивида (молодежи, группы молодежи) к самостоятельным, независимым действиям. Таким образом, молодежные самодетельные средства массовой информации – это активное воспроизводство подрастающим поколением такого социального поведения, как участие в информационной и общественной деятельности.

Современная молодежь, так или иначе, интегрирована во все каналы масс-медиа. Но постепенно традиционные средства массовой информации уступают лидирующие позиции новейшим медиа.

Как показывает проведенное нами в январе 2010 года исследование (200 человек), оренбургская молодежь предпочитает интернет-издания (44%). Респонденты готовы читать печатные издания, если они будут распространяться бесплатно, по системе «до почтового ящика (22%); «утруждать себя покупкой газеты в киоске» готовы лишь единицы (5%).

Издания, созданные молодежью и предназначенные для нее, как правило, существуют в интернет-пространстве, и эта форма существования зачастую является для них единственной.

Данному формату предпочтение отдается по нескольким причинам:

- относительная долговечность материалов (6%);
- «посещаемость выше, затрат меньше» (8%);
- доступность («всегда и везде») (9%);
- оперативность (16%);
- отсутствие ограничений в объеме (18%);
- визуальная привлекательность и дополнительные сервисы (21%);
- возможность получения «быстрой обратной связи» и комментариев (22%).

По результатам наблюдений за молодыми людьми, работающими в сети Интернет, можно сделать вывод, что в начале их работа носит в основном информационно-коммуникативный характер. Но постепенно проявляется и другой мотив активной работы в Интернете – ориентация на большие достижения в жизни – демонстрация своих успехов. Молодежь не только ищет интересующую ее информацию, но и желает представить в Интернете информацию о себе, увидеть результат своей работы и показать его друзьям [2].

Саморегулирующая природа Интернета усиливает возможности самодетельной журналистики [3, 85]. Фактически, граница между автором и читателем стирается. Зачастую он-лайн-диалоги, комментарии становятся самостоятельным материалом, претендуя на оформление в оригинальном сетевом жанре.

В Оренбургской области различными инициативными группами предпринимались многочисленные попытки создания молодежного СМИ. Как правило, эти издания недолговечны в силу разных причин (чаще всего финансовых и быстрой ротации авторского коллектива).

Интересен в этом отношении молодежный ежемесячный журнал «Твоя территория», который первоначально был запланирован как 24-полосный полноцветный журнал (2007 г.), тиражом 999 экземпляров. Но начиная с января 2008 г. журнал размещается только на файлообменном ресурсе *ifolder*. Материалы обновляются по мере поступления их от авторов. Численность аудитории резко возросла: к существующей добавилась условно называемая нами интернет-зависимая.

Читатели «Твоей территории» – это представители молодежных субкультур, подтверждением тому является названия рубрик: «Авторская территория», «Экспериментальная территория», «Территория рейтинга» и т.д.

С целью определения материалов по общим направлениям нами были рассмотрены 3 выпуска журнала «Твоя территория» за 2009 г. Общее количество материалов 94.

Основными критериями определения материалов по следующим направлениям стали: назначение данного текста и его форма.

Анализ данных, представленных в табл. 1, показывает, что доминируют материалы журналистской направленности (67,3%). Это не случайно, поскольку редколлегия «Твоей территории» преимущественно состоит из студентов журналистских факультетов, для которых работа в журнале – возможность набраться опыта; следом идут материалы художественно-творческой направленности (29,1%). Для молодых людей работа в журнале – это также возможность самовыражения, проявления творческих способностей; на третьем месте – тексты коммуникативной направленности (3,6%). Низкий процент коммуникационных материалов объясняется тем, что журналистские и художественные тексты содержат в себе черты коммуникации. Практически к каждому материалу добавляются многочисленные комментарии.

Таблица 1

Определение материалов по общим направлениям

Направление	%
Журналистика	67,3
Художественное творчество	29,1
Коммуникация	3,6

Данные табл. 2 демонстрируют разнообразие интересов молодежи, лидирующие позиции занимают следующие темы: досуг, развлечение (24,1%), культура (11,1%), учеба, университет, будущая профессия (11%), связь с читателями (8,4%), общество, окружающий мир (7,6%).

Таблица 2

Распределение материалов по темам

Тема	%
Политика	1,4
Культура (литература, искусство, музыка и т.д.)	11,1
Учеба, университет, будущая профессия	11
Досуг, развлечения	24,1
Дружба, любовь, секс	7,7
Семья, взаимоотношения с родителями	1,8
Этика, мораль	3,2
Экономика	0,3
Спорт	1,3
Общество, окружающий мир	7,6
Здоровье	2,7
История	4,1
Связь с читателями	8,4
Природа, экология	7
Религия	15
Другие темы	4,7
Синтез проблем	2,6

Таким образом, мы можем сделать вывод, молодежные самостоятельные интернет-издания поднимают различные темы, удовлетворяя информационно-коммуникационные потребности сверстников. Популярность таких изданий способствует интерактивное общение, возможность обратной связи, оперативность и доступность [4].

Список литературы

1. Гонне Ж. Школьные и лицейские газеты. М.: Юнпресс, 2000. 222 с.
2. Якушина Е.В. Подростки в Интернете: Специфика информационного взаимодействия. М.: Юнпресс, 2001. 56 с.
3. Цымбаленко С.Б. Подросток в информационном мире: практика социального проектирования. М.: НИИ школьных технологий, 2010. 256 с.
4. Вяткина Л.А. Самостоятельная подростковая пресса в системе СМИ. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 253 с.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФЕНОМЕН СВЕТСКОЙ БЕСЕДЫ

Феномен светской беседы в статье рассмотрен как один из важнейших компонентов успешной коммуникации в современном глобализирующемся пространстве. Уникальность этого вида взаимодействия заключается в том, что формируется он под воздействием и мировых, и местных культурно-обусловленных специфик общения. Именно в связи с тем, что навыки светской беседы так актуальны, на занятиях по иностранному языку важно уделять особое внимание развитию необходимых для успешной социализации навыков и формировать не только лингвистические, но и когнитивные, прагматические и профессиональные компетенции у обучающихся.

Ключевые слова: светская беседа, межкультурный контекст, кросс-культурная дискурсивная компетенция, иллокутивная сила.

In this article, small talk is viewed as one of the most important aspects of successful communication. This type of interaction is unique as its norms and standards are influenced by both global and local culturally specific conversational traditions. In order to master the art of small talk in the classroom, language learners should be able to develop linguistic, pragmatic, cognitive and professional skills.

Key words: small talk, intercultural context, cross-cultural discursive competence, illocutionary force.

Введение

Вопросы успешной коммуникации в контексте международного сотрудничества в эпоху глобализации вызывают интерес представителей различных профессиональных направлений, в первую очередь лингвистов, психологов, маркетологов и т.д. Первый контактоустанавливающий шаг коммуникации может стать основополагающим в налаживании продуктивного профессионального взаимодействия. Рассматривая фатические (т.е. контактоустанавливающие) особенности коммуникации, нельзя не говорить о феномене светской беседы (разговор о погоде или дружеская беседа) – small talk. Многочисленные возможности толкования англоязычного термина свидетельствуют о том, что в русскоязычном восприятии данное понятие не имеет четкого определения. Более того, социально-культурные условия советского общества не способствовали появлению и укреплению данного феномена, развитие которого, как правило, происходит параллельно зарождению и укреплению позиций так называемого «светского аристократического общества» [1].

В условиях глобализирующейся действительности навыки владения светской беседой становятся необходимыми для тех, кто желает успешно интегрироваться в мировое профессиональное пространство. Умение поддерживать светскую беседу может стать залогом «последующей полноценной и эффективной коммуникации и, как результат, социального самоутверждения языковой личности» [2, 294]. В связи с тем, что мобильные американцы, обладающие уникальным потенциалом к социальной адаптации, считаются мастерами светской беседы [3], многие коммуникативные особенности были адаптированы в современную российскую культуру из американского общества. Безусловно, культурный контекст является определяющим фактором в выборе тактик ведения подобного разговора. Если речь идет о светской беседе в межкультурной среде, то в процесс коммуникации вовлекаются две культуры и ее представители с уникальным видением действительности. В подобном случае успешность диалога зависит не только от языковых навыков, а, скорее, от фоновых знаний коммуникантов о культурах друг друга, понимания их различий.

В данной статье, утверждающей, что социализация в современном мире невозможна без навыков светской беседы, мы рассуждаем о том, почему подобные коммуникативные качества так важны в современном мире, как они связаны с историческим развитием общества. Мы рассматриваем виды навыков, необходимых для того, чтобы овладеть мастерством светской беседы, которая часто остается незамеченной на занятиях иностранного языка.

1. Глобализация и современные коммуникативные практики

Глобализация затрагивает экономики современных государств, способствуя их взаимозависимости. Последнее невозможно без влияния на социальный, культурный и лингвистический уровень жизнедеятельности современного человека. Изменение стратегических основ развития обществ, ориентированных на мировое пространство, существенно влияет на социальные цели, которые выдвигает перед собой каждый отдельный представитель современности. Преобразование социальных практик, а также принципов социализации людей неизменно приводит к трансформации дискурсов, что в конечном счете проявляется и в наших языках [4]. Тот факт, что в начале XXI столетия английский язык превратился в международное средство общения, интегрируясь в систему речи обществ с одним государственным языком, свидетельствует о глубочайших изменениях, которые уже произошли в современных культурах.

Зачастую индивиды, сами того не подозревая, пожинают плоды глобализации посредством роста мобильности населения как внутри государства, так и за его пределами, активизации англоязычных терминов, характерных для всех языков мира и употребляемых в повседневных ситуациях, увеличения международных профессиональных контактов и, наконец, усиления взаимозависимости культур в различных сферах деятельности, например, туризме, бизнесе, спорте, образовании и т.д. Именно поэтому ментальность современных людей и особенности коммуникации, принятые в одной культуре, формируются под воздействием мировых тенденций.

Рост роли контактоустанавливающей функции, занимающей одно из центральных мест в профессиональной среде, в российской культуре происходит под влиянием мировых тенденций. Однако коммуникативные

практики, т.е. наборы ситуативно обусловленных речевых действий, существуют и обслуживаются за счет «инвентаря», отражающего уникальный национальный характер и образ жизни носителей языка. Именно подобные процессы, т.е. трансформации уникальных местных коммуникативных традиций под воздействием мировых, обуславливают двухуровневый характер изменений современных языков. С одной стороны, наши языки пополняются все большим количеством заимствований из международного средства общения, т.е. из английского языка. Важно отметить, что эти заимствования не ограничиваются только лексикой, они затрагивают и когнитивные уровни восприятия действительности. С другой стороны, сохраняются и появляются единицы, обладающие уникальным национальным характером. Для понимания этой уникальности необходимо выявить экстралингвистические факторы, обусловившие в свое время необходимость появления данных речевых средств.

2. Светская беседа как результат воздействия мировых коммуникативных норм

Светская беседа – яркий пример вышеуказанного взаимодействия двухуровневых тенденций. Цель подобного взаимодействия неизменна как в местном, так и международном масштабе: «...создание благоприятного климата общения. Светская беседа играет роль вводной части разговора, предваряющей разговор по существу» [1]. Понимание же «благоприятного климата» и что именно может выступать в роли вводной части разговора, способной заинтересовать адресата, может различаться в культурных контекстах.

2.1. Особенности светской беседы в российском обществе

Британский психолог Марти Лэйни считает, что светская беседа состоит из четырех основных этапов или четырех типов фраз: открывающих (openers), поддерживающих (sustainers), переходных (transitions) и закрывающих (closers) беседу. Исследователь отмечает, что светский разговор, который ведет группа стоя, продолжается в среднем от пяти до двадцати минут [5]. Четыре типа фраз, свойственных подобной беседе, могут быть перенесены в контекст российской культуры, однако сам формат общения «стоя» еще не совсем освоен.

У заимствованного феномена светской беседы есть свое уникальное «национальное лицо». Данный феномен по своей сути похож на максимы Кооперации Пола Грайса, использование которых способствует эффективной коммуникации. Это, как известно, максимы Количества, Качества, Релевантности (отношения) и Способа [6]. Так, принцип Количества заключается в том, что для правильного ведения разговора коммуниканты должны сообщать только необходимое количество информации для данного этапа. Понимание «правильного количества» информации будет, безусловно, разным в сдержанной Норвегии и эмоциональной Испании.

В российскую культуру жанр светской беседы был привезен из Европы Петром Первым и получил распространение в дворянской среде, в которой подобные разговоры могли вестись на нескольких языках. После Октябрьской революции 1917 г., как и другие проявления бывшей буржуазной жизни, понятие светской беседы исчезло из повседневной среды. В советском обществе появились жанры, направленные на коммуникацию с пролетариатом и крестьянством, а не со знатью. Воссоздаться жанр светской беседы стал после 1990-х гг. одновременно с развитием деловых отношений и новой корпоративной культуры.

Исследователи (например, Костина) справедливо отмечают недостаточную изученность светской беседы как феномена речевого жанра, и как самого речевого жанра именно в связи с нелегкой исторической судьбой России [7]. В качестве совета для тех россиян, которые пытаются освоить навыки подобного речевого жанра, эксперты предлагают придерживаться нейтрального, спокойного, легкого тона, не провоцировать споров, не высказывать свое мнение слишком категорично. Хорошие темы – это спорт, хобби, интересные события, путешествия и местные пейзажи, домашние животные. Можно говорить о своей профессии – но ненавязчиво, чтобы собеседнику не было скучно. Неизменная тема для светской беседы – это погода. Не стоит говорить о болезнях, проблемах, горе, смерти, конфликтах, а также о доходах, дороговизне и вообще о деньгах [8].

Учитывая сложную природу феномена светской беседы, подобные советы, хотя и можно считать правомерными, тем не менее, несколько упрощают понимание данного явления. Российская культура – высоко-контекстная, а это значит, что множество смыслов передается имплицативно, т.е. пониманием, но не говорением. Ряд социальных факторов, например, таких как возраст, пол, статус и т.д., влияют на то, кто начинает, а кто заканчивает разговор, на меню ролей, выбор тем и т.д.

2.2. Светская беседа в межкультурном контексте

Итак, если навыками владения непринужденной беседы с представителями родной культуры овладеть относительно легко, в межкультурном контексте зачастую данное мастерство освоить довольно сложно. В подобной ситуации необходимо использование целого ряда компетенций – межличностного и межкультурного общения, лингвистических, т.е. знания иностранного языка и т.д. Именно поэтому кажущаяся простота подобных разговоров, отражающих многочисленные мини-ритуалы, обманчива. Чтобы освоить принцип ведения светской беседы в международном контексте, необходимы знания о том, что происходит в различных социальных сценариях данной культуры: one should be aware of numerous mini-rituals happening in society which become apparent only when we closely examine many different socio-linguistic environments [9, 6].

Сложно представить универсальный сценарий, в формате которого может развиваться светская беседа, даже в конкретной культуре. Часто исследователи, затрагивая проблемы межкультурной коммуникации, акцентируются на общих вербальных и невербальных особенностях поведения, а также традициях принимающей культуры, относительно стандартов которой оценивается поведение иностранцев. Подобное рассмотре-

ние процесса межкультурного диалога, на наш взгляд, несколько упрощено. Более актуален в нашу эпоху подход, предполагающий реконструирование «кросс-культурной дискурсивной компетенции» (cross-cultural discursive competence) (CCDC или ККДК), понимаемый как двусторонний интерактивный процесс адаптации взаимодействующих культур [10]. Использование термина «реконструирование» для описания данного понятия указывает на то, что в процессе межкультурного общения взаимодействуют две культуры, каждый случай – уникален и не может оцениваться с позиций принимающей культуры. Создатели модели ККДК утверждают, что наличие компетенций в 1) культурном; 2) институциональном (профессиональном) и, наконец, 3) социокогнитивном пространствах являются показателями наличия кросс-культурной дискурсивной компетенции [10, 190].

Успешная светская беседа, таким образом, является признаком наличия ККДК, которая базируется на соблюдении элементарных принципов вежливости, включающих следующие действия [11]: 1) уделить внимание интересам и нуждам собеседника; 2) согласиться, найти взаимопонимание; 3) интересоваться процессом общения; 4) избегать несогласий; 5) демонстрировать общие интересы, взаимопонимание; 6) высказывать предложения, обещания и т.д.

3. Светская беседа и обучение иностранному языку

Очевидно, что для дальнейшего личностного развития и профессионального роста в контексте динамичной реальности выпускники учебных заведений должны осознавать важность межкультурного диалога. Анализ предложенных исследователями качеств, необходимых для успешного владения навыками светской беседы (например, Laneу, 2002; Fine, 2005) указывает, что на занятиях по иностранному языку необходимо развитие коммуникативных компетенций на лингвистическом, когнитивном, прагматическом и профессиональном уровнях.

Лингвистический уровень предполагает освоение фонетических, лексико-грамматических и синтаксических особенностей языка. Зачастую языковая компетенция студентов заканчивается на этом уровне, особенно если процесс обучения сводится к изучению правил, механическому выполнению упражнений, чтению и переводу текстов. Когнитивный уровень отражает процесс познания действительности и выражается в формировании способности у студентов осознавать возможности репрезентации иноязычной картины мира в языке и речи. На прагматическом уровне формируется способность учитывать ситуативные особенности интеракции, характеристики участников процесса, уместные жанровые специфики коммуникативных выборов и т.д. И наконец, в ходе светской беседы часто складываются благоприятные условия для того, чтобы «впечатлитель» коллег и деловых партнеров своими достоинствами в профессиональной среде.

Таким образом, основы межкультурной компетенции – это не просто изучение языка, но и формирование прагматической компетенции, которая складывается из прагмалингвистического и социопрагматического компонентов [12]. Проблемы прагмалингвистического характера возникают в том случае, если говорящие переносят нормы и правила речевой коммуникации из родного языка в иностранный. Примером может служить буквальное понимание фраз, которые имеют в другой культуре ситуативно-нормативное использование в виде косвенных речевых актов. Например, вопрос: *How are you?* – приветствие, не предполагающее подробного описания проблем; прозвучавшая на занятии фраза: *Would you like to read?* – принятая в англоязычных культурах косвенная вежливая побудительная к действию форма выражения, на которую нельзя дать однозначный ответ, как это происходило на занятиях с русскоязычными студентами [13].

Социопрагматические неудачи проявляются в использовании неправильного речевого поведения в определенных ситуациях, в неспособности распознать необходимость реализации отличных социальных норм: использовать более формальные и вежливые речевые средства или избегать тем, которые в принимающей культуре неуместны [12, 288].

Одним словом, обучающиеся должны научиться распознавать подлинное значение, т.е. иллокутивную силу речевых актов (комплиментов, просьб, жалоб, приказов и т.д.). Безусловно, нельзя подготовить студентов ко всем возможным ситуациям, однако возможно познать коммуникативную суть изучаемого языка, например, косвенность английского языка, носители которого, как правило, не навязывают свое мнение другому собеседнику. Вопросительная форма может использоваться не как вопрос, а как предложение, побуждение к действию: *Would you like something to drink?* Подобная уклончивость в вопросах, предположениях, высказываниях в целом объясняется англо-саксонской культурной традицией, ставящей акцент на личные (автономные) права индивида, подчеркивая важность невмешательства в образ жизни или мысли другого [14]. Анализ ошибок и уместных речевых реакций поможет студентам освоить важнейший в глобальном мире навык многофункциональной светской беседы [15].

Выводы

Навыки светской беседы, заключающиеся в первую очередь в умелой реализации контактоустанавливающей функции, являются важнейшими показателями успешной социализации, как правило, в профессиональной среде. Актуальность обсуждаемого вида коммуникации обусловлена тенденциями, которые происходят в современном мире и преобразуют национально-культурные традиционные формы речевого поведения. Тесное взаимодействие и взаимозависимость культур в различных областях деятельности – основная причина, по которой местные принципы социализации глобализируются.

Тем не менее историческая судьба общества продолжает влиять на то, как мировые тенденции интерпретируются в отдельных культурах, например, в российской. Именно поэтому аспект светской беседы должен стать неотъемлемой частью современных занятий по иностранному языку. Освоение навыков светской беседы предполагает развитие ряда речевых компетенций с учетом прагматического аспекта. Это такие компетенции, как лингвистическая, прагматическая, когнитивная и профессиональная. Прагматический аспект присущ всем компетенциям и разделяется на прагмалингвистические и социопрагматические особенности. В результате освоения коммуникативных норм языка с учетом всех факторов у студентов формируется кросс-культурная дискурсивная компетенция, позволяющая им в любой ситуации мирового коммуникативного пространства изыскивать адекватные речевые средства с учетом целей и задач коммуникации.

Список литературы

1. Белоус А.С. Эволюция жанра светской беседы (Small Talk): (Автореф). Нижний Новгород, 2010. 24 с.
2. Хурыз И.П. Фатическая функция и ее лингвопрагматические параметры: аспект межкультурного взаимодействия // Личность, речь и юридическая практика. Вып. 12. Ростов н/Д, 2009. С. 293–296.
3. Lewis R. When Cultures Collide. Boston; L.: Nicholas Bredly International, 2006. 600 p.
4. Fairclough N. Language and Globalization. L.; N.Y.: Routledge, 2006. 200 p.
5. Laney M. The Introvert Advantage: How to Thrive in an Extrovert World. Workman Publishing Company, 2002. 330 p.
6. Aktajian A. Linguistics: An Introduction to Language and Communication. Massachusetts, 2001. 604 p.
7. Костина И.В. Светская беседа: опыт теоретического осмысления // Ярославский пед. вестн. 2004. № 3(40). [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/24_4/.
8. Светская беседа: запретные темы с иностранцами // Центр этикета «Европейский формат». 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statusnew.ru/format/svetskaya-beseda.html>.
9. Coupland J. Introduction: sociolinguistic perspectives on small talk // Small Talk. Pearson Education Limited, 2000. P. 1–25.
10. Zhu Y. From cultural adaptation to cross-cultural discursive competence // Discourse & Communication. Vol. 2. 2008. P. 185–204.
11. Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language use. N.Y.: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
12. Ife A. Intercultural Dialogue: The Challenge of Communicating Across Language Boundaries // In and Out of English: For Better, For Worse? Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2005. P. 286–298.
13. Thomas J. Cross cultural pragmatic failures // Applied Linguistics. 1984. Vol. 4(2). P. 91–112.
14. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. Berlin; N.Y.: de Gruyter Mouton, 2003. 502 p.
15. Fine D. The Fine Art of Small Talk. N.Y.: Hyperion, 2005.

Л.С. Яковлев

Поволжская академия государственной службы, Саратов, Россия

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВИРТУАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В условиях глобализации утрачивают значимость модели социализации молодежи, традиционно связанные с национальной идентификацией. Резко возрастает вариативность процессов социализации. Оппозиционными к этим тенденциям оказываются дискурсы идентичности, ориентированные артикуляцией национальной общности как антитезы индивидуализму. Эти дискурсы получают своеобразные интерпретации в восприятии молодежью. Происходит упрощение, политизация их положений. В то же время для большинства молодежи характерна дальнейшая фрагментация и одновременно универсализация процессов идентификации. При этом идентичность все чаще строится на основе виртуальных конструкций. Глобализация лишает смысла логику построения идентичности на основе принадлежности к территориальным общностям. Этим предопределяется универсализация процессов социализации на основе смены относительно узкого набора фиксированных моделей широким спектром модификаций модели базовой. Закономерными характеристиками такой модели становятся толерантность, потенциальная вариативность, модульность, отказ от метанарративов в пользу спектра взаимозаменяемых алгоритмов, кастомизация, виртуализация.

Ключевые слова: глобализация, молодежь, социализация, идентичность, антиглобализм, дискурсы процессов идентификации.

With globalization, are losing value model of socialization of young people, traditionally associated with national identity. Dramatically increases the variability of socialization's processes. Opposition to these trends are discourses of identity-oriented articulation of national identity as the antithesis of individualism. These discourses prepared original interpretation in the perception of youth. The simplification, the politicization of their provisions. At the same time, the majority of youth is characterized by the further fragmentation, and, simultaneously, universalization, the identification process. In this case, identity is increasingly based on virtual structures. Globalization make no sense of logic, the construction of identity based on membership of a territorial community. This is predetermined by the universalization of the socialization's processes, based on the change of a relatively narrow set of fixed models of a wide range of the basic model modifications. Logical characteristics of this model are tolerance, the potential variability and modularity, the rejection of meta narratives in favor of the range of interchangeable algorithms, customization, virtualization.

Key words: globalization, youth, socialization, identity, anti-globalism, discourses of the identification.

Введение

Идеологизация процессов социализации в определенной степени всегда имела место, но становится значимой в индустриальном обществе, особенно на стадии его кризиса. Это обусловлено нарастанием интереса интеллектуальных элит к проблемам идентичности. Адаптивность аутопойетических (Н. Луман) систем по

мере их усложнения предполагает нарастание темпов изменчивости. В сочетании с высокой ценностью рефлексии это и создает возможности критического осмысления процессов развития. Кроме того, потенциальная вариативность моделей социализации становится очевидной. Пятьсот лет назад о том, какой следует быть молодежи, рассуждали не так часто во многом и потому, что схемы ее религиозного воспитания были устойчивы, отработаны, казались эффективными. Сейчас «алармистские» интерпретации социализационных процессов представляются для многих имеющими право на существование.

В центре внимания при этом оказываются возможные влияния глобализации на становление молодых поколений и через них на идентичности современных социумов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили тексты, репрезентирующие современные дискурсы российской идентичности, материалы форумов, целевых сайтов, посвященных актуальной для выделенных аспектов социализации тематике, а также блогосферы. Осуществлен дискурсивный анализ текстов.

Результаты и их обсуждение

Схемы, построенные на противопоставлении глобализации парадигмы национального государства, в России естественным образом к практикам реального Российского государства не обращаются. При всех трудностях развития федерализма в РФ властью последнее десятилетие проводится достаточно последовательный курс на правовое государство. А таковое по определению не может интенсивно использовать в качестве инструмента мобилизации идеологические конструкты, как раз и существующие именно для компенсации очевидно не оптимальной политики, слабости правового сознания, неразвитости гражданского общества. Инициатива середины 90-х гг. по поводу «разработки национальной идеологии» служит как раз хорошей иллюстрацией к данному тезису. Поэтому антиглобализм, апеллирующий к территориальному государству, у нас оказывается в том или ином смысле оппозиционным.

Могут быть выделены в качестве смысловых экстримов концептуализации, которые стоит связывать с именами как разработчиков А. Дугина (по результатам опроса, проведенного сайтом *openspace*, в котором было отдано более 40 тыс. голосов, Дугин занял 36-е место среди самых влиятельных интеллектуалов России, шестикратно уступив, впрочем, лидеру опроса В. Пелевину) [1] и С. Кургиняна. Первая представляет собой примечательную попытку придать современный смысл идеям, генетически связанным с мифологемой «третьего Рима», вторая – опыт конструирования «интеллектуальной оппозиции» либерализму. Вполне естественно, что в чистом виде они не находят массовой поддержки, уступая в мобилизационном потенциале даже куда менее проработанной схеме Э. Лимонова.

Неоевразийство А. Дугина оказывается либо чисто теоретической системой, либо, выходя в сферу политики, смыкается с течениями, обладающими иной философской основой. Разумеется, среди «продвинутой» университетской молодежи находится и определенное количество сторонников дугинской версии консерватизма, как почти любой теории. Но такого рода поддержка в России означает совсем иное, нежели во Франции 1968 г. Необходимо подчеркнуть, что для А. Дугина, как в свое время для К. Леонтьева, базовой конструкцией служит не сам по себе национализм, а отрицание лежащего в основе либерализма индивидуализма: «должен быть выдвинут радикальный лозунг: “нация – все, индивидуум – ничто”» [2, 257]. О причинах привлекательности следующей отсюда модели идентификации в свое время достаточно сказано Э. Фроммом.

Несколько иначе эволюционировал антилиберализм С. Кургиняна. Еще в конце 80-х гг. он выступал одним из разработчиков проекта «монастырского коммунизма» [3], в дальнейшем получившего развитие в тезисе о необходимости реализации мобилизационного проекта с целью перехода России в постиндустриальное и посткапиталистическое состояние (сверхмодерн). Но спустя десятилетие, практические политические приложения этого тезиса становятся созвучны идеям А. Дугина. В проекте телеканала «Петербург» «Суд времени» С. Кургинян озвучивает и ранее высказывавшийся им тезис: народ есть его историческое предназначение. Системная функция этого тезиса очевидна, именно он обеспечивает возможность противопоставления индивидуальности нации, которое само по себе лишено всякого смысла: народ есть не что иное, как сумма составляющих его личностей (пусть и не арифметическая). Однако именно из признания этой очевидности в свое время произошел классический либерализм революции 1789 г. С тех пор делалось немало попыток опровержения его основы, представления о нации как совокупности граждан: Э. Берком с опорой на связь поколений, К. Леонтьевым с позиций оправдания иерархии, наконец, в XX столетии коммунистической и фашистской идеологиями с позиций соответственно провозглашения научно-обоснованной цели социального прогресса и мифа о «крови и почве». Не столь важно, какое именно историческое предназначение определяет для русского народа С. Кургинян, главное, что при этом происходит десубъективация народа, лишаящегося права самостоятельно определять, что он полагает для себя ценностями. Подчеркнем, что данные идеологемы обсуждаются нами исключительно в контексте их интеграции в идентификационные процессы и мы не затрагиваем содержательные аспекты, например, связанные с действительным отношением А. Дугина или С. Кургиняна к коммунистической идее, возможности ее теоретического согласования с национализмом, отношением всех этих конструктов к практикам «реального социализма». При этом подразумевается идентификация, основанная на общности вокруг предложенной идеи и адекватная ей модель социализации.

Однако такая операция легка лишь в теории. Определенную поддержку в общественном мнении данные тезисы находят, но, пожалуй, не со стороны «интеллектуальной оппозиции». На сайте «Кубинская пятерка» находим следующие высказывания (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация подлинников):

«Смас, добавлено: 13.08.2010 – 14:43. Кургинян молодец!!! Крепко жму Вашу руку, Сергей Эрвандович! А иуды Сванидзе и Млечин – мерзавцы и подлецы ... предали Родину, вскормившую их!» «Сергей, добавлено: 05.08.2010 – 22:59. Экономика СССР была самодостаточной, ориентированной на внутренний рынок, ни о каком спаде и речи не могло быть, полная занятость, социальная защищенность, уверенность в завтрашнем дне, а поэтому рост населения. А сейчас? Украина и Россия вымирают. А они – про голодомор, репрессии. В ГУЛАГ бы этих тварей». «Pro, добавлено: 05.08.2010 – 20:56. Сванидзе молодец? Да они на пару с Млечиным – ярые антисоветчики, выполняют заказ на поливание грязью всего советского периода». «Дело ЕБН живет и побеждает, добавлено: 04.08.2010 – 10:24. Одебиленное зомбиящиком население уже не помнит чего было позавчера. Ему по телику говорят – «вас по миллиону (на самом деле больше) в год истребляют». Это что мало? Тогда будет по 10 млн в год. Оно молчит и ... не понимает. Только активнее наркоту заглывает и усерднее в зомбиящик пялится – «чтобы не заморачиваться». А с «реформой образования», без медицины и ГМО едой совсем в биороботов-мутантов-вырожденцев превратится» [4].

Агрессивный драйв вуалирует банальность используемой аргументации, в которой отсутствие аргументов (поскольку таковыми никак нельзя назвать попытки использования данных по демографическому переходу для обоснования обвинений в геноциде и «расчетов» ВВП для анализа качества жизни) возмещается стигматизацией: «мерзавцы и подлецы», «воры», «бандиты», «антисоветчики», «одебиленное население», «зомбиящик», «биороботы», «вырожденцы» с использованием лексики, адекватной стилистике советской пропаганды эпохи репрессий; вполне органично выглядит и призыв отправить «тварей» в ГУЛАГ.

Несколько более сдержанная стилистика характеризует сайт vott.ru. «*uran* #3 | 6 дней назад | Кому: Всем. Камрад, как ты это выдерживаешь??? Кургинян, конечно, молодец (сам не понимаю зачем они его позвали, такие самоуверенные!!!), но этот Млечин!!! Разве что в инете смотреть и только прокручивать его мерзкое нытье!!! *Simpson*. Да к черту истеричку Млечину. Кургинян не забывает и Вашу честЬ с завидной регулярностью на место ставить. Ради этого можно и немного пострадать *Польнь*. Это вахханалия какая то, у нас в цеху металлоконструкций мужики (слесаря и сварные), так не интеллигентно о Сванидзе и Млечине говорили, тушите свет. *боец РККА*. Поначало прикалывало, сейчас уже не вставляет. Надоело смотреть на тупые хари Млечина со Сванидзе» [5]. Впрочем, непечатная лексика присутствует и здесь, но участники данного форума склонны, скорее, получать удовольствие от зрелища состязания с заранее известным и желаемым результатом. Общение при этом выполняет чисто фатическую функцию. По сути, аналогичный смысл имеют и высказывания в блогах: «*руссino*: в качестве ведущих были заявлены два либеральных журналиста – Млечин и Сванидзе. Последний у нелиберальной аудитории вызывает откровенное презрение... Ничем не лучший имидж сложился и у Млечина, журналиста, снявшего не мало фильмов и написавшего не мало книг “вроде бы” исторического содержания» [6]. «*visionarys*: В роли судьи – матерый манипулятор и либерал Николай Сванидзе. Задача Млечина – изначально значительно проще, ему не надо объяснять нюансы и подробности, об этом «и так все знают». Но даже с этой задачей, повторюсь, Млечин справляется плохо и выглядит неубедительно» [7].

Оценка происходящего присутствует априори, естественно подразумевается и солидарность сторонников. Собственно, в этом наши авторы не заблуждаются, равно как и сторонники либерализма, реальной дискуссии, с которыми не возникает элементарного желания создать для такой дискуссии площадку. Проблема и тех, и других, однако, в том, что их суммарная статистическая значимость стремится к нулю. Активно участвует в политической жизни менее 4% молодежи (политикой вообще интересуется от 42 до 57%, но это, по сути, интерес к политтэйменту; стоит заметить и погрешности соотнесения методик, приводящие к различиям, например, в опросах 2005 и 2007 гг. на четверть выборки, что вряд ли полноценно объясняется комментарием, согласно которому во взрослую жизнь вступает поколение, не испытывавшее «разочарования девяностых» [8]: за два года поколения не меняются), радикальные убеждения демонстрирует среди них порядка 3/4, но в сумме это дает весьма скромный показатель, причем за последние двадцать лет снижающийся. Другой базы для реализации модели социализации, построенной на идентификации с так или иначе понятым «историческим предназначением» этнической общности, нет. При этом, по мнению 68% молодежи, права и свободы личности – главное для человека, их нельзя ограничивать, даже ради блага всего государства и общества [9]. Абсолютное большинство молодежи ориентировано на ценности, связанные со здоровьем, семьей, материальным успехом, карьерой, сексом, шопингом, спортом, субкультурами [10]. И все эти ценности с очевидностью позиционируются в пространстве глобализации.

Глобализация оказывает определяющее воздействие на паттерны во всех значимых областях деятельности и, следовательно, пространствах социализации. Характерны в этом плане социокультурные контексты спорта. Во-первых, в значимых видах спорта (то есть полноценно представленных в масс-медиа и позволяющих развертывать эффективные рекламные компании) организационные основы смещаются в направлении преобладания коммерческих лиг, интернациональных по своей природе. Во-вторых, не только соревновательный процесс, но и его участники стремительно интернализуются, сводясь к брендам. Там, где они еще сохраняют формально национальную основу (футбольные лиги европейских стран), процессы интеграции полностью перерождают их природу; в составе чемпиона Англии на поле выходило в прошлом сезоне не более 3–4 английских игроков, чемпион Италии чаще все обходился без итальянцев, не говоря уже о национальности, гражданстве тренеров, происхождении финансов. Самый успешный в России спортивный проект последних лет, КХЛ, наглядно демонстрирует те же тенденции: ударные звенья, вратарская линия всех ведущих клубов состоят из легионеров или российских игроков, вернувшихся из NHL.

Субъективное восприятие процессов глобализации спорта демонстрируют сайты болельщиков европейских футбольных суперклубов. Характерны высказывания русских фанатов «Милана»: «*abulcik22*: Для меня

быть фанатом МИЛАНА – это все. *Vumaluy*: Милан – это смысл моей жизни!!! *SnowBlind*: Непонимание со стороны всех моих друзей, которые не врубаются как можно в Питере за кого-либо болеть сильнее, чем за Зенит. *Lara*: Это очень много для меня значит. Я чувствую себя частичкой Милана. Мое сердце бьется в каждом из них... *Грузин*: Никогда не понимал как можно болеть за несколько команд. Быть фаном Милана для меня – значит всегда верить в команду, всегда быть только с ней (пусть это знаешь только ты, но и болеешь ведь за команду для себя, а не для кого-то), даже в моменты неудач и провалом оставаться верным команде, которая носит название Милан. Всегда отстаивать Милан. если бы не было Милана, его надо было бы выдумать!!!!!! *АСMilanBrut*: Я полюбил АСМилан всем сердцем и душой, а если я что-то полюбил – это на всю жизнь! *Leo*: Быть самим собой! *Axios*: А если в тему, то для меня быть фаном Милана – это видеть все в красно-черную полоску). *Vumaluy*: Я процитирую слова из известной песни Бона Джови: milan – it's my life!!!!!!» [11].

Мы наблюдаем отождествление с любимой командой, причем именно как с виртуальным образом: абсолютное большинство фанатов АСМилан посетит «вживую» матч на Сан-Сиро пару раз в жизни, если посетит вообще; команда предстает для них, скорее, как медийный объект. Тем не менее виртуальный объект успешно вытесняет реальные, как петербургский «Зенит». При этом в полном соответствии с логикой глобализации национальная принадлежность клубов утрачивает значение. Русские болельщики «Chelsea» так оценивают перспективы матчей в лиге чемпионов с московским «Спартаком»: «*DD_Chelsea*: Надеюсь что ребята порвут спартак на лоскуты в обоих матчах); *igork*: Во во чувак, я о том же. кто такой спартак, тьфу! они в своем чемпионате-то еле держатся, а тут челси!; *Bykish*: игры между этими командами будут самыми разгромными в группе! спартаку вообще нечего противопоставить синим!» Используется стандартная болельщицкая риторика, точно такими же фразами обмениваются фаны ЦСКА перед матчами со «Спартаком» и наоборот, вплоть до обычных болельщицких преувеличений. «Чужой», с точки зрения территориальной принадлежности клуб, рассматривается как свой.

Глобальным, виртуальным является и литературное пространство. При этом для предпочитаемого молодежью жанра, фантастики, сказанное характерно в максимальной мере. По данным М.М. Самохиной, «в свободном чтении молодых интернет-пользователей первенствуют (с большим отрывом) фэнтези и фантастика; к числу наиболее читаемых авторов относятся Дж. Толкиен, Макс Фрай, Ник Перумов, Сергей Лукьяненко, Олег Дивов» [12]. Нельзя не заметить, что это авторы (кроме, в определенном смысле, О. Дивова), даже в своем жанре выделяющиеся последовательностью конструирования альтернативных миров. Вселенные Толкиена и Перумова имеют с реальностью модерна очень мало точек пересечения, будучи, скорее, соотносимы с реалиями эпоса. Макс Фрай (вернее, С. Мартынчик как автор) предлагает читателю очень последовательную стратегию эскапизма (по формуле, введенной в самой эпопее, «умения сказать миру нет»). Собственно, вся серия, с особой очевидностью, «Энциклопедия мифов», моделирует стратегии внутренней эмиграции; для позднесоветской эпохи в этом не было бы ничего особенного, но серия о сэре Максе начала выходить в середине 90-х гг. Она интегрируется, скорее, в мировую традицию эскапизма, чем в чисто национальные проявления диссидентства. Это ощущается читателями:

«*PanTerrrka*:): Знаешь, хорошо, что Тебя выдумали – в нереальное, бредовое до мозга костей проще верится. Человеку вообще легче жить с мыслью, что от врагов, кредита, надоевшей жены можно убежать – в сумасбродный город, в минуту стать сэром Вершителем или на худой конец беглым Магистром. *Veled Хаздор*: Привет, Макс..., надеюсь, ты уговоришь Джуффина разрешить мне подохнуть на каменных мостовых Echo в предрассветный час... Жду тебя, приходи вечером на чашку чая – и забирай меня прочь от сюда... *FreeMax*: Все возможно в этом старом мире:) Главное – качественно захотеть! А каждому воздастся по вере его, главное – чтобы вера была искренняя» [13]. Созвучие М. Булгакову вовсе не случайно, в позднесоветскую эпоху роман «Мастер и Маргарита» выступал в качестве одной из манифестаций внутренней эмиграции (в еще одном посте будет упомянут и В. Пелевин, чья «внутренняя Монголия» также укладывается в эту традицию). Причем еще более показательными, по нашему мнению, оказываются высказывания противоположного толка: «*LeMoor* про Фрай: Энциклопедия мифов. Подлинная история Макса Фрая, автора и персонажа. Том 1. А-К (Фэнтези) в 16:04/30-05. Ну в общем сказка треснула и рассыпалась хрустальными осколками, когда начались описания путешествий по Германии такой развесистой клюквы. И вот я подумал – все остальное наверно тоже такие же выдумки от балды. А мы все купились. Стало тошно» [14]. «*warer* про Фрай: Лабиринт Менина (фэнтези) в 06:48/26-07. Вся серия книга про некое инфантильное существо, плывущее по течению и озабоченное, чтобы словами автора пожрать...» [15]. «*vgivanov* про Фрай: Чужак (фэнтези) в 15:56/27-08. Хотите пересказ всего сериала в одном абзаце? Итак, я – офисный рачок. Начальство меня угнетает, друзья со мной не дружат, девушки меня бросают. И вот, о чудо, я попадаю в мир, где все наоборот! Начальство, друзья и девушки – от меня без ума. Занимаюсь я тем, что: а) обмениваюсь занудно-плоскими шутками со своими сослуживцами (40%), б) вкусно жру (15%), в) сладко пью (10%), г) принимаю участие в неумотительных магических приключениях (35%)» [16].

Сопоставляя этот дискурс с дискурсом профессиональной критики, где ярлык инфантилизма к циклу С. Мартынчик прилагается с конца 90-х гг., нетрудно увидеть, с каких именно позиций происходит отторжение сэра Макса его «недоброжелателями». Сконструированная С. Мартынчик реальность для них слишком «мягкая», не дающая простора для агрессии. Здесь стоит вспомнить отзывы геймеров об одной из сетевых версий World of Warcraft, которую Blizzard, учитывая массовое подключение неопытных пользователей, попыталась сделать более мягкой, введя ряд ограничений. «Ветераны» игры высказали недовольство запретом на «войну всех против всех». Конечно, установка на агрессию в реальной жизни вовсе не обязательно коррелирует с пристрастием к жанру боевика, но, во всяком случае, неприятие инфантильности диктуется именно логикой попытки адаптироваться именно к той реальности, неприятие которой и порождает эскапизм.

Один из сборников С. Лукьяненко вышел под названием «Проводник отсюда», очень точным по сути: принципиален не вектор выхода, а сама его возможность. Его трилогия «Лабиринты отражений» посвящена виртуальной реальности, а для циклов «Линия грез» и «Звезды – холодные игрушки» ключевой как для идеи, так и для сюжетной линии является посылка создания воплощающих человеческие мечты миров. При этом во втором случае такие фантазийные миры противопоставлены реальности, воплощающей базовые аспекты (в интерпретации С. Лукьяненко) «мира полдня» Стругацких (здесь необходимо заметить, это не литературная пародия, и не литературная полемика. Глубоко уважительное отношение С. Лукьяненко к творчеству Стругацких известно; речь идет о конфликте эпох, Стругацкие могли представлять коммунистический идеал как альтернативу «зрелому социализму», для С. Лукьяненко такое невозможно). Для нас, однако, интереснее другое: восприятие молодежной аудиторией того, что в романе называется «мир Тени», индивидуальные вселенные: «Чужой: Вот я никогда не понимал тех, кто полагает жизнь в Тени – настоящей. Что в ней обман? Разве там как-то не так светит солнце? Или не такая зеленая трава? Объясните, чего в Тени не хватает для жизни?». «Посланник Тьмы: Чужой, я принимаю твою сторону. Тень не хуже реала, а даже лучше!». «fly: Этот мир тоже не подарок, но когда хорошенько подумаешь, то понимаешь, что хорошо только там, где нас нет. В моих глазах это морок, обманка, бесплатный сыр в мышеловке, пустота в красивой обертке и вечная игра» [17].

В этой полемике показательным то же противостояние логик «внутренней эмиграции» и адаптивности, отмечавшееся выше, в отношении текстов С. Мартыничик. Отметим и еще один примечательный момент. На форумах, посвященных творчеству С. Лукьяненко, достаточно активно обсуждается и тема ксенофобии. В определенном смысле провоцирующе-катализирующую роль сыграл и сам автор, приняв участие в двух сборниках Eurocon 2008, «Убить чужого» и «Спасти чужого» и опубликовав статью «Чужие и мы». В ней логика ксенофобии сформулирована с предельной ясностью: «Сладенькая сусальность советской фантастики – человек – медуза бхай-бхай! довлеет над нами до сих пор. Хочется верить в гуманность инопланетян и выгоды контакта. Увы, гуманность – категория чисто видовая. Применительно к мыслящим медузам и тараканам применим лишь дихлофос. Если стараниями фантастики в сознании людей сформируется образ ЧУЖОГО-друга, ЧУЖОГО-партнера – горе нам... Каким он будет, контакт, – зависит и от нас. Ибо неуловимым тонким ядом вползет в сознание мальчишки, читающего фантастику образ ЧУЖОГО. Этот яд я вливаю сознательно и с полным осознанием своего поступка. Чужой – это враг... Давно пора принять и осознать простую истину – мир жесток. Индивидууму всегда необходима опора, стая... Я всегда буду шовинистом – шовинистом человечества» [18]. Парадоксальность этого текста очевидна, но на поверхности лежит очень простое соображение. С позиций стаи невозможно осознать единство человечества, шовинизм, в конечном счете, сведется к противостоянию «улица на улице», в духе криминальных группировок рубежа 80-х–90-х гг. И надо отдать должное С. Лукьяненко: тексты его вызывают обсуждение, отнюдь не продуцирующее ксенофобию. Что касается упомянутой статьи «Чужие и мы», будучи представлена в Сети на двух десятках адресов, явно она не вызвала практически никакой реакции. Зато на форумах, посвященных творчеству С. Лукьяненко, регулярно открываются темы, связанные с осмыслением разнообразия цивилизаций в его мирах. Таково обсуждение темы «Какая из рас тебе более симпатична?» по книге «Звезды – холодные игрушки»:

«fly: я Тень бы выбрала. *Jackara*: мне не нравится ни адна раса и уж тем более человеческая. *Marksman*: Мне тоже... Разве что куалькуа, но они нейтральные. *Armoracia Rusticana*: Мне счетчики нравятся... *Jackara*: А мне нет и куалькуа не нравятся и геометры и крысы эти, а люди больше всего не нравятся, и еще эти старшие расы или как их там? *Neon*: А мне нравятся Алари, если честно не знаю почему, может быть из-за того что их командующий не предал человечество, когда выступал перед Сильными расами. *Skipy*: Надо налаживать контакт со всеми расами! Дружба! Хинди – руси бхай-бхай! laugh.gif. А если серьезно, то мне наиболее симпатичны Счетчики. Ну от куалькуа внутри я бы не отказался, как и большинство здесь. Или я не прав? *VampireK*: мне безумно понравились куалькуа и счетчики как расы, превосходящие в некотором смысле любые гуманоидные. У любой расы есть свои положительные и отрицательные стороны. *KRUM*: Засунул бы Землю в Тень. Не хочу чтобы меня постигали, не хочу вечно блуждать по мирам тени, не хочу иметь копии настоящих детишек. Но я хочу жить вечно!И еще не отказался бы от куалькуа, но их помощь не поможет спасти Землю. А геометров ненавижу. НУ КТО ИХ ПРОСИТ НАВЯЗЫВАТЬ СВОЮ КУЛЬТУРУ И ДРУЖБУ?! Нафиг нужна их дружба!!! *Helgram*: геометры – тоталитаристы в первую очередь. А уж какой строй они будут делать, казарменный социализм или рынок для немногих (в принципе, то же деление – на внутреннюю партию номенклатуры и элиты – и нищее быдло) – это не столь важно. Они так же лишают большинство населения права на мнение, а развитие общества – альтернативности. Недаром этих гайдаровских “либералов” все чаще сравнивают со сталинскими “большевиками” – отношение к народу у них одинаковое. Геометрическое. cool.gif» [19].

В одном из постов присутствует то, что можно считать скрытой цитатой из упоминавшейся выше статьи, но она в любом случае не имеет никакого продолжения. Важнее другое: участники дискуссии однозначно неприемлемой для себя видят, прежде всего, цивилизацию «геометров», биологически идентичную земной, то есть руководствуются оценкой социальных характеристик, а не отторжением «чужих». Еще одно соображение присутствует в посте Neon, говорящего о этических соображениях выбора. Наконец, в посте VampireK содержится мотив объективной оценки реальных преимуществ той или иной расы, безотносительно к бинарной оппозиции «свои-чужие» вообще. Именно последний подход абсолютно доминирует в «игровой вселенной», объединяющей сегодня миллионы геймеров, которые свободно мигрируют между аватарами «хумансов» (людей) и эльфов, гномов, андроидов. Для осознающей себя индивидуальности и в самом деле идентичность не есть принадлежность к какой-либо общности.

Выводы

Глобализация лишает смысла логику построения идентичности на основе принадлежности к территориальным общностям. Этим предопределяется универсализация процессов социализации, не означающая, однако, их унификации. Речь идет о смене относительно узкого набора фиксированных моделей широчайшим спектром модификаций модели базовой. Закономерными характеристиками такой модели становятся толерантность, потенциальная вариативность, модульность, отказ от метанарративов в пользу спектра взаимозаменяемых алгоритмов, кастомизация, виртуализация. Современными обществами эта транзикация воспринимается как противоречивая, подвергается идеологизации, что создает проблемы, никак не диктуемые самой логикой эволюции процессов социализации.

Список литературы

1. Самый влиятельный интеллектуал России. Опрос в деталях. Openspace.ru. URL: <http://www.openspace.ru/society/russia/details/15155/> (21/12/2009).
2. Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997.
3. Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций / С.Е. Кургинян, Б.Р. Аутеншлюс, П.С. Гончаров, Ю.В. Громыко, И.Ю. Сундиев, В.С. Овчинский. М.: Политиздат, 1990.
4. Открытый творческий проект «Кубинская пятёрка». URL: <http://krasnoetv.ru/node/6003>.
5. vott.ru. Новости: Общество, история, события. URL: <http://vott.ru/entry/53900>.
6. Живой журнал. Руссцо 2010. 6 сентября, 10:22. URL: <http://sovschola.ru/content/sud-vremeni-sergei-kurginyan-nanosit-udar>.
7. Живой журнал. Visionarys. 2010. 19 августа, 14:18. URL: <http://visionarys.livejournal.com/25339.html?mode=reply&style=mine>.
8. Интересы молодежи & политические партии // Реакция. 2007. № 20.
9. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_1.html?&printmode.
10. Это наша молодежь // Русский репортер. 2007. № 8 (8)/12 июля.
11. ФАН-КЛУБ «CUORI ROSSONERI». Сайт фанатов Милана – ФорЗум. URL: <http://www.forzamilan.ru/forum/6-299-1>.
12. Самохина М.М. Молодые читатели в Интернете (Наблюдения социолога) // НЛЮ. 2010. № 102.
13. Письмо Макс. МаксФрай.ру. URL: <http://maxfrei.ru/forum/index.php?forum/10-%d0%bf%d0%b8%d1%81%d1%8c%d0%bc%d0%be-%d0%bc%d0%b0%d0%ba%d1%81%d1%83/>.
14. Комментарии читателей. Макс Фрай. URL: <http://lib.rus.ec/b/157453>.
15. Комментарии читателей. Макс Фрай. URL: <http://lib.rus.ec/b/212420>.
16. Комментарии читателей. Макс Фрай. URL: <http://lib.rus.ec/b/208664>.
17. Тень: «за» и «против». Официальный форум С.В. Лукьяненко. URL: <http://forum.lukianenko.ru/index.php?showtopic=1198&st=0?s=0027e85f1d03f8499d28f3c2ab26c298>.
18. Лукьяненко С. Чужие и мы. «Русская Фантастика». URL: http://www.rusf.ru/lukian/books/chuzhie_i_my.htm.
19. Кого поддержала бы земля и лично ты? Официальный форум С.В. Лукьяненко. URL: <http://forum.lukianenko.ru/index.php?showtopic=492&st=30>.

Д.А. Аникин

Саратовский государственный университет, Россия

РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В центре внимания автора находится проблема религиозной социализации молодежи в условиях той конструкции религиозного пространства, которая сложилась в результате особенностей российского исторического процесса. Характерная черта религиозной социализации российской молодежи – отсутствие механизмов социализации, что привело к появлению в религиозном пространстве, наряду с традиционными конфессиями, новых социальных агентов.

Ключевые слова: религиозная социализация, молодежь, религиозное пространство, диспозиции, агенты социализации.

In the center of attention of the author there is a problem of religious socialization of youth in the conditions of that design of religious space which has developed as a result of features of the Russian historical process. Characteristic feature of religious socialization of the Russian youth had appeared absence of mechanisms of socialization that has led to occurrence in religious space, along with the traditional faiths, new social agents.

Key words: religious socialization, youth, religious space, dispositions, agents of socialization.

Социализация молодежи представляет собой сложный, нелинейный процесс, в котором переплетаются как личные интересы подрастающего поколения, так и деятельность многочисленных социальных институтов, стремящихся включить подростка в сферу своего влияния, привить ему тот взгляд на мир, который соответствует особенностям социальных практик, формируемых данным институтом. С социально-философской точки зрения не является исключением в данном ряду и религия. Основные религиозные конфессии, как и более мелкие религиозные организации различного толка, являются «игроками» на религиозном поле, обла-

дающими собственными интересами и стратегиями их реализации. В качестве задачи данной статьи предстает необходимость хотя бы краткого описания той ситуации, которая складывается вокруг религиозной социализации молодежи в современной России.

Пространство религии, согласно П. Бурдьё, структурировано двумя основными формами взаимодействия – конкуренцией и сделкой. Если конкуренция характеризует отношения между производителями религиозности (в качестве символического продукта) – конфессиями и религиозными организациями, то сделка является продуктом консенсуса между производителями и потребителями религии. Иначе говоря, институт священства и паства достигают договоренностей относительно того, какие символические блага будут легитимироваться и абсолютизироваться в рамках конкретной формы производства религиозности.

Особенностью религии в качестве сферы производства подобных благ становится *абсолютизация относительности*. Случайно сформированный набор символических благ преподносится и транслируется религиозными институтами как абсолютно верный и единственно возможный. Сомнение в абсолютности этих благ ставит под вопрос существование самого религиозного института, поэтому не допускается путем выведения подобных вопросов (и людей, их задающих) за скобки. Но поскольку производящийся в рамках религии символический капитал нуждается в легитимации, то существует многообразие способов узаконивания и убеждения, варьирующихся в зависимости от target group. Соответственно изменение в социальной структуре общества и переориентация деятельности религиозных институтов на новые сегменты социального пространства вызывают изменение в способах легитимации символического капитала и в самом его содержании. Приобщение к определенным символическим благам, предлагаемым тем или иным сообществом, и является в интерпретации Бурдьё процессом социализации.

В процессе социализации формируется не просто институциональное закрепление индивида, выражаемое в формальных признаках (униформа, соответствующие документы), но и происходит изменение в самоидентификации. Человек осознает себя представителем определенной социальной общности, разделяя с ней совокупность выполняемых социальных практик. Например, вступление в ряды определенной религиозной организации означает не только документально фиксированную принадлежность, но и участие индивида в соответствующих практиках, которые могут иметь как ритуализированный, так и обыденный характер. В православии примером первого типа практик является участие в Крестном ходе, а примером второго типа – жертвование денег в храм или конкретному священнику. Таким образом, под религиозной социализацией понимается приобщение индивида к определенному типу социальных практик, воспринимаемых окружением (обществом) и самим индивидом как религиозные.

Религиозная социализация является продуктом деятельности агентов социализации, из которых религиозные конфессии составляют лишь небольшую часть. Парадоксальность данного утверждения объясняется тем, что деятельность конфессий зачастую имеет опосредованный характер – подросток начинает воспринимать себя в качестве элемента определенного религиозного сообщества в силу деятельности таких социальных институтов, как семья, образование или средства массовой информации.

Таким образом, суть религиозной социализации раскрывается в трех основных аспектах: внутренняя самоидентификация, институциональное закрепление и погруженность в социальные практики, свойственные определенной религии. При этом разрыв между отдельными аспектами религиозной социализации, во-первых, нуждается в дополнительном социологическом исследовании, а во-вторых, выступает источником разногласий в определении численности верующих и шире – степени религиозности общества. В качестве примера можно привести данные социологических опросов последних лет, которые демонстрируют резкий разрыв между теми россиянами, которые относят себя к верующим, и теми, кто действительно выполняет обряды, предусмотренные избранной ими религией, включен в определенные социальные практики. Н. Митрохин на примере православия приходит к следующему выводу: «В России, которая является главной страной для РПЦ, значительная часть населения заявляет о своем намерении посетить храмы, хотя на службах систематически (т.е. хотя бы раз в год) реально бывает незначительный процент населения» [1, 42]. Как показывают опросы, верующими в современной России называют себя приблизительно 60% населения, хотя количество реально вовлеченных в религиозные практики в несколько раз меньше и достигает приблизительно 5–6% (в традиционных мусульманских регионах – выше) [2].

С социальной точки зрения подобный разрыв является не случайным, а представляет собой продукт совокупности социальных практик, которые складывались на протяжении нескольких десятилетий, сохраняя свое значение и в современном обществе. Таким образом, изучение современной религиозной ситуации и особенностей включения молодежи в религиозное сообщество должно опираться на анализ соответствующих практик, сложившихся в иной диспозиции социального пространства, но оставшихся непреодоленными и в современной России.

Важно отметить, что характерной чертой любой религии является самосознание вечности и неизменности, хотя в качестве социального института любой актер религиозного пространства является продуктом социально сформированных условий. Специфика религиозного пространства в современной России является, с одной стороны, продуктом особенностей исторического развития в последние десятилетия, а с другой – отражает мировые тенденции изменения религиозного пространства. Исторический аспект возникновения современного религиозного пространства определяется наследием тех практик и способов взаимодействия агентов религиозного пространства, которые оказались сформированы в советском обществе.

Определяя специфику религиозного пространства в Советском Союзе, следует исходить из двух основополагающих характеристик: классового деления того «бесклассового» общества, каковым мыслилось Совет-

ское государство, а также социальное распределение производства религиозности. Как показывает П. Бурдьё, в ситуации кардинального изменения социальной структуры резко трансформируется и диспозиция символических благ в религиозном пространстве. Вера побежденных в глазах победителей. Это означает, что после победы революции традиционные религии (к которым стоит отнести и неопротестантские течения) оказались новой символической системой – верой в коммунизм. Крах господствующих классов сопровождался свержением прежних идолов.

Сама пролонгация прежней символической системы стала формой оппозиции, поскольку обозначала границы претензий коммунистической идеологии на абсолютность собственной мысли. Символическая борьба между формами политической идеологии выразилась в попытках дискредитации религиозной веры по критерию верифицируемости суждения (можно вспомнить, как активно провозглашалась «борьба с суевериями» и как противопоставлялся этим суевериям позитивистский идеал научного знания). В социальном пространстве эта борьба оказалась обозначена возникновением социальных границ, разделяющих советский социум на непрозрачные и непроницаемые (в идеале) сегменты. В соцреалистической литературе 60–70-х гг. популярным сюжетом становится общественное осуждение пионерки или комсомолки (интересным является и гендерный аспект) за «предательство коммунистических идеалов», в частности, за хождение в церковь за святой водой. Антиномичность социального бытия, непреодолимая на уровне теории, достаточно легко снималась в повседневных практиках – ношение крестика под верхней одеждой и т.д.

Религия оказалась направлена в большей степени на представителей старшего поколения, а передача религиозных практик оказалась продуктом внутрисемейных традиций, которые в отсутствие постоянной «сверки» с аутентичной традицией оказались профанированы. По словам Н. Митрохина, «поскольку власти в СССР уничтожили религиозную культуру основной части населения страны, и в первую очередь образованных слоев общества, знания *бабушек* (курсив автора. – Д.А.) по части обрядовой культуры (православной традиции) почти не имели альтернативы в 1950–1980-е гг. Что группа *бабушек*, передающая сакральное знание вновь инкорпорируемым членам, считала “православием”, то и воспринималось окружающими в качестве такового, хотя порой весьма сильно расходилось с базовыми положениями учения церкви (канонами)» [1, 45]. Подобная претензия определенной социальной группы (в которой главным маркером социальной идентичности становится возраст – реальный или символический) была возможна только в условиях общества, предельно жестко обозначающего границы легитимного, то есть общественно признаваемого и одобряемого знания. Вместе с тем диспозиция распределения социального (в том числе и религиозного) знания кардинальным образом изменилась в тот момент, когда распался Советский Союз, унеся с собой, казалось бы, всю совокупность социальных практик, определявших специфику его существования. По словам Р. Лопаткина, «На первых порах это было возрастание интереса к религии, к ее роли в истории, к полузабытым, казалось бы, народным традициям, праздникам и обрядам религиозного характера и происхождения: православным, мусульманским, даже языческим. Оно еще не означало собственно обращения к вере, но уже выступало симптомом, с одной стороны, нарастающего кризиса официальной идеологии, а с другой стороны, свидетельствовало о наличии в обществе, по крайней мере у определенных слоев населения, религиозных потребностей, масштабы которых государственным и партийным руководством явно недооценивались или игнорировались» [3].

Религиозное пространство современной России может рассматриваться как постсоветское в силу двух обстоятельств, зашифрованных в самой приставке «пост-». Во-первых, религиозные практики, существующие в России, во многом являются наследием советского периода, той диспозиции агентов, которая сложилась в условиях отгеснеризации традиционных конфессий на периферию социального пространства. Во-вторых, специфика актуализировавшихся с начала 90-х годов религиозных явлений может быть отчетливо прояснена не только по отношению к мировым тенденциям развития религиозной сферы, но и в связи с преодолением советского наследия, проявившемся в кардинальном изменении социальной структуры и вовлечению в сферу религиозной социализации новых сегментов социального пространства.

Наследие советской эпохи в структуре российского религиозного пространства и механизмах социализации можно обозначить в следующих пунктах:

- 1) профанация религиозных практик;
- 2) смешение религиозной и других типов социализации;
- 3) практически полное отсутствие механизмов религиозной социализации молодежи.

Профанация религиозных практик, а именно создание тех способов поведения (допустим, крещение бытовых предметов в православии), которые не предусмотрены догматической основой религии, а являются продуктом представлений населения о том, «как должно быть», может рассматриваться в различных исторических контекстах. С точки зрения религиозной элиты, состоящей из наиболее образованных представителей определенной конфессии, подобные «отклонения» демонстрируют искажение истинной веры, причем истоки этого искажения видятся в воздействии других религиозных представлений, вплоть до язычества. Впрочем, такая точка зрения основана лишь на догматической стороне религии и мало учитывает практическую направленность религиозных действий, без которой распространение религиозности в обыденной сфере оказывается достижимо. А. Панченко, рассматривая феномен «народного православия», справедливо говорит, что “народная религия” оказывает чрезвычайно сильное влияние на “церковную традицию” и, по сути дела, определяет конкретные модели и механизмы религиозной культуры, существующей в данном обществе в данную эпоху... Представляет более уместным говорить не о церковном каноне и отступлениях от него, а о религиозных институтах и религиозных практиках, подразумевая, что последние представляют собой иначе организованную, более лабильную, но не менее важную сферу жизни общества» [4, 67–68]. Достаточно вспомнить широ-

ко используемый, хотя и методологически устаревший термин «двоеверие», характеризующий особенности усвоения христианства в восточнославянских племенах.

В рамках изучения диспозиции современного религиозного пространства представляется необходимым определить те особенности профанации религиозных практик, которые оказались обусловлены десятилетиями существования Советского Союза. Самой важной из таких особенностей оказалось резкое уменьшение специализированного слоя носителей религиозного знания (священников, мулл, раввинов), а также практически полное исчезновение образовательных институтов воспроизводства этого слоя. В связи с этим традиция воспроизводства религиозного знания на периферии, где процесс приглашения священников оказался максимально затруднен, претерпела значительные изменения. Во многих селах и деревнях сложилась прослойка людей, претендующая на единоличное знание если не основных религиозных постулатов, то хотя бы так называемой «повседневной религиозности». Иначе говоря, деревенские «бабушки», не имея возможности (или желания) отличить *веру* от *суеверий*, стали считать признаками религиозности тот специфический комплекс верований и обычаев, который складывался в данной местности.

Пока легитимности такого знания ничего не угрожало, никаких эксцессов процесс профанации не вызывал, но ситуация изменилась в тот момент, когда в начале 90-х гг. XX в. возродившееся духовенство стало присылать своих членов для восстановления церквей и самой религии даже в отдаленные уголки страны. Этот процесс можно описать на примере Русской православной церкви, что объясняется наличием хотя бы каких-то сведений, почерпнутых в трудах исследователей и средствах массовой информации. Появление молодых (как правило) священнослужителей, обладавших профессиональными знаниями в сфере религиозной догматики, но не имевших практического опыта общения с паствой, стало явной угрозой, способной лишить «бабушек» функции духовного авторитета. Не удивительно поэтому, что результатом реинституализации религиозной сферы стало возникновение конфликтов, разрешавшихся двояким путем: либо молодые священники покорялись обстоятельству и становились послушными учениками, во всем слушающимися местных «бабушек», либо конфликт мог привести даже к изгнанию священника из прихода.

Новой чертой постсоветского религиозного пространства стало появление новых групп населения, нуждающихся в активной религиозной социализации. На смену представителям старшего поколения, численность которых в составе прихожан традиционных конфессий в годы существования Советского Союза доходила до 75%, пришла молодежь. Поскольку количество традиционно верующих семей, в которых приобщение к религиозным нормам происходило в русле семейной традиции, составляло не очень значительную (хотя и очень важную в институциональном аспекте) долю населения, то 90-е гг. поставили ключевую задачу – *поиск механизмов включения нового социально-возрастного слоя в религиозное пространство*. В какой-то степени исторической аналогией этого времени явились 20-е гг. XX в., продемонстрировавшие возможность прихода к религии не в силу следования традиции, а в соответствии с собственными изменившимися убеждениями. К сожалению, краткий промежуток обновления религиозных связей и диспозиций религиозного пространства закончился уже через несколько лет, после чего возможность включения в религиозное пространство новых социальных сегментов оказалась законсервирована на несколько десятилетий. Таким образом, формирование постсоветского религиозного пространства определило ситуацию, в которой традиционные конфессии оказались в равном положении с религиозными организациями сектантского толка. Успех в 90-е гг. в России неопротестантских течений (например, мормонов) оказался обусловлен отработанными в западно-европейских условиях механизмами религиозной социализации – привлечения людей в религиозные организации, во-первых, способными удовлетворить духовные запросы «новых верующих», а во-вторых, предлагающими тот образ верующего, который оказался конкурентоспособнее, нежели у традиционных конфессий.

Как показывает практика, в современной России происходит перемешивание религиозной социализации с другими формами – политической, семейной и т.д. Молодежь оказывается в основной своей массе включена в сферу религиозных интересов в результате деятельности иных институтов, например, приобщаясь к традициям (действительно существовавшим или сконструированным в последние два десятилетия) своей семьи. Немалую роль в случае с деятельностью РПЦ играет и негласное одобрение православной веры представителями официальных структур, видящими в ней основу государственной идеологии. Здесь вступает в силу то отождествление, которое все чаще выявляется в результате социологических опросов у верующей молодежи – «я гражданин России – значит, православный». При всей спорности данного утверждения (из граждан России автоматически исключаются атеисты и представители иных по отношению к православию конфессий, а гражданство России «приобретают» последователи, например, Сербской или Болгарской православной церкви) оно демонстрирует глубокую уверенность населения в *принадлежности религиозной идентичности к определенному набору иных идентичностей*. Являясь еще одним следствием той диспозиции религиозного пространства, которое сложилось в советском обществе, данное обстоятельство заставляет внимательнее относиться к проявлениям религиозной и политической активности молодежи в современном российском обществе, поскольку параллелизм процессов социализации делает возможным возникновение различных форм политического экстремизма и религиозной нетерпимости.

Список литературы

1. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 610 с.

2. Амелькина А. 70% россиян называют себя православными. Но верующих с каждым годом становится меньше // Известия. 2004. 18 янв.

3. Лопаткин Р. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. [Электронный ресурс]. URL: www.religare.ru.

4. Панченко А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. 234 с.

А.С. Пучков

Ставропольский государственный университет, Россия

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Молодежь сегодня является наиболее уязвимой и восприимчивой социальной группой, на которую активно влияют процессы, происходящие в современном обществе. В связи с тем, что Россия является поликультурным государством, вопрос о религиозной идентичности молодежи как фактора социализации носит весьма актуальный характер. Именно молодое поколение является будущим нашей страны.

Ключевые слова: молодежь, религиозность, идентичность, религиозная идентичность, социокультурность, религия.

The youth today is the most vulnerable and susceptible social group for influence of all processes occurring in a modern society. As Russia is the polycultural state, the question about religious identity of youth has rather actual character. The young generation is the future of our country.

Key words: youth, religiousness, identity, religious identity, socioculture, religion.

В России в настоящее время происходят серьезные изменения условий формирования и соответственно социализации личности, наблюдаются сложные условия экономической и политической нестабильности, происходит ломка традиционных ценностей.

Молодежь наименее экономически самостоятельна, наименее консолидирована, испытывает сильный прессинг со стороны различных политических, религиозных сил и движений, не обладает четкими социальными ориентирами, сама находится в ситуации жизненного самоопределения. В то же время только молодое поколение способно преодолеть идеологические и психологические стереотипы, сформировать новые системы ценностных ориентаций, создать идеалы гражданского общества будущего. Для этого у молодых людей есть все объективные предпосылки: творческий характер мышления и деятельности, высокая социальная и экономическая мобильность, психологическая гибкость, стремление к поискам ответов на смысло-жизненные вопросы, желание практически воплощать в жизнь систему новых ценностей, открытость к восприятию новых нетрадиционных массивов знания и т.п.

В современных социологических словарях дается следующее определение молодежи – (от англ. youth) социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых [1, 45].

Благодаря своему инновационному потенциалу она обновляет опыт предшествующих поколений, участвуя в совершенствовании и преобразовании общества. И наконец, каждое поколение призвано передать унаследованный и обновленный опыт последующим поколениям. Тем самым осуществляется развитие молодежи, а также обеспечивается сохранение целостности и воспроизводства общества. В зависимости от качества реализации этих функций молодежь является фактором как ускорения, так и торможения общественного развития. Особый интерес вызывает промежуточность и неустойчивость социального статуса данной группы, что часто приводит к кризису идентичности [2, 19].

Социокультурное становление молодежи осуществляется как в системе социальных институтов, так и под воздействием социальной среды. Одна из специфических особенностей молодежи заключается в накоплении социокультурного опыта в процессе социализации и социальной адаптации в условиях самостоятельной жизнедеятельности. Социализация для молодежи выступает как социально-обусловленный процесс, в ходе которого индивид усваивает нормы своей группы таким образом, что посредством формирования его собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности. Г. Брим одним из первых высказал мысль о том, что социализация происходит в течение всей жизни. Он утверждал, что нравственное развитие того или иного индивида может задержаться на определенном этапе, но сам процесс социализации никогда не кончается, а наиболее интенсивно данный процесс осуществляется в детстве и молодости.

Социологи определяют социализацию как процесс накопления людьми опыта и социальных установок, соответствующих их социальным ролям. Социализация не только дает возможность общаться между собой посредством освоенных социальных ролей. Она также обеспечивает сохранение общества. Хотя количество его членов постоянно меняется, так как люди рождаются и умирают, социализация способствует сохранению самого общества, прививая новым гражданам общепринятые идеалы, ценности, образцы поведения. Социализация дает возможность взаимодействовать и обеспечивать сохранение общества в ходе смены поколений [3, 115].

Методы социализации зависят от того, какие именно качества личности ценятся выше, в разных культурах они могут быть очень разными. На поведение людей влияют не только нормы, но и культурные идеалы данного общества. Кроме того, поскольку эти идеалы формируются на основе многих ценностей, общество избегает всеобщего единообразия. Отсутствие единообразия в поведении показывает, что по своей сущности

социализация – двусторонний, разнонаправленный процесс. Происходит взаимовлияние между биологическими факторами и культурой, а также между теми, кто осуществляет социализацию и кто социализируется.

Анализ научной литературы показывает что формирование «идентичности» индивида, неотъемлемо связано с социализацией. Это подтверждается тем, что процесс «социализации» глубоко изучал психоаналитик Э. Эриксон, он же ввел в научный оборот понятие «идентичность». Раскрыв при помощи данного понятия пятью стадиями человеческого развития, – становление индивидуальности (идентификация) – ролевую диффузию. В этот период происходят два основных события. По своему физическому развитию молодые люди становятся взрослыми; и в это же время им приходится также выбирать свое место в жизни. Неудачи в этих делах могут отрицательно повлиять в дальнейшем на выбор подходящей работы, партнеров, друзей [4, 95].

Подобно Э. Эриксону ученый Л. Сильверстайн идентификацией называет способ усвоения индивидом родительского поведения, установок и ценностей как своих собственных. Индивид воспринимает особенности личности родителей, а также других людей, с которыми тесно связан. Идентификация – позитивные механизмы, так как способствуют формированию определенного поведения.

Э. Эриксон понятие «идентичность» характеризовал как процесс «организации жизненного опыта в индивидуальное Я» [4, 89]. Это предполагает его динамику на протяжении всей жизни человека. По мнению американского ученого, основной функцией личностной структуры является адаптация, процесс становления и развития идентичности, которая «оберегает целостность и индивидуальность опыта человека, дает ему возможность предвидеть как внутренние, так и внешние опасности и соразмерять свои способности с социальными возможностями, предоставляемыми обществом». Более того, «идентичность имеет определенную “организующую” функцию в развитии личности».

Современное определение идентичности гласит: идентичность (от лат. *identicus* – тождественный, одинаковый) есть осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей. Идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта, поддержанию собственной цельности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире [5, 111].

Идентичность рассматривается как сложное, личностное образование, имеющее многоуровневую структуру. Это связано с тремя основными уровнями анализа человеческой природы:

1) на индивидуальном уровне идентичность определяется как результат осознания человеком собственной временной протяженности, представление о себе как о некоторой относительно неизменной данности, о человеке того или иного физического облика, темперамента, задатков, имеющем принадлежащее ему прошлое, устремленном в будущее;

2) на личностном уровне идентичность определяется как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, задающее некоторую тождественность самому себе [6, 55];

3) на социальном уровне идентичность определяется как тот личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу Я-категоризации, то есть характеристикам, благодаря которым мы делим мир на похожих и непохожих на себя.

На основании концепции идентичности ученые В.С. Агеев и В.А. Ядов изложили представление о двух основных составляющих идентичности – персональной и социальной. Важно также отметить, что социальная идентичность зависит не только от межгрупповых различий, но также и от внутригрупповой гомогенности – группа должна не только отличаться от других групп, но и члены группы должны быть максимально сходны между собой.

Противопоставляя личную и социальную идентичность, исследователи часто оставляют в тени тот факт, что индивид принадлежит не к какой-либо одной группе, а, как правило, к большому числу микро- и макрогрупп. В силу этого возникает интерференция, взаимовлияние тех систем ценностей норм и стандартов поведения, которые приняты в этих группах. Более того, часто эти системы норм и ценностей в силу внешних обстоятельств приходят в противоречие друг с другом, и индивид оказывается перед внутренним выбором.

Г. Тэджфел изучал процесс установления идентификации человека с группой, при помощи которой система ориентации создает и определяет конкретное место человека в обществе [7, 9]. Индивид не только включает в свой Я-образ общие характеристики собственных групп членства, но и усваивает нормы и стереотипы поведения, им свойственные, самоопределяясь как член некоторой социальной категории, идентичность включает представление о себе, о его определенном социальном статусе, национальности, вероисповедания, имеющего или не имеющего отношения к различным социальным организациям.

Процесс становления социальной идентичности завершается тем, что человек приписывает себе усвоенные нормы и стереотипы своих социальных групп, они становятся внутренними регуляторами его социального поведения. Человек начинает активно оценивать свою группу и сравнивать ее с некоторыми другими группами.

В системе идентичностей ситуативные (социальные, политические, международные) отличаются как от примордиальных (гендерных, расовых), так и от традиционных, долговременных (этнических, религиозных) идентичностей не только своей длительностью, но и механизмом формирования.

Интерес ученых к «религиозной идентичности» обусловлен изменениями, произошедшими в жизни общества, государственной политике в области религии, вызвали лавинообразный рост интереса как молодежи, так и большей части общества к религии и оккультизму в различной степени и прогрессивности. Источниками

религиозных верований по-прежнему остались: страх человека перед природными и социальными силами, господствующими над людьми; неуверенность в будущем, стремление защитить себя, своих родных и близких. Поскольку социум сегодня не предоставляет ощущение защищенности в полной мере, неудовлетворенности социумом потребностей человека (эмоциональных, социальных или духовных), а также кризисные обстоятельства его личной жизни и многое другое [8, 15].

Религия – сложный социальный и культурно-исторический институт. Он включает в себя системы религиозного сознания (верований), религиозного культа (обрядов), религиозных организаций (учреждений) и выполняет в обществе ряд функций – смыслополагания, компенсаторную функцию социальной интеграции, коммуникации, социального контроля, мировоззренческую и др. [9, 114] Многообразие форм и масштабов проявления религиозности столь велико, что социологам предпочтительно рассматривать религию в качестве естественного проявления социальной жизни, а не патологического отклонения от ее законов.

Религиозность в науке понимается как мировоззренческая ориентация индивида и группы, выражающаяся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений. Представляемая как определенная форма или степень религиозного сознания, опыта и поведения индивидов, внутри того или иного религиозного сообщества и подразумевает весь комплекс психологических переживаний, связанный с рациональным и иррациональным опытом постижения религии. Степень религиозности выражается в уровне интенсивности религиозных свойств индивида и группы. Формирование религиозной идентификации молодежи оказывается чрезвычайно важной как для определения эволюционного контекста исторических судеб общества, так и отражает острые процессы сакрализации и секуляризации в масштабе сохранения безопасности всего российского общества.

В формировании религиозной идентичности немалую роль играет сила исторической инерции. К осознанному выбору представителей данной общности добавляются подсознательные инстинктивные установки, приводящие в действие механизм воспроизводства этноконфессиональных и религиозных традиций и предпочтений. В результате среди представителей каждой общности распространяются общие, подчас бессознательные стереотипы восприятия окружающей среды [8, 56].

Традиционно в большинстве исследований религиозная идентичность представляется как двухуровневый феномен, когда выделяются групповая (коллективная, социальная) и индивидуальная (личностная) идентичности верующего. Данные исследовательские тенденции сложились в результате того, что изучение феномена идентичности вообще и религиозной идентичности (идентичности верующего) в частности, проводилось в основном с позиций социально-психологического подхода к изучению человека.

И. Ялом было подчеркнуто, что «бытие человека можно условно представить в виде трех сфер: социальной сферы (сфера межгрупповых и межличностных отношений), сферы личности и сферы индивидуальности, которая включает мир внутренних глубинных переживаний. Именно из этого следует, что религиозная идентичность индивида содержит в себе три взаимосвязанных уровня (*социальная идентичность, личностная идентичность, субъектная идентичность*).

Доминирование культурно-традиционной составляющей в идентичности относится, главным образом, к религиям «традиционным» – тем, которые за несколько веков стали неотъемлемой частью культуры того или иного народа [10, 18–19]. Культурно-традиционный аспект религиозной идентичности предстает в качестве маркера этнической или этноконфессиональной идентичности, а также играет важную роль в межкультурных коммуникациях.

В современном обществе стал очевидным характер происходящих процессов в межнациональных отношениях, на фоне чего резко возрастает роль традиционных этноконфессиональных – национальных и религиозных – идентичностей. Наблюдается двойственная тенденция: с одной стороны, активизируется процесс утрачивания религией своего социального влияния, а с другой – растет многообразие форм религиозной жизни, сопровождаемое поисками нового смысла религии и стремление к достижению более глубокого сотрудничества и взаимопонимания между различными религиями, конфессиями и верованиями.

В контексте глобальных социокультурных преобразований не только общество изменяется под воздействием религии, но и сама религия трансформируется под влиянием социальных факторов. Она становится более лояльной к изменившимся условиям, идет на компромисс и приспособление, вносит коррективы в вероучение, социальные и этические доктрины, формы организации, методы деятельности современных религиозных образований [11, 34].

Реальная жизнь высвечивает новые грани и аспекты старых проблем, порождает новые конфликты и противоречия, носящие как объективный, так и субъективный характер. В полной мере это касается и рассматриваемых вопросов, связанных с религиозной идентичностью. Подтверждают эту мысль многие социальные явления, процессы и проявления нетерпимости, носящие религиозный характер или, по крайней мере, религиозную окраску, привлекая серьезное внимание в последнее время. Использование авторитета религии в целях политического экстремизма наблюдается не только в исламской среде, но и в других религиозных организациях.

Религиозная идентичность может выбираться и конструироваться индивидами в зависимости от их опыта, диспозиций, ожиданий и интересов. Мотивы и поиски индивидов, влияющие на ослабление религиозных институтов, оказываются не менее значимыми, чем формы организации религиозных верований и практик. Религиозная идентичность играет роль, идентификационного и интегративного маркера, и выступает одним из важнейших факторов социализации современной молодежи.

Выводы. Таким образом, социализация молодежи представляет собой процесс приобретения опыта социальных отношений и освоение новых социальных ролей, происходящий в сферах деятельности, общения и

самопознания путем взаимодействия с окружающим миром. Религиозная идентичность зависит от политических, социальных, экономических, культурных и других условий которые предлагает сегодня современные условия жизни, в которых социализируется молодежь. Анализ отношений между внутренней динамикой веры, ролью внешних влияний, другими сферами построения идентичности очень важен. То, какой будет сегодня передача религиозной культуры не только через тексты, но и через взаимодействие людей, является главным условием воспроизводства религиозной традиции, религиозной инновации и создания религиозной группы молодежью «завтра». В более узком смысле, что «впитает» сегодня молодежь, зависит, какое будущее она обеспечит и стране, и всему миру завтра.

Список литературы

1. Манько Ю.В., Оганян К.М. Социология молодежи: Учеб. пособие. СПб., 2008. 316 с.
2. Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М., 1998. С. 142.
3. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М., 1998. 688 с.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 286 с.
5. Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М., 2006. 132 с.
6. Рикер П. Повествовательная идентичность // П. Рикер. Герменевтика, этика, политика. М., 1995. С. 307.
7. Дробижева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 99.
8. Рыжова С.В. Русское самосознание и этничность в православном дискурсе 90-х гг.: толерантность и экстремизм // Религия и идентичность в России. М., 2003. С. 20–49.
9. Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тез. докл. Всерос. науч. конф. (9–10 окт. 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2008. С. 257–259.
10. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социс. 1990. № 5. С. 95–103.
11. Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социс. 2009. № 4. С. 96–107.

А.Н. Махнин

Воронежский государственный педагогический университет, Россия

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Статья посвящена проблеме российской гражданской идентичности, ее влиянию на процесс социализации молодежи в условиях современной российской действительности. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни. Обосновывается вывод о том, что позитивная российская гражданская идентичность молодежи сегодня является одним из факторов ее успешной социализации.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, гражданин, социализация, духовно-нравственное воспитание.

The article is dedicated to problem russian civil identity, her (its) influences upon process of the socializations youth in condition of modern russian reality. Identity becomes the prism, through which are considered, value and studied many important lines to modern life. The conclusion is Motivated about that that positive russian civil identity youth today is one of the factor her (its) successful socialization.

Key words: identity, identification, person, socialization, spiritual-moral education.

«Кто есть Я?» – отвечая на этот вопрос, люди не столько озвучивают свою «Я-концепцию», сколько фиксируют собственную идентичность, обращаясь к образам самих себя сегодняшних, актуальным в данное время и в данном месте. Пытаясь отразить свою «Я-концепцию», они часто используют характеристики «Я-идеального», «будущего Я», а определяя свою идентичность, прибегают лишь к подлинным, реалистичным самоописаниям, подтверждаемым в современной жизни [1].

Очевидно, что вглядываясь в себя, стараясь понять, кто он такой, человек не может не оглядываться на Другого. Этот Другой (Другие) опознают его статус, пол, имя, ролевое участие в действии, принадлежность к тому или иному слою общества и т.п. Идентифицируя самого себя и других, человек непременно опирается на уже сложившееся знание или накопленный предшествующими поколениями опыт. С точки зрения Э. Эриксона, основными функциями идентичности являются адаптивная (сохранение целостности и защита индивидуального опыта человека) и организующая (организация жизненного опыта в индивидуальное «Я») [2]. Механизмы становления и развития идентичности личности основаны на выделении «своего Другого», «своей группы», «своей культуры», то есть некоего референта в социокультурном пространстве. Принимаемые и отвергаемые идентичности составляют в этом пространстве систему координат, с которой соотносится позиция индивида.

Таким образом, идентичность можно определить как динамическую характеристику самосознания, представляющую собой совокупность присвоенных, преобразованных, выработанных субъектом антропо образов и образцов, имеющих различный уровень целостности и непротиворечивости, категоризируемую и реализуемую вовне субъектом, собственно, как «мое», «отражающее меня», «не противоречащее мне» (либо наоборот) [3, 29].

Идентичность как защита личного, соответствие образа «Я» его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надиндивидуальному целому – одно из базовых понятий современно-

го социально-гуманитарного знания (Г.М. Андреева, Т.М. Буякас, М.В. Заковоротная, В.С. Малахов, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, М.В. Шакурова, Л.Б. Шнейдер и др.). Поток постоянно изменяющихся, перекрывающих друг друга образцов, норм и правил самореализации и жизнестворчества в сочетании с равнодушием или открытым неприятием индивидом многих из них проблематизируют сам факт наличия некоего константного «Я» и актуализируют еще недавно не столь распространенные исследования индивидуальной и групповой идентичности.

Перемены в современной жизни России, связанные с затянувшимся характером реформ (продолжающихся уже второе десятилетие), обнаруживают многочисленные свидетельства идентификационного кризиса. С одной стороны, распад привычного образа мира влечет за собой массовую дезориентацию, утрату идентичности на индивидуальном и групповом уровнях, на уровне общества в целом. С другой стороны, в российском обществе начинается поиск новых культурных моделей и образцов, призванных восстановить образ мира как целое. Поиск ориентиров идентификации для молодежи обуславливает необходимость осмысления ценностей и идеалов русской национальной культуры применительно к специфике социализации молодежи в современной российской действительности.

Чрезвычайно важным сегодня является процесс социализации молодых людей в духовно здоровом обществе, укрепления их гражданской позиции, одним словом формирования позитивной российской гражданской идентичности современной молодежи. Не случайно и даже закономерно, что в полемику включились Президент РФ и ведущие политические силы страны [4]. Чтобы сохранить способность к самовоспроизводству, всякое общество должно очертить свою идентичность, поскольку осознание общности, единства становится основой решения политических задач.

В условиях социально-экономической нестабильности и социокультурной подвижности в глобальном мире проблема социализации современной молодежи сегодня приобретает особую значимость. Характерные для этой возрастной категории смыслоразнозначные искания и становление структур ценностных ориентаций повышают уровень тревожности и размывание ранее привычных жизненных ориентиров и стандартов поведения. Молодые люди становятся взрослыми и претендуют на качественно новую социальную роль в обществе. Это возраст самоопределения – жизненного, личностного, профессионального, что неразрывно связано с формированием мировоззрения как основы поиска себя. В этой связи актуализируется роль и значение факторов социализации, оказывающих влияние на молодых людей.

В целях обеспечения успешной социализации молодежи и поиска духовно-нравственной, российской идентичности нашей страны Общественная палата РФ, Общественный совет Центрального федерального округа и депутаты Государственной Думы подготовили «Концепцию государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности». Концепция определяет совокупность основных государственных и общественных мер по созданию условий для формирования духовно-нравственного облика молодого поколения на основе традиционной ментальности, в том числе на базе позитивной российской идентичности, защиту его психического и нравственного здоровья. Все это, по нашему мнению, должно способствовать обеспечению условий для сохранения и развития российской государственности и идентичности российского общества на основе отечественных традиций и ценностей.

Мы полагаем, что сегодня одним из важных и ответственных факторов, который влияет на социализацию и последующую интеграцию молодых людей в современное им общество, является позитивная российская гражданская идентичность.

Гражданская идентичность возникает из чувства группового членства в общности, которая может называть себя нацией [4, 45]. Благодаря этой идентичности люди, несмотря на недостаток физических контактов, считают себя объединенными общим языком, общей территорией и испытывают привязанность к существующей экосистеме. Их тесная связь основана на множестве традиций, исторической памяти о прошлом, которая переживает-ся в настоящем как гордость за успехи и достижения нации или, наоборот, как стыд за поражения или неудачи.

Категория «гражданская идентичность» включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм). Здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний).

Мы будем придерживаться той точки зрения, что гражданская идентичность как важнейший компонент социокультурной идентичности возникает из восприятия индивидом своего членства в общности, которая может называть себя нацией. Формирование этой идентичности может выступать фактором успешной социализации, т.е. позитивного включения индивида в деятельность государства, развития активности в установлении социальных связей [5, 46].

Российская гражданская идентичность (РГИ) олицетворяет качество отношения общества, народа, граждан, личности к государству. Отсутствие концептуально разработанной, целостной государственной идеологии, национальной идеи, придающей общий смысл и содержание российской идентичности, в первую очередь, снижает возможности плавной социализации и, как следствия, идентификации молодых людей с общественным сознанием. Поэтому выявить реальные тренды в гражданской идентичности молодежи важно не только потому, что по ним можно судить о тенденциях в содержании идентичностей, но и потому, что сами они будут в дальнейшем участвовать в формировании самосознания будущего поколения.

Как свидетельствуют результаты проведенного нами опроса молодых людей, проживающих в регионах Центральной России, Восточной и Западной Сибири, сегодня они выбирают значимых Других и референт-

ные группы за пределами воспитательных организаций. Они ориентируются преимущественно на образы и образцы, демонстрируемые средствами массовой информации (яркие, броские, настойчиво предъявляемые – 36,7% опрошенных) и властными структурами (четко выражены, постоянны, понятны – 37,3 % опрошенных). Однако позитивная РГИ, предполагающая усвоение национально-исторического опыта, установления подобия между индивидом и своим народом, переживание чувства принадлежности со своим народом актуализирует потенциальные возможности средств духовно-нравственного воспитания в процессе социализации молодежи.

Духовно-нравственное развитие гражданина России обеспечивает развитие страны, процесс ее глубокой модернизации в его конкретно-человеческом, социально-личностном выражении, что позволяет субъекту идентифицировать себя как «россиянина», как гражданина своей страны. Духовно-нравственное развитие гражданина России в рамках общего образования осуществляется в педагогически организованном процессе осознанного восприятия и принятия учащимися традиционных российских ценностей, которые представляют собой постепенное расширение ценностно-смысловой сферы личности под влиянием процессов обучения, воспитания и социализации.

Духовно-нравственное развитие личности начинается в семье. Для обеспечения сохранения и развития связи, преемственности, непрерывности и органичной корректировки уже идущего в семье процесса воспитания ребенка общеобразовательная школа должна сотрудничать с семьей при осуществлении процесса обучения и духовно-нравственного развития учащихся.

Следующая ступень развития гражданина России – это осознанное принятие учащимися традиций, ценностей, особых форм культурно-исторической, социальной и духовной жизни его родного села, города, района, области, края. Здесь наполняются конкретным, чувственно-выразительным содержанием через семью, родственников, друзей, школу, природную среду и социальное окружение такие понятия, как «малая Родина», «Отечество», «родная земля», «моя семья и род», «мой дом».

Более высокой ступенью духовно-нравственного развития гражданина России является принятие культуры и духовных традиций России, русского народа и народов, в среде которых он родился и живет. Российскую идентичность и культуру можно сравнить со стволом могучего дерева, корни которого образуют культуры народов России. Важным этапом развития гражданского самосознания является укорененность в этнокультурных традициях, к которым человек принадлежит по факту своего происхождения и начальной социализации.

Целостность РГИ достигается в процессе развития личности и ее социализации. Россиянином становится человек, осваивающий культурные богатства своей страны и российских народов, осознающий их значимость, особенности, единство и солидарность в судьбе России. Открытость миру, диалогичность с другими культурами – важное свойство духовно-нравственного развития гражданина России [6].

Таким образом, состояние гражданской идентичности – не только призма, через которую рассматривают общество, но и важный фактор социализации людей, их солидаризации. Именно поэтому в последнее время институты государственной власти, так же как и лидеры политических направлений, озабочены формированием идентичности с ценностями, в которых они заинтересованы. Ясная и позитивная гражданская идентичность придает осмысленность жизни, позволяет сформировать долговременные цели, т.е. выполняет мотивационную функцию на пути личностного развития.

Духовно-нравственное развитие гражданина России является ключевым фактором модернизации России. Воспитание человека, формирование в нем свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития России. Создать современную инновационную экономику, минуя человека, состояние и качество его внутренней жизни, невозможно.

Список литературы

1. *Белинская Е.П.* Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности // Идентичность / Сост. Л.Б. Шнейдер. М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. С. 6–20.
2. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 324 с.
3. *Шакурова М.В.* Социально-педагогические условия становления социокультурной идентичности личности. Воронеж: ВГПУ, 2006. 200 с.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г.: [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kremlin.ru/appears/2008>.
5. *Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б.* Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях // Идентичность и организация в меняющемся мире: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.М. Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 41–56.
6. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000. 288 с.

V. МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА ДЛЯ МОЛОДЫХ

С.И. Левикова

Московский педагогический государственный университет, Россия

О МОЛОДЕЖИ, ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И НЕФОРМАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Молодежь как особая группа появляется в XX веке, когда общественные системы вступают в стадию индустриального развития, и возникает потребность в большом количестве людей, основным занятием которых является обучение. Сбой в социализации молодежи компенсируется в современных обществах неформальными молодежными субкультурами. Однако подобная социализация, наряду с положительными моментами, таит в себе ряд опасностей.

Ключевые слова: молодежь, социализация, сбой социализации, неформальная молодежная субкультура, семья, школа, обучение, феномен «социального детства», банда, религиозная секта

Youth as a special group appears in the XX-th century when public systems enter the stage of industrial development and arises a requirement for a considerable quantity of the people which basic employment is training. Failure in youth socialization is compensated in modern societies by informal youth subcultures. However such socialization, along with the positive moments, conceals in itself a number of dangers.

Key words: youth, socialization, failure of socialization, informal youth subculture, family, school, education, phenomenon of "social childhood", gang, religious sect

Слово «молодежь» для русского языка не является новым: его можно найти уже в Словаре Даля. Там оно дается как производное от слова «младой», то есть «не старый, юный; проживший немного века; невозрастный, не взрослый, незрелый; неперематоревший еще» [1, 281–282]. Далее в ряду таких однокоренных слов, как «младший», «младость», «младенец», «младень», «молодень», «молодика», «молодежни», «молодец», «молодчик», «молодняк» и др. появляется слово «молодежь» в собирательном значении «молодые люди обоего пола, но более мужчины». Синонимами слова «молодежь», по Далю, являются такие слова, как «молодятина» и «молодятиник». Примечательно и то, что «младость» в Словаре толкуется как «состояние младого: пора и возраст до середовых лет; младенчество, отрочество и юношество, а иногда и начало возмужалости» [1, 282].

Таким образом, во времена Владимира Ивановича Даля, а речь идет примерно о 60-х гг. XIX века, поскольку этим временем датируется выход первого издания «Толкового словаря живаго великорусского языка», слово «молодежь» еще не играло такой роли, какую оно играет в современном мире. Кроме того, за ним закреплялось чисто биологическое значение определенного промежуточного возрастного периода тех, кто уже не дети, но еще не взрослые. И беда в том, что именно это значение сохранилось по сей день не только в бытовой речи и представлениях, да также в среде тех, кто занимается молодыми людьми, поскольку им необходимо как-то отделить тех, с кем они работают, от остальных, но зачастую и в научных изданиях. Однако почему беда, и верно ли понятие «молодежь» связывать только лишь с временными границами биологического возраста человека? То есть верно ли подразумевать под понятием «молодежь» биологически «молодых» людей?

Ответ на поставленные вопросы не так прост, как может показаться с первого взгляда, поскольку он требует определенной ломки устоявшихся традиционных представлений. Все дело в том, что подобное сверхрасширительное понимание слова «молодежь», под которое подпадают все те люди, которым «от» и «до» лет, то есть ситуация, когда учитывается лишь биологический возраст, в современных социальных системах уже непродуктивно. Ведь человек является не только биологическим, но и социальным существом, и этот второй параметр делает биологический возраст относительным. Так, например, десятилетний мальчик, во всем опекаемый родителями и боящийся шагу ступить без их совета и одобрения, серьезно отличается от сверстника, который в войну идет работать вместо погибшего отца на его завод и берет на себя его заботу о своей осиротевшей семье. Или, наоборот, уже биологически взрослый мужчина, сидящий на шее у родителей, не инициативный, не берущий на себя ответственность ни за что, вряд ли может быть назван социально взрослым.

Приведенные примеры ярко демонстрируют (если идти по возрастной линии) о том, что, принадлежа одновременно двум мирам – биологическому и социальному – человек обладает также двумя возрастными: биологическим и социальным, которые не совпадают. Но раз возрастной параметр не является определяющим для того, чтобы отнести человека к категории «молодежь», то какой социальные параметр будет удовлетворять этим требованиям и кто тогда подпадет под понятие «молодежь»? А также встает вопрос: всегда ли была молодежь или же она появилась на каком-то определенном историческом этапе?

Молодые люди были во все времена, и вряд ли кто-нибудь с этим не согласится. А вот молодежь как социально-демографическая категория появляется не так уж давно, а именно в XX веке. И связано это с теми изменениями, которые происходили с социальными системами, вступившими в период индустриализации. Дело в том, что индустриализация повлекла за собой специализацию в обществах и усложнение всех видов профессиональной деятельности, что, в свою очередь, потребовало длительного периода обучения. Города стали аккумулировать работников, которых необходимо было обучать их будущим профессиям. Причем решающее значение имел не столько сам факт длительного обучения, сколько то, что это обучение приняло массовый характер. Ведь и ранее были люди, обучение которых занимало много времени; например, обучение кельтских жрецов друидов продолжалось 25 лет. Но раньше таких обучающихся было немного и они практически растворялись среди других людей. В XX же веке возникла потребность в длительном обучении большого числа людей, которые сконцентрировались в городах, превращавшихся в крупные образовательные центры. В результате появилась целая социальная группа или слой людей в структуре общества, основным занятием которой стало обучение. Вот она-то в науке и получила название «молодежь». А поскольку период обучения, как правило, совпадает с биологической молодостью, то в сознании людей часто смешиваются понятия «молодежь» и «молодость». Однако в понятии «молодежь» на первый план выходит не биологическая, а социальная характеристика человека, которая проявляется в том, что, **основным занятием** для молодежи является **обучение**, хотя она может и работать, но эта работа всегда будет вторичной по отношению к обучению.

Увязывание понятия «молодежь» лишь с биологическим возрастом является бедой. Почему? Да потому, что биологический возраст уходит сам собой естественным путем, и от человека не требуется никаких особых усилий, чтобы из младенца он превратился в подростка, а к концу жизни – в старика. И, следуя этой логике, если увязывать понятия «молодежь» лишь с биологическим возрастом, то можно утверждать, что все молодежные проблемы не существенны и их можно не решать, поскольку они являются возрастными и рано или поздно разрешаются сами с изменением возраста человека, переставшего быть молодым. Ведь взрослые же не делают многого из того, что они делали в детстве именно потому, что выросли. Аналогично и с молодежными проблемами.

Это достаточно распространенная опасная позиция. Она свидетельствует либо о непонимании и недооценки молодежных проблем, либо о желании отвернуться от них и не замечать их. Ведь что может быть проще, если сказать: «Вырастут, переберутся, и все будет хорошо». Тогда и делать ничего не надо, а лишь ждать, когда проблемы сами собой разрешатся.

А проблем у молодежи предостаточно. И здесь уже идет речь не о молодых, а о молодежи как о социально-демографической категории и группе в структуре общества.

Серьезные проблемы в этой среде начались не тогда, когда она только появилась, а тогда, когда молодежная среда достигла определенной стадии развития. Это пришлось примерно на середину XX столетия. В силу социально-исторических особенностей в одних странах это произошло несколько раньше, в других позже. (Кстати, здесь не следует забывать о том, что Вторая мировая война, разыгравшаяся на территории стран Европы и Советского Союза, повлияла на то, что там молодежные проблемы проявились несколько позже, чем в Соединенных Штатах Америки, никогда не воевавших с внешним противником на своей территории.) Однако наметились эти проблемы уже тогда, когда молодежь только появлялась. И связаны они были в первую очередь с ее социализацией, на чем мы и остановимся несколько подробнее.

Появление молодежи как новой социальной категории сопровождалось разговорами о том, что семья как социальный институт уходит в прошлое, отмирает. Однако впоследствии оказалось, что семья, несмотря на незатихающие разговоры об ее умирании, не только выстояла, но, просуществовав еще более столетия, вышла на одно из первых мест среди ценностей, называемых опрашиваемыми социологами респондентами практически всего мира. Но что же тогда произошло с семьей?

Примерно до начала XX века (или второй половины XIX века), то есть до начала вступления общества в индустриальную стадию, за социализацию молодых людей в основном отвечала семья. И здесь не имело особого значения, к какому слою общества принадлежали люди: они социализировали своих детей в соответствии с занимаемым ими местом в социальной структуре. А если семья по тем или иным причинам не могла этого делать, она приглашала платных специалистов. Вспомним хотя бы «Недоросля» Фонвизина (конечно, здесь речь не идет о крестьянах или рабочих).

Однако уже в XX веке семья утратила способность давать своим детям полную социализацию. Даже самые способные родители в домашних условиях не могли сделать собственных детей врачами, инженерами, архитекторами и т.д. Поэтому семья была вынуждена поделить часть своих функций и обязанностей с государством. Ему она частично передала функции социализации и воспитания, сохранив за собой функцию первичной социализации ребенка. Государство же создало специальные институты образования и воспитания подрастающего поколения. В результате, функции целенаправленной социализации в XX веке оказались поделенными между семьей и государством. Однако уже к середине XX века выяснилось, что даже такое распределение обязанностей и взаимная помощь семьи и государства вовсе не гарантировали идеального прохождения подростками социализации. Более того, именно инстанции, основными функциями которых было всячески способствовать молодому человеку социализироваться, чтобы во взрослую жизнь он вступил всецело готовым к ней, стали давать сбой. Молодые же люди, инстинктивно почувствовав, что у них есть проблемы и им чего-то не хватает, стали объединяться в группы с подобными себе молодыми людьми и компенсировать эту нехватку. Этими группами стали неформальные молодежные субкультуры, явившиеся результатом сбоя социализации некоторых молодых людей и средством исправления этого сбоя.

Как отмечалось выше, в современных обществах целенаправленной социализацией молодых людей занимаются семья и общество (государство), делящие между собой ответственность за ее результаты. Однако такое положение фактически приводит к тому, что никто не хочет брать на себя ответственность и учебные заведения сваливают вину на семью в случаях, если что-то с молодым человеком пошло не так, а семья – на учебные заведения. Более того, если в случае с семьей есть ограниченное количество виновных, то в случаях с учебными заведениями виноватый оказывается весь коллектив. Но почему ряд молодых людей отворачиваются от традиционного образа жизни, выбирая, хотя и временно, неформальный молодежный субкультурный способ существования и соответственно его социализацию?

Как ни странно, но проблемы с социализацией молодых возникают в семьях, где дети желанны и любимы; то есть в благополучных. Казалось бы, там ребенку дают все, чтобы ему было хорошо и чтобы он вырос и порадовал родителей и общество. Однако на деле оказывается, что проблема – в мере любви к ребенку: ведь и любовью можно задушить. Но в некоторых семьях родители, раз выполнив в роль любящих родителей, и в толк себе не возьмут, что их ребенок растет, изменяется, а следовательно, и его взаимоотношения с ними должны претерпевать изменения. Ведь нельзя же с восемнадцатилетним молодым человеком общаться и обращаться так же, как с годовалым ребенком, не позволяя ему и шагу ступить без родительского дозволения, требуя от него отчета обо всех его действиях, принимая за него все решения и не позволяя ему отвечать за собственные поступки. Сразу встает вопрос: кого подобные родители растят? Или они думают, что однажды их взрослый младенец вдруг проявит чудеса самостоятельности? Или считают, что родили себе на всю оставшуюся жизнь живую игрушку, которая даже интереснее, чем домашний питомец, поскольку и живет дольше, и поговорить с ней можно; а потому на всю свою жизнь они гарантированы, что будут востребованы? Когда же силы покинут их, то их уже выросший, но, как правило, не имеющий собственной семьи ребенок (поскольку они приложат все усилия, чтобы с ним такого не случилось и никто не оказался ему нужнее и ближе родителей), окажется для них лучшей сиделкой и обеспечит их всем необходимым... И такого ли счастья они хотят для своего ребенка?

Но как вести себя ребенку, оказавшемуся в подобной ситуации? На деле у него есть лишь два выхода: либо смириться и подчиниться действиям родителей, либо противиться им в силу его возможностей. Если ребенок выбирает первый вариант, то во взрослом состоянии он оказывается абсолютно безвольным, инфантильным человеком, нуждающимся в постоянной опеке, не способным самостоятельно принимать решения. Если он и умудряется завести во взрослом состоянии собственную семью, то либо продолжает беспрекословно подчиняться родителям, вмешивающимся во все его дела, либо превращается в безропотного «ребенка» для собственного супруга со всеми вытекающими из этого последствиями. На работе подобные выросшие «дети» оказываются безынициативными и способными лишь выполнять чужие распоряжения.

Если же в такой ситуации сверхлюбви родителей подросток начинает противиться такому отношению к себе со стороны взрослых, то с его стороны это вначале проявляется в дерзости и хамстве, которые родители часто связывают с переходным возрастом. Однако таким поведением подросток просто говорит родителям, что пора перестраивать отношение к нему и видеть в нем взрослого. Если же родители не в состоянии понять и принять этот сигнал, то в современных индустриально развитых обществах ребенок находит то место, где его воспринимают как равного. Этим местом и является неформальная молодежная субкультура.

Другой вариант сбоя социализации в семье характерен для любящих родителей, которые либо ограничены в средствах и возможностях, но прилагают все усилия, чтобы дать ребенку все, чтобы тот ни в чем не нуждался; либо родители всецело поглощены профессией или карьерой. В этих случаях они все время пропадают на работе (или работах), а на деле получается, что они превращаются для собственного ребенка лишь в источник средств. В таких семьях дети фактически предоставлены сами себе, что часто рано или поздно приводит их в неформальные молодежные субкультуры, компенсирующие им нехватку семейного тепла, а также позволяющие опробовать, хотя и в игровой форме, семейные роли (сына, брата, а возможно, и будущего отца).

Как это ни грустно, но практически всегда неполные семьи неспособны предоставить ребенку полноценную социализацию. И здесь не имеет значения, по какой причине семья оказалась неполной: одного из родителей не было изначально, с кем-то из родителей что-то случилось или родители развелись. Факт остается фактом – семья неполная, и как бы родитель, с которым живет ребенок, ни любил его, он все равно не в состоянии быть сразу двумя родителями. Таким образом, дети из неполных семей инстинктивно оказываются в поиске того места, где можно своеобразно «восполнить» нехватку одного из родителей. И этот поиск очень часто приводит их именно в неформальные молодежные субкультуры.

Порой излишняя любовь родителей или симпатии окружающих также приводят к неожиданному сбою социализации молодого человека, выражающемуся сначала в завышенной оценке ребенка окружающими, а затем уже его собственной завышенной самооценке. Происходит это из-за того, что не очень-то выдающиеся способности ребенка по тем или иным причинам начинают превозноситься окружающими как талант. В результате ребенок, приученный к тому, что он не такой, как все, когда вырастает, вдруг обнаруживает, что способности у него заурядные... В итоге подобные непризнанные обществом «гении» пристанище находят в неформальных молодежных субкультурах. И примечательно, что там собираются не только непризнанные «художники», «поэты», «актеры», «музыканты», то есть люди творческих профессий, оценка таланта которых достаточно субъективна, но и такие же непризнанные «археологи», «филологи» и т.д. Казалось бы, чего проще: отучись в институте и работай по заветной специальности. Но на деле подобные молодые люди предпочитают страдать в неформальных молодежных субкультурах...

Если сбой социализации в семье, приводящий молодых людей в неформальные молодежные субкультуры, происходит в основном из-за переизбытка любви родителей к собственным детям, то сбой социализации,

за которую отвечает государство, происходит по другим причинам. Для школ характерны в основном две разновидности сбоя социализации ребенка, прокладывающие ему путь в неформальные молодежные субкультуры. Первая связана с отношениями школьника с учителем. К сожалению, не редки случаи, когда учитель ставит «крест» на ученике и начинает того третирировать. И если класс принимает позицию учителя, то подросток оказывается в ситуации «изгоя», не вписывающегося в нормальную жизнь класса, школы. Пытаясь сопротивляться возникшей ситуации, ребенок лишь усугубляет свое положение протестным поведением. При этом учителями почему-то упускается из вида, что смысл обучения и воспитания ребенка – социализация, то есть подготовка его к взрослой жизни. Но какую реальную подготовку подросток получает в таком случае: всеми унижаемого и третируемого? Не всякий согласится с такой ролью. И те, которые не соглашаются, находят выход в неформальной молодежной субкультуре, где их ценят за те качества, которыми они обладают в действительности.

Другая ситуация сбоя социализации в школе связана с коллективом класса, в котором учится ребенок, а также с распределением в нем неформальных ролей. Ведь в любом коллективе, в том числе и в школьном классе, существует неформальное распределение ролей: кто-то играет роль «самого красивого», кто-то – «самого умного», кто-то – неформального лидера и т.д. Однако если в классе, в котором роли уже распределены, появляется новичок, то ему предстоит нелегкое вхождение в коллектив. А если «его место» уже занято? Ведь не факт, что имеющийся «исполнитель» определенной роли без боя уступит свое место. И если результат этого боя окажется не в пользу новичка, то он будет чужим в коллективе, отвергнутым, не вписавшимся в него. Как правило, подобная ситуация толкает подростков к поиску альтернативы, которую им предоставляет вхождение в неформальную молодежную субкультуру.

Но не только школа продуцирует сбой социализации молодых людей, в котором повинно государство. Ведь социализация не заканчивается с окончанием школы. Однако в процесс последующей социализации часто вмешивается государство. Стоит хотя бы упомянуть о молодых людях, пришедших в армию по призыву, но отправленных государством проходить службу в горячих точках (локальных войнах). Проблема заключается в том, что молодой человек там проходит суровую школу боли, крови, потери товарищей; обучается владеть оружием и науке воевать, а также видеть во всех либо своих, либо врагов. А в то же время его одноклассники дома учатся, обзаводятся семьями, рожают детей, да просто тусуются на дискотеках. И когда молодой человек, прошедший школу войны, возвращается в мирную жизнь, он в нее не вписывается. И потому, даже если молодой человек пришел с войны без ранений, не найдя себя в мирной жизни, он инстинктивно начинает искать аналогичных себе людей, с такой же проблемной, «сбитой» социализацией. Они объединяются в неформальную молодежную субкультуру и начинают воевать уже на своей территории, устанавливая порядки и нормы, которые им понятны и действуют в условиях войны [2].

Среди тех вариантов сбоя социализации, в которых повинно государство, можно отметить и то, что затянувшийся период учебы молодых людей, оборачивающийся для них феноменом «социального детства», когда учеба становится способом существования, а не средством достижения определенной цели, в силу чего молодые люди, привыкшие учиться, готовы это делать до бесконечности, но не готовы становиться взрослыми и самостоятельно зарабатывать себе на собственную жизнь. При этом нравится кому-либо или нет, феномен неформальной молодежной субкультуры существует и выполняет очень важную функцию социализации молодежи. Таким образом, «брак» взрослых, не справившихся с возложенной на них социализирующей функцией, заставляет молодых людей инстинктивно искать то место, где они могли бы компенсировать себе то, что не смогли получить традиционным путем. И с этой точки зрения хорошо, что в современных индустриально развитых обществах возник феномен, со временем фактически превратившийся в социальный институт, позволяющий молодым людям компенсировать возникающую у них нехватку социализации [3].

Однако каковы отрицательные моменты социализации молодых людей в неформальных молодежных субкультурах? Отбрасывая второстепенное, обратим внимание на то, что, во-первых, социализация в этих субкультурах проходит без контроля над ней взрослых, которые, будучи более опытными, могут скорректировать ее, если она пойдет в неправильном направлении. И, во-вторых, на то, что если неформальной молодежной субкультурой заинтересуются взрослые и захотят использовать ее в собственных неблагоприятных целях, то перетекание субкультуры в криминальную банду или в религиозную секту может остаться незамеченным молодыми людьми. Опомнятся же они лишь тогда, когда будет уже поздно. И хорошо, если опомнятся.

Завершая разговор о молодежи, ее социализации и неформальных молодежных субкультурах как инстанции, компенсирующей молодым людям сбой социализации более привычными обществу способами, обратим внимание на то, что неформальные молодежные субкультуры не относятся к молодежным движениям, поскольку движения имеют некие общие цели, как правило, политические. Целью же существования неформальных молодежных субкультур является компенсация сбоя социализации молодых людей, задачу которой каждый входящий в неформальную молодежную субкультуру молодой человек решает для себя сам, а, решив, покидает эту неформальную молодежную субкультуру [4].

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. Левикова С.И. Молодежная культура. М.: Вузовская книга, 2002; 2005; 2007; 2009.
3. Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
4. Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура. М.: Вузовская книга, 2010.

МОЛОДЕЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВА

Одним из ярких феноменов современного общества являются молодежные движения. Они формируются в противостоянии господствующей системе ценностей, отражая стремление либо «изменить мир», либо «выброситься» из него. Их идеология исходит из постмодернизма и отличается сближением высшего и низшего, массового и творческого, «стадного» и личностного. Проявления этого носят полярные формы от экстремизма до пацифизма, возможности которых усиливаются информационной эпохой.

Ключевые слова: молодежные движения, субкультура, контркультура, экстремизм, пацифизм, ценности молодежи

One of the striking phenomena of the modern society is the youth's moving. They form in the opposition to the ruling system of values, and this system shows the aspiration for "changing the world" or "throw oneself out" this world. The ideology of these subcultures com from postmodernism and differs for approaching of highest and lowest, popular and creative, "flok" and person. The manifestations of this have polar forms from extremism to pacifism and the possibilities of these manifestations become more powerful by information epoch.

Key words: youth's moving, youth's subcultures, contr-cultures, extremism, pacifism, values of youth.

Яркими носителями новых идей в обществе являются молодежные движения и объединения. Будучи революционно настроенными, в силу психологических особенностей возраста и нескованностью догматичного мышления, презрением к устаревшим традициям, молодежь оказывается той силой, которая несет могучий пассионарный заряд обновления, который может быть как конструктивным, так и разрушительным в своих результатах. Молодежные движения и объединения прошлого были питательной средой каждой революции или крупных политических перестроек. Общества декабристов, кружок Станкевича, группы «Народная воля», «Черный передел» и мн. др. – в основном включали тех, кому было от 16 до 30 лет. Молодые люди, действующие из разных политических и социальных побуждений, сыграли в мировой истории важнейшую роль – «реализатора» политических теорий на практике, показав как силу, достоинства, так и опасность, разрушительность многих из них. Главные противодействующие начала среди многообразных молодежных движений различаются своим отношением к насилию, прежде всего, это пацифисты и экстремисты. Именно две эти идеологии, формы отношения к Другому и к обществу в целом выступают своеобразными полюсами социальной активности молодежи, противодействие которых особенно остро проявляется в кризисные эпохи.

Молодежные движения как губка впитывают наиболее эпатажные философские идеи, радикальные политические лозунги, нетрадиционные феномены искусства. На них легко оказать влияние и этим нередко манипулируют те или иные стороны общества. Молодежные движения – могучая сила, которая может выступать и источником, и проводником, и исполнителем тех или иных учений, программ. В то же время молодежные движения – это всегда и отражение определенной эпохи, ее наиболее существенных проблем. В тоталитарных обществах наиболее важную роль играют политизированные молодежные движения, в то время как в условиях либерализма их заменяют аполитичные образования, связанные с различными формами культивируемого ими «времяпрепровождения». Идеология и философия молодежных движений и сообществ при всем ее многообразии и пестроте феноменов имеет в своей основе единые ценностные основания, изучение которых может способствовать более ясному пониманию потенциала этой социальной силы.

Прежде всего, необходимо определиться с понятиями и их содержательным наполнением. В нашей работе мы будем анализировать объект, который может иметь различные названия: «молодежные движения», «молодежные сообщества», «молодежные объединения», «молодежная субкультура» и др. Все эти понятия имеют различные оттенки смысла, но порой понимаются в едином значении – для обозначения многочисленной группы молодых людей, объединенных едиными ценностями, общей идеей, стилем жизни, образом мышления и поведения.

Согласно официальной точке зрения, *молодежные общественные объединения* – это «добровольные, самоуправляемые, некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставах общественных объединений» [1], членами или участниками которых являются граждане в возрасте 14–30 лет.

Далее конкретизируем модификации этого общего понятия. «Молодежные объединения» – форма, которая предполагает явную, но не всегда формальную, структуру идейную платформу, лидеров, атрибуты и т.д.

«Молодежные сообщества» – понятие, которое показывает, что его члены связаны, прежде всего, постоянным общением и, несмотря на многочисленность, находятся в контакте друг с другом, причем эта коммуникация имеет для них принципиальное значение.

«Молодежные организации» – понятие, которое обозначает многочисленные группы молодых людей, имеющих формально закрепленную структуру, иерархию, теорию и программу действий. В отличие от «молодежных объединений» «молодежные организации» чаще носят политизированный характер и преимущественно создаются «сверху», искусственным путем.

«Молодежная субкультура» – наиболее общее понятие, обозначающее и различные молодежные сообщества, и конкретные единичные молодежные объединения, а также результаты духовно-практической деятельности молодых людей, объединенных общими ценностями, стилем жизни, предпочтениями во времяпрепровождении и т.д. Молодежная субкультура – это реакция на принятые в обществе ценности и нормы,

их пропаганда или отрицание, это проявление духовной и социальной свободы в признании или презрении официальной идеологии, имеющей как идейно-философские, так и этико-эстетические формы выражения.

«Молодежные движения» – широкое понятие, которое используется для обозначения молодежной организации или объединения, имеющей временный характер, связанный с реализацией определенной задачи (1); стихийно возникшее в определенном историко-культурном пространстве (хронотопе) единство молодых людей, направленных к воплощению общих идеалов, разделяющих схожие ценности, признающие определенные нормы поведения, культивирующих тот или иной образ жизни.

Таким образом, молодежные движения понимаются нами как включающие и молодежные субкультуры, а также помимо них – политизированные объединения и образования.

Названные понятия можно разделить на две значительные группы: на объединяющих своих членов на формальных основаниях и так называемых «неформалов». К первой группе будут относиться, прежде всего, молодежные организации, а также некоторые молодежные движения, созданные для продвижения каких-либо идей.

В современном обществе роль молодежных движений оценивается неоднозначно. С одной стороны, они воспринимаются как мощная социальная сила, фактор, с которым невозможно не считаться. Такая оценка связана главным образом с деятельностью «формализованных» объединений и организаций, имеющих определенный политический вес или потенциал. С другой стороны, популярным является представление о том, что молодежные движения и субкультурные объединения – это сообщества маргиналов, тех, кто не имеет и не может иметь никакого влияния на развитие значительных социальных процессов. Такая позиция во многом связана с оценкой «неформалов», сообществ, ведущих асоциальный, аполитичный образ жизни. В целом анализ работ исследователей позволяет сделать выводы о том, что молодежные движения и субкультура – яркий, своеобразный феномен, возникший в XIX веке, наиболее активно проявивший себя в начале и второй половине XX века. Первая фаза его развития была связана с деятельностью революционных групп, имела ярко выраженный политический характер. На рубеже XIX–XX веков в Европе и в России возникли не только политические партии и движения, но и сообщества деятелей искусства. Именно этот период дал миру импрессионизм, кубизм, экспрессионизм – в живописи; символизм, акмеизм, имажинизм – в поэзии. Идеологами этих течений в основном были молодые люди, и их профессиональные сообщества также можно квалифицировать как субкультурные, хотя и объединяющие профессионалов.

Во второй половине XX века началось наиболее активное формирование уличных молодежных субкультурных движений, чему способствовали философия бунта против общества, власти, мещанства, механической жизни, выраженные сначала в экзистенциализме, а в 70-х – в постмодернизме. На этой волне возникли движения битников, хиппи, панков, которые стремились убежать из социума, «выброситься» из него.

Рассмотрим более подробно факторы, способствующие формированию молодежных субкультур и движений в XX веке, по нашему мнению, к таковым можно отнести следующие:

1. Победа либерализма, утверждение свободы, прав человека на собственный выбор жизненного пути. Демократизация и либерализация общества сначала на Западе, а позже и в России вызвала новый тип мировоззрения, основанного на культе Свободы. Молодые люди получили формальные возможности к независимости от семьи, патроната родителей, гимназий, пансионов, университетов и т.д. Свобода позволила самостоятельно вступать в брак (разводиться), выбирать профессию, место жительства, государство, образ жизни, а также вступать в те или иные объединения и сообщества.

2. Быстрая смена образа жизни и базовых ценностей личности. На протяжении долгих веков развитие культуры происходило постепенно, лишь порой переживая «коренные ломки» и революционные обновления. XX век стал эпохой хронических перемен, сверхскоростей, инноваций, внедрение которых привело к безудержной смене окружающей человека «второй природы». В результате каждое новое поколение оказалось воспитанным на новых текстах, лозунгах, песнях, фильмах и т.д., соответственно существенно отличаясь внешне и внутренне от своих родителей. Непонимание, с одной стороны, и неприятие, с другой, вызвали появление бунта в микросоциуме (семье), который впоследствии вылился в макросоциум (государство).

3. Утрата обществом традиционных форм социализации и коммуникации в результате ослабления этнокультурных традиций, миграции, а также распространения атеизма. Как результат этих процессов – создание новых форм коммуникации и «закрытых обществ», разделяющих мир на своих и чужих, истинных и неистинных, ортодоксальных и ответвившихся.

4. Постмодернизм как философия и феномен контркультуры, чертами которого были признание неоднозначности, множественности истины, приоритет относительных знаний над абсолютными; оценка мира как восприятия, переживания, умозаключения, игры слов субъекта; восприятие реальности как совокупности слабосвязанных между собой фрагментов, где целостность – лишь искусственный продукт описания; отрицание всех форм тотализации и метаповествования, любых устремлений к интеллектуальному единству, цельности или всеобъемлющей связанности; отношение к человеку как к случайному наблюдателю, игроку в игре без правил, имеющему, правда, некую власть над происходящим; форсированный плюрализм в оценке истории, утверждение равноправности и несвязанности историй различных народов и государств.

В результате развития постмодернизма утверждается ценность единичного, уникального, личностного начала вопреки социальным традициям и установлениям. Это открыло возможности для плюрализма в искусстве, научной методологии, а также в сфере социальных процессов, где, начиная с 70-х гг. начинается «бум» появления молодежных субкультурных движений.

5. Информационная эпоха, породившая виртуальные миры, сообщества, всевозрастную увлеченность Игрой. Особенностью нового мира стал «человек играющий», который одновременно выступает и автором, и

исполнителем, и зрителем виртуальной жизни. Это находит свое отражение и в молодежных движениях, где фактор интерактивности оказывается чрезвычайно важным.

Другим важным аспектом информационной эпохи является развитие власти СМИ, что усиливает информированность о возникающих объединениях, движениях и порождает «цепную реакцию». Подавляющая часть современных субкультур молодежи, существующих в России, является результатом копирования, заимствования их западных образцов, перенесенных в среду, где также имелись подходящие условия для «роста».

6. Кризис социально-политических программ (тоталитаризм, нацизм, капитализм, социализм) и как результат недоверие к политической жизни, власти, отчуждение от социума, стремление ухода от социальной активности или бунта «против системы». Значительная часть молодежных движений возникает в знак протеста против проведения той или иной государственной политики (войны во Вьетнаме, расизма, поощрения миграции, жесткой цензуры, отсутствии свободы слова и т.д.)

7. Индустрия моды, развитие бизнес-корпораций, зарабатывающих деньги на товарах для молодежного андеграунда. Бизнес не только отвечает на потребности, но и с помощью рекламы активно формирует их. В конце XX века одним из активных направлений индустрии моды становится производство товаров, открытие специальных магазинов для представителей различных суб-движений. В Интернете размещены сайты, предлагающие атрибуты, одежду, парики, разнообразные «фенечки» для готов, эмо, ролевиков, толкиенистов, рас-таманов и т.д. Этот бизнес требует поддержания имиджа субкультур и способствует его активной рекламе (в основном в Сети).

8. Развитие массовой культуры, в которой поиски индивидуальности также подчинены стереотипу, образу для подражания. Индивидуальность в массовом обществе в условиях СМИ-культуры носит, скорее, не личный, а групповой характер.

9. В России расцвет субкультурных движений молодежи сопутствовал крушению советской системы власти, что обусловило прозападные настроения большинства молодых людей. Возникшие в Великобритании и США стили стали копироваться и быстро распространяться в российских мегаполисах. Молодежные движения 60–80 (стиляги, хиппи, битники и др.) также в свое время были результатом «экспорта культур» (точнее, субкультур) и выступали выражением свободы, неподчинения социалистическим идеалам аскетизма, трудолюбия, социальной активности.

Рассмотрим и те причины формирования молодежных субкультур, которые имеют, по нашему мнению, вневременный характер и связаны не столько с конкретно-историческими, но и психологическими, экзистенциальными, духовными, то есть внутренними источниками:

– стремление к коммуникации с «себе подобными», создание собственной среды обитания, в противовес той, которая воспринимается негативно, критически. Причинами этого могут стать насилие, деспотизм в семье, школе;

– стремление к участию в «тайных обществах», обладанию знанием для «посвященных» (имеющих повышенный интерес к мистическому) или собственной тайной жизни, со «своим языком», «своей музыкой», «своей модой» и т.д.;

– дух протеста, всегда присущий молодежи, но особенно проявляющийся в периоды кризиса социальных ценностей. В периоды стремления к унификации всех сторон жизни он проявлялся в эпатажных формах хиппи, панк-культуры, яркости стилияг, модов и др. В периоды развитой индустрии шоу-бизнеса, «гламура» и глянцевого моды он выражается в движениях «антигламура», ухода к «естественной простоте жизни» или виртуальные игровые пространства;

– стремление к свободе «личной жизни», независимости в самоопределении, самоидентификации. Даже если свобода невозможна в повседневной реальной жизни, молодой человек может ощущать себя независимым в виртуальном сообществе;

– поиски смысла, противостояние абсурдности повседневного существования, посвященного служению внешним для самого человека целям. Одним из частых мотивов ухода подростков «в подполье», из дома, из реальности становится стремление найти смысл и цель жизни, которые видятся в общении, свободе, творчестве, любви, удовольствии, игре и т.д.;

– выплеск естественной в подростковом возрасте энергии, которая не находит выхода ни в физическом труде, ни в спорте, но находит выражение или в творчестве (музыка, граффити и др.), или в насилии, уличных драках;

– разрушение семьи как среды, питающей развитие личности, создающую Дом в экзистенциальном смысле этого понятия. Изменение в институте семьи, вызванное эпохой свободы и плюрализма, гедонизма и культы карьеры, привели к тому, что более 80% из заключенных браков распадаются, а следовательно, большее число детей воспитываются одним из родителей (как правило, полностью занятым работой). Одиночество и пустота вместо общения, воспитания, обучения все чаще характеризуют сегодня жизнь ребенка в семье. Отсюда – стремление к обретению своих «братьев и сестер», наставника и покровителя в тех или иных сообществах и общинах;

– стремление не к созиданию, а к потреблению благ и накопленных обществом достижений. Высокий уровень развития материальной сферы общества позволяет значительной части молодежи вести паразитический образ жизни. «Ничего неделание», постоянная игра, бесконечный досуг, смена видов развлечения – становятся способом жизнедеятельности не единиц, а большого количества молодых людей, что позволяет называть их объединения «субкультурами», «молодежными движениями» и т.д. Пассивно-безразличный образ жизни, эгоцентризм, сосредоточенность исключительно на собственных интересах – одно из следствий развития высокотехнологичной цивилизации, породившей проблему «перепотребления».

От выявления источников формирования феномена молодежных движений перейдем к рассмотрению его характерных черт.

Отметим еще раз, что молодежные движения понимаются нами как включающие и молодежные субкультуры, а также помимо них – политизированные объединения и образования.

Молодежные движения (породившие и молодежные субкультуры) при всем их многообразии имеют типичные признаки:

1) наличие собственной идейно-теоретической программы (в развитом виде – философии, в примитивном – идеи, изложенных в ясной форме);

2) наличие идеологического ядра, группы лидеров, авторов стиля и лозунгов (политических объединениях – явных, в субкультурных сообществах – чаще всего неявных);

3) наличие внешних атрибутов (у неформалов, имеющих гипертрофированное значение, у политизированных движений – дополнительное);

4) ритуализированные действия (посвящения, демонстрации и марши, клятвы и присяги и т.д.);

5) «символ веры»: заповеди и нормы, табуированные и идеализируемые поступки, собственный «кодекс чести»;

6) наличие сленга (как правило, отличает субкультурные движения, в политизированных движениях чаще отсутствует);

7) виртуальная или реальная территория (обозначенность в СМИ, Интернет, нередко в конкретных районах «обитания» или «сбора»).

Общим, что позволяет нам рассматривать субкультурные сообщества и политизированные объединения является свободное самоопределение личности, включения в то или иное движение на основе собственного идейного выбора.

Среди многообразия форм молодежных движений мы выделяем следующие, связанные идейными устремлениями и отношением к насилию. Прежде всего, молодежные движения разделяются нами на:

- политизированные и не политизированные;
- пацифистские и экстремистские;
- толерантные и интолерантные;
- националистические и космополитические;
- тоталитарные и анархистские;
- проправительственные и протестные (оппозиционные).

Современные движения – это во многом группы единомышленников, стремящихся к консолидации ради определенных идейно-философских целей. Их мир ценностей может противостоять официальной культуре, философия – быть поверхностной или примитивной, образ поведения – асоциальным, но при всем этом, они – своеобразные индикаторы развития духовно-интеллектуальной жизни общества, творческие силы, не нашедшие себе место в реальности, будущее поколение, которое нельзя не брать во внимание, изучая многообразие современного мира.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Ст. 5 // Собрание законодательства РФ. 1995. 22 мая. № 21. Ст. 1930. С. 3728.

И.В. Ковшова

Саратовский государственный технический университет, Россия

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНЫМИ СУБКУЛЬТУРАМИ

Автор обозначает причины проблем социализации молодежи и основные стратегии их преодоления молодежными субкультурами. Данные направления зависят от отношения к доминирующей культуре и психологической реакции на вынужденное пребывание в маргинальном состоянии. Отличные от общепринятых ценности молодежных субкультур находят выражение в стиле жизни, поведении, символике, творчестве.

Ключевые слова: доминирующая культура, молодежные субкультуры, контркультура, ценности, социализация, маргинальность, фрустрация, глобализация.

Author has designated the strategies of youth subcultures problems socialization overcoming. These ways are according to attitude towards the dominant culture and forced marginal condition's psychological reaction. By means of styles of life, behavior, symbols and arts youth subcultures transmit their values differing from generally accepted.

Key words: dominant culture, youth subcultures, counterculture, values, socialization, marginality, frustration, globalization.

Разработка методологии изучения молодежных субкультур, несмотря на длительную историю бытования данного феномена, не теряет актуальности в современных условиях. «Бум» распространения молодежных субкультур на Западе пришелся на конец 60-х–начало 70-х, а в России – на конец 80-х–начало 90-х гг. про-

шлого века. В настоящее время уже давно известные виды молодежных субкультур (хиппи, панки) активно пополняются их новыми разновидностями (готы, эмо). Для понимания сущности данного явления необходимо обратиться к исследованию условий его возникновения, а также рассмотрению ценностной основы, на базе которой молодежные субкультуры формируются.

В современных индустриально развитых обществах разрыв между подростковым возрастом и достижением зрелости зависит от срока, необходимого для приобретения знаний и навыков в овладении будущей профессией, и стабильного социального статуса. В результате чего социальные характеристики становятся решающими при определении периода молодости, который может растягиваться до 30–35 лет. Происходит увеличение зазора между достижением биологической и социальной зрелости человека. Положение современной молодежи, которое носит изначально переходный, маргинальный, характер, с одной стороны, способствует ее активному творческому проявлению, а с другой – нередко приводит к психологическим трудностям.

Молодежь – часть населения, находящаяся в стадии активной социализации, то есть процесса, в результате которого молодые становятся членами человеческого общества и интернализуют ценности общества, в котором рождены. Облегчению преодоления трудностей этого периода способствуют молодежные сообщества, в которых общие проблемы решаются молодыми совместно. Подростковые и молодежные группы становятся полем отработки новых способов поведения и взаимоотношений в обществе. Но следует заметить, подобные группы не приравниваются к молодежным субкультурам, которые являются альтернативными, «запасными» вариантами социализации. Следовательно, далеко не все представители нового поколения являются потенциальными участниками субкультурных неформальных объединений, а лишь испытывающие проблемы усвоения ценностей данного общества.

«Сбой» социализации может возникнуть в результате гетерогенности ее агентов (членов семьи, сверстников, представителей учебного заведения и т.д.). Резкое расхождение их ценностных ориентаций может привести подростка / молодого человека к внутреннему и межличностному конфликту и необходимости выбирать между несколькими равно значащими для него группами.

Показателен тот факт, что проблемы социализации охватили не одно поколение молодых, начиная со второй половины XX века, что указывает на принципиальную неоднородность ценностных установок в обществах, где происходило возникновение и распространение молодежных субкультур. Их появление стало своеобразным ответом на необходимость преодоления ценностного конфликта на мировоззренческом уровне.

В определенной степени на подобную ситуацию повлияли экономические и общественные изменения, произошедшие в мире за последние полвека. Ускоряющийся темп экономического и производственного развития, зачастую приводящий к несоответствию старых методов адаптации в социокультурной системе, может стать причиной социальной дезинтеграции в обществе. Не случайно появление молодежных субкультур в обществах при их переходе от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, что предполагает определенную проблему смены ценностных ориентаций. Исследователями молодежных субкультур замечена зависимость интенсивности их развития от экономического благосостояния общества. Так, именно небывалый экономический подъем привел к утрате прежних ограничивающих норм поведения у части западной молодежи конца 60-х гг. XX века и способствовал появлению контркультуры. Экономический кризис наоборот вызывает сокращение числа субкультурных последователей. Немаловажную роль для молодежных субкультур играют процессы мировой глобализации, задающей для современного общества единую ценностную направленность при разных возможностях ее реализации.

Р.К. Мертон обозначил пути, по которым происходит распространение девиации в результате потери ценностных ориентаций. В социальной структуре определяются культурные и социальные устремления (цели) и соответствующие им пути достижения (институционализированные средства). Социальная система теряет равновесие из-за акцентирования значимости средств или смещения внимания на цели, в результате чего возникает напряжение, способствующее развалу регулирующей системы. Тогда единственными регулирующими факторами будут учет личных достижений и страх наказания. Из комбинаций соответствия или несоответствия культурных целей и средств их достижения образуются пять групп социальной адаптации к изменившимся условиям: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж [1]. Следуя логике Р.К. Мертона, представим варианты распространения девиации, с проекцией ее на молодежные субкультуры, их ценности и символику.

Возможны два пути направления процесса, в зависимости от признания или отвержения культурных и социальных целей. Исходной точкой расхождения является конформность – соответствие культурных целей средствам их достижения. При этом создавать специфическую субкультуру у молодежи нет необходимости, а период взросления облегчается участием в группах равных.

Признание молодежью ценностей той социальной группы, к которой относятся родители, помогает общению к официальной культуре, так как отношение к доминирующей социальной группе уже предписано и не вызывает возражений. В других случаях формирование молодежных субкультур осуществляется через самоопределение относительно доминирующей социальной группы, обладающей престижем, основанной на успешности, экономической независимости, состоятельности, ориентированности на достижение и потребление.

Молодежь, представляющая доминирующую социальную группу (так называемые в субкультурной среде «мажоры»), является либо примером для подражания или получает крайне негативную оценку, что в обоих случаях свидетельствует о значимости, либо ее ценности эту значимость утрачивают.

В случае следования инновации, когда заявляемым целям не соответствуют институционализированные средства, члены общества признают значение общепринятых культурных и социальных установок, но огра-

ничены в доступе к законным средствам их достижения. Это преодолевается прямым использованием нелегитимных средств, что соответственно способствует увеличению преступлений или появлению околопреступных молодежных группировок (гопники, скинхеды).

Данными молодежными субкультурами активно подчеркивается брутальность, принадлежность к рабочему классу (так, распространенный элемент одежды скинхедов – подтяжки, носили работники доков в Англии) в синтезе с элементами структур, обладающих властью. Отсюда использование символов преступного мира (очень короткая стрижка или бритые головы) или деталей военной формы: определенная обувь, фашистская атрибутика. Агрессия, направленная на этнические группы выходцев из развивающихся стран, свидетельствует о реакции замещения. Отрицаемый страх пребывания в «ущербном» положении относительно членов доминирующей культуры приводит к насилию и подчас физическому уничтожению представителей группы фактически в таком положении прибывающих.

Другой путь «повышения» своего статуса – использование в создании стиля атрибутов престижа в преувеличенной форме, например, в рэп, R'n'B, «гламурной» субкультурах. Посредством демонстрации лейблов известных фирм, массивных ювелирных украшений, автозагара и т.д. осуществляется идентификация, то есть бессознательное уподобление и отождествление себя с доминирующей группой.

При утрате общепринятых целей на стадии ритуализма происходит отвержение или понижение слишком высоких культурных целей, но продолжается почти безусловное соблюдение институциональных норм, которое выражается в снижении уровня жизненных притязаний из-за страха за свой статус. Страх вызывает бездействие или действие строго в рамках заведенного порядка. Это объясняет то, каким образом вызревал субкультурный «взрыв» 60-х в недрах «молчаливого поколения» 40-х гг. XX века в США.

Ретритизм встречается часто, когда и культурные цели, и институциональные способы их достижения полностью усвоены, горячо одобряются и высоко ценятся индивидом, но доступные средства не приводят к успеху. Возникает двойной конфликт: интериозованное моральное обязательство использовать для достижения целей только институциональные средства противостоит внешнему побуждению прибегнуть к средствам недозволенным, но эффективным, что приводит в результате к постоянным неудачам в стремлении достигнуть цели законными средствами и неспособность прибегнуть к незаконным средствам вследствие внутреннего запрета. Конфликт разрешается путем устранения обоих воздействующих элементов – как целей, так и средств.

К «адаптирующимся» таким образом Р.К. Мертон относит страдающих психозами, ушедших в свой внутренний, болезненный мир, отверженных, бездельников, бродяг, хронических алкоголиков и наркоманов.

Как видно, такая позиция отчасти близка исторически первой субкультуре битников. На «уходе» от жизни, ее отрицании и, как следствие, увлечении темой смерти построена субкультура готов. В современной субкультуре эмо можно наблюдать симбиоз реакций ритуализма и ретритизма, переплетение темы детства (эмоциональность, инфантильность) и смерти (череп и кости, суицид). В данном случае наблюдается реакция регрессии – формы психологической защиты при переживании фрустрации, сильной степени эмоциональной напряженности, стресса, состоящая в замене значимой для субъекта сложной задачи, решение которой затруднено, более легкой, использование более простых и привычных актов реакции.

Мятеж – тип приспособления, который выводит людей за пределы окружающей социальной структуры и побуждает их создавать новую, существенно видоизмененную. Мятеж предполагает выработку не только новых ценностей, но и средств их достижения.

Можно допустить сходство подобной адаптации с механизмом образования субкультуры, которая предлагает не только видоизмененное толкование общепринятых ценностей для конкретной социальной группы, но и выработанные в этой среде средства их достижения, то есть культурные и социальные нормы поведения, свойственные только представителям этой субкультуры.

Следующим этапом после отчуждения от официальных ценностей, разочарования в них, уходе является их переворачивание как альтернативы поиска новой ценностной платформы, помещении привычных вещей в непривычный контекст.

Контркультурный протест был направлен против механизмов поддержания доминирующей культуры того времени – науки, техники, традиционных представлений о семье, мужском/женском ролевом поведении, официальной религии, системы образования. Протест против устоявшихся форм общественных институтов привел к желанию экспериментирования в данных областях и апробации вариантов диаметрально противоположных принятым, шокирующих своей необычностью. Хиппи отказывались следовать правилам «общества потребления», жили коммунами и призывали «вернуться назад к природе». Панки эпатировали возвеличиванием «неугодного» в «пуританском» обществе. Сами себя они сравнивали с «грязью», «отбросами».

В результате переосмысления доминирующих ценностей происходит обращение к ценностному ядру определенной цивилизации, что демонстрируют субкультуры битников (восхищавшихся мироощущением хипстеров – афро-американских разнорабочих, увлекавшихся восточными культурами), хиппи (основа – культура индейцев, буддизм), раста (культура Ямайки), готов (культура Скандинавии).

В современном глобализирующемся обществе механизмами поддержания общемировой доминирующей культуры являются стандартизация в сфере экономики, политики и управления. Последователями протестующей контркультурной молодежи стали антиглобалисты. Формирование субкультур для части молодежи становится мировоззренческим и символическим решением проблемы пребывания в уязвимом, длительном маргинальном положении и лишения стабильного социального статуса. В них по-разному отражается реакция

необходимости выбора между несколькими равно разделяемыми системами ценностей: официально принятой в данном обществе в целом, ценностными ориентациями социально значимой группы и оценка возможности и способов их реализации. Конечной целью нахождения в субкультуре можно считать выработку своей собственной системы ценностей и осознания своего места в мире.

Список литературы

1. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 3, 4.

И.П. Яковлева

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Е.В. Миронец

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар, Россия

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере студентов вузов г. Краснодара)

Статья посвящена особенностям одной из важнейших сфер жизнедеятельности молодежи – досугу. Рассмотрены различные формы досуга, характерные для студенческой молодежи г. Краснодара. Анализируются проблемы эффективности деятельности различных организаций в области молодежного досуга.

Ключевые слова: досуг, молодежь, студенты, хобби, субкультура, организация досуга.

The peculiarity and problem of organization of students youth's leisure-time (on an example of students of universities in Krasnodar). The paper shows the peculiarities of one of the most important spheres of youth's life – there leisure-time. The authors study different forms of leisure, which are popular among students in Krasnodar. The problems of efficiency in the activities of different organizations in this sphere were analyzed.

Key words: leisure-time, youth, students, hobby, subculture, leisure-time organization

Одной из сфер жизнедеятельности российского общества, где наиболее ярко проявляются последствия трансформаций, произошедших в постсоветский период, является досуг. В его пространстве видны изменения всей системы ценностных ориентаций в связи с падением уровня общей культуры, разрушением традиционных норм и ценностей, распространение элементов упрощенной массовой культуры.

Вследствие острой восприимчивости молодежи ко всему новому, ее настроение, поведение и самочувствие является своеобразным барометром, измеряющим политический, социально-психологический климат в обществе, динамику культуры и специфических форм ее проявления в досуговой сфере.

Молодежный досуг подразумевает свободный выбор личностью досуговых занятий. Он является неотъемлемым элементом образа жизни человека. Поэтому досуг всегда рассматривается как реализация интересов личности связанных с рекреацией, саморазвитием, самореализацией, общением, оздоровлением и т.п. В этом и заключается социальная роль досуга.

Основой для анализа форм молодежного досуга являются следующие современные социологические концепции: гуманистическая или гедонистическая, рассматривающая досуговую деятельность как высшую форму проявления творческого начала; терапевтическая модель, анализирующая досуг как действенное средство физической реабилитации; экзистенциальная, изучающая досуг как состояние бытия, свободы, т.е. условий существования человека; досуг как функция досуговых мероприятий, в которой досуг, прежде всего, осуществляет функцию расслабления, удовлетворения, свободного выбора; количественная, согласно которой досуг – это время, остающееся после работы (учебы); институциональная акцентирует внимание на различиях в досуговой деятельности на основе ценностных установок в сфере религии, образования, культуры и политики и изучала соответствующие им сообщества и объединения по интересам и формам работы; социальная раскрывает досуг через формы участия различных групп в досуговых мероприятиях социального плана и поведенческих характеристиках ее участников.

С целью выявления форм и особенностей организации досуга студенческой молодежи г. Краснодара проведено социологическое исследование.

На первом этапе исследования был проведен опрос студентов 2-го–4-го курсов вузов г. Краснодара: Кубанский государственный университет, Кубанский государственный технологический университет, Академия маркетинга и социально-информационных технологий (ИМСИТ). Общий объем выборки составил 300 человек.

По данным исследования, наиболее популярными видами времяпрепровождения молодежи являются встречи с друзьями (64,4%), чтение (54,6%), просмотр телевизора (52,6%) и т.д.

Следует отметить, что «общение с друзьями» как наиболее предпочтительная форма досуга краснодарской молодежи соответствует общероссийской тенденции, о чем свидетельствуют данные опроса, проведенного в сентябре 2009г. Фондом «Общественное мнение».

В имеющееся свободное от учебы время, студенты с разной степенью частоты встречаются с друзьями и знакомыми, посещают кафе, театры, кинотеатры и другие общественные места, которые являются неотъемлемой частью современного города и во многом формируют городскую среду. Показательно, что наименьшей

популярностью, среди респондентов пользуется посещение таких учреждений, как театры, городские библиотеки и спортивные залы. Результаты ответов на данный вопрос представлены в таблице.

Наиболее предпочтительными местами для отдыха студенты считают развлекательные учреждения: ночные клубы, кафе, развлекательные центры (52,2%), дом (37,6%), выезд на природу (34,3%). (Сумма ответов на данный вопрос превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.)

Частота использования различных форм досуга студенческой молодежи, %

Форма досуга	Ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Никогда	Всего
Посещение друзей, знакомых	19,1	49,7	28,7	2,5	100,0
Кафе, бары	1,2	30,6	59,9	8,3	100,0
Ночные клубы, развлекательные центры	0	7,0	75,2	17,8	100,0
Спортивные клубы	3,2	15,9	17,8	63,1	100,0
Городские библиотеки	0	1,9	33,8	64,3	100,0
Театры	0	2,6	25,5	71,9	100,0
Кинотеатры	1,2	8,3	76,4	14,1	100,0
Магазины одежды, обуви	1,2	31,8	64,4	2,5	100,0

Рассматривая бюджет времени современного студенчества, особого внимания заслуживает количество часов в сутки помимо сна, проводимых молодыми людьми дома. Как свидетельствуют полученные данные, большая часть респондентов (57,9%) находится дома от 2 до 5 часов; 40,9% – более 5 часов и 3,2% – менее 2 часов.

Расширяют представления о досуговых предпочтениях студенческой молодежи г. Краснодара ответы на вопрос о любимом занятии или хобби. По данным, лишь 27% опрошенных смогли назвать свое хобби. Следует отметить имеющиеся различия в определении любимого занятия в зависимости от пола респондентов. Женщины своим хобби называют танцы, фитнес, мужчины – спорт и компьютер. Среди ответов женщин встречались также такие виды хобби, как вышивание крестиком, психология, рисование, гитара, художественная фотография, изучение иностранных языков; мужчины предпочитают автомобили, туризм, велосипеды.

Степень участия респондентов в деятельности различных молодежных организаций, движений, субкультур оказалась невысокой – 87,9% не принимают участия ни в каких неформальных объединениях. Оставшиеся 12,1% ответивших являются приверженцами образа жизни таких молодежных субкультур, как аниме, реперы, отаку, трекеры и др.

Среди друзей респондентов 63,1% также не считают себя участниками молодежных организаций. Однако достаточно большое число при этом являются приверженцами следующих молодежных субкультур и объединений: готы (12,1%), реперы (11,5%), панки (7,0%), нетрадиционной сексуальной ориентации (6,4%), скинхеды (5,7%), эмо (4,5%), готы (3,8%) и др.

В соответствии с полученными данными особое значение приобретает проблема эффективного использования воспитательного потенциала культурно-досуговой деятельности. Имея возможность выбирать занятия на досуге по собственному желанию, из-за отсутствия необходимых навыков, недостаточной организационно-педагогической помощи студенты часто не готовы к осознанному выбору видов деятельности, способствующих их полноценному развитию.

В настоящее время заметно обострилось противоречие между потребностью студентов использовать досуг как сферу удовлетворения творческих потребностей, самоутверждения, полноценного общения и неумением реализовать себя в свободное время ввиду ограниченности мероприятий, имеющих воспитательно-развивающий характер.

Отражением данной тенденции являются материалы различных информационных ресурсов в сфере отдыха и досуга г. Краснодара. Анализ наиболее посещаемых интернет-сайтов города, таких как «Юга.ру», «КРАСНОДАР.ру», «Вечерний развлекательный портал», «Краснодар. информационный портал», «ОТДЫХ.на Кубани.ру», показал, что примерно 90% информационно-рекламных сообщений анонсируют сеансы в кинотеатрах, тематические вечеринки в ночных клубах, развлекательных центрах и барах, и около 10% сообщают о выставках в музеях и выставочных центрах, спортивных мероприятиях, танцевальных клубах.

Кроме того, в участии большинства организаций и учреждений, одним из направлений деятельности которых является организация досуга молодежи, отсутствует системность, происходит недооценка в этом процессе новых тенденций в образе жизни современной молодежи.

Так, среди официально зарегистрированных общественных организаций г. Краснодара лишь 8 связывают свою деятельность с молодежью: Краснодарская краевая молодежная общественная организация, Молодежная ассоциация развития национальных культур Кубани, Центр военно-патриотической, поисковой работы и допризывной подготовки, Центр по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи г. Краснодара, Кубанский союз молодежи (ККМОО), Городской центр технического творчества, Культурно-досуговый центр для детей и молодежи Западного округа, Центр международных молодежных программ «МИЛЕНИУМ». Необходимо отметить, что ни одно из перечисленных выше общественных объединений не имеют собственного сайта, и информацию о них можно получить лишь по телефону.

Среди неформальных организаций города, представляющих различные субкультурные направления (толкиенисты, ролевики, аниме и др.) только байкеры имеют свои клубы и официально анонсируют проводимые мероприятия (ежегодные байк-фестивали на Тамани).

Наиболее активное участие в организации досуга студенческой молодежи принимают вузы, в рамках проводимой ими воспитательной работы. В каждом из учебных заведений функционируют досуговые центры и профкомы, усилиями которых проводятся такие мероприятия, как смотр студенческой самодеятельности, КВН, «День знаний», торжественное посвящение в студенты, конкурсы красоты, выпуск стенгазет, юморина, театральные фестивали, новогодние вечера, фестивали творчества иностранных учащихся; праздники, посвященные Международному дню студента и всемирному Дню молодежи и т.д.

Данные проведенного нами социологического исследования свидетельствуют о положительном значении досуговых мероприятий, проводимых в вузах для развития личности. Ответы на вопрос анкеты: «Что дает студенту участие в формах проведения досуга, которые предлагает университет?» – распределились следующим образом: «возможность развивать личные качества» – 34,8%; «возможность хорошо провести время, отдохнуть» – 24,9%; «знакомство с интересными людьми» – 17%; вместе с тем 25% студентов считают, что досуг, проведенный в университете, ничего им не дает. (Сумма ответов на данный вопрос превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.)

Также была выяснена степень удовлетворенности студентов организацией их досуга в вузе. 64% студентов на шкале от –5 до +5 отметили показатель от –1 до –3, что говорит о том, что они больше неудовлетворены, чем удовлетворены, 18% студентов затруднились ответить, отметив на шкале 0, оставшаяся часть респондентов (18%) продемонстрировала позитивное отношение и оценила свою удовлетворенность от +1 до +4.

На вопрос, о том, что не нравится в предлагаемых вузом формах проведения досуга, 32,6% студентов объясняют это отсутствием информации о проводимых мероприятиях, 28,4% - не находят мероприятия, которые отвечали бы их интересам, 18,4 - отмечают невысокое качество проводимых мероприятий, 16,3% подчеркивают плохую организацию мероприятий, 4,3% затруднились ответить на данный вопрос.

Необходимо отметить, что основными каналами информации о предстоящих мероприятиях, согласно данным опроса, являются: объявления на стендах (33%); старосты групп (27%), преподаватели (14%), друзья (26%).

Кроме того, ряд мероприятий по организации досуга молодежи проводят Департамент по делам молодежи Краснодарского края и Администрация муниципального образования, г. Краснодар. Среди них такие как игры «КВН» и «Что? Где? Когда?», празднование «Дня первокурсника», празднование «Дня студента», военно-патриотические митинги, шествия. Согласно результатам проведенного исследования, в них принимают участие 43% опрошенных, что объясняется, прежде всего, использованием организационного потенциала вузов.

Таким образом, в связи с постоянным изменением потребностей и интересов современной молодежи необходимы качественные преобразования в структуре досуга и организации различных видов культурно-досуговой деятельности. Решение данных проблем зависит от своевременного выявления растущих запросов и устремлений молодых людей путем проведения социологических исследований и построения на основе полученных данных комплексных молодежных программ на городском, региональном и общероссийском уровне.

М.А. Кобцева

Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДПОЧТЕНИЯ В СФЕРЕ ДОСУГА

Воспитание развивающейся личности невозможно без приобщения к культурным ценностям. Наличие устойчивой системы культурных ценностей является важным фактором возрождения страны. В процессах формирования духовности значительную роль играет культура. Отражая действительность посредством музыкального образа, системы художественных выразительных средств, она становится одним из основополагающих факторов в формировании культурных ценностей среди молодежи.

Ключевые слова: система ценностей, молодежь, досуг, культура, театр.

The development of a person is impossible without being accustomed to the society values. The stable system of cultural values is the term of country's revival. In the processes of spirituality shaping culture plays a significant role. Reflecting the reality by music and art it becomes the main factor that shapes youth cultural values.

Key words: youth, system of values, entertainment, culture, theater.

В современном обществе человек постоянно встает перед необходимостью выбора, ориентации в пространстве общественной и собственной жизни. В этом процессе важное место занимает ценностное самоопределение личности как отбор, индивидуальное восприятие ценности субъектом, как личностные предпочтения идеалов, норм, эталонов и других ценностей, построение их иерархии в соответствии с субъективными предпочтениями, включение их в цели и мотивы деятельности [1, III].

Нередко самоопределение личности связывают с соблюдением норм, принятых в обществе, с ориентированностью на определенные групповые, коллективные и общественные ценности. Однако и неприятие ценностей, базовых для данного общества, позиция бунтаря, нонконформиста, революционера, стремящегося

изменить общество, также может стать результатом самоопределения. В принципе самоопределение личности означает всего лишь выбор жизненной позиции. Все, в конечном счете, – пишет В.В. Климов, – зависит от того, какую систему ценностей выберет или «наработает» личность, что станет ее «символом веры» [1, 111]. Ценность, по мнению А.Т. Москаленко, – есть предмет потребностей человека. Таким предметом может быть вещь или идея, в силу чего ценности разделяются на материальные и духовные [2, 15].

Духовные ценности как ценности функционируют только в том случае, если они приобретают идеальное бытие, бытие в сознании людей, это ясно всякому без каких-либо дальнейших разъяснений. Но в чем же состоит материальность идеальных ценностей? Ценности, будучи техническими устройствами, являются воплощением мыслей и умений человека, и само их функционирование предполагает также умения и знания людей, которые будут ими пользоваться [2, 17–18].

Условно ценности современного общества можно ранжировать по следующим периодам: 1) советский; 2) постсоветский; 3) современный. В настоящее время в обществе наметились следующие закономерности и процессы в развитии культуры:

- 1) возрастает плюрализм в культуре, образе жизни, интересах и социальных ценностях молодежи;
- 2) утверждается пассивно-потребительское отношение к культуре;
- 3) формируется мнение молодежи о том, что для культуры нет условий;
- 4) развивается тенденция дегуманизации и деморализации социокультурных ценностей.

В последние десятилетия культура существенно преобразилась под влиянием ряда инновационных и модификационных факторов. Например, процессы культурной социализации молодежи испытывают влияние новых коммуникационных ресурсов. С одной стороны, появились новые каналы коммуникации, способствующие трансляции социального опыта от поколения к поколению, между социальными группами. С другой стороны, с развитием глобальных систем коммуникации усложняется процесс передачи накопленной информации. Старшее поколение не всегда готово в должной мере использовать возможности глобальных систем коммуникации и, как следствие, слабее реализует функции культурной трансляции и социального контроля. Одним из эффективных трансляторов в передачи культурных ценностей молодежи могут стать социальные институты духовной сферы жизни общества.

Рассмотрим систему ценностей красноярской молодежи на примере студентов Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М.Ф. Решетнева. В октябре–ноябре 2009 г. был проведен письменный опрос 50 студентов 4-го–5-го курсов. Среди первичных и наиглавнейших ценностей – семья оказалась основной у 64% опрошенных студентов, далее в порядке убывания были названы любовь – 12%, здоровье, гармония, религия, свобода, уважение – по 4%, деньги, счастье, карьера, гармония – по 2%.

В числе самых популярных, вторичных ответов были названы такие ценности, как дружба – 66%, карьера – 56%, уважение – 34%, знания – 30%, понимание – 22%. Среди единично названных ценностей: жизнь, согласие, дом, честь, любовь к Родине, дети, любимое дело, благополучие, развитие, справедливость, равенство, честность и гордость.

Российские социологические исследования только подтверждают полученные результаты. Так, становится безразличными для определенной части молодежи понятия «Россия», «родной дом, город». Только 37,1% опрошенных отметили, как духовно близкое им понятие «Россия», 36,3% – идентифицируют себя с соотечественниками по признаку «единая культура», 27% – по признаку «историческое прошлое». На вопрос: «Ощущаете ли вы себя гражданином России?» – утвердительный ответ получен у 19% опрошенных молодых людей, остальные ответили или отрицательно (9,3%) или согласились с тем, что не задумывались об этом (19,8%) [3].

Следует, что в социокультурных ценностях молодежи преобладают потребительские ориентации. Это соответствует современному развитию общества, его быстрому обновлению, постоянно происходящим в нем изменениям. Для современной молодежи становятся свойственны как духовно-нравственные, так и сугубо прагматичные, материальные ценности. Молодежь высоко оценивает свои возможности в том, чтобы создать прочную, счастливую семью, получить хорошее образование и престижную работу, побывать в разных странах мира, основать свой собственный бизнес и т.п.

Очевидно, что в неблагоприятных условиях снизился престиж нравственности, возросли интересы сугубо личного, прагматического плана в молодежной среде как реакция на ситуацию жесткой конкуренции за ресурсы жизнеобеспечения. У значительной части молодежи не сформированы такие традиционные нравственно-психологические черты, как уважение к старшим, самоуважение, чувство собственного достоинства и проч.

Среди обуславливающих причин доминирующей для российского общества, по нашему мнению, считаются двусмысленность государственной идеологии, расхождение между декларируемыми и реализуемыми принципами общественной жизни.

В качестве важных негативно действующих факторов можно выделить ухудшение качества преподавания в средней школе и рост престижности массовой культуры.

Здесь и возникает идея о значении театра в формировании ценностных ориентаций молодежи. Театр всегда выполнял две функции: художественную и социальную. Сегодня театр, по нашему мнению, как никогда нужен. Он способен выстроить диалог между молодежью и обществом. Он может транслировать культурные ценности, а также менять их. Очевидно, что необходимо знать, что хочет донести до зрителя постановка. Театр не должен быть далек от проблем современного общества.

Посещает ли молодежь театр и как часто. Этот вопрос был также задан студентам СИБГАУ им. М.Ф. Решетнева. В ходе опроса большинство студентов (56%) сказали о том, что они ходят в театр редко (раз в год и реже). 12% посещают театр часто (1 раз в 6 месяцев и чаще), и 32% опрошенных совсем не посещают театр.

В качестве одной из форм досуга культурные заведения (театры, музеи, кружки самодеятельности) посещают 26% опрошенной молодежи.

Из самых популярных причин оказались: отсутствие средств (53%), времени (36%) и прочее (11%) – нет компании, не интересно / скучно, не люблю театр. Однако в ходе опроса были получены ответы на вопрос: Как вы предпочитаете расходовать свободное время? – подавляющая часть респондентов выделяет отдых дома (42%), просмотр телевизионных программ (48%), работа в сети Интернет (46%) в качестве основной формы досуга. Очевидно, что отсутствие времени не является реальной причиной непосещения театров, так же, как и отсутствие средств, так как 58% всех опрошенных регулярно посещают ночные клубы, рестораны, бары и др. достаточно дорогостоящие места досуга. Результаты социологических исследований среди студентов петербургских вузов только дополняют и подтверждают полученные факты. Потребление в рамках художественной культуры заметно преобладает над их креативными устремлениями в социокультурной деятельности. В среднем свыше 75% молодых людей чаще всего проводят свое свободное время у телевизора или в компании с друзьями, слушая, главным образом, развлекательную музыку. В то же время только каждый десятый (по их самооценке) предпочитает расходовать свободное время на посещение кружков-студий, каждый 16-й – на самообразование, каждый 6-й – на занятия спортом [4].

Отсюда следует, что необходимо заинтересовать молодежь. В качестве возможных форм работы с молодежью в практике современного театра можно выделить:

- 1) экскурсии по театру;
- 2) встречи с творческими работниками театра (тематические и по итогам спектаклей);
- 3) диспуты и зрительские конференции;
- 4) мастер-классы по написанию театральной рецензии и т.д.;
- 5) праздники посвящения в зрители; театральные игры на уроках в школе и на занятиях в театре;
- 6) урок театра в школе (общеобразовательный урок на материале спектаклей театра), конкурсы и викторины на знание учениками репертуара театра, на лучшее сочинение/рисунок по спектаклю и др.;
- 7) обсуждение спектаклей.

Вышеперечисленные формы работы могут послужить созданием системы мотиваций среди молодежи и появлению у них интереса к театру. Что, в свою очередь, приведет к формированию ценностных ориентаций, которые имеют решающее значение для жизни не только непосредственно молодого поколения, но и всего общества в целом.

В настоящий момент можно говорить о несформированности основных культурных ценностей молодежи, либо о несоответствии системы ценностей молодежи. Тем не менее возможно изменение ситуации. Для этого необходима целенаправленная работа с молодежью, реализуемая как рамках молодежной политики государства в целом, так и в рамках социальной политики конкретного региона.

Список литературы

1. *Климов В.В.* Ценностное самоопределение личности: трудности и противоречия // Вестн. ОГУ. 2007. № 7. Июль.
2. *Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф.* Смысл жизни и личность. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.
3. *Агеева А.В.* Ценностные ориентации российской молодежи // Библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library>.
4. Интернет школа «Просвещение.ру» Культурные ценности современной российской молодежи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.internet-school.ru/Enc.ashx?item=10093>.

Е.В. Плотникова

Институт развития образования, Екатеринбург, Россия

СПОСОБЫ БЫТЬ МОЛОДЫМ

В статье рассматриваются представления о молодости как периоде синтеза субъекта социальной жизни. Высказывается утверждение о соответствии способов быть молодым социокультурному историческому контексту. Приводятся примеры способов быть молодым в традиционном, индустриальном, постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: молодость, ценности, общество, история, культура.

In this article concepts about a youth as the period of synthesis of the subject of a social life are considered. Comes out with the assumption of conformity of a ways of being young to a historical, social, cultural context. Examples of ways to be young in a traditional, industrial, postindustrial society are discussed.

Key words: youth, values, a society, history, culture.

Среди всего многообразия подходов к определению смысла и содержания молодости мы разделяем психолого-антропологический подход В.И. Слободчикова [1], согласно которому молодость есть этап индивидуализации субъекта, а именно синтез субъекта социальной жизни (19–28 лет). «Этот период является временем, когда интенсивно развивается внутренняя жизнь во всем ее многообразии и проявляется в целях, ориентированных вовне» [2, 179]. «Партнером молодого человека становится (в пределе) человечество, с ко-

торым взрослеющий человек вступает в деятельностные отношения, опосредованные системой общественных ценностей и идеалов. Индивидуализация общественного инвентаря ценностей по мерке личностной позиции человека составляет суть данной ступени развития субъекта общественных (не узко социальных) отношений» [2, 180].

Представляется актуальным рассмотрение вопросов об отношении молодых людей к системе общественных ценностей и идеалов, сложившихся в той или иной социокультурной исторической ситуации, а также о содержании общественно-ориентированной деятельности молодых людей в ту или иную историческую эпоху (период). Мы утверждаем, что способы быть молодым – находиться в партнерских отношениях с обществом своей страны, с человечеством – разные в разных историко-культурных контекстах. При переходе от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному отношение молодых людей к ценностям и идеалам старшего поколения меняется.

В традиционных культурах молодые люди непосредственно и органично вращались в общество, задолго до наступления самостоятельности выполняя взрослые виды деятельности, дорефлективно, без критики, с полным доверием принимая стоящие за ними ценности. В многопоколенной, например, российской, семье старшие дети присматривали за младшими, приобщаясь к будущей родительской позиции, осваивая способы заботы и воспитания. Включаясь по необходимости в бытовую, хозяйственную деятельность, участвуя в повседневном со-бытии со всеми поколениями, в событиях традиционного календаря, дети становились молодыми взрослыми людьми, когда обретали способность к самостоятельной жизни, признанную обществом. Уклад жизни молодых людей незначительно отличался от образа жизни старших поколений. Поколение за поколением оседло живших людей крестились, венчались и крестили своих детей в одних и тех же храмах, трудились на одних и тех же землях, поддерживали одни и те же традиции (ценности). Быть молодым – значило принять на себя и нести обязательство поддержания традиций, укорененных в глубоком и почитаемом прошлом. Способ быть в партнерстве с обществом и человечеством заключался в поддержании связи предшествующих и последующих поколений посредством уклада жизни, языка, нравов.

Распад традиционного общества, усиленный индустриализацией, строительством коммуникаций, промышленных объектов, сопутствующих молодых городов, вызвал явления, которых не было прежде. Например, в Советской России «пережитками прошлого» были объявлены традиционные ценности. Носителями новых ценностей и создателями новых традиций стали идеологические институты, которые эксплуатировали пафос «молодых хозяев земли». Большие количества преимущественно молодых людей, оторванных от родительских семей и традиционных форм уклада, перемещались на большие расстояния, объединялись в местах «великих строек». Среди первых строителей будущего преобладали взрослые люди, принудительно высленные из родной среды. Со временем, под воздействием пропаганды и социальной политики, сформировался достаточно влиятельный слой молодежи, искренне поддерживающий идеалы коммунизма и жертвенно служащий строительству как стратегических объектов страны, так и «светлого будущего» для всего человечества. С появлением значительного числа высших учебных заведений массовым стало студенчество, с групповыми учебными занятиями, общежитским укладом повседневности и новыми традициями. Молодые люди встречались на строительстве, на учебных занятиях, в общежитии, на целине, участвовали в событиях обновленного календаря (даже Новый год как праздник некоторое время не праздновался официально). Юноши и девушки вступали в брак (комсомольские свадьбы против венчания), обзаводились жильем (места в бараках, позже в общежитиях, многоквартирных домах) иногда в ими же построенных городах, рождали детей, давали им имена новых героев (регистрация в ЗАГС вместо крещения), отдавали на воспитание в детские сады и массовые школы.

Быть молодым – значило откликнуться на призыв авторитетного революционного старшего поколения, покинуть (хотя бы на время) родовое гнездо и участвовать вместе с множеством других людей в великих преобразованиях общества, страны, строительстве в прямом и метафорическом смысле слова. Способ быть в партнерстве с обществом и человечеством состоял в строительстве «светлого будущего» для своей страны и всех людей мира, соединении с интернациональным пролетариатом, основанном на ценности «равенства, братства» трудящихся людей.

Осмысление уроков сталинизма, Второй мировой войны, «оттепель» 1960-х гг. сопровождалось охлаждением молодежи к официальной жизни страны и ценностям старшего поколения. Идеалы свободы, мира без границ, ценности свободной от идеологии собственной жизненной позиции, богатого внутреннего мира, экзистенциальных переживаний требовали для воплощения иной, не главным образом практически-преобразующей деятельности. Интерес к послевоенной отечественной и зарубежной литературе, постмодернистской философии и искусству, массовое увлечение поэзией, поэтическими чтениями, лирической или иронической авторской песней, романтизация походной жизни в наибольшей степени проявлялись у студенческой молодежи и молодой интеллигенции. Молодежь, занятая производительным трудом, скорее, поддерживала существующий официальный порядок в обществе, но часто с нарастающей активностью искала суррогат собственного жизненного смысла в алкоголе.

Быть молодым – значило обсуждать экзистенциальные вопросы, фильмы, книги («честные» военные рассказы, психологический роман), читать стихи (сначала в клубах по интересам, вузах, музеях, у памятников, затем преимущественно на кухнях), ходить в туристические походы, с гитарой и песнями у костра, слушать радио на коротких волнах, сочувствовать (иногда активно, в форме студенческих манифестаций или создания литературного, песенного произведения и пр.) диссидентам и странам социалистического лагеря, добывать информацию о жизни по другую сторону «железного занавеса». Молодые люди и девушки раскрывались друг

другу в обстановке клуба самодетельной песни, палаточного лагеря, киноклуба или литературного объединения полнее, нежели в производственной обстановке или на учебных занятиях. Появился феномен «общих интересов», который прежде практически отсутствовал в принятии решения о совместной жизни. Молодые родители приобщали детей, прежде всего, к собственным интересам, увлекая их за собой по самым невероятным маршрутам. Перспективно мыслящие молодые родители стремились развить в ребенке его собственные интересы, не ограничивались общеобразовательной школой, использовали возможности дополнительного образования. Рассматривая воспитательную систему пионерской организации как неизбежный фон, многие молодые родители принимали на себя ответственность за приобщение ребенка к тем идеалам и ценностям, которые разделяли сами, к литературе, искусству, познанию.

Быть молодым, если сказать обобщенно, значило быть вне или в скрытой оппозиции по отношению к официальным ценностям и идеалам, переключиться на внутренний мир, мир камерных общностей. Авторитет старшего поколения, верного своим идеалам, прошедшего войну и возглавившего восстановление разрушенной страны, был велик, так что оппозиция проявлялась, скорее, в неприсоединении, отходе, уходе от официальной общественной жизни в интимно-личностное пространство, а не в формах протеста. Литература, изобразительное искусство какое-то время (до ужесточения цензуры) позволяли выплеснуться энергии протеста.

Способ быть в партнерстве с обществом и человечеством состоял в проникновении во внутренний мир человека, постижении его сложности и его обогащении новыми, общезначимыми для многих людей содержаниями, открытыми в собственном опыте.

Можно подумать, что отчужденное отношение характерно только для молодежи тоталитарных государств, как Советский Союз, но в те же, например, 1960-е гг. мы отмечаем сходные по направленности, но гораздо более выраженные тенденции во взаимоотношениях молодежи либеральной Америки, Европы с обществом и государством своей страны. Американская молодежь, имея предоставленную обществом возможность отложить свое взросление на неопределенный период и не имея авторитетов среди старшего поколения в силу очевидной безнравственности ряда политических, социально-экономических стратегий, устремилась за авторитетами «разбитого поколения» (конец 1940-х, 1950-е гг.). В 1960-х гг. вспыхнуло, поразило мир и угасло движение хиппи с их проповедью мира без границ, дороги без конца, любви без условностей, пацифизма, сохранения природы, обращения к религиям и магии и необходимости психоделического опыта, источниками которого являлись особая музыка, искусство и наркотики. Первая волна хиппи практически вся ушла в небытие от передозировки наркотиков и суицида – с попустительством и, допускаем, к удовлетворению государства. Последователи хиппи, скомпрометированные историями, подобными делу Ч. Мэнсона, рассеялись, трансформировались в панк-культуры и еще более усугубили тенденцию ухода молодежи от общественной (в официальном смысле) жизни. Хиппи были подчеркнута открыты, панки – подчеркнута замкнуты. Содержание и формы ухода разные, но, по существу, начиная с конца 1940-х гг., мы видим нарастающую тенденцию неприятия, протеста и/или ухода молодежи разных стран от провозглашенных старшим поколением идеалов и ценностей.

В 1980–90-е гг. между мейнстримом массовой культуры и официальной идеологизированной культуры складываются многочисленные неформальные молодежные объединения. Благополучие общества (России, Америки, стран Европы, Японии) позволяло молодым людям сделать перерыв в процессе взросления и произвести инвентаризацию общественных ценностей, находясь в недрах той или иной неформальной субкультуры, подобной экзистенциальной «лаборатории», с тем, чтобы в большинстве случаев впоследствии интегрироваться в общество. Расслоение в молодежной среде привело к противостоянию субкультур интеллектуальной городской молодежи (хиппи, панки, рокеры и пр.) и субкультуры рабочих кварталов (гопники, качки и пр.) на фоне массовой молодежной культуры, придерживавшейся среднего, обладающего наибольшей популярностью образа жизни молодых.

В настоящее время говорить о молодежи как таковой становится все труднее. Умножаются и сложно дифференцируются молодежные субкультуры (панк, киберпанк, стимпанк и еще множество панк-культур; эмо; гот, техно-гот, исторический гот и также множество вариаций; ролевики, косплеи, поклонники фэнтэзи; скинхеды и антифы; хиппи и растаманы, неко и фурри и огромное множество других), утверждаются неведомые прежде уклады жизни молодых людей (как внутри субкультур, так и вне, например, хикикомори, как крайняя степень уединения).

Получение качественного образования, студенческий обмен, международный туризм удовлетворяют потребности обеспеченной части молодежи приобщиться к общечеловеческим ценностям, сложиться в качестве субъектов социальной жизни, принять в основном идеалы старшего поколения. Недостаток образования, его поверхностный, бездуховный характер, оставляют молодого человека беспомощным перед задачей молодости – синтезировать себя как субъекта индивидуального по способам и социального по содержанию действия, как автора своей биографии.

Особенность современной социокультурной и социоэкономической ситуации состоит еще и в том, что в силу прогресса техники, медицины, непрерывного образования границы молодости расширились, возраст эффективной трудоспособности увеличился, и люди старшего поколения вступают с молодежью в конкурентные отношения в сфере экономики, политики, культуры.

Недоверие молодых людей старшему поколению возрастает, формы отчуждения принимают причудливые очертания. При этом, с одной стороны, складывается и активизируется молодежная социально-экономическая политика государства, формы поддержки молодых специалистов, талантливой молодежи, молодых семей, лидеров из числа молодых, что отражает заинтересованность общества в молодежи. С другой стороны, распро-

страняются способы легальной и нелегальной эксплуатации потенциала молодых, но не вполне образованных и перспективно мыслящих людей – в области коммерции, шоу-бизнеса, организации развлечений и потребления. Подавляющее большинство предложений в сфере потребления и услуг адресованы молодежи.

Противоречивость позиции весьма неоднородного общества по отношению к молодежи, противоречивость ценностей и идеалов, неравномерность возможностей различных слоев общества сопровождается поисками молодежью такого пространства, в котором возможно осмыслить и освоить (о-свои-ть – часть из них сделать своими) общественные ценности и идеалы и деятельностно их утвердить.

Таким пространством все в большей степени становится Интернет. Именно там зачастую происходит объединение на основе общих интересов, ценностей. Именно там (а не в сфере комсомольских строек, Грушинского фестиваля или рок-концертов) происходят значимые события. В Интернете знакомятся, раскрываются, принимают решения о пробах совместной жизни. В Интернет отправляют своих детей в порядке организации досуга. Интернет становится не только инструментом подготовки реальных встреч и событий, встречи и события происходят непосредственно в сети. Это дискуссии, арт-события, игровые события и пр. В сетевых сообществах складываются свои иерархии, укрепляются авторитеты, вырабатываются способы коммуникации, происходит взаимообучение (например, работе с графическими редакторами), отрабатываются новые нормы языка, общения, способов самовыражения.

Можно сказать, что молодежь создает множество параллельных и альтернативных реальностей, в которых удовлетворяются потребности быть ценностно-определившимися и общественно-значимыми. Потребность молодых людей быть в отношении с обществом, в пределе – с человечеством – удовлетворяется в сетевых интернет-сообществах («Livejournal», «Одноклассники», «Вконтакте», «Beone» и пр. и их американские и европейские предшественники, сайты субкультур, современного искусства, такие как «Deviantart» и др.).

Способ быть в партнерстве с обществом и человечеством состоит в участии в информационном потоке, соединяющем самых разных людей. Любая мысль, образ, предложение, игровое действие, провокация и пр. могут быть замечены в любой точке Земли практически мгновенно, вызвать или не вызвать отклики, комментарии, сочувствие, соучастие, финансовую поддержку и пр. Быть молодым сегодня – значит быть участником глобального общения, независимо от того, какой локус физического мира, социального пространства в реальности освоил молодой человек. Для того чтобы покинуть родительский кров, больше необязательно выходить из дома. Для того чтобы быть на связи со всем миром, достаточно иметь умеренно оснащенный мобильный телефон.

За скобками обсуждения остались люди, молодые по возрасту, но индифферентные к задаче созидания себя в качестве субъекта общественного действия на основе индивидуально структурированных общественных ценностей. Молодые люди, скованные узким, организмическим контекстом и отсутствием временной перспективы, которых мы встречаем с банкой пива на окраинах жизни... Это не способ быть молодым, это, как нам представляется, способ, минуя молодость и зрелость, перейти к старости и в качестве такового – тема другого обсуждения.

Сделав несколько беглых социокультурных зарисовок, мы обнаружили действительно разные способы быть молодым. Синтезировать и проявлять себя как субъект социальной жизни, подразумевающий сотрудничество с обществом (человечеством) в деятельности, основанной на индивидуальной системе общественных ценностей, оказывается возможным:

- поддерживая традиции, воспроизводя жизненный уклад старших поколений;
- участвуя во внешних преобразованиях, строительстве нового уклада жизни общества;
- участвуя в совместной с другими рефлексии внутреннего мира человека;
- участвуя в создании альтернативных, по существу – «экспериментальных» – реальностей в виде субкультур и виртуальных социальных пространств.

Мы не претендуем ни на исчерпывающую полноту описания, ни на объяснение обнаруженных явлений. Вместе с тем, если программа исследования, следующего за изложенной здесь эскизной зарисовкой, будет осуществлена, мы получим и то и другое.

Список литературы

1. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. М., 1995.
2. Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург, 2009.

VI. МОЛОДЕЖЬ, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

O.A. Morcan,

The Western University of «Vasile Goldiș», Faculty of Social Work, România

E. Ban

Child Right Protection, România

NEGATIVE EFFECTS ON CHILDREN IN CASE OF DIVORCE IN ROMANIAN SYSTEM LE DIVORCE

‘La famille est la plus importante école dans
la formation du caractère’

S. Smiles

“Child is entitled to raise with this parents” (Law 272/2004 art 30.1)

Attachment ties are established from the early moment of life and are vital for the harmonious development of child.

The importance of these ties (with parents, grandparents or other significant persons of child’s life) for child development and this training as an adult is recognized by law, who clearly, expressing the child’s right to maintain personal relations and direct contact with parents, relatives, but also with other people from which whose developed attachment ties.

The negative effects of separating children from parents have been demonstrated in numerous specialized studies.

Children who were temporarily or permanently deprived of parental care they face real difficulties adapting to social life. Therefore it’s need to focus on preventing separation and support for maintaining the family unit. So, is important early identification of any risk situations that could lead to separation of children their parents.

Key words: family, divorce, negative effects on children.

Le Divorce et Ses Effets Negatifs Sur les Enfants

“L’enfant a le droit de grandir à côté de ses parents” (La loi 272/2004, article 30. 1).

Les liens d’attachement s’établissent dès les premiers moments de vie d’un être humain et ils sont vitaux pour un développement harmonieux de l’enfant. L’importance de ces liens (avec les parents, avec les grands-parents ou avec des autres personnes significatifs de la vie de l’enfant) pour le développement de l’enfant et sa formation comme un adulte est reconnue par la loi, qui exprime clairement le droit de l’enfant de maintenir des relations personnelles et contacts directes avec les parents, avec la famille ainsi que d’autres personnes avec lesquels il a développé des liens d’attachement.

Les effets négatifs de la séparation de l’enfant de ses parents ont été prouvés par de nombreuses études de spécialité. Les enfants qui ont été temporaire ou définitif dépourvus de la protection de leurs parents se confrontent avec des difficultés réelles d’adaptation à la vie sociale. C’est pour ça il est nécessaire de mettre l’accent sur la prévention de la séparation et d’aider la famille reste unie. Ainsi, c’est très important l’identification précoce de n’importe quelle situation de risque qui pourra conduire à la séparation de l’enfant de ses parents.

Mots clés: famille, divorce, enfants (effets négatifs sur les enfants).

La famille – aspects généraux

Dans toutes les sociétés la famille a été un groupe spécifique caractérisé par une forte soudure interne maintenue par des forces internes. Les forces internes qui lient la famille sont les sentiments et l’attachement émotionnel des conjoints, ainsi que des parents et des enfants, le respect mutuel et la solidarité. À cette cohésion sentimentale seront ajoutés des dépendances causées par les fonctions économiques, sociales et culturelles, par les tâches avant les enfants et les parents.

La famille est l’un des types les plus populaires groupes sociaux, cependant la tentative de l’à définir n’est pas du tout facile, mais au contraire, la grande diversité de types de familles qui se sont succédé au fil du temps ou qui coexiste dans les sociétés contemporaines imposent trouver des caractéristiques communes.

Du point de vue sociologique, la famille – comme une forme spécifique de communauté – désigne «un groupe de personnes qui sont unis par le mariage, affiliation ou parenté et qui se caractérise par une communauté de vie, sentiments, aspirations et intérêts». Ça veut dire qu’ils appariaient comme une réalité sociale distincte, comme un groupe naturel et social fondamental caractéristique à toutes les sociétés et dans lequel se manifestent plusieurs relations, les plus importantes étant celles de mariage et de parenté.

Du point de vue juridique, la famille est un groupe des personnes régis par un ensemble de règles juridiques avec des droits et obligations. Ces règles déterminent la façon de dissolution du mariage, l'établissement de paternité, les droits et obligations des conjoints, les relations entre parents et enfants, le mode de transmission d'héritage, etc. Dans cette perspective, la famille est un groupe formel, régi par des lois et autres actes normatifs (P, Abraham, op.cit. pag 55–61).

Les deux significations de la notion de famille se chevauchent, mais en réalité il y a aussi des situations dans lesquelles aucune de ces corrélations apparaissent. Par exemple, du point de vue sociologique, en cas de dissolution du mariage par le divorce, les relations, en fait, cessaient, ça veut dire qu'il n'y a plus entre époux une union de vie et des intérêts. Toutefois, certains droits et obligations sont toujours valables, par conséquent, les relations familiales dans le sens juridique du terme continuent d'exister. Elles se rapportent à la gestion des biens communs, le maintien de son nom, l'entretien des enfants, leur éducation et de scolarisation. Il est nécessaire de distinguer entre les relations juridiques, surtout que la vie montre que les gens s'associent dans des unions consensuelles (cohabitantes) dont les conséquences juridiques ont été plus souvent négligées.

Dans de telles situations, le sens sociologique de la notion de famille est beaucoup plus large que le sens juridique du terme. Un exemple significatif est les couples consensuelles, considérées par les sociologues des familles. Mais ils ne peuvent pas être définis juridiquement en dehors de la notion de la famille, parce que les relations entre les partenaires ne sont pas sanctionnées par un mariage légal. Les deux points de vue, juridique et sociologique, se complètent les uns par les autres, mais dans certaines situations, la perspective sociologique peut conduire à des changements dans le point de vue juridique et en conséquence de modifier les réglementations légales en ce qui concerne la famille.

Le sociologue doit connaître les réglementations juridiques des relations familiales, de les prendre en compte dans ses déclarations, mais aussi de pénétrer au-delà des règles juridiques pour surprendre la vie de famille dans toute sa complexité.

La divortialité – un phénomène démographique avec des implications majeures dans la vie d'une société

En tant que travailleur social, je trouve cette question d'une importance primordiale. Et ça parce qu'il y a de plus en plus beaucoup couples qui viennent chez moi pour des conseils indiquant qu'ils sont sur le point de divorcer. Que ce soit un acte unilatéralement ou bilatéralement, dans les deux cas se produit un syndrome traumatique, qui, en fonction de la robustesse physique des personnes concernées, peut avoir des effets majeurs. Le divorce est une rupture avec le passé, une sorte de déclaration de guerre contre leurs propres souvenirs, est un moment de la perte pour chacune des personnes impliquées. La définition la plus claire de divorce m'a semblé de la page 183 du dictionnaire de sociologie publiée par l'édit ure Babel à Bucarest, par les auteurs Cătălin Zamfir și Lazăr Vlăsceanu « La divortialité est un phénomène démographique qui exprime l'intensité de divorces dans une population ou dans certaines subdivisions d'entre eux. »

Bien que dans le principe, le mariage est fait pour toute la vie, il peut se défaire à travers le divorce s'il y a des raisons particulières qui ont gravement endommagé les relations entre les époux et le mariage ne peut plus continuer. Comme pour le mariage il est nécessaire un consentement libre entre les deux époux, pour la dissolution de mariage la volonté des époux doit être aussi pris en compte. La dissolution du mariage n'est pas seulement un problème personnel, car elle concerne non seulement le couple, mais aussi la société. Le caractère social du mariage fait que la volonté des époux ou un seul d'entre eux ne peuvent pas constituer une raison suffisante pour la dissolution du mariage, le divorce sera accordé lorsque le mariage ne peut pas continuer en raison des motifs graves.

Les effets de défaillance conjugale sur la personnalité de l'enfant

L'enfance est vraiment l'âge d'or !!!

Pour un enfant, les artisans sont dans une première étape les parents, ils sont aidés après par les éducateurs, ensuite par les enseignants et dans la dernière étape l'enfant ou l'adulte plutôt est pris en charge de la grande communauté des gens, de société et la collective du travail.

L'éducation de l'enfant commence avec sa première année de vie, elle ne commence pas après des étapes très bien établis ou modèle de règles. Ce qui est vrai pour l'un n'est pas bon pour l'autre.

Il faut que les parents sachent qu'un enfant n'est pas un adulte en miniature ni une poupée vivante, qu'appliquant une éducation ferme et compréhensible dont l'amour peut être senti par l'enfant, ils peuvent obtenir de bons résultats et lorsqu'ils le caressent ou lorsqu'ils le réprimandent (D., Banciu, p. 43–48).

La meilleure éducation est celle qui l'applique les parents qui sont unis dans un mariage heureux, équilibré du point de vue psychoaffectif et qui sont décidés de grandir un enfant bien développé à tous les égards. L'amour et la compréhension entre les parents sont les meilleures conseillères, car elles sentent, sans beaucoup de théorie, qui sont les meilleurs moyens de canaliser les tendances de l'enfant, sans écraser ou dévier sa personnalité.

L'empreinte du comportement des parents dans la vie familiale, laisse des traces structurelles, indélébile. Là où les parents vivent dans un climat de compréhension, l'estime et l'amitié, d'affection et coopération continue, le soin pour l'enfant est une réalité. Dans ces familles où il y a des bagarres permanentes, là où chaque époux a sa propre vie, là où le lien familial a un caractère formel, où la conception de la vie familiale est vide et le souci pour l'enfant est beaucoup diminué ou parfois inexistant, l'influence négative est très forte. Il s'agit aussi des familles désorganisées par le divorce ou sans divorce, parce que là il y a dans une grande mesure un désintérêt pour l'enfant. Souvent la relation entre l'échec matrimonial des parents et le développement de la personnalité de l'enfant a été ignoré ou minimalisé.

Beaucoup de difficultés d'adaptation et intégration sociale, de l'enfant et de l'adulte, ont leur origine dans le dysfonctionnement familial de l'enfance et de la vie adulte aussi. Le conflit conjugal manifesté souvent ou de ralentir, commençant avec les tensions émotionnelles et les échecs de communication entre les époux et se termine avec des

modèles éducatifs et moraux altérés ou déviés. Ça veut dire l'agressivité, l'alcoolisme, l'adultère, l'abus sexuel de la mère ou du père, la pathologie psychiatrique l'un des époux, des difficultés matérielles, la pauvreté qui favorise l'insécurité biologique et sociale de l'enfant. Toutes ces choses peuvent produire des « fissures » et des « blessures » profondes dans la structure de la personnalité de l'enfant, très difficile pour les corriger ou jamais curables. L'adulte avec un « passé émotionnel » fragile et confus, devient souvent comme psychopathe ou devient un névrosé chronique. Il est toujours dans la recherche de « l'identité de soi-même » avec un sentiment d'insécurité affective et insatisfait émotionnel, malheureux et déprimé lui-même et aidant les autres êtres comme ça. Plusieurs fois il a des sentiments négatifs ou ambivalents qui sont confuses de lui-même et devant les autres, il ne peut pas s'assumer, dans une façon équilibré, un rôle de partenaire et parent (A., Boban.p. 22–27).

L'enfant « de révélation » de l'échec matrimonial des parents est sur le plan émotif presque immature, même si, parfois, sous l'influence d'autres facteurs, il peut avoir une évolution intellectuelle bonne ou exceptionnelle (par exemple, le cas de nombreux enfants qui sont doués dans différents domaines, mais avec de grands traumatismes émotionnels liés au climat familial).

L'enfant abandonné par l'un de ses parents (surtout au début de sa vie) que l'enfant négligé, maltraité ou rejeté, n'a plus la confiance dans lui-même, il devienne inhibé, sans initiative, timide et il se sent souvent coupable, une « culpabilité » imaginaire. L'échec préscolaire et scolaire, est très fréquent dans ces cas, non pas comme une conséquence d'une capacité intellectuelle diminuée ou d'une faible volonté, mais en raison des certaines troubles affectifs qui affecte l'image de soi. Commençant avec la période de la préscolarisé l'enfant est le titulaire d'un « message de dysfonction parental » il nous apparaît étant marginalisé dans le groupe d'enfants. Il peut se manifester soit violent et instable, soit timide, inhibé, émotif ou anxieux et d'habitude c'est très difficile de l'intégrer dans la communauté. Ça veut dire que les enfants, se peuvent rapporter de « début » les défauts comportementales et les attitudes des leurs parents.

Il est certain que la palette des effets négatifs de l'échec matrimonial et parental, est suffisamment large pour justifier la préoccupation sociale par rapport avec le destin individuel de chaque enfant qui est confronté avec des expériences familiales vécues. La conviction des certains parents qu'en réalité leurs enfants pourraient être protégés par « les conflits et les erreurs des parents » soit par l'isolement des enfants soit par « la cacher » de ces conflits, soit par leur négation, est une illusion avec des effets destructeurs pour la sensibilité et la maturité des enfants. Les enfants ne peuvent pas être épargnés par le climat conjugal pathogène.

Peu d'événements sont plus traumatisants pour un enfant que le divorce de leurs parents. Malheureusement, cette «histoire» est de plus en plus commune. La réaction de l'enfant dépend de son âge et de sa capacité de comprendre ce qui se passe. En particulier, les jeunes enfants ont des problèmes lorsqu'ils ont besoin de s'habituer à des changements qui s'opèrent dans leur vie. Pour les enfants, la routine et la continuité sont très importantes et le traumatisme de la séparation des parents est insupportable. La façon dont ils sont informés sur le divorce est primordiale. Souvent, la capacité de résister à la situation dépend en grande partie sur la façon dont ils sont informés. Les enfants, comme les adultes, passent par une série d'émotions face à un divorce. Ils souffrent parce qu'ils perdent leur famille, ils perdent la présence quotidienne et l'attention des deux parents qui sont la seule source de l'amour et la stabilité qu'ils connaissent. Souvent, les enfants nient la situation, ils préfèrent croire que la situation va arrêter par lui-même et tout reviendra à la normale. Une fois qu'ils s'habituent avec la pensée les enfants commencent à réaliser qu'il n'y a pas un mauvais rêve, pas une blague. De là, pour installer la tristesse. C'est une période de deuil. La tristesse se transforme en dépression, l'apathie, des sautes d'humeur, des changements de comportement. Tous ces facteurs convergent et à un moment donné se vont le transformer en colère. L'enfant devient en colère sur ses parents, probablement plus sur celui qu'il considère comme coupable. S'il reste avec la mère, il pense que son père l'a quitté, que le père est à blâmer pour l'éclatement de la famille et vice versa. Il est encore moins susceptible de devenir en colère contre lui-même, pensant qu'il est coupable, que maman et papa avait un combat à cause de lui, parce qu'il était bon ou parce qu'il n'a pas pris de bonnes notes (D, Buzducea, page 65–69).

En conclusion, les experts avertissent, que c'est idéal pour les parents qui se séparent de le faire comme la fracture de fragilisation de la famille soit vécue le plus moins possible par les petits enfants.

Le rôle du travailleur social dans la famille. Des conseils en cas de divorce

Le rôle du travailleur social dans la société est multiple et il détient directement des problèmes spécifiques, tels que: les familles pauvres qui vivent dans la misère, le désespoir, la tragédie des personnes touchés par le chômage qui ne peut pas trouver un emploi, les enfants des rues, personnes âgées sans soutien, les familles dysfonctionnelles, l'alcoolisme, etc.

L'assistance sociale de la famille est l'une des régions plus développées du travail social. Le travailleur social trouve sa place au sein de la famille dysfonctionnelle et il ressource avec de succès les problèmes familiaux.

À l'heure actuelle les principales causes du divorce sont relativement différentes de ceux qui ont été, il ya plusieurs décennies. Le progrès scientifique et technique, l'évolution de la situation des femmes dans la société, le phénomène de polarisation qui se produit à la suite de la transition vers l'économie de marché sont des facteurs de comparer avec la fréquence des divorces.

Comme je l'ai mentionné dans les chapitres précédents, les causes les plus fréquentes menant au divorce sont les suivants:

- La préparation insuffisante pour la vie de la famille des jeunes époux
- La connaissance insuffisante des conjoints
- Les conditions sociales
- Les différentes conceptions sur les relations familiales
- Un mauvais comportement de l'un ou les deux conjoints

- La différence d'âge
- La différence dans le niveau de formation
- Une maladie incurable par un conjoint
- L'influence de l'environnement ambiante sur la famille
- Les mariages faits pour des intérêts matériels

Quel que soit les causes qui aboutissent à un divorce, certain est le fait qu'elles affectent la santé mentale et même physique des conjoints, enfants, etc. Dans la conception de certains, le divorce est une manière de résoudre les problèmes stressants. Beaucoup de ceux qui divorcent ne se rendent pas compte qu'ils ne sont pas prêts pour le stress qui suit. Si l'on prend des décisions hâtives, ensuite il y a des graves crises, la réhabilitation étant lente et douloureuse.

Les spécialistes qui se sont occupés de la théorie de la crise ont suggéré qu'en général elle implique:

- Un événement ou une situation stressante auxquelles ne peuvent être trouvés des solutions immédiates
- Une menace majeure pour l'identité et la routine, qui met en discussion des questions et des problèmes non résolus du passé lointain ou proche
- Des réactions qui forment un schéma typique de perturbation et état de tension, commençant avec une phase aiguë qui dure généralement de six à huit semaines.

Les spécialistes ont proposé l'hypothèse lorsqu'il y a des événements ou des questions critiques dans les couples dont les relations sont déjà tendues, elles ont, généralement un impact plus important sur les partenaires qui dépendent exclusivement l'un de l'autre.

D'autres facteurs qui peuvent affecter la relation d'aide sont les différences de classe, de sexe, de race. Par exemple, si nous regardons une relation d'assistance sociale entre un travailleur social blanc et un travailleur social noir. Les travailleurs sociaux blancs pourraient être confondus par le problème de la culture noire, ils pourraient se sentir exclus à cause du manque des connaissances concernant les croyances religieuses et les habitudes de vie quotidienne des noirs.

En ce qui concerne les différences de genre, la littérature a souligné que les clientes doivent être consultées par un thérapeute femme, parce que seules les femmes peuvent comprendre d'autres femmes. Dans les premières phases de conseil, les femmes qui ont été battues, violées ou victimes de l'inceste conseillers préfèrent des conseillères femmes, mais plus tard, elle peut gagner plus d'un conseiller de sexe masculin qui peut lui fournir un modèle différent (Bocancea C., George N. p. 98–115).

Les recherches sur le rôle de la race, du sexe, sont encore contradictoires, mais ne devrait pas être ignoré à cause de ça. Tout mariage comporte deux expériences subjectives, du mari et de la femme. Cette idée reste viable et dans le cas de divorce, parce qu'une seule version de l'éclatement de l'époux contredit souvent l'autre version.

À partir de là, les travailleurs sociaux ont commencé à offrir des services individuellement, avec chaque partenaire et en tant que des conseillers aux deux époux simultanément. Cette chose est faite par l'aide des stratégies familiales méthodologiques. Dans notre cas, il y a plusieurs raisons à l'exhortant à aider les deux partenaires simultanément.

Prenant les deux partenaires présents, le travailleur social peut clarifier les causes qui aboutissent à un divorce si elles répondent aux besoins et aux attentes des deux partenaires ou les partenaires sont contradictoires.

Conclusions

En terminant, je tiens à mentionner qu'il est impossible de réussir à prévenir tous les problèmes qu'existent dans l'interaction entre les parents et les enfants, surtout quand il y a la question du divorce. Il est toutefois très important que ces problèmes soient réduits autant que possible et avoir les moins effets sur les petits enfants. Pour cet objectif doit être une collaboration multidisciplinaire efficace, les ambitions personnelles doit être remplacé par celles professionnelles. C'est-à-dire, l'aide devrait être donné aux enfants et aux parents en passant par l'expérience du divorce. Négliger ces priorités peut conduire à des tragédies réelles, tant à la vie familiale et en particulier dans la vie des enfants. Premièrement, les parents doivent être conscients que l'enfant a besoin de soutien familial pour construire l'avenir sur une fondation saine et quand ce soutien fait défaut, des problèmes peuvent surgir dans la vie de l'enfant. Même quand les parents divorcent, ils doivent comprendre que ce n'est pas de minimiser en aucune façon le rôle que chacun d'entre eux jouent dans la croissance et l'éducation d'enfants.

Bien que la société moderne n'a jamais mis autant d'accent sur la famille (comme en témoigne le nombre croissant de divorces, familles monoparentales, cohabitation, etc), mais nous ne devons pas oublier pour un instant que la famille est l'environnement dans lequel l'enfant est né, où il habite ses premières années de vie, et où il se développe et se forme pour la vie. La famille est un instrument privilégié pour réguler les interactions entre l'enfant et l'environnement social. La famille a le rôle central en assurant les conditions nécessaires pour la transition à travers les étapes du développement de l'enfance, qui sont à la base de la personnalité de l'individu. Lorsque la famille est absente, l'enfant construit sa propre vie et échoue souvent.

Parce qu'il y a moins de cas tels il est nécessaire la participation de spécialistes dans ce domaine : les travailleurs sociaux, psychologues, enseignants, église, etc, pour répondre aux besoins de l'enfant et la famille dysfonctionnelle.

Bibliographie

- Abraham P.* Legislație în asistența socială, Edit. Național, București, 2000.
Apostu I. Familia și scoala în impas? Edit. Universității din București, 2008.
Banciu D. Adolescenții și familia, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1987.
Boban A. Ghid pentru părinți, edit. Casei Corpului Didactic, Cuj, 2000.

- Bocancea C., George N. Elemente de asistență socială, Edit. Polirom, 1999.*
Buzducea D. Cetăți și Ruine, Edit. Societatea Știință și Tehnică, 1999.
Cojocaru D. Copilăria și construcția parentalității, Edit. Polirom, 2008.
Cojocaru D. Elemente de evaluare a familiei, 2006.
Moldovan A. Conștiința morală și educația morală, Edit. Viață și Sănătate, București, 1999.

Л.В. Сажина

Южный федеральный университет, педагогический институт, Ростов-на-Дону, Россия

ДИНАМИКА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Состояние современного российского общества свидетельствует о том, что наряду с экономическими, политическими, национальными и другими проблемами наиболее актуальной стала проблема семейных ценностей. Значимость данной проблемы востребована жизненными реалиями, поскольку ценности регулируют отношения людей и являются своеобразным «зеркальным» отражением происходящих в обществе социокультурных процессов.

Ключевые слова: молодежь, семья, брак, ценности, семейные ценности, родительство, дети, одиночество, гендер, гендерные стереотипы.

The condition of a modern Russian society testifies that alongside with economic, political, national and other problems of the most actual there was a problem of family values. The importance of the given problem is sharpened by vital realities as values regulate relations between people and are original «mirror» reflection happening in a society socio-cultural processes.

Key words: youth, family, marriage, values, family values, parenthood, children, singleism, gender, gender stereotypes.

Точка зрения

В наши дни в России и за рубежом встречаются разные мнения относительно динамики семейных ценностей современной молодежи. Одни полагают, что ориентации на семью с несколькими детьми, семейный образ жизни, родительство становятся менее значимыми в некоторых странах, включая Россию. Другие думают иначе. По нашему мнению, первая точка зрения более верна и отражает реально существующую действительность, несмотря на то что часто на поверхности находятся факты и факторы, несколько подкрепляющие мнение противников первой точки зрения.

Пример

По данным опросов, в частности, Ю. Левады 2005 г., в последнее время семейные ценности становятся все более актуальными. «Семейные ценности – теперь официальная икона не только американского общества. В России эти ценности тоже вышли на первый план. На вопрос, что хорошего принес этот год вам лично, 16% опрошенных перечислили разнообразные семейные радости – от свадьбы до появления ребенка. Следующими были такие приятные сюрпризы на работе, как повышение по службе или просто хорошее место, – их назвали 12% респондентов. Успехи в работе или учебе, а также новые знакомства назвали самыми приятными воспоминаниями в году 10% опрошенных россиян» [1].

С целью подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу (первую точку зрения) автор провел социологическое исследование – анкетный опрос студентов Педагогического института Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, представителей двух факультетов: филологического и иностранного в июне 2010 г. Всего по вопросам семейных ценностей в рамках гендерной культуры в целом опрошено 70 человек в возрасте 17–22 лет, из них 61 девушка и 9 юношей.

Следует отметить, что российское педагогическое образование (кстати, американское тоже) гендерно детерминировано, поэтому количество представительниц женского пола значительно доминирует. Ничего не поделаешь в данном случае. Большинство факультетов педагогического вуза характеризуется преобладанием женского пола. Гендерная асимметрия проявляется в данном случае и в том, что обучаются здесь преимущественно девушки (разве что переводческое отделение больше всего прельщает молодых людей), и в том, что преподавательский состав педагогического вуза – это, в основном, женщины.

Итак, обобщим некоторые сведения, полученные в ходе указанного анкетирования.

В анкете были представлены 10 вопросов, ответы на которые позволили выяснить, как современная молодежь относится к традиционному пониманию семьи, какие типы гендерных отношений она предпочитает и т.д.

В первом вопросе респондентам было предложено написать свои ценности и ранжировать их. На первом месте у всех опрошенных находится ценность «семья» – 68,12 %, при этом среди девушек этот показатель гораздо выше, чем среди юношей, девушки – 70, 49%, а юноши – 50% респондентов. На втором месте ценность «образование» – 15,94%, в данном случае показатель мужчин выше (25%), нежели у девушек (14,75%). Такие цифры показывают, что респонденты, находясь в роли «студента», большее значение отдают семейным ценностям, нежели образованию, что казалось бы не совсем нехарактерно для них будучи студентами. Интересно распределились процентные показатели такой ценности, как «любовь» – 8,7%, при этом данный показатель среди юношей выше (12,5%), чем у девушек (8,2%). Немного ниже – показатели у ценности «здоровье» – 7,24%, и опять юноши больше ценят здоровье, нежели девушки, 12,5% и 6,56% соответственно. В целом при

ранжировании студентами своих ценностей обозначилась следующая картина: 1) семья, семейные ценности, 2) образование, 3) любовь, 4) здоровье.

Во втором вопросе респондентов попросили определить роль карьеры и семьи в их жизни в процентном соотношении. 30,76% ответили, что семья и карьера имеют равнозначные позиции в жизни, т.е. 50% на 50%. 26,92% ответили, что карьера играет более значимую роль в их жизни, нежели семья, и соответственно, показатели 60–70% – карьера, а 40–30% – семье. При этом только среди девушек имеются такие показатели, где семья превышает карьерный рост, а именно 70% жизни они готовы посвятить семье (13,63%)

С помощью третьего вопроса мы хотели выяснить, как относятся молодые люди к ценностям «родительство» и «дети». 40,58% ответили, что вкуче это ценно для них, 47,83% отметили, что это «очень ценно», а для 11,5% опрошенных эти ценности являются незначительными.

Ответы на четвертый вопрос позволили нам выяснить, что патриархальный тип семьи среди опрошенных уступает первое место новому типу семейных отношений – эгалитарному, в пользу которого высказались 40,57%, а патриархальный соответственно 26,02%, матриархальной семье предпочтение отдали 8,69%. При этом стоит отметить, что среди девушек за равноправие высказались 44,26%, а среди юношей поддерживают такие семейные отношения только 12,5%.

Следующий вопрос касался такого типа поведения как «синглизм» (отношение к этому феномену как к осознанному выбору одиночества человеком). 35,14% опрошенных ответили, что не одобряют «синглизм» как таковой, 41,89% относятся нейтрально, а 22,07% ответили, что одобряют, но сами быть одинокими не желали бы.

Ответы на пятый вопрос показали заметный дисбаланс в ответах между юношами и девушками. В общих цифрах ответ на вопрос: «какой тип брака для Вас оптимален?» – выглядит так: 71,62% выбрали «традиционный» («патриархальный»), 20,27% – «гражданский», другой тип брака – 8,11%. Среди мужской части респондентов процент за гражданский брак гораздо выше, чем среди женской 50% и 16,67% соответственно. Интересно, что за традиционный брак высказалось 37,5% мужской аудитории и 75,76% женской аудитории. Данные цифры говорят о том, что мужчины сегодня не готовы брать полную ответственность перед женщиной, заключая с ней традиционный брак, а женщины стремятся к неким гарантиям и отдают предпочтение традиционному браку, стараясь избегать по возможности гражданский брак в целом.

Отдельным вопросом была предпринята попытка выяснить отношение респондентов к нетрадиционным видам взаимоотношений. Нетерпимо и отрицательно высказались 28,17%, среди которых 50% – это ответы юношей, а 25,39% – ответы девушек. Нейтрально ответили 18,37% и только 53,52% сказали, что относятся терпимо, где 58,73% – это высказывания девушек, а 12,5% – высказывания мужской аудитории. Это подтверждает существующую гипотезу о том, что девушкам больше присуща такая черта, как толерантность.

Следующий вопрос звучал так: «Навязывают ли современные СМИ гендерные стереотипы»? Ответ должен был быть либо «да», либо «нет». «Да» ответили 78,26%, при этом среди женщин такой ответ дали 81,97% опрошенных, «нет» ответили 21,74%. Среди юношей ответы «да» и «нет» распределились поровну: 50 на 50.

На вопрос об изменении традиционного гендерного контракта (мужчина – «добытчик», женщина – «домохозяйка») ответы распределились таким образом: «да» ответили 78,26% опрошенных, «нет» ответили соответственно 21,74%. Среди юношей и девушек разногласий в ответе на данный вопрос не было.

В анкете также присутствовал вопрос относительно будущего патриархальной семьи, вернее, что ждет такой тип семейных отношений. 60,87% опрошенных уверенно говорят о неизбежности такого типа отношений, 33,33% предполагают «крах патриархальных браков» и только 5,8% уверены, что возникнет новый тип отношений, под названием «что-то новое». Но «что-то новое» видят только женщины (6,5%), а вот мужчины ответа не дали вообще.

На вопрос, касающийся гендерной асимметрии, а именно существование и динамика этого феномена на сегодняшний день в современном обществе, 81,16% ответили, что асимметрия имеет место быть, 11,59% – ответили отрицательно. При этом и мужчины, и женщины сошлись во мнениях, но причины отметили разные. Девушки (55 человек) рассуждают так: асимметрия в отношении женщин существует в различных областях жизнедеятельности, перечислив (по нисходящей): политика, карьерный рост, бизнес, семейная жизнь, автомобильная жизнь, медицина (большинство хирургов – мужчины), властные структуры, сфера образования (многие женщины работают там, это «их территория»), семь девушек уверены, что неравноправие в России отсутствует; юноши считают, что гендерная асимметрия имеет место в отношении женщин (пять человек), названы области: карьера, прием на работу, бизнес, политика; один человек ответил, что неравноправия не существует, два студента (мужского пола) полагают, что гендерная асимметрия существует, в отношении мужчин, например, нет достаточного количества магазинов мужской одежды, принадлежностей.

Вывод

Опрошенные респонденты, являясь представителями современной российской студенческой молодежи, большее значение отдают семейным ценностям, нежели образованию. Традиционный (патриархальный) тип семейных отношений уступает место новому (эгалитарному) типу среди опрошенных. «Мужская часть» опрошенных больше «ценит» гражданский брак, чем представительницы женского пола. В целом студенты ранжировали свои ценности следующим образом: 1) семья, семейные ценности, 2) образование, 3) любовь, 4) здоровье.

Список литературы

1. <http://vzglyad.ru/society/2005/12/28/17298.html>

А.В. Ростова

Тольяттинский государственный университет, Россия

СЕМЬЯ ГЛАЗАМИ ТОЛЬЯТТИНСКИХ СТУДЕНТОВ

Автор статьи рассматривает актуальную на сегодняшний день проблему – отношение молодого поколения к семье. В статье представлены результаты авторского исследования, проведенного в сентябре 2010 г.

Ключевые слова: семья, гендер, гендерные роли, гражданский брак, искусственное прерывание беременности, ценности.

The author of article contemplates an actual problem for today – the relation of young generation to a family. In article results of the author's research spent in September, 2010 are presented.

Key words: family, gender, gender roles, civil marriage, artificial interruption of pregnancy, value.

Институт семьи переживает сегодня не самые лучшие времена. Он не справляется со своими специфическими функциями – воспроизводство населения и социализация. О неспецифических функциях (экономическая, эмоциональная и другие) говорить не приходится.

Ученые сегодня озабочены кризисным состоянием семьи и теми негативными последствиями, которые этот процесс вызывает. На наш взгляд, весьма актуальным на сегодняшний день является отношения к семье среди студенческой молодежи.

Объектом нашего исследования стали студенты гуманитарных и технических специальностей 1-го–5-го курсов. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе использовалось анкетирование (выборка составила 132 человека). Исследование проводилось с целью изучения взглядов студентов на семью. На втором этапе было проведено стандартизированное интервью с целью выявления отношения к абортam. Среди опрошенных – 10 юношей и 10 девушек.

Создание семьи по мнению опрошенных девушек планируется в возрасте 23–24 лет, тогда как юноши считают, что в возрасте 25–27 лет. Завести первого ребенка девушки планируют в основном в 25 лет, мужчины в возрасте от 27 до 32 лет. Это объясняется, скорее, желанием юношей не только получить образование, но и «встать на ноги».

Сегодня среди молодого поколения весьма популярны гражданские браки, или сожительство. Мы попытались выяснить отношение респондентов к незарегистрированным бракам. 50% девушек ответили, что «гражданский брак полезен, но лучше оформить отношения», остальные респонденты разделились во мнении – 25% положительно отнеслись к данному явлению, 25% – нейтрально, тем не менее предпочли бы официальный брак. Отношение к незарегистрированному браку среди юношей-респондентов более противоречивое. Только 20% отметили, что лучше оформить отношения. 20% посчитали, что в регистрации брака нет необходимости, это простая формальность; 30% нейтрально отнеслись к гражданскому браку, остальные 10% предпочли бы сожительство официальному браку.

В ходе исследования нами были выяснены желаемые качества будущего супруга или супруги. Девушки наделили своего избранника многочисленными чертами, среди которых наиболее предпочитаемыми оказались следующие: «любящий», «уважительный», «умный», «добрый», «понимающий». Среди юношей желаемыми качествами оказались «верность», «красота», «ум», «ответственность».

Среди нежелательных качеств своего избранника девушки указали на «вредные привычки», «ложь», «наглость», «глупость», «напыщенность». Юноши указали «эгоизм», «лень», «вредные привычки», «неверность» и «ложь».

В ходе исследования мы попросили респондентов назвать факторы, которые, по их мнению, оказывают решающее воздействие на счастье семьи. Основная масса респонденток отметила на такие факторы, как любовь (30%) и взаимопонимание (32%). Однако не последнее место в списке занимает и финансовая обеспеченность (18%).

Среди юношей ситуация оказалась схожей. Только 9% видят решающим фактором, обеспечивающим счастье семьи, финансовую обеспеченность. 34% юношей считают, что счастье семьи напрямую связано с любовью супругов, а еще 40% – с взаимопониманием.

Весьма интересен, на наш взгляд, вопрос о распределении гендерных ролей в семье. 50% респонденток считают, что главной обязанностью мужа в семье является материальное обеспечение, однако он должен помогать и в хозяйстве. 37,5% опрошенных девушек считают, что материальное обеспечение – это обязанность, которая должна делиться поровну между супругами. И только 12,5% полностью согласны с утверждением о том, что основная забота мужчины в семье – это заработок. Как ни парадоксально, но среди юношей доминирует убеждение, что мужчина должен и зарабатывать, и помогать по хозяйству (60% опрошенных), только 30% согласились с тем, что заработок – это главная обязанность мужчины, а 10% считают, что эта обязанность должна делиться поровну.

Данные результаты подтверждают и рассуждения респондентов об основных обязанностях жены. 65% девушек не согласны с тем, что воспитание ребенка полностью должно ложиться на плечи женщины. Это обязанность, которая должна делиться поровну между супругами. Остальные 27,5% считают, что данный вопрос должен решаться в зависимости от ситуации самой семьей.

Среди юношей 70% считают, что эта обязанность должна возлагаться и на жену, и на мужа, остальные 30% полностью согласны с тем, что воспитание детей – это удел женщины.

Относительно вопроса о главе семейства 75% девушек и 60% юношей считают, что в семье должно быть равноправие, все остальные респонденты видят в качестве главы семейства исключительно мужчину.

Весьма важной составляющей семейной жизни и отношений мужчины и женщины является проблема искусственного прерывания беременности.

На протяжении долгих лет вопросы регулирования рождаемости в России решались в условиях широкой доступности искусственного прерывания беременности и ограниченного применения современных методов контрацепции. Ученые отмечают, что в российском обществе можно говорить о сложившейся национальной модели планирования семьи. Суть ее в том, что планирование семьи основывается на применении искусственного аборта в качестве основного механизма регулирования рождаемости [1].

В. Сакевич отмечает, что весь XX век можно разделить на пять периодов, которые характеризуются различным отношением властей к искусственному прерыванию беременности [2].

В настоящее время проблема абортов активно обсуждается учеными. Однако данная тематика остается неизученной. Среди неразработанных вопросов остаются психологические и социальные, такие как мотивы, побуждающие избрать данный метод регулирования рождаемости, а не контрацепцию; отношение к данному явлению со стороны как мужчин, так и женщин и другие.

Распространение данного явления влечет за собой увеличение ряда последствий не только медицинского и психологического, но и социального характера. В связи с этим актуальным является изучение мнения представителей молодого поколения относительно искусственного прерывания беременности.

Основная масса респондентов-юношей считают аборт – *«преступлением»*. Однако среди них оказались и такие, которые считают, что *«это необходимое действие, если девушка и мужчина не готовы иметь детей»*, *«избавление от ненужных проблем в молодом возрасте»*.

Женщины оказались менее категоричными, характеризуя аборт. Многие из них считают, что *«зависит от ситуации. Это может быть и благо, и убийство»*. Девушки считают, несмотря на отрицательное отношение к абортам, что *«аборты нужны»*, если в этом есть необходимость.

На наш взгляд, весьма поразительно, но некоторые респондентки увидели пользу в подобных операциях: *«аборт – операция, которая помогает людям в сложных экономических ситуациях предотвратить еще большую бедность. И, во-вторых, аборт – это способ уменьшить количество брошенных детей»*.

Респонденты обозначили несколько причин, по которым женщина совершает искусственное прерывание беременности. Среди них были названы – *«моральная неготовность к ребенку»*, *«финансовые трудности»*, *«нежелательный ребенок»*, *«глупость, недалекость ума»*, *«боязнь родителей»*.

На вопрос: *«Кто, по Вашему мнению, принимает окончательное решение об аборте?»* – практически все респонденты ответили единогласно – *«женщина»*, на ее плечи и ложится ответственность за принятое решение.

Относительно методов, предотвращающих увеличение абортов, респонденты предложили разные варианты решения. Среди них возможно выделить «мягкие» способы борьбы – *«помощь молодым семьям»*, *«распространение центров психологической поддержки»*, *«просвещение молодежи»*, *«развитие социальной рекламы на эту тему»*. Помимо этого некоторые респонденты предложили «жесткие» методы борьбы с увеличением абортов – от *«наказывать врачей, которые делают аборт»* до *«смертная казнь»*.

Тем не менее в качестве основного средства борьбы с увеличением искусственного прерывания беременности респонденты рассматривают *«доступность контрацепции»*, *«бесплатную контрацепцию»*.

Несмотря на неодобрение абортов, практически все респонденты рассматривают запрет абортов в качестве нежелательного явления, объясняя это тем, что *«станет много брошенных детей»*, *«станет развиваться подпольная медицина»*. Более того, респонденты уверены в том, что человек должен сам принимать решение об искусственном прерывании беременности. Иными словами, запрета аборта – это *«не панацея»*, *«необходимо поднимать культурный уровень»*.

Таким образом, подводя итог проведенному социологическому исследованию, можно отметить несколько особенностей восприятия института семьи глазами тольяттинских студентов. Среди таких особенностей терпимое отношение к незарегистрированным бракам, толерантность по отношению к гендерному равенству в семье, а также определение любви и взаимопонимания как основных факторов, обеспечивающих семейное счастье.

Юноши относятся к абортам более негативно, чем девушки. Девушки же считают этот шаг как необходимый в некоторых ситуациях, так как они в основном принимают окончательное решение об аборте. Полный запрет абортов – это вовсе не выход из ситуации. Из полного запрета абортов вытекают многие негативные последствия, такие как нелегальные операции и увеличение бездомных детей. По результатам опроса, определяющей причиной этих операций явились нежелательная беременность и финансовая несостоятельность. Для того чтобы уменьшить число абортов следует просвещать общество в сфере контрацептивов, а также улучшить их качество.

Список литературы

1. <http://www.owl.ru/win/research/abort.htm> (дата обращения: 17.09.2010).
2. <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123/analit01.php> (дата обращения: 17.09.2010).

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О ПОЛОРОЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СЕМЬЕ

Статья посвящена актуальной проблеме современного общества – полоролевой дифференциации. Эта проблема рассматривается с точки зрения представлений молодежи о полоролевой дифференциации, сформированных под влиянием социальной среды.

Ключевые слова: молодежь, полоролевая дифференциация, социальная среда.

The article focused on the urgent problems of modern society, sex-role differentiation. This issue is discussed in terms of representations of young people about sex-role differentiation, formed under the influence of social environment.

Key words: youth, sex-role differentiation, social environment.

Молодежь в силу возрастных, психологических и социальных особенностей является самой восприимчивой социальной группой общества, индикатором всех процессов, происходящих в нем. Любые трансформации общественных отношений в первую очередь проявляются в молодежной среде.

Однако социальная среда, в которой «обитает» молодежь, неоднородна и противоречива. С одной стороны, воспитанием молодого поколения занимается семья, родители, взгляды которых сформировались в иной социальной среде. Влияние родителей в этом случае основано на тех принципах, нормах и стереотипах, которые существовали в социалистическом обществе: крепкая семья, зарегистрированный брак, осуждение добрых сексуальных отношений, внебрачных беременностей и т.д. «Советская» семья – тип семьи с доминантной и ответственной женой, субдоминантным и безответственным мужем и детьми, противостоящими родителям [1].

С другой стороны, социализация современной молодежи проходит под непрерывным и масштабным влиянием СМИ, родители едва успевают контролировать этот процесс у младших детей, а подростки и молодежь вообще становятся бесконтрольными.

Кроме того, на телевидении представлено гораздо больше различных моделей семьи, чем в 70–80 гг. Даже в традиционных семьях некоторые паттерны взаимодействия членов семьи изменились и перестали напоминать авторитарные отношения. В многочисленных фильмах, сериалах (как отечественных, так и зарубежных) женщина – это преуспевающая бизнес-леди, разрывающаяся между работой и семьей. Дети занимаются няней, гувернантка, мужчина – на вторых ролях. Другая, часто встречающаяся модель семьи: преуспевающий муж, дом «полная чаша», мающаяся от безделья жена, отсутствие детей. Модной является тема отцов-одиночек.

Столь противоречивые элементы социальной среды формируют у молодежи и весьма противоречивые представления о полоролевой дифференциации в семье. Для выявления некоторых представлений молодежи о полоролевой дифференциации в семье нами было проведено эмпирическое исследование.

Выборочная совокупность – 70 человек – студенты 2-го–5-го курсов ГУУ. Выборка стихийная и нерепрезентативная. Исследование проводилось в период с февраля 2010 г. по март 2010 г. Респонденты, принявшие участие в исследовании, распределились следующим образом: пол – мужской – 11%; женский – 89%; род деятельности – студенты; курс 2–69%; 3 курс – 15%; 5 курс – 15%; семейное положение: не состоят в браке – 96%; состоят в браке – 4%.

Инструментарий для сбора информации – разработанная анкета, содержащая закрытые и открытые вопросы. При составлении вопросов анкеты учитывалось положение о том, что на формирование отношения студентов к полоролевой дифференциации оказывают влияние СМИ, семья, ближайшее окружение (друзья).

Тест «Распределение ролей в семье» был составлен нами на основе методики Ю.Б. Алешиной, Л.Я. Гозманом и Е.М. Дубовской и адаптирован для нашей аудитории – студентов. Тест представлен в виде опросника из 21 вопроса, где каждой из 7 внутренних ролей соответствует по 3 вопроса.

Основные роли: 1) воспитание детей; 2) эмоциональный климат в семье; 3) материальное обеспечение семьи; 4) организация развлечений; 5) роль хозяина/хозяйки; 6) сексуальный партнер; 7) организация семейной субкультуры.

В соответствии со стереотипными представлениями о распределении ролей в семье большую часть семейных обязанностей должна выполнять жена, а муж должен обеспечить материальное благосостояние семьи и осуществлять контакты семьи с социальным окружением. Несмотря на то, что большинство женщин наравне с мужчинами взяли на себя выполнение функций по материальному обеспечению семьи, мужа не разделили со своими женами поровну функций, связанных с домашним хозяйством. Социологические исследования показывают, что с годами мало что меняется, женщины, как и прежде, уделяют домашним делам и уходу за детьми времени в два-три раза больше, чем мужчины.

Исходя из характера распределения семейных ролей, выделяются три типа семей: традиционные, эгалитарные и промежуточные. Традиционные семьи – это семьи, где все домашние обязанности строго делятся на «мужские» и «женские» и большую часть этих обязанностей выполняет жена. Эгалитарные семьи характеризуются совместным разделением семейных ролей без разделения их на «мужские» и «женские», таким семьям присуща взаимозаменяемость супругов в домашних делах. В семьях промежуточного типа не выражен типичный вариант распределения внутрисемейных ролей.

При проведении исследования предполагалось осуществить следующие шаги:

- 1) оценить влияние социальной среды на отношение студентов к полоролевой дифференциации в семье;
- 2) исследовать представления о гендерных ролях у респондентов;
- 3) исследовать представления студентов об «идеальной семье» и «реальной семье» с точки зрения полоролевой дифференциации.

Прежде чем перейти к описанию результатов собственного исследования, считаем необходимым представить результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в 2008 г., которые соответствуют замыслу нашего исследования и дополняют картину о влиянии телевидения как одного из основных элементов социальной среды, оказывающих влияние на формирование отношения студентов к различным сторонам жизни.

По результатам опроса ВЦИОМ, наибольший интерес для молодых телезрителей представляет Первый канал, видимо, как центральный. Далее следуют каналы СТС, ТНТ, MTV, МУЗ-ТВ. К сожалению, они являются наиболее привлекательными для молодых людей. Как известно, содержание программ на этих каналах не отличается особой культурой. Чего стоит ежедневный показ Дома – 1, 2 уже в течение нескольких лет. Данные, полученные в результате нашего исследования, также отражают эту тенденцию.

При описании и интерпретации результатов, полученных в ходе исследования, была использована процедура последовательного анализа ответов на вопросы анкеты. Процедура имела следующую структуру: номер вопроса, как он был заявлен в анкете; формулировка вопроса; интерпретация, включающая варианты ответов.

1. «Какую современную семью известных личностей Вы можете привести как эталон?»

При ответах на данный вопрос были упомянуты следующие известные личности: Анжелина Джоли и Брэд Питт, Джонни Дэпп и Ванесса Паради (семьи актеров), моя семья (родительская), Стриженовы, Семья В.В. Путина, Виктория и Дэвид Бэкхем, Карла Спиноза и Кристофер Терк (персонажи из сериала). Также упоминались семья Михалковых, семья Кончаловских, семья Полищук, семья Безруковых и даже исторические персонажи – Александр II и Екатерина Долгорукая.

2. «Что привлекает Вас в их отношениях?» (открытый вопрос, до трех вариантов ответа).

60% опрошенных обратили внимание на семейные ценности известных личностей, 55% выделили взаимопонимание и уважение, 23% – любовь, 18% – отметили порядочность и честность, 10% – общие интересы и благополучие, и 8% – привели разнообразные варианты.

Данные по этому вопросу указывают на высокую значимость семьи и семейных ценностей. Кроме того, в основном были названы семьи, где оба супруга заняты активной профессиональной и общественной деятельностью, что может свидетельствовать в пользу равноправных отношений в семье и привлекательности этой стороны для студентов. В данном случае студенты ориентированы на западные образцы. Такой выбор не является редким среди современной молодежи, и даже получил в современных исследованиях название «вестернизация».

Для выявления значимого близкого окружения был задан следующий вопрос.

3. «Чья семья из близкого окружения является для Вас образцом?» (открытый вопрос, один вариант ответа).

В качестве образца 41% студентов выбрали родительскую семью, 32% респондентов указали, что для них образцом семьи является семья друзей, 17% в качестве образца выбрали семью родственников, 6% указали на отсутствие образца семьи и 5% назвали образцом свою собственную семью. В данном случае большинство студентов отдает предпочтение родительской семье, что является вполне закономерным, так как именно в родительской семье происходит первичная социализация личности.

Для того, чтобы выявить предпочтения студентов в распределении ролей в семье был задан вопрос.

4. «Как, по вашему мнению, должны распределяться роли в “идеальной” семье?» (один вариант ответа).

Результаты исследования показали, 57% юношей и 39% девушек считают, что воспитанием детей должна в большей степени заниматься жена. 43% юношей и 59% девушек считают, что в идеальной семье воспитанием детей супруги должны заниматься в равной степени.

71% юношей и 76% девушек считают, что за материальное обеспечение семьи в большей степени должен отвечать муж. 14% юношей и 4% девушек считают, что в большей степени за материальное обеспечение семьи должна отвечать жена. 14% юношей и 20% девушек считают, что за материальное обеспечение семьи супруги должны отвечать в равной степени.

На вопрос о поддержании эмоционального климата в семье ответы распределились следующим образом: 6% девушек считают, что это прерогатива мужа, 29% юношей и 57% девушек считают, что это в большей степени касается жены. 71% юношей и 37% девушек считают, что поддержание эмоционального климата в семье должно зависеть от обоих супругов.

14% юношей и 23% девушек считают, что организация развлечений в семье в большей степени зависит от мужа, 14% юношей и 19% девушек считают, что это в большей степени должно зависеть от жены, а 71% юношей и 58% девушек считают, что организация развлечений зависит в равной степени от обоих супругов.

Исполнение роли хозяйки/хозяина 14% юношей и 20% девушек приоритет отдают мужчине, 86% юношей и 41% девушек считают, что эту роль должна исполнять жена, и 39% девушек считают, что эту роль необходимо делить в равной степени между супругами.

29% юношей и 6% девушек считают, что ответственность за удовлетворенность интимными отношениями лежит в большей степени на муже, 2% девушек считают, что в большей степени ответственность лежит

на жене, и 71% юношей и 92% девушек считают, что ответственность лежит на обоих супругах в равной степени.

14% юношей и 9% девушек считают, что в большей степени муж отвечает за организацию семейной субкультуры, наоборот (в большей степени жена) считают 14% юношей и 20% девушек, и 71% юношей и 70% девушек считают, что ответственность за семейную субкультуру несут оба в равной степени.

Ответы по данному вопросу отражают как традиционные взгляды на распределение ролей в «идеальной» семье, так и современные: в сфере материального обеспечения признается главная роль мужчины, как со стороны юношей, так и девушек, в сфере воспитания детей, роли хозяйки первенство остается за женщиной. В сфере интимных отношений ответственны оба супруга. Такие же результаты и для сферы семейной субкультуры. В сфере поддержания эмоционального климата проявляется подобная тенденция.

Было проведено перекрестное распределение между ответами на 4-й вопрос анкеты и семейным статусом. Отметим наиболее значимые различия в ответах.

На вопрос о материальном обеспечении семьи 33% респондентов, которые имеют свои семьи, ответили, что эту роль должны в равной степени выполнять оба супруга, в то время как только 19% респондентов, не имеющих собственной семьи, ответили подобным образом.

Отвечая на вопрос о поддержании эмоционального климата в семье 67% респондентов, состоящих в браке, считают, что эта роль должна быть исполнена обоими супругами. Впрочем с этим согласны 40% незамужних/неженатых респондентов, 33% вступивших в брак считают, что поддержание эмоционального климата в семье в большей степени роль жены, нежели мужа. 55% респондентов незамужних/неженатых согласны с этой позицией.

Отмечается расхождение мнений в ответах на вопрос о роли хозяина/хозяйки. 21% неженатых/незамужних считают, что эту роль в большей степени исполняет муж. Аналогично 47% респондентов оставляют эту роль жене и 33% считают, что эта роль – удел обоих. Замужние/женатые респонденты считают по-другому: 33% отводят эту роль жене, а 67% считают, что эта роль должна наравне распределяться между супругами.

На вопрос об организации семейной субкультуры замужние/женатые ответили так: 33% считают, что эта роль должна исполняться мужем в большей степени, столько же процентов респондентов эту роль отводят жене, 33% считают, что эту роль должны выполнять оба супруга одинаково. 72% респондентов неженатых/незамужних считают, что организацией семейной субкультуры должны заниматься оба супруга.

Для того, чтобы понять, какую роль играет родительская семья в жизни молодых людей, были заданы следующие вопросы.

5. Как Вы думаете, сложилась ли семейная жизнь Ваших родителей?

75% респондентов ответили утвердительно, 11% респондентов ответили, что их родители разведены, у 11% респондентов родители повторно состоят в браке и 3% выбрали ответ «другое».

6. Выберете ли Вы родительскую семью в качестве образца?

68% респондентов ответили утвердительно, 32% – отрицательно.

Такое распределение свидетельствует о положительном восприятии родительской семьи и принятии тех норм и ценностей, которые складываются в ней.

7. Как распределены роли в Вашей родительской семье?

4% респондентов ответили, что воспитанием детей в их семье в большей степени занимается муж (отец), 60% ответили – наоборот жена (мать), 36% ответили, что ответственность за воспитание детей в равной степени лежит на обоих супругах.

54% респондентов ответили, что за материальное состояние их семьи в большей степени отвечает муж (отец), 16% респондентов ответили, что в большей степени за это отвечает жена (мать) и у 30% респондентов родители в равной степени делят эту обязанность.

За поддержание эмоционального климата в семье у 9% респондентов в большей степени отвечает муж (отец), у 54% – жена (мать) и у 37% – оба родителя в равной степени.

Организацией развлечений у 20% респондентов в большей степени занимается муж (отец), у 35% – жена (мать) и у 45% – оба родителя в равной степени.

Исполнение роли хозяина/хозяйки: у 17% в большей степени это относится к мужу (отцу), у 48% респондентов – к матери, у 34% оба родителя делят эту роль поровну.

Ответственность за удовлетворенность интимными отношениями у 11% респондентов в большей степени лежит на муже (отце), у 8% – на жене и у 80% – в равной степени.

Организацией семейной субкультуры у 4% занимается муж (отец), у 25% – мать, у 71% – оба родителя в равной степени.

В сводной таблице представлено сравнение ответов на вопросы 4-й и 7-й (распределение ролей в «идеальной» и родительской семье)

Если сравнивать данные таблицы, реальное положение дел в семье отличается от идеального образа семьи. Воспитанием детей в 60% случаях занимаются матери (жены), тогда как только 41% респондентов считают, что в идеальной семье должна заниматься мать. Большинству респондентов кажется, что воспитанием детей (57%) должны заниматься оба супруга, тогда как в реальности это разделение происходит у 36% респондентов. Если рассматривать вопрос обеспечения семьи, то в идеальном случае (75%) респонденты отвечали, что этим должен заниматься отец, в то время как в реальности эту роль отец берет на себя лишь у 54% респондентов. У 30% респондентов материальным обеспечением семьи оба родителя занимаются в равной степени, а представления в идеальной семье – этот вариант ответа выбрали 20% респондентов.

Сравнение ответов респондентов по распределению ролей в «идеальной» и родительской семье

Семейные роли	Степень выполнения роли	Распределение ролей в «идеальной» семье	Распределение ролей в родительской семье
Воспитание детей	В большей степени муж	2	4
	В большей степени жена	41	60
	В равной степени	57	36
Материальное обеспечение семьи	В большей степени муж	75	54
	В большей степени жена	5	16
	В равной степени	20	30
Поддержание эмоционального климата в семье	В большей степени муж	5	9
	В большей степени жена	54	54
	В равной степени	41	37
Организация развлечений	В большей степени муж	22	20
	В большей степени жена	18	35
	В равной степени	60	45
Исполнение роли хозяйна/хозяйки	В большей степени муж	20	17
	В большей степени жена	46	48
	В равной степени	34	34
Ответственность за удовлетворенность интимными отношениями	В большей степени муж	9	11
	В большей степени жена	2	8
	В равной степени	90	80
Организация семейной субкультуры	В большей степени муж	10	4
	В большей степени жена	20	25
	В равной степени	70	71

Анализ данных анкетирования показал, что рассматриваемые элементы социальной среды оказывают неоднозначное влияние на современную молодежь. Большинство респондентов, придерживаясь традиционного отношения к полоролевой дифференциации, тем не менее, в некоторых сферах семейной жизни, стереотипно воспринимаемых как «женские» (воспитание детей, поддержание эмоционального климата в семье, организацию семейного досуга и т.п.), проявляют тенденцию к равноправному распределению ролей. Кроме того, не всегда совпадают представления об «идеальной» семье с реальным положением дел [2–6].

Состоящие в браке студенты более склонны к равноправному распределению ролей в семье. Возможно, такой вариант является для них оптимальным, так как учебная деятельность занимает много времени (при этом многие работают) и надеяться друг на друга в выполнении тех или иных обязанностей проблематично.

Таким образом, становится ясно, что проблема полоролевой дифференциации в семье является сложной, многогранной, отношение к ней неоднозначно. Ясно лишь одно – проблема эта существует и она не может быть незамеченной наиболее активной социальной группой – молодежью, которая и представляет будущее любого общества.

Список литературы

1. Дружинин В.Н. Психологические типы семьи в европейской культуре. М., 1995.
2. Агаджанян Н.А., Радыш И.В. Качество и образ жизни студенческой молодежи // Экология человека. 2009. № 5. С. 3–8.
3. Алешина Ю.Б., Борисов И.Ю. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель межличностных отношений супругов // Вестн. Моск. гос. ун-та. 1989. № 1.
4. Бабаева Л.В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, карьера, повседневная жизнь. М., 1986.
5. Лисовский В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья (социологическое исследование). СПб., 2003.
6. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. М., 2002.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье описываются основные тенденции развития института семьи в Республике Беларусь, выполнение репродуктивной функции. Необходимость изучения проблем именно молодой семьи, ее потенциала и установок обусловлена, с одной стороны, низкой рождаемостью и необходимостью улучшения демографической ситуации в Республике Беларусь, а с другой, дефицитом информации по этой теме.

Ключевые слова: молодая семья, социальный институт брака, репродуктивная функция семьи.

The article focuses on basic trends of development of a family as a social institute in Belarus. Special attention is paid to reproductive function of a family.

Key words: young family, social institute marriage, reproductive function.

Социальная значимость и ценность брака и семьи обусловлены во многом тем, что эти социальные институты выполняют важнейшие функции, обеспечивающие не только счастье и процветание отдельно взятого человека, но оказывающие существенное влияние на успешное развитие и эффективное функционирование общества в целом. Одной из основных функций является репродуктивная, которая обеспечивает воспроизводство общества. Необходимость изучения проблем молодой семьи, ее ценности и потенциала в современном обществе обусловлена рядом существенных факторов и, прежде всего, низкой рождаемостью, с одной стороны, и необходимостью улучшения демографической ситуации, с другой.

На сегодняшний день в социологии, психологии, педагогике наблюдается дефицит информации о молодой семье, которая является совершенно особой группой среди других типов семейных союзов, обладающая целым рядом специфических социально-психологических характеристик. Недостаток информации отражается на качестве и своевременности предпринимаемых мер по улучшению социально-экономического положения молодых семей.

Трансформационные процессы, происходящие в Республике Беларусь после приобретения независимости и самостоятельности в 1991 г., привели первоначально к ценностно-нормативному кризису и породили дезинтеграцию практически всех социальных институтов. Произошедшая ломка привычных стереотипов и способов существования, экономические проблемы коснулись практически каждой семьи. Выполнение многих функций семьи было затруднено. Особенно ярко это проявилось в репродуктивной сфере. На сегодняшний день в Республике Беларусь типичная семья – это нуклеарная семья из трех человек: родители и один несовершеннолетний ребенок. В такой ситуации не обеспечивается даже простое воспроизводство населения.

Со временем ситуация в стране стабилизировалась, и сегодня мы можем говорить о формировании новой структуры ценностей, об улучшении социально-экономической ситуации, о новых подходах в семейной политике в Республике Беларусь. В данном контексте изучение именно молодой семьи как основного источника репродукции, посредством которого наше общество сможет улучшить демографическую ситуацию, является наиболее важным и актуальным.

На каком социально-демографическом фоне осуществляется сегодня функция детопроизводства молодыми семьями? Характеризуя в целом положение молодой семьи в современном белорусском обществе, следует отметить, что, несмотря на существующие негативные явления, в последние несколько лет начали отмечаться тенденции, которые свидетельствуют о положительной динамике в процессах создания и развития молодой семьи в Беларуси. Первая из них состоит в том, что число браков, в которые вступают юноши и девушки, постепенно возрастает, а количество разводов хоть и незначительно, но снижается. Вторая положительная тенденция в развитии молодой семьи проявляется в том, что за тот же расчетный период возросло в процентном отношении количество повторных браков. Говоря о положительных тенденциях невозможно обойти стороной и тот факт, что в нашем обществе социальный престиж семьи не снижается, а наоборот растет. Это доказывают исследования, по результатам которых семья занимает первое место среди важнейших жизненных ценностей [1, 14; 2, 51]. Вопреки мнениям многих экспертов, считающих, что молодежь очень критично относится к семье, подавляющему количеству состоящих в браке нравится их семейная жизнь. При этом мужчин несколько больше, чем женщин (85,7 и 79,8% соответственно) [3, 43].

Судя по ответам, для подавляющего большинства молодых мужей и жен семья является тем местом, где они восстанавливают свои физические силы, обеспечивают чувство эмоционального благополучия, интеллектуально и духовно обогащаются, расслабляют нервную систему и снимают напряжение. Таким образом, несмотря на прагматичные и даже жесткие отношения между людьми в современном обществе, семья является для большинства молодых супругов душевным прибежищем и тылом.

Для молодой семьи важнейшей функцией является репродуктивная. Это личностное понимание гармонирует с общественными потребностями. От того, насколько эффективно данная функция будет выполняться, зависит будущее нашего общества. Ведь молодая семья и воспитывающиеся в ней дети составляют потенциал страны, главный вектор ее социального, экономического и социокультурного развития [4, 24].

Отметим, что по результатам социологических исследований, проводимых в Республике Беларусь, более половины опрошенных (56,4%) имеют одного ребенка, двоих детей имеет примерно каждая четвертая семья (23,8%), троих и более 3,6%. Не имеют детей 10,7%. При этом обращаем внимание на то, что идеалом для столичной молодежи является не однодетная или бездетная семья. Согласно мнениям столичных респондентов,

самыми популярными семейными моделями в порядке убывания являются двухдетные, трехдетные и только потом однодетные семьи [5, 58; 3, 50].

Сравнивая объективные показатели рождаемости и планы молодежи, мы должны констатировать, что существует большой разрыв между желаемым и действительным количеством рождающихся детей. В связи с этим не может не возникнуть вопрос о причинах, которые мешают молодым людям воплотить свои планы в реальной жизни.

Основная причина, на которую ссылаются респонденты, это финансово-экономические проблемы и нерешенность жилищного вопроса. Далее следуют – состояние здоровья молодых мужчин и женщин и страх за будущее детей [5, 51]. Таким образом, резервы для повышения рождаемости заключены в достижении экономической стабильности (как общества в целом, так и отдельной семьи), обеспеченности жильем каждой семьи, в улучшении здоровья молодежи, в наличии уверенности в завтрашнем дне. Именно эти составляющие являются необходимыми условиями для повышения рождаемости в молодых семьях минчан. К сожалению, у большинства молодых людей нет этих так необходимых условий для рождения желаемого количества детей.

Таким образом, на сегодняшний день репродуктивный потенциал современных молодых семей в Беларуси остается нереализованным. Несмотря на свои предпочтения молодые супруги не спешат обзаводиться детьми. И главным препятствием, по их собственным утверждениям, является нерешенность материальной и жилищной проблем. В этой связи проводимая государством семейная политика, а также обеспечение стабильного развития экономики может существенно улучшить демографическую обстановку в стране. Необходимо продолжать заниматься кредитованием жилищного строительства и приобретением товаров длительного пользования, обеспечивая эту возможность как можно большему количеству нуждающихся молодых людей. А также поддерживать молодежь, предоставляя больше свободы в их устремлениях самостоятельно обеспечивать материально себя и свою семью. Тем более что поддержка молодых и талантливых людей, которые хотят и могут трудиться, выгодна и для государства. Эти меры в сумме с заботой о репродуктивном здоровье молодежи являются резервом, воплощение в жизнь которого поможет реализовать репродуктивный потенциал молодых семей.

Отрадно заметить, что создание благоприятных условий для выполнения молодыми семьями их важнейшей функции – рождения и воспитания детей – является приоритетной задачей для всего белорусского государства.

Список литературы

1. Бурова С.Н. Молодая столичная семья в начале XXI века: ценность и социальный потенциал // Социология. 2004. № 2. С. 12–17.
2. Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск, 2004. 205 с.
3. Отчет о научно-исследовательской работе «Молодая семья в XXI веке» (заключительный) / Под ред. С.Н. Буровой. Минск, 2004. 136 с.
4. Дзямідава А.У. Праблемы выхавання дзяцей у маладой сталічнай сям'і // Адукацыя і выхаванне. 2006. № 11. С. 22–25.
5. Молодая семья в городе Минске / В.А. Бобков, Е.М. Бабосов, А.В. Рубанов и др. Минск, 2006. 110 с.

С.М. Фролова

Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, Саратов, Россия

ИЗМЕНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье проводится анализ семейных отношений в контексте их повседневного проявления. Рассматриваются причины изменений взглядов современного общества на институт семьи и проблемы демографии.

Ключевые слова: кризис семейных отношений, современная семья, брак.

The article deals with analysis of family relationships in the context of their everyday display. Reasons for changing attitudes of the contemporary society to the institution of family and demographic problems are considered.

Key words: crisis of family relationships, contemporary family, marriage.

На рубеже XX–XXI веков современное общество переживает самый сложный этап трансформации семьи и семейных отношений. С сожалением приходится констатировать, что происходит резкое изменение норм и ценностей семейных отношений, а сам брак под воздействием информационной и сексуальной революций перестал восприниматься как «тайна двоих», как необходимое условие для совместного проживания под одной крышей и воспитания детей.

Во многих работах исследователями отмечается резкое снижение количества заключаемых и увеличение числа расторжения браков, а также снижение рождаемости и т.д. Социум, таким образом, способствует той ситуации, в которой «общество воспроизводит себя через то, что его умерщвляет. Современная семья с одним (очень редко – двумя детьми) ребенком превратилась из «базовой ячейки общества» и поставщика челове-

ского материала в «раковую клетку» общества, уменьшая его человеческий потенциал с каждым поколением» [1].

До середины XX века семья воспринималась как важнейший институт, оказывающий огромное влияние на все сферы жизни общества. В сравнении с прошлым столетием современная семья претерпела изменения в качественном и количественном составех, в устоях и распределении обязанностей.

Ранее нормой считалось та семья, которая создавалась в молодом возрасте, с обязательным юридическим оформлением (регистрацией) отношений. Любые связи вне брака, а тем более дети, рожденные в этих условиях, всегда воспринимались обществом негативно.

На современном этапе смещение взглядов на отношения между молодыми людьми привело к тому, что семейные узы стали восприниматься как отношения, ограничивающие личную свободу и препятствующие карьерному росту. Среди молодежи стал институционализироваться так называемый «гражданский брак», в котором распределение ролей между «супругами» резко отличаются от установок патриархального типа семейных отношений.

Таким образом, брак теряет свою актуальность. Причина в том, что современный человек перестал усматривать необходимость в общем ведении хозяйства: материальные вопросы вполне решаемы в одиночку, сексуальная свобода открыла дорогу для свободных отношений. Как следствие этого, супружеская жизнь перестала восприниматься как «выход из обыденности» (Бердяев), как некая тайна, необходимая для продолжения рода.

Сегодня тяга к свободе и удовольствию стала доминировать над воспроизводством, поэтому семьи становятся все малочисленнее, а сексуальность стала «формой самоидентификации, самовыражения и самоутверждения личности» [2, 123], поддерживаемая при помощи осознанного моделирования своего образа. Модельная внешность сейчас активно пропагандируется в СМИ. И конечно, «основной мишенью этой модельной индустрии оказываются как раз молодежь и подростки. СМИ часто транслируют эксперименты, связанные с модификацией и преобразованием тела» [3].

По причине общности модельной индустрии многочисленные элементы одежды и поведение современной женщины предсказуемы, лишены индивидуальности и неповторимости. Четко следуя рекомендациям рекламы и ориентируясь на поведение героев любимых сериалов, молодые девушки имеют четкую цель – подчеркнуть свою эротичность и сексапильность, создать иллюзию сексуальности, основанную на установке потребления. Как подчеркивается исследователями, сознание современного человека отравлено установкой «иметь», что превратило его в инструмент экономической машины и сформировало «рыночную личность», успех которой зависит от того, «насколько удачно человек умеет... подчеркнуть выгодные стороны своей персоны, облачить ее в красивую “упаковку”...» [4, 225].

Как следствие вышесказанного, большое значение в установке семейных отношений играет теперь не любовь, а финансовое состояние одного из членов создаваемой семьи. Не удивительно, что все чаще супружеские отношения начинаются с оформления брачного контракта. Ставка на получение прибыли от брака, еще один перекокс повседневности, отодвигающий на задний план самое прекрасное и необходимое для человека – любовь.

Любовь всегда оценивалась как «главная духовная сила, которая побеждает смерть и завоевывает бессмертие» [5, 325]. Она всегда была загадочным, возвышенным и неподвластным ни человеку, ни определенным жизненным процессам чувством. Любовь всегда придавала смысл нашему бытию, обогащала внутренний мир, способствовала образованию новых духовных ценностей, определяла свой, индивидуальный способ существования.

Любовь в любых ее проявлениях не только конституирует человека, она помогает раскрывать в человеке скрытый от всех внутренний потенциал. Как сказал Лосев, исследуя труды Платона: «Любящий всегда гениален, так как открывает в предмете своей любви то, что скрыто от всякого нелюбящего» [6, 70]. Потеряв способность любить, человек утрачивает способность к нормальной для жизни коммуникации, формирует новые формы общения и меняет смысл традиционных ценностей. Поэтому семья, построенная только на финансовой основе, лишена духовной устойчивости и не способна перенести сложности семейной жизни.

Еще одной существенной проблемой XXI века стал гомосексуализм. Теперь любовь, совместное проживание и общее ведение хозяйства партнерами одной половой принадлежности не вызывает ни удивления, ни бурного осуждения.

До XX века различие полов понималось как «основной закон жизни и, может быть, основа мира» [7, 22], сегодня рассуждения об искусственном изменении пола, о транссексуальности не вызывают ни у кого и тени стыдливости. Ж. Бодрийяр полагает, что транссексуальность – это искусственность, игра, «построенная на коммутации признаков пола, на половом безразличии...» Такую искусственность он называет «протезированием», и при этом неважно сделана операция по изменению пола или замене органа.

Эта искусственность есть симуляция определенного стиля жизни, вынуждающая человека выйти за определенные поведенческие рамки и отказаться от существовавших ранее убеждений. Этим также можно объяснить лояльное отношение как к гомосексуальности, так к их брачным союзам, которые Ирвинг Гофман назвал «специфически мужские разновидностью» [8, 206] трансформации.

Сейчас молодежи важно осознать, что для сохранения в себе человеческого необходимо отказаться от половой тождественности и жить с четким осознанием половой идентичности, только в этом случае неполная семья не будет восприниматься как явление привычное, а дети не познают однобокого воспитания родителя андрогина.

Сложно отрицать, что сложившиеся перекосы являются показателем трансформации общества, которое «вместо того, чтобы с ужасом взирать на развод, полигамную эротику, аборт, гомосексуализм как на выход за пределы исторического существования человека... безучастно принимается как нечто связанное с существованием массы в целом...» [9, 326], как яркий показатель свободного цивилизационного общества XXI века.

Свобода отношений, повышение статуса женщины, неготовность мужчины к браку, привели к тому, что в России прослеживается тенденция в сторону увеличения среднего возраста брачующихся, рождение первых детей, как правило откладывается на более позднее время. Кроме того, в повседневном сознании наших современников изменились установки на рождение детей. Сегодня дети, рожденные вне брака, воспринимаются обществом как обычное явление, да и поведение родителей все больше уходит от воспитательного приоритета в сторону эгоистического.

В создавшейся ситуации кризиса семейных отношений не последнее место занимает материальное благосостояние семей. Согласно данным исследований, «материальная государственная поддержка материнства и детства для конкретной семьи, начиная с периода беременности матери и до достижения ребенком 16-летнего возраста, сегодня составляет 260 руб. в месяц, то есть чуть больше 51 тыс. руб., или 1700 долл., за все 16 лет» [10, 3]. Если не предпринимать никаких шагов по исправлению данной ситуации, то спад рождаемости в дальнейшем неизбежен.

Современному обществу необходимо осознать, что институт семьи – это основная, фундаментальная опора государства в решении духовных, нравственных и демографических проблем общества, поэтому этой проблеме в ближайшее время должно быть уделено самое пристальное внимание со стороны властей. Только вмешательство социального института, имеющего авторитет и власть, способно изменить антифамилистическую направленность нашего общества и решить демографическую проблему страны.

Список литературы

1. Фролов С.А. Конфессиональный ресурс в преодолении институционального кризиса семьи // Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики: Материалы II Всерос. науч. конф. Сорокинские чтения – 2005. 14–15 декабря 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/> (дата обращения: 23.09.2010).
2. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
3. Гендерные отношения в молодежной среде. Интервью с социологом Еленой Омельченко. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/analytics> (дата обращения: 23.09.2010).
4. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Пер с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2008.
5. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. О назначении человека. М.: ТЕРА – книжный клуб, 1998.
6. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Диалоги. Книга первая. М.: Эксмо, 2008.
7. Бердяев Н.А. Письмо будущей жене Л.Ю. Рапп // Бердяев Н. Эрос и личность: Философия пола и любви. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2007.
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Институт социологии РАН. М., 2003.
9. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
10. Ермаков А. Семья без средств // Российская Федерация сегодня. 2004. № 12. С. 3. Цит. по: Кузнецов Н.Г. Влияние социально-экономического положения на маргинализацию российских семей. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/> (дата обращения: 23.09.2010).

А.В. Толстокорова

Межрегиональное исследовательское объединение «Перпетум мобиле», Киев, Украина

А.М. Риндик

Межрегиональное исследовательское объединение «Перпетум мобиле», Львов, Украина

МОЛОДЕЖЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙ УКРАИНЫ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ВЫБОР МОДЕЛЕЙ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Материалы данной статьи свидетельствуют о том, что трудовая миграция силы оказывает негативное влияние на ментальность и семейные ценности молодежи в транснациональных семьях Украины, поощряя меркантильные и эгоистические интересы в личных отношениях и ведя к ослаблению родственных связей. Обратной стороной экономического благополучия транснациональных семей зачастую является то, что потребительские интересы молодежи доминируют над их семейными привязанностями. Значительная часть молодых людей из семей мигрантов определяет свою модель жизненного пути как зарабатывание на жизнь за рубежом по примеру родителей.

Ключевые слова: украинские транснациональные семьи, дети трудовых мигрантов, ценностные ориентации молодежи.

Materials of the paper evidence that labor migration makes a negative impact on mentality and family values of youth from Ukrainian transnational families, encouraging mercantile and selfish attitudes in inter-personal relationships and entailing the decline of kinship ties. Often, the reverse side of the economic affluence in transnational families is the dominance of consumerist interests over family attachments. A large share of youth from migrants' families see their model of life in the future as leaving for earnings abroad same as their parents.

Key words: Ukrainian transnational families, children of labor migrants, value orientations of youth.

Введение

В последние годы в социальных науках сформировалось новое направление исследований миграционных процессов, при котором линейная, биполярная и ассимилятивная модель, характерная для ранних подходов к изучению миграции, сменилась транснациональным подходом, возникшим в рамках пост-колониальных, пост-модернистских направлений в антропологии [1]. Как уже упоминалось ранее [2], этот новый подход преследует цель изучения трансграничных сообществ и сетей, рассматривая миграцию как разнонаправленный процесс. В соответствии с этим подходом мобильность и включенность рассматриваются не как противоречивые или взаимоисключающие процессы, а скорее, как взаимодополняющие тенденции [3, 4]. При этом сами мигранты идентифицируются как «трансмигранты», способные формировать и поддерживать самые разнообразные типы взаимоотношений (семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные, политические и т.п.), выходящие за пределы официальных государственных границ [5, IX]. Таким образом, транснациональная перспектива открывает возможность для принципиально нового взгляда на жизнь как отдельный мигрантов, так и их семей и общин. Хотя в настоящее время явление транснационализма как таковое не является ни в достаточной степени изученным, ни урегулированным на институциональном уровне [6].

В Украине за последние годы тенденция транснационализации приобрела ширококомасштабный характер. Это объясняется тем, что процесс перехода к рыночным отношениям, предоставив населению возможность беспрепятственно пользоваться правом на свободу передвижения, привел к беспрецедентному росту экономической мобильности трудовой силы как внутренней, так и внешней. Сегодня на заработках за рубежом, главным образом в России и Западной Европе, находится около 20% трудоспособного населения страны. При этом, как отмечают западно-европейские исследователи, в последнее время наблюдается процесс «украинизации» миграционных потоков в Европе в сочетании с тенденцией их феминизации [4; 7]. Вследствие этих процессов происходит усиление оттока женской трудовой силы в из Украины в страны Евросоюза. Особенно эта тенденция характерна для сельских регионов Западной Украины, где ощущается острая нехватка женских рук в домохозяйствах по причине массового выезда женщин трудоспособного возраста на работу за рубеж. Отсутствие женщин в семьях приводит к целому комплексу социальных проблем, в частности, социальному сиротству детей, безнадзорности подростков, отсутствию должного ухода за престарелыми родителями, социальной дезадаптации мужчин и т.д. Отсутствие должного внимания к процессу воспитания молодежи в транснациональных семьях особенно опасно, поскольку формирует поколение украинцев, лишенных духовных и нравственных ориентиров, ценностных предпочтений и этических норм, прививать которые призвана семья. Однако, несмотря на актуальность проблемы транснационализации в украинском обществе, специальных исследований, посвященных изучению влияния этого процесса на социальное пространство и ценностные ориентации украинской семьи, до сих пор не проводилось, если не считать отдельных работ автора данной статьи [8; 2]. Поэтому **целью данной статьи** является изучение влияния процесса транснационализации на формирование ценностных ориентаций и выбор моделей жизненного пути подрастающего поколения в семьях украинских трудовых мигрантов в условиях ускоряющейся феминизации миграционных потоков.

Методология исследования

Работа основана на материалах пилотного проекта, включавшего следующие этапы:

– *Сбор и обработка исходного теоретического материала.*

– *Включенное наблюдение*, проведенное в г. Чертков Тернопольской области (западный приграничный регион Украины), характеризующееся повышенным оттоком трудовой силы на работу в страны далекого зарубежья, главным образом в страны Евросоюза. На данном этапе были получены неформальные интервью с представителями целевой группы, включавшей следующих официальных и частных лиц:

1. Представители государственной службы по делам семьи и молодежи Чертковской районной администрации. Имея личный опыт трудовой миграции, они были прекрасно осведомлены о проблемах транснациональных семей и поэтому проявили искренний интерес к нашему исследованию, с готовностью предоставили данные по интересующим нас вопросам и обеспечили контактами с семьями потенциальных респондентов для проведения социологических интервью.

2. Администрация чертковской средней школы, где обучается большое количество детей и подростков из транснациональных семей. Завуч школы предложила нашему вниманию список семей трудовых мигрантов, чьи дети обучаются в этой школе, предоставила информацию об условиях проживания в них и социальных проблемах, с которыми они сталкиваются, а также помогла организовать некоторые интервью.

3. Местные предприниматели и владельцы локальной торговой сети товаров широкого потребления г. Чертков, которые поделились своими наблюдениями за потребительским поведением и ценностными ориентациями молодежи из транснациональных семей.

4. *Разработка анкеты* для проведения опроса в транснациональных домохозяйствах с целью получения информации о разных этапах жизненного цикла семей трудовых мигрантов.

5. Проведение *интервью с членами семей*, в которых есть трудовые мигранты. На этом этапе были получены 7 интервью как с самими мигрантами, так и их родственниками. Они были проведены в трех городах: Киев, Львов и Чертков Тернопольской области. Первые интервью были получены на основании контактов, выявленных в ходе включенного наблюдения, а последующие приобретались методом «снежного кома», т.е. новые респонденты предоставляли контакты для последующих интервью. Они были записаны с помощью программного обеспечения формата DVF и затем транскрибированы. Подлинные имена респондентов были изменены с целью обеспечения конфиденциальности полученной информации

6. *Обработка, анализ и интерпретация информации, полученной в ходе полевого исследования. Обсуждение результатов полевого исследования*

Наше полевое исследование подтвердило, что побочным эффектом отсутствия женщин в транснациональных семьях Западной Украины является «изменение гендерного сознания детей женщин-мигранток» [9]. Этот феномен свидетельствует о том, что в результате отсутствия родителей дети мигрантов по сути нередко являются социальными сиротами, лишены возможности наблюдать полноценные семейные отношения и распределение гендерных ролей в семье. Поэтому у них нет возможности научиться таким жизненно важным навыкам, как самоорганизация, личная ответственность, эмоциональная зрелость и т.д. Иными словами, миграция воспитывает поколение молодых украинцев, которые не желают работать, а предпочитают жить за счет денежных переводов от родителей, которые они тратят в лучшем случае на собственные прихоти, а в худшем – на вредные привычки [10]. Они не видят, как тяжело работают их матери и отцы за рубежом, чтобы обеспечить полноценную жизнь своих детей. Вместо этого они видят лишь деньги, поступающие из-за рубежа. Поэтому они зачастую воспринимают своих родителей главным образом как источник доходов и «персональные банкоматы» [8], обеспечивающие их денежными купюрами. Они ассоциируют трудоустройство за рубежом с легкими деньгами и *dolce vita* (итал. «сладкая жизнь»), и поэтому растут с убеждением, что зарабатывать деньги стоит только за границей. Так как такие дети финансово более обеспечены, чем дети из немигрантских семей, они воспринимаются последними как убедительное подтверждение жизненных убеждений первых. Поэтому неудивительно, что социологический опрос, проведенный в средних школах г. Киева среди учащихся из семей мигрантов, показал, что 86% из них не видят своего будущего в Украине. При этом 65% выпускников школ хотели попасть за границу любой ценой и как можно скорее [10]. Это означает, что дети из транснациональных семей представляют собой не только «потерянное поколение» для украинского общества, но и когорту будущих новых мигрантов, от которых вряд ли стоит ожидать существенного вклада в отечественную экономику. Что же касается влияния отсутствия родителей на детей, оставшихся дома, то наши информанты отмечали, что в первую очередь оно проявляется в ослаблении межпоколенных связей в транснациональных семьях. В первое время после отъезда родителей на работу за рубеж дети и подростки обычно очень скучают по ним. Но со временем они привыкают к новой ситуации и другим людям, чаще всего к своим опекунам, которые становятся для них «другими мамами» [11]:

Респондентка: *Когда моя дочь уехала за границу, ее сын переселился к нам. Тогда он учился в 8-м классе и жил у нас. После школы он приходил к нам, а не к себе домой. Он привык к нам. Вскоре он уже не скучал по маме так сильно, как вначале (Марта, работающая пенсионерка, мать овдовевшей дочери-мигрантки, 18 мая 2010 г., г. Львов).*

В некоторых случаях дети устанавливают эмоциональную связь с другими близкими им людьми:

Респондентка: *Моя девочка была во 2-м классе, когда ее родители выехали за границу. После их отъезда она часто плакала. Я спрашивала ее, почему она плачет, но она не отвечала. Сейчас я понимаю, что она плакала, потому что скучала по маме. Но это было тогда, когда она была еще совсем маленькая. Сейчас, я думаю, она уже не скучает по маме. Теперь у нее есть парень и она все время с ним, она уже привыкла к нему (Нина, работающая пенсионерка, мать двоих взрослых женатых детей, которые работают в Италии, 29 апреля 2010 года, г. Чертков Тернопольской области).*

Другие респонденты отмечали, что дети постепенно отдалялись от своих родителей и, в конце концов, стали воспринимать их как чужих людей. Так случилось с внучкой нашей респондентки по имени Анна. Ее сын, отец девочки, работает на строительстве в Португалии, куда он переехал из Чехии. Невестка работает домработницей в Италии, а Анна воспитывается их дочь. Живя в разных странах, муж и жена не смогли сохранить брак, и семья вскоре распалась: женщина развелась со своим мужем и снова вышла замуж. Сначала она регулярно присылала деньги Анне, чтобы та могла позаботиться о ее дочери, но когда в ее новой семье родился ребенок, денежные переводы прекратились. Вначале, когда родители девочки уехали за границу, она сильно по ним скучала, но со временем стала их забывать и в конце концов совсем утратила к ним интерес:

Респондентка: *Сначала она очень сильно хотела, чтобы мама и папа были рядом с ней, но спустя какое-то время я увидела, что она больше в них не нуждается так, как раньше. Когда мой сын приехал домой в отпуск, он уже был для нее чужим. Рядом с ним она вела себя неуверенно, не знала, что ему сказать и как себя вести в его присутствии (Анна, работающая пенсионерка, мать разведенного сына-мигранта, 29 апреля 2010 г., г. Чертков Тернопольской области).*

В то же время отношения между несовершеннолетними и их опекунами также не всегда складываются гладко, несмотря на установившуюся между ними эмоциональную привязанность и даже то, что последние часто относятся к этим детям как к своим родным. Как прокомментировал нам один из наших информантов, дети часто бунтуют против своих опекунов, если те отказываются тратить денежные переводы из-за границы на покупку вещей, которые требуют дети. Они обосновывают это тем, что родители деньги присылают для них, и поэтому они сами должны решать, на что их тратить. Подобные столкновения иногда даже перерастают в судебные процессы между детьми мигрантов и их опекунами. Один из таких случаев был продемонстрирован на украинском национальном телеканале «1+1» в 2007 г. Это подтверждает выводы наших предыдущих исследований [8; 12], показавших, что финансовые и материальные выгоды миграции не могут компенсировать разрыв или ухудшение родственных связей между членами транснациональной семьи. Дети мигрантов усваивают материалистическое мировоззрение и начинают воспринимать своих родителей и опекунов в первую очередь как источник финансовых поступлений, а не родственных взаимоотношений. Иными словами, семейные ценности у них подменяются потребительскими интересами, что отнюдь не способствует сохранению целостности семьи.

Кроме того, общаясь с владельцами местных сетей розничной торговли в ходе включенного наблюдения, мы узнали, что молодежь транснациональных семей часто оказывается вовлеченной в подростковую и юношескую преступность. Это подтверждается статистическими данными Министерства внутренних дел Украины, демонстрирующими, что каждый десятый несовершеннолетний преступник в Украине воспитывался в транснациональной семье [13]. Такие подростки, зачастую весьма неплохо обеспеченные, часто ради развлечения совершают мелкие кражи из торговых автоматов, в супермаркетах и магазинах розничной торговли. С психологической точки зрения это явление можно объяснить попытками молодых людей привлечь к себе внимание, которого им не хватает из-за отсутствия родителей, и выразить свое недовольство семейной ситуацией, в которой они оказались по вине взрослых. К тому же это свидетельствует о том, что члены семьи, исполняющие функции опеки детей трудовых мигрантов, не всегда справляются со своими обязанностями. Это в свою очередь говорит о том, что родственные отношения между членами транснациональных семей становятся более формальными, а родственная близость между ними ослабевает.

Выводы

В данной статье на основании проведенного полевого исследования мы пытались показать, что мобильность трудовой силы оказывает существенное влияние на ментальность и семейные ценности детей и молодежи в транснациональных семьях, поощряя меркантильные и потребительские интересы в личных отношениях и ведя к ослаблению родственных связей и семейной целостности. Наше исследование показало, что влияние денежных переводов трудовых мигрантов на социальную стабильность украинской семьи не всегда является позитивным. Очень часто дети и подростки в транснациональных семьях становятся крайне материалистичными и начинают воспринимать своих родителей, работающих за границей, только как источник денег, а не родных им людей, т.е. потребительские интересы у них начинают доминировать над семейными ценностями. Эти факторы оказывают влияние и на выбор модели жизненного пути молодежи из транснациональных семей: значительная часть молодых людей, чьи родители работают за границей, не видят своего будущего на родине и намерены следовать примеру старшего поколения, зарабатывая на жизнь за пределами Украины.

Список литературы

1. Hondagneu-Sotelo, Pierette, and Ernestine Avila. «I'm Here, but I'm There»: the Meaning of Latina Transnational Motherhood // *Gender and Society*. 1997. Vol. 11. P. 548–571.
2. Tolstokorova A. 2010a. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // *The Anthropology of East Europe Review (AEER)*, «Gender in Postsocialist Eastern Europe and the Former Soviet Union», 2010. Vol. 28 (1). P. 184–214.
3. Gherghel, Ana, and Josiane Le Gall. 2005. Transnational Practices of Care. The Azorean Migration in Quebec (Canada) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2009/10/Gheghel-paper.pdf>.
4. Chaloff J. Immigrant Women in Italy. Paper for the OECD and European Commission Seminar «Migrant Women and the Labor Market: Diversity and Challenges». Brussels, 2005. September 26–27.
5. Glick Schiller, Nina, with Linda Basch, and Cristina Blanc-Szanton, eds. *Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. N.Y., 1992.
6. Piperno, Flavia. 2007. Welfare for Whom? The Impact of Care Drain in Romania and Ukraine and the Rise of Transnational Welfare. CeSPI. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cespi.it/Curricula/PDF/piperno-welfare.pdf>.
7. Kindler, Marta. Risk and Risk Strategies in Migration: Ukrainian Domestic Workers in Poland // Lutz, Helma (ed). *Migration and Domestic Work*. Ashgate, 2008. P. 145–159.
8. Tolstokorova A. 2009. Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // *Les cahiers de l'URMIS (University of Nice-Sophia Antipolis, France). Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe*, [Электронный ресурс]. URL: <http://urmis.revues.org/index868.html>.
9. Черницька Т. 2007. Жіноча міграція: зміна гендерних ролей // Фонд суспільної безпеки. [Электронный ресурс]. URL: <http://fsb.net.ua/articles.php?lng=ua&pg=11>.
10. Кирчів А. 2004. Трудова міграція і національна безпека України // Журн. «І». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ji-magazine.lviv.ua/kordon/migration/2004/kyrchiv07-10.htm>.
11. Schmalzbauer, Leah. Searching for Wages and Mothering from Afar: The Case of Honduran Transnational Families // *J. of Marriage and Family*. 2004. № 66(5). P. 1317–1331.
12. Tolstokorova A. 2010a. Bitter Berries of Better Life: Socio-Demographic Costs of Labour Migration for the Ukrainian society // *ENQUIRE Online J. Stories of Migration: Research, Theories and Everyday Lives*. 5th Edition. Samuel Okyere, Roda Madziva, Joe Greener and Sue Brown (eds.) School of Sociology & Social Policy, University of Nottingham, UK, 2010. P. 68–94.
13. ProUA News. 2010. Рада ухвалила законопроект Фельдмана про подолання соціального сирітства, 12 травня 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://ua.proua.com/news/2010/05/12/170008.html>.

ВЛИЯНИЕ МЕЖПОКОЛЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЕЖИ СОЗДАНИЯ СВОЕЙ СЕМЬИ

В статье автор представляет эмпирические данные проведенного исследования в г. Тольятти, содержащие оценку молодежи о ценностях семейной жизни. Главный аспект ценностных ориентаций молодого поколения – коммуникация между подростками и родителями. Рассмотрены половозрастные особенности, трудовая занятость, характерные качества индивида, влияющие на желание молодежи создать собственную семью.

Ключевые слова: ценности, молодежь, поколения, семья, коммуникация, родители.

The author presents empirical evidence of the study in Togliatti, an assessment of the youth about the values of family life. The main aspect of the value orientations of young people – communication between youth and parents. Examined gender and age characteristics, employment, quality of the individual characteristics that affect the desire of youth to create their own family.

Key words: values, youth, generation, family, communication, parents.

Весьма остро сейчас стоит вопрос о подготовке молодежи к семейной жизни. Прежде с этой задачей успешно справлялась родительская семья. Родители являются примером для подражания, воплощением лучших личностных качеств, моделью взаимоотношений и взаимодействия с другими людьми. Родители обладают источником знаний, жизненным опытом.

При анализе суждений о ценностях россиян в исследовании, проведенном «Левада-центром» в 2008 г., установлено, что «крепкая семья» стоит на первом месте. Последующие критерии «безопасность», «материальная независимость», «надежные друзья», которые как мы считаем взаимодополняют создание крепкой семьи [1, 32].

В исследовании, проведенном в г. Тольятти в 2009 г., была поставлена задача изучить, какие аспекты семейной жизни представляют для молодежи особую ценность.

Методом анкетирования было опрошено 523 человека. В выборке представлены две возрастные категории: 16–17-летние подростки (51,1%), и респонденты в возрасте 20–21 года (48,8%). Ошибка выборки составляет 5%. Это позволяет распространить данные исследования на старшеклассников города 16–17 лет и студенческую молодежь в возрасте 20–21 года. Данное распределение респондентов по возрастным группам дает возможность проанализировать изменение ценностных ориентаций межпоколенного взаимодействия при переходе из подросткового возраста во взрослую жизнь.

Опрос проводился по местам обучения респондентов в школах и вузах г. Тольятти Самарской области, поэтому выборка была гнездовой, анкетирование проводилось в классах средних школ и студенческих группах. Среди респондентов – учащиеся 9–11 классов шести средних общеобразовательных школ (57%) и студенты 3-го–4-го курсов двух вузов г. Тольятти (43%).

Рассматривая аспекты семейной жизни, ценные для молодого поколения, мы получили следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

Мнения респондентов о различных аспектах семейной жизни в зависимости от их возраста, %

Что вы особенно цените в семейной жизни?	По массиву	Моложе 18 лет	Старше 18 лет
Понимание со стороны родных и близких	76,3(1)	74,9	77,7
Интересное общение	51,8(3)	55,8	47,7
Чувство защищенности, психологическую поддержку	60,0(2)	54,3	66,0
Праздники в кругу семьи	44,2(4)	44,2	44,1
Участие в повседневных делах и заботах семьи	37,5(5)	34,2	41,0
Возможность проявлять заботу о членах семьи	36,7(6)	33,3	40,2
Организованный быт	35,6(7)	28,8	42,6
Безвозмездную материальную помощь	20,3(9)	23,2	17,2
Полноценный отдых	22,8(8)	22,8	22,7
Возможность проявить свою индивидуальность	17,8(10)	20,6	14,8

В скобках указан рейтинг.

На первую позицию выходят коммуникативные характеристики: понимание со стороны родных и близких (1) и чувство защищенности (2), отмеченное тремя четвертями опрошенных, психологическая поддержка со стороны близких (60%). Уверенность в том, что в любой момент каждый член семьи найдет поддержку, понимание, сочувствие – основа духовной связи.

Половина юношей и девушек отметили, что особенно ценят интересное общение (3) между членами семьи. Респонденты, которым важна данная характеристика в семейных взаимоотношениях, чаще, чем другие,

оценивают общение с родителями как интересное. Такая группа выделяется среди юношей и девушек моложе 18 лет.

Чуть менее половины опрошенных респондентов отмечают важность варианта ответа «праздники в кругу семьи» (4), что указывает на проявление сплоченности между членами семьи. Данную особенность семьи одинаково ценят респонденты всех возрастов.

Приблизительно треть респондентов считают немаловажными такие семейные качества, как участие в повседневных делах и заботах семьи (5), возможность проявлять заботу о членах семьи (6), организованный быт (7). Причем по мере увеличения возраста респондентов эти характеристики ценностей являются более значимыми, чем для молодежи в возрасте до 18 лет.

Анализ результатов показал, что для пятой части опрошенных юношей и девушек всех возрастов существенным в семейной жизни являются полноценный отдых (8) и безвозмездная материальная помощь (9), особенно для респондентов до 18 лет. Данная категория молодых респондентов, возможно, не в полной мере оценивает роль ответственности и проявление сознательности в обеспечении собственной семьи и рассчитывает на помощь родителей, принимает как должное, но характеризуется обществом как безразличное.

17,8% респондентов не представляют семейной жизни без возможности проявить свою индивидуальность. На это чаще ссылаются молодые люди моложе 18 лет.

Результаты исследования показали некоторую зависимость составляющих характеристик семейной жизни от пола респондентов. Девушки на 26% чаще, чем юноши, ценят в семье чувство защищенности, они также примерно на 10% чаще выделяют «понимание со стороны родных и близких» и «интересное общение».

Таким образом, базовыми ценностями семьи для опрошенной молодежи являются понимание, интересное общение и чувство защищенности.

Оценивая семейную жизнь, молодежь опирается на те традиции, установки, нормы поведения, моральные ценности, в которых они были воспитаны. Вероятно, в дальнейшем данные ценности станут базой для создания ими собственной семьи в будущем.

В анкете был поставлен вопрос о желании представителей подрастающего поколения создать семью в ближайшие годы. Результаты показали, что 39,5% респондентов желают создать свою семью, больше половины опрошенной молодежи (52,7%) не имеют намерений заключить брак в ближайшее время. Почти десятая часть респондентов не смогла определиться с вариантом ответа на данный вопрос. Результаты нашего исследования сходны с данными, полученными социологами в других регионах России (табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов из других регионов России

Хотели бы вы в ближайшие годы создать семью?	%
Да	24,4
Скорее, да	15,1
Скорее, нет	25,0
Нет	27,7
Затрудняюсь ответить	7,9

К примеру, в исследовании рязанской молодежи на вопрос «Планируете ли вы в ближайшее будущее создать семью?» – 32% респондентов ответили положительно против 54% опрошенных [2].

Создание семьи зависит от половозрастных данных, по мнению опрошенных молодых тольяттинцев. Табл. 3 демонстрирует, что общее число девушек, которые намереваются обзавестись семьей на 8,8% больше, чем юношей. Больше половины юношей и девушек не собираются создавать семью в ближайшее время.

Готовность к созданию семьи определяет уровень нравственного сознания молодого поколения, которое формируется в родительской семье в процессе воспитания. Роль родителей в активной общественной жизни оказывает влияние на идейные ценности и убеждения подростков, которые в дальнейшем реализуются в их семейной жизни (табл. 3).

Таблица 3

Мнение респондентов о создании семьи в ближайшие годы в зависимости от половозрастных данных, %

Ответы	Данные по полу		Данные по возрасту	
	Юноши	Девушки	Моложе 18 лет	Старше 18 лет
Да	20,6	27,1	10,2	39,1
Скорее, да	13,8	16,1	10,2	20,2
Скорее, нет	24,8	25,1	29,9	19,8
Нет	30,3	25,8	41,7	13
Затрудняюсь ответить	10,6	6,0	8	7,9

В возрастной группе моложе 18 лет 71,6% респондентов не планируют в ближайшее время создавать семью. Среди молодежи старше 18 лет положительно отвечают на вопрос 59,3% респондентов.

Исследование, проведенное Институтом социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации (март–апрель 2007 г.), показало, что «семейные ценности, такие как создание прочной, счастливой семьи, воспитание детей, занимают лидирующие позиции в структуре ценностных ориентаций молодых россиян, наряду с такой ценностью, как создание материального достатка». Однако при создании семьи молодежь опирается на следующие условия: взаимная любовь, наличие отдельного жилья и приемлемого уровня доходов, позволяющих молодым семьям жить независимо от родителей [3].

В ходе анализа результатов исследования было выявлено влияние занятости представителей молодежи на их желание создать семью. Работающие юноши и девушки примерно в два раза чаще, чем неработающие выражают намерение создать собственную семью (табл. 4).

Таблица 4

Влияние трудовой занятости молодежи на желание создать семью, %

Ответы	Работающие	Неработающие
Да	37,4	20,7
Скорее, да	18,3	14,0
Скорее, нет	20,9	26,2
Нет	18,3	30,4
Затрудняюсь ответить	5,2	8,7

Намерение создать семью находится в обратной зависимости от продолжительности общения с родителями. Юноши и девушки, которые общаются с родителями менее часа в день, чаще выражают желание создать собственную семью, чем подростки, которые общаются с родителями более продолжительное время. Подобная зависимость прослеживается в зависимости от оценки отношений в семье. Подростки из дружных семей реже задумываются над перспективами создания собственной ячейки общества, чем их сверстники из менее благополучных семей.

Определяя отношение представителей молодого поколения к семейным ценностям, необходимо выяснить, какими качествами характеризуют тольяттинские респонденты будущих спутников жизни.

Совместная жизнь молодых людей предполагает понимание ролей в совместной деятельности, готовность к кооперации и сотрудничеству, выполнение обязательств. Чтобы сотрудничество было эффективным и рациональным, необходимо учитывать способности к общению и взаимодействию и кооперации, куда входят и понимание другого, и коммуникативные навыки, и выбор стиля поведения, и контроль над поведением. Подчеркивая важность исследования проблем молодых семей, многие социологи (М.С. Мацковский, А.Г. Харчев, В.А. Сысенко, И.Ф. Деметьева и др.) указывают на адаптацию друг к другу, формирование семейных норм, овладению ролевым поведением.

Несмотря на сложившиеся трудности, юноши и девушки делают попытки создания семьи, которые порой являются гражданским браком, предполагая, что так можно проверить чувства друг друга, совместимость, привязанность, умение совместно решать появляющиеся проблемы различного характера. Основным момент при взаимодействии молодой семейной пары – умение находить подход друг к другу, то есть формировать внутрисемейную коммуникацию, которая решает следующие задачи: установление правил взаимодействия между супругами; определение границ семьи. В правила взаимодействия между супругами входят установление приемлемой для обоих членов пары дистанции в общении, или степени эмоциональной близости; выработку способов решения конфликтов (табл. 5).

Таблица 5

Мнение респондентов о будущем спутнике жизни, %

Какими качествами должен обладать ваш будущий спутник жизни?	По массиву	Юноши	Девушки
Способным любить	78,6(1)	77,8	79,1
Быть преданным, надежным	71,6(2)	70,1	72,8
Обладать чувством юмора	47,5(3)	54,8	42,2
Быть самостоятельным	42,2(4)	26,2	54
Быть материально обеспеченным	38,7(5)	16,8	54,6
Быть физически привлекательным	36,1(6)	57,5	20,5
Желание иметь детей	33,5(7)	36,7	31,1
Обладать эрудиций	27,9(8)	30,3	26,2
Иметь высшее образование	25,0(9)	27,6	23,2
Быть работающим	20,5(10)	13,1	25,8
Иметь собственное жилье	19,5(11)	10	26,5
Работать по престижной специальности	9,4(12)	4,5	12,9

Какими качествами должен обладать ваш будущий спутник жизни?	По массиву	Юноши	Девушки
Иметь престижные связи, знакомства	6,5(13)	6,3	6,6
Жить за границей	4,0(14)	5,9	2,6

В скобках указан рейтинг.

Наиболее значимой характеристикой будущих спутников жизни является способность любить. Второе место в рейтинге занимают преданность и надежность.

На третьем месте и с отрывом почти на треть от первой позиции находится чувство юмора, причем для юношей данное качество более значимо. Чувство юмора – это не только умение человека шутить, но и эмоционально откликаться, а значит, понимать друг друга. Респонденты в возрасте 16–17 лет на 13% чаще отмечают этот вариант ответа, чем 20–21-летние. В неполных семьях участники опроса на 8% чаще отмечают данное качество будущего своего спутника.

В рейтинге молодых тольяттинцев на четвертом месте находится самостоятельность будущего спутника по жизни, которое в 2 раза чаще отмечают девушки.

На пятом месте, по опросам молодежи, находится материальная обеспеченность предпочитаемого будущего супруга или супруги. Девушек в 3 раза чаще, чем юношей, волнует финансовая сторона будущего спутника жизни. И каждая вторая девушка мечтает выйти замуж за обеспеченного молодого человека. Старшекурсники на 13% чаще отмечают данную характеристику будущего избранника.

В рейтинге молодежи шестое место в таблице характеристик будущего спутника жизни занимает «физическая привлекательность». Особое значение придается этому качеству юноши, почти в 2,5 раза превышая ответы девушек. На 15% чаще отмечают данную черту школьники 16–17 лет. Интересен тот факт, что для респондентов из неполных семей оказываются важнее внешние данные будущего избранника, чем для участников опроса из полных семей.

«Желание иметь детей» находится на седьмой позиции, что характеризует ценностные предпочтения молодежи в условиях социально-экономического кризиса в стране. Студенты, реально оценивающие возможность создать семью в ближайшем будущем, на 10% чаще, чем школьники, указывают на важность желания у будущего спутника жизни иметь детей.

В рейтинге опрошенных молодых тольяттинцев восьмое место занимает эрудиция. Юноши чаще оценивают современных девушек, чем девушки юношей, по знаниям, уму и способностям.

Девятое место в рейтинге опрошенных респондентов занимает наличие высшего образования у будущего спутника жизни. На десятом месте находится качество «быть работящим». Девушки в 2 раза чаще отмечают данное качество будущего избранника. В рейтинге респондентов одиннадцатое место получило желание наличия собственного жилья. Девушки в 2,5 раза чаще, чем юноши, указывали значимость этого фактора.

Двенадцатое место в рейтинге участников опроса заняла характеристика «работать по престижной специальности». Для девушек в 3 раза чаще, чем для юношей, важен этот статус.

На последнем месте находится вариант ответа «жить за границей». Юноши чаще приветствуют будущую избранницу из-за границы. Согласно полученным результатам, респонденты в неполных семьях чаще отмечают возможность переехать за границу в связи с вступлением в брак.

При выборе своего будущего спутника жизни девушки чаще отмечают деловые качества юношей: материальную обеспеченность, наличие своего жилья, престижность работы, самостоятельность и трудолюбие. Для юношей предпочтительнее духовные качества и внешние данные будущей спутницы жизни: образованность, эрудированность, чувство юмора, привлекательность. Однако и девушки и юноши практически одинаково ценят любовь, преданность и надежность, желание иметь детей, что является основными качествами при создании семьи.

Таким образом, согласно анализу данных, наиболее предпочитаемыми характеристики будущего спутника жизни являются духовные качества личности. Финансовая сторона не является особо значимой характеристикой при выборе избранника для семейной жизни, чем самостоятельность и наличие чувства юмора. «Желание иметь детей» – не доминирующая позиция в перечне предпочтительных качеств брачного партнера, но оно оказалось важнее таких качеств, как эрудированность, образованность, работоспособность, наличие собственного жилья, престиж, желание переехать за границу.

Прослеживаются различия между мнениями молодежи относительно качеств будущего спутника жизни в зависимости от намерения создать семью в ближайшей перспективе. Молодежь, заинтересованная в создании семьи, чаще выделяет следующие качества: желание иметь детей, самостоятельность, трудолюбие. Юноши и девушки, которые не планируют создание семьи, чаще выделяют внешнюю привлекательность.

Однако выявленная тенденция не случайна, она стабильно проявляется среди современной молодежи в период последнего десятилетия. Примером тому является исследование ФОМ 1998 г.: половина россиян довольна своими семьями (51%), а две трети респондентов недовольны материальным положением (63%) [4].

Для создания семьи необходимы любовь и преданность двух людей. Девушки считают, что будущий избранник должен быть обеспечен материально, самостоятельно решать финансовые вопросы будущей семьи. Будущая хранительница очага, по мнению юношей, должна быть красивой и умной. Таким образом, ролевые функции будущих создателей семьи сохраняются, что говорит о традиционных ценностях при зарождении

семейных взаимоотношений. Гипотеза о том, что при выборе будущего спутника или спутницы семейные ценности не утратили свою значимость, подтвердилась.

Согласно полученным данным, в период социально-экономических изменений семья является важной ценностью в жизненных ориентациях подрастающего поколения. Для его представителей значимо взаимопонимание, интересное общение и психологическая поддержка, что создает чувство защищенности в семье.

Результаты исследования показывают, что среди семейных ценностей на первый план выходят коммуникативные потребности: понимание со стороны родных и близких, интересное общение, чувство защищенности, психологическая поддержка, праздники в кругу семьи. Среди качеств будущего спутника жизни выделяют: способность любить, быть преданным, надежным, обладать чувством юмора. Согласно данным, представленным GfK Roper Report Worldwide, люди разных стран (30 стран на 5-ти континентах) отмечают в качестве основополагающих ценностей «защищенность семьи», «стабильные личные отношения», «уверенность в себе, дружбу» [5].

Общение с родителями оказывает существенное влияние на планы создания собственной семьи. Парадоксальность ситуации в том, что хорошие, стабильные, доверительные отношения молодежи с родителями выступают в известной степени фактором, сдерживающим желание создать собственные семьи. И наоборот, конфликты с родителями стимулируют у молодежи желание жить самостоятельно и создавать свою семью. Для современных подростков важны любовь и надежность в качестве базиса будущей семьи, что отвечает потребности взаимопонимания между родными и близкими, чувству защищенности и психологической поддержки в кругу семьи. Таким образом, коммуникация с родителями является важным фактором, оказывающим влияние на перспективы создания семьи представителями подрастающего поколения.

Список литературы

1. *Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж.* Молодая семья Оренбуржья: проблемы и перспективы. Оренбург, 2009. 104 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/>.
2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html.
3. [Электронный ресурс]. URL: <http://kdm.myl.ru/OJMS/socmol.html>.
4. [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/of19981003.
5. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dv-reclama.ru/?m_id=756.

Л.А. Грицай

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Россия

РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье изучается значение родительских установок в системе жизненных ориентаций молодых россиян. В результате анализа научных источников и авторского исследования выявляются основные мотивы потребности в детях, источники информации о родительстве, а также препятствия к рождению детей, значимые для современной молодежи.

Ключевые слова: кризис родительства, социокультурные причины падения рождаемости, родительские установки, потребность в детях.

In article value of parental installations in system of vital orientations of young Russians is studied. As a result of the analysis of scientific sources and author's research the basic motives of requirement for children, information sources about parenting, and also obstacles by a birth of children, significant for modern youth come to light.

Key words: the crisis of parenting, social and cultural causes of demographic decrease, parental installations, requirement for children.

Введение

В последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи. В современной России семья переживает острый кризис, проявляющийся, в первую очередь, в сфере детско-родительских отношений. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства.

Как отмечает Н.В. Богачева, «самоутверждение и автономность как наиболее важные принципы современной жизни ведут к разрушению традиционных устоев семьи, <...> в связи с чем существенно меняются социальные роли матери и отца, супружество становится основной линией внутрисемейных отношений, тогда как родительство – второстепенной» [1, 3].

Серьезно затронули эти изменения и Россию и, в конечном итоге, привели к малодетности наших семей. Так, согласно исследованиям отечественных социологов, малодетность сегодня становится жизненной нормой. Половина российских семей воспитывает только одного ребенка, и многие родители не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность средств, времени и сил [2].

Наряду с этим психологи и педагоги с тревогой говорят об ослаблении в последние годы родительского внимания к детям, которое называют «дефицитом родительской любви» (И.В. Бестужев-Лада, О.Г. Исупова, И.Н. Мошкова). Сложившаяся ситуация усугубляется низким уровнем педагогической культуры многих ро-

дителей, их неумением, а подчас и нежеланием серьезно и вдумчиво заниматься воспитанием собственных детей.

Именно этот дефицит любви и отсутствие знаний о воспитании и развитии ребенка приводят к таким печальным явлениям современной действительности, как падение уровня физического и психического здоровья детей, понижение их интеллектуального потенциала и духовно-нравственных ценностей, усложнение процесса адаптации в обществе.

Изучая основные причины данных явлений, уместно говорить не только о кризисе семьи, но и о *кризисе традиционного родительства*, проявляющемся в современном мире.

Сложившаяся ситуация требует внимательного изучения феномена родительства, а также родительских ориентаций наших молодых соотечественников, вступающих в репродуктивный возраст.

Исходя из этого, мы определили следующие задачи данного исследования:

– эмпирическим путем выявить ценностную шкалу мотивов потребности в детях, источники информации о родительстве, а также основные препятствия к рождению детей, значимые для современной молодежи в возрасте от 22 до 30 лет.

– сопоставить полученные данные с результатами аналогичных исследований, посвященных определению родительских установок молодых россиян, сделать выводы.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой исследования послужили философские положения о деятельностном подходе к анализу личности, позволяющие изучить ее репродуктивные потребности и мотивы.

В работе были использованы теоретические методы общенаучного исследования: сравнительно-исторический анализ научных источников и литературы по данному вопросу, изучение и анализ социально-культурного опыта, метод анализа и синтеза, а также эмпирические методы исследования: беседа и анкетирование.

Экспериментальное исследование проводилось в августе 2010 г. среди молодых людей в возрасте от 22 до 30 лет как состоящих в браке и имеющих детей, так и только готовящихся обрести супруга (супругу) и стать родителем. Причем при выборе респондентов нами учитывался уровень их интеллектуальной подготовки: так 97% молодых людей имеют законченное высшее образование, примерно две трети из них продолжают свое обучение в аспирантуре, а несколько человек уже являются кандидатами наук. Данный выбор участников опроса был обусловлен стремлением определить родительские ориентации той части молодежи, которая в будущем может стать своеобразной «интеллектуальной элитой» нашей страны.

Всего в исследовании участвовало 70 человек, из них 42,8% – молодых людей, еще не состоящих в браке (резко бросается в глаза преобладание в этой группе незамужних женщин), 18,5% составили молодые супруги, еще не обретшие детей, и 31,4% опрошенных – это родители, воспитывающие одного или двух детей. При этом некоторые (7,1%) отвечали, что состоят в «гражданском» браке, в разводе или самостоятельно (без супруга) воспитывают ребенка. Распределение опрошенных по полу выявило преобладание лиц женского пола (85%).

Всем молодым людям предлагалось ответить на вопросы анкеты, а также прокомментировать свой выбор в ходе беседы. Опрос проходил как в очной форме, так и в заочной с привлечением электронных ресурсов Интернета (в социальной сети «ВКонтакте» в группах «Аспиранты» (vkontakte.ru/topic-503_23389350), «Аспиранты, объединяйтесь» (vkontakte.ru/topic-1590147_23176581), «Молодые ученые» (vkontakte.ru/topic-3346_23206334), «АспирантурА» (vkontakte.ru/club510494) были размещены объявления с просьбой ответить на вопросы анкеты и прокомментировать их).

Анкета состояла из 5-ти блоков. В 1-й блок входили вопросы, призванные выявить зависимость количества детей в родительской семье респондента от желаемого им количества детей в собственной настоящей или будущей семье. Во 2-м блоке выявлялись мотивы желания иметь детей, которые были разделены на внутренние психологические мотивы (эмоционального притяжения ребенка как объекта любви и заботы; альтруистической потребности дарения себя другому человеку; определения детей в качестве важнейшей смысложизненной ориентации личности; а также образовательные мотивы развития личности родителей благодаря воспитанию ребенка) и на внешние социальные мотивы (сохранения и укрепления семьи; исполнения определенной социальной нормы детности; экономические мотивы). В 3-м блоке определялись основные препятствия к рождению детей в молодых семьях и их значение для настоящих и будущих родителей: внешние препятствия (экономические; социальные, а также индивидуально-социальные: дети как помеха карьерному росту родителей, особенно матери) и внутренние (страх потери личного досуга в связи с рождением ребенка, а также страх беременности и родов, необходимости постоянной ответственности за судьбы своих детей, образовательные препятствия, связанные с отсутствием опыта и знаний о воспитании ребенка). 4-й блок выявлял основные источники информации о родительстве, значимые для респондентов: опыт взаимоотношений в родительской семье; собственный опыт родительства; рассказы о воспитании детей родственников, друзей и знакомых; мнение о родительстве авторитетных людей; СМИ; специальная литература; уроки в школе, лекции в вузе, посвященные вопросам семьи, брака и воспитания детей. И наконец, в последнем 5-м блоке, обращенном к тем, кто уже стал родителем, изучалось отношение молодых отцов и матерей к изменениям, произошедшим в их жизни, то есть определялось, насколько позитивно они оценивают свою жизнь с появлением в их семье ребенка.

Результаты

Была выявлена зависимость количества детей в родительской семье респондента от желаемого им числа детей в собственной семье. Так, в 27,1% случаев молодые люди отвечали, что хотят иметь то же количество детей, что и в родительской семье, при этом часть респондентов (58,5%) желали воспитывать на одного ребенка больше, чем в семье родителей, и только 14,2% опрошенных не хотели иметь детей вообще либо уменьшали их количество по сравнению с родительской семьей [1].

Объясняется данный факт отчасти тем, что родительские семьи опрашиваемых молодых людей также были по большей части либо двух-, либо трехдетными (45,7 и 12,8% соответственно).

Также удалось установить, что молодые люди, имеющие младшего брата или сестру, более склонны к рождению нескольких детей, чем респонденты, являющиеся единственными или же младшими детьми в родительской семье [2].

Только три человека (представительницы прекрасного пола) ответили, что не хотели бы вообще иметь детей. Причем одна из них замужем и воспитывает малолетнего ребенка (так как ее муж настаивал на его рождении), двое стремятся выйти замуж, но рассчитывают, что их брак будет, по возможности, бездетным.

Двое респондентов (незамужняя девушка и неженатый юноша) пока не решили, сколько детей они бы хотели воспитывать в своей семье, хотя о рождении детей они задумывались.

Среднеарифметическое желаемое число детей всех опрашиваемых составило 2,3.

При этом проведенное исследование не выявило значительной разницы между желаемым числом детей в группах одиноких родителей, незамужних/неженатых молодых людей, бездетных молодых супругов и родителей, воспитывающих детей, т.е. молодые родители, вынужденные заботиться о своем ребенке в одиночестве, сетуя на свое семейное положение, говорили о том, что хотели бы еще детей. Также о желании воспитывать несколько детей говорили 80% опрашиваемых мужчин.

Данные второго блока анкетирования представлены нами в таблице, которая составлена с учетом того, что респонденты называли несколько значимых для них мотивов желания иметь детей. При этом исследование не выявило существенной разницы между мотивами детности незамужних девушек, бездетных женщин и женщин, имеющих детей (например, мотив эмоционального притяжения ребенка указали 71,4% девушек, 70% бездетных замужних женщин и 75% женщин, имеющих детей), поэтому мы сочли важным в приведенной таблице рассмотреть гендерный аспект родительской мотивации молодых людей.

Мотивы желания иметь детей современных молодых людей, %

Мотивы потребности в детях	Женщины	Мужчины
Внутренние психологические:		
эмоционального притяжения ребенка как объекта любви и заботы;	76	70
альтруистической потребности дарения себя другому человеку;	45	30
определения детей в качестве важнейшей смыслообразующей ориентации личности;	45	40
образовательные мотивы развития личности родителей.	23,3	40
Внешние социальные мотивы:		
сохранения и укрепления семьи;	28,3	20
исполнения определенной социальной нормы детности;	36,6	70
экономические мотивы.	1,6	10

Из приведенной таблицы мы видим, что среди мотивов желания иметь детей, наиболее часто выделяемых респондентами, преобладают внутренние психологические мотивы. Причем у женщин они несколько выше, чем у мужчин, исключая только образовательный мотив познания себя и мира через воспитание ребенка. При этом у женщин по сравнению с мужчинами наблюдается небольшой перевес внешнего мотива укрепления семьи через детей, но у мужчин, напротив, явно заметен приоритет экономического мотива и мотива нормы детности.

Также нами была установлена зависимость между значимостью для респондентов (как для женщин, так и для мужчин) внутренних психологических мотивов и тем количеством детей, к которому стремились молодые люди по сравнению с их родительскими семьями. Так, в большинстве случаев такие респонденты хотели воспитывать трех и более детей.

По результатам опроса, было установлено, что экономические мотивы желания иметь детей (т.е. надежда на то, что дети станут материальной опорой родителей в старости) занимают самое низкое место среди других мотивов. Данное обстоятельство указывает на то, что в сознании наших современников прочно укрепилась позиция, согласно которой дети являются материальной обузой для родителей, то есть, говоря словами известного героя мультипликационного фильма, от ребенка родителям «никаких доходов – расходы одни». Более того, данная позиция укрепилась в современных СМИ, в большинстве из которых детство рассматривается как коммерческий проект (реклама подгузников, детского питания, одежды, игрушек, развивающих центров и частных учебных заведений и т. д.).

При этом именно экономические мотивы, согласно нашему опросу, занимают первое место в ряду препятствий в рождении детей (76% у женщин и 90% у мужчин).

По этому поводу интересна позиция В.Н. Архангельского, который полагает, что вопросы о помехах к рождению детей в соцопросы можно включать крайне осторожно, так как большинство участников подобных

опросов склонны объяснять свое простое нежелание иметь детей экономическими или социальными мотивами [3]. Таким образом, ученый поясняет, что для таких респондентов собственное материальное благополучие значит больше, чем рождение ребенка.

Однако, на наш взгляд, столь высокая позиция экономических препятствий в сознании молодых людей объясняется еще и современной социально-экономической нестабильностью. Ведь детство и юность всех опрошиваемых нами молодых людей пришлось на наиболее трудные 90-е гг., когда потеря заработка человеком могла привести его семью к катастрофе. Поэтому часть наших юных современников боятся иметь большую семью, так как считают, что больше двух-трех детей им не обеспечить.

Всего нами было предложено семь препятствий к рождению детей. Анализ наиболее значимых (то есть тех, которые респонденты ставили на 1-е, 2-е и 3-е места) показал следующее: социальные препятствия отметили 43,2% женщин и 50% мужчин; страх перед ответственностью за воспитание ребенка – 40,8% женщин и 30% мужчин; страх беременности и родов – 17,9% женщин и 10% мужчин; на то, что дети являются помехой карьерному росту родителей, указали 17,6% женщин и 10% мужчин; образовательные препятствия выделили 12,8% женщин и 0% мужчин; а страх потери личного досуга в связи с рождением ребенка – 6% женщин и 10% мужчин.

Планируя четвертый блок исследования, мы опирались на научное положение, согласно которому родительские установки молодых людей формируются под воздействием трех факторов: родительской семьи, собственного опыта и социального окружения [4, 6].

В ходе исследования удалось выяснить, что молодые люди из полных двух-, трехдетных родительских семей сами хотят иметь двух-, трех детей и называют родительскую семью в качестве приоритетного источника информации о родительстве. У части же молодых людей (14,3%), стремящихся к бездетности или малодетности, имелись отрицательные взгляды на деторождение, которые сформировались под влиянием родительской семьи.

Удалось установить, что для всех молодых людей, имеющих детей, особо значим собственный опыт родительства. А среди влияния социального окружения респонденты выделяли следующее: мнение авторитетных людей о воспитании детей (41,6% жен. и 40% муж.); СМИ и Интернет (26,6% жен. и 10% муж.); чтение специальной литературы (41,6% жен. и 20% муж.); уроки в школе, лекции в вузе, посвященные вопросам семьи, брака и воспитания детей (16,7% жен. и 40% муж.).

Пятый блок анкетирования, обращенный к молодым родителям, был призван установить, насколько изменилась их жизнь с рождением ребенка. К слову сказать, все опрошенные матери и отцы отмечают, что с рождением сына или дочери жизнь их существенно изменилась. Однако из 27 молодых родителей 20 человек (матери и отцы) оценивают эти изменения как положительные, а 7 человек (матери и отцы) отмечают, что им стало труднее. При этом 90% всех молодых родителей указывает на желание иметь 2–3 детей.

Сопоставление и обсуждение результатов

Полученные в ходе нашего исследования результаты в целом сопоставимы с данными аналогичных работ.

Так, по мнению известного социолога семьи А. Антонова, среднее желаемое число детей у молодых россиян составляет 2,48, что совсем не намного выше нашего результата. Однако ученый считает эти цифры недостаточными для демографического развития нашей страны. В частности, он отмечает, что в современной России наблюдается снижение уровня репродуктивных ожиданий молодежи в сравнении с соответствующими установками их родителей. Главную опасность сложившейся ситуации А. Антонов видит в «массовом распространении многоразводной и малодетной семьи в качестве социальной нормы и признании ее общесоциальной ответственностью» [5].

По мнению авторов исследования «Семья и дети в жизненных установках россиян», семейные ориентации 36% молодых людей до 30 лет не сопровождаются установкой на рождение детей [6, 61–73]. По данным опросов, проведенных Институтом демографических исследований, среди основных жизненных целей молодых респондентов от 14 до 30 лет деторождение следует после таких ценностей-целей, как хорошая семья, здоровье, хорошие друзья, жизненный успех. При этом в гендерном аспекте ориентация всей массы молодых людей на ценность детей (26,1% и 26,4% у юношей и девушек) почти одинакова [7]. Эту особенность равенства репродуктивных установок молодых женщин и мужчин подтверждает в своем исследовании и А.В. Узик. По его мнению, наиболее предпочтительной для современных юношей и девушек является однодетная семья (50,4%) [8, 62].

Подводя итоги этому краткому обзору, обратимся к работе В. Пантина, который, анализируя отношение к ценностям родительства у россиян, делает вывод о том, что у большинства наших молодых соотечественников есть потребность в принятии семьи, материнства и детства как главнейших ценностей [9, 9–14]. Однако в реальности эта потребность уходит на второй план не только из-за материальных трудностей, но и под влиянием определенных стереотипов общественного сознания, акцентирующих внимание на экономической, социальной и нравственной незащищенности семьи и детей перед угрозами современного мира.

Выводы

В результате проведенного исследования было установлено, что ориентации молодых людей на семью с несколькими детьми обуславливают два фактора: полная положительная родительская семья и психологическая личная склонность к воспитанию и общению с детьми. Таким образом, подтвердилось распространенное в науке положение об определяющем влиянии родительской семьи на формирование репродуктивных установок молодого человека.

Также исследование показало, что большинство респондентов стремятся к семье с несколькими детьми. Расхождение между желаемым и действительным числом детей связано не только с внешними социально-экономическими причинами, но и с неудачной для некоторых молодых людей реализацией себя в супружестве (разводы) либо отсутствием семьи (проведенный опрос выявил большое количество незамужних девушек старше 26 лет).

Опрос обнаружил у большинства респондентов преобладание психологических мотивов желания иметь детей над внешними мотивами. Это свидетельствует о том, что наши молодые современники рассматривают рождение ребенка как реализацию своего личного жизненного выбора, не связанного с какой-либо внешней социально-экономической необходимостью, что, собственно говоря, характерно для семьи городского типа, для которой ребенок становится не помощником и опорой родителей в старости, а объектом реализации родительских чувств и жизненных целей. При таком устройстве семьи существует выраженная опасность малодетности, так как родители определяют количество детей и качество их воспитания исходя из собственных личных целей и представлений о семейном устройстве.

В гендерном отношении не было выявлено существенных различий между родительскими установками молодых женщин и мужчин. Встречающиеся колебания в полученных результатах в целом объяснимы психологическими особенностями «мужского» и «женского» восприятия человеком своей родительской роли.

Исследование показало, что наиболее значимыми препятствиями к рождению детей в современных семьях молодые люди считают экономико-социальные факторы (жилищные проблемы, необходимость материального обеспечения ребенка, отсутствие развитой социальной инфраструктуры и т.д.). Однако нами было выявлено высокое значение таких препятствий как страх перед ответственностью за воспитание ребенка, страх беременности и родов, опасения снижения профессионального роста родителей в связи с рождением ребенка, недостаток знаний и опыта о воспитании и развитии ребенка, а также нежелание родителей терять из-за детей значительную часть своего личного досуга.

Выявленные факторы требуют использования целого комплекса мер государственно-правового, духовно-нравственного, информационно-просветительского, психолого-педагогического и медико-социального характера, помогающих заложенному в каждом человеке стремлению к родительству реализоваться в полном объеме.

Благодарю выпускников и аспирантов вузов России (РГУ им. Есенина, РязГМУ им. Павлова, РГРТУ, МГУ, ТГУ им. Державина, КГПИ, НГУЭУ, ПГУ им. Ломоносова, ОГПУ, ИГЭУ им. Ленина, НГПУ, ВятГГУ, ННГУ им. Лобачевского, УРИ (филиал МГОУ), ЧГУ, СыктГУ, НТУУ «КПИ», СПХФА, ИвГУ, НГУЭУ, РГСУ, АлтГУ, ВГУ, ТюмГУ, СПбГУВК, НТУУ «КПИ», СПбГУ, АГТУ, СамГУ, МГИУ, НГАСУ Сибстрин, ЧГПУ, ХНУ им. В.Н. Каразина, НовГУ, ВГПУ, МарГТУ, СПбГУ, ПГСГА, МГОУ (областной), ПГСГА, СПХФА, СПбГУЭФ), любезно согласившихся принять участие в проводимом исследовании!

Список литературы

1. *Богачева Н.В.* Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российской обществе: Автореф. ... канд. социол. наук. Казань, 2005. 22 с.
2. Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2002.ru.
3. *Архангельский В.Н.* Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей // Демографические исследования. № 3. [Электронный ресурс]. URL: www.demographia.ru.
4. *Ермихина М.О.* Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов: Автореф. ... канд. психол. наук. Казань, 2004. 22 с.
5. *Антонов А.* Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники // Демографические исследования. № 3. [Электронный ресурс]. URL: www.demographia.ru.
6. *Варламова С.Н.* Семья и дети в жизненных установках россиян // Социс. 2006. № 11. С. 61–73.
7. Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи. [Электронный ресурс]. URL: www.demographia.ru/html
8. *Узик А.В.* Изучение ценностных ориентаций и семейного поведения городского населения современной России // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология. 2007. № 4. С. 60–63.
9. *Пантин В.* Семья и семейные ценности в сознании россиян // Воспитание школьников. 2008. № 10. С. 9–14.

А.В. Мантикова

Хакасский государственный университет, Абакан, Россия

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ МОЛОДЕЖИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ

Статья посвящена исследованию семейных систем молодежи, удовлетворенной и неудовлетворенной браком. В исследовании проанализировано 42 параметра семейной системы благодаря семи использованным методикам как опросного типа, так и проективного.

Ключевые слова: удовлетворенность браком, семейная система, параметры семейной системы, адаптивная (неадаптивная) система семьи.

Article is devoted research of family systems of the youth satisfied and unsatisfied marriage. In research are analysed 42 parameters of family system. It became possible thanking 7 used techniques of different type: questionnaires, tests, projective techniques. Reliability of results is guaranteed by use of methods of mathematical statistics.

Key words: satisfaction marriage, family system, parameters of family system, adaptive (not adaptive) system of a family.

До сих пор не решена проблема дефицита исследований нормальной семейной системы – функционально полной, с физически и психически здоровыми элементами, где супруги имеют образование среднее специальное или высшее [1]. Мы попытались восполнить дефицит исследованием семейной системы молодежи, удовлетворенной своим браком, имеющей или получающей высшее образование.

Мы предположили, что удовлетворенные браком супруги будут являться элементами эффективной (адаптивной) семейной системы, а неудовлетворенные браком респонденты – неэффективной. Поэтому выборка (супруги из молодого брака со стажем до 5 лет, средний возраст 31 год, среднее количество детей в семье 0,8), разделена по дихотомичной шкале – удовлетворенность – неудовлетворенность браком.

Формирование выборки осуществлено при помощи теста- опросника удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Д. Романова, Г.П. Бутенко). Для диагностики параметров семейных систем молодых супругов использованы: методика «Распределение ролей в семье» Ю.Е. Алешинной с соавт. (1987 г.), модифицированная методика «Распределение ролей в семье» с целью выявления идеальных представлений супругов о распределении ролей внутри семьи, шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3), опросник «ПЭА», измеряющий уровни понимания, эмоционального притяжения и авторитетности партнера (А.Н. Волкова), шкала семейного окружения (ШСО), проективная методика «Семейная социограмма» (Э.Г. Эйдемиллер, О.В. Черемисин).

Для обработки результатов использованы методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни, угловое преобразование Фишера).

Обобщая полученные данные, составим краткие характеристики семейных систем молодых супругов, удовлетворенных и неудовлетворенных браком.

Роль воспитателя детей принадлежит жене в семье неудовлетворенных браком молодых супругов. Эта роль осуществляется обоими супругами, удовлетворенными браком.

За поддержку эмоционального климата в обеих группах выборки отвечают либо оба супруга, либо жена. Такое распределение устраивает удовлетворенных браком, но не устраивает молодых супругов, неудовлетворенных браком: они желают, чтобы эта роль осуществлялась только обоими супругами, а не исключительно женой.

Роль кормильца удовлетворенные браком однозначно делегируют мужу, жена при этом помогает ему, но не несет большую нагрузку. Неудовлетворенные браком разделены на три статистически равнозначных подгруппы: эту роль осуществляют как вместе, внося равные доли в семейный бюджет, так и в отдельности, основная нагрузка кормильца семьи может лежать на муже или жене.

Роль организатора развлечений чаще осуществляется совместно у удовлетворенных браком, у неудовлетворенных браком – как совместно, так и только женой.

Выполняют роль хозяина в семье одинаково часто либо муж, либо жена, либо оба молодых супруга, неудовлетворенные браком. Удовлетворенные браком одинаково часто хозяйничают как вместе, так и жена в отдельности. Необычен тот факт, что в статистически равных долях у молодых супругов, удовлетворенных браком, в их сознании существует либо эгалитарная семья (равноправие), либо (!) руководит семьей женщина, и при этом обоим супругам комфортно. Женское доминирование в семье в нашей стране исторически обусловлено двумя мировыми войнами, революцией, а также локальными военными конфликтами и, по-видимому, стало нормой для последующих поколений в том числе. Также женское доминирование проявляется в склонности мужчин к разного вида аддикциям (алкогольной, игровой и т.п.), мужском эскапизме.

Роль активного сексуального партнера в семьях, неудовлетворенных браком молодых супругов, принадлежит мужу либо жене, незначительная доля партнеров равнозначна в выполнении данной роли. У удовлетворенных браком паритет по этой роли наблюдается как в реальном, так и в идеальном распределении.

Роль организатора семейной субкультуры у неудовлетворенных браком молодых супругов может принадлежать либо мужу, либо жене, либо разделяться между обоими, в отличие от удовлетворенных браком, которые разделяют эту роль между собой как в реальном, так и в идеальном распределении.

Удовлетворенные браком респонденты большую часть семейных ролей выполняют вместе, и это соответствует их идеальным представлениям о ролевой структуре собственной семьи. Если какая-либо роль принадлежит в равной степени как обоим супругам, так и кому-то из них в отдельности, либо только одному из супругов, как в случае роли кормильца, отвечающего за материальное обеспечение, подобное распределение соответствует идеальному у удовлетворенных браком. Итак, удовлетворенные браком респонденты отличаются от неудовлетворенных не только в реальном, но и в идеальном распределении ролей внутри семьи.

Неудовлетворенные браком респонденты имеют различия в идеальном и реальном исполнении по каждой роли, причем общей тенденцией является стремление выполнять роль совместно, в партнерстве.

Эта тенденция может объясняться семейным мифом, существующим в семьях неудовлетворенных браком молодых супругов. Этот миф может быть следующим: «Мы – дружная семья, поэтому должны помогать друг другу и все делать вместе». Однако подобный миф, существующий в сознании и описывающий идеальную семью с точки зрения неудовлетворенных браком молодых супругов, не находит выражения в реальных действиях: реальное распределение семейных ролей неудовлетворенных браком молодых супругов далеко от идеального, в нем нет тенденции сотрудничества, совместного выполнения ролей.

Это можно объяснить следующим: несмотря на существующий миф о партнерстве, в семьях, неудовлетворенных браком, до сих пор не произошел раздел сфер влияния и власти. У супругов не существует договоренности о том, кто за что несет ответственность, она распределяется стихийно. Также возможно, что не было и гласного распределения ролей, а с негласным распределением супруги не хотят мириться, но протест не выражают в силу низкой экспрессивности в семье.

Неудовлетворенные браком респонденты имеют низкие показатели понимания, эмоционального притяжения и авторитетности, поэтому они испытывают трудности во взаимодействии со своим супругом, коих не испытывают удовлетворенные браком, отличающиеся высокими уровнями выраженности трех этих параметров.

Чувство принадлежности к семье, степень заботы друг о друге различаются у представителей неудовлетворенных и удовлетворенных браком молодых супругов. У неудовлетворенных браком это проявляется в крайних вариантах гиперопеки и безразличия, удовлетворенные браком занимают промежуточную позицию, благоприятную для самореализации личности.

Экспрессивность в семье удовлетворенных браком молодых супругов высокая, она способствует беспрепятственному общению и отличается от низкой степени экспрессивности в семье неудовлетворенных браком, приводящей к их невротизации.

Конфликтность удовлетворенных браком слабо выражена, неудовлетворенных браком – находится на среднем уровне.

Независимость, выраженная на среднем уровне, дает баланс между принадлежностью семейной системе со всеми ее правилами, нормами и возможностью самореализации за пределами семейной системы молодых супругов, удовлетворенных браком. У неудовлетворенных браком подобный баланс нарушен в сторону ограничения независимости, поэтому процесс самореализации имеет препятствия, может являться источником конфликтов в семье.

Средняя степень ориентации на достижения удовлетворенных браком отлична от крайних вариантов ориентации на достижения неудовлетворенных браком: высокой либо низкой. Средняя степень ориентации на достижения способствует ощущению защищенности и комфортному пребыванию в семье, избавляет от излишнего напряжения, с одной стороны, и излишней расслабленности и безцельности – с другой.

Чувство принадлежности к семье, степень заботы друг о друге отличаются от среднего уровня удовлетворенных браком и либо слабо развита, либо гипертрофирована у неудовлетворенных браком молодых супругов. Оба варианта создают сложности в семье – отсутствие внимания и заботы так же, как и гиперопека и замкнутость внутри малой группы имеют негативные последствия. Отсутствие крайних показателей чувства принадлежности к семье и опеки молодых супругов, удовлетворенных браком, согласуются с данными методики «Шкала семейной адаптации и сплоченности», в которых также нет крайних вариантов сплоченности – разобщенной и сцепленной, а присутствуют средние варианты: разделенная и связанная.

У молодых супругов, неудовлетворенных браком, наблюдается противоречие между невыраженностью экспрессивности и средней выраженностью конфликтности. Это может быть связано с отсутствием позитивных подкреплений членов семьи и преобладанием негативных в виде замечаний, молчаливой демонстрации недовольства. У молодых супругов, удовлетворенных браком, иное соотношение экспрессивности и конфликтности. Низкий уровень конфликтности сочетается с высокой экспрессивностью. В данном случае нет противоречия, так как в силу высокого уровня понимания, эмоционального притяжения, авторитета партнера и открытости в выражении эмоций с ним не возникает конфликтных ситуаций.

Такой показатель личностного роста, как независимость, не поощряется в большинстве неудовлетворенных браком семьях. Затруднен процесс самоутверждения.

У большинства удовлетворенных браком молодых супругов выявлены средние показатели независимости. Это способствует личностному росту, дает возможность самоутверждения в рамках семейной системы и за ее пределами. Неудовлетворенные браком партнеры имеют либо низкий, либо высокий уровень ориентации на достижения, в отличие от преобладания среднего уровня у молодых супругов, удовлетворенных браком.

Они либо придают большое значение соревнованиям с членами семьи в учебе, работе, иной деятельности, либо вообще не ориентируются на достижения. Каждое из этих проявлений негативно, так как не позволяет членам семьи сформировать устойчивую адекватную самооценку и, привязывая ее к успехам в деятельности, делает зависимой. Поэтому как низкая, так и высокая ориентация на достижения невротизирует членов семьи молодых супругов, неудовлетворенных браком.

Средняя ориентация на достижения у удовлетворенных браком способствует ощущению защищенности и комфортному пребыванию в семье. Степень активности членов семьи неудовлетворенных браком в социальной, интеллектуальной, культурной и политической сферах деятельности либо средняя, либо низкая, в отличие от средней у удовлетворенных.

Удовлетворенность браком также тесно связана с тем, как ведут себя супруги в различных жизненных ситуациях. Так, исследование Л.С. Шиловой демонстрирует тесную взаимосвязь между характером проведения супругами досуга и удовлетворенностью браком. Удовлетворенные браком супруги проводят во время отдыха гораздо больше времени вместе, чем неудовлетворенные.

Размер своего символа оказывается меньше размеров символов остальных членов семьи и встречается у каждого второго из неудовлетворенных браком молодых супругов по сравнению с каждым пятым удовлетворенным браком респондентом (тест «Семейная социограмма»). Это означает, что в отличие от значительного количества неудовлетворенных браком молодых супругов, считающих себя малозначимыми в семье или менее значимыми, чем другие члены семьи, удовлетворенные браком реже ощущают себя подобным образом. У

них чаще встречается ощущение собственной значимости среди членов семьи. Это связано либо с действительным обладанием авторитетом молодых супругов внутри семьи, либо с адекватной самооценкой молодых супругов, либо с обоими факторами одновременно.

Итак, у удовлетворенных браком есть субъективное ощущение и себя, и своей семьи в целом, более позитивное, чем у неудовлетворенных браком молодых супругов. У них также чаще встречается ощущение собственной значимости среди членов семьи.

Значительно удаленными от членов семьи преподали себя почти половина неудовлетворенных браком молодых супругов. Это может свидетельствовать о конфликтных отношениях в семье, эмоциональном отвержении респондента, его отстраненности от семейных интеракций. Такие данные проективной методики согласуются с показателями экспрессивности методики «СШО». Низкий уровень экспрессивности в семье провоцирует ощущение эмоциональной отверженности. В выборке неудовлетворенных браком молодых супругов низкий уровень экспрессивности дополняется удаленностью от членов семьи. В выборке удовлетворенных браком молодых супругов высокий уровень экспрессивности дополняется средним расстоянием между членами семьи: открытое выражение отношений, чувств согласуется с эмоциональным принятием молодых супругов.

Половина неудовлетворенных браком молодых супругов находится не просто в состоянии симбиотической связи с членом своей семьи, а испытывает острое состояние взаимозависимости, связанное с недифференцированным «Я». У удовлетворенных браком молодых супругов в таком отношении с членом семьи находится незначительная часть (9,5%). В основном они имеют четкие границы своего «Я» и не сливаются с другими членами семьи.

Прямая коммуникация между членами семьи удовлетворенных браком свидетельствует об открытости, эффективности коммуникативных процессов внутри семьи, отсутствию искажений и потери смысла, как это происходит у неудовлетворенных браком молодых супругов при опосредованной коммуникации. Опосредованная коммуникация является причиной либо следствием высокого уровня конфликтности у неудовлетворенных браком молодых супругов.

Семейная система управляется с помощью организации, контроля, сплоченности и адаптации. Обсудим показатели управления этой системой, анализируя данные шкал организации и контроля методики «СШО» и уровни сплоченности и адаптации в методике FACES-3. Также данные по сплоченности и адаптации позволяют оценить актуальный гомеостаз семейной системы.

Семейная система молодых супругов, удовлетворенных браком, зачастую более подвижна, чем семейная система молодых супругов, неудовлетворенных браком, это дает ей преимущество в адаптации.

Удовлетворенные браком респонденты характеризуются умеренными уровнями сплоченности и адаптации, неудовлетворенные браком респонденты отличаются крайними вариантами обоих показателей. Сплоченность у них разобщенная либо сцепленная, т.е. в обоих случаях экстремальная. Члены семьи или автономны и дистанцированы друг от друга, или эмоционально взаимозависимы. В важнейших показателях функционирования семейной системы отчетливо видны различия между респондентами, удовлетворенными и неудовлетворенными браком. На континуумах семейной сплоченности и адаптации удовлетворенные браком находятся посередине: структурная и гибкая адаптация, разделенная и связанная сплоченность. Неудовлетворенные браком респонденты занимают полюса континуума: экстремальные уровни как адаптации, так и сплоченности.

У части молодых супругов, неудовлетворенных браком, выявлен очень высокий (сцепленный) уровень сплоченности, к тому же существует слишком много центростремительных сил в семье (крайности в требовании эмоциональной близости), отдельные члены семьи не могут действовать независимо друг от друга. В семье слишком много внешнего согласия, различия в точках зрения не поощряются. Отношения между членами семьи характеризуются низкой степенью дифференцированности. Семья как система имеет жесткие внешние границы с окружением и слабые внутренние границы между подсистемами и индивидуальностями. Энергия людей сфокусирована в основном внутри семьи или отдельной ее подсистемы, и существует мало неразделенных с другими друзьями и интересами.

Другая крайность – разобщенная система (низкий уровень сплоченности), где «проживают» большинство молодых супругов, неудовлетворенных браком, существует слишком много центробежных сил. Члены семьи эмоционально крайне дистанцированы, почти не испытывают привязанности друг к другу, демонстрируют несогласованное поведение. Они редко проводят время вместе, не имеют общих друзей и интересов, им трудно оказывать друг другу поддержку и совместно решать жизненные проблемы. Часто за изолированностью от других, подчеркнутой независимостью стоят неспособность устанавливать близкие взаимоотношения, возрастание тревоги при сближении с другими людьми.

Данные по сплоченности согласуются с данными проективной методики «Семейная социограмма» по расстоянию между символами членов семьи. У молодых супругов, неудовлетворенных браком, налицо значительное расстояние либо напротив, минимальное, что соответствует разобщенной и сцепленной сплоченности.

У молодых супругов, удовлетворенных браком, преобладающее среднее расстояние соответствует средним показателям по сплоченности: разделенному и связанному уровню.

Члены семей сбалансированных типов сочетают собственную независимость и тесные связи в своей семье. Семьи с разделенным типом взаимоотношений отличаются некоторой эмоциональной отделенностью, но она не проявляется в таких крайних формах, как разобщенная система.

Несмотря на то, что время, проводимое отдельно, для членов семьи более важно, они способны собираться вместе, обсуждать проблемы, оказывать поддержку друг другу и принимать совместные решения. Интересы и друзья обычно являются разными, но некоторые разделяются с другими членами семьи.

Связанная сплоченность проявляется в эмоциональной близости, члены семьи чаще проводят время вместе. Однако сплоченность в таких семьях не достигает степени запутанности, когда пересекаются всякие различия.

Респонденты, неудовлетворенные браком, являются частью дисфункциональной семейной системы с экстремальными уровнями сплоченности и адаптации, с низкой организацией и высоким контролем. У них низкие уровни понимания, эмоционального притяжения и авторитетности партнера. Им не свойственно активное взаимодействие – интеллектуальное, спортивное, просветительское – внутри своей семьи как системы. Удовлетворение эмоционально-психологических потребностей находится на низком уровне. Неудовлетворенные браком не являются частью ни традиционной, ни эгалитарной модели семьи; их модель семьи качественно отличается от описаний этих типов функционирования семейной системы.

Респонденты, удовлетворенные браком, являются частью сбалансированной семейной системы со средними уровнями сплоченности и адаптации, с низкой организацией и высоким контролем.

Семьи нуждаются не только в балансе близости – раздельности, но и в оптимальном сочетании изменений внутри семьи со способностью сохранять свои характеристики стабильными.

Несбалансированные системы по шкале гибкости склонны быть или ригидными, или хаотичными, коими в нашем исследовании являются семейные системы молодых супругов, неудовлетворенных своим браком.

Система становится ригидной, когда она перестает отвечать на жизненные задачи, возникающие перед семьей в ее продвижении по стадиям жизненного цикла. В ригидной системе роли обычно строго распределены, а правила взаимодействия остаются неизменными. Семья отличается чрезмерной иерархизированностью. Слишком незначительное количество изменений в системе ведет к высокой предсказуемости и ригидности поведения ее членов.

Хаотическая система имеет неустойчивое или ограниченное руководство. Решения являются импульсивными и непродуманными, роли неясны и часто смещаются от одного члена семьи к другому. Большое количество изменений приводит к непредсказуемости того, что происходит в системе.

Структурированный и гибкий типы являются сбалансированными, системы этих типов встречаются у молодых супругов, удовлетворенных браком.

Системы структурированного типа отличаются некоторыми чертами демократического руководства – члены семьи способны обсуждать общие проблемы и учитывать мнение детей. Роли и внутрисемейные правила стабильны, однако существует некоторая возможность их обсуждения.

Гибкий тип семейной системы характеризуется демократическим стилем руководства. Переговоры ведутся открыто, при участии детей. Роли разделяются с другими членами семьи и меняются, когда это необходимо. Иногда семье может не хватать лидерства, но это не приводит к потере управляемости системой.

Выводы

Семейные системы молодых супругов, удовлетворенных браком, отличаются от семейных систем молодых супругов, неудовлетворенных браком по ряду показателей.

- Функциональная полнота семьи.
- Ролевая структура семьи (роли четко распределены, известны всем членам семьи, вместе с тем при необходимости могут перемещаться к другим членам семьи), идеальные представления о распределении семейных ролей между супругами совпадают с реальными представлениями. Подобные результаты были получены В.В. Матиной и Н.Ф. Федотовой, которые установили, что с удовлетворенностью браком тесно коррелируют такие показатели, как сходство ролевых ожиданий мужа и жены, ролевое соответствие мужа и жены, понимание ролевых ожиданий другого каждым из супругов. Данные, полученные Н.Ф. Федотовой [2], свидетельствуют о том, что в счастливых семьях мнения супругов о главенстве в семье совпадают.

- Знание партнера, его эмоциональное принятие, уважение.
- Организация, контроль, степень активности семьи в различных сферах (социальной, политической, интеллектуальной и т.д.).
- Уровень самостоятельности членов семьи и возможности для их самореализации.
- Эмоциональный фон семьи (экспрессивность, конфликтность).
- Сплоченность и адаптация семейной системы, семейная иерархия.

Супруги, неудовлетворенные браком, имеют экстремальные показатели семейной сплоченности и адаптации, ведущие к нарушениям функционирования семейной системы. Их реальное распределение семейных ролей отличается от идеального.

Супруги, удовлетворенные браком, имеют сбалансированные показатели семейной сплоченности и адаптации. Это является показателем успешного функционирования семейной системы. У них нет разногласий по реальному и идеальному распределению семейных ролей. О семье удовлетворенных браком молодых супругов можно сказать, что ею в достаточной мере выполняются все функции: воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, функция духовного (культурного) общения, функция первичного социального контроля, сексуально-эротическая функция. Следовательно, семейная система является функциональной.

В целом респонденты, удовлетворенные браком, являются частью сбалансированной успешно функционирующей семейной системы, способной адаптироваться к воздействию стрессоров на нее, с оптимальной степенью эмоциональной связи между членами семьи.

Так как респонденты, удовлетворенные браком, – элементы системы, в которой сбалансировано действуют оба закона: гомеостаза и развития, у них есть возможности для самореализации как в рамках семьи, так и за ее пределами, сохраняя достаточно тесную связь с семейной системой.

В исследовании подтверждено положение о том, что чувство удовлетворенности браком является генерализованным для семьи и складывается из большого количества параметров.

Также выявлена тенденция, характеризующая различное местоположение семей молодых супругов, удовлетворенных и неудовлетворенных своим браком, на континуумах следующих параметров семейной системы: организации, контроля, сплоченности и адаптации.

Семьи молодых супругов, удовлетворенных своим браком, находятся в середине вышеназванных континуумов, в отличие от семей неудовлетворенных браком молодых супругов, которые располагаются на полюсах континуумов.

Это говорит о том, что параметры семейных систем со средней степенью выраженности наиболее благоприятны для успешного функционирования семьи и удовлетворенности членов семьи, нежели параметры с крайними вариантами выраженности. То есть семейная система со средним уровнем организации, контроля, сплоченности и адаптации является более успешной в плане функционирования и удовлетворенности ее членов семьи, нежели заорганизованная/неорганизованная, сверхконтролируемая/безконтрольная семейная система с ригидной или хаотичной адаптацией, разобщенной или сцепленной сплоченностью.

Список литературы

1. *Алешина Ю.Е.* Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. 250 с.
2. *Федотова Н.Ф.* Глава семьи: мотивы признания // *Вопр. психологии*. 1983. № 5. С. 87–94.

Е.А. Гайдукова

Государственный университет управления, Москва, Россия

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ПРИТЯЗАНИЙ В БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН

В статье изложены основные теоретические оценки брачно-семейных отношений современной молодежи, а также диагностика притязаний в браке. В целях анализа (диагностики) применялись описательная статистика и тестирование, процедура их использования поэтапно описана в предлагаемой статье. Исходные данные для проведения статистического анализа были получены в ходе социологического опроса, проводившегося среди молодежи, а также женщин зрелого возраста.

Ключевые слова: семья, брак, притязания, диагностика.

In the article the author shows the basic theoretical appraisal of marriage and family relations of modern youth, and gives diagnosis of pretensions in marriage relations. With a view of the analysis (diagnostics) were applied the descriptive statistics and testing. The procedure of their use is described in the article with all stages. Source data for carrying out the statistical analysis have been received by the survey among youth and women at a mature age.

Key words: family, marriage, pretensions, diagnostics.

Введение

В современном российском обществе ценность брака как жестко контролируемого социального образования снижается в силу разных причин. Среди них рост привлекательности индивидуальной частной жизни, которая все больше распространяется в связи с доступностью разнообразных услуг, организованных обществом, которые можно получить не вступая в брак и не беря на себя ответственность за другого человека; реструктуризация социальных ценностей, среди которых на первом месте чаще всего оказываются внесемейные ценности, связанные с личными достижениями и личным благополучием; негативный опыт многих супружеских пар, расторгающих браки, падение престижа брака в связи с этим среди молодежи; либерализация взглядов на характер половых отношений до брака, в браке и вне брака; девальвация многих моральных ценностей, связанных с отношениями между людьми и т.д.

В недавнем прошлом брак не рассматривался в качестве института, призванного удовлетворять сексуальные потребности. Сегодня нередко брак воспринимается только как способ потребления секса с постоянным партнером. В таких случаях остальные его стороны становятся менее значимыми.

Характер супружеских отношений во многом зависит от степени согласованности семейных ценностей мужа и жены и ролевых представлений о том, кто и в какой степени отвечает за реализацию определенной семейной сферы. Адекватность ролевого поведения супругов зависит от соответствия ролевых ожиданий (установка мужа и жены на активное выполнение партнером семейных обязанностей) ролевым притязаниям супругов (личная готовность каждого из партнеров выполнять свои семейные роли).

Учитывая актуальность проблемы несоответствия представлений распределения ролей в браке, важно изучить притязания в браке молодых женщин (студенток) и провести разведочный сравнительный анализ с группой респонденток более зрелого возраста. Поэтому была предложена гипотеза о том, что представления женщин о семейных ценностях (о распределении ролей в семье) будут различаться в зависимости от их репродуктивного статуса (наличия или отсутствия детей в их семьях).

Материалы и методы

Было проведено исследование мнений женщин разных репродуктивных статусов по методике «Рольевые ожидания и притязания в браке». Данная методика была разработана А.Н. Волковой и позволяет определить [1, 486–495]:

– представления супругов (женщин) о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личностной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности партнеров. Эти показатели, отражая основные функции семьи, составляют шкалу семейных ценностей (ШСЦ);

– представления супругов о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций, объединенные шкалой ролевых ожиданий и притязаний (ШРОП).

В нашем тестировании принимали участие женщины репродуктивного возраста (76 человек). Опрос респонденток проводился в два этапа: 1 этап – в марте – апреле 2009 г. (38 опрошенных); 2 этап – в мае 2010 г. (38 опрошенных). Выборка стихийная, нерепрезентативная. Возрастные категории респонденток: от 18 до 24 лет – 50%; от 25 до 34 лет – 5%; от 35 до 44 лет – 24%; от 45 до 54 лет – 18%; от 55 лет и старше – 3%. На вопрос: «Каково Ваше отношение к браку?» – были получены следующие ответы: официальный брак необходим для полноценного воспитания детей – 46%; женщина, вступившая в официальный брак, чувствует себя в жизни уверенней – 26%; официальный брак создает материальную опору семьи – 18%; для современной женщины брак (будь он официальный или гражданский) вообще неважен, так как она может все, что для нее в жизни важно, добиться сама – 6%; официально регистрировать отношения не обязательно, главное, чтобы рядом был мужчина – 4%. По данному вопросу также было построено перекрестное распределение по двум группам женщин: имеющих детей и бездетных. Данные представлены в табл. 1. Большинство женщин независимо от репродуктивного статуса считают, что официальный брак необходим для полноценного воспитания детей; второе место занимает ответ «Женщина, вступившая в официальный брак, чувствует себя в жизни уверенней», 26% женщин, имеющих детей, отметили, что официальный брак создает материальную опору семьи.

Таблица 1

Перекрестное распределение респонденток в зависимости от отношения их к браку, %

Варианты ответов	Не родители	Родители
Официальный брак необходим для полноценного воспитания детей	53	38
Официальный брак создает материальную опору семьи	9	26
Женщина, вступившая в официальный брак, чувствует себя в жизни уверенней	24	29
Официально регистрировать отношения не обязательно, главное, чтобы рядом был мужчина	9	–
Для современной женщины брак (будь он официальный или гражданский) вообще не важен, так как она может все, что для нее в жизни важно, добиться сама	6	6

Для выполнения анализа выборку можно условно разделить на две подгруппы, а именно молодые женщины, не имеющие детей (теоретики семейных отношений большинство – студентки), и женщины, имеющие хотя бы одного ребенка (практики семейных отношений) соответственно. Сравнительный анализ проводился между показателями не супругов, а двух подвыборок женщин разных репродуктивных статусов.

Респонденткам предлагалось оценить 36 утверждений по четырехбалльной шкале. Ответы оценивались следующим образом: «Полностью согласна» – 3 балла; «В общем это верно» – 2 балла; «Это не совсем так» – 1 балл; «Это неверно» – 0 баллов. Баллы суммировались по каждому показателю шкалы семейных ценностей в соответствии с ключом методики.

Обработка и анализ представлений о семейных ценностях и ролевых установках женщин предполагала 2 основных этапа:

1 этап. Так как анализ показателей шкалы семейных ценностей, ролевых ожиданий и притязаний в браке проводился на основе обобщенных показателей по каждой шкале семейных ценностей, а не на основе индивидуальных показателей, были рассчитаны меры центральной тенденции – мода и медиана (на основе исходных баллов по каждому утверждению и суммы баллов по каждому показателю – данные представлены в табл. 2).

Далее была построена иерархия семейных ценностей в зависимости от репродуктивного статуса женщин на основе высоких оценок шкал. Соответственно женщины, не имеющие детей, первые места присвоили шкалам «внешняя привлекательность» и «социальная активность», в то время как женщины, имеющие детей, первое место в списке шкал присвоили родительско-воспитательной ценности (табл. 3).

Также было построено перекрестное распределение оценок семейных ценностей респонденток разных репродуктивных статусов и рассчитан непараметрический критерий связи Хи-квадрат.

Медианы по суммам баллов по шкалам семейных ценностей

Шкала семейных ценностей (ШСЦ)	Баллы	Баллы	Общий показатель, баллы
Медианы по суммам баллов по шкалам семейных ценностей женщин, не имеющих детей (38 респонденток), 1 этап, март–апрель 2009 г.	Ожидание	Притязание	
Интимно-сексуальная	5,00	–	5,00
Личностная идентификация с супругом	7,00	–	7,00
Хозяйственно-бытовая	5,00	6,00	5,50
Родительско-воспитательная	7,00	6,00	6,50
Социальная активность	7,00	8,00	7,50
Эмоционально-психотерапевтическая	7,50	8,00	7,75 (8)
Внешняя привлекательность	8,00	8,00	8,00
Медианы по суммам баллов по шкалам семейных ценностей женщин, имеющих детей (38 респонденток), 2 этап, май 2010 г.	Ожидание	Притязание	Общий показатель, баллы
Интимно-сексуальная	4,50	–	4,50
Личностная идентификация с супругом	7,00	–	7,00
Хозяйственно-бытовая	6,00	6,00	6,00
Родительско-воспитательная	7,00	7,00	7,00
Социальная активность	7,00	6,00	6,50
Эмоционально-психотерапевтическая	8,00	6,50	7,25 (7)
Внешняя привлекательность	7,00	6,00	6,50

Примечание: Максимальная сумма – 9 баллов по каждой шкале. В данных табл. ролевые ожидания – активное ролевое поведение брачного партнера; а ролевые притязания – собственная активная роль в семье по реализации семейных функций.

Таблица 3

Представления женщин об иерархии семейных ценностей в зависимости от наличия или отсутствия у них детей (высокие оценки семейных ценностей)

Семейные ценности	Женщины, не имеющие детей, %	Женщины, имеющие детей, %
Внешняя привлекательность	87	68
Социальная активность	84	66
Эмоционально-психотерапевтическая	76	66
Родительско-воспитательная	66	58
Личностная идентификация с супругом	53	58
Хозяйственно-бытовая	26	37
Интимно-сексуальная	24	8

Результаты и выводы

Были получены статистически достоверные различия между женщинами, не имеющими и имеющими детей, в оценке семейных ценностей по следующим шкалам: интимно-сексуальная, социальная активность/притязание, внешняя привлекательность/притязание.

Таким образом, гипотеза о том, что представления женщин о семейных ценностях в зависимости от их репродуктивного статуса различаются в нашем исследовании подтвердилась частично.

1. Женщины, не имеющие детей, на 16% чаще приписывают высокие оценки интимно-сексуальной ценности, чем женщины, имеющие детей, то есть для женщин, не имеющих детей (и, возможно, не состоящих в браке), высокие баллы по данной шкале означают, что они считают сексуальную гармонию важным условием супружеского счастья.

2. Женщины, не имеющие детей, на 37% чаще приписывают высокие оценки социальной активности (притязание), которая выражает собственные профессиональные потребности опрошенных женщин, а не их супругов.

3. Женщины, не имеющие детей на 45% чаще приписывают высокие оценки по шкале внешняя привлекательность (притязание), которая иллюстрирует установку на собственную привлекательность молодых женщин.

По мнению всех опрошенных, в семейной жизни также важны (высокие оценки) следующие шкалы:

- личностная идентификация с супругом;
- характерно собственное активное участие в ведении домашнего хозяйства и низкая степень ожидания от партнера активного выполнения бытовых вопросов, то есть умения и навыка партнера (супруга) в сфере бытового обслуживания семьи имеют небольшое значение для женщин разных репродуктивных статусов;
- выраженность установки супруги на активную родительскую позицию брачного партнера и ориентацию на собственные обязанности по воспитанию детей;

– высокая степень ориентации женщин на то, что брачный партнер должен иметь серьезные профессиональные интересы, а также выраженность собственных профессиональных потребностей женщин;
– значимость для супруги моральной и эмоциональной поддержки членов семьи, ориентацию на брак как среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации;
– ориентация на современные образцы внешнего облика.

2 этап. Сравнительный анализ представлений о семейных ценностях и ролевых установках женщин, не имеющих детей и женщин-родительниц. Для этого была составлена таблица согласованности семейных ценностей женщин разных репродуктивных статусов (данная таблица здесь не представлена): интимно-сексуальная – 1,5; личностная идентификация с супругом – 0; хозяйственно-бытовая – 0,5; родительско-воспитательная – 0,5; социальная активность – 1; эмоционально-психотерапевтическая – 1; внешняя привлекательность – 1,5.

Согласованность семейных ценностей характеризуется разностью баллов показателей шкалы семейных ценностей двух групп респондентов. Так как используются не индивидуальные, а обобщенные показатели, была рассчитана разность не индивидуальных баллов, а разность медиан по каждому показателю шкалы. Чем меньше разность, тем больше согласованность представлений женщин о наиболее значимых сферах жизнедеятельности семьи. Разность до 3-х баллов не будет вызывать проблемных взаимоотношений в семье, а более 3-х баллов свидетельствует о достаточно высокой степени конфликтности между супругами.

Обобщенные показатели медианы по шкалам семейных ценностей женщин позволяет сделать следующие выводы. Для опрошенных женщин характерна определенная согласованность представлений о семейных ценностях. Существующие различия в установках на важнейшие сферы жизнедеятельности семьи не превышают допустимой нормы. Женщины разного репродуктивного статуса обоюдно считают наиболее значимой в семейной жизни общность интересов, потребностей, представлений, в основе которых лежит ценностно-ориентационное единство в семье.

Список литературы

1. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / В.Д. Балин, В.К. Гайда, В.К. Гербачевский и др.; Под общ. ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2007. С. 486–495. (Сер. Практикум по психологии).
2. Гайдукова Е.А. Субъективная оценка брачно-семейных отношений современной молодежи // Вестн. университета (Государственный университет управления). М., 2010. № 30. С. 21–23.

Е.Ю. Киселева

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНТАКТА РОДИТЕЛЕЙ НА ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

В статье представлены результаты исследования по выявлению влияния различных видов эмоционального контакта родителей с подростком на индивидуально-психологические особенности личности подростка.

Ключевые слова: индивидуально-психологические особенности личности подростка, эмоциональный контакт.

The article presents the results of identifying the impact of different types of emotional contact of parents of parent-child relationship on the individual characteristics of adolescent.

Key words: individual psychological features of adolescent's personality, emotional contact.

Проблемы взаимоотношений родителей и подростков издавна волнуют педагогов и психологов. В настоящее время эта проблема начинает звучать с новой силой. Только 26% процентов подростков довольны отношениями с родителями, остальные видят много противоречий [1]. Часто подростки ожидают от родителей, что они должны идти на уступки и налаживать контакты. Родители, в свою очередь, ожидают от своих взрослеющих детей также первых шагов. Подросток должен осознать себя взрослым и быть действующим лицом в семейном сотрудничестве. Только убедившись, что подросток интересуется семейными делами, умеет по существу обсуждать проблемы и учитывает требования взрослых, родители расширяют границы допустимого. Сложность во взаимоотношениях между подростками и родителями часто порождается непониманием, недостатком любви и из-за недооценки личностных качеств подростка [2]. Отношение родителей к подростку определяет не любовь сама по себе, а то, в какой мере подросток выполняет социальные нормы. Родителей, как правило, не интересуют трудности, испытываемые подростком, они не являются помощниками в решении этих проблем. Наоборот, стремясь добиться от подростка нормативного поведения, взрослые сами становятся источником новых сложностей [3]. При таких установках родители и подростки оказываются в ситуации противостояния.

Наше исследование по выявлению влияния стилей семейных взаимоотношений на индивидуально-психологические особенности личности подростка проводилось в 2005–2008 гг. на базе МОУ Гимназия № 12 и МОУ Межшкольный учебный комбинат Ленинского административного округа г. Омска.

В данной статье приведены результаты одного из этапов исследования по выявлению влияния различных видов эмоционального контакта родителей на индивидуально-психологические особенности личности подростков.

Методика PARI позволила нам выявить особенности родительско-детских отношений, сформированных в три основных вида: оптимальный эмоциональный контакт, излишняя эмоциональная дистанция с подростком, излишняя концентрация на подростке.

В таблице представлены влияние каждого из представленных видов на индивидуально-психологические особенности личности подростков.

Средние значения для шкал с выявленными различиями индивидуально-психологических особенностей подростков из семей с различными видами эмоционального контакта

Шкалы тестов (CAT, УСК, СО-25), по которым выявлены значимые различия	Группа с низкой ориентацией на вид эмоционального контакта	Группа со средней ориентацией на вид эмоционального контакта	Группа с высокой ориентацией на вид эмоционального контакта
<i>Оптимальный эмоциональный контакт</i>			
Интернальн. в обл. неудач	3,86 ± 1,68	4,09 ± 1,84	5,75 ± 0,5
Ориентация во времени	6,57 ± 2,15	8,88 ± 2,64	9 ± 1,4
Ценностные ориентации	9,57 ± 2,3	10,69 ± 3,06	12,5 ± 3,79
Спонтанность	5,57 ± 2,22	7,77 ± 2,02	8 ± 0,82
Проницательность	6 ± 3,56	7,69 ± 2,82	10 ± 2,71
Безошибочность решений	5 ± 3,42	6,8 ± 2,1	8,25 ± 2,87
Влиятельность	5,29 ± 1,5	7,54 ± 2,76	7,75 ± 1,89
<i>Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком</i>			
Принятие агрессии	8,22 ± 2,28	7,29 ± 2,67	9,3 ± 2,00
Контактность	11,22 ± 2,22	9,9 ± 3,57	8,74 ± 2,68
Креативность	8,33 ± 1,41	6,67 ± 1,69	6,1 ± 2,6
<i>Излишняя концентрация на ребенке</i>			
Ориентация во времени	7,37 ± 2,55	9,27 ± 2,94	9,8 ± 2,09
Поддержка	51,45 ± 5,52	49,82 ± 9,38	44,46 ± 8,01
Самоуважение	11,1 ± 2,43	8,25 ± 2,95	9,55 ± 3,42
Синергия	3,73 ± 1,01	3,42 ± 1,25	5 ± 1,1
Контактность	10,09 ± 2,34	8,42 ± 2,78	11,18 ± 2,99
Жертвенность собственными интересами	7,64 ± 2,58	7,71 ± 2,79	5,45 ± 2,62

Анализ влияния различных видов эмоционального контакта в семье на развитие индивидуально-психологических особенностей личности подростков позволил выделить следующие тенденции.

Высокая ориентация на оптимальный эмоциональный контакт с подростком формирует такие качества подростка, как интернальность в области неудач; ощущение целостности жизни, способность жить настоящим; высокий уровень самоактуализации, спонтанности, влиятельности, а также такие свойства социального интеллекта, как проницательность и безошибочность решений. При этом в отношении всех шкал выявлена общая направленность – чем более родители ориентированы на установление доверительных, толерантных, уважительных отношений с подростком, тем в большей степени у него развиваются упомянутые выше характеристики.

Излишняя эмоциональная дистанция как один из вариантов отсутствия оптимального эмоционального контакта с подростком приводит к высокому принятию агрессии и снижению таких качеств, как контактность и креативность.

Высокая концентрация на подростке не может быть определена как однозначно негативный вариант эмоциональной связи и подростком. Высокие показатели по этому критерию связаны с наличием у подростков качеств синергии, контактности и ориентации во времени. При этом у подростков из таких семей недостаточно развита способность жертвовать своими интересами ради интересов партнера в связи с эгоцентрированными на подростке условиями воспитания. Этот вид эмоционального контакта также отрицательно воздействует на формирование самостоятельности, ориентации на собственные ценности, установки в поведении и принятии решений. Также такое качество, как самоуважение, в большей степени формируется при низкой концентрации на подростке. Возможно, это объясняется большей свободой и возможностью подростка самостоятельно принимать и реализовывать значимые решения, что способствует самоудовлетворению и повышению самооценки.

Таким образом, выявление влияния различных видов эмоционального контакта родителей с подростком на индивидуально-психологические особенности личности подростка показало, что:

1) чем больше родители ориентированы на установление оптимального эмоционального контакта с подростком, тем в большей степени у него развиваются интернальность в области неудач, ощущение целостности жизни, способность жить настоящим, высокий уровень самоактуализации, спонтанности, влиятельности, а также такие свойства социального интеллекта, как проницательность и безошибочность решений;

- 2) чем больше эмоциональная дистанция у родителей с подростком, тем выше у подростка уровень принятия агрессии и ниже уровень контактности и креативности;
- 3) чем выше концентрация родителей на подростке, тем более развиты синергия, контактность и ориентация во времени у подростка, однако менее развиты его самостоятельность, самоуважение, ориентация на собственные ценности, установки в поведении и принятии решений.

Список литературы

1. *Иваницкая Е.* Заново учиться разговаривать. С родителями // Газета Первое сентября. 2006. № 7.
2. *Каган В.Е.* Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопр. психологии. 1992. № 2.
3. Психология современного подростка / Под ред. Л.А. Ретуш. СПб.: Речь, 2005.

М.В. Снегирёва

Институт социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМА СЛЫШИМОСТИ

В статье рассматриваются предпосылки социально-исторического диалога, проблемы социализации молодежи, необходимость взаимодействия молодежи и российской власти.

Ключевые слова: социализация, молодежь, взаимодействие поколений, политическая социализация.

The article analysis the sociohistorical dialogue of generations: an audibility problem, preconditions of dialogue, a problem of socialisation of youth, necessity of interaction of youth and the Russian power.

Key words: socialization of youth, interaction of generations of political socialization.

Предпосылки социально-исторического диалога

Прекрасный замысел Генеральной Ассамблеи ООН, нацеленный на полномасштабное и эффективное участие молодежи во всех сферах жизни общества, призванный стимулировать диалог между поколениями и содействовать утверждению идеалов мира, свободы, солидарности и преданности целям и задачам прогрессивного развития, в условиях современной российской действительности рискует остаться нереализованной мечтой наивных идеалистов. Со стороны может показаться, что предпосылки для социально-исторического диалога имеются, он идет по разным направлениям: через семью, школу и вуз, общественные организации, средства массовой информации, Интернет и пр. Однако процесс этот более сложный, многофакторный и противоречивый.

Следует учесть, что сегодня на семью влияют разные факторы: материальные (возможность покупки компьютерной техники, обеспечение выхода в Интернет, приобретение книг и периодических изданий, поездки к родственникам в другие регионы России или страны СНГ), географические (городская местность, сельская глубинка, удаленность родственников), демографические (полная или неполная семья, малолетняя или многодетная семья, доступность дошкольного образования), образовательные (уровень образования старших поколений, кругозор, акмеологические устремления членов семьи), мировоззренческие (моральные и идеологические ценности, отношение к религии) и др. Следовательно, не каждая семья способна передать подрастающему поколению глубинные ценности, присущие тому или иному народу, показать вклад конкретной семьи (рода) в становление и развитие Отечества, защиту его в годы испытаний.

Проблемы социализации молодежи

При нынешнем состоянии школьного и вузовского образования, когда переписываются учебники и энциклопедии, преподаватели иногда остаются с прежними идеологическими установками, не стремясь обновить содержание учебных дисциплин, при этом напряжение и недоверие между поколениями нарастает.

В Нижнем Новгороде четырежды (1997, 1999, 2002, 2007 гг.) по единой методике проводились опросы учащейся молодежи об Октябрьской революции 1917 г., что позволило проследить динамику оценок этого события молодыми людьми. При этом опрашивались старшеклассники, учащиеся профтехучилищ и техникумов, студенты младших курсов вузов. Исследование показало, что негативные и положительные оценки менялись по годам, что «сумятица в головах и большое количество ответов типа “не знаю” о событиях тех лет объяснима как недостаточной информированностью молодежи, так и противоречивостью источников информации. Лидерами в информировании (получении знаний о том периоде жизни страны) являются учебники и уроки истории (об этом заявили 95% учащихся). Кинофильмы, созданные в последние 15 лет, где революционные события 1917 года преподносятся иначе, чем в советский период, упоминают всего 16% опрошенных. Заметна роль телевидения, художественной литературы и бесед с родителями (!). Треть молодежи указывают мать и отца источниками исторической информации. Но, обратим внимание, история Октября чрезвычайно редко становится темой разговоров и обмена мнениями в компании сверстников. Так что мозаичные, неполные и поверхностные знания современной молодежи об этом периоде истории России скорее правило, чем исключение из него» [1, 37].

Молодежь все чаще черпает сведения из Интернета, расширяя собственное информационное пространство, а некоторые российские педагоги не всегда на «ты» с современными технологиями. Хотя по-прежнему «содержательно становление профессионального мастерства педагога осуществляется благодаря интеллектуальному обогащению, нравственному самосовершенствованию, расширению профессионально-нравственного горизонта. Последнее включает в себя развитие профессиональной ответственности, долга, совести, чести, формирование иммунитета против профессионально-нравственной деформации» [2, 106]. И даже при этих усилиях неизбежны мировоззренческие конфликты, тем более что среди старшего поколения достаточно сталинистов, что показал проект «Имя России». Не все из педагогов, как, впрочем, и родителей, и политиков, прочли «Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования» А.И. Солженицына, рассказы В. Шаламова, «Дом на набережной» Ю. Трифонова и др., мемуары тех, кто творил в недолгий период «оттепели», содействовал перестройке, приветствовал демократические преобразования. До настоящего времени многие граждане России предпочитают больше говорить о порядке и сильной руке, чем о понесенных в годы репрессий человеческих жертвах и сломанных судьбах, закрытости советского общества.

Диалогу между молодежью и властью не способствуют и общественные образования, спектр которых формально широк, но доступ к аудитории есть не у всех. Влиять на молодежь пытаются разные силы (от кремлевских стратегов до националистических лидеров), но объективную социально-историческую картину, взгляд на общее прошлое (даже недалекие 1990-е гг.) дают резко противоположные. Одни считают 90-е лихими годами, временем развала страны, другие – временем политической свободы, построения гражданского общества, третьи – крахом коммунистической империи, четвертые... При агрессии, антагонизме, которые демонстрируют стороны, при отсутствии настоящей политической дискуссии молодежь не всегда способна разобраться в идеях, тенденциях, лидерах, предпочитая позицию «чума на оба ваши дома». Нельзя назвать серьезной попыткой исторического анализа показ ток-шоу на «5 канале» программы «Суд времени», где профессиональные историки ограничиваются репликами: «Даю вам еще 20 секунд!». Впрочем, сама аудитория этого канала крайне невелика, так что даже эти слабые попытки вряд ли способствуют социализации личности молодого поколения, пробуждают у него интерес к общественно-политическим, историко-культурным вопросам прошлого Российского государства, формируют гражданскую позицию, способствуют ценностному самоопределению молодежи.

Социологические исследования показывают падение интереса россиян к политическим процессам, в том числе и в молодежной среде, а также то, «что за последние годы в стране стало “больше страха”. Но сам этот страх, скорее всего, можно понимать как неуверенность, как “опасения” (нежелательных событий, неверных действий и т.п.), а не как прямую угрозу жизни и безопасности людей со стороны власти. Этой характерной для тоталитарных режимов опоры российской власть в настоящее время не имеет» [3, 45]. Можно разделить мнение о том, что «политический нигилизм как отличительная черта современной молодежи стал закономерным следствием неопределенности общественно-политической ситуации в глазах молодежи, отчуждения институтов политической власти от народонаселения России, а также тотального безразличия к политике со стороны большинства россиян» [4, 180]. Подобные тенденции деструктивно влияют на формирование правосознания молодежи, вовлечение ее в общественно-политический диалог с властью, которая не слышит или делает вид, что не слышит о насущных проблемах и не стремится к скорейшему их разрешению.

Это объясняется тем, что «некоторые представители государственной власти и муниципальных органов управления через СМИ и Интернет провозглашают одну систему ценностей (верховенство закона, социальная поддержка и защита работающих, открытость и гласность, демократизм), а в реальной жизни демонстрируют высокомерие, закрытость, равнодушие к судьбам людей, в особенности к молодежи. Иными словами, возникает «идеологическое несоответствие» между провозглашаемым и реальным, что способствует правовому нигилизму и даже цинизму со стороны молодых, которые видят, что совестливые и честные, работающие и неравнодушные не ценятся чиновниками тех или иных уровней, а бедные и больные лишь выслушивают обещания» [5, 89]. Аналитики социологического центра «Левада-центр» подчеркивают, что среди молодых людей «фактически по всем позитивным качествам (законность, честность, близость к людям, прочность, справедливость и др.) показатели, приписываемые советской власти, значительно выше, чем соответствующие данные нынешних властей. А по негативным характеристикам (коррупционность, слабость, удаленность от народа и др.) нынешняя система правления в общественном мнении далеко опережает прошлую. Единственное, не очень значимое исключение – “по уровню образованности, интеллигентности” нынешняя власть не уступает старой» [3, 39]. Несмотря на новые средства связи, в том числе Интернет, в котором можно найти любые сведения, власть не готова к открытому диалогу, конструктивному и правдивому анализу острых социально-экономических, политических, историко-культурных проблем.

Немалую роль в апатичности молодежи и отсутствии интереса к истории Отечества играют СМИ. Серьезные печатные издания не всегда доступны по цене, Интернет есть пока не у каждого представителя молодежи. Зато телевидение борется за внимание аудитории всеми способами, не всегда оглядываясь на межпоколенческие ценности, а порой игнорируя их, доводя изображаемые отношения до абсурда («Дом-2», «Счастливы вместе», «Детектор лжи», «Брачное чтиво» и др.). О каких идеалах мира, свободы, солидарности и преданности целям и задачам прогрессивного развития можно говорить, если телевизионные каналы соревнуются в пошлости и изображении самых негативных сторон человеческой жизни.

Трудно не согласиться с В. Костиковым, который на страницах газеты «Аргументы и факты» горько констатирует: «Какой же образ россиянина лепят наши электронные и кинопрограммы? Ни дня без пол-литра, ни шагу без кружки пива, ни минуты без сигареты. Экраны заполнены так называемыми “народными об-

разами” – охальниками, болтунами, пьяницами, развратными удалцами, прохиндеями, толстобрюхими ментами, похотливыми начальниками, бомжами, бездельниками, небритыми философами-неудачниками, виртуозами-матершинниками. Такое впечатление, что наше население – это какой-то сброд, одни “оборотни в погонах” и без погон» [6, 7]. Государство не влияет на культурно-просветительскую политику каналов телевидения, пожиная печальные плоды (падение образовательного и культурного уровня молодежи). Низкий уровень финансирования культуры (зарплаты работников, фонды библиотек, поддержка кружков, театральных коллективов и др.) приводит к одичанию населения, что заметно невооруженным взглядом.

Полноценный диалог между поколениями никак не может состояться, так как чуткая ко лжи молодежь видит и слышит, что слова представителей власти, как и раньше, расходятся с делом. Борьба с коррупцией подменяется имитацией борьбы, где главными коррупционерами в стране объявляются врачи, учителя и воспитатели детских садов, а не расхитители бюджетных средств в высших эшелонах власти, в правоохранительных органах или в армии.

Показательным примером расхождения слов и дела является такой факт. В выступлении Президента России В.В. Путина 8 февраля 2008 г. на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года» заявлено: «Сейчас можно твердо сказать: с политическим бесправием народа покончено. Мы делаем и будем делать все возможное, чтобы права наших граждан реализовались в полной мере через эффективные институты ответственной и честной власти» [7, 8]. В то же время у российского общества, в частности у молодежи, вопросов больше, чем честных ответов: почему нет выборности губернаторов? являются ли выборы на всех уровнях свободными? используется ли на выборах административный ресурс? почему не борются с настоящими коррупционерами? отчего так много образованной молодежи уезжает за рубеж? почему продолжается алкоголизация населения страны? почему нет мест в детских садах? и др. Вопросам нет числа, но власть их не слышит. А раз так, то и молодежь не желает слушать очередные обещания, не видя для себя ближайших перспектив: достойного образования, приличного заработка, доступного жилья и пр.

Показателем социального неблагополучия является тот факт, что молодежь все больше уходит от реальной жизни: в алкоголизм, в наркотики, в тоталитарные секты, в профашистские объединения, в суицид. Например, «в Свердловской области растет количество подростковых суицидов среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Как сообщили ИТАР-ТАСС, в Свердловской областной психиатрической больнице суицид стоит на первом месте причин смертности среди молодежи. По данным статистики, в Свердловской области 13% суицидальных попыток совершили дети, 21% – люди до 25 лет» [8].

Необходимость взаимодействия молодежи и российской власти

Возникновение моделей деструктивной идентичности происходит отчасти оттого, что многие молодые россияне далеки от культурного и исторического наследия своей страны, от основ православной религии, мусульманства, иудаизма и др., они лишены мировоззренческих установок, которые должны сформировать семья и школа, для них перестали существовать морально-этические запреты. Представители политических и государственных институтов, ранее не озабоченные социально-историческим диалогом поколений, хорошей слышимостью между ними, в последнее время вынуждены реагировать на откровенно опасные экстремистские движения и их националистические выходки, которые с завидной регулярностью возникают в разных регионах России. Общество сегодня требует внятной, детальной, реализуемой на деле, хорошо финансируемой молодежной политики.

Профессор А. Меренков подчеркивает: «Начиная с раннего детства у этой молодежи идет привыкание к насилию: они видят жестокость по телевидению и начинают его воспринимать как норму. Это, во-первых. Во-вторых, молодые люди не проявляют себя ни в чем позитивном: в спорте, работе, творчестве. Опыта созидания чего-либо у них нет. Третье, самое важное: субкультура среди молодежи принимает спонтанные формы насилия. Мне кажется, это не проявление межнациональной розни – просто люди не могут контролировать себя. Сейчас мы пожинаем то, что посеяли в 90-х годах» [9].

Проблемы обретения молодежью идеалов мира, свободы, духовных и культурных ценностей должны волновать не только педагогическое сообщество, но и активизировать принятие конкретных мер разными институтами российской власти. Времени на разговоры уже не осталось, ситуация с молодежью в нашей стране из напряженной на наших глазах превращается в критическую.

Список литературы

1. Балабанов С.С., Куконков П.И. Октябрь 1917 г. в молодежном сознании // Гражданская культура современного студенчества: Материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию ССА-РОС (Екатеринбург, 14 ноября 2007 г); Екатеринбург: УГТТУ-УПИ, 2007. С. 36–39.
2. Ситяева Л.П., Остапенко Н.Н. Становление морального сознания как фактор акме педагога // Акмеология профессионального образования: Материалы 7-й Всерос. науч.-практ. конф., 16–17 марта 2010 г. / ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». Екатеринбург, 2010. С. 105–111.
3. Левада Ю.А. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Власть и властные отношения в современном мире: Материалы IX науч.-практ. конф., приуроченной к 15-летию Гуманитарного университета (г. Екатеринбург). 30–31 марта 2010 г.: Доклады / Редкол.: Л.А. Зак и др.: В 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 2006. Т. 1. С. 34–45.

4. *Полухина М.В., Рычков М.А.* Оценка политической активности современной российской молодежи // Гражданская культура современного студенчества: Материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию ССА-РОС (Екатеринбург, 14 ноября 2007 г); Екатеринбург: УГТТУ-УПИ, 2007. С. 179–181.
5. *Снегирёва М.В.* Стереотипы в подходах к преодолению деформации правового сознания молодежи // Социализация и адаптация подростков и молодежи, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и освобождающихся из мест лишения свободы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Федеральное агентство по делам молодежи, Общественная палата РФ, Межрегиональный благотворительный фонд помощи заключенным, НИИ ФСИН России, ГУФСИН России по Свердловской области; г. Екатеринбург, 20–21 ноября 2008 г. М., 2008. С. 87–90.
6. *Костиков В.* Дурак на стройке капитализма // Аргументы и факты. 2008. № 47.
7. О стратегии развития России до 2020 года: Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета. М.: Европа, 2008. 28 с.
8. [Электронный ресурс]. URL: www.e1.ru/news/spol/news_id-33474.html5 (дата обращения: 06.06.10).
9. *Чукреев И.* Банда подростков-фашистов снимала убийства на камеру! // Комсомольская Правда–Урал. 2008. 11 марта.

VII. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

З.Я. Капустина

Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье раскрывается сущностный смысл проблемы, представлена и показана роль факторов культуры в структуре педагогической деятельности, представлен опыт США.

Ключевые слова: воспитание, формирование, развитие, помощь, педагог, отношения, система, ответственность, процесс общения.

In article the intrinsic sense of a problem reveals, the role of factors of culture in structure of pedagogical activity is presented and shown, experience of the USA is presented.

Key words: education, formation, development, help, teacher, relations, system, responsibility, dialogue process.

Самоопределение не дано индивидууму в готовом виде, его необходимо развивать. Развивать способность к адекватному самоопределению в отношении ценностей, в ограничении своей абсолютной свободы, ориентируясь не на нормы или идеологемы, признавая их ценность, а следуя (при поддержке достойных педагогов) обнаруженным высшим смыслам человеческого бытия, пониманию особого предназначения человека на земле – эти задачи развития личности должны составлять программный контекст современной парадигмы педагогического образования. Стратегия развития личности должна быть сориентирована на ценностно-смысловое восприятие окружающего мира, постижение смыслов воспринимаемого, что выполняло бы побудительную функцию самоизменения, развивало самоопределение [1]. Это сложнейший процесс системной модернизации педагогического образования. В этом плане есть мировой опыт.

Подобная озабоченность американцев проблемой улучшения состояния молодежи и общества в целом в 1919 г. подвигла их к созданию Ассоциации прогрессивного образования, объединившей ученых, бизнесменов, правительственных чиновников, представителей крупных монополий – «прогрессивистов», веривших в то, что школа является средством, улучшающим общество. Главным направлением деятельности ассоциации в вопросах теории стало обоснование индивидуализации и самостоятельности учащихся в процессе обучения и воспитания. Так зарождалась система «Гайденс».

«Гайденс» с англ. – «гайд»: «вести, руководить, направлять» [2]. По сути, так именуется система воспитания гражданственности. Она входит в структуру образования США. Понятие «гайденс» многозначно: Это помощь в затруднительной ситуации, когда человек оказался перед необходимостью принятия решения, при адаптации в новой обстановке или необычных обстоятельствах; это оказание помощи в познании себя и окружающего мира; это помощь в осмысленном применении своих знаний для успешной учебы, выбора профессии, жизненного пути. Считается, что каждый обязан и имеет право сам выбирать свой жизненный путь при одном условии – если этот выбор не причиняет вреда другим людям. Выбор индивидуален и обычно основан на компромиссе между требованиями общества и запросами отдельной личности. При этом учитывается тот факт, что есть люди, которые не способны быть самостоятельными: они ни в чем не уверены, всегда в сомнениях. Таким людям «гайденс» необходима на протяжении всей жизни.

Считается, что почти всем такая помощь нужна в детстве, подростковом, юношеском возрасте. Нередко бывает: человеку кажется безвыходной ситуация, а объективный и доброжелательный взгляд со стороны помогает увидеть новые грани проблемы, иные подходы, возможные варианты решения. Люди издавна обращались к мудрецам за советом, дабы извлечь урок из чужого опыта. Система «гайденс» помогает на основе не только опыта. Ставка делалась на развитие умственных способностей, на развитие тех личностных качеств, которые необходимы профессионалам. Это прежде всего ответственность, способность критически мыслить и использовать информацию, умение сотрудничать с другими людьми и адаптироваться к изменяющимся условиям. Чтобы научные рекомендации были приемлемыми практически, нужна информация для граждан, нужно понимание и сотрудничество, обеспеченные длительной предварительной работой, для этого в системе «гайденс» определен ряд специалистов.

Специальные отделы «гайденс» есть как в министерстве образования США, так и в каждом штате. Они координируют деятельность «гайденс» других округов и проводят консультации.

В каждом школьном округе, как и в отдельных школах, разрабатываются собственные программы «гайденс». Их задача сформулирована в общем виде как содействие наиболее полному развитию потенциальных возможностей каждого школьника. Для этого в школах создаются специальные структуры, куда входят директор с заместителями, главный специалист службы – каунслер и несколько опытных, авторитетных для детей педагогов. Задача их – изучать проблемы школьников, в решении каких вопросов необходима помощь взрослых. Далее разрабатывается программа деятельности службы с учетом актуальных проблем для разных возрастных групп детей. Такой метод планирования позволяет сделать воспитание и обучение целенаправленными и согласованными с интересами и уровнем развития учащихся, дает возможность проследить динамику этого развития, помогает педагогам корректировать свою деятельность по руководству развитием личности. Планирование работы «от ребенка» делает «гайденс» гибкой и эффективной системой.

Составляющие системы «гайденс». В каждом школьном округе есть школьный совет, ему принадлежит выбор целей и задач образования в округе. Организацией работы всех учебных заведений на территории округа занимается суперинтендант школ вместе со своими заместителями и инспекторами. Этот руководитель и директор школ в силу своих должностных обязанностей несут ответственность за выполнение программы «гайденс». Они осуществляют общее руководство, занимаются кадровыми вопросами, материальным обеспечением службы, периодически проводят оценку ее эффективности, организуют обучение школьного персонала.

В сферу деятельности вовлечен большой круг лиц. Чтобы обеспечить их взаимодействие, перед началом нового учебного года координатор знакомит всех сотрудников школы с задачами программы. Конкретные обязанности распределяются в соответствии с функциями участников. Ведущий принцип программы – индивидуальная ответственность. Каждый сотрудник школы должен отчетливо представлять цели программы, свои функции в ней и активно участвовать в общей работе. Специально оговаривается, что дублирование исключается, каждый исполняет свои обязанности и не вмешивается в дела коллег. В случае необходимости допускается добровольная и квалифицированная консультация друг друга.

В команду «гайденс», помимо координатора (каунслера), входит социальный сотрудник, психолог, сотрудник, отвечающий за посещаемость учащихся, учителя-консультанты, учителя «домашней комнаты», атташе по связям с организациями юстиции, ассистенты-секретари.

Здесь ключевая фигура программы – каунслер. Это специалист с высшим педагогическим образованием, который дополнительно прошел подготовку на 1–2-годичных курсах по специальности «гайденс».

Для поступления на эти курсы необходим стаж работы в школе от 2 до 5 лет. Претендент должен иметь степень магистра педагогики, диплом со средним балом не ниже «4», высокие показатели по тесту измерения умственных способностей и положительные рекомендации с места работы. К кандидату предъявляются такие требования: хорошо знать цели «гайденс», обладать коммуникативными способностями, иметь склонность к исследовательской работе. На курсы по решению специальной комиссии принимаются только лица, полностью отвечающие установленным требованиям.

Справиться с многообразием задач каунслеру помогают полупрофессионалы. К этой категории относятся учителя-консультанты (совмещают преподавание с консультированием), ассистенты каунслера и психолога, технические секретари. «Полупрофессионалы» проходят обучение на краткосрочных (8–10 недель) курсах, где получают навыки выполнения отдельных функций. Например, проводят индивидуальные беседы по заранее составленному плану, фиксируя полученную информацию, подбирают литературу для школьников по интересующим темам; устанавливают контакты с «трудными» детьми. Ассистенты проводят тестирование, сбор информации о профессиях, готовят к использованию технические средства, устанавливают деловые контакты в общине. Словом, это помощники – их контакты с детьми нередко не менее прочны и полезны.

Значима и роль учителей-предметников. Они в течение нескольких лет собирают материал для каунслера – рисунки, сочинения, анкеты (досье).

Сотрудник, отвечающий за посещаемость учащихся, отмечает и выясняет причины отсутствия учеников. Его задача устранить причины – провести беседу, устроить собрание в классе, направить ученика к каунслеру.

Социальный сотрудник работает по совместительству в нескольких школах с теми, кто нуждается в специальной социальной помощи, это дети с отклоняющимся поведением – алкоголь, наркотики, правонарушения. Симптомы замечает учитель, он направляет к каунслеру, тот направляет к социальному сотруднику (социальному педагогу), последний проводит обследование семьи, собирает материалы о поведении в школе и вне школы. На основании собранных сведений и заключения социального работника ведется дальнейшая работа, иногда подростка направляют в исправительные заведения.

Психолог часто также работает по совместительству в нескольких школах. Участвует при комплектации классов, работает индивидуально и с группами – занимается психотерапией, консультирует учителей, родителей, каунслеров по вопросам психического развития детей. В сложных случаях ребенок направляется к психиатру или в клинику неврозов.

Среди помощников каунслера – учитель «домашней комнаты» Здесь дети каждый день собираются вместе. Это может быть 10-минутная встреча, а может 2-часовая. Эти встречи планируют специально учитель и каунслер, на них обьявляется информация, проводятся консультации, беседы, дискуссии. Это более гибкая система, чем наши классные часы.

К сфере «гайденс» относят любую деятельность, способствующую развитию ребенка. К ней причисляют медперсонал, что контролирует состояние здоровья детей, библиотекарь – помогает формировать познавательные интересы, обслуживающий персонал – их доброжелательность к детям оказывает на них положительное воздействие.

Всех объединяет и в определенном смысле направляет главный (старший) каунслер.

Для любого сотрудника, педагога, воспитателя важны такие качества, как широта взглядов и толерантность. Каунслер регулярно предлагает педагогам такие вопросы, которые раскрывают их взаимоотношения (Кто из учеников больше похож на вас? Кто меньше? Кто вам больше нравится? Не нравится? Кто вызывает наибольшую тревогу, неприязнь? Кто из детей отличается среди других, как вы к этому относитесь, как вы помогаете проявить свою индивидуальность. Кого вы чаще других отличаете? Почему?). Стиль общения очень важен, может стать образцом для учеников на всю жизнь.

Хорошего учителя (с точки зрения американских исследователей) отличают интерес и любовь к детям, искренность, энтузиазм, дружелюбие, тактичность, терпение, готовность прийти на помощь, справедливость, оптимизм, чувство юмора.

«Гайденс» – это комплекс служб, созвездие их. Ориентируясь на общую цель – личностное развитие детей, они решают конкретные задачи.

Служба измерения (оценочная, психодиагностическая) – главная ее задача – собирать, систематизировать, оценивать, анализировать всю информацию о ребенке, чтобы иметь научную основу для прогнозирования его развития. При поступлении в школу заводится на ребенка досье – «личное дело», пока он учится, все материалы хранятся. Каунслер систематически знакомит учителей, родителей и иногда самих детей с материалами досье. Знакомство с новеньким начинается с изучения этого документа, но и проводится тестирование. Досье пополняется наблюдениями, рекомендациями, сведениями о состоянии здоровья, домашних условиях, успеваемости, участии в общественной работе. Пополняются данные о потенциальных возможностях, специфических интересах, профессиональных склонностях, планах на будущее. Специальный раздел отведен для информации о взаимоотношениях ребенка с родителями, педагогами, сверстниками. Важны и сведения о домашних условиях, занятиях родителей, их образовании, районе проживания, этнической принадлежности, языке, которым говорят в семье.

Информационная служба – информация о деятельности «гайденс». Задача – помочь ребятам разобраться в этой информации применительно к какой-либо ситуации. Имеются справочники с расписанием работы школы, расписанием занятий, правилами поведения, списком клубов, секций, их краткой характеристикой, перечень элективных (по желанию) предметов (их до 200). В кабинете каунслера собрано множество справочных изданий по вопросам выбора профессии. Такие справочники помогают молодежи ориентироваться в спектре возможностей. Специально в помощь сотрудникам «гайденс» выпускаются пособия. Это программы социального и эмоционального развития учащихся разного возраста, видеозаписи бесед, упражнения, анкеты. Высокая техническая оснащенность расширяет возможности влияния на формирование личности школьника.

Служба консультирования (каунслинга). Эта служба считается одной из самых важных, ибо через нее ведется непосредственное воздействие на личность. Здесь работают только профессионалы. Каунслинг – это взаимодействие ученика и взрослого, помогающего личности в познании самого себя и окружающего мира, в результате вырабатываются цели и ценности будущего поведения. Формы: интервью, собеседование конфиденциально. Здесь предполагается заинтересованность обеих сторон, когда школьник испытывает потребность в какой-то информации, совете, помощи, когда ему необходимо понимание взрослого, когда собственных знаний, опыта недостаточно, чтобы справиться с жизненными обстоятельствами. Каунслер по роду деятельности и по личным качествам сориентирован на такую помощь. Каунслингу предшествует изучение материалов досье. Собеседование предусматривает создание особой обстановки, располагающей к доверию и открытости. Кабинет каунслера находится, как правило, в тихой части здания, уютная комната, украшенная картинами, фотографиями, цветами, ее оформляют частично сами учащиеся. Мебель проста, но красива, столы и стеллажи в порядке, атмосфера спокойная, непринужденная, доброжелательная. Сюда охотно приходят дети и взрослые.

Обе стороны осознают важность процесса общения. Что-то должно измениться после него, может быть не в поведении, но в отношении, в понимании, в оценке каких-то явлений. Вся программа «гайденс» ориентирована на развитие самостоятельности и ответственности, и потому много внимания уделяется развитию самопознания и самооценки.

Служба направления занимается устройством на работу, на учебу. На работу устраивают не только выпускников, но и учащихся, кто не может продолжать учиться в школе, может работать и учиться по вечерам по сокращенным программам. Им каунслер подбирает предметы, которые помогут скорее освоить специальность на производстве.

У каунслера имеются прочные контакты с местной службой трудоустройства. Он имеет информацию о вакансиях, направляет по адресам, обеспечив соответствующими рекомендациями. Эффективность зависит от успешности проводимой ранее работы по профориентации.

Для оценки качества работы существует **служба контроля** за результатами программ «гайденс», выполняющая функцию обратной связи. Она изучает, как сложилась судьба выпускников. Спустя год, три, пять лет после окончания выпускники получают анкеты: насколько реальными оказались их жизненные планы? Какие проблемы им пришлось решать? Обобщение материалов и их анализ важны в плане дальнейшей работы с детьми. Оценка самими выпускниками уровня собственных знаний, навыков, представлений о жизни, сравнение желаемого с действительным позволяют изнутри увидеть достоинства и недостатки системы.

Другие сотрудники системы ведут наблюдения, фиксируют результаты, отвечают на вопросы каунслера. Для работы с людьми, хорошо знающими ученика, используются карточки с перечислением черт характера, могут быть и обширные анкеты. В карточке отмечается: умение сотрудничать с людьми, исполнительность,

инициатива, надежность, подчинение правилам и законам. (т.е. социальные отношения, черты, влияющие на поведение, на учебу, на социальную эффективность), есть и «Отчет о случаях» – описание какого-то эпизода, замеченного взрослым. На такой карточке пишутся имена школьника и наблюдателя, время, дата, описание случая и обстановки, в которой он произошел. Есть и «Контрольный лист проблем»: перечень проблем, типичных для детей данного возраста. Эти списки составляются учителями совместно с каунслером, раздаются детям в классе, они отвечают. Они дают основу для индивидуальных бесед.

Следует заметить, что доктрина ценностного нейтралитета в воспитании, когда учителя не желали влиять на воспитанников, в какой-то мере усугубила моральный кризис. В последние десятилетия «гайденс» стала серьезно заниматься ценностными ориентациями обучающихся. Без такого рода информации человек беспомощен. Неинформированная личность – объект манипуляции на любом уровне. Поэтому школьников специально учат, как получать и использовать информацию: слушать и слышать, делать заметки, обсуждать услышанное.

Вырабатывается умение восприятия. Каунслер учит высказывать свое мнение, преодолевать влияние конформизма. Усилия педагогов направлены на привитие детям навыков успешного взаимодействия с окружающими. Часто в конце занятия каунслер оставляет несколько минут, чтобы ребята похвалили друг друга за что-то полезное, хорошее, сделанное для группы. Даже в ситуациях соперничества каунслер учит доброжелательности.

В старших классах уделяется внимание общественно-гражданскому воспитанию. Изучаются основы государственного устройства, обязанности гражданина, усваиваются понятия о гражданской ответственности. Установка школы: адаптивность в сочетании с самоконтролем, психологическая зрелость, коммуникативность, лояльность к властям, умение принимать решения, правильно строить взаимоотношения с окружающими. Старшеклассники стремятся привлечь к активной общественной деятельности.

«Гайденс» стремится помочь найти свое место в жизни всем – и сильным, и слабым. Она охватывает все воспитывающие силы общества – семью, школу, общину, церковь. Широкое многообразие программ (о гуманном и просвещенном отношении ко всем стадиям человеческой жизни, о потере близких, каков выбор супруга и т.д.).

Подобные системы существуют как обязательные атрибуты образования в Англии, Норвегии, Швеции, Швейцарии.

Следует заметить, что ценностное самоопределение предполагает познание ценностей, осмысление ценностных ориентаций, формирование ценностных отношений – все это затрагивает концептуальную, операциональную, инструментальную, процессуальную части, которые выходят за рамки современной педагогики, касаются непосредственно теории культуры – культуры как процесса, способа, результата становления человеческого в индивидууме [3].

Верится, что многие социальные, педагогические и социально-педагогические противоречия и проблемы разрешатся при сопряжении педагогики с культурологией.

Список литературы

1. Дугин А.Т. Поведение как отношение. Великий Новгород, 2001.
2. Педагогическая энциклопедия. М., 1993. Т. 1.
3. Веселова В.В. Билет в будущее. М., 1990.

В.С. Веселова

Волжский государственный инженерно-педагогический университет, Нижний Новгород, Россия

ОБРАЗОВАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА

В статье «Образованность человека XXI века» автор проводит сравнительный анализ понятий «образованность» и «профессионализм», рассматривает критерии образованности современного человека, затрагивает вопрос о появлении «интеллагента» как субъекта образованности.

Ключевые слова: культура, воспитание, образованность и профессионализм человека, современное общество.

The author of the article «"Educatedness" of the Person in the XXI-st Century» carries out a comparative analysis of concepts «education» and «expertise», considers different criteria of the quality of education in the modern society. In the author's opinion, today a new subject of "being educated" is coming to existence, which may be called "Intel-Agent".

Key words: culture, upbringing, education and expertise, modern society.

Немецкий мыслитель Гегель в книге «Феноменология духа» писал: «То, благодаря чему индивид обладает значимостью и действительностью, есть образованность» [1, 288]. А.С. Пушкин употребляет слово «образованность» для обозначения совокупности качеств, манер поведения, как синоним воспитанности: «Он вскоре отвык от привычек своей детской образованности и сделался совершенным индийцем»; а также как синоним понятий «культура», «цивилизация»: «Уважение к минувшему вот черта, отличающая образованность от дикости» [2, 47–48]. Метко подмечено отличие учености от образованности в русской пословице: «Не нужен

ученый, а нужен смысленный» [3, 374]. В работе И.В. Киреевского «Обзор состояния нашей литературы» термин «образованность» используется в сочетаниях: «литературная образованность», «наша образованность», «степень образованности», «высшая образованность», «европейская образованность» [4, 217–221].

В отечественной педагогике понятие «образованность» разработано основательно. Как правило, это результат, продукт процесса образования. К примеру, академики РАО Б.М. Бим-Бад и А.В. Петровский дают следующую трактовку термину «образованность»: «Эффективность образования определяется его результатами в сопоставлении их с целями и средствами достижения: вкладом в создание материальных/экономических и духовных ценностей, в обучение новых поколений искусству правильно жить не только в будущем, но и в сегодняшней действительности. Результаты достижения целей называются образованностью, уровни которой характеризуют и индивида, и общество и проявляются как в содержании сознания, так и в характере поведения. Отслеживая результаты образования, мы приобретаем необходимую для его совершенствования “обратную связь”» [5, 10].

На сегодняшний день «образованность» нередко упоминается в созвучии со словом «профессионализм». Зачастую эти два понятия отождествляются, несмотря на то, что профессионализм, несомненно, является более узким понятием. Каковы же основания для подобного отождествления? И чем эти понятия отличаются?

Во-первых, это явление имеет социально-психологическую подоплеку. Как уже было отмечено, «образование» в качестве социального идеала за последние годы дискредитировано. Стало понятно, что само по себе высшее образование уже не обеспечивает высокого положения в обществе, как это было раньше. Профессионализм, профессиональная компетентность, в основе которой – природные задатки, мощная мотивация самосовершенствования, трудоспособность и общая целеустремленность, вполне соответствуют роли нового социального идеала, удовлетворяющего глубинные психологические потребности в безопасности, уважении, собственной личной состоятельности.

Профессиональная компетентность обеспечивает человеку ряд социальных благ – экономическую свободу, независимость, самостоятельность, уверенность в себе, позитивные перспективы и оптимистическое будущее. Профессионализм позволяет иметь более приятное социальное окружение, обеспечивает востребованность на рынке труда, обеспечивает достойное материальное существование.

Во-вторых, категории «образованность» и «профессионализм» имеют общую смыслообразующую характеристику: направленность на развитие.

Но профессионализм изначально ориентирован на овладение некой профессией, имеет узкое направление, применение. Образованность сразу, в отличие от профессионализма, предполагает уровень культуры, определенные черты характера, располагающие к общению. Случается, что человек – профессионал, хорошо владеет своей профессией, своим ремеслом, но не хватает терпения, порядочности и т.д. В нашем понимании это присутствует у образованного человека. Необходимо сразу подчеркнуть, что наличие диплома не является гарантией образованности человека. Таким образом, профессионализм можно рассматривать как часть образованности.

Категория «образование» может быть рассмотрена в нескольких ракурсах:

а) образование относительно человеческой деятельности:

как одна из ценностей человеческой жизни; как часть культуры, включающая в себя искусство, религию (например, в концепции С.И. Гессена); как функция самовоспроизведения общества; как сфера деятельности, посредством которой осуществляется самовоспроизведение общества;

б) образование относительно развития индивида:

как процесс становления личности человека; приобщения индивида к общекультурным ценностям и освоения им культурного наследия человечества; профессиональной подготовки в рамках учебного заведения;

в) как результат:

образование как уровень развития личности, предполагающий принятие индивидом «абсолютных» ценностей культуры (критерий – принятие «безусловных» целей – ценностей); как та или иная степень приобщения индивида к культурному опыту человечества во всех его областях (критерий – спектр и глубина познаний индивида в различных областях человеческой деятельности); как некий уровень знаний и квалификации, достигнутый в процессе специальной подготовки (наличие среднего, среднего специального, высшего образования).

В рамках данной классификации значение «образования», относительно развития индивида, рассматривается с точки зрения трех степеней сложности.

Соотношение этих трех значений образования можно представить следующим образом:

1) максимально широкое значение – принятие индивидом ценности дальнейшего развития культуры (образование творческой личности);

2) более узкое значение – это культурное становление человека (образование культурного, цивилизованного человека);

3) наиболее простое и конкретное значение этого понятия проявляется на уровне профессионального обучения (образование специалиста в той или иной сфере деятельности).

Образованность, на наш взгляд, определяется не как присвоение культурного, духовного опыта человечества, а как принятие ценности дальнейшего развития культуры; изучение культурного наследия не для того, чтобы знать – похоронить его в себе, но знать, чтобы развить, продолжить, передать последующему поколению.

Таким образом, именно та ступень развития человека, на которой он осознает необходимость непрерывности процесса образования и, вместе с тем, невозможность полного разрешения задач науки, искусства, права, представляется уровнем действительной образованности.

Кроме того, осознание непрерывности процесса совершенствования – качество, определяющее абсолютный характер любой ценности. Именно это качество объединяет понятия «образованность» и «профессионализм».

Делая ставку на профессионализм, человек оказывается вовлеченным в постоянный процесс самосовершенствования. Остановка – это потеря темпа и отбрасывание на ранние стадии развития, что потребует дополнительных усилий на новое восхождение. Компетентность и мастерство – явления не статичные, их нельзя достичь раз и навсегда (равно как и «образованность»).

В отношении профессионализма вполне применим один из основных критериев «действительной» образованности – ориентация на постоянное совершенствование.

Попытаемся определить критерии образованности человека.

Наше изначальное предположение состояло в том, что при оценке уровня образованности люди зачастую придают значение внешним, формальным признакам, не учитывая глубинного содержания этого понятия. Однако «глубина» понимания не зависит от наличия высшего образования именно потому, что «наличие высшего образования» само по себе есть формальный признак образованности человека. По этому поводу в литературе принято выделять индекс образованности населения [6, 5–14].

К счастью, действительно культурных, просвещенных, интеллигентных и профессиональных людей (а именно эти качества личности, на наш взгляд, наиболее точно отражают сущность понятия) можно встретить на всех ступенях образования и в жизни. Это может быть и школьный учитель, и мастер на производстве, и профессор в университете.

В качестве основных элементов понятия «образованность» выделим:

- 1) просвещенность, высокий уровень развития культуры;
- 2) профессионализм;
- 3) тактичность, интеллигентность;
- 4) коммуникативные способности, умение налаживать отношения с людьми.

Все четыре аспекта едины в том плане, что предполагают развитие интеллектуальных, поведенческих, деятельностных способностей на уровне, позволяющем осознавать смысл и взаимосвязи явлений, предметов, проникать в сущность отношений.

Первый элемент характеризует наиболее общий культурный аспект образованности. Второй – отражает уровень технологической оснащенности, позволяющей осуществлять соответствующую деятельность; третий и четвертый – тактичность и интеллигентность – непосредственное проявление образованности человека при общении с другими людьми.

Выделенные четыре показателя можно считать показателями первого порядка, первого уровня. На их основе мы попробовали выделить показатели второго порядка. Это наличие высшего образования, начитанность, эрудиция, умение вести себя в обществе, умение писать грамотно, честность, порядочность, общительность.

Однако не следует образованность и интеллигентность считать синонимами. К примеру, Д.С. Лихачев писал: «Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью... Школьником я был на Севере у поморов. Они поразили меня своей интеллигентностью, особой народной культурой, культурой народного языка, особой рукописной грамотностью (старообрядцы), этикетом приема гостей, этикетом еды, культурой работы, деликатностью и пр. и пр.» [7, 480, 486].

«Социальный долг человека – быть интеллигентом», – пишет Д.С. Лихачев. – В первую очередь перед самим собой. Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям» [8, 62–63]. В таком понимании интеллигентность – не социально-профессиональная характеристика, а скорее нравственно-психологическая, т.е. говоря об интеллигентности, будем иметь в виду в качестве ее носителя не представителя интеллигенции как социальной группы, а интеллигентного человека (интеллигента) как носителя специфических человеческих качеств. Значит ли это, что интеллигентность никак не связана с профессиональными занятиями человека? Наверняка, ведь интеллигентным может быть человек любой профессии и социальной принадлежности, однако есть виды деятельности, которые требуют интеллигентности от тех, кто ими занимается. Например, учитель, преподаватель, врач.

Итак, мы ответили на вопрос – кто есть образованный человек, т.е. какие компоненты образованности он должен иметь. Обратимся сейчас к нашему времени, к современной жизни и попытаемся понять, далеко ли теоретическое представление об «идеале» образованности от действительного?

По мнению современных исследователей, понятие «интеллигент» как воплощение образованного человека скоро будет «сдано в архив или оттеснено в историю русской философии», в словарях будет отмечено как устаревшее.

В.А. Кутырев пишет, что на смену интеллигенту (субъекту культуры, духовности и морали) в современном мире пришел интеллектуал (субъект науки и техники, носитель ментальности, рационализма и технологии, живущий в автоматизированном обществе). «У интеллектуала, в отличие от интеллигента, помимо хорошей работы не может быть какой-либо “миссии”: он актер, у него роль» [8, 23–29].

Другой, более важный момент: по мнению В.А. Кутырева, интеллектуал в нашем мире становится не субъектом образованности, а агентом. С этим вполне можно согласиться, ведь «агент, в отличие от субъекта, не обладает самостью, он всегда “представитель” другого, “резидента”. А “резидент”, в свою очередь, представитель первого агента. В результате все резиденты-субъекты, интеллигенты и интеллектуалы становятся агентами коммуникации – *интеллагентами*» [8, 26].

Интеллагент-носитель новой посткультурной технической ментальности, экономизма, (не)субъекта «духа» и «общественного сознания» Техноса. По мнению автора, реальная среда обитания интеллагентов – виртуальная.

В виртуальный мир погружают сейчас и образование. Если в современном мире слово учителя заменяется компьютерным звуком, живое общение – «общением», коммуникацией через Интернет, живые лекции – виртуальными, одним словом, система образования становится полностью информатизирована, виртуализирована, естественно, что появление агента, интеллагента не вызывает удивлений.

Названные ранее компоненты образованности приобретают при таком раскладе другое звучание. Просвещенность в случае с интеллагентом будет сводиться к информированности, к знанию новинок, обновлений в Сети. Коммуникативные способности, налаживание отношений между людьми значительно упрощаются, люди обмениваются графическими улыбками, пустыми взглядами, жестами рук. Эмоции, чувственные переживания уходят на второй (последний) план, о тактичности речи вообще не идет. Профессионализм и культура в таком симулированном состоянии не поддаются оценке и анализу.

Естественно, что речь идет о возврате субъекта, так как у него больше шансов сохранить самобытность, остаться носителем культуры, быть субъектом образования как мыслящим субъектом, субъектом социальности и будущего. Дильтей, размышляя о таком субъекте, иронизировал: в жилах гносеологического субъекта течет «не настоящая кровь, а разжиженный сок разума в виде чисто мыслительной деятельности». По существу, и само образование в идеалах Просвещения предстало как процесс такого «очищения», а образовательным идеалом становилась «гуманность» в абстрактной форме одинакового во всех людях разумного существа. Солидаризируясь с Дильтеем, Шелер считал, что это большое заблуждение не только XVIII, но и XIX, XX столетия, и, размышляя о философской природе образования, он резко выступал против этой односторонней, абстрактно-рациональной идеи гуманности, ибо «дух» уже в самом себе индивидуализирован, а наряду с образованием ума существует «образование сердца, образование воли, образование характера» [10, 217].

Соответственно проблема образованного человека не исчерпывается обычным познанием «индивидуальных особенностей» человека. Речь идет о процессах понимания, осмысления, наконец, переживания, происходящих на индивидуальных уровнях, тесно связанных с познанием истины и предшествующих собственно «восхождению ко всеобщему» в образовании.

Таким образом, чтобы сохраниться как субъекту истории, в будущем субъекту образовательного общества необходимо в первую очередь оставаться человеком, личностью со своими переживаниями, размышлениями, со способностью мыслить, рассуждать.

Надежда в формировании человека «образованного» возлагается сегодня – на подрастающее поколение и хороших учителей. И в этом случае мы говорим о двух ключевых фигурах образования: новом человеке – «образованном» человеке и, конечно же, учителе как источнике, носителе этой самой образованности.

Идею о том, что образование человечества зависит от образования молодого поколения, высказывал еще Н.Г. Чернышевский. Он писал: «Как всякое развитие, так и ход человеческого образования может быть ускорен и замедлен, остановлен во времени, даже на несколько времени возвращен назад: так, телесные силы не только остаются без приращения во время жестоких болезней, но и после того, как болезнь пройдет, человеку необходимо долгое время, чтобы совершенно оправиться и войти в прежние силы. Бывают также и такие благоприятные обстоятельства, что силы нашего тела развиваются, как говорят, не по дням, а по часам. Точно так же случается и с развитием умственных сил каждого человека, то же и с ходом образования целого человечества. Как ускорение, так и замедление образования и вообще весь ход его зависит от молодого поколения; и власть его в этом случае простирается не только на настоящее, но и далеко в будущее» [10, 192–193]. По мнению автора, молодое поколение имеет величайшее влияние и на будущие успехи человечества, и на пути развития образования.

Список литературы

1. Гегель Г. Феноменология духа. Философия истории. М., 2007.
2. Словарь языка А.С. Пушкина. Т. III. М., 1957.
3. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
4. Антология педагогической мысли России первой половины XIX века. М., 1987.
5. Бим-Бад Б.М., Петровский А.В. Образование в контексте социализации // Педагогика. 1996. № 1.
6. Руткевич М.Н. Динамика образованности населения России в XX в.» // Социс. 2007. № 10.
7. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989.
8. Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре / Сост., подготовка текста и вступ. ст. Д.Н. Бакуна. М., 2006.
9. Кутырев В.А. Субъекты образованности: интеллигент-интеллектуал-интеллагент // Alma mater. Вестник высшей школы. 2007. № 10.
10. Шелер М. Формы знания и образования // Изб. произв. М., 1994.
11. В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов. Педагогическое наследие. М., 1988.

ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

В центре внимания автора находится взаимосвязь процессов социализации молодежи со структурой образовательного пространства. Модернизация образовательного пространства и образовательных практик в результате становления общества является мощным фактором влияния на выбор жизненных приоритетов молодежи.

Ключевые слова: молодежь, образовательное пространство, социализация, общество знаний.

In the center of attention of the author there is an interrelation of processes of socialization of youth with structure of educational space. Modernization of educational space and educational practice as a result of formation of a society of knowledge becomes the powerful factor of influence on a choice of life priorities of youth.

Key words: youth, educational space, socialization, a society of knowledge.

В XXI в., в эпоху глобальных изменений в области политики, экономики и культуры, затрагивающих все существующие цивилизации, проблемы образования, его настоящего и будущего становятся весьма актуальными. Изменяется не только роль образования в современном обществе, изменяется его статус, значение и сама форма. Как отмечают многие исследователи, к этому закономерно ведет логика общественного развития в рамках западноевропейской рациональности. Образование, как процесс освоения «знания», повсеместно заменяется на процесс «обретения компетенций». В понятие компетенции входит «прирожденная склонность (одаренность), способность (свойства личности), умение, навыки...» [1], то есть меняется главное – цель процесса образования. Соответственно происходящим изменениям в образовании важно переосмыслить то, как создается и воспроизводится важнейшая социальная группа, представители которой, если воспользоваться терминологией П. Бурдьё, обладают интеллектуальным капиталом, то есть в глазах остального общества выступают наиболее компетентными в решении культурных, экономических или политических вопросов. Речь идет о представителях интеллектуальной элиты.

Интеллектуальную элиту традиционно отождествляют как с учеными, так и интеллигенцией. Чаще представителей «интеллектуальной элиты» именуют **«интеллектуалами»**, людьми, основная задача которых осмыслить социальные, политические, экономические явления, события, процессы, происходящие в обществе. К этой группе традиционно относят ученых, писателей, журналистов, политиков. В отличие от русской «интеллигенции», чей социальный статус определялся и определяется особенностями социальной структуры и ценностными приоритетами исключительно российского общества, интеллектуальная элита в западноевропейском социальном пространстве занимает вполне определенные позиции. Как правило, интеллектуал на Западе – это человек, профессионально занимающийся мыслительной деятельностью, которая с точки зрения рынка труда является основным видом его деятельности, а с точки зрения экономики – основным источником дохода.

Ко второй группе, относящейся к интеллектуальной элите, мы можем отнести **ученых**, основная задача которых – способствовать научно-техническому прогрессу цивилизации, накапливать и транслировать знания, привносить и развивать инновации, вкладываясь в процесс экономического развития.

К третьей группе мы относим особую социальную группу, называемую класс **экспертов** или **профессионалов**. Зависимость современного общества от класса экспертов показал и предсказал Ю. Хабермас [2, 11].

Профессионал – человек с достаточно высоким уровнем компетенции в узкой конкретной области специализации. Если ранее в европейском обществе круг профессий, от которых зависело благосостояние граждан, был достаточно узок, то сегодня многие исследователи говорят о зависимости благосостояния общества от существования экспертов.

К четвертой группе закономерно могут быть отнесены **педагоги**. Именно педагоги отвечают в обществе не только за передачу следующим поколениям культурного наследия человечества, но и за поиск новых способов осмысления действительности.

В рамках *меритократического* подхода, который реализуется в данной работе, мы отводим интеллектуальной элите значительную роль в функционировании всей социальной системы.

Элитарность – есть определенный набор социальных качеств личности. Главное качество, характеризующее интеллектуальную элиту, способность создавать, аккумулировать, воспроизводить интеллектуальный капитал социума. А. Ашкеров в этой связи выдвигает концепцию «экспертотократии» как социальной системы будущего, в которой именно элите будет поручена забота обо всем человечестве. Кратко концепция может быть выражена в ряде пунктов.

1. В современном мире на первый план выходит технология передачи информации и новые возможности коммуникации, а производство качественной информации уходит на второй план.

2. Процесс трансформации информации в капитал под влиянием медийной структуры приводит к появлению экспертотократии как особого рода символической власти.

3. Функциональной особенностью экспертотократии становится превращение образовательной и исследовательской деятельности в деятельность сервисную, и в этой связи изменяются роли и функции традиционных институтов передачи знаний.

4. Интеллектуальный капитал берет на себя руководство процессом социализации. Социальные роли технологизируются, что влияет на свободу человеческого выбора.

Данную концепцию критикуют, в частности Р. Евстафьев, за отсутствие эмпирического базиса и излишнюю метафизичность [3]. Подвергается критике позиция о самом влиянии экспертов на жизнь современного общества, а также компетентность политических экспертов в современных российских условиях. В. Иноземцев пишет по этому поводу: «Есть понятие технократии, есть понятие меритократии, но понятие экспертократии – сугубо наше... Российское экспертное сообщество в значительной мере среди влиятельных экспертов выключено из процесса каждодневной, креативной, нормальной исследовательской работы. Мне кажется, что с каждым годом мнения наших экспертов все больше становятся мнениями неспециалистов, дилетантов» [4]. Поэтому закономерны вопросы к концепции экспертократии: кто он – представитель интеллектуальной элиты современности? какое влияние он оказывает на жизнь в нашем государстве?

Сама мысль о возможности безграничного доверия представителям интеллектуальной элиты вызывает острую дискуссию, в частности, о том, насколько такие взгляды соотносятся с идеями демократии и либерализма.

Примечательна в данном контексте работа Ф. Фишера «Демократия и экспертиза: переориентирование политического запроса», в которой он исследует то, насколько отдельный гражданин оказывается в зависимости от экспертизы в области политики, и как в этой связи могут быть ограничены его политические права [5, 120]. Готовы мы отдать власть в обществе сообществу немногих, пусть даже экспертов в области управления? Мы не берем отдельно рассмотрение соотношения понятий интеллектуальной и политической элиты. Политические элиты широко представлены классическими теориями элит В. Парето, Г. Моска, Р. Михелса и др.

Среди подходов к теории элит в современной социальной философии мы выделяем два основных:

- 1) *ценностный*, объясняющий существование элиты определенным «преимуществом» – интеллектуальным, моральным и т.п.;
- 2) *структурно-функциональный*, рассматривающий исключительно элиту в качестве необходимого элемента в структуре управления обществом.

Опираясь на эти подходы, мы постараемся просмотреть условия формирования интеллектуальной элиты через такой социальный механизм, как образование. Интеллектуальная элита, отвечающая за сохранение существующих моделей поведения и нормативных императивов, а также за построение на их основе инновационных способов осмысления стоящих перед обществом проблем, нуждается в механизмах своего воспроизводства и налаженных каналах передачи данных способами широким слоям населения, и такие механизмы функционируют за счет системы высшего образования.

Чтобы представить заявленную проблему более развернуто, мы должны поставить ряд следующих исследовательских задач:

- 1) определить, какую роль играла (и играет) система высшего образования в процессе формирования интеллектуальной элиты современности;
- 2) рассмотреть трансформационные процессы, проходящие в современном образовании, и выделить их последствия;
- 3) обозначить специфику российской системы образования и оценить возможности ее модернизации.

Для начала мы должны определиться с пониманием того, что же представляет собой система образования? Современная система образования, в том числе и высшего, в основном была сформирована в XVIII начале XIX вв. в трудах Песталоцци, Гербара, Дьюи и других основателей научной педагогики. Несмотря на длительный этап эволюции, в основном данная модель сохранила определенные характеристики. Большой отпечаток на формирование этой системы наложила философия, стремившаяся практически с момента возникновения осмыслить и предложить новые ценности и идеалы образования. Традиционно в этой связи упоминаются имена Протагора, Сократа, Платона, Аристотеля, А. Августина, Ж.Ж. Руссо и др. философов, внесших свой вклад в понимание исторического и цивилизационного значения образования. В эпоху Нового времени окончательно сформировалась классическая идеология высшего образования, «идеология Просвещения», основанная на признании знания высшей ценностью образования, воплотившаяся в модели «классического университета». Так что же такое образование сегодня?

По мнению Б.Т. Лихачева, «образование – это общественно-историческое явление, возникшее из практико-прагматической потребности людей в знаниях, способствующих жизнеобеспечению» [6, 231]. В.А. Сластенин представляет образование как «единый процесс физического и духовного формирования личности, процесс социализации, сознательно ориентированный на некоторые идеальные образы, на исторически обусловленные, более или менее четко зафиксированные в общественном сознании социальные эталоны» [7, 156].

Таким образом, мы видим, что общим для всех точек зрения является понимание образования как процесса трансляции, воспроизводства обществом определенных социальных норм, ценностей, знаний и компетенций. Дальнейшее рассуждение мы должны построить, рассмотрев устройство высшей системы образования в форме классического университета.

А. Андреев выделяет следующие характерные черты или принципы классического университета:

- 1) обучение через науку,
- 2) единство преподавания и исследования,
- 3) единство наук, рассматриваемых с одной методологической точки зрения,
- 4) свободное обучение (выбор студентом любых курсов) и свободное преподавание (каждый профессор сам выбирает, какие курсы ему вести, исходя из своих научных интересов) [8].

Университет традиционно представляет до сих пор закрытую структуру, основное назначение которой –

накопление научных знаний и собственное кадровое воспроизводство, в то время как социальный заказ общества ориентирован на получение специалистов, экспертов, нежели традиционных ученых.

На настоящий момент университеты во всем мире пребывают в состоянии кризиса, причем проблемы, стоящие как перед западной, так и перед российской высшей школой, во многом схожи. Рассматривая кризис классической модели университетского образования, профессор Института образования Лондонского университета Барнетт Рональд говорит о том, что «западный университет – умер», поскольку «сомнительность, неопределенность и непредсказуемость можно рассматривать как те ключевые понятия, с помощью которых трактуется современный университет» [9]. Он связывает это, с одной стороны, с проблемой знания (амбивалентность эпохи: *знание как ценность и идеал и знание как практический перформанс*), с другой стороны, с «концом идеологии» Просвещения и заменой ее на идеологию «реализации своих возможностей».

В подобном же ключе рассуждает А. Ашкеров, говоря о том, что размыто представление об университете как центре, где вершится познание истины. Знание обязательно должно быть «экспертным», то есть практически применимым к окружающей действительности, а не «универсалистским».

В основном исследователи исходят от анализа так называемой «Гумбольдтовской модели» университета в сравнении с современным состоянием высшей школы. Университет представлялся всегда как образцовое социальное учреждение, из которого возникает новоевропейское государство, связывающее собственное существование с принципом рационализации жизни, превращением подданных в граждан-субъектов. А. Ашкеров проводит аналогию между классическим университетом и монастырем, говоря о «ставке на особое избранничество», «автономии, ограничивающей административное и идеологическое вмешательство», а также о «специфическом дисциплинарном порядке», сложившемся в обоих социальных институтах.

Современный университет непоследователен и противоречив, что непосредственно связано с таким культурным явлением, как постмодерн. Н.А. Селезнева и А.И. Субетто рассуждают в этом контексте о переходе к «тотальной неклассичности человеческого бытия» [10]. Постмодерн в сфере образования проявляется в полном отрицании универсалий, характерных для классического университета и для модерна в целом. В качестве таковых универсалий могут выступать понятия «истины» и «знания». В современном мире не может быть единой образовательной идеологии, единого видения мира, ценностей, даже понимания собственных концептуальных рамок. Все это является глубинным порождением процессов глобализации, децентрализации. Развитие информационных сетей трансформировало представление о способах получения знания и его статусе.

Знание с каждым годом становится все более усложненным и специализированным, ставя перед человеком, получающим образование, дилемму: либо классический идеал образованности, включающий в себя глубокие знания в какой-либо профессиональной области, либо тот необходимый минимум, который обеспечит ему успех в обществе и социальный статус.

Список литературы

1. Шаронова С.А. Компетентностный подход и стандарты в образовании (Сравнительный анализ ЕС и России). [Электронный ресурс]. URL: www.socpolitika.ru/.../document8069.shtml (дата обращения: 01.09.10).
2. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2007.
3. Евстафьев Р. Суверенная экспертократия или Сны о чем-то большем. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2009/34/332> (дата обращения: 01.09.10).
4. Иноземцев В. Понятие экспертократии – сугубо наше. [Электронный ресурс]. URL: www.kreml.org/opinions/209183163 (дата обращения: 01.09.10).
5. Fischer F. Democracy and Expertise. Oxford University Press Inc. N.Y., 2009.
6. Лихачев Б.Т. Педагогика. Курс лекций: Учеб. пособие для студентов пед. учебн. заведений и слушателей ИПК и ФПК. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998.
7. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: Инновационная деятельность. М., 1997.
8. Андреев А. Российские университеты. [Электронный ресурс]. URL: new.aldebaran.ru/.../yurevich_andreev_andreyi_rossiyiskie_universitetiy_xviii (дата обращения: 01.09.10).
9. Рональд Б. Осмысление университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm> (дата обращения: 01.09.10).
10. Селезнева Н.А., Субетто А.И. Концепция подготовки кадров высшей квалификации по проблемам образования (магистр наук, кандидат наук, доктор наук в сфере образования). [Электронный ресурс]. URL: www.lib.ua-ru.net/diss/liter/72165.html (дата обращения: 01.09.10).

О.А. Гончарова, А.С. Лисина

Мелитопольский государственный педагогический университет, Украина

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются особенности процесса социализации современных студентов в высшем учебном заведении; анализируются пути преодоления трудностей адаптации студентов первого курса.

Ключевые слова: социализация, студенческая молодежь, высшее учебное заведение.

The article analyses the features of the socialization process of modern students in higher educational institution; explores the ways how the first year students overcome the difficulties of adaptation.

Key words: socialization, student youth, higher education institution.

Обретение Украиной государственной независимости сопровождается изменением общественно-политического и экономического устройств, реформированием системы образования и воспитания, а также необходимостью решения педагогических задач социализации молодежи. Практика показывает, что подготовка квалифицированных специалистов в высших учебных заведениях возможна лишь при условии опережающего становления их личности, которая формируется в процессе социального взросления.

Одной из главных задач вуза является создание условий для развития и становления личности в различных социумах жизнедеятельности молодежи. Поэтому проблема социализации студенческой молодежи приобретает актуальность и является важнейшим показателем всестороннего взаимодействия субъектов воспитательного процесса.

Характеристика процесса социализации как системы, разработка основ ее теории, исследования социально-педагогической природы системы социализации прослеживаются в трудах О.В. Балакирева, А.С. Волович, М.Ф. Головатого, В.С. Ильина, В.В. Касьянова и др.

Вопросы воспитания студенческой молодежи остаются в центре внимания деятельности всех государственных и негосударственных учреждений.

Отправным методологическим документом воспитательной работы во всех высших учебных заведениях стала Концепция воспитания детей и молодежи в национальной системе образования. Концепцией предусмотрено осуществление постепенного реформирования образования и воспитания, а именно:

– разработать теоретико-методологическую базу учебно-воспитательного процесса и считать ее перво-

степенной;

– создать механизмы объединения теоретических положений с практикой воспитания;

– соединить духовное развитие личности с развитием физического и морального здоровья;

– обозначить базовые понятия воспитательной работы в университете [1].

В документе четко определяются цель, идеал и задачи воспитания.

Цель воспитания в нынешних условиях реализуется через систему воспитательных задач, важнейшими среди которых можно назвать следующие:

– освоение накопленных человечеством знаний во всех современных областях деятельности;

– обеспечение условий для самореализации личности в соответствии с ее природными способностями, общественными и собственными интересами;

– формирование социальной активности личности;

– воспитание культуры мышления и мыслительной деятельности, формирование языковой культуры;

– побуждения студентов к активному противодействию проявлениям аморальности, правонарушений, бездуховности, антигражданской деятельности.

Цель данной статьи заключается в диагностировании и последующем анализе особенностей процесса социализации студентов социально-гуманитарного факультета Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (МГПУ).

Объектом воспитательной работы являются все студенты университета, в том числе студенты, работающие в советах самоуправления на факультете, в общежитии, принимающие участие в художественной самодеятельности, в работе клубов. Субъектом воспитательной работы выступают: ректорат университета как организатор воспитательной работы в целом, руководители и ответственные работники управленческих структур, деканаты факультетов, коллективы всех кафедр, кураторы академических групп, все преподаватели, сотрудники университета.

Воспитательное воздействие должно быть направлено прежде всего на личность студента, а через него – на академическую группу. Именно студент находится в центре учебно-воспитательного процесса как во время учебной, так и внеучебной деятельности (самостоятельная, научная работа, производственная практика и т.п.).

Реалии сегодняшнего дня требуют от высшей школы не только повышения уровня профессиональной подготовки специалистов, но и скорейшего перехода к подготовке специалистов нового типа, способных эффективно и гибко реагировать на изменения социальных, экономических, технологических условий производства. Ответственная и неоспоримая роль принадлежит институту кураторов академических групп студентов, основными задачами которых являются: развитие студента как специалиста и личности, его склонностей, спо-

собностей, интеллектуальности, обеспечение профессионально-трудовой подготовки будущего специалиста; формирование у студента общечеловеческой морали, духовности и культуры, которые определяются общественными и национально-культурными потребностями.

Основной целью деятельности куратора академической группы, по нашему мнению, является создание благоприятных условий для формирования личности студента. Что касается социализации студенческой молодежи, то ее мы определяем как процесс и результат активного приспособления и функционирования личности в условиях новой социальной среды или новой социальной ситуации, проявляющийся в усвоении норм и требований, действующих в микросреде и обществе.

В нашем исследовании приняли участие 150 студентов социально-гуманитарного факультета МГПУ, из них 80 студентов – первокурсники.

Одной из задач, которую преследовал наш эксперимент, был анализ путей преодоления трудностей социальной адаптации студентов первого курса. Студентам было предложено ответить на вопросы, которые отражают состояние влияния на них социализирующих стимулов: факторы влияния на процесс социализации первокурсников; уровень осведомленности студентов-первокурсников о функционировании структур университета; влияние различных объективных факторов социализации.

По результатам анкетирования по первому вопросу (рис. 1), большинство респондентов (34,1%) считают, что они приспосабливаются к новым условиям жизни в высшем учебном заведении и решают насущные вопросы самостоятельно. Достаточно низкими показателями в социализирующем процессе первокурсников отмечены такие факторы, как друзья (6,3%), староста (11,3%) и куратор (12,6%). МГПУ имеет многолетний опыт проведения конкурса на лучшего куратора и старосту группы. Таким образом, создается мотивация активного включения в жизнь группы и университета, что положительно влияет на процесс социализации студентов.

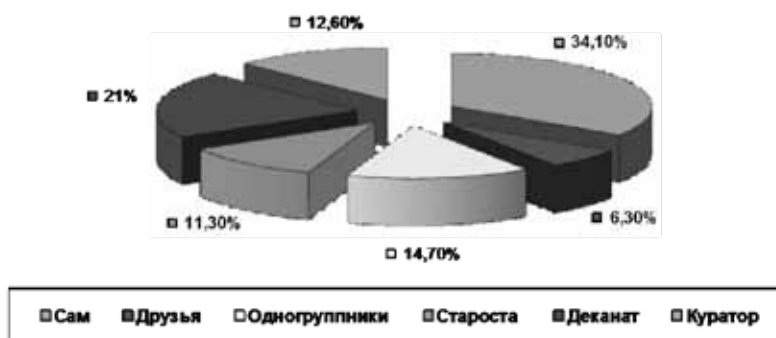

Рис. 1. Факторы влияния на процесс социализации первокурсников

Во многом, по нашему мнению, профессиональная подготовка будущих специалистов зависит от уровня осведомленности о функционировании структуры университета. Именно от уровня владения информацией о месте нахождения и функционирования различных служб университета зависит умение быстро находить нужные для обучения материалы и услуги. Мы выявили, что у студентов первого курса наблюдается достаточно высокий уровень осведомленности (рис. 2).

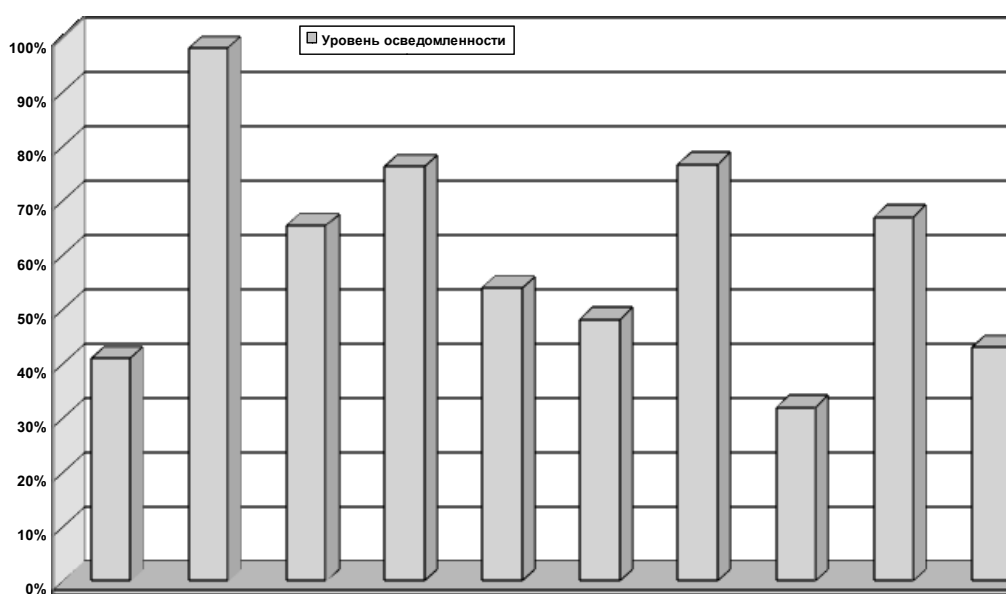

Рис. 2. Уровень осведомленности студентов-первокурсников о функционировании структур университета

Довольно большое количество респондентов (43%) показали недостаточную осведомленность о деятельности студенческих кружков как ячейки раскрытия творческих способностей и дарований студенческой молодежи. Так, на базе вышеупомянутого учебного заведения существует целый ряд различных кружков: театр моды «Катрин», КВН, студия восточных танцев, аэробика, спортивные секции и т.д. Студенты, занимающиеся в этих кружках, неоднократно становились победителями всеукраинских и международных конкурсов и фестивалей.

Анализируя уровень влияния факторов социализации студентов в вузе, можно отметить, что приоритетными факторами социализации студенты-первокурсники считают организацию досуга (82%), руководство со стороны администрации вуза (78%) и самоуправления со стороны академических групп (74%). Анализ данных отражен в таблице.

Показатели влияния различных объективных факторов социализации на студентов университета (социально-гуманитарный факультет), %

№	Показатели влияния	Уровень влияния		
		Низкий	Средний	Высокий
1	Информация о правах и обязанностях студента	43	21	36
2	Руководство со стороны администрации вуза (деканат, ректорат)	5	17	78
3	Профессионализм преподавателей	12	23	65
4	Самоуправление со стороны академгруппы (староста, студком)	12	14	74
5	Медицинское обслуживание	40	13	47
6	Организация досуга	2	16	82

В результате проведения экспресс-опроса нами были зафиксированы некоторые предложения и пожелания студентов относительно желаемых и возможных организационных форм деятельности студентов во внеучебное время, которые способствуют процессу адаптации и социализации студентов к новым условиям, а именно: встречи с преподавателями – 60,9%, общение со старшекурсниками – 18,4, организация концертов, выставок – 15, дискотеки, вечера отдыха – 21, конкурсы – 2,5, пикники – 2%.

Ежегодно в нашем университете проводятся следующие организационно-воспитательные мероприятия: университетский конкурс «Дебют первокурсников», конкурс красоты и грации «Мисс университет», «Мистер университет», фестиваль студенческого эстрадного творчества «Университетские звезды», конкурс педагогического мастерства «Я учитель-профессионал», выступления конноспортивной секции. Таким образом, создаются все необходимые условия в области досуговой деятельности, что способствует активной социализации студентов.

Научная деятельность занимает не менее важное место в жизни студентов МГПУ. Так, количество всеукраинских и международных научных публикаций студентов с каждым годом растет, что свидетельствует о повышении научной активности студентов.

Процесс социализации студентов в условиях академической группы мы характеризуем как взаимоотношение личности и группы, при котором личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою основную деятельность. Особую роль при этом играет психологический комфорт, который приводит к сближению людей, к сплоченности группы.

С целью выявления наличия или отсутствия психологического комфорта в группе нами была проведена диагностика студентов I–IV курсов социально-гуманитарного факультета МГПУ. Основной ее задачей было выявление студентами морально-психологического микроклимата в их микросреде.

Как показали результаты опроса, хорошие и дружеские отношения являются нормой общения в студенческом коллективе. В среднем из общего числа респондентов около 35% считают, что взаимоотношения между студентами являются бесконфликтными.

Полученные данные позволяют высказать мнение о необходимости поиска новых путей, методов, форм работы со студентами. Учитывая то, что процесс социализации как специфический период в развитии и становлении личности является особенно значимым, то весьма важно выявить и закрепить ориентиры поведения и мировоззрения студентов, которые будут способствовать проявлению их собственной независимости и уверенности.

По нашему мнению, повышение эффективности процесса социализации студенческой молодежи в вузе возможно с учетом и соблюдением следующих основных условий:

- разработка системы самоуправления студентов с целью раскрытия их творческого потенциала, репрезентации прав, обязанностей и интересов;
- налаживание работы кураторов академических групп и организация их обучения и обмена опытом (методические совещания, семинары, педагогические чтения, круглые столы, дискуссии, ролевые игры, тренинги и т.д.);
- создание студенческой социальной службы университета с целью изучения состояния воспитательной работы, запросов и интересов студентов, выработки новой стратегии и тактики их социального воспитания;
- разработка организационных форм работы для побуждения каждого студента к самообразованию, самовоспитанию и самосовершенствованию.

1. Робоча книга вихователя. Вип. 1. Тернопіль: ТОШПО, 2000.

И.С. Темникова

Балтийский институт экологии, политики и права, Мурманск, Россия

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ВУЗЕ

В статье автор описывает процесс адаптации студентов к условиям обучения в вузе, выявляя причины и закономерности. Основное внимание уделяется дидактической составляющей рассматриваемой модели адаптации студентов.

Ключевые слова: адаптация, студент, дидактическая составляющая, модель адаптации, социализация.

Is described by the author, highlighting the basical reasons and tendencies. Main attention is paid to didactical component of the adaptational model of students.

Key words: adaptation, student, didactical component, model of adaptation, socialization.

Основной исторически сложившейся генеральной ролью любой образовательной педагогической системы в обществе является ее адаптационная функция. Эта функция образовательной системы заключается в приспособлении внешних условий для изменения внутренних (условий образовательной системы) и наоборот. Высокие темпы глобальных изменений в обществе определяют современные требования к адаптационной функции образования, которая становится развивающей, при этом формулировку ее сущности следует трактовать как приспособление внешних условий социума для развития внутренних и наоборот.

В данном контексте вопросы личностного развития студента и формирование его готовности к будущей профессиональной деятельности являются ключевыми в теории и практике совершенствования работы современного высшего учебного заведения. Именно в процессе обучения в вузе проходит первичное «освоение» профессии, определяется жизненная и мировоззренческая позиция молодого человека, изучаются индивидуальные способы деятельности, формы поведения и общения.

Материалы и методы

Студенческая жизнь начинается с первого курса, и потому успешная, эффективная, оптимальная адаптация первокурсников к учебе в вузе – залог дальнейшего развития каждого студента как будущего специалиста. Этим определяется и исследовательский, и практический интерес к изучению проблемы адаптации первокурсников.

Взаимодействие студента с вузом осуществляется одновременно по различным уровням:

– межличностное взаимодействие: адаптация студента-первокурсника на этом уровне связана с принятием норм и ценностей, распространенных в ближайшем вузовском окружении и, прежде всего, в академической группе;

– факультетское взаимодействие: адаптация на этом уровне связана с принятием ценностно-нормативной основы факультетской жизнедеятельности, способов взаимодействия с профессорско-преподавательским составом и администрацией факультета;

– вузовское взаимодействие: на этом уровне студент взаимодействует с ценностно-нормативной составляющей вуза в целом, идентифицирует или нет себя с высшим учебным заведением;

– профессионально-ценностный уровень, на котором происходит идентификация студента с ценностями, целями и задачами педагогической деятельности.

При этом процесс адаптации бывших школьников является динамически сложным, многоплановым процессом, включающим в себя адаптацию, как к новой социальной среде, так и новым формам обучения.

Содержание процесса адаптации студентов включает три составляющие:

– социально-психологическую – изменение социальной роли студента, корректировку его потребностей и системы ценностей, уточнение самооценки, уровень самоактуализации, необходимость проявления жизненной позиции;

– деятельностную – приобщение к напряженному учебному труду, приспособление к новым психофизиологическим нагрузкам, учебно-познавательной деятельности;

– дидактическую – возрастание регламентированного объема учебной информации, преодоление своеобразного индивидуального «информационного взрыва».

Методика адаптации студентов к условиям вуза предполагает использование комплекса методов, органично взаимосвязанных друг с другом и преследующих единую конечную цель. Сам процесс адаптации, с методической точки зрения, представляется мало изученным, поскольку, как правило, пренебрегают исследованием имеющихся условий (первоначально уровнем имеющихся у первокурсников знаний, умений и навыков), рассматриваемых в совокупности их взаимодействия.

Эта беда длится достаточно долго, и последствия ее приводят к тому, что, например, вполне успешно усваивая «вузовскую часть» высшей математики, студенты, проучившиеся 10 лет в общеобразовательной

школе, не могут осуществить «доведение до числа». Подобные печальные факты умножаются от темы к теме, создавая (подчас непреодолимые) препятствия для получения полноценного математического образования. Устранить данное явление в условиях явной тенденции к сокращению числа часов, отводимых на предмет «Математика» при расширяющемся круге вопросов, обнаруживающихся при центральном тестировании обучающихся на тех или иных факультетах, традиционными методами не представляется возможным.

Это создает проблемы, особенно остро ощущающиеся на первых этапах обучения. Новые преподаватели, непривычные методы изложения, большой объем содержания и темпы обучения, незнакомый режим работы (лекции, практические занятия, зачеты и экзамены) приводят к тому, что бывшие школьники «теряются». Они воспринимают вузовский стиль преподавания, содержание курсов начал математического анализа, аналитической геометрии и линейной алгебры как нечто, никак не связанное с предшествующим обучением математике в школе. Как следствие, студенты «не мыслят самостоятельно», «не читают специальную литературу», «не умеют считать проценты в экономике, раскрывать пропорции в химии, выражать одни величины через другие в физике ...» и т.д.

Результаты

Вследствие указанных причин и происходит «разрыв» в процессе изучения ими школьной и вузовской математики. Ясно, что для преодоления данных трудностей нужно как можно быстрее восстановить знания элементарной математики и «добрать» то, что по тем или иным причинам не вошло в «школьную математику», но является совершенно необходимым для продолжения изучения предмета. Это непростая задача: постоянно увеличивающийся объем вузовских знаний так велик, что в нем вчерашнему школьнику сложно определить, что главное, а что второстепенное, и что на деле может пригодиться ему в будущей профессиональной деятельности.

Это создает проблемы, особенно остро ощущающиеся на первых этапах обучения. При этом процесс адаптации студентов к учебному процессу заканчивается только к концу 2-го – началу 3-го учебного семестра. Поэтому для успешной дидактической адаптации студентов необходимо применять специальные средства обучения и адаптированные формы проведения лекционных и практических занятий, а также организацию самостоятельной работы студентов на протяжении этого длительного срока (до 3-х семестров). Как правило, этот этап по временному параметру охватывает весь период изучения основ высшей математики.

Выводы

Проанализировав государственные стандарты и дидактическую составляющую процесса адаптации студентов к условиям обучения в вузе, мы определили основные этапы процесса адаптации студентов младших курсов с точки зрения передачи знаний.

1. Создание положительной мотивационной установки изучения предмета.
2. Восстановление школьных знаний, необходимых для дальнейшего обучения в вузе.
3. Применение вузовского стиля объяснения учебного материала.
4. Повторение и систематизация пройденного учебного материала вузовскими методами, способами и формами проведения занятий.
5. Установление логических связей между отдельными разделами.

Адаптационная функция разработанной нами дидактической системы заключается в создании специальных условий, обеспечивающих формирование системы профессиональной деятельности учащихся, не требующей дополнительных экономических, производственно-технических, кадровых ресурсов для адаптации, как самого учебного заведения, так и его выпускников к новым производственно-экономическим условиям социума.

Основными условиями, обеспечивающими эффективность данной функции, является:

- ориентация каждого этапа на последовательное формирование профессиональной деятельности;
- преемственность всех этапов между собой;
- организация процессуальной системы, позволяющей студенту познавать общие закономерности;
- изучение и критериальная оценка динамики освоения профессиональной деятельности;
- формирование у студентов мотивационной готовности к профессиональной деятельности, креативности, операционной деятельности, рефлексии как структурных компонентов системы профессиональной деятельности;
- осознание студентами себя как субъекта профессиональной деятельности, имеющего возможность оценки своих профессионально-личностных качеств, требующих совершенствования и корректировки.

Диагностика представленных этапов адаптации студентов к обучению в вузе осуществлялась нами по пятиуровневой шкале в рамках деятельностно-результативного критерия, который обеспечивал диагностику в сфере учебно-познавательной деятельности. Таким образом, на первый план была выведена проблема разработки и внедрения новых методов обучения в высшую ступень образования, которые, в свою очередь, должны не противопоставляться школьным способам преподавания учебной дисциплины, а помогать адаптироваться студентам к новым вузовским формам обучения высшей математике.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ В ИНСТИТУТЕ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Социальная справедливость выступает как взаимодействие экономики, права, политики и морали, как оценочное понятие социальных явлений общественной жизни. Объектами ее оценки могут быть: отношение общества к личности; отношение личности к обществу, нации, государству, семье, к себе; действия одной личности по отношению к другой. Категория «социальная справедливость» применима к оценке различных социальных явлений и факторов. В данной статье рассмотрим иррациональность в институте образования и ее влияние на социализацию молодежи.

Ключевые слова: справедливость, общество, личность, государство, политика, мораль, социальные явления, гражданин.

Social fairness is the interaction of economy, law, politics and moral, a merit notion of the social phenomena's of public life. There are objects of its estimation: the attitude of the society to a personality; the attitude of a personality to the society, to the nation, to the state, to the family, to himself, the himself the action of one personality to another. The category social fairness is used to estimation of different social phenomena's and factors and factors.

Key words: truth, society, person, state, model, appearance, moral, economy, law, social.

В процессе нормального развития общества исключительно важную роль играет социальный институт образования. Накопленные трудом предшествующих поколений материальные и духовные ценности, знания, опыт, традиции должны быть переданы новому поколению людей и усвоены ими. Поэтому поддержание достигнутого уровня культурного, нравственного развития, его дальнейшее совершенствование невозможно без овладения культурным наследием прошлых веков. Эта проблема, как известно, решается в процессе социализации индивидов, задачей которой как раз и является приобщение человека к нормам и ценностям культуры и превращение его в полноправного члена общества. Существенным компонентом процесса социализации индивидов выступает образование – обучение человека с целью передачи накопленных знаний и культурных ценностей [1, 134].

Так же как и другие социальные институты нашего общества, институт образования занимает определенное место в жизни человека; так, с его помощью он приобщает его к социуму, точнее, приобретает навыки умений, общения, с помощью которых человек может заниматься различной социальной деятельностью.

Конечно, определенные обязанности в социализации индивида преобладают в семье, но она не в состоянии предоставить необходимые и качественные навыки, знания, так как для развивающейся личности необходимо поэтапное, многостороннее развитие и воспитание. Система образования способствует формированию самореализующейся личности, которая раскрывается в социальных ролях и занимает при этом определенные социальные позиции.

Система образования справедливо контролируется государством, фиксируя основные цели и направления в Законе РФ «Об образовании». В соответствии с этим Законом сфера образования является приоритетной, именно успехи России в политике, экономике и обществе связываются с системой образования.

Государственная политика в сфере образования предполагает нацеленность государственных и общественных институтов на всемерное развитие образования как всеобщей формы человеческой жизни. Государство, решая те или иные задачи социально-экономического развития страны, ориентирует всю систему образования именно таким образом, чтобы обеспечить образовательную поддержку (наряду с политической, финансово-экономической, правовой, организационной и т.д.) проводимых в стране преобразований (перепрофилирование экономических структур, решение проблем занятости, повышение уровня правовой культуры населения и т.д.) [2, 123].

Неравенство доступа к образованию и низкое качество образовательных услуг усугубляют бедность, а бедность зачастую является причиной исключения из обучения, прерывания образования или обучения по программам низкого качества. Малообразованное население является фактором, сдерживающим рост производительности труда и гибкости рабочей силы, а следовательно, и экономического роста [3, 165].

В Советском Союзе сфера образования была доступна всем, независимо от социальной принадлежности, финансового достатка, биологических задатков, что выразилось в грамотности населения. В эту эпоху можно было наблюдать поддержку со стороны государства, так как граждане из рабочего класса, со средним достатком могли свободно получать высшее образование. В современном же государстве мы можем наблюдать, что высшее образование стало не доступным для лиц с низким уровнем доходов.

Несмотря на сильную позицию России с точки зрения охвата детей обязательным образованием, дети из бедных домохозяйств имеют меньший доступ к дошкольному и дополнительному образованию; доступ к этим уровням образования во все большей степени определяется доходом и уровнем благосостояния [4]. Недоступность мест в дошкольных учреждениях, недоступность дошкольных программ для детей из малообеспеченных семей являются серьезной проблемой для общества и государства в целом. Из-за того, что дети не освоили дошкольную программу, они в процессе обучения отстают от своих сверстников, так как мало кто из учителей способен работать одновременно с детьми разного уровня подготовки. Не всякая школа может позволить догоняющие программы из-за отсутствия финансирования. Предполагается, что дети, отстающие на начальном этапе образования, будут отставать и в дальнейшем процессе обучения; на периферии значительно снизились доступность и качество дошкольного образования также из-за недостаточного финансирования.

В системе образования как социокультурной целостности каждая ступень сопряжена с другой, что позволяет обеспечивать эффективное восприятие освоения программ различных уровней. Если на предыдущей ступени образования учебно-воспитательные функции реализуются неэффективно, то на всех последующих образовательных ступенях это будет ощущаться более серьезно.

Одним из важнейших базовых элементов системы образования является образовательная школа, которая призвана решать три основополагающих для общества и личности задачи:

- способствовать интеграции молодежи в социокультурную жизнь общества и формировать личность;
- дать молодежи базовые знания для безболезненного перехода к трудовой деятельности или профессиональному самоопределению;
- обеспечить профессиональную ориентацию молодежи [5, 18–19].

Можно наблюдать среди молодежи следующее: те, кто не в состоянии повысить свой образовательный уровень из-за недостатка средств, прекращают свое образование после обязательной школьной программы, что в дальнейшем отражается на их социальном статусе и экономических возможностях. Хотя более высокий уровень образования ассоциируется с более высокой степенью вероятности получения работы и высоких заработков. Например, средний ежемесячный доход повышается с уровнем образования. Так, из-за недостатка финансовых средств многие граждане не могут сегодня получить желаемое образование, а тем самым повысить свои экономические возможности, что является социальной несправедливостью.

Барьером для получения желаемого образования выступают также частные, элитные учебные заведения и соответственно неформальные платежи. В нашем обществе преимуществом пользуются те школы, где процент поступления в высшие учебные заведения больше; при этом уделяется особое внимание инновационным программам, иностранным языкам, компьютерным технологиям, факультативам, где преподают учителя высшей категории. С развитием элитных школ развивается и социальное неравенство, которое проявляется также в расходах на репетитора, на транспорт, на учебники и т.д.

Конечно, выделяется значительная часть образовательного бюджета на бесплатное питание и учебники, но этого не достаточно для социального равенства и справедливости. Для развития полноценного справедливого образовательного процесса необходимо выделять средства на транспорт, школьное питание, оздоровительные лагеря и выработать четкий механизм поддержки малообеспеченных семей.

Несмотря на то, что с политической точки зрения это, может быть, и сложно, необходимо пересмотреть давний принцип предоставления бесплатного права на поступление в высшее учебное заведение учащимся, которые в основном приходят из более высоких социально-экономических слоев населения. Необходимо и в дальнейшем придерживаться принципа принятия в вуз в зависимости от академических способностей (например, во имя более равномерного приема стандарты снижать не следует), но финансирование высшего образования может стать более равномерным. Обеспечение прозрачности и последовательности в системе бесплатного образования, а также при использовании средств на субсидирование мер, не связанных с учебным процессом (таких, как питание, жилье, транспорт и т.д.), должно выступить приоритетным направлением.

В связи с тем, что плата за обучение получила широкое распространение в системе высшего образования, важным элементом преобразований, направленных на обеспечение прозрачности системы платежей и стипендий, должно стать введение всеобщей платы. В свою очередь, принцип бесплатного поступления в вуз должен применяться не только в зависимости от способностей, но и с учетом бедности [3, 174]. Реформирование системы поступления в вуз через четкий, спланированный механизм определения нуждаемости абитуриентов будет способствовать утверждению социальной справедливости.

Конечно, в системе образования не все так отрицательно и несправедливо, как выше отразил автор. Государство оказывает всестороннюю поддержку, продумывает проекты, которые справедливо улучшат качество образования. Так, в нашей стране с 2006 г. государством реализуется национальный проект «Образование». На реализацию проекта в 2006–2008 гг. из федерального бюджета было выделено более 123,5 млрд руб. (в том числе в 2006 г. – 29,28 млрд руб., в 2007 г. – 48,88 млрд руб., в 2008 г. – 45,36 млрд руб.).

За время реализации данного проекта оказана государственная поддержка 57 вузам, 9 тыс. школ, 246 учреждениям НПО и СПО, внедряющим инновационные образовательные программы. Созданы два федеральных университета и две бизнес-школы, свыше 52 тыс. образовательных учреждений обеспечены доступом к сети Интернет (с оплатой трафика в течение двух лет с момента подключения) и оснащены лицензионным программным обеспечением. Получают ежемесячные поощрения за классное руководство не менее 800 тыс. педагогов. Получили поощрения 30 тыс. лучших учителей и более 16 тыс. представителей талантливой молодежи. В общеобразовательных учреждениях (ресурсные и методические центры) поставлено 54,8 тыс. комплектов учебного и учебно-наглядного оборудования (из них 24,8 тыс. комплектов за счет средств федерального бюджета), 9,8 тыс. автобусов для общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности (из них 4,8 тыс. автобусов за счет средств федерального бюджета). В 31 регионе реализуются комплексные проекты модернизации образования, за время реализации которых в общеобразовательных учреждениях введено нормативное подушевое финансирование, осуществлен переход на новые системы оплаты труда, финансово-хозяйственную самостоятельность, созданы механизмы государственно-общественного управления образовательными учреждениями. В 14 регионах реализуются проекты, направленные на совершенствование системы школьного питания.

В результате улучшились условия обучения более чем в 15 тысячах школ (около 6 млн учащихся), выросла доля учителей (около 45%), хорошо владеющих навыками работы с компьютерными программами, увеличилась на 10% доля студентов, участвующих в научной работе; в 2 раза возросли объемы выполнения вузами НИОКР за счет внебюджетных средств, активизировалась деятельность субъектов Российской Федерации и местных органов власти по развитию образования, отработаны эффективные организационно-финансовые и проектные механизмы управления, разработана современная модель образования [6].

Данная программа разработана до 2012 г. и является альтернативой в системе образования. Так, ожидается, что к этому времени значительно улучшится качество и доступность образования, образовательные учреждения будут оснащены современными компьютерными технологиями, улучшится организация школьного питания.

Список литературы

1. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Ин-т психологии, 2005.
2. *Жердин А.В.* Принципы государственной политики в сфере образования // *Право и образование.* 2004. № 2.
3. *Снижение бедности в России: влияние экономического роста и социальных реформ.* М., 2008.
4. *Национальное обследование благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах.* М., 2007.
5. *Азаматов Д.М., Мазов Н.Ю.* Система образования в трансформирующемся обществе: проблемы, противоречия, перспективы. Уфа: РИО БашГУ, 2004.
6. *Приоритетные национальные проекты.* [Электронный ресурс]. URL: www.rost.ru (дата обращения: 05.09.10).

В.В. Вучева, Е.С. Левченко

Ставропольский государственный университет, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Социальная адаптация является отражением внутренне мотивированного процесса, направленного на становление личности в условиях конкретного социума, способностью студента изменять и приводить в соответствие установкам и потребностям общества свои личностные и социальные качества. Готовность личности к социальной адаптации рассматривается нами как целостное личностное образование, включающее мотивационный, рефлексивный, волевой, операционный и оценочный компоненты. При выборе средств и методов акцентированного развития свойств личности студента, способствующих социальной адаптации в условиях вузовской среды, целесообразно использование игровых технологий.

Ключевые слова: социальная адаптация; личность; деятельность; студенты; игровые технологии.

Social adaptation is reflection of internally motivated process directed on formation of the person in the conditions of concrete society, ability of the student to change and bring into accord to installations and requirements of a society the personal and social qualities, Readiness of the person for social adaptation is considered by us as the complete personal formation including motivational, reflective, strong-willed, operational and estimated components. At a choice of means and methods of the accented development of properties of the person of the student, promoting social adaptation in the conditions of the high school environment, use of game technologies is expedient.

Key words: social adaptation; the person; activity; students; game technologies.

Проблема социальной адаптации студентов в вузе актуализируется социально-экономическими изменениями, происходящими в современном российском обществе. Невозможность реализовать себя в новых условиях порождает для многих из них психотравмирующую ситуацию, нарушение поведения, изменение эмоционального состояния, снижение позитивной активности, в связи с чем возникает необходимость в поиске путей, обеспечивающих эффективную адаптацию студентов в социуме.

Коренная ломка сложившегося стереотипа вчерашнего школьника оказывает существенное влияние на становление личности студента в социальных условиях вуза. Новой для студента является организация собственной деятельности; ее интенсивность, напряженность и ответственность; необходимость самостоятельного планирования учебной и внеучебной деятельности; сессионный характер контроля знаний. Поэтому необходима систематическая и глубоко продуманная социально-педагогическая работа в вузах по введению студентов в новые условия их жизнедеятельности.

Готовность личности к социальному взаимодействию формируется на основе анализа опыта реального социального поведения и реагирования в различных ситуациях в процессе саморазвития, самовоспитания и адаптации.

Изучению становления личности в процессе взаимодействия индивида со своим окружением, его интеграции с социальной средой посвящены работы ряда социологов и психологов [1, 2].

Одной из важных исследовательских задач остается поиск новых форм социального воспитания, что связано с разработкой и внедрением эффективных технологий, в том числе игровых. В силу своей специфики игровая деятельность формирует личность, подготавливая ее к различным видам деятельности, позволяет человеку определиться, утвердиться в собственных глазах и является эффективным адаптационным приемом для личности и средством ее развития.

Применение многосоставных игровых технологий возможно в учебной и внеучебной деятельности. В первом случае – включением игровых технологий в структуру традиционных видов занятий и в логику традиционных методов обучения, во втором – использованием нетрадиционных игровых технологий.

Под игровой технологией мы понимаем определенную последовательность операций, действий и процедур, направленных на достижение поставленных целей.

Игровая технология выполняет ряд функций:

1. Воспитательная функция проявляется в нравственном характере игровой деятельности, в подражании нравственному образцу поведения. Воспитание осуществляется самим процессом игры, при постановке нравственных целей, требующих поиска нравственных средств, установления нравственных отношений.

2. Информационно-обучающая функция заключается в стимулировании развития творческого мышления студентов посредством их участия в квазипрактической, квазипрофессиональной деятельности с возможностью параллельного оценивания и применения теоретических знаний на практике.

3. Мотивационно-побудительная функция проявляется в высоком эмоциональном воздействии игры на студентов, развитии у них интереса, азарта, стремления к успеху.

4. Рефлексивно-оценочная функция находит отражение в постоянной рефлексии каждым участником игры своих действий; своего способа мышления в соотнесении себя и своей деятельности с деятельностью и способами действия других игроков; в оценке участников игры руководителем и экспертной группой в ходе подведения итогов.

5. Коммуникативная функция заключается в приобретении опыта нравственного общения в игре посредством осуществляемой педагогической коррекции недостатков и поиска выхода из проявляющихся коммуникативных затруднений.

6. Функция организации и управления познавательной деятельностью реализуется в соответствии с планируемой тематикой занятий, их направленностью и решаемыми задачами. Возможно не фрагментарное применение отдельно взятых игр, а динамическая система сценарных, постепенно усложняющихся профессионально-ориентированных, ролевых и других видов игр по всем основным разделам программы.

7. Диагностическая функция реализуется посредством проявления в игровой позиции реального «я» каждого участника и возможности построения на этом (через наблюдение) определенных выводов.

8. Психокоррекционная функция проявляется в социальной ценности межличностного общения, в приобретении способности ставить себя на место другого с целью самооценки и последующей коррекции собственной деятельности.

В аспекте развития физической культуры личности и ее физкультурно-спортивной активности целесообразно рассмотреть более подробно одну из важнейших функций игры – эмоционально-стимулирующую, способствующую формированию нравственных чувств личности. Игропроцесс порождает спектр эмоциональных переживаний. Именно чувства формируют состояние успеха – главного источника внутренних сил. Эмоциональная составляющая, включающая последовательность эмоциональных переживаний и реакций, является психологической основой игровых методов [3].

Основная особенность игровой технологии заключается в творческой деятельности участников, связанной с выделением проблемы и способов ее решения. Непредсказуемость игры делает ее специфической формой воспитательно-познавательной деятельности.

Игровая технология нацелена на то, чтобы научить студента осознавать мотивы своей деятельности, поведения, как в игровой, так и в жизненной ситуации, то есть формировать цели и программы самостоятельной деятельности и предвидеть ее ближайшие результаты. Постепенное осознание мотивов собственной деятельности вызывает у играющего чувство личной заинтересованности и устойчивый интерес к данной деятельности. Стремление к осознанию мотивов собственной деятельности усиливает критическое отношение к общепринятым традициям, поддерживает интерес к самостоятельному размышлению и в конечном итоге к самосознанию и самовоспитанию.

Игра позволяет сменить пассивную позицию студента на сознательно активную, стимулирует рост познавательной активности студентов, что дает возможность получать и усваивать большее количество информации, формировать систему знаний и использовать их в практической деятельности. Свободная деятельность в ходе игры располагает к произвольному и добровольному восприятию информационной составляющей и ее практической реализации. Участие в серии различных игр активизирует деятельность студента, способствует формированию лично значимой мотивации.

Использование игровой технологии представляет широкие возможности для моделирования собственной деятельности, системы отношений в игровых условиях. Игровая технология позволяет организовать поэтапную отработку в процессе игрового взаимодействия новых способов ориентировки студентов в жизненных ситуациях, связанных с вопросами физической культуры и здорового образа жизни. Игровая технология стимулирует формирование, наряду с игровыми, реальными партнерскими отношениями сотрудничества, обеспечивающих возможность позитивного личностного развития студента. Чувство внутренней свободы, ощущение дружеской поддержки и возможность оказать, в случае необходимости, помощь своему партнеру способствует сближению участников, углубляет их взаимопонимание. Она позволяет снять авторитарную позицию педагога, уравнивает в правах всех участников. Наличие определенных игровых ограничений развивает способности играющего к произвольной регуляции деятельности на основе подчинения поведения системе правил, регулирующих выполнение роли. Получаемый в игровом взаимодействии опыт сознательного подчинения правилам, нормативам закрепляется многократным повторением и переходит в новое лич-

ностное качество – дисциплинированность, исполнительность. Игра – это модель, которая запускает социальное взаимодействие на разных уровнях и с различным содержанием, что «заставляет» игроков, учитывая складывающуюся ситуацию, брать на себя ответственность принятия решения и нести ответственность за его последствия [3].

В процессе игры осуществляется ролевое взаимодействие, совместное освоение новых ценностей. Игровая деятельность способствует формированию системы отношений к окружающей действительности, социализации личности, поскольку у участников игры появляется разнообразный социальный опыт. Успешно проведенная игра, а тем более система игр повышает самооценку участников, так как у них появляется возможность в конкретной деятельности и проверить свои способности, определить возможности. Главный педагогический смысл игры в том, чтобы ситуации, отношения, нравственные позиции взаимопомощи, которые моделируются в игре, участник сохранил и после ее завершения. Использование игровой технологии позволяет оптимизировать социальную ситуацию развития и саморазвития студентов.

Таким образом, технология игровой деятельности представляет собой определенную последовательность действий, операций и процедур по отбору материала, разработке, подготовке игры, включению обучаемых в игровую деятельность, осуществлению самой игры, контролю за игровой ситуацией, подведению итогов и анализу результатов проведенной игры. Игровую технологию можно рассматривать как специфическую и универсальную форму учебно-познавательной, воспитательной и развивающей деятельности студентов.

Отмечая достоинства игровой технологии, необходимо отметить трудности в ее применении, связанные с недостаточностью формализованных критериев оценки и постоянного алгоритма проведения игры, который может меняться в зависимости от изучаемой проблемы или состава участников. Кроме того, успешность игровой ситуации не всегда проявляется в реальной жизнедеятельности участников. В связи с этим необходимо использование других педагогических технологий, способствующих закреплению опыта, полученного в ходе игрового взаимодействия.

Таким образом, социальная адаптация является отражением непрерывного, самостоятельного, внутренне мотивированного процесса, направленного на становление личности в условиях конкретного социума, способностью студента изменять и приводить в соответствие установкам и потребностям общества свои личностные и социальные качества, обеспечивающие активную жизненную позицию, развитие и самореализацию накопленных в процессе жизнедеятельности и профессиональной подготовки знаний, умений, навыков, совершенствование опыта и норм поведения для достижения социально значимых целей.

Готовность личности к социальной адаптации рассматривается нами как целостное личностное образование, включающее мотивационный, рефлексивный, волевой, операционный и оценочный компоненты. Готовность к социальной адаптации формируется на основе индивидуальной ценностно-смысловой установки личности и проявляется в способности будущего специалиста изменять и приводить в соответствие потребностям общества свои социальные и профессиональные качества, обеспечивающие его активную жизненную позицию, развитие и самореализацию.

При выборе средств и методов акцентированного развития свойств личности студента, способствующих социальной адаптации в условиях вузовской среды, целесообразно использование игровых технологий.

Список литературы

1. *Наячаджян А.А.* Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы, стратегии). Ереван, 2001.
2. *Петровский А.В.* Личность, деятельность, коллектив. М., 2002.
3. *Асташина Е.Е.* Игровые технологии как средство адаптации старшеклассников к социальной среде: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2003.

Н.С. Тимченко, Е.В. Харченко

Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ВРАЧЕЙ

Статья посвящена анализу проблем профессиональной социализации будущих врачей. В ней показано влияние типа культуры на развитие высшей медицинской школы в России. Выявлены направления изменений в профессиональной мотивации нового поколения врачей в процессе профессионального обучения.

Ключевые слова: первичная социализация, вторичная социализация, профессиональная социализация, профессиональное образование, высшая медицинская школа, тип культуры, профессиональная мотивация, профессиональные ожидания.

This article analyzes the problems of professional socialization of future physicians. It shows the influence of the type of culture on the development of higher medical schools in Russia. The direction of changes in the professional motivation of the new generation of doctors in training is identified in the article.

Key words: primary socialization, secondary socialization, professional socialization, vocational education, higher medical school, type of culture, professional motivation, professional expectations.

Становление и развитие социального начала в человеке происходит как процесс включения личности в символический универсум, ценностно-смысловую сферу социальной системы. В последующем расширение границ обретаемого в детстве и юности социального знания проявляет себя в диверсификации моделей социального поведения, в активном освоении разнообразных социальных практик и социальных полей.

Согласно идеям социального конструктивизма, предложенным П. Бергером и Т. Лукманом, процесс социализации личности «раскладывается» на два этапа – первичную и вторичную социализацию [1, 210]. В ходе первичной социализации индивид усваивает обязательный социальный минимум, который определяет его как члена конкретного общества. В содержательном плане происходит интериоризация индивидом информации о социальном мире, его структуре, специфике, тенденциях развития (в целом «знания»), формирование представления о том, какое состояние мира следует считать нормативным, легитимным («ценности-нормы»), выработка собственных эмоций относительно ключевых позиций мироустройства («переживание»).

Социальная идентичность «первого порядка» формируется под разнонаправленным воздействием социальных институтов и субъектов на фоне постоянно изменяющейся социокультурной реальности. М. Мид обратила внимание на то, сколь специфическим может быть характер межпоколенческой трансляции опыта в культурах разного типа [2]: от следования молодежи моделям и стилям жизни предыдущих поколений в постфигуративной культуре до критической оценки опыта старших в конфигуративной и переориентации на внутрипоколенные коммуникации в рефигуративной культуре.

Очевидно, что представители современного поколения молодых россиян за редким исключением испытывают скептическое отношение к «рецептам жизни» своих родителей, чей жизненный багаж оказался малопродуктивен в решении каждодневных проблем, встающих перед входящими в бурную социальную жизнь. Такая ситуация касается не только мира повседневных социальных практик, но и уровня формальных социальных систем, в которых происходит невольная встреча разных поколений. Социализирующая функция системы образования претерпевает коллизию подобного рода, делая насущным вопрос о том, кто у кого и чему должен учиться.

В образовательных системах доминирующий тип культуры трансформируется в специфические содержание и форму взаимодействия непосредственных участников образовательного процесса. Так, односторонность процесса передачи традиции в постфигуративных культурах обуславливает патерналистскую модель образования, в которой позиция Учителя сакральна, его авторитет абсолютен. Конфигуративные культуры характеризуются ускоренным темпом общественного развития, и опыт своего поколения оказывается не менее ценным. Хотя старшее поколение продолжает играть решающую роль в образовании, оно не воспринимается как безусловный эталон. Утверждение субъект-субъектного подхода перекодирует привычные роли: ученик понимается не как объект, а как личность, субъектность которой проявляется в соучастии трансляции культуры.

Незавершенность, открытость проекта «рефигуративная культура» не позволяет с такой же очевидностью описать сценарий взаимодействия основных действующих лиц. Но очевидно, что образовательная система современного российского общества, заметно утратив приоритетные позиции в формировании социальной идентичности «первого порядка» [3; 4], испытывает серьезные вызовы.

Вторичная социализация связана с вхождением человека в специфическую институциональную среду, за деятельность в которой он получит свою долю «богатства, власти, престижа», т.е. определенный статус с его правами и обязанностями. Здесь имеет место произвольный выбор личности, а социальная идентификация «второго порядка» относится не к статусу члена общества вообще, а к статусу носителя конкретных функций, возникших в данном обществе в результате процесса разделения труда. В ходе вторичной социализации индивид встречает богатый выбор альтернативных миров, приобщение к которым происходит через процесс усвоения и принятия «частичного» социального знания [1, 210].

Профессиональная социализация включает в себя профессиональное образование и трудовую деятельность. Здесь происходит передача накопленного опыта, вхождение человека в мир профессиональной деятельности, осуществляется воспроизводство трудовых отношений, обновляется социально-профессиональная структура общества. Профессиональная социализация рассматривается как двусторонний процесс: с одной стороны, это процесс вхождения молодого специалиста в профессиональную среду, усвоение им профессионального опыта, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества, с другой стороны – процесс активной реализации профессионального поведения, непрерывного профессионального саморазвития и самосовершенствования.

Приведенная нормативная модель профессиональной социализации оказывается под давлением новой социокультурной реальности, когда в образовательном пространстве лицом к лицу встретились два поколения – преподаватели и студенты – носители двух различных моделей социализации. Ценностный конфликт, несмотря на то, что он имеет латентный характер, тем не менее, провоцирует нарастание дисфункциональности системы профессионального образования в целом, которое, согласно системной концепции Т. Парсонса, отвечает за воспроизводство нормативного образца, содержательно определяющего специализированную деятельность. Это, с одной стороны, проявляется в нежелании молодого поколения следовать знаниям и опыту предыдущего поколения, с другой – усиливающаяся субъектность студентов в определенной степени изменяет сам институт профессионального образования.

Повышение результативности профессиональной социализации в такой ситуации требует более пристального внимания к тому, что представляет собой современная студенческая молодежь как агент образовательного пространства. Опираясь на концепцию модальной личности, американский специалист в области

высшего профессионального образования М. Тейлор выводит некий обобщенный образ современного студента – представителя поколения Next [5].

Американскую молодежь объединяют специфические условия социализации, когда семейное воспитание в конце 1990-х гг. было заменено общественным, что обусловило превращение ребенка в объект разнонаправленных социализирующих воздействий, притом не всегда высокого качества. Для российского студенчества период их первичной социализации совпал с драматическим этапом радикальных общественных преобразований, когда система общественного воспитания сама оказалась дезориентирована относительно модели социализации, а родители были вынуждены заботиться в первую очередь о проблеме выживания семьи.

Поколение Next, согласно, М. Тейлору, характеризуется следующими чертами [5]: потребительское отношение к жизни; ориентация на развлечения; отстаивание прав потребителя в образовательном процессе и, как следствие этого, торг; неверие в традиционные ценности; несдержанность желаний, стремление к удовлетворению личных потребностей; жизненная близорукость; приспособляемость и прагматизм; высокая самооценка и уверенность в собственной уникальности; скептицизм, падение доверия к авторитетам и цинизм; потребность в безопасности; стресс; недостаток воспитанности и отзывчивости; интеллектуальное равнодушие; избирательная склонность к риску; инфантилизм; покорность судьбе и отказ от собственной активности; неумение наладить прочные и близкие отношения друг с другом; принятие этнокультурного разнообразия; искушенность в технике.

В этом перечне достаточно легко распознаются качества, присущие современному российскому студенчеству, в том числе и тем, кто обучается медицинской профессии. Следует заключить, что в высшую медицинскую школу пришло поколение студентов, чья первичная социализация происходила на фоне разрушенного религиозного мировоззрения и постепенной утраты веры в науку и культуру. Само по себе это ставит высшее профессиональное медицинское образование перед сложной проблемой: нужно ли в процессе профессионального становления корректировать личностные установки студентов в направлении усиления гуманистических ориентиров в профессии, что в большей мере соответствует сущности медицины как социального института, и насколько реализуема данная задача? Либо, наоборот, необходимо, основываясь на прагматическом интересе студентов, определяющем их образовательные практики, стремиться к максимальному удовлетворению этого интереса в будущей профессии?

Ниже приведены результаты социологического исследования мотивов профессионального самоопределения будущих врачей и их профессиональных ожиданий. В анкетном опросе приняли участие 149 студентов 1-го курса, 158 выпускников Алтайского государственного медицинского университета и 142 врача-интерна. Эмпирическая база исследования составлена таким образом, что взяты три группы респондентов, каждая из которых занимает отдельное место относительно системы профессионального образования: на первокурсниках фиксируется вход в систему, на шестикурсниках и интернах – выход из нее, но с разным присутствием практического опыта.

Для большинства респондентов из всех трех групп выбор профессии врача был вполне осознанным и самостоятельным (так ответили примерно 80% респондентов). Менее всего испытали на себе давление родительского авторитета при выборе будущей профессии интерны (4,2% по сравнению с 15,2% в других группах). Вероятно, в связи с тем, что основной груз финансовых затрат на образование лежит в настоящее время на самих потребителях образовательных услуг (точнее, на их родителях), первокурсники демонстрируют более высокий уровень ответственности за сделанный выбор. Как показывают ответы шестикурсников и интернов, такие индикаторы, как степень ответственности и осознанности профессионального выбора, связаны с более устойчивым желанием оставаться в профессии, несмотря на все имеющиеся в ней трудности. Данная характеристика раскрывает потенциал нахождения будущих и молодых врачей в профессии, содержательные же аспекты выявляются при анализе мотивационных устремлений респондентов.

Анализ может быть осуществлен по двум направлениям – количественному, предполагающему выявление различий между группами по отдельным ценностным аспектам профессии врача, и качественному, основанному на сравнении ценностных композиций отдельных групп. Количественный вариант анализа позволяет фиксировать в ответах первокурсников заметно более высокие проценты по большинству предложенных в анкете мотивов. Первокурсники, для которых поступление в вуз является первым осознанным шагом на пути жизнеосуществления, склонны более романтично относиться к профессии, нежели их старшие товарищи. «Идеализм профессии» – широко известный феномен, характеризующий завышенные ожидания относительно профессии, которые зачастую не выдерживают грубого напора реальности.

Безусловно, здесь следует учитывать отдаленный во времени для шестикурсников и врачей-интернов момент профессионального выбора, а также влияние на их представления о профессиональных ценностях накопленного профессионального опыта, переводящего идеальные конструкции в адекватные реальности формы. Отсюда более взвешенные позиции в этих двух группах респондентов по переменным «возможность иметь материальный достаток», «стремление помогать больным людям», «необходимость “обезопасить” себя и близких в случае болезни», «возможность реализовать свой потенциал», «стремление к профессии, имеющей хорошие условия работы», «возможность ощущать зависимость других людей». Сопоставимые в разных группах данные получены лишь по переменным «возможность работать вместе с образованными, интересными людьми», «стремление получить престижную профессию и занять достойное место в обществе» и «познавательный интерес к изучению человеческого организма».

Процедура сравнения групповых ценностных структур обнаруживает целый ряд особенностей, менее выраженных при сопоставлении выпускников вуза и интернов между собой и более заметных между этими

группами и первокурсниками. Так, только в группе первокурсников мотив помощи другим людям наряду с мотивом самореализации занимает доминирующую позицию в структуре мотивов, в других группах он отнесен на четвертую-пятую позицию. Более высокий статус престижности профессии врача в обществе отмечен в группе интернов. Во всех группах одинаково высока ценность профессиональной самореализации, а низкую позицию имеют ценности утилитарно-прагматического свойства (доход, условия работы, зависимость от других людей).

В целом существующая система высшего профессионального образования (по меньшей мере, на региональном уровне) продолжает в силу своей инерционности воспроизводить и поддерживать традиционные гуманистические ценности медицины. Вместе с тем, следует отметить, что идея служения другим людям находится в «ядре» профессиональных ориентаций молодого поколения врачей, но уже не является приоритетной. Их основное устремление – возможность личностного развития – выражает, скорее, возрастную специфику, проявляющуюся в активном освоении молодежью жизненного, в том числе и профессионального, пространства. Позитивным моментом является сильная корреляция этого мотива с другими, существенно значимыми в профессии врача (помощь больным, работа среди образованных людей, познавательный интерес).

Результаты анализа обнаруживают еще одно важное обстоятельство. Среди тех, кто заканчивает профессиональное обучение в медицинском вузе, 20,3% в случае возвращения в ситуацию выбора профессии, предпочли бы иной вид деятельности, а 29,1% не имеют четкой позиции по данному вопросу [6, 138–139]. Такие показатели заставляют задуматься о глубинных противоречиях, существующих в высшей профессиональной школе.

Она стоит перед серьезной дилеммой завершения проекта «префигуративная культура в образовании» с преобладающей позицией, согласно которой профессиональное образование рассматривается как средство реализации жизненных стратегий личности, с одной стороны. А с другой – признание социальной функции профессионального образования, его роли и значения в создании условий для сохранения целостности и жизнеспособности общества. Снятию этой оппозиции может способствовать разработка и внедрение глубоко продуманных и системно разработанных государственных образовательных стандартов нового поколения, учитывающих социокультурные реалии современного российского общества, тенденции развития отечественного здравоохранения, трансформацию жизненных миров молодого поколения россиян.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
3. Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996.
4. Мудрик А.С. Введение в социальную педагогику. М., 1997.
5. Тейлор М. Поколение Next: студент эпохи постмодерна // Отечественные записки. 2006. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru>.
6. Тимченко Н.С. Социокультурный анализ современного российского здравоохранения: теоретические и прикладные аспекты исследования. Барнаул, 2006.

Е.В. Ермолаева

Саратовский государственный медицинский университет, Россия

ЭТИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТА-МЕДИКА

Социокультурные изменения в современном обществе тесно связаны с трансформирующейся ролью профессии медика и ее определениями в контексте рынка, государства и гражданского общества. Современная система высшего медицинского образования должна формировать у студентов-медиков умения действовать эффективно в обществе.

Ключевые слова: студент-медик, профессиональная идентичность, профессия, медицинское образование.

Social and cultural changes to modern society are closely connected with transforming role to professions of the physician and its determinations in context market, state and civil society. The modern system of the higher medical education must form beside student-physician of the skill to act in society.

Key words: student-physician, professional identity, profession, medical education.

Формирование профессиональной идентичности и образа врача часто считалось само собой разумеющимся явлением и выступало побочным продуктом изучения. Во время профессиональной социализации студенты-медики приобретают знания, способности, поведенческие модели, а также формируется этическая культура будущего врача. Тем не менее определенный критический опыт может инициировать активную конструкцию профессиональной идентичности.

Студенты-медики имеют иную ориентацию к изучению медицины и медицинской практике. Наиболее дискуссионным бывает выбор карьеры в сфере медицинского образования (преподавание, работа с пациен-

тами), предлагая возможности совершенствования опыта и карьеры. Различные ситуации взаимодействия с пациентами в клиниках во время медицинской практики закладывают основу для разработки профессиональной идентичности.

Столкновение с различными критическими ситуациями является частью ежедневной практики в медицинских университетах. Эти ситуации могут породить отражение в действии и сознательной разработке профессиональной идентичности, поскольку медики имеют большие возможности осознания себя, своего профессионализма или непрофессионализма в связи с ситуациями со смертью, этическими и правовыми аспектами современных биомедицинских исследований во время их медицинского образования.

Материалы и методы

Профессии всегда важны для благосостояния общества. Профессиональное знание и экспертиза – это одна из важнейших характеристик современного общества. Как такая профессиональная экспертиза проведена, как она развернута и для кого – эти и другие вопросы волнуют ученых всех стран. В то же самое время многие наиболее отчетливые характеристики профессий, особенно то, что касается их привилегий – саморегулирования и самосохранения – сокращаются.

Экспертизу нельзя в значительной степени использовать в качестве рычага для утверждения традиционных профессиональных привилегий, нельзя относиться только как основе для профессионального управления медицинскими услугами.

С этой точки зрения теории профессионализации делят, по крайней мере, на три четких типа. Первый тип теории подчеркивает стратегическую сторону профессионализма: использование профессиональной группой требований о высшем знании и специальной моральной целостности как устройства, которыми они могли бы обеспечить некоторую меру управления рынком для их услуг. Этот вид профессионализма как «проект коллективной мобильности» выделяет экономические измерения феномена профессионализации в пределах либерального капиталистического заказа [1, 2].

Второй тип теорий подчеркивает передачу культурного и общественного руководства, доказывая этим рыночный успех таких областей, как, например, медицина [3, 4]. Эта интерпретация профессионализации соответственно подчеркивает роль, которую играет экспертное знание, особенно научное знание, в формирующейся профессиональной автономности и социальном престиже.

Третья группа теорий подчеркивает возникновение профессионализма как идеологии общественной реформы, которая могла бы влить ответственность перед обществом в разделение труда. Согласно этой точки зрения, профессионализация выступает как выражение профессиональной корысти с апелляцией к средним классам [5, 6].

Основная идея – то, что люди будут лучшими, если они непрестанно ищут возможности заключить наилучшую «делку». Для третьей группы теорий формирования профессионализации ситуация обусловлена более комплексом внешних причин, поэтому гораздо труднее определяться. Г. Перкин доказывает, что распространение идеи профессионализма и общественной законности затруднено, если профессионализм не отвечает на реальные общественные потребности, которые стали неотложными [6].

В российском массовом сознании складывается сегодня довольно-таки неоднозначный образ врача. Как свидетельствуют, например, данные результатов опроса, проведенного недавно Фондом «Общественное мнение» (www.fom.ru), почти 32% россиян убеждены, что престиж профессии врача в последнее время растет; чуть выше доля считающих, что ничего в этом отношении не меняется (35%). По мнению 17% респондентов, престиж этой профессии снижается.

Результаты

Подобные серьезные расхождения в оценке врачебной деятельности и врачебного статуса указывают, очевидно, на определенные трансформации в классической схеме «врач – пациент», обуславливают необходимость изменения самого подхода к врачебной практике. Действительно, реалии современной медицины таковы, что все больше востребованным оказывается не только и не столько врач-профессионал, но врач-гуманист, постоянно соизмеряющий свои действия с требованиями нравственного порядка.

Таким образом, основная цель медицинского образования, подготовки будущего врача, должна заключаться как в наделении его знаниями и навыками, позволяющими правильно пользоваться алгоритмом постановки диагноза, осуществлять медико-профилактические мероприятия, оказывать неотложную помощь в пределах своей компетенции, но и, что, возможно, особенно важно, выполнять свои профессионально-должностные обязанности в контексте с морально-правовыми требованиями.

Важной стороной успешной деятельности врача является не только высокий уровень его специальной медицинской подготовки, общечеловеческой культуры, но и социально-психологические аспекты его личностного потенциала.

К их числу относятся высокая частота межличностных контактов при общении с больными и их родственниками; коммуникативная компетентность определяет успешность профессиональной адаптации молодого специалиста на начальном этапе самостоятельного труда.

Важной также, и в контексте рассмотрения процесса становления врача, является в настоящее время проблема гражданственности, разработки путей и средств формирования человека, способного жить в гражданском обществе. Прежде всего гражданственность реализуется в установке человека: от того, что я делаю, зависит как будем жить я и моя семья, к каким последствиям приведут социально-экономические преобразо-

вания. При воспитании гражданской культуры и гражданского самосознания, основное бремя лежит на социальных дисциплинах. Это означает, что они должны не только давать информацию, но и быть нацелены на передачу определенного набора ценностей, часть из которых является традиционной, а часть – адаптирована к новым историческим реалиям (уважение к закону, гражданские права, права меньшинств, стремление к разрешению конфликтов). Современная система высшего образования должна формировать у студентов умения действовать эффективно в обществе, а не ограничиваться воспроизводством уже существующих норм, обычаев и ценностей.

Современная общественная ситуация характеризуется потерей гражданской ответственности и это неизбежно в результате тех преобразований, которые происходят в нашем обществе. Поэтому проблема ее формирования в российском обществе является актуальной. Основываться она должна на принципах, нормах и ценностях демократического общества.

В современных условиях развития медицины возрастает риск возникновения непредвиденных последствий, особенно в связи с развитием новых биомедицинских технологий. Это заставляет с большей внимательностью относиться к проблеме развития гражданского самосознания врача, понимания того, что от него зависит будущее общества в целом.

Профессиональный долг врача – это, прежде всего, его высокий моральный долг перед своими пациентами, коллегами, учителями и учениками. Не удивительно, что был создан документ, регламентирующий их отношения: во-первых, главной ценностью является здоровье и жизнь человека; во-вторых, врач должен обладать целым рядом особенных качеств – профессиональных и моральных; в-третьих, в самой врачебной деятельности содержится целый ряд проблем и противоречий, не разрешимых никакими иными средствами, кроме моральных. Документальное же оформление принципов медицинской этики в виде кодекса необходимо, во-первых, для повышения степени доверия пациента к врачу, а во-вторых, для воспитательных целей. В стремлении выработать в себе такие качества, как дисциплинированность, организованность, честность, деловитость, упорство, сдержанность проявляется самоограничение врача [7].

Если категории «призвание» и «профессиональный долг» выражают отношение человека к своему делу, то проблема смысла профессиональной деятельности порождается взаимодействием людей в обществе. В первую очередь мы имеем в виду:

- 1) чисто профессиональные качества – профессиональные навыки, опыт работы, знание иностранных языков;
- 2) морально-психологические как профессиональные – целеустремленность, выдержка, честность, принципиальность, самоотверженность, требовательность;
- 3) моральные – доброта, отзывчивость, гуманность, достоинство, уважение других, порядочность, щедрость, мужество, справедливость, совесть.

Выводы

Проблема воспитания врача-профессионала и гражданина становится все более актуальной из-за усиливающейся в последнее время политизации всех сфер общества. Позиционируя свои профессиональные лидерские качества, врач расширяет свое влияние, пропагандирует здоровый образ жизни.

Медицина – это намного больше, чем компетенция и экспертиза, она не может функционировать как учреждение без доверия со стороны пациента и общества в целом. Это – функция медицины как профессии, чтобы охранять и продвигать это доверие в общество в целом. Эта точка зрения может быть перефразирована как принцип: «Медицина должна всегда рассматриваться обществом как благо, никогда как товар». Гражданский профессионализм должен пытаться усиливать и расширять доверие, которое является частью этоса медицины, но делать это надо ненавязчиво.

Список литературы

1. Krause E. Death of the guilds: professions, states, and the advance of capitalism: 1930 to the present. New Haven (CT): Yale University Press, 1996.
2. Larson M. The rise of professionalism: a sociological analysis. Berkeley (CA): University of California Press, 1977.
3. Abbott A. The system of professions: an essay on the division of expert labor. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
4. Freidson E. Professional powers: a study in the institutionalization of formal knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
5. Brint S. In an age of experts. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1995.
6. Perkin H. The third revolution: professional elites in the modern world. L.: Routledge, 1996.
7. Мансуров В. Российские врачи: гендерный аспект // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М., 2007.

О.И. Дервянко

Белорусский государственный университет, Минск

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Коммуникативная компетентность является структурным элементом социально-психологической зрелости личности. Коммуникативная компетентность способна оказывать влияние на уровень развития социально-психологической зрелости через ее компонент – личностную зрелость.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, социально-психологическая зрелость, личностная зрелость, социальная зрелость, психосоциальная зрелость.

Communicative competence is a structural element of a socially-psychological maturity of the person. Communicative competence is capable to influence a level of development of a socially-psychological maturity, through its component – a personal maturity.

Key words: communicative competence, socially-psychological maturity, personal maturity, social maturity, psychosocial maturity.

Введение

Одним из важнейших видов деятельности студенческой молодежи является коммуникация. Коммуникативные качества, опосредующие эффективность адаптационного периода, становятся профессионально необходимыми, трансформируясь в категорию – «коммуникативная компетентность» (КК). КК – это интегральное личностное качество, обеспечивающее ситуационную адаптивность и свободу владения вербальными и невербальными средствами общения, возможность адекватного отражения психических состояний и личностного склада другого человека, верной оценки его поступков, прогнозирование на их основе особенностей поведения воспринимаемого лица. В связи с этим КК является одной из базовых характеристик профессиональной компетентности и профессиональной подготовки специалистов [1].

Систему коммуникативных свойств составляют коммуникативные способности, индивидуально-психологические свойства, коммуникативные черты характера, характеристики эмоционально-волевой сферы личности.

Формирование КК на социально-психологическом уровне происходит как стихийно в процессе повседневного общения с окружающими людьми, так и в процессе формального общения и воспитания на основе целенаправленной психолого-педагогической работы, связанной с обогащением знаний, умений, навыков, привычек и приобретением способности подбирать необходимые коммуникативные стратегии общения и языковые средства сообразно возникающей ситуации.

Таким образом, процесс коммуникации обеспечивает индивидуализацию, социальную адаптацию и интеграцию молодого человека, опосредует создание такой субъективной картины мира, которая бы в значительной мере соответствовала картине, разделяемой большинством членов сообщества. Только при этом условии субъект может адекватно действовать в социальной среде и таким образом реализовывать свои цели и задачи. КК является одним из психологических факторов, посредством которого окружающие создают языковую картину как ядро концептуальной картины мира. Нарушения процесса коммуникации опосредуют «неудачную социализацию», в частности, неспособность обеспечения себя приемлемыми условиями жизни, к установлению эмоционально положительных межличностных отношений, к адекватному исполнению социальных ролей, поддержанию соматического и психологического здоровья [2]. Успешное формирование КК ведет к становлению социально-психологической зрелости личности (С-ПЗ).

Процесс становления социально-психологической зрелости молодежи, выбор ею жизненного пути происходят во всех основных сферах жизнедеятельности личности, реализуясь посредством обучения и воспитания, усвоения и преобразования опыта старших поколений. Основными социально-психологическими регуляторами этого процесса и одновременно показателями положения молодежи в обществе и в структуре исторического процесса развития выступают ценностные ориентации, социальные нормы и установки.

Таким образом, социально-психологическая зрелость – это способность личности понимать и принимать точку зрения других, то есть соотносить свои мысли, переживания и желания с мыслями, переживаниями и желаниями других людей. Для понимания социально-психологической зрелости огромное значение имеют способности человека к децентрации и эмпатические способности, которые, по мнению А.Л. Журавлева, являются критериальными ее признаками.

Согласно утверждению А.Л. Журавлева, социально-психологическая зрелость – это вид зрелости, которая имеет общие характеристики прежде всего с психосоциальной зрелостью, а соответственно и с психологической, социальной, личностной. С-ПЗ ограничивается сферами своего проявления: во-первых, это зрелость личности, проявляемая в отношениях и взаимодействиях с другими людьми, с социальными группами и в целом с окружающей социальной средой, а во-вторых, зрелость самих социальных групп, межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений. Следовательно, спецификацию С-ПЗ личности можно исследовать через показатели структурно-содержательной характеристики – личностной зрелости (ЛЗ) [3].

Теоретический анализ психологической литературы по проблеме взаимосвязи КК и С-ПЗ позволяет нам утверждать, что КК является одним из основных содержательных компонентов С-ПЗ, который необходим для описания, оценки, прогноза развития С-ПЗ личности. Все вышесказанное позволяет предположить, что одним из феноменов, определяющих социально-психологическую зрелость, является КК. Однако в психологических

исследованиях до настоящего времени неизученной остается проблема механизмов взаимосвязи С-ПЗ и КК личности.

Экспериментальной базой исследования выступили Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (54 человека) и Белорусский национальный технический университет (46 человек). Для того чтобы выборка отвечала наибольшей репрезентативности, в исследовании приняли участие представители работающей молодежи (32 человека), в возрасте от 18 до 25 лет. Общий объем выборки – 132 человека.

Методы. «Самооценочный тест – опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха»; «Тест коммуникативной социальной компетентности (КСК)»; «Методика изучения коммуникативной компетентности (Никишина В.Б., Василенко Т.Д.)»; методы статистической обработки и анализа данных.

Обсуждение результатов. Проанализировав полученные данные, можно утверждать, что молодежь в возрасте от 18 до 25 лет обладает тенденцией к высокому уровню КК. Другими словами, коммуникативно-компетентная личность, обладая высоким уровнем КК, способна вступать в контакт с людьми с учетом их индивидуальных характеристик, воздействовать на собеседника, вызвать у него положительное восприятие собственной личности, способна правильно оценить собеседника как личность, как потенциального конкурента или партнера и выбирать собственную коммуникативную стратегию в зависимости от этой оценки.

Анализ показателей ЛЗ как студенческой молодежи, так и работающей молодежи, позволяет констатировать, что более чем у 60% испытуемых студенческого возраста наблюдается несформированность способностей к обоснованному прогнозированию и планированию собственного поведения, принятию обдуманных решений, умению соотносить их со своими возможностями и нести за них ответственность перед собой и другими людьми.

Теоретический анализ современной психологической литературы позволяет утверждать, что КК имеет в своей структуре внутренние конструкты (социально-коммуникативная неуклюжесть (СКН), нетерпимость к неопределенности (НН), чрезмерное стремление к конформности (ЧСК), фрустрационная нетолерантность (ФН), повышенное стремление к статусному росту (ПССР), ориентация на избегание неудач (ОИН)), которые влияют на формирование ее внешних проявлений и в первую очередь на формирование С-ПЗ. Для выявления детерминирующих внутренних конструктов КК был выполнен кластерный анализ показателей. Вариативность в соотношении КК и внутренних конструктов КК с высоким уровнем достоверности позволила выделить их самостоятельные кластеры, которые образуют три типа коммуникативной личности: социально-адаптивный, социально-неуклюжий (лиминальный), потенциально-дисфункциональный.

Социально-адаптивный тип. Личность способна воздействовать на собеседника, вызвать у него положительное восприятие собственной личности, способна правильно оценить собеседника как личность, как потенциального конкурента или партнера и выбирать собственную коммуникативную стратегию в зависимости от этой оценки.

Данному типу присуще отсутствие страха оказаться отвергнутым. Выражена способность интерпретировать и воспринимать неопределенные ситуации не в качестве источника угрозы для личности, а скорее как источник для проявления инициативы, что свойственно для творческих, инициативных людей. Личность не восприимчива к давлению группы. Обладает адекватной оценкой своих возможностей. В установках присутствует стремление к достижению цели и успеха.

Социально-неуклюжий тип. Личность испытывает определенные затруднения при установлении контакта с другими людьми. Не развито умение вести себя адекватно ситуации и использовать ее специфику для достижения собственных коммуникативных целей, что отрицательно сказывается на межличностных отношениях, что выражается в переоценке личностью своих возможностей, в расщеплении вербального и реального планов, ослаблении критичности при контроле за реализацией программ поведения.

Достаточно комфортно ощущает себя в деятельности. Отсутствует здоровый «карьеризм». Характерно отсутствие желания профессионально развиваться, низкое желание добиваться цели, успеха, уклонение от лишних действий. Характерна уязвимость по отношению ко многим объективным непреодолимым (или так субъективно ими воспринимаемым) проблемам, вызывает чувство психологической незащищенности и заставляет упорно фиксироваться на самозащите.

Потенциально-дисфункциональный тип. Средний уровень речевого развития, который не позволяет человеку в процессе общения свободно воспринимать и передавать информацию. Характеризуется набором психологических качеств интолерантной личности, повышенной тревожностью и склонностью к панике, склонностью исказить информацию. Характеризуется тенденцией воспринимать неопределенную информацию как разновидность психологического дискомфорта или угрозы. Одни из них нереалистично занижают, а другие нереалистично завышают поставленные цели. Повышение уровня самозащитных реакций и фиксация на удовлетворении потребности в защищенности снижает адаптивные возможности личности в социальном плане. Высокая податливость реальному или воображаемому давлению группы, проявляющаяся в изменении его установок.

Уровень ЛЗ достоверно соответствует определенному типу коммуникативной личности. Социально-адаптивный и социально-неуклюжий типы коммуникативной личности обладают наиболее высоким уровнем ЛЗ. Потенциально-дисфункциональный тип коммуникативной личности имеет тенденцию к низкому уровню ЛЗ.

Анализ данных позволил выявить соотношение между типом коммуникативной личности и социальным статусом молодежи студенческого возраста (таблица).

Соотношение социального статуса и типов коммуникативной личности, %

Социальный статус	Социально-адаптивный	Социально-неуклюжий	Потенциально-дисфункциональный
Студенты БГПУ (гуманитарный профиль)	62	16	22
Студенты БНТУ (технический профиль)	25	35	40
Работающая молодежь	31	38	31

Можно констатировать, что студенты гуманитарного вуза в процессе обучения приобретают не только профессионально-значимые знания, но и приобретают знания и навыки для развития коммуникативно-личностных качеств. Это способствует более успешной их интеграции и социализации в обществе. В своей профессиональной жизни студенты гуманитарных специальностей склонны к реализации собственных значимых ценностей и смыслов, к самореализации себя в профессии, раскрытию себя как личности, а не как представителя профессии. Такое положение дел объясняет и ориентацию в образе профессии именно на личностные качества, а не на профессиональные. Так, с одной стороны, в процессе обучения у студентов не формируется целостное представление о профессии, не закладывается система профессиональных смыслов, ввиду чего происходит ориентация профессиональной направленности на общие образования смысловой сферы. С другой стороны, для студентов гуманитарных специальностей изначально может быть более важным реализация своей личности в профессии, то есть студент изначально выбирает гуманитарную специальность для получения возможности реализации собственных ценностей, для личностного развития и лишь затем – для профессионального роста и развития. В связи с этим и ориентироваться в профессиональной жизни он будет на основополагающие смыслы, а не на систему смыслов, транслируемых собственно профессией [4].

Выводы

1. Процесс коммуникации обеспечивает индивидуализацию, социальную адаптацию и интеграцию студенческой молодежи, опосредует создание такой субъективной картины мира, которая бы в значительной мере соответствовала картине, разделяемой большинством членов сообщества. Главным показателем коммуникативной способности будущего специалиста является его КК.

2. У молодых людей студенческого возраста наблюдается несформированность способностей к обоснованному прогнозированию и планированию собственного поведения, принятию обдуманных решений, умению соотносить их со своими возможностями и нести за них ответственность перед собой и другими людьми.

3. Установленные дифференцированные связи между ЛЗ и внутренними конструктами КК свидетельствуют о том, что чем выше уровень ЛЗ, тем менее выражены у личности симптомы эмоционального дискомфорта, депривации, фрустрированности в коммуникативной сфере, у личности выражено стремление к ориентированию на постановку и выбор оптимального варианта в работе, личность с высоким уровнем ЛЗ воспринимает неопределенные ситуации как источник для проявления инициативы.

4. Гуманитарный профиль образования определяет в наибольшей степени социально-адаптивный тип личности с высоким уровнем личностной зрелости; технический профиль образования определяет потенциально-дисфункциональный тип личности с тенденцией к низкому уровню ЛЗ; работающая молодежь определяется высоким уровнем ЛЗ и социально-неуклюжим типом личности.

Список литературы

1. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л., 1985.
2. Розум И.С. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2006.
3. Журавлёв А.Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психолог. журн. 2007. № 2.
4. Финькевич А.В. Динамика карьерных ориентаций в структуре смысловой сферы личности студентов гуманитарных и технических специальностей // Психология XXI век: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. СПб., 2008.

О.В. Каминская

Открытый международный университет развития личности «Украина», Ровно, Украина

ВЛИЯНИЕ САМООТНОШЕНИЯ НА АДАПТАЦИЮ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В МАЛОЙ ГРУППЕ

Анализируется проблема влияния самоотношения на уровень адаптации студентов. Рассматриваются такие формы самоотношения, как самоотторжение, самопринятие, самоуважение, позитивное и негативное отношение к собственной личности в целом. Уделяется внимание факторам, которые провоцируют как негативное самоотношение, так и низкий уровень адаптации личности в группе.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптация, самоотношение, самоотторжение, самопринятие, самоуважение, самооценка, самовосприятие.

The article analyses the formation of personality self-attitude taking into consideration the peculiarities of psychic and physical development. Special attention is paid to the analysis of self-estimation specific and emotional self-attitude of students.

Key words: self relate, self accept, self renounce, the type of "Me".

Введение. В последнее время большое внимание уделяется проблеме реформирования системы образования, которая вызвана рядом причин, включающих возникновение новых и кризиса существовавших систем ценностей в сфере образования; последовательный и необратимый процесс перехода от однообразия учебных программ, учебников, учебных заведений к их разнообразию; усиление процессов регионализации образовательных систем.

Одно из направлений модернизации системы профессионального образования – организация профессиональной подготовки на основе мониторинга поточных и перспективных потребностей рынка труда в кадрах разной квалификации с учетом международных тенденций. На формирование новых профессиональных и личностных качеств должен быть направлен образовательный процесс в заведениях профессионального образования, ориентированный на обеспечение социализации личности, одним из заданий которой является адаптация к учебному процессу в вузе.

Адаптация студентов – актуальная проблема, в решении которой заинтересована система профессионального образования. Способность адаптироваться можно назвать одной из особенностей человека приспосабливаться к окружающей среде, важной частью которой является образовательное учреждение, где человек проводит один из главных периодов своей жизни, формируется как профессионал и личность.

В данной статье был поднят вопрос о зависимости уровня адаптации студентов от специфики их самоотношения. Проблема самоотношения изучалась такими учеными, как В.В. Столин [1], О.Т. Соколова [2], И.И. Чеснокова [3], К.А. Абульханова-Славская [4] и другими. Что касается изучения понятия психологической адаптации личности, то здесь следует назвать таких ученых, как Г.Г. Дичев [5], В.С. Козьякин [6], Г.С. Костюк [7] и других. Вместе с этим вопрос о взаимосвязи уровня адаптации и особенностей самоотношения личности в современной науке раскрыт недостаточно полно.

Методы исследования: теоретический анализ, наблюдение, опрос, тестирование, методы математической статистики.

Результаты. При проведении экспериментального исследования было обследовано 130 студентов 1-го курса. Среди них было 50% юношей и 50% девушек. Исследование проводилось в Ровенском вузе «Открытый международный университет развития личности «Украина». Для установления взаимосвязи между уровнем адаптации и особенностями самоотношения мы использовали две методики: методику социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, а также тест-опросник самоотношения В.В. Столина.

Полученные результаты методики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд мы представили в виде табл. 1.

Таблица 1

Особенности адаптивности и дезадаптивности по результатам методики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, n = 130

Шкала	Уровни		
	Высокий	Средний	Низкий
Адаптивность	22,3	63,8	13,9
Дезадаптивность	12,3	65,3	22,4

Развитие личности, ее формирование в физическом, психологическом, социальном и духовном планах непосредственно зависит от ее адаптационных возможностей. Совершенствование адаптационных психологических механизмов способствует гармоничному развитию личности в обществе. Важным аспектом социально-психологической адаптации является принятие индивидом социальной роли, в том числе и гендерной. Учитывая гендерные отличия в данной группе, мы установили, что девушкам с высокими показателями адаптивности свойственно принятие гендерных ролей и сформированная гендерная идентичность.

У людей с высоким уровнем адаптивности эффективное приспособление к условиям среды может происходить с помощью двух типов адаптационных процессов. В первом случае личность активно влияет на среду, изменяя ее соответственно со своими потребностями. Во втором случае личность изменяется сама, приспосабливаясь к условиям среды. Происходит трансформация собственных взглядов, установок и стереотипов. Если в процессе адаптации личность сталкивается с трудностями, которые невозможно преодолеть, это приводит к нарушениям в структуре личности, к возникновению негативных эмоциональных состояний, эмоциональной нестабильности и неудовлетворенности собой.

Адаптация реализуется через достижение оптимальных взаимоотношений между личностью и средой за счет конструктивного поведения. Как показали результаты нашего исследования, у девушек доминирующим является мотив достижения цели и завершения деятельности, что помогает поддержке высокой точности и скорости действий, ориентации в окружающей среде – это является свидетельством наличия высоких адаптационных возможностей личности. На фоне этого раскрывается их творческий потенциал.

Среди юношей, по сравнению с девушками, преобладает низкий уровень адаптации. У них проявляется тревожность, внутренняя напряженность, ожидание негативного результата деятельности, ощущение беспокорства, окружение воспринимается как враждебное и такое, какое вызывает чувство опасности. Для них характерна неуверенность в себе, тенденция к самообвинению, чувствительность к обидам. Эффективность адаптации существенно зависит от того, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи. Измененное или недостаточно полное представление о себе приводит к нарушению адаптации, что может проявляться в виде невротических и психосоматических нарушений.

Для юношей с низким уровнем адаптивности характерна ориентация на защиту своего «Я» при ослаблении мотива достижения успеха. Недостаточная адаптация юношей к условиям окружающей среды и к влиянию неблагоприятных личностно значимых факторов приводит к появлению внутренней напряженности, которая мешает включению механизмов компенсаторной личностной регуляции. Ослабленными являются пластичность поведения, избирательность, стрессостойкость. Низкий уровень адаптации может сопровождаться проявлениями агрессии, направленной как на окружающих, так и на себя. Для них характерна эмоциональная незрелость, тревожность, проявления эмоционального дискомфорта при появлении барьеров на пути к удовлетворению потребности. Недостаточные возможности саморегуляции приводят к снижению уровня притязаний при возникновении неожиданных трудностей. Такие люди избегают рискованных ситуаций и ситуаций, где возможно самовыражение.

Дезадаптивность провоцируется неуспеваемостью в реализации целей, которая постоянно повторяется и может привести к фрустрационным проявлениям. Социальная дезадаптация приводит к нарушениям коммуникативного взаимодействия, может снижать эффективность психических процессов и функций, сопровождается ярко выраженными негативными переживаниями. Дезадаптация связана с отсутствием динамического равновесия личности и среды вследствие доминирования неконструктивных реакций или невозможности конструктивных подходов. Низкая самооценка и недостаточная саморегуляция эмоционального состояния, как показатели недостаточной эмоциональной зрелости, часто приводят к высокой степени конфликтности, неприятия в группе сверстников, чувства неполноценности и усложняют дальнейшее личностное развитие.

Для того чтобы проследить наличие или отсутствие взаимосвязи между адаптивностью и самооотношением мы использовали данные теста-опросника самооотношения В.В. Столина. В ходе исследования мы изучили уровень адекватности самооотношения. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Особенности адекватности самооотношения по тесту-опроснику самооотношения В.В. Столина, %

Респонденты	Самоотношение		
	Неадекватно позитивное	Адекватное с элементами критичности	Неадекватно критичное
Все (n = 130)	14,6	78,4	7
Юноши (n = 65)	21,5	72,3	6,2
Девушки (n = 65)	7,7	84,6	7,7

Чтобы определить значимость отличий выраженности характеристики, которая исследуется, мы использовали критерий Пирсона – χ^2 . Оказалось, что для показателя адекватности самооотношения значение $\chi^2 = 26,63$, то есть существенно превышает критическое, что свидетельствует о наличии статистически значимых гендерных отличий.

Следовательно, у юношей проявляется неадекватно позитивное отношение к себе, которое характеризуется такими чертами, как переоценка своих позитивных черт и игнорирование негативных личностных проявлений, ориентация только на позитивные оценки окружающих и неприятие критики в свой адрес. У этих людей недостаточно развита рефлексия, что не позволяет сформировать адекватный образ «Я».

Для большей части выборки характерно адекватное самооотношение с элементами критичности, которое проявляется в наличии расширенного содержания представлений о себе, осознании как позитивных, так и негативных личностных черт, четком и сбалансированном представлении о своих особенностях, адекватном осознании того, как их воспринимают окружающие.

Неадекватное критическое самооотношение сопровождается ограниченным объемом представлений о себе, недооценкой собственных возможностей, преобладанием в структуре личности негативных самохарактеристик, неразвитой рефлексией, слабой возможностью к объективному восприятию себя, низкой степенью самопринятия.

Следующим показателем, проанализированным нами, является интегральное самооотношение. Анализируя интегральный показатель самооотношения, было экспериментально выявлено, что позитивное самооотношение проявляется у 20,7% студентов. Для них характерны такие черты, как самоуверенность, чувство силы собственного «Я», смелость в общении. Доминирующим является мотив успеха. Человек уважает себя, удовлетворен собой, своими достижениями, чувствует свою компетентность и способность решать важные жизненные вопросы. Эти студенты считают, что могут преодолеть барьеры на пути к достижению цели. Возникающие проблемы ими не воспринимаются как серьезные, переживаются недолго.

У 67% респондентов проявляется амбивалентное самооотношение. В привычных для себя ситуациях они сохраняют трудоспособность, уверенность в себе, ориентацию на успех в деятельности. При неожиданном

появлении внутренних или внешних преград и определенных трудностей уверенность в себе снижается, проявляется тревога, беспокойство в осознанной или неосознанной формах.

Для 12,3% студентов характерно негативное самоотношение. Юношам и девушкам свойственна неуверенность в своих силах, их беспокоят сомнения относительно своих способностей. Молодые люди не полностью доверяют своим собственным решениям, часто сомневаются в способности преодолевать трудности и преграды, достигать поставленной цели, склонны глубоко погружаться в собственные проблемы, чувствовать внутреннее напряжение.

Чтобы выявить наличие или отсутствие статистически значимых отличий выраженности интегрального показателя самоотношения, мы использовали критерий критических значений χ^2 . Для $p < 0,05$ и $q = 2$ (q – число степени свободы; $q = k - 1$, где k – количество уровней оценивания – в нашем случае $k = 3$) критическое значение показателя $\chi^2 = 5,99$. Оказалось, что для показателя интегрального самоотношения значение $\chi^2 = 3,25$, то есть оно не превышает критическое, что свидетельствует об отсутствии статистически значимых гендерных отличий по этой шкале.

На следующем этапе исследования мы с помощью статистических методов проверили гипотезу относительно взаимосвязи адаптивности и типа самоотношения студенческой молодежи. Для этого был использован коэффициент корреляции (по Спирмену).

Значение коэффициента корреляции между адекватным самоотношением и высоким уровнем адаптации составило $r = +0,345$ ($p < 0,05$), тогда как критическое значение при достоверности в 95% равняется 0,172. Это свидетельствует о наличии взаимосвязи между адекватным самоотношением и высоким уровнем адаптации.

Коэффициент корреляции между неадекватно критичным самоотношением и низким уровнем адаптации также является статистически значимым: $r = +0,345$ ($p < 0,05$).

Вместе с этим коэффициент корреляции между неадекватным позитивным самоотношением и уровнем адаптации составил $r = -0,340$ (при критическом значении 0,553). Этот коэффициент корреляции не является статистически значимым, то есть нет оснований говорить о взаимосвязи между этими показателями.

Выводы. В современной психологии существуют разнообразные взгляды на феномен «самоотношение», и хотя постоянно появляются новые разработки относительно данной проблемы, ученые не пришли к единому мнению в трактовке данной психологической категории. В рамках исследования самоотношения анализируются такие понятия, как «самоуважение», «самовосприятие», «эмоционально-ценностное отношение» и т.п.

Наличие разных трактовок указанного понятия в науке привело к тому, что значения данных терминов большинством авторов не разграничиваются. Анализируя ход исследования самоотношения как в отечественной, так и в зарубежной психологии, следует отметить, что данный вопрос остается актуальным и сегодня. Начиная с работ У. Джемса [8] самоотношение рассматривается как компонент самосознания личности, который определяет самопринятие или самоотторжение, позитивное или негативное отношение личности к себе, адекватность или неадекватность оценки личностью собственных черт и особенностей.

Самоотношение является важной психологической категорией, которая в значительной степени определяет особенности поведения личности, специфику восприятия себя и окружающей среды. Адекватное самоотношение способствует гармоничному развитию личности, высокому адаптационному потенциалу, принятию себя во всей многогранности своих проявлений, осознанию своих позитивных черт и недостатков, отношению к себе как к личности, которая заслуживает уважения, способна к самостоятельному выбору, верит в себя и свои возможности. Неадекватно критичное самоотношение может привести к дезадаптационным проявлениям, к возникновению негативных эмоциональных состояний, к самоотторжению.

Список литературы

1. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.
2. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.
3. Чеснокова И.И. Проблема сознания в психологии. М., 1977.
4. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
5. Дичев Г.Г. Проблемы адаптации и здоровья человека. М., 2007.
6. Козьякин В. Шкільна дезадаптація: історія проблеми та її актуальність для сучасної педагогіки і медицини // Дефектологія. 2001. № 2.
7. Костюк Г.С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості. Киев, 2002.
8. Джемс В. Психология. М., 1991.

М.Ю. Горбунова

Саратовский государственный социально-экономический университет, Россия

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются основные аспекты социализации эмоциональной сферы. Предложены основные направления исследований социализации эмоций современной молодежи.

Ключевые слова: эмоции, социализация, эмоциональный интеллект, эмоциональные лингвистические ярлыки.

The article focuses on the basic aspects of socialization of emotional sphere. The main research directions of socialization of youth's emotions are proposed in the paper.

Key words: emotions, socialization, emotional intelligence, emotional linguistic labels.

Современный динамично изменяющийся мир предъявляет высокие требования как профессиональным, так и личностным качествам членов социума. Молодежь представляет собой своеобразный потенциал, от которого зависит будущее, и она должна соответствовать этим требованиям. И речь идет не только о высоких интеллектуальных качествах, поскольку последние исследования продемонстрировали важность эмоций, а именно эмоционального интеллекта.

Концепция эмоционального интеллекта получила широкое распространение благодаря работе Дэниела Гоулмена [1], профессора Гарвардского университета, который утверждает, что великая революция XXI в. состоит в реванше чувства над интеллектом. Если ранее мерилем способностей человека к успехам в той или иной профессиональной деятельности служил интеллектуальный коэффициент (IQ), то в настоящее время он уступает место эмоциональному коэффициенту (EQ).

Действительно, эмоции являются одним из главных регуляторов человеческой жизни и возникают в процессе практически любой активности человека. Значение эмоций в организации поведения и деятельности трудно переоценить. К. Изард, подчеркивая важность эмоциональных явлений в жизни человека, пишет: «Человеческое поведение зиждется на эмоциях, они активизируют и организуют восприятие, мышление и устремления человека. Эмоции оказывают непосредственное влияние на перцептивные процессы, фильтруют информацию, которую человек получает при помощи органов чувств, активно вмешиваются в процесс ее последующей обработки» [2, 40].

Однако зарубежные данные массовых опросов родителей и преподавателей свидетельствуют о возникшей во всем мире тенденции усиления неблагополучия в эмоциональной сфере подрастающего поколения в сравнении с предыдущим: они более раздражительны и непослушны, более нервны и склонны впадать в тревогу, более импульсивны и агрессивны и чувствуют себя более одинокими и подавленными [1, 13]. В России исследования воздействий макросоциальных факторов на эмоциональную сферу детей, подростков и молодежи носят единичный характер.

За последнее десятилетие увеличилось число факторов и количество информации, которые воздействуют на ребенка в процессе социализации. И большинство исследований, проводимых в России, в целом отмечают неблагоприятное воздействие макросреды, которое ведет к проявлению агрессивности, снижению нравственности, возрастанию эгоцентризма и прагматизма. У значительной части молодежи наблюдается снижение выработанности таких традиционных нравственно-психологических качеств, как самоотверженность, романтизм, добросовестность, честность, вера в добро, стремление к правде. Нетрудно заметить, что большинство перечисленных качеств сопряжено с эмоциональной сферой, что обуславливает необходимость развития исследований процесса социализации эмоций. Данные исследования должны носить междисциплинарный характер, объединяя психологическое, социологическое и педагогическое знания. Поскольку эмоции не являются только психическим явлениям и объектом изучения только психологической науки. Попадая в систему социальных отношений эмоции, с одной стороны, социализируются, становясь социальным конструктом, а с другой – выступают одним из условий, социализации. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Эмоции как результат и как условие социализации

Интерпретировать эмоцию только «как рефлекторную адаптивную психофизиологическую реакцию, связанную с проявлением субъективного пристрастного отношения (в виде переживания) к значимой ситуации и ее исходу, и способствующую организации и обеспечению целесообразного с точки зрения целостности и сохранности организма поведения человека и животного» [3, 35], значит сужать спектр исследования эмоциональных явлений. К. Изард указывает, что «факт существования генетических механизмов фундаментальных эмоций – вовсе не означает, что в эмоциональной жизни человека есть некие незыблемые, немодифицируемые аспекты. <...> Социокультурные влияния и индивидуальный опыт не только помогают человеку обрести те или иные экспрессивные навыки, но и во многом определяют ту взаимосвязь, которая устанавливается между определенным раздражителем и определенной эмоцией, а также детерминируют поведенческие паттерны, сопутствующие той или иной эмоции» [2, 31]. Таким образом, в процессе социализации человек обучается управлять врожденной эмоциональностью, определенным образом трансформируя ее.

Эмоции являются социальным конструктом в том смысле, что чувства людей обусловлены социализацией в культурной среде и практиками в социальной структуре. Культура, идеология, верования и нормы, являясь частью социальной структуры, определяют, какие эмоции индивид может испытывать и как эти культурно определенные эмоции должны быть им выражены. Крайнее проявление данной точки зрения – это утверждение, что все эмоции социально сконструированы. Так, Стивен Гордон утверждает, что источником эмоций являются не биологические, а социальные процессы.

По мнению С. Гордона, члены общества обучаются от других словарю (лингвистические ярлыки), выразительному поведению и значению каждой эмоции, в связи с различными типами социальных отношений. Так, ревность сигнализирует о вторжении другого в значимые отношения; гнев маркирует вред, нанесенный другим; горе свидетельствует о потере значимого другого; благодарность обозначает признательность за помощь, которую оказал другой человек; и так далее для всех человеческих эмоций. Таким образом, делает вывод С. Гордон, эмоции возникают в связи с ситуациями (которые являются глубоко социальными) и с людьми

(обладающими определенным знанием относительно эмоций и их использования в различных типах социальных отношений) [4, 3].

Культурно одобренные лингвистические ярлыки, к которым люди обращаются, описывая эмоциональное состояние, – важный элемент конструктивистской теории. В своих работах Гордон отмечает, что эмоциональные состояния социально интерпретированы и основаны на словаре чувств, который развивался в обществе. В процессе социализации люди изучают словарь эмоций, позволяющий им называть свои переживания, связанные с объектами, целями, событиями и отношениями, с которыми они сталкиваются в социальной действительности. Например, человек обучается применять ярлык «любить» к ситуации, когда в присутствии другого, который оценивается как привлекательный, происходит выброс адреналина и увеличивается частота сердечного ритма. Кроме того, эти словари эмоций могут отличаться в зависимости от общества и у разных его представителей (например, женщины более эмоционально чувствительны, чем мужчины, и могут осуществлять более тонкие различия между симпатией и любовью) [5]. Следовательно, при анализе эмоциональных лингвистических ярлыков современной молодежи необходимо учитывать, что эмоциональная сфера в процессе формирования подвергается воздействию многочисленных социокультурных факторов, где существенную роль играют средства массовой информации (а именно телевидение и Интернет).

Пол Экман предложил нейрокультурную теорию эмоций. И помимо базисных эмоций, переживание и способы выражения которых не зависят от культуры и связаны с неконтролируемыми реакциями, он выделяет социально определенные эмоции, которые представляют собой социально обусловленную маску. Эта эмоциональная маска принята в том или ином социуме и позволяет выразить человеку эмоциональное состояние, соответствующее ситуации, и замаскировать базисные эмоции, которые не соответствуют контексту. Таким образом, после генетически заложенной неконтролируемой реакции в динамике эмоционального выражения человек использует социально заданный способ, причем в разных социальных группах в зависимости от традиций данные способы различаются, вплоть до противоположных. Например, у европейцев и японцев коренным образом отличны способы выражения счастья. Европейец, переживая счастье, широко раскрывает глаза, активно жестикулирует руками, открывает рот, оголяя зубы, выпрямляет спину и поднимает голову. Японец использует сходные реакции в состоянии ярости, а при переживании счастья, наоборот, щурит глаза, собирает вместе руки, кланяется и держит рот в полуулыбке, не открывающей зубы [6]. С точки зрения П. Экмана, человек всегда выражает эмоции для других, а социальный мотив определяет функционирование эмоций.

В процессе социализации окружающие предметы нагружаются определенными эмоциональными коннотациями. Так, руководствуясь нормами, привитыми современной цивилизацией, человек, нашедший денежные купюры, почувствует, по крайней мере, радость. В то время как представитель традиционного общества, никогда не видевший денег, будет испытывать удивление, интерес или равнодушие при виде этих бумажек. Вещи, люди, отношения с этими людьми сами по себе нейтральны, и только та система норм и ценностей, которую человек усваивает в процессе вхождения в социум, оказывает существенное влияние на его восприятие окружающего и эмоциональные переживания.

В современной психологии проблема эмоционального развития детей является одной из самых значимых и дискуссионных, не существует единой концепции, объясняющей формирование эмоциональной сферы. Поведенческий подход обращает внимание на эмоциональное научение. «Динамика научения в этом случае заключается в движении от простых форм научения (привыкания и сенситизации) к сложным, произвольным, требующим образования понятий и использования навыков классификации. Сложные формы эмоционального научения связаны с возникновением ассоциаций между событиями и раздражителями. Таким путем у ребенка вырабатываются определенные эмоциональные реакции (страх, гнев, печаль, радость)» [7, 7]. Формирующаяся таким образом система эмоциональных реакций впоследствии определяет специфику эмоционального опыта ребенка.

С точки зрения деятельностного подхода эмоциональное развитие осуществляется в процессе формирования личностных и эмоциональных новообразований. В соответствии с теорией А.В. Запорожца эмоциональные новообразования формируются за счет обогащения содержательных (переживания) и инструментальных (выражение) компонентов эмоциональной сферы детей в дошкольном и школьном возрасте. Таким образом, эмоциональное развитие представляет собой «комплексный закономерный процесс усложнения и обогащения эмоциональной сферы в контексте общей социализации ребенка» [8, 10]. А.И. Приходько предлагает называть процесс усвоения социального опыта переживания и выражения эмоций эмоциональной социализацией, которую определяет как процесс усвоения социальных норм, правил и установок, связанных с переживанием и выражением эмоций, и воспроизводства стратегий эмоционального переживания и реагирования в жизни субъекта [9].

Движущая сила развития эмоций в онтогенезе – общение с взрослым, в первую очередь с матерью. «Способы, с помощью которых родители реагируют на эмоциональное поведение детей, связаны со знаниями о предписанных социальных нормах, в то время как эмоциональное поведение родителей представляет собой эти социальные нормы в действии. Соответственно, реакции родителей на эмоциональное поведение детей, обсуждение эмоций и эмоциональная экспрессивность родителей помогают детям усваивать и развивать нормативные убеждения об эмоциях и эмоциональном поведении» [9, 143]. Благодаря употреблению взрослыми лингвистических эмоциональных ярлыков ребенок обучается распознавать, называть свои эмоции и управлять ими, в итоге природная аффективность приобретает социокультурную форму.

Эмоции не только являются результатом социализации, но и выступают в качестве ее условия. Так, П. Бергер и Т. Лукман пишут, что первичная социализация представляет собой нечто гораздо большее, чем просто

когнитивное обучение. Обстоятельства, в которых она происходит, сопряжены с большой эмоциональной нагрузкой. И есть достаточные основания считать, что без такой эмоциональной привязанности к значимым другим процесс обучения был бы весьма затруднителен, если вообще возможен. Ребенок идентифицирует себя со значимыми другими тем или иным эмоциональным способом [10]. Таким образом, с одной стороны, в процессе социализации перед ребенком раскрывается все богатство эмоциональных переживаний, а с другой – усвоение нового эмоционального опыта делает процесс социализации более эффективным.

Э. Гидденс, рассматривая особенности социализации, также обращает внимание на эмоциональные аспекты детского развития и отмечает, что для благополучия ребенка важно наличие ранних устойчивых эмоциональных привязанностей. «Поскольку семья и родственные отношения являются неотъемлемой частью жизни любого человека, то семейная жизнь, в свою очередь, полностью определяет эмоциональный опыт человека. Семейные отношения – между женой и мужем, родителями и детьми, братьями и сестрами, или между дальними родственниками – могут быть теплыми и удовлетворительными во всех отношениях. Но также они могут быть наполнены самыми острыми разногласиями и проблемами, доводящими людей до отчаяния, глубочайшего чувства тревоги и вины» [11, 383]. Эмоциональная связь со значимыми другими позволяет ребенку отождествлять себя с ними, примеряя их роли и модель поведения.

Итак, усваивая в процессе воспитания и развития социокультурные нормы и ценности, человек обучается в ответ на социальную ситуацию эмоционально реагировать определенным образом. Важная особенность эмоций состоит в том, что они могут обобщаться и передаваться в процессе взаимодействия. Эмоции встраиваются в культурные практики и благодаря продуктам культуры формируется общий эмоциональный язык, общий опыт эмоциональных переживаний, который гораздо шире и разнообразнее индивидуального опыта человека. Данное обстоятельство необходимо учитывать при организации исследования эмоций подрастающего поколения и молодежи.

Направления исследования социализации эмоций

Принимая во внимание, что в процессе формирования эмоциональная сфера подвергается воздействию многих факторов, а эмоции представляют собой социальный конструкт, интерес представляет теория Дж. Тернера и Дж. Стетса, которая, с одной стороны, может быть методологическим основанием исследований, а с другой – раскрывает основные направления исследования социализации эмоций. По мнению Дж. Тернера и Дж. Стетса, решающую роль в познании эмоций детьми имеют *последовательность, ограничение и разнообразие*.

Последовательность означает, что процесс освоения эмоций растянут во времени и дети последовательно приобретают эмоциональный опыт. Дети не сразу узнают обо всех эмоциональных переживаниях и испытывают их. Последовательность часто зависит от эмоциональной культуры общества, и эта культура определяет, какие эмоции являются соответствующими для детей различных возрастов. Следовательно, необходимы исследования эмоциональной культуры общества, ее трансляция в рамках семьи и средствами массовой информации.

Ограничение связано с усвоением ребенком эмоционального континуума, поскольку понимание ребенком эмоций ограничено возможностями наблюдения экспрессии взрослых, а именно, какие эмоциональные переживания демонстрируют агенты социализации, а какие они подавляют. Если взрослые скрывают выражение эмоции, например, родители не проявляют гнев в присутствии детей, то дети, возможно, не имеют полного понимания значений, условий и эмоциональных норм относительно выражения гнева. Кроме того, ограничение становится частью детской концепции эмоций.

Причем важным является не только демонстрация эмоций, но и эмоциональный дискурс, то есть беседы, посвященные эмоциям: обсуждение родителями со своими детьми их эмоционального опыта, объяснение причин эмоций и их последствия. «Дети, вырастающие в семьях, где эмоции, особенно негативные, не обсуждаются свободно, лишаются информации об эмоциях и эмоциональной регуляции, впоследствии они могут полагать, что эмоции вообще не следует выражать. Эти дети с большой вероятностью будут иметь невысокие уровни эмоциональной и социальной компетентности» [9, 145]. Исследования показали, что дети, родители которых регулярно обсуждали с ними эмоциональные реакции, оцениваются школьными учителями как склонные к кооперации, более эмпатичные и склонные к просоциальному поведению [4].

Разнообразие зависит от наличия у ребенка контактов с различными агентами социализации (например, родители, воспитатели, родные братья и сестры), которые предлагают различные пути для понимания эмоций. Агенты социализации посредством эмоциональной экспрессивности и эмоционального дискурса дают детям информацию об эмоциях. Наблюдая эмоции, которые выражают другие люди, ребенок имеет возможность сравнить их с усвоенной семейной моделью и постичь многообразие возможных эмоциональных реакций других людей в конкретной ситуации. Чем больше контактов имеет ребенок, тем богаче его знание об эмоциях, его эмоциональный опыт и возможности саморегуляции. Данный фактор В.В. Бойко называет гуманистическим опытом. «Личность должна иметь достаточный гуманистический опыт, то есть опыт общения с людьми разного возраста, разного психического склада, разной культуры, разных национальностей. Чем больше гуманистический опыт личности, тем более вероятно понимание эмоциональных состояний партнеров» [12, 25].

Анализ агентов социализации с точки зрения их воздействия на эмоциональную сферу может внести существенный вклад в понимание особенностей эмоциональной сферы современных подростков и молодежи. Учитывая факторы ограничения и разнообразия, интерес могут представлять проекты, направленные на разработку диагностических и обучающих программ, целью которых является выявление и компенсация недостатков эмоциональной социализации детей, подростков и молодежи.

Итак, эмоции представляют собой результат сложного взаимодействия культурных, социально-структурных, познавательных и неврологических сил. Проблемы современной молодежи, сопряженные с эмоциональной сферой, являются результатом воздействия условий и агентов социализации, что необходимо учитывать при организации исследований, которые должны носить междисциплинарный характер.

Список литературы

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М., 2008.
2. Изард К. Психология эмоций. СПб., 2006.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб., 2007.
4. Gordon S. Social Structural Effects on Emotions // Research Agendas in Sociology of Emotions / Ed. T.D. Kemper. N.Y., 1987.
5. Turner J.H., Stets J.E. The Sociology of emotions. Cambridge, 2005.
6. Denham S.A., Bassett H.H., Wyatt T. The socialization of emotional competence // Grusec J.E., Hastings P.D. (eds). Handbook of socialization: theory and research. N.Y., 2007.
7. Изотова Е.И., Никифорова Е.В. Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика. М., 2004.
8. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста. М., 1986.
9. Прихидько А.И. Проблема эмоций в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 2009. № 1.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
11. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
12. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.

К.В. Сапегин

Институт развития образования, Ярославль, Россия

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

Статья посвящена исследованию системных изменений в социализации обучающихся в связи с переходом школы на стандарты нового поколения. Особую роль в этом процессе играют методы конструирования жизненно важных для ребенка событий. Позиция педагога рассматривается как деятельность значимого взрослого.

Ключевые слова: системные изменения в образовании, стандарты нового поколения, педагогика жизнестроительства, жизненно важные события.

Article is devoted to research of basic variations in socialization of trained in connection with transition of school to standards of new generation. Methods of creation of vital events for the child play a special role in this process. The position of the teacher is considered as activity of the meaningful adult.

Key words: basic variations in education, standards of new generation, pedagogics of vital construction, the vital events.

Педагогической классикой воспринимается в настоящее время решение противоречия между автономизацией личности (желанием быть самим собой) и социализацией (необходимостью быть с другими) через конструирование подростком личного плана, учитывающего накопленный опыт, перспективы профессионального роста и самореализации [1].

Безусловно, здесь можно обсуждать уровень вложения сил самого ребенка и степень манипулирования им со стороны взрослого, сопровождающего процесс «жизнестроительства» подопечного, оговаривать риски раннего инициирования социальной активности. Однако персоналистская установка «прорваться за собственные пределы» оживает во многих построениях современной образовательной политики, ориентированной на становление субъектности индивида.

Федеральные государственные образовательные стандарты второго поколения утверждают принципиальную возможность осознанного выхода учащегося начальной школы на социально значимый поступок в качестве ведущего результата деятельности школы [2].

Методы социальных проб, социального закалывания, реализации социальных проектов, казалось бы, гарантируют образовательным учреждениям успех в выполнении заказа на преодоление маргинализации общества и формирование законопослушного, но активного гражданина.

Лучшие педагоги РФ освоили и ярко демонстрируют на различных педагогических форумах технологии, позволяющие «выращивать мускулы» критического мышления («Дебаты»), рефлексивного поведения («Портфолио»), креативности («Проектная деятельность»), эффективной коммуникации и эстетического чутья («Образ и мысль») и т.п.

Лозунги «умной школы» пестрят утверждениями: «от всеобуча – к образованию личности», «сформируем гражданскую идентичность многонационального народа», «гарантируем конкурентоспособность выпускника школы для жизни в условиях информационного общества и рыночной экономики!» На полях «неровным почерком» видны размышления некоторых сомневающихся: «но ведь образовательный конвейер требует акцентуации на итоговой аттестации, превращающей преподавание в “натаскивание” на прохождение тестового контроля знаний!», «а что делать с тотальным бегством детей в пространства массовой культуры, интернет-сообщества?» и др. Укоренена в качестве незыблемой классно-урочная система, сильна

роль репродуктивных методов обучения, сводящих обучение к «накачиванию» школьника прописными истинами.

«Основной задачей школы становится передача человеку технологий действия в различных жизненных ситуациях, развитие специфической человеческой способности делать собственную жизнедеятельность предметом преобразований» [3]. На первый взгляд «недостатки» школы устранимы в системе дополнительного образования детей, где свободные от жесткого стандарта педагоги готовы уловить малейший интерес ребенка, запустить процессы поиска решения, осуществления деятельности и рефлексии найденного варианта. При условии осознанности обучаемым каждого шага (действия) он не только выходит на качественный продукт, но и осваивает способ или технологию деятельности.

Однако практика показывает, что педагоги дополнительного образования искусственно формируют «стандарт» и слепо следуют удобной для воспроизведения «схеме».

Образование «погружается» в модель «производства». Амбициозная задача рождения «нашей новой школы» вызывает множество вопросов. Как преодолеть консерватизм образовательной системы? Что должно определять «другую жизнь» учителя в нашей новой школе? Готовы ли потребители образовательных услуг к новому содержанию и методам образования?

Действительно, переход к тому, чтобы конкретный Вася Петров начал составлять собственное расписание на день, неделю, месяц, год, требует серьезных системообразующих изменений в современной школе. Еще сложнее, если Васе Петрову будут созданы условия, чтобы он отстаивал свои интересы в детской общественной организации или еще лучше – мог отказаться участвовать в массовом общешкольном мероприятии, чтобы потратить это время на дополнительные занятия итальянским языком.

Примеры

Е.Л. Рачевский, директор Центра образования № 548 «Царицыно» зафиксировал (пленарное заседание научно-практической конференции «Учитель нашей новой школы», г. Ярославль, 24 августа 2010 г.), что главное изменение в школе произойдет тогда, когда учитель начнет без страха говорить с каждым ребенком, а ребенок займет позицию – «учиться престижно». Все ли педагоги и дети готовы к этому? Можем ли мы сказать, что в массовом порядке делегируем полномочия в управлении образовательным процессом его субъектам, родителям и обучающимся? В каждой ли школе созданы условия для осмысления школьником своих жизненных перспектив?

Учителям новой школы необходимо совместно решить ряд методических проблем, которые, казалось бы, так просты: как сделать так, чтобы дети чувствовали себя в безопасности, являлись «архитекторами своего образовательного успеха», справлялись с проектами, могли построить расписание «под себя»?

Десятилетие реализации компетентностного подхода в образовании, определяемого идеями «обучения для жизни», «успешности клиента», «управления по результатам», продемонстрировало, как можно поставить традиционную модель «учить всех всему» на рельсы реформ: «поддержки талантов», «тотальной информатизации», «ресурсного обеспечения» и... ничего не менять. Можно рассматривать вопрос «как управлять образовательным процессом нашей новой школы»? с поиска соответствий между теми, кто является «поставщиком» образовательной услуги непосредственно «клиенту», «клиентом», который волен сделать, переоформить, отказаться от «заказа», «заказом», который адекватен «образовательному результату», «технологии его достижения», «способам понять», что и благодаря чему получено. Вот только такое образование слишком дорого для того, чтобы стать массовым.

С предметной подготовкой многое ясно: «натаскать обезьянку» на решение определенного класса задач, использовать техники диагностики способностей, задачи на развитие креативности, памяти и др. Но вот работу «оформить человеческий капитал» осуществить может не каждый профессионал.

С какой стороны начать? Мальчик, что ты хочешь от жизни? Или: давай оформим твое портфолио? В этот раздел поместим опыт творческой деятельности, в этот – задачи на день, месяц, год и на перспективу до двух лет...?! В Ярославле появились прецеденты заявок на «простраивание вариантов жизни» (термин В.Н. Дружинина) [4]. Например, в сетевом сообществе «Сопровождение инициативных муниципальных проектов региональными тьюторами Ярославской области» появилось «симптоматичное объявление» (<http://www.openclass.ru/forums/128436>): «Ищу индивидуального тьютора для сына в г. Ярославле. Хорошо понимаю разницу между учителем (репетитором) и тьютором, поэтому задача для тьютора формулируется так: разработка и реализация программы сопровождения (тьюторства) ребенка в нескольких сферах деятельности. Программа должна учитывать индивидуальные особенности ребенка, требования родителей и стандарты поставки знаний в этих сферах текущими поставщиками (не хотим менять учебные заведения). Возраст ребенка 9 лет. Срок программы: 2 года. Сферы деятельности, в которых требуется сопровождение ребенка: спорт – хоккей (приоритет данной сферы в общем объеме задач по программе: 60%) и обучение английскому языку (приоритет данной сферы в общем объеме задач по программе: 40%)».

Индивидуальный тьютор... Этаким «дядька»! «Любезный дядька мой, наставник и учитель, и денег, и беля, и дел моих рачитель!»... В дворянской России это были учителя, приглашенные потому, что надо хоть чему-то научить недоросля – недоучившиеся семинаристы и отставные солдаты, а также залетные проходимцы, престижные, как иностранцы – такие, как парикмахер Бопре или кучер Вральман. В настоящей России, видимо, пришло время «новых дядек»... методологов, методистов, тьюторов..., готовых «поставить на поток» формирование «компетенции к обновлению компетентностей»...

И вот уже из мальчика, занимающегося для удовольствия, мы обретаем грамотно работающую «машинку успеха», «маленькое независимое государство», где жизнь «эдисона» нового поколения подчинена основной цели – стать конкурентоспособным, готовым с позиции силы (не отрицая таланта) диктовать всему сопредельному свои права-основания занимать достойное место под солнцем. Тут не справится без индивидуального тьютора! Натаскает! Позволит «машинке» лететь по магистрали с умопомрачительной скоростью.

Но вот успеет ли машинка (100% времени – на достижение цели) рассмотреть то, что за обочинной дороги? Оказывается, если не успеть рассмотреть весну, то можно опоздать не на год, а на целую жизнь! Перед школой ставится интересная задача: «делания человека»... Повисает важный вопрос: не уведит ли насильственное движение вперед от чего-то «внутреннего», «своего», заданного не родителями, СМИ, социальными обстоятельствами, а подаренного самой жизнью, детством, возможностями, где 100% раскидаются на множество «зачем», «как», «где», «когда», «с кем»...?

Мы часто говорим, что образование – это подготовка к жизни. Не для школы, а для жизни учимся! Бесспорное утверждение. Вместе с тем, встает вопрос: для какой жизни? Реальной или «подготовительной»? Дети «берут» себе из предлагаемого воспитательной системой только то, что необходимо им самим для жизнетворчества. Приведем еще один пример. Современное образование формируется в условиях динамично развивающихся виртуальных сетей (блогов). Все большую популярность приобретают такие сервисы, как «Одноклассники», «Живой журнал», «Контакт» и многие другие. Возникает опасность нелимитированного, бесконтрольного со стороны педагогической общественности воздействия виртуальных сред на сознание и поведение детей. Требуются решительные шаги по созданию организационного, методического, психолого-педагогического сопровождения общения и деятельности школьников в виртуальных сетях (блогах).

Речь может идти о создании специально организованного виртуального пространства, обеспечивающего потенциальные проектные команды детей (см. <http://bereunion.livejournal.com>) информацией по вариантам решения проблемы, необходимым технологиям, позволяющего усилить процесс коммуникации и вовлечь в него различных субъектов, например, через обмен файлами или форум. Это пространство представляет собой систему творческих проектов, запускающихся с уровня виртуального объединения в широкое социальное поле потенциальных коммуникантов или субъектов проектной деятельности. Цель каждого проекта имеет многоаспектную природу: стать основанием для экзистенциального творчества каждого члена виртуального объединения и одновременно расширить сферу диалогического общения, внести изменения в переустраиваемую реальность.

Деятельность виртуального детского объединения (виртуальной социальной сети) не может иметь четкой тематической привязки. Возможное проблемное поле обсуждений в виртуальной сети:

- 1) феномен существования маленького человека в маленьком мире;
- 2) феномен игрового поведения современного человека;
- 3) альтернативные пространства современной жизни;
- 4) агонистика сегодня: спорт и стиль жизни;
- 5) толерантность как личная стратегия и другие.

Пример организованной коммуникации в виртуальной сети старшеклассников:

Пример записи в блоге (структурная единица виртуальной сети)

Запись: Положились на авось-ку! В фокусе – мелочи. То, мимо чего проходят люди. Сделайте «это», незаслуженно лишённое внимания, чем-то суперважным. Об этом заговорили, это заметили, это почувствовали, что существует не зря. Что «это»...? А кто и что угодно вашему внимательному взгляду или фантазии!

Пример комментария лидера проектной группы:

Мы решили вспомнить об АВОСЬКЕ! Не знаете, что это? Вы, как говорили в старом добром мультике, проспали целую жизнь. Подтолкнул нас к этому воспоминанию один магазинчик на «Пятерке», который еще не попал в поле действия сетевых магнитов или не застрял на одном из типовых перекрестков. В общем, он – «Авоська» (изображение вывески магазина). Но речь, конечно, не о нем. Мы хотим воскресить в культурном сознании миллионов феноменальную призрачно-призрачную вместительную и неуловимую авоську. Гениальное изобретение, в которую можно поместить многое: ушедшую в небытие советскую эпоху, скромный продуктовый набор жертв капиталистического строительства, тоску по творческому хаосу, интуиции, завиральным идеям, национальное «на авось», даже (ассоциативно) знаменитый хит Таганки, где бессмертный Николай Караченцов и «Аллилуйя любви»... Авоська. Сеточка, уместающаяся где угодно. А вдруг (было время голодных прилавков) что-то выбросят в магазине (т.е. завезут какой-нибудь насыщенный продукт), и авоська тут же с благодарностью примет заветную ношу. Сейчас трудно представить это поэтическое... «длинную, зеленую, пахнущую колбасой» (нет смысла ездить в Москву за продуктами) или ценность запаха мандаринов под Новый год, или кулек карамели «Раковые шейки», или кефир в цветных картонных треугольниках... Да мало ли что помнит авоська. А так важно помнить! Может, даже не то время, которое у нас не вызывает ностальгию. Скорее тех, кто обеими ногами остался там. Их не много, и уже поэтому они достойны внимания и заботы. Авоська – это их стиль жизни, в котором живет «авось, добавят пенсию», «авось, случится не простудиться, пока не включили тепло», «авось, трамвай не отменят, две остановки весь маршрут, но...». Внимание, авоська в центре внимания! Пусть нас выручит русская авось!

Пример рефлексивного комментария участника обсуждения:

Ну не все так трагично. А вещица и слово, которым она называется, прикольные. Авоська. Действительно, хороший и позитивный смысл жизни. Avoska-Style! Вера в то, что что-нибудь обязательно случится,

существование 61 секундой. Когда одного мгновения не достаёт до звездного неба, но авось, мюнхаузенским усилием сбудется. Романтический образ!

Общение в виртуальной сети носит принципиально творческий характер, становясь основанием для пополнения электронного портфолио члена объединения (каждый возьмет свое и лично для себя), а также позволяя сформировать банк социальных проектов как решений конкретных проблемных ситуаций.

Выводы

Другого человека востребует другой мир. Его горизонты были заданы попытками вернуть личности самое себя, предпринятыми в прошлом веке философами-экзистенциалистами. «Должен возникнуть мир, делающий возможным появление человека, который бы развертывал свое существование из полноты своей собственной сущности» [5, 44].

Грамотный тьютор должен быть маршрутизатором, знающим ресурсы территории, где проживает семья, возможные выходы за эти пределы. С педагогической точки зрения речь идет о «пробах», «личностных растяжках» в предлагаемых ребенку испытаниях, экзистенциальных ситуациях, форс-мажорных обстоятельствах как своего рода провокация, требующая нащупывания следующего шага в тумане неизведанного и неиспробованного. Далеко не всегда проектируемый педагогом алгоритм деятельности («стандарт», «схема») становится событием для ребенка. Уроком или «препятствием» – может быть. Но событием очень редко. Вместе с тем, именно конструирование событий способствует освоению, присвоению и управлению жизненными практиками.

В пределе событие может быть понято как сборка субъекта, оформление и переоформление самого себя, изменение формы «внутренней организации». После события нечто меняется (например, организация жизни, самоощущение, формы поведения).

Технологии «нашей новой школы» оформляются как технологии сопровождения жизнестроительства обучающегося, когда личность берет на себя функции генератора индивидуальной программы развития, управление процессами которой инициируется субъектом сопровождения процесса самообразования – им может быть педагог-тьютор, руководство самостоятельной работой обучающегося, электронная образовательная среда со специальными возможностями.

Список литературы

1. Рожков М.И. Концепция экзистенциальной педагогики // Ярослав. пед. вестн. 2002. № 4(33).
2. ФГОС: Начальное общее образование. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=959> (дата обращения: 05.09.10).
3. НОИ «Наша новая школа». [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/6591/> (дата обращения: 05.09.10).
4. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.; СПб., 2000.
5. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1992. № 10.

А.С. Бугров

Уральский железнодорожный техникум, Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена проблеме формирования нравственно-экологического сознания в старшем школьном возрасте. В работе определяются причины низкого уровня развития экологического сознания школьников и рассматриваются возможные пути преодоления существующих социально-педагогических противоречий, снижающих результативность экологического воспитания в школе.

Ключевые слова: общее образование, экологическое образование, нравственно-экологическое воспитание, социально-педагогические технологии, технология личностного самопрограммирования.

The article deals with the formation of environmental awareness in pupils of upper secondary school age. The paper discloses the causes of poor environmental awareness of pupils and discusses possible ways of overcoming existing social and educational contradictions that reduce the effectiveness of environmental education in school.

Key words: general education, environmental education, moral and environmental education, social-educational technology, technology of personal self-programming.

Экологическое образование – одно из важнейших направлений современного образовательного процесса и составная часть духовно-нравственного воспитания человека. В официальных документах экологическое образование определяется следующим образом:

экологическое образование – это формирование ценностных ориентаций, поведенческих норм и специальных знаний (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – Участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7–19);

экологическое образование – это непрерывный процесс воспитания, обучения, самообразования и развития личности, направленный на формирование норм нравственного поведения людей (проект ФЗ «Об экологической культуре») [1].

В ходе экологического обучения (процесса передачи и усвоения знаний, умений и навыков деятельности сообразно экологическим требованиям) и экологического воспитания (целенаправленного и систематического процесса формирования сознания личности в целях ее подготовки к активному участию в общественной жизни на основе бережного отношения к природе) происходит становление и развитие нравственной сферы. Поэтому нравственное воспитание и воспитание экологического сознания – процессы параллельные и при этом взаимосвязанные.

Нравственность – это внутренние, духовные качества и правила поведения, определяемые этими качествами, которыми руководствуется человек. *Нравственные чувства* – переживание человеком своего отношения к поступкам и действиям, регулируемым нормами нравственности. *Нравственное сознание* – отражение в сознании человека понятий, убеждений, чувств, норм поведения и принципов нравственности, регулирующих отношение людей друг к другу и к обществу.

На любом уровне образования имеются задачи, связанные со становлением и формированием нравственно-экологического сознания. Это находит отражение в содержании образования. Уже в дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) разработаны и реализуются программы экологического воспитания [2]. Нравственно-экологическое образование дошкольников – важный этап формирования сознания человека. На уровне ДОУ ребенок получает эмоциональные переживания и впечатление о природе (формируются нравственные чувства), а в общеобразовательной школе происходит рациональное осмысление значения окружающей среды для выживания человечества и формирование модели взаимодействия человека с природой (экологическое сознание).

Несмотря на то, что в учебных планах многих общеобразовательных учреждений присутствует предмет экология [2; 3], все-таки преимущественно, нравственно-экологическое воспитание в школе организовывается в рамках разрозненных предметов, таких как природоведение, биология, география, химия, физика, естествознание [4]. И только с 1 ноября 2010 г. в соответствии с поручением президента экология войдет в число обязательных учебных предметов учреждений системы общего и профессионального образования [5].

Тем не менее, нам представляется, что результативность принятых мер недостаточна высока, поскольку позитивным тенденциям, наблюдающимся на уровне организации нравственно-экологического воспитания, противодействуют негативные факторы социально-культурной среды. В условиях надвигающейся экологической катастрофы требуется немедленный и тщательный философско-педагогический анализ сложившегося социально-педагогического противоречия. В самое ближайшее время необходимо провести корректировку способов педагогического воздействия в области нравственно-экологического воспитания и/или снизить отрицательное влияние социально-культурного окружения ребенка. В данной работе мы планируем определить истоки проблемы и наметить способы ее разрешения.

На наш взгляд, обсуждаемая проблема определяется жизненным укладом ребенка. Все его культурное окружение противоречит тем знаниям и тому эмоциональному опыту, полученному им в процессе обучения. Ежедневная картина мусорных свалок в черте города, отсутствие экологически безопасных способов утилизации мусора, отношение людей и властей к проблеме бездомных животных, загрязнению вод и др. экологическим проблемам приводит к пересмотру ребенком своих жизненных позиций. Экологически правильная модель мира приобретает характеристику идеальности, утопичности, а значит недоступности. Постепенно ребенок сам перестает верить и стремиться к реализации экологически верных установок.

Еще большее влияние на подвижное сознание ребенка оказывает реклама, формирующая общество потребления – по западному образцу. Лозунги типа «Бери от жизни все», «Не дай себе засохнуть», «Ты достоин лучшего» ставят на первое место личностные потребности человека, удовлетворению которых не должно мешать ничего. В то время как экологическая проблема имеет общесоциальный характер и решается через отказ общества от определенных благ, не имеющих витального значения. Экологический вопрос – это вопрос самоограничения и самоконтроля населения.

Используя методы психолингвистического программирования и грамотно визуализируя текст, «рекламщики» мешают осознанию истинных ценностей бытия. Ширма из кажущихся важными атрибутов успешности и прочей шелухи искусственно навязывается личности и формирует ложный образ счастья у современного человека. При этом из его сознания вытесняется понимание собственного предназначения. Рекламные потоки вымывают потребность быть нужным, заменяя ее потребностью нуждаться (в чем-то). Только это искусственное счастье недолговечно и нуждается в постоянной подпитке – «шоппинге». Внедрение бездуховной и безнравственной (с точки зрения православных традиций) модели западного общества (потребительской по своей сути), к которой мы движемся с самого начала социально-экономических преобразований, приводит к выхолащиванию нравственно-аксиологической сферы во всех ее аспектах. Недаром в последние годы наблюдается рост суицидов у молодых людей, отчасти это результат отсутствия у них смысла жизни.

Однако общество потребления разрушительно действует не только на личность, но и на экосистему, которая не успевает обеспечивать все возрастающие нужды социума. Рано или поздно это приведет к глобальной экологической катастрофе. Только результативная система нравственно-экологического воспитания, в рамках которой будет происходить формирование не только экологических, но и нравственных установок личности обучающихся, может способствовать преобразению общества потребления. В условиях общеобразовательного учреждения необходимо обеспечить осознание ребенком себя, своего предназначения и возможностей, нау-

читать его анализировать происходящие события и поступающую информацию, определять степень полезности того или иного продукта. Категории модности и престижности должны быть развенчаны, а целесообразности и воздержанности – получить социальную поддержку. Подростки – наиболее податливая часть населения, активно впитывающая и развивающая существующие социальные тенденции, нуждаются в грамотной и своевременной психолого-педагогической коррекции своих нравственных, ценностных и экологических воззрений.

Традиционные образовательные способы формирования нравственно-экологического сознания оказались малоэффективными в этих условиях, а ожидания, что сформировавшаяся социальная система сама себя изживет или преобразит – слишком утопичны. Для разрешения этого важного социально-педагогического противоречия необходимо прибегнуть к поиску новых педагогических методов, средств и технологий. На наш взгляд, наиболее эффективными для решения данных проблем будут социально-педагогические технологии. Во-первых, эти технологии направлены на развитие именно духовных и нравственных черт личности, во-вторых, они направлены на взаимодействие личности и общества и творческое преобразование социума в процессе этого взаимодействия, в-третьих, они способны педагогизировать социальную среду, т.е. изменять ее с целью достижения большего педагогического эффекта [6, 37; 7].

В педагогике привыкли выделять следующие типы социально-педагогических технологий: диагностические; профилактические; коррекционные [8]. В сложившейся ситуации, когда проблема уже обозначена и требуется оперативное вмешательство, нас интересуют именно коррекционные технологии. К таковым можно отнести программно-целевые технологии; проектные технологии; технологии самопрограммирования.

Программно-целевые технологии подразумевают разработку целевых программ различного уровня. Эта технология характерна для административно-управленческой сферы. Она заключается в определении стратегически важных целей на долгосрочную и краткосрочную перспективу, которые необходимо достичь, принятии плана мероприятий на условленный срок, приведении в соответствующий вид нормативно-правовой базы, формировании идеологического компонента. С помощью этой технологии можно обеспечить педагогизацию социальной среды.

Проектная технология – типично педагогическая технология. Она заключается в обеспечении учителем условий для самостоятельного выполнения учащимися комплекса действий по решению значимой для них социальной проблемы, завершающихся созданием продукта. Ее педагогический потенциал выражается формулой: «познавая и изменяя мир, обучающийся познает и изменяет себя». Эта технология применима для оказания влияния личности на общество и трансформирования социума под действием этой целенаправленной деятельности.

Технология самопрограммирования имеет обратный принцип действия в сравнении с проектными технологиями. На первый план здесь выступает деятельность по самопознанию и самоизменению. Формула преобразуется в «познавая и изменяя себя, обучающийся познает и изменяет мир». Эта технология преимущественно направлена на нравственный и духовный рост личности.

Поскольку программно-целевая технология и технология проектов достаточно разработаны и широко используются на практике, мы остановимся подробнее и раскроем смысл технологии самопрограммирования. Она складывается из следующих этапов:

- осознание Я-образа реального;
- конструирование образа мира в будущем на основании тенденций развития современного мира;
- конструирование Я-образа в будущем (поскольку личность человека всецело зависит от существующих социальных условий);
- критический анализ и выражение отношения обучающихся к полученным образам;
- определение критериев человеческого счастья;
- создание желаемого Я-образа в будущем и желаемого образа мира;
- осознание своих возможностей по влиянию на свое будущее и будущее мира.

Технологии самопрограммирования рассчитаны на подростковый возраст. Их применение в более ранние возрастные периоды возможно только в урезанных вариантах и адаптированном виде. Данная технология нравственно-экологического воспитания предполагает применение разнообразных педагогических методов, от индивидуального анализа афоризмов («Поверив в то, кем мы можем стать, мы определяем то, кем мы станем» Мишель Монтень, «Достаточно мгновения, чтобы стать героем, но необходима целая жизнь, чтобы стать достойным человеком» Поль Брюля), до организации тренинговых, групповых и игровых занятий.

Однако насколько возможно будет уместить данную технологию (подразумевающую проработку информации из совершенно разных дисциплин – философии, культурологии, истории, социологии, психологии, биологии, географии, экологии) в узкие рамки конкретного предмета, да еще организованного в виде тренинга самопознания и самоизменения – вопрос практического плана. Как нам представляется, эффективнее реализовывать ее в рамках определенного предмета. Получается, в школьную программу необходимо включить еще один гибрид (кроме обществознания). Или, что лучше, преобразовать цели, содержание, а может и название уже введенного предмета (обществознание) под требование формирования нравственной культуры, в том числе и экологической.

Для полноценной реализации социально-педагогической технологии необходимо создание социально-педагогических комплексов (СПК). Социально-педагогический комплекс представляет собой объединение школы с какими-либо социальными объектами – производственными, учебными заведениями, дошкольными учреждениями, учреждениями дополнительного образования, зоопарками, лесничествами, фермерскими хозяйствами – для повышения эффективности учебно-воспитательного процесса. Это дает возможность полно-

ценного педагогического влияния на всех участников воспитательного процесса, выработку единых целей, задач, критериев эффективности воспитательных воздействий; выбор целесообразных средств и способов согласованного влияния на конкретную личность на основе ее диагностики; определение содержания и программирование воспитательно-образовательного процесса на личностном уровне [9].

Таким образом, для формирования нравственно-экологического сознания необходимо разрешить социально-педагогическое противоречие. Для этого предстоит реализовать следующие шаги: внедрить социально-педагогические технологии; обеспечить реализацию в ОУ технологии личностного самопрограммирования, эффективность которой определяется ее концентрированным применением в рамках конкретной дисциплины; создание на уровне ОУ социально-педагогических комплексов. Только масштабная деятельность с привлечением всех социальных и педагогических средств и субъектов может обеспечить формирование нравственно-экологического сознания у школьников.

Список литературы

1. Роль государства и негосударственных структур в осуществлении экологического образования и формировании экологической культуры населения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecom-info.spb.ru/publications/index.php?id=571#_ftn3 (дата обращения: 10.09.10).
2. О программах экологического образования дошкольников. [Электронный ресурс]. URL: <http://dob.1september.ru/2004/11/2.htm> (дата обращения: 10.09.10).
3. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 1312 «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования» // Педагогика. 2004. № 9.
4. Государственные образовательные стандарты. [Электронный ресурс]. URL: http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp (дата обращения: 10.09.10).
5. Экология введена в обязательный курс общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberty.ru/events/Ekologiya-vvedena-v-obyazatel-nyj-kurs-obshchego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.09.10).
6. *Липский И.А.* Технологический потенциал социально-педагогической деятельности // Педагогика. 2004. № 9.
7. *Липский И.А.* Социально-педагогические технологии духовно-нравственного воспитания. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uva0.ru/uva0/getimage?objectId=46485> (дата обращения: 10.09.10).
8. *Безродных Т.В.* Социально-педагогические технологии в решении актуальных проблем детства. [Электронный ресурс]. URL: <http://socioonom.ru/journal/stati-zhurnal/socialno-pedagogicheskie-tehnologii-v-reshenii-aktualnykh-problem-detstva/> (дата обращения: 10.09.10).
9. *Леонова Н.Г.* Технологии социально-педагогических комплексов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openclass.ru/stories/30412> (дата обращения: 10.09.10).

Е.Ю. Почтарева

Институт развития образования, Екатеринбург, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена проблеме сущности и роли социокультурной компетентности педагога в становлении самосознания школьников. Рассматривается ценностно-ориентационная компонента самосознания личности в контексте процессов социализации и индивидуализации детей.

Ключевые слова: культура личности, самосознание, ценностные ориентации, социокультурная компетентность, социализация, индивидуализация.

The article «Social and cultural competence of the teacher as a factor in personality development of children of school age» is devoted to the nature and role of socio-cultural competence of the teacher in becoming self-school children. Considered value component of self-consciousness of personality in the context of processes of socialization and individualization of children.

Key words: culture identity, self-consciousness, value orientations, socio-cultural competence, socialization, individualization.

В последние годы широкое распространение в нашей стране и за рубежом получили идеи гуманистической педагогики и психологии, рассматривающие роль учителя в аспекте развития личности детей. Идеи гуманистического подхода опираются на освоение школьниками социального опыта, что направлено на развитие знаний и навыков реализации себя в окружающем жизненном пространстве и предполагает субъектную представленность личности как педагога, так и учащихся в этом процессе.

Смещение акцента образования с коллективистских ориентиров на ориентиры развития «самости» (самопознание, идентичность, Я-концепцию, самоотождествление, самоопределение) предполагает развитие самосознания личности ребенка. Развитие потенциала личности ребенка невозможно без освоения социальных навыков, иначе говоря, без социума невозможно движение личности к раскрытию своих внутренних возможностей и устремлений.

Культура человека – это некая целостность, включающая оптимальное наличие свойств, качеств, ориентаций человека, ориентаций личности, позволяющих ей развиваться в гармонии и единстве с социумом,

способствовать его развитию и развитию культуры. «Культура есть разрешение противоречий между крайностями, ... достижение личностью некоторой гармонии, дающей ей социальную устойчивость и продуктивную включенность в общественную жизнь и труд, а также личностный психологический комфорт» [1, 15].

Социокультурная компетентность педагога – это способность к самостоятельному, свободному и критическому мышлению, умение оценивать ситуативные особенности окружающей действительности и находить соответствующие решения в этих ситуациях, способность к рефлексии и умение прогнозировать характер и ход изменений. Социокультурную компетентность личности закономерно рассматривать как способность реализовывать свою потребность в определенном виде деятельности, соответствующую потребностям и направленности самой личности, ее интересам и возможностям, а также условиям, предоставленным социумом и культурой.

Социокультурная компетентность – это важнейшая основа релевантности и успешности человека в поликультурном мире. Основными критериями оценки уровня социокультурной компетентности, как в общении внутри своей группы, так и с представителями других групп, признаются соответствие поведения человека конкретной ситуации и социальному контексту в целом и определяемая этим его эффективность – достижение в процессе коммуникации желаемых результатов.

Культура учителя, его социокультурная компетентность и профессиональная способность к развитию личностного ресурса ребенка в своей деятельности – категории взаимосвязанные. Благодаря этим качествам педагог выбирает адекватные конструктивные решения в любой сложной ситуации, формирует ценностные ориентации и способность к самоопределению учащихся. Личность педагога оказывает огромное влияние на развитие личности ученика.

Социокультурная компетентность, являясь образованием по определению социально заданным и обусловленным, тем не менее, по сути своей является индивидуальным и индивидуальным феноменом. Поэтому основное значение социокультурной компетентности педагога для развития личности ребенка – это социализация в самом широком понимании этого феномена, т.е. социализация как вхождение в систему отношений социума, как реализация своей социальной сущности на разных уровнях и в разных формах, а также индивидуализация как утверждение и внутренний рост «Я», в качестве личности, отстаивающей свои права, осознающей свою уникальность и индивидуальность.

Социокультурная компетентность педагога, таким образом, оказывает влияние на становление ценностно-ориентационной компоненты самосознания ребенка. На различных возрастных этапах, преломляясь сквозь призму социально обусловленных детерминант, сфера ценностных ориентаций ребенка развивается и обогащается все новыми социокультурными контекстами.

Самосознание представляет собой сложный психический процесс, сущность которого состоит в восприятии личностью многочисленных «образов» самой себя во всех формах взаимодействия с другими людьми и в соединении этих образов в единое целостное образование – в представление, а затем в понятие своего «Я» как субъекта, отличного от других [2, 385].

Под ценностными ориентациями личности мы понимаем направленное отношение личности к целям жизнедеятельности и к средствам удовлетворения этих целей, детерминированным общими социальными условиями, типом общества, системой его экономических, политических, идеологических принципов [3, 298].

Общепринятыми являются положения, согласно которым ценностные ориентации, с одной стороны, образуют стержень культуры и обеспечивают интеграцию общества, являются связующим звеном во взаимоотношениях общества и личности, между личностями, а с другой стороны, признаются центральным компонентом личности и высшим уровнем мотивации и регуляции поведения.

Самосознание, прежде чем стать важной внутренней детерминантой, механизмом, через который преломляются влияния внешней среды, само возникает под воздействием этих влияний.

Личностные ценности выступают как внутренние носители социальной регуляции, укорененные в структуре личности (К. Клакхон, А.И. Донцов, Б.И. Додонов, И.Б. Блауберг, Э.Г. Юдин, Ю.М. Жуков). Личностные ценности, не являясь индивидуально специфическими, различаются у разных индивидов интерпретацией их содержания и расстановкой акцентов.

Функциональная роль ценностей прямо связана с самим фактом жизни человека в обществе. На вопрос, почему существуют ценности, К. Клакхон отвечает, что без них жизнь общества была бы невозможна; функционирование социальной системы не могло бы сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не могли бы получить от других то, что им нужно в плане личных и эмоциональных отношений; они бы также не чувствовали в себе необходимую меру порядка и общности целей [4].

По утверждению Н.В. Жуковой: «В каждом поколении должна обеспечиваться определенная идентификация индивидов со своей культурой. Образование помогает в культурном и социальном развитии личности ребенка, но занять место в культуре, в обществе, занять определенную позицию личность может в процессе самоактуализации в культуре. Этот процесс предполагает развертывание в пространственно-временном контексте жизнедеятельности вариантов проявления социокультурной компетентности субъекта» [5, 60].

Пример

В образовательных учреждениях Свердловской области реализуется экспериментально-инновационная деятельность в русле научно-образовательного проекта «Развитие культуры толерантности участников образовательного пространства». Проект характеризуется комплексно-интегрирующим характером.

В контексте социокультурных задач развития субъектов образовательного пространства мы основываемся на позиции, что одной из ключевых целей деятельности образовательного учреждения (ОУ) является раз-

витие социально мобильной личности, т.е. личности способной воплощать себя в социуме в самом широком понимании, в разных структурах и сферах.

Цель – построение модели образовательной среды нового типа, ориентированной на формирование у обучающегося социальной компетенции, креативности, рефлексии, изменения сферы мотиваций к жизни в открытом, психологически безопасном, толерантном информационном пространстве.

Реализация научно-образовательного проекта предполагает:

- осознание и проблематизация границ ОУ в качестве пространства по формированию толерантности;
- поиск необходимых для развития среды внутренних ресурсов: актуализация и мобилизация усилий и жизненного опыта педагогов;
- привлечение внешних ресурсов среды: установление связей с родителями, общественными организациями поселения, другими образовательными общностями;
- структурно-функциональная организация образовательной среды ОУ, которую можно рассмотреть в качестве механизма взаимодействия систем и подсистем;
- создание системы изучения и мониторинга среды на каждом этапе ее изменений для получения адекватной картины происходящего и принятия управленческих решений;
- создание устойчивых стратегий работы с личностью учащегося по адаптации к социальной среде и выходу на новые мировоззренческие горизонты.

Направленность образовательной среды зависит от качественных характеристик ее компонентов. Качественная характеристика отдельных составляющих образовательной среды – их взаимоотношения обусловлены ценностными приоритетами. В социокультурном контексте взаимоотношения между всеми субъектами образовательного пространства должны быть конструктивными, диалогичными, выстроенными на правовых основаниях.

Формирование и развитие таких отношений – один из аспектов исследовательской работы в рамках проекта. Для определения их сформированности предполагается осуществить анализ по следующим параметрам:

- ценностные ориентации личности и группы (класс, ОУ, семья, национально-культурные объединения, общественные организации и структуры), социум;
- интересы личности и группы (многообразие, понимание и принятие их всеми субъектами на основе согласия);
- проявления агрессии и тип поведения в конфликтной ситуации.

Формирование социально обусловленных характеристик образовательной среды подразумевает реализацию целой последовательности мероприятий по созданию условий для развития личности школьника, которые ориентированы:

- на развитие ценностно-ориентационной сферы принятия решений;
- мотивацию полноценного участия в жизни общества;
- разработку механизмов сотрудничества с учащимися, основанного на понимании и признании культурного и социального разнообразия в обществе;
- обогащение внутреннего опыта учащихся новыми моделями толерантного поведения.

Содержание деятельности по личностному развитию школьников включает в себя:

- формирование представлений ребенка о себе как уникальной, самоценной, неповторимой личности;
- развитие представлений о других людях на основе сопоставления себя с ними, выделения сходства и различий;
- обобщение знаний об окружающем мире в соответствии с программой образования, на основе выделения базового компонента формирования толерантности;
- воспитание активной жизненной позиции.

Выводы

Социокультурная компетентность личности – это знания, умения, навыки, определяющие успешность социального взаимодействия, которая развивается через приобретение опыта.

Развитие личности учащихся предполагает формирование способностей и свойств, обеспечивающих социальную адекватность (на практике выделяют адекватное поведение человека в условиях макро- и микро-социальной среды). Личность формируется и развивается благодаря интериоризации социокультурных контекстов. Это процесс бесконечный и постоянный. Он имеет вектор от интер- к интрапроцессам психики, от актуальных межличностных событий к результатам осознания этих событий, которые закрепляются в когнитивных структурах психики в виде умений и навыков.

Социокультурная компетентность обуславливает ситуативную адаптацию и активность учащихся. В этом смысле социокультурная компетентность педагога делает возможным развитие компонентов самосознания детей, относящихся к осознанию деятельностной среды (социальной и физической), окружающей человека, и проявляющихся в способности воздействовать на нее для достижения поставленных целей, а в условиях совместной деятельности делать свои действия понятными для других.

Список литературы

1. Новое педагогическое мышление. М., 1989.
2. Самосознание. Психология. Словарь. М., 1990.

3. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2006.
4. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1996. № 4.
5. Жукова Н.В. Роль внутреннего кросскультурного контекста в становлении личной культуры субъекта. Екатеринбург, 2009.

Т.Н. Гущина

Институт развития образования, Ярославль, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО И ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МОДЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В статье представлена модель развития субъектности старшеклассника в условиях интеграции основного общего и дополнительного образования детей. В ней выделены мотивационный, практико-прикладной и оценочный блоки и их компоненты, а также этапы реализации модели. Представлены объекты мониторинга развития субъектности старшеклассника в образовательном учреждении и их характеристики. Определены средства достижения результатов на каждом этапе реализации модели.

Ключевые слова: субъектность, развитие, старшеклассник, субъектная позиция, алгоритм, интеграция, образование, среда, модель, алгоритм, эксперимент, мониторинг, результат.

The article «A model approach to the senior pupil's subjective development in the terms of integration of general and additional education» represents the model of senior pupil's subjective development in the terms of integration of general and additional education. The author singles out motivational, practical and evaluative blocks of the model, as well as their components and the stages of model's realization. The article contains the objects of the monitoring of senior pupil's development in educational institution and objects' characteristics. The author formulates the means of achieving results on each stage of model realization.

Key words: subjectivity, development, senior pupil, subjective position, algorithm, integration, education, environment, pattern, algorithm, experiment, monitoring, result.

Чтобы быть, нужно сначала принять
на себя ответственность

Антуан де Сент-Экзюпери

Возрастание роли человеческого фактора в развитии всего современного сообщества обозначило необходимость усиления внимания к субъектной характеристике человека, выражающейся в проявлении собственной человеческой активности, ответственности, самостоятельности, выборе целей, рефлексии по поводу этого выбора, а также следованию этим целям. Кроме того, в современном обществе сформировался новый социальный заказ на деятельную личность, готовую и способную продуктивно решать возникающие проблемы и понимающую всю меру личной ответственности за принятые решения.

Образование является той важной отраслью, которая в состоянии обеспечить оптимальную и одновременно уникальную возможность развертывания и развития практик и отношений, влияющих на становление субъектности как деятельного отношения обучающегося к самому себе и миру.

Субъектом нельзя стать, им можно «ста – но – вить – ся», поскольку субъектность заключается в процессах самореализации, самоутверждения, самоактуализации и других «само», которые протекают посредством самопознания обучающегося, разнообразной деятельности и самодеятельности, самооценки, рефлексии, осознания себя, своих особенностей, возможностей, рисков и ограничений. Становление субъекта происходит, прежде всего, в процессе разрешения определенных противоречий, проблем, в поиске выборов, в принятии человеком личной ответственности за совершенный выбор. Как писал Г.К. Селевко, «в субъектно-активной деятельности человек воспроизводит себя в качестве социально значимого индивида, реализующего эту значимость с большей степенью самостоятельности и собственного выбора» [1, 157]. Осознание этого обуславливает актуальность задачи становления и развития субъектности старшеклассников в условиях интеграции дополнительного и основного общего образования как действенного фактора расширения пространства социализации субъектов за счет дополнительных возможностей разных подсистем образования: «Гибкость дополнительного образования детей позволяет обеспечить условия для формирования лидерских качеств, развития социального творчества, формирования социальных компетенций» (из Концепции модернизации дополнительного образования детей Российской Федерации до 2010 года). Использование воспитательных возможностей дополнительного образования детей позволяет развивать и социальную активность старшеклассников. В свою очередь, повышается роль классного руководителя общеобразовательной школы, сопровождающего индивидуальную программу саморазвития ребенка и облегчающего взаимодействие субъектов интеграционного образовательного пространства.

Интеграция между субъектами (субъектами-организациями, субъектами-людьми) региональной экспериментальной площадки (РЭП) «Развитие социальной активности старшеклассников» и федеральной экспериментальной площадки (ФЭП) «Социально-педагогическое сопровождение развития субъектности ребенка в дополнительном образовании детей» Учреждения Российской академии образования «Институт семьи и вос-

питания», работающих под нашим научным руководством, осуществляется как в аспекте содержания деятельности субъектов эксперимента, так и в реализации воспитательных форм ее организации. В первом случае это происходит через координацию планов деятельности субъектов эксперимента – образовательных учреждений (ОУ) разных типов – муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей «Ярославский городской центр внешкольной работы» (далее – Центр), малочисленной сельской Благовещенской средней общеобразовательной школы Большесельского района и гимназии № 1 города Углича, а также через разработку совместных дел, использование в своей работе опыта других субъектов взаимодействия; во втором случае – через проведение совместных дел старшеклассников (добровольческие акции, выпуск газеты ярославских старшеклассников «В курсе», деловые игры и др.); перенос в сферу своей деятельности форм работы других людей и учреждений.

На основе ключевых идей системного, личностного, деятельностного и индивидуального подходов, а также на основе идеи интеграции с учетом оптимального использования имеющихся ресурсов всех трех учреждений-соисполнителей мы разработали модель развития субъектности старшеклассника (далее – модель), реализация которой предполагает учет особенностей социума большого и малого городов, сельского поселения; гимназического образования и дополнительного образования детей.

Кроме обозначенных выше подходов в качестве методологического основания модели мы также выделяем рефлексивно-средовой подход. Данный подход предполагает рассмотрение закономерностей и особенностей социально-педагогического сопровождения развития субъектности старшеклассника в дополнительном образовании детей на основе становления и развития рефлексивной позиции всех субъектов сопровождения; выявление факторов взаимообусловленности, взаимовлияния субъектов и среды за счет использования рефлексивных механизмов. При этом под образовательной средой мы вслед за В.А. Ясвиным понимаем «систему влияний и внешних условий формирования личности, а также возможностей для саморазвития личности, содержащихся в ее окружении» [2, 16].

Поскольку в качестве важнейшей задачи перед молодыми людьми встает именно задача жизненного самоопределения, мы опирались также и на то, что важными проявлениями субъектности являются жизненная позиция и жизненная перспектива старшеклассника.

Перечисленные выше особенности находят отражение как в инвариантной части, так и в вариативной составляющей модели, представленной локальными моделями трех учреждений-соисполнителей проекта. В модели мы выделяем три инвариантных взаимосвязанных блока, а также общие этапы реализации модели и уровни развития субъектности старшеклассника. К сожалению, в формате данной статьи не представляется возможным описать локальные модели и уровни развития субъектности старшеклассника.

Мотивационный, практико-прикладной и оценочный блоки включают в себя и интегративно пронизаны мотивационно-целеполагающим, аксиологическим (ценностным), когнитивным, операционным, аналитико-рефлексивным и индивидуально-творческим компонентами.

Мотивационный блок обусловлен системой побудительных сил личности старшеклассника, его притязаний, намерений и предложений, жизненных планов. Данный блок характеризует рефлексивную позицию всех субъектов, учет основных потребностей старшеклассников: потребность в самоутверждении; гедонистические потребности; потребность в самовыражении; потребность в свободе; потребность быть личностью.

Ценностный компонент на уровне данного блока включает и принципы конструирования образовательной среды развития субъектности старшеклассника: *принцип* адекватного целям и оптимального для усвоения старшеклассниками *ресурсного насыщения образовательной среды* разнообразными элементами социокультурного окружения; *принцип конструирования развивающей среды образования ребенка*; *принцип организации рефлексии*; *принцип «свободы»*; *принцип «соавторства» педагогов и детей*, который проявляется в паритетном взаимодействии при определении направленности образовательной среды в целом и постановке задач локального характера в частности, что позволяет каждому ребенку обозначить собственную индивидуальную траекторию образования, таким образом, этот принцип задает «открытость» среды, возможность ее достраивания совместно с детьми; *принцип субъектности*, который подразумевает опору на жизненный опыт старшеклассников, их интересы при организации деятельности и использовании активных методов обучения; поощрение проявлений инициативы, целеустремленности, отстаивания собственных интересов; предоставление обучающимся возможности пробовать и ошибаться.

Данные принципы обеспечивают построение индивидуальных образовательных сред совместно с каждым ребенком. Важным условием результативности такой работы является включение старшеклассников в социальные отношения.

Практико-прикладной блок определен владением субъектами на практике технологией и методиками развития субъектности старшеклассника как системой инвариантных умений; владением педагогами методикой воспитания как алгоритмом конструирования и организации результативного воспитательного процесса.

Операционный компонент на уровне данного блока включает *наличие интегрированных программ* (интегрированных дополнительных образовательных программ, «сквозных» программ, программу совместной деятельности организаций-соисполнителей проекта по развитию социальной активности старшеклассников, программ-тренингов формирования социальных навыков старшеклассников и др.); *наличие комплексных программ* (комплексных дополнительных образовательных программ, комплексных досуговых программ и др.); *систему управления* (самоуправления) процессами развития субъектности старшеклассников в ОУ на уровне соисполнителей экспериментальных площадок; *наличие индивидуальных* дополнительных образовательных программ обучающихся (траекторий личностно-допрофессионального роста, карт развития

индивидуальности, портфолио «Развитие социальной активности старшеклассника», индивидуальных образовательных маршрутов старшеклассников в условиях интегрированного образовательного пространства ОУ-соисполнителей проектов) и др. При этом индивидуальная образовательная среда предполагает «совокупность субъекта и его окружения» [2, 317].

Оценочный блок модели составляют умения субъектов осуществлять самооценку, оценивать результаты деятельности по развитию субъектности старшеклассника, самоанализ и рефлексию собственной мыслительной и практической деятельности.

Аналитико-рефлексивный компонент на уровне данного блока представлен мониторингом развития субъектности старшеклассника в ОУ, в том числе авторской разработкой команды экспериментаторов – критериальной базой мониторинга результатов по вопросам деятельности экспериментальных площадок (таблица).

Объекты мониторинга и их основные характеристики

Объект мониторинга	Важнейшие характеристики
Личность старшеклассника	Уровень самосознания (самооценка, критичность в оценивании себя, рефлексия)
	Динамика мотивационно-потребностной сферы личности (мотивы, ценностные ориентации, активная жизненная позиция)
	Степень выраженности личностных качеств, способствующих проявлению субъектности (активность, ответственность, независимость, коммуникабельность)
	Степень персонального участия старшеклассника в социально значимой деятельности (дела, в которых участвовал ребенок, те роли, которые он выполнял в этих делах и группах; уровень тех групп, в которые включен; количество его социальных проб)
Образовательная среда	Направленность образовательной среды (наличие условий для развития активности и личной свободы ребенка)
	Ресурсная насыщенность образовательной среды (степень готовности педагогов к социально-педагогическому сопровождению развития субъектности старшеклассника, их собственная активная жизненная позиция, возможность повышения квалификации педагогов; работа детских организаций и объединений; программное обеспечение деятельности в формате развития субъектности)
	Характер внутренней организации образовательной среды (широта, степень координированности, осознаваемость, интенсивность использования ресурсов)
	Характер взаимодействия образовательной среды с другими средами (доминантность, когерентность, социальная активность, мобильность среды)

В модели мы выделяем диагностический, содержательно-деятельностный и оценочно-рефлексивный этапы развития субъектности старшеклассника в условиях образовательного учреждения. Данные этапы представляют собой алгоритм развития субъектности старшеклассника, разработанный в ходе эксперимента, а следовательно, дополняют компоненты модели на уровне ведущих связей.

Диагностический этап призван выявить исходный уровень субъектности старшеклассника в ОУ и включает в себя разработку критериальной базы мониторинга по вопросам экспериментальной деятельности; диагностику исходного уровня субъектности старшеклассника; определение исходного уровня знаний, умений и навыков педагогических работников в данном направлении деятельности. Средствами, обеспечивающими успешную реализацию целей данного этапа, служат специально подобранные или разработанные экспериментаторами методики, опросники и др.

Содержательно-деятельностный этап призван обеспечить высокий уровень знаний, осведомленности об особенностях становления субъектности старшеклассника в ОУ. На данном этапе происходят разработка программной документации, определяющей деятельность по данному направлению в ОУ и в формате эксперимента; осмысление условий и ограничений деятельности, проведение организационно-информационно-методических мероприятий с педагогическими коллективами ОУ, в том числе и проведение обучающих семинаров в формате работы РЭП и ФЭП.

Содержательно-деятельностный этап развития субъектности старшеклассника предполагает также коррекцию педагогических целей, а на их основе – выбор направлений, видов и средств деятельности, разработку целенаправленной работы по данному направлению, выбор форм опытно-экспериментальной деятельности по проблеме (устранение у педагогов пробелов методологической и методической подготовки в формате темы, выбор педагогическим работником индивидуальной образовательной траектории в формате обозначенной проблемы и на этой основе приобретение новых методических знаний, соотнесение знаний о себе и обучающихся с перспективами формирования определённого уровня субъектности старшеклассника). На данном этапе создаётся и описывается модель развития субъектности старшеклассника в образовательном учреждении с учётом его специфики, особенностей социума. Кроме того, содержательно-деятельностный этап модели развития субъектности старшеклассника в условиях образовательного учреждения предусматривает проведение внутренней и внешней экспертизы, организацию форм работы с социальными партнерами, расширение сферы социального партнерства; организацию PR-деятельности по данному направлению; тиражирование результатов эксперимента в российских и региональных научно-методических изданиях, на российских и региональных конференциях, образовательных форумах старшеклассников, семинарах, круглых

столах, педагогических мастерских, мастер-классах. На этом этапе может быть разработана программа курсов повышения квалификации педагогических работников по данному направлению.

Средствами реализации целей данного этапа, являются:

- содержание и организация работы по развитию субъектности старшеклассников: включение старшеклассников в организацию работы органов школьного самоуправления, советы дела, творческие, инициативные группы, в деятельность общественных организаций и объединений, в том числе в творческие объединения системы дополнительного образования детей, учреждений культуры, спорта; образовательные встречи старшеклассников экспериментальных площадок; форумы; акции; консультирование; диалоги со старшеклассниками и педагогами; обращение субъектов к источникам, содержащим мотивационно-ориентированную информацию; тренинги развития субъектности старшеклассника; игры; мастерские; использование ресурсной базы Центра для подготовки специального выпуска газеты «В курсе» об инициативах старшеклассников; добровольческая инициатива старшеклассников – День молодёжного служения 27 апреля и др.;

- «внешняя» и «внутренняя» интеграция;

- развитие форм воспитания, в том числе детских объединений и организаций;

- содержание, организация, формы управленческой деятельности по данному направлению: работа координационных советов в ОУ и координационных советов РЭП и ФЭП, внешняя и внутренняя экспертизы и др.;

- содержание, организация, формы научного руководства по направлению;

- система повышения квалификации педагогических кадров по вопросам работы со старшеклассниками; формы самообразования педагогов: написание творческих работ, изучение научно-методической литературы по данной теме;

- тиражирование наработанных материалов по данному направлению;

- социально-педагогическое сопровождение построения индивидуальной образовательной среды развития субъектности старшеклассника, его индивидуального образовательного маршрута.

Социально-педагогическое сопровождение в целом мы рассматриваем как «поддержку молодого человека в построении им социальных отношений, оказание ему помощи в решении личностных проблем и преодолении трудностей социализации» [3. 75]. В свою очередь, под социально-педагогическим сопровождением построения индивидуальной образовательной среды развития субъектности личности мы понимаем поддержку молодого человека в выстраивании им собственного индивидуального образовательного маршрута, траектории личностно-допрофессионального роста, стратегии самосовершенствования.

Третий, завершающий этап – *оценочно-рефлексивный*. На данном этапе происходит продолжение мониторинга деятельности; проводится специальная работа по изучению ценностных ориентаций и потребности старшеклассников в развитии субъектности; анализ и рефлексия деятельности по данному направлению; определяются индивидуальные траектории дальнейшего развития субъектности старшеклассника.

Решению поставленных задач этапа способствует применение соответствующих педагогических средств, к которым мы относим портфолио «Развитие социальной активности старшеклассника» (авторская коллективная разработка старшеклассников и педагогов-экспериментаторов РЭП); авторскую критериальную базу оценивания результатов деятельности по развитию субъектности; собеседования; консультации; заключительное анкетирование и тестирование; саморефлексивные методики; педагогические студии, мастерские; использование результатов входной диагностики в практике работы учителей, классных руководителей и педагогов дополнительного образования; проведение педагогом-психологом Центра тренинговых образовательных встреч со старшеклассниками трёх ОУ; использование ресурсной базы Центра для подготовки специального выпуска газеты «В курсе» об инициативах старшеклассников консорциума РЭП.

Ключевым результатом, обуславливающим ценность эксперимента, стала выявленная динамика развития субъектности старшеклассников, позволяющая им не только формировать у себя гражданскую позицию, но и успешно выражать её в собственных действиях. Кроме того, возникают группы детей и детские объединения не только готовые к активному проявлению своей гражданской позиции в будущем, но и в разной степени и в различных видах деятельности реализующие свой потенциал на благо себе и окружающему социуму уже «здесь и сейчас». Как отмечает А. Фурсенко, необходимость создания механизмов социальной адаптации и самореализации молодых людей, воспитания успешных и ответственных граждан определяет стратегическую цель – создание условий для активного включения детей и молодёжи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества».

Этот результат динамичного развития субъектности старшеклассника в условиях интеграции дополнительного и основного общего образования ценен также и тем, что наглядно показывает эффективность педагогической работы в данном направлении, способствует мотивации педагогических работников к деятельности по развитию субъектности старшеклассников и применению новых современных технологий и методик.

Список литературы

1. Селевко Г.К. Социально-воспитательные технологии. М.: Народное образование, 2002. 176 с.
2. Ясвин В.А. Психолого-педагогическое проектирование образовательной среды // Дополнительное образование. 2000. №2. С. 16–22.
3. Рожков М.И. Педагогическое обеспечение работы с молодёжью. Юногика: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Организация работы с молодёжью». М.: ВЛАДОС, 2008. 262 с.

И.Я. Хазанов

Курганский педагогический колледж, Россия

ЦЕННОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В УЧРЕЖДЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье актуализирована проблема ценностного самоопределения будущих педагогов в процессе обучения в профессиональном учебном заведении. Рассмотрено содержание авторского учебного курса «Профессионально-этические основы педагогической деятельности», описаны особенности методики преподавания. Выявлены специфические характеристики ценностной сферы личности педагога.

Ключевые слова: ценностное самоопределение, профессиональная этика педагога, этические мировоззренческие категории.

The article «Valuable self-determination of the future teachers in an professional educational institution» is devoted to the problem of the value self-determination of future teachers during the training process in the professional school. The content of the author's course «Professional and ethical foundations of educational activities» and particular methods of teaching are described. Specific characteristics of the value spheres of the teacher's person are identified.

Key words: valuable self-determination, professional ethics of the teacher, ethical outlook categories.

Ценностное самоопределение личности профессионала становится сегодня одной из ключевых общественных проблем. Особенно остро этот вопрос стоит перед системой профессионального педагогического образования. В экономической и духовной практике российского общества в начале 2010-х гг. мы наблюдаем рост индивидуализма, пренебрежения к интересам страны и живущих рядом людей. Мировоззрение многих молодых людей часто напоминает «кривое зеркало», в котором перепутаны понятия добра и зла, справедливости и произвола, утрачено (или, скорее, не сформировано) понятие долга перед страной и своим народом. В молодежную среду усиленно внедряется «мода на успех», но в понятие успеха вкладывается не столько интеллектуальное и нравственное развитие и производительный труд, сколько достижение финансового благополучия, карьера, агрессивное лидерство, основанное больше на умении организовать вокруг своей личности шоу, чем на реально полезной социальной деятельности. Жизнь для современного молодого человека представляется не служением, не трудным путем самосовершенствования, а набором удовольствий и жестокой борьбой за социальный статус, который надо достичь любой ценой. Однако это антипедагогическое мировоззрение и – скажем больше – античеловеческое. В этих условиях огромную значимость приобретает профессионально-этическая подготовка будущих педагогов в учреждении профессионального образования, создание условий для полноценного ценностного самоопределения студентов, их ориентации на истинные традиционные российские ценности.

Содержание исследования и основные выводы

Разработанный и апробированный нами в Курганском педагогическом колледже авторский учебный курс «Профессионально-этические основы педагогической деятельности» ставит следующие задачи:

- 1) включить студентов в творческую деятельность по освоению основных этических концепций в контексте профессиональной деятельности;
- 2) выявить и описать содержание, структуру, функции профессиональной этики педагога;
- 3) развить и обогатить мировоззрение, духовность и профессионально значимые качества личности будущих молодых педагогов;
- 4) показать специфику этики профессиональных педагогических отношений;
- 5) стимулировать саморазвитие личности студентов и стремление применять профессионально-этические знания, умения и навыки в практической работе.

Одним из важнейших элементов профессиональной этики мы считаем этические мировоззренческие категории, отражающие многогранные связи людей в обществе, семье, государстве, позволяющие дать оценку поведению человека и выступающие как нормы морали. Для развития духовно-нравственной культуры будущих педагогов особенно актуальны такие мировоззренческие категории, как добро и зло, совесть, честь и достоинство, смысл жизни, служение, счастье, любовь, дружба, ненасилие. Эти категории связаны с ценностной сферой личности и детерминируют профессиональное поведение педагога.

Категории «добро» и «зло» служат для различения морального и аморального, полезного и вредного в поведении человека. Это две стороны фундаментального признака бытия, которые взаимоопределяют друг друга и всегда действуют в единстве. Важно открыть студентам сложность определения данных понятий, многообразие их трактовок и проявления в жизни и профессиональной деятельности. Так, тремя важнейшими вопросами, необходимыми для обсуждения со студентами, могут стать: 1. Если из мира исчезнет зло, останется ли добро? Почему добро и зло так взаимосвязаны? 2. Есть ли абсолютно добрые и абсолютно злые люди? Каково соотношение добра и зла в современном человеке? 3. Почему у людей так различны трактовки добра и зла: то, что один считает добром, другой считает злом?

Совесть – одно из самых загадочных и значимых явлений сознания человека. Опираясь на совесть, человек способен совершить нравственный поступок, так как имеет доступную его восприятию меру собственного понимания справедливости, соотношенного с нравственными ценностями общества. Совесть как мировоззренческая категория характеризует способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности. При отключении этого внутреннего контрольного ме-

ханизма сознания происходит разрушение личности. Будущие педагоги раскрывают смысл понятий «чистая совесть» и «спокойная совесть», показывают особенности проявлений совести (стыд и нравственное страдание). Одни из основных проблемных вопросов для студентов:

– Совесть помогает жить человеку или мешает ему? Почему в житейско-бытовом плане часто благополучны люди, не имеющие совести или сумевшие преодолеть ее границы?

– В чем опасность потери совести или сознательного ее подавления?

Категории «честь» и «достоинство» прямо касаются внутреннего мира личности, того мнения, которое складывается у окружающих о человеке, и той оценки, которую сам человек дает себе. К сожалению, эти ценности претерпевают у современной молодежи значительную редукцию. Распространяемый индивидуалистический, эгоистический подход к собственной жизни делает для молодого человека не значимым тот факт, каков он в глазах других людей. Мысль о том, что для достижения материального благополучия все средства хороши, практически отрицает наличие чести и достоинства. Однако честь предполагает жесткие стандарты поведения. Необходимо раскрыть студентам историю появления понятий «честь» и «бесчестие», а также содержание этих категорий и их проявление в повседневной жизни. Достоинство включает в себя осознание собственной индивидуальной неповторимости, нравственную требовательность к себе и к другим. Достоинство имеет морально-правовой характер, поэтому особую роль играет проблема защиты достоинства. Это нравственная сила, которая заставляет людей во всех случаях выполнять самому и требовать от окружающих выполнения норм морали. Следует особо обратить внимание студентов на то, что молодой человек, пусть еще несовершеннолетний, – это личность, обладающая, несмотря на свою внешнюю беззащитность, честью и достоинством, к которым надо относиться бережно и с уважением. Существуют понятия «честь офицера», «честь врача» и т.п. А возможно ли понятие «честь учителя»? Студентам предлагается определить его сущность.

Смысл жизни как понятие раскрывает самоценное значение человеческой жизни, ее нравственную оправданность. Перед современной молодежью остро стоят вопросы: «Кто я? Зачем я? Кто мы? Зачем я живу? Чего я хочу от жизни и от профессии?». Студенты знакомятся с тремя основными этическими подходами к пониманию смысла жизни – пессимистическим, стоическим и оптимистическим. Важно показать различие понятий «смысл» и «осмысленность» жизни. Преподаватель должен помнить, что его ученики еще находятся в поиске смысла своей жизни, этот поиск может стать совместным. Проецирование смысла жизни на педагогическую деятельность приводит к тому, что он начинает ассоциироваться с профессиональным долгом, потребностью любить, защищать и поддерживать молодежь. Мы стараемся подвести студентов к выводу, что жить только для себя – бессмысленно, что конечность человеческой жизни предполагает разрушение всего того, что было создано лишь для себя, разрушение материального, прежде всего. У полноценного педагога служение другим людям становится и основой профессиональной деятельности, и собственным устремлением. Это совпадение не может быть случайным, оно – результат серьезной интеллектуальной работы, самоанализа, изучения лучших творений мировой и отечественной философской и художественной литературы. Введение служения как базовой ценности в мировоззренческую структуру личности – важнейшее достижение будущего педагога на пути ценностного самоопределения [1].

Счастье – фундаментальная категория человеческого бытия. Мы раскрываем студентам несколько основных значений понятия счастья: 1) благосклонность судьбы, удача, удавшаяся жизнь, везенье; 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами; 4) чувство удовлетворения жизнью. Этический анализ счастья предполагает разграничение в его содержании двух начал: того, что зависит от самого человека, определяется мерой его активности в быту и профессиональной деятельности, и того, что от него не зависит, задано внешними обстоятельствами.

П.Я. Чаадаев писал: «Вы хотите быть счастливым. Так думайте как можно меньше о собственном благополучии, заботьтесь о чужом; можно биться об заклад, тысяча против одного, что вы достигнете высших пределов счастья, какие только возможны» [Цит. по: 2]. Студентам можно предложить подтвердить или опровергнуть это высказывание на основе собственного жизненного опыта. Обсуждение смысла жизни и счастья будет иметь наиболее дискуссионный характер, однако оно абсолютно необходимо для становления нравственности будущих педагогов. Счастье для современных молодых людей – это физическое здоровье (собственное и близких), полноценная семья, материальное благополучие, удовлетворение от работы, отсутствие нравственных и физических страданий. А существует ли профессиональное счастье педагога? В чем оно заключается? В удачно проведенном уроке, когда глаза твоих учеников горят от радости познания? Когда удается донести до молодежи свои нравственные принципы? Когда ученик добивается реальных успехов в саморазвитии? Разумеется, перед молодыми исследователями должна встать и проблема несчастья, его преодоления.

Особое место в ряду элементов духовно-нравственной культуры будущих специалистов занимают любовь и дружба как явления мировоззренческого, социально-психологического и эмоционального порядка. Любовь – это чувство, являющееся следствием присущих человеку основных потребностей в единении с другими людьми, в психологической безопасности, эмоционально-положительных отношениях, самореализации. Характерная особенность личных отношений состоит в том, что они возникают вследствие значимости, ценности людей друг для друга. При этом их установлению способствуют такие факторы, как взаимная симпатия и внутренняя близость людей, их внешняя привлекательность, сходство убеждений, интересов. Студенты должны исследовать сущность любви как высшей этической ценности, определить меру ее эгоистического и жертвенного начала, истоки формирования в детстве, под влиянием семьи, прочитанных книг, самовоспитания, учебы в педагогическом учебном заведении. Важнейшие проблемы:

1. Любить людей вообще и молодежь в частности – это:

- безвредная прихоть;
- полезное, но не обязательное качество;
- профессиональная обязанность педагога?

2. Какие качества необходимы человеку, чтобы любить других людей? Надо ли ждать от людей благодарности за любовь к ним? Нужно ли контролировать, ограничивать проявления любви к людям и педагогической любви? Может ли педагог иметь «любимчиков» и «отверженных» среди своих подопечных?

Необходимость любви к ученикам – дискуссионная проблема. Некоторые ученые считают, что нельзя требовать от каждого педагога этой любви – «не хватит сердца», достаточно уважения к личности ученика, серьезного внимания к его интересам, способностям. Однако любовь и уважение – это различные явления, они дополняют друг друга, но не могут заменить. Если у человека есть любовь к окружающему миру, то неизбежно будет и любовь к ученикам. Любовь станет высшей духовной потребностью, но потребуются серьезные духовные усилия, чтобы с годами не потерять ее. Свое отношение к проблеме педагогической любви мы выражаем в следующих строках:

Не можешь не любить. Душа твоя чиста,
Тонка, как папиросная бумага,
И снова со звонком волшебный миг настал:
Колдуешь над сердцами властью мага.

В глазах учеников надежда и привет,
Познания радость в голосах звенит,
Ты создан, чтоб дарить ребенку свет!
Не можешь не любить! И Бог тебя хранит...

Именно так – «не можешь не любить»! А еще не можешь не заботиться, не продвигать, не развивать, не окружать теплотой. Изучая дружбу как этическое и социально-психологическое явление, студенты должны определить, какие факторы влияют на формирование представлений молодых людей о дружбе (семья, круг общения, школа, СМИ и т.п.), и описать влияние этих факторов. Особое внимание надо уделить тому, какие качества отличают друга и какие потребности личности реализуются в дружбе; можно ли считать другом человека, который реализует в дружбе лишь утилитарные потребности (выгоду); почему школьная дружба считается одной из самых крепких, но, с другой стороны, может с годами «растаять»; может ли ссора быть полезной для дружбы и как ее преодолеть; возможна ли дружба мужчины и женщины, взрослого и ребенка и в чем их специфика. Дружба и любовь широко представлены в произведениях искусства, поэтому студенты должны связать свой личностный опыт с художественными идеалами этих высоких чувств.

Для развития духовно-нравственной культуры будущих педагогов также необходимо изучение личностных и социальных аспектов этики ненасилия и проблем организации ненасильственного образовательного процесса. Насилие и ненасилие рассматриваются как этическая пара взаимосвязанных и взаимозависимых явлений, характеризующих способ отношения человека к окружающему миру с точки зрения реализации нравственных законов. Ненасилие предполагает признание ценности всего живого, отрицание принуждения и подавления как способа организации отношений с людьми. В ценностной сфере личности педагога ненасилие должно занимать ведущее место. Однако достижение абсолютного ненасилия – это идеальная цель. Мы предлагаем студентам обсудить бытующую в обществе идею о том, что насилие – это необходимое средство для стабильного существования общества и государства. Возможно ли государство без насилия? Обсуждение этого вопроса приводит к дискуссии, в ходе которой мы переходим к проблеме ненасилия в семье и школе. Студенты отвечают на следующие проблемные вопросы:

- Ограничение свободы действий человека – это всегда насилие? Можно ли без него обойтись?
- Встречались ли вам проявления ненасилия как разумного выбора человека?
- Почему современная молодежь агрессивна и часто предпочитает насилие как средство разрешения жизненных проблем? Как осуществлять профилактику агрессивности молодого поколения во взаимодействии семьи, школы и других социальных институтов?
- В чем истоки терроризма и как с ним бороться? Можно ли его победить ненасилием?
- Почему многие народы, строившие свою жизнь на насилии и покорении других народов, исчезли (скифы, хазары и др.)?
- Какова, на ваш взгляд, опасность возрождения фашизма в мире? Что представляет для него социальную базу? Что такое бытовой фашизм и как его искоренять? Почему самые строгие антифашистские законы приняты в Германии?
- Каковы причины и следствия насилия над детьми в семье?
- Какой вы видите школу ненасилия?

Для полноценного ценностного самоопределения будущих педагогов необходимо также рассмотрение особенностей уважения к личности молодого человека, ориентации на положительные отношения и чувства, сочетания в общении официальных и человеческих отношений. Важную роль играет формирование гражданской и политической культуры педагога, поэтому на занятиях мы со студентами выявляем, какую роль в процессе построения гражданского общества играют молодое поколение, школа, учитель; как учесть

интересы и взгляды всех граждан, примирить большинство и меньшинство; как молодому человеку совместить личные и общественные интересы; что представляет собой социальная справедливость в современной России и каковы законные пути ее достижения. Перед будущими педагогами также необходимо поставить проблемные вопросы:

– Почему тоталитарные и авторитарные режимы не заинтересованы в гражданской активности молодых людей? В чем причины и опасность пассивности молодежи в политической и гражданской жизни?

– Почему проблема развития терпимости стала исключительно актуальной в последние годы? Как воспитывать терпимость молодого поколения?

Рассматривая коммуникативную этику, мы определяем общение как этическую ценность, описываем содержание нравственной культуры общения, актуализируем проблему «отчужденного человека» как явления современного общества. Студенты выделяют важность умения слушать, эмпатии, разумного использования коммуникационных средств (в том числе виртуальных).

Итогом изучения профессиональной этики должно стать формулирование профессионально-этического кодекса педагога, включающего систему этических принципов социально-педагогической, информационной и управленческой деятельности, которую возможно адаптировать к социокультурным условиям. Данные принципы должны служить руководством в выборе методов решения этических проблем. Кодекс включает аспекты стиля поведения, компетентности и профессионального совершенствования, личностных качеств, этических норм по отношению к молодежи, коллегам, обществу. Каждый студент может предложить и аргументировать свой раздел кодекса.

В ходе психолого-педагогической практики студенты проводят беседы, диспуты, «круглые столы» на этические темы. Многие признают, что изучение курса дало им богатый и разнообразный материал для формирования мировоззрения молодежи, разрешения нелегких вопросов и сомнений, преодоления соблазнов, профилактики асоциального поведения воспитанников. Студенты осуществляют научные исследования в области профессиональной этики и выступают с докладами на научно-практических конференциях. В ходе апробации курса нами была организована творческая группа студентов, проводивших исследования и выполнивших дипломные работы по следующей тематике: «Формирование представлений старших школьников об этике семейной жизни», «Этическая мировоззренческая категория “смысл жизни” и процесс ее формирования у будущих педагогов», «Любовь как этическая мировоззренческая категория будущего педагога», «Актуальные аспекты формирования этики ненасилия у будущих педагогов», «Этическая мировоззренческая категория “добро и зло” и ее формирование в процессе внеклассной работы», «Актуальные аспекты формирования этической мировоззренческой категории “счастье” у студентов педагогического колледжа», «Формирование коммуникативной этики у студентов педагогического колледжа».

Изучение профессионально-этических основ педагогической деятельности имеет творческий исследовательский характер. Мы стараемся активизировать мышление, расширить профессиональный кругозор, поставить перед студентами сложные мировоззренческие вопросы, решение которых требует развития умений рефлексии своего внутреннего мира и понимания чувств и мотивов жизни и деятельности других людей. Разумеется, развитие духовно-нравственной культуры будущих педагогов, их ценностное самоопределение – отнюдь не прерогатива единственной учебной дисциплины, здесь необходимо построение системы духовно-нравственной работы всех преподавателей профессионального учебного заведения на основе ориентации на высшие нравственные ценности и междисциплинарные связи в области мировоззренческой подготовки. Мы верим (и стараемся внушить эту веру студентам) в то, что нравственный прогресс российского общества неизбежен, что альтруизм, честность, порядочность, доброта, которые несет наша профессия, никогда не станут анахронизмом.

Список литературы

1. Голубева Г.А. Этика: Учебник. М., 2005.
2. Мишаткина Т.В. Педагогическая этика: Учеб. пособие. Ростов н/Д; Минск, 2004.

И.Л. Герасимова, Л.А. Новоселова, О.В. Полякова

Марийский государственный технический университет, Йошкар-Ола, Россия

ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена результатам многолетней педагогической работы авторского педагогического коллектива «Импульс» (г. Йошкар-Ола) по созданию интегрированной педагогической технологии с одноименным названием «Импульс» в условиях детского коллектива. Описывается ситуация, которая побудила авторов к разработке ИПТ «Импульс», механизм работы технологии, алгоритм выстраивания и основные характерные особенности.

Ключевые слова: социализация молодежи, педагогическая технология, подрастающее поколение, интегрированная педагогическая технология «Импульс».

Innovative technology of socialization of youth. The article is devoted to results of long-term pedagogical work of author's pedagogical collective «Impulse» (Yoshkar-Ola) on creation of the integrated pedagogical technology with the same name «Impulse» in a group of children. The situation

which has induced authors to working out the IPT «Impulse», the mechanism of work of technology, the algorithm of forming and the basic prominent features are described.

Key words: youth socialization, pedagogical technology, the rising generation, the integrated pedagogical technology «Impulse».

Точка зрения

Каждая эпоха предъявляет свои требования к современникам. Успешность того или иного члена общества зависит от способности почувствовать необходимые перемены и адекватно прореагировать на них. При этом в этом процессе у каждого поколения – свои возможности и задачи. Обозначим в общих чертах: более старшее поколение отличается богатым опытом одновременно с замедленной адаптацией, в связи с чем его задача – передать накопленные традиции следующим поколениям и приспособиться к особенностям текущих изменений. Молодое же поколение является «будущей силой», которая будет жить и действовать в новых обстоятельствах; оно характеризуется большей мобильностью и гибкостью восприятия, однако пока еще не сформировало свой жизненный багаж, поэтому его задачей является переработка предшествующего опыта с вкраплениями новых идей. Соответственно наиболее чуткой к требованиям нового времени в обществе должна быть та система, деятельность которой связана с развитием подрастающего поколения, в наше время – это система образования. Видится, что именно такой характер инноваций в образовании предпочтителен – тот, который отвечает запросам современного этапа развития.

Таким образом, актуальность той или иной социальной инновации в образовании относительно реалий современного мира будет обеспечиваться соотношением текущего состояния с новыми требованиями эпохи.

Итак, необходимо дать общую характеристику ситуации, в условиях которой развивается современное образование. В качестве основного метода диагностики был избран метод наблюдения. К числу основных характеристик в области образования можно отнести следующее:

1) описание состояния подрастающего поколения:

– современное подрастающее поколение – это дети перестройки – времени, когда прошлое уже было перечеркнуто, а перспективы будущего еще не ясны; родители больше были заняты проблемой выживания, нежели развитием собственных детей, в связи с чем подрастающее поколение достаточно цинично, рассеяно, поверхностно, не обладает способностью концентрироваться долго над какой-либо проблемой, достигать результата, у большинства затруднен процесс принятия решений, не развито чувство ответственности;

– активное развитие информационных технологий позволило увеличить скорость доступа к информационным ресурсам и в сочетании с «предоставленностью самим себе» это привело к активному погружению подростков в информационную среду и вызвало рост их мобильности;

– оборотной стороной развития информационных технологий является перераспределение времени подростков в пользу «общения» с компьютером, следствием чего стало снижение коммуникативной культуры подростков (неумение вступать в контакт, проявлять эмоции, взаимодействовать, быть эмпатичным, нарастает эмоциональный голод);

2) описание возможностей педагогики и государственного управления в области образования:

– к настоящему времени педагогика накопила значительный арсенал инструментов: технологий (репродуктивные, объяснительно-иллюстративные, диалогические, игровые, проблемно-поисковые, творческие, информационные, проектные, развивающее, саморазвивающее, программированное обучение, педагогика сотрудничества и т.д.), форм и методов работы (лекции, беседы, дискуссии, рассказы, учебные семинары, тематические вечера и др.);

– государство заинтересовано в корректировке системы ценностных ориентаций нового поколения, поэтому в последние годы заметно повышается чувство патриотизма, ценности честности, твердой воли, образованности;

– в последние годы государство в различных своих программах и инициативах активно пропагандирует такие качества личности, как целеустремленность, умение самостоятельно принимать ответственное решение, способность к сотрудничеству, конструктивность, развитое чувство ответственности за судьбу страны, однако в основном эти декларации остаются таковыми;

– для побуждения инновационной деятельности в образовании государством проводятся многочисленные эксперименты (прежде всего – конкурсы), которые одновременно с инициативой порождают индивидуализированность, а не сотрудничество.

Далее необходимо выделить перспективные ориентиры нового времени. Среди прочих других требований современной эпохи важно выделить:

1) наличие у личности интегральных качеств (проявляются в общей способности и готовности ее к самостоятельной и совместной успешной деятельности в условиях реальной специфической ситуации, основанные на знаниях, умениях и навыках, опыте, ценностях и склонностях, приобретенных в процессе обучения, воспитания, развития и непосредственной деятельности);

2) рост эффективности деятельности (достижение быстрого результата за более короткий промежуток времени с меньшими затратами).

Таким образом, образование нуждается в инновациях, причем следует особо отметить тот факт, что инновации преимущественно должны носить социальный характер.

Постоянно проводя анализ сложившейся ситуации на протяжении последних 10–15 лет, педагоги Клуба коллективных творческих дел «Остров» (ГОУ ДОД Республики Марий Эл «Дворец творчества детей и молодежи», г. Йошкар-Ола) стремились гибко реагировать и строить свою деятельность, основывая

ясь на возможностях современных подростков и желаемом результате. Так, Клуб КТД «Остров» нацелен на создание условий для постоянного роста, саморазвития и самовыражения человеческой личности в процессе организованного коллективного творческого взаимодействия по преобразованию окружающей среды.

Деятельность Клуба, с одной стороны, основывается на лучших традициях пионерии и коммунарства, с другой стороны – каждое занятие с воспитанниками является результатом отдельного анализа текущей ситуации, соотнесения с планируемыми целями и выстраивается под новые задачи. В этом смысле Клуб КТД «Остров» постоянно работает в режиме инноваций, причем инновационная деятельность связана:

- 1) с изменениями форм организации образовательного процесса;
- 2) формированием новых методов и технологий процесса воспитания;
- 3) выработкой новых форм работы;
- 4) изменением содержания образовательной программы.

Пример

Пожалуй, одной из существенных инноваций в деятельности Клуба КТД является новая технологическая форма организации образовательного процесса – **интегрированная педагогическая технология «Импульс»** (далее – «ИПТ «Импульс»»), на которой строится образовательный процесс объединения.

ИПТ «Импульс» предполагает такую организацию занятия, в ходе которой интегрируются несколько видов деятельности и в заключительной части которой обязательно достигается педагогический результат.

Суть технологии (механизм ИПТ «Импульс»):

- проводится в течение 1,5–3 ч;
- на начальном этапе обязательно проведение разминки (для всех команд);
- интегрирует в себе несколько видов деятельности (как правило, от 3 до 5), необходимых педагогам для решения своих педагогических задач;
- одновременно участвует несколько команд воспитанников (не больше, чем количество видов деятельности);
- каждый вид деятельности представляет собой отдельное занятие и организуется педагогом или наиболее подготовленным воспитанником объединения;
- на занятие каждого вида деятельности отводится от 15 до 30 мин (в зависимости от сложности поставленной задачи и степени подготовленности участников);
- по итогам каждого из занятий всех видов деятельности обязательно достигается определенный результат;
- каждая группа «движется по маршруту» – последовательно проходит занятия (по своему расписанию) по определенным ранее видам деятельности, от занятия к занятию накапливая необходимые составляющие для заключительного итогового действия;
- главной особенностью ИПТ «Импульс» является то, что результат заключительной части складывается из соответствующих результатов занятий по различным видам деятельности;
- заключительная часть предполагает обязательный результат.

Результативность механизма обеспечивается определенным алгоритмом проведения занятия. Алгоритм проведения занятия ИПТ «Импульс»:

- 1) педагогическое планирование;
- 2) анализ предыдущих занятий;
- 3) постановка педагогической цели и задач, в соответствии с которыми определяются:
 - тема;
 - занятия по необходимым видам деятельности и постановка задач для каждого вида;
 - желаемый конечный результат и его форма;
- 4) выявление уровня подготовленности воспитанников;
- 5) определение количества команд и способов деления на команды (команды могут быть постоянными, могут быть сменными);
- 6) составление расписания («маршрутного листа») последовательности видов деятельности для каждой команды;
- 7) планирование содержания каждого вида деятельности (исходя из поставленной задачи);
- 8) подготовка разминки;
- 9) подготовка необходимого реквизита;
- 10) непосредственное проведение:
 - разминка → 20–60 мин;
 - движение по маршруту → 60–90 мин;
 - заключительная часть → 15–30 мин;
- 11) Последействие:
 - обсуждение с воспитанниками достижений, проблем и выводов на будущее;
 - обсуждение с воспитанниками роли каждого в процессе движения по маршруту и проведения заключительной части;
 - педагогический анализ и корректировка задач образовательного процесса.

Основные характеристики ИПТ «Импульс»:

- 1) интенсивное решение педагогических задач одновременно по нескольким направлениям деятельности;
- 2) практическая ориентированность (каждый вид деятельности и все действие в целом нацелены на получение определенного результата);
- 3) интенсивное коллективное взаимодействие воспитанников;
- 4) высокая степень погруженности воспитанников в выбранную тему;
- 5) видимая «простота» выполняемых действий, позволяющая подросткам легко включаться в деятельность;
- 6) быстрая и частая смена деятельности позволяет участникам сравнительно долго не уставать;
- 7) получение большого числа положительных эмоций в процессе ИПТ «Импульс» является дополнительной мотивацией деятельности;
- 8) ощущение «законченности» (по итогам ИПТ «Импульс» обеспечивает удовлетворенность и желание дальнейших действий);
- 9) может использоваться весь арсенал педагогической науки (различные формы, методы, технологии);
- 10) требует от педагогов знания и владения различными педагогическими формами, методами и технологиями.

Таким образом, по итогам произведенных в рамках интегрированной педагогической технологии действий достигается определенный результат, т.е. качественно новое состояние, иными словами – из одной точки коллектив воспитанников в целом и каждый из них в отдельности перемещается в новую качественную точку в соответствии с выбранной темой.

Еще из уроков физики известно, что импульс – векторная физическая величина, характеризующая меру механического движения тела. В классической механике импульс тела равен произведению массы этой точки на ее скорость, направление импульса совпадает с направлением вектора скорости. По аналогии, масса тела – это степень подготовленности воспитанников, которую очень важно учитывать педагогу. Скорость – это педагогические цели и задачи. Вектор скорости – это выбранная тема. По итогам «импульсного» движения воспитанники и весь коллектив перемещается в новую точку, т.е. достигает «новой ступеньки» своего развития.

Данная интегрированная педагогическая технология создавалась и оттачивалась в течение продолжительного периода начиная с 1996 г. по настоящее время. Основателем является почетный работник общего образования Российской Федерации, педагог высшей квалификационной категории Ирина Леонидовна Герасимова. Дальнейшее совершенствование технологии происходило в соавторстве с соратником – почетным работником общего образования Российской Федерации, педагогом высшей квалификационной категории Людмилой Андреевной Новоселовой. Эта технология описывается впервые в рамках данного конкурса, автор текста – выпускник Клуба КТД «Остров», педагог первой квалификационной категории Ольга Валерьевна Полякова. В настоящее время интегрированная педагогическая технология успешно реализуется авторским педагогическим коллективом «Импульс» (в составе 8 человек) под руководством И.Л. Герасимовой.

Вывод

Таким образом, с помощью ИПТ «Импульс» могут достигаться следующие социально-педагогические эффекты:

- 1) формирование навыков коллективной деятельности и сотрудничества, формирование отношений товарищеской взаимопомощи и ответственности;
- 2) выработка навыков постановки целей самостоятельно и в коллективе, поиска конструктивных решений;
- 3) развитие навыков самоорганизации и продуктивного использования свободного времени;
- 4) приобретение и совершенствование навыков целенаправленной творческой деятельности;
- 5) формирование или закрепление знаний по нескольким видам деятельности;
- 6) приобретение социально и личностно значимых умений и навыков;
- 7) способность применения своих знаний в конкретных ситуациях, в том числе незнакомых;
- 8) социальная адаптация воспитанников через участие в коллективной общественно значимой деятельности;
- 9) культура навыков самопрезентации;
- 10) приобретение опыта снятия комплексов и «зажимов»;
- 11) формирование рефлексивных качеств;
- 12) предоставление возможности для самореализации, самоутверждения, самопознания себя в деятельности;
- 13) развитие фантазии, воображения, творческого потенциала, стимулирование творческой инициативы;
- 14) создание позитивного настроения личности.

Интегрированная педагогическая технология «Импульс» в силу своей результативности и эффективности стабильно реализуется не только на уровне детского объединения ККТД «Остров», но и постепенно распространяется в местном сообществе.

М.С. Шелемехова

Институт развития образовательных систем Российской академии образования, Томск, Россия

Т.К. Шерстнева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

В статье говорится о создании научно-образовательного центра «Институт развития образовательных систем» Российской академии образования и Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет» как механизма социализации молодежи в педагогическом сообществе

Ключевые слова: научный и образовательный потенциал, высшее и послевузовское профессиональное педагогическое образование, экспериментальные площадки, многоуровневая образовательная система.

The article describes the establishment of scientific and educational center of the Institute of Educational Systems «of the Russian Academy of Education and the State educational institution of higher education» Tomsk State Pedagogical University as a mechanism for the socialization of young people in a pedagogical community.

Key words: Scientific and educational potential, higher and postgraduate pedagogical education, experimental platform, multilevel educational system).

Общие положения

В условиях модернизации системы образования в России активно развиваются и продвигаются только те образовательные учреждения, которые ориентированы на инновационность, коммерциализацию образовательных услуг и научно-исследовательскую деятельность всех субъектов образовательного процесса [1, 2]. Для реализации соответствующих стратегических целей в 2010 г. Институт развития образовательных систем Российской академии образования (далее ИРОС) и Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет» (далее ТГПУ) создали научно-образовательный центр (далее НОЦ), открывающий большие возможности в области высшего и послевузовского профессионального педагогического образования для молодежи.

НОЦ ИРОС и ТГПУ не является юридическим лицом. Деятельность НОЦ регулируется Законом Российской Федерации «Об образовании», законодательством Российской Федерации, нормативными документами Министерства образования и науки Российской Федерации, уставами входящих учреждений и Положением.

Научно-образовательный центр является механизмом социализации и профессионализации молодежи в педагогическом сообществе. Объединение студентов и аспирантов педагогических специальностей, профессорско-преподавательского состава вуза, представителей различных образовательных учреждений позволяет формировать общность людей, разрабатывающих и внедряющих инновационные научно-исследовательские проекты в области образования на базе различных учреждений системы образования. Дошкольные и школьные образовательные учреждения, учреждения начального и высшего профессионального образования ориентированы пополнить кадровый резерв компетентными педагогами, актуализирующими личный и коллективный научно-образовательный потенциал учреждения.

Цели деятельности НОЦ:

1) объединение и координация усилий научного и образовательного потенциала для решения проблем развития системы высшего и послевузовского профессионального педагогического образования на территории г. Томска и Томской области;

2) высококачественная подготовка молодых специалистов и специалистов высшей квалификации для сферы педагогического образования на основе интеграции научно-педагогического потенциала образовательных и научных подразделений томского научного образовательного комплекса в проведении фундаментальных и прикладных научных исследований, коммерциализации их результатов, разработки новых программ и методов, развивающих и объединяющих фундаментальные научные исследования и учебный процесс, методическое обеспечение образовательного процесса, международное сотрудничество.

Основные задачи НОЦ

1) осуществление подготовки молодых специалистов на основе многоступенчатой системы образования в рамках интегрированной образовательной структуры, включающей бакалавриат, магистратуру, аспирантуру, докторантуру;

2) формирование эффективных и устойчивых взаимосвязей между научной и образовательной деятельностью, вовлечение студентов в научно-практическую и научно-методическую работу;

3) обеспечение развития научных направлений НОЦ;

4) координация учебно-методической, научно-исследовательской и инновационной деятельности в области управления образовательным процессом в учебных заведениях г. Томска и Томской области;

5) расширение базы опытно-экспериментальных площадок с привлечением учреждений образования всех уровней (от дошкольного до послевузовского) из разных регионов Российской Федерации для апробации

и внедрения результатов фундаментальных и прикладных разработок в области высшего и послевузовского педагогического образования, создание творческих исследовательских групп;

6) внедрение в учебный процесс новейших результатов фундаментальных и прикладных научных исследований, через разработку программ учебных курсов и учебно-методических комплексов с использованием результатов диссертационных исследований;

7) сотрудничество профессорско-преподавательского состава ИРОС РАО и ТГПУ с целью совершенствования системы подготовки педагогических кадров (бакалавров, магистров, специалистов, аспирантов и докторантов) международного уровня в ходе научно-исследовательской, преподавательской и инновационной деятельности;

8) определение перечня стратегических партнеров (образование, НИР) и механизмов взаимодействия с ними;

9) осуществление переподготовки и повышения квалификации научного и профессорско-преподавательского состава НОЦ и входящих в него организаций по новейшим разделам педагогической науки; в том числе посредством стажировок в ведущих университетах страны и организации совместных научно-исследовательских работ для системы образования на основе внедрения новых педагогических тенденций;

10) обеспечение конкурентоспособности высшего и послевузовского профессионального педагогического образования на международном рынке образовательных услуг, организация сотрудничества с европейскими вузами и научно-исследовательскими институтами.

Таким образом, НОЦ является организационной формой интеграции, координации, использования учебного, научного потенциала структурных подразделений образовательных учреждений Томска и Томской области для совместных действий в образовательной и научной областях, включая популяризацию научных знаний. В работе НОЦ также могут принимать участие структурные подразделения других вузов и соответствующие структуры управления образованием.

Организационная структура и управление НОЦ

Состав работников НОЦ формируется из числа преподавателей, аспирантов и докторантов ИРОС РАО и ТГПУ, ведущих исследования в области задач НОЦ; научных сотрудников, инженерно-технического персонала и стажеров.

В работе НОЦ могут участвовать сотрудники других российских организаций, прикомандированных к НОЦ для выполнения совместных научных исследований; иностранные ученые, прибывающие в НОЦ для совместной научной работы, чтения лекций и выступления на научных семинарах; ученые, сотрудничающие с НОЦ на общественных началах; студенты ТГПУ; докторанты, аспиранты, студенты других вузов.

В число подразделений НОЦ для проведения фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований могут входить научно-исследовательские и учебные подразделения, экспериментальные площадки (учебные институты, школы, гимназии, лицеи), издательства и другие структурные единицы.

Непосредственное управление НОЦ осуществляет директор. Сопредседателем органом при директоре НОЦ является Координационный совет (КС), который созывается по мере необходимости, но не реже 4 раз в год. КС НОЦ определяет приоритетные направления научных исследований, решает задачи управления и координации научных исследований по основным областям деятельности НОЦ.

В состав КС НОЦ входят по должности директор (председатель совета), заместители директора, ученый секретарь совета, а также руководители научных и учебных подразделений, наиболее квалифицированные научные сотрудники ТГПУ, ИРОС РАО, члены НОЦ, делегированные по квотам, которые устанавливает Президиум КС.

Президиум избирается КС НОЦ сроком на 5 лет. В состав Президиума входят по должности директор (председатель Президиума), его заместители, ученый секретарь и наиболее квалифицированные и авторитетные члены КС НОЦ, избранные на своем заседании.

Функции Президиума КС НОЦ:

1) рассматривает основные направления научной деятельности НОЦ;

2) обсуждает программы и гранты, проекты перспективных и годовых планов научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работы;

3) рассматривает вопросы, связанные с участием НОЦ в российских и международных проектах по образованию;

4) рассматривает результаты научной, учебной, опытно-экспериментальной деятельности НОЦ, вопросы сотрудничества с зарубежными учреждениями, организациями, учеными, дает им оценку;

5) рассматривает порядок приема слушателей, продолжительность обучения, режим занятий, порядок регламентаций и оформления отношений НОЦ и слушателей;

6) оценивает уровень квалификации научных кадров НОЦ, обсуждает вопросы их подготовки через аспирантуру и докторантуру, повышение квалификации, заслушивает отчеты аспирантов и докторантов, утверждает темы диссертаций, рассматривает вопросы о предоставлении творческих отпусков;

7) в установленном порядке рассматривает вопросы присвоения ученых званий, иных форм общественного признания научных заслуг и принимает по ним решения;

8) рассматривает и предлагает научные труды для выдвижения на соискание государственных премий и других форм поощрения.

Научная деятельность НОЦ

Научно-образовательный центр осуществляет фундаментальные, поисковые, методические и прикладные научные исследования и разработки в области среднего профессионального, высшего и послевузовского педагогического образования в соответствии с перспективными и годовыми планами, программами проведения работ.

Задачи научной деятельности НОЦ:

- 1) создание новых и развитие существующих научных школ в области педагогического образования;
 - 2) организация и проведение монодисциплинарных и междисциплинарных комплексных теоретических и экспериментальных исследований образовательных систем и программ обучения на базе экспериментальных площадок субъектов Российской Федерации;
 - 3) разработка и внедрение научных моделей, программ, учебно-методических комплексов, организационных и управленческих проектов в структуру многоуровневой образовательной системы;
 - 4) ведение ряда сетевых научно-исследовательских проектов, востребованных современной системой образования;
 - 5) подготовка и издание коллективных научных трудов, монографий по приоритетным направлениям педагогической науки;
 - 6) с целью представления, продвижения результатов опытно-экспериментальной работы НОЦ участие в международных, российских, региональных научно-исследовательских программах по наиболее перспективным и передовым направлениям научных исследований; проведение семинаров, конференций, симпозиумов по направлению исследований НОЦ;
 - 7) участие в работе методического совета Института теории образования ТГПУ: апробация и предзащита диссертационных исследований по актуальным темам педагогической науки;
 - 8) анализ деятельности научных школ и основных исследовательских направлений в рамках кафедры-лаборатории непрерывного профессионального образования, созданной на основе интеграции профессорско-преподавательского состава ТГПУ и ИРОС РАО;
 - 9) создание условий для реализации научного потенциала студентов и подготовки наиболее талантливых студентов к преподавательской и научной деятельности;
 - 10) актуализация фундаментальной и методологической составляющей в профессиональной подготовке преподавательских кадров для многоуровневой образовательной системы;
 - 11) создание условий для эффективной подготовки аспирантов и докторантов;
 - 12) участие в работе объединенного докторского диссертационного совета по педагогическим специальностям;
 - 13) обмен опытом в области образования с международными и национальными организациями, учеными и общественными деятелями Российской Федерации и зарубежных стран;
 - 14) проведение исследований по проектам и программам РФФИ, РГНФ, фондов содействия развитию науки и др.;
 - 15) очная и виртуальная консультационная деятельность по направлениям основных научных исследований на личных страницах ведущих научных деятелей НОЦ и поддержание форумов на сайте НОЦ.
- Для пропаганды результатов исследований и разработок НОЦ и его подразделения организуют и участвуют в международных, республиканских, региональных, научно-технических и др. съездах, конференциях, симпозиумах, школах, семинарах и выставках; публикуют результаты научных исследований через издательство НОЦ и другие издательские организации.

Образовательная деятельность НОЦ

Образовательная деятельность НОЦ направлена на внедрение инновационных педагогических идей в различные типы учебно-воспитательных учреждений территории.

Для решения задач в области образования НОЦ:

- 1) разрабатывает и реализует инновационные (в том числе междисциплинарные) образовательные программы и элективные курсы для системы высшего и послевузовского педагогического образования через привлечение к учебному процессу в ТГПУ научных сотрудников ИРОС РАО при наличии соответствующих лицензий;
- 2) формирует персональные научно-образовательные траектории обучения студентов, аспирантов с увеличением доли самостоятельной работы; обеспечивает повышение качества подготовки магистров, бакалавров, специалистов путем активного привлечения студентов к научным исследованиям; приглашает ведущих российских и мировых ученых для проведения семинаров и чтения лекций по отдельным дисциплинам для студентов, аспирантов и докторантов;
- 3) проводит консультационную деятельность в рамках кафедры-лаборатории непрерывного профессионального образования;
- 4) организует на базе экспериментальных площадок и лабораторий ИРОС РАО выполнение курсовых и дипломных проектов студентов, практикумов по отдельным дисциплинам силами ведущих научных сотрудников и педагогов образовательных учреждений;
- 5) принимает участие в повышении квалификации и переподготовке руководителей, учителей и педагогов всех звеньев многоуровневой образовательной системы, в том числе высшей школы с целью развития акаде-

мической мобильности НОЦ; проводит психолого-педагогическую подготовку управленцев и специалистов учреждений, организаций и предприятий всех форм собственности;

6) разрабатывает и издает учебно-методические комплексы: учебники, учебные пособия, электронные практикумы, интерактивные тесты по различным педагогическим специальностям;

7) участвует в региональных, всероссийских и международных конференциях по совершенствованию качества образования;

8) организует и проводит стажировки профессорско-преподавательского состава НОЦ в российских и европейских университетах.

НОЦ вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом и соответствующую целям, для достижения которых он создан.

Взаимосвязь и единство учебного и научного процессов

Научная деятельность НОЦ является непременной составной частью процесса подготовки специалистов. Единство учебного, научного процессов и внешних связей обеспечивается за счет:

1) привлечения студентов к участию в научно-исследовательских и опытно-экспериментальных проектах, выполняемых за счет средств бюджетных и внебюджетных источников финансирования;

2) развития информационной научно-образовательной среды региона через виртуальную базу знаний, представляющей результаты научно-исследовательской деятельности НОЦ, новаторские образовательные программы и т.д.;

3) создания на базе факультетов ТГПУ, научных лабораторий ИРОС РАО, учебно-методических комплексов, разработки и реализации междисциплинарных образовательных программ;

4) внедрения в учебный процесс технологий научных исследований;

5) интеграции вузов, академических и отраслевых научных учреждений, направленных на повышение уровня фундаментальных и прикладных исследований и использование их результатов в образовательном процессе;

6) организации на базе предприятий (стратегических партнеров), образовательных учреждений (потенциальных работодателей); выполнения разнообразных форм активной учебной работы: дипломного и курсового проектирования, учебной и производственной практики, целевой подготовки студентов;

7) компьютеризации учебного и научного процессов, формирования единой информационной базы и овладения студентами современными методами и средствами информатики.

Таким образом, предлагаемая в статье модель НОЦ позволяет сформировать активно развивающееся профессиональное педагогическое сообщество.

Список литературы

1. *Атрошенко А.Н.* Управление и самоуправление в образовательных системах. Томск, 2008.
2. *Смирнов В.Н.* Психология управления персоналом в экстремальных условиях. М., 2007.

VIII. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Н.Ф. Шевчук

Открытый международный университет развития личности «Украина», Ровно, Украина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ СТАНДАРТОВ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ, КАК ОБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В статье проанализирована система применения стандартов качества социальных услуг в деятельности развитых стран мира, таких как США, Франция, Канада, Литва, Италия, и раскрыт механизм контроля за их качеством. Для успешности процессов становления и развития социальной работы в Украине огромное значение имеет изучение, осмысление и адаптация опыта, накопленного зарубежными странами, особенно странами Западной Европы, США и Великобританией.

Ключевые слова: международный опыт, стандарты качества, социальные услуги, система социальной защиты, социально незащищенные категории населения, молодежь.

The paper analyzed the system of quality standards for social services in the activities of developed countries such as USA, France, Japan, Lithuania, Italy and the mechanism of quality control. For successful establishment and development of social work in Ukraine is of great importance to study, reflection and adaptation of the experience gained by foreign countries, mostly in Western Europe, USA and the UK.

Key words: international experience, quality standards, social services, social protection system, vulnerable populations, young people.

Введение

Реформирование системы предоставления социальных услуг является одной из ключевых проблем, которую пытается решить Министерство труда и социальной политики Украины, привлекая международный опыт и специалистов, которые могут его передать, что создаст условия для улучшения качества социальных услуг.

Целью социальных услуг является решение или профилактика проблем уязвимых групп населения. Поскольку защита населения – одна из главных функций, государству необходимо обеспечить соответствующий уровень качества и безопасности услуг уязвимым группам населения. Утверждение социальных стандартов, как минимальные требования к субъектам, предоставляющим социальные услуги, должно сопровождаться предоставлением органам власти возможности обеспечивать минимальный уровень качества и безопасности. Таким образом, социальные стандарты охватывают технические вопросы и вопросы качества [1, 131].

Для успешности процессов становления и развития социальной работы в Украине огромное значение имеет изучение, осмысление и адаптация опыта, накопленного зарубежными странами, особенно странами Западной Европы, США и Великобританией.

Обсуждение результатов

Требования социальных стандартов к качеству услуг существуют во всех европейских странах. Эти стандарты труднее определить, чем технические стандарты, поскольку их не так легко измерять.

Стандарты качества часто предусматривают создание механизма постоянного улучшения качества услуг субъектами, которые их предоставляют.

Правовая среда, призванная обеспечить эффективные социальные стандарты, должна обеспечивать: правовую основу для разработки стандартов и соответствующих законов; реализацию стандартов посредством аккредитации субъектов, предоставляющих социальные услуги.

Субъекты, предоставляющие социальные услуги, должны обеспечить соответствие своей работы требованиям национального законодательства. В случае отсутствия минимальных стандартов качества международные нормы можно использовать, как основу для разработки таких минимальных стандартов [2, 25].

Инструменты обеспечения прав человека – международные конвенции и декларации, содержащие некоторые стандарты социальных услуг:

- Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г.;
- Европейская конвенция о защите прав и основных свобод от 04.11.1950 г.;
- Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21.12.1965 г.;
- Конвенция Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18.12.1979 г.;
- Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г.;

– Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18.12.1990 г.

В последнее десятилетие в европейских странах были утверждены стандарты качества, которые являются формальными требованиями к субъектам, предоставляющим социальные услуги, со стороны государства. Однако часто эти стандарты не являются составной частью законов. Чаще законы, регулирующие процесс предоставления социальных услуг, просто требуют соответствия практик предоставления социальных услуг определенным минимальным государственным стандартам, которые определяются отдельно подзаконными или отраслевыми актами.

Канада является одной из немногих стран, где стандарты содержатся в самом законе. В провинции Онтарио Закон о деятельности благотворительных организаций (Charitable Institutions Act) определяет стандарты качества предоставления социальных услуг, такие как Билль о правах клиентов интернатных заведений и требования по качеству и структуре систем мониторинга, оценки и совершенствование материальной базы интернатов, системы ухода, услуг, программ для клиентов, норм материального обеспечения и т.д.

Во Франции Социальный и Семейный кодексы (Code de l'Action Sociale et des Familles) определяют права клиентов и требуют проведения регулярной внутренней и внешней оценки услуг. Билль о правах клиентов и стандарты качества, которые учитываются в процессе аккредитации некоторых услуг, утверждаются приказом на уровне министерства.

Обычно в унитарных странах стандарты качества определяются на центральном уровне. В федеральных странах, таких как Канада, каждая провинция, штат и т.д. определяют собственные стандарты. Однако существуют и исключения: Италия является унитарной страной, где разработка стандартов качества является компетенцией региональных исполнительных органов. Однако хотя в Италии региональные органы власти устанавливают критерии для аккредитации социальных услуг в рамках местных законов нормативных актов, региональное законодательство должно соответствовать минимальным национальным стандартам, утвержденным приказом министра социальной солидарности. Такой подход может представлять интерес для стран, где наблюдается значительное неравенство между регионами по экономическому развитию, поскольку это дает возможность каждому региону определять собственные стандарты с учетом финансовой ситуации местных субъектов, предоставляющих социальные услуги, и местных реалий.

Международные организации по разработке стандартов [International Standards Organization (ISO)] являются межгосударственными организациями по разработке стандартов качества социальных услуг на международном уровне. Хотя стандарты «ISO 9000» разработаны для применения в области здравоохранения, необходимо помнить, что многие социальные услуги имеют медико-социальный характер. Следовательно, эти стандарты могут использоваться субъектами предоставления социальных услуг.

В Шотландии национальные стандарты были разработаны центральным исполнительным органом (Care Standards and Sponsorship Branch) для каждого типа социальных услуг, в том числе:

- услуги, предоставляемые в интернатных учреждениях для взрослых;
- уход по месту жительства;
- услуги в учреждениях для детей и подростков;
- услуги в учреждениях для пожилых людей;
- услуги в заведениях для клиентов, имеющих проблемы с обучением;
- услуги в заведениях для клиентов с физическими недостатками или сенсорными нарушениями;
- услуги в заведениях, где предоставляется определенная медицинская помощь;
- услуги в приютах краткосрочного пребывания.

Иногда отдельные государственные организации создаются для разработки социальных стандартов независимо от министерств, которые непосредственно предоставляют социальные услуги [3, 36]. В Швеции минимальные стандарты устанавливает Национальный совет по делам здравоохранения и социального обеспечения (National Board of Health and Welfare). Этот независимый орган считается консультативным, но также рассматривается как экспертная группа с правом осуществления супервизии особенно по разработке стандартов.

В Германии успешно функционируют многочисленные сферы социальной деятельности по социально-педагогической специализации:

- дошкольное образование (обслуживание, воспитание и образование в яслях, детских садах, классах для подготовки детей к школе);
- работа с молодежью (воспитание, организация свободного времени в молодежных образовательных учреждениях и молодежных клубах);
- воспитание в детских приютах (формирование семейных групп, идентификация и подготовка к самостоятельной жизни, организация жилых коммун);
- разработка форм, содержания и методов образования взрослых (работа с волонтерами, формирование навыков управления и самопомощи, образование и повышение квалификации, социальная работа на предприятиях, семейное образование). Со вступлением в силу закона о помощи детям и молодежи в сферу деятельности социальной работы добавились социально-педагогическая помощь семье (консультации, помощь в решении повседневных вопросов в индивидуальной форме, поддержка семей, а также школьная социальная работа (наряду с обучением организация социально-педагогической помощи в школе).

В Германии несколько лет действует единая государственная молодежная программа, в рамках которой работают службы социальной защиты детства и молодежи. К примеру, Консультационная служба для подростков и молодежи создана в 1978 г. в Дюссельдорфе, Геттингене и Мюнхене. Финансируется она государ-

ством и муниципалитетом. Так, консультационная служба Дюссельдорфа на 70% финансируется земельным правительством Северной Рейн-Вестфалии и на 15% муниципалитетом города.

Помещения службы содержит комнату отдыха, комнату бесед, молодежный бар. Основные направления деятельности – психологическая помощь детям и подросткам, родителям и учителям в кризисных ситуациях, посредничество между работодателями и подростками (например, совместные походы с подростками в администрацию предприятия), всесторонняя помощь подросткам и молодым людям, живущим вне семьи [4, 13].

Во Франции стандарты качества предоставления социальных услуг разрабатывает, утверждает и распространяет Национальный совет по социальной и медико-социальной оценке (National Council on Social and Medico-Social Assessment) под эгидой Министерства труда, социальной интеграции и вопросам обеспечения жильем [Ministry of Labour, Social Cohesion and Housing (MLSCH)].

Государство может требовать обязательного соблюдения определенных стандартов всеми организациями, которые предоставляют соответствующие социальные услуги. В Канаде (провинция Онтарио) обязательные стандарты требуют регулярного улучшения условий пребывания клиентов в заведениях для престарелых. Для этого указанным учреждениям необходимо разработать систему мониторинга, оценки и совершенствования материальной базы интернатов, системы ухода, услуг, программ для клиентов, норм материального обеспечения и т.д.

На современном этапе внедрения не существует единых требований (правил) в отношении органов лицензирования (аккредитации) субъектов, предоставляющих социальные услуги. Такими органами могут быть специальные национальные агентства, определенные структуры в пределах соответствующих министерств, местные органы власти или даже независимые структуры. Однако орган, осуществляющий аккредитацию и мониторинг соблюдения стандартов, должен быть независимым от организации, предоставляющей социальные услуги. Например, в Швеции муниципальные советы (или районные советы, если речь идет о некоторых услугах для инвалидов) несут ответственность за надлежащее предоставление социальных услуг, но аккредитацию осуществляют местные административные (исполнительные) органы (County Administrative Board).

В Соединенных Штатах, где отдельные штаты имеют право предоставления лицензии местным субъектам, федеральные инспекторы, а также представители администрации штата могут осуществлять проверку работы социальных учреждений. Конечно, заведения, которые предоставляют услуги в рамках программ Медикэр (Medicare) или Медикейд (Medicaid), должны соответствовать стандартам «Условия участия» («Conditions of Participation»). Для инспекторов, которые проверяют соответствие работы социальных учреждений «условиям участия», разработаны детальные инструкции по инспекции каждого типа заведений, такие как «Руководство для инспектора: комплексные реабилитационные амбулаторные учреждения» («Guidance to Surveyors: Comprehensive Outpatient Rehabilitation Facilities») или «Руководство для инспектора: заведения по здравоохранению по месту жительства» («Guidance to Surveyors: Home Health Agencies»).

Иногда инспекторы требуют помощи со стороны других профессионалов. В Шотландии, например, проверка мест проживания учащихся в школах-интернатах, интернатных заведениях для взрослых, а также мест дневного пребывания детей осуществляется совместной группой Шотландской комиссии по регуляции ухода (Scottish Commission of the Regulation of Care) и «инспекторов ее Величества» (в области образования).

В случае, если субъекты, предоставляющие социальные услуги, не придерживаются стандартов, соблюдение которых требуют условия аккредитации, необходимо применять определенные санкции. Организациям, нарушившим условия аккредитации, необходимо дать некоторое время на исправление ситуации. Например, в Шотландии Комиссия по регуляции ухода (Scottish Commission of the Regulation of Care) уведомляет о необходимости внесения изменений в деятельность в течение определенного времени. Если субъект предоставляет социальные услуги, но не выполняет этих требований, регистрация может быть отменена.

Вывод

Зарубежный опыт социальной работы представляет для нас, несомненно, значительный теоретический и практический интерес. Но при этом мы должны осознавать необходимость разработки собственных концептуальных идей, как технологий осуществления социальной и социально-педагогической работы, с учетом особенностей исторического развития и современного состояния социальной ситуации в стране, так и собственной модели подготовки соответствующих профессиональных кадров.

В статье проведен анализ применения стандартов качества социальных услуг в деятельности международных структур. Изучение опыта в социальной сфере таких экономически развитых стран, как Швеция, Франция, Италия, Латвия, Канада позволит Украине внедрить собственный вариант минимальных стандартов качества социальных услуг [5]. Освещение практики правового обеспечения разработки и внедрения стандартов социальной защиты обеспечит оценки потребностей уязвимых групп населения. Кроме того, внедрение минимальных стандартов качества позволит государственным органам власти определить социальные услуги, предоставление которых можно делегировать негосударственным организациям, как это осуществляется в других странах.

Список литературы

1. Дьяченко В.М. Концептуальные основы реформирования системы социальных услуг в Украине // Социальная политика и социальная работа: Укр. науч. и обществ.-полит. журн. 2007. № 1(36).
2. Бурлака В.В., Вельбовский Н.М. и др. Введение в социальную работу. Киев: Феникс, 2004.

3. Гюнтя Л.Т., Иванова Л.Б. Социальная работа: теория и практика. М.: Ун-т «Украина», 2008.
4. Дьяченко В.М. Система социальных услуг должно соответствовать требованиям времени и потребностям людей // Социальная защита. 2006. № 10.
5. Социальная работа в Украине / Под общ. ред. И.Д. Зверевой, Г.М. Лактионовой. М.: ЦНЛ, 2004.

Л.В. Вандышева

Самарский государственный университет, Россия.

ОБРАЗЫ МОЛОДЕЖИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ВИЗУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Данная статья посвящена вопросу самоидентификации и саморепрезентации молодежи. В исследовании был использован метод визуального анализа. Сконструированные будущими специалистами социальной работы образы молодежи являются следствием как молодежной политики государства, так и реального социально-экономического положения молодежи в современном обществе.

Ключевые слова: молодежь, социализация, социальная работа с молодежью, репрезентация образов молодежи.

This article devoted to the question of youth self-identification and self-representation. Visual approach to student's representation analysis was implemented in this investigation. These representation are derived both from state youth policy and from social-economical disposition of young people in contemporary society.

Key words: youth, social work, socialization, youth self-representation.

Введение

Современная социально-экономическая ситуация неоднозначно отражается на положении молодежи. Можно отметить многообразие траекторий социализации российской молодежи и, следовательно, наличие разной молодежи.

Вместе с тем проблемный дискурс относительно категории «молодежь» традиционно присутствует в текстах средств массовой информации, научных изданиях и т.п. Исключение не составляют учебные планы профессиональной подготовки.

Так, в подготовку будущих специалистов социальной работы включена специальная дисциплина «Проблемы социальной работы с молодежью», где в уже названии проблематизируется деятельность, связанная с молодежью. Подобная трансляция проблемного дискурса относительно молодежи в сфере профессиональной подготовки будущих специалистов социальной работы предполагает рассмотрение социальной работы с молодежью под углом проблем молодежи как социально-возрастной группы. При таком подходе социальная работа с молодежью должна быть организована на основе тех проблем, которые «выявят» чиновники, представители средств массовой информации и др. Иными словами, социальная работа будет основана на последствиях негативных явлений.

Итак, в период обучения в вузе будущих специалистов социальной работы ориентируют на работу с различными категориями клиентов, в числе которых находится и молодежь. Характерно, что студенты, которых готовят к социальной работе с молодежью, сами являются представителями этой социально-демографической группы. Приступая к изучению заявленной выше учебной дисциплины, студенты уже достигают 20-летнего возраста. К V курсу обучения у них уже сформировались соответствующие компетенции.

В связи с этим мы задались целью выявить, какой образ современной молодежи сформировался у будущих специалистов социальной работы. Мы предположили, что на конструкт образа повлияют представления, полученные на основе собственной практики, образов средств массовой информации, профессиональной подготовки и т.д.

Методы исследования

Мы опирались на конструктивизм как методологическую позицию, которая применяется не только в теории, но и в социальных практиках, позволяющую нам рассмотреть молодежь, а также социальную работу с ней с разных точек зрения. Социальное конструирование молодежи в нашем исследовании заключается в том, как будущие специалисты социальной работы, являясь молодежью, описывают молодежь. При этом студенты выступают в двух ипостасях: объекта и субъекта данного процесса (как презентуют молодежь, молодость и проблемы, и что они считают таковыми).

Студентам было предложено задание: представить образ современной молодежи исходя из их представлений. Задание выполняли 30 человек. В ходе командной работы было получено пять плакатов.

Мы попытались расшифровать изображения на плакатах, перевести данные наших наблюдений на язык вербальных аналитических суждений, иными словами, мы использовали качественный метод исследования, обратились к методам визуальной социологии. Ниже мы представим анализ репрезентаций образов молодежи. Последовательность анализа плакатов произвольная.

Результаты исследования

Первый плакат выполнен в виде детского рисунка, в центре которого находятся символически изображенные фигуры мальчика и девочки, между ними символ сердца. При этом мальчик «при галстуке», девочка с

бантом на голове. Фигуры окружены восемью лепестками, в каждом из которых нарисованы символы (здание «универ»; компьютер, сотовый телефон; мишка с олимпийской символикой; остров с пальмой и кораблем в море; модные аксессуары; человек, поднимающийся по лестнице, на последней ступени которой машина и знак «доллар»; человечки, держащиеся за руки и окруженные шарами, рюмкой, бутылкой, символами сексуальной связи; семья из родителей и детей, обручальные кольца). Плакат выполнен фломастерами жизнерадостных цветов (оранжевый, красный, зеленый, голубой, желтый); черный цвет – для обозначения контуров предметов.

Второй плакат лишен художественных образов, представляет собой схему, где от слова «молодежь», расположенного по центру, отходят три стрелки: «14–17 л», «18–23 л», «24–30 л». Под возрастными периодами подписано, соответственно: «школьники», «студенты», «мол. спец-ты». Первый период характеризуется как «переходный», «высокий риск негативных влияний», «бунтари», «авторитет ровесников», «увлечение противоположным полом». Иными словами, представлен «классический» образ подростка.

Характеристики: «индивидуализация», «обретение соц. статуса», «осознание себя», «остепененность», «работа» находятся между вторым и третьим периодами. В то время как «активность» относится лишь ко второму периоду, а «перспективы» к третьему.

На третьем плакате представлен молодой человек/девушка: короткая стрижка с длинной челкой (черные волосы с фиолетовым клоком волос на челке), фиолетовая кофта с красными горизонтальными полосками, на которую прикреплены значки с изображениями смайликов и надписи на английском языке. В одежде выдержан стиль унисекс; в двух карманах – два сотовых телефона. Человек стоит под светом софитов, в руке держит дымящуюся сигарету; находится между огромными колонками фирмы «sony», под ногами бутылки металлическая и стеклянная. Представленный образ окружен атрибутами современной молодежи: «\$»; «ISK»; дорогая машина, которая едет на красный свет; айфон. Рисунок выполнен черной гелевой ручкой.

Авторы четвертого плаката предлагают делить молодежный возраст на три периода: 14–18 лет, 18–23 лет, 23–30 лет. Для первого периода характерны атрибуты: доска для катания на скейте; фраза «Мама, дай денег!»; «пиво»; компьютер с надписью на мониторе «game over»; влюбленная пара (девушка и юноша), над которыми расположены два сердечка; табличка с надписью «школьная дискотека»; «анимэ».

Для второго периода атрибутами выступают: «клуб»; коктейли; компьютер с надписью на мониторе «реферат»; книга Коэльо; «Вконтакте»; «универ»; «подработка» и символы трех сердечек.

Третий период начинается фразой-девизом «На шашлыки!»; сопровождается надписью «ипотека», довлеющей над молодой семьей; полной семьей с двумя детьми (над старшим ребенком изображено сердечко, а младший находится в коляске); столиком с двумя чашками чая/кофе и развернутой газетой с подзаголовками «вести/погода»; «работа»; на компьютерном мониторе «пасьянс козынка»; семейный автомобиль.

Все три периода символично объединены наушниками, нотами.

Пятый плакат имеет заголовок «Твой выбор?», выполненный черным цветом. На данном плакате можно выделить пять ситуаций, молодежных практик:

- во дворе на детской площадке сидят на лавочке две девушки, которые курят и употребляют алкоголь, а напротив них стоят с аналогичным занятием два молодых человека;
- молодой человек сидит за письменным столом и читает; в окне видна луна;
- за компьютером (...kontakte ...ICQ) сидит молодой человек;
- молодой человек распространяет листовки, которые тут же выбрасывают получившие их прохожие;
- девушка с юношей танцуют в ночной клубе; на заднем плане – танцовщица исполняет стриптиз.

Плакат выполнен черным маркером. Цветом выделен стол, учебники, занавески на окне во второй ситуации; цветные одежды у танцующих в клубе и бутылка в руках юноши (пятая ситуация).

Обсуждение результатов

Согласно первому плакату период молодости начинается с того момента, когда человек поступает в вуз и заканчивается созданием семьи. Представлен процесс успешной молодежи, овладевшей компьютерными технологиями, позволяющей себе отдых в экзотических странах, следящей за модными тенденциями в одежде, стремящейся к карьерному росту и разделяющей традиционные семейные ценности, также это молодежь, ведущая здоровый образ жизни, спортивная. Эта молодежь – выпускники «универа», т.е. получившие соответствующий образовательный капитал, который позволяет им в дальнейшем успешно социализироваться в обществе. Тем не менее, представлены образы детей. Можно предположить, что это связано не с отсутствием художественных способностей у авторов плаката, а с инфантилизмом, наблюдаемым у молодежи и соответственно сконструированным на плакате.

На втором плакате до 24-летнего возраста молодежь демонстрирует свой активный потенциал, социально «зрел». Перспективы намечаются лишь у «молодого специалиста». Можно предположить, что после окончания учебного заведения молодежь проходит своего рода испытательный срок на рынке труда.

На третьем плакате презентуется образ так называемой клубной молодежи, «золотой» молодежи. Она – стильная, обеспеченная, уверенная в себе, современная; позволяет себе курение и употребление алкогольных напитков. Цветом подчеркнуты атрибуты данной молодежи: «\$», «ISK», бутылка и надписи на этикетке другой бутылки. Иными словами, цветовые акценты проставлены на деньгах, информационных технологиях, алкоголе.

На четвертом плакате отражены школьный, студенческий и взрослый периоды. Жизнь школьников сосредоточена в сфере досуга, субкультурных интересов, общения. Школьники находятся в финансовой зави-

симости от родителей. С социономической позиции не может не настораживать появление в числе значимых атрибутов этого периода «пива».

Интересы студентов в сравнении со студенческими презентуются как более статусные: школьные дискотеки сменяются клубными, пиво – коктейлями, компьютер заполняется учебной информацией, на смену субкультурным интересам приходят книги, стремление к финансовой независимости приводит к поиску подработки.

Взрослость представлена как время, когда человек остепенился в семье, домашнем быте, приобрел работу. Показателем взрослости является также автомобиль. Единственное, что объединяет представителей выделенных возрастных периодов – это пристрастие к музыке.

На пятом плакате «выбор» молодежи в большей степени связан со сферой досуга: отдыхать во дворе, за чтением, общением в Интернете или в ночном клубе. Презентация же работы выглядит скорее как подработка молодежи в свободное время. Досуговые практики сопровождаются курением и употреблением алкоголя в двух ситуациях из пяти. Досуг организуют на улице, дома, в ночном клубе. В досуге удовлетворяются потребности в общении и получении удовольствия и новых знаний, а также стремление к материальной независимости. «Выбор» молодежи не богат.

Выводы

Представленные плакаты презентуют процесс социализации молодежи и образы разной современной молодежи.

Образ молодежи оптимистичен, если в процессе социализации молодой человек или девушка:

- заканчивают высшее учебное заведение,
- имеют отношение к информационным технологиям,
- занимаются спортом,
- могут себе позволить престижный отдых на море, в ночном клубе,
- имеют модные аксессуары в одежде,
- выстраивают карьеру, имеют финансовый достаток,
- имеют автомобиль,
- гармоничны в отношениях с противоположным полом,
- создают семьи.

Успешный образ или атрибуты, его сопровождающие, как правило, отмечаются цветом и улыбками на лицах молодежи.

Если рассматривать молодость как период перехода к взрослости, то данный переход осуществляется следующим образом:

в сфере образования – окончание школы и поступление в высшее учебное заведение (на анализируемых плакатах им является «универ»). Вероятно, это связано с престижностью получения высшего образования, непопулярностью среднего специального образования и соответственно профессий в результате получаемых. Мы также не исключаем, что авторами-студентами на плакатах была осуществлена проекция своего образа;

в сфере досуга – общение в компаниях сменяется межличностными отношениями между юношей и девушкой; актуальным является общение в сети Интернет; отдых связан с получением удовольствия. При этом выбор форм организации молодежного досуга ограничен. Маркером перехода к взрослости может выступать употребление молодежью алкоголя. Он как атрибут молодости присутствует на всех плакатах либо в рисунке, либо в надписи. Употребление алкоголя осуществляется в ночном клубе, во дворе, на школьной дискотеке. Социономический аспект, по нашему мнению, заключается в необходимости осуществления первичной профилактики алкоголизма среди школьников;

в сфере занятости – до получения диплома молодежь интересуется подработками; после окончания вуза намечаются перспективы в трудоустройстве. При этом ни в одном плакате не указана сфера трудовой деятельности молодежи. Данное обстоятельство, по нашему мнению, свидетельствует о наличии проблем, связанных с трудоустройством выпускников, в частности, вузов;

в семейной сфере – семья как результат «остепененности» молодежи отражена. Это полные семьи с двумя детьми (первый и четвертый плакаты). Можно предположить, что количество детей напрямую связано с проводимой политикой в отношении молодой семьи;

в общественной сфере молодежь не представлена. В анализируемых плакатах нет никаких свидетельств участия молодежи в общественной жизни, проявления социальной активности. Термин «активность» заявлен во втором плакате применительно к периоду 18–23 лет. Однако не уточнено, к какой сфере жизнедеятельности относится термин. В профессиональной подготовке будущих специалистов социальной работы следовало бы обратить внимание на данный аспект социальной работы с молодежью и особенности реализации государственной молодежной политики в этом направлении.

Итак, образ современной молодежи презентуется с учетом не только биологических, психологических особенностей, которые учитываются студентами – авторами плакатов, но и состояния российского общества, той политикой, которая проводится в отношении молодежи.

Полученные в ходе анализа результаты могут стать основой для корректировки рабочей программы учебного курса «Проблемы социальной работы с молодежью». В частности, требуется уточнить, почему в презентуемых образах молодежи отсутствует ее характеристика как социально активного деятеля, участника деятельности молодежных объединений. Этот аспект социономической работы с молодежью может стать предметом изучения на практических занятиях по курсу.

Н.Н. Михеева

Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается механизм влияния благотворительности на социализацию молодежи. Оказание благотворительной помощи различными организациями помогает молодежи быстрее достичь духовной, профессиональной и социальной зрелости.

Ключевые слова: благотворительность, социализация, молодежь.

In the article is considered the mechanism of influence of charity on socialization young people. Rendering of the charitable help by the various organizations helps young people to achieve spiritual, professional and social maturity faster.

Key words: charity, socialization, young people.

Введение. Изучением проблем благотворительности занимаются во многих странах мира (США, ФРГ, Великобритания и др.), она получила практическую значимость. Система благотворительности часто заменяет социальную политику государства. Ею занимаются не только благотворительные организации, но и состоятельные люди планеты. На сегодняшний день механизм благотворительности стал настолько сложным и многогранным, что это требует подробного научного изучения.

Благотворительность не может быть безадресной, она осуществляется конкретными социальными агентами и помогает людям выйти из сложной жизненной ситуации, способствует нормализации социальных взаимоотношений различных групп и слоев общества, делает общество более мобильным и равнодушным к социальным бедам других людей. Социальные агенты благотворительности работают на развитие гражданского общества, дают возможность молодым людям проявить свою инициативу и выступить в роли связующего звена между людьми и государством. Благотворительность служит серьезной мерой снижения иждивенчества в обществе, она является конституционной нормой в Российской Федерации и заслуживает самого широкого общественного признания, требует серьезного научного анализа [1, 144].

Благотворительность становится приоритетным фактором в достижении устойчивого уровня социальной зрелости общества. Социализация молодежи – вопрос многогранный и сложный. Можно выделить различные аспекты социализации: духовная, профессиональная, экономическая, политическая, гражданская и др. Содержание социализации способствует обретению самостоятельности и формированию личности молодого человека, в чем могут помочь различные общественные и благотворительные организации.

Пример

В социализации молодых людей часто участвуют представители крупного бизнеса за счет благотворительных акций, в частности корпорация Microsoft. Она выделила грант в размере 200 тыс. долларов США (а также программное обеспечение на сумму около 65 тыс. долларов США) на реализацию проекта по обучению детей и подростков информационным технологиям в двух российских регионах – в Тюменской и Липецкой областях. Так, в проект был вовлечен тюменский Клуб детского творчества имени А.М. Кижеватова. Реализация проекта была рассчитана на два года и включала не только приобретение необходимой техники и программного обеспечения, их развертывание на местах и техническую поддержку, но и планомерное обучение инструкторов местных преподавателей, ведение занятий по информатике в местных школах и комплексное повышение компьютерной грамотности детей и школьников города Тюмени.

О благотворительности компании «Шлюмберже» сообщает управление информационной политики администрации Тюменского муниципального района. Средняя школа в поселке Московский Тюменского района стала участницей проекта SEED в рамках некоммерческой корпоративной программы в области развития образования. Она выиграла грант на оборудование нового компьютерного класса и выделенный доступ в Интернет. На основании договора между «Шлюмберже» и среднеобразовательной школой все расходы компания взяла на себя. Это уже десятая школа в России, получившая грант от компании «Шлюмберже».

Спонсорство, как направление благотворительности, также можно рассматривать как один из видов социализации, прежде всего в части привлечения молодежи в качестве волонтеров. Волонтерство как один из видов социального обслуживания населения представляет собой деятельность по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг по проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Как любой вид социальной услуги волонтерство обеспечивается системой гражданско-правовых связей на основе Закона Российской Федерации и представляет собой конкретные действия человека по оказанию помощи лицу, обратившемуся в социальную службу.

Труд волонтеров в учреждении обычно сводится к работе с посетителями, помощи в организации мероприятий, сбору внешней информации и т.д. Волонтерство преследует цели реализации социальных, благотворительных и духовных интересов, а не получение материального поощрения. Однако добровольность труда отнюдь не предполагает хаотичный характер работы. Отношения между добровольцем и организацией регулируются договорными обязательствами, строго определяющими объем работ. Все это позволяет рассматривать волонтерство как особую систему трудовых отношений. Волонтерство способствует развитию профессиональной социализации молодежи.

Благотворительность всегда предстает не только как ценностно-смысловой план жизнедеятельности людей, но и определенный способ влияния на качество жизни. Благотворительностью можно доказать свою общественную значимость перед современниками и потомками, и благодаря этому при жизни создать себе имя. Всех, кто занимается благотворительностью, можно рассматривать как спонсоров, меценатов, филантропов, альтруистов, волонтеров и пр. Понятие благотворительности чаще всего рассматривается как помощь тем, кто нуждается в ней.

В настоящий момент инициатива по развитию благотворительности в обществе принадлежит коммерческим структурам и компаниям. Они формируют эффективную и мобильную модель социальной политики российского общества. Компании вкладывают благотворительные средства в активную часть населения. Осознавая свою принадлежность к единству и целостности культурной жизни своего народа, любая производственная компания стремится прославить себя добрыми делами по отношению к современникам и обществу своей страны. Благотворительность в ценностно-гуманистическом смысле выражается в том, что позволяет реализовать себя в чем-либо, подчиняя свое поведение обозначенной цели. Душевный мир человека направляет деятельность его собственного ума в благотворительное русло, и тем самым происходит рост конструктивного начала человеческого «Я», придающее ему определенный жизненный смысл, направленный на улучшение качественного состояния собственной жизни.

Стремление бизнеса воздействовать на общественные процессы оправданно и не противоречит идее сильного государства, в том числе потому, что без такого влияния невозможно говорить и о социальной ответственности бизнеса перед обществом. Для того чтобы быть по-настоящему современной коммерческой структурой, уже недостаточно иметь высокие прибыли, зарплату сотрудников, определенные марки автомобилей руководителей, престижный офис и пр. Сегодня требуется еще знать, в чем философия фирмы. Определенный опыт осуществления благотворительности коммерческими организациями уже накоплен. Благотворительность – это сочетание у коммерческой организации, выступающей в роли субъекта социальной политики, как спонсорских, так и филантропических целей и мотиваций.

Миссия компании отражает не только цель извлечения прибыли, но и подчеркивает общественную роль и значимость бизнеса. Долгосрочные и краткосрочные задачи бизнеса тесно связаны с тенденциями развития всего общества. Некоторые руководители фирм, помимо установленных законом обязательств перед государством, добровольно решают принять на себя определенную долю социальной ответственности бизнеса, которая происходит из осознания того, что организация должна действовать в интересах сообщества, ресурсами которого она пользуется.

Коммерческие организации, реализуя собственные корпоративные социальные программы, являются субъектами социальной политики местного и регионального уровня. В этом им широко помогают различные благотворительные фонды. Тюменская нефтяная компания (ТНК) определила главные направления своего развития в области социальной политики и повышения качества жизни своих сотрудников, куда вошло финансирование программ, связанных с улучшением быта нефтяников на месторождениях (236 млн руб.), со строительством и капитальным ремонтом бригадных участков (168,5 млн руб.), а также с программой оздоровления работников общества и членов их семей, на которую ТНК затратила 114,5 млн рублей. На культурно-массовые и спортивные мероприятия нефтяники перечислили около 55 млн рублей.

Концепция благотворительной деятельности компании «Сургутнефтегаз» предусматривает поддержку тех сфер общественной жизни, которые оказались наиболее незащищенными в нынешних сложных экономических условиях. Предметом заботы компании становятся государственно значимые культурные и социальные проекты и социальные объекты в регионах деятельности дочерних предприятий «Сургутнефтегаз». Они постоянно оказывают благотворительную помощь общественным организациям инвалидов, ветеранов войны и труда в Сургуте, Пскове, Твери, Новгороде, Калининграде и др.

Предметом особой заботы компании, как и в прошлые годы, были образовательные учреждения. Оказана благотворительная помощь Тюменскому государственному нефтегазовому университету, Сургутскому государственному университету, нефтяным техникумам в Сургуте и Лянторе, муниципальному специальному коррекционному образовательному учреждению для детей-инвалидов. Оказано финансовое содействие детскому дому «На Калинке», центру реабилитации детей с ограниченными возможностями «Добрый волшебник» и др.

Молодежь – будущее любого общества, вложенные в нее средства, будут работать на перспективу. На молодое поколение возложено много функций: демографическая, социально-экономическая, создания инфраструктуры общества и др. В качестве объекта благотворительности молодежь можно рассматривать по нескольким позициям: 1) как большую когорту населения; 2) молодежи принадлежит будущее, она есть перспектива любого общества; 3) молодежь – активная часть населения, в нее есть смысл инвестировать как в будущее развитие своей страны; 4) молодежь нуждается в поддержке, так как она не имеет необходимой для нее материальной базы.

Сегодня в Российской Федерации уже формируется новая социокультурная ситуация, в которой физическая культура, спорт и здоровый образ жизни становятся важнейшими компонентами развития общества. Современная цивилизация превратила регулярные занятия физкультурой и распространение спорта среди масс в необходимость. Занятия физической культурой и спортом становятся жизненно важной частью нового образа жизни.

Сейчас образование и опыт работы не всегда гарантируют профессиональный успех. Здоровье начинает играть более важную роль. Все чаще состояние здоровья людей напрямую связывают с их успехами в жизни, бизнесе. В последнее время все большее число россиян посещают фитнес-центры и спортивные залы. Фак-

тически плата за посещение фитнес-центра или другого спортивно-оздоровительного центра – это плата за свое здоровье, плата за то, чтобы выдерживать физические и моральные нагрузки, стрессы, сопровождающие современную жизнь.

Молодежь по своей социально-исторической природе составляет будущее общества, изучение структуры и содержания ее сегодняшнего социального пространства в существенной мере будет определять жизнеспособность всего общества. Жизненные ценности молодежи Ямала мало, чем отличаются от ценностных ориентаций молодых людей в других регионах России. Однако осуществить многие из обозначенных ценностей на северной территории бывает порой очень сложно. Здесь молодежь поставлена в более суровые условия выживания. Способом удовлетворения основных жизненных ценностей является экономическая основа, которая у молодежи складывается из заработка. Рассмотрим молодежь как трудовой ресурс территории. Это поможет определить основные формы благотворительности для молодежи.

Одним из направлений современной социальной политики является обеспечение баланса спроса и предложения на региональном рынке труда, в том числе на основе повышения качества и конкурентоспособности рабочей силы, развития миграционных процессов, создания условий для эффективной занятости населения и особенно молодежи до 30-летнего возраста.

Нестабильность социальной среды привела к трансформации механизмов социализации молодого поколения, изменилась специфичность моделей самоопределения молодежи в среде рыночных взаимоотношений, стали актуальными «достижимые» (карьерные) модели социальной активности в трудовой сфере. Речь идет о таком поведении, которое позволяет молодому человеку самоопределяться, находить себя, свое место, самоутверждаться в условиях острой конкурентной борьбы за реализацию права трудиться. Стратегия конкурентного поведения предполагает вполне прагматичный подход к своему поведению, основанный на знании структуры внутриличностных ресурсов и ресурсов социального положения. Можно выделить две основные стратегии личностных ресурсов у молодых людей:

Первая – «стратегия развития», указывает на то обстоятельство, что молодые люди воспринимают рынок труда как явление, которое будет сопровождать всю их трудоспособную жизнь «как нахождение в состоянии постоянного поиска лучшего». Рынок труда для такого типа молодого поколения – поле для новых возможностей и новых выборов. Развертывание их трудовой биографии сопровождается параллельным развитием способа адаптации к новым ситуациям, новым рабочим местам, новым статусам и т.д.

Другой вариант – «накапливающая стратегия конкурентного поведения», формируется на основе восприятия и интерпретации среды рынка труда в качестве пространства реализации накопленного ресурса. В данном случае имеет место быть так называемый феномен «отсроченных ожиданий». Особенно отчетливо она проявляется в ситуации выбора профессии и конкретного места работы в начале профессионального пути.

Молодежь является специфическим объектом благотворительности, помощь которому оказывают все субъекты благотворительности, но формы в каждом регионе различаются. Все группы субъектов благотворительности взаимодействуют с молодежью, но не всегда оказывают достаточную поддержку молодым людям.

Активно благотворительностью занимаются современные преуспевающие корпорации, они оказывают спонсорскую поддержку молодежи. В Газпроме приняты Генеральный коллективный договор, регулирующий социально-трудовые отношения в Обществе, ряд других документов, затрагивающих сферу образования и сопровождения кадровой работы, а также медицинского обеспечения сотрудников и их семей. Среди них – «Положение о системе непрерывного фирменного профессионального образования руководителей и специалистов», «Положение о работе с молодыми специалистами с высшим и средним профессиональным образованием и их стажировке в дочерних обществах и организациях ОАО «Газпром», «Положение о психологическом сопровождении кадровой работы в ОАО «Газпром» и др.

Вывод

Спонсорская и благотворительная деятельность – один из важнейших способов ведения диалога с обществом, свидетельство социальной ответственности перед гражданами Российской Федерации. Наряду со средствами бюджетов всех уровней в этих целях широко привлекаются средства организаций всех форм собственности, физических лиц.

Гражданская активность населения может рассматриваться в качестве субъекта благотворительности. Осуществлять все молодежные проекты можно благодаря гражданским инициативам через благотворительные фонды, меценатов, индивидуальные пожертвования, добровольцев, общины, семьи, родственников, иностранных граждан, филантропов, некоммерческие организации, грантодающие организации, учебные заведения, конфессии. Следовательно, оказывать помощь молодежи и осуществлять благотворительность придется всем обществом через гражданские инициативы.

В настоящее время для молодежи требуются новые формы благотворительной поддержки. Это могут быть информационные, образовательные, инновационные биржи труда, повышение квалификации и переквалификации, созданные для поддержки молодежи, работающие на общественных началах. Для коренного населения – народов ненцев, хантов и селькупов, которые занимаются традиционными видами труда, важно создать адекватные современности условия (обустроить их быт, повысить уровень медицинского обслуживания, улучшить их материальное положение за счет госзаказов).

Благотворительность для молодежи направлена на создание необходимых условий для успешной социализации и самореализации молодых граждан, включения созидательного потенциала и активности молодежи во все сферы общественной жизни. Разработка и реализация форм благотворительности различных субъектов

находятся в процессе постоянных реорганизаций и становления. Это не способствует повышению социальной эффективности благотворительности в тех или иных регионах страны. Благотворительность в любом регионе России должна строиться с учетом указанных территориальных особенностей и различий.

Ее противоречивость проявляется как в неоднозначности процессов экономического и социального развития различных групп молодежи, динамики их социального самочувствия, социализации и адаптации молодежи к современным условиям, так и в несформированности эффективного нормативно-правового, организационного и социально-психологического механизмов реализации молодежных социальных программ, в том числе и по эффективной профессиональной занятости работающей молодежи. Современному обществу пора думать о своем будущем, больше помогать молодежи через гражданские и общественные инициативы за счет благотворительных фондов и индивидуальных благотворителей и меньше апеллировать к государству.

Список литературы

1. *Медведев Д.А.* Национальные приоритеты. М.: Европа, 2008. 504 с.

Н.В. Науменко

Санкт-Петербургский государственный горный институт, Россия

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В последние годы информация наряду с человеческими, финансовыми и материальными ресурсами стала одним из важнейших управленческих ресурсов, позволяющих оперативно решать самые сложные социально-экономические проблемы. Информационное обеспечение социально-правовой защиты молодой семьи является важной составляющей стратегии социализации молодежи.

Ключевые слова: молодая семья, информация, государственная политика, социальный проект, социальная поддержка.

Last years the information along with human, financial and material resources became one of the major administrative resources that allowed to solve the most difficult social and economic problem operatively. Information support of socially-legal protection young family is important component of strategy of socialization of youth.

Key words: young family, the information, state policy, the social project, social support.

В современной ситуации самым незыблемым, самым проверенным институтом общества является семья. Кризис, затронувший все системы жизнеобеспечения общества, напрямую поразил и молодую семью, выступающую важнейшим социальным фактором, определяющим жизнестойкость нации, общества и государства. От психологического самочувствия членов современной семьи зависит, какое поколение будет жить и работать в XXI веке.

Если в прошлом семью объединяли чисто внешние, формальные факторы (закон, нравы, общественное мнение, традиции и др.), то в настоящее время формируется новый тип семьи, единство которой все больше зависит от личных отношений друг к другу всех ее членов – их взаимопонимание, привязанность, взаимное участие, уважение, преданность, симпатия и любовь. Именно эти чувства и способствуют прочности семейного очага.

Актуальность темы обусловлена следующими моментами.

Во-первых, проводимые в стране социально-экономические реформы привели к радикальным изменениям в жизни российского общества. Результатом социально-экономических преобразований стала затрудненная адаптация молодой семьи к новым экономическим условиям и ее существенная трансформация как социальной группы.

Во-вторых, в отсутствии необходимой социальной поддержки молодая семья нуждается в повышенном внимании со стороны государства и общества. Недооценка семейной и демографической политики в отношении молодой семьи представляет серьезную угрозу не только настоящему, но и будущему России.

В-третьих, главная задача социальных служб не только помочь семье в преодолении кризисных ситуаций, но и создать условия для развития молодой семьи как устойчивого элемента российского социума.

В-четвертых, анализ системы пособий, льгот и компенсационных выплат семье показывает, что их роль в уровне материального благосостояния семьи невелика. Данные меры не оказывают значительной поддержки семье с низким материальным положением, а в семьях с высоким доходом не играют никакой роли в материальном уровне их жизни.

В последние десятилетия современная семья в большинстве стран претерпевает серьезные изменения. По данным литературы, можно выделить общие черты, свойственные семьям в современном обществе: падение рождаемости, усложнение межличностных отношений, рост разводов и, следовательно, рост числа неполных семей и семей с неродными родителями, широкое распространение внебрачных рождений. В нашей стране остро стоят социальные проблемы семьи: снижение ее материального уровня, ухудшение физического и психического состояния здоровья детей и родителей, увеличение числа одиноких мужчин и женщин.

Специалисты сходятся во мнении, что современная российская семья переживает подлинный кризис, причем проявление этого кризиса обнаруживается тем ярче, чем выше общий уровень социально-экономического развития общества, чем выше уровень жизни и материального благополучия людей.

Постановка проблемы

В программе Российской демократической партии «Яблоко» говорится о том, что молодежь призвана сыграть особую роль в обеспечении возрождения и процветания России в XXI столетии. Молодые люди уже сегодня потенциально являются основной движущей силой российского социума. Именно молодежь представляет собой стратегический ресурс социального развития, который важнее сырьевых, топливных, финансовых ресурсов. В то же время молодое поколение наиболее подвержено воздействию глобальных проблем и угроз, связанных с платностью многих услуг (особенно в сфере здравоохранения и образования), трудностями трудоустройства молодых специалистов, распространением алкоголизма, наркомании, других асоциальных явлений.

Потенциальные возможности молодежи могут быть реализованы только при условии доступа молодежи ко всем сферам жизни общества, что во многом достигается за счет доступа молодых людей к информации по наиболее актуальным проблемам жизнедеятельности.

На сегодняшний день уровень социальной защиты российской молодежи нельзя считать удовлетворительным. Низкая социальная защищенность препятствует самореализации и полноценному участию в жизни общества. Однако уже сегодня государство может многое сделать в этом направлении:

1) поддержать молодые семьи:

- ввести льготные гарантированные государством кредиты на покупку жилья для молодых семей с поэтапным списанием части суммы при рождении детей и списанием всей суммы при рождении третьего ребенка;
- организовать при социальных службах для молодежи клубы молодой семьи, центры планирования семьи, консультации по подготовке молодых пар к семейной жизни;
- повысить налоговые вычеты на детей из базы подоходного налога до величины прожиточного минимума;
- облегчить процедуру выдачи детских пособий (принцип «одного окна») и повысить их сумму до величины прожиточного минимума ребенка, повысить единовременные пособия по рождению детей в 3–5 раз;

2) обеспечить молодежь качественными услугами здравоохранения:

- восстановить систему профилактических осмотров в образовательных учреждениях и на предприятиях;
- создать сеть информационных служб по вопросам предупреждения употребления алкоголя и наркотиков, создать сеть реабилитационных центров для больных наркоманией, ориентированных на длительные сроки госпитализации, привлекать к борьбе с наркоманией общественные организации;
- оказать поддержку, в том числе финансовую, службам психологической помощи молодежи;
- оказать помощь родителям, воспитывающим детей с тяжелыми и множественными нарушениями в психическом и физическом развитии, способствовать социальной включенности этой группы молодежи;
- перейти от поддержки профессионального спорта к поддержке массового молодежного спорта и физической культуры; пропагандировать здоровый образ жизни [1].

В последние годы информация наряду с человеческими, финансовыми и материальными ресурсами стала одним из важнейших управленческих ресурсов, позволяющих оперативно решать самые сложные социально-экономические проблемы. Молодежь в силу своего возрастного потенциала находится на передовых позициях научно-технического и социального прогресса, поэтому ей необходимо владеть в полном объеме информацией, касающейся наиболее сложных социальных проблем.

К важнейшим проблемам молодой семьи относятся возможности обеспечения жильем, получения субсидий и пособий и т.п. Часто юноши и девушки оказываются в проблемных ситуациях, когда им необходима помощь или совет. Как показывают опросы, проведенные в рамках НИР (НИР «Проблемы профилактики асоциального поведения молодежи» (2006 г.), НИР «Анализ результатов анкетирования участников Молодежного бизнес-клуба г. Орла» (2009 г.) и др.), во многих кризисных ситуациях молодые люди считают невозможным обращаться к родителям или педагогам, а более склонны доверять разъяснениям специалистов (42%) или информации СМИ (24%). Но зачастую они не знают о существовании необходимых служб, не могут определить, к кому они могут обратиться со своими проблемами, на каких условиях (платность, анонимность и т.п.) получают помощь.

Во многих регионах распространение информации, актуальной для молодежи, носит неполный и периодический характер. Часто предоставляемая информация является неполной и несистематизированной, распространяется с опозданием. Во многих случаях заинтересованные структуры и научно-аналитические центры параллельно проводят однотипные исследования, не имеют возможности ознакомиться с результатами коллег.

Одновременно и органы управления нуждаются в постоянно обновляемой информации о состоянии молодежной среды, а также в получении независимых оценок проводимых в рамках государственной молодежной политики мероприятий.

Материалы и методы решения проблемы (пример)

В 2008 г. «Молодежное Яблоко» начало реализацию проекта, призванного помочь молодым семьям, которые решили завести детей, разобраться в выплатах, пособиях и сертификатах, на которые имеют право молодые родители.

Собранная организацией информация поможет молодым семьям разобраться в системе социальной поддержки молодых семей. Соответствующий раздел на сайте организации «Молодежное Яблоко» будет обновляться и пополняться новой информацией. Планируется рассказать о возможностях приобретения жилья по программам поддержки молодых семей, ответить на часто задаваемые правовые вопросы, волнующие молодежь [2].

В рамках проекта организация «Молодежное Яблоко», Санкт-Петербург должна информировать обо всех изменениях в российском и петербургском законодательстве в этой сфере, рассказывать о том, какие документы и куда необходимо предоставить, на какие размеры выплат можно рассчитывать и где их можно получить.

14.05.2008 г. было проведено первое мероприятие в рамках данного проекта. На портале «Молодежное Яблоко», Санкт-Петербург была помещена информация о том, что на сегодняшний день в России, и в Петербурге в частности, существует несколько видов социальной поддержки семей, решивших завести ребенка.

На сайте можно найти информацию, например, о том, что с 1 января 2010 г. размер материнского капитала, для тех, кто им еще не воспользовался, составляет 343 тысячи 378 рублей 80 копеек. Для тех владельцев сертификата, которые уже распорядились частью средств, остаток будет увеличен с учетом инфляции.

В разделе сайта «Молодежное Яблоко», Санкт-Петербург, посвященном поддержке молодой семье, даны ссылки на материалы сайта «Официальный портал Санкт-Петербурга», где можно найти ссылки на информацию по следующим вопросам:

- социальная поддержка семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге,
- социальная поддержка студенческих семей,
- социальная поддержка многодетных семей,
- социальная поддержка семей работников бюджетных учреждений, имеющих (воспитывающих) двух и более детей,
- пособия и денежные выплаты гражданам, имеющих детей, в Санкт-Петербурге,
- о порядке подачи документов для получения государственного сертификата на материнский (семейный) капитал,
- материнский (семейный) капитал,
- изменения в законодательстве о пособиях гражданам, имеющим детей,
- концепция государственной политики в отношении молодой семьи,
- материалы целевой программы Санкт-Петербурга «Молодежи – доступное жилье».

Результаты

Реализация проекта будет способствовать обеспечению прав молодых семей на полноценную и объективную информацию. Это должно привести к повышению деловой и общественной активности молодых семей во всех сферах социальной жизни, содействовать решению социальных проблем городской молодежи.

Проект может способствовать согласованности решений, принимаемых органами государственной власти, органами местного самоуправления и муниципальными структурами с реальными запросами и потребностями молодых горожан.

Важной составляющей реализации проекта является всесторонняя проверка поступающей и предоставляемой информации в целях защиты молодых людей от преднамеренной и случайной дезинформации, некачественных услуг, действий мошенников и недобросовестных исполнителей. Проверка осуществляется за счет тесного взаимодействия с органами государственной власти, структурами лицензирования и аттестации социально значимой деятельности, органами охраны правопорядка и социальной защиты граждан.

Выводы

Итак, подводя итоги проекта, приведем теоретические и практические выводы по данной теме.

Во-первых, молодая семья как социальная структура характеризуется отсутствием устоявшихся социальных норм, которые во многом обусловлены индивидуальными особенностями супругов.

Во-вторых, современная семья стала более автономна по отношению к своему роду и к обществу, а ее члены более автономны относительно своей семейной группы, поэтому молодая семья, не получая поддержки от родственников, нуждается в более значимой поддержке государства.

В-третьих, отмечается «старение» браков в России и соответственно увеличивается возраст супругов, рождающих первого ребенка, что требует повышенного внимания к молодой семье с первенцами.

Таким образом, государственная политика в отношении молодой семьи должна стать составной частью социальной политики Российской Федерации и представлять собой целостную систему улучшения условий и повышения качества жизни семьи.

Необходимо уделять повышенное внимание превентивной (предупреждающей, проводимой заранее до наступления тяжелой жизненной ситуации) социальной работе с молодой семьей.

Требуется разработка комплексного Федерального Закона «Об охране семьи», согласование социальной инфраструктуры семейной политики на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, что позволит улучшить правовые гарантии в отношении молодой семьи.

Важно также признать молодую семью правоспособной, наделить ее реальными правами, социальными гарантиями и полноценным социальным статусом.

В практическом отношении важно отметить, что семья является компонентом социальной структуры любого общества, выполняющим многие социальные функции, и играет важную роль в общественном развитии, а также является одним из тех социальных формирований, которое оказывает существенное влияние на общественную жизнь фактически во всех ее сферах: от экономики до духовной культуры.

К сожалению, подавляющее большинство молодежных организаций Петербурга остались в стороне от проектов 2009 г. – Года молодежи – к такому выводу пришли молодые активисты города. Едины в этом мне-

нии оказались и оппозиционное «Молодежное Яблоко», и лояльная официальному курсу «Молодая гвардия «Единой России»».

Предложенный «Молодежным Яблоком», Санкт-Петербург проект информационной поддержки молодой семьи в какой-то степени позволит разрешить возникающие у молодой семьи проблемы на информационном уровне.

Список литературы

1. Программа Российской демократической партии «Яблоко» / Программные документы / сервер РОДП «Яблоко». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/vved.html> (дата обращения: 20.08.10).

2. Поддержка молодой семьи / портал «Молодежное Яблоко» Санкт-Петербург. [Электронный ресурс]. URL: <http://ms.yabloko.ru/content/view/205/95/lang.ru/> (дата обращения: 21.08.10).

С.В. Соловьева

Институт развития образования, Екатеринбург, Россия

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В статье рассматриваются вопросы гендерной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья как одной из составляющих процесса социализации. Проводится детальный анализ совокупности факторов, влияющих на гендерную социализацию учащихся и выпускников специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: специальное образование, лица с ограниченными возможностями здоровья, социальная адаптация, гендерная социализация, факторы гендерной социализации, социализирующие полоролевые модели, половое самосознание, половая идентичность, полоролевое поведение, ближайшее социальное окружение.

The paper is devoted to the problem of physically challenged people's gender socialization the latter being constituent part of the socialization process. The factors which influence gender socialization of special (correction) comprehensive establishments' students and graduates are analyzed.

Key words: special education, physically challenged people, social adaptation, gender socialization, factors of gender socialization, socializing sex-role models, sex self-consciousness, sex identification, sex-role behaviour, nearby social environment.

Введение

В специальной педагогике крайне слабое внимание уделяется такому аспекту воспитания детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья, как гендерный аспект, предполагающий учет различий в поведении мужчин и женщин не столько на физиологической основе, сколько в представлениях о сущности мужественности и женственности. В теории и практике специальной педагогике имеются единичные разрозненные рекомендации по применению гендерного подхода в образовательном процессе с детьми и подростками с различными нарушениями в психофизическом развитии. В практике специального (коррекционного) образования гендерным аспектам социализации данной категории детей и подростков до настоящего времени не уделяется должного внимания.

Вопросам гендерной социализации посвящено достаточно большое количество работ таких ученых, как Б.Г. Ананьев, Т.В. Бендас, Ш. Берн, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, И.С. Клецина, И.С. Кон и др. Применительно к категории лиц с нормативным психическим развитием исследования особенностей гендерной социализации представлены разнообразно. Гендерная социализация в контексте исследовательского подхода указанных ученых понимается как процесс усвоения норм, правил поведения, установок в соответствии с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе.

В специальной психологии системных исследований данной проблематики в контексте изучения лиц с ограниченными возможностями здоровья практически нет. Имеются отдельные исследования, инициированные в середине 1990-х – начале 2000-х годов. Вместе с тем качество процесса половой идентификации в значительной степени определяет мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации подрастающего поколения в целом и детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья в частности.

Немногочисленные исследования, раскрывающие вопросы гендерной социализации различных категорий детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья, можно систематизировать следующим образом:

– изучение психологических особенностей половой идентичности, представлений о межполовых и семейно-ролевых отношениях, специфики полоролевого поведения подростков с легкой умственной отсталостью (Н.М. Галимова, Е.Н. Денисова, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, О.Г. Нугаева, Г.К. Поппе, Л.М. Шипицына и др.);

– исследование специфики проявления мужественности и женственности у лиц с тяжелыми нарушениями зрения (незрячих и слабовидящих) (Т. Миллер, И.В. Саломатина, В.А. Феоктистова, В.В. Чугунов, Т.С. Шалагина и др.);

– раскрытие особенностей формирования половой принадлежности у подростков с расстройствами аутистического спектра (К. Гилберг, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, Т. Питерс и др.).

Таким образом, понимание необходимости, с одной стороны, изучения особенностей гендерной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья, и разработка и реализация направлений применения гендерного подхода в системе специального (коррекционного) образования, с другой стороны, определяют актуальность обозначенной тематики.

Точка зрения

В научной литературе имеются указания на то, что у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья существуют отклонения в формировании гендерной идентичности и освоении половых ролей, что сказывается на успешности социальной адаптации данной категории лиц (Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, 1986; В.И. Гарбузов, 1986; Э.Г. Эдемиллер, 1999 и др.). В то же время ответ на вопрос о том, влияет ли наличие психофизического нарушения на формирование полового самосознания, половой идентичности, полоролевого поведения лиц с ограниченными возможностями здоровья, в настоящее время не является однозначным.

Существует значительное число факторов, влияющих на гендерную социализацию детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. В основном это причины социального характера. Следует отметить, что данные факторы схожи с теми, которые имеют место при формировании гендерной идентичности и освоении половых ролей у детей с нормативным развитием. Это связано с тем, что развитие детей с психофизическими нарушениями происходит по тем же закономерностям, что и развитие детей в норме (Л.С. Выготский, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия). Но в случае с детьми с ограниченными возможностями здоровья эти факторы имеют определенную специфику.

В связи с этим предлагаем обсудить факторы гендерной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья в психолого-педагогическом разрезе с опорой на опыт взаимодействия с учащимися, выпускниками и педагогическими работниками специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений Свердловской области.

В качестве важнейших факторов гендерной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья выступают семья и образовательные учреждения.

Охарактеризуем семью как институт гендерной социализации. Как отмечает В.Е. Каган, родительские установки «очеловечивают» и разворачивают половую данность ребенка, включая и маскулинность и феминность [1]. Формирование гендерного «Я» ребенка основывается на механизме подражания. В качестве первого объекта для подражания выступают родители. Но семейная ситуация детей с ограниченными возможностями здоровья отличается рядом особенностей. Более 50% семей, воспитывающих детей с психофизическими нарушениями, являются неполными, в основном материнскими. Данная ситуация оказывает влияние как на развитие маскулинных качеств у мальчиков, так и на формирование феминных качеств у девочек с ограниченными возможностями здоровья.

Согласно статистическим данным, многие семьи распадаются на этапе столкновения с заболеванием ребенка, когда ребенок достигает раннего и дошкольного возраста. Поэтому дети с ограниченными возможностями с раннего возраста могут находиться в условиях исключительно материнского воспитания.

Ситуацию осложняет наличие хронической психотравмирующей ситуации, обусловленной переживанием наличия у ребенка нарушения в развитии и связанных с ним ограничений. На особенности гендерной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья влияет также и отношение родителей к недостатку ребенка. Впоследствии лица, имеющие психофизические нарушения, испытывают трудности в процессе семейной адаптации при создании собственной семьи. Влияние семейной ситуации на гендерную социализацию детей с ограниченными возможностями здоровья требует дальнейшего глубокого изучения.

Следующим важным агентом гендерной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья выступают образовательные учреждения. Педагог является для ребенка носителем и транслятором гендерной культуры. В публикациях неоднократно подчеркивается феминный характер современного российского образования. Данная тенденция в полной мере присуща и образовательным учреждениям, в которых обучаются дети с ограниченными возможностями здоровья. Так, по данным Министерства общего и профессионального образования Свердловской области, в 2009 г. в системе общего образования 29 939 педагогов-женщин (91,3% от общего количества педагогов). В специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях Свердловской области педагогический состав также на 90% состоит из женщин.

При этом среди контингента обучающихся в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях преобладает численность мальчиков над численностью девочек (более 70% от общего контингента обучающихся составляют мальчики). Данная тенденция обусловлена тем, что нарушения в развитии с наибольшей частотой встречаются у мальчиков. Следовательно, высок риск развития феминных черт у мальчиков с ограниченными возможностями здоровья, так как формирование полоролевого поведения идет под влиянием реакций взрослых.

В то же время 65% специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений Свердловской области составляют учреждения интернатного типа, в которых дети пребывают круглосуточно. Следовательно, достаточно много времени дети с ограниченными возможностями здоровья проводят в кругу себе подобных в условиях «женского» обучения и воспитания, что определяет особенности их гендерной социализации.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что подавляющее большинство детей с ограниченными возможностями здоровья длительное время находятся в условиях «женского» воспитания.

При поступлении детей с ограниченными возможностями здоровья в учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования ситуация несколько изменяется, а именно возрастает численность педагогов мужского пола (мастера производственного обучения, преподаватели специальных дисциплин, преподаватели вузов и др.). Сензитивным для формирования полоролевого поведения и гендерной идентичности является подростковый возраст, в то время как в учреждения профессионального образования лица с ограниченными возможностями здоровья поступают преимущественно после 16–18 лет. Поэтому достаточно

сложно предположить, какое влияние оказывает смена социальной ситуации при поступлении в учреждения профессионального образования на гендерную социализацию данной категории лиц.

В специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях возрастает численность детей-мигрантов. В этой связи помимо наличия нарушения в развитии, которое может сказываться на особенностях освоения гендерных установок и ролей, может иметь место расхождение между предъявляемыми для освоения гендерными установками и стереотипами со стороны педагога и культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины. Данный аспект практически не изучен. Возникает вопрос, каким образом педагогу необходимо выстраивать образовательный процесс в поликультурной образовательной среде?

Проблема усугубляется тем, что длительное время в педагогической практике большое внимание уделялось социальному обслуживанию детей с психофизическими нарушениями, формированию у них общеинтеллектуальных и общетрудовых умений. Помимо этого педагоги образовательных учреждений недостаточно компетентны в вопросах гендерных особенностей обучения и воспитания, так как программы среднего и высшего педагогического образования не включают в себя изучение подобной проблематики.

Гендерная социализация у детей с ограниченными возможностями здоровья может носить компенсаторный характер, а именно стремление быть «как все». Особенно типичным это является для детей, не принимающих свой дефект. Преимущественно это дети и подростки с физическими нарушениями и с сохранным интеллектом.

Неблагоприятно на гендерной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья могут сказываться такие факторы, как ощущение физической неполноценности при наличии физических недостатков, ощущение интеллектуальной и социальной неполноценности. Наличие инвалидности, как физической, так и психической, может отражаться на восприятии себя как представителя пола и освоении половой роли. Исследования показывают, что у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья имеет место определенная специфика в представлениях в вопросах пола – отстают от сверстников по степени сформированности, осознанности, адекватности представлений по сравнению с возрастной нормой. Часто данное положение связано не столько с наличием психофизического недостатка, сколько обусловлено недостаточным вниманием к вопросам полоролевой социализации в образовательном процессе специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений.

Таким образом, специфика обозначенной выше социальной ситуации определяет особенности гендерной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья и в целом перспективы их социальной адаптации и интеграции в социум. В основном имеет место отсутствие или недостаток социализирующих полоролевых моделей в ближайшем социальном окружении. Наличие поражения центральной нервной системы создает препятствия для нормативного психосексуального развития детей и подростков и является дополнительным фактором, затрудняющим гендерную социализацию детей.

Учитывая тот факт, что развитие детей с ограниченными возможностями здоровья подчиняется тем же основным закономерностям, которые имеют место у лиц с нормативным развитием, можно сделать вывод о том, что сензитивным периодом для развития и становления осознания себя как представителя пола является старший подростковый и юношеский возраст. Именно в этом возрастном периоде идет процесс совершенствования самосознания и, в частности, полового самосознания (И.С. Кон). В то же время психосексуальное развитие лиц с ограниченными возможностями здоровья по сравнению со здоровыми сверстниками, как показывают данные научных исследований, не совпадает хронологически. В этой связи в образовательных учреждениях необходима реализация системы психолого-педагогических мероприятий с учетом особенностей гендерной социализации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья [2–7].

Выводы

1. Социальная ситуация развития лиц с ограниченными возможностями здоровья определяет специфику их гендерной социализации и социальной адаптации в целом.

2. Основная особенность гендерной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья состоит в недостатке социализирующих полоролевых моделей в ближайшем социальном окружении.

3. Наличие нарушения в развитии является дополнительным, но не основным фактором, затрудняющим гендерную социализацию детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья.

4. В качестве наиболее значимых институтов социализации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья выступают семья и образовательные учреждения.

5. В силу того, что специфика семейной ситуации в большинстве семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, неблагоприятно сказывается на социализации детей, ведущее значение в процессе гендерной социализации мы придаем образовательным учреждениям. Поэтому имеет место необходимость внесения изменений в воспитательный процесс специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений за счет усиления такого направления деятельности, как половое воспитание. Кроме того, данное направление может быть реализовано и за счет включения в образовательный процесс элективных курсов социализирующей направленности для учащихся подросткового возраста.

Список литературы

1. Каган В.Е. Психосексуальное воспитание детей и подростков. Л.: Худ. лит.; РПК «ЛИК», 1990. 63 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 320 с.

3. *Алешина Ю.Е., Волович А.С.* Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–81.
4. *Клецина И.С.* Гендерная социализация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 92 с.
5. *Нугаева О.Г.* Особенности половой идентичности подростков с интеллектуальной недостаточностью. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. 265 с.
6. *Соловьева С.В.* Психологический анализ ситуации «особого» материнства и направления психолого-педагогической поддержки // Пед. журн. Башкортостана. 2009. № 5. С. 34–45.
7. *Шитицына Л. М.* «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. СПб.: Дидактика Плюс, 2002. 496 с.

О.А. Степанова

Научно-исследовательский институт развития профессионального образования, Москва, Россия

УСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

В статье характеризуются инвариантные организационно-педагогические условия социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья на этапе профессиональной подготовки. Перечень условий является открытым – он может дополняться, содержательно обогащаться и конкретизироваться педагогами учреждений профессионального образования в ходе анализа собственного опыта обучения и социализации молодежи данной группы, обладающей большим потенциалом личностного развития и профессионального совершенствования на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: социализация, лица с ограниченными возможностями здоровья, рациональный выбор профессии, комплексная реабилитация, поддерживающее трудоустройство, образовательная и социальная интеграция.

In article invariant organizational-pedagogical conditions of socialization of persons with the limited possibilities of health at a vocational training stage are characterized. The list of conditions is opened – it can be supplemented, is substantial be enriched and concretized by teachers of establishments of vocational training during the analysis of a private experience of training and socialization of youth of the given group possessing high potential of personal development and professional perfection throughout all life.

Key words: socialization, persons with the limited possibilities of health, a rational choice of a trade, the complex rehabilitation, supporting employment, educational and social integration.

Точка зрения

Современный этап развития системы образования характеризуется повышенным вниманием к проблемам воспитания и социализации молодежи, создания на этапе получения профессии/специальности условий для раскрытия их личностного, творческого потенциала.

В этом контексте важно активизировать поиск путей успешной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в учреждениях начального и среднего профессионального образования (НПО-СПО). Это достаточно большая и полиморфная по составу группа обучающихся, чье состояние здоровья препятствует освоению программ профессиональной подготовки вне специальных условий обучения и воспитания. В нее входят лица с сенсорными, двигательными, интеллектуальными, комплексными и иными нарушениями развития, при этом часть из них имеет инвалидность, другие – нет.

Исследователи подчеркивают, что особенности социализации проявляются у лиц с ОВЗ на физиологическом, психологическом, социально-психологическом, социальном уровнях. При этом нарушение на физиологическом уровне является, как правило, первичным, а нарушения на психологическом, социально-психологическом и социальном уровнях имеют вторичный характер и при определенных условиях являются обратимыми [1]. Составляя особую социальную группу, лица с ОВЗ могут испытывать значительные трудности в организации своей учебной, коммуникативной деятельности и/или поведения в силу имеющих особенностей интеллектуального, сенсорного, двигательного развития, соматического состояния.

В то же время образовательная среда, имеющая определенное социальное наполнение, может обеспечить включение молодежи с ОВЗ в доступные виды жизнедеятельности и отношений, тем самым способствуя их успешной социализации [2; 3]. При создании соответствующих условий они могут в разных формах обучаться в учреждениях начального (профессиональные училища и лицеи) и среднего (колледжи и техникумы) профессионального образования. Поэтому преподавателям и мастерам производственного обучения учреждений НПО-СПО сегодня приходится значительно расширять арсенал средств педагогического воздействия, пополняя его технологиями, методами и приемами работы социально-педагогической, социально-психологической, реабилитационной и/или профилактической направленности, согласующимися с особенностями индивидуального развития, образовательными запросами, интересами, склонностями обучающихся с ОВЗ, их микросоциальным окружением, этапом профессионального обучения и др. [3; 4].

На наш взгляд, несмотря на многообразие факторов, прямо или опосредованно влияющих на социализацию лиц с ОВЗ на этапе профессиональной подготовки, можно выделить наиболее значимые *инвариантные условия*, определяющие ее успешность.

Так, установлено, что лица с ОВЗ испытывают серьезные затруднения в процессе профессионального самоопределения в силу причин объективного (структура отклонений в развитии, степень их выраженности) и субъективного характера (неадекватность осознания собственных возможностей и их влияния на профессиональный выбор, неадекватность самооценки профессиональных качеств применительно к предпочитаемому виду профессиональной деятельности и др.) [3; 5]. В связи с этим первым условием успешной социализации для них выступает *рациональный выбор профессии/специальности*. Он является своеобразной точкой отсчета, определяющей жизненные приоритеты и мотивирующей молодежь с ОВЗ к приобретению профессиональных компетенций, их обогащению и реализации.

В основе рационального выбора профессии помимо учета индивидуальных особенностей, интересов, склонностей обучающихся должны лежать и экономические, территориальные перспективы их трудоустройства. Одновременно резко возрастает и роль ранней (в период школьного обучения) профессиональной ориентации, грамотного профессионального консультирования и профессионального подбора. В качестве научно обоснованных практических средств, позволяющих лицам с ОВЗ в процессе профориентации осознать свои возможности, познакомиться с требованиями профессии, испытать себя в различных видах профессиональной деятельности и принять решение в плане окончательного профвыбора, могут выступать, например, профессиональные пробы [5]. Они способствуют объективизации своих возможностей и жизненно-трудовых перспектив, оказывая определенное влияние на мотивацию профессионального обучения и дальнейшее трудоустройство. В ходе профконсультирования молодежи с ОВЗ должны широко использоваться психодиагностические методики, с помощью которых выявляются профессиональные склонности и индивидуальные интересы, характер общей и трудовой мотивации, особенности обучаемости, способности и личностные характеристики. Технологии профподбора позволяют сформулировать рекомендации о возможных сферах трудовой деятельности, наиболее соответствующих психологическим и физиологическим особенностям конкретного человека.

Второе условие – *индивидуализация образовательного маршрута лиц с ОВЗ*. При его проектировании необходимо принять во внимание специальные образовательные условия, созданные для того или иного обучающегося на предыдущей (школьной) ступени, рекомендации врачей, специальных педагогов, психологов, характеристики микросоциального окружения и, конечно, собственные возможности и потребности обучающегося.

Характер и эффективность социализирующих влияний в период профессионального обучения напрямую будут зависеть от пространственно-временной организации индивидуального образовательного маршрута, дающей в отношении каждого из обучающихся развернутый ответ на ряд взаимосвязанных вопросов: «где, чему, как именно, кто должен учить?». При этом уровень (профподготовка, начальное и среднее профессиональное образование), форма (очная, очно-заочная, надомная с использованием дистанционных технологий) и условия обучения (гомогенная или гетерогенная учебная группа), а также постепенно складывающиеся отношения в диадах «педагоги – обучающийся с ОВЗ», «обучающийся с ОВЗ – учебная группа», «колледж – семья обучающегося с ОВЗ» выступают как элементы единой социализирующей системы, в которой обучающийся с ОВЗ постепенно осваивает роль субъекта образовательного процесса.

Важную роль в выстраивании такой системы призваны сыграть педагоги учреждений НПО-СПО, требования к профессиональным и личностным качествам которых значительно повышаются. Чтобы успешно обучать и воспитывать молодежь с ОВЗ, они должны научиться уважать чужую индивидуальность в ее различных проявлениях, быть толерантными, объективными и справедливыми в оценочных суждениях, особенно деликатными и тактичными. Поэтому третьим условием выступает *целенаправленная подготовка педагогических работников к взаимодействию с обучающимися с ОВЗ* и формирование коррекционно-развивающей направленности их профессионально-педагогической деятельности в рамках обучения по программам дополнительного профессионального образования (повышения квалификации, переподготовки) [3]. Такая направленность помогает преподавателям общеобразовательных и специальных дисциплин, мастерам производственного обучения компетентно решать ряд задач:

- 1) распознавание затруднений в учебной и учебно-профессиональной, коммуникативной деятельности лиц с ОВЗ, установление их причин;
- 2) проектирование индивидуального образовательного маршрута для обучающихся с ОВЗ в рамках учебной дисциплины (ее отдельного раздела, темы) или направления профессиональной подготовки;
- 3) оптимальный выбор методов и приемов организации учебной и учебно-производственной деятельности обучающихся с ОВЗ;
- 4) объективный анализ текущих и этапных результатов усвоения учебных программ лицами с ОВЗ;
- 5) создание условий для их социализации.

Практика организации профессионального обучения лиц с ОВЗ свидетельствует, что формирование коррекционно-развивающего компонента профессиональной компетентности педагогов учреждений НПО-СПО может осуществляться двумя способами:

- стихийно, что происходит тогда, когда они вынужденно, без специальной подготовки приступают к обучению лиц с ОВЗ;
- в условиях специального обучения в системе среднего и высшего педагогического образования или в разных формах дополнительного профессионального образования (внутрифирменное обучение, курсы повышения квалификации, стажировка, профессиональная переподготовка и др.).

Перечисленные способы не исключают друг друга, наоборот, в современной ситуации они часто последовательно связаны. Так, инициативно начиная обучение молодежи с ОВЗ, учреждения НПО-СПО нередко

не оставляют педагогам выбора – обучать или не обучать данную группу лиц. В этом случае педагоги без специальной подготовки, интуитивно, а подчас и без особого желания, приступают к данной работе. И лишь впоследствии, по мере расширения и закрепления практики обучения той или иной категории лиц с ОВЗ в стенах образовательного учреждения, для них организуются курсы повышения квалификации соответствующей направленности.

Свидетельством невысокой эффективности такой взаимосвязи способов формирования коррекционно-развивающего компонента профессиональной компетентности являются результаты исследования, проведенного лабораторией профессионального образования лиц с ОВЗ НИИ развития профессионального образования Департамента образования города Москвы и демонстрирующие необходимость изменения логики подготовки педагогов учреждений НПО-СПО к обучению лиц с ОВЗ на основе предварительной разработки модели их коррекционно-развивающей деятельности. Для ее реализации предварительно должны быть рассмотрены и типизированы педагогические задачи, связанные с обучением, воспитанием, социально-профессиональной адаптацией и интеграцией лиц с ОВЗ. Одновременно модель позволяет выделить центральные задачи коррекционно-развивающей деятельности преподавателя/мастера производственного обучения и связанные с ними интегративные умения, наличие, отсутствие или неполнота которых могут выступать объектом оценки сформированности коррекционно-развивающего компонента педагогической деятельности. Перечень интегративных умений с их последующей конкретизацией в виде частных умений дает основание определить необходимое и достаточное содержание учебного материала, которое должно быть включено в программы подготовки или повышения квалификации педагогов.

Комплексный характер социализирующих влияний – четвертое условие, выполнение которого связано с объединением усилий всех субъектов образовательного процесса [2; 3; 6]. Большое значение придается работе междисциплинарных команд, в которые помимо педагогов входят представители так называемых помогающих профессий – педагоги-психологи, социальные педагоги, специальные педагоги (дефектологи), медицинские работники, а также педагоги учреждений дополнительного образования. Специалисты первой группы помогают педагогам организовать учебную, познавательную-коммуникативную деятельность обучающихся с ОВЗ преимущественно в учебное время с использованием разнообразных коррекционно-развивающих технологий и средств. Педагоги дополнительного образования вовлекают их в разнообразные виды рекреационной деятельности (досуговая, спортивно-оздоровительная, художественно-творческая), жестко не регламентированные по времени, но вместе с тем имеющие выраженную реабилитационную направленность.

Реализация данного условия как одного из ключевых обуславливает необходимость оценить меру и качество влияния микросоциума – родителей (лиц, их заменяющих), других членов семьи и близких друзей на молодежь с ОВЗ. Партнерство и доверительные отношения «на равных» с близким окружением, при необходимости корректировка их негативного влияния на качество и стиль жизни обучающегося – наиболее, на наш взгляд, продуктивная педагогическая тактика, приводящая к улучшению результатов профессионального обучения и обогащению жизненных компетенций лиц с ОВЗ.

Пятым условием выступает *поддержка выпускников с ОВЗ в период адаптации на рабочем месте*. Трудно переоценить ее вклад в формирование положительной трудовой установки, стимуляции активности в применении полученных в процессе обучения профессиональных компетенций, стабилизации жизненных и профессиональных планов. В результате погружения вчерашнего студента в совершенно иной («настоящий», «взрослый») мир у него появляется или, наоборот, утрачивается уверенность в правильности выбранной профессии/специальности, нередко возникает потребность в определенном пересмотре и корректировке жизненных планов. И очень важно, чтобы в этот период он как личность и молодой специалист мог получить необходимую помощь от авторитетного, значимого для него и вместе с тем хорошо знакомого взрослого – преподавателя или мастера производственного обучения.

Пример

Целенаправленная работа по созданию перечисленных условий для успешной социализации обучающихся с ОВЗ активно ведется в системе профессионального образования города Москвы на протяжении последних пяти-семи лет. За этот период произошел существенный рост количества учреждений НПО-СПО, включенных в работу с обучающимися этой категории: в 2005 г. в Москве их было 18, в 2006 г. – 45, в 2007 г. – 75. В 2007/2008 уч. г. в 75 учреждениях обучались 1809 лиц с ОВЗ. Среди них – молодежь с нарушениями слуха (неслышащие – 12,5%, слабослышащие – 10,8%), зрения (незрячие – 0,7%, слабовидящие – 2,7%), опорно-двигательного аппарата (8,5%), тяжелыми нарушениями речи (0,6%), с задержкой психического развития (4%), умственной отсталостью (42%) и инвалиды по общему заболеванию (18,2%).

Стало очевидным стремление ряда столичных учреждений НПО-СПО к ежегодному увеличению приема обучающихся с ОВЗ и концентрация в этих целях материально-технических, дидактических, методических и кадровых ресурсов. Это – результат выверенного анализа современных социально-экономических факторов (демографическая ситуация, трудовая миграция, постоянный рост системы высшего профессионального образования и т.п.) и осознания социумом потенциально высоких возможностей профессионального обучения и социализации лиц с ОВЗ. В ГОУ СПО №№ 4, 5, 14, 16, 21, 22, 23, 27, 39, 58 и др. целенаправленно и регулярно проводится их обучение в особых (специализированных) и/или интегрированных группах. Около половины (43%) всех обучающихся СПО с ОВЗ сосредоточены в пяти учреждениях – Библиотечный колледж № 58, Колледж индустрии, гостеприимства и менеджмента № 23, Политехнический колледж № 39, Колледж по подготовке социальных работников № 16, Колледж сферы услуг № 22 (11%; 10,4%; 6,7%; 5,9 % и 5,3% соответственно).

В системе СПО лица с ОВЗ обучаются по 18 направлениям (62 специальности), при этом отмечается их выраженная ориентация на получение специальностей, связанных с экономической, управленческой или педагогической деятельностью (59,3% от всех обучающихся). В системе НПО широкое распространение получило обучение профессиям оператора ЭВМ (11,8%), слесаря механосборочных работ (10%), оператора НКТ (9,7%), автомеханика (8,5%), швеи (8,5%), портного (8,1%), кондитера (6,8%), а в системе профессиональной подготовки – швеи (21,6%), столяра (14,7%), штукатура (12%), повара (11%), маляра (7,9%).

Педагогические коллективы учреждений накапливают и систематизируют опыт профессиональной реабилитации и социализации данной категории обучающихся: проводится работа по адаптации учебных планов и профессиональных образовательных программ, внедрению новых форм и технологий обучения, созданию оригинальных учебно-наглядных пособий, облегчающих для них учебный процесс. Педагогические работники инициируют создание в учреждениях образовательно-реабилитационной среды, обеспечивающей доступность и качество получения профессии/специальности для лиц с ОВЗ. В Политехническом колледже № 39 открыт Центр профессионального образования лиц с нарушениями слуха, позволяющий на новом уровне решать задачи их профессионального обучения и социальной интеграции. В Технологическом колледже № 21 отрабатывается модель профессиональной подготовки молодежи и условий для социальной адаптации и трудоустройства лиц с нарушениями слуха и с нарушениями психического развития. В Колледже легкой промышленности № 5 внедряется единая система работы по разносторонней (социальной, профессиональной, личностной) подготовке обучающихся с интеллектуальной недостаточностью к самостоятельной трудовой деятельности и жизни в мегаполисе и т.д. В Колледже автоматизации и радиоэлектроники № 27 используются дистанционные технологии обучения лиц с ОВЗ, в колледжах №№ 47, 4, 23 организована система психолого-педагогического сопровождения профессионального становления, социальной адаптации и трудоустройства выпускников специальных (коррекционных) общеобразовательных школ. Колледж по подготовке социальных работников № 16 апробирует экспериментальную модель развития профессионального самосознания у обучающихся с ОВЗ в условиях инклюзивного образования.

В 2006 г. сотрудниками лаборатории профессионального образования лиц с ОВЗ НИИ развития профессионального образования начата систематическая подготовка педагогических работников учреждений НПО-СПО по программе дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) «Психолого-педагогическое сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья в колледже». В 2010 г. разработаны и будут апробированы две новые программы: «Внедрение технологии профессиональной подготовки лиц с интеллектуальной недостаточностью» и «Инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях начального и среднего профессионального образования». Основу их реализации составляют компетентностный, андрагогический, междисциплинарный и деятельностный подходы к организации дополнительного профессионального образования педагогов, позволяющие максимально учесть запросы педагогов на повышение квалификации в области обучения и социализации той или иной группы обучающихся с ОВЗ.

Вывод

Завершая характеристику условий успешной социализации лиц с ОВЗ в современной системе НПО-СПО, необходимо подчеркнуть, что представленный в рамках настоящей статьи перечень открыт. Он может дополняться, содержательно обогащаться и конкретизироваться самими педагогами в ходе анализа собственного опыта профессионального обучения и социализации данной разнообразной по своему составу группы обучающихся, обладающей большим потенциалом личностного, профессионального развития и совершенствования на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. *Потылицына Л.А.* Особенности процесса социализации людей с ограниченными возможностями здоровья: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2007. 29 с.
2. *Юнина В.В.* Воспитательная среда специального (коррекционного) образовательного учреждения как условие социализации детей: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2009. 22 с.
3. *Миндель А.Я., Степанова О.А.* Разные возможности – равные права – общее жизненное пространство. М.: ТЦ Сфера, 2009. 144 с.
4. *Михайлова Т.А.* Социально-педагогическое сопровождение студентов с особыми адаптивными возможностями в процессе получения среднего профессионального образования: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 24 с.
5. *Гордиевская Е.П.* Профессиональная проба в процессе профессиональной ориентации лиц с ограниченными возможностями здоровья как средство их профессионального самоопределения. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2009. 24 с.
6. *Меринова В.Н.* Особенности интеграции в общество лиц с ограниченными возможностями здоровья: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Иркутск, 2007. 21 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК СПОСОБ ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ

Создание условий для ценностного самоопределения будущих педагогов является важной частью профессиональной подготовки и средством преодоления деструктивных тенденций в молодежной среде. Социальная реклама может стать эффективной технологией для самовыражения базовых ценностей молодежи, а также способом участия молодежи в решении ключевых социальных проблем.

Ключевые слова: социальная реклама, самоопределение, ценности.

Social advertising how way valuable self-determination youth in professional preparation of social teachers. Conditioning is important part of training and mean of overcoming of distructive tendencies in youth environment for valuable self-determination of future teachers. Social advertising can become efficient technology for self-expression of base values of youth, and also way of participation of youth in decision of key social problems.

Key words: social advertising, self-determination, values.

Точка зрения

Развитие профессионально-педагогического образования в современной России привело к формированию модели профессионального развития, предполагающей выход за пределы непрерывного потока повседневной практики, умение видеть, осознавать и оценивать различные проблемы, конструктивно разрешать их, прогнозировать и учитывать будущие изменения.

Тенденция гуманистической направленности педагогического образования раскрывает зависимость формирования готовности педагога к взаимодействию от степени обращенности к личности студента, ориентации на личностную компоненту профессиональной подготовки. Выявленная тенденция стимулирует необходимость пересмотра существующей системы подготовки педагогических кадров с учетом таких принципов, как субъективное развитие и саморазвитие личности педагога, приоритет субъектно-смыслового обучения по сравнению с информационным, персонализация педагогического взаимодействия, единство системного и личностно-деятельностного подходов.

Большое значение в профессиональной подготовке приобретает культурное и творческое саморазвитие студента, которое находится в прямой зависимости от степени развития профессиональной свободы личности, раскрытия ее потенциала в педагогической деятельности.

Главными ценностями, определяющими, на наш взгляд, все содержание воспитательной работы с молодежью, являются ответственность личности за свое моральное, физическое здоровье, способность к самосовершенствованию, место в обществе, отношение к малой и большой Родине и участие в социально значимой деятельности.

Одним из способов проявления социальной и творческой активности студента, накопления у него опыта участия в решении социально значимых проблем может стать разработка и презентация социальной рекламы. Социальная реклама это «элитарный» подвид жанра; отличный от любого другого тем, что привлекает внимание к социальным проблемам, это реклама некоторого «отношения к миру».

Основным источником появления социальной рекламы является современная общественная жизнь, которая изобилует конфликтными ситуациями и противостоянием на уровне социальных групп и поэтому остро нуждается в созидательных стимулах и процессах.

Задачи социальной рекламы:

1) гуманистическая, когда внимание общественности привлекается к социальным проблемам и тем самым помогает их разрешить;

2) образовательная: люди должны наглядно увидеть, что бывает реклама вечных ценностей.

Методы реализации: плакаты, заставки, клипы, щиты, листовки, значки и другая атрибутика, эмблемы на товарах массового потребления, граффити, компьютерная графика, комиксы, фотография, карикатура. Работы могут быть представлены также в литературной форме в виде: сценария спектакля, слогана, стихотворения, частушек, сказок, сочинения, актуального репортажа, фельетона, басни.

Основная тематика (зарубежный и отечественный опыт):

1) безопасность жизнедеятельности (экология, профилактика преступности, дорожно-транспортные проблемы, развитие городской инфраструктуры, проблемы бездомных и беженцев, борьба с мусором и т.д.);

2) проблемы достижения равных прав и социальных гарантий (права женщин, пожилых людей, профилактика семейного насилия, толерантное отношение к инвалидам, развитие системы социального страхования от экологических рисков и т.д.);

3) экологические проблемы (радиационная, химическая безопасность, пропаганда идей рационального природопользования и т.д.);

4) тенденции развития общества (образование, бизнес, финансы, страхование, здравоохранение, выплата налогов, планирование семьи, молодежь и общечеловеческие ценности и т.д.);

Пример

Идея создания в колледже творческой группы, разрабатывающей социально-рекламные продукты, была реализована в 2007 году. Первый состав творческой группы «Звезды» включал 5 человек (4 студента

и преподаватель), преобладали фотографические варианты социальной рекламы в области защиты прав детства.

К концу 2008 г. в группу входило уже 17 человек, студенты освоили графические редакторы, появился интерес к созданию аудио- и видеороликов, требующих более серьезных технических и творческих умений. Изменилась и тематика роликов, большая часть работ направлена на профилактику абортот, пропаганду семейных ценностей и активного образа жизни.

В настоящее время творческая группа «Звезды» включает 12 человек, как выпускников колледжа, так и студентов разных курсов и групп.

За прошедшее с момента создания группы время студентами колледжа были разработаны и представлены следующие виды социальных проектов и рекламных продуктов.

1. «Вклад на развитие» – конкурс проектов и программ на грант Социально-благотворительного образовательного фонда «Третьяковские традиции». На конкурс был представлен проект «СЛУЖБА СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ учащимся общеобразовательных учреждений: отряд “Юный волонтер”».

Авторы проекта: студенты А.С. Торговкина, В.В. Вальдт. Проект предусматривал создание и организацию деятельности школьного разновозрастного волонтерского отряда из детей группы риска. Проект получил финансирование в сумме 3 тыс. рублей и был реализован на базе МОУ СОШ № 1 г. Омска.

2. Региональный конкурс социальной рекламы «П.О.Р.А.!» (Подумай. Оцени. Реши. Анализируй.) На конкурс было представлено 9 работ (календари, афиши, плакаты), выполненных студентами колледжа. Одна из работ («П.О.Р.А. быть вместе!») – автор А.В. Соколов – отмечена дипломом и денежным призом в размере 1 тыс. рублей.

3. Первый городской конкурс мультимедийных технологий.

На конкурс был представлен видеоролик «Навстречу мечте», посвященный проблеме устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Авторы проекта: В.В. Жогина, Л.А. Чистоусова, Т.П. Черногузова. Проект отмечен дипломами в номинациях «За социальную значимость» и «За лучшую режиссерскую работу».

4. Социально-профилактическая акция «Ваше здоровье – здоровье ваших детей». На конкурс было представлено 7 работ (4 рисунка, аудиоролик, видеоролик и стихотворение). Видеоролик «Детская любовь», посвященный профилактике нежелательной беременности и ранних абортов, занял 3-е место, а стихотворение «Закон природы» той же тематики – 1-е место.

Кроме того, студенты колледжа принимали участие:

1) в районном конкурсе социальной рекламы «Что нам стоит дом построить...» (почетные грамоты, призы);

2) многоцелевом многоуровневом проекте «МИР» (Молодежное Информационное Равенство), реализуемом Центром развития информационного общества РИО в рамках стратегии развития информационного общества в России;

3) областном конкурсе печатной социальной рекламы «Планета людей» (почетные грамоты);

4) городском конкурсе социальной рекламы «Омская линия» (благодарственные письма);

5) конкурсе социальной рекламы Министерства труда и социального развития Омской области;

6) Национальном конкурсе социальной рекламы «Новое пространство России» (почетные грамоты);

7) Всероссийском конкурсе социальной рекламы, посвященной оказанию помощи подросткам, попавшим в трудные жизненные ситуации;

8) областном конкурсе творческих работ учащихся, посвященном Году учителя, «Учитель, перед именем твоим...» (диплом за 1-е место);

9) областном конкурсе средств массовой информации «Защитим молодежь вместе» (диплом за 3-е место) и др.

Методическое руководство и техническая поддержка в ходе создания проектов осуществлялась преподавателями Омского педагогического колледжа № 1 Ю.Б. Рогачевой, О.М. Телелевой, Н.А. Пономаревым.

Заключение

Участие студентов в создании социальной рекламы возможно на всех этапах: от подготовки и разработки до реализации (демонстрации и распространения) и анализа качества проекта. Опыт создания собственных способов решения социальных проблем приводит к повышению активности психических процессов; развитию личностных качеств (ответственности, инициативности, самостоятельности); формированию позитивных жизненных принципов и мировоззренческих установок личности; повышению социальной адаптированности и гражданственности (осознанию себя членом общества).

Коллективная постановка целей, планирование способов их достижения, являющиеся неотъемлемой частью технологии проектирования рекламного продукта, способствуют выработке внутреннего плана действий по решению той или иной проблемы, формируют важнейшие социальные качества (активность, автономность). Перенос выработанных умений в реальные жизненные ситуации возможен благодаря привлечению студентов к реализации проектов, особенно социально значимых. Необходимо также расширять направленность проектов, увеличивать число их участников, количество совместных проектов студентов и преподавателей.

СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье автор определяет и обосновывает основные пути социализации студентов в процессе модернизации системы образования. На примере Волгоградского государственного университета показаны приоритеты социально-воспитательной политики вуза, деятельность по социализации молодежи в образовательном пространстве университета, определяются результаты и эффективность программ, направленных на активизацию социально значимой деятельности студентов.

Ключевые слова: социализация, личность, образовательная среда, социально значимая деятельность, студенческое самоуправление, конкурентоспособность, социальная ответственность.

The author of the article defines and proves the main ways of students socializing in the process of educational system modernization. The priorities of social and educational policy of higher educational institutes, the activities of youth socializing in the educational environment of the University are shown exemplified by Volgograd State University, the results and effectiveness of programs, aimed at enhancing socially important activities of students, are defined.

Key words: socializing, individuality, educational environment, socially important activities, students unions and bodies, competitiveness.

Поднимая сегодня вопросы молодого поколения, его роли в развитии государства, мы выстраиваем матрицу будущего России. Насколько эффективно будут решаться проблемы молодежи в стране, насколько ответственно власть и общество будет подходить к роли данного социума в преобразовании России, насколько адекватны, своевременны и значимы будут механизмы, средства, пути реализации молодежной политики, а следовательно, и реальные возможности самой молодежи, настолько глубоки и значительны будут преобразования во всех сферах жизни современного и будущего общества. Подтверждение этому мы находим и в Концепции долгосрочного развития Российской Федерации: «в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно развивать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь» [1, 71].

Молодежь, как одна из категорий российского общества, должна быть социально готова к участию в модернизации страны. Она должна быть социально активной и социально ответственной во взаимодействии со средой. Молодой человек должен не просто усваивать, осознавать, принимать ее требования, образцы поведения, социальные нормы и культурные ценности, но и влиять и совершенствовать ее.

Активность личности проявляется через конкретную разноплановую деятельность. Таким образом, проблема социализации молодежи предполагает решение вопроса содержания и ценностных ориентаций деятельности личности молодого человека, содействующей развитию ее независимости, самостоятельности мышления, ответственности для достижения лично и общественно значимых целей.

В последнее время данная тема была предметом многих дискуссий, освещалась в аналитических работах, результаты которых изложены в ряде документов. Среди них доклад Общественной палаты РФ «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее», аналитические материалы Министерства образования и науки Российской Федерации и Национального фонда подготовки кадров по реализации Национального проекта «Образование», доклад «Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях» к IX Международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация», инновационная образовательная программа «Создание инновационной подготовки специалистов в области гуманитарных технологий в социальной сфере», целевая программа Федерального агентства по делам молодежи «Молодежь – основа инновационного развития страны» и др. Изучив и проанализировав документы, убеждаешься в глобальности и широкомасштабности модернизации, которая предполагает изменение очень многих аспектов образовательной системы, начиная со структурных, управленческих, финансовых, кадровых, заканчивая изменениями в характере профессионального образования, в его качестве, исследовательской парадигме, партнерских отношениях. Но прежде всего модернизация должна обеспечить эффективные условия развития компетентной, конкурентоспособной, социально ответственной личности.

Поэтому одним из приоритетов в модернизации образования является развитие созидательной инициативы студентов и вовлечение их в решение значимых для них проблем в пространстве университета, города, страны, в результате чего у каждого молодого человека должна сформироваться потребность к самореализации, появиться возможность раскрытия своего инновационного потенциала.

Результатом станет социальная и профессиональная активность молодежи в поддержке и реальном вкладе в реализацию «Программы социально-экономического развития России до 2020 года».

Основными путями достижения поставленной цели государством определяются такие формы, методы и технологии, которые способствуют самовоспитанию и самосовершенствованию личности молодого человека через включение его в активную деятельность:

- поиск и внедрение эффективных форм инициативного включения студентов разных групп в социально значимую деятельность в пространстве университета, города, страны;
- расширение спектра студенческих сообществ для решения студентами значимых для них проблем;
- создание организационной и ресурсной поддержки (педагогической, информационной, научно-методической) включения студентов в реализацию программы развития университета;

- разработка механизмов выявления и продвижения талантливых студентов и продуктов их инновационной деятельности;
- развитие современных форм студенческого самоуправления, обеспечивающих развитие созидательной инициативы студентов.

При этом, осваивая все лучшее, что сложилось в мировой практике, принимая новые правила игры, расставляя иные приоритеты и определяя эффективные векторы развития, данная система должна поддерживать жизнеспособные традиции отечественного образования, опираться именно на российские реалии: культуру, институты и ресурсы.

«Важнейшим условием, создающим основу для самовоспитания и самореализации личности, должна стать разработка комплексных систем мероприятий, программ, проектов, объединенных общей идеей. ... Эффективными на сегодняшний день оказываются те вузовские модели воспитательной деятельности, в которых вектор смещен от разовых мероприятий к системе конкретных дел, от просветительско-развлекательных, досуговых форм к социально значимым, проблемно-деятельностным, ориентированным на реализацию социальных инициатив и деловой предприимчивости студентов, что способствует активизации функции социальной защиты и социальной ответственности» [2; 13, 14].

Именно в данном контексте выстраивается социально-воспитательная политика Волгоградского государственного университета. В Программе «Основные направления развития Волгоградского государственного университета» и Концепции воспитательной работы определена миссия Волгоградского государственного университета как регионального центра науки, образования, культуры и социальной активности, которая заключается:

- «в воспитании гуманистической системы ценностей, утверждении созидательных традиций и продвижении позитивных новаций в духовной и материальной культуре;
- в формировании прогрессивных институциональных структур, идей и мнений, утверждении прав и свобод гражданского общества» [3; 10–11].

Для достижения и реализации обозначенных целей в вузе разрабатываются и реализуются комплексные воспитательные программы, объединенные целостной идеей. Программы включают различные аспекты воспитания (духовно-нравственное, гражданско-патриотическое, профессиональное и т.д.), а следовательно, направлены на адаптацию студента в новом социальном статусе и способствующие его дальнейшей успешной социализации.

Программы строятся с учетом нормативно-правовой базы, теоретических разработок, а также практических рекомендаций по основным концептуальным идеям развития воспитательной деятельности в высшей школе.

Основополагающим методологическим аспектом воспитательных программ был выбран *антропологический подход*, который позволяет рассматривать студента в его всесторонних связях с миром и в многообразии проявлений в разных сферах жизнедеятельности, который ориентирует на воспитание конкретного студента в конкретных человеческих сообществах в каждодневных формах существования, а также дает возможность использовать гуманитарные методы изучения результативности воспитательного процесса, наиболее соответствующие сложной природе человеческой индивидуальности.

Учитывая современные условия развития страны и мира в целом, переосмысливая накопленный педагогический опыт и научные знания, разработчики программ поддерживают предложения коллег вузов России о необходимости рестановки новых акцентов в воспитании и строят свою работу в свете этих изменений.

Во-первых, новое выделение и смысловое наполнение основных ценностных регулятивов воспитательной деятельности. *В центре – студент*, его жизнь в определенный возрастной период, в конкретной стране, деятельность и общение на определенной ценностно-смысловой основе.

Во-вторых, обновление содержания воспитания и его технологий, позиции студента и преподавателя в этом процессе, что может осуществляться через включение в содержание программы воспитания жизнедеятельности самих студентов и преподавателей в определенном воспитательном пространстве и окружающей социокультурной жизни общества, а следовательно, и определяться личностными и общественными проблемами в разных сферах жизни. В таком случае предполагается переход построения программы с традиционного «мероприятийного» подхода к *проблемному*, что соответствует принятому в стратегии модернизации образования компетентностному подходу.

В-третьих, в формах и методических средствах воспитания приоритет отдается *проблемным и деятельностным* технологиям, которые позволят обогатить созидательный опыт молодых людей по решению значимых для них личных и общественных проблем. Такой подход поможет студенту увидеть и осмыслить проблему, захотеть ее решать, а также позволит научиться ставить цели и планировать свою деятельность, анализировать, оценивать ее, выражать свое отношение к произошедшему, при этом занимая свою субъективную позицию на всех этапах решения проблемы.

И, наконец, *в-четвертых*, существенно (принципиально) меняется акцент на педагогическую позицию *преподавателя как профессионального воспитателя*. Он становится помощником студенческого сообщества, который способен содействовать в освоении студентом опыта созидания, т.е. активизировать, поддерживать, стимулировать его деятельность по созидательному решению личных и общественных проблем, давать ему право выбора и право на ошибку.

Основываясь на вышеизложенных принципах, с 2006 по 2009 гг. в Волгоградском государственном университете была разработана и реализована программа «Родина – Россия – будущее». Основной целью про-

граммы было, с одной стороны, вернуться к жизнеспособным традициям отечественной истории, культуры, образования, с другой стороны, опираясь на новые реалии, институты и ресурсы, заложить основы гражданской идентичности сегодняшнего молодого россиянина.

В программе обозначалась цель для каждой категории студентов с определенным уровнем социализации. Так, для основной студенческой аудитории вуза целью программы было сформировать смыслы и установки на идею служения Отечеству; потребности в самооценке готовности к реализации опыта служению Отечеству; мотивационно-ценностную позицию в видении собственного жизненного предназначения и миссии; собственный образ Родины и рефлексию собственных возможностей, а также стремления априорно относиться к Родине как высшей цели и ценности.

Знакомство с широким спектром проявлений опыта служения Отечеству, овладение основными способами действий по его реализации, формированием относительных умений самостоятельно его реализовать – такова цель программы в деятельности с социально активной частью студенчества.

И, наконец, работа со студентами с высокой степенью социализации личности была направлена на формирование идейно-мировоззренческой готовности к реализации опыта служения Отечеству с проявлением творческой индивидуальности.

Программа предполагала формирование гражданского сознания и самосознания студентов ВолГУ через изучение правовой и государственной систем России, ее истории, символики и традиций, жизни и деятельности выдающихся личностей, вовлечение студентов в социально значимую деятельность с целью развития у них инициативы и ответственности, способности к продуктивному, созидательному действию.

Формирование у студентов университета научного мировоззрения, отражающего гуманистические принципы, систему фундаментальных общечеловеческих и национальных ценностей, шло через создание и сохранение традиций, символов, атрибутов университетской жизни, развитие корпоративной культуры, становление университетского сообщества.

Немаловажным аспектом программы была ее интеграция в региональный и российский социум, что позволяло привлечь общественность к решению проблем социализации студентов через взаимодействие с государственными и общественными организациями и способствовало формированию общественного мнения по вопросам молодежной политики в России.

К 2010 г. реализация программы «Родина – Россия – будущее» позволила наработать большой методический и научно-практический материал по формированию гражданского сознания и самосознания студентов.

Обозначим основные результаты работы вуза по данной программе.

Студенты ВолГУ регулярно участвуют в межвузовских, районных, городских, региональных и всероссийских мероприятиях: фестивалях, конкурсах, слетах, конференциях, семинарах, форумах, а зачастую выступают и их организаторами. При этом индикаторы социально значимой активности студентов (число наград за участие во внеучебной деятельности, число позитивных упоминаний о деятельности студентов ВолГУ в средствах массовой информации, количество участников внутривузовских и внешних мероприятий и др.) фиксируют стабильный рост указанных показателей около 1,5–2% в год.

В Волгоградском государственном университете в настоящий момент работают 9 организаций студенческого самоуправления, обеспечивающих интересы молодежи в различных сферах учебной и внеучебной деятельности, существуют 56 профильных объединений студенческой молодежи разной направленности, из них 11 действуют на университетском уровне, 45 – на факультетском. Численность студентов-организаторов общественных и творческих объединений составляет 1675 человек, или 27,5% от общего числа студентов, что почти на 10% превышает средние плановые российские показатели, по данным Аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию Минобрнауки РФ «Развитие воспитания в системе образования на 2008–2010 годы».

Несмотря на молодость вуза (в 2010 г. ВолГУ отметил свое 30-летие), выпускники Волгоградского государственного университета входят в общественную и общественно-политическую элиту города и региона. Среди выпускников ВолГУ – 56 сотрудников администрации Волгограда, включая главу города, более 100 сотрудников администрации Волгоградской области, 6 депутатов Волгоградской городской думы, включая одного из заместителей председателя, 4 депутата Волгоградской областной думы, более 500 сотрудников правоохранительных, следственных органов и прокуратуры, руководители региональных отделений политических партий, предприятий, организаций и учреждений различных сфер и форм собственности.

Молодежные общественные организации региона работают при активном участии студентов и выпускников ВолГУ – студенты и выпускники университета возглавляют молодежный парламент Волгоградской области, молодежную администрацию Волгограда, молодежную школу предпринимательства, участвуют в работе студенческого совета Волгограда, Волгоградского регионального отделения «Молодой Гвардии «Единой России»», Волгоградского регионального отделения Российского союза молодежи, молодежной избирательной комиссии Волгоградской области и других общественных объединений.

Итоговый анализ реализации программы «Родина – Россия – будущее» позволил учесть выявленные в процессе планирования и исполнения недостатки, определить более эффективные формы и методы социализации студентов и для разрешения обозначенных проблем приступить к разработке программы нового уровня в направлении активизации социально значимой деятельности студентов.

Стратегической целью комплексной программы «Сила поколения. Страна молодых» является создание системы подготовки в Волгоградском государственном университете социально активной личности российского гражданина, ориентированной на созидательно-деятельностное отношение к обществу, государству, ха-

рактирующей успешностью в профессиональной сфере, развитым чувством гражданского долга и готовностью взять на себя ответственность за судьбу своей страны и происходящие в ней социально-экономические, общественно-политические и культурные процессы.

Структурный вектор программы позволит увидеть реальные качественные результаты: проследить процесс социализации студента на протяжении всего периода обучения. Кроме того, активизация участия молодых людей в жизни вуза, города, региона, страны будет способствовать реализации одного из ключевых положений «Хартии об участии молодежи в жизни российских городов и поселений (адаптированная российская проекция Европейской хартии об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне)».

Предлагаемая программой инновация заключается во введении в образовательное пространство вуза нового социального института (института студоргов), установлении новых способов взаимодействия субъектов воспитательной деятельности (через институт студоргов, АСС ВолГУ), придании системности процессу личностного саморазвития и самореализации студентов в университете.

Во-первых, в практику организации внеучебной деятельности студентов вводится связующее звено между основной студенческой аудиторией и студенческим активом (членами студенческих организаций и участниками профильных студенческих объединений) – студенческий организатор (студорг), избираемый в каждой академической группе, обеспечивающий выявление увлечений и интересов студентов своей группы, информирование их о потенциальных возможностях личностного развития в вузе, организацию участия студентов академических групп в мероприятиях и проектах университета, привлечение их к деятельности профильных студенческих объединений.

Во-вторых, системой программных мероприятий обеспечивается содержательная деятельность студенческих организаций и профильных студенческих объединений, позволяющая реализовать лидерский, творческий, организационный, научный, спортивный и иной личностный потенциал студента в образовательном пространстве вуза.

В-третьих, создаются условия для самореализации студентов, проявивших себя в социально значимой деятельности в вузе, на уровне города, региона, страны, повышающие их мобильность, адаптированность и конкурентоспособность как будущих специалистов, формируется устойчивая практика социально ориентированной деятельности студентов, направленной на социум.

В-четвертых, путем укрепления позитивного имиджа лидеров студенческих объединений, наделения их представительскими полномочиями, информационной поддержки деятельности органов студенческого самоуправления, содействия их социально значимым инициативам формируется престижность социально активной жизненной и гражданской позиции в студенческой среде.

В-пятых, через создание Ассоциации студенческого самоуправления формируется система интеграции, накопления и перераспределения лидерского и организаторского опыта руководителей студенческого самоуправления.

В случае успешной реализации программы будут достигнуты определенные педагогические результаты в процессе социализации студентов вуза, в частности:

повысится социально значимая активность студентов ВолГУ: участие в создании творческих, научных, спортивных и иных значимых достижений, включенность в общественно-политические и социально-экономические процессы, в социальные служение и помощь;

в ценностную парадигму студенческой молодежи введен позитивный образ социально активного человека, ориентированного на созидательно-деятельностное отношение к Родине и обществу;

укрепляются позитивные изменения в общественном мнении об образе студента классического вуза как молодого человека, способного реализовать стратегические планы государства и осуществить вхождение России в пятерку лидеров развитых мировых держав;

основная часть молодых людей, обучающаяся в ВолГУ, будет готова с гордостью идентифицировать себя как студентов классического университета, жителей Волгограда и Волгоградской области, граждан Российской Федерации;

достигнут высокий уровень социализации студенческих лидеров ВолГУ (не менее 10% от общего числа обучающихся на дневном отделении): личность с высокоразвитой инициативой, ответственностью, способностью к целенаправленному продуктивному, созидательному действию на благо общества;

повысится конкурентоспособность студентов ВолГУ за счет освоения дополнительных знаний, умений и навыков.

Программа вуза «Сила поколения. Страна молодых» призвана провести поэтапную модернизацию студенческого самоуправления Волгоградского государственного университета, что позволит, с одной стороны, обеспечить системное вовлечение во внутривузовскую созидательную активность широких студенческих масс, а с другой – создаст систему подготовки студенческих лидеров, ориентированных на участие в общественной жизни социума.

Кроме того, программа предусматривает расширение информированности студентов о потенциальных возможностях развития личности в образовательном пространстве вуза, что способствует успешной социализации и эффективной самореализации молодежи и соответствует приоритетам Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, а также положениям Болонской декларации о необходимости воспитания адаптированного, мобильного и конкурентоспособного студента.

Таким образом, социально-воспитательная политика университета, направленная на активизацию социально значимой деятельности студентов, выстраивает комплексную систему информирования *каждого* сту-

дента о способах и средствах успешной социализации и эффективной самореализации в образовательном пространстве вуза, наглядно демонстрирует перспективы личностного саморазвития, как в интересах самой личности, так и общества в целом. При этом студент, получивший дополнительные знания, умения и навыки организационной и социально значимой деятельности, адаптированный к реалиям современного общества, становится более привлекательным для работодателя, как человек, умеющий не только добиваться поставленных целей и решать предложенные задачи, но и способный развивать и совершенствовать существующие системы и производства. Социально активный, увлеченный выпускник способен в сжатые сроки не только освоить опыт и наработки, существующие в коллективе, но и вовлечь в процесс творческого и интеллектуального развития и самосовершенствования своих коллег.

Вышеизложенные выводы позволяют говорить о перспективности подходов университета в выборе основных векторов развития, следовательно, и успешной социализации личности молодого человека в образовательном пространстве вуза.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Раздел 3.9 «Молодежная политика». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17.11.2008. С. 71. [Электронный ресурс]. <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 25.08.10).
2. Кагерманыч В.С., Коханович Л.И., Бабочкин П.И., Кучер Н.И., Маркова Н.А., Голубева О.Н. Примерная программа воспитания социально активной личности студента: рекомендации, методики, технологии. Ч. 2. М., 2003. 68 с. (Система воспитания в высшей школе: аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования / НИИВО. Вып. 4).
3. Нормативное обеспечение деятельности по организации и осуществлению воспитательного процесса в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»: Сб. норм. док. / Под общ. ред. Т.В. Юдиной; разработ. док. З.Г. Брюховских [и др.]; сост. Т.В. Юдина, Е.Е. Дрожжина; ГОУ ВПО «ВолГУ». 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 492 с.

А.Г. Филипова

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Россия

ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКИХ И МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (на примере Хабаровского края)

Детские и молодежные общественные организации выступают ресурсом построения гражданского общества в России. Их целью является создание условий для социального становления ребенка. Одна из функций общественного сектора – социальная защита детей и молодежи – находит отражение в защите их прав, организации социально значимого досуга, профилактике девиаций.

Ключевые слова: молодежные и детские общественные организации, социальная защита, дети, молодежь, социальное партнерство.

The function of social protection in the activity of children and youth public bodies (on the example of Khabarovsk region). Children and youth public bodies are the resource of building the civil society in Russia. Their purpose is a making the conditions of child's social formation. One of the public sector functions – a social protection of children and youth – is reflected in their rights protection, creation of the social significant leisure and deviation prevention.

Key words: youth and children public bodies, social protection, children, youth, social partnership.

Основы деятельности детских и молодежных общественных организаций

В российском некоммерческом секторе последние 10–15 лет активно развиваются детская и молодежная составляющие. Это связано с общероссийскими тенденциями развития гражданского самосознания, активизации общественных инициатив, формирования концепции самозащиты. Включение детей и молодежи в общественный сектор выступает перспективным направлением развития гражданского общества. Сегодня на воспитание лидеров из их числа направлены усилия государственной молодежной политики. Уже созданы соответствующие правовые, научно-методические и организационные основы.

Нормативно-правовую регуляцию деятельности детских и молодежных общественных организаций осуществляет Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ. Государственная поддержка молодежных и детских объединений трактуется в нем как совокупность мер, предпринимаемых органами государственной власти, в целях создания и обеспечения правовых, экономических и организационных условий деятельности таких объединений. Целями деятельности общественных организаций являются социальное становление, развитие и самореализация детей и молодежи в общественной жизни, а также охрана и защита их прав.

Одним из принципов государственной поддержки детских и молодежных общественных организаций выступает принцип приоритета общих гуманистических и патриотических ценностей в деятельности молодежных и детских объединений. В связи с этим военно-патриотическое направление общественной деятельности детей и молодежи иницируется и развивается органами по делам молодежи, молодежными службами субъектов Федерации. Понятие военно-патриотических молодежных и детских объединений, их

задачи, основные направления и формы их деятельности закреплены Постановлением Правительства РФ «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» от 24 июля 2000 г. № 551. В качестве еще одного социально значимого направления общественных инициатив детей и молодежи в свете гуманизации общества и признания прав и свобод человека высшей ценностью в вышеуказанных правовых актах обозначено развитие добровольчества.

Что касается научно-методических основ деятельности детских и молодежных общественных организаций, то здесь наблюдаются некоторые сложности. Они возникли в связи со стремительным переходом от единовластия пионерской организации советского периода к многообразию организационных форм и направлений деятельности в постсоветском пространстве. Этот переход высветил проблемы выработки новых технологий работы с детьми, новых идеологических ориентиров, новых путей включения детей и молодежи в общественный сектор. Естественно, решение этих вопросов требует времени и ресурсов. Необходимо обратить внимание также на то, что пионерская организация практически не занималась социально уязвимыми категориями детей – сиротами, инвалидами, несовершеннолетними правонарушителями. Задачей современного общественного сектора, напротив, является работа с социально неблагополучными категориями, так как вовлечение их в социально значимую деятельность служит средством профилактики девиаций, социального воспитания, а также способом «найти себя». Вовлечение таких детей – дело сложное, все они отличаются социальной пассивностью, равнодушием, а еще неустойчивостью интересов, сиюминутностью желаний. Поэтому данное направление деятельности детских и молодежных организаций нуждается в отдельном научном изучении и методическом обосновании.

Организационную основу функционирования детских и молодежных общественных организаций представляют учреждения, чьими функциями являются социализация, обучение, воспитание и развитие – школы, а также учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования, учреждениями дополнительного образования, культуры, молодежные службы и др. Эти учреждения стремятся актуализировать дополнительный воспитательный ресурс – общественные инициативы детей и их социально полезный досуг. Наблюдается еще одна линия инициации общественных организаций как подготовка «достойной молодой смены» политическими партиями (например, общественная организация «Молодая Гвардия», инициированная «Единой Россией», или «Союз коммунистической молодежи» – КПРФ). Отдельные детские и молодежные общественные организации вырастают из «взрослых» общественных организаций, которые, работая с детьми и молодежью, занимаются воспитанием у них социальной ответственности, формированием лидерских качеств, развитием добровольчества.

Таким образом, прослеживаются ведущие цели создания общественных организаций, созвучные идеалам гражданского общества, – формирование социально активной личности и установление гражданского самосознания. Сопутствующими целями становятся: организация свободного времени детей и молодежи, профилактика асоциальных явлений, реализация творческого потенциала, формирование установки на здоровый образ жизни через социальные акции, спортивные мероприятия, проведение профориентационной работы и др.

Значение детских и молодежных общественных организаций в социальной защите детства двояко: с одной стороны, это социальная адаптация самих участников общественных движений, помощь в самораскрытии, раскрепощении, усвоении социальных норм гражданского общества, групповая поддержка, а с другой – оказание помощи другим детям, нуждающимся в заботе и участии (шефство над детскими садами, концерты для детей детских домов, благотворительные акции по сбору средств для детей онкологических отделений и пр.), то есть общественные организации создают условия *социального становления ребенка*.

Социальный портрет детских и молодежных общественных организаций Хабаровского края

Проанализируем основные тенденции развития детского и молодежного общественного сектора на примере Хабаровского края. Хабаровский край как субъект РФ входит в состав Дальневосточного федерального округа. Специфика территориального расположения (удаленность от центральной части России), особенности социально-экономического развития региона (значительная сельскохозяйственная часть территории является неосвоенной или заброшенной), дисперсность расселения (плотность населения колеблется в пределах от 0,2 до 8,8 человек на 1 кв. км) оказывают свое влияние на социальную активность детей и молодежи.

По данным информационного реестра детских и молодежных общественных объединений на 1 января 2010 г., в крае действовали 245 детских общественных объединений и 144 молодежных общественных объединений, в том числе 13 волонтерских объединений и 88 организаций военно-патриотической направленности, включая церемониальные отряды. В качестве участников данных организаций заявлены: детей – 67 073, молодых людей – 30 494, что составляет около 40% от численности детского населения края (берутся дети в возрасте от 10 до 18 лет) и чуть более 10% от молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Вероятно, эти цифры не совсем точно отражают реальную ситуацию, так как во-первых, социально активные дети, как правило, не ограничиваются членством в одной организации, во-вторых, не все организации из заявленных являются реально функционирующими (некоторые функционируют только на бумаге). По экспертным оценкам, процент включенности молодежи в деятельность общественных молодежных организаций находится в пределах 2–10%, не более [1, 16].

Общественные организации действуют во всех районах Хабаровского края за исключением района им. П. Осипенко. Вообще в северной зоне региона, к которой относятся и район им. П. Осипенко, зафиксирован низкий уровень общественных инициатив. Так, в Николаевском районе действуют 3 детских и 8 молодежных организаций, в Охотском районе – 6 молодежных, в Тугуро-Чумиканском и Ульском – по 1 детской

организации. В итоге в северной зоне находятся всего 2% от всех действующих в крае детских организаций и 9,7% – молодежных. В то время как остальные 90% организаций сосредоточены в центральной зоне (куда входит второй по численности в крае город – Комсомольск-на-Амуре) и южной зоне (с региональным центром – городом Хабаровском) края. Такая неравномерность распределения общественных организаций, может быть объяснена малоосвоенностью северных территорий, затрудненностью транспортных сообщений (железнодорожный транспорт отсутствует, использование автотранспорта ограничено из-за отсутствия асфальтированных дорог, ведущим является воздушный транспорт, сезонным – водный), отсутствием или затрудненностью телефонных и электронных коммуникаций, ограниченностью кадровых ресурсов и пр. В результате в условиях социальной изоляции молодежь не получает импульса (информационного, финансового, идеологического) для проявления социальной активности. К тому же дисперсность расселения делает почти невозможным межпоселковые коммуникации.

В целом детское и молодежное общественное движение в крае можно охарактеризовать как монополизированное, разнообразное по направленности деятельности (профессиональная, творческая, спортивная, экологическая, военно-патриотическая, правозащитная, благотворительная и др.), разнообразное по формам и механизмам реализуемых программ и проектов.

Тенденция превалирования многопрофильных организаций связана с вариативностью потребностей детей и молодежи, которым «интересно все» и «хочется по всем себя попробовать, чтобы найти то, что нужно». Поэтому многопрофильные объединения предлагают участникам творческое, экологическое, краеведческое, спортивное, художественно-эстетическое, патриотическое и другие направления. Подавляющее большинство детских организаций ориентировано на школьное самоуправление, которое занимается также организацией школьных праздников, ведет шефскую работу, инициирует мероприятия социальной направленности (например, «Неделю добрых дел», акцию «Чистый поселок», конкурс «Самый классный класс» и др.). Многопрофильные детские и молодежные организации составляют около 50% от всех организаций края.

Стремление к участию в управлении, решению собственных проблем через членство в организациях проявляется не только на уровне средних общеобразовательных учреждений, но и в учреждениях профессионального образования. Студенты объединяются для общения, творчества, самовыражения и самопомощи, как, например, «Студенческий психологический клуб «Аспект» (Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет), «Центр молодежных инициатив педагогического училища коренных малочисленных народов Севера» (г. Николаевск-на-Амуре) или «Штаб студенческих отрядов Дальневосточного университета путей сообщения» (г. Хабаровск).

Актуальные проблемы Хабаровского края (сохранение традиционной культуры коренных народов, спасение р. Амур, тайги от загрязнения), а также общероссийские проблемы (профилактика молодежных девиаций, пропаганда самосохранительного поведения) задают вектор дальнейшего развития детского и молодежного общественного сектора. И в этом направлении уже предприняты первые шаги: созданы национальное молодежно-этнографическое объединение «Силакта» в г. Комсомольске-на-Амуре, детско-юношеское общественное объединение «Фольклорно-этнографическая мастерская «Эвэлэн» в районе им. С. Лазо, молодежное оздоровительно-досуговое объединение «Клуб молодой семьи «Современные родители» (Солнечный район), межрегиональная общественная организация «Страж тайги» и др.

Еще одной тенденцией сектора в крае стало укрупнение общественных организаций детей и молодежи. Это связано с профессионализацией деятельности, оказанием государственной поддержки крупным общественным организациям, координацией работы из регионального центра – г. Хабаровска. Хабаровск оказался ядром инициатив, сконцентрировавшим в себе около 25% всех общественных объединений детей и молодежи, в числе которых 7 организаций со статусом краевых объединений. Финансовые ресурсы оказались также сосредоточены в организациях, находящихся на территории Хабаровска. Из 9 детских и молодежных общественных организаций, пользующихся государственной поддержкой, 5 – находятся в г. Хабаровске. Региональный центр обладает информационными и кадровыми ресурсами, сосредоточенными в разнообразных консультативных органах при губернаторе края, правительстве, в высших профессиональных учебных заведениях, некоммерческих организациях с функциями ресурсных центров и пр. К примеру, Дальневосточной академией государственной службы были проведены социологические исследования «Специфика и проблемы состояния молодежного потенциала в Хабаровском крае» (2008 г.), исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы» (2007 г.), исследование «Общественные молодежные организации и молодежная политика в Хабаровском крае».

В результате краевые детские и молодежные общественные организации создают свои филиалы в различных районах края. Особенно много подразделений создано Хабаровским краевым молодежным общественным движением «Мой край» (в Бикинском, Ванинском, Верхнебуреинском, Николаевском, Советско-Гаванском, Ульчском, Нанайском районах и г. Комсомольске-на-Амуре). У краевой детской общественной организации «Федерации детских организаций Хабаровского края» есть городское отделение в г. Хабаровске, а у краевой молодежной общественной организации «Союз молодежи Хабаровского края» – в г. Амурске. Такое объединение, с одной стороны, дает возможность получать информацию, материально-технические ресурсы от головной организации, но, с другой стороны, заставляет филиалы придерживаться задаваемой стратегической линии. Для маленьких организаций – это возможность выживания, для больших – поддержание собственных позиций, укрепление авторитета в общественном и государственном секторах. К тому же большинство молодежных организаций не имеют статуса юридического лица, соответственно не могут претендовать на получение грантов, социальных заказов и пр. Из 144 молодежных общественных организаций в органах юстиции

зарегистрированы всего 27, в том числе 6 краевых организаций. Подобное нежелание юридического оформления своей деятельности связано как с прохождением самой процедуры регистрации (с подготовкой документов, заверением подписей учредителей в нотариальных конторах, уплатой регистрационного сбора), так и последующей процедурой отчетности перед налоговыми и иными контролирующими органами.

Ранее уже отмечалось рождение детских и молодежных организаций в рамках некоммерческих организаций. В крае наблюдается тенденция оказания «взрослыми» организациями детским и молодежным информационно-методической помощи. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края практикует для молодых людей из числа коренных народов школу молодого лидера. Автономная благотворительная некоммерческая организация «Дружина» работает над созданием ресурсного центра для молодежных организаций. Хабаровской краевой благотворительной общественной организацией «Зеленый дом» в рамках программы «Сообщества и альянсы на муниципальном уровне» осуществлена работа по подготовке сельского актива, в том числе из числа молодежи. Из 39 проектов Хабаровского края, осуществленных на первом этапе реализации программы «САМ», 29 – направлены на восстановление социальной инфраструктуры детства, воспитание детей и подростков, профилактику социально обусловленных заболеваний, поддержку социальных инициатив детей и молодежи, активизацию их потенциала.

В Хабаровском крае, как и в других субъектах РФ, началось движение молодежного парламентаризма – оформление молодежных консультативно-совещательных структур, действующих при органах законодательной и исполнительной власти. Общественные молодежные палаты, являющиеся добровольными, самоуправляемыми формированиями, созданными по инициативе молодых людей, действующих с соблюдением принципов выборности и легитимности, созданы при собраниях депутатов Верхнебуреинского, Солнечного и Хабаровского муниципальных районов.

По данным информационного реестра детских и молодежных общественных объединений Хабаровского края, распределение организаций по количественному составу участников выглядит следующим образом: 40,4 % организаций имеют от 10 до 50 участников; 16,5% – от 50 до 100; 22,1% – от 100 до 300; 9,5% – от 300 до 500; 7,2% – от 500 до 1000; 4,3% – свыше 1000 участников. Порог членства, установленный федеральным законодательством в 300 участников, и позволяющий организации рассчитывать на государственную поддержку, смогли преодолеть только 82 детские и молодежные общественные организации, т.е. 21,1% от всех объединений края. Также необходимо обратить внимание на то, что наряду с принципом фиксированного заявительного членства на практике увеличивается количество движений с ориентацией на участие в массовых акциях без выдачи участникам членских билетов.

Большинство организаций, действующих в крае, работают с социально благополучными категориями детей и молодежи. Региональный исследователь Ю.В. Березутский объясняет такое упущение социально реабилитационных возможностей сектора следующим образом: «У большинства общественных объединений, как показала практика, нет ни сил, ни методик, ни средств для работы с оступившимися юношами и девушками, с теми, кто попал в поле зрения правоохранительных органов, страдает алкогольной или наркотической зависимостью. С теми, кто попал в беду, работают по преимуществу правозащитные и религиозные организации. Однако деятельность союзов и ассоциаций по вовлечению молодежи в активную жизнь своих регионов – важная часть профилактики негативных процессов среди детей и подростков» [2, 20].

Социальная защита детства как функция общественных организаций

С целью выявления функций молодежных и детских общественных организаций в социальной защите детства нами был организован экспертный опрос лидеров общественного сектора г. Комсомольска-на-Амуре (декабрь 2008 г.). В нем приняли участие представители студенческой организации «Модель ООН на Дальнем Востоке», Комсомольского-на-Амуре отделения Хабаровского краевого молодежного общественного движения «Мой край», студенческого профсоюзного комитета АмГПУ, молодежного общественного объединения «Юность», молодежного общественного объединения «Клуб-студия «Не скучай», молодежной общественной организации «Содружество», городского студенческого совета и молодежной общественной организации «Комс@мол».

Опрос показал, что молодежный общественный сектор осуществляет социальную защиту детства, занимаясь нравственным воспитанием подрастающего поколения (как правило, «личным примером»); пропагандой здорового образа жизни; поддержкой детей из неблагополучных семей; раскрытием творческого потенциала детей группы риска, выявлением лидеров.

При этом сами участники определяют функции молодежных организаций в социальной защите детей следующим образом: воспитательная (морально-нравственное, патриотическое, эстетическое, правовое воспитание); активизирующая (формирование лидерских качеств, гражданской позиции); адаптационная (передача социального опыта); правозащитная; здоровьесохранительная (профилактика вредных привычек); развивающая (организации поисковой деятельности, творчество).

Из 9 вышеуказанных молодежных организаций 7 регулярно принимают участие в мероприятиях, связанных с защитой семьи и детства (сбор вещей и игрушек для детей из неблагополучных семей, проведение игровых и развивающих занятий с воспитанниками детских домов, организация походов, спортивных мероприятий, организация творческой деятельности).

В качестве наиболее острых социальных проблем детства участниками молодежных организаций были обозначены трудности нравственного воспитания; проблемы в общении (с учителями, сверстниками); девиантное поведение; сложности организации досуга.

Единодушно представители молодежных общественных организаций определили социальную защиту детства как защиту всех детей, без выделения особых категорий (инвалидов, сирот и т.д.). Тем самым респонденты обозначили уязвимое положение детства в современном обществе.

Среди мероприятий, направленных на повышение эффективности системы социальной защиты детства, были выделены следующие: расширение социальной инфраструктуры детства, привлечение общественных организаций (в т.ч. детских и молодежных) к социальной защите детства, развитие волонтерства.

Таким образом, молодежный общественный сектор содержит в себе значительный потенциал для социальной защиты детства, как ресурсный (добровольцы), так и творческий (новые методы, технологии работы с детьми). Детские общественные организации реализуют функцию социальной защиты путем вовлечения детей в решение собственных проблем, путем формирования социальных умений и навыков.

Для дальнейшего продвижения молодежных и детских общественных инициатив в крае необходимо создание пространства социального партнерства детских и молодежных общественных организаций и органов власти, а также коммерческих и некоммерческих организаций края. Партнерство с органами власти и НКО может развиваться по пути повышения квалификации общественных лидеров из числа детей и молодежи, разработки новых видов деятельности, проведения совместных акций, создания единого информационного пространства, совместной разработки и реализации социально значимых программ и проектов. А с бизнесом, кроме решения актуальной проблемы финансовой поддержки общественных организаций, может быть организован обмен опытом: общественные организации могли бы поучиться у бизнеса его деловитости, организованности, технологичности, а бизнес, в свою очередь, у общественных организаций – социальной ответственности, порядочности, альтруизму. Со СМИ лидерам общественного сектора необходимо планомерно проводить работу по позиционированию ценностей гражданственности, патриотизма, активной жизненной позиции.

Также важно усилить социально реабилитационную и социально-профилактическую функции общественных организаций посредством включения как можно большего числа детей и молодых людей группы риска. Необходима частичная переориентация общественных молодежных и детских организаций с осуществления рекреационно-развлекательной деятельности на проведение социально значимых мероприятий. Это создаст дополнительные возможности для формирования социальной компетентности и ответственности, а также перевода участника общественной организации из позиции объекта, вовлекающегося в разнообразную деятельность, в субъекта, продуцирующего новые идеи, формы работы. Деятельность молодежных общественных организаций должна ориентироваться на участие в формировании и реализации региональной молодежной политики, что будет гарантировать создание условий для более успешной социализации и самореализации молодежи.

Список литературы

1. Доклад о состоянии гражданского общества Российской Федерации // Аналитический сборник Общественной палаты Российской Федерации. М., 2006. С. 11–41.
2. Байков Н.М., Березутский Ю.В. Общественные молодежные организации как детерминирующий фактор самореализации молодежи. Хабаровск, 2008.

К.О. Вартамян, Е.А. Миронова

Самарский государственный университет, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Формирование культуры здоровья в современном обществе является сложным интегративным процессом. Решаться он должен медицинскими, фармацевтическими работниками, специалистами по социальной работе, психологами, валеологами, гигиенистами, юристами сообща. Одним из важных направлений является просветительская работа, которая может вестись в центрах информации, один из которых действует в Самаре.

Ключевые слова: культура здоровья, общественное здоровье, здоровьесберегающие технологии, здоровый образ жизни.

The formation of health culture in contemporary society is a complex integrated process. It should be done by physicians, pharmacutists, social workers, psychologists, valeologists, hygienists, and jurists together. One of the important areas here is education that can be performed in the centers of information. One such center works in Samara.

Key words: health culture, public health, healthy life-style, technologies of health keeping.

Замечательный писатель Отар Чиладзе в романе «И всякий кто встретится со мной» писал: «Цветок фасоли очень похож на человеческую мечту: и то и другое тянется вверх» [Цит. по: 1, 20]. Вот такой мечтой на протяжении всего существования человека и было желание здоровья и вечной молодости. И кто только не прилагал усилий для реализации этой мечты. Звездочеты пытались «обхитрить судьбу», предвидя опасность; чародеи – готовили эликсир бессмертия; сказочные персонажи – манили молодильными яблоками; алхимики уверяли, что находятся в шаге от получения «философского камня», не только превращающего в золото любые металлы, но и излечивающего все болезни и т.д. Но и сегодня это мечта остается «цветком фасоли»,

тянущимся вверх в надежде на вечное цветение. К сожалению, не существует тех «солнечных лучей», которые могли бы даровать человеку вечное здоровье, однако современные знания о факторах, влияющих на здоровье, позволяют сохранять его. Всестороннее изучение человека, его взаимоотношений с окружающим миром привели к пониманию, что здоровье – это не только отсутствие болезней, но и физическое, психическое и социальное благополучие человека. Здоровье – это капитал, данный нам не только природой от рождения, но и теми условиями, в которых мы живем [1].

Здоровье как часть культуры всегда входило в круг значимых задач общества. Культура здоровья в любом обществе – это часть видения обществом самого себя и его членов. Примерно 2500 лет назад Гиппократ учил, что состояние здоровья является доказательством того, что человек достиг состояния гармонии как внутри себя, так и со своим окружением, и все, что оказывает влияние на мозг, воздействует и на тело. В V в. до н.э. Перикл говорил о том, что здоровье – это состояние морального, психического и физического благополучия, которое дает человеку возможность стойко, не теряя самообладания, переносить любые жизненные невзгоды.

Современные статистические данные по вопросу здоровья молодежи в России малопривлекательны:

- физиологически здоровыми рождаются не более 14% детей;
- 25–35% детей, пришедших в 1-й класс школы, имеют физические недостатки;
- 90–92% выпускников средних школ находятся в «среднем» состоянии, т.е. имеют патологии в ремиссии;
- только 8–10% выпускников школ можно считать действительно здоровыми [2].

И это несмотря на успехи медицины в целом в вопросах терапии, реабилитации. Почему же тогда общественное здоровье оставляет желать лучшего?

«На протяжении многих десятилетий, – писал Д. Соколов, – у нас в стране проблемы здравоохранения решались и сейчас решаются не с позиций охраны здоровья людей, а с точки зрения лечения больного человека» [Цит. по: 2, 15]. Конечно, последним заниматься надо. Но надо понимать, что здесь тупик для медицины и государства. Вот почему проблематика охраны здоровья с правовой позиции, создание условий для ведения здорового образа жизни, укрепление моральных устоев в обществе, формирование гармонично развитого (физически и духовно) человека столь актуальна во всем мире. Особенно важно формирование значимости индивидуального и общественного здоровья в сознании молодежи.

Среди основных показателей качества жизни в США среди молодежи 70% мужчин и 85% женщин отметили физическое состояние человека, в Москве – лишь 55% мужчин и менее 60% женщин. Проведенные нами исследования по выявлению критериев качества жизни молодой семьи в Самаре показал, что здоровье как критерий качества жизни выделяют 62% мужей и 77% жен. У американских старшеклассников при ранжировании 17 жизненных ценностей здоровье заняло 1-е место, у московских школьников – 6-е, в Самаре – 4-е. Это говорит о необходимости формирования «массового спроса» на здоровье, практически отсутствующего в настоящее время, т.е. формирование престижности быть здоровым. Эта задача неразрешима без повышения культуры здоровья.

Культура здоровья – это комплексное понятие, которое включает теоретические знания о факторах, благоприятствующих здоровью, а также грамотное применение в повседневной жизни принципов активной стабилизации здоровья, то есть оздоровления. Культура здоровья человека отражает его гармоничность и целостность как личности, адекватность взаимодействия с окружающим миром и людьми, а также способность человека к творческому самовыражению и активной жизнедеятельности. Культура здоровья каждого человека формируется на основании следующих компонентов: когнитивного, эмоционального, волевого и коммуникативного.

Под *когнитивным компонентом* понимается познавательная деятельность личности, то есть насколько сам человек понимает «культуру здоровья».

Эмоциональный компонент культуры здоровья отражает уровень физического и социального благополучия, качество и удовлетворенность жизнью.

Коммуникативность также является важным компонентом культуры здоровья, так как она отражает адекватность взаимодействия человека с другими людьми и с окружающим миром. Коммуникативность зависит от разнообразных факторов: воспитания, опыта личности, а также ее культуры, ценностей, потребностей, интересов, установок, характера, темперамента, привычек, особенностей мышления. Коммуникативность отражает способность человека к самоконтролю и самокоррекции, а также его психологическое здоровье.

Даже обширные теоретические знания в области культуры здоровья недостаточны для формирования правильного поведения человека. Сознательное и активное отношение к сохранению и укреплению своего здоровья требует от человека определенных волевых качеств (самообладания, целеустремленности). Поэтому еще раз необходимо подчеркнуть важность *волевого компонента*, а также мотивации для формирования высокой культуры здоровья.

Формирование культуры здоровья в современном обществе является сложным интегративным процессом. Однако можно выделить следующие факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование культуры здоровья человека:

- социальные и культурные;
- педагогические;
- медико-физиологические.

Современный человек нуждается в специальных оздоровительных мероприятиях или применении систем оздоровления. Сегодня особенно актуально заложить в систему образования и воспитания молодого поколения такие компоненты, которые бы обеспечивали их здоровьесберегающую деятельность. В 2002 г. со-

трудниками СПбГУ была разработана программа дисциплины «Культура здоровья» [3]. Возможно, назрела необходимость обязательного изучения данной дисциплины при получении степени бакалавра. Анализ анкетных данных абитуриентов самарских вузов показал, что знают, что такое здоровье человека – 40% респондентов, имеют четкое представление о гигиене – 61,2%, ведут здоровый образ жизни и считают, что могут быть примером для других – 12,4%, знают свою группу здоровья – 11%.

Одной из важных задач в формировании культуры здоровья молодежи является просветительская деятельность. С этой целью шесть лет назад в Самаре был создан центр информации для женщин «ВИАДЕС», который ставил перед собой ряд задач:

- предоставлять информацию о здоровом образе жизни с позиций современной науки;
- иметь возможность общения со специалистами в неформальной обстановке;
- обсуждать психологические проблемы современности как со специалистами, так и между собой.

Занятия в центре посещают женщины разных возрастов, образования, социального статуса и семейного положения. Сегодня половину из них составляют молодые женщины до 35 лет. Занятия проводят кандидаты, доктора наук, специалисты с большим опытом работы. Основные темы занятий следующие: рациональное питание, искусство межличностного общения, различие мужского и женского психотипов, фитотерапия и домашняя аптечка из лекарственного растительного сырья, музыкотерапия и ее возможности, приправы и их роль в питании, режим дня и дневник самоконтроля, факторы, влияющие на психическое здоровье и др. На базе центра различными специалистами разработана программа «Культура здоровья молодежи как основа жизни». Основные направления формирования культуры здоровья:

- выработка установки на сохранение, поддержание и укрепление собственного здоровья; определение своего отношения к собственному здоровью (как к долгу или как к своему личному делу); обеспечение устойчивого интереса и грамотности в вопросах здоровья;
- формирование «здорового» мышления; мотивации ведения здорового образа жизни (в широком смысле); эмоционально-волевого и ценностного отношения к себе и всему окружающему, здоровью, культуре, жизни и т.д.;
- воспитание интеллектуальной свободы личности, ответственности за свою жизнедеятельность;
- выработка активной жизненной позиции, позитивного мышления, навыка саморегуляции и рефлексивной деятельности.

В соответствии с приказами Министерства здравоохранения РФ пропаганда здорового образа жизни как основы культуры здоровья является обязанностью каждого медицинского работника. Право личности на охрану здоровья должно осуществляться по всем направлениям всех составляющих здоровья медицинскими, фармацевтическими работниками, специалистами по социальной работе, психологами, валеологами, гигиенистами, юристами сообща. В противном случае получается хождение в лабиринте, где каждый знает, что есть выход, однако, решая лишь свои узкие проблемы, неизбежно натывается на стену. Посредником же и организатором в вопросах комплексного подхода защиты здоровья, формирования культуры здоровья, скорее всего, могут выступить социальные службы.

Список литературы

1. *Вартанян К.О.* Охрана здоровья в системе социально-медицинской работы: Метод. рекомендации для студ. Самара, 2007.
2. *Гата А.С.* Пути достижения стабилизации состояния здоровья населения России // Здравоохранение. 2007. № 1.
3. *Загорюлько А.М.* Проблемы социально-экономических трансформаций здравоохранения в России и формирования механизма повышения эффективности и качества медицинских услуг. СПб., 2006.

В.Е. Петров

Новгородский государственный университет, Россия

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

В статье анализируются современные практики молодежного событийного туризма в контексте их влияния на механизмы социальной интеграции включенных в них индивидов и особенности формируемого посредством данных практик глубинного экзистенциального и социокультурного опыта.

Ключевые слова: молодежный туризм, праздность; праздный опыт; экзистенциальный опыт; депривация.

One of the topics analyzed in this article is the modern practice of youth tourism in the context of its dependence on the mechanisms of social integration of the included individuals and the peculiarities of underlying existential and sociocultural experience which is formed by means of such practices.

Key words: youth tourism, idleness, idle experience; existential experience, deprivation.

В современном мире, несмотря на огромное многообразие способов и средств получения информации, образования и опыта, зачастую, особенно в среде активной части общества и в первую очередь учащейся молодежи, ощущается острый дефицит действительно новых, выходящих за рамки повседневного восприятия,

впечатлений и переживаний. Традиционные социальные институты, в том числе и система обучения в школе, колледже и вузе, предлагает крайне узкий спектр видов учебной и практической деятельности, основанный на цикличности событий и консерватизме, что способствует низкой эффективности в передаче и производстве новых знаний и компетенций среди учащихся и студентов. Даже система дополнительного образования и воспитания в образовательных учреждениях не всегда предлагает то, что востребовано современными молодыми людьми. На наш взгляд, одной из самых результативных форм повышения качества образования, личностного и профессионального развития учащейся молодежи может являться особый, специфический вид досуга – молодежный туризм.

В рамках нашего исследовательского проекта мы рассматриваем как фундаментальные для личности аспекты подобных практик (экзистенциальные переживания, формируемый глубинный телесный опыт, мировоззренческие и аксиологические аспекты и т.д.), так и социально-прикладные результаты подобной деятельности в образовании и социальной интеграции молодежи. В более широком смысле исследование нацелено на изучение онтологии праздного опыта (каковым является и туризм) и осмысление воздействия подобного опыта на глубинные личностные и внешние социальные процессы вовлеченных в соответствующие практики лиц и сообществ (молодежи, социальных элит и других групп). Настоящая научная программа осуществляется автором-аспирантом в рамках подготовки кандидатской диссертации по специальности 09.00.11 («Социальная философия»), но охватывает более широкие цели и задачи (научные, научно-методические, учебно-методические и др.). Как отражение актуальности, исследовательский проект осуществляется в сотрудничестве с учебно-методической лабораторией философского факультета НовГУ «Берестяная грамота» и кафедрой истории философии и логики, реализуясь как в форме научных исследований, так и в апробации полученных изысканий – практической работе со студентами и аспирантами (организация экскурсий, информационная поддержка о существующих возможностях молодежного туризма).

Традиционно полагается, что любое проявление праздности – однозначно негативное социальное явление, разрушающее личность и отрицательно воздействующее на ближайшее социальное окружение вовлеченных в праздные практики индивидов. Однако историко-философская и культурологическая традиция, вкупе с результатами и опытом других направлений интеллектуальной и практической деятельности свидетельствуют о бинарной, антиномичной природе праздности, как возможного фактора не только депривации, но и элитизации, т.е. духовного, интеллектуального, профессионального роста личности. В отношении молодежного туризма депривационный сценарий маловероятен, зато общий кумулятивный положительный эффект очевиден. Впервые необходимость и значимость специальных путешествий для молодежи была научно обоснована выдающимся российским ученым-медиевистом, профессором Санкт-Петербургского университета Иваном Михайловичем Гревсом (1860–1941), который не только путешествовал сам, особенно в молодости, и изучал опыт других путешественников, но и организовывал продолжительные зарубежные поездки-экскурсии для своих студентов [1]. Иван Михайлович был первым теоретиком-экскурсионистом и практиком-организатором студенческих туров, а также вдохновителем целой плеяды последователей среди учительской общественности XIX – начала XX веков.

К сожалению, в современной России студенческий и молодежный туризм представлен крайне слабо как в образовательных учреждениях, так и в сфере коммерческих, рыночных предложений, что существенно разнится с ситуацией в западных странах, где путешествия учащихся и студентов – неотъемлемая часть учебного процесса и широкая ниша в коммерческом туристическом секторе. Так, для успешного написания и защиты дипломной работы (проекта) любой студент крупного университета, как правило, посещает те страны и регионы, которые имеют отношение к избранной им научной тематике, и проводит там соответствующие исследования [2]. Существенно отстает и отечественная наука: исследований соответствующих туристских и молодежных практик почти нет, а имеющиеся носят разрозненный характер. Из современных российских интерпретаций молодежного туризма можно выделить философско-антропологическую концепцию С.П. Гурина [3]. По его мысли, студенческий и молодежный туризм соответствует тому социально-возрастному периоду, «когда молодые люди максимально склонны к риску и авантюрам, путешествиям и приключениям, антропологическим экспериментам и испытаниям своей судьбы. [...] Основным его условием является непредсказуемость событий и негарантированность последствий». Такой туризм – это, по словам С.П. Гурина, отчасти внерелигиозное паломничество (по примеру путешествий автостопом у хиппи), но вполне мистическое по своим целям и задачам. Эта концепция подчеркивает экзистенциальную направленность молодежного туризма, как формы производства необходимого социально-духовного опыта.

Учитывая, что большая часть активной молодежи – учащиеся и студенты, следует признать практики молодежного туризма, даже если они происходят вне организации и контроля учебных учреждений и социальных институтов, в качестве важнейшего фактора социализации и личностного самоопределения представителей молодежи, поэтому изучение этой сферы деятельности и досуга необходимо в первую очередь работникам высшей школы. Таким образом, основной целью нашего исследования является систематизация и осмысление опыта молодежных туристических практик во всем многообразии их проявлений и изучение возможностей использования таких практик и опыта в образовательном процессе, внеучебной работе с молодежью как механизме социальной адаптации и пресечения негативных жизненных сценариев молодых людей.

В качестве основных методов исследования применяется источниковедческий анализ, т.е. систематизация и изучение накопленного научного и практического опыта по научной и философской литературе, публицистическим материалам, методическим и педагогическим разработкам, опыту самостоятельных путешествий у субкультурных молодежных сообществ (хиппи, дауншифтеры и др.), в том числе по заметкам на

интернет-ресурсах и форумах, а также включенное наблюдение как эмпирический метод. Например, на основе интернет-отзывов и статей о молодежном курорте «Республика KaZантип» в Крыму, а также на основе собственных впечатлений автора после посещения этого центра молодежного туризма была опубликована научная статья [4] (первая в своем роде) о феномене данного фестиваля и курорта. Наличие других многочисленных ресурсов для научного анализа изучаемого предмета (документальные и художественные фильмы о молодежных путешествиях, телерепортажи и программы, художественная и мемуарная литература и т.д.) позволяет иметь достаточную «сырьевую» базу для дальнейших научных и философских исследований практик молодежного туризма.

Также стоит отметить, что в последние годы на первый план выходит такая разновидность молодежного туризма, как «событийный туризм», т.е. целенаправленные, чаще всего самостоятельные (без посредничества турфирм и сторонних организаций) путешествия для участия в определенных культурных мероприятиях, несущих уникальный характер, то есть присущих только данному «месту» (крупнейший музыкальный фестиваль, этно-национальный праздник, например, Бразильский и Венецианский карнавалы; крупные международные форумы и т.д.). Главной особенностью такого туризма является то, что подобный опыт – это не только новые знания, но, в первую очередь, пережитые телесно новые чувственные ощущения, позитивные эмоции, сопричастность к иным социальным пространствам.

Важно отметить, что, отправляясь в «событийное» путешествие, туристы тем самым на практике оптимально сочетают все остальные компоненты туризма и отдыха – культурно-познавательную, рекреационно-оздоровительную, возможно, деловую деятельность. При посещении иной страны или региона для наблюдения или участия в определенном событии, путешествующий человек имеет возможность и для самых стандартных процедур в рамках туризма – посещения музеев, исторических или природных памятников (тем более что многие культурные события и происходят в подобных пространствах), знакомства с культурой данной местности, общения и установления длительных (деловых или дружеских) связей с новыми людьми и, наконец, преодоления личностного и социального отчуждения, которое неизбежно возникает в обычной, повседневной жизни. Вполне возможно, что путешествие на событийное мероприятие – это уникальная возможность посетить те места, где человек при обычных условиях никогда бы не побывал. Таким образом, праздный досуг, проявлениями которого являются событийные виды туризма, способствует личностному, культурному и социальному росту человека, разрушению институциональных и мировоззренческих социальных стереотипов.

Еще одним важным и привлекательным аспектом молодежных путешествий является широко распространенная в мире практика недорогого приема молодежи в специализированных студенческих и молодежных гостиницах – хостелах. Исключительность хостела перед традиционной гостиницей состоит не только в более низкой стоимости проживания и малочисленном наполнении, но и в специализированной организации под возрастные и социальные потребности молодежи – возможности непринужденного общения с молодыми людьми из других городов и стран, «клубная» атмосфера, информационная, бытовая и визовая поддержка. Международная сеть молодежных хостелов широко распространена в европейских странах, они есть почти в любом городе, поселиться в них удобно в любое время, особенно в «высокий сезон», когда даже дорогие отели перегружены. В некоторых молодежных хостелах Европы малоимущие путешественники могут расплатиться за ночлег, потратив несколько часов на уборке помещений и хозяйственных работах [5]. Некоторые хостелы аффилированы и находятся в тесном взаимодействии, иногда под одной крышей, с различными заведениями культурно-досуговой или научной направленности – центрами современного искусства, университетами, молодежными клубами. При этом такие гостиничные организации полностью соответствуют законодательству, а санитарным нормам следуют жестче, чем традиционные дорогие отели. Все эти возможности хостелов позволяют организовать максимально насыщенное путешествие с небольшим бюджетом, получить яркие впечатления и завязать новые знакомства. К сожалению, в России в настоящий момент сеть хостелов развита крайне слабо и представлена в небольшом числе лишь в некоторых крупных городах.

Таким образом, туристический социальный опыт молодежных путешествий рассматривается нами в качестве вида культурного капитала, крайне ликвидного при использовании в качестве средства личностного и профессионального роста и позволяющего иметь значительные преимущества при дальнейшей самореализации.

Данный опыт может формироваться и воспроизводиться целенаправленно, в организованной среде учебных заведений (что подразумевает не навязанную практику, а максимальную творческую самоактуализацию личности, создание наиболее комфортных условий для образования и социализации), а также выступать в качестве протестной и/или эскапистской стратегии социально активных групп (вспомним сообщества битников и хиппи, дауншифтеров и т.д.). В этом случае праздный опыт путешествий выступает внешним фактором по отношению к институту образования, но он может и должен использоваться для решения актуальных социальных проблем молодежи и общества.

В современной педагогической деятельности элементы молодежного туризма могут применяться и так или иначе используются, но пока не столь широко, как на Западе. Так, учебные экскурсии, выездные учебно-научные практики, другие возможные формы путешествий проявляются как формы праздничного и свободного общения между самими учащимися, учащимися и преподавателем, способствуют закреплению полученных знаний и инициируют проявление заинтересованного отношения к учебному материалу. Таким образом преодолевается социальное и коллективное отчуждение, активизируется духовный, интеллектуальный и нравственный поиск, расширяются антропологические и социальные границы, стимулируется студенческая актив-

ность и мобильность. Поэтому одна из основных задач настоящего исследовательского проекта – изучение и продвижение подобных методов практической деятельности в ходе учебного процесса (особенно, в высшей школе), в учете таких факторов в ходе реализации молодежной политики, в социальной работе с детьми и молодежью.

Список литературы

1. *Лычко А.* Концепция экскурсий И.М. Гревса. [Электронный ресурс]. URL: <http://kogni.narod.ru/lychko.htm> (дата обращения: 03.02.10).
2. *Эко У.* Как написать дипломную работу. СПб., 2006.
3. *Гурин С.П.* Маргинальная антропология. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zipsites.ru/books/marg_antropologiya/ (дата обращения: 03.02.10).
4. *Петров В.Е.* Молодежный курорт «Республика «КаЗантип»»: воплощение земного рая или «пир во время чумы»? // Берестень: Филос.-культурол. альманах / Редкол. М.Н. Громов, А.П. Донченко, К.Ф. Завершинский, С.Г. Кара-Мурза, С.А. Маленко, Б.В. Марков, А.Г. Некита, Р.В. Светлов, Э.Ю. Соловьев; НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2009. № 1(3).
5. *Ляпоров В.* Приют. Молодежный хостел как бизнес-модель. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-magazine.ru/ideas/startups/pub110539> (дата обращения: 03.02.10).

IX. ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

O.A. Morcan

The Western University of „Vasile Goldiș”, Faculty of Social Work, România

E. Ban

Child Right Protection, România

CAUSES AND EFFECTS REGARDING THE JUVENILE DELINQUENCY. INTERVENTION PROJECT ARAD. DELINQUENCY SERVICE

The present work paper is proposing it's self to present a succinct form, an image of the fact of juvenile delinquency in the Romanian system.

The rising tendency of juvenile delinquencies in Romania represents a problematic and acute aspect of which effects must not be ignored by the specialists in this field.

By knowing the factors which lead the juvenile deliquesces we considered that this should represent the starting point in reducing this phenomenon. Regarding the phenomenon of juvenile delinquencies the specialty literature from our country and also from all over the world, contain a lot of polemics.

In this way through this paper work we tried to underline the aspects which are truly valid regarding the phenomenon of juvenile delinquencies in a theoretical way, but we also wanted to bring a ray of light to highlight the factors of bio-psycho-socio-cultural which are staying at the base of juvenile deliquesces establish in this way the plan of specialized intervention from social work point of view for this specific category of clients.

Key words: juvenile delinquency, social reintegration, causes, effects.

Precepts of deflection, delinquency and juvenile delinquency [1]

The word delinquency has its origin in Latin language and it means „to be your fault”, „to make mistakes”.

The word deflection emerged in American sociology at the end of 50', replacing the precepts of pathology or social disorganization. The precept of delinquency allows to reconsider different types of behaviors, some of them being considered delicts, for example the precepts of hyper conformism, marginalization and rebellion. As a phenomena of violation any rules, deflection has either a „moral aspect or a penal one”. It may take different directions putting the youngsters in the position of social maladjusted, nonconformist and delinquency.

Being an undesired behavior, juvenile delinquency represents most complex phenomena which defines all the behaviors that are in conflict with the values system of penal standard. The escape, getaway behavior is being punished by the authorities because is considered „vagrancy” and in many cases is considered a normal behavior connected with family misunderstandings, or the attraction for adventure witch is specific for the teenagers. There is no connection between the criminal estate of the adult and the youngster because its acts are not committed due to some antisocial motivations but because of some educational errors.

These types of behaviors (physic violence, nonconformist attitude, indiscipline, bad language), are note always considered crimes by the authorities, but behaviours against the moral regulations. These behaviors represent ways of acting aggressively, to reject and disconsider the authority of the adult.

The deflection with moral aspect is specific for the teenagers with puberty issues, who have a weak capacity to respect the societies' moral rules because of the familiar climate and bad education. Among these characters are the pupils who have poor results in school and have negative attitude towards teachers, mates and parents and they random participate to educational activities. These types of behaviors represent predelinquent acts in the situation when we can talk about gradually going from a deflected behavior to a criminal behavior. The operational aspect of the precept „predelinquency” is real only when the teenagers' behavior is in conflict with the penal law.

Juvenile delinquency appears as a consequence of disorders in family, social life and school. A teenager with defective behavior is in fact a victim of the social environment.

As a conclusion we can say that delinquency refers only to behavior that is against the law and not every type of deflected behavior.

Psychological aspects regarding juvenile delinquency

If we consider the social stratification that occurred in Romania the transition made some important changes regarding relationships, values and social attitudes. A big generation of teenagers and young adults contributed to the huge increase of juvenile delinquency before and after the year 1990, process that had continued for the whole last decade [2].

The collapse of socialism in Romania raised high hopes among Romanian youngsters but has also left a shadow of a doubt regarding the law and order for the future. At the end of 1980' the juvenile delinquency raised so much in an environment that could not fulfill teenagers' basic needs and the unrevealed unemployment was showing up. Some surveys estimate the rate of unemployment to 4,5%. The consequence of this process was that a huge increase of poverty appeared among certain segments of population. It was obviously a new poverty generated by economical crisis that begun before the socialist era and continued after 1989. According to some surveys over the families budgets it was estimated that 3,7% Romanians were still poor in 1998, even though other analysis suggest a percent of 6%. If in 1989 the minimum wage was 65,3% of medium wage, in 1997 it decreased to 28,7. In the socialist era, the minimum wage was kept to a relatively high level, and the cost for the food was artificially low in order to prevent the poverty and to assure a decent way of living for all the citizens. The graduates or the ones who leave a state institution will not any longer get a place to work or a social help. The minimum age for a teenager to be hired is 16 years [3], but the children can start working at the age of 14 years if they have the approval of their parents or tutors"depending on their physique, aptitudes and knowledge". Children under 16 who work have the right to continue their studies and the law makes the employers to help them in this way. The Constitution though prohibits the exploitation of the children (in conditions of captivity) and the government impose, generally, to respect this thing. But is being admitted that the trading with children has become a problem in Romania. The trading with young girls who were forced to prostitute is still being a problem even though there is little information in this case. The first ten years of transition in Romania, from 1989 to 1999, brought important changes or teenagers and young adults at every social stratifications value.. The working capacity in Romania didn't have anymore the same faith, more often only the most active persons managed to take advantages of the new opportunities. A lower life standard with the decreasing of the incomes resulted in a poverty that was in correlation with the increased delinquency in general and juvenile delinquency in particular.

After 1990 the education level became unequal. Even though the percent of youngsters with university education increased significantly, the percent of those from high schools and professional schools decreased. The relatively high percent of education and preparation represents high scores for their integrity and mobility in a modern society. The statistics say that the higher percent of minors that are in Romanian jails is made of the teenagers that had no access to education. Among these ones the ethnic minorities have the lower level of education, most of them don't even know how to read, write and count. The reduction of investments under the limit in education in the last decades of the XX century it's an important factor which will negatively affect the economical and social development in the future [4].

The lack of preparation, work places and social labor conscription will strengthen the motivation already high for infringements of youngsters who belong to minorities and have poor economical chances. Not having a good infrastructure it is expected that juvenile delinquency will increase in urban and rural environments and the conventional social control methods will no longer have any effects.

The politics until 1989 was a singular measure in the socialist system but without any intentions it would also create new levels of delinquency and deflected behavior amongst minors and teenagers. This made even more difficult to deal with social and economical difficulties and made worst the poverty and the lowest segments of Romanian population functionality. That being the situation in which the abortion and other modern methods of contraception were considered a penal law-breaking, some poor persons gave up to any attempt to plan and control their private life, especially to plan their family life. The consequence was the unequal increasing of number of children. In the lowest segments the number of pregnancies raised almost to the natural limit, while the wealthy families managed to find contraception methods, usually against the law. This increasing without precedent of the pregnancies among the poor population became an important factor for the increased poverty, family violence and juvenile delinquency.

In many books the term „*psychological profile*” of the minor delinquent, was discussed, in this way I will present the most significant characteristics [5];

- a. Disposition for aggression (latent or manifested, often based on hostility, denial of accepted values);
- b. Emotional instability, generated by educational lacks);
- c. Social inadequacy, which results from the rapidness of insecurity feelings that he wants to suppress.

The prominence of psychological characteristics those are specific to the minor delinquent are very important for organizing the curative activity, which must rehabilitate the person. Educational influences, reeducation and rehabilitation must go deep into the personality of the young delinquent.

So as adult delinquents, juvenile delinquents can be classified according to some criteria *(reference in The Penal Code):

- a. The presence and the absence of intention: delinquent spontaneous – delivered acts, premeditated acts, and the absence of intention;
- b. The number of delinquencies produced: the first delinquency, more delinquencies (relapse);
- c. The degree of psyche normality: normal, abnormal (mentally ill);
- d. The degree of responsibility: perfectly responsible, low intellect, intoxication, psychological disorder;
- e. The motivation for delinquency:

- Mainly extrinsic – the main interest is to achieve some previous targeted goals; for example the possession of certain goods;
- Mainly intrinsic – the main interest is oriented to the aspects of antisocial activities content
- In order to understand the historical and nowadays causes of juvenile delinquency I think it's necessary, as well an introduction in theoretical and practical university professional courses for the universities that prepare social

workers, inspectors for placing the children into families and any other universities and mates that study the same field. These should include:

- The preparation of prosecution and social investigation reports materials;
- Methods to prevent delinquency among children who are not anymore in a home likeness environment;
- Methods to protect the children and teenagers against abuses, exploitation and casualty;
- Bringing up some national standards regarding the treatment for the minors and teenagers who are in preventive imprisonment [6].

Causes for juvenile delinquency [7]

a) Domestic disorders – source of juvenile delinquency

The well being and understanding climate between parents has a great impact on the teenager harmonious development. Not having the same opinion regarding the disciplinary methods and the educational punishments create confusion among the parents and perturb the children in understanding and obeying the discipline, certain rules.

The parents conversed positions regarding to what children are allowed or not allowed to do may create unbalance for the child if they last for a long time and as a result may lead to predisposition for delinquency.

Domestic conflictual climate. The parent's role to be a model for their children, including the children imitation acts, imposes some exigent measures regarding behavior and language. There are families which even though are "well-organized" they have a tensioned environment in their family, and these conflict states may be generate by different causes and may have different intensities.

So, the tension in a family, may have different shapes from simple format such as quarrel, sharp contradictions, the refuse of some domestic duties to a more complex format such as: physical aggression, relegation from home, the existence of adulterine relationships.

Disordered family. We don't have to consider the disorder of a family as a factor of juvenile delinquency, only when disorders regarding the education of the child appear. The educational lacks in these kind of families shows up as insufficient or disparity socialization.

Finding out a correlation between a disordered divorced family and the child perturbation of behavior represent an assiduous studied theme.

When a couple gets divorced or lives in concubinage an insecure climate is being created which can lead to social mismatches and delinquency.

b) The influence of school mismatch over delinquency

The prominence of moral conscience building-up, has a huge causal complexity which is not exhausted at the family level. The school lacking of affective character which is specific to domestic environment is very often very formal.

Very often the teachers lose of sight in the educational methods they are using the common characteristics for an age category and distinct personalities. The discriminating treatments for the "problem children" and for the children coming from disorder families who have deflective tendencies in their behavior need constant and competent interventions. The approach must not be done at the "problem children" level but as an educational issue which requires specialized persons in social security and by no means this issue to be conveniently transferred from one school to another.

The teachers must adapt not only to the content of the school but also to the individual reality in order not to tell the children with problems in their behavior that they are not able to be taught and to put a label on them. They must as well avoid the social treatment, to consider the problem of social integration, the appreciation of teenagers' moral behavior, ignoring their creative potential.

c) The groups delinquency delictogene-factor importance

The group factors complete the domestic and scholastic influences and participate to the formation of the teenagers' personality. A remarkable thing is the fact that the big majority of infringements made by minors and teenagers take place in groups of more than one. The big majority of these minors and teenagers come from disordered families, not being looked after and sufficiently guided by their parents, having big social, educational and moral lacks.

The delinquents groups have also slow-witted persons, with limited intellect being also very susceptible. In groups the delinquents search for a higher respect from the others, a higher power to fulfill their ego.

As a variant to the "delinquent subcultures", who tries to explain juvenile delinquency as a result of something you learn, is the groups theory from the edge of the street or the society at the corner of the street. This theory shows that when are young the teenagers establish friendship and social relationships. They are grouped after their school, classes, neighborhood, and street. The association and participation to the groups activity is an important way of socialization because youngsters' attitude is ambivalent: obedient and rebellious. They need to be acknowledged, respected and stimulated by the others of the same age, entering into one group must give them the confidence and the right climate to put in application their wishes and aspirations. They get the language, the way of being and acting, values and specific norms from the group.

Some groups have a distant position, and they are known as being aggressive, violent and are characterized by social and individual dissatisfaction.

Social security interventions methods and techniques in reeducation services. Intervention model for juvenile delinquency in Romania services

The specialty literature underlines the fact that with the help of techniques the possibility of committing anti-social acts decreases and with the help of individualized techniques such as case studies “casework”, they will be able to internalize their universally accepted values in order to guide their behavior [8].

The method that managed to be the greatest one in casework for decades, considered for more than once „the practice essence” in casework is the case study work. The other two methods are: group work and the work in community.

A definition for casework which includes the personality elements and the social forces is the one which defines it as an art where the knowledge about the dynamics of behavior and the skill to connect are used to mobilize the persons capacities and the communities resources that helps the person to integrate into the social environment.

Referring to case study, such as the specialty literature stipulates, I consider that the case study represents a complex process that helps the person to have the most efficient and appropriate behavior for the social environment he lives in. So in this case the person is the most significant one knowing that no matter how many similarities would be between two persons situation, every problem, such as every person is unique and must have a unique direction to solve it. It is well known by specialists the fact that a method that has good results for one person may be inefficacy for another. The specialists consider that one of the most important task for the person who practice the casework technique is to adjust its intervention methods and techniques to the clients “particular” needs.

It has been long discussed and a lot of studies have been made regarding the efficiency of this method, the criteria to evaluate the efficiency. For the moment being the casework is a basic method for working with delinquent persons even though many social, residential programs are using the group work.

It is considered that this method is the most efficient when the client has psychological problems such as: interpersonal problems, family problems, depressions, anxiety, lack of trust in itself, scrambled perception about itself and the others. In all of these cases is not enough for the client to have these types of problems he must be or become aware of them and to be motivated to get some help.

In the specialty literature, under “punishment vs. treatment” collocation, can be found lots of points of view regarding the relationship between the two aspects of social response to the one that commits the infringement and the theory that describes the treatment.

From the casework point of view “the treatment” is not only psychotherapy. The intervention in casework also includes the so said social therapies. To make them work are required specific skills for casework and some methodological models specific to this area of study. The most used model is „*problem-solving*” model.

The social services that are designed to protect the child who committed a crime and cannot be held responsible for it are assured by Social Services and Child Protection Institution. Specialized services designed for the protection of the child who committed a crime and cannot be held responsible for it are the ones from art 107 paragraph (1) Law nr. 272/2004 regarding children rights protection and promotion.

In Arad it exists the Service for evaluation and taking care of the child who commits criminal acts and cannot be held responsible for it, service that is included in Social Services and Child Protection Institution Arad [9].

In order to reach the objectives set on mind the Service for evaluation and taking care of the child who commits criminal acts and cannot be held responsible for it works with the Orientation, Surveillance and Social Integration support for the delinquent children Department from Arad where if needed the children and the minors that are in their evidence, according to the legal decision taken by the committee for child protection can live and be taken care of.

General objective

To prevent the children who commits criminal acts and cannot be held responsible for it predelinquent and delinquent behavior.

Specific Objectives:

- The minors number reduction for the ones who commit an infringement for the first time and repeat committing the acts that are in the penal law
- Parent-child relationship consolidation through actions in which the parents (tutors) will involve
- School desertion and absentee rate

In this way we have to say that in the Orientation, Surveillance and Social Integration support for the delinquent children Department from Arad the child gets assistance, support, surveillance and guidance in order to achieve the general objective, but it also involves social control (in cooperation with other institutes) in order to prevent and disprove the minors deflective behaviors [10].

Target-group

The evaluation service for the child who commits criminal acts and cannot be held responsible for it has as **target group** [11]:

- The children who committed a criminal act and cannot be held responsible for it;
- The natural, extended or substitutive family for a child who committed a criminal act and cannot be held responsible for it;
- Other legal agent of the child who committed a criminal acts and cannot be held responsible for it;
- Local community that integrates the children who committed criminal acts

Direct incumbents selected from the target group, after the initial evaluation, taking into account the following:

- a) The parents and institutions requests;
- b) The services and social center capacity;
- c) The commitment incumbents/legal agents make to respect the input services contract;

In which concerns the activity that takes place in the above mentioned institute I want to mention that I have studied the statistics from 2005 to 2009 inclusive.

The situation of the children who are in evidence of Evaluation and taking care of the children who committed a criminal act and cannot be held responsible for it Institute is in the table:

05	TOTAL CASES	KEPT IN SOCIAL CENTER	KEPT IN FAMILY	CHILDREN WITH PENAL FILE	PREDELINQUENT BEHAVIOUR CHILDREN	M	F
	253	84	169	122	131	159	94
06	419	15	404	303	116	354	65
07	178	6	172	131	47	141	37
08	115	6	109	68	47	85	30
09	148	4	144	71	77	103	45

Source: DGASPC ARAD www.dgaspc-arad.ro/, 01.09.2010

The incumbents that are in the evidence of Evaluation and taking care of the children who committed a criminal act and cannot be held responsible for it are children under 18. Over the last 5 years the study took place the majority of children are aged between 13 and 16 fact that strengthen the theory that says the adolescence is the most difficult and danger exposed period.

At a first sight we can notice that the average age for the children that are in the social service evidence during 2005–2009 is 22,6 children/year, fact that tells us the amount of work is very high if we take into consideration the complexity of investigations and social interventions, and this can lead to a service quality decrease.

In which concerns the children with penal files I would like to underline the fact that they were judged for infringements as: qualified theft, prostitution (girls), robbery, rape or other violent acts.

The children with a predelinquent behavior were taken into the evidence of the social institute because of the: absence at school, defective behavior, running away from home, physical and verbal aggression at home and at school.

Conclusions and suggestions

Making a suitable intervention plan for these minors, appears to be a problematic issue as we can notice from this study the predelinquent behaviors represents the commune display of a variety of factors: psychological, educational, social cultural, economical factors, this is the reason why I consider that in the reintegration activity for the young delinquents we need to make individual intervention programs.

This is way we consider that an intervention made in the social support plan that would implicate more professions such as: social assistant, psychologist, jurist, teachers, professors, colleagues and most important the family, any recuperation and correction program for this kind of wrong acquired behaviors might prove to register a low performance and this is why I think an intervention at an integrated level is needed.

Areas of intervention and desired actions. General Objectives	
<p>Child Protection</p> <p>– The Arad town hall team ONG – profile</p>	<ol style="list-style-type: none"> i. Getting over the crisis situation and making sure the child rights are respected; ii. Helping and encouraging the youngster to maintain the relationship with the parents, relatives and other persons attached to the child; iii. Teenagers situation reevaluation every three months or as often as needed; iv. Respecting the private life and the confidentiality of identity dates by the employees D.G.A.S.P.C v. The parent-child relationship consolidation by parents implication activities. vi. Attachment relationships development into the family; vii. The team assistance for the teenagers who have difficulties to adapt in the family or society by individual or group advisory programs;
<p>Formal/Non-formal Education</p> <p>The Arad town hall team ONG – profile</p>	<ol style="list-style-type: none"> i. Collaboration with the School County Inspectorate to put again in schools the minors that abandoned it and to literate the minors that have no education; ii. Socializing and preparation activities of the youngsters for the independent life; iii. Collaboration with cultural institutions; iv. Making a easy access to different events (cultural, artistic, sport); v. Periodical visits at minors home, discussions with the parents in order to improve their relationships; vi. Making the youngsters attend therapy activities; vii. Making the parents responsible for their rights and duties;

Areas of intervention and desired actions. General Objectives	
Rehabilitation (big number of absences, conduct low grades) Rehabilitation can also mean the health estate, delinquency, reinstatement of parental rights The Arad town hall team ONG – profile Others (ensuring the conditions for life)	<ul style="list-style-type: none"> i. Antisocial acts reduction avoiding the dissertation from home; ii. The guidance, motivation and support to go back to school; iii. Advisory activities for the families with children that have defective; iv. Socialization activities (group meetings with the teenagers and the youngsters regarding their rights and duties; group meetings with their families and ways of approaching them); v. The child participation to household activities; vi. The minor evolution surveillance by constantly visiting the families; vii. Inform them regarding their rights and facilities and the way to benefit of them.

I would support the implementation of strategies, a model for human resource development, which rely heavily on the relationship between counselor and client, but take a dark character, thus transforming traditional systems, punitive, the positive role models, open help and rehabilitation.

On the side we came in contact studies of foreign literature and international law existing at the moment on the issue of juvenile delinquency, we also support the funding of partnerships between higher profile, especially among police departments and juvenile delinquency, probation. The advantages of such partnerships would be multiple: a better public protection about offenders in decision making by police and prosecutors, better community programs for young delinquents, better management of the delinquents, especially those released from prison, better networking between professionals. “Juvenile justice reform, «Restorative juvenile justice” and, juvenile justice relational themes” are inevitable in contemporary criminology.

Without wishing to finish in a pessimistic note, juvenile delinquency should be treated with great seriousness, as it appears at this point, without a partnership in juvenile justice, the contradictions remain unresolved, as the causes and costs, may itself be a paradox that in the absence of changes that are required to be necessary this phenomenon will not improve in the near future.

Bibliography

1. Neamțiu G., Dumitru S. (2005) Asistența Socială-studii și aplicații. Editura Polirom. P. 59.
2. Petcu M. Delincvența-repere psihosociale (1999) / Ed. Dacia, Cluj-Napoca. P. 31–35.
3. Buzducea D. Cetății și ruine (1999) / Ed. Știință și Tehnică. P. 12.
4. Tomiță M. (2001) Metode de lucru cu delincvenții. Note de curs / Ed. Mirton. P. 25–27.
5. Mitrofan N. (1997) Psihologie judiciară / Ed. Șansa. P. 267–301.
6. Cod Penal și Codul de Procedură Penală (2006) / Ed. Hamangiu. P. 149.
7. Apostu I. (2008) Familia și școala în impas? / Ed. Universității București. P. 57–62.
8. Bocancea C., Neamțiu G. (1999) Elemente de asistență socială / Ed. Polirom. P. 98–104.
9. Metodologia de organizare și funcționare a Direcției Generale de Asistență Socială și Protecția Copilului Arad.
10. Plan de acțiune al Serviciului de evaluare și îngrijire a copilului care săvârșește fapte penale și nu răspunde pena, 2009–2010.
11. Legea 272/2004 privind Protecția și promovarea drepturilor copilului.

Д.М. Абдрахманов

Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается роль социальных отклонений в современном обществе, намечаются пути их возможного преодоления.

Ключевые слова: кризис, отклонения, девиантность.

The role of the social deflections in modern society is considered in article, some ways of its possible solutions are marked.

Key words: crisis, deflections, deviance.

Проблемы социальных отклонений в современном обществе стоят необычайно остро. И хотя, как замечал английский социолог Н. Смелзер: «Пока существуют правила, люди будут их нарушать» [1, 238], отчетливо присутствует необходимость понимания, изучения и коррекции этих явлений.

Если говорить о конкретных условиях и проявлениях девиантности, то в первую очередь стоит сказать, что важно понимать под девиантностью отклонение от конкретных норм, которые в различных обществах на различных этапах общественного развития могут быть порой диаметрально противоположными.

Говоря о сложности функционирования и поддержания социальных норм, нельзя обойти вниманием современные общественные трансформации, которые, зачастую подрывая ценностно-нормативную систему, способны формировать и определенные нормы тех или иных субкультур, которые являются своеобразными

мифологизированными псевдонормами, квазинормами по отношению к традиционным нормам [2, 55–57]. И существуют серьезные основания утверждать, что подобное положение дел чревато для общественной безопасности (это и деятельность тоталитарных сект и нарркокультура и пр.).

В массе человек значительно легче поддается влиянию, действию неконтролируемого взрыва влечений и психическим регрессиям, чем изолированный или органически связанный с небольшими объединениями и прочно пребывающий в них человек. Таким образом, массовое индустриальное общество движется, принуждаемое своим механизмом, к тому, чтобы создать самые противоречивые типы поведения как в жизни всего общества, так и в судьбе отдельного индивида [3, 18]. Западная культура развивалась таким образом, что создала основу для осуществления полного опыта индивидуальности. Посредством предоставления индивиду политической и экономической свободы, посредством его воспитания в духе самостоятельного мышления и освобождения от любой формы авторитарного давления предполагалось дать возможность каждому отдельному человеку чувствовать себя в качестве «Я» в том смысле, чтобы он был центром и активным субъектом своих сил и чувствовал себя таковым. Но лишь меньшинство людей достигло такого опыта «Я». Для большинства индивидуализм был не более чем фасадом, за которым скрывался тот факт, что человеку не удалось достичь индивидуального отождествления. Предпринимались попытки найти и были найдены некоторые суррогаты подлинно индивидуального самоотождествления. Поставщиками такого рода самотождественности служат нация, религия, класс, профессия [4, 95].

Важен и тот факт, что современное общество через те или иные свои институты зачастую (возможно и не целенаправленно) формирует негативные установки и базис девиаций. К примеру, было подсчитано, что к 14 годам средний американский ребенок увидит на телеэкране уже около 18 000 убийств [5, 238]. Думается, что российский ребенок примерно столько же. Как отмечает Ж.В. Пузанова, одиночество может стать причиной девиантного и даже криминального поведения [6, 23]. И такого рода детерминант огромное множество.

Как отмечает Дж. Даймонд: «Наверное, суть успеха или неудачи того или иного общества состоит в том, чтобы знать, какие ценности культивировать, а какие в силу изменившихся обстоятельств пора заменить новыми. За последние шестьдесят лет наиболее развитые страны отказались от прежних ценностей, которым так долго были привержены и которые являлись центральными в их национальном самосознании, и стали исповедовать новые. Наверное, успешные общества и успешные личности – те, у кого хватило смелости принять эти трудные решения и кому сопутствовала удача в их рискованном предприятии» [7, 602].

Важно заметить, что, в частности, Я.И. Гилинский подчеркивает, что принципиально невозможно «искоренить», «ликвидировать», «преодолеть» негативное девиантное поведение и отдельные его виды. Речь может идти лишь об адекватных способах и методах регулирования, управления ими (в целях оптимизации, минимизации, гармонизации и т.п.) [8].

Следует выделить точку зрения, сложившуюся в социологии, согласно которой девиации, как и флуктуации в неживой или мутации в живой природе, являются всеобщей формой, способом изменчивости, а следовательно, жизнедеятельности и развития любой социальной системы. Согласно этой точке зрения отклонения в поведении естественны и необходимы, они служат расширению индивидуального и коллективного опыта, обеспечивают разнообразие в психофизическом, социокультурном и духовно-нравственном аспектах человеческого поведения, которое служит условием совершенствования общества и социального развития.

И нам бы хотелось сформулировать некое правило, которому созвучны мысли многих выдающихся мыслителей: следует отклоняться от нормы позитивно, чтобы не отклониться негативно.

Список литературы

1. Смельзер Н. Социология. М., 1994. С. 238.
2. Нигамедзянов Э.А., Загидуллин Р.И., Абдрахманов Д.М. Право на употребление наркотиков как псевдоправо // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию открытия спец. «Социальная работа» в Башгосуниверситете. Уфа: РИО БашГУ, 2005.
3. Манхейм К. Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания. М., Алгоритм, 2009.
4. Фромм Э. Вызов демонов асоциального поведения // Кризис сознания. М.: Алгоритм, 2009.
5. Сидоров П.И. Наркологическая превентология. М.: МЕДпресс-информ, 2006.
6. Пузанова Ж.В. Социологическое измерение одиночества: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009.
7. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2008.
8. Гилинский Я.И., Позднякова М.Е., Салагаева А.Л. Девиантность в условиях глобализации // Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии: наркотизация, алкоголизация, преступность, коррупция / Под ред. М.Е. Поздняковой, А.Л. Салагаева. М.: Ин-т социологии РАН, 2005.

ПОБЕГ ИЗ ОБЩЕСТВА МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ

Одинаковые социальные причины могут порождать различные формы девиантного поведения. Это различие обусловлено культурными традициями. Феномен хикикомори является формой бегства от общества. Культурные особенности японского менталитета определили распространенность этого феномена в Японии.

Ключевые слова: бегство от общества, хикикомори, молодежь, Япония, культура, девиантное поведение.

The identical social reasons can generate various forms of deviating behavior. This distinction is caused by cultural traditions. The phenomenon of hikikomori is the form of escape from a society. Cultural features of Japanese mentality have defined prevalence of this phenomenon in Japan.

Key words: escape from a society, hikikomori, youth, Japan, culture, deviating behavior.

Введение

При изучении форм девиантного поведения в современной молодежной среде существует опасность поддаться соблазну редукции сложного комплекса причин к какому-либо одному фактору. Однако жизнь всегда сложнее любых идеализированных моделей, и чем больше факторов удастся учесть при анализе неоднозначных социальных явлений, тем меньше вероятность ошибок при решении сложных социальных проблем. Девиантные формы поведения молодежи предполагают комплекс разных причин – психологических, социальных, культурных и т.д. Причем влияние всего лишь одного фактора способно радикально изменить форму проявления девиантности. Например, неприятие окружающей действительности может проявляться как во внешних агрессивных действиях, так и в самоизоляции, уходе в себя. Поэтому необходим анализ самых различных причин, которые можно выделить методом сравнения проявлений девиантности в различных социокультурных ситуациях. Особый исследовательский интерес вызывают такие формы девиантного поведения, которые имеют четкую культурную или социальную локализацию, так как они позволяют более определенно говорить о доминировании конкретных факторов в вызвавшем их комплексе причин. В данной статье будет рассмотрено одно из таких явлений – хикикомори, заключающееся в форме изоляции молодого человека от окружающей социальной среды и получившее наибольшее распространение в японском культурном ареале. Выявление природы данного явления позволит понять значение культурного фактора среди прочих социальных причин формирования девиантного поведения. Социальные причины, которые привели к возникновению явления хикикомори, характерны не только для Японии, но и для других стран, в том числе и для России. В случае возникновения подобных социальных ситуаций в иной культурной среде, в частности российской, оценить степень риска воспроизведения подобного явления можно только при понимании его культурного контекста.

Явление хикикомори с позиции западного культурного мышления представляется очень странным. Очевидно, что в разных культурных традициях этот феномен будет восприниматься различно. То, что значимо для человека одной культуры и побуждает его к активному действию, человека другой культуры может привести к апатии и самоизоляции. Структура системы мотиваций повседневной жизни у японцев иная, нежели у европейских народов. Основная проблема исследования заключается в вопросе, какие именно социокультурные предпосылки позволяют объяснить распространенность явления хикикомори в современной Японии? Ответ на этот вопрос позволит лучше понять сложность схожих проблем в нашей культуре, связанных с утратой социальной адаптации в современной молодежной среде.

Материалы и методы

Характеристика явления хикикомори. Впервые явление хикикомори («выпавшие из общества», специфическая форма затворничества среди японской молодежи) описал Тамаки Сайто в работе «Хикикомори как социальное явление», выпущенной в конце 90-х гг. XIX века. Согласно его статистике в Японии насчитывалось где-то между полумиллионом и миллионом хикикомори. В более поздних публикациях Тамаки Сайто увеличивает предполагаемое число хикикомори до 1,2 млн. Это около пятой части всех молодых людей Японии до тридцати лет, что очень сильно расходилось с официальной статистикой министерства здравоохранения Японии: всего около пятидесяти тысяч человек [1]. Хотя в других странах, в частности в Корее и Англии, также зафиксированы подобные случаи, но они очень редки, поэтому усматривать в них какую-либо закономерность преждевременно.

Хикикомори – это люди, добровольно отгородившиеся от окружающего мира. Например, в один из обычных дней по возвращении домой человек закрывает дверь своей комнаты и отключает телефон. Больше он не приходит в школу (в институт, на работу...) не отвечает ни на какие вопросы и вообще не выходит из комнаты. Это может длиться годами и даже десятилетиями. В легких случаях затворничество длится полгода–год и не является полным, т.е. молодой человек время от времени выходит на улицу, чтобы купить еды или заплатить за Интернет. Хикикомори могут играть в компьютерные игры, смотреть телевизор или просто часами созерцать стену. Они могут общаться в чатах, однако при этом не выделяют себя в отдельную социальную группу, не ощущают принадлежности к некоей «общности хикикомори», и поэтому вряд ли оправданно говорить об их образе жизни как об особой молодежной субкультуре. Не имея возможности общаться с хикикомори, их родители все же стараются подкармливать затворников, просовывая еду под дверь, при этом предпочитают

никому не рассказывать о своей беде, опасаясь «потерять лицо». Именно поэтому официальная статистика хикикомори оказывается сильно заниженной. Положение усугубляется тем, что японское общество, отчасти напуганное отдельными случаями насилия со стороны страдающих социофобией, не склонно проявлять сочувствия к проблеме хикикомори, предпочитая представлять их опасными душевнобольными. Эта боязнь хикикомори становится социальной проблемой, так как родители хикикомори, напуганные отношением общества к проблеме их ребенка, боятся огласки и не ищут профессиональной помощи, надеясь, что ребенок сам через некоторое время придет в норму.

Медико-психологическое объяснение феномена хикикомори. Наиболее распространенным объяснением феномена хикикомори, является социофобия, сопровождаемая психологическими расстройствами: находясь в обществе, человек испытывает дискомфорт, страх, стеснение, чувство неполноценности. Иногда социофобия может сопровождаться соматическими признаками: учащенное сердцебиение, потоотделение, пищеварительные расстройства и даже обмороки. Однако подобные расстройства статистически встречаются значительно реже, чем случаи проявления хикикомори.

Как показал Б. Сечер, многие специалисты в той или иной степени ставят под сомнение чисто медицинское объяснение феномена хикикомори [2]. Практический исследователь и автор многочисленных публикаций по проблеме хикикомори Такама Сайто считает, что в одних случаях медицинское лечение хикикомори может быть в некоторой степени эффективным, однако во многих других случаях хикикомори вообще не является заболеванием. Очень часто появление хикикомори вызвано психологическими проблемами в семье. В каждом отдельном случае может иметь место переплетение различных медицинских, психологических и социальных причин. Профессор детской и юношеской психиатрии Кембриджского университета Ян Гудиер полагает, что явление хикикомори скорее является следствием не психопатологических причин, а экзистенциальным выбором личности. Он аргументирует этот довод фактом распространенности явления хикикомори в большей степени среди обеспеченных людей, представителей среднего класса. Хотя у отдельных хикикомори причиной затворничества действительно является болезненная психологическая основа, однако многие японцы, как подчеркивает Ян Гудиер, даже при отсутствии психического заболевания склонны к отшельничеству. Можно сделать вывод, что лишь у небольшого процента хикикомори имеются психопатологические предпосылки к затворничеству, в большинстве же случаев причины ухода от общества индивидуальны.

Социальное объяснение явления хикикомори. Типичный японец со школьных лет находится в ситуации постоянного перенапряжения. С поступлением в школу у японского ребенка наступает жизненный перелом. Если ранее он пребывал в состоянии вседозволенности, когда любая его прихоть удовлетворялась, то теперь он оказывается в жестком и даже жестоком мире, где многочисленные социальные ограничения и запреты сочетаются с издевательствами сверстников, поводом для которых может послужить малейшее отличие от окружающих. Распространенной причиной издевательства среди школьников может служить потребность в снятии напряжения, создаваемого суровыми школьными правилами и требованиями. Школьные нагрузки очень высоки. Хотя в начальной школе домашних заданий еще нет, в средней и старшей школах домашние задания очень большие. Учебный год включает три семестра, а самые продолжительные каникулы занимают всего две недели, да и то во время каникул учащиеся заняты домашними заданиями. Число уроков может доходить до шести-семи в день, не считая всевозможных платных курсов, которые школьники посещают для лучшей подготовки к школьным экзаменам. Ученики сами убирают школу и школьный двор. Большую роль в жизни школьников играют всевозможные кружки, деятельность которых связана со спортом, искусством или наукой. Однако и здесь довольно часто старшие помыкают младшими, что легко переходит в издевательства. Японская школа перенасыщена огромным количеством экзаменов, которые проводятся много раз в год по всем предметам. От экзаменов зависит, в какую школу сможет перевестись учащийся, поэтому приходится постоянно прилагать усилия, чтобы не попасть в захудалую школу. В зависимости от успеваемости японские классы ежегодно реформируются, разрывая установившиеся связи и отношения между школьниками. Стоит немного расслабиться, и в один миг лишишься всех карьерных перспектив. Неудивительно, что изнурительные экзамены время от времени приводят к самоубийствам школьников. По сравнению со школой, учеба в вузе кажется уже легкой и психологически не напряженной. Однако в послевузовской перспективе доминирует работа, новые нормы и правила, которые оставляют очень мало места для личной жизни. Поэтому жизнь в браке, как правило, движется по быстро затухающей траектории. При этом, несмотря на все трудности повседневной жизни, типичный японец остается дисциплинированным, работоспособным и никогда не забывающим своего долга. Каким-то образом ему удается примириться с повседневной жизнью, хотя типичный западный человек в подобных условиях впал бы в депрессию, вообще перестал что-либо делать или искал бы выход в пьянстве.

Жизненные трудности, с которыми сталкивается японец, во многом обусловлены социальной средой. Вместо того чтобы искать внешние формы разрешения конфликта со средой, японцы склонны погружаться в свой внутренний мир. Поэтому вполне логично предположить, что в большей степени именно социальные причины приводят к социальной изоляции молодых людей. Соответственно явление хикикомори обусловлено характерным именно для Японии комплексом социальных факторов. Однако ни один из этих факторов сам о себе еще не является уникальным, и люди самых разных стран сталкиваются с теми или иными жизненными трудностями, но реагируют на них различно: кто-то уходит в себя, а кто-то, напротив, выплескивает агрессию вовне. Социальные факторы могут объяснить саму причину распространенности девиантного поведения, однако они не объясняют, почему данное поведение проявляется именно в этой, а не какой-либо другой форме. Чтобы ответить на этот вопрос относительно явления хикикомори, необходимо обратиться к культурным факторам, которые лежат в основе специфического для японцев отношения к жизни.

Результаты

Обусловленность феномена «хикikomори» отношением японцев к жизни. Несмотря на то, что японец находится под сильным социальным давлением, оставляющим очень мало места для отдыха и личной жизни, в японской культуре присутствуют скрытые механизмы, позволяющие человеку принимать действительность, какой бы трудной она ни была. Эти механизмы определяются специфически японским отношением к жизни, которое предполагает расслоение восприятия действительности на внешнюю повседневную жизнь и внутреннюю, эмпирически не выражающуюся, сферу личной жизни человека. Благодаря этому японец может примириться с принципиальной невозможностью реализации своих желаний и мечтаний в эмпирической жизни, и поэтому способен существовать без социальных контактов.

Поиски предпосылок возникновения феномена хикikomори следует начинать с семьи. Такео Дои полагает, что именно для японской семьи характерно появление такого психологического феномена, как амаэ, который в современных условиях японского общества превратился в значимый социокультурный фактор. Само словоупотребление «амаэ» в японском языке проясняет особенности японской психологии. Слово «амаэ» обозначает особый вид эмоциональной зависимости ребенка от матери. Существительное «амаэ» образовано от глагола «амаэру», обозначающего «зависеть от благосклонности и злоупотреблять этой зависимостью», его также можно перевести как «испытывать потребность в зависимости». Амаэ соединяет в себе чувство беспомощности вместе с желанием быть любимым, незрелость, невинность, наивность, беспомощность, преданность. Это отношение может возникать не только между матерью и ребенком, но и между братом и сестрой, подчиненным и боссом, мужем и женой. Такео Дои говорит даже об идеологии амаэ и с ее помощью объясняет психологическое восприятие образа императора [5, 58]. Амаэ выражает стремление к собственному внутреннему миру, изолированному от внешних проблем и суесть. Для безопасности этого мира нужен защитник и покровитель, и если в какой-то момент молодому человеку начинает казаться, что он может существовать и без такого покровителя, то он может попытаться самостоятельно отгородиться от внешнего мира. Так, собственно, и появляется хикikomори. Феномен амаэ возникает тогда, когда человек начинает остро чувствовать границу между двумя мирами – миром напряженных социальных забот, который не оставляет места ни для личной жизни, ни для мечтаний, и внутренним миром, в котором человек спокоен и абсолютно свободен в своих фантазиях. Это расслоение на два мира распространяется и за пределы конкретной личности, проникая в массовую культуру, а его истоки следует искать в особенностях этнокультурного сознания японцев, связанного с их экзистенциальным отношением к жизни.

В Японии развита такая поп-культура, в которой жизнь представляется легкой, без ограничений и проблем. В этом оторванном от реальности мире начинает казаться, что каким бы неудачником ты ни был, судьба благосклонно улыбнется и подарит самую лучшую девушку/парня, все проблемы решатся сами собой. Однако в реальности жизненные проблемы, правила и перенапряжения на работе не оставляют надежды на реализацию каких-либо мечтаний. Эти два параллельных восприятия жизни никак не пересекаются, так как их пересечение привело бы не только к уничтожению мира фантазий, но и реального мира, который показался бы столь невыносимым, что жить в нем стало бы невозможно. Чтобы эти два мира не пересекались, необходим радикальный отказ от осуществления собственных фантазий в мире реальных забот. Это достигается особым эстетическим отношением к жизни, имеющим в Японии древние традиции.

Обсуждение результатов

Значение японской культурной традиции для понимания феномена хикikomори. Японское эстетическое чувство направлено на созерцание внутреннего, которое самодостаточно и не выражается в эмпирической действительности. Отсюда специфически японское эстетическое отношение к действительности, не предполагающее деятельного участия – ведь все равно в эмпирической жизни ничего не изменить, проще считать себя там уже умершим, и тогда можно принимать мир как есть и даже наслаждаться его созерцанием. Г.М. Тарнапольская связывает такое созерцательное отношение с эстетической категорией моно-но-аварэ: «Поскольку потенциальность остается таковой только пока она не актуализирована, то она пребывает в сокрытии. Моно-но-аварэ (очарование вещей) – это именно скрытое очарование, такое, которое нельзя вербализовать, но можно дать его почувствовать» [4, 64]. Наряду с этим внешним пассивно-созерцательным отношением к жизни можно выделить еще и внутреннее измерение ее восприятия. Хотя внутренняя сфера жизни и не находит своей реализации в эмпирической действительности, тем не менее она динамична: «существуют также и обращенные символы, в которых энергичная направленность формирует собственную внутреннюю реальность, запредельную эмпирической. Именно это и происходит в символе-намек, который характерен для японского эстетического отношения к миру. Особенность такого символа в том, что он стремится выразить не скрытый смысл, который может быть оформлен, а скрытую потенцию смысла, саму по себе не имеющую формы, но зато ощущаемую во внутреннем чувстве. Эта потенция ощущается как бесконечное течение жизни или жизненной силы» [5, 23]. Из этого следует, что внутренняя жизнь также несет проблемы, испытания и даже трагедии. Ее предельная напряженность может оказаться еще более невыносимой, нежели внешняя повседневная жизнь, что побуждает человека развернуться и двигаться не к ее страшной кульминации, а к ее началу, представляющему собой чистую позитивную возможность жизни без всяких проблем.

Таким образом, японец может смириться с жизнью в самоизоляции, потому что она расслаивается для него на внешнюю эмпирическую действительность и скрытую внутреннюю жизнь. При этом скрытая внутренняя жизнь также расслаивается на сложную противоречивую динамику внутренней жизни и на чистую потенцию,

которую Г.М. Тарнапольская называет «меональностью»: «В японской культуре сознание, не акцентируясь на форме, направлено на потенциальность, являющуюся меональной стороной глубины реальности. Эта меональность пассивна, т.е. она способна воспринимать любую форму, но не актуализировать ее» [6, 102–103]. Примирение с повседневной действительностью достигается за счет внутренней психологической работы, заключающейся в возвращении к первичному потенциальному состоянию психики, не знающему тех жизненных забот, которые японцу ежедневно приходится преодолевать.

Выводы

Отношение японца к самоизоляции совсем другое, нежели отношение к ней западного человека. В западной культуре любая самоизоляция от общества воспринималась бы либо как форма аскезы, т.е. как добровольный отказ, либо как форма болезни, т.е. как вынужденная утрата полноценного состояния жизни с ее радостями и удовольствиями. Это вполне логично для западного человека, полагающего, что подлинная самореализация есть переход из внутреннего состояния в эмпирическую действительность. Японец же полагает, что внутренняя самореализация не может и не должна раскрываться во внешнем эмпирическом мире, изоляция от которого нисколько не умаляет истинного содержания жизни. Поэтому хикикомори нисколько не чувствует себя ущербным, воспринимает свое состояние как вполне естественное и полагает, что живет вполне нормальной жизнью. Это объясняет, почему именно в Японии феномен хикикомори получил столь широкое распространение. Ведь подобные явления встречаются и в западных странах, однако, там уход в затворничество носит исключительный характер, так как связан с отказом от собственного представления о нормальной жизни. В Японии, напротив, молодой человек не воспринимает собственный уход в затворничество как отказ от нормальной жизни и поэтому не сталкивается с теми психологическими препятствиями, которые в аналогичной ситуации возникают у его сверстников из других стран.

Таким образом, даже если бы молодые люди в нашей стране вдруг оказались бы в тех же социальных и психологических условиях, которые способствовали распространению феномена хикикомори в Японии, формы их девиантного поведения были бы другими, так как сохранялось бы различие в отношении к жизни, обусловленное этнокультурными факторами. Для нашего соотечественника уход в затворничество означал бы отказ от всех фантазий и мечтаний о радостях жизни и удовольствиях, что привело бы его к глубокой депрессии. Поэтому он никогда не сможет воспринимать состояние изоляции как нормальное. Японец же, напротив, считает, что его фантазии изначально были отрешены от реального мира, изолировавшись от которого он ничего не теряет.

Список литературы

1. *Dziesinski M.J.* Hikikomori Investigations into the phenomenon of acute social withdrawal in contemporary Japan. Honolulu, Hawaii, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://towakudai.blogs.com/Hikikomori.Research.Survey.pdf> (дата обращения: 01.09.10).
2. *Сечер Б.* Одинокие души: внешне, но не в мыслях. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.echo.msk.ru/inopress/3021.html> (дата обращения: 01.09.10).
3. *Doi T.* The anatomy of dependence. Tokyo: Kodansha International, 2002.
4. *Тарнапольская Г.М.* Специфика образотворчества в японском искусстве // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 322.
5. *Тарнапольская Г.М., Карпицкий Н.Н.* Обращенный символизм в русском и японском мировосприятии и связанные с ним искушения // Универсалии культуры. Вып. 2. Философия – эстетика – литература: Сб. науч. тр. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2009.
6. *Тарнапольская Г.М.* Энергичная диалектика онтогенеза символа. Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2009.

И.Л. Берегова

Шуйский государственный педагогический университет, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ ПОДРОСТКАМИ

Распространение алкоголизма в молодежной среде является одной из самых тревожных и опасных социальных проблем нашего времени. При систематическом употреблении алкоголя развивается опасная болезнь – алкоголизм. Необходима разработка и реализация комплекса мероприятий, направленных на повышение знаний подростков об алкоголизме и его последствиях.

Ключевые слова: подростки, алкоголизм, здоровье, антиалкогольное просвещение, профилактика алкоголизма.

Spreading of the alcoholism among young people is one of the most alarming and dangerous social problems nowadays. While taking alcohol regularly one risks to develop a serious disease – alcoholism. There is a demand in development and realisation of certain measures aimed to improve teenagers' knowledge of alcoholism and its consequences.

Key words: teenagers, alcoholism, health, antialcohol enlightenment, alcoholism prevention.

В последние годы в нашей стране в числе наиболее распространенных среди подростков девиантных отклонений лавинообразно нарастает трагическое увлечение и последующее болезненное пристрастие к разнообразным одурманивающим веществам.

Масштабы и темпы распространения алкоголизма в стране таковы, что ставят под вопрос физическое и моральное здоровье подростков. Это в ближайшей перспективе может привести к социальной нестабильности российского общества.

Особенно тревожным фактором является раннее приобщение и быстрое привыкание к спиртному детей и подростков.

Распространение алкоголизма в молодежной среде является одной из самых тревожных и опасных социальных проблем нашего времени. По статистическим данным, до 80% взрослых, больных алкоголизмом, начали злоупотреблять алкоголем именно в подростковом возрасте. Эта возрастная категория детей и составляет группу риска. Алкоголизм у детей развивается намного быстрее, чем у взрослых, и по своим последствиям он гораздо тяжелее.

Вред алкоголя очевиден. Доказано, что при попадании алкоголя внутрь организма, он разносится кровью ко всем органам и неблагоприятно действует на них вплоть до разрушения.

При систематическом употреблении алкоголя развивается опасная болезнь – алкоголизм. Алкоголизм опасен для здоровья человека, но он излечим, как и многие другие болезни.

У подростков, впервые попробовавших алкоголь, устойчивость к алкоголю очень низка (50–100 мл водки), при этом чем меньше возраст, в котором впервые произошло опьянение, тем она ниже. При постоянном приеме алкоголя (до 2–3 раз в течение месяца) устойчивость к воздействию алкоголя у подростка увеличивается.

Образ жизни, характерный для «алкогольной» компании, ошибочно воспринимается подростком как нормальный и естественный. Естественным считается прием алкогольных напитков в выходные дни, перед танцами и во время отдыха с друзьями. Вместо активной социальной жизни круг интересов сужается до проблем, обсуждаемых в «алкогольной» компании.

Статистика показывает, что подростки тратят свое свободное время на примитивные, бесцельные занятия: игры в карты, нередко на деньги, прослушивание музыки, бесцельные прогулки по улицам, просиживание в барах или кино. Прием алкогольных напитков принимает регулярный характер и становится непременным атрибутом времяпрепровождения, увеличивается число поводов и мотивов для пьянства: «пью для улучшения настроения», «чтобы расслабиться», «потому что нравится пить» и другие. В результате этого употребление спиртного незаметно становится практически главным смыслом жизни.

Факторами риска употребления алкоголя можно считать, во-первых, семейные факторы: плохой контроль родителей, родители не общаются со своими детьми, конфликты в семье, члены семьи, который в прошлом употребляли или продолжают пить или принимать наркотики, злоупотребление наркотиками, во-вторых, индивидуальные факторы: появление эмоциональных проблем, нестабильность в чем-либо, желание самоутвердиться, влияние компаний и др.

Интересные данные о влиянии алкоголя на психику приводят В.С. Братусь и П.И. Сидоров в книге «Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма» [1]. Авторы отмечают, что до первых значимых опытов знакомства с алкоголем у подростка образуется (в тесной зависимости, прежде всего от семьи, микросреды) определенное представление об этом продукте, о его особом, как принято думать, эйфоризирующем действии. Первое знакомство с алкоголем происходит обычно в 10–12 лет за праздничным столом с родителями либо в компании друзей. И это первое знакомство неожиданно оказывается совершенно не таким, часто резко контрастирующим с имеющимся до того представлением, предиспозицией ребенка. Почти всегда первая алкоголизация воспринимается субъективно неприятно. Подростки отмечают «горький вкус» водки, жжение во рту, головокружение, тошноту и в ряде случаев рвоту даже от однократного приема небольших доз. После такого, чаще дискомфортного знакомства, большинство подростков некоторое время избегает алкоголя. Однако оттого что субъективные ощущения от спиртных напитков явно не совпадают с усвоенными представлениями, традициями и предрассудками, последние не исчезают, но постоянно – особенно в отягощенной микросреде – представляют повод, становятся соблазном возобновить алкоголизацию. И уже в возрасте 13–14 лет в связи с какими-либо событиями (поступление в учебное заведение, праздники, дни рождения, свадьбы и т.п.) алкоголизация возобновляется, причем постепенно она начинает приобретать новое субъективное, психологическое содержание.

Для большинства подростков первая проба дурманящих веществ остается единичным случайным эпизодом. Но часть из них становится на путь систематического употребления психоактивных веществ. Подобное приобщение связано с рядом обстоятельств, среди которых важнейшее место занимает распространение информации о наркомании и токсикомании.

Целью проведенного нами исследования было выявление уровня знаний об употреблении алкоголя и уровня потребления его подростками. Задача – разработка комплекса по профилактике употребления алкогольных напитков.

В исследовании принимали участие ученики 9-х классов в количестве 23 человек в возрасте 14–15 лет. Наш выбор обусловлен тем, что некоторые учащиеся уже употребляли спиртные напитки. Многочисленные наблюдения показывают, что основы пьянства как стереотип поведения закладываются именно в переходном возрасте, а у подростков, злоупотребляющих алкоголем, через 3–4 года формируется алкоголизм с необратимыми физическими и психическими нарушениями.

В качестве методов исследования мы выбрали тест «Определение уровня знаний об алкоголизме», анкету «Уровень алкоголизма» с целью определения наличествующего уровня употребления подростками спиртных напитков и анкету «Мое отношение к употреблению алкоголя» для получения более подробной информации об отношении подростков к алкоголю.

При анализе данных мы получили следующие результаты: лишь 10% учащихся имеют высокий уровень знаний об алкоголизме и не нуждаются в антиалкогольном просвещении. Остальные учащиеся (90%) имеют средний или низкий уровень знаний об алкоголизме и нуждаются в антиалкогольном просвещении. В целом опрошенные школьники имеют представление об основных признаках алкогольного опьянения, стадиях и видах алкогольной зависимости.

Анализ анкеты «Уровень алкоголизма» показал, что среди учащихся нулевой и первый уровень алкоголизма имеют 31% опрошенных, это говорит о том, что эти учащиеся отличаются полной трезвостью или единичным (эпизодическим) употреблением алкоголя, сопровождающимся неприятными ощущениями. 32% учащихся имеют 2-й уровень алкоголизма, то есть они эпизодически употребляют алкоголь с эйфорией и уже хорошей переносимостью. Это является тревожным фактом. Особенно беспокоит то, что 37% учащихся имеют 3–4-й уровень алкоголизма, то есть для них характерен высокий риск развития алкоголизма, когда и возникают эксцессы на почве употребления алкоголя. У них уже формируется психическая зависимость, сопровождающаяся активным стремлением к выпивке.

Заметно прослеживается зависимость: при низком уровне знаний об алкоголизме наблюдается 3–4-й уровень алкоголизма, т.е. велик риск развития раннего алкоголизма.

Результаты анкетирования об отношении подростков к тому, что люди употребляют алкоголь, следующие: 25% опрошенных относятся положительно к тому, что люди употребляют алкоголь, следовательно, они не видят минусов в этом и сами употребляют алкоголь, не задумываясь о последствиях. 35% опрошенных относятся отрицательно к тому, что люди употребляют алкоголь. Эти подростки видят минусы в употреблении алкоголя. Они задумываются о своем будущем. 40% опрошенных безразличны к тому, что люди употребляют алкоголь. Подростки не осознают данной проблемы.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что учащиеся имеют низкий уровень знаний об употреблении спиртных напитков и нуждаются в антиалкогольном просвещении. Многие из подростков имеют 3–4-й уровень алкоголизма, что является очень тревожным фактом и говорит о необходимости вести с этими учащимися антиалкогольную пропаганду и профилактику алкоголизма.

Профилактика детского и подросткового алкоголизма должна проходить одновременно в нескольких направлениях:

- на уровне семьи: создание здорового образа жизни, отказ от злоупотребления алкоголем в семье, рациональное питание, соблюдение режима дня и сна, антиалкогольное воспитание в семье;

- на уровне школы: педагогический такт, установление контакта учителя с учащимися, приобщение к активному занятию физкультурой и спортом, организованная работа школьного врача по профилактике алкоголизма, осуществление санитарно-просветительской работы;

- со стороны государства: запрет продажи алкогольной продукции детям моложе 18 лет; запрет рекламирования пива по телевидению; предусмотрение строгой уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в пьянство, доведение до состояния алкогольного опьянения; запрет приема несовершеннолетних на работу, связанную с производством, хранением и торговлей спиртными напитками и т.п.

Основу противоалкогольного воспитания и просвещения в школе должны составлять следующие принципы:

- противоалкогольное просвещение как целостная система противоалкогольного воспитания должно проводиться на протяжении всех лет обучения и направляться на формирование в сознании детей и подростков нетерпимого отношения к любым проявлениям пьянства и алкоголизма;

- программа противоалкогольного воспитания должна предусматривать постепенное, с учетом возрастных и психологических особенностей учащихся, раскрытие сторон отрицательного влияния алкоголя на здоровье человека и жизнь общества в целом;

- противоалкогольная работа в школах должна проводиться преимущественно силами учителей с приглашением для чтения отдельных лекций специалистов (медиков, юристов, социологов и др.);

- противоалкогольное просвещение должно распространяться и на родителей учащихся.

В рамках профилактики в первую очередь надо формировать особую трезвенническую культуру; важно учитывать особенности подросткового возраста (подростки очень часто не доверяют взрослым, поэтому возможно привлечь для профилактики волонтеров из числа студентов либо лидеров подростковых групп), необходимо дать подросткам информацию о психоактивных веществах, но в такой форме, которая будет ими воспринята (это может проводиться в форме дискуссии, в которой ведущий ненавязчиво, маленькими блоками, дает информацию, или это могут быть плакаты, нарисованные ребятами, рассказы и стихи, опубликованные в молодежной газете); нужно помнить о том, что употребление алкоголя и наркотиков часто становится способом времяпрепровождения, поэтому следует подумать об альтернативных занятиях. Встает вопрос создания подростковых клубов и кружков, которые бы отвечали запросам детей; необходимо задействовать ближайшее окружение подростков: родителей, школьных учителей и психологов. Они должны располагать минимальной информацией о том, что такое наркотики, что за болезнь наркомания и алкоголизм, как лучше разговаривать с ребенком о наркотиках, как определить употребляет ли ребенок алкоголь или наркотики, если да, то куда обратиться и что делать.

При планировании и проведении мероприятий по профилактике пьянства и алкоголизма следует всегда помнить о том, что подростки очень наблюдательны, восприимчивы и склонны к подражательству. Формируясь, подросток копирует поведение взрослых, иногда делая это подсознательно. При этом предметом подражания чаще всего служат не декларативно-императивные утверждения о том, что «пьянствовать нельзя»,

а образ жизни, поступки, поведение взрослых людей. И если подростку говорят о высших моральных принципах, о необходимости быть честным и справедливым, вести трезвый образ жизни, а в повседневной жизни и во взаимоотношениях окружающих его взрослых людей он видит фальшь, безразличие, жестокость, тягу к стяжательству и пьянство, то «на веру» чаще всего берутся не слова, а дела окружающих подростка людей.

В целях профилактики алкоголизма нами были разработаны и проведены следующие мероприятия:

- программа психопрофилактического комплекса «Твой Выбор», комплекс мероприятий состоит из 10 занятий;
- коллективный просмотр видеофильма о последствиях алкоголизма;
- участие в организации выступления на общем родительском собрании инспектора по делам несовершеннолетних по вопросам ответственности родителей за употребление детьми алкоголя;
- организация в библиотеке выставки книг по проблеме алкоголизма;
- организация конкурса рисунков и плакатов во время недели здоровья и спорта;
- индивидуальная работа с родителями и отдельными учащимися: посещение семей и беседа с родителями по вопросу употребления алкоголя их детьми и индивидуальные занятия с учащимися, замеченными в употреблении алкоголя.

В результате исследовательской деятельности мы пришли к выводу, что проблема употребления спиртных напитков актуальна среди учащихся. Ее решение требует комплексности, систематичности в деятельности всех субъектов педагогического взаимодействия.

Таким образом, мы рекомендуем:

- 1) укомплектовать штат образовательного учреждения социальным педагогом, психологом, которые подготовлены к работе с учащимися, склонными к употреблению психоактивных веществ (ПАВ);
- 2) привлекать к решению проблемы употребления ПАВ среди подростков другие службы: социальные (органы опеки и попечительства, реабилитационные центры и т.д.), правоохранительные (отделение милиции, комиссию по делам несовершеннолетних и т.д.) и медицинских работников (нарколога, психотерапевта);
- 3) организовать комплексную и систематическую профилактическую работу в образовательном учреждении с привлечением семьи и лиц, специализированных на проблеме употребления ПАВ;
- 4) разработать и внедрить в учебно-воспитательный процесс методики организации свободного времени учащегося;
- 5) организовать работу по преодолению употребления ПАВ учащимися посредством взаимодействия с семьей.

Мы полагаем, что при учете педагогическим коллективом данных рекомендаций, деятельность по решению проблемы употребления ПАВ среди учащихся будет более эффективной.

Список литературы

1. *Братусь В.С., Сидоров П.И.* Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во МГУ, 1984.

П.И. Куконков

Нижегородский отдел Института социологии РАН, Россия

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ

В условиях социальных изменений в России актуализируется проблема влияния трансформационных процессов на структуру и формирование идентичности, усиление проблемной идентичности различных групп молодежи. В статье предпринята попытка описать конфликтные проблемы, разрешение которых в условиях высшей школы предполагает продуктивное использование конфликтного потенциала, накопленного в среде студенческой молодежи.

Ключевые слова: социализация, проблемная идентичность, конфликтное поведение.

When social changes are taking place in Russia, the problem of transformation processes influence on the structure and formation of identity, and intensification of problem identity of diverse groups of young people is becoming more urgent. The article describes conflictogenic problems which can be resolved in high school productively using conflict potential accumulated in student youth milieu.

Key words: socialization, problem identity, conflictogenic behaviour.

Пути преодоления кризиса в России постоянно находятся в центре внимания ученых, политиков, представителей СМИ. Весьма симптоматично то, что в самом начале кризиса Президент РФ Д.А. Медведев обратился к «выработанным, выстраданным, выверенным за века ценностям, идеалам». Вместе с тем достаточно очевидно, что названные президентом ценности (справедливость, свобода, жизнь человека, его благосостояние, межнациональный мир, единство разнообразных культур, семейные традиции, патриотизм) [1] во многом противоречат системе ценностей, исповедуемых современными российскими элитами. Внимание к ценностной природе кризиса актуализирует опасения П. Сорокина: «Периоды перехода от одной фундаментальной формы культуры и общества к другой, когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью “атомизированными”, и конфликт меж-

ду ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым, неизбежно порождает борьбу особой интенсивности» [2, 428].

Складывающаяся ситуация позволяет некоторым экспертам делать катастрофические выводы: «Моральная, интеллектуальная и правовая невменяемость не только власти, но и населения, включая “элиту”, яснее всего свидетельствует о распаде сознания, предшествующем распаду страны» [3, 25]. В последнее время уделяется внимание исследованию процессов сохранения и укрепления общественного согласия, системы мер по предупреждению и отражению вызовов и угроз, способных дестабилизировать социальную сферу, подорвать главную движущую силу общества – человеческий потенциал [4–8].

Проблема изменения ценностных ориентаций и моральных установок представляется крайне важной в российском обществе переходного типа с весьма неясными перспективами. Эта проблема приобретает особую важность в молодежной среде, поскольку развитие современного российского общества, принципиально изменяя объективные условия жизнедеятельности людей, ведет к существенному усложнению процессов социального самоопределения. Включение подрастающих поколений в социальное пространство неизбежно сопровождается трудностями в процессе упорядочения доминирующих и периферийных солидарностей, закономерным следствием которых выступает формирование проблемной идентичности различных молодежных групп. Эти процессы особенно остро протекают в студенческой среде, поскольку активное взаимодействие разных культур в рамках высшей школы значительно затрудняют процесс идентификации молодежи не только с общностями «здесь» и «теперь», но также «там»: в прошлом или в обозримом будущем.

Общественная необходимость в придании конфликтам приемлемых форм трансформируется в определенные структуры и отношения. Вместе с тем эти структуры и отношения на определенных этапах развития общества теряют свою эффективность вследствие отставания от динамики общества в целом. Одним из типичных в этом отношении социальных институтов является высшая школа, призванная обогатить будущего специалиста, управленца, педагога опытом участия в продуктивных конфликтах, способствующих разрешению возникающих перед ним проблем. Однако такой результат возможен только тогда, когда структура отношений внутри вуза, сохраняя преемственность, «успевает» за изменениями структуры отношений в обществе.

Конфликт в вузе, по существу, это конфликт образовательных потребностей личности и образовательных возможностей общества, протекающий в условиях конкретного образовательного учреждения. В условиях социальных изменений, наблюдаемых в России в последние два десятилетия, актуализируется проблема влияния трансформационных процессов на структуру и формирование идентичности различных групп молодежи, на выбор ценностно-нормативных образцов и моделей поведения при взаимодействии молодого человека с тем или иным социальным институтом, той или иной группой. Позиции и оценки студентов, представленные ниже, дают возможность оценить потенциал напряжений, аккумулированный в нижегородских вузах, оказывающий разнонаправленное воздействие на процесс социализации студенческой молодежи.

Материалы и методы

Анализ динамики лидирующих в сознании студентов жизненных ценностей на протяжении последних десяти лет свидетельствует об определенной стабильности их структуры: в 2009 г., как и десятью годами раньше, значительное большинство студентов считают важным или очень важным здоровье (70%), интересную работу (69%), материальное благополучие (67%), образование (66%), профессионализм (66%), возможность интересно проводить свободное время (55%)*. Принципиально важен анализ показателей неудовлетворенности студентов указанными выше важными для них сторонами жизни. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что за прошедшие десять лет существенных изменений уровня неудовлетворенности нижегородских студентов наиболее важными для них сторонами жизни не произошло (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика показателей социального недовольства студенческой молодежи Н. Новгорода,
% от числа опрошенных**

Показатель социального недовольства	1999	2009
Материальное положение	45	37
Способ проведения свободного времени	9	11
Состояние здоровья	4	3
Учеба	7	13

Несколько уменьшилась доля студентов, неудовлетворенных своим материальным положением, и увеличилась доля студентов, заявивших о неудовлетворенности учебой – главным делом студента. Оценка, определяющая уровень удовлетворенности студентов учебой, предполагает пристальное внимание к основным составляющим этого процесса (табл. 2).

* Исследование нижегородского студенчества по единой методике проводилось Нижегородским отделом ИС РАН и ННГУ в 1999–2009 гг. при участии автора.

Таблица 2

Динамика удовлетворенности студентов основными характеристиками процесса обучения, % от числа опрошенных

Характеристика процесса обучения	Да		Частично		Нет	
	1999	2009	1999	2009	1999	2009
Чему учат	55	54	32	33	6	6
Как учат	40	49	49	41	8	5
Как организован учебный процесс	30	40	52	42	18	13

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что за 10 лет несколько уменьшилась доля студентов, которые однозначно заявляют о неудовлетворенности методами обучения и организацией учебного процесса. Наблюдается заметная положительная динамика в том, «как учат», в организации учебного процесса. Вместе с тем в 2009 г., как и десять лет назад, больше половины студентов (55%) заявили о том, что не вполне удовлетворены тем, как организован учебный процесс, практически каждый второй (46%) не вполне удовлетворен тем «как учат», более трети опрошенных (38%) недовольны содержанием учебного процесса.

Студенчество несколько более благодушно взирает на реалии современной жизни, чем другие группы населения, большинство из них выразили удовлетворенность состоянием здоровья, проведением свободного времени. Даже доля неудовлетворенных материальным положением среди студентов значительно меньше, чем среди населения в целом.

Некоторые исследователи отмечают снижение уровня тревожности и рост показателей социального оптимизма российского населения, начиная с 2000 г. [9]. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что тенденции, характерные для российского общества в целом, присущи и студенческой молодежи (табл. 3).

Таблица 3

Динамика социального оптимизма нижегородских студентов, % от числа опрошенных

С каким чувством Вы смотрите в ближайшее будущее?	1999	2009
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	45	32
С надеждой и оптимизмом	40	58
С тревогой и неуверенностью в завтрашнем дне	13	8
Со страхом и отчаянием	2	2

Доля оптимистов среди нижегородских студентов за последние 10 лет заметно увеличилась. Вторая по численности группа опрошенных (32%) смотрит в будущее без особых надежд и иллюзий, достаточно трезво оценивая ближайшую перспективу. Обращает на себя внимание то, что за 10 последних лет эта группа существенно сократилась, также сократилась доля тех, кто смотрит в ближайшее будущее с тревогой, страхом и неуверенностью.

За последние 10 лет существенно изменилась структура восприятия нижегородскими студентами наиболее острых общественных проблем. Отошли на задний план проблемы, доминировавшие в их сознании раньше: политическая нестабильность, преступность, загрязнение окружающей среды, угроза войны. В настоящее время наиболее острыми для них являются такие проблемы, как моральная деградация общества, пьянство, рост наркомании, безработица, рост цен.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что современной российской высшей школе не удалось избавиться от ряда конфликтогенных традиций, она страдает от явного недостатка конфликтологической культуры. Об этом, в частности, свидетельствует динамика распространенности различных конфликтных практик среди студентов. За прошедшие 10 лет осталась практически неизменной доля опрошенных, ориентированных на сотрудничество, компромисс (46–47%), тех, для которых характерно избегание конфликта, которые в конфликтной ситуации рассчитывают на то, что «все устроится само по себе» (4%). Несколько уменьшилась доля студентов, ориентирующихся на приспособление, уступки. Вместе с тем заметно увеличилась доля студентов, ориентированных на конфронтацию, на отстаивание своих интересов любыми способами (табл. 4).

Таблица 4

Динамика распространенности в студенческой среде различных конфликтных практик, % от числа опрошенных

Стиль конфликтного поведения	Характер конфликтных практик	1999	2009
Конфронтация	Стараются отстаивать свои интересы любыми способами	14	23
Сотрудничество	Стремятся понять интересы других участников конфликта, найти взаимоприемлемое решение	46	47
Приспособление	Стараются сгладить острые углы, если надо, могут уступить	23	19
Уклонение	Используют любую возможность для того, чтобы уклониться от конфликта	10	8
Избегание	Ничего не предпринимают, «все устраивается само по себе»	4	4

В целом за последние 10 лет поведение студентов в конфликтных ситуациях стало более жестким, конфронтационным, они стали меньше ориентироваться на интересы других людей, стали менее разборчивы в выборе средств защиты своих интересов.

Поведенческие практики в напряженных ситуациях в определенной мере связаны с половозрастными признаками опрошенных. Студенты менее разборчивы в выборе средств защиты своих интересов, они чаще чем студентки ориентированы на конфронтацию, отстаивание своих интересов любыми способами. Стиль поведения в конфликтной ситуации связан также с возрастом опрошенных, наличием опыта студенческой жизни. В ходе исследования выяснилось, что именно первокурсники сравнительно более часто ориентированы на конфронтацию, стараются отстоять свои интересы любыми способами (27%) и меньше других склонны приспособливаться, идти на уступки (15%). Можно предположить, что неразборчивость в средствах, жесткость и неуступчивость молодых людей формируется не в стенах вуза, поскольку по мере перехода с курса на курс эти характеристики заметно смягчаются: студенты явно приспособляются к реальной ситуации в вузе, становятся более заметными такие черты, как уступчивость, стремление сгладить острые углы.

Поведение студентов в напряженной ситуации оказалось связано и с тем, на каком месте они обучаются: на бюджетном или на платном. Выяснилось, что для «платников» несколько более характерны конфронтационные настроения, стремление отстоять свои интересы любыми способами. Вместе с тем группа студентов-«платников» в этом отношении весьма неоднородна (табл. 5).

Таблица 5

Стиль поведения в конфликтной ситуации студентов из семей разного материального положения, % от числа ответивших

Является ли плата за обучение тяжелым бременем для семейного бюджета?	Стили поведения в конфликтной ситуации				
	Конфронтация	Сотрудничество	Приспособление	Уклонение	Избегание
Не обременительно	36	34	19	8	3
Ощущается на семейном бюджете	25	46	17	10	3
Весьма обременительно для семейного бюджета	22	49	19	7	4

Конфронтационность гораздо более характерна для студентов, семьи которых не испытывают проблем с оплатой его обучения, тогда как студенты из семей, для которых расходы на его образование весьма обременительны, заметно чаще склонны к сотрудничеству, компромиссу.

Обращает на себя внимание выраженность анализируемых характеристик среди студентов, принадлежащих к различным социальным слоям. По мере повышения социального статуса семьи студента усиливается его ориентация на конфронтационный стиль поведения и, напротив, ослабевает стремление понять интересы других участников конфликта, уступить, уклониться от конфликта. Среди студентов, относящих свою семью к низшему слою, ситуация прямо противоположная: наименее выражено стремление к конфронтации и сравнительно более выражены такие характеристики, как приспособление, уклонение, избегание (табл. 6):

Таблица 6

Стиль поведения в конфликтной ситуации студентов, семьи которых принадлежат к разным социальным слоям, % от числа ответивших

Принадлежность к социальному слою	Стиль поведения в конфликтной ситуации				
	Конфронтация	Сотрудничество	Приспособление	Уклонение	Избегание
Высший слой	37	42	14	5	3
Между средним и высшим	30	47	17	3	3
Средний слой	20	48	20	9	3
Между средним и низким, низший	15	46	25	9	5

Выясняется, что один из источников агрессии, неразборчивости в средствах при отстаивании своих интересов, скорее всего, находится в семье. Вызывает тревогу то, что эти семьи чаще всего относятся к высшим слоям, к числу так называемых «элитных». Представляется достаточно обоснованным вывод, что рост социального статуса, материальной состоятельности семьи студента ведет, в той или иной мере, к росту его конфликтности.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что оптимизация напряжений в вузе предполагает особое внимание к процессу формирования социальной идентичности студентов, интегрирующей понятия социальной нормы, ценностных представлений и моделей поведения, определяющей сущность отношений в студенческой среде и, в частности, продуктивность возникающих конфликтов. Продуктивность конфликтов выявлялась нами в ходе анализа самооценок подлинности интересов, отстаиваемых опрошенными в ходе конфликтов, характер которых за прошедшие 10 лет в целом не изменился: более двух третей студентов (67–69%) уверены в том, что в ходе конфликтов они отстаивали свои подлинные интересы. По-прежнему примерно каждый десятый студент (9–11%) не уверен в подлинности интересов, отстаиваемых в конфликтах. Так же как и раньше незначительная часть опрошенных признала ошибкой свое участие в конфликте (2%). Обращает на себя внимание заметное сокращение доли опрошенных, которые не смогли уверенно утверждать, что в

конфликтах они отстаивали свои подлинные интересы (с 33% до 21%). Тем не менее, и сегодня каждый пятый студент участвует в конфликтах, которые не могут быть квалифицированы как продуктивные, полностью или частично устраняющие противоречие, лежащее в основе конфликта.

Непродуктивность конфликтов неизбежно сказывается на характере отношений в сфере высшего образования и ведет, во-первых, к «замораживанию» процесса разрешения назревших проблем в этой сфере, во-вторых, к образованию пассивного слоя в студенческой среде, нередко блокирующего возможности студенчества как стороны конфликтных отношений, в-третьих, к избранию частью студентов стратегий, ориентированных на уход от конфликта. Можно предположить, что подобные стратегии будут воспроизводиться ими и в поствузовской жизни, снижая эффективность процесса дальнейшей социализации.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что продуктивное использование конфликтного потенциала, накопленного в среде студенческой молодежи, предполагает прежде всего выявление, описание, структурирование конфликтогенных проблем, разрешение которых возможно в условиях высшей школы. В связи с этим обращает на себя внимание неумение и нежелание значительной части нижегородских студентов находить оптимальный выход из конфликтной ситуации. Они часто не принимают во внимание интересы другой стороны конфликта, изначально идентифицируют ее в качестве врага, что продуцирует рост отрицательных эмоций, негативных ожиданий, ведет к межгрупповому делению на «Мы» и «Они».

Другой важной конфликтологической проблемой современного нижегородского студенчества является неумение объективно оценить сложившуюся ситуацию: адекватно воспринять позицию другой стороны, оценить реальное соотношение сил конфликтующих сторон, наличие или отсутствие у них общих интересов, точек соприкосновения, здраво оценить потери, которые могут быть понесены как в случае продолжения конфликта, так и в случае его прекращения.

Важной конфликтологической проблемой также является неготовность, неспособность студентов адекватно реагировать на конфликтную ситуацию.

Значительная часть студентов оказывается в пространстве конфликта случайно, не видит в нем большого смысла и своего реального интереса. По существу, в этом случае речь идет о «наведенном» конфликте, о вовлечении в конфликт, о манипулировании другими людьми с целью достижения непонятных, чуждых для них целей. Оптимальная первая реакция гасит большинство «наведенных» конфликтов, не имеющих под собой объективной конфликтной основы. Однако студенты часто выбирают такие формы поведения внутри конфликта, которые ориентированы на его эскалацию, уменьшение возможностей его локализации и оптимизации.

Достаточно сформированной, укорененной выглядит позиция, которая сводится к стремлению любыми путями отстоять свой интерес, свое мнение. Этот факт представляется новым и достаточно симптоматичным, в определенной мере репрезентирующим социальные процессы, протекающие в России в последние годы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эти процессы оставили заметный след в сознании подрастающего поколения. В этом факте легко усматривается мощный источник будущих напряжений и конфликтов.

Обсуждение результатов

Можно предположить, что обусловленное глобальным кризисом усиление процессов абсолютной и относительной депривации массовидных групп населения повлечет за собой не только снижение показателей социального оптимизма, но и закономерное усиление протестных настроений в обществе. Не очевидно, что подобные настроения будут аккумулироваться внутри самых обездоленных социальных групп. Отмеченный выше рост оптимистических настроений и одновременно заметное сокращение доли «реалистов» и «пессимистов» в среде нижегородского студенчества за последние 10 лет позволяет предположить, что в условиях кризиса для значительной части студентов-оптимистов их позиция вряд ли оправдана. Скорее всего, многих из них ждут серьезные разочарования, поскольку они плохо представляют последствия глобального кризиса для рынка труда и для России в целом.

Минимальный социальный опыт, которым располагает студенческая молодежь, не позволяет прогнозировать то, что новые поколения, выходящие из стен вуза, будут способствовать снижению напряженности в обществе. Скорее, наоборот, есть основания полагать, что в молодежной среде присутствует достаточно мощный заряд напряженности, способный проявляться в форме слабо мотивированных конфликтов, поведения, в той или иной мере окрашенного радикальными, экстремистскими настроениями.

Ситуация осложняется тем, что оптимистические настроения студентов тесно связаны с ростом потребительских ожиданий и фокусируются вокруг материальных, «чувственных» (по П. Сорокину) ценностей, «отливаясь» в их сознании прежде всего как возможность потреблять. Обостряющееся противоречие между растущими ожиданиями студентов и очевидным сжатием спектра их реальных возможностей чревато ростом недовольства и протестных настроений, которые способны легко трансформироваться в неадекватные, непредсказуемые поведенческие реакции.

Если учесть, что рост протестных настроений в ходе продолжающегося кризиса возможен именно в тех социальных группах, в которых пропасть между их ожиданиями и реальными возможностями окажется наиболее «зияющей», представляется вполне вероятным, что одной из таких групп может оказаться студенчество, рассматриваемое некоторыми экспертами как потенциальный участник протестных акций [10].

Выводы

Мультируемые в СМИ идеи, связанные с тем, чтобы на время кризиса «придержать» студентов в вузах, превратив, по существу, вуз в организационно-охранительную структуру, блокирующую «выход» студентов

на улицу, могут привести к обратному эффекту – вузовская среда может превратиться в «котел», в котором «сварится суп», «несъедобный» не только для существующей власти, но и для общества в целом. В связи с этим нельзя исключить негативные последствия и для самих вузов, которые в принципе не готовы к исполнению «охранительных» функций.

Тенденции, угрозы, наблюдаемые в студенческой среде, без принятия соответствующих мер способны оказать дестабилизирующее воздействие на состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Настоятельно необходимо совершенствование системы воспитания в высших учебных заведениях, важным элементом которой должна стать конфликтологическая подготовка выпускников. Система конфликтологического воспитания в высших учебных заведениях крайне важна с точки зрения мультипликативного эффекта, поскольку способна оказывать влияние на формирование конфликтологической культуры не только студентов, но и тех людей, с которыми они в перспективе будут работать как специалисты, организаторы производства и руководители трудового коллектива.

Вузы, охватывая значительную часть молодежи, используя и наращивая свой конфликтологический потенциал, способны в течение нескольких поколений существенно повысить конфликтологическую культуру россиян, качественно изменить социально-психологическую ситуацию, существенно укрепить социальную безопасность в городе, регионе, стране. Следует подчеркнуть, что мы не рассматриваем это направление как панацею от всех бед. Однако нужно понять, что в кризисном обществе одновременно с оптимизацией социально-экономических отношений должен протекать процесс оптимизации социально-психологических отношений, неотъемлемой частью которого и выступает снижение конфликтности социальных отношений и наращивание конфликтологического потенциала российского общества.

Благодарности

Выражаю глубокую признательность научному руководителю совместного исследовательского проекта Нижегородского отдела ИС РАН и ННГУ С.С. Балабанову, долгие годы занимающемуся проблемами высшей школы, студенчества.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному собранию // Рос. газ. 2008. 06 нояб.
2. *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
3. *Шевелев И.* Через пропасть в два философских прыжка // Нов. газ. 2009. 19 янв.
4. *Алиев М.Г.* Социализация согласия. М., 1998.
5. Социальное согласие в современном мире. М., 2000. Вып. 1.
6. *Серебрянников В.В.* Гражданский мир и согласие в России // Соц.-полит. журн. 1997. № 1.
7. *Охотникова М.М.* Социология согласия. Тюмень, 2000.
8. *Эфиоров С.А.* Социальное согласие: утопия или шанс? М., 2002.
9. Чего опасаются россияне? М., 2008. Вып. № 6.
10. *Кара-Мурза С.Г.* Оранжевые революции делают искусственно созданные временные народцы. [Электронный ресурс]. URL: <http://anti-glob.narod.ru/st/oranzh.ru.htm> (дата обращения: 10.08.10).

В.С. Тарасов

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ И ДРУГИМИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются проблемы предупреждения и борьбы с девиантным поведением и негативными общественными явлениями среди населения Беларуси. Важным средством предупреждения и уменьшения уровня антиобщественных явлений, правонарушений, преступности и других преступных действий является социальная политика, направленная на повышение уровня жизни, культуры и формирование в обществе здорового образа жизни.

Ключевые слова: спиртные напитки, наркотики, отклоняющееся поведение, антиобщественные явления, преступления, криминальная деятельность, социальная политика, молодежь.

The article deals with problems of prevention and fight against deviant behaviour and negative social phenomena among the people of Belarus. The important means of prevention and reducing of antisocial phenomena, delinquencies, crimes and other criminal activities is the social policy that enables to raise standard of life, culture and form healthy way of life

Key words: alcoholic drinks, drugs, deviant behaviour, antisocial phenomena, crimes, criminal activity, social policy, youth.

В переходный период среди населения Беларуси широкое распространение получили такие антиобщественные явления, как пьянство, алкоголизм, наркомания, токсикомания и др., возросло количество правонарушений и преступлений. Растущее потребление спиртных напитков, натуральных и синтетических наркотических веществ, табачных изделий было вызвано резким изменением системы социально-экономических

отношений и лежавших в ее основе социальных ценностей. Экономические реформы, при проведении которых не учитывались масштабы и глубина социальных последствий перехода к рыночным отношениям (рост безработицы, потеря личных сбережений, сильное падение размеров заработной платы, деградация социальных механизмов помощи малообеспеченным и нуждающимся людям), негативно отразились на условиях труда и быта, социальных ожиданиях и перспективах основной массы населения.

При переходе к рыночным отношениям Беларусь, как и другие государства СНГ, пошла по пути либерализации цен, уменьшения важнейших социальных гарантий и льгот населению (в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении и др.). Услуги образовательных, лечебно-оздоровительных, культурных, спортивных учреждений стали малодоступными для основной массы населения и особенно для молодежи. Экономия на социальной сфере обернулась для республики катастрофическим падением уровня жизни, обострением социально-демографических проблем, снижением образовательного и культурного уровня населения, ростом антиобщественных явлений и преступности.

Формирование тонкого слоя экономически состоятельных людей из структур государственного и хозяйственного управления сопровождалось разрастанием масштабов малообеспеченного населения, среди которого оказались ранее привилегированные и высокообразованные социальные группы. Система общественных ценностей, мораль, нравственные принципы и нормы поведения постепенно утрачивали важнейшую функцию регуляторов общественной жизни. Особенно сильно изменения в экономике и социальной сфере повлияли на поведение социальных групп и индивидов, оказавшихся в сложном социально-экономическом положении (потеря денежных вкладов, работы и возможностей трудоустройства и др.). Глубокий системный кризис подстегнул рост антиобщественных явлений, девиантного поведения и преступности в различных слоях и социальных группах населения, усилил социально-экономическую нестабильность и привел к ослаблению важнейших институтов государства, в том числе правоохранительной системы.

Имитация рыночных преобразований в условиях сохранения государственной системы экономики и управления обернулась для общества резким снижением уровня жизни населения. Социальная неустроенность, отсутствие у населения надежд на улучшение в ближайшей перспективе материального положения, деградация механизмов социальной защиты населения, сильное социальное расслоение и другие факторы способствовали ухудшению общественных нравов, уменьшению влияния семьи как важнейшего института социальной стабильности. Снижение воспитательной роли семьи и школы в процессе формирования личности способствовало распространению антиобщественных явлений, девиантного поведения и правонарушений среди подростков и молодежи. На ухудшение криминогенной ситуации в республике оказали немаловажное влияние такие факторы, как: а) низкий авторитет старшего поколения, воспринимаемого молодежью как неудачников, б) распад семей вследствие алкоголизма и асоциального поведения родителей, в) изменение этических и нравственных стандартов семьи в условиях деградации системы социальных ценностей.

Социальная неустроенность, невысокие возможности получения образования, трудоустройства, решения социально-бытовых проблем, организации отдыха и культурного досуга стали оказывать растущее влияние на образ жизни молодежи, ее мораль и социальное поведение. Уменьшение финансирования учреждений образования привело к ограничению доступа молодежи из малообеспеченных семей и провинции к высшему и среднетехническому образованию. В образ жизни многих молодых людей вошли употребление легких и крепких спиртных напитков, курение и фривольное поведение в общественных местах. Средства массовой информации вместо пропаганды здорового образа и культурного проведения досуга обеспечили широкую рекламу различных сортов водки, пива и табачных изделий, связывая их потребление с признаком хорошего вкуса и материального благополучия. Появились молодежные субкультурные группы с особым сленгом и модой, для которых были характерны употребление спиртных напитков и наркотиков. Среди молодежи получили распространение девиантные формы поведения, чреватые риском заболевания ВИЧ-инфекцией, СПИДом, гепатитом В. Провал социальной политики на стадии перехода к рыночной экономике был основной причиной падения уровня жизни, формирования заниженных материальных и культурных потребностей населения, что негативно отразилось на духовно-нравственном климате и общественных отношениях. Молодежь как специфическая социальная группа с ее социальными проблемами и интересами оказалась обойденной вниманием в социальной политике.

Социальная политика в экономически развитых странах мира является важнейшим фактором социально-экономического роста и повышения уровня жизни населения. Основным субъектом социальной политики является государство, которое определяет ее задачи и цели, финансирует и контролирует выполнение социальных обязательств и программ. Социальная политика включает в себя широкий комплекс проблем: от улучшения условий труда и быта, развития здравоохранения, образования, науки и культуры, морали и нравственности, поддержания правопорядка до развития социальной инфраструктуры, транспорта, связи, торговли, коммунального и бытового обслуживания. Она оказывает сильное влияние на образ жизни общества, духовно-нравственную культуру, ценностные ориентации, динамику социально-демографических процессов, состояние правопорядка. Ее суть заключается в обеспечении общественно приемлемого уровня материального благосостояния и социальной защиты населения на основе относительно справедливого распределения ресурсов между высшими и низшими слоями населения.

Социальная политика является средством предупреждения социальных конфликтов и поддержания политической и социально-экономической стабильности. Ее цель заключается в обеспечении баланса интересов различных социальных групп на основе высокой степени согласия между ними с системой распределения социальных благ, а также создании экономических и социальных условий для осуществления населением и

отдельными индивидами своих жизненных целей. Состояние социальной сферы, уровень и качество жизни населения, условия развития человеческого потенциала (образование, культура, здравоохранение и др.), демографическая ситуация (продолжительность жизни, рождаемость), межличностные отношения, состояние преступности являются важными показателями эффективности государственной социальной политики. Чем эффективнее экономика, тем больше у государства средств для инвестиций в социальную сферу (на развитие здравоохранения, образования, культуры и спорта, социального обеспечения, профилактику и борьбу с антиобщественными явлениями и преступлениями).

Серьезные просчеты в социальной политике привели к тому, что в Беларуси, как и в других государствах СНГ, с начала 1990-х гг. растет преступность. Согласно статистическим данным, наиболее высокий уровень преступности был зарегистрирован в 2005 г. и составил 192 506 случаев. По сравнению с 1990 г. количество преступлений увеличилось более чем вдвое. В той же пропорции возросло количество преступлений среди мужчин и женщин. Более трех четвертых преступлений приходится на долю социально-демографических групп в возрасте от 18–29 лет и от 30 лет и старше. В 2005 г. их количество в группе от 18 до 29 лет составило 38,9 тыс. человек против 17,8 тыс. человек в 1990 году. Соответственно, количество преступлений в группе от 30 лет и старше возросло с 18 тыс. человек в 1990 г. до 41,1 тыс. человек в 2005 году. Было зафиксировано увеличение преступности среди подростков 14–15 лет с 1,6 тыс. человек в 1990 г. до 2,1 тыс. человек в 2007 г., а также в группе 16–17-летних с 5,0 тыс. человек до 5,6 тыс. человек. Подавляющее большинство преступлений было совершено нигде не работавшими и не учившимися индивидами. Если в 1990 г. на их долю приходилось 7,6 тыс. преступлений, то в последующие годы наблюдается устойчивая тенденция роста преступности, которая достигла своего пика в 2005 г. – 55,9 тыс. преступлений. Второй криминогенной группой является группа рабочих. В 2005 г. на ее долю приходилось 15,4 тыс. преступлений. Более чем на 50% увеличилось число преступлений в группе учащихся.

Большинство осужденных за различные преступления относятся к категории активного трудоспособного населения в возрасте от 18 до 49 лет. На их долю приходится более трех четвертых преступлений, тогда как на группы 14–17-летних и от 50 лет и старше – менее одной четвертой. Причем большинство осужденных составляют раннее судимые, нигде работающие и не учащиеся лица [1, 267–273]. Социально-экономическая ситуация и материальный уровень жизни являются важнейшими факторами влияния на криминогенную обстановку в республике, состояние преступности и др. В течение многих лет экономическая ситуация в Беларуси характеризуется крайне ограниченными условиями для реализации населением, и особенно молодежью, своих жизненных стратегий, скрытой безработицей, невысоким уровнем оплаты труда, растущим разрывом в уровне жизни и социальном обеспечении привилегированных и остальных социальных групп.

В республике прогрессирует рост подростковой преступности, на которую оказывают все более сильное влияние структуры организованной преступности. Правоохранительные органы и криминологи отмечают высокую степень сплоченности подростковых антиобщественных групп, их высокие навыки самоорганизации, конспирации, а также готовность при необходимости использовать холодное или огнестрельное оружие. Все чаще насильственные действия со стороны подростков квалифицируются правоохранительными органами не как хулиганское поведение, а как целенаправленные уголовные действия с целью извлечения личной выгоды. Причем подобные действия начинают распространяться и среди подростков из вполне благополучных семей, учащихся или работающих. Основными видами подростковой преступности являются кражи, грабежи, мошенничество, разбои, вымогательство. В структуре преступности несовершеннолетних более трех четвертых преступлений составляют преступления против собственности. В республике пик подростковой преступности был зафиксирован в 2005 г. и составил 9096 преступлений. В 2006 г. количество преступлений уменьшилось до 8333, однако возросло количество преступлений, связанных с наркотиками – 138 [2, 82–83]. По темпам роста краж, грабежей, преступлений на почве злоупотребления алкоголем и наркотиками Беларусь входит в число лидеров среди стран СНГ.

В предкризисные годы произошло улучшение экономической ситуации в республике, о чем свидетельствовали рост доходов, потребления и уменьшение количества малоимущих людей. Однако эти изменения не оказали существенного влияния на структуру потребления, возможности и формы проведения культурного досуга. Глобальный финансово-экономический кризис и растущие цены на российские энергоносители и сырье серьезно осложнили экономическую и финансовую ситуацию в республике. Многие предприятия республики были вынуждены перейти на неполную рабочую неделю, сократить производственный персонал и др., что повлекло за собой увеличение потребления населением спиртных напитков. Так, за период с января по апрель 2009 г. на 4,1% увеличилась продажа водки, доля которой в общем объеме производства составила 49,4% против 47,1% в прошлом году; было реализовано на 14,3% больше ликероводочных изделий. Несмотря на некоторое сокращение производства низкокачественных вин, в республике растет производство и потребление спиртных напитков. По официальным данным, на каждого гражданина республики приходится 8,9 литров чистого алкоголя. Объем продажи спиртных напитков за 1995–2009 гг. увеличился с 6,7 до 12 литров на душу населения [3]. Алкоголизация населения грозит республике не только серьезными демографическими и социально-экономическими проблемами, но и увеличением количества правонарушений, преступлений и других антиобщественных явлений.

Не менее остро стоит в республике проблема наркопотребления. Так, весной 2010 г. в наркологических учреждениях республики на учете состояли более 181 тыс. человек. Причем 25% находящихся под наблюдением пациентов являются молодыми людьми в возрасте до 21 года. Потребление молодежью спиртных напитков и наркотиков является одной из основных причин роста молодежной преступности. Если в 1990 г. в Беларуси

было зарегистрировано 372 преступления, связанных с употреблением наркотиков, то в 2007 г. – 4459 преступлений. Подавляющее большинство потребителей наркотиков составляют молодые люди в возрасте до 30 лет, среди них особенно высок риск заболевания смертельно опасными инфекционными болезнями. По данным Республиканского центра гигиены, эпидемиологии и общего здоровья, на 1 августа 2009 г. в республике был зарегистрирован 10 201 случай ВИЧ-инфекции (показатель на 100 тыс. населения составляет 105,5). Только за семь месяцев 2009 г. было выявлено 583 ВИЧ-инфицированных пациента [4, 129].

В течение переходного периода государство последовательно уменьшало социальные гарантии населению, переключая на них решение социальных проблем. За последние годы государством была существенно ограничена бюджетная форма обучения, введена контрактная система трудового найма, отмены льготы пенсионерам и студентам на проезд в общественном транспорте, сокращена продолжительность отпусков. Одновременно было увеличено финансирование аппарата государственного управления и силовых ведомств, что способствовало усилению социальной дифференциации и росту среди населения настроений социальной несправедливости.

Политика государства по отношению к высокообразованным слоям населения, недооценка их важности в духовной жизни общества и формировании подрастающего поколения наносит непоправимый вред общественным отношениям, способствует снижению уровня культуры и нравственности, распространению в обществе различных социальных девиаций и антиобщественных явлений. Отсутствие в республике экономических реформ, высокий удельный вес государственного сектора экономики, низкий уровень модернизации предприятий, спрос на малоквалифицированную рабочую силу и другие экономические факторы оказывают негативное влияние на состояние рынка труда, размеры заработной платы, покупательную способность, семейное потребление. При сохранении прежних приоритетов в социальной политике государство едва ли может рассчитывать на прогресс в образовании, науке и культурном уровне населения.

Основными направлениями в экономической политике должны стать структурные изменения в экономике, увеличение доли частного сектора, развитие малого и среднего бизнеса, защита прав и интересов собственников, стимулирование доходов и потребления, повышение уровня жизни населения. Структурные реформы позволят расширить возможности выбора населением сферы экономической деятельности, стимулировать экономическую активность и способствовать становлению новых социальных отношений. Модернизация экономики может вызвать изменения в организации производства, культуре труда, производственной дисциплине и стимулировать спрос на высококвалифицированных специалистов в различных отраслях народного хозяйства. Это приведет к повышению престижа образования как основного условия успешной жизненной карьеры и восстановлению высокого социального статуса интеллектуальной и творческой элиты общества (врачей, учителей, работников культуры, науки и др.).

Несмотря на экономический рост, белорусская модель экономики нуждается в глубоких структурных реформах, сокращении размеров государственной собственности, развитии рыночных механизмов управления и ценообразования, сведении к минимуму вмешательства государственных структур в хозяйственную деятельность. Государству необходимо решить проблемы обеспечения занятости, создать механизмы социальной защиты и помощи нуждающимся слоям населения, реформировать систему заработной платы, пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования. Острота криминогенной ситуации, распространение антиобщественных явлений, правонарушений и преступности зависят от состояния социальной сферы, социально-бытовых, материальных и культурных условий жизни населения. Внимание государства к проблемам молодежи, облегчение ей доступа к бесплатному образованию, создание условий для реализации молодежью своих жизненных стратегий могут существенным образом повлиять на ценностные ориентации и поведение молодежи. Особое внимание следует уделять группам риска (малообеспеченным и неполным семьям, подросткам, вступающей в трудовую жизнь молодежи), условия жизни и социальное окружение которых способствуют развитию отклоняющегося поведения, правонарушений и других антиобщественных явлений.

Инвестиции в социальную сферу позволят улучшить материально-техническую базу учебных заведений, обеспечить доступность для молодежи кружков художественного творчества, объектов спортивного и культурного назначения, спортивных секций, привлечь к работе с молодыми людьми высококвалифицированных педагогов, психологов, тренеров. Совместными усилиями государства и общества в лице семьи, школы, социальных педагогов, психологов, средств массовой информации, государственных и общественных организаций можно добиться утверждения среди молодежи норм культурного поведения и тем самым предупредить распространение антиобщественных явлений и девиантных форм поведения.

Список литературы

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2009. Минск, 2009. 600 с.
2. *Максименя С.А.* Преступность несовершеннолетних в Республике Беларусь. Минск, 2008. 117 с.
3. Усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. 17 июня 2010. Сайт МВД РБ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd-gov.by/modules.php?name=News&file=article&sid> (дата обращения: 30.08.10).
4. *Левицкая И.В.* Ценностное сдерживание девиантизации современного белорусского общества: Социологический анализ // Социология. 2009. № 3. С. 120–134.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕЛИНКВЕНТНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ И КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА

Автором проводится анализ феномена молодежной девиантности. В статье рассматриваются существующие основные подходы в объяснении отклоняющегося поведения индивида. Автор приводит результаты анализа, отражающие взаимосвязь девиантного поведения молодежи и основных тенденций во всех сферах общественной жизни.

Ключевые слова: делинквентное поведение, теории девиантного поведения, молодежь, криминальная субкультура, делинквентная социализация, паттерны криминального поведения.

The author carries out the analysis of a phenomenon on youth deviation. It's examined the main approaches to explain the deviant behavior of person. The author refers to the results of the analysis, which are indicating correlation of the deviant youth behavior and major tendencies in all spheres of public life.

Key words: criminal behavior, theories of deviant behavior, youth, criminal subculture, delinquent socialization, patterns of criminal behavior.

Введение

Криминологи считают, что существование деструктивного поведения зависит от противоречия между требованиями нормативной системы и интересами действующих субъектов, а также от социального неравенства и степени различия, «разрыва» в возможностях удовлетворения потребностей для разных социальных групп [1, 39–65]. Многообразие указанных факторов отражает многоаспектный характер феномена делинквентного поведения личности. Вместе с тем следует указать, что имеются и существенные возражения в отношении положений о детерминации деструктивного поведения только противоречиями между потребностями индивида и легальными возможностями их удовлетворения, между перспективными и текущими потребностями общества, от обусловленности преступного поведения социальным неравенством.

Материалы и методы

В социологической науке анализ девиаций и преступления восходит к идеям Э. Дюркгейма. По мнению Э. Дюркгейма, противоправное поведение является результатом разрыва связи между индивидом и коллективом, из-за чего нарушаются привычные законы подчиненности отдельной единицы общей массе, частью которой эта единица является. Э. Дюркгейм считал одной из причин антиобщественного поведения явление аномии, которое обозначает болезненное и кризисное состояние ценностно-нормативной сферы общества, характерного для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились. В результате такого состояния люди запутываются и испытывают дезориентацию. Анализируя преступное поведение, Э. Дюркгейм отметил, что, будучи напрямую связано с риском и авантюрой, оно резко сокращает обычные временные параметры в достижении карьеры, успеха, уменьшает усилия, необходимые для реализации целей законным путем. Оно формирует людей дерзких, циничных, жестоких, с презрением относящихся к другим, не стесненных никакими принципами и готовых к любым переменам. Иными словами, преступление никогда не было тотально отрицательным, оно имеет большой эгоистический заряд и дает мощный социальный эффект. Преступление играет ключевую роль в механизме отбора «сильных» личностей, своего рода социальных «монстров» [2, 550–560].

Позднее американский социолог Р. Мертон, восприняв и творчески переосмыслив идеи Э. Дюркгейма, рассматривал аномию как отклоняющееся состояние социальной структуры общества. Аномия, по Мертону, – особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и естественного свойства, которое характеризуется разложением системы «моральных ценностей». Классификацию девиантных поступков, предложенную Мертоном, можно считать одной из самых удачных. Девиации возникают в результате разрыва между социально одобряемыми целями, которые воплощаются в естественных человеческих стремлениях к богатству, власти, успеху, и существующими институтами, санкционирующими средства достижения этих целей. Последние, по мнению ученого, практически лишают подавляющее большинство людей возможности реализовать поставленные цели с помощью одобряемых средств. Мертон делит основные ответные реакции на воздействие аномии, т.е. принятие или отрицание людьми целей общества, социально одобряемых способов их достижения, на следующие виды [3, 118–124].

1. Конформизм – тотальное подчинение – предполагает согласие с целями общества и законными средствами их достижения.

2. Инновация – предполагает согласие с целями общества, но отрицание социально одобряемых способов их достижения.

3. Ритуализм – предполагает отрицание целей общества, но согласие использовать социально одобряемые средства может быть доведено до крайних форм и стать патологичным проявлением социализации.

4. Ретритизм – наблюдается, когда человек одновременно отвергает социально одобряемые цели и средства.

5. Бунт – связан с одновременным отрицанием социально одобряемых целей и средств. Но в отличие от ретритизма, бунт приводит к формированию новых целей и средств.

Концепция Мертона имеет важное значение, потому что рассматривает конформизм и деструктивное поведение как две чаши одних весов, а не как отдельные категории. И вместе с тем в его теории сделан акцент на

том, что девиация и ее крайние проявления – не продукт абсолютно негативного отношения к общепринятым стандартам. В частности, сторонники данной позиции Н. Смелзер и А. Коэн, исследуя социальную дезорганизацию общества, считают, что деструктивное поведение идет вразрез с институализированными ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы [4, 118–124].

Итак, идеи зарубежных социологов (Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса, А. Коэна, В. Миллера, Т. Селлина и др.) позволили определить деструктивное поведение на макросоциальном уровне, а само поведение людей понять как «императивы» социума. Многие зарубежные социологи подчеркивали важность корреляции девиации и делинквентности с маргинальностью. Так, Э. Стоунквист, развивая идеи Р. Парка о маргинальности, характеризует состояние «маргинального человека» с использованием следующих выражений, отражающих различную степень остроты культурного конфликта: «дезорганизованность, ошеломленность, неспособность определить источник конфликта, ощущение “неприступной стены”, неприспособленности, неудачливости, беспокойства, тревожности, внутреннего напряжения, изолированности, отчужденности, непричастности, стесненности, разочарованности, отчаяния, разрушения “жизненной организации”, психической дезорганизации, бессмысленности существования, а также эгоцентричности, честолюбия и агрессивности» [5, 140–141]. В определении Э. Стоунквиста очевидна содержательная близость характеристик «маргинального человека» и дюркгеймовских характеристик «аномичных индивидов». В обоих случаях имеет место разрыв социальных связей и, как следствие, ценностно-нормативный вакуум, порождающий деструктивное поведение.

Из работ отечественных криминологов, посвященных анализу преступности, а также исследований отечественных и российских социологов по девиации и преступному поведению можно, под углом зрения выявления сущности делинквенции и преступности, сделать следующие выводы.

Во-первых, криминологи и социологи придерживаются традиционной позиции, согласно которой делинквентное и преступное поведение понимаются как тождественные. По сути, такая позиция имеет свои исторические основания, когда общая криминальная направленность тоталитарного режима и акцентирование внимания творческого потенциала ученых на изучении феномена преступности обусловило изучение феномена делинквенции в свете ее жесткой связи с преступностью. Констатация их асоциальной негативной направленности, ограниченность и заданность методологической установки, ограничение социологических исследований и недостаточная их оснащенность, однозначность идеологии и парадигмы – все это во многом сказалось на сохранении указанной традиции.

Во-вторых, ряд ученых – российских криминологов и социологов придерживается мнения о различии делинквентного и преступного поведения. Первоначальное разграничение между понятиями «делинквентное» и «преступное» основано на разграничении логического объема данных понятий. Исходя из этого делинквентное поведение трактуется как более широкое по отношению к «преступному» и как более узкое по отношению к девиации.

В-третьих, важнейшим методологическим принципом для различия делинквентного и преступного поведения является анализ преступности в контексте отчуждения. Пронизывая все стороны человеческого бытия, отчужденные социокультурные феномены довлеют над человеком, превращая его в манипулируемое, ограниченное, одностороннее существо. Человек теряет себя, превращается в обезличенное раздвоенное существо, исполняющее не собственно-присущие ему роли, свое предназначение, а полностью опустошающее себя, начинает подчиняться только отношениям внешней целесообразности.

Делинквентное поведение – это противоправное поведение, в его генезисе лежит комплекс факторов, которые в совокупности создают такие основания в сознании индивида, когда его права как человека нарушаются или подавляются, и в знак протеста против нарушения его человеческих прав он совершает делинквентное деяние. Поведение делинквента многообразно по формам проявления, но в своей эволюции оно может проявиться в античеловеческой форме и принять рецидивный характер. В таком случае оно превращается в собственно преступное поведение. Таким образом, делинквентное поведение – это отчужденная форма девиации, такое противоправное поведение, которое связано с нарушением правовых норм, генезис которых восходит к нарушению человеческих прав в бытии деликта и с целью восстановления которых он использует незаконные средства. Делинквентное поведение, как правило, мотивируется стремлением преодолеть депривационные основы своего бытия и стремлением восстановить «справедливость». Оно чаще всего основано на «риске», насилии, господстве, силе и вращено на безответственности, открытом цинизме. Все формы делинквентного поведения в определенных случаях при наличии криминальной среды могут провоцировать процессы деструктивной социализации. Для несовершеннолетней молодежи данный тип поведения чаще всего является результатом постоянного подавления взрослыми стремлений подростков к самостоятельности, выбору собственной стратегии поведения и общения со сверстниками, навязывания им собственных амбивалентных поведенческих или вербальных поступков. Это различного рода ограничения, несогласованные требования, ограничение свободы в действиях ребенка, постоянно навязываемые модели поведения, вербальные замечания, наказания, невнимательность к внутреннему миру подростка, непризнание субъективного мира молодого человека. Делинквентное поведение может возникать как результат неправильной стратегии в группировании со сверстниками, негативной, отчужденной формой которого может стать образование делинквентной молодежной группы.

Таким образом, анализируя делинквентное поведение молодежи и несовершеннолетних, можно прийти к выводу о том, что оно является отчужденной деструктивной формой девиантной социализации. Следовательно, деструктивная социализация подростков и молодых людей осуществляется, когда:

- 1) происходит нарушение общественного порядка, равновесия, в результате чего наступает дезорганизация;
- 2) ослабевают связи между индивидом и обществом;
- 3) экономическое состояние общества ведет к эксплуатации, нищете, распаду семейных связей, ослаблению влияния иных социальных институтов;
- 4) политическое существование общества в угоду одной его части делает невыносимым существование другой;
- 5) состояние правопорядка в обществе неудовлетворительно и оказывает негативное влияние на состояние политической и правовой культуры, ментальности населения.

В качестве косвенных факторов необходимо отметить факторы внесоциального характера – психологические, биологические особенности индивидов, экологические и другие. Неформальные молодежные группы как первое звено дрейфа в противоправную группу с антисоциальной целью и способами ее достижения представляют собой специфическую форму отчуждения молодежи от традиционных институтов социализации как результат депривации и дисфункции семьи. Неформалы очень часто под влиянием эрзацев насилия и жестокости, транслируемых с экранов телевизоров, кино, видео, проходят подготовительную ступень «предкриминальной социализации». В связи со сложными трансформациями семьи и ее стремительной депривацией подростки оказываются под влиянием неформалов. Многие дети остаются без присмотра и контроля со стороны родителей. Оказавшись порой без постоянного заработка, такие семьи в поисках работы вынуждены мигрировать, переселяться в крупные города, но обречены переживать процесс деконструкции привычного образа и уклада жизни.

На этот факт обратил внимание Э. Сатерленд, сформировавший идею о «дифференцированной связи». В своей работе «Принципы криминологии» он обосновал идею о том, что «обучение» преступному поведению происходит у тех индивидов, кто чаще контактирует с криминальными образцами и устанавливает тесные взаимоотношения с людьми, у которых он может перенять криминогенные взгляды, привычки и умения под влиянием негативных социальных явлений и в силу подражания плохому примеру. «Дифференцированное влияние» на детей может оказать семья и внутрисемейные конфликты, которые определяют направление воспитания ребенка. Если в семье постоянно воспроизводятся амбивалентные образцы поведения, то ребенок с легкостью усваивает соответствующие стандарты мышления и поступков. Таким образом, по мнению ученого, преступные взгляды, ориентации и умения усваиваются в группе при неформальном общении. Если в социализации ребенка осуществляется формальный подход со стороны воспитателей в школе и взрослых в семье, и они не способны установить психологический контакт с детьми, то все воспитательные усилия носят нулевой эффект. В таком случае функции по социализации этого ребенка берет на себя неформальная группа сверстников, которая оказывается авторитетом, образцом для подражания. По мнению Э. Сатерленда, к истокам первичной преступности относятся социальная дезорганизация, социальная мобильность, конкуренция и конфликт культур [6, 32–40]. Подход, разработанный Э. Сатерлендом, позволил определить влияние взглядов, жизненных ориентаций, умений, привычек, стереотипов и оценок на формирование предкриминального поведения молодых лиц. Адаптируя подход Э. Сатерленда к анализу феномена неуспешной социализации молодых в результате изменения статуса патриархального господства в семье, можно обозначить, что семья, оказавшись в условиях неравного доступа к социальному богатству на фоне безработицы, низкого дохода, в связи с потерей жилья, сталкивается с достаточно сложными проблемами в процессе трансформации общества.

Первичными агентами неуспешной социализации молодых людей, провоцирующими их к предкриминальному поведению, совершению девиации, являются амбивалентные поступки родителей, деконструкция семьи и смена культуры патриархального господства в семье на либеральную культуру. Неуспешная социализация несовершеннолетних может при неблагоприятном криминальном фоне привести к вступлению в молодежную делинквентную группу или стать «толчком» для девиации, которая при криминальной и отчужденной социальной среде оборачивается делинквенцией. «Дифференцированное воздействие» может быть направлено и на несовершеннолетних и молодых людей из благополучного контингента.

Испытывая сильное противоречивое воздействие аномично-отчужденного фона социума, в котором ярко обозначены символы успеха и средства его достижения, амбивалентность статуса и сознания родителей, квазиуспехи криминальных элементов, которые «добывают» деньги, не имея особого интеллекта и образования, – испытывая все это, молодые люди создают основу для формирования опасной тенденции в неуспешной социализации. Поэтому совершение преступления становится экзистенциальным актом отказа от значимых ценностей и норм общества. Вступление в молодежную делинквентную группу указывает на начальную ступень деструктивной социализации. Как считают эксперты-криминологи и социологи, «преступные сообщества... пополняются за счет несовершеннолетних и молодых людей из крайне неблагополучной, деморализованной и криминальной среды» [7, 173].

Другим криминальным фоном, который может оказывать воздействие на неуспешную социализацию несовершеннолетних и предкриминальное поведение молодого человека является криминальная среда. Она формирует идеологию с широким набором «нравственных», «правовых» и эстетических и даже философских идей, не только оправдывающих преступность, но и составляющих базу для субкультуры этой среды. Субъектами такой идеологии являются «авторитеты» преступного мира, которые заинтересованы в вовлечении в преступные молодежные группы молодежи. Территориальные группировки молодых людей, обычно действующие под прикрытием и контролем представителей организованной преступности, являются теми агентами, которые вовлекают в свои ряды молодых людей, подготавливая из них волонтеров организованной преступ-

ности. Такие корпорации «воров в законе» оказываются особенно заинтересованными в распространении воровских законов и традиций в территориальных группах, в поддержании воровского статуса и кодекса чести.

Для криминального мира территориальные группировки – это резерв преступной организации, начальная стадия криминальной социализации. Посредством таких групп происходит трансляция и усвоение криминального опыта и субкультуры. С точки зрения самих молодых правонарушителей такая группировка является для них «психологической защитой» от отчужденного и аномичного социума.

Во-первых, в такой группе молодые люди сообща защищают себя от насилия со стороны взрослых. Во-вторых, молодые ищут в группе психологически-моральной поддержки, сочувствия, доверия, понимания. Идентифицируя себя с группой, многие из них ощущают себя психологически комфортно. В-третьих, находясь в группе, каждый молодой человек нейтрализует неблагоприятную оценку или информацию о себе: сознание молодого человека как бы защищается от унижений, оскорблений, обвинений со стороны взрослых. Остро переживая негативные оценки и чувство унижения, психологически индивид испытывает потребность как в уважении, так и в самоуважении. И хотя защита, которая ему обеспечивается в делинквентной группе, в какой-то мере и является самообманом, она оказывается порой желанной и более возвышающей, чем, по его мнению, «тьма низких истин».

В этих группах личность развивается и действует в соответствии с ценностями и нормами своего криминального окружения, не воспринимая ценностей культуры общества в целом. Такая субкультура является контркультурой по отношению к элитарной и культуре средних групп. Она находится в противоречии с господствующей системой ценностей в обществе. Вступая в банду, человек испытывает на себе воздействие субкультуры и постепенно отчуждается от социальных запретов, полученных в процессе социализации. Нарушение этих запретов является одной из норм субкультуры. Впоследствии асоциальная субкультура влияет на десоциализацию индивида и формирует его в соответствии с действующими и принятыми в криминальном сообществе нормами.

Находясь в группе, молодые люди отгораживаются от враждебно-настроенного в их отношении мира взрослых. Они создают свои нормы и правила поведения, которые имеют значимость только для членов делинквентной группы и распространяются только внутри нее. В таком случае группа предстает как «Мы», а все другие социальные группы и сам социум – как «чужие», на которых свод правил и норм делинквентной группы не распространяется. Для «чужих» и в мире «чужих» система ценностей носит релятивный и субъективно трактуемый характер с позиции самого деликта. То, что морально приемлемо для «своих» и обязательно для исполнения, то гибко и морально-релятивно, инструментально в мире «чужих», «не своих». Усвоение правил и приемов нейтрализации моральных ценностей происходит в делинквентной группе, где заповедь «не кради» морально оправдана для своих внутри группы и гибко переинтерпретируется в условиях действия с «чужими», в разрешительной и обязательной к исполнению форме. Система перекодирования и ее направленность в отношении «своих» и «чужих» усваивается внутри делинквентной группы, для которой истинный мир и безусловная шкала ценностей – это «семья», а мир социума – это мир, где все все условно, релятивно.

Каждая социальная группа осуществляет специфическую социализацию своих членов через обучение и культивирование принятой системы норм и ценностей. Поскольку делинквентная группа предстает как устойчивая группа взаимоотношений и поведения ее членов, имеющих общий интерес, поскольку такая группа вырабатывает свою субкультуру, которая в отношении официальной предстает как контркультура, субкультура делинквентной молодежной группы сама может быть обозначена как делинквентная, которая по мере своего формирования создает собственные традиции, ритуалы, жесты. Обычно транслятором этой культуры является лидер молодежной делинквентной группы, имеющий криминальный опыт, криминальную профессионализацию. Пройдя десоциализацию в этих местах, лидер привносит делинквентную субкультуру в малую группу. Одним из элементов такой субкультуры являются нормы, которые регулируют отношения между «своими». Нормы дополняются традициями «посвящения» или «принесения клятвы». Такие традиции и соблюдение правил важны как для сплочения, так и для соблюдения преданности и ответственности в отношении «своих».

Одну из функций вхождения в группу и последующей «социализации» индивида осуществляет криминальный жаргон. С помощью жаргона происходит усвоение особых символов, засекречивается специфическая информация, значимая для «своих» и непонятная для «непосвященных». Образность, парадоксальность, краткость, многозначность, кодированность привлекают молодежь и широко ею применяются в разговорном языке. Однако искусственное изменение значения обычных, нормативных слов приводит к тому, что жаргон постепенно вытесняет обычные слова и ограничивает лексический запас нормального разговорного языка. А это сужает и искажает языковую картину. Таким образом, разговаривая на жаргоне, молодые люди постепенно усваивают основные термины и слова деликтов, воспринимая и принимая «паттерны» поведения уголовного мира, воссоздавая в своем сознании мир уголовника и его отношение к действительности.

Помимо делинквентной группы большую роль в адаптации к аномичному обществу и десоциализации молодых людей играет делинквентная субкультура. Делинквентная субкультура изучалась американскими криминологами А. Коэном и А. Миллером [8, 314–321]. Главная идея теории субкультур состоит в том, что у преступников складывается своя, особая асоциальная субкультура, своя мораль, своя система ценностей и норм, противостоящая ценностям общества, в которой само преступление является морально оправданным.

Теория делинквентной субкультуры является методологическим принципом изучения и объяснения профессиональной преступности и причин делинквентной социализации индивидов, находящихся в изоляции в местах лишения свободы. Асоциальная субкультура является объективным и закономерным явлением криминального мира и широко распространена в местах лишения свободы. Криминальная субкультура деперсони-

фицирует человека. Все, кто входит в делинквентную группу, по сути, перестают объективно оценивать себя и других, а ценность другого человека и его жизнь все более понижается в глазах деперсонифицированного индивида. Людям присваивают клички, главное назначение которых, как отметил когда-то Э. Фромм, состоит в том, чтобы затруднить видение в другом – человека. Многие элементы делинквентной субкультуры не только деперсонифицируют личность молодых людей, но и способствуют господству в обществе «принципа вещизма». Страсть к богатству, накопительству, трансформируясь во враждебность к окружающим людям, переходит во власть над другими. Не случайно среди молодых людей наблюдается враждебность к окружающим людям, стремление властвовать над другими. Не случайно и то, что среди молодых деликтов наблюдается стремление к стяжательству, продуцируется деструктивность и комплекс деструктивных наклонностей и ценностных установок: жадность, зависть, эгоизм, жестокость, лживость, мстительность, нарциссизм.

По мнению Э. Лемерта и его последователей, наиболее негативное воздействие на криминализацию индивида оказывает пребывание в условиях изоляции от общества. Человек, совершивший преступление и понесший за это кару, сразу оказывается в худшем социальном положении. В первое же после окончания наказания время человек и без того унижен и оскорблен самим наказанием, ему приходится считаться с положением гонимого и отверженного. Стыдливая нравственность общества создает по отношению к нему, как к преступнику, новые нормы. Таково социальное влияние прежней судимости. Этим объясняется худшее социальное положение рецидивистов. Вывод очевиден: из осужденных к тюремному заключению и отбывающих его вербуются рецидивисты; тюремное заключение не оправдывает, как правило, своего назначения исправительной меры, в особенности по отношению к подросткам, а, наоборот, способствует его дальнейшей деликвенции в преступном мире.

Тюрьма сближает молодого человека с преступной средой, знакомит с ее обычаями, традициями, навязывая свои жестко регламентированные правила поведения и асоциальную субкультуру, поскольку у преступного мира «своя мораль», система ценностей и норм, противостоящая ценностям общества, в котором само преступление является морально оправданным. Личность развивается и действует в соответствии с ценностями и нормами своего криминального окружения, не воспринимая ценностей культурного общества в целом. Кроме вышеупомянутых тенденций играют роль внутренние социально-психологические факторы. Общество осудило и изолировало осужденных и, таким образом, противопоставило их массе законопослушных граждан. Общность социального положения, наличие общих ценностей способствуют тому, что заключенные начинают себя осознавать членами единого сообщества («Мы»), имеющего общие интересы и противопоставленного людям, живущим на свободе.

Исследования интеракционистов показали также, что воздействие судебной системы и карательного аппарата на преступность одновременно негативно влияют на человека, совершившего девиацию, а его последующая стигматизация оборачивается криминальной социализацией и привнесит раскол в общество, разделяя его на преступников и не преступников, озлобляя одних и отчуждая других. Концепция стигмы раскрыла, что общественная реакция и клеймение человека «преступником» разрушительно действуют на того, кто совершил преступление, и сужают не только его позитивное пространство, но и гораздо быстрее способствуют делинквентной социализации. Молодой человек в процессе делинквентной социализации активно усваивает элементы делинквентной субкультуры и приобщается к криминальному миру, воспринимая способы бытия и отношения к миру, обретая иллюзорные способы самоутверждения. Делинквентная социализация – это своего рода репрессивная социализация, возникающая как результат отчуждения человека от общества, переживающего социальную аномию и социальную дезорганизацию. А социально-негативным феноменом такой дезорганизации общества и аномии является делинквентное поведение индивидов.

Делинквентная субкультура в условиях изоляции преступников от социума «копирует» традиционную культуру по таким ее составляющим, как традиции, обычаи, клятвы, табу и другие ритуалы. Как показывают исследования социологов и криминологов, люди, находящиеся в местах лишения свободы, создают свои группы и способы адаптации к условиям принудительной изоляции с жесткой регламентацией поведения и интегрированием в однополюсные группы на уравнилельных началах. Так, характерными для делинквентной субкультуры являются традиция «прописки» и традиция, называемая «ломать корянку». Если первая направлена на «прием» новичков в группу, их стратификацию и обозначение их статуса, то вторая устанавливает степень интегрирования новичка в группу осужденных в качестве «кента», названного брата. Установление связей и отношений, основанных на землячестве, на знании в лицо или по рекомендации лидера, находящегося вне зоны, позволяет преступникам объединиться в «семью».

Каждый осужденный, находясь в заключении, проходит «делинквентную социализацию», научается распознавать коды и символы, значения слов, норм, табу, цветовой семантики, татуировок. Татуировки в криминальном мире до последнего времени играли важную роль в создании стратификационного кода. Так, с помощью татуировки можно было определить принадлежность к определенной касте, что облегчает установление контактов со «своими», служит средством обособления от законопослушных и определения социального статуса в «обществе». Сделать татуировку можно каждому, получив на то санкцию от членов сообщества. Накалывают то, что реально соответствует статусу. А сам индивид, имеющий конкретную наколку, должен соответственно ей вести себя. Клички также выполняют функцию сигнала о статусе, роли индивида в группе и отражают определенные физические недостатки, негативные качества индивида и особенности его поведения.

Таким образом, преступники, являясь агентами делинквентной субкультуры, активно подвергают десоциализации молодых людей. Самой питательной почвой для трансляции преступного опыта и десоциализации молодых является делинквентная субкультура зоны. Именно в ее пределах и внутри организованных

криминальных групп происходит влияние и усвоение норм «группированной жизни», постулатов «воровских законов». Причем все нормы и элементы делинквентной субкультуры должны быть прочно усвоены молодыми людьми, так как это – условие адаптации к криминальной жизни и способ приобщения к криминальному миру «зоны». Все «законы» и субкультура воровского мира направлены на воспроизводство и сохранение криминального сообщества. Всем деликтам, находящимся в зоне или группах, внушается мысль об их исключительности, особом их положении, предназначении устанавливать справедливость и порядок в преступном мире, соблюдать определенную иерархию ее членами. Именно в зонах и группировках, усваивая делинквентную субкультуру, молодые люди получают «все необходимые для членов преступных формирований качества: навыки маскировки, не критичное отношение к лидерам, стремление возвыситься в иерархии организованной преступности, дерзость, цинизм, безжалостность при совершении преступлений, следование нормам поведения, принятым в преступной среде, привычка существовать на нетрудовые доходы, паразитировать за счет совершения преступлений» [9, 179].

Как и в любой реальной социальной группе, процесс стратификации в сообществе осужденных имеет результатом выделение трех основных страт: высшей, средней, нижней. Внутри страты имеются еще более дифференцированные слои и подстраты. Стратификация – процесс объективный, он протекает в любой общности, и его нельзя отменить.

В сообществе осужденных действуют те же социальные и социально-психологические механизмы, что и в любой человеческой общности (стратификация, лидерство, нормообразование, подражание). Специфичность же результатов действия этих механизмов обуславливается социальной средой, искусственным и принудительным характером формирования общности. Можно выделить несколько характерных особенностей социальной структуры сообщества осужденных.

1. Отношение к человеку и его оценка определяются не его личностными качествами, а социальной ролью, статусом в группе. И если представители «элиты» еще воспринимаются «массами» как личности, то характеристика индивидов, образующих «массу», полностью исчерпывается их статусом. Тем самым она исключается из сферы действия механизмов, блокирующих внутригрупповую агрессию.

2. Противопоставление сообщества осужденных всему обществу происходит по линии разлома основных моральных ценностей, что не только повышает ценность «мы», но и формирует враждебный образ – «они».

3. Фактическая неоднородность и неравенство при формально провозглашенном равенстве. Привилегированная верхушка, представляя себя выразителем и защитником интересов всего сообщества, старается свои интересы и цели выдавать за общие, создавая не только искусственные внешние угрозы, но и образ внутренних врагов в виде аутсайдеров группы («опущенные»).

4. Полное подчинение личностных интересов групповым, укрепление сообщества не путем соблюдения прав его членов, а делегированием этих прав всему сообществу. Тем самым устанавливается тотальный контроль за распределением и потреблением материальных благ, жесткая централизация и субординация.

Как отмечают ученые-криминологи и работники юридических учреждений, за последнее время меняется действие корпорации «воров в законе». Есть попытки продвижения «своих» лиц и в законодательные органы во время выборных кампаний. Коррумпированные молодые люди в органах власти, в правоохранительной системе стараются привлечь на свою сторону и подкупить молодых адвокатов и специалистов в области государственного управления. Это позволяет корпорации новых «воров в законе» установить новые связи, используя личные знакомства и контакты для налаживания криминальных «дел» и расширения преступного сообщества.

Большой интерес сегодня представляет мир «беловоротничковой преступности». Его внешняя респектабельность, безответственность и ненаказуемость становятся сильнейшим стимулом для преступного сообщества, чтобы интегрироваться в него. Люди респектабельного мира, совершающие преступления, как правило, не всегда стигматизированы, они защищены господствующими стереотипами, а их престижный вид, богатство, власть и интеллект являются защитным механизмом от различного рода «клеймения» и отрицательных оценок. Стереотип престижности, респектабельности – могущественный психологический механизм. А между тем деятельность «беловоротничковых» преступников, их жизнь, поведение, культура становятся все более привлекательными для криминального сообщества. Дело в том, что сама криминальная идеология и субкультура элитных новых «воров в законе» постепенно меняет свои нормы, правила поведения, происходит отказ от архаичных и маргинализованных паттернов делинквентной субкультуры, трансформация всей системы криминальной субкультуры, инновация новых механизмов криминальной социализации молодого поколения криминального мира.

Таким образом, «беловоротничковая преступность», ее респектабельность и ненаказуемость становится для молодого поколения преступного сообщества целью, паттерном, «достойным» для обучения и подражания, а также средством для расширения криминального пространства. Э. Сатерленд, открывший феномен «беловоротничковой преступности», показал негативность влияния на людей феномена безнаказанности респектабельного общества. Анализируя факты хищения, махинации в экономической и хозяйственной областях, Э. Сатерленд показал социальную опасность преступления «сливок общества», релятивность социальной оценки поведения высших и низших слоев, релятивность и правовой нигилизм, господствующие в правовой и судебной практике. По мнению Э. Сатерленда, стигматизация обществом девиаций людей обрекает человека на преступную карьеру. Идеи Э. Сатерленда оказали теоретическое влияние на исследования интеракционистов, которые попытались выяснить процесс криминализации индивида. Согласно исследованиям американского ученого Э. Лемерта, следует различать пять этапов криминализации личности [10]:

- 1) нарушение человеком правил поведения;
- 2) интеракция окружения в форме отрицательной оценки;
- 3) вторичное правонарушение, вызванное обидой и враждебностью к окружению;
- 4) осуждение и стигматизация;
- 5) утверждение лица на преступном пути.

Выводы

Таким образом, возникновение деструктивной социализации молодежи есть феномен, существующий в постсовременном обществе и продуцируемый им, а состояние неустойчивости, которая является основным фактором формирования молодежи, для молодого человека является определяющим. Несмотря на это вынужденное «промежуточное» состояние в понятии девиантной социализации раскрывается значимый элемент социальной структуры. Девиантная социализация является механизмом формирования молодежи современного общества, который протекает в маргинальных группах и сообществах. Отметим, что отклоняющаяся социализация рассматривается нами шире, чем такое ее проявление, как девиантность. Рассмотрение теоретических аспектов, составляющих делинквентное поведение молодежи, позволило определить следующие аспекты данного явления:

1) для подростков и молодых людей характерно группирование и совместное совершение преступлений. Один молодой деликт или несовершеннолетний не способен к делинквентному поведению, он чаще всего осуществляет его в делинквентной группе;

2) делинквентная молодежная группа – это малая неформальная группа, которая в процессе эволюционирования формируется в устойчивую малую делинквентную группу с характерной для нее стратификацией, распределением ролей и выделением лидера и которая не только осуществляет делинквентное поведение, но и делинквентную социализацию и субкультуру. Такая классификация делинквентных молодежных групп позволила определить некоторые виды криминальной деятельности.

Анализ деструктивности дал возможность выявить механизм их формирования и составляющие делинквентной социализации, а также транслировать ряд позитивных аспектов наработанного опыта по исследованию молодежных делинквентных групп зарубежными и отечественными социологами.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступления. М., 1991.
2. Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб., 2001
3. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 2.
4. Коэн А. Отклоняющееся поведение // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1995.
5. Stonequist E.V. The marginal man // A studio in personality a culture conflict. N.Y., 1961.
6. Sutherland E. On Analyzing Crime. Chicago, 1973.
7. Организованная преступность–2 / Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М., 1993.
8. Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. М., 1966.
9. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996.
10. Lemert E. Social Pathology. N.Y., 1951.

О.В. Бессчетнова

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета, Россия

ВСТУПЛЕНИЕ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ГРУППЫ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье дается анализ молодежи как социально-демографической группы, анализируются ее основные проблемы, причины вступления в экстремистские группы.

Ключевые слова: молодежь, социализация, социально-демографическая группа, экстремизм.

The article dwells to the point of youth as a social and demographic group, analyses youth main problems, and studies the features of the youth entering to the extremism groups.

Key words: youth, socialization, social and demographic group, extremism.

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН (№ 64/134 от 18.12.2009) 2010 год объявлен Международным годом молодежи, который стартовал 12 августа под девизом «Диалог и взаимопонимание между поколениями». По замыслу ООН Международный год молодежи должен содействовать активному вовлечению молодых людей во все сферы общественной жизни, лучшему пониманию их потребностей и интересов. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо обратиться к анализу термина «молодежь», ее места в социально-демографической структуре общества, осознать ее проблемы и наметить пути их решения.

Существует множество определений термина «молодежь». В научной литературе он рассматривается в широком и узком смысле слова. Так, в широком смысле молодежь – обширная совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними видов деятельности. В более узком смысле молодежь – социально-демографическая группа, имеющая специфические социальные и психологические особенности, наличие которых определяется как возрастными особенностями, так и тем, что их социально-экономические и общественно-политическое положение, их духовный мир находятся в состоянии становления, формирования.

Согласно определению, данному социологическим энциклопедическим словарем: «Молодежь – это социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной и психо-физиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Обычно к молодежи причисляют людей в возрасте 14–30 лет» [1, 188].

Молодежь имеет свою социальную структуру, которая включает следующие параметры: 1) *вид деятельности* (студенческая, учащаяся, творческая, рабочая, научная); 2) *тип поселения* (городская, сельская); 3) *возраст* (подростки, юношество); 4) пол, семейное положение. В силу этого молодежь представляет собой наиболее мобильную часть общества, оказывающую активное воздействие на динамику социальной структуры, изменения классового и слоевого состава населения.

Говоря о месте молодежи в социально-демографической структуре российского общества, следует обратить внимание на такие общемировые тенденции, как сокращение доли детей в населении и увеличение доли пожилых, превышение численности людей пенсионного возраста над численностью детей и подростков до 16 лет (с 1999 г.).

По данным Переписи 2002 г., из общей численности населения России (145 млн человек) 26,3 млн составляли дети в возрасте до 16 лет, 88,9 млн – мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины в возрасте от 16 до 55 лет, а 29,8 млн человек – население старше трудоспособного возраста. Иными словами, 18,1% от численности населения составляли дети, 61,3% – население трудоспособного возраста и 20,5% – старше трудоспособного возраста.

Данная структура сильно отличается от структуры населения в 1989 г., когда доля детей была значительно больше – 24,5%, людей трудоспособного возраста – 56,9%, а лиц старше трудоспособного возраста – 18,5%. Сегодня доля людей в возрасте 65 лет и старше в населении России составляет более 13%, в то время как по шкале ООН население считается старым, если удельный вес данного возраста превышает 7% [2].

По оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 июня 2009 г. составила 141,8 млн человек, и с начала года уменьшилась на 57,3 тыс. человек, или на 0,04% [3]. Неблагоприятная демографическая ситуация в РФ, во-первых, связана с низким уровнем рождаемости, как следствие низкого уровня жизни большинства населения: как и пять лет назад эту причину называет 31% опрошенных в 2010 г. (против 44% в 2005 г.). Во-вторых, на нее влияют такие негативные факторы, как падение ценностей семьи (27% в 2005 г. и 22% в 2010 г.), неадекватные меры государственной социальной политики 1990-х гг. (35% в 2005 г. против 21% в 2010 г.). В-третьих, ухудшение здоровья граждан, которые не могут иметь детей по состоянию здоровья (14%), а также естественный демографический процесс, связанный с неблагоприятной демографической ситуацией в предыдущие годы (13%). Кроме того, среди явлений и факторов последнего десятилетия, оказывающих пагубное влияние на демографическую ситуацию в стране, россияне называют рост числа больных алкоголизмом и наркоманией, особенно среди молодежи (37% в 2005 г., против 45% в 2010 г.), СПИДом, ВИЧ-инфицированных, носителей венерических заболеваний (9% в 2005 г. и 16% в 2010 г.) [4].

Среди других наиболее существенных социальных проблем молодежи следует назвать малообеспеченность (каждый пятый молодой россиянин имеет доходы ниже прожиточного минимума); сильную социальную дифференциацию, особенно по социально-экономическим показателям; рост недовольства молодых граждан качеством жизни, усиление установок на обеспечение социальных гарантий, занятость в государственном секторе, стремление получить качественное доступное образование. В целом современная российская молодежь обеспокоена состоянием своего физического и душевного здоровья, угрозами личной и социальной безопасности, затруднениями в самореализации, получении профессии и образования, росте карьеры, достижении определенного уровня благосостояния, созданием и обеспечением семьи, воспитанием и образованием детей.

Недостаток материальных средств, неопределенность, хронический стресс, конфликты с родителями, учителями в школе, сверстниками провоцируют часть подростков и молодежи к совершению противоправных действий и преступлений (кражи, грабежи, разбой), вступлению в религиозные тоталитарные секты, субкультуры.

Неудовлетворенность собственным низким социальным и личным статусом, отсутствие друзей мотивируют многих подростков выражать протест против существующего миропорядка посредством вступления в радикальные экстремистские группировки, где под мнимыми лозунгами патриотической направленности («Россия – для русских!») у них появляется легитимное «право» на насилие, которое усиливает чувство собственной значимости, превосходства и безнаказанности, вызванное принадлежностью к группе.

Экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической категории населения. Специфика проявления экстремизма в молодежной среде обусловлена особенностями самой молодежи: незавершенностью процессов экономической, политической и духовной социализации, мировоззренческой неустойчивостью, недостаточной социально-психологической зрелостью, поверхностным восприятием сложности и противоречивости со-

циального бытия, стремлением к решительному обновлению форм и способов жизнедеятельности, склонностью к проявлению различных форм социального протеста и неумеренностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей.

Характерными чертами проявлений экстремизма в молодежной среде являются протестный характер, преобладание групповых форм, политическая индифферентность, повышенная криминогенность, высокая неумеренность и эскалация насильственных форм, а также многообразие форм проявления. В современных условиях назрела необходимость формирования у молодежи нового типа культуры – культуры ненасилия, толерантности и безопасности, диалога и взаимопонимания, способной активно противостоять проявлениям социального зла, внутренней и внешней агрессии.

В настоящее время изучение проблемы подросткового и молодежного экстремизма ведется в основном в рамках юридических наук, по факту уже свершившегося преступления. Вместе с тем личность формируется годами, и именно в детском и подростковом возрасте она наиболее восприимчива к воспитательным и образовательным воздействиям семьи и школы, построенным на принципах толерантности, знания своей собственной культуры, языка, чувстве патриотизма, гордости за свою страну и свой народ, признании ценности каждого человека, независимо от его религиозной, расовой, национальной принадлежности.

Важнейшими принципами культуры ненасилия являются: отказ от монополии на власть и авторитет; готовность к изменениям, диалогу и компромиссу; критический анализ собственного поведения с целью исключения и предупреждения враждебной позиции оппонента; анализ конфликтной ситуации глазами оппонента с целью его понимания и поиска позитивного разрешения конфликта; толерантность, борьба со злом при наличии уважения к людям, стоящим за ним; открытость поведения, отсутствие лжи, недоверия и унижения в отношении оппонентов [5, 20].

В отличие от ужесточения наказания за преступления, связанные с деятельностью экстремистских групп, на наш взгляд, более эффективны меры превентивного характера, направленные на формирование таких личностных качеств, как неконфликтность, умение найти компромисс, широкий кругозор, толерантность к людям, отличным от самого индивида.

Превенция (от лат. *praeventio* – «опережаю», «предупреждаю»; англ. *prevention*) – «предупреждение», «предохранение», «предотвращение», т.е. меры с целью воспрепятствовать возникновению и развитию чего-либо, уменьшить и при возможности ликвидировать имеющуюся возможность совершения. Социальные превентивные меры осуществляются через социальную, образовательную, семейную, молодежную, культурную, церковную, экономическую политику, с целью создания предпосылок для интеграции каждого человека в общественную жизнь, предупреждение социальных отклонений, обусловленных маргинализацией. В связи с этим необходимо усиление патриотического воспитания в школах и вузах, разработка государственных программ, направленных на формирование антифашистской идеологии, усиление мер по поддержке семей с детьми, молодежи, проведение широкомасштабных акций солидарности молодежи, что позволит снизить уровень насилия в молодежной среде и обществе в целом.

Таким образом, глобализация и ее последствия, основанные на усилении роли миграционного фактора, смешение различных культур, проблема интеграции этнических и религиозных меньшинств в сообщества, принимающие их, приводят к обострению межэтнического и межрелигиозного кроссконтакта, активизации различного рода экстремистских настроений, росту проявлений ксенофобии, этнонационализма и фашизма. Все это требует не только пристального научного анализа, но и активного и адекватного вмешательства государства и институтов гражданского общества. В этой дискуссии значима роль политических партий, общественных движений, неправительственных организаций, СМИ, церкви, лидеров общественного мнения, экспертов и, главным образом, институтов социализации: семьи и образования. Необходима серьезная и открытая общественная дискуссия о причинах, содержании и последствиях всплеска молодежного этноэкстремизма.

Список литературы

1. Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М.: Инфра М–НОРМА, 1998.
2. Социально-демографическая ситуация в России по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf277-2> (дата обращения: 30.08.10).
3. Демографическая ситуация в России (июнь–2009). [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=1475 (дата обращения: 30.08.10).
4. Демографическая ситуация в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13759.html> (дата обращения: 30.08.10).
5. Алейник Е.А. Православная культура как профилактика экстремизма в молодежной среде // Семья – культура – образование в изменяющейся России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. г. Балашов, 17–18 ноября 2009 г. / Под ред. О.В. Бессчетновой. Саратов: Науч. кн., 2009. С. 20–27.

**ПРОБЛЕМЫ РОСТА РЕЛИГИОЗНОГО РАДИКАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
(на примере Джамму и Кашмира)**

Почему из года в год все больше молодых людей и девушек присоединяются к радикальным и террористическим организациям? Автор статьи попытается дать ответ на указанный вопрос, разобрав кашмирскую проблему.

Ключевые слова: религиозный радикализм, терроризм, Индия, Пакистан, Джамму и Кашмир.

Why from year to year the number of young people involved in radical terrorism grows? In this article author tries to answer this question by analyzing the Kashmir problem.

Key words: religious radicalism, terrorism, India, Pakistan, Jammu and Kashmir.

Во все времена молодежь рассматривалась как часть общества, которая должна впитывать лучшие качества предыдущих поколений, продолжать их начинания и обязательно реализовать стремления предшественников. Но надежды не всегда оправдываются. В XXI в., веке глобализации, времени расцвета локальных конфликтов, войн и терроризма, молодежь часто противопоставляет себя остальной части общества. Иногда это имеет безобидный вид, а в некоторых случаях приобретает крайне опасные формы.

Данная научная работа посвящена проблеме роста популярности радикальных и террористических идей среди молодежи. Анализ будет сделан на примере одного из проблемных индийских штатов Джамму и Кашмира.

Индийский штат Джамму и Кашмир в прошлом был окраинным северо-западным княжеством британской колонии. Территория Джамму и Кашмира была присоединена англичанами относительно поздно, по сравнению с другими землями, в 1846 г., в результате первой англо-сикхской войны. Тогда же колониальная администрация отдала область в управление махарадже Гулябу Сингху. Таким образом, земля, где подавляющее большинство населения было мусульманами, оказалась под властью индусской династии Сингхов.

В настоящее время из 222 236 км² территории бывшего княжества 78 114 км² находится в юрисдикции Пакистана, 42 735 км² – КНР (в том числе 5180 км² были переданы Пакистаном). Население Джамму и Кашмира – 10,1 млн человек. Этот индийский штат расположен в высокогорьях Гималаев и граничит на западе с Пакистаном, севере – Афганистаном, севере и востоке – Китаем. Сегодня штат имеет две столицы – летнюю в г. Сринагаре и зимнюю в г. Джамму. Это единственный штат с преобладанием мусульманского населения (треть исповедует индуизм и менее 4% – сикхизм и буддизм) [1, 26].

Говоря о рассредоточении населения в соответствии с религиозной принадлежностью в административных областях штата, необходимо отметить, что в Джамму – 65% населения индусы, в Кашмире – 96% мусульмане, в Ладакхе – 50% буддисты ламанского толка и 42% мусульмане [2, 14–15].

Главные причины обострения ситуации в Кашмире: напряженная социально-экономическая ситуация в регионе; постепенное понижение правового статуса и введение ограничений на автономию штата; нежелание властей Индии эффективно решать проблему и действия Пакистана по дестабилизации ситуации в индийской части Кашмира.

Сложность социально-экономической ситуации заключается в следующем: рост безработицы; низкий уровень индустриализации; отсутствие экономических и социальных программ, направленных на повышение уровня жизни населения. Ярким подтверждением этого служат следующие цифры: если в 1970-е гг. за чертой бедности находилось 32,95% населения, то в 1980 г. уже 44,6% [3, 359; 4, 198].

В штате доминирующими отраслями экономики остаются сельское хозяйство и туризм. Кашмирская область с ее высокими заснеженными вершинами очень красива и самобытна. Этим объясняется то обстоятельство, что число туристов, несмотря на нестабильную обстановку, из года в год растет: в 1986 г. штат посетили 1,395 млн чел., в 1995 г. – 4,012 млн чел., в 2004 г. – 6,11 млн чел. [5, 132]. Эти цифры могли бы быть значительно выше в случае более стабильной обстановки. Туристы боятся приезжать в штат из-за наличия вероятности быть похищенными или убитыми террористами. В то же время территория обладает большим экономическим потенциалом, который может быть использован, например, для строительства гидроэлектростанций на горных реках. Указанные негативные факторы усиливаются коррупцией и недофинансированием множества жизненно важных проектов. В условиях безработицы местное население готово взяться за любую появившуюся возможность заработать. Это обстоятельство используют террористы. Молодежь стала переходить границу, где в специальных лагерях на территории Пакистана в качестве наемников инструкторы обучают их вооруженным методам борьбы.

Уменьшение прав автономии штата также не прибавило рейтинга центральному правительству. Распространение на штат Джамму и Кашмир действия многих общендийских законов в 1953 г. впоследствии породило недовольство, проявлявшееся на протяжении десятилетий и выразившееся в требованиях возратить утраченные права штата. Кашмирское соглашение 1975 г. между И. Ганди и Ш.М. Абдуллой, обеспечившее занятие им должности главного министра штата в феврале этого же года, еще более сократило и без того ограниченные права штата.

Нежелание индийских властей радикально решать кашмирскую проблему неминуемо должно было привести к активным действиям мусульманского населения, в особенности молодежи. Большинство жителей индийской части Кашмира по религиозной принадлежности мусульмане, по этнической и культурной – кашмир-

цы. Они оказались отрезанными от части территории, которая на протяжении многих веков была их домом и являлась единой во всех отношениях. Вполне понятно, что мусульманское население индийского Кашмира, ощутив себя по-настоящему чужим и ненужным властям Индии, укрепило собственное мнение о необходимости вхождения в состав соседнего дружественного им исламского государства.

Правительство Индии часто винит во всех своих бедах Пакистан: обвиняет соседа в срыве переговорного процесса, подготовке вооруженной агрессии и поддержке террористов. Пакистан не является идеальным государством, а его лидеры не святые, но на протяжении последних 60 лет именно исламская страна инициировала переговоры и предлагала различные пути стабилизации положения в Кашмире. Стороной, не желавшей идти на какие-либо уступки и компромиссы, остается именно Индия.

В Джамму и Кашмире существовало значительное число радикальных организаций и группировок различного толка. По своей направленности эти религиозно-политические движения штата можно разделить:

1) на структуры, добивающиеся проведения плебисцита и присоединения к Пакистану – это группировки, ориентирующиеся на образованную в 1941 г. организацию Джаммат-и-ислами (создававшуюся в целях ведения джихада до победы ислама в Индии), такие как Хизб-уль-муджахедин, Харакат-уль-Ансар, Дукхтаран-и-миллат и др.;

2) радикальные силы, выступающие за воссоединение всех частей разделенного княжества и предоставление полного суверенитета и независимости с правом стать членом ООН – отряды Фронта освобождения Джамму и Кашмира (ФОДК);

3) политические организации, занимающие центристскую позицию, на словах требующие возвращения утраченных полномочий штатом и увеличения доли суверенитета от центра, де-факто своими действиями подтверждающие легитимность индийской власти в Джамму и Кашмире. Крупнейшей и влиятельнейшей из них является Национальная конференция.

Переход к вооруженной борьбе сопровождался ростом фундаменталистских настроений среди населения. Восход ислама крайнего толка в Пакистане пришелся на 1990 г. и в основном связан с вводом советских войск в Афганистан в 1979 г. С начала 1980-х гг. ряд религиозных партий в Пакистане использовали войну для открытия нескольких сотен медресе в пакистанском пуштунском поясе. Они предлагали афганским беженцам и молодым пакистанцам получить бесплатное образование, еду, кров, а также пройти военную подготовку. Занятия в медресе вели малообразованные муллы, проводившие обучение в соответствии с идеологией сохранивших их партий. Нередко учащимся прививался ваххабизм крайнего толка [6, 26]. Молодые люди прибывали в религиозные школы из таких стран, как Афганистан, Непал, Йемен, Бангладеш, Монголия, Кувейт, Узбекистан, Таджикистан и др. [7, 2179–2198]. Во многом под влиянием афганской войны, происходила милитаризация медресе. По мнению западного специалиста Дж. Стерна, от 10 до 15% учеников религиозных школ исполняли свой духовный долг, воюя в Кашмире или Афганистане [8, 119].

Постепенно силу стали набирать радикальные исламские организации. Эти структуры пользуются поддержкой некоторых пакистанских партий и иных внутривнутриполитических сил Пакистана, а также других исламских государств. К таким организациям можно отнести Хизб-уль-муджахедин (ХМ), являющейся военным крылом Джаммат-и-ислами Джамму и Кашмир (ДИДК). ХМ и ДИДК воспринимают свою борьбу не столько как войну за свободу Кашмира, сколько в качестве сражения мусульман и индусов. Уход советских войск из Афганистана в 1989 г. и обретение независимости республиками Центральной Азии в начале 1990-х гг. значительно облегчили жизнь кашмирским фундаменталистским организациям, которые стали доминировать в середине 1990-х гг. В этот период 40% боевиков в Джамму и Кашмире были афганскими ветеранами и выходцами из Пакистана и Афганистана [8, 118]. В свою очередь, партии типа ФОДК стремительно теряли свои позиции и поддержку среди населения. Падение авторитета сторонников независимого Джамму и Кашмира и приверженцев ненасилия легитимизировало положение фундаменталистов в штате и направило локомотив, движущийся к свободе Джамму и Кашмира, по террористическому пути.

По мере укрепления позиций крайних исламских партий, происходила все большая их радикализация под влиянием исламистской идеологии и поступающих денег от заинтересованных в конфликте сторон. Первоначальная цель – дать кашмирскому народу возможность выбора и самоопределения – превратилась в миссию по построению всемирного исламского халифата, ставшей главной задачей в конце 1990-х гг. Фундаменталисты насаждали законы шариата: требовали прекращения каких-либо увеселительных мероприятий, вводили исламский кодекс поведения для женщин, граничивший с фанатизмом, обязательное посещение мечетей по утрам и др. Обстановку в то время можно охарактеризовать как «борьба с неверными».

Террористы сознательно дестабилизировали обстановку в штате, препятствовали нормальному образу жизни, создавали экономические сложности, парализовывали деятельность административного аппарата, варварски уничтожали религиозные культурные ценности. Периодически происходили убийства индусов, в особой опасности находились семьи кашмирских пандитов. В течение 1990-х гг. погибло, по разным данным, от 30 до 60 тыс. человек, главным образом мирных жителей [9].

В арсенале боевиков имелись такие методы террора, как убийства видных политических деятелей; организация взрывов зданий, в автобусах и местах массового скопления людей; поджог правительственных зданий и храмов; нападения на случайных людей; уничтожение пунктов лесозаготовки и других государственных предприятий; нападение и организация засад против сил безопасности; проведение шахидских атак.

Террористы ведут охоту на «живые цели» (местных граждан и туристов). Зная о том, что военные последуют за ними, радикалы заманивают их в западню. «Хитом сезона» у террористов в 2006 г. стали гранаты, пришедшие на смену массовому использованию заминированных машин в 2005 году.

Все вышеизложенное убедительно подтверждает серьезность освещаемой проблемы. По данным индийских ученых, с 1988 г. по 2007 г. в штате произошли 63 935 терактов, более двух с половиной тысяч человек были похищены [5, 167; 10]. Сегодня в штате продолжают действовать около 2000 боевиков [11], основная масса из которых моложе 30 лет.

Список литературы

1. Индия сегодня. М., 2005.
2. Баранов С.А. Сепаратизм в Индии. М., 2003.
3. Сдатюк Г.В. Штаты Индии. Природа. Население. Хозяйство. Города. М., 1981.
4. Ключев Б.И. Проблемы национальной интеграции // Индия. 1983. Ежегодник. М., 1985.
5. Soundrarajan R., Rajan P. Impact of Terrorism on Jammu and Kashmir Tourism. Delhi, 2006.
6. Rashid A. The Taliban: exporting extremism // Foreign Affairs. Nov.-Dec. 1999. Vol. 78, № 6.
7. Kumar S. Pakistan's Jihadi apparatus goals methods // Strategic Analysis. March 2001. Vol. 24, № 12.
8. Stern J. Pakistan's Jihad culture // Foreign Affairs. Dec. 2000. Vol. 79, № 12.
9. Москаленко В. Холодная война в тропиках // Независимая газета. 2002. 24 июня.
10. Forces bring down terror in Jammu and Kashmir // The Economic Times. 16.04.2008.
11. 2000 ultras still operating: Lt Gen Sharma // The Daily Excelsior. 09.05.2005.

О.Г. Лукашова

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье на основе данных социологического исследования в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, анализируются ценностные ориентации учащейся молодежи в период перехода Беларуси к новому экономическому и социально-политическому устройству. Выявляются ценностно-правовые деформации сознания молодежи, детерминирующие возможность девиантного поведения.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации, девиантное поведение, правовое сознание, правовой нигилизм.

In the article on the base of the results of sociological research in the institutions providing vocational, secondary specialized and higher education, value orientations of studying youth in the period of transition of Belarus to a new economical and socio-political structure are analyzed. Value-legal deformations of youth consciousness determining possibility of deviant behavior are revealed.

Key words: youth, value orientations, deviant behavior, legal consciousness, legal nihilism.

Введение

Интенсивность изменений, происходящих в политической, экономической, культурной жизни граждан Беларуси на рубеже веков носит беспрецедентный характер. Противоречия в формировании ценностно-нормативной системы личности в период системной трансформации белорусского общества ведут к утрате нравственных идеалов и моральных регуляторов поведения части населения страны. Изменяются приоритеты ценностного набора личности, на первый план выходят материальные ценности материального плана – материальной обеспеченности, богатства, достижение которых допускается различными средствами в ситуации ослабления или отсутствия социального контроля. Наблюдаемая деформация нравственно-правового сознания ведет к размытости представлений о том, что допустимо, а что нет. Происходит ослабление интереса к общим ценностям, распространяются настроения безразличия, снимаются правовые и нравственные барьеры в поведении индивидов.

Замена прежних государственных и социальных институтов новыми формированиями с неизбежностью отразилась на эффективности их деятельности в переходный период, что не могло не ослабить социальный контроль. Следует отметить недостаточную эффективность воспитательной деятельности органов образования, предупредительной работы правоохранительных органов, ослабление влияния семьи как социального института, недостаточность усилий общественных организаций в деле предупреждения и распространения антиобщественных явлений. Все эти факторы способствуют сохранению высокого уровня девиантности и делинквентности среди различных слоев населения Беларуси, в том числе и молодежи. Особенно это касается той ее части, которая не определилась с профессиональным выбором, рано вышла из системы образования, оставшись вне престижных видов трудовой деятельности, не контролируется профессиональным окружением, учебным коллективом, семьей. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 17.07.2001 № 390, в качестве одного из внутренних факторов, составляющих угрозу национальной безопасности страны, назван высокий уровень преступности среди молодежи, в частности, среди лиц, не достигших совершеннолетия [1]. По данным статистики, в 2009 г. в Беларуси было осуждено 62 064 человека. Доля лиц, осужденных за совершенные преступления, в возрасте 14–17 лет составила 4,3%, в возрасте 18–24 лет – 27,5%, в возрасте 25–29 лет – 18,3% [2, 250].

Девиантное (в том числе и криминальное) поведение рассматривается молодыми людьми как способ удовлетворения материальных, бытовых, сексуальных и иных проблем. Отклоняющееся поведение предо-

ставляет подростку возможность «яркого» самовыражения, бравяды, признания собственного «Я», демонстрации своей значимости и силы. Оно может быть мотивировано как настроениями солидарности с друзьями, так и выражать негативистские настроения, протест против существующего порядка «взрослого мира», исходить из корыстных или хулиганских побуждений.

Трансформация ценностных ориентаций личности, происходящая в условиях переходного периода и имевшей место идеологизация общества, не могла не сказаться на нравственном облике части населения, особенно представителей молодых поколений. И хотя большинство современной молодежи не обнаруживает глубоких ценностно-нормативных деформаций, другая часть молодежи отличается размытостью нравственных представлений, терпимостью по отношению к девиациям, настроениями правового нигилизма, что подтверждается данными социологических исследований.

Результаты

Материалы социологического исследования, предпринятого автором в 2009 г., показывают, что в числе безусловных аксиологических приоритетов современной белорусской молодежи находятся такие традиционные жизненные ценности, как здоровье, семья и дети, личностное общение (друзья, любимые)*. Но ценностное сознание современной молодежи синкретично, отражает смешение элементов различных ценностных систем. Трансформация социально-экономической системы общества, курс на рыночные преобразования обусловили возвышение значимости таких ценностей, как материальное благополучие, деньги. Все более распространенными чертами, присущими современной личности, становятся прагматизм и индивидуализм, ориентация на личную выгоду.

Такие ценности, как интересная работа, карьера, уверенность в себе, свобода отражают аксиологические приоритеты лишь части молодежи. При этом среди мотивов трудовой деятельности преобладает материальный фактор – высокая заработная плата. В молодежной среде резко снизился престиж социально значимых профессий, таких как врач, педагог, ученый, инженер, агроном, военный, квалифицированный рабочий. Молодых людей более всего привлекают профессии бизнесмена, финансиста, юриста, чиновника.

Наиболее существенными потерями в духовно-нравственном плане можно считать перемещение на периферию ценностного поля молодежи таких ценностей, как Родина, доброта, мудрость, самосовершенствование, познание, творчество, общественное признание.

Приходится констатировать проявление значимых в криминогенном отношении нравственно-психологических характеристик части современной молодежи. К ним можно отнести рост эгоцентризма, завышенный уровень амбиций; индивидуализм, кризис коллективистских устремлений; рост жестокости и агрессивности; цинизм; безответственность; абсолютизацию гедонистических настроений и потребительских позиций; гипертрофированное отношение к деньгам, стремление получать незаработанные деньги; нежелание работать.

Показателем того, что правовые и нравственные нормы глубоко не усвоены, не интериоризированы в сознании современной белорусской молодежи, является допущение ими совершения ряда отклонений от принятых в обществе норм.

Полученные в социологическом исследовании данные позволяют сделать вывод о деформациях нравственно-правового сознания современных молодых людей, которые готовы нарушить действующие в обществе правовые и нравственные нормы, если вопрос стоит о достижении значимых для индивида целей. Приведем распределение ответов студентов и учащихся вузов, ССУЗов и ПТУ на вопрос анкеты «Допускаете ли Вы, что для достижения своих целей способны совершить следующие действия?» (анализируется позиция «Да, допускаю»).

Так, считают для себя вполне допустимым дать взятку при решении какого-либо вопроса 48,5% респондентов, примерно поровну из каждой гендерной группы. Среди выпускников вузов этот показатель особенно высок и составляет 53,1%.

Исследование ценностного выбора молодежи выявляет значительные сдвиги в сознании современных молодых людей в направлении возвышения ценностей материального и снижении ценностей морального порядка. Деньги как ценность становятся одним из приоритетов ценностного набора личности. Указывают, что вполне могут скрыть доходы от налогообложения 31,1% респондентов, примерно поровну как юношей, так и девушек. Особенно широко подобную предрасположенность к противоправным действиям экономического характера демонстрируют выпускники вузов (40,7%). Среди молодежи со средним специальным и профессионально-техническим образованием допускают возможность сокрытия доходов от налогообложения соответственно 27,2% и 25,5% выпускников.

Вероятно, что одним из барьеров на пути к успешной реализации предпринимательской активности молодых людей, может стать низкий уровень их правового сознания. Отмечают, что считают возможным принять участие в незаконном бизнесе 27,2% респондентов, большинство из которых составляют юноши (41,2%) и в меньшей степени девушки (15,2%). Такой подход в большей степени присущ лицам с профессионально-техническим (33,9%) и высшим (27,8%) образованием. Таким образом, значительное число молодых людей демонстрирует предрасположенность к нарушению принятых в обществе правовых

* Исследование «Трудовое самоопределение молодежи: интересы, социально-профессиональные ориентации, стратегии трудоустройства» проводилось научными сотрудниками ИС НАН Беларуси О.Г. Лукашовой и Е.Е. Серовой при поддержке БРФФИ (грант Г07-321) среди студентов и учащихся выпускных курсов 14 учебных заведений высшего, среднего специального и профессионально-технического образования. Объем выборки составил 500 человек.

норм, регулирующих сферу предпринимательской деятельности. Для некоторых эта предрасположенность уже реализуется на практике. Так, в числе студентов и учащихся, практикующих дополнительные подработки параллельно процессу обучения на стационаре, 29,0% официально оформили свою трудовую деятельность в качестве наемной рабочей силы, 21,7% работали по найму без официального оформления, еще 10,4% занимались индивидуальной трудовой деятельностью, не оформляя ее соответствующим образом. Таким образом, трудовая деятельность примерно трети молодых людей изначально осуществляется вне рамок правового поля.

Наблюдаемые деформации правового сознания молодежи, получившие свое выражение в допустимости противоправных практик (взятки, сокрытие доходов от налогообложения, незаконной предпринимательской деятельности), являются безусловным фактором, способствующим росту экономических и коррупционных преступлений в стране.

Применение силы, оказание физического воздействия на конкурента или соперника вполне уживаются с представлениями 17,2% студентов и учащихся о допустимых способах достижения своих целей. Мнение о физическом воздействии, как средстве решения своих проблем, более широко распространено среди лиц мужского пола (24,3%). Но так считает и каждая девятая девушка, получающая профессиональное образование в учебных заведениях страны (11,0%). Нетерпимость, жестокость, применение силы становится все более распространенным явлением в обеих гендерных группах населения.

Большую склонность к применению силы, по данным исследования, демонстрируют лица с невысоким уровнем образования (учащиеся ПТУ). В распространении подобных представлений в молодежной среде особую роль играют СМИ, транслируя в массы видеопродукцию западного образца, пропагандирующую насилие, жестокость, насаждающую образ «сильной» личности, свободной от ответственности перед обществом. В таких условиях физическая сила становится приоритетной ценностью для части молодежи, возводится в культ, детерминируя выбор силовой линии поведения.

Не считают зазорным распространить ложную информацию 15,7% респондентов, преимущественно юношей (20,4%). Присоединились к этой точке зрения и 11,8% участниц опроса. Таким образом, оговор является нравственно допустимым явлением для части современных молодых людей (для каждого шестого из числа опрошенных выпускников). Исходя из материалов исследования можно предположить, что клевета, заведомо ложный донос, дача заведомо ложных показаний как виды противоправного поведения опираются на довольно широкую социальную базу.

Использовать для достижения своих целей подложный документ считают возможным 15,3% опрошенных молодых людей. Среди них 20,4% юношей и 11,0% девушек. В сознании части современной белорусской молодежи такие действия, как использование подложных (сфабрикованных) справок, проездных билетов, пропусков, различного рода удостоверений, других документов не отражены как действия предосудительные, противоправные. Широкое распространение в студенческой среде получило такое явление, как покупка текста реферата, курсовой или дипломной работы. Поскольку спрос формирует предложение, постольку это выражается в развитии сферы услуг по написанию подобного рода студенческих работ.

При высокой степени ориентированности на такие жизненные ценности, как семья и дети, хорошее здоровье, в нравственные представления части современной молодежи вполне укладывается проституция, как допустимое занятие. Воспользоваться сексуальной услугой за плату считают вполне возможным 11,2% участников опроса. Это мнение в большинстве поддерживают лица мужского пола (21,2%), среди девушек оно распространено незначительно (2,7%). Допускают возможность самим предоставить сексуальную услугу за плату 6,1% студентов и учащихся, среди них опять же большинство составляют юноши (9,3%), девушек почти втрое меньше (3,4%). Либерализация сексуальных отношений предопределяет спрос не только на женские сексуальные услуги, но и увеличивает спрос на мужскую проституцию, как гомосексуальную, так и гетеросексуальную. Потенциально опасные для здоровья сексуальные связи, к которым относится проституция и гомосексуализм, явились причиной выявленных в стране за период с января по август 2009 г. 76,1% (444 из 583 человек) ВИЧ-инфицированных граждан.

Наблюдается снижение моральных требований во взаимоотношениях между полами. Супружество (брак), любовь перестали быть обязательными условиями сексуальных контактов. В республике начиная с 2004 г. органы статистики вновь отмечают ежегодный рост числа разводов: если в 2004 г. было зафиксировано 29 100 разводов, то в 2008 г. показатель увеличился до 36 700 разводов. Общественное мнение населения постепенно «дрейфует» в направлении смягчения отношения к расторжению браков – они перестают быть осуждаемым в обществе явлением. В то же время становится более лояльным отношение населения к так называемым «гражданским бракам», т.е. сожительству. Распространение социальной практики сожительства можно рассматривать как косвенное свидетельство стремления индивидов уклониться от обязательств перед партнером, избежать правовой ответственности, налагаемой браком, зарегистрированным в государственных органах записей актов гражданского состояния.

Отмечают, что допускают возможность заниматься с целью извлечения собственной выгоды такими противоправными действиями, как распространение порнографических материалов и наркотиков 5,9% молодых людей. Анализ криминальной практики показывает, что в молодежной среде современного белорусского общества распространение подобных деликтов постепенно набирает силу. Молодежь является основным потребителем наркотических средств и психотропных веществ. Динамика увеличения количества выявленных больных наркоманией в Республике Беларусь составляет около 540 человек в год [3]. Интернет предопределяет наличие широких возможностей для распространения порнографической продукции. Особую опасность

для нравственного и физического здоровья молодежи представляет вовлечение несовершеннолетних в процесс изготовления порнографической продукции (детская порнография).

Взять деньги в долг и не возвращать владельцу, присвоить чужую вещь, считают вполне допустимым для себя действием 5,5% респондентов из числа студентов и учащихся белорусских учебных заведений. Корысть, деловая необязательность, размытые представления о чести, делают возможным выбор подобной линии поведения в сознании некоторой части молодых людей.

Выводы

Анализ материалов исследования показал, что в молодежной среде происходит формирование ценностных систем, которые способны привести индивидов к выбору девиантных форм поведения (коррупции, сокрытию доходов от налогообложения, незаконному предпринимательству, использованию подложных документов, физическому насилию и пр.). В свете вышеизложенного приобретает особую актуальность необходимость совершенствования правового и нравственного воспитания молодежи, снижения проявлений правового нигилизма в сознании молодых людей. Приведенные социологические данные характеризуют предрасположенность, заранее сформировавшуюся склонность индивидов к девиациям; подтверждают тезис об эрозии культурных и нравственных норм в сознании части современной белорусской молодежи, о существенных изъянах в формировании ценностно-нормативной системы личности. В случае реализации подобных допущений в поведенческих практиках это будет представлять серьезную угрозу обществу.

Активизация работы по нравственно-правовому воспитанию, ее адресная направленность на конкретные субкультурные группы населения позволит сгладить ряд негативных социальных последствий девиаций и деликтов. Необходимость совершенствования нравственно-правового воспитания граждан на современном этапе развития белорусского общества, преодоления правового нигилизма в сознании населения актуализируется в свете задач инновационного курса развития страны на создание эффективной, социально ориентированной экономики, повышения уровня и качества жизни народа. Основная роль в достижении этой цели отводится творческой личности, стремящейся к самореализации, способной к восприятию, освоению и продуцированию инноваций, в том числе и инноваций в сфере правового регулирования жизнедеятельности общества.

Актуальность нравственного и правового воспитания молодежи возрастает и в связи с необходимостью реализации государственной идеологической доктрины, основанной на таких базовых ценностях, как Родина, патриотизм, долг, честь, свобода, справедливость, гражданственность, законность, правопорядок, ответственность, достоинство, порядочность. Интериоризация этих ценностей в сознании индивидов в процессе их социализации призвана обеспечить духовную преемственность между поколениями, сохранить и приумножить культурное достояние народа.

Достижение высокого уровня правовой культуры населения диктуется необходимостью формирования правового государства, пользующегося уважением в мировом сообществе и основанного на принципах верховенства права, справедливости, соблюдении прав человека, свободы личности, гуманизма, демократизма, приоритета общепризнанных принципов международного права и пр., а также возрастает в связи с необходимостью развития структур гражданского общества, объединение в которых способствует реализации частных интересов граждан и успешное существование которых базируется на тесной связи правовой и моральной регуляции.

Повышение уровня правовой культуры молодежи (как единства правовых знаний, убежденности в необходимости соблюдения норм права и поведения, соответствующего этим нормам) обусловлено требованием снижения распространения преступности и других форм асоциального поведения, как факторов, составляющих угрозу национальной безопасности Беларуси, затрудняющих реализацию принятого курса на инновационное развитие страны.

Список литературы

1. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 69. 1/2852.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2009. Минск, 2009.
3. Официальный сайт МВД Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=471> (дата обращения: 26.12.2009).

С.В. Рыбчак

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются условия развития молодежи в современном белорусском обществе. Выведены три типа конфликтов между молодежью и обществом. На их основе выделяются модели интеграции.

Ключевые слова: субъект социального воспроизводства, молодежь, интеграция, трансформирующееся общество, конфликт, самоидентификация, девиация, кризис, социальная группа.

The terms of development young people in modern Belarusian society are examined in this article. There are 3 types of conflicts between young people and society. Models of integration are distinguished on their base.

Key words: subject of social reproduction, young people, integration, transformed society, conflict, self-identification, deviation, crisis, social group.

Введение

Молодежь является самой динамичной социально-демографической группой общества, поэтому особенно важным является исследование ее жизненных стратегий. Наиболее актуальной в данном аспекте является проблема включения молодежи в общество, в его социальную структуру.

Под социальной интеграцией молодежи понимается, во-первых, характер связей между обществом как целым и молодежью как его частью, возникающих в процессе включения этой социальной группы в социальную структуру, направленных на поддержание и воспроизводство устойчивых общественных отношений и целостности общества; во-вторых, единство молодежи. Поэтому интеграция объединяет два параллельных процесса: механическое включение в социальную общность и осознание себя частью этой общности.

Интеграционные процессы имеют свои особенности в трансформирующемся обществе, в котором мы живем в настоящее время. Во-первых, в условиях социальной трансформации молодежь чаще отрицает опыт старших, чем его усваивает. Это изменяет форму преемственности уже в первом звене воспроизводственного процесса. Во-вторых, социально-экономический кризис ухудшил положение наиболее уязвимых групп населения, к которым относится молодежь, и поставил ее в конфликтные противоречия с обществом. Это не могло не повлиять на характер воспроизводства. В-третьих, в обществе до сих пор не сложилось четкого представления о модели развития.

В данном контексте, как видно, примирились два, казалось бы, взаимоисключающих процесса интеграции и конфликта.

Молодежь в ходе своего становления как субъекта социального воспроизводства вступает в конфликт с социальной системой на всех ее уровнях. Причем если в условиях социальной стабильности конфликты, как правило, носят локальный характер и разрешаются преимущественно на микроуровне, то в обществе нестабильном происходит их эскалация до макроуровня, т.е. общества в целом.

Обсуждение результатов

Все многообразие возникающих между молодежью и обществом конфликтов условно можно свести к трем основным типам:

- 1) возрастное неравенство социального статуса молодежи и связанные с этим противоречия ее включения в различные сферы общества;
- 2) несовпадение целей и интересов молодежи в целом или отдельных ее групп со многими существующими институциональными нормами, а также противоречие между стремлением молодежи реализовать свой инновационный потенциал и консерватизм институтов социализации;
- 3) состояние напряженности или противостояния молодежной субкультуры традиционной культуре.

Таким образом, поиск путей выхода из конфликтного состояния подсказывает две возможные модели разрешения конфликтов. В результате первой происходит интеграция, достигается консенсус. Интеграция в такой модели реализуется в двух формах:

- 1) посредством конформизма молодежи, нахождения общих оснований консолидации, что представляет собой позитивный способ разрешения конфликта, не оставляющий, однако, возможностей социального новаторства;
- 2) через инновационную деятельность молодежи, предполагающую согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицание социально одобряемых способов их достижения и активизацию интеграционных процессов.

Вторая модель – преодоление конфликта в форме дифференциации, при которой также возможна социальная инновация молодежи, ведущая к стабилизации общества. В этом и заключается позитивный аспект дифференциации. В противном случае, когда превалируют разрушительные тенденции, дифференциация сопровождается процессом исключения молодежи и дезинтеграцией социума. По форме эта модель также вариативна и проявляется:

- 1) в форме ухода от действительности, осуществляемого, в частности, как добровольная маргинализация, индивидуальный или групповой разрыв с обществом. Зачастую такое добровольное исключение проявляется во всевозможных контркультурных явлениях, как вызов конформизму;
- 2) в форме девиации, проявляющейся как открытый протест. Во второй модели объединяются процессы, противоположные интеграционным, сопровождающиеся отторжением части молодежи, ее исключением из так называемого официального общества.

В зависимости от направленности этого процесса молодежь либо интегрируется в общество, т.е. распределяется в системе социальных связей, утверждается в структурах и самоидентифицируется с ними, либо оказывается отторгнутой, исключенной социальной группой.

Под социальным исключением, таким образом, понимаются социальные последствия развития социальных препятствий, испытываемых индивидами и группами в ходе взаимодействия с функционирующей социальной системой.

Молодежь попадает в сложную ситуацию выбора между самореализацией в социально одобряемых формах (учеба, труд) и самоутверждением в рамках молодежной субкультуры, часто сопряженной с правонарушением и дестабилизацией общества.

Таким образом, актуальной становится проблема отклоняющегося поведения.

Социальное отклонение – несоблюдение требований нормы, выбор иного варианта поведения, действия в отличие от указанного в норме. При этом подразумевается, что норма предполагает наиболее оптимальный, а потому и наиболее типичный вариант поведения в данной ситуации, хотя оптимальный вариант для общества не обязательно является оптимумом для данного субъекта в данных условиях.

Выделяются три уровня социального отклонения:

- уровень поступка или действия;
- поведения или деятельности;
- образа жизни.

Отклоняющееся поведение классифицируется по направленности и мотивам: отклонение корыстной ориентации; отклонение агрессивной ориентации и отклонение социально-пассивной ориентации. Кроме того, по объекту воздействия выделяют отклоняющееся поведение, направленное против личности, против группы и против общества.

Что касается ситуации в Беларуси, то наиболее распространенными видами отклоняющегося поведения, по результатам исследования, являются распитие спиртных напитков в компании близких друзей, употребление наркотических веществ и проституция. Особенно уязвимой в этом отношении является группа от 15 до 17 лет (1,6% из них употребляют наркотики постоянно) и от 18 до 20 лет (9,9% – употребляют изредка).

Среди причин приобщения молодых людей к употреблению алкоголя, наркотиков наиболее распространенной оказалась «от нечего делать». Кроме этого, называются следующие причины:

- хотят забыть о неприятностях, расслабиться – 42,8%,
- чтобы поднять себе настроение – 41,7,
- из-за отсутствия цели в жизни, серьезных интересов – 38,0,
- чтобы не отличаться от друзей – 33,1,
- чтобы стать смелее – 26,1,
- из-за одиночества – 18,2,
- берут пример со старших – 11,8%.

Наиболее распространенным занятием в свободное время среди молодежи является общение с самыми близкими друзьями, молодежные «тусовки». Таким образом, оказывается, что именно компания в большей степени оказывает влияние на молодых людей, особенно вышеуказанного возраста. Тем более, что связывают молодых людей с приятелями общие взгляды на жизнь, возможность быть раскованным, свобода общения, привычка быть вместе. Опасен при этом тот факт, что именно в возрасте 15–20 лет формируются ценностные установки, ориентации, именно в это время происходит интериоризация социальных норм и типов поведения, выбор жизненной стратегии, что накладывает отпечаток на дальнейшую жизнь молодого человека.

По мнению молодых людей, больше всего влияет на поведение молодежи нужда, бедность, а также трудности переходного возраста, самореализации личности, конфликты с родителями, изобилие негативных образцов поведения, конфликты с учителями, подражание взрослым, насилие в отношениях между подростками, плохая организация свободного времени, отсутствие интереса к образованию, чрезмерная демонстрация секса и насилия на кино и ТВ-экранах.

Тем не менее определяющим фактором, влияющим на поведение молодежи, является уровень и качество жизни. Существует противоречие между стремлением молодых людей стать независимыми и невозможностью это стремление осуществить из-за материальных затруднений. Молодые люди вынуждены обращаться за материальной помощью к родителям. 71,4% опрошенных такую помощь родители оказывают. Идет она в основном по таким статьям, как помощь деньгами (46,1%), покупка продуктов (43,1%) и покупка одежды (23,6%), а 19,3% юношей и девушек полностью содержат родители. При этом 41,6% опрошенных состоят в браке и 6,1% – в незарегистрированном браке, а более 40% имеют детей. Сами молодые люди далеко не всегда имеют возможность помогать родителям, такую помощь оказывают только 37,7% опрошенных, 55,8% ее не оказывают. При этом необходимо отметить, что более половины молодых людей (56,5%) очень хотели бы обходиться без помощи родителей, но не могут себе этого позволить. Все это оказывает угнетающее социально-психологическое воздействие на большинство молодых людей.

Что касается возможностей улучшения своего материального положения, то радостным является тот факт, что примерно половина опрошенных юношей и девушек считают важнейшим фактором улучшения своего материального положения повышение своего профессионально-квалификационного уровня.

При этом огромное значение придается стартовым возможностям, которые, по мнению молодежи, нельзя получить в результате личных усилий, а именно: образование, навыки работы, готовность упорно работать. В первую тройку по важности среди факторов жизненного успеха молодежи Беларуси вошли умение срабатывать с людьми, наличие связей и доступ к капиталу.

Выводы

Таким образом, в современном белорусском обществе молодежь чаще всего выступает как «исключенная» социальная группа, поскольку она в большей степени, чем другие группы, испытывает препятствия в ходе взаимодействия с функционирующей социальной системой.

В.В. Хагулев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ «КОМЕНДАНТСКОГО ЧАСА» ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

В статье описываются результаты эмпирического исследования, посвященного изучению и анализу эффективности так называемого «комендантского часа» для молодежи в России на примере действия Закона «Об ограничении пребывания несовершеннолетних на территории Алтайского края».

Ключевые слова: социология молодежи, девиантное поведение, социологический анализ законов, социология права.

The article deals with the results of empirical research, devoted to study and analysis of effectivity of so-called curfew implemented to young people in Russia. The research was made by the way of example of legislation «Limitation of staying of juveniles on the Altayskiy Krai territory».

Key words: sociology of youth, deviated behaviour, sociological analysis of legislation, law sociology.

Как и любой другой закон, затрагивающий интересы, особенности социального поведения широких масс, Закон «Об ограничении пребывания ...» вызывал жаркие споры со времени его рассмотрения в Государственной думе. На основе ответов экспертов и респондентов – исполнителей данного Закона, мы попытаемся выделить основные проблемные точки в его реализации.

В нашем исследовании особое внимание было уделено изучению общественного мнения по поводу введения данного закона. Мы использовали метод анкетирования и экспертный опрос. Во-первых, респондентами мы решили сделать именно тех, на кого данный закон и распространяется – несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет, а также их родителей. Во-вторых, это преподаватели, учителя школ и вузов, т.е. те люди, которые по своей профессиональной обязанности взаимодействуют с молодежью. В-третьих, это исполнители закона – сотрудники милиции. В-четвертых, это администраторы в развлекательных заведениях города: клубы, кафе и прочее. Экспертами же выступили те люди, на которых были возложены подготовка законопроекта и исполнение закона: сотрудники комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, управления по образованию и делам молодежи Алтайского края, администраций районов г. Барнаула, уполномоченный по правам человека в Алтайском крае. В качестве экспертов были привлечены депутаты молодежного парламента Алтайского края. Исследование проводилось в марте-апреле 2010 г., т.е. до начала действия закона и когда закон вступил в силу.

Для начала обратимся к рассмотрению социального поведения несовершеннолетних, точнее, к тому, как они распределяют свое время. Как уже говорилось выше, мы опрашивали только учащихся и выводы мы можем делать только о данной изученной совокупности. Так вот, в школах г. Барнаула стабильно посещают занятия практически без пропусков – 67% несовершеннолетних, с незначительными пропусками (1–2 раза в неделю) – 23%, несколько раз в неделю (более 2 раз в неделю) – 6% и 4% от опрошенных редко появляются на занятиях. Уточним, что эти данные получены на основе ответов самих несовершеннолетних. Среди причин, объясняющих пропуски, респонденты называют типичные: состояние здоровья, участие в мероприятиях, «за компанию не пошел», «проспал», не нравится преподаватель или предмет.

Если посчитать, сколько же времени находится в распоряжении подростка, то получается около 14 часов (из расчета – 8.00 начало дня, а 22.00/23.00 – начало действия Закона «Об ограничении ...»), причем большую часть времени несовершеннолетние проводят в учебных заведениях. Так, у 52% опрошенных занятия заканчиваются после 15.00, у 8% – после 18.00 и у 40% – после 19.00. Разница во времени объясняется несколькими школьными сменами обучения и различным возрастом респондентов.

Сейчас мы говорим только об учебных занятиях. Как же проводят время подростки после школы? «Иду сразу домой, сильно устаю после учебы» – так ответили 33% опрошенных, посещают дополнительные курсы или репетитора – 13%, различного рода кружки – 17%, «где-то гуляю», «провожаю время на улице» – 37%. По утверждению экспертов, подавляющее большинство правонарушений с участием несовершеннолетних происходит как раз в дневное время. По данным российских исследователей, истоки формирования криминальных и криминальных групп несовершеннолетних находятся в семейном неблагополучии подростков, их неудовлетворительном положении в первичном учебном коллективе (классе, учебной группе), в нарушении принципа социальной справедливости в отношении отдельных учащихся, заформализованности работы с ними. Все это они стремятся компенсировать свободой «на улицах», в среде таких же «отвергнутых» и непонятых. Именно потребность в общении (у подростков она особенно обострена), потребность в самоутверждении, в реализации своих возможностей и способностей, в признании окружающих, поиск психологической и физической защиты от необоснованных притязаний окружающих заставляют их объединяться в группы. Данный факт связан с их психофизиологическими и социально-групповыми особенностями. Подросток, особенно социально-неблагополучный, всегда тянется к «силе», а объединение в группы намного ее увеличивает. Нравственные установки и психологическая атмосфера ближайшего социального окружения несовершеннолетних приобретают решающее значение для развития и закрепления асоциальных привычек и стереотипов поведения. Особенно велика в психологическом отношении роль «тусовок» или «сборищ» (мест сбора подростков), где группируются подростки, оформляясь в криминальные и криминальные группы [1].

Теперь выясним, с кем именно несовершеннолетние проводят свое свободное время, когда находятся на улицах города. Гуляют в одиночку не более 5% респондентов, с родственниками и того меньше – не более 2%, в относительно больших компаниях – 58%, с другом/подругой – 35%.

После посещения различных кружков, репетиторов и нахождения на улицах города несовершеннолетние рано или поздно возвращаются домой. Время прихода домой: до 20.00 – 11%, после 20.00, но до 22.00 – 62%, после 22.00, но до 23.00 – 16%, после 23.00 – 7%, позже 24.00 или возвращающихся подростков «под утро» оказалось – 4%.

Действие закона распространяется на время с 22.00 (до 16 лет) и с 23.00 (с 16 лет), т.е. суммировав, мы получаем, что в так называемую группу риска попадает до 27% несовершеннолетних. Если же рассматривать отдельно «до 16» и «после 16», то получится попадающих в «группу риска» 31% и 20% соответственно для различных возрастных групп. Под группой риска мы понимаем тех несовершеннолетних, которые под влиянием различных факторов находятся на улицах города в «комендантский час».

Насколько же часто подростки возвращаются в «неположенное» время? Другими словами, как часто несовершеннолетние могут нарушить Закон «Об ограничении пребывания...». После 22.00, но до 24.00 домой возвращаются: очень редко – 52%, несколько раз в неделю – 24%, один раз в неделю – 13%, почти каждый день – 11%. После 24.00: очень редко – 73%, один раз в неделю – 15%, несколько раз в неделю – 12%.

Таким образом, минимум 11% несовершеннолетних ежедневно, по сути, нарушают Закон «Об ограничении пребывания...». Указанные данные в целом совпадают с данными, полученными при опросе родителей несовершеннолетних (отклонение не более 3%). Как уже говорилось выше, одной из задач данного Закона и «Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей...» является повышение ответственности родителей за своих детей. Рассмотрим оценки родительского внимания несовершеннолетними. «Внимания уделяется достаточно» – 66%, «слишком много внимания со стороны родителей» – 10%, «в общем столько – сколько нужно, но иногда проявляется сверхопека» – 5%, «хотелось бы и больше внимания»/«внимания не достаточно» – 19%.

На самом деле 19% – это не совсем точный показатель. В выборку попали, во-первых, респонденты из более-менее благополучных семей; во-вторых, те, кто хотя бы иногда посещают школьные занятия. Поэтому нельзя уверенно говорить о том, что только вышеуказанные 4% несовершеннолетних регулярно пропускают учебные занятия. По предоставленной в одной из школ статистической информации, данный процент возрастает до 10–15%. Что же касается родительского внимания, с большей долей вероятности, можно говорить о том, что действительно минимум 19% несовершеннолетних недополучают родительского внимания.

В работах российских социологов отмечается противоречивое влияние основных субъектов социума, таких как семья, учебное заведение, группы сверстников на социальное поведение несовершеннолетних. Несмотря на конфликты с родителями, семья является для них значимой сферой жизни. Образовательное учреждение оказывает наиболее противоречивое воздействие на современных молодых людей. Школа традиционно ответственна за асоциальное поведение полностью перекладывает на плечи семьи. Так, руководители учебных заведений следующим образом объясняли современные проблемы молодежи: «дурное влияние улицы, компании», «неблагополучие в семье», «общекультурная неразвитость детей». Эксперты же отметили такие факторы, как «проблемы с учебой», «дезадаптация в коллективе класса», «отсутствие профилактической работы в школе», вследствие чего в обществе появилась значительная по своим масштабам категория детей, которые до последнего времени пребывают как бы в статусе «ничьих», так называемые беспризорники. Они живут под одной крышей с родителями, но связи их с семьей атрофированы или разрушены. Отсутствие должного ухода и содержания, пренебрежение интересами и потребностями развивающейся личности, жестокое обращение в родительской семье создают реальную угрозу психофизическому, нравственному развитию безнадзорного ребенка. Школа не в состоянии в полной мере решать проблемы социальной защиты и реабилитации таких детей.

Неудивительно, что в настоящее время по-прежнему преступность с участием несовершеннолетних остается на высоком уровне. По данным социологических исследований С. Климовой, средний возраст несовершеннолетнего преступника – неполных 16 лет, 94,3% правонарушителей – мужского пола. Если в семейном положении приблизительное равенство подростков, проживающих с одним родителем (46,2%) и с обоими (42,5%), то в характеристиках экономического и образовательного уровня преступников преобладают существенные различия: 30,2% подростков жили в условиях, когда семья не может обеспечить удовлетворение потребностей в питании, одежде, жилье; 55,7% подростков были обеспечены только необходимыми материальными благами. На момент преступления 57,7% – обучалось в образовательных учреждениях; 44,3% – отказались от получения полного среднего образования; 94,3% подростков не работали. 80,2% подростков педагоги оценивали как плохих учеников. В исследовании отмечается, что у большинства из несовершеннолетних преступников не сформированы познавательные потребности. У 70,2% подростков они не устойчивы. Что касается культурных потребностей, то у 78,8% основной досуг носит развлекательный характер (общение с друзьями на улице, компьютерные игры, просмотр телевизора). В то же время исследование установило, что чем выше материальный уровень семьи, тем выше оценивают педагоги исполнение подростком роли ученика. В этой ситуации у тех, кто существует на грани выживаемости, положительная оценка со стороны педагогов сведена к нулю. Требования, которым должен соответствовать ученик в образовательном учреждении, не соответствуют условиям жизни детей из семей, находящихся за чертой бедности. В условиях коммерциализации среднего образования обучение требует от семьи сохранять статус ученика за счет вложения немалых средств, что обуславливает негативную оценку обучения детей и ориентирует их на самоутверждение в сфере материального потребления. Подростки, живущие за чертой бедности, не имеют возможности повышать свои позиции как потребители. Поэтому некоторые из них доступным им способом хищения пытаются удовлетворить материальные потребности и выровнять позиции по сравнению с теми, кто живет в достатке [2, 112].

Чтобы получить некоторое представление о характере девиантного поведения несовершеннолетних, можно обратиться к информации, предоставленной в комиссиях по делам несовершеннолетних в городе Барнауле. Поводом для рассмотрения служили следующие асоциальные проявления и отклонения: 43% подростков обсуждались на комиссии за отклонения от учебы и работы, чаще всего это учащиеся школ; 40% – за совершенные правонарушения, среди которых в равной степени представлены хулиганства и кражи; 10% – за побегов и бродяжничество; 3–5% – за употребление алкоголя и аморальное поведение. По роду занятий наибольшее число обсуждаемых на комиссии несовершеннолетних: 60% – учащиеся школ; около 23% – учащиеся ПТУ и техникумов; 8% – без определенных занятий; 5% – работающие подростки; 4% – ранее судимые несовершеннолетние, возвратившиеся из пенитенциарных учреждений, спецшкол, с отсрочкой исполнения приговора. Интересно также рассмотреть и возрастной состав несовершеннолетних, проходящих через комиссию. Большая часть – это старшие подростки 14–16 лет (около 40%); далее идут юноши 17–18 лет (29%); младшие подростки 11–13 лет (до 26%); встречаются также и дети до 11 лет (около 4–5%).

Реализация Закона «Об ограничении пребывания...» подразумевает тесное взаимодействие сотрудников милиции и несовершеннолетних. До вступления в силу закона в ходе исследования было установлено, что «различного рода проблемы с милицией» возникали не более чем у 18% респондентов. Как мы можем заметить, в «группу риска» по различным основаниям попадает приблизительно 20% несовершеннолетних, конечно, не факт, что это – одни и те же люди.

Еще на стадии принятия закона в Интернете проводился опрос экспертов с единственным вопросом: «Возможно ли, с помощью данного закона оградить подростка от насилия и не допустить втягивания детей в различные преступления?». Экспертами выступили директор Института стратегических оценок и анализа, заведующий кафедрой социологии семьи МГУ, сотрудник аналитического центра Юрия Левады, руководитель центра изучения проблем народонаселения экономического факультета МГУ. Большинство экспертов, высказали мнение о том, что данная мера – «это все ремонтные меры, попытка залатать дыры, образовавшиеся в обществе из-за краха института семьи». Прежде всего «комендантский час» – это мера вынужденная и в достаточной степени обоснованная, учитывая современную криминогенную обстановку в стране. Число преступлений в отношении и с участием несовершеннолетних растет и в центре страны, и особенно в регионах. Что касается возражения правозащитников и общественных деятелей, предлагающих взамен усилить ответственность родителей, то одно это едва ли исправит ситуацию в неблагополучных семьях, дети из которых чаще всего и становятся жертвами и участниками преступлений. Для защиты детей необходимо серьезно ужесточать наказание всех видов преступности, связанных с детьми, включая наказание родителей, не желающих и не умеющих создавать для ребенка комфортное защищенное пространство [3].

В целом вышеуказанные мнения подтвердил проведенный в ходе нашего исследования экспертный опрос. С одной стороны, многие эксперты говорят о том, что снизится число преступлений в вечернее и ночное время, совершенные как самими несовершеннолетними (20%), так и по отношению к ним (40%). В количественном соотношении мы как раз и можем увидеть качественное различие в понимании последствий введения закона. Следует добавить, что большинство преступлений, совершаемых несовершеннолетними, происходит в дневное время. «Комендантский час» прежде всего подразумевает защиту именно детей, а не взрослых. К сожалению, такое понимание закона не встречается ни у сотрудников милиции, ни даже у сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних.

В сокращении возможности совершения преступления по отношению к несовершеннолетним и видится положительный эффект от закона. Благодаря данному закону усилится контроль не только со стороны силовых структур, но и со стороны родителей. Закон направлен на семью, семейные отношения, он призван помочь вернуть семье ведущую роль в воспитании детей и формировании личности. Но из указанного плюса вытекает следующий минус: «а если семья не благополучная?!». По словам экспертов, далеко не всех детей отправят в еще не открывшийся реабилитационный центр, а, скорее всего, вернут в семью, где ребенку просто опасно находиться, откуда он и сбежал.

Что же предлагают наши эксперты? Во-первых, подавляющее большинство экспертов (89%) предлагают внести корректировки в данный закон и в ряд других законов. Некоторые предлагают отменить данный закон: 8% – экспертов, 62% – несовершеннолетних, 58% – родителей, 45% – преподавателей. Данный факт связан с опасностью протестного, агрессивного поведения молодежи.

Эксперты же советуют учитывать мнение самой молодежи и их родителей по поводу таких законов. Так, рекомендовано позволить депутатам молодежного парламента реально участвовать в рассмотрении законопроектов, касающихся молодежи, т.е. наделить их властными полномочиями.

Относительно «Закона об ограничении...» предлагается разрешить определенные мероприятия в вечернее и ночное время, которые будут созданы специально для несовершеннолетних. Часть экспертов – 25%, рекомендуют снять ограничение на пребывание в общественных местах, в транспортных средствах для студентов и учеников при следовании к месту учебы и обратно домой, при проведении учебных занятий, специальных мероприятий.

Представители некоторых комиссий по делам несовершеннолетних – 12,5% от экспертного мнения, предлагают всем не достигшим 18 лет с 22.00 полностью запретить пребывать без взрослых в любых местах, кроме жилого помещения, в ночное и вечернее время.

Разумная часть экспертов (35%) критически отметила, что следовало бы повысить безопасность общественных мест, а не уводить оттуда людей. Но необходимо сохранить полный запрет на пребывание несовер-

шеннолетних не только в «комендантский час» в «помещениях и местах, не предназначенных для детей». И к этому же – четко прописать в законе, что же считать такими местами.

Таким образом, заслуга данного закона и государственной политики в том, что особое внимание начинает уделяться семье. Следует и далее повышать ответственность родителей за своих детей, но более взвешенными мерами. Существует острая необходимость в создании благоприятных условий для воспитания детей. Этот момент должен включать в себя не только запретительные меры, пропаганду, но и реальную материальную базу в виде открытия детских площадок, стадионов и повышения возможностей участия несовершеннолетних в различных секциях, кружках по интересам. Необходимо подчеркнуть, что данный закон входит в пакет законопроектов по поддержке молодежи. Если рассматривать «комендантский час» вне контекста, о положительных сторонах законопроекта говорить не приходится. В целом же проблема защиты детей, подростков, молодежи требует незамедлительного вмешательства со стороны государства и пристального внимания общества.

Список литературы

1. *Ильинский И.М.* Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 320 с.
2. *Климова С.В.* Подростковая преступность в зеркале социологической экспертизы // Социс. 2006. № 9. С. 110–113.
3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ 17.12.1997 № 1300 (в ред. Указа Президента РФ от 10.01.2000 № 24) // Рос. газ. 1997. 25 дек.; 2000. 18 янв.

Ж.И. Трафимчик

Белорусский государственный университет, Минск

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ Я-КОНЦЕПЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НА ЭТАПЕ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОГО КОМПЬЮТЕРИЗИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Данная статья посвящена изучению структурно-содержательных особенностей Я-концепции молодых людей на этапе юношеского возраста с выраженной игровой компьютерной зависимостью. Описывается интегративный подход к изучению и диагностике Я-концепции личности.

Ключевые слова: Я-концепция, игровая компьютерная зависимость, образы «Я» и компоненты Я-концепции.

This article is devoted to the study of structural and content features of self-concept of young people during adolescence with a strong computer game addiction. The text is devoted an integrative approach to the study and diagnosis of self-concept of personality.

Key words: self-concept, computer game addiction, images of the «I» and the components of self-concept.

Введение

Появление интереса к проблеме игровой компьютерной зависимости или зависимости от компьютерных игр в рамках психологических, социологических и педагогических наук обусловлено современным состоянием общества, в котором взаимодействие с компьютером становится необходимым атрибутом и образом жизни человека. Высокие и постоянно растущие масштабы увлечения игровой компьютерной деятельностью и Интернетом в молодежной среде вызывают справедливые опасения многих ученых, педагогов и родителей.

В настоящее время остается открытым вопрос о том, какие психологические характеристики личности определяют предрасположенность к формированию игровой компьютерной зависимости. Это и подтолкнуло нас к изучению данной проблематики и проведению психологического исследования особенностей личности и, в частности, Я-концепции молодых людей на этапе юношеского возраста с выраженной игровой компьютерной зависимостью. Мы предположили, что определенные особенности структурно-содержательных характеристик Я-концепции личности юношей способны предрасполагать к формированию игровой компьютерной зависимости.

Теоретическая концепция

Понятие Я-концепции в западной традиции определяется как многоаспектный феномен – как набор образов, схем [1; 2]. В отечественной же традиции под Я-концепцией понимается относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к самому себе [3–8].

На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных источников, посвященных изучению проблемы Я-концепции личности, мы предлагаем интегративный подход к исследованию и изучению данной проблематики, в соответствии с которым структурная теория Я-концепции предполагает анализ «горизонтального» и «вертикального срезов» Я-концепции. «Горизонтальный» срез включает в себя три составляющие [9–16]:

1) когнитивная составляющая Я-концепции – представление индивида о самом себе, отражающее, с одной стороны, устойчивые тенденции в поведении человека, а с другой – избирательность нашего восприятия;

2) оценочная составляющая Я-концепции (самооценка, самоудовлетворенность) – аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа «Я» могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с принятием или осуждением;

3) поведенческая составляющая Я-концепции – те конкретные действия, которые могут быть вызваны когнитивной составляющей и самооценкой.

«Вертикальный» срез, в свою очередь, включает множество образов «Я» или представлений о своем физическом «Я», моральном «Я», социальном «Я», семейном «Я», личностном «Я», реальном «Я», идеальном «Я» и др. Некоторые из этих областей можно структурировать в более широкие классы. Например, такие области содержания, как представления о коммуникативных характеристиках и моральных качествах описывают собственно личностные особенности человека или личностное «Я» [9–11; 2].

Характеристика выборки, этапов и методов исследования

В нашем исследовании приняли участие молодые люди (153 человека) в возрасте от 16 до 25 лет. На первом этапе исследования было проведено анкетирование с помощью теста Т.А. Никитиной, А.Ю. Егорова на определение у испытуемых степеней выраженности компьютерной аддикции и распределение их в три группы: две экспериментальных – группа аддиктов и группа риска, и контрольную группу.

На втором этапе эмпирического исследования проводилось изучение следующих структурно-содержательных особенностей Я-концепции молодых людей с игровой компьютерной зависимостью:

1) изучение «горизонтального» среза Я-концепции, в частности, таких образов «Я», как социальный, семейный, физический и телесный, морально-этический и религиозно-нравственный с помощью разработанного и адаптированного нами авторского опросника «Методика исследования Я-концепции»;

2) изучение «вертикального» среза Я-концепции, а именно: когнитивного, оценочного и поведенческого компонентов в общей структуре Я-концепции личности («Методика исследования Я-концепции»);

3) изучение образов реального и идеального «Я», а также попытка выявить и изучить новый образ Я-концепции молодых людей с игровой компьютерной зависимостью – Я-виртуальное и его взаимосвязи с реальным и идеальным образами «Я» с помощью методики диагностики межличностных отношений Т. Лири, Г. Лефожа, Р. Сазека.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты выявления игровой компьютерной зависимости (по тесту Т.А. Никитиной, А.Ю. Егорова) показали наличие выраженной компьютерной зависимости у 15% испытуемых; группу риска по компьютерной зависимости составили 39%; у 46% респондентов признаков игровой компьютерной зависимости выявлено не было.

Изучая особенности Я-концепции юношей с выраженной игровой компьютерной зависимостью, был получен следующий профиль «вертикального» среза Я-концепции как совокупности представлений личности о себе в соответствии с различными образами «Я»:

1) **образ «Я» социальное**, как совокупность представлений о себе у испытуемых группы аддиктов в отношениях с другими людьми, отражает их неудовлетворенность собой как социальными субъектами. В данном случае респонденты группы аддиктов испытывают социальную изолированность, отчужденность и неловкость, трудность в установлении межличностных контактов в реальной жизни в ее отличие от виртуальной реальности компьютерной игры. Это может быть связано с отсутствием у них необходимых социальных навыков, либо с наличием нереалистических ожиданий по поводу развития социального взаимодействия между людьми. Об этом свидетельствуют низкие значения по данной шкале методики исследования Я-концепции;

2) **образ «Я» семейное**, как совокупность представлений о себе как о члене семьи, характеризует низкую степень удовлетворенности испытуемыми группы аддиктов существующими отношениями внутри семьи и ближайшего окружения, а также отражает неудовлетворенность каждого респондента собой как членом данной семьи, присутствие чувства отчужденности и разочарованности. Об этом также свидетельствуют низкие значения по данной шкале методики исследования Я-концепции;

3) **образ «Я» телесное и образ «Я» физическое**, как совокупность представлений о собственной внешней привлекательности и состоянии физического здоровья, отражают состояние испытуемых группы аддиктов, характеризующее скорее удовлетворение, чем нет состоянием своего физического здоровья и собственной внешней привлекательностью. Об этом говорят набранные средние значения по данным шкалам методики исследования Я-концепции;

4) **образ «Я» морально-этическое и образ «Я» религиозно-нравственное**, как совокупность представлений о морально-этической и религиозно-нравственной стороне собственной личности, говорят о том, что испытуемые группы аддиктов время от времени испытывают трудности в соответствии их поведения принципам нравственности и морали. Данные проблемы, возможно, возникают вследствие недостаточного внутреннего самоконтроля поведения, либо из-за наличия неоправданно высоких ожиданий по соответствию собственного поведения принципам морали и нравственности. Об этом также говорят набранные средние значения по данным шкалам методики исследования Я-концепции.

Анализируя специфику «горизонтального» среза Я-концепции, как соотношения когнитивного, оценочного и поведенческого компонентов в структуре Я-концепции группы аддиктов, были получены следующие результаты: когнитивный, оценочный и поведенческий компоненты характеризуются средней степенью их выраженности в структуре Я-концепции с небольшим преобладанием когнитивного компонента. Это говорит о том, что респонденты обладают достаточно сформированными и самостоятельными знаниями о собствен-

ной личности, скорее, недовольны собой и имеют скрытое желание измениться, что время от времени проявляется и в их поведении и деятельности.

В результате *целостная Я-концепция* респондентов группы аддиктов характеризует их как сомневающийся в собственных достоинствах, консервативных и осторожных в представлениях о себе и описании собственной личности. Они достаточно часто испытывают состояние тревоги, депрессии и не уверены в себе. Уровень их самооценки способен изменяться в зависимости от ситуации и сложившихся обстоятельств. Они склонны недооценивать себя, свои способности и возможности, что отрицательно сказывается на результативности решения поставленных целей и задач. Они избегают ответственности в ситуациях неудачи и в ситуациях принятия самостоятельного решения. В результате наиболее доступным и простым способом получения положительных эмоций, избавления от существующих психологических проблем и достижения своеобразной эмоциональной разрядки становится компьютерная игра, погружающая играющего в особый виртуальный мир.

С целью сравнения особенностей и структуры Я-концепции в группе аддиктов, группе риска и контрольной группе был проведен однофакторный дисперсионный анализ, позволяющий сделать вывод о различии средних значений более двух выборок испытуемых на основе анализа компонентов дисперсий. В результате группа аддиктов значительно различается от испытуемых группы риска и контрольной группы по выраженности образов «Я» социальное, «Я» семейное и «Я» морально-этическое в общей структуре Я-концепции ($p = 0,05$). Испытуемые с выраженной игровой компьютерной зависимостью отличаются от респондентов, находящихся на стадии увлеченности и неиграющих в компьютерные игры, более низким уровнем удовлетворенности собой как социальным субъектом, как членом своей семьи, существующими отношениями внутри семьи и морально-нравственной стороной собственной личности.

Кроме того, значимые различия между группами были обнаружены между оценочным и поведенческим компонентами Я-концепции, в частности ее «горизонтальным» срезом ($p = 0,05$). Испытуемые с выраженной игровой компьютерной зависимостью отличаются более низким уровнем выраженности оценочного и поведенческого компонентов Я-концепции, что свидетельствует о низкой аффективной оценке самопредставлений и личности в целом и отсутствии конкретных действий по исправлению сложившейся ситуации и изменению собственной личности.

Значимые различия ($p = 0,05$) были обнаружены по показателю общей, целостной Я-концепции, отражающей целостное представление индивида о самом себе, а также уровень его самооценки и самоуважения. Наиболее низкие значения по данному показателю были характерны для испытуемых с выраженной игровой компьютерной зависимостью, средние – для испытуемых, находящихся на стадии увлеченности компьютерными играми, и наиболее высокие – для контрольной группы.

Особенности и соотношение образов реального, идеального и виртуального «Я» в группе аддиктов

В реальной жизни юноши с выраженной игровой компьютерной зависимостью наделяют себя следующими индивидуально-личностными паттернами, проявляющимися аналогичными поведенческими характеристиками:

- 1) стремление к тесному сотрудничеству с референтной группой, к дружелюбным отношениям с окружающими;
- 2) адекватное отношение к критике и потребности командовать и лидировать над другими, умение быть хорошим советчиком и организатором;
- 3) искренность, непосредственность, настойчивость в достижении цели;
- 4) скромность, застенчивость, склонность брать на себя чужие обязанности;
- 5) выражение готовности помогать окружающим, развитое чувство ответственности;
- 6) потребность в помощи и доверии со стороны окружающих, в их признании;
- 7) реалистичность базы суждений и поступков.

Данные личностные характеристики свидетельствуют о преобладании конформных установок, конгруэнтности в контактах с окружающими, неуверенности в себе, податливости мнению окружающих, склонности к компромиссам.

В идеале юноши с выраженной игровой компьютерной аддикцией желали бы обладать такими индивидуально-личностными характеристиками, как:

- 1) большей независимостью собственного мнения, упорством в отстаивании собственной точки зрения;
- 2) тенденцией к лидерству в связи с наличием умения быть хорошим советчиком и организатором;
- 3) уверенностью в себе, активностью в установлении межличностных контактов.

При сравнении образов реального и идеального «Я» в группе аддиктов были получены значимые различия между ними ($t = 5,1; p < 0,01$), что говорит о наличии значимых отличий в представлениях юношей с выраженной игровой компьютерной зависимостью относительно реально присущих им индивидуально-личностных качеств и тех личностных свойств, которыми они хотели бы обладать. Так, например, испытуемые группы аддиктов считают себя избыточно пассивными, застенчивыми и робкими в межличностных отношениях и хотели бы от этих свойств избавиться и быть более уверенными в себе.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии выраженного внутриличностного конфликта, для разрешения которого юноши используют виртуальную реальность компьютерной игры, где возможно просто и свободно смоделировать тот мир, где они будут ощущать себя более свободно и раскованно, получая заряд положительных эмоций и энергии. Мы предположили, что длительное пребывание юноши в виртуальной реальности способно привести к формированию своеобразного и нового образа виртуального «Я», анализ

которого, возможно, поможет нам определить те личностные проблемы, которые присущи молодым людям с выраженной игровой компьютерной зависимостью.

В виртуальной реальности компьютерной игры юноши с выраженной игровой компьютерной зависимостью наделяют себя следующими индивидуально-личностными паттернами:

- 1) стремлением к власти и лидерству, догматизмом и деспотичностью, нетерпимостью к критике, переоценкой собственных возможностей;
- 2) самодовольством, чувством превосходства по отношению к окружающим, обособленной позицией в игре;
- 3) чрезмерным упорством, недружелюбием, несдержанностью и вспыльчивостью;
- 4) реалистичной базой суждений, скептицизмом и неконформностью.

Образ виртуального «Я» демонстрирует выраженность доминантных, агрессивных и независимых черт поведения в виртуальной реальности компьютерной игры.

Таким образом, мы наблюдаем гипервыраженность в рамках виртуальной реальности компьютерной игры противоположных реально присущим индивидуально-личностным свойствам юношей с выраженной игровой компьютерной зависимостью. Наблюдается своеобразный механизм компенсации отсутствующих в реальности, либо по каким-то причинам не реализованных в реальных межличностных отношениях свойств личности.

С целью определения взаимозависимости и характера связи между уровнем зависимости и целостной Я-концепцией и, в частности, образами и компонентами «Я» нами был проведен корреляционный анализ.

В группе аддиктов в процессе корреляционного анализа были обнаружены отрицательные корреляционные связи между уровнем зависимости и целостной Я-концепцией, а также образами социального и семейного «Я» у юношей с выраженной игровой компьютерной зависимостью. Чем выше уровень целостной Я-концепции, отражающей целостное представление юношей о самих себе, уровень их самооценки и самоуважения, а также удовлетворенности своим социальным статусом, взаимоотношениями с другими людьми, семейной ситуацией и собой как членом семьи, тем ниже уровень игровой компьютерной зависимости. И наоборот, чем выше уровень зависимости, тем ниже самооценка и самоуважение, удовлетворенность собой как социальным субъектом, внутрисемейными взаимоотношениями и как результат низкий уровень целостной Я-концепции и отрицательные самопредставления юношей.

Корреляционный анализ показал наличие отрицательной связи между уровнем зависимости и такими стилями интерперсонального взаимодействия образа «Я» реальное, как властный-лидирующий, независимый-доминирующий, прямолинейный-агрессивный, а также независимый-доминирующий, недоверчивый-скептический стиль образа «Я» идеальное и образа «Я» виртуальное, такими как сотрудничающий-конвенциональный и ответственный-великодушный. Положительные корреляционные связи были обнаружены между уровнем зависимости и независимым-доминирующим и прямолинейным-агрессивным стилями межличностного взаимодействия образа «Я» виртуальное.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем выше уровень зависимости юноши, тем ниже выраженность в образе «Я» реального властно-лидирующего, независимо-доминирующего и прямолинейно-агрессивного стилей интерперсонального взаимодействия, в образе идеального «Я» – независимо-доминирующего и недоверчиво-скептического, а в образе виртуального «Я» – сотрудничающего-конвенционального и ответственно-великодушного и выше выраженность независимо-доминирующего и прямолинейно-агрессивного стилей межличностного взаимодействия. Следовательно, такие личностные свойства юношей группы аддиктов, как независимость и доминирование, прямолинейность и агрессивность наиболее ярко проявляются и находят свое выражение в виртуальной реальности компьютерных игр, тем самым снижая их выраженность в реальной жизнедеятельности молодых людей, находящихся на стадии зависимости от компьютерных игр.

Выводы

Особенности структурных характеристик Я-концепции личности юношей с выраженной игровой компьютерной зависимостью:

- низкий уровень целостной Я-концепции личности юношей, проявляющийся в низкой степени удовлетворенности самопредставлений относительно образов социального, семейного и морально-этического «Я», а также незначительная степень представленности оценочного и поведенческого компонентов в общей структуре Я-концепции личности;

- формирование и значительная выраженность нового образа «Я» виртуальное в структуре целостной Я-концепции личности юношей с выраженной игровой компьютерной зависимостью;

- наличие значительных расхождений между образами реального и идеального «Я», реального и виртуального «Я», а также виртуального и идеального «Я» в структуре целостной Я-концепции юношей.

Содержательные характеристики Я-концепции личности юношей с выраженной игровой компьютерной зависимостью представлены следующим образом:

- наличие трудностей в установлении межличностных контактов, социальная изолированность и неловкость, отсутствие эмоционального тепла и поддержки со стороны своей семьи, а также трудности в соответствии собственного поведения и деятельности морально-нравственным законам и принципам, принятым в обществе, оцениваемым как позитивные;

- негативная аффективная оценка собственной личности и отсутствие продуктивных поведенческих реакций с целью самосовершенствования и личностного роста;

- низкий уровень самооценки и самоуважения собственной личности, наличие внутриличностных проблем, неуверенности в себе и, как следствие, трудностей в социальном взаимодействии;
- образ «Я» реальное характеризуется преобладанием конформных установок, конгруэнтности в контактах с окружающими, неуверенности в себе, податливости мнению окружающих, склонности к компромиссам;
- образ «Я» идеальное значительно отличается от образа реального «Я» и характеризуется большей независимостью собственного мнения, упорством в отстаивании собственной точки зрения; тенденцией к лидерству в связи с наличием умения быть хорошим советчиком и организатором, что свидетельствует о присутствии выраженного внутриличностного конфликта;
- образ «Я» виртуальное характеризуется гипервыраженностью в рамках виртуальной реальности компьютерной игры противоположных реально присутствующим индивидуально-личностным свойствам доминантных, агрессивных и независимых черт поведения в виртуальной реальности компьютерной игры.

Список литературы

1. *Markus H., Cross S.* The interpersonal self // Handbook of Personality Theory and Research. N.Y.: Guilford Press, 1990.
2. *Rosenberg M.* Social Psychology of the self-concept. Arlington Heights: Davidson, 1982.
3. *Ананьев Б.Г.* К постановке проблемы детского самосознания // Известия АПН РСФСР. 1948. № 18.
4. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
5. *Выготский Л.С.* Педология подростка. М.; Л., 1931.
6. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
7. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
8. *Шибутани Т.* Социальная психология / Пер. с. англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
9. *Fitts W.H.* Manual for the Tennessee Self Concept Scale. Nashville: Counselor Recordings Tests, 1965.
10. *Fitts W.H.* Tennessee Self Concept Scale. Nashville: Counselor Recordings Tests, 1964.
11. *Fitts W.H.* The self concept and behavior // Overview and supplement. Dede Wallace Center Monograph, Nashville, Tenn. 1972. № 7.
12. *Machargo J.* Programmes for adolescents with visual impairments. Married, Spain, 1997.
13. *Marsh H., Hattie S.* Theoretical Perspectives on the Structure of Self-Concept // Handbook of Self-Concept. N.Y.: Wiley, 1996.
14. *Tuttel D., Tuttel N.* Self-esteem and Adjusting with Blindness (3rd ed). Springfield, IL. Charles C Thomas. 2004.
15. *Zagol A.* Introduction to Educational Psychology. Amman. Jordan, Dar Al-Shraok, 2001.
16. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.

X. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

R. Štefančík

St. Cyril und Methodius Universität Trnava, Slowakische Republik

DIE ROLLE DER POLITISCHEN JUGENDVERBÄNDE IM PROZESS DER POLITISCHEN SOZIALISATION

The role of political youth organizations in the process of political socialization. The paper presents results of qualitative research on the role of political youth organizations in the process of political socialization in the Slovak Republic. The focus of the study is the question: What methods these organizations are using in the education process of their members. The data for the research were identified primarily through individual semi-structural interviews with the representatives of the young political elite. The text is based on the hypothesis that political socialization is in addition to political recruitment and voter mobilization one of the most important functions of such organizations. Through various lectures, meetings and debates with political actors or by the media training young people gain extensive knowledge about political reality. In this way they complement the role of family and school in the process of political socialization. However, the interest of young people in actively participating in the political youth organizations is very low.

Key words: political organizations, youth, political socialization, Slovak Republic, political process.

Einführung

Seit den Parlamentswahlen 2010 sitzen im Nationalrat der Slowakischen Republik Vertreter von sechs politischen Parteien – Sozialdemokraten (Smer-SD), Nationalisten (SNS), Liberalen (SaS), zwei christlich-demokratische Parteien (SDKĽ-DS, KDĽ) und eine Partei, welche die ungarische Minderheit repräsentiert (Most-Híd). Nur eine von ihnen, die letztgenannte, arbeitet mit keinem Jugendverband zusammen. Andere Parteien bildeten ihre Jugendorganisationen entweder gleich nach ihrer Entstehung oder erst nach deren Etablierung in der Parteienlandschaft. Es gibt jedoch Jugendorganisationen, die älter sind als die Parlamentsparteien selbst. Nämlich, das slowakische Parteiensystem ist schlecht institutionalisiert. Es bedeutet, dass oft neue Parteien entstehen, während andere verloren gehen, dass sie durch wenige Personalressourcen verfügen und die Wählervolatilität hoch ist. Diese Bedingungen widerspiegeln sich auch in der Existenz politischer Jugendverbände. Einige brechen nach dem Niedergang der Partei ihre Tätigkeit ab, den anderen gelingt es jedoch ihren Verbündeten zu überleben.

Daten für den vorgelegten Beitrag wurden durch individuelle semistrukturierte Interviews mit den Repräsentanten untersuchter Organisationen ermittelt. Interview wurden in erster Linie Vorsitzenden bzw. Vizevorsitzenden oder andere Vorstandsmitglieder. Die Themen der Gespräche waren: historische Entwicklung der Jugendverbände; Mitarbeit mit den politischen Parteien; politische und nicht politische Aktivitäten; Themenschwerpunkte, Kommunikation nach außen; Karrierelaufbahn der Mitglieder, die wichtige Ämter bekleiden; und Zusammenarbeit und Beziehungen zu anderen Jugendorganisationen.

Im Zentrum der Untersuchung stand die Frage, wie diese Organisationen im Prozess der politischen Sozialisation aktiv sind, welche Methoden sie zur Ausbildung ihrer Mitglieder benutzen, ob die Mitgliedschaft in einem Jugendverband eine Voraussetzung für erfolgreiche politische Karriere ist, und welche anderen Funktionen sie haben. Der Text beruht auf der Hypothese, dass die politische Sozialisation der jungen Generation eine der wichtigsten Funktionen der politischen Jugendverbände ist, obwohl es nur einen kleinen Anteil der politischen engagierten Bevölkerung betrifft.

Politische Jugendverbände in der Slowakei

Jugendorganisationen bildeten in der Epoche der Massenparteien eine wichtige Bindung zwischen der Parteien und der jungen Generation [1, 194]. In der Slowakei formierten sich erste demokratische Jugendverbände der politischen Parteien, wie wir sie heute kennen, erst seit dem Ende der achtziger Jahre zusammen mit der Demokratisierung des politischen Systems und der Entwicklung des kompetitiven Parteiensystems. Ideologische Zugehörigkeit gegenwärtiger Jugendverbände lässt sich nach der Zugehörigkeit der politischen Parteien zu den transnationalen Parteienfamilien erkennen. Als ein linksorientierter Verband lässt sich nur Junge Sozialdemokraten (MSD) identifizieren, die mit der Partei Smer-SD eng zusammenarbeiten. Zu den rechten Jugendverbänden gehören die Bürgerlich-demokratische Jugend (ODM) (zurzeit ohne Partner im Parlament), Neue Generation (NG) (Partner – SDKĽ-DS), Christlich-demokratische Jugend der Slowakei (KDMS) (Partner – KDĽ). Liberalismus vertreten die Jungen Liberalen (ML) (Partner – SaS). Nationalismus ist durch die Jugend der Slowakischen Nationalen Partei (MSNS) (Partner – SNS) repräsentiert.

Die slowakischen Jugendorganisationen der politischen Parteien existieren meistens in der Form der Nichtregierungsorganisation, ausgenommen der NG, die ein Bestandteil innerparteilicher Struktur der SDKĽ-DS bildet. Sie bringen junge politisch engagierte Menschen, in der Regel zwischen 15. und 35. Lebensjahr, zusammen. Obwohl sie eng mit den politischen Parteien zusammenarbeiten, ist die Mitgliedschaft in der Partei keine Bedingung für die Mitgliedschaft in einem Jugendverband. Die Zusammenarbeit mit der nahstehenden Partei ist durch einen Vertrag geregelt. In der Form von Nichtregierungsorganisationen sind sie von der Partei ziemlich unabhängig. Diese Tatsache ermöglicht den Verbänden den Niedergang ihrer Partnerparteien zu überleben und eventuell später einen neuen Partner zu finden.

Jugendverbände der politischen Parteien im Prozess der politischen Sozialisation

Die Jugend in der Slowakei interessiert sich für die Politik sehr wenig. Ladislav Macháček weist darauf hin, dass „sogar 70 Prozent der Mittelschüler und 60 Prozent der Universitätsstudenten kein Interesse an Politik haben [2, 10]. Zu den häufigsten Aktivitäten der jungen Generation im Bereich der Bürgerbeteiligung bzw. der politischen Partizipation gehören Spenden für verschiedene ökologische und bürgerliche Tätigkeiten und Unterschreiben von Petitionen. Sehr gering ist bei der jungen Generation auch die Teilnahme an den Wahlen. Eine der Möglichkeiten der politischen Partizipation, obwohl nicht so verbreitet, ist aktive Mitarbeit in einer Jugendorganisation der politischen Parteien.

Das Engagieren in den Jugendverbänden stellt für einen Jungen Menschen eine der ersten Möglichkeiten dar, politisch aktiv zu sein. Ein engagiertes Mitglied eines Jugendverbandes beobachtet das politische Geschehen nicht nur durch die Berichterstattung in den Medien, sondern ihm stehen andere Gelegenheiten zur Verfügung, um Grundlage der Politik kennenzulernen: z. B. Politiker häufiger zu treffen und mit ihnen zu diskutieren, bei dem Wahlkampf zu helfen, neue Botschaften zu der Jugendpolitik zu formulieren u. dgl. Zugleich kann er mit solchen politischen Umständen konfrontiert sein, über die Journalisten nicht berichten. Dadurch entstehen positive aber auch negative Erfahrungen und Sichtweisen, die auf die Entwicklung von späteren Ansichten des Menschen einen bedeutenden Einfluss haben können.

Aktive Mitarbeit eines Jugendlichen in einem Jugendverband und sein daraus folgender Standpunkt zur Politik wirkt als ein wichtiger Faktor für seine spätere Entscheidung, ob er auch in nächsten Lebensphasen politisch aktiv bleibt. Eine Funktion in dem Jugendverband zu bekleiden bedeutet nämlich noch nicht, dass ein junger Mensch in seiner politischen Karriere weiter fortsetzen wird. Es gibt eine Menge von ehemaligen jungen politischen Akteuren, die diese Aussage begründen. Nämlich, Erfahrungen mit dem Personalmanagement, dem Marketing und mit den ökonomischen Angelegenheiten, sowie erworbene Kontakte an Menschen, die in verschiedenen Professionen tätig sind, schaffen gute Voraussetzungen für erfolgreiche Tätigkeit in anderen Arbeitsbereichen, in denen erfolgreiche Karriere mehr von eigenen Fähigkeiten und Kenntnissen abhängig ist. Im Unterschied zur Politik, wo die Karriere oft von der Loyalität gegenüber dem Parteipräsidenten oder verschiedenen Parteiflügeln abhängt. Trotzdem setzen viele Jugendlichen ihre Politikkarriere fort und hoffen, dass sie nach einer bestimmten Zeit ein bedeutendes Amt in der Staatsverwaltung oder in der Parteistruktur bekleiden werden.

Aus den durchgeführten Interviews mit den Vertretern der jungen politischen Elite ergeben sich folgende Funktionen der Jugendverbände: politische Sozialisation, Wählermobilisierung, politische Rekrutierung, Schule von Management und Agenda-Setting-Funktion. Durch die aktive Mitarbeit in den Jugendverbänden der politischen Parteien nehmen die Jugendlichen politische Werte an, sie festigen demokratische Prinzipien, lernen zu argumentieren und eigene Stellungnahmen zu begründen und gestalten Verbundenheit zu einer sozialen Gruppe. Man kann natürlich nicht erwarten, dass junge Menschen ihre Ansichten im späteren Lebensalter nicht ändern werden, aber Bildung der Meinung über die Politik in den frühen Lebensphasen hat einen langwährenden und dauerhaften Einfluss auf künftiges politisches Verhalten [1, 196].

Zu den Hauptfunktionen dieser Organisationen gehört in erster Linie politische Sozialisation, „also Lernprozesse, innerhalb derer politische Kenntnisse, Fähigkeiten und Orientierungen vermittelt werden, oder innerhalb derer die Bürger sich diese Merkmale aneignen [3, 11]. „Politische Sozialisation wird durch die Organisierung von diversen kulturellen, ökologischen, politischen Aktivitäten, sowie von Bildungs- und Sportveranstaltungen, sowohl für eigene Mitglieder wie auch für breite Öffentlichkeit, durchgeführt. Dazu gehören verschiedene Schulungen, Vorlesungen, Diskussionen mit den Sachkundigen, Konferenzen, Sommeruniversitäten, Vermittlung von Praktika im politischen Bereich, Teambildungen, Treffen und Debatten mit den Politikern. Sie vermitteln diejenigen Informationen über das politische System des Heimatlandes, die sich nicht in Studienplänen an den Mittelschulen und Universität befinden.

Manche slowakischen Politiker nehmen an Debatten an den Schulen oder an den Universitäten teil. Besonders kurz vor den Wahlen. Solche Treffen sind oft massenhaft, formal, pflichtig und Studenten treten meistens in der Rolle passiver Zuhörer auf. Anders als in der Schule oder an den Universitäten sehen die Diskussionen mit politischen Akteuren im Umfeld von politischen Jugendorganisationen aus. Politiker reden mit den ideologisch nahen Jugendlichen, die häufiger zu Wort kommen. Die Debatten sind nicht formal, sie sind oft in einem engen Kreis von jungen Parteihängern veranstaltet, die für die Partei bedeutendes Personalreservoir für Positionen in den Parteistrukturen und der öffentlichen Verwaltung bilden. Also, es geht um keine One-to-many-Kommunikation als im Falle der Schuldebatten, sondern um einen aktiven Dialog von wenigen Jugendlichen mit dem politischen Akteur. Solcher Kontakt mit den Entscheidungsträgern kann die Jugendlichen effizienter sozialisieren, als (oft) pflichtige Teilnahme an dem latenten Wahlkampf in der Schule.

Andere Funktionen der politischen Jugendverbände

Mit der politischen Sozialisation hängt die Funktion der Wählermobilisierung zusammen. Obwohl zurzeit für die Durchführung der Wahlkämpfe in manchen Bereichen Marketingagenturen zuständig sind, finden die politischen

Parteien in ihren Jugendverbänden billiges und wirksames Mittel zur Stimmenbeschaffung. Und die politisch engagierte Jugend erfüllt ihre Aufgaben im Wahlkampf sorgfältig und verantwortlich. Die Jugendlichen helfen der Partei in einer üblichen Form, wie z. B. Plakatierung oder direktes Gespräch mit den Wählern auf der Straße, aber oft treten sie auch als Produzenten eigener Werbungen auf. Sehr aktiv sind die Jugendlichen im Internet. Sie schreiben E-Mails, Blogs, sie kommunizieren durch moderne soziale Internetnetzwerke (Facebook, Twitter, LinkedIn) und diskutieren in diversen Internetforen. Die Wählermobilisierung hat keinen direkten edukativen Charakter, aber durch Wahlkampfaktivitäten erlangen die Jugendlichen Fähigkeiten eigene Meinungen zu präsentieren und zu begründen. Im Wahlkampf widerspiegeln sich also die Ergebnisse der politischen Sozialisation von jungen Bürgern.

Die Funktion der politischen Rekrutierung ist im Vergleich zu den früher genannten Funktionen nicht so bedeutungsvoll. Aus den durchgeführten Gesprächen geht hervor, dass die Mitgliedschaft in einem Jugendverband in der Slowakei nur in wenigen Fällen eine Voraussetzung für erfolgreiche politische Karriere ist. Von größerer Bedeutung sind persönliche Eigenschaften und Errungenschaften eines jungen Menschen. Die Forschungsergebnisse zeigen, dass es keine statistischen Informationen darüber gibt, ob der Jugendliche zuerst der Partei oder dem Jugendverband beiträgt. Außerdem, viele gegenwärtige Politiker im höheren Alter hatten vor 1989 keine Gelegenheit politisch aktiv zu sein. Abgesehen von der Mitgliedschaft in dem Jugendverband der kommunistischen Partei, dem Sozialistischen Jugendverband. Blick auf die Kandidatenlisten vor Parlamentswahlen 2010 zeigte, dass nur weniger Politiker, die sich auf den höheren Positionen der Liste befanden, unter 30 Jahre alt waren. Obwohl die Mitgliedschaft in einem Jugendverband keine Voraussetzung für die Wahl zum Abgeordneten oder Wahl zum hohen Parteifunktionär ist, kann sie zum entscheidenden Faktor bei der Auswahl von Beamten in der Staatsverwaltung oder in den Parteistrukturen werden, z. B. Parteisprecher und Sprecher jeweiliger Ministerien bzw. der ganzen Regierung, Assistenten von Abgeordneten, Sekretäre der Fraktionen. Sehr wichtig für die Einsatzfähigkeit eines Jugendverbandes ist es, wenn sein Mitglied zum Abgeordneten (oder zum anderen wichtigen Entscheidungsträger) gewählt wird. In diesem Falle motiviert er auch andere Mitglieder politisch aktiver zu werden, z. B. in dem, dass er seine Assistenten aus dem Kreis der Verbandsmitglieder wählt und so sie in die Politik involviert.

Von wichtiger Bedeutung der politischen Jugendorganisationen sind auch Agenda-Setting-Funktion und die Schule von Management. Ein junger Mensch kann an den diversen Veranstaltungen nicht nur in der Rolle der Zuhörer oder Zuschauer auftreten, sondern er kann bei deren Organisation mitwirken. Diese Erfahrungen stellen unersetzbare Vorbereitung für künftige Berufsaktivitäten dar. Einige von ehemaligen hohen Mitgliedern der Jugendverbände nutzten ihr Know-how aus der Zeit der Jugendpolitik und gründeten später eigene Privatfirmen.

Aus den durchgeführten Interviews wurde als die letzte Funktion der Jugendverbände der politischen Parteien die Agenda-Setting-Funktion identifiziert. Die Verbände präsentieren meistens keine bedeutenden Abweichungen von den offiziellen Parteiprogrammen. Nur selten sind die Ansichten der jungen Generation im Vergleich zu den älteren Politikern aus eigener Partei unterschiedlich und in wenigen Ausnahmefällen führten die Meinungsdivergenzen zur Beendigung der Zusammenarbeit oder zur Demission der Vorstandsmitglieder der Jugendverbände. Was alle Jugendorganisationen gemeinsam haben, ist das Thema der Jugend als Schwerpunkt ihrer Politik. Sie unterscheiden sich jedoch in den Vorstellungen, wie jeweilige Probleme der jungen Generation gelöst werden sollen.

Fazit

Forschungsergebnisse zeigen, dass Jugendverbände der politischen Parteien einen wichtigen Akteur im Prozess der politischen Sozialisation bilden. Jedoch, diese Hypothese gilt in erster Linie im Falle ihrer Mitglieder. Viele junge Leute wissen über die Aktivität der politischen Jugendverbände gar nichts und ein großer Anteil der jungen Generation zeigt kein Interesse für Politik.

Im Vergleich zu anderen Aufgaben ist die politische Sozialisation eine der wichtigsten Funktionen dieser Organisationen. Sie organisieren zahlreiche Aktivitäten, durch welche die junge Generation nicht nur sozialisiert, sondern auch politisch ausgebildet wird. So treten in der Rolle des Vermittlers demokratischer Werte und freien politischen Wettbewerbs auf. Sie bringen ihren Mitgliedern die Grundprinzipien des politischen Systems bei. Aus diesen Gründen sollten sie vom Staat mehr gefördert werden, um die Stabilität ihrer Existenz zu sichern.

Aus der Gruppe im Text genannten Funktionen der politischen Jugendverbände sind auch Wählermobilisierung und die politische Rekrutierung von Bedeutung, bei denen Ergebnisse der politischen Sozialisation gezeigt werden. Als wichtiges Hindernis der erfolgreichen politischen Karrieren von Jugendlichen gilt bisherige Üblichkeit, dass neue politische Elite meistens aus Seiteneinsteigern und weniger aus Ochsentour-Politikern gebildet wird. Nicht nur erfolgreiche sondern auch stabile und dauerhafte Karriere von jungen Politikern ist in der Slowakei eher Ausnahme. Trotz dieser Feststellung muss man bemerken, dass die Zahl derjenigen Politiker sinkt, die aus objektiven Gründen vor 1989 keine Gelegenheit hatten, politisch aktiv zu sein. Man kann deshalb vermuten, dass im Laufe der Zeit die Gesamtzahl der ehemaligen Mitglieder von Jugendorganisationen in der Politik wachsen wird. Dadurch wird auch ihre Bedeutung im politischen System wichtiger als heute.

Literatur

1. Hooghe M., Stolle D., Stouthuysen P. Head Start in Politics. The Recruitment Function of Youth Organizations of Political Parties in Belgium (Flanders) // Party Politics. 2004. Jg. 10, № 2. S. 193–212.
2. Macháček L. Prvovoliči a voľby do Európskeho parlamentu // Slovenská politologická revue. 2009. Jg. 9, № 3. S. 73–103.
3. Deth van Jan W. Einführung. Kinder als junge Staatsbürger // Deth van Jan W.; Abendschön S.; Rathke J., Vollmar M. Kinder und Politik. Politische Einstellungen von jungen Kindern im ersten Grundschuljahr. Wiesbaden, VS-Verlag, 2007. S. 9–28.

И.А. Грошева
Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, Россия
И.Л. Грошев, Л.И. Грошева
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия

ДИЛЕММА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Авторы полагают, что современная государственная молодежная политика имеет ряд существенных недостатков. Формируются отдельные программы без учета их связи с общегосударственными проблемами. Совершенствуется правовая база, но не уничтожаются причины духовной деформации. Молодежь не имеет возможности представить и планировать свое будущее.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, общество, личность, общественные отношения, социальная политика.

The authors believe that modern State youth policy has a number of significant disadvantages. Separate programs are developed without taking into account their relationship with the State-level problems. The legal foundation is improved, but causes of spiritual deformation are not destroyed. Young people have no the opportunity to submit and plan their future.

Key words: youth, The State youth policy, society, identity, public relations, social policy.

Актуализация проблем, связанных с молодежью, в современных условиях обусловлена возрастающим влиянием этой демографической группы не только на будущее любого государства, но и на формирование тактики и стратегии развития мирового сообщества. Выяснился тот невероятно простой факт, что результаты эволюции человечества (достижения в культуре и искусстве, научно-техническом прогрессе) оказались невосребованными уже настоящим поколением. Просчеты во внутренней политике, а иногда сознательное инициирование абсолютной свободы и вседозволенности среди молодых людей привели к росту молодежного экстремизма, нравственного и правового нигилизма, росту правонарушений и преступлений, забвению культуры.

В настоящее время мы фактически возвращаемся к решению задач середины прошлого века: формируем устойчивую национальную социокультурную и политико-экономическую систему. В связи с этим речь должна идти о комплексном обучении молодого человека самой обыкновенной и одновременно самой необычной из всех специальностей – профессии полноценного члена общества. Имеется и иная проблема, требующая научно обоснованного подхода к изучению молодого поколения, – демографическая. Дело в том, что с 2004 г. общая численность населения в возрасте 14–30 лет резко сокращается и этот процесс сокращения будет продолжительным. Причем компенсировать потери прироста населения при помощи миграционного обмена не удастся. С 2008 по 2021 г. численность молодежи (по данным Росстата) в возрасте 14–30 лет в составе населения Российской Федерации сократится на 13 млн человек (равнозначно численности населения Москвы). Сказанное вновь подтверждает целесообразность широкого исследования возможностей использования гражданского потенциала численно резко сокращающейся молодежи, которой предстоит перенять и функционально поддерживать все социальные институты государства, включая воспитание, обучение нового молодого поколения и социальную защиту пенсионеров [1, 12].

Приобретение комплекса систематических знаний, умений и навыков, традиций и ценностных ориентаций формирует так называемую культурную компетентность личности. Отсутствие понимания необходимости комплексного воспитания индивида, вступающего на путь социальных преобразований, порождает массу тупиковых, даже курьезных ситуаций.

Механизм включения молодежи в общественные отношения, формирующие ее мировоззрение, ценностные ориентации, гражданскую позицию, профессиональный и социальный статус, по мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, имеет две формы. Это *интеграция* молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические и идеологические традиции общества путем принятия ею господствующих социальных норм в качестве основы своих ценностных ориентаций через воспитание и обучение и *дифференциация* молодого поколения по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путем профессиональной ориентации и профессиональной подготовки. В результате социализации молодежь либо идентифицирует себя с господствующими социально-экономическими (в том числе распределительными) отношениями и нормами общества, и тогда бесконфликтное воспроизводство последнего гарантировано, либо по тем или иным причинам не идентифицирует себя с основными нормами общества, отчуждается от них, и тогда назревает конфликт поколений [1, 7]. В случае возникновения угрозы (реальной или мнимой) стабильности существования социума нормы перестают выполнять охранительную функцию, и тогда возникают фобии, стереотипы, которые выполняют своеобразную защитную функцию и начинают играть консолидирующую роль. Такое явление встречается на фоне ослабления исторической памяти, отсутствия идеологической и воспитательной функций общества, получает дополнительную окраску при помощи СМИ и закрепляется «благодаря» ухудшению социально-экономических условий.

Следует отметить, что потребности в престиже реализовывались какое-то время назад гордостью за свою страну, за ее достижения, уверенностью в государственных гарантиях прав на труд, образование, безопасность, здоровье, наконец, жилье. Они актуализировались в социальной активности – ударный труд, миграция, изобретения, созидание в различных областях общественной жизни, членство в общественных организациях. Указанные потребности не только остаются, но и обостряются в условиях социальной нестабильности, а сред-

ства их удовлетворения сокращаются. Знание истории, традиций, обычаев своего народа всегда выполняло консолидирующую роль, способствовало преемственности поколений, формировало патриотизм.

Экономическая дестабилизация в России десятки лет отвлекала внимание чиновников и политиков от необходимости работы в области социальной и правовой защиты наиболее ущемленных в этих аспектах граждан. Стремление восполнить допущенные пробелы в кратчайшие сроки приводит к принятию решения, направленного на совершенствование правовой базы, что обеспечивает лишь техническую составляющую, но не разрешает причин более глубокого (духовного) уровня. Чаще всего причинами социальных конфликтов выступают такие факторы, как социально-экономические трудности, социальная несправедливость, неуважение и незнание другой культуры (а чаще всего и своей тоже). В связи с этим перед авторами статьи встал вопрос: отражены ли указанные аспекты в государственных программах по работе с молодежью? Стоит отметить, что государственная молодежная политика (ГМП) осуществляется в отношении молодых граждан в возрасте от 14 до 30 лет, хотя сегодня необходимо проводить комплекс мероприятий не только в молодой возрастной группе, но и среди поколения старше 30 [2] (таблица).

Оценка направлений государственной молодежной политики на период до 2013 года

Направление	Оценка тенденций
Содействие физическому, творческому, профессиональному, социальному развитию и становлению молодежи	Исследователи отмечают постоянное снижение интеллектуального уровня и отрицательную мотивацию молодежи, отсутствие активной жизненной позиции
Формирование культуры здорового образа жизни, охрана здоровья молодых граждан	Наркомания, алкоголизм и психические расстройства – обнаруживаются все более в раннем возрасте; перспектива отмены бесплатного образования и незначительная доля охваченных культурным просвещением (не более 5%)
Поддержка молодежи в сфере образования, культуры, досуга, творчества	
Содействие экономической самостоятельности, занятости и предпринимательству молодежи	Отсутствие навыков и знаний, желание иметь «сейчас» и «сразу все» создает предпосылки для дальнейшей криминализации
Поддержка молодой семьи, обеспечение жильем, создание условий, способствующих увеличению рождаемости	Снижение рождаемости вследствие моральной, физической и экономической несостоятельности молодежи, недоступность жилья
Формирование духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи	Дальнейшее возрастание прагматизма, индивидуализма и эгоизма, снижение уровня нравственной допустимости, а реализация Болонской декларации модифицирует имеющиеся ценности в потребительский тип личности
Разработка, принятие и реализация национальных стандартов и программ воспитания духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи	
Создание и развитие печатных и электронных средств массовой информации и игр, обеспечивающих позитивную социализацию молодежи	Втягивание молодежи в виртуальное пространство стиля «action» не оставит место для позитивной социализации
Профилактика проявлений экстремизма, агрессии и асоциального поведения в молодежной среде	Наблюдается рост национализма, отсутствуют государственные структуры, имеющие возможность постоянной и направленной профилактики, следовательно – уход значительной части молодежи из-под влияния государственной идеологии, отсутствует мониторинг этнонациональных и этноконфессиональных отношений
Работа по нейтрализации идеологии и проявлений социальной и национальной нетерпимости	
Коррекция поведения, реабилитация молодых людей, склонных к агрессии, насилию, правонарушениям и их последующая интеграция в общество	
Создание условий для социализации молодых граждан, лишенных родительского воспитания и опеки	Увеличение числа детей, воспитывающихся в детдомах и интернатах
Включение потенциала социально значимой активности молодежи в процессы государственного и общественного строительства	Выделение в молодежной среде элит разного уровня с целью обеспечения преемственности не только стиля и методов чиновничьей работы, но и ошибок, присущих уходящему поколению, снижение возраста управленцев до 18 лет приведет к снижению уровня компетенции власти
Формирование и использование молодежного резерва для обновления и ротации кадров органов государственной власти и местного самоуправления	
Интеграция российской молодежи в международное сообщество	Эмиграция образованной молодежи в страны с развитой промышленностью и социальным обеспечением, принятие гражданства этих стран

Таким образом продекларированные положения государственной молодежной политики соответствуют сложившейся ситуации в России, но, на взгляд наш, не могут быть реализованы в этой трактовке. Отсутствует понимание у населения структуры и способов воплощения ГМП, а главное – нет ответственности государства (органов власти) за возможные ошибки в расчетах и прогнозах.

Любопытны данные опроса, проведенного ВЦИОМ еще в 2002 г., по проблеме молодежной политики в России. (Опрос населения был осуществлен в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 13–14 июля 2002 г., N = 1500 респондентов) [3]. Из них 74% положительно оценили опыт работы с молодежью в Советском Союзе и в то же время 38% не смогли выявить достижений в этой области. 31% затруднились определиться с необходимостью разработки специальной молодежной программы, а 39% не смогли оформить свои предложения по решению молодежных проблем. Тем не менее, 95%

не смогли ответить на вопрос: почему вы считаете, что специальная государственная программа по работе с молодежью не нужна?

В настоящее время молодежную политику государства положительно оценивают лишь 15,3% молодежи, что составило 5,7 млн человек. Это невысокий показатель, но он больше, чем был 10 лет назад – 5,4. 41,7% придерживаются мнения, что в России для молодежи «что-то делается, но это мало заметно». 32% (11,8 млн чел.) недовольны результатами сегодняшней молодежной политики государства и 11% затруднились с ответом [4, 143].

По данным фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в социальную программу работы с молодежью, по мнению населения, обязательно должны быть включены: трудоустройство (28%), организация досуга (24%), бесплатное образование (14%), воспитание (13%), обеспечение жильем (8%), борьба с наркоманией и алкоголизмом (8%). Не пользуются популярностью обеспечение достойной зарплатой (2%), приобщение к здоровому образу жизни (2%), создание молодежных организаций (2%), запрет в СМИ пропаганды насилия, рекламы алкоголя и др. (1%) [5]. Этот факт выглядит противоречивым и странным, поскольку среди социальных и экономических проблем регионов сама молодежь выделяет рост цен на товары и услуги (66%), низкий уровень заработной платы (58%), безработицу (32%), наркоманию (31%), недоступность жилья (31%), алкоголизм (30%), ситуацию на дорогах (27%), преступность (25%). 21% молодежи в возрасте 18–25 лет допускает для себя возможность участия в акциях протеста. Среди них в основном сельские рабочие с низким уровнем дохода (см. мегаопрос «ГеоРейтинг» 3–17 июня 2009 г. 1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов.) Говоря о проблемах, на которых в большей степени стоит сосредоточиться руководителям регионов России, молодые люди особо выделяют: снижение безработицы и создание новых рабочих мест – 50%, борьбу с ростом цен – 41%, борьбу с бедностью – 36%, повышение доходов населения – 36% [6].

Однако большинство (68%) все же не собирается участвовать в каких-либо акциях протеста, что коррелирует с авторскими данными и позволяет на сегодняшний момент оценить когорту населения 18–25 лет как основу стабильности. Последний опрос ФОМ показал, что, несмотря на молодость, которой свойствен бунтарский дух, нынешняя российская молодежь не готова к тому, чтобы выйти на улицы и участвовать в акциях протеста. По данному показателю возрастная группа 18–25 лет не имеет качественных отличий от группы старше 25 лет (72% и 71% соответственно) (см. мегаопросы «ГеоРейтинг» с мая 2007 г. по март 2010 г. Каждый опрос – 1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов) [7], и этот результат соотносится с высокой степенью удовлетворенности своей жизнью и лояльности действующей власти. Около половины молодых людей имеют постоянную работу (в январе 2010 г. – 44%), 12% получают стипендию, 10% пользуются финансовой поддержкой родственников и друзей [6].

Однако после таких оптимистичных утверждений исследователи ФОМ все же отмечают, что поколение в возрасте 18–25 лет не ожидает в ближайшее время улучшения экономической ситуации в России и собственного материального положения [8].

Подводя некоторые итоги, следует еще раз указать на сложность и высокую вариативность молодежной среды, представляющей все возможные идейные, политические, религиозные и другие взгляды и убеждения. Именно в этом кроется проблематика неадекватности среди молодых преемников тех реформаторов, которые «завершили свою созидательную работу» на демонтаже советского государственного строя. Молодым предоставлена не только возможность социального и профессионального взросления, но на их плечи возложена задача формирования новых принципов, новых традиций и новых реалий социально-политических и экономических отношений. Эффективность же данной работы определяется уровнем консолидации всех участников процесса, но, как показывает практика, наличие в молодежной среде значительного количества разнонаправленных сил не позволяет достигать требуемых параметров динамичного эволюционного развития страны. Наблюдается отток образованной молодежи в другие страны, слабая реализация своего потенциала в собственной стране.

Очевидно, что свое будущее (пусть даже и в самых общих чертах) молодежь наблюдает воочию, регистрируя факты и явления, происходящие со старшим поколением. В этой ситуации создание инкубаторов для взращивания прогрессивной и целеустремленной молодежи – показатель слабости государственной социальной политики в целом. Вполне адекватно и необходимо формировать для молодежи «комфортное будущее» на примере их родителей. Это подразумевает стабильность и востребованность в профессионально подготовленных кадрах, что может быть обусловлено лишь экономическим ростом; реальной борьбой с коррупцией и чиновничьим произволом; снижением этнической, религиозной и клановой напряженности; уменьшением влияния политики на экономику; продовольственной и экологической безопасностью жизнедеятельности на территории России и др. Молодежь должна быть соучастником этих событий, т.е. субъектом, а не объектом политики; своими руками, совместно с родителями «строить новый дом», имя которому – Россия. Возможно, это и есть патриотизм в самом настоящем смысле.

Список литературы

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. Ноябрь–декабрь № 6 (94).
2. [Электронный ресурс]. URL: www.dumai.ru/mdr/library/laws/doktrina.htm (дата обращения: 25.08.10).
3. [Электронный ресурс] URL: www.fom.ru (дата обращения: 25.08.10).
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и исправ. М., 2010.

5. О молодежной политике. Опрос 1–2 августа 2009 г., 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов. [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d31molp.pdf> (дата обращения: 25.08.10).

6. «Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18–25 лет, составленный по свежим данным фонда «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np (дата обращения: 25.08.10).

7. Социальные проблемы, волнующие молодежь. [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d29molod.pdf> (дата обращения: 25.08.10).

8. Новое поколение: установки и оценки. [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf> (дата обращения: 25.08.10).

М.Ф. Глухова

Московский городской университет управления Правительства Москвы, Россия

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

Актуальность исследования молодежной политики связана с необходимостью создания условий для социализации и интеграции молодых людей. Концептуальное становление молодежной политики обусловлено трудностями социального, экономического и политического развития Российского государства и общества. Современное содержание молодежной политики формируется и реализуется на: федеральном, региональном, муниципальном уровнях.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, этапы развития, уровни реализации государственной молодежной политики.

The urgency of research of a youth policy is connected with necessity of creation of conditions for socialization and integration of young men. Conceptual formation of a youth policy is caused by difficulties of social, economic and political development of the Russian state and a society. The modern maintenance of a youth policy is formed and realized at levels: federal, regional, municipal.

Key words: youth, the state youth policy, development stages, levels of realization of the state youth policy.

Проблемы молодежи и молодежной политики (МП) приобретают особую значимость и остроту в связи с сегодняшним состоянием России и перспективами ее развития на ближайшие десятилетия.

Молодежь как специфическая социальная общность занимает двойственное положение в системе общественных отношений. С одной стороны, молодые люди нуждаются в социальной защите и поддержке со стороны государства и общества из-за недостаточности личного опыта, материальной зависимости от взрослых, отсутствия финансовых и жилищных условий для жизненного самоопределения. По данным признакам молодежь часто относится к одной из наиболее уязвимых в социальном плане групп населения. Численность молодого населения в возрасте 14–30 лет в Российской Федерации стремительно убывает. Согласно прогнозу до 2020 г. численность молодежи в нашей стране составит (млн человек): 2012 г. – 35,9; 2016 г. – 31,0; 2020 г. – 26,6.

Согласно другой актуальной характеристике молодежь является лидирующей группой населения страны, так как молодые люди обладают специфическими интересами, потребностями, ценностями и проявляют ярко выраженное стремление к самоопределению, саморазвитию, самореализации, самообеспечению.

Проблемы молодежи как особой социально-демографической группы имеют социальное значение во все времена, так как от ее интеллектуального, профессионального, творческого, культурного, личностного потенциала зависит настоящее и будущее государства и общества.

Государственная молодежная политика (ГМП) позиционируется в качестве одного из приоритетных направлений деятельности Российского государства, в основе которого – создание социально-экономических, нормативно-правовых, структурно-организационных условий для самореализации, социализации и социальной интеграции разных категорий молодежи, а также максимальное раскрытие личностного потенциала молодых граждан, их поддержка в интересах общественного развития.

Осуществление молодежной политики невозможно без инициативного участия молодежи в процессах трансформации, охвативших различные сферы социального функционирования. Результативность и эффективность мер молодежной политики также обусловлены степенью активности молодых людей в предлагаемых государственных и общественных проектах, программах.

Именно такой подход является сегодня доминирующим у государства и общества по отношению к молодым гражданам страны.

Современное понимание МП строится на основе следующих параметров ее функционирования как сложного социального института: нормативно-правовое обеспечение (международный, федеральный, региональный уровни); структурно-функциональное обеспечение (инфраструктура МП на уровнях: федеральном, субъекта Федерации, муниципальном); концептуально-содержательное обеспечение (цели-ценности, приоритетные направления, принципы осуществления, стратегии развития); материально-ресурсное обеспечение (финансовое, информационное, технологическое), профессионально-кадровое обеспечение (профподготовка, повышение квалификации, стажировки, др.).

Концептуальное толкование сущности молодежной политики с позиции многоаспектности отношений молодежи и общества дано В.Т. Лисовским – «когда мы говорим о молодежной политике, то имеем в виду в

первую очередь отношение общества, различных его групп, слоев, социальных институтов к молодежи как специфической большой демографической группе населения, а также самой молодежи к другим социальным группам, социальным институтам, ценностям общества в целом, носителями которых выступают другие группы и слои населения, социальные институты и физические лица (как представители групп или институтов)». По мнению Лисовского, социальный статус, а вместе с ним качество жизни молодежи, условия и образ жизни зависят от того, насколько органично будут складываться и развиваться эти отношения (т.е. молодежная политика). Таким образом, молодежная политика отражает отношение государства и общества к молодой части населения страны и обуславливает возможности и перспективы социального развития молодежи, так как «социальный статус демографической группы будет детерминировать и опосредовать весь процесс социализации молодого поколения, делая его эффективным или, наоборот, неэффективным» [1, 419].

Для понимания сущности молодежной политики, механизмов ее осуществления, условий, обеспечивающих социальное развитие молодежи как воспроизводственного ресурса, необходимо различать понятия «государственная молодежная политика», «общественная молодежная политика», «федеральная молодежная политика», «региональная молодежная политика».

Термин «государственная молодежная политика» не содержится в Основном законе государства – Конституции Российской Федерации. Однако понятие присутствует в иных федеральных законодательных актах. Из статьи 3 Федерального закона от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» вытекает, что государственная поддержка молодежных и детских объединений строится исходя из «основных направлений государственной молодежной политики». Следовательно, Российская Федерация должна иметь эти основные направления (в настоящее время направления государственной политики в отношении молодежи раскрыты в Стратегии ГМП от 2006 г.). С другой стороны, подобная трактовка не отрицает возможности и необходимости принятия нового документа, которым должен быть федеральный закон. Другим законодательным актом явился Федеральный закон от 21 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в котором говорится о том, что «органы по делам молодежи» относятся к органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (согласно статье 4 ФЗ).

Введение на законодательном уровне понятий: «законодательство Российской Федерации в области государственной молодежной политики» (преамбула Федерального закона № 98-ФЗ), «федеральный орган исполнительной власти по реализации государственной молодежной политики», «федеральные программы в области государственной молодежной политики», «государственная молодежная политика», «орган по делам молодежи» – является существенным вкладом в развитие законодательства о государственной молодежной политике в Российской Федерации.

Государственная молодежная политика – это деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Данное определение ГМП содержится в постановлении Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» (1993 г.).

Концептуальный подход был выработан в ходе широкой дискуссии, шедшей в советском обществе в период подготовки проекта Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (1987–1991 гг.) и он, по мнению В.А. Лукова, важен для практической работы государства, поскольку блокирует излишние проявления патернализма в отношении к молодому поколению.

Закон СССР от 16 апреля 1991 г. «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» был своего рода прорывом в отечественном законодательстве, так как определял курс государства на реализацию единой системы мер экономического, правового и организационного характера, ориентированных на самореализацию молодого населения страны, на поддержку молодежных инициатив. Названный законопроект стал первым специальным законом о молодежной политике, но остался нереализованным из-за смены социального строя в стране, распада СССР. С учетом положений Закона СССР было подготовлено постановление Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации».

Основополагающий документ российской молодежной политики был принят 3 июня 1993 г. и действует по настоящее время. В постановлении дана широкая характеристика молодежной политики с позиции определяющей роли государства, принимающего на себя ответственность за создание необходимых условий и, следовательно, за разработку и внедрение соответствующих механизмов, которые будут обеспечивать не только развитие, но и стимулировать самореализацию всех субъектов государственной молодежной политики (молодежи и молодежных объединений). Несмотря на адекватность поставленных целей, актуальность основных принципов и направлений, декларативность отдельных положений документа состояла в том, что разработчики не могли учесть всех сложностей социально-экономической обстановки 1990-х гг. и неопределенности путей политического, экономического и социально-культурного развития страны на среднесрочную перспективу. Постановление содержит ряд концептуальных положений, на основе которых, как предполагалось, должна формироваться и осуществляться ГМП в Российской Федерации. Однако во многом они остались не реализованы в рамках иных законодательных и подзаконных актов, принятие которых являлось необходимым для надлежащей реализации заложенных в постановлении концептуальных подходов.

Начало развития ГМП в Российской Федерации положено разработкой ряда концептуальных, правовых, программных документов, которые были подготовлены в 90-е гг. XX столетия.

В июне 1995 г. был принят Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Государственной Думой РФ 23 июня 1999 г. был принят Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». Данный законодательный акт был отклонен Президентом Российской Федерации.

В апреле 1996 г. было принято постановление Правительства РФ «О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации», 16 мая 1996 г. – Указ Президента РФ «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи». В августе 1996 г. в постановлении Правительства РФ по предоставлению безвозмездных субсидий на строительство или приобретение жилья вводилась и определялась новая для ГМП категория «молодая семья».

Дальнейшая разработка концептуального содержания государственной молодежной политики и его практическая апробация осуществлялись при помощи программно-целевого подхода ее осуществления (что имело особое значение в отсутствии федерального закона о молодежи). Вопросы молодежной политики в 1990-х гг. разрабатывались в государственных программных документах – федеральных целевых программах «Молодежь России» (1995–1997 гг., 1998–2000 гг., 2001–2005 гг.), «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и др. Программный метод в условиях реализации ГМП проявил как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, система предусмотренных мероприятий не может обеспечить выполнения столь масштабных задач социального развития России на многие десятилетия. Для этого необходимо разграничение функций в области организационно-правового подхода к реализации ГМП как межотраслевой сферы и как самостоятельной отрасли, имеющей свои институты, организационно-финансовые механизмы, систему соподчиненности, собственное кадровое, информационное, научно-методическое обеспечение, стандарты деятельности [2, 17].

В период 1990–2000 гг. становление ГМП определялось противоречием между отсутствием единой политической линии государства в отношении всей молодежи России и активизацией региональных органов власти по включению данного нововведения в состав региональной социальной политики (в середине 2000 гг. в правовом отношении ГМП была закреплена примерно в половине субъектов Российской Федерации). Это противоречие имело особую форму проявления. В субъектах развивался преимущественно организационный аспект молодежной политики, на уровне же правовых норм и формируемых экономических механизмов она, напротив, в основном была ориентирована на законодательные нормы, имеющиеся в федеральном законодательстве.

Можно констатировать, что к 2009 г. на основании имеющейся законодательной базы федерального уровня в субъектах Российской Федерации сформирована собственная правовая база в отношении молодых граждан. Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей принципы разработки, основные направления и меры реализации ГМП в субъектах Российской Федерации, позволяет сделать вывод о создании регионального законодательства в большинстве из них. В 72 субъектах РФ приняты в том или ином виде законы о молодежи и молодежной политике: «О молодежи», «О молодежи и ГМП», «О молодежи и молодежной политике», «О ГМП», «О молодежной политике», «О государственной региональной молодежной политике», «О региональной ГМП», «Об основах молодежной политики», «Об общих принципах осуществления ГМП», «Об основных направлениях ГМП», «О реализации ГМП», «О государственной поддержке молодежи», «О государственной поддержке молодежи, молодежных и детских общественных объединений».

Несмотря на существенный вклад субъектов Российской Федерации в разработку соответствующего обеспечения молодежной работы, правовое регулирование ГМП носит дискретный характер, нормы, регулирующие общественные отношения в указанной сфере, содержатся в актах различной тематики [3, 40].

За исследуемый период (с 90-х гг. XX столетия по настоящее время) в развитии ГМП можно выделить *несколько этапов*, которые отражают сложность формирования данного института социализации российской молодежи и в то же время его недостаточную проработанность в части оценки реального состояния молодежной среды с учетом перспектив развития молодых граждан и прогнозов социального, экономического, политического развития страны.

1991–1993 гг. – проводилась разработка и утверждение приоритетов и основных направлений ГМП в Российской Федерации.

1994–2002 гг. – осуществлялось внедрение программно-целевого подхода с целью создания правовых, экономических, организационных механизмов ГМП на федеральном и региональном уровнях; было подготовлено семь государственных докладов с целью обобщения основных показателей положения российской молодежи и оценки эффективности мер в области ГМП.

2003–2005 гг. – продолжилась разработка стратегических направлений государственной политики в отношении молодежи, их реализация при помощи проектного подхода как первого принципа государственной молодежной политики; создавалось нормативно-правовое и организационно-структурное обеспечение региональной молодежной политики, опыт которой учитывался при создании основ федеральной государственной молодежной политики. На данном этапе сформирован новый подход к молодежи – как к «стратегическому ресурсу развития страны» [4, 588], обоснована необходимость «прямого вовлечения молодых людей в решение собственных проблем и общенациональных задач» [5, 45] в целях дальнейшего демократического преобразования страны.

2006–2008 гг. – по настоящее время – решаются тактические и стратегические задачи по совершенствованию нормативной базы в сфере молодежной политики; происходит формирование инфраструктуры молодежной политики; разрабатываются и внедряются механизмы измерения эффективности молодежной политики;

развивается кадровое обеспечение молодежной работы; возобновлены работы по подготовке государственных докладов о состоянии молодежи и молодежной политики в РФ (вначале на уровне субъектов Федерации, далее – на федеральном уровне).

Исходя из фактического правового состояния, набора реализуемых функций можно констатировать, что молодежная политика относится к предмету совместного ведения Российской Федерации, субъектов Федерации и органов местного самоуправления, является составной частью социальной политики и в решении ряда вопросов (например, в отношении молодой семьи) органичной частью семейной политики Российского государства.

Современное состояние государственной молодежной политики характеризуется тем, что в рамках федеративного устройства Российского государства выделяются *три уровня политики государства* в отношении молодого населения страны.

На *федеральном уровне* формируются стратегические цели в отношении молодежи в соответствии с общероссийскими социокультурными ценностями, социально-политическими приоритетами и социально-экономическими условиями, направленностью на развитие инновационного ресурса юношей и девушек в интересах общественного развития:

- действуют ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

- изданы Указы Президента РФ и Постановления Правительства РФ в области государственного регулирования молодежной политики;

- осуществляется расходование средств по направлению «молодежная политика», предусмотренное бюджетным законодательством РФ;

- с 1994 г. реализуются федеральные целевые программы (ФЦП) под общим названием «Молодежь России», принятые на период 1994–1997 гг., на 1998–2000 гг. (имели статус президентских), «Молодежь России 2001–2005 годы», подготовлена концепция, но не реализована программа «Молодежь России» на 2006–2010 гг., разработан проект концепции ФЦП «Молодежь России» на 2011–2015 гг.;

- реализуются проекты, включенные в Стратегию ГМП: «Российская молодежная информационная сеть «Новый взгляд», «Доброволец России», «Карьера», «Молодая семья России», «Команда», «Успех в твоих руках», «Шаг навстречу». В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 997-р, в Стратегию ГМП в РФ включен восьмой проект «Гражданин России»;

- функционирует ряд совещательных органов при Президенте и Правительстве Российской Федерации;

- образованы органы законодательной власти в структуре Совета Федерации и Государственной Думы;

- функционируют федеральные органы исполнительной власти в области государственной молодежной политики;

- возобновлена работа по подготовке ежегодных докладов;

- созданы государственные учреждения (ГУ) по делам молодежи.

На *региональном уровне* учитывается состояние молодежной среды субъекта Федерации, вырабатываются общие подходы и определяются пути решения проблем молодого населения, осуществляются социальные инициативы в процессе взаимодействия государственных структур и ведомств с привлечением общественных организаций:

- приняты законы и иные акты субъектов Федерации о МП;

- созданы органы по делам молодежи в структуре органов законодательной и исполнительной власти, в том числе совещательного характера;

- осуществляется финансирование расходов на молодежную политику из бюджетов субъектов Российской Федерации;

- осуществляются комплексные региональные программы, направленные на реализацию приоритетных направлений и острых молодежных проблем;

- действуют ГУ органов по делам молодежи;

- осуществляется оценка эффективности реализации ГМП по критериям качественных и количественных изменений положения молодежи в обществе, ее вклада в развитие основных сфер городского хозяйства;

- проводятся социологические исследования и готовятся ежегодные доклады о положении молодежи, ее проблемах, о состоянии и перспективах развития региональной молодежной политики.

На *муниципальном уровне* осуществляется конкретная поддержка молодых людей с учетом специфических особенностей территорий:

- приняты нормативные и распорядительные акты в области молодежной политики;

- осуществляется финансирование расходов на молодежную политику из местных бюджетов;

- проводятся социологические исследования, анализируется состояние МП, потребности и проблемы разных групп молодежи;

- осуществляются программы и мероприятия, направленные на решение конкретных проблем молодежи, проживающей на территории округа, района;

- созданы органы по делам молодежи в структуре органов исполнительной власти;

- функционируют органы местного самоуправления внутригородских муниципальных образований, наделенные отдельными полномочиями в сфере организации досуговой, социально-воспитательной, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы с населением (в том числе его молодой частью) по месту жительства;

– развивается система ГУ по делам молодежи и реализуются молодежные проекты, программы и мероприятия.

Нормативно-правовое обеспечение молодежной политики характеризуется отсутствием базового федерального закона в сфере ГМП и отнесенностью основных полномочий в данной области к уровню субъекта Федерации. Таким образом, необходимо отметить, что в правовом обеспечении ГМП в целом сохраняются нерешенные вопросы, связанные с отсутствием федерального закона, устанавливающего методологические основы политики в отношении молодежи как особой социально-демографической группы.

Сложность настоящей ситуации в сфере молодежной работы объясняется тем, что из-за отсутствия системности нормативно-правового регулирования ГМП действия разных органов законодательной и исполнительной власти оказываются несоординированными. Анализ нормативно-правовых и программных документов, касающихся ГМП, показывает отсутствие точных формулировок или расшифровок понятийно-терминологического аппарата, а также декларативный характер отдельных аспектов, не подкрепленный конкретными инструкциями по реализации тех или иных направлений работы с молодежью.

Список литературы

1. Социология молодежи / Под ред. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
2. *Коврижный Ю.В.* Государственная молодежная политика: современное состояние и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. 2001. № 10(141).
3. Сборник методических материалов в сфере государственной молодежной политики. М.: Минспорттуризма и молодежной политики, 2009.
4. Доктрина Государственной молодежной политики // Российская молодежь: Проблемы и решения. М.: Центр соц. прогнозирования, 2005.
5. *Гусев Б.Б., Лопухин А.М.* Стратегия государственной молодежной политики (с комментариями). М.: Изд-во РГСУ, 2007.

С.А. Данилов

Саратовский государственный университет, Россия

РИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье анализируются риски политической социализации молодежи в проекции современной России, исследуются виртуальный, радикальный профили риска данного процесса, обосновывается роль государства.

Ключевые слова: политическая социализация, риски социализации, виртуальный профиль социализации, молодежный радикализм, государственная молодежная политика.

The article analyzes the risks of political socialization of youth in modern Russia. The article explores the virtual, the radical risk profiles and the author substantiates the role of the state.

Key words: the political socialization, the risk of socialization, the virtual profile of socialization, the youth radicalism, the state youth policy.

Процессы трансформации российского общества, утверждение демократических ценностей и принципов его функционирования и развития невозможно представить без участия молодежи, которая оказывает определяющее влияние не только на реальные социально-экономические и политические процессы, но и конструирует горизонты будущего нашего государства. Политическая социализация молодежи должна быть концептуально обоснованна и адекватна современным возможностям и потребностям развития, организационно структурированной, регулируемой и эффективной.

Молодежь занимает ключевое место в структуре общества, так как является носителем определенных связей в социуме, принимает в его жизнедеятельности активное участие. Молодежь как самая динамичная и активная социально-демографическая группа является объектом и субъектом социализации, посредством которой любой начинающий жизнь человек, собственно, и становится социальной личностью.

В общем плане социализация представляет собой совокупность взаимосвязанных процессов усвоения и воспроизводства индивидом необходимого и достаточного для полноценного включения в общественную жизнь социокультурного опыта, развития соответствующих свойств и качеств человека, его становления как конкретно-исторического типа личности и субъекта социокультурных практик данного общества.

Политическая социализация представляет собой процесс формирования политических взглядов, ориентации и ценностей путем перехода требований политической системы во внутреннюю структуру личности в виде элементов политической культуры, результатом чего является формирование личностью способности достигать своих целей посредством взаимодействия с политической системой.

Процесс политической социализации существенно влияет на формирование и развитие личности. Он охватывает весь процесс становления человека как субъекта политических отношений и политической деятельности. Ее промежуточным и конечным результатом является формирование у личности определенного состояния политической культуры как качественной характеристики творческой адаптированности личности к существующим политическим отношениям и социально-политической активности. Кроме того, процесс со-

циализации в сфере политики во всех направлениях и видах оказывает непосредственное влияние на политическую культуру как самого человека, так и общества в целом, характеризуя в нем качественный уровень политических отношений и существующих институтов власти и управления.

Понятие «политическая социализация» шире, чем понятия политического воспитания, образования или просвещения. Оно включает в себя не только целенаправленное воздействие форм (политических институтов) и содержания (политических процессов) господствующей политико-идеологической системы на человека, но и стихийные («внесистемные») влияния, а также собственную активность человека, направленную на освоение окружающего его политического мира.

Человеческое измерение организации политической реальности не ограничивается его социальными качествами, статусами и ролевыми свойствами. Модели политического пространства выражаются в виде политического поведения человека, а совокупность организаций человека в политике продуцирует смыслообразующий вектор его погружения в политическое пространство. Политическое пространство, наполненное содержанием, которое выражается в знаково-символическом, структурно-институциональном, нормативно-ценностном измерении, осваивается и актуализируется человеком. Человек обладает способностью выбирать из предлагаемого ему набора политических позиций те, которые отвечают его внутренним предпочтениям и убеждениям, причем не только осознанным, но и неосознанным; человек обладает возможностью встречного воздействия на социализирующую его систему и ее агентов, что превращает этот процесс из механического «воздействия» системы на пассивного индивида во взаимную адаптацию индивида и системы друг к другу.

Политическую социализацию личности можно определить как процесс активного воспроизводства личностью политического опыта, определенной системы норм, ценностей и установок политической деятельности и политических отношений. Существует и другая трактовка: политическая социализация личности – это процесс, в ходе которого у личности поэтапно формируются определенная картина политического мира, опыт политической деятельности и политического общения.

Политическая социализация имеет две основные функции: первая – обеспечение достаточно эффективного в рамках данной социальной системы политического взаимодействия с различными политическими организациями; вторая – сохранение динамического равновесия политической системы, а вместе с тем и самого общества благодаря усвоению новыми членами принятых в нем норм и ценностных образцов политического поведения.

Стержнем политической социализации является обогащение личности политическим опытом предыдущих поколений, который выражен в политической культуре. Политическая культура – это совокупность общепринятых ценностных ориентации, убеждений и норм политической жизни общества и по мере ее усвоения человек все больше адаптируется к существующей политической системе, становится в состоянии активно влиять на нее, т.е. все в большей степени делается субъектом политической жизни.

Политическая социализация личности – это всегда двусторонний процесс, в котором личность, с одной стороны, испытывает на себе воздействие различного рода политических субъектов, а с другой – по мере социализации сама становится в состоянии влиять на политическую жизнь общества.

Осмысление и самостоятельное участие личности в политике предполагает наличие у нее политических знаний, опыта, культуры, которые помогают ей как политическому субъекту эффективно реализовывать политические роли и функции, не становясь заложником политических игр различных сил. Выбор определенной модели политической социализации диктуется типом господствующей в обществе политической культуры, предписывающей определенную схему отношений власти и личности.

Это очень важно, так как, с одной стороны, молодежь усваивает определенные образцы поведения, психологические механизмы адаптации, социальные нормы и ценности, характерные для определенного общества. С другой стороны – общество, предоставляя молодому поколению все вышеперечисленное, способствует его интеграции в систему социальных отношений, в деятельность политических институтов и политические процессы, которые происходят непосредственно или опосредованно в социальной среде, предопределяемые политико-властными отношениями.

Пространство политических рисков современной молодежи определяется набором следующих факторов.

Во-первых, это социально-экономическая зависимость от родителей, в том числе от их политических ориентаций и позиций и отсутствие самостоятельности в принятии жизненно важных решений. Это зачастую формирует внутренний протест, несогласие молодых с тем, что в вопросах выбора и самоопределения они ограничены чужой, не своей волей, с которой они вынуждены считаться, даже если эта воля мало соотносима с потребностями и интересами молодежи. С этим связано и восприятие молодежи как неравноправной, социально-несформировавшейся группы со стороны агентов социализации и общества в целом. Это формирует в сознании молодых людей обостренное чувство социальной несправедливости, ущемленности, определяет ее заниженный социальный статус.

В условиях жестких реалий российского социума происходит разочарование социальным статусом, обострение проблемы «жизненного старта», что выражается в низком жизненном уровне молодого поколения, внутригрупповом неравенстве молодежи по показателям материальной обеспеченности, социальной защищенности, доступа к образованию, трудоустройства, возможности конструировать профессиональную карьеру.

К следующему фактору рискогенности можно отнести противоречивость политических взглядов и ориентации молодых людей; отсутствие политического опыта, фрагментарность политической культуры молодых граждан. В то же время существенной проблемой остается слабость институтов политической социализации,

где в отсутствие системно реализуемой, эффективной, научно обоснованной государственной молодежной политики происходит эскалация деструктивных тенденций.

Следует выделить профили рисков политической социализации молодежи в современной России.

Виртуальный профиль политической социализации молодежи. Интеграция web-технологий в политическое пространство и его динамичная виртуализация позволяет решить ключевые проблемы: обеспечение обратной связи между властью и гражданами, возможность преодоления иерархизма властных структур, снижая зависимость граждан от излишних институциональных посредников. Большинство пользователей Интернета в его российской проекции – молодежь, которая, как отмечалась ранее, является по-прежнему аполитичной и участие политики в интернет-пространстве позволит активизировать ее внимание к политическим процессам через систему технологий и сервисов. Блоги, чаты, форумы способны стать эффективными интеграторами политических сообществ в Интернете, предлагая альтернативный формат традиционных политических действий. Дискурс Интернета может стать политическим дискурсом молодежи и способствовать преодолению негативной тенденции к снижению уровня политического участия, снижению затрат на согласование возможных путей политического действия между индивидами, придерживающимися общих взглядов, но не взаимодействующих непосредственно в реальном мире.

Сегодня виртуальная политика подошла к принципиально новому этапу. Речь идет о создании виртуальных политических структур, которые будут отличаться от любых ранее существовавших объединений, организаций, движений и т.д. Интернет давно поставил на повестку дня вопрос об интеграции людей по самым разным признакам: по политическим убеждениям, интересам, общим проблемам и т.д. Политическая социализация через интернет-пространство позволяет преодолеть вышеобозначенные факторы рискогенности. Непосредственный учет и признание мнения каждого члена виртуального сообщества, оперативность в получении информации, альтернативность в проведении политических акций позволяет сделать политику доступной и равной для молодежи, повысив ее политическую, электоральную активность.

С другой стороны, очевидны риски. Необходимо помнить, что Интернет, по мере расширения сферы его использования в повседневной жизни, создает потенциальную угрозу манипулятивного воздействия на личность, в том числе со стороны субъектов политического процесса. Эфемерный статус политической личности в интернет-пространстве, решающий проблему визуализации и информирования, лишает человека реального контакта людей со своими лидерами. Наконец, Интернет становится пространством эскалации радикализма в политике, чему в большей степени подвержена молодежь. Виртуальная политика рискует остаться... виртуальной, не сумев превратить сетевую активность в реальность политического действия.

Радикальный профиль определяется многофакторностью российской действительности, где уход государства из сферы политической социализации в 1990-х гг., трансформация ценностей российского общества, гетерогенизация социально-политического пространства являются принципиальными моментами производства рисков. Изменения в обществе, характеризующиеся индивидуализацией поведения социальных агентов, принятием решений, усиливают безответственность и инициируют растворение индивидуальной ответственности молодого человека в коллективных решениях.

Воплощение девиантогенных факторов, к которым можно отнести состояние аномии, социальную дифференциацию и поляризацию, социальную дезорганизацию, маргинальность социальных групп, привело к росту радикализации и деструктивности поведения молодежи. Политическое пространство стало ареной выражения «забытого» обществом и государством дискурса молодежи – активной, максималистски настроенной, где молодежь «подбирают» и социализируют деструктивные сообщества.

Часть молодежи, которая оказалась не до конца адаптированной или не до конца конформна, социализируется через альтернативные механизмы: реализуя неопределенность и даже деструктивность, становясь генератором социального риска. Молодежь, будучи активной частью общества, подвергается влиянию деструктивных факторов политического риска – радикальных политических сообществ, террористических структур. Особое направление, активно представленное на карте радикальных движений, – националистические организации, успех которых определяется экономическими проблемами и неэффективной миграционной политикой.

Виртуализация жизненного мира современной молодежи способна усиливать распространение радикальных дискурсов современности. Интернет-форумы, сайты становятся проводниками радикальной информации, интегрируя на первом этапе в свои сетевые сообщества, а затем – инициируют активный радикализм в реальной политике. Оперативность информирования через Интернет существенно повышает динамику терактов, радикальные флеш-мобы способны стать существенным фактором политики.

Одним из ключевых рисков взаимного преломления виртуального и радикального профиля – стирание границ между реальным миром и виртуальной реальностью. Так, например, широко распространены случаи преступлений под влиянием интернет-игр с жестоким содержанием. Не исключена вероятность агрессии после игры в «убийство политического лидера». Радикализация политической деятельности молодых людей подтверждает кризис традиционных механизмов социализации, которые не в состоянии уловить динамичные изменения социальной действительности, колебания и трансформации ценностного мира молодежи.

В заключение необходимо отметить, что политическая социализация как процесс усвоения определенных политических ценностей, знаний и норм связан с передачей и приобретением политического опыта, позволяющего личности стать полноправным участником политической жизни общества, ориентироваться в сложных общественных процессах, осуществлять сознательный выбор.

Начиная с самого раннего возраста молодой человек испытывает воздействие процесса социализации, который тем эффективнее, чем свободнее его поле деятельности. Молодежь открывает для себя роль власти;

в семье и школе, на опыте узнает о конфликтах и способах их разрешения, учится повиноваться или восставать. Этот своеобразный «дополитический» опыт, пополняемый информацией об истории его страны, о политических деятелях, об активных периодах политической жизни, очень важен, но от общества и государства зависит, превратится ли он в «политический» этап, где человек осознает и активно действует.

Очевидно, что на общественном и государственном уровне оптимальная модель политической социализации в современной России позволит достичь такого уровня согласия между государством и гражданами, который гарантировал бы стабильность и устойчивое развитие общества. Сегодня основным субъектом данного процесса должно оставаться государство, располагающее комплексом ресурсов и способное обеспечить оптимизацию, достичь позитивных результатов. Государственная молодежная политика выступает не только как фактор, но и как важнейший инструмент политической социализации молодого поколения России.

Процессы оптимизации демократической политической системы России, стабильной и динамично развивающейся социально-экономической сферы, высокого уровня политической, правовой и духовной культуры и гражданственности российского сообщества в целом и молодежи в частности требуют изменения прежде господствовавших подходов и содержания деятельности, роли государства как основного субъекта политической социализации молодежи. В современных условиях необходимы концептуальное осмысление, научный анализ и выработка на этой основе системы наиболее адекватных и эффективных путей, методов и средств деятельности, оптимизации государственного регулирования в сфере политической социализации молодежи.

Е.С. Козина

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Российская молодежь – главный заказчик достойного будущего, главный стратегический ресурс нашей страны. Современные реалии требуют проведения дифференцированной государственной молодежной политики, охватывающей все уровни власти, все сферы общественной жизни, все группы и категории молодых людей.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь, молодежная политика, самореализация молодежи, социализация молодежи, социальное развитие молодежи, социальное управление.

The Russian youth – the main customer of the worthy future, the main strategic resource of our country. Modern realities demand to carry out the differentiated state youth policy covering all levels of the authorities, all spheres of the public life, all groups and categories of young men.

Key words: the state youth policy, youth, the youth policy, youth self-realisation, youth socialisation, social development of youth, social management.

Введение

Общество, государство, не определившее идеологии и перспектив развития, лишенное духовных основ и, главное, не нашедшее приложения своим молодым гражданам, не может рассчитывать в перспективе на улучшение собственного положения. Отношение государства к молодежи всегда было показателем уровня развития общества, степени его открытости и устремленности вперед.

Сегодня Россия находится на важном этапе своего экономического, политического и социального развития. За последний год основной темой политических и научных дискуссий стал разразившийся в нашей стране и во всем мире экономический кризис. Однако при обсуждении этих проблем в фокусе внимания оказываются вопросы исключительно экономического характера, связанные с кризисом финансовой сферы и неустойчивостью положения крупных экономических агентов.

Между тем стоит обратить внимание на то, что кризис в нашей стране носит отнюдь не только экономический характер. Это кризис социальный, связанный с духовным и культурным упадком общества, распадом традиционной системы ценностей.

Поэтому и политика государства по его преодолению не должна замыкаться только на действиях макроэкономического характера. Она должна быть направлена на консолидацию общества, поддержку гражданских инициатив. В этой связи особое значение приобретает молодежная политика государства. Молодые люди – это именно те, кому под силу преодолеть кризис, привести страну к духовному и нравственному возрождению.

Именно молодежь является наиболее активной составляющей гражданского общества: молодые лучше приспособлены к внедрению инновационных проектов и технологий в различных сферах, они являются сосредоточением принципиально новых знаний и идей, мобильны и полны сил для строительства своей жизни. Российская молодежь – главный заказчик достойного будущего, главный стратегический ресурс нашей страны.

Материалы и методы

Первые концепции молодежи появились в начале XX в., когда в США (Г. Стэнли Холл), а немного позже в Германии (Ш. Бюлер, Э. Шпрангер, В. Штерн и др.) и России (В.И. Ленин, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд и др.) сформировались три основных направления теоретического осмысления этого феномена – 1) трактовка молодежи как носительницы психофизических свойств молодости; 2) понимание молодежи как культурной группы; 3) постижение молодежи как объекта и субъекта процесса преемственности и смены поколений.

Серьезные теоретические разработки по проблемам молодежи на волне осмысления всплеска молодежной активности второй половины XX в. создали Маргарет Мид, Леопольд Розенмайр, Фридрих Тенбрук, Льюис Фойер, Гельмут Шельский. Свой вклад в теорию внесли Толкотт Парсонс, Юрген Хабермас, Эрик Эриксон, другие видные социальные философы, социологи, психологи.

Разработка проблем управления молодежной политикой в контексте социологии управления имеет своим основанием преимущественно труды отечественных ученых по формированию концепций социального управления. В российской социологии наиболее существенны в этом плане работы В.Г. Афанасьева, Д.М. Гвишиани, Ж.Т. Тощенко. В новых социальных условиях эта проблематика изучена Ю.П. Авериним, В.Н. Ивановым, В.И. Патрушевым, А.А. Зиновьевым и др.

Наиболее существенный вклад в научное осмысление молодежной политики как социального феномена и задачи в области социального управления внесла научная школа социологии молодежи Московского гуманитарного университета, берущая свои истоки в эмпирических исследованиях по молодежной проблематике, проводившихся научными подразделениями ВКШ и позже Института молодежи.

Работа коллектива ученых под руководством И.М. Ильинского над изучением проблем государственной молодежной политики (1986–1991) привела к созданию передовой для своего времени научной концепции и вытекающих из нее научных результатов прикладного характера, из которых наибольшее значение имеет проект закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (принят в 1991 г.). В рамках указанной научной школы по различным аспектам молодежной проблематики Н.М. Блиновым, Е.А. Гришиной, А.И. Ковалевой, Е.Е. Левановым, В.Ф. Левичевой, Вал. А. Луковым, В.И. Мухачевым, Ю.П. Ожеговым, И.А. Суриной, А.И. Шендриком, Ф.Э. Шереги и др. реализованы крупные научные проекты. Особую роль играет научное творчество лидера этой школы И.М. Ильинского, выступившего с рядом научных концепций (молодежная политика, воспитание жизнеспособных поколений).

В исследованиях молодежи и молодежной политики заметную роль играют научные школы Института социально-политических исследований РАН (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров), Московского государственного университета (И.Т. Левыкин, И.М. Слепенков, В.И. Добрынина, Т.Н. Кухтевич и др.), Санкт-Петербургского государственного университета (В.Т. Лисовский, А.А. Козлов и др.), уральских вузов (Ю.Р. Вишневецкий, В.Т. Шапко и др.), научных учреждений Поволжья (Г.А. Лукс, Е.Л. Омельченко, С.В. Полутин), Сибири (С.И. Григорьев, В.Г. Немировский) и др.

Проблема содержания государственной молодежной политики и ее управленческой составляющей рассматривается как практическая задача законотворческого процесса и организационных мероприятий в ряде исследований, осуществленных ответственными работниками федеральных и региональных структур по делам молодежи.

Изучение современных реалий и перспектив опирается также на материалы анализа документов и их проектов – законов и иных нормативных правовых актов в области государственной молодежной политики Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, программ политических партий, документов молодежных и детских общественных объединений.

В целом проблематика государственной молодежной политики в ключе социального управления получила весомое освещение в научной литературе. Однако динамическое развитие российского общества определяет необходимость пересмотра многих положений государственной молодежной политики, разработанных на заре рыночных реформ и не учитывающих качественные изменения в обществе в начале XXI века.

В этих условиях проблему формирования молодежной политики, во-первых, целесообразно рассматривать в неразрывном единстве с основными закономерностями функционирования социальной действительности, с логикой развития российского общества. Во-вторых, диалектика взаимосвязи развития общества и качественного состояния молодежной политики обуславливает необходимость выработки приоритетов в ее освоении на стыке теоретико-методологического и социально-политического анализа.

И, в-третьих, решение этой сложной проблемы невозможно без опоры на системную методологию, ибо в ином случае исходные цели, задачи молодежной политики, ее программы не будут иметь дедуктивного обоснования [2, 43].

Таким образом, теоретико-методологической базой рассматриваемой проблемы является системный подход, который в состоянии практической реализации воплощается в разработанный механизм программно-целевого управления процессом формирования и реализации государственной молодежной политики.

Результаты

Молодое поколение во многом предопределяет направленность идущих в современном обществе процессов, возможность социальной стабилизации и экономического роста. В России, несмотря на неблагоприятную демографическую ситуацию, согласно последней переписи населения проживают 39,5 млн человек в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет почти 27% населения.

Каждый второй молодой человек в России учится. В последние годы в России значительно снизился возраст первого устройства на работу. По официальным данным, ежегодно устраиваются на работу около полумиллиона молодых граждан в возрасте до 18 лет. Так, согласно аналитическому докладу Института социологии РАН (2007 г.) 12% молодежи в настоящее время являются служащими – офисными работниками, лаборантами, библиотекарями и т.п. 23% современной молодежи принадлежит к социально-профессиональной группе специалистов с высшим образованием, доля предпринимателей и самозанятых среди молодежи – 12%. Только 4% молодежи относят себя к группе рабочих высокой квалификации.

Результаты исследований показывают, что молодежь в целом аполитична. В выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, лишь 33% молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой [6, 172].

В новой социально-политической, нравственной и информационной ситуации в России происходят динамичные и глубокие изменения социальных характеристик молодого поколения. При этом выявились региональные, национальные, социально-экономические различия, половозрастные особенности различных слоев и групп молодежи. Познание и формирование социальных интересов, новых мотивов и устремлений молодежи являются необходимым условием становления гражданского общества в России.

Естественно, и в перспективе, да и в настоящее время от социального самочувствия молодого поколения россиян зависит и экономическое, и социальное развитие страны, ее безопасность и стабильность. Комплекс проблем и противоречий, с которыми столкнется Россия в ближайшее десятилетие, формирует достаточно жесткий набор требований к новым поколениям.

Стремительное старение населения и неблагоприятные демографические тенденции заставят общество уже в ближайшем будущем предъявить к сегодняшним 10–25-летним повышенные требования: молодежь станет основным трудовым ресурсом страны, ее трудовая деятельность в большей степени, чем ее родителей, станет источником средств для социального обеспечения пенсионеров, инвалидов и детей.

Коэффициент демографической нагрузки (количество нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособного населения), по прогнозу Росстата, возрастет в 2016 г. по сравнению с 2005 г. на 20% и составит 709 человек. От позиции молодежи в общественно-политической жизни, стабильности и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований. Потому уже сейчас одной из приоритетных национальных задач становится разработка эффективной, отвечающей современным требованиям государственной молодежной политики [3, 64].

Цели государственной молодежной политики требуют не просто улучшения и совершенствования всех систем работы с молодым поколением, но серьезного и качественного ее изменения, формирования новой идеологии, теории и практики социальной работы с молодежью и серьезных подходов к совершенствованию законодательства, обеспечивающих на деле, а не декларативно конституционные права и свободы молодых россиян.

Очевидно, что нынешняя форма работы с молодежью, охватывающая не более 5–10% молодежи, достигла пределов своего развития и должна быть изменена. Для этого необходимо, чтобы государство отошло от модели восприятия молодежи как объекта попечения, потому что следствием такого восприятия является формирование у молодежи пассивного, потребительского отношения к обществу и государству. Необходимо относиться к молодежи как к партнеру, а не как к объекту воздействия.

В современной России молодежная политика выделилась в самостоятельную сферу относительно недавно. Ее принципы определены в стратегии государственной молодежной политики, разработанной на период до 2016 г., есть специальный раздел и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года.

В стратегии государственной молодежной политики, разработанной на период до 2016 г., под государственной молодежной политикой понимается система формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности.

2009 г. в Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации был объявлен Годом молодежи, невзирая на последствия мирового финансово-экономического кризиса, большая часть субъектов Российской Федерации не сократила бюджетное финансирование, а некоторые даже увеличили свои расходы на молодежную политику в 2009 и 2010 годах.

Одно из важнейших событий Года молодежи – это заседание Госсовета Российской Федерации по молодежной политике, которое состоялось 17 июля 2009 года. Поручения, данные Президентом Российской Федерации на Госсовете и Председателем Правительства Российской Федерации на заседании Оргкомитета, имеют стратегический характер и дали серьезный импульс развитию молодежной политики в стране.

Инфраструктура молодежной политики развита неравномерно в различных субъектах Федерации – от наличия домов молодежи, подростковых клубов в каждом микрорайоне до их полного отсутствия в некоторых субъектах Российской Федерации. Субъектам Российской Федерации поручено разработать и принять нормативы по минимальному обеспечению молодежи региональными и муниципальными учреждениями по месту жительства.

Значительные позитивные сдвиги произошли в области подготовки кадров для проведения молодежной политики. На базе Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова создан федеральный кадровый центр. Также созданы восемь региональных кадровых центров (в каждом федеральном округе, в том числе два – в Южном федеральном округе).

С 2009 г. в 60 вузах страны ведется подготовка по специальности «Организация работы с молодежью», с 2010 г. на базе 100 вузов осуществляется переподготовка и повышение квалификации для получения дополнительной квалификации «Работник сферы государственной молодежной политики». Акцент сделан на подготовку специалистов по конкретным направлениям (добровольчество, трудная жизненная ситуация, работа с неформальными и экстремистскими организациями, толерантность, талантливая молодежь, здоровый образ жизни) [4, 72].

В число важнейших задач в настоящее время входит совершенствование нормативной базы молодежной политики, формирование кадрового потенциала государственной молодежной политики, ее научное и методическое обеспечение, восстановление и модернизация инфраструктуры, поддержка деятельности молодежных и детских общественных организаций, информационное обеспечение сферы государственной молодежной политики. Все перечисленные направления государственной молодежной политики нашли отражение в проекте концепции Федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011–2015 годы.

Обсуждение результатов

Выявление экспертных мнений в вопросе о трудностях и недостатках в проведении государственной молодежной политики продиктовано назревшей необходимостью совершенствования действующей системы управления для получения быстрых, конкретных и измеряемых результатов работы всей структуры государственной молодежной политики.

Одной из главных трудностей в проведении молодежной политики различные эксперты на федеральном и региональном уровнях называют «разбросанность» молодежной политики, отсутствие четкой командно-исполнительной схемы в работе органов разного уровня. Это приводит к тому, что инфраструктура молодежной политики целиком и полностью зависит от ситуации на местах, от того, как к ней относится местное руководство и от инициативы руководителей непосредственно молодежных органов.

Достаточно основательным выглядит мнение ряда экспертов, которые определяют успешность проведения молодежной политики как сочетание двух факторов: наличия финансовых возможностей и умелого координирования работы инфраструктуры молодежных общественных организаций в регионе.

По мнению многих экспертов, трудности в проведении молодежной политики происходят от того, что до сих пор до конца не решен вопрос о ее сути и внутреннем содержании. Это та сфера, которая базируется на инициативах самой молодежи, общественных организаций. Деятельность же органов, реализующих молодежную политику, на практике чаще всего пересекается с деятельностью органов государственной власти, курирующих другие направления.

Нечеткая детерминированность молодежной политики логически порождает еще одну не менее распространенную проблему. Это кадровое состояние органов власти, отвечающих за ее проведение. Молодежные органы в регионах, имея полноценный статус и связанный с ним комплекс обязательных требований к кадрам, не обладают достаточным авторитетом и лишены карьерной привлекательности.

Не самых лучших отзывов заслужили и идея, и схема работы с вузами. По мнению экспертов, вузы зачастую рассматривают сотрудничество с органами власти, скорее, как дополнительную нагрузку. В качестве примера говорят о создании при вузах, например, предпринимательских молодежных структур.

В существующих условиях само отношение экспертов к трудностям молодежной политики остается пока крайне неопределенным, четкой и однозначной причины затруднений не названо. В связи с этим в качестве общего вывода можно говорить только о двух проблемах: разобщенности факторов молодежной политики и отсутствии четко разграниченных ее функций.

Выводы

В настоящее время необходимо проведение продуманной, дифференцированной государственной молодежной политики, охватывающей все уровни власти, все сферы общественной жизни, все группы и категории молодых людей.

Стратегия и политика социального развития молодежи должны строиться на базе принципиально новых подходов и, в частности, на основе самореализации молодого поколения в процессе самостоятельности, социального творчества, предприимчивости, осуществления инновационных проектов, программ при активной поддержке государственных и общественных институтов.

Эффективная организация системы социального развития молодежи, ее воспитания позволит преодолеть духовно-нравственный кризис в обществе, достигнуть гражданского согласия и создать предпосылки для процветания сильной, демократической России.

Важнейшая задача состоит в том, чтобы адаптировать молодое поколение к новым экономическим и социально-политическим реалиям жизнедеятельности российского общества, показать его историческую перспективу.

Отсюда концепция реформирования, обновления всех сторон общественной жизни российского общества (ее последовательная реализация), идея патриотического служения России должны лечь в основу формирования и осуществления государственной молодежной политики, в центр всей воспитательно-образовательной деятельности государственных, общественных организаций, органов и лиц, занимающихся воспитанием молодежи.

При этом можно выделить две задачи в деле осуществления молодежной политики: 1) стратегическую, связанную с формированием и реализацией долговременных программ воспитания жизнедеятельных, жизнеспособных молодых поколений, и 2) тактическую, связанную с помощью молодым людям по всему спектру их коренных интересов и потребностей [5].

Государственная молодежная политика должна носить интегративный характер, выражающийся в выработке и реализации стратегии развития всех субъектов Российской Федерации с максимальным привлечением молодежи к участию в реформировании, обновлении общества и своих регионов.

Программы на всех уровнях по возможности необходимо связать как по вертикали, так и по горизонтали, по средствам и методам, по направлениям изменений определенных параметров социальной среды, в которой будет функционировать процесс социального развития молодежи.

Процесс социализации молодежи будет совершаться не только как опосредованный итог реализации экономического и социального развития страны, республики, области, края, а как важнейшая цель (социальное, духовное и физическое развитие молодежи) и условие обновления, прогресса российского общества. Доминирующим мотивом должно стать не приспособление к среде, а потребность в ее изменении и совершенствовании, приоритет отдается творчеству как целостной гамме видов и способов деятельности.

По этой причине молодежная политика выполняет главную функцию – человекотворческую, позволяя личности молодого человека конституировать себя как самостоятельный социально активный субъект, обеспечить инновационность социального развития и общества, и самого себя.

Активизируя интересы, потребности молодых граждан и вскрывая тем самым противоречия, сопровождающие процесс достижения целей, новая молодежная политика призвана рационализировать, разрешать возникающие проблемы, направлять их в русло цивилизованного взаимодействия, диалога общества и молодежи.

Список литературы

1. *Коврижных Ю.В.* Научное обеспечение реализации государственной молодежной политики и средства массовой информации // *Муниципальный мир.* 2000. № 6.
2. *Российская молодежь: проблемы и решения /* Ин-т комплексных соц. исследований. РАН. М., 2005.
3. *Рожнов О.А., Луков В.А.* Государственная молодежная политика и национальная безопасность // *Безопасность Евразии.* 2006. № 3.
4. *Родионова В.А., Колмогорцева С.Т.* Молодежь и общество: Проблемы разработки и реализации молодежной политики. М., 2001.
5. *Кузьмина А.* Кризис: легко ли быть молодым // *Рос. газ.* 2009. № 4873. 24 марта.

Е.С. Бабосова

Национальная академия наук Беларуси, Минск

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В предлагаемой статье рассмотрен процесс социальной адаптации молодежи к социально-экономической, политической и культурной жизни. Выделены показатели и факторы, которые детерминируют процесс социальной адаптации молодежи. Охарактеризована роль политической социализации в адаптационных процессах, проанализированы ее виды и характер. Сформулированы рекомендации по активизации вовлечения молодежи в сферу политики.

Ключевые слова: социальная адаптация, политическая социализация, молодежь, молодежная политика.

In offered article author considered process of social adaptation of youth to social, economic, political and cultural life. Indicators and factors which determine process of social adaptation of youth are allocated. The role of political socialization in adaptable processes is characterized and its kinds and character are analyzed. Also there are recommendations about activation of involving of youth in sphere of a policy.

Key words: social integration, political socialization, youth, youth policy.

Изучение поведения молодежи играет значительную роль при оценке современного политического процесса. Степень вовлеченности молодежи в политическую сферу, усвоение молодыми людьми политических норм и их практической реализации определяют устойчивость развития общества. Молодежь представляет собой важную социально-демографическую группу, находящуюся в процессе становления и развития социальной, психофизиологической, социокультурной и гражданской зрелости, приспособления к исполнению социальных статусов и ролей, свойственных взрослым людям. Будучи основным перспективным социальным ресурсом общества, своими ценностными ориентациями, социальными ожиданиями и практическими действиями молодежь вносит ощутимый вклад в трансформацию современного общества.

Процесс социальной адаптации молодежи к социально-экономической, политической и культурной жизни является одной из составных частей всеобщей социальной интеграции, а его направленность и темпы влияют как на развитие самих молодых людей, так и на общество в целом. С одной стороны, выступая как субъект смены поколений, способный к самореализации в результате собственной сознательной активности, молодежь приобретает социальный опыт, обновляет его и передает последующим поколениям. С другой стороны, молодежь является одним из потенциальных ресурсов, имеющихся в каждом обществе, от социальной адаптации и мобилизации которых зависит его жизнеспособность.

Социальная адаптация представляет собой сложный и многосторонний процесс приспособления человека или социальной группы к изменяющейся социально-экономической, социокультурной и политической среде. Целью этого процесса является обеспечение устойчивости образа жизни, а также его изменения на основе осуществления инновационных трансформаций в повседневной жизнедеятельности. **Адаптация** отражает возможности индивида выполнять определенные социальные функции: адекватно воспринимать окру-

жающую действительность; строить систему отношений и общения с окружающими; владеть способностями к труду, включенности в общественные отношения, в организацию досуга.

Можно выделить группу факторов социальной адаптации, которые, действуя во взаимосвязи друг с другом, детерминируют поведение каждого человека. Одним из наиболее существенных показателей, влияющих на процесс *социальной* адаптации молодежи, является оценка молодыми людьми своего материального положения. Социологический опрос, проведенный Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2008 г., показал, что более половины молодежи оценивает свое материальное положение как среднее или выше среднего (59 и 9% соответственно) (таблица).

Оценка респондентами социально-экономического положения в своей семье и в стране

Положение	Количество ответивших, %	
	Как вы оцениваете социально-экономическое положение в стране?	Как вы оцениваете материальное положение вашей семьи?
Хорошее	4,4	11,2
Скорее хорошее	8,5	9,2
Среднее	52,7	59,4
Скорее плохое	11,9	12,0
Плохое	8,2	4,1
Всего	100	100

В четыре с половиной раза меньше количество молодых респондентов не удовлетворены своим материальным положением (16 %). Помимо выяснения самооценки своего материального положения большой интерес представляет изучение источников доходов молодежи. Основным источником доходов для молодых людей является заработная плата (86% респондентов). На последующих местах находятся денежная помощь родственников и друзей (13%), стипендия и подработки (13 и 11% опрошенных). Важно отметить, что в молодежной среде имеет значение не только свой собственный материальный статус, но и социально-экономическое положение семьи, родителей, поскольку учащейся молодежи и студентам было бы трудно прожить без помощи близких родственников. Приведенный анализ самооценки молодыми людьми своего материального благосостояния показывает, что более двух третей опрошенных молодых людей с достаточной степенью успешности адаптировались к современной социально-экономической ситуации белорусского общества.

Если суммировать приведенные в обеих колонках таблицы показатели первых трех позиций, которые в целом можно определить как средние и хорошие, то становится наглядным коррелирование оценок материального положения своей семьи с оценками социально-экономического положения страны: оба этих индикатора выражаются цифрами 65,6 и 79,8. Существующая количественная разница этих индикаторов в значительной степени обусловлена методом сравнения, который интуитивно, чаще всего неосознанно применяет каждый молодой человек, сопоставляя свое материальное благосостояние с благосостоянием других людей, составляющих в своей совокупности население данной страны, когда ему кажется, что другие люди живут материально лучше, чем он. Обобщение эмпирической социологической информации свидетельствует о том, что социально-экономическое состояние в стране большая часть респондентов оценивают как среднее и скорее хорошее (53 и 9%). Политическая обстановка в стране оценивается чуть больше половиной молодых людей как скорее спокойная и спокойная (24 и 31%). Эти данные можно интерпретировать таким образом, что большинство юношей и девушек так или иначе адаптировались к современным социально-политическим реалиям. Поэтому многие из них отрицательно относятся к несанкционированным политическим и социальным акциям, в частности, 81% опрошенных не допускают возможности своего участия в митингах и демонстрациях, 76% – в забастовках, 85% – в голодовках. Приведенные данные свидетельствуют о том, что большая часть молодых людей положительно и оптимистично относится к происходящим в стране социально-политическим и экономическим трансформациям, а это можно рассматривать как свидетельство повышающейся адаптации молодежи к условиям того общества, в котором им предстоит жить и работать.

Социальная адаптация молодежи теснейшим образом связана с социализацией, они взаимно обуславливают успешность, эффективность друг друга. В своем реальном развертывании процесс социализации реализуется в разных формах – социальная, культурная, семейно-бытовая, политическая социализация. Наиболее важную роль в адаптационных процессах выполняет *политическая социализация*. Политическая социализация представляет собой двухсторонний процесс усвоения индивидом ценностей и норм политической культуры, существующей в обществе, социальных ролей и способов включения в политические процессы с одновременной экстерииоризацией (вынесением вовне) собственных данной личности способов и особенностей политического поведения путем ее активной социальной деятельности. Это сложный процесс, который детерминирован целым рядом факторов: целенаправленных и стихийных воздействий со стороны окружающей среды, а также внутренних механизмов реагирования на эти стимулы, активности самого человека и его социального опыта.

Политическая социализация может быть *прямой* и *косвенной*. Она является прямой, когда формирующаяся личность на уроках в школе или на лекциях в вузе усваивает информацию политического характера и пропагандируемые преподавателями ценности и нормы политической культуры. Оно носит косвенный характер,

когда формирование политических взглядов и установок происходит непреднамеренно, под влиянием поведения окружающих и опыта личного участия в политических акциях.

Кроме того, политическая социализация может иметь либо *унифицирующий, объединяющий*, либо разобщающий характер. Факторы и тенденции, приводящие к политической социализации второго из этих типов обстоятельно проанализирована в недавно опубликованной совместной книге выдающегося американского социолога Даниела Белла и известного российского политолога Владислава Иноземцева «Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века» [1, 124].

Системообразующим ядром процесса политической социализации индивида является формирование политического самосознания (политического «Я» личности). Политическое «Я» личности – это сплошное социально-психологическое образование, представляющее собой непосредственно данную индивиду целостность его индивидуальной жизни, центр его сознания, переживаний и деятельности, включенных в политическую жизнь общества. В каждый конкретный момент политическое «Я», как установили выдающийся американский социолог Габриэль Алмонд и его коллеги, представляет собой многослойную комбинацию ряда различных мнений, ориентаций и установок. Самый глубинный уровень составляют политические идентификации и убеждения, так же как национальное самосознание, представление о своей этнической и классовой принадлежности, религиозные и политические приверженности, фундаментальное восприятие прав и обязанностей в обществе. Второй уровень составляют эмоционально насыщенные установки индивида по отношению к политической жизни и правительственным институтам. Третий уровень составляют непосредственные суждения по текущим политическим событиям, политическим курсам, проблемам и персоналиям. «Установки всех этих трех уровней могут меняться, – подчеркивает Г. Алмонд, – но те, которые относятся к первой категории, обычно раньше всего приобретаются, чаще других закрепляются и, как правило, бывают наиболее устойчивыми» [2, 105–106].

Трехуровневый каркас политического «Я», разработанный Г. Алмондом и его сотрудниками, составляет основополагающий теоретико-методологический базис для конструирования структурной модели политической социализации молодежи. При разработке такой модели необходимо учитывать, что первоначальные элементы мировоззренческого и *политического образования и воспитания* социализирующийся индивид усваивает в семье, а затем в школе через обучение предметам общественно-гуманитарного цикла. Синтез обучения и воспитания индивида в политических координатах идентифицируется в старших классах средней школы, в колледже и вузе, где проявляются уровень и специфика *политического развития* личности. Этот процесс продолжается в общественных организациях молодежи, в различных формах молодежного движения, в трудовом коллективе. Здесь более отчетливым становится *политическое самоопределение* личности, более рельефными становятся ее *политические ориентации*. Совокупность политического образования и воспитания, воплощенных в политическом развитии личности, в ее политическом самоопределении и ценностных ориентациях, создают в своем интегральном единстве предпосылки для формирования *мотивов* участия (либо неучастия) личности в политических действиях. Результирующим итогом определенного цикла политической социализации является *включенность молодежи в политическую деятельность*. Разумеется, все охарактеризованные компоненты процесса политической социализации молодежи базируются на *политическом опыте народа* и на функционирующей в стране *политической системе*.

Проведенные в молодежной среде социологические исследования под руководством Е.М. Бабосова и Ю.В. Никулиной в Минске (2007 г., объем выборки 1142 человека; 2009 г., объем выборки 1199 человек) и под руководством Ф.И. Храмцовой в Гомеле (2009 г., объем выборки 412 человек) дали возможность получить интересные эмпирические данные, анализ и обобщение которых позволяет сформулировать качественно-количественные характеристики основных компонентов политической социализации молодежи. Проведенное осенью 2009 г. социологическое исследование в Минске показало, что чуть менее одной пятой респондентов (18,1%) заявили, что они постоянно следят за всеми внутри- и внешнеполитическими событиями. Еще 44,9% опрошенных респондентов утверждают, что интересуются только самыми значимыми политическими процессами. Деятельностью молодежных общественных объединений интересуются 32,4% опрошенных студентов, деятельностью оппозиции – 6,2%, политических партий – 5,7%, работой Национального собрания – 6,1%. В общей панораме самооценок молодежи относительно включенности в политическое пространство особенно настораживает очень низкое развитие интереса к политической жизни в стране и за рубежом студенческой молодежи. Если в среде работающей молодежи постоянно следят за всеми внутри- и внешнеполитическими событиями 24,4% респондентов, то в студенческой среде – почти в два с половиной раза меньше, всего 10,0%. Иными словами, только один из десяти минских студентов постоянно и внимательно интересуется политикой, более трети из них интересуются ею только от случая к случаю, а 8,0% начисто лишены такого интереса. Прослеживается четкая тенденция зависимости интереса к политике от возраста: так, среди возрастной группы до 24 лет политической жизнью постоянно интересуется 16,5% респондентов, а среди старшей возрастной группы таких уже около четверти – 25,5%.

Отсутствие стабильности, тяжелое материальное положение и неопределенность будущего молодежи существенно снижают уровень интереса к политике в молодежной среде. Неучастие молодежи в политической сфере способствовали негативные представления о профессиональных и моральных качествах тех, кто находился во властных структурах. Все эти факторы приводят к тому, что уровень политического сознания у большинства молодых людей имеет мозаичный характер; одни компоненты политической системы они знают достаточно полно, другие – слабо. Так, правильный ответ на вопрос, кто является высшим должностным лицом в Беларуси, дали 93,2% респондентов, а правильно сформулировали тип Белорусского государства только 20,1% опрошенных.

Конечно, вербальный уровень отношения к политике далеко не всегда, особенно у молодых людей, совпадает с включенностью человека в реальную политическую деятельность. Поэтому вполне правомерным является вопрос, каким образом молодые минчане приобщаются к общественно-политической жизни. Одним из проявлений такой включенности является их участие в выборах. Как свидетельствует эмпирическая социологическая информация, наибольшей популярностью у молодежи пользуются выборы президента страны. В них всегда принимает участие три четверти опрошенных – 73,0%. На втором месте по привлекательности стоят выборы депутатов Национального собрания (в них участвуют 52,9% респондентов). На третьем – местные выборы (дали утвердительный ответ 49,6% респондентов).

В отношении к выборам преобладает точка зрения, что участие в них – это обязанность гражданина страны. Так считает 51,5% опрошенных молодых людей. Чуть меньшее число респондентов (44,5%) считают участие в выборах личным делом человека.

Наиболее существенным проявлением включенности юношей и девушек в общественно-политическую жизнь является участие в деятельности политических партий и общественных объединений. Исследование показало, что из общественных объединений, действующих в стране, наибольшей популярностью у молодежи пользуются профсоюзная организация и Белорусский патриотический союз молодежи (в их рядах состоят соответственно 51,4% и 57,2% юношей и девушек). В других общественных объединениях состоит небольшое число респондентов (6,7%). В деятельности политических партий участвует лишь 0,9% опрошенных. Не являются членами каких-либо общественных объединений 17,4% респондентов, причем подавляющее большинство из них составляют молодые люди в возрасте до 24 лет (20,8% против 1,2% в возрастной группе старше 24 лет). Кроме того, представители работающей молодежи гораздо чаще являются членами общественных объединений, чем студенты и учащиеся колледжей и техникумов. Так, например, являются членами общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» 65,6% из числа работающей молодежи, 57,1% – студентов вузов и только 22,1% – учащихся техникумов и училищ.

Однако зачастую членство в общественной организации является для молодых людей пустой формальностью. В процессе социологического опроса установлено, что большинство юношей и девушек (76,2% студентов и 87,7% учащихся техникумов) никакого участия в работе молодежных общественных объединений не принимают. Такая позиция делает вполне объяснимой ту нижнюю оценку, которую высказывает современная минская молодежь в адрес молодежных объединений: 56,7% опрошенных студентов и 46,8% учащихся техникумов считают, что деятельность молодежных объединений не соответствует духу времени. С такой оценкой коррелируют и низкие показатели участия студенческой и учащейся молодежи в органах самоуправления по месту учебы. В такой деятельности принимают участие только 23,5% опрошенных молодых рабочих, 18,7% опрошенных студентов и 18,9% учащихся.

Немало нерешенных проблем существует в гражданско-патриотическом воспитании учащихся и студентов. Если считают наиболее значимым в жизни стремление стать профессионалом высокого уровня по избранной специальности 53,2% опрошенных студентов и 65,3% учащихся техникумов, сделать карьеру соответственно – 63,1% и 70,5% опрошенных молодых людей, то сделать все, что от них зависит, чтобы жизнь в нашей стране стала лучше, готовы только 21,2% студентов и учащихся.

В итоге можно сделать вывод о том, что успешная политическая социализация, освоение молодежью норм политической сферы является одним из основных показателей стабильности политической системы и эффективности ее функционирования. Только принимая тот или иной политический порядок, разделяя его ценности, индивид успешно адаптируется к социальной действительности, получая возможность для самореализации. Приведенные данные социологических исследований свидетельствуют о необходимости более активной работы в производственных коллективах, в учебных заведениях, в общественных организациях по более активному вовлечению молодежи в общественно-политическую деятельность и формированию у нее активной социально-политической позиции.

Список литературы

1. Белл Д., Ингоземцев В. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М., 2007.
2. Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2008.

С.В. Хамутовская

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О СУЩНОСТИ И ПРИНЦИПАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье приводится сравнительный анализ российского и белорусского законодательства о государственной молодежной политике. Выявляются сущность и принципы государственной молодежной политики, получившие правовое закрепление в законах и проектах законов Республики Беларусь и Российской Федерации. Сделаны выводы относительно возможной корректировки рассматриваемого законодательства.

Ключевые слова: переходные страны, законодательство России и Беларуси, сущность и принципы государственной молодежной политики.

In article the comparative analysis of the Russian and Belarusian legislation on the state youth policy is resulted. The essence and the principles of the state youth policy which has received legal fastening in laws and projects of laws of the Republic of Belarus and the Russian Federation are revealed. Conclusions concerning possible correcting of the considered legislation are drawn.

Key words: the transitive countries, the legislation of Russia and Belarus, essence and principles of the state youth policy.

Точка зрения

В переходных странах, к каковым относятся Российская Федерация и Республика Беларусь, с целью повышения эффективности социализации молодежи необходима выработка на государственном уровне основных концептуальных положений молодежной политики с их последующим правовым закреплением. Законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь относительно молодежной политики, прежде всего ее сущности и принципов, имеет как сходные, так и отличные черты, которые могут быть выявлены в процессе сравнительного анализа и в дальнейшем учтены субъектами законотворческой инициативы обеих стран в процессе совершенствования правовой базы государственной молодежной политики.

Пример

Основным документом, определяющим содержание государственной молодежной политики Беларуси, является Закон «Об основах государственной молодежной политики» от 07 декабря 2009 года № 65-З. Согласно ему государственная молодежная политика – это «система социальных, экономических, политических, организационных, правовых и иных мер, направленных на поддержку молодых граждан (далее, если иное не определено настоящим Законом, – молодежь) и осуществляемых государством в целях социального становления и развития молодежи, наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества» [1].

Что касается России, то в ней правовые основы государственной молодежной политики в виде главных ее направлений были одобрены постановлением Верховного Совета Российской Федерации в 1993 г. и в дальнейшем долго не корректировались. Отдельные субъекты Российской Федерации (примерно 40 регионов) в условиях правовой неопределенности приняли в 1996–1997 гг. собственные законы о молодежной политике. С целью унифицирования законодательства в данной сфере в России 18 ноября 1998 г. Государственной Думой было принято постановление № 3254-П «О проекте Федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». После повторного рассмотрения законопроект был принят Государственной Думой 27 октября 1999 г. и одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 11 ноября 1999 года. Однако позднее законопроект «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» был отклонен Президентом России.

В тексте проекта Закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» по состоянию на 22 июля 2009 г., в отличие от белорусского законодательства, не приводится определения государственной молодежной политики, а указывается, что она рассматривается как важное направление «федеральной политики в области социально-экономического, культурного и национального развития Российской Федерации» [2]. В данном случае не раскрывается содержание понятия «государственная молодежная политика», последнее представляется более четко сформулированным в законе Беларуси, так как, во-первых, в нем отражается то, что молодежная политика – это система различных мер, осуществляемых государством с конкретной целью, а, во-вторых, подчеркивается значимость обеспечения условий для социального становления и развития молодежи.

При этом интересным является и тот факт, что в Законе Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» к числу субъектов данной политики отнесены: 1) молодежь, а именно «граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства» [1], которые постоянно проживают в стране, в возрасте от четырнадцати до тридцати одного года; 2) молодые семьи, в которых супруги или один из супругов (родитель в неполной семье) находятся в возрасте до тридцати одного года; 3) молодежные общественные объединения; 4) государственные органы и иные организации, принимающие участие в пределах своей компетенции в реализации государственной молодежной политики. В то время как в проекте закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» статья «Субъекты государственной молодежной политики» отсутствует, но среди основных понятий, применяемых в проекте закона, выделены: 1) молодежь: к ней причислены люди в возрасте от 14 до 30 лет; 2) молодые семьи, каковыми считаются семьи, в которых супруги или один из них не достигли возраста 30 лет, а также родители в возрасте до 30 лет, имеющие несовершеннолетних детей; 4) социальные службы для молодежи; 5) социальная инфраструктура для молодежи, которая, наряду с системой необходимых для жизнеобеспечения молодежи объектов (зданий, строений, сооружений), включает в себя организации, «которые осуществляют деятельность по охране здоровья, образованию, воспитанию, социальному обслуживанию, физическому, духовному и нравственному развитию молодых граждан, обеспечению их занятости и удовлетворению их общественных потребностей» [2]. Из сказанного видно, что в российском и белорусском законодательстве на год отличается возраст, до которого человека можно относить к молодежи, а также субъекты государственной молодежной политики. При этом и в российском проекте закона, и в белорусском законе практически одинаково учитываются интересы детей в молодых семьях.

В Законе Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» называется 7 принципов государственной молодежной политики [1]:

- 1) защита прав и законных интересов молодых людей;

2) сочетание государственных, общественных интересов, прав и свобод личности в формировании и реализации государственной молодежной политики;

3) обеспечение молодым людям правовых и социально-экономических гарантий, которые компенсируют обусловленные возрастом ограничения их социального статуса;

4) научная обоснованность и комплексность;

5) гласность;

6) привлечение молодежи к непосредственному участию в формировании и реализации государственной молодежной политики;

7) приоритет конкурсных механизмов при осуществлении программ в сфере государственной молодежной политики.

В проекте Закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» отмечается, что молодежная политика в этой стране базируется на «конституционных принципах равенства прав и свобод человека и гражданина, государственной защиты указанных прав и свобод, создания условий достойной жизни и свободного развития человека и гражданина» [2], выделяются принципы государственной молодежной политики, а именно:

1) участия молодежи, молодежных, детских общественных объединений в формировании и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации;

2) соблюдения прав и законных интересов молодежи в различных сферах государственной политики в России;

3) осуществления финансовой и иной поддержки молодежи, молодежных, детских общественных объединений в целях создания условий достойной жизни и свободного развития молодых граждан;

4) осуществления координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации государственной молодежной политики в России;

5) осуществления государственной поддержки органов местного самоуправления, физических и юридических лиц в проведении мероприятий по реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации.

Принципы молодежной политики, перечисленные в Законе Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» в достаточно большой степени связаны с описанием необходимых составляющих механизма разработки последней. В проекте Закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» больше внимания уделяется вопросам, связанным с реализацией молодежной политики (перечислены субъекты ее реализации, формы мероприятий по поддержке молодежи и т.п.), отдельно упоминается о возможных инициативах органов местного самоуправления, физических и юридических лиц. Принципы, описанные в вышеназванных пунктах 1 и 2, 6 и 1 соответственно белорусского закона и российского проекта закона, по смыслу практически совпадают.

Вывод

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что законодательство, регулирующее формирование и осуществление государственной молодежной политики в России и Беларуси как странах, находящихся в процессе системной трансформации, имеет как ряд сходств, так и отличий. И проект Закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации», и белорусский Закон «Об основах государственной молодежной политики» включают в себя статьи, по содержанию достаточно адекватно отвечающие потребностям современной молодежи. Однако, например, в Беларуси сегодня в качестве главного целевого ориентира названо развитие демократического правового социального государства, в котором молодежь является не только объектом, но и активным субъектом перемен, вследствие чего в белорусском законе следует отразить более широкий спектр проблем становления и самореализации молодых людей, возможностей молодежных объединений и организаций. Относительно России представляется целесообразным, во-первых, раскрыть содержание понятия «государственная молодежная политика», апеллирование к которому осуществляется почти в каждой статье законопроекта, а, во-вторых, ускорить процесс принятия проекта Закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». Также в ходе создания Союзного государства России и Беларуси необходимо привести к общему знаменателю вопросы, касающиеся субъектов государственной молодежной политики; возрастной категории людей, которые могут быть отнесены к молодежи и молодым семьям; подкорректировать основные ее принципы, что позволит повысить качество процесса социализации молодых людей, особенно в рамках формирующихся единого экономического, информационного, культурного и иных пространств.

Список литературы

1. «Об основах государственной молодежной политики»: Закон Респ. Беларусь, 07 дек. 2009 г., № 65-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2010.

2. «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации»: Закон Рос. Федерации, 27 окт. 1999 г., № 65-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2010.

З.М. Мухамедова

Ташкентская медицинская академия, Узбекистан

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

В статье на основе принятых законов, постановлений и социологического мониторинга изучаются концептуальные особенности и принципы формирования государственной молодежной политики в Республике Узбекистан. Анализ государственной молодежной политики дает возможность выявить некоторые ее характерные тенденции в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: молодежная политика, социализация молодежи, защита интересов и прав молодежи, ценностные ориентации, роль махалли в духовно-нравственном воспитании молодежи.

On the basis of the laws, resolutions and social monitoring data the article studies conceptual specifics and principles of shaping the youth policy in the Republic of Uzbekistan. Analysis of the state developed youth policy makes it possible to reveal some of its specific trends.

Key words: youth policy, social growth of youth, protection of youth's interests and rights, orientation on values, role of makhalla in moral upbringing of young people.

В переходном обществе накопление нового опыта всегда сопряжено с конфликтами, с отрицанием устаревшего, отжившего. Молодежь в этом процессе играет важную роль, особенно если учитывать, что в Узбекистане средний возраст населения составляет 25,5 года, в том числе сельского – 24,2 лет, городского – 28 лет. Население республики является молодым по сравнению со многими странами, в то время как доля населения старше 65 лет составляет 4,3%. По прогнозам ВОЗ, к 2030 г. 8% населения Узбекистана будут составлять люди в возрасте 65 лет и старше. В структуре населения республики преобладает трудоспособная возрастная группа (женщины в возрасте 16–54 лет и мужчины в возрасте 16–59 лет), а также дети и подростки до 16 лет – 37%.

Основное противоречие в сфере социализации молодежи – это противоречие между объективно усложняющимися общественными отношениями, возросшими требованиями, предъявляемыми обществом к социализации подрастающего поколения, и недостаточно используемыми социально-экономическими, идеологическими, политико-воспитательными средствами воздействия на человека. Кардинальные изменения в постсоветском обществе сказались на трансформации ценностных ориентаций современной молодежи Узбекистана.

Анализ государственной молодежной политики в Республике Узбекистан дает возможность выявить некоторые характерные тенденции:

1) реформирование системы образования и переподготовки молодежи, направленное на формирование нового стиля мышления, основ экономического поведения для успешного выполнения новых социальных ролей в условиях рыночной экономики;

2) создание необходимых материальных и экономических условий для сохранения преемственности в работе основных государственных и негосударственных структур, обеспечивающих жизнедеятельность общества, с учетом дальнейшего развития научно-технического прогресса, внедрения новой техники, изменения условий и содержания труда;

3) использование соответствующих экономических и моральных стимулов с целью создания мотивационных основ для переключения миграционных потоков молодежи в социально значимые отрасли и регионы республики;

4) создание необходимых правовых и финансовых возможностей для самостоятельного решения молодежью своих проблем, развития инициативы и предприимчивости: открытия своего дела, строительства жилья и т.д.;

5) расширение возможностей для обмена опытом и знаниями с молодыми людьми из ближнего и дальнего зарубежья: заграничные стажировки, учеба в других странах и т.п. (в этом плане активно работают фонд «Умид», ОДМ «Камолот» и др.);

6) создание системы стимулирования, материального и морального поощрения талантливой и творческой молодежи, развития национального искусства и культуры.

Пути решения молодежных проблем лежат в совершенствовании всей системы государственной молодежной политики как на уровне принципов, так и на уровне конкретной деятельности органов государственной власти. Государственная политика охватывает практически все стороны жизни молодежи и волнующие ее вопросы.

Успешная реализация молодежной политики находится в прямой зависимости от координации деятельности различных ведомств, учреждений, правительственных структур и общественных организаций на основе единых государственных взглядов на социально-экономическое, духовное и психофизиологическое развитие молодежи. Основным средством решения молодежных проблем является разработка и осуществление продуманной, целостной политики, направленной на создание условий, которые позволили бы молодежи как можно раньше обрести самостоятельность, максимально раскрывать свои возможности и реализовать свои жизненные цели, быть лучше подготовленной к тому, чтобы своевременно принимать на себя экономическую, политическую и моральную ответственность за судьбу своего государства.

29 февраля 2008 г. Президентом Узбекистана И.А. Каримовым было подписано постановление «О Государственной программе «“Год молодежи”». Утвержденная постановлением программа предусматривала ком-

плекс мер по своевременному решению проблем по защите интересов и прав молодежи, углублению реформ в системе непрерывного образования, обеспечению востребованности молодых специалистов в реальной экономике и сферах жизнедеятельности страны. Государственная программа, в частности, была направлена на совершенствование правовой базы, улучшение системы образования и подготовки кадров, формирование у молодежи твердых убеждений и взглядов, стремление к здоровому образу жизни, решение вопросов трудоустройства выпускников и отслуживших в армии, выявление талантов и способностей у детей, моральную и материальную поддержку молодых семей.

Со дня провозглашения независимости в Узбекистане большое внимание уделяется вопросам духовности, нравственности, возрождения культурно-исторических ценностей, формированию активной гражданской позиции в сознании нашей молодежи. Очевидно, что именно это одно из условий построения прочного будущего страны и процветания ее народа. Большое внимание уделено воспитанию гармонично развитого поколения, формированию каждого молодого человека в духе активной, разносторонне развитой и полноценной личности. Поддержка развития молодежи осуществляется на законодательном уровне. Этому способствуют Законы Республики Узбекистан: «Об основах государственной молодежной политики в Республике Узбекистан», «Об образовании», «Об охране здоровья граждан», «О Национальной программе по подготовке кадров», «О физической культуре и спорте», «О гарантиях прав ребенка», «О занятости населения», «О негосударственных некоммерческих организациях» и многие другие. Проводятся мероприятия, направленные на активизацию участия молодежи страны в общественно-политической, экономической, культурной и законодательной сферах жизни. Присоединение Узбекистана к международным конвенциям и договорам, защищающим права и интересы детей, свидетельствует о том, что деятельность государства в вопросах молодежи, ее развития и воспитания поставлена на высокий уровень.

Если в период с 1997–2006 гг. Узбекистан ежегодно тратил на систему образования в среднем 9–10% своего ВВП и 23–29% расходов государственного бюджета, то в 2010 г. свыше 50% средств госбюджета направляется только на развитие сфер образования и здравоохранения. Перед системой образования Узбекистана стоят новые масштабные задачи по совершенствованию образовательных стандартов, учебных программ и учебной литературы, пересмотру образовательных направлений и специальностей в системе высшего и среднего специального образования с учетом требований сегодняшнего дня, вопросы широкого внедрения в учебный процесс новых информационных и педагогических технологий.

У стран СНГ, в том числе Узбекистана, показатель уровня образования весьма высок, причем у всех без исключения стран Содружества он выше значений двух других слагаемых ИРЧП – индексов ожидаемой продолжительности жизни и ВВП. По уровню образования Узбекистан стоит в одном ряду не с развивающимися, а с развитыми странами мира. Индекс образования здесь составляет 0,99, в то время как среднемировое значение – 0,77.

В результате реформ, проводимых в Узбекистане, средняя продолжительность обучения в 2004 г. составила около 12 лет, что, к примеру, больше чем в Азербайджане, Армении, Турции и ряде других стран со средним индексом человеческого развития.

Расчеты применительно к Узбекистану показывают, что наибольшее влияние на значение индекса человеческого потенциала оказывают индексы образования (40,45 %), ожидаемой продолжительности жизни (34,92%). В 2004 г., по данным ООН, в сфере образования республика была выше среднемирового уровня и занимала 80-е место среди 177 стран, а по показателю ожидаемой продолжительности жизни – 112-е.

В Узбекистане большое внимание придается вопросам семьи, созданию молодыми прочных семейных уз, приверженности к традиционным семейным ценностям, задаче воспитания детей, молодежи. Приоритетность, необходимость особого внимания к этим вопросам со стороны махалли*, общества, государства выразилось в объявлении 2010 г. – Годом гармонично развитого поколения [1].

Самые важные события в жизни трех поколений узбекской семьи происходят при помощи и прямом участии махалли. Исторически махалля всегда была и остается важным органом в решении различных вопросов, связанных с повседневностью, как традиционный орган самоуправления на уровне улицы в городах и кишлаках оседлой Центральной Азии. Особая роль принадлежит махалле в духовно-нравственном воспитании молодежи. «Махалля – для каждого отец и мать» – гласит народная мудрость, она и сегодня остается центром семейно-бытовых и религиозных обрядов и праздников. В махалле живут не только узбекские семьи, но и семьи многих других национальностей, принадлежащих к различным религиозным конфессиям**. Здесь бережно сохраняются и передаются из поколения в поколение лучшие традиции узбеков: уважения к старшим, бережного отношения к младшим, культурная и религиозная толерантность. Многонациональность, многоконфессиональность – исторически сложившаяся, обусловленная данность. Именно махалля в этом плане стала школой жизни во всех смыслах, которая формирует моральный облик человека. Здесь вместе радуются, всем миром спешат на помощь в трудную минуту, устраивают хашар и помогают построить дом. В народе говорят: «Для одного ребенка родителями являются семь соседей», так как издревле махалля принимает самое активное участие в формировании личности молодых людей.

* Махалля – община, имеющаяся в городах и сельских районах Узбекистана, которая в соответствии с законодательством страны является первичной территориально-административной единицей. Махалля с арабского языка переводится как «местное сообщество» – сообщество людей, сообщество соседей, проживающих на определенной территории. Размер махалли может варьировать от 150 до 1500 семей. Если махалля только недавно была признана местным органом власти, махаллинские комитеты как махаллинский институт существуют веками.

** В Узбекистане насчитывается около 130 наций и народностей, 16 различных религиозных конфессий.

1. Постановление Президента Республики Узбекистан о государственной программе «Год гармонично развитого поколения» // Собр. законодательства Республики Узбекистан. 2010. № 5. Ст. 37; № 17. Ст. 130

Д.В. Фадеев

*Комитет по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи
Саратовской областной думы, Россия*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ВИДЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕНДЕНЦИИ

В статье анализируются виды и направления политической социализации молодого поколения России, в частности Саратовской области. Приведены примеры решения этой проблемы в регионе и условия, помогающие молодежи определить свое место в политической системе Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежь, политическая социализация, молодежная политика, законодательство, политическое участие.

The article analyzes the types and directions of the political socialization of the young generation of Russia and in particular of the Saratov region. Also examples of solutions to this problem were given in the region and the conditions that help young people determine their place in the political system of the Russian Federation.

Key words: youth, political socialization, youth policy, legislation, political participation.

Введение

Личность – одновременно и субъект и объект политики. Одни люди в большей степени проявляют политическую активность, другие – в меньшей, а третьи вообще стараются «убежать» от политики. Одни стремятся к утверждению существующего политического строя и проявляют конструктивное политическое поведение, другие, напротив, предпринимают меры, направленные на его ниспровержение и демонстрируют деструктивную позицию.

Проблема социализации общества особенно обострилась в новейшей истории России. Крушение идей, перестройка нравов, разочарования в идеалах привели к резкому падению политической активности общества вообще и молодежи в частности.

В науке предпринимаются отчаянные попытки вывести общую, единую теорию политической социализации, однако по объективным причинам сделать это крайне затруднительно. Назовем эти причины.

Первая связана с тем, что концепция политической социализации начала формироваться после создания теории общей социализации личности и на ее основе. Однако и по сей день существует несколько теорий общей социализации личности, наличие которых и затрудняет создание концепции политической социализации.

Вторая причина трудностей в создании единой концепции политической социализации личности носит социокультурный характер. На политическую социализацию большое влияние оказывает конкретный социокультурный контекст развития личности, прежде всего та политическая культура, в рамках которой происходит политическая социализация. Кроме того, на политическую социализацию личности влияют разнообразные и разнокачественные факторы: характер социальной стратификации общества, система образования и воспитания, национально-этнические особенности, религиозные верования и т.д. Поэтому и невозможно создать хорошо сбалансированную общую для всех стран теорию политической социализации личности, по крайней мере говорить сегодня об этом еще преждевременно.

Материалы и методы

Политическая социализация личности происходит в процессе взаимодействия ее с обществом. Характер такого взаимодействия обусловлен прежде всего соотношением экономических, политических и других интересов человека и общества, гражданина и государства.

Различная комбинация интересов обуславливает конкретные типы или модели политической социализации личности. Под типом политической социализации имеется в виду совокупность устоявшихся ценностных образцов взаимодействия личности и политических институтов общества. На него оказывает влияние совокупность ряда факторов: уровень исторического развития общества, экономические условия, политическая культура, социальная структура общества, доминирующие агенты политической социализации и др.

В общем плане тип политической социализации определяется теми стандартами политической жизни общества, которые диктуют личности определенный способ ее политического поведения, соответствующий политической культуре данного общества. В результате обеспечиваются политическая стабильность и ответственность в развитии общества.

В зависимости от принятых в обществе образцов и норм политического поведения в науке выделяются три основных типа политической социализации личности.

- Гармонический тип характеризуется не только принятием личностью существующих политического порядка и власти, но и уважительным отношением к государству, политической системе в целом.

- Плюралистический тип предполагает толерантность по отношению к ценностям и убеждениям других людей, нормы политического поведения которых признаются равноправными.
- Гегемонистский тип характерен для общества закрытого типа. Его сущностью является установка на резко отрицательные отношения личности к любым политическим системам и организациям, кроме той, с которой она себя идентифицирует.

Результаты

В России процесс социализации молодежи является актуальной и востребованной темой общественно-политических исследований. За последние годы по данной проблематике подготовлены многочисленные научные публикации и защищены диссертации, рассматривающие различные стороны и составляющие данного процесса.

В содержательном плане понятием «социализация» мы обозначаем становление личности – процесс усвоения образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе.

В настоящее время ведущими институтами и агентами политической социализации российской молодежи выступают: система образования, средства массовой информации, органы власти, общественные и политические организации, церковь и семья, а армия, профсоюзы и трудовые коллективы заметно ослабили свою роль в данном процессе.

В последние годы важную роль в воздействии на политическое сознание и поведение современной российской молодежи начинают играть политические институты и агенты политической социализации: органы власти (государство), партии, общественные организации, общественные деятели и политическая элита.

Говоря об органах власти, хотелось бы подробнее рассмотреть роль законодательной власти в процессах политической социализации молодежи.

Сегодня, как никогда остро, назрела не только потребность в адекватной государственной молодежной политике, но и необходимость вовлечения молодежи в легальную политическую деятельность, активизация ее гражданских ориентаций. Нужна выработка таких символов и механизмов идентификации и консолидации общества, которые соответствовали бы потребностям и интересам как молодежи, так и общества в целом.

Власть осознает необходимость молодежной политики. Образовательные, интеллектуальные, спортивные, профессиональные, досуговые и другие программы для молодежи наиболее распространены на региональном уровне, хотя вопрос их финансирования в полном объеме остается открытым. На территории нашего региона действует областная целевая программа «Молодежь Саратовской области» на 2009–2011 гг. принятая Саратовской областной думой 26 ноября 2008 г., с общим финансированием 39 млн рублей, состоящая из двух подпрограмм «Социализация молодого поколения» и «Патриотическое воспитание детей и молодежи». Основные задачи подпрограммы «Социализация молодого поколения»: подготовка молодежи к участию в общественно-политической жизни страны, государственной деятельности и управлении, профессиональная ориентация молодежи; выработка эффективных форм взаимодействия с детскими и молодежными общественными объединениями по реализации региональной молодежной политики; создание условий для реализации творческого потенциала молодежи; информационное и организационное развитие системы работы с молодежью в области. Оценочные показатели подпрограммы: увеличение доли молодых людей, занимающих активную жизненную позицию, принимающих участие во всех сферах жизнедеятельности области.

Учитывая важность задач данной подпрограммы, роль законодательного органа Саратовской области состоит в поддержании финансирования программных мероприятий на должном уровне.

На территории нашего региона действует закон «О молодежной политике в Саратовской области», разработанный комитетом Саратовской областной думы по физической культуре, спорту и делам молодежи и принятый 27 сентября 2006 года. Суть закона состоит из следующего постатейного содержания: цель и задачи молодежной политики в области, приоритеты молодежной политики в области, обеспечение занятости молодых граждан, поддержка талантливой молодежи, поддержка молодежного предпринимательства, воспитание молодежи в духе нравственности и патриотизма и участие молодых граждан в формировании и реализации молодежной политики.

Одной из форм такого участия являются молодежные парламентские структуры. Молодежный парламентаризм является механизмом включения молодежи в политическую деятельность, позволяет реализовать законные права молодых граждан по участию в формировании молодежной политики, представлять свои права и интересы в органах государственной и муниципальной власти.

Система молодежного парламентаризма создается путем привлечения молодежи к общественно-политической жизни страны, посредством участия в работе молодежных палат, создаваемых при представительных органах власти всех уровней. Возраст участников от 14 до 30 лет.

Примером тому служит молодежный парламент при Саратовской областной думе, образованный в целях обеспечения эффективности взаимодействия Саратовской областной думы с молодежью, молодежными объединениями, активного привлечения молодежи области к обсуждению и подготовке нормативных правовых актов области в сфере молодежной политики, содействия формированию кадрового потенциала для органов государственной власти области и органов местного самоуправления.

Обсуждение результатов

Какова же роль названной структуры в вопросе политической социализации молодежи Саратовской области? Молодежный парламент при Саратовской областной думе является одним из разработчиков проекта

«Молодежный парламентаризм: кадры для будущего», который заключается в формировании молодежных парламентских структур посредством прямых выборов с использованием электронной системы голосования. Данный проект реализуется на территории Приволжского федерального округа под патронажем партии «Единая Россия». Организационный комитет по реализации проекта возглавляет полномочный представитель Президента РФ в ПФО Григорий Алексеевич Рапота.

Содействие в реализации идеи оказывали избирательная комиссия Саратовской области, главный федеральный инспектор по Саратовской области, Саратовская областная дума, правительство области.

Общее количество молодежи, принявшей участие в данном проекте, составило около 18 900 человек. Явка избирателей, принявших участие в выборах, составила 53,4% от общего числа зарегистрированных. Число мандатов в молодежных парламентах по гендерному признаку в процентном соотношении между мужчинами и женщинами составило 51,88/48,12%. В 3 районах из 10 (Новоузенский, Ртищевский, Самойловский) впервые было опробовано электронное голосование с помощью средств мобильной связи.

Выводы

Приведенный выше пример указывает на высокий уровень политической активности молодежи региона. Следует отметить, что вопрос политической социализации не исчерпывается степенью заинтересованного участия молодых людей в выборных процессах. Кроме того, эти выборы можно отнести к разряду субъективных показателей активности, поскольку это чисто молодежное мероприятие и интерес к нему у молодежи гораздо выше, чем к другим общеполитическим мероприятиям. Тем не менее можно сделать вывод, что при определенной степени заинтересованности в политическом действии молодежь проявляет достаточную активность.

Другой вывод из проведенного анализа – можно утверждать, что в Саратовской области созданы условия и разработаны меры, помогающие молодежи определить свое место в политической системе Российской Федерации.

М.О. Орлов

Саратовский государственный университет, Россия

ДИСКУРСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ КОНСТРУКТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена этике ответственности, изучению динамики глобальных процессов современности. Автор исследует стратегии дискурсивного управления, которые позволяют диагностировать позитивные и негативные тенденции в ходе глобализации и осуществлять коррекцию глобального развития.

Ключевые слова: глобализация, социальная динамика, социокультурные изменения.

The article deals with ethics of responsibility and analyses dynamics of modern global processes. The author explore the strategies of discourse management, allowing to diagnose positive and negative tendencies in the course of globalization and to realize the correcting of global development.

Key words: globalization, social dynamics, social and cultural changes.

Концептуализация идеального коммуникативного сообщества утверждает себя в качестве регулятивной стратегии как раз тем, что позволяет *критически* узнавать все недостатки и сложности, которые встречаются в реальной человеческой коммуникации. Благодаря этой стратегии становятся опознаваемы те черты реального коммуникационного сообщества, которые на деле приводят к искажениям условий коммуникации. Так, реальное коммуникативное сообщество всегда отмечено неполнотой информации у его участников, асимметрией их статусов, неравенством компетенций, абберациями в коммуникации, исходящими со стороны социальных институтов и т.д. Идентификация этих искажений позволяет включить дискурсивную этику в механизм коррекции социальной коммуникации (ее искажений), позволяя сделать ее *этикой реагирования*, а не только оценивания и диагностирования.

Высокая теоретическая ценность концепта реального коммуникативного сообщества для социальной философии подчеркивается тем, что именно в нем общественная коммуникация оказывается фактически возможной и реальной. В нем она обретает полноту жизненной формы и практики. Реальное коммуникативное сообщество, в котором мы социализированы и существуем, обладает экзистенциальным значением, в отличие от идеальной абстракции. Кроме того, изучение реального коммуникативного сообщества подчиняется *иному методологическому принципу*, нежели изучение идеального, ибо оно как реальное и объективное явление поддается, в отличие от идеального, полноценному объективно-научному исследованию со стороны социальных наук.

Строго говоря, никакой конкретный принцип этики не может быть выведен *непосредственно* из дискурсивного принципа, но должен быть выработан *как результат приложения к конкретному социодинамическому контексту, к существующей традиции* права и нравственности в определенной жизненной форме. *Функция морального суждения заключается соответственно в том, чтобы применить дискурсивный принцип к контексту реального жизненного мира в данной конкретной ситуации. В ходе образования суждения моральный субъект должен исходить из существующих объективных обстоятельств, оцениваемых путем наблюдения, учета каузальных взаимосвязей, воображения, но руководствоваться он должен идеальным принципом дискурса.*

Такое положение дел ведет к построению иерархической архитектоники дискурсивной этики, предполагающей определенную иерархию уровней дискурсов. Идея, которая, говоря словами В. Соловьева, «высока, но безжизненна», только в *реальном* осуществлении обретает «воплощение и действенность». Отсюда вытекает императив содействия развитию реального коммуникативного сообщества в таком направлении, чтобы в нем получали жизнь начала идеального коммуникативного сообщества. Дискурсивный принцип дополняется *морально-стратегическим принципом дискурсивного управления*, конституция которого очевидно отличается от формального категорического императива, предписывающего не принимать в учет привходящих обстоятельств.

В первую очередь во всех делах речь должна идти о том, чтобы гарантировать выживание человеческого рода как реального коммуникационного сообщества; во-вторых, о том, чтобы осуществить в реальном коммуникативном сообществе идеальное коммуникационное сообщество. Первая цель является необходимым условием второй; а вторая дает первой смысл – смысл, который уже антиципирован в каждом аргументе.

Принцип *дискурсивного управления* вытекает из необходимости опосредования понятий идеального и реального коммуникативных сообществ. Он несет в себе обязательство постоянной работы по аппроксимативному устранению различия между ними. Это «различие» тематизируется как самостоятельная величина – как объективное *препятствие* для осуществления в моральном действии универсального дискурсивного принципа. Анализ препятствий и искажений коммуникативного сообщества предполагает самостоятельное поле для исследования и критики. Далее, принцип *дискурсивного управления* придает историческую перспективу моральной рефлексии. Он включает в суждение оценку реальных последствий действия соответственно критерию их отношения к коммуникативному сообществу. Необходимость учета последствий действия в историческом контексте впервые придает дискурсивному принципу действенность этики ответственности – *дискурсивное управление* стремится задать в своей формулировке рамки для возможности осуществления обоих названных начал человеческого бытия.

В опосредовании начал идеального и реального коммуникативного сообщества в парадигме неомодернизма возможно обращение к диалектическому методу. Именно диалектика в конечном счете позволяет корректно сформулировать характер отношения между трансцендентальным измерением и измерением реального социума, не размывая между ними границы и не углубляя их чрезмерно. Проблема соотношения трансцендентально-идеального и реального бытия пронизывает в коммуникативном подходе соотношение рефлексии и эмпирического познания, философии и науки, лингвистического анализа и герменевтики, идеального и реального измерений коммуникативного сообщества и т.д. Диалектика в парадигме нового модерна получает функцию герменевтического круга, точнее, герменевтический круг трактуется как версия диалектики. Поэтому диалектический метод оказывается в самом центре этической проблематики. Так, разведенные прежде консенсуально-коммуникативная и стратегическая рациональности в принципе *дискурсивного управления* оказываются вновь диалектически совмещены, причем само целерациональное и стратегическое поведение направлено на сохранение человеческого рода и укрепление начал постконвенционального морального развития. Стратегическая рациональность, подчиненная задаче реализации коммуникативной рациональности, меняет свой этически иррелевантный смысл и становится важным элементом этики ответственности. С этой точки зрения должна быть переоценена вся критика стратегического действия: *дискурсивное управление* является *методологией стратегического действия*, ограниченного моральным (дискурсивным) принципом.

В этой связи стратегическим принципом дискурсивного управления социальными процессами является методологическое совмещение норм и ценностей этики убеждений (Кант) и норм стратегической ответственности (Вебер).

Названное методологическое опосредование не просто совмещает два статических принципа, но прогрессивно *преодолеывает* их в установлении единого – нового и самостоятельного – этического масштаба любых форм социального управления. Этот масштаб придает этике историческую динамику в направлении долгосрочных реформистских усилий, а также социальный акцент в смысле морально-стратегических методов дискурсивного управления социальными процессами. Формально-деонтологический подход оказывается совместим с целями телеологической этики в социальной философии.

Дискурсивная этика препятствует рассмотрению ближнего как объекта стратегического действия и, утверждая об априорных этических основаниях коммуникации, противостоит пессимистической (антиутопической) картине тотальной испорченности человеческой природы. Но если этика предвосхищает идеал как регулятивную, *никогда не достижимую идею*, тем самым предполагая существование исторической, отличающейся от идеала реальности, то утопизм гипостазирует и проецирует его в историю. «Снимая» различие между идеалом и историей, утопизм лишает себя инстанции исторической критики, слепнет. Не улавливая диалектической опосредованности и смешивая этическую и стратегическую рациональность, утопизм лишает себя «внутренних» границ и способен в своем целерациональном устремлении переродиться в анархическую мечтательность или жестокий террор. Именно поэтому в тисках утопизма оказываются модели технически-стратегического мышления, примером чего является технократический утопизм «реального социализма» или сциентизма. Напротив, утверждая идеал в его значении регулятивного, соотношенного с историей, но внеисторичного идеала, дискурсивная этика получает инстанцию для критики истории и утопизма. *Поэтому стратегия дискурсивного управления становится мощным оружием критики утопизма как одной из первостепенных опасностей научно-технической цивилизации.*

Таким образом, имея представление об общем механизме обоснования норм, мы можем перейти к анализу представлений относительно динамики социального и правового порядка в свете этики ответственности глобализирующегося мира.

Общий очерк дискурсивного управления социальными процессами дает представление о характере проблем, выдвигаемых и решаемых в постклассической социально-философской теории. *Трансцендентальная прагматика* акцентирует внимание не на собственно нравственных системах жизненных миров. Однако одной из ее задач является попытка выработки подхода к обоснованию метаэтической социально-философской доктрины. Ее интерес сфокусирован в первую очередь на задачах рационального обоснования этических норм, вытекающих из постановки вопроса о морально-когнитивном развитии человечества (Л. Кольберг) в фило-генетическом и социальном аспекте. Она направлена на рациональное обсуждение оснований систем и институтов. Таким образом, основным понятием *дискурсивной этики* и инстанцией опосредования измерения норм и институтов становится понятие рационального обоснования или *рациональности*. Прояснив его, можно обрести масштаб, который позволит без больших затруднений включать перспективу *трансцендентальной прагматики* и *дискурсивной этики* в практические дискурсы управления социальной динамикой глобальных процессов.

Рациональность, которая формирует принципы дискурсивного управления, в постклассической парадигме, может быть определена как *способность человека к обоснованию и самостоятельному конституированию содержаний своего сознания*. Согласно этому представлению, существует множество типов рациональности, в рамках каждой из которых задается собственная система перспектив и координат. В поле зрения оказываются такие типы рациональности, как техническая, этическая, стратегическая, системная, коммуникативная и др.; но таких типов может быть в принципе бесконечное множество. Костяк этой концепции составляет противопоставление стратегической и консенсуально-коммуникативной рациональности, на основе которой возможно постарение стратегий управления социальной динамикой, однако здесь находят место и другие, самые разнообразные типы рациональности, основанные на философской традиции *самокритики* и *самодифференциации разума*.

Критика разума является способностью самого разума и неотъемлема от его сущности, однако она должна производиться *с позиции рациональности, а не иррационализма*, что происходит в философии постмодерна. Утвердившееся в Новое время понятие рациональности лишь питает иррационалистическую критику разума: система комплиментарности предполагает такую типологию типов рациональности, согласно которой: 1) возможность рационализации в рамках научного и технического сознания возникает при условии предметно-специализированного абстрагирования рассудка от целостности жизненного мира (сциентистская рациональность); 2) возвращение к целостности разума возможно лишь при отрицании сциентистской рациональности как искажения истины целого и возвращении к этой экзистенциальной истине (рациональность жизненного мира). В эти два типа рациональности, в действительности, имплантированы две версии *иррационализма*: 1) этический иррационализм; 2) антисциентистский «бунт против разума». Критикуя и тем самым отрицая друг друга, оба типа рациональности погружают европейскую традицию комплиментарной рациональности в перформативные противоречия, подрывают позиции разума и служат утверждению иррационализма.

Самокоррекция и самодифференциация разума должны осуществляться не на основании эмпирической очевидности, а путем неоспоримого удостоверения в своей истинности. Другими словами, критика рациональности должна опираться на самообоснование. Этим заведомо ограничиваются критические возможности скептицизма или фаллибилизма; тем не менее, после уяснения разумом собственной «истинностной компетенции» философский скептицизм и фаллибилизм получают свое обоснование и превращаются в орудие самокоррекции разума.

Таким образом, построение теории типов рациональности предполагает реконструктивное и саморефлективное движение, ориентированное на постулат самопостижения. Путь трансцендентальной рефлексии ведет к тому, что искомый тип рациональности не может быть найден на пути менталистски-трансцендентальной (в смысле Гуссерля) или иерархически-металогической (в смысле Рассела) теории, но лишь на пути трансцендентально-прагматической теории в смысле «самовозвышения языка». Другими словами, трансцендентальное самообоснование рациональности в ходе аргументативного дискурса само становится тем *исконным типом* рациональности, который ложится в основание теории рациональных типов.

Лишь после того, как обоснована философская трансцендентально-прагматическая рациональность (относящаяся к речевым актам, выраженным в перформативно-пропозициональных предложениях исходя из критерия перформативной непротиворечивости), возможно обоснование формально-логической и математической рациональности (относящихся к синтактико-семантическим высказываниям с соответствующим критерием логической непротиворечивости). Логическая рациональность, как и трансцендентально-прагматическая, не требует обоснования, а является условием возможности всякого логического обоснования. Но в порядке рефлексивного самообоснования она может рассматриваться как отвлечение синтаксически-семантического аспекта употребления языка от целостной ситуации языковой коммуникации. Исходя из этого, претензии логиков Венского кружка (Тарского) на то, что обыденный язык является «неконсистентной семантической системой» и не может быть использован для философской аргументации, а также упреки представителей аналитической философии в том, что философия является «следствием неправильного употребления языка», неправомерны, поскольку сами являются «прагматически неконсистентными» и несут в себе перформативное противоречие.

В исследовании мы не претендуем на то, чтобы дать исчерпывающий обзор типов рациональности и их иерархию. «Иерархия» ограничивается задачей обоснования высшего – дискурсивного – типа рациональности и его отношения к «ближайшим» и «важнейшим» типам. К парадоксам этой иерархии принадлежит то, что «ближайшим» по ценности и значению типом рациональности становится не формально-логическая или

научная, а консенсуально-коммуникативная и этическая рациональность. Однако преимущественное значение для исследования имеют те концепции, которые связаны с обоснованием социальной динамики: морального поведения и социального действия.

В целях прояснения философских концепций, рационализирующих социальную динамику, необходимо обратиться к концепции *целерациональности*, «рациональности цели и средства». Эта рациональность подразумевает способность самостоятельно выбирать цели и адекватно подбирать средства для ее достижения. Ценностная рациональность подразумевает безусловное следование коренящемуся в убеждениях индивида образу действий, независимо от позитивно или негативно оцениваемых последствий этого следования. Ценности не подчиняются свободному выбору и расчету и восходят, таким образом, к внутреннему иррациональному решению веры («Каждый выбирает своих богов сам»). В этом смысле ценностная рациональность не закладывает в человеческое действие критерия эффективности, не способна служить основой управления ответственности и обозначает, скорее, область «дорационального», чем рационального в человеческом поведении. В наибольшей степени этим характеризуется *социальная динамика традиционных обществ*, базирующаяся на принципах «традиционной рациональности», в которой все поведенческие модели являются для индивида предписанными. Существенным элементом веберовской концепции является оценка основной тенденции процесса рационализации в европейской истории как «процесса расколдовывания мира», т.е. постепенной секуляризации культуры и отступления ценностной рациональности перед культурным расширением сферы, подчиняющейся целерациональности. Таким образом, процесс рационализации связан с постоянно растущим умением человека самостоятельно выбирать цели и средства деятельности.

Социальным действием называется действие, которое согласно подразумеваемому действующим или действующими смыслу отсылается к поведению других и ориентировано на него в своем течении. То, что нечто «определено целерационально», означает: определено посредством ожидания поведения от предметов внешнего мира и от других людей и при использовании этих ожиданий как «условий» или «средств» для рациональных, ориентированных на успех, и взвешенных собственных целей. Именно такое понятие инструментально-технической целерациональности в смысле взаимности целерациональных действий положено в основание большинства социологических теорий, таких как теория рационального выбора, теория решений, теория игр и т.д.

Не отрицая теоретического значения концепции стратегической рациональности, нужно подчеркнуть ее *недостаточность для объяснения рационального характера социальной динамики*, в частности, для объяснения человеческой коммуникации. Внеязыковое, в том числе стратегическое, коммуникативное действие может протекать только там, где контекст такого действия уже ясен. Всякая неясность требует *координации* посредством языковой коммуникации. Эта координация достигается в результате перлокутивного эффекта, который не обязательно интендирован в речевом акте субъективно-стратегически, но часто непосредственным образом «встроен» в иллокутивный акт и его интересубъективные притязания на значимость. Благодаря универсальному характеру этих встроенных в речь притязаний на значимость возникает «связывающая сила норм», без которой координация социальной динамики имеет лишь случайно-субъективный характер и не может выйти за пределы децизионистски-моментной стратегической договоренности. Только консенсуально-коммуникативная рациональность предполагает нормы и правила, которые априори лежат «по ту сторону» калькулируемого собственного интереса и позволяет оптимизировать, сделать наиболее легитимным управление процессами социальной динамики.

Консенсуально-коммуникативная рациональность, ориентированная на использование языка, обладает целым рядом свойств, чуждых рациональности инструментально-стратегической. Выдвигая универсальные претензии на значимость (понятность, истинность, правдивость, нормативная правильность), она ориентирует не на условные эмпирические цели, а на инстанцию абсолютного нормативного значения. Посредством коммуникации до партнеров доводится информация не о случайных эмпирических мотивах и субъективных интересах, а об универсальных общезначимых нормах. Заложенный в ней априори интерес имеет в виду не только собственный и взаимный, но и общий интерес и цель всего коммуникативного сообщества. Таким образом, в коммуникативном действии партнер по коммуникации не может рассматриваться как средство для достижения собственных целей, но лишь как равноправная личность, интересы которой учитываются в равной степени с собственными. Наконец, именно в рамках коммуникативной рациональности востребуется во всей полноте коммуникативная компетентность человека, заключающаяся в умении найти средства выражения для достижения согласия без артикуляции собственных стратегических интересов.

В рамках дискурсивного управления, основанного на консенсуально-коммуникативной рациональности необходимо различать особую *дискурсивную рациональность*, посредством которой могут быть разрешимы ситуации *в случае проблематизации* выдвигаемых претензий на значимость. Аргументативный дискурс – это коммуникация об истинности выдвигаемых суждений. В случае нарушения коммуникации вследствие постановки под вопрос выдвигаемых участниками интеракций притязаний на значимость, у участников коммуникации существует лишь одна возможность – попытаться разрешить возникшую проблему в ходе рационального дискурса и продолжить коммуникацию. В этом случае в дискурсивном управлении обычная перлокутивная функция языковой коммуникации – координация действий – отодвигается на второй план, а на первый выдвигается задача образования консенсуса относительно значимости речевых актов, имплицитно «встроенных» в координацию действий, как «озвученной» цели коммуникации. При этом именно заинтересованность в рациональном, не стратегическом разрешении коллизий социальной динамики (конфликтов интересов и различий во мнениях) побуждает абстрагироваться от каких-либо интересов самоутверждения, т.е. от практических ситуа-

ций жизненного мира: абстрагирование от действия в дискурсе является условием и средством освобождения дискурсивной рациональности ради возможного решения конфликтов в жизненной практике исключительно посредством консенсуального разрешения или оправдания претензий на значимость человеческой речи. Дискурс является в первую очередь не эмпирической целью целерациональных действий из субъективных интересов, но условием возможности реализации intersubjectively значимого мышления.

Другой специфической формой дискурсивного управления является особенность самого дискурса – то, что его нельзя обойти. Принципов дискурсивной рациональности нельзя «не хотеть», коль скоро *приходится* вступать в дискурс. Само желание вступления в дискурс не может быть сведено к правилу «если... то», присущему инструментально-стратегической рациональности. Невозможно, чтобы кто-то хотел дискутировать и одновременно желал бы занять по отношению к своим партнерам стратегическую установку; он всегда уже знает, что не может разрешить проблемы intersubjectively значения выдвигаемых им истинностных или моральных суждений посредством договоров (например, путем выгодных предложений или угроз) или суггестивно-манипулятивным использованием языка (например, уговариванием или убеждением).

Исходя из сказанного, встроенной или эксплицированной частью аргументативного дискурса является *философски-рефлексивный дискурс*. Если посредством консенсуально-коммуникативной рациональности устанавливаются правила дискурсивного управления, благодаря которым координируется стратегическая деятельность актеров, то посредством философского дискурса выясняются правила, по которым функционирует сама коммуникативная рациональность. Философский дискурс уже никак не связан с разрешением конфликтов интересов или осуществлением интеракций. Однако это не дает права представлять его в виде отстраненной от жизненного пространства кооперативной игры (подобно практическим «играм коммуникативной рациональности»), в которой можно участвовать или нет, подчиняясь или нарушая инструментально-стратегически обоснованные правила. Вступающий в философский дискурс принимает участие в трансцендентальной языковой игре человеческой коммуникации, посредством которой открывается путь к любым тем или иным частным языковым играм.

Из доказательства нестратегического характера дискурсивной рациональности выводится существование *этической рациональности*, т.е. рациональности, в рамках которой происходит обоснование этических норм социальной динамики. Этическая рациональность подразумевает существование автономного этического разума, задающего себе законы в смысле Канта. Необходимо подчеркнуть, что ни допущение свободы интеллигентного Я у кантианцев, ни допущение высшей моральной цели аристотеликами еще не может служить обоснованию такого разума. «Свобода Я», которая не предусматривает взаимности притязаний и обязательств, предполагает лишь отношение «Я-всё» естественных наук и инструментально-стратегических действий. Вопрос об особенной этической рациональности здесь не имеет смысла и даже не может быть поставлен. Точно так же этическую рациональность не удастся найти на основании телеологической рациональности, которая бы желала преодолеть стратегическую рациональность путем полагания высшего блага. Определение высшей цели должно быть в этом случае *уже* обосновано посредством рационального *принципа обобщенной взаимности*. Этическое значение высшая цель может обрести только в том случае, если она является способной к достижению *всеобщего* консенсуса. Дискурсивное управление использует постулат: если «высшая цель» не принимается всеми как нравственный закон, значимый для всех, то ссылка на нее в случае конфликта обычно разблагачается контрагентами как проявление догматизма или субъективного интереса.

Исходя из этого в социальной динамике, цели этического разума могут быть реализованы только в рамках *рациональной взаимности действующих субъектов*, в основе которой лежит дискурсивная рациональность. Примером может служить достижение согласия в случае конфликта согласно дискурсивному управлению, использующему принципы стратегической рациональности. В этом случае стороны стремятся, игнорируя идеологические расхождения, сойтись на объединяющей высшей цели, которая соответствует общим интересам. По этой модели дискурсивного управления социальными процессами, как правило, успешно решаются многие политические и экономические проблемы. Однако результаты таких договоров могут быть *этически* релевантными лишь тогда, когда они принимают в учет не только участников конфликта, но все возможные заинтересованные стороны и исключают соглашение *за счет* третьих лиц. Очевидно, что такая постановка вопроса не может возникнуть в рамках стратегической рациональности; это требует выхода за пределы последней в пространство дискурсивного управления, использующего принципы коммуникативно-консенсуальной рациональности.

Пример дискурсивной уязвимости целерациональности особо явственен при рассмотрении одного из способов контроля над социальной динамикой – *необходимость соблюдения договоров «pacta sunt servanda»*, что демонстрирует теория общественного договора Т. Гоббса. Это общее правило в любом договорном процессе, которое только и делает договорный процесс возможным, и имеет для стратегической рациональности первостепенное значение. Вместе с тем очевидно, что оно *не может быть обосновано в рамках стратегической рациональности*. Согласно логике последней, договоры могут поддерживаться лишь то время, пока они сохраняют свое *значение средства*, т.е. пока остаются неизменными цели, вызвавшие их к жизни. Спустя некоторое время они могут становиться препятствием, которое должно быть устранено. Однако если бы это было так, невозможным становилось бы само заключение и существование договоров. С точки зрения стратегического собственного интереса индивида паразитарное злоупотребление общественным (как и всяким другим) является еще более рациональным, чем поведение в смысле справедливости (т.е. распределенных выгод для всех). Заключая «стратегические» договоры, договаривающиеся стороны – с известными ограничениями – всегда калькулируют этическую норму, которая не является стратегической, а переводит мышление в про-

странство консенсуально-коммуникативной рациональности. Универсальная, и потому не ограниченная ни рамками времени, ни привходящими условиями, связующая и обязывающая «сила» нормы *pacta sunt servanda* вытекает из прагматических условий коммуникации вообще.

Обзор концепции типов рациональности, детерминирующих социальную динамику, будет неполон, если не принять во внимание место и значение *системной рациональности*. Ибо именно в рамках рациональности социальных систем может заходить речь о политической или экономической динамике социальных процессов, об их институциональном или социальном измерении, о динамике процессов глобализации в целом. Теоретическое изучение рациональности человеческой коммуникации не может происходить не только в рамках теории коммуникативного действия, но и вообще в рамках *теории рационального действия*. В качестве аргумента он приводит тот факт, что независимо от рациональной мотивации социальной динамики – исходит ли эта мотивация от стратегической или этической рациональности – функциональность внутри определенной социальной системы может оказаться иррациональной. И, напротив, иррационально мотивированные социальные действия, например, в условиях незнания или даже аморального поведения могут выполнять в этой системе рациональные функции. Рациональность не может более пониматься как осмысленное разворачивание и выполнение заданного смысла. В первую очередь она является редукцией сложности. Поэтому понятие рациональности следовало бы переосмыслить из простой, ориентированной на цель рациональности действия в более сложную, объемную системную рациональность. Ее смысл вытекал бы из отношения к проблеме сложности. Конструирующие социальную динамику отдельный акт, отдельное действие, постановка цели сами по себе еще не могут утверждать какой-либо рациональности; они могут быть рациональными только в рамках и согласно масштабу системных референций.

Социальная динамика формируется благодаря процессам коммуникации, которая представляется как механизм передачи результатов редукции сложности, которые вырабатываются внутри подсистем социальной системы согласно присущему им «коду». Так, результатом деятельности системы науки является такая редукция, которая выражается в понятии истины. Подверженные социальной динамике основные подсистемы общества – коммуникационная, политическая, экономическая, семейная производят обмен информации посредством кодов: «истина», «власть», «деньги», «любовь», «вражда». Позитивным критерием рациональности системы является успешность ее адаптации к окружающей среде. Рациональным из этой перспективы является то, что служит наиболее эффективному выполнению функции, тем самым стабилизации системы.

По своему идеально-типическому значению данная теория принадлежит к тем, которые стремятся «снять» в определенной концепции «субстанциальных данностей» рациональность коммуникативного действия. Рациональность человеческой коммуникации, с этой точки зрения, должна быть «освобождена» от груза универсальных этических претензий, являющихся абстрактными. Поскольку действие само по себе иррелевантно понятию рациональности, то и этика, соотношенная исключительно с действием и поступком образующим континуум социальной динамики, не имеет с рациональностью ничего общего. Перспектива дискурсивного управления с его этическими приоритетами, а также теория рационального действия с системно-функциональной точки зрения является научно «избыточной», она не представляет альтернативы системно-функциональному анализу.

В отличие от такого безальтернативного подхода возможно признать права на существование особой «системной рациональности» и редукции сложности смысла как ее критерия. Системно-функциональный подход отображает закономерности и особенности существования «систем самоутверждения» социума.

Благодаря возможности трансцендирования системной рациональности, а значит – ее рефлексии и воздействия на нее – у каждого человека появляется возможность участвовать в процессах дискурсивного – вначале в качестве «бессильного» индивида, который подвергнут системным зависимостям, затем как член коммуникативного сообщества, который по меньшей мере совместно с другими индивидами ответственен за институты и системы.

Поскольку универсальные притязания на истину, заключенные в каждом аргументе, не могут быть редуцированы к чему-либо другому (функции), постольку системная рациональность не может получить приоритет перед консенсуально-коммуникативной. Речь может идти, как и в случае со стратегической рациональностью, лишь об их опосредовании. Коммуникативная рациональность не просто допускает другие типы рациональности, но *предполагает их и согласуется с ними*.

Сциентистская рациональность причинного анализа предполагает *технологическую* рациональность целерационального действия, которая, со своей стороны, предполагает *герменевтическую* рациональность понимания и взаимопонимания, а внутри нее – *этическую* рациональность. Как следует из принципов дискурсивного управления динамикой социальных процессов, к природе коммуникативной рациональности принадлежит задача опосредования конкурирующих рациональностей в рамках долговременной *стратегии постепенного аппроксимативного сближения парадигм и рациональностей* в смысле преодоления напряжения и несовместимости различных подходов между собой.

**МОЛОДЕЖНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО г. ВЛАДИМИРА
КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ**

В ходе нашего исследования проводился теоретический анализ литературы по проблеме политической социализации молодежи. Было проведено исследование ценностных ориентаций представителей молодежного правительства как формы политической социализации молодежи.

Ключевые слова: политическая социализация молодежи, молодежное правительство.

We researched theoretical analysing literature on the problem of the youth's political socialization. We dealt with value orientations of the youth Government as a form of political socialization of the youth.

Key words: the youth's political socialization, the youth Government.

Введение

Кардинальные изменения в современном мире в экономической, социальной, политической сферах нашего общества влекут за собой изменения в поведении, поступках людей. Особую остроту сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в сознании современной молодежи. Среди факторов социологического определения «молодежь» исследователями выделяются: возрастные границы и социально-психологические особенности; специфика социального статуса, ролевых функций; процесс социализации как единство социальной адаптации молодежи и индивидуализации. Под действием различных факторов окружающей реальности те или иные представители молодежи сами выбирают направления социализации.

Социализация [лат. *socialis* – общественный] – процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности. Социализация может происходить как в условиях стихийного воздействия на личность различных обстоятельств жизни в обществе, имеющих иногда характер разнонаправленных факторов, так и в условиях воспитания, то есть целенаправленного формирования личности.

Следует отметить, что в процессе социализации взаимодействуют две стороны. С одной стороны, это объект социализации, индивид, группа людей, те на кого направлен процесс, а с другой – субъект социализации, осуществляющий процесс.

На социализацию личности влияют различные факторы.

А. Мудрик выделяет четыре группы факторов, влияющих на социализацию человека. К ним относятся: мегафакторы – космос, планета, мир, которые в той или иной мере через другие группы факторов влияют на социализацию всех жителей Земли; макрофакторы – страна, этнос, общество, государство, которые влияют на социализацию всех живущих в определенных странах; мезофакторы – условия социализации больших групп людей, выделяемых по местности и типу поселения, в которых они живут (регион, село, город, поселок); по принадлежности к аудитории тех или иных сетей массовой коммуникации (радио, телевидения и др.); по принадлежности к тем или иным субкультурам; микрофакторы – непосредственно влияющие на конкретных людей, которые с ними взаимодействуют, – семья и домашний очаг, соседство, группы сверстников, воспитательные организации, различные общественные, государственные, религиозные, частные и контрсоциальные организации, микросоциум.

В последние десятилетия в современной России появились принципиально новые каналы социализации, оказывающие сильное влияние на процессы формирования молодежи, ее адаптации в радикально меняющемся обществе.

Одним из таких направлений социализации является политическая социализация.

Политическая социализация – это «процесс развития, в ходе которого дети и подростки воспринимают идеи, политическую позицию и поведение, типичное для данной общности» [1, 536]. Другими словами, политическая социализация сводится к усвоению политических ценностей и норм, необходимых для адаптации в сложившейся политической системе и выполнения различных видов политической деятельности. Политическая социализация является одним из направлений общего процесса социализации индивидов. Основными агентами политической социализации выступают такие социальные институты, как образование, средства массовой информации, семья и другие. Большую роль в процессе политической социализации в современном обществе выполняют политологи и политология, как научная и образовательная дисциплина [2–5].

Материалы и методы

В качестве примера политической социализации в нашем исследовании рассматривается молодежное правительство г. Владимира. Это общественный координационно-совещательный, консультативный орган при администрации г. Владимира. Молодежное правительство было создано в 2008 г., с целью объединения социально активной молодежи:

- 1) для представления интересов молодежи в органах исполнительной власти г. Владимира;
- 2) привлечения научного и творческого потенциала молодежи к решению актуальных городских задач;
- 3) содействия в формировании, подготовке и обучении кадрового резерва органов местного самоуправления, муниципальных учреждений, хозяйствующих субъектов, действующих на территории г. Владимира.

Для достижения указанных целей молодежное правительство решает следующие задачи:

- участие в подготовке и реализации программ социально-экономического развития города, нормативных правовых актов г. Владимира;
- содействие реализации основных направлений молодежной политики в г. Владимире;
- получение знаний и практических навыков в области муниципального управления, изучение проблем муниципального управления в различных сферах общественных отношений;
- реализация социальных молодежных проектов на территории г. Владимира;
- разработка механизмов стимулирования социально-активной молодежи, поддержки ее творческих инициатив, развитие молодежного и студенческого самоуправления;
- информационное обеспечение молодежи.

Молодежное правительство формируется на конкурсной основе из молодых людей, проживающих на территории г. Владимира, в возрасте от 15 до 30 лет, по результатам городского конкурса «Лидер XXI века». Срок полномочий членов молодежного правительства составляет 1 год.

С целью изучения ценностных ориентаций в деятельности молодежного правительства, как формы политической социализации молодежи, была проведена диагностика «Якоря карьеры» (Э. Шейн, перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова).

Результаты

В исследовании приняли участие 20 членов молодежного правительства г. Владимира. Анализ результатов исследования сводился к вычислению среднего значения по группе. Были получены следующие результаты.

Диагностика карьерных ориентаций личности

1	Интеграция стилей жизни	42
2	Автономия	40
3	Служение	40
4	Менеджмент	37
5	Предпринимательство	34
6	Вызов	30
7	Профессиональная компетентность	28
8	Стабильность работы	25
9	Стабильность места жительства	15

Анализ полученных данных показал, что у членов молодежного правительства преобладает такая ориентация, как «интеграция стилей жизни» – 42. Для людей этой категории карьера должна ассоциироваться с общим стилем жизни, уравновешивая потребности человека, семьи и карьеры. Они хотят, чтобы организационные отношения отражали бы уважение к их личным и семейным проблемам.

Выбирать и поддерживать определенный образ жизни для них важнее, чем добиваться успеха в карьере. Развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не нарушает привычный им стиль жизни и окружение. Для них важно, чтобы все было уравновешено – карьера, семья, личные интересы и т.п.

Кроме того, значимыми являются «автономия» – 40 и «служение» – 40. Для них первоочередная задача развития карьеры – получить возможность работать самостоятельно, самому решать, как, когда и что делать для достижения тех или иных целей. Карьера для них – это, прежде всего, способ реализации их свободы, поэтому любые рамки и строгое подчинение оттолкнул их даже от внешне привлекательной вакансии. Данная ценностная ориентация характерна для людей, занимающихся делом по причине желания реализовать в своей работе главные ценности. Они часто ориентированы больше на ценности, чем на требуемые в данном виде работы способности. Они стремятся приносить пользу людям, обществу, для них очень важно видеть конкретные плоды своей работы, даже если они и не выражены в материальном эквиваленте. Основной тезис построения их карьеры – получить возможность максимально эффективно использовать их таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Люди, ориентированные на служение, общительны и часто консервативны. Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям.

Наименьшее значение испытуемыми присвоено такой ориентации, как стабильность места жительства. Для них неважно оставаться на одном месте, спокойно относиться к командировкам, выбор работы не зависит от данного фактора.

Выводы

По результатам исследования можно сделать вывод, что у членов молодежного правительства преобладают такие ценностные ориентации, как интеграция стилей жизни, автономия, служение, которые позволяют

им эффективно выполнять свою деятельность и решать поставленные задачи, что при определенных условиях можно рассматривать как форму успешной политической социализации молодежи.

Список литературы

1. Громов И.А., Мацкевич И.А., Семенов В.А. Западная социология. СПб.: Изд-во ДНК, 2003.
2. Доктрина Государственной молодежной политики Российской Федерации. Материалы рабочей группы. М., 2002.
3. Ильинский И.М. Будущее России и молодежь: к новой концепции молодежной политики // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999.
4. Криворученко В.К. Социализация молодого поколения в условиях развития демократии и гражданского общества в современной России: политологический аспект // Знание. Понимание. Умение. [Электронный журнал]. 2008. № 3. Социология.
5. Ручкин Б. Молодежь и становление новой России // Социс. 1998. № 5.

А.В. Кострикин

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия

ПОВЫШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Статья посвящена анализу специфики социальной активности молодежи в современной России. Дается обзор основных теоретических подходов к проблеме социальной активности молодежи и описаны некоторые технологии ее повышения, используемые в практике работы молодежных общественных объединений.

Ключевые слова: молодежь, социальная активность, молодежные общественные объединения, социальная анимация.

Article is devoted to the analysis of specificity of social activity of youth in modern Russia. The review of the basic theoretical approaches to a problem of social activity of youth is given and some technologies of its development used in practice of youth work in youth associations are described.

Key words: youth, social activity, youth associations, social animation.

Введение

В настоящее время социальная активность молодежи снова находится в центре внимания как теоретиков, так и практиков. С одной стороны, она рассматривается в контексте протестных настроений и социальной нестабильности, при этом молодежь всегда выступала как социальная группа, излишняя активность которой должна быть купирована и взята под особый контроль. С другой стороны, молодежь обеспечивает трансмиссию общественных отношений и выступает как носитель социальных инноваций, поэтому повышение социальной активности молодежи в период кризиса становится одним из условий поиска новых форм общественного устройства. Задача воспитания социальной активности, как значимого интегрированного качества личности, ставится и обсуждается как приоритетная различными государственными и общественными институтами. Социальная активность включается в дискурс повышения конкурентоспособности подрастающего поколения и выступает фактором качества жизни.

Сфера проявления социальной активности может быть совершенно разная, главное – чтобы молодые люди имели право высказать свое мнение в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы. Это может касаться социальной сферы, образования, спорта, культуры, трудоустройства, жилья, развития транспорта, вопросов здоровья, гендерного равенства, уважения личности, вопросов межкультурного взаимодействия, защиты прав молодежи.

Теоретические подходы к социальной активности молодежи

Социальная активность рассматривается нами как повышенное, по сравнению с принятым в обществе или той или иной социальной группе, участие в различных социальных практиках, направленных на общественное благо, таких как участие в общественных организациях и движениях, акциях, включенность в молодежные сообщества.

В настоящее время в зарубежной социологии молодежный активизм анализируется, как правило, в рамках изучения общественных движений. В отечественной научной литературе социальная активность молодежи рассматривалась преимущественно либо в контексте политической активности (участие в выборах, членство в общественных объединениях и т.п.), либо в ее культурных проявлениях (принадлежность к неформальным молодежным движениям, субкультурным сообществам и т.п.). В последние годы также увеличилось количество работ, исследующих в контексте социальной активности феномен добровольчества, анализирующих мотивацию участия молодежи в добровольческом движении, принципы и формы организации молодежного служения.

Специфику социальной активности молодежи можно выявить, если считать эту активность ответом на дискриминацию, неполноценный статус и даже стигматизацию молодежи в обществе. С одной стороны, это преодоление дискриминации через отстаивание своей идентичности, т.е. попытка объединиться и отстаивать свои права на своеобразие, право на существование своих взглядов и способов поведения, если они не на-

рушают действующего законодательства, или требовать изменения установившегося порядка, если формы поведения выходят за рамки закона. Во втором случае ответ на дискриминацию или стигматизацию молодежи состоит в демонстрации своих социально приемлемых и социально значимых, «полезных» целей и форм поведения, т.е. молодежные инициативы выступают механизмом для обеспечения социального приятия молодежи обществом, оказания ей доверия. Это адаптационная стратегия, в основе которой нередко лежит ориентация на достижение личного успеха молодежных активистов. Молодежный активизм при этом выступает средством социального лифта, иные механизмы которого практически не функционируют в настоящее время в рамках существующих социальных и политических институтов.

Молодежные общественные объединения как институт легитимизации социальной активности молодежи

Молодежные общественные объединения – добровольные, самоуправляемые некоммерческие формирования, создаваемые молодыми людьми, объединившимися на основе общности интересов для достижения общих целей, изложенных в уставе объединения. Действующее российское законодательство предусматривает создание молодежных общественных объединений в форме общественных организаций, общественных движений, органов общественной самодеятельности и некоторых других, при этом молодежные объединения, как и общественные объединения вообще, могут существовать и действовать без государственной регистрации.

Ключевым и основополагающим в деятельности молодежных общественных объединений является то, что они выступают институтом легитимизации социальной активности молодежи. Это отличает молодежные организации от т.н. «взрослых», для которых легитимизация не является актуальной, а важнее достижение общих целей, а также от детских общественных объединений, в которых дети не проявляют собственную активность, а включаются в практики, предлагаемые им взрослыми. Описываемый подход также позволяет рассматривать молодежные объединения как механизм социального контроля различных групп молодежи. Он хорошо объясняет создание молодежных организаций «сверху» органами по делам молодежи, в том числе и для купирования или «канализации» активности молодежи, особенно если речь идет о молодежных субкультурах, группах, склонных к девиантному или агрессивному поведению. Молодежь готова идти в подобные объединения, чтобы, сохраняя идентичность, получить легальную возможность удовлетворения своих потребностей и интересов (играть любимую музыку, ездить на матчи со своей любимой командой, рисовать граффити, танцевать брейк и участвовать в официальных турнирах и т.п.).

С другой стороны, создание организаций «сверху» – это форма организации общественно-полезных мероприятий, привлечения молодежи под контролем официальных структур к общественно-полезной деятельности (например, работы по благоустройству, военно-патриотические акции, фестивали и т.п.). Идеологическое обоснование (дискурс) соответствующей деятельности по созданию объединений обычно состоит в «профилактике негативных явлений в молодежной среде», необходимости «организовать содержательный досуг молодежи», «отвлечь от влияния улицы». Интересно отметить, что именно этот тип объединений преподносится как наиболее значимый в отчетах органов по делам молодежи, поскольку позволяет им привлекательно представить свою деятельность вышестоящим властям и СМИ. Сама молодежь, участвующая в подобной деятельности, нередко решает совсем иные задачи: завести новых друзей, пообщаться, познакомиться с представителями противоположного пола, просто весело провести время, «потусоваться». Кроме того, участие в объединениях такого типа наиболее часто связано с получением различных «бонусов» (например, подарков, сувениров, бесплатного питания, поездок и т.п.). В эту же группу попадают объединения и инициативы, которые можно было бы назвать сервильными. Основная их задача – демонстрация поддержки властей или отдельных политиков со стороны молодежи либо проведение акций по прямой указке власти. Мотивация участия в таких объединениях или акциях для многих молодых людей – также возможность политической карьеры в государственных или партийных структурах.

Можно предположить, что в основе социальной активности лежит особый лидерский склад личности людей, которые и становятся инициаторами создания, а в дальнейшем – руководителями молодежных объединений. Лидерские тренинги являются одной из технологий повышения социальной активности молодежи. Элементы подготовки лидеров состоят в проведении коммуникативных и управленческих тренингов и семинаров, повышении квалификации руководителей молодежных и детских общественных объединений. В нашей стране имеется также опыт проведения конкурсов молодых лидеров и социальных проектов.

Технологии повышения социальной активности молодежи в современной России

Повышение социальной активности молодежи в современных условиях не может быть достигнуто на основе модели работы с молодежью, использовавшейся комсомолом. Непригодной оказалась и система вариативных программ, выбираемых молодежью, поскольку при этом как бы выстраивается своеобразный «прилавок» услуг между молодежным работником (организатором) и молодым человеком. Такая модель фактически предлагает выбор из неизвестного, еще не опробованного, стимулирует индивидуализм и потребительское отношение со стороны молодых людей. Единственной моделью повышения социальной активности молодежи может выступать социальная анимация.

Соответствующие технологии повышения социальной активности молодежи основаны на создании особой *креативной среды*, создании пространства для молодежной инициативы. Именно наличие собственного пространства, пусть и созданного изначально педагогами и молодежными работниками, становится фактором социальной активности тогда, когда молодому человеку предоставляется возможность выступить творцом,

создателем, когда среда, созданная своими силами, воспринимается как «своя». Поэтому для развития молодежной активности является очень важным наличие собственных, отдельных помещений молодежных организаций и инициативных групп.

Другим обязательным основанием технологий повышения социальной активности молодежи является *включенность* в некое общее действие (учеба, досуг, работа, выборы, противодействие властям и т.д.), в котором очень важным выступает *эффект новизны*, креативности, оригинальности, куража, или наличие общих идей по инициированию такого действия, либо возможность присоединения к подобной деятельности, новым действиям и инициативам в рамках социального пространства.

Третье основание для современных технологий повышения социальной активности – возможность активного информационного обмена, наличие различных видов каналов коммуникации и обратных связей, как вербальных, так и невербальных, в том числе аудиовизуальных, непосредственных и опосредованных, в том числе отсроченных и рефлексивных.

Применяемые технологии повышения социальной активности молодежи должны предоставлять ей возможность наращивания *личного и социального капитала* через социальную мобильность как внутри самого самоорганизующегося сообщества (как горизонтальной, так и вертикальной), так и через развитие социальных связей с различными внешними структурами и значимыми людьми.

Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни, принятая Советом Европы, предусматривает в качестве мер по развитию такого участия проведение специальных обучающих программ и тренингов, создание информационной среды, использование и пропаганду молодежного участия через средства массовой информации, поддержку молодежных проектов и добровольческих инициатив. Особую роль авторы хартии отводят поддержке молодежных организаций и самоуправляемых групп, структур самоуправления и «со-управления» (например, молодежных парламентов, советов и т.п.).

Для реализации идей участия и мобильности в европейских странах используют различные технологии. Наиболее распространенными являются различные программы неформального образования. В Германии программы тренингов для молодых активистов сопровождаются поддержкой их мобильности с вручением особой «карточки молодого лидера» (JuLeiCa). Кроме того, были выпущены открытки, направленные на критичность и активность молодежи. В Великобритании, а по ее примеру и в ряде других стран действует программа «Приз герцога Эдинбургского». Каждый участник программы должен выполнить конкретные взятые им на себя требования в каждом из четырех разделов: помощь и служение окружающим, экспедиции (исследования), навыки и физическое совершенствование. Хорошо зарекомендовали себя технологии, применяемые в рамках скаутской методики. Все эти технологии можно и нужно внедрять в деятельность молодежных объединений России.

К.И. Шагова

Российский государственный социальный университет, Москва

Н.П. Поливаева

Воронежский институт ФСИИ России

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ведущие современные ученые считают, что добровольная общественная деятельность сегодня не только может помочь решить многие социальные проблемы общества, но и способствовать развитию социально значимых качеств, формированию активной жизненной позиции у молодого поколения. Участие молодых людей в социальном служении позволяет поставить их взаимоотношения с обществом на высокую степень ответственности за свои действия в окружающем мире. В формировании качественного представления молодежи о добровольчестве и его значимости в развитии гражданского общества важное место занимает такой ресурс, как время – чем раньше молодой человек вовлечен в процесс принятия решений, тем больше спектр воспитательных возможностей в выработке лидерских качеств он может получить.

Ключевые слова: добровольчество, гражданское общество, законодательство, лидер, развитие, социальные проблемы, молодежь.

Leading modern scientists consider that voluntary public works may not only help solve many social problems of society nowadays, but may also help promote the development the socially significant qualities, the formation of an active vital position of young generation. Participation of young men in social services allows to put their mutual relations with society on a high step of responsibility for their everyday actions. In the process of formation of qualitative representation of youth about voluntary activities and its importance in development of civil society the important place occupies such resource as time – the earlier the young man is involved in decision-making process, the larger spectrum of educational possibilities in the development of leadership qualities he is able to receive.

Key words: voluntary activity, civil society, legislation, leader, development, проблемы, social problems, youth.

Введение

В современной России сложилась непростая ситуация с воспитанием молодого поколения. Во многом это связано с тем, что одним из факторов, определяющих социализацию личности, является недостаток социальных институтов, позволяющих молодым людям удовлетворить потребность в общении и самоуважении, осознать свою полезность для общества, развивать в себе социально значимые личностные качества (например, гражданственность, патриотизм и др.). Ведущие современные педагоги, психологи, философы и политологи

считают, что добровольная общественная деятельность сегодня не только может помочь решить многие социальные проблемы общества, но и способствовать развитию социально значимых качеств, формированию активной жизненной позиции у молодого поколения. Поэтому изучение воспитательных возможностей добровольческого движения приобретают особую актуальность. Добровольчество уже давно получило широкое распространение, а его роль в социальном развитии высоко оценена на международном уровне [1–7].

Без анализа реальной ситуации невозможно заниматься формированием имиджа, планированием создания добровольческих организаций и рабочих мест. Не оценив добровольческий потенциал, появляется риск создания рабочих мест, которые не будут обеспечены добровольцами.

Современное российское добровольчество оформляется во второй половине 1980-х гг., когда были провозглашены властью и поддержаны народом принципы демократизации и гласности. Эти принципы совпадают с сущностью добровольчества: свобода выбора, личная ответственность, взаимодействие с другими людьми для достижения общественно-полезных целей.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 85-ФЗ «Об общественных объединениях» (редакция, действующая с 18 апреля 2006 г.) добровольческие организации являются одной из организационно-правовых форм общественного объединения, которые играют важную роль в развитии и укреплении гражданского самосознания, а также в становлении суверенного демократического государства в целом.

Законодательной базой, на которой основана деятельность добровольческих организаций в России, являются Конституция Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативно-правовые акты.

Под добровольческой деятельностью понимается форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном и международных уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан.

Преимущества развития добровольчества

Развитие добровольчества – неотъемлемая черта гражданского общества. Участие молодых людей в социальном служении позволяет поставить их взаимоотношения с обществом на высокую ступень ответственности за свои действия в окружающем мире.

Вхождение в добровольческие организации имеет ряд преимуществ:

- 1) общественное признание, чувство социальной значимости;
- 2) выполнение общественного долга;
- 3) самовыражение и самоопределение;
- 4) профессиональное ориентирование;
- 5) приобретение полезных социальных и практических навыков;
- 6) организация свободного времени;
- 7) приобретение опыта лидерства и социального взаимодействия.

При таких условиях происходит ускоренный этап социализации молодого человека – полноценное развитие волевых и лидерских качеств в области управления персоналом и самоменеджмента.

Одно из главных преимуществ волонтерской деятельности состоит в том, что весь неоценимый опыт, который несет в себе данная форма социального служения, может быть приобретен при наличии одного качественного признака – желания самосовершенствоваться. Добровольчеством может начать заниматься любой заинтересованный человек, в силу этого деятельность первоначально лишена коммерческого характера и основана на безвозмездности.

Современные методы формирования добровольческой деятельности

Деятельность волонтеров должна оцениваться по достоинству. Создание социальной книжки добровольца, в которой фиксируется волонтерская деятельность как стаж социальной работы, а также заключение между добровольцами и добровольческой организацией специальных договоров о труде, существенными условиями которого являются свободное волеизъявление и некоммерческий характер деятельности, стимулируют представителей молодежи для дальнейшей работы.

В 2009 г. Министерством спорта, туризма и молодежной политики России разработан новый для российской практики механизм регистрации и учета волонтеров – так называемая «личная книжка волонтера». Она будет содержать сведения о трудовом стаже добровольца, его поощрениях и дополнительной подготовке. Все это будет фиксироваться, заверяться подписью руководителей и печатью организаций, в которых работает волонтер. Выдача «личных книжек волонтеров» (также известных как «паспорт волонтера») в ряде регионов уже началась. В волонтерской среде эти документы вызывают неоднозначную реакцию – от решительной поддержки до полного отрицания.

В формировании качественного представления молодежи о добровольчестве и его значимости в развитии гражданского общества важное место занимает такой ресурс, как время – чем раньше молодой человек вовлечен в процесс принятия решений, тем больше спектр воспитательных возможностей в выработке лидерских качеств он может получить. Одним из практических методов могло бы послужить введение специализированного курса о добровольчестве в образовательных учреждениях. Данная образовательная программа представляла бы собой долгосрочный проект, начинающийся с младших классов и заканчивающийся окончанием обучения. Разбитая на тематические этапы в соответствии с процессом социализации данная образовательная программа смогла бы стать хорошей школой формирования социальной активности, альтруизма и личной ответственности.

Для реализации данной задачи существует три приоритетных направления.

1. Содействие выявлению молодых людей, желающих участвовать в добровольческой деятельности и реализовывать свой потенциал на пользу обществу.

Основным фактором поиска и выявления добровольцев является привлекательность добровольческой деятельности. В первое направление входят следующие методы:

1.1) информационный – поиск и выявление посредством информационных встреч, рассказывающих о добровольческой деятельности;

1.2) тренинговый – посредством тренингов набираются все желающие, входящие в определенную возрастную группу и посредством прохождения интенсивного обучения выявляются самые активные;

1.3) массовый – тематические массовые акции, направленные на выявление среди молодежи ярких личностей и выявления общественного мнения о значимости мероприятия.

Как правило, мотивами вступления в добровольческие организации играют общественные (альtruизм, ответственность), познавательные (изучение, знакомство с другими людьми) и прагматические потребности, увлечение внешними признаками и мотивы подражания. Последние четыре встречаются довольно часто. Обычно на их основе и формируются общественные мотивы. Поэтому для создания условий развития добровольчества необходимо инициировать создание полноценной координирующей организации добровольческой деятельности; пропаганду среди молодежи единой миссии, целей и задач добровольчества – Кодекса добровольцев России.

Следует отметить, что добровольческая координирующая организация должна иметь привлекательную символику и атрибутику, способствующую отражению ее деятельности.

Такая организация вправе согласовывать свой план работы в соответствии с государственными и муниципальными заказами, а также с заказами коммерческого сектора в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

В свою очередь, это может способствовать льготам по налогообложению как добровольческой, так и коммерческим организациям, поддерживающим добровольческую деятельность.

2. Содействие в разработке системы обучения, стимулирования и поощрения добровольцев за их деятельность. Наилучшей моделью мотивации в данной сфере может быть упрощенная модель МакКлелланда – Аткинсона. Сюда входит из трех два элемента: причастие (признание) и стремление к успеху (посредством формирования ответственности);

При наличии данных атрибутов у добровольческой организации можно рассчитывать на успешность и качество ее действий. В процессе необходимо помнить, что результат добровольческой деятельности для молодежи должен иметь видимый результат. Создание внутренней организационной культуры формирует дисциплинированность, эмоционально-психологический климат в добровольческой организации.

Важно помнить, что помимо текущей деятельности необходимо проведение образовательных программ, способствующих развитию личных и групповых навыков работы, а также развитию просветительских целей.

3. Создание информационного пространства как источника для получения информации о добровольческой деятельности, социальных заказов государства, органов местного самоуправления и коммерческих организаций, для знакомства и выстраивания эффективных отношений добровольческих организаций и их членов среди муниципальных образований.

Выводы

Одна из основных причин, по которым молодые люди не хотят участвовать в благотворительной и добровольческой деятельности, – коррупция и злоупотребления в этой сфере. Люди опасаются, что их пожертвования и труд будут использованы в корыстных целях, не по прямому назначению или будут использованы неэффективно. С целью устранения этих негативных возможностей необходимо создание системы общественного контроля благотворительных и добровольческих усилий, все механизмы участия в социальном служении должны быть прозрачны.

В России, по официальной статистике, в добровольческом служении участвует только 1% граждан. Однако, по данным исследования ВЦИОМ, 32% опрошенных за последние 2–3 года несколько раз добровольно и безвозмездно трудились на благо других людей (не для родных и близких), 9% россиян делали это постоянно и 7% – лишь однажды. Разница в цифрах объясняется тем, что чаще всего россияне занимаются этим в одиночку – об этом свидетельствуют ответы 37% опрошенных.

По сравнению с другими странами цифры очень скромные. Причины этому такие:

- кризисное состояние некоммерческих организаций, неразвитость гражданского общества;
- слишком низкий уровень жизни, поэтому почти никто не готов работать бесплатно. Все свободное время люди с активной жизненной позицией пытаются заработать себе на жизнь;

- отсутствует планомерная государственная поддержка волонтерства и благотворительности в целом. За рубежом волонтерам от государства достается множество преференций: например, студентам снижают плату за обучение, выплачивают специальные стипендии;

- подорванность авторитета общественной работы в связи с приобретением ею принудительного характера в период до 1990-х гг., сильной политизации и коммерциализации в последующие годы.

Тем не менее, если опираться не на официальные данные, а на практику, то становится очевидным, что идея добровольного труда очень популярна, в том числе и среди верующих. Правда, большинство православ-

ных добровольческих организаций не имеет каких-либо формальных структур. Оценить, как много людей в приходах занимается подобной деятельностью, пока чрезвычайно сложно.

В заключение хотелось бы сказать, что данная позиция сходна с общероссийским пониманием добровольчества и подкреплена заявлением Президента России Д.А. Медведевым и лидером партии «Единая Россия» В.В. Путиным о необходимости укрепления официального статуса людей, занимающихся волонтерской деятельностью, а также государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций продолжать тренд на саморазвитие и самоорганизацию общества.

Список литературы

1. *Бодренкова Г.П.* Добровольчество как фактор повышения эффективности государственной политики: международный и российский опыт // *Общественные институты – реальная социальная сила развития гражданского общества в России: Сб. статей по материалам заочной междунар. науч.-практ. конф.* М., 2006.
2. *Добровольчество в России и в мире в контексте социального партнерства: Сб. ст. / Ин-т сравн. политологии РАН.* М., 2001.
3. *Жаворонков Р.Н.* Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации: Дис. ... канд. юр. наук. М., 2004.
4. *Исследование «Духовно-нравственные ориентиры российской молодежи и ее представления о проблемах современного общества».* М., 2008.
5. *Неправительственные некоммерческие организации и общественное просветительское движение России: История. Опыт. Перспективы.* М., 2008.
6. *Сикорская Л.Е.* Добровольческая деятельность как сфера социализации молодежи / Под общ. ред. В.А. Ситарова. М., 2009.
7. *Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия. [Электронный ресурс CD].* М., 2007.

В.А. Гайкин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН,
Владивосток, Россия*

КОРЕЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В ЯПОНИИ И ПЕРВОМАРТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1919 г. В КОРЕЕ

Впервые в отечественной историографии сделана попытка показать роль корейской учащейся молодежи в Японии в подготовке антияпонского Первоапрельского движения 1919 г., создании «Декларации независимости».

Ключевые слова: корейские студенты в Японии, Первоапрельское движение, Декларация независимости.

Is for the first time in the Russian historiography made the attempt to show the role of the Korean studying young people in Japan in the preparation of the anti-Japanese «first march movement» for the independence 1919 year in Korea, the creation «the Declaration of Independence».

Key words: Korean students in Japan, «first march movement», the Declaration of Independence.

В начале XX в. Токио (в Восточной Азии) стал притягательным интеллектуальным центром для китайских и корейских студентов. Корея в первой трети XX в. не имела достаточного количества средних и высших учебных заведений, чтобы удовлетворить тягу молодежи к знаниям. Большинство корейских студентов в Японии (1322 человек из 2087) [1, 98] обучались в Токио, где находились ведущие университеты и сформировалась относительно свободная атмосфера студенческой жизни. В годы Тайсе в Японии наблюдался «расцвет либеральных идей [2, 17]. Профессора японских университетов (Есино Сакудзо, Минобэ Тацукити) транслировали эти идеи в аудиториях. Профессор Токийского университета Есино Сакудзо поощрял корейских студентов к борьбе за независимость Кореи не только в своих лекциях, но и в публикациях [2, 18]. Общество Синдзинкай (общество нового человека) основанное в декабре 1918г., включавшее как корейских, так и японских студентов Токийского университета, открыто выступало за предоставление Кореи независимости.

Молодые корейские иммигранты в чужой стране объединялись в общества взаимопомощи, кружки изучения японского языка, дискуссионные клубы. Способность к общественно-политической самоорганизации одна из специфически национальных черт корейцев. Профессиональные, студенческие, политические организации корейской диаспоры в Японии начали создаваться практически одновременно с появлением в Японии корейских эмигрантов.

Первой организацией корейских иммигрантов в Японии (в основном студентов и интеллигенции) было Общество корейской христианской молодежи, созданное 5 ноября 1906 г. (с ноября издавался журнал «Христианская молодежь»). Слово «христианская» в названии общества вовсе не говорит о его исключительно религиозном характере: 1) религиозная оболочка помогла регистрации и легальному существованию организации, содержанием деятельности которой было развитие национального сознания корейской диаспоры, пропаганда идей независимости Кореи; 2) обращение к христианству было формой протеста против попыток японских властей ассимилировать корейских иммигрантов, заставить их отправлять японские (синтоистские) обряды; 3) христианская религия могла стать связующей нитью с западными странами, на помощь которых рассчитывали корейские политические деятели для достижения независимости. По воспоминаниям бывших

студентов-корейцев в Японии: «Все мы в те бурные годы бредили идеями свободы, независимости и христианства» [2, 15].

О содержании дискуссий, проходивших в здании YMCA, говорят следующие примеры. 9 апреля 1915 г. в Доме собраний корейской христианской молодежи (неофициальное название офиса YMCA) проходил съезд абитуриентов – выпускников корейских школ, приехавших учиться в Японию. 21 августа 1916 г. на прощальном вечере председателя Токийского общества корейской христианской молодежи в выступлении Чан Тык Су прямо говорилось, что Корея нуждается и в социальных преобразованиях для воссоздания государства: «Корейские студенты в Японии надеются на возрождение разложившейся Кореи. В будущем управлять Кореей будут эти студенты. Мы должны на базе общества молодых христиан-корейцев строить сильные организации и планировать социальную революцию [1, 74].

Самой влиятельной, многочисленной, «долгоиграющей» организацией корейского студенчества в Японии стало Токийское общество дружбы корейских студентов (Токио тесэн рюгакусэй гакуюкай), которое появилось в результате объединения 7 мелких студенческих организаций, имевших досуговый либо земляческий характер. Его руководители всеми способами (не всегда этически допустимыми) пытались охватить влияние, поставить под свой контроль большинство токийских студентов-корейцев [1, 69].

В апреле 1914 г. начал выходить печатный орган Токийского общества дружбы корейских студентов «Свет знаний». Статьи, публиковавшиеся в журнале, имели националистический, антияпонский характер, поэтому нередко японские цензоры запрещали выпуск того или иного номера. До 1930 г., когда журнал прекратил существование, вышло 29 номеров. Тираж издания составлял 600–1000 экземпляров, половина тиража пересылалась в Корею [1, 70]. Руководство Токийского общества дружбы корейских студентов с 1914 г. приступило к организации филиалов общества на правах самостоятельных организаций в других университетских городах Японии, ставя цель создать в итоге общеяпонскую организацию.

С января 1914 г. по май 1917 г. были созданы Общество дружбы корейцев Осака (Дзай осака тесэндзин симбокукай) – 15.01.1915, Общество дружбы корейских студентов в Киото (Кето тесэн рюгакусэй симбокукай) – 3.04.1915, Общество дружбы корейских девушек – 3.04.1915 (в 1920 г. переименовано в Общество развития образования корейских девушек), Восточноазиатская лига – октябрь 1915 г., Корейское научное общество – 10.11.1915, Братский союз – август 1916 г., Общество трудящихся братьев (с 1920 г. – Общество дружбы студентов, зарабатывающих на обучение), Общество единомышленников (тоенэн досикай) – май 1917 г. В эти же годы были основаны: Союз выпускников, Гимнастическое общество, Общество абитуриентов, Общество встреч нового года, Общество ораторов. Все они были созданы по инициативе Гакуюкай.

Необходимо отметить рост популярности в студенческой среде социалистической идеологии. По мнению председателя Гакуюкай Чон Но Хона, выступившего 27 декабря 1916 г. на вечере встречи нового года: «В последнее время растут ряды социалистов» [1, 75]. Идеи всеобщего равенства легко абсорбировались корейской молодежью, которая хорошо усвоила уроки дискриминационного отношения со стороны японских колонизаторов

Политика террора, проводимая Японией в Корее (особенно с 1910 г. по 1920 г.), оставляла мало возможностей для независимой общественно-политической деятельности внутри страны. Вооруженное сопротивление корейцев японским захватчикам продолжалось на территории соседнего Китая (Цзяньдао). Базой идеологической (и отчасти организационной) подготовки независимости, как это ни парадоксально, стала Япония. Сюда стекались сравнительно образованные, амбициозные выпускники корейских школ, которым обучение в Японии давало возможность проявить свои качества лидера, получить образование, и как следствие, возможность делать карьеру на родине. О том, с какими идеями приезжала в Японию учащаяся молодежь из Кореи, говорит следующий эпизод. 26 октября 1916 г. по инициативе Гакуюкай состоялось собрание абитуриентов-корейцев. Недавно прибывший из Кореи и уже столкнувшийся в японской гостинице с дискриминационным отношением Со Сан Му сказал: «Если мы будем бороться, то в будущем обязательно завоюем независимость» [1, 74].

Большинство из этих молодых людей были патриотически настроены и видели себя в будущем только гражданами свободной независимой Кореи. Студенческие общества (кружки), которые они организовывали, формально носили научный, спортивный, просветительский характер. На деле они становились легальными центрами формирования идеологии борьбы за независимость Кореи, антияпонских политических организаций. 23 мая 1915 г. на собрании Общества читателей в присутствии 300–400 молодых корейцев Ким Чхоль Се заявил: «Восток для восточных людей, а именно Китай – для китайцев, Индия – для индийцев...». Собравшиеся дружным криком закончили его мысль: «Корея – для корейцев!» [1, 71].

Общество ораторов формально было создано для развития у студентов умения вести дискуссии, совершенствования японского языка. О настоящем содержании его деятельности говорит такой пример. 17 февраля 1917 г. на съезде Обществ ораторов студент Сон Вон Кион в своей речи подчеркивал необходимость пропаганды борьбы за свободу Кореи, формирования национального самосознания: «У нашего народа не хватает духа коллективизма. Когда наш народ поверит в то, что независимость достижима, только тогда эта цель станет реальной» [1, 73].

17 ноября 1917 г. на очередной конференции Обществ ораторов, инициированной Гакуюкай, Чан Тык Ху попытался сформулировать программу действий: «Задача корейской молодежи состоит в том, чтобы 1. формировать реальную силу, 2. искать сочувствующих в среде японских политиков, промышленников, студентов для содействия в получении Кореей автономии (самоуправления), 3. восстановить могущество и суверенитет Кореи. Поскольку вторая и третья цели пока недостижимы нужно сосредоточить усилия для решения первой задачи» [1, 73].

Носителями радикальных идей были и члены еще одного известного молодежного объединения – Общества однокашников. На объединительном съезде этих кружков студент университета «Нихон» Чха Нам Чин предложил создавать боевые дружины (гиютай): «Мы – нация, которая имела государственность. Подняв корейский флаг, с криком мансе (бандзай), нам нужно продвигаться вперед» [1, 75]. Для политических манифестаций использовались даже спортивные мероприятия. 31 октября 1916 г. на спартакиаде корейских студентов около 300 молодых людей на стадионе пели корейские патриотические песни, устроили костюмированное представление, в котором студенты изображали выдающихся государственных деятелей Кореи, известных корейских мыслителей древности, что было недвусмысленным вызовом японской колониальной политике в Корее.

Два события мирового масштаба конца 1910-х гг. – Октябрьская революция в России и окончание Первой мировой войны оказали влияние на корейскую учащуюся молодежь в Японии. Революция в России – прежде всего, как наглядный пример «технологии» и возможности изменения государственного устройства, формы власти. Окончание Первой мировой войны было связано с развалом империй (Австро-Венгерской и Российской) и появлением в Европе множества новых государств. В январе 1918 г. американский президент Вильсон декларировал 14 принципов национального самоопределения, что также давало народам колоний (иллюзорные) надежды на возможность освобождения от колониального гнета. 3 апреля 1918 г. на спартакиаде корейских студентов в Токио (организованной Гакуюкай) ее участники несли большую карту Кореи с надписью «территория, управляемая корейским императором». В июле 1918 г. на очередном съезде Общества ораторов (инициированном Обществом однокашников университета «Мэйдзи») Со Чхун выступил с призывом к борьбе за освобождение Кореи: «Корейский народ должен готовиться к борьбе за независимость» [1, 82].

С 1918 г. по выступлениям студентов на конференциях различных обществ прослеживается тенденция к частичной утрате доверия и надежды на помощь ведущих капиталистических государств в деле получения Кореей независимости и рост интереса к социалистическим идеям, которые, «овладев массами в России, полностью изменили эту страну» [1, 83]. В 1920 г. из проживавших в Японии 30 000 корейцев под негласным надзором японской полиции находились 212 человек, считавшихся неблагонадежными. Подавляющее большинство из них (151 чел.) были студенты. Это особенно впечатляет, учитывая, что корейских студентов в Японии в 1920 г. было всего 700 человек. Рабочих в списке неблагонадежных (по версии японской полиции) было очень мало [2, 14, 18], что говорит о слабой политизированности корейцев, трудившихся на японских фабриках и заводах (таблица).

Численность корейских иммигрантов в Японии

1913 г.	1916 г.	1917 г.	1919 г.
3635	5624	14 502	26 605

В эти данные не входит статистика корейских студентов, коих было в 1907 г. – 500 чел., в 1919 г. – 700 чел. [3, 279].

Учащаяся молодежь была авангардом антияпонского движения. По сравнению со студентами в Корее, корейские студенты в Японии были политически намного активнее. Они издавали журналы, критикующие колониальный режим в Корее, перепечатывали антияпонские материалы из прессы, издаваемой корейской диаспорой в США, Китае. 30 декабря в Токийском доме христианской молодежи состоялся съезд Общества ораторов (присутствовало 400 человек). В процессе обсуждения будущего Кореи студенты пришли к выводу о том, что «Корея должна стать независимой, а мы должны принести в жертву свои жизни для достижения этой цели» [1, 78]. 6 января 1919 г. на конференции Общества ораторов, организованной Гакуюкай, присутствующие решили, что наступило время конкретных действий для освобождения Кореи. Был избран временный «комитет действия» из 10 человек. Полиция была осведомлена о планах инсургентов и 7 января возле Дома христианской молодежи арестовала 12 студентов.

Заговорщики решили перейти на подпольный режим и создали тайное общество «Молодежь за независимость Кореи» (Тесэн сэйнен докурицудан). По поручению членов общества один из его лидеров студент Ли Гван Су в начале февраля написал проект Декларации независимости. В Декларации осуждалась аннексия Кореи: «Наш народ, чтобы добиться независимости, свободы, права на существование, будет бороться до последней капли крови. Если японские власти не пойдут навстречу справедливым требованиям корейского народа, мы объявим Японии вечную кровавую войну. Наш народ имеет древнюю историю, традиции государственной независимости. Это великий народ, внесший значительный вклад в мировую культуру. Мы требуем у мирового сообщества и у Японии реализации права на самоопределение» [1, 82]. В Декларации отчетливо ощущается влияние Октябрьской революции в России на мировоззрение авторов текста: «Россия ... ликвидировала милитаризм и строит новое государство на основе справедливости и свободы. ... После создания нового государства, ставшего первым прогрессивным и демократическим государством, построенным на принципах справедливости и свободы, у нас появилась надежда, что и наша нация сможет внести свой вклад ... в дело мира и справедливости» [4, 40]. Текст был утвержден на собрании студентов. Студентки из Общества корейских девушек провели акцию для сбора средств, было собрано 100 иен, на которые удалось отпечатать 600 экземпляров «Декларации независимости» и 1000 экземпляров «Петиции». Петиция также была выдержана в резких тонах. Японские оккупанты назывались варварами, обвинялись в жестоком обращении с корейцами, в игнорировании интересов корейского народа. Студенты требовали от

Японии предоставить Корею независимость и грозили кровавой войной против японцев, если их требования не будут удовлетворены.

Декларация независимости 5 февраля была послана из Шанхая лидерам Англии, США, Франции, 8 февраля – в газеты China press (проамериканская), North China daily news (англофильская), которые этот текст опубликовали соответственно 9 и 10 февраля. В тот же день члены «комитета действия» разослали по почте текст Декларации независимости и просьбу дать возможность корейцам созвать национальный парламент послам различных стран, министрам японского правительства, обеим палатам японского парламента. В тот же день состоялся съезд студентов, который, по мнению автора «Движения», был по существу съездом общества «Молодежь за независимость Кореи». На нем Декларация независимости была публично зачитана. Полиция разогнала собрание, арестовав 27 студентов. 12 февраля около 100 студентов колонной пошли к японскому парламенту, чтобы передать депутатам просьбу о предоставлении Корею независимости. 14 человек были арестованы полицией. 24 февраля 150 студентов собрались в парке «Хибия», чтобы обсудить вопрос о созыве съезда корейской христианской молодежи. Полиция разогнала митинг, 16 человек были арестованы.

По мнению автора книги «Корейцы в Японии, социально-политическая история», «Декларация независимости сыграла роль импульса Первоапрельского движения и оказала большое влияние на последующую борьбу за независимость. Декларация токийских студентов подвигла корейского издателя Чхве Нам Сона и других деятелей к поддержке движения за независимость» [1, 82]. Буржуазные националисты в Корею, получив текст Декларации, посчитали его слишком радикальным. Был образован комитет, который поручил Чхве Нам Сону составить более умеренный текст. 27 февраля 1919 г. в доме Чхве Рина 33 известных представителя корейского истеблишмента (предприниматели, мыслители, религиозные деятели) подписали текст, написанный им Декларации независимости.

Декларация провозглашала: «Идеи равенства всех людей на Земле священны, право наций на самоопределение не подвергается сомнению. Народ выражает великие чаяния свободной нации. Мы должны повлиять на японских политиков, стоящих на ложной позиции... придержающихся старых методов насилия» [4, 41]. Декларация была зачитана на состоявшемся 1 марта 1919 г. в сеульском парке «Пагод» митинге, массовые демонстрации, организованные региональными ячейками религиозной организации Чхондоге, охватили всю страну. Декларация независимости сыграла роль той самой искры, которая, упав на хорошо подготовленную японским колониальным гнетом почву ненависти к захватчикам, зажгла пламя Первоапрельского движения.

Японцы чувствовали себя в Корею чужими во враждебной стране и стремились подавить движение, которое носило общенациональный характер (15 тыс. демонстраций, 2 млн участников), любой ценой. По официальным японским данным, число убитых составило 553 человека и более 12 тыс. было арестовано. Советские исследователи говорят о 8 тыс. убитых и почти 16 тыс. раненых по всей стране [4, 48]. Радикально настроенные корейские студенты попытались создать традицию Первоапрельских выступлений (в Японии). Сделать их перманентно ежегодными. Назвав день 1 марта «Днем национального единства и борьбы», в 1920 г. в этот день около 50 токийских студентов собрались в Доме христианской молодежи, чтобы отметить годовщину движения. Собрание было разогнано полицией. Участники собрания перешли в парк «Хибия», где, выкрикивая лозунг «Да здравствует великая Корея», подняли корейское знамя. Полиция незамедлительно вмешалась и 57 человек были арестованы. Аналогичные акции были проведены и 1 марта 1921 г. 5 ноября 1921 г. общество Гакуюкай созвало чрезвычайный съезд, на котором делегаты приняли Декларацию независимости (в новой редакции), которая была послана на Вашингтонскую тихоокеанскую конференцию, в правительство и парламент Японии, за что пятерых студентов полиция арестовала. В апреле 1923 г. члены Гакуюкай распространяли в Токио листовки с требованием предоставления независимости Кореи. Мероприятия такого рода проводились студентами каждый год.

В 1925 г. инициаторами Первоапрельских мероприятий стало общество Итигэцукай (марксистская организация), Тесэн родо содомэй (Корейский рабочий союз), Мусан сэйнэн домэй (Союз молодых пролетариев) и Общество корейских девушек-студенток. Состав организаций-инициаторов красноречиво говорит о «полевлении» корейского студенчества в Японии (вышеупомянутые структуры практически все – порождение корейских студенческих союзов), разочаровавшихся в возможностях буржуазного национализма. В плане подготовки к митингу были отпечатаны тексты песен, воспевающие корейскую независимость, и антияпонские брошюры. Но и полиция видела растущий радикализм студентов. За 10 минут до открытия мероприятия полиция конфисковала все печатные материалы и 4 корейских флага. Первый оратор (студент-кореец из университета Васэда) заявил: «Мы гордимся этим днем, в который 6 лет назад была провозглашена наша национальная независимость». Полиция расценила это заявление как нарушение закона «Тиан идзихо» (закон о сохранении общественного порядка) и приказала собравшимся разойтись. Митинг прекратился, не успев толком начаться. Участники не собирались сдаваться и организованно перебазировались в Дом буддистской молодежи, где попытались провести митинг, который снова был разогнан полицией. После того как студенты попытались провести мероприятие на улице недалеко от храма Ясукуни дзиндзя, полиция, потеряв терпение, арестовала 124 человек [2, 52; 1, 147].

Результатом Первоапрельского движения стало изменение отношения японской интеллигенции (профессора, студенты) как к корейцам-иммигрантам, так и к самой Корею. Часть интеллектуалов, осознав неприемлемость для корейцев колониального статуса их родины, стали выступать за независимость Кореи, другие требовали остановить политику ассимиляции корейцев. Активность корейских студентов в Японии вызвала симпатию японского студенчества. Летом 1919 г. уже упоминавшийся профессор Есино Сакудзо и группа японских студентов начали встречаться с корейскими студентами, обсуждать вопросы японо-корейских от-

ношений. Есино Сакудзо считал, что если бы японским студентам предложили найти способ решения корейской проблемы, то 90% из них высказались бы за предоставление Кореи независимости или, по крайней мере, автономии [2, 23].

Поражение Первомартовского движения усилило радикализм корейского студенчества в Японии [5, 30]. Многие из них, включая одного из лидеров студенческих организаций Ли Гван су, связались с Временным правительством (Кореи) в Шанхае, которое в тот период ориентировалось на Советскую Россию [2, 25]. Среди учащейся молодежи резко возрос интерес к социалистическим идеям, что привело к созданию в их среде нескольких коммунистических организаций.

Определенная часть японского общества стала рассматривать корейцев как враждебный пришлый элемент. Японская пресса нередко печатала статьи о корейских иммигрантах, описывая их в уничижительном тоне, распространяя слухи о намерении корейцев совершить покушение на японского императора [2, 26]. Эти пиар-акции не способствовали налаживанию отношений между иммигрантами и японцами.

Опасаясь усиления «подрывной» деятельности корейских студентов, японские власти с целью деполитизировать (приручить) учащихся иммигрантов создали систему помощи корейской учащейся молодежи – стипендии, общежития, специальные организации, занимавшиеся студентами-иммигрантами (в том числе корейцами).

Список литературы

1. *Пак Кен Сик*. Корейцы в Японии. Социально-политическая история. Токио, 1979.
2. *Mitchel R.H.* The Korean Minority in Japan. Berkeley; Los Angeles, 1967.
3. *Lee Chong-Sik.* The Politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963.
4. История Кореи: В 2 т. М., 1974. Т. 2.
5. *Nim Wales, Kim San.* Song of Ariran, a Korean communist in the Chinese revolution. San Francisco, 1972.

М.С. Толмачева

Геологический колледж Саратовского государственного университета, Россия

«АБСУРД» В ПОЛИТИКЕ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖЬЮ

Данная статья посвящена проблеме восприятия «абсурдного» молодежью в рамках политического дискурса. Проведен анализ психосемантики понятия «абсурд», классификация типов понимания «абсурда», исследована зависимость доверия или недоверия к политику или политическому институту от восприятия его в качестве «абсурдного».

Ключевые слова: политика, абсурд, восприятие, доверие.

The article «“Absurdity” in the politician and its perception by youth» covers the problem of absurd perception in the political discourse by youth. The analysis of psychosemantics of concept «absurdity», classification by types of understanding of «absurdity» is carried out, dependence of trust or mistrust to the politician or political institute from its perception as «absurd» is investigated.

Key words: policy, absurdity, perception, trust.

Введение

Темой настоящего исследования является восприятие абсурдного в политике и влияние его на отношение к участникам политического процесса, в частности – на доверие и недоверие к ним у современной молодежи. Об актуальности темы говорит наличие множества политических публикаций, в которых так или иначе фигурирует слово «абсурд», начиная от вынесения его в заголовки и заканчивая маркированием того или иного события, решения или даже политика в качестве абсурдных.

Исследований, посвященных восприятию человеком абсурда (особенно в политическом контексте), существует немного. Каким образом можно исследовать абсурдное в рамках политического дискурса? Здесь могут быть несколько подходов. Первый – анализ исключительно текста (контент-анализ, анализ дискурса), исследование частотности использования слова «абсурд», контекста, в котором оно упоминается, особенности использования данного понятия в качестве политической метафоры и т.д. Однако данный подход более применим в рамках лингвистики или социологии. Второй путь – это исследование восприятия абсурдного, попытка понять, какое место данное понятие занимает в языковой картине мира субъекта, как особенности восприятия абсурдного в окружающем мире отражаются на поведении (в частности политическом) и т.д.

Материалы и методы

«Согласно европейским словарям, понятие это происходит из контаминации латинских слов *absonus* “какофонический” и *surdus* “глухой”. Фридрих Клуге считает, что это понятие «может быть возведено к общему понятию звукоподражательного слова *susurgus* “свист”» [1, 7]. В древнегреческой философии под абсурдом понималось «нечто нежелательное, связанное с противоположностью Космоса и гармонии, по сути было эквивалентно понятию Хаоса» [1, 8].

Представляется, что наибольшую разработанность проблема абсурда получила в экзистенциализме в работах А. Камю [2]. В понимании Камю, абсурд не является ни доказательством существования высших сил,

ни некоей «злой силой», которую должно победить разумом. «Абсурд, в понимании философов-экзистенциалистов, становится индексом разлада человеческого существования [...] с бытием, обозначением разрыва, именуемого экзистенциализмом “пограничной ситуацией”» [1, 9].

В логике «под абсурдом обычно понимается противоречивое выражение. [...] Абсурдным считается также выражение, которое внешне не является противоречивым, но из которого все-таки может быть выведено противоречие» [3, 7]. Философский словарь дает следующее определение: «термин интеллектуальной традиции, обозначающий нелепость, бессмысленность феномена или явления» [4, 8]. В толковом словаре Ушакова абсурд определяется как «*нелепость, бессмыслица*» [5, 10].

Задачей данного исследования является выявление особенностей восприятия понятия «абсурд» у молодежи, а также зависимость доверия политикам от восприятия их в качестве абсурдных. Объектом исследования стали 46 студентов 1-го и 2-го курсов Саратовского государственного университета (возраст испытуемых – от 17 до 19 лет). Использовались следующие методики: семантический дифференциал Осгуда, подбор к слову «абсурд» определений, синонимов и антонимов. Помимо этого, использовалась специально составленная анкета, выявляющая отношение к политической действительности современной России.

Результаты

Все полученные определения абсурда можно условно разделить на четыре группы. К первой группе были отнесены определения, делающие основной акцент на «логическом» аспекте абсурда (18 человек, 39% испытуемых). Сюда относятся такие определения, как «бессмысленное», «противоречащее здравому смыслу» и т.д. Для удобства изложения данная группа будет называться «логическая». Вторая группа – «коммуникативная» (6 человек, 13% испытуемых) – давали определения типа «неправдоподобное объяснение», «противоречие в словах, произнесенных людьми». Здесь основное внимание испытуемых было привлечено вызываемыми абсурдом коммуникативными неудачами. Третья группа определений была названа «негативно-оценочной» (14 человек, 30%). В нее попали такие определения, как «бред», «чушь» и т.д. Вынесение данной группы является спорным, возможно, полученные определения можно отнести к «коммуникативной» группе, однако данные респондентами определения несут экспрессивную нагрузку. В последнюю группу попали респонденты, которые относили абсурд к характеристике определенного действия (нелепое поведение, нелепые поступки и т.д.) (8 человек, 18%). Данная группа получила условное название «деятельностной».

В результате обработки семантического дифференциала Осгуда была получена следующая картина: по фактору «Сила» максимальное количество баллов понятие «абсурд» имеет в «негативно-оценочной» и «коммуникативной» группах, в то время как по другим показателям («Активность» и «Оценка») существенных отличий не наблюдается.

В «логической» группе как наиболее абсурдные оценивались: правоохранительные органы, СМИ, политические партии и региональное правительство. Максимум доверия получила Российская армия. При этом максимум недоверия у правоохранительных органов, политических партий, судебной системы (которая получила минимальный балл по абсурдности), региональные правительства. Можно сказать, что в указанной группе имеется тенденция не доверять тем организациям, которые оцениваются в качестве абсурдных.

В «негативно-оценочной» группе максимальные баллы по абсурдности получили СМИ и региональное правительство. По параметру «недоверие» лидируют политические партии, судебная система и региональное правительство. Следует отметить, что в данной группе отмечается большая степень недоверия к акторам политического процесса в целом.

В «коммуникативной» группе доверие и недоверие СМИ примерно равны, однако СМИ, в отличие от предыдущих групп, имеют один из минимальных баллов по степени абсурдности. В целом тут не наблюдается каких-либо существенных перевесов в сторону того или иного института ни по одной из категорий.

В «деятельностной» группе максимальное количество испытуемых оценивают в качестве «абсурдного» региональное правительство, однако к нему же проявлено максимальное доверие. Та же самая картина наблюдается при оценке Российской армии.

При оценке политических деятелей были получены результаты, представленные на рис. 1–4 (ось x – порядковый номер политика в оцениваемом списке, ось y – количество испытуемых, отнесших его к одной из трех групп).

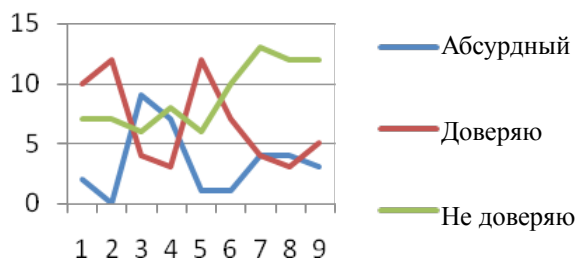

Рис. 1. «Логическая» группа

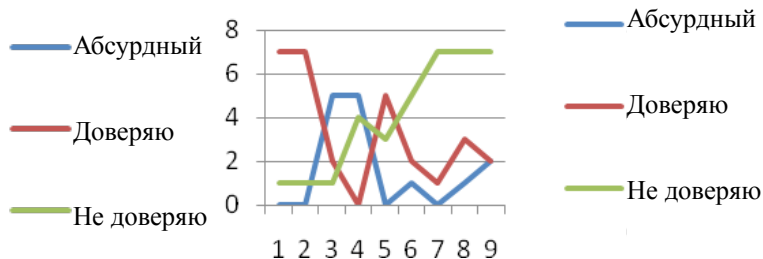

Рис. 2. «Деятельностная» группа

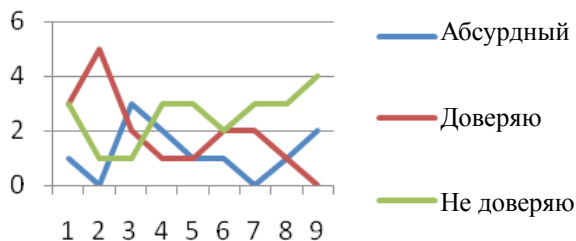

Рис. 3. «Коммуникативная» группа

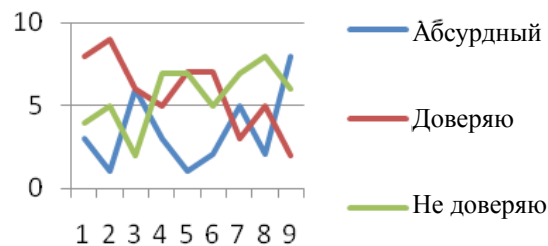

Рис. 4. «Негативно-оценочная» группа

Выводы

Можно сделать вывод, что доверие к политику или политическому институту зависит от восприятия его в качестве абсурдного (на рис. 1–4 в ряде случаев пик по шкале «абсурдность» соответствует пику по «недоверию» и наоборот). Однако такое наблюдается не во всех случаях. Это может быть связано с более дифференцированным восприятием определенных политических реалий; с различной степенью значимости той или иной сферы в жизни человека.

Таким образом, не существует единого, общепринятого понимания абсурда, на первый план выходит тот или иной аспект данного понятия (абсурд как нарушение логики, абсурд как помеха или провал в коммуникации, абсурд как нарушение деятельности или абсурд как негативно-оценочное понятие).

Восприятие политического деятеля или института в качестве абсурдного влияет на проявление к нему доверия или недоверия, то есть чем более абсурден политик/институт, тем больше вероятность того, что к нему будет проявлено недоверие (отношения обратной зависимости).

Список литературы

1. Буренина О. Что такое абсурд, или по следам Мартина Эсслина. Абсурд и вокруг: Сб. ст. / Отв. ред. О. Буренина. М., 2004.
2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. [Электронный ресурс]. URL: www.psylib.ru.
3. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь логики. М., 1998.
4. Философский словарь. М., 2010.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ban E.* PhD. Candidate, Child Right Protection, România
- Morcan O.A.* Social Worker, The Western University of „Vasile Goldiș”, Faculty of Social Work, from Arad, România, PhD. Candidate
- Štefančík R.* PhD, MPol, PhD, Lehrstuhl für Politikwissenschaft, Philosophische Fakultät, St. Cyril und Methodius Universität Trnava, Slowakische Republik
- Абалтусова Л.А.* преподаватель, Армавирский филиал Кубанского государственного университета, Россия, кандидат социологических наук
- Абрахманов Д.М.* доцент, зам. директора по научной работе, Институт гуманитарных исследований АН Республики Башкортостан, Россия, кандидат философских наук
- Аникин Д.А.* доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет, Россия, кандидат философских наук
- Антонова Т.А.* научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, Минск, аспирант
- Бабосова Е.С.* научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, Минск, кандидат социологических наук
- Баева Л.В.* доцент, декан факультета социальных коммуникаций, зав. кафедрой философии, Астраханский государственный университет, Россия, доктор философских наук
- Батарчук Д.С.* доцент кафедры социальной педагогики и психологии, Астраханский государственный университет, Россия, кандидат педагогических наук
- Берегова И.Л.* преподаватель кафедры психологии, Шуйский государственный педагогический университет, Россия, кандидат педагогических наук
- Бессчетнова О.В.* доцент кафедры социальной работы, Балашовский институт (филиал) Саратовский государственный университет, Россия, кандидат социологических наук
- Бугров А.С.* преподаватель, Уральский железнодорожный техникум, Екатеринбург, Россия, кандидат педагогических наук
- Вандышева Л.В.* доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Самарский государственный университет, Россия, кандидат педагогических наук
- Вартанян К.О.* доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Самарский государственный университет, Россия, кандидат фармацевтических наук
- Веселова В.С.* начальник отдела научно-исследовательской работы сотрудников и студентов, Волжский государственный инженерно-педагогический университет, Нижний Новгород, Россия, кандидат философских наук
- Власова Е.Н.* доцент, директор Медико-психолого-социального института, Хакассский государственный университет, Абакан, Россия, кандидат педагогических наук
- Вучева В.В.* доцент кафедры спортивных игр, Ставропольский государственный университет, Россия, кандидат педагогических наук
- Гайдукова Е.А.* ассистент кафедры социологии и психологии управления, Государственный университет управления, Москва, Россия, аспирант
- Гайкин В.А.* старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, кандидат исторических наук
- Гаранина Ж.Г.* доцент кафедры общей психологии, Мордовский государственный университет, Саранск, Россия, кандидат психологических наук
- Герасимова И.Л.* педагог дополнительного образования высшей квалификационной категории, Дворец творчества детей и молодежи Республики Марий Эл, Россия
- Гилевская Л.П.* младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, Минск, аспирант
- Глухова М.Ф.* зам. директора Центра воспитательной и социально-психологической работы Московский городской университет управления Правительства Москвы, Россия, кандидат педагогических наук
- Гончарова О.А.* старший преподаватель, Мелитопольский государственный педагогический университет, Украина, кандидат педагогических наук

- Горбачева Н.Б.* зав. лабораторией, старший преподаватель кафедры социологии, Тольяттинский государственный университет, Россия
- Горбунова М.Ю.* докторант кафедры социологии и связей с общественностью, Саратовский государственный социально-экономический университет, Россия, кандидат социологических наук
- Грицай Л.А.* ассистент кафедры социальной психологии и социальной работы, Рязанский государственный университет, Россия, кандидат педагогических наук
- Гришечкина Н.В.* доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет, Россия, кандидат философских наук
- Грошев И.Л.* доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия, кандидат социологических наук
- Грошева И.А.* доцент, зав. кафедрой философии, истории и социологии, Тюменская государственная академия мировой экономики управления и права, Россия, кандидат социологических наук
- Грошева Л.И.* студентка, Институт менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия
- Гуцина Т.Н.* доцент кафедры общей педагогики и психологии, Институт развития образования, Ярославль, Россия, кандидат педагогических наук
- Дагаева Е.А.* доцент кафедры рекламы, Таганрогский институт управления и экономики, Россия, кандидат социологических наук
- Данилов С.А.* доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет, Россия, кандидат философских наук
- Демидова А.В.* доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь, кандидат социологических наук
- Дервянко О.И.* преподаватель кафедры социальной психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск
- Долотова А.А.* студент, Сибирский государственный медицинский университет Росздрава, Томск, Россия
- Дрожжина Е.Е.* начальник управления по учебно-воспитательной работе, Волгоградский государственный университет, Россия
- Дудина И.А.* доцент кафедры профессиональной иноязычной коммуникации, Волгоградский государственный университет, Россия, кандидат экономических наук
- Ермолаева Е.В.* ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет, Россия, кандидат философских наук
- Ефимович Е.В.* доцент кафедры политологии и права, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, кандидат исторических наук
- Железнякова С.И.* доцент кафедры философских наук, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Россия, кандидат социологических наук
- Зарайченко В.Е.* доцент кафедры философии и методологии науки, Северо-Кавказская академия государственной службы, Ростов-на-Дону, Россия, кандидат педагогических наук
- Золотухин С.А.* доцент английского отделения, Казахский экономический университет, Алматы, кандидат социологических наук
- Иванов А.В.* старший преподаватель, Саратовский государственный университет, Россия, кандидат философских наук
- Исанбаева С.Д.* преподаватель, Кумертауский филиал Оренбургского государственного университета, Россия, кандидат философских наук
- Каминская О.В.* доцент кафедры социальной работы, Открытый международный университет развития личности «Украина», Ровно, кандидат психологических наук
- Капустина З.Я.* зав. научно-исследовательской лабораторией социокультурных проблем детства, Новгородский государственный университет, Россия, доктор культурологии
- Карпицкий Н.Н.* профессор кафедры философии, Сибирский государственный университет Росздрава, доктор философских наук

- Киселева Е.Ю.* аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия
- Кобцева М.А.* ассистент кафедры истории и гуманитарных наук, Сибирский государственный аэрокосмический университет, Россия, аспирант
- Ковшова И.В.* доцент кафедры философии, Саратовский государственный технический университет, Россия, кандидат философских наук
- Козина Е.С.* доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия, кандидат социологических наук
- Константинова Е.В.* доцент кафедры социальной работы факультета политологии и социологии, Уральский государственный университет, Екатеринбург, Россия, кандидат социологических наук
- Кострикин А.В.* старший преподаватель кафедры социальной работы и социальных технологий, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия, кандидат наук
- Крумлик С.Ю.* ассистент кафедры «Финансы и кредит», Кузбасский государственный технический университет, Россия, аспирант
- Кузнецова Р.Х.* доцент кафедры социальной педагогики и психологии, Астраханский государственный университет, Россия, кандидат педагогических наук
- Кузьменко Т.В.* старший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, кандидат социологических наук
- Куконков П.И.* старший научный сотрудник, Институт социологии РАН, Нижний Новгород, кандидат социологических наук
- Кулакова М.В.* аспирант, Хакассский государственный университет, Абакан, Россия
- Курочкина Е.Н.* ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет, Россия, кандидат медицинских наук
- Кутырева И.В.* ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет, Россия, аспирант
- Лашук И.В.* заведующий сектором культурных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, Минск, кандидат социологических наук
- Левикова С.И.* профессор кафедры философии, Московский государственный педагогический университет, Россия, доктор философских наук
- Левченко Е.С.* доцент кафедры спортивных игр, Ставропольский государственный университет, Россия, кандидат педагогических наук
- Лисина А.С.* преподаватель-стажер, Мелитопольский государственный педагогический университет, Украина
- Лукашова О.Г.* научный сотрудник сектора социологии инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, Минск
- Мантикова А.В.* аспирант, Медико-психолого-социального институт Хакаского государственного университета, Абакан, Россия
- Махинин А.Н.* аспирант, Воронежский государственный педагогический университет, Россия
- Машихина Т.П.* доцент, Волгоградский институт бизнеса, Россия, кандидат политических наук
- Миронец Е.В.* доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и регионоведения, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар, Россия, кандидат социологических наук
- Михайличенко Д.Г.* старший преподаватель, Уфимский филиал Столичной финансово-гуманитарной академии, Россия, кандидат философских наук
- Михеева Н.Н.* доцент кафедры экономической теории, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия, кандидат экономических наук
- Миронова Е.А.* доцент кафедры теории и технологии социальной работы, кандидат социологических наук, Самарский государственный университет, Россия
- Мухамедова З.М.* профессор, Ташкентская медицинская академия, Таджикистан, доктор философских наук

- Науменко Н.В.* доцент кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет), Россия, кандидат философских наук
- Нечепух Е.П.* доцент кафедры психологии и педагогики, Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, кандидат психологических наук
- Новоселова Л.А.* педагог дополнительного образования высшей квалификационной категории, Дворец творчества детей и молодежи Республики Марий Эл, Россия
- Орлов М.И.* заместитель министра образования Саратовской области, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет, Россия
- Орлов М.О.* доцент кафедры религиоведения и философской антропологии, Саратовский государственный университет, Россия, доктор философских наук
- Охотина Н.М.* доцент кафедры социальных наук и технологий, Марийский государственный университет, Россия, кандидат исторических наук
- Павлова С.В.* бакалавр социологии, магистрант, Тульский государственный университет, Россия
- Палховская Е.Б.* научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси, Минск, кандидат социологических наук
- Папченко Е.В.* доцент кафедры философии, Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог, Россия, кандидат философских наук
- Пескова Д.Р.* доцент кафедры экономической теории и экономической политики; председатель Совета молодых ученых академии, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, Уфа, Россия, кандидат экономических наук
- Петров В.Е.* аспирант кафедры истории философии и логики, Новгородского государственного университета, Россия
- Плотникова Е.В.* доцент, зав. кафедрой педагогической антропологии, Институт развития образования, Екатеринбург, Россия, кандидат философских наук
- Полежаев Д.В.* доцент, зав. кафедрой общественных наук, Волгоградская государственная академия повышения квалификации и переподготовки работников образования, Россия, кандидат философских наук
- Поливаева Н.П.* доцент, зав. кафедрой философии и истории, Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Россия, доктор политических наук
- Полякова О.В.* аспирант кафедры менеджмента и бизнеса, старший преподаватель, Марийский государственный технический университет, Йошкар-Ола, Россия
- Попова Л.В.* доцент кафедры социологии и психологии управления, Государственный университет управления, Москва, Россия, кандидат социологических наук
- Почтарева Е.Ю.* старший преподаватель, Институт развития образования, Екатеринбург, Россия
- Пучков А.С.* аспирант, Ставропольский государственный университет, Россия
- Риндик А.М.* магистр международной экономики, Межрегиональное исследовательское объединение «Перпетум мобиле», Львов, Украина
- Рогачева Ю.Б.* преподаватель социальной педагогики, руководитель методического объединения психолого-педагогических дисциплин и практики, Омский педагогический колледж № 1, Россия, кандидат педагогических наук
- Ростова А.В.* доцент, Тольяттинский государственный университет, Россия, кандидат социологических наук
- Рыбчак С.В.* научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, Минск, кандидат социологических наук
- Сажина Л.В.* профессор, Южный федеральный университет, педагогический институт, Ростов-на-Дону, Россия, доктор социологических наук
- Сапегин К.В.* Институт развития образования, Ярославль, Россия, кандидат искусствоведения
- Семенов Д.В.* старший преподаватель кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия, кандидат философских наук

- Сериков А.В.* зав. сектором социологии конфликта, Южнороссийский филиал Института социологии РАН, Ростов-на-Дону, Россия, кандидат социологических наук
- Снегирёва М.В.* доцент кафедры правового и документационного обеспечения, Институт социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург, кандидат педагогических наук
- Соколова Д.М.* аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет, Россия
- Соловьева С.В.* доцент, зав. кафедрой методологии и методики образования детей с ограниченными возможностями здоровья, Институт развития образования, Екатеринбург, Россия, кандидат педагогических наук
- Степанова О.А.* ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт развития профессионального образования, Москва, Россия, кандидат педагогических наук
- Тарасов В.С.* старший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, Минск, кандидат философских наук
- Темникова И.С.* старший преподаватель кафедры общих и математических дисциплин, Балтийский институт экологии, политики и права (филиал), Мурманск, Россия
- Тимченко Н.С.* доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия, доктор социологических наук
- Толмачева М.С.* психолог, Геологический колледж Саратовского государственного университета, Россия
- Толстокорова А.В.* директор Межрегионального исследовательского объединения «Перпетум мобиле», Львов, Украина, кандидат филологических наук
- Трафимчик Ж.И.* аспирант, Белорусский государственный университет, Минск
- Фадеев Д.В.* председатель Комитета по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи Саратовской областной думы, Россия
- Фахрутдинова Э.Р.* аспирант, Саратовский государственный университет, Россия
- Филимонова О.Ф.* профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет, Россия, доктор философских наук
- Филипова А.Г.* доцент кафедры социальной работы, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Россия, кандидат исторических наук
- Фролова С.М.* доцент кафедры философии, Поволжская академия государственной службы, Саратов, Россия, кандидат философских наук
- Хазанов И.Я.* преподаватель, Курганский педагогический колледж, Россия, кандидат педагогических наук
- Халиуллина М.С.* старший преподаватель кафедры журналистики, Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, аспирант
- Хамутовская С.В.* научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, Минск
- Харченко Е.В.* ассистент кафедры акушерства и гинекологии, Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия, кандидат медицинских наук
- Хатулев В.В.* магистрант, Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия
- Хребтан Л.В.* студентка 5-го курса, факультет психологии, педагогики и права, Столичная финансово-гуманитарная академия (филиал), Владимир, Россия
- Хурыз И.П.* доцент, зав. кафедрой прикладной лингвистики и новых информационных технологий, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, доктор филологических наук
- Цымбалюк И.Н.* профессор, Ровенский государственный гуманитарный университет, Украина, кандидат педагогических наук
- Черкасова Ю.Ю.* доцент кафедры социологии, истории, политологии, Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог, Россия, кандидат философских наук
- Чечулина С.Н.* доцент, зав. кафедрой философии и управления образованием, Институт развития образования, Екатеринбург, Россия, кандидат социологических наук
- Шагова К.И.* аспирант, Российский государственный социальный университет, Москва

- Шевчук Н.Ф.* преподаватель, Ровенский институт Открытого международного университета развития личности «Украина»
- Шелемехова М.С.* ведущий научный сотрудник, Институт развития образовательных систем Российской академии образования, Томск, Россия, кандидат психологических наук
- Шерстнева Т.К.* старший преподаватель кафедры психолого-педагогического образования, Томский государственный педагогический университет, Россия
- Шклярлик В.Г.* аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, Минск
- Штраус В.А.* доцент, зав. кафедрой психологии, педагогики и права, Столичная финансово-гуманитарная академия (филиал), Владимир, Россия, кандидат психологических наук
- Шушунова Т.Н.* доцент кафедры политологии и права, Белорусский государственный педагогический университет, Минск, кандидат социологических наук
- Яковлев А.Ю.* советник директора, Московский радиотехнический институт РАН, Россия, кандидат политических наук
- Яковлев Л.С.* профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения, Поволжская академия государственной службы имени, Саратов, Россия, доктор социологических наук
- Яковлева И.П.* доцент кафедры социологии и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия, кандидат исторических наук

Научное издание

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

Сборник трудов
Международной научно-практической конференции

Под редакцией профессора *В.Н. Белова*

Редакторы *Е.А. Митенёва, Е.Б. Крылова*
Технический редактор *Л.В. Агальцова*
Корректор *Ю.И. Астахова*
Оригинал-макет подготовила *Н.И. Степанова*

Подписано в печать 17.11.2010. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,5 (50). Уч.-изд. л. 58,9. Тираж 150 экз. Заказ 109.

Издательство Саратовского университета. 410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Издательства Саратовского университета. 410012, Саратов, Астраханская, 83.